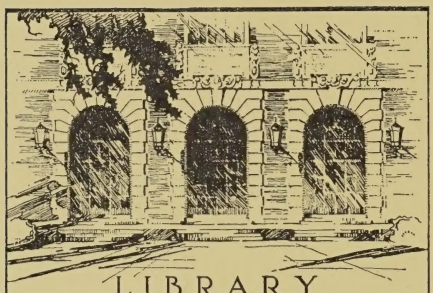
15-Imp 3



LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

057
RUO
v.2:3
My-Je

Д/54/53446

РУССКОЕ

ОБОЗРѢНІЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ И НАУЧНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

1891.

МАЙ.

Москва.

Университетская типографія, Страстной бульваръ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Стр.

I. РАЗБОЙНИЦА ОРЛИХА. Романъ въ трехъ частяхъ. Гл. IV—VII. (Часть вторая.) **Е. Л. Маркова**..... 5

II. ОКТАВЪ ФЕЛЬЕ. (Литературный очеркъ.) **К. Ѳ. Головина**. 57

III. КЛАССИЦИЗМЪ, КАКЪ НЕОБХОДИМАЯ ОСНОВА ГИМНАЗИЧЕСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ. Гл. V. **Гр. П. А. Капниста**..... 84

IV. СТИХОТВОРЕНІЕ. **А. А. Фета**..... 142

V. ЕЩЕ ОДНА СКАЗКА АНДЕРСЕНА. **Ю. Н. Щербачева**. 143

VI. ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ КОРОНДѢЕВЪ. Быль. **Ольги N.**. 181

VII. ВЕТХОЗАВѢТНЫЙ ХРАМЪ. Гл. II—III. *(Окончаніе.)* **М. П. Соловьева**..... 197

VIII. ДОМОЙ ИЗЪ ИНДІИ. (Впечатлѣнія путешествія.) **Вѣры Джонстонъ**..... 245

IX. О СНОШЕНІЯХЪ РОССІИ СЪ ФРАНЦІЕЙ. Гл. XVII—XVIII. **П. В. Безобразова**..... 279

X. ЭТИКА ВЪ ЗООЛОГІИ. Гл. I—III. **Н. П. Вагнера**..... 314

XI. МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. **Н. Д. Кашкина**..... 346

XII. ПИСЬМА ИЗЪ ПАРИЖА. (Спеціальная корреспонденція.) Письмо V. **Г. Вельшингера**..... 350

XIII. ПИСЬМА ИЗЪ ЛОНДОНА. (Спеціальная корреспонденція.) Письмо V. **В. Т. Стэда**..... 374

XIV. ТЕКУЩІЕ ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ. V. Японская цивилизація. **Spectator**..... 385

XV. СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ. Въѣздъ въ Москву Великаго Князя Сергія Александровича.—Присоединеніе къ православію Великой Княгини Елисаветы Ѳеодоровны.—Кончина Великой Княгини Ольги Ѳеодоровны и Великаго Князя Николая Николаевича.—Покушеніе на жизнь Наслѣдника Цесаревича.—Французская выставка въ Москвѣ.—Двадцатипятилѣтіе дѣйствій судебныхъ учрежденій Императора Александра II.—1 мая.—По поводу статьи г. С. Васильева.—Къ вопросу о Евреяхъ..... 394

XVI. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ. **Л. Н. Воронова**..... 420

XVII. КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ:

1) *Н. В. Гоголь и С. Т. Аксаковъ.* (Къ исторіи литературныхъ вліяній). **Валеріана Майкова**..... 438

2) *Творенія отцовъ Церкви въ древне-русской письменности. Извлеченія изъ рукописей и опыты историко-литературныхъ изученій.* А. С. Архангельскаго. Казань. 1890. Вып. I—II, стр. 203 + вып. III, стр. 118 + вып. IV, стр. 228 = 543, стр. Цѣна—?.. **Н. Н. Глубоковскаго**..... 456

3) *Свободная торговля и покровительственная система въ Россіи.* Докладъ Московскому Отдѣленію Общества для Содѣйствія Русской Промышленности и Торговлѣ. Л. В. Москва, 1891, стр. 1—80. **А. А. Борзенко**..... 460

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

РУССКОЕ

ОБОЗРѢНІЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ и НАУЧНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

МАЙ.—Іюнь

БИБЛІОТЕКА
АЛЕКСАНДРОВСКОЙ
ЮРИД. АКАДЕМІИ
ШИФРА 63702

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ
1891.

057
RUO
v. 2
My - Je

РАЗБОЙНИЦА ОРЛИХА.

(Изъ мѣстныхъ преданій XVIII вѣка.)

РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Тайна Алёны.

Долго спалъ Алексѣй, какъ мертвый, безъ грёзъ и сновидѣній; но мало-по-малу ему начинаетъ представляться все ярче и осязательнѣе какой-то странный, сладострастный сонъ; не понимаетъ онъ и силится отгадать, что это такое—взаправду ли сонъ, или дѣйствительность... Въ этомъ тревожномъ сомнѣніи, съ трудомъ и неохотно просыпается онъ и протираетъ глаза.

— Что это? Алексѣй опять сообразить не можетъ. Онъ лежитъ въ объятіяхъ женщины, покрывающей его жаркими поцѣлуями... Кажется это ужь не сонъ... онъ слышитъ ея прерывающійся страстный шопотъ.

Алексѣю только-что грезилось, что онъ въ комнатѣ своей Кати, обнимаетъ ея колѣна и осыпаетъ ихъ поцѣлуями...

— Такъ это Катя? мерещится ему съ просонья одуряюще-радостная мысль.

Но онъ сейчасъ же чувствуетъ, что это безсмысленная, невозможная мечта, что не Катины нѣжныя и стыдливыя руки обнимаютъ его, не Катины цѣломудренныя уста впиваются пламенемъ въ его губы, разливая по всему его тѣлу заразительный ядъ...

— Алёна Васильевна! изумленно вскрикнулъ онъ, вдругъ разслышавъ ея голосъ въ безумномъ шопотѣ ласкъ...

Она не отвѣчала и сожигала его своими огненными поцѣлуями.

Молодая кровь пожаромъ поднялась въ жилахъ Алексѣя; любовный чадъ затуманилъ его голову.

Но мысль о Катѣ, которую онъ только-что ласкалъ въ своихъ грёзахъ, вдругъ, какъ молнія, пробѣжала по немъ, и онъ, вздрогнувъ отъ испуга, грубо оттолкнулъ отъ себя Алёну и вскочилъ съ подушки...

— Алёна Васильевна... Уйдите отсюда... я люблю другую... прошепталъ онъ, стиснувъ зубы, въ мучительной борьбѣ съ самимъ собою...

— Не вспоминай ее!.. Люби меня... забудь обо всемъ... умоляюще шептала Алёна, удерживая его въ своихъ объятіяхъ?..— Ты видишь, всю себя отдаю... какъ рабыня къ тебѣ пришла...

— Уйдите, ради Бога!.. Я не могу васъ любить... Мое сердце отдано другой... слабымъ голосомъ повторялъ Алексѣй.

— Я знаю, знаю... страстнымъ шопотомъ отвѣчала Алёна,— но я хочу отнять тебя у нея... Ты долженъ меня любить, а не ее... ты долженъ мнѣ принадлежать, а никому другому... Я утоплю тебя въ своей любви... сожгу тебя своими поцѣлуями... Ты весь свѣтъ забудешь въ ласкахъ моихъ...

Она опять жадно привлекала его къ себѣ, искала его губъ своими губами, безумно цѣловала ему руки и ноги.

— Ты демонъ-соблазнитель... Уйди отъ меня, заклинаю тебя... Ради всего, что̀ свято тебѣ... умолялъ ее Алексѣй.

Онъ чувствовалъ, какимъ кипучимъ ключомъ стучала кровь въ его сердцѣ и какъ трудно было ему устоять противъ одуряющихъ чаръ этого страстно прижимавшагося къ нему прекраснаго тѣла.

Она не выпускала его.

— Ты мой... Ни чей, какъ мой... шептала она въ безуміи.— Чѣмъ я хуже Кати твоей?.. она не можетъ любить тебя такъ, какъ я люблю, забудь ее, постылую, хоть на эту ночь! съ мольбой и гнѣвомъ закончила она.

Имя Кати, произнесенное и оскорбленное ея соперницей,— ударило какъ ножомъ въ сердце Алексѣя. Полный негодованія, онъ рѣзкимъ движеніемъ высвободился изъ объятій Алёны.

— Не произноси здѣсь это имя! гнѣвно крикнулъ онъ.—Не

въ твоихъ устахъ мѣсто ему... Я ей останусь до смерти вѣренъ, и презираю твои соблазны!.. Прочь отъ меня!..

Алёна охватила его ноги и горячо стала цѣловать ихъ.

— Прости меня! Не гнѣвайся... Я никогда больше не помяну ея имени... Клянусь тебѣ всѣмъ! покорно шептала она, валяясь у его ногъ. — Только не уходи отъ меня... Полюби меня, какъ я тебя люблю... Дай мнѣ хоть часъ радости... Я столько ждала тебя и мучилась по тебѣ...

— Пусти, пусти... Насильно что ли хочешь ты вырвать мою любовь? гнѣвно отвѣчалъ Алексѣй.—Постыдись хоть себя самой.

— Я не стыжусь ничего... Я все забыла, и стыдъ женскій, и гордость свою... Только любви твоей хочу... Безъ тебя не хочетъ жить душа... съ отчаяніемъ сказала Алёна, не выпуская его ногъ и не подымаясь съ пола... Видишь, гдѣ я... Растопчи меня... Презирай меня... Только отдайся мнѣ, только полюби...

— Я не умѣю любить по заказу, Алёна Васильевна, образумься, прошу тебя, и оставь меня... Развѣ воленъ человѣкъ въ своемъ сердцѣ? усовѣщевалъ ее Алексѣй.

— Нѣтъ, не сердце твое противится... А змѣя подколодная заползла въ твою душу... Это она, ненавистница, отворачиваетъ тебя отъ меня...

— Не смѣй говорить о ней... Я ужь сказалъ тебѣ... Какъ буду теперь вѣрить твоимъ клятвамъ?..

— Я не буду... прости... Не уходи только... Зачѣмъ бѣжишь и куда?.. Кругомъ метель и сугробы снѣга, ночь темная... На сто верстъ души живой нѣтъ... Мы одни съ тобою, какъ въ пустынѣ... Будемъ жить вмѣстѣ... не уходи... весело скоротаемъ вдвоемъ долгую ночку!.. Иди-жь сюда, Алёша, мой милый, на грудь мою бѣлую... Иди, иди скорѣе... Въ томленіи страсти, совсѣмъ въ забытьи, шептала Алёна...

— Этому никогда не бывать... слышишь ли, никогда! Ты только напрасно мучаешь и себя, и меня... Вѣдь и я тоже человѣкъ... Пощади же и ты меня... Уйди, ради Христа...

— Иди, иди ко мнѣ, Алёша... ничего не слушая, какъ во снѣ, продолжала его звать Алёна.

Слова ея слышались все безсвязнѣе и безвучнѣе... Какъ будто внутренній огонь расплавлялъ всѣ суставы ея, и она лежала теперь на постели, безпорядочно разбросавшись, закинувъ надъ головой свои горячія, обезсилѣвшія руки...

Голова давно уже мутилась у Алексѣя. Все существо его словно

переламывалось пополамъ отъ какой-то непостижимой внутренней муки... Его неудержимо манило броситься, зажмуривъ глаза, въ сладкій и жуткій омутъ, надъ которымъ онъ стоялъ въ томительной нерѣшимости. Но онъ призывалъ себѣ на помощь имя своей Кати, и воспоминаніе о ней, какъ крыло Ангела Хранителя, вѣяло на него чѣмъ-то чистымъ и свѣтлымъ, и вдохновляло его на новую борьбу.

— Нѣтъ, ты демонъ, а не женщина! Нужно спасаться отъ тебя!.. безнадежно воскрикнулъ, наконецъ, Алексѣй, стремительно бросаясь къ двери.

Раздѣтый онъ выбѣжалъ въ холодныя сѣни и отворилъ настежь дверь въ черную пучину зимней ночи... Порывы метели охватили его голову и словно привели его въ чувство...

А Алёна, съ судорожно стиснутыми отъ гнѣва зубами, широко раскрывъ свои изумленные глаза, въ безсильной мукѣ ломая пальцы, лежала, попрежнему, разметавшись своимъ жаркимъ тѣломъ, неподвижная, убитая, осрамленная, неслышно глотая душившія ее слезы горькой обиды.

На другой день Алёна совсѣмъ не показалась въ избу. Она пролежала цѣлый день съ мучительною головною болью въ своей чисто убранной землянкѣ, изъ которой былъ потайной подземный ходъ въ мазанку, черезъ маленькую дверочку въ печи. Ей казалось, что черепъ ея растреснется на части. Гнѣвъ и стыдъ давили ея душу. Она не прикоснулась ни къ чаю, ни къ обѣду, который ей готовила Калмычка, жена Бурунчи. Алёна, обыковенно рѣшительная и быстрая, не могла теперь ни на чемъ остановить мыслей своихъ. Первое время ей неудержимо хотѣлось сдѣлать надъ Алексѣемъ что-нибудь такое, чтобы на цѣлый вѣкъ оставило ему память объ этой мучительной для нея ночи... Мысли одна другой злѣе, одна другой безжалостнѣе, толпились въ ея горячешномъ мозгу. Она не велѣла носить къ Алексѣю ничего, даже куска хлѣба и кружки воды... Къ вечеру она еще надумалась и приказала Бурунчѣ покрѣпче связать Алексѣю руки и ноги и запереть на замокъ дверь... Ему даже огня не подавали и онъ лежалъ на своей кучкѣ сѣна, какъ настоящій колодникъ въ тюрьмѣ...

А Алёнѣ все было мало, и ея больная голова цѣлый день перевертывала на разные лады, чѣмъ бы больнѣе и обиднѣе

отплатить за смертельное оскорбленіе этому безчувственному баричу, предъ которымъ она такъ низко и такъ напрасно пала...

— Подожди, щенокъ! думала она сама съ собою въ безмолвномъ бѣшенствѣ.—Ради тебя щадила я до сихъ поръ твоего стараго пса и все его гнѣздо проклятое... Теперь безъ жалости разорю его совсѣмъ съ его корнями нечистыми. И тебя еще заставлю смотрѣть, какъ будетъ мотаться на осинѣ батюшка твой... Самъ захотѣлъ, никого не вини!.. Обиду твою до Страшнаго Суда не забуду...

Потомъ и этотъ планъ казался ей слишкомъ слабымъ. Это еще не Богъ знаетъ какая мука для барченка. Можетъ ему и не жаль будетъ отца. Этого звѣря и въ семьѣ ненавидятъ. А вотъ еслибы зазнобушку его сейчасъ сюда залучить... Послать десятокъ, другой ловкихъ молодцовъ, чтобы мигомъ спроворили... Да на глазахъ его отдать ее Калмыку въ наложницы, пускай тѣшится надъ нею! Вотъ тогда бы онъ восчувствовалъ... Вотъ тогда бы я за посмѣянье его отплатила ему до послѣдней полушечки... Поуродничала бы и я надъ нимъ, какъ онъ надо мной нонче уродничалъ...

Эта мысль такъ увлекла Алёну, что она уже подобрала въ умѣ всѣхъ ребятъ, которые бы годились для такой удалой шутки.

— То-то страху бы нагнала на всѣхъ баръ! злорадно мечталось ей.—Трегубова боярина сына выкрала на всемъ честномъ народѣ, а у князя Солово-Чембурова, вельможи царскаго, дочку единственную, что онъ, какъ зѣницу ока, бережетъ... Вотъ такъ пройдетъ слава про Орлиху... До самаго Питера, до царицы самой прокатится... Теперь ужь поздно затѣвать, а завтра чуть свѣтъ Бурунчу въ Темный лѣсъ снаряжу, пускай соберетъ ребятъ какихъ прикажу... Налетятъ мои орлы, самаго дорогаго баранчика изъ стада выхватятъ!... А сюда недолго домчать... Подставы велѣть для скорости выставить... Живо она здѣсь очутится... Отляжетъ тогда у меня съ душеньки... А то смерть чистая... Хоть сейчасъ въ гробъ ложись...

До глубокой ночи лихорадочно обдумывала Алёна всѣ ухищренныя подробности своей жестокой мести и заранѣе предвкушала злобную радость, представляя себѣ безсильное отчаяніе Алексѣя.

Она и уснула незамѣтно въ этихъ помыслахъ злобы, позабывъ даже встать помолиться, какъ она дѣлала это ежедневно. Въ полночь ей приснился страшный сонъ. Какое-то черное лохматое

чудовище, котораго и разглядѣть было нельзя, навалилось ей на грудь и злобно душило ее, изрыгая огонь изъ окровавленной пасти... Алёнѣ казалось, что она уже хрипитъ въ предсмертныхъ судорогахъ, что дыханіе ея сейчасъ прервется подъ чугунною тяжестью, придавившею ей грудь... Въ ужасѣ она вскрикнула и проснулась, вся въ поту, дрожавшая какъ въ лихорадкѣ... Догаравшая лампадка у образа Спасителя едва мерцала въ углу, вспыхивая послѣдними вспышками и озаряя на мгновеніе прямо глядѣвшій на Алёну строгій и спокойный ликъ.

— Господи Іисусе Христе, Спасителю нашъ! Помилуй насъ!.. испуганно прошептала Алёна, осѣняя себя крестомъ.—Это нечистый меня душилъ... Легла спать какъ басурманка безъ креста и молитвы, вотъ онъ и тутъ сейчасъ...

Она невольно пристыла глазами къ смотрѣвшему на нее лику, который, въ мерцаньяхъ погасавшей лампадки, казалось, то приближался къ ней, то уходилъ назадъ въ темноту, будто живой...

Алёна вдругъ вспомнила всѣ мысли ненависти и мести, которыми она переполнена была цѣлый день, будто невѣсть какою радостью, и которыя не оставили въ ея сердцѣ даже мѣста для обычной молитвы...

А упорно глядѣвшій на нее свѣтлый ликъ словно говорилъ ей безмолвно: „и остави намъ долги наша яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ“.

Эту молитву она читала каждый день. И она лгала Богу. Къ чему же все ея благочестіе, всѣ ея минуты горькаго покаянія? На душѣ ея много тяжкихъ грѣховъ, много слезъ и крови людской, и она со слезами, едва не кровавыми, часто молитъ Бога простить ей эти грѣхи. Но чѣмъ же она сама отплачиваетъ за это прощеніе?.. Свои разбои она еще оправдываетъ жалостью къ бѣдному и угнетенному. Она наказываетъ господъ немилостивыхъ, она грабитъ безжалостнаго богача, укрываетъ неправо гонимыхъ. Но чѣмъ она оправдаетъ свою теперешнюю сатанинскую злобу противъ чистаго юноши, не хотѣвшаго опорочить себя ея блудною любовью, противъ ни въ чемъ неповинной невѣсты его?

Да, дѣйствительно, злой духъ овладѣлъ ею; оттого-то онъ и могъ мучить ее, какъ свою жертву. Она отдалась дьяволу, а не Богу. Молится предъ иконами, бьетъ поклоны земные, а ненасытная плоть ищетъ утѣшеній бѣсовскихъ и наполняется бѣсами. Развѣ это любовь? Развѣ любовь навязывается насильно? Развѣ любовь проклинаетъ и грозитъ? Любовь любитъ, любовь прощаетъ...

Христосъ есть любовь... закончила вдругъ Алёна жаркими рыданіями тѣснившіяся въ ея сердцѣ безпорядочныя и скорбныя мысли...

Цѣлый часъ плакала она неудержимо и умиленно, насквозь смочивъ свою подушку, и эти невольныя слезы раскаянія унесли изъ ея души все злобное и горькое чувство, ее наполнявшее, какъ живительные потоки весны уносятъ съ собою съ возрождающагося лица земнаго растопленные солнцемъ снѣга.

Къ разсвѣту она заснула тихимъ сномъ и проснулась съ первыми лучами солнца, обновленная душой. Она торопливо позвала Бурунчу и послала его сейчасъ же развязать Алексѣя. Калмычку послала слѣдомъ за нимъ съ самоваромъ, чаемъ и нетронутымъ вчерашнимъ обѣдомъ.

Алексѣй, измученный нравственно и физически, какъ-то безсознательно относился ко всѣмъ этимъ непостижимымъ для него превращеніямъ. Какъ вчера, онъ машинально давалъ скручивать себя Бурунчѣ, полагая, что это такъ и нужно, и вовсе не усиливаясь соображать, зачѣмъ и для кого это нужно,—такъ сегодня онъ съ тупымъ равнодушіемъ глядѣлъ на такое же безпричинное освобожденіе свое и на хлопоты Калмычки напоить и накормить его. Если они это дѣлаютъ, то значитъ надо такъ дѣлать! вотъ и все, что думалъ онъ. Все его пребываніе здѣсь, послѣ нравственно-истерзавшей его ночи, ему стало казаться какимъ-то нелѣпымъ сномъ, которому онъ не предвидѣлъ конца.

Однако, поѣвъ и отдохнувъ, онъ сталъ бодрѣе глядѣть въ будущее.

„Все дѣло въ деньгахъ, утѣшалъ онъ себя,—а денегъ у отца хватитъ... Лишь бы скорѣе Орлиха пріѣзжала...“

День кончался морознымъ румянымъ закатомъ, какъ это часто бываетъ послѣ зимней вьюги. Солнце било своими искристыми огнями прямо въ маленькія окошечки хаты, и Алексѣя, какъ ребенка, манило туда за ярко освѣщенный горизонтъ, навстрѣчу этимъ розово-золотымъ лучамъ. Конечно, тамъ, а не въ другой сторонѣ, его милая и его родина. Онъ сидѣлъ задумавшись, облокотясь локтемъ на подоконникъ и смотрѣлъ въ снѣжную даль.

Вдругъ дверь тихо отворилась, и Алёна Васильевна въ скромномъ черномъ платьѣ, нѣсколько блѣдная, вошла въ горницу.

Прежде чѣмъ Алексѣй успѣлъ встать, она подошла къ нему и, поклонившись ему въ поясъ, сказала кротко, потупивъ глаза:

— Прости меня, Алексѣй Степанычъ... Виновата я предъ тобою. Не сердись!

— За что мнѣ сердиться на васъ, Алёна Васильевна... смутившись отвѣчалъ Алексѣй.—Можетъ-быть и я васъ чѣмъ-нибудь обидѣлъ. Я тоже прошу васъ забыть все, что было, и останемся по-старому друзьями.

Алёна сѣла на лавку противъ него, съ другой стороны окна, и сказала серьезно:

— Нѣтъ, Алексѣй Степанычъ, я не стою твоей дружбы... Да и не могу принять ее... Никогда не забуду этой ночи, прибавила она подавленнымъ голосомъ, вся вспыхнувъ краской стыда.—Ты далъ мнѣ тяжелый урокъ, но онъ былъ мнѣ во спасеніе... Благодарствую тебѣ за него... Она привстала съ лавки и еще разъ поклонилась ему.

— Алёна Васильевна! Не поминайте того, что было... Простите мнѣ съ своей стороны разъ навсегда, и забудемъ это, отвѣчалъ Алексѣй, также покраснѣвъ и отворачивая свой смущенный взглядъ.

— Мнѣ прощать тебя не въ чемъ. Я вотъ что хотѣла сказать тебѣ, Алексѣй Степанычъ: я вѣдь вправду всею душой любила тебя, давно любила: когда ты еще три года тому назадъ первый разъ изъ Петербурга пріѣзжалъ... не могла я тебя послѣ того забыть. Ночами о тебѣ думала, днемъ тебя какъ живаго видѣла,—въ мечтаніи своемъ. Когда ты теперь опять въ нашу сторону заглянулъ, только для того я и къ родителямъ твоимъ стала ѣздить, чтобы на тебя хоть глазкомъ однимъ посмотрѣть, голосъ твой послушать, рѣчь твою умную...

— Алёна Васильевна, спасибо вамъ за слова ваши, но бросимъ это пожалуста... Къ чему это... стревожно останавливалъ ее Алексѣй, которому вдругъ невольно пришли на память вступленныя выходки Алёны въ злополучную ночь.

— Будь спокоенъ, Алексѣй Степанычъ, стараго не повторится, съ нѣсколько горькою усмѣшкой сказала Алёна.—Не съ тѣмъ я говорю! Знаю, что все между нами кончено. Но ты долженъ узнать истину и не думать обо мнѣ обидно. Ты знаешь теперь тайну моего дѣтства. Мнѣ нечего было себя беречь.—Я думала, что ты, Алексѣй Степанычъ, можешь любить женщину, какъ всѣ мужчины любятъ... Но ты оттолкнулъ меня... Ты одинъ только могъ меня оттолкнуть... и ты долженъ былъ сдѣлать такъ... Теперь я это поняла... Теперь я понимаю, почему я

любила тебя, почему люблю тебя, какъ никого... Ты не похожъ на всѣхъ ихъ... ты чистъ, какъ ангелъ... и любишь, какъ ангелъ... закончила она, вдругъ разрыдавшись и закрывая лицо руками.

— Алёна Васильевна, успокойтесь, пожалуста... Перестанемъ говорить объ этихъ тяжелыхъ вещахъ... уговаривалъ ее Алексѣй, искренно опечаленный ея горемъ.

Но она не слышала, что говорилъ онъ ей. Ей было необходимо, какъ дыханіе—высказать ему все.

— Ты знаешь, что я еще вчера готова была убить тебя... Я хотѣла отомстить тебѣ такъ, чтобы небо содрогнулось... Бѣсъ гнѣва и мести сидитъ во мнѣ... Бѣсъ бушуетъ и въ плоти моей... Я не знала до сихъ поръ иной любви... Но ты меня научилъ... Теперь я знаю, что такое значитъ любить. Что значитъ быть невѣстой твоей... Еслибы кто-нибудь могъ полюбить меня такъ, какъ ты любишь, я бы отказалась отъ самаго Царства Небеснаго... Господь прости мое согрѣшеніе!.. Меня, я знаю, некому ужь полюбить такъ, но сама я могла бы теперь любить такъ, какъ ты научилъ меня... Теперь мнѣ противна всякая иная любовь...

— Вы еще молоды, Алёна Васильевна, вы еще найдете достойнаго васъ! утѣшалъ ее Алексѣй.

— Нѣтъ, я ужь не буду больше искать... Я нашла своего!... одушевленно сказала Алёна.—Онъ одинъ будетъ жить въ сердцѣ моемъ... Пока живу я... Его счастье—будетъ моимъ счастьемъ, и съ меня довольно...

Она вдругъ опять громко и страстно зарыдала, закрываясь руками.

Алексѣй не смѣлъ утѣшать ее: онъ былъ самъ растроганъ и подавленъ этою тяжелою для него сценой.

Алёна впрочемъ скоро овладѣла собою и, отеревъ слезы, сказала ему дѣловымъ тономъ:

— Алексѣй Степанычъ, завтра чуть свѣтъ вы поѣдете домой... Если не будетъ метели, то еще къ ночи поспѣете въ Теребужъ... Я не буду дольше мучить васъ здѣсь, въ разлукѣ съ вашею невѣстой.. Я все сдѣлаю, чтобы помочь вашему счастію. Помните это. И если что-нибудь мѣшаетъ теперь вашей свадьбы, скажите мнѣ откровенно,— и я устрою дѣло...

— Что вы говорите, Алёна Васильевна?.. вскричалъ Алексѣй.— Я высоко цѣню вашъ добрый порывъ, но положительно отказываюсь отъ такой жертвы... Орлиха отомстила бы вамъ слишкомъ

жестоко за мое бѣгство и я никогда не соглашусь, чтобы вы пострадали изъ-за меня... Какъ ни соблазнительна возможность очутиться завтра у себя дома, но такою цѣной—я ея не куплю!

— Не бойтесь ничего, я съумѣю все устроить и не отвѣчу ничѣмъ! увѣренно сказала Алёна.—И знайте, что не только теперь, а всегда, въ каждой вашей нуждѣ, я готова сдѣлать для васъ все...

— Нѣтъ, нѣтъ! Я и слышать не хочу... Я остаюсь здѣсь пока пріѣдетъ эта проклятая Орлиха, заварившая всю эту кашу... Я хорошо помню ваши разговоры о ней... И понимаю, чѣмъ это можетъ кончиться для васъ... Если ей нужны наши деньги, пусть она беретъ сколько ей нужно и подавится ими...

— Орлихѣ не нужны ваши деньги! съ грустною усмѣшкой сказала Алёна. — Орлихѣ ни чьи деньги не нужны... Не денегъ ищетъ она. Вы ея не знаете... Она сама сыплетъ деньги голи всесвѣтной... Она болѣетъ горемъ народушка православнаго, на защиту крестьянства встала, противъ злодѣевъ помѣщиковъ, противъ начальниковъ неправедныхъ... Коли и сложитъ свою голову сиротскую, такъ не богатства ради, а ради бѣдныхъ и обиженныхъ...

— Никто до сихъ поръ не видѣлъ отъ нея ничего кромѣ грабежа и пожаровъ. И я не знаю, откуда вы такъ увѣровали въ ея высокія чувства. Что касается до меня, то я смотрю на нее, какъ всякій долженъ смотрѣть на злодѣйку и разбойницу, и не допущу поэтому, чтобы изъ-за меня вы могли поплатиться такъ дорого своею головой...

— Я говорю вамъ, что этого не будетъ и не можетъ быть... Я знаю Орлиху слишкомъ хорошо. На нее безсовѣстно клевещутъ... Она гораздо добрѣе тѣхъ, кто распускаетъ про нее всѣ эти злыя и лживыя розсказни! съ нѣкоторымъ сердцемъ сказала Алёна...

— Думайте, какъ хотите, я спорить не буду. Но поступлю такъ, какъ долженъ поступать всякій честный человѣкъ.

— А если Орлиха явится къ вамъ сегодня?

— Сегодня?.. Но вѣдь вы же ждете ее черезъ недѣлю?..

— Все можетъ измѣниться... Хотите сейчасъ ее видѣть?

— Какъ сейчасъ?..

— Такъ-таки, сейчасъ, сію минуту...

— Не понимаю вашей шутки... Вы хотите какъ-нибудь надуть меня, чтобы поставить на своемъ.

Орлиха предъ вами, Алексѣй Степанычъ... тяжело вздохнувъ, произнесла Алёна, вставая съ лавки и съ грустью смотря на него.

— Какъ передо мной?.. Что такое? растерянно глядя на нее, спрашивалъ Алексѣй.

— Орлиха—я! Никто другой...

— Алёна Васильевна! Зачѣмъ эти мистификаціи? Я не маленькій ребенокъ, чтобы можно было такъ играть со мною...

— Вы не вѣрите мнѣ?.. Чѣмъ убѣдить васъ? Развѣ вы до сихъ поръ не узнали во мнѣ той ряженой, что подъѣзжала къ вамъ на саняхъ... Это была я... Вглядитесь...

— Вы - Орлиха?.. Перестаньте, пожалуста, Алёна Васильевна! горячо возмущался Алексѣй.—Вы наша старинная сосѣдка, такъ часто бывавшая въ домѣ нашемъ, крестница моего отца – вы Орлиха! Полноте, Алёна Васильевна! Разсказывайте эти сказки кому-нибудь помоложе меня.

— Хотите я сейчасъ явлюсь къ вамъ тою самою бабой-ягой, которая перегонялась тогда съ вами... Будете ли еще сомнѣваться?

— Помилуйте, это вещь совсѣмъ несбыточная... Вы просто хотите туманъ на меня напустить... Орлиху же видали, Орлихины станы не ближе сотни верстъ отъ насъ, она сама всегда со своими шайками... А вы... Что общаго у васъ съ Орлихой?.. Какъ нарочно, я васъ чуть не каждый большой праздникъ въ нашей церкви видалъ...

— Помните кулачный бой? Помните, какъ баба Ивана Большаго одолѣла?

— Конечно, помню. Это было такъ недавно... Вотъ то, можетъ-быть, и вправду была Орлиха...

— Разумѣется Орлиха... Это жь была я!..

Алексѣй посмотрѣлъ на могучія плечи и грудь Алёны Васильевны, вспомнилъ съ дрожью страстныя объятія, изъ которыхъ онъ едва могъ вырваться въ ту ночь, и въ первый разъ въ головѣ его мелькнула мысль: а вдругъ это правда? А вдругъ она дѣйствительно Орлиха? Иначе зачѣмъ и была бы здѣсь?

— Алёна Васильевна! Побожитесь мнѣ, что вы не шутите... сказалъ онъ серьезно.—Все, что вы разсказываете, до того невѣроятно, что, право, скорѣе повѣришь самому несбыточному сну.

Алёна Васильевна опять опустилась на скамью и сказала грустно:

— И безъ божбы повѣрите. Какая радость выдавать себя за злодѣйку и разбойницу? Вѣдь вотъ вы добрѣе и справедливѣе другихъ, а и то васъ отшибнуло при имени Орлихи, будто отъ ни-вѣсть чего постылаго...

— Да нѣтъ, нѣтъ... Скажите правду... Перестаньте меня морочить, Алёна Васильевна! упрашивалъ совсѣмъ недоумѣвающій Алексѣй.—Я не могу себѣ представить, чтобъ эта Орлиха, всѣмъ страшная и неодолимая разбойница, — чтобъ она была наша Алёна Васильевна... Наша скромная сосѣдка изъ Артемьевскаго хутора...

— Я открылась вамъ только для того, чтобы хоть вы, Алексѣй Степанычъ, не проклинали Орлиху! съ тѣмъ же печальнымъ выраженіемъ голоса продолжала Алёна.

— Вы, по крайней мѣрѣ, будете теперь знать, что Орлиха не звѣрь кровожадный, что она можетъ любить и плакать... прибавила она помолчавъ, со слезами на глазахъ.

— Такъ это правда, правда? не вѣря себѣ твердилъ Алексѣй.

— Видитъ Богъ, что не ради крови человѣческой и не корысти ради Алёна Артемьева стала Орлихой-разбойницей. Скорбѣла душа моя отъ неправды мірской и отъ обидъ людскихъ. Хотѣлось послужить крестьянству православному, бѣдности голой, всѣми оставленной, какъ и я, сирота. По заповѣди Христовой... Вѣдь Христосъ сказалъ: „Нѣтъ больше любви, какъ душу свою положить за други своя". Вотъ и кладу ее... Вѣдь развѣ я не знаю,— не нынче—завтра конецъ мнѣ...

— Алёна Васильевна! Такъ ли это? Загляните въ свою совѣсть... твердо возразилъ Алексѣй.—Не такъ поступаетъ христіанская любовь... Не месть ли ведетъ васъ?

— Призвалъ меня гнѣвъ мой и обиды мои, это ты правду говоришь. Прежде всего за себя, а не за людей поднялась... Потому что бѣса во мнѣ много, и бѣсъ меня часто одолѣваетъ... Ты самъ теперь знаешь, что онъ можетъ дѣлать со мной! Но съ бѣсомъ я борюсь крѣпко, и все-таки путь мой теперь отъ Бога, а не отъ бѣса... Хочу душу свою за други положить и не пожалѣю себя... На то пошла...

— Не женской рукѣ казнить даже и злодѣевъ... А вы казните даже неповинныхъ.. Разоряете честныя семьи... Торги мирные повсюду остановили... Ужасъ и смятеніе на всю землю нашу наводите какъ врагъ Россійскаго государства, а не какъ другъ его...

— Кого я разорила неправо? скажи,—и отдамъ ему десятирицей, по заповѣди Евангельской.

— Кого? почемъ я знаю? Вездѣ только и слышишь, что горятъ помѣщичьи усадьбы, разоряются хутора, проливается кровь вѣрныхъ служителей, защищающихъ господское добро...

— Гдѣ лѣсъ рубятъ, тамъ и щепки летятъ. Бываетъ, что ребята мои поусердствуютъ не по разуму, пришибутъ въ свалкѣ кого-нибудь отчаяннаго, но видитъ Богъ, нѣтъ имъ отъ меня приказу кровь человѣческую безъ нужды проливать... А жгу, и разоряю, и казни предаю—такихъ злодѣевъ вѣдомыхъ, отъ которыхъ давно земля стонетъ...

— Кто-жь васъ-то призвалъ быть судьей и мстителемъ, хотя бы и за неправды людскія?

— А кто призывалъ Гедеона, и Самсона, и Іуду Маккавея спасать народъ Израильскій? Вотъ ты ученый человѣкъ, всякія науки иноземныя превзошелъ, а я только и читала, что Библію,— ну объясни ты это мнѣ, глупой бабѣ..

— То-жь было когда, Алёна Васильевна! Развѣ можно просвѣщенныя времена нашего теперешняго Россійскаго государства примѣнить къ темнымъ вѣкамъ ветхозавѣтнымъ... Тогда и власти истинной не было, и подобающихъ гражданскихъ институцій...

— И у себя мы не видимъ власти истинной, Алексѣй Степанычъ... твердо произнесла Алёна.—Народушко православный хуже сироты брошенъ. Отдали его головой панамъ на съѣдѣніе... Въ рабство вавилонское повергли... Только развѣ въ печахъ не жгутъ, какъ трехъ отроковъ, а за то себѣ самимъ, какъ идоламъ, покланяться заставили... Ждали мы, голубчикъ, Алексѣй Степанычъ, долго ждали, не придетъ ли къ намъ милость и правда... и не дождались... Не стало въ Русскомъ царствѣ ни правды на богатаго, ни милости на бѣднаго... Хотимъ теперь сами, своими головами, добыть ее... А не добудемъ, одинъ конецъ... Хуже не будетъ...

— Алёна Васильевна, еслибы такъ разсуждали сами рабы, я бы еще это понялъ... Можетъ-быть, я даже сострадалъ бы нѣкоторымъ справедливымъ ихъ укоризнамъ... Но вѣдь вы сами помѣщица, сами имѣете крестьянъ, сама живете доходами съ нихъ...

— Какая я помѣщица, Алексѣй Степанычъ! Батюшка твой обобралъ моего покойника отца, по дружбѣ своей великой, всѣ лучшія вотчины его на себя отписалъ... А потомъ что и оста-

лось у меня, и въ томъ меня уполовинилъ,—опекунъ же надо мной былъ, вмѣсто отца роднаго... Когда изъ дома выгналъ, мужики выкормили и выпоили спроту брошенную... Мужикамъ я все и отдала, что̀ было у меня, поля, и луга, и лѣса... Всѣмъ они владѣютъ... Мнѣ зачѣмъ?.. Мнѣ что̀ нужно?.. Хуторокъ одинъ, гдѣ-бъ икону можно было повѣсить—Богу помолиться... Вотъ и здѣшніе табуны—тоже считаются моими, хлопочу и навѣдываюсь я. А лошадокъ раздаю опять-таки мужикамъ... имъ нужнѣе моего. И всѣмъ такъ дѣлюсь, какъ сестра съ братьями, а не какъ госпожа съ рабами... Оттого и идутъ они за мной въ огонь и въ воду—оттого и не выдаютъ меня столько времени воеводамъ царицынымъ... А то гдѣ-жь бы безъ нихъ.

— Алёна Васильевна! Я вижу, что у васъ дѣйствительно благородное и великодушное сердце! воспламенился Алексѣй.—Умоляю же васъ, одумайтесь, пока еще время, пожалѣйте себя и невѣжественный народъ, который въ концѣ концовъ вы все-таки приведете къ погибели... Еще есть возможность прекратить смуту... Скройтесь на нѣкоторое время отсюда... Безъ вашего руководительства весь этотъ сбродъ разсыпется самъ собой...

— Нѣтъ, Алексѣй Степанычъ! рѣшительно прервала его Алёна, вставая со скамьи, вся нахмуренная, какъ ночь... Этому не бывать... Поведу до конца—своего ли, другаго ли какого,—это какъ Богъ дастъ... Жаль мнѣ крѣпко тебя, но должна я еще разсчитаться съ батюшкой твоимъ... Помнишь, у васъ, на дорожкѣ березовой, напередъ сказывала я тебѣ... Быть, молъ, бѣдѣ!.. Уйми ты своего батюшку. Не унялся онъ, еще лютѣе сталъ, совсѣмъ ужь Бога и крестъ забылъ,—теперь кончено!.. Придетъ бѣда!..

— Я не стану вымаливать у васъ пощады отцу, Алёна Васильевна, гордо отвѣтилъ Алексѣй.—Но скажу вамъ: хороша-жь ваша христіанская любовь!.. А вы еще все Бога поминаете...

— Да, поминаю, и Богъ возрадуется наказанію злодѣя... И ты,—хоть сынъ, долженъ видѣть правду. Вспомни Ѳеклушу, вспомни другихъ такихъ же... Вспомни меня, мою посрамленную юность! гнѣвно прошептала она, уходя твердыми шагами къ дверп. На порогѣ она остановилась и сказала:—прощай, покойной ночи, Алексѣй Степанычъ! Будь готовъ чуть свѣтъ...

Алексѣй ничего не отвѣчалъ. Онъ сидѣлъ, облокотясь обѣими руками на окно, весь охваченный одуряющимъ вихремъ самыхъ тревожныхъ и самыхъ безъисходныхъ мыслей...

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Орлихинъ подарокъ.

Марья Андреевна Ахлестышева, по отъѣздѣ Ивана Васпльевича съ сынками на розыски Орлихи, осталась главнымъ комендантомъ Старыхъ Холмовъ и держала власть свою честно и грозно. Невѣстки Ивана Васильевича, привыкшія къ распущенности, прикуспли язычки и не пробовали своевольничать, какъ это обыкновенно дѣлалось всякій разъ по отъѣздѣ отца. Никита, мужъ Вѣрушки, считался самымъ степеннымъ и самымъ хозяйственнымъ изъ молодыхъ Прозоровскихъ, оттого старикъ и оставилъ его для присмотра за хозяйствомъ. А у Ивана Меньшаго завелась въ послѣднее время одна изъ его мимолетныхъ зазнобушекъ въ сосѣднемъ селѣ, и онъ даже ночи проводилъ тамъ...

Въ самый вечеръ отъѣзда Ивана Васильевича семья Прозоровскихъ по всегдашней привычкѣ сошлась къ ужину изъ своихъ многочисленныхъ флигельковъ въ домикѣ старика, гдѣ въ спальнѣ покойной жены его поселилась гостившая Марья Андреевна. Княжна Катя тоже ночевала у Прозоровскихъ, заѣхавъ къ нимъ по случаю предстоявшихъ поисковъ.

Никита совсѣмъ сбился съ ногъ, потому что ему съ ранняго утра пришлось не выходить изъ псарни, пересматривая по очереди заболѣвшихъ собакъ вмѣстѣ съ крѣпостнымъ коноваломъ и придумывая имъ разныя лѣкарственныя снадобья. Какая-то зараза забралась во дворъ Прозоровскихъ и косила одного пса за другимъ. Поэтому Никита едва успѣлъ поужинать, какъ отправился спать въ свой флигелекъ. Но молодыя деревенскія барыни безъ удержу разболтались съ тетушкой Марьею Андреевной, видавшей на своемъ вѣку столько видовъ и умѣвшей разсказывать своимъ мѣткимъ языкомъ любопытные разсказы изъ жизни двора и высшаго Петербургскаго общества, въ которомъ она прежде постоянно жила. А тутъ еще и заѣзжая княжна, какъ ни была она вообще молчалива въ обществѣ Прозоровскихъ,—возбуждала любопытство вѣчно сидѣвшихъ дома молодыхъ барынь.

Старый буфетчикъ Михѣичъ, отпустивъ лакеевъ, подававшихъ кушанья, все еще продолжалъ возиться около обѣденнаго стола,

подергивая своимъ невозможно длиннымъ носомъ, съ убійственною медленностью относя въ буфетъ то одну солоночку въ обѣихъ рукахъ, то стаканъ, то подставочку, и очевидно искренно заинтересованный дослушать всѣ до единаго анекдоты Марьи Андреевны о князьяхъ, графахъ, генералахъ и всякихъ другихъ высокопоставленныхъ особахъ...

Марья Андреевна сидѣла въ головѣ стола въ своемъ широкомъ креслѣ, которое постоянно носили за нею, въ домашней кофтѣ и простоволосая, съ сѣдою косичкой на макушкѣ, благо въ комнатѣ не было ни одного мужчины, и съ сосредоточеннымъ вниманіемъ разматывала цвѣтную шерсть, которую держала предъ нею, напяливъ на поднятыя вверхъ руки, ея любимица Арапка, давно уже клевавшая носомъ.

— А вы, племянницы, чего жь не работаете ни одна?.. обратилась она довольно строгимъ тономъ къ молодымъ барынямъ.— Языкомъ болтать можно, а руками дѣло дѣлать...

— Ну вотъ, тетушка, не надоѣла вамъ еще эта работа... съ презрительною ужимкой отозвалась Иванова Персіянка. —Сколько лѣтъ живете, все еще не наработались... Что̀ мы, дѣвки крѣпостныя что ли?.. Намъ какая надобность работать?.. На то холопки у насъ... Барынямъ непристойно руки свои бѣлыя работой портить...

— Ахъ вы никчемныя! съ укоризной помотала головой Марья Андреевна.—Лѣнь матушка, видно, раньше насъ родилась... Это васъ все муженьки-дураки набаловали. Статочное ли дѣло, ни одна ни за что̀ взяться не умѣетъ... Вотъ только Вѣрушка развѣ... та еще туда-сюда... А то сидятъ всѣ, какъ истуканы каменные день-деньской... Даже сердце возьметъ!.. Только хи-хи, да ха-ха!.. да другъ про дружку сплётки плести... Глаза бъ мои не глядѣли... То ли вотъ дѣло, княжна милая! Смотрѣть хорошо... И въ чужомъ домѣ, а завсегда съ работой... Люблю ее за это... Да и заговоритъ—есть, что̀ послушать, всегда что-нибудь сурьезное, разсудительное!.. А не то, что̀ тары-бары...

Княжна молча улыбнулась и перекинулась дружелюбнымъ взглядомъ съ молодыми хозяйками.

— Эхъ, тетушка, молодымъ только и пожить! А въ работѣ какая радость! весело засмѣялась Цыганка Любаша.—Вотъ на гитарѣ сыграть или пѣсенку спѣть — это дѣло другое, или на троечкѣ удалой покататься съ милымъ мальчикомъ... Стары будемъ, тогда и работать станемъ...

Любаша при этихъ словахъ вскочила вдругъ на ноги, лихо подбоченилась и притопнувъ ногой, будто въ пляскѣ, пропѣла удалымъ голосомъ:

„Ужь я матушкѣ скажу,
Я родимой доложу,
Нездоровится,
Худо можется...
А къ милу дружку приду,
А къ любезному приду,
Здоровёшенька
Веселёшенька!..“

И съ громкимъ хохотомъ опять упала на свое мѣсто.

— Ухъ ты, Иродіада-плясавица безсовѣстная!.. Замужъ вышла, законъ приняла, о какихъ еще тебѣ мальчикахъ да дружкахъ любезныхъ думать... Замолчи ужь лучше коли умнаго ничего сказать не умѣешь... прикрикнула на нее Марья Андреевна, сердито потряхивая своею сѣдою косичкой.

— Я вѣдь о какомъ мальчикѣ?.. О Сеничкѣ своемъ... А вы думали о комъ? лукаво оправдывалась Любаша.

— Знаю, знаю тебя, срамница! ужò видѣла!.. Какіе ты глазами фейерверки запускаешь...

Любаша и всѣ невѣстки весело расхохотались.

— Да вѣдь и вы небось, тетушка, молоды были, тоже глазами на какого-нибудь молодчика закидывали?.. Не все жь шерсть разматывали... усмѣхаясь, замѣтила Персіянка.

— Скажите на милость! И смѣешь же ты, нахалка, съ теткой родною такъ говорить?.. Ровною себѣ, подумаешь, нашла... Еще сердитѣе закричала старуха и, стуча по столу своею золотою табатеркой, прибавила:—нѣтъ, голубушки мои, въ наше время молодыя предъ старыми слова пикнуть не могли... Чтò извольте, да чего извольте? А не то, что про мужчинокъ, да про любовь языкъ чесать... Руки по своей волѣ протянуть не смѣли.... А сложишь, бывало, одну руку на другую, чтобы всякому видно, да такъ себѣ и сидишь цѣлый вечеръ... благородно такъ, пристойно... Ужь точно что воспитанныя были...

— Да скучно такъ-то, тетенька... Такъ-то, ручки сложивши, еще въ гробу належишься! опять разсмѣялась Любаша.

— Гогочи, гогочи, Иродіада!.. Тебѣ все смѣшки!.. Ей-Богу, разсержусь... Такъ вотъ и хвачу тебя костылемъ по чемъ

попаду... Арапка! Гдѣ ты мой костыль задѣвала?.. безпокойно обратилась къ чернорожей дѣвкѣ не на шутку разсерженная старуха.

— Я не буду больше, тетушка! Простите... Это я по глупости... съ безпечнымъ добродушіемъ сказала Любаша, черные глаза которой продолжали весело хохотать.—Вы вотъ докончите лучше про князя Каменскаго, что̀ начали... Такъ занятно, такъ занятно!.. Всю бы ночь слушала...

— Сказочницу еще нашли, сказками васъ забавлять!.. Я для того вамъ о хорошихъ домахъ разсказываю, чтобы вы сами-то доброму чему-нибудь научились... Какъ умные люди живутъ... А у васъ только пустяки на умѣ... И разсказывать, выходитъ, не сто́итъ... Все равно, что бисеръ кидать, знаешь кому?.. Какъ въ Евангеліи говорится.

— Я, тетушка, не пойму, у кого куртагъ-то былъ? степенно вмѣшалась Вѣрушка, пользовавшаяся особеннымъ благоволѣніемъ старухи.

— У графа Безбородки, сказываю тебѣ, чего тутъ не понять! сердито окрикнула ее старуха.—Домъ-то его былъ тогда на выѣздѣ Большой першпекты, гдѣ теперь князя Самойлы Ильича новыя палаты... Княжна-то знаетъ, а вамъ, деревенщинамъ, что̀ говори, что̀ нѣтъ,—все равно, ничего не поймете... Тогда еще кругомъ лѣсъ былъ густой и по першпективѣ, и по канавамъ по всѣмъ... Не то что̀ теперь...

— Такъ это онъ, тетушка, въ лѣсу ее встрѣтилъ? нетерпѣливо перебила Любаша.

— Вѣдь скажетъ!.. Въ лѣсу... Кому что̀, а тебѣ все лѣсъ на умѣ... Сами тутъ, какъ филины, весь вѣкъ въ лѣсу вѣкуете, да и думаете, что и въ Петербурхѣ знатные кавалеры другаго мѣста не найдутъ... Встрѣтилъ онъ ее, сударыня, на публичной комедіи, а не въ лѣсу... А князь-то проказникъ на всѣ руки былъ... Драбантъ у него за каретой ужасно большой мужикъ былъ, пресильнѣющій... Какъ посмотрѣли до конца балету, стали кареты съ крыльца кликать, драбантъ-то княжескій ихнюю карету, какъ есть весь шестерикъ и остановилъ... А княжеская карета тутъ, какъ тутъ... Ну, она выходитъ, не сумлѣвается, думаетъ, ихняя карета... Дверца хлопнула, князь ее подъ руку въ карету, а мужъ-то, какъ дуралѣй на крыльцѣ ротъ разиня остался... Такъ и укатили въ Симбирскую деревню прямо отъ подъѣзда...

— А мужъ-то, что жь, тетушка? Неужто и бросилъ такъ... спросила Вѣрушка.

— Что жь мужъ! Тогда развѣ нонѣшнія времена были... Персона важная... въ случаѣ... въ фаворѣ большомъ... У самого герцога кажинный день обѣдалъ запросто... Приказалъ попу своему деревенскому повѣнчать, тотъ что жь сдѣлаетъ? И повѣнчалъ... А мужу выпросилъ у герцога полторы тысячи душъ въ Калуцкой губерніи... да и услалъ его на границу турецкую... Года два пожилъ такъ съ нею, прискучила она ему, онъ возьми, сорванецъ, да и отдай ее замужъ за скорохода своего. Такъ и померла у него на дворнѣ... Вотъ ты и поди, какія дѣла тогда на свѣтѣ дѣлались...

— Ну, мой бы Ваня такъ ему не оставилъ... Мой бы на днѣ моря меня сыскалъ... замѣтила Персіянка, сверкая глазами.

— Подумаешь! Еруслань Лазаричъ какой... По тѣмъ временамъ, сударыня, и не такіе, какъ твой Иванушка тише воды, ниже травы жили... У царицы Анны Ивановны вельможи знатные для ея смѣху и для герцогова на яйцахъ куриныхъ какъ шуты клохтали. Князя Тулубьева, на что ужь бояринъ старинный, на моихъ глазахъ кавалеры дежурные по приказу герцогову на полъ валяли и на бутылку сажали, въ кафтанѣ золотомъ, при шпагѣ и въ кавалеріи, прямо какъ былъ. Я еще тогда подлѣ государыни за убираньемъ волосовъ фрейлиной стояла...

— Мнѣ батюшка много разсказывалъ о старыхъ временахъ, милая Марья Андреевна, вмѣшалась княжна. — Но, признаюсь вамъ, я не могу хладнокровно слушать его... Мнѣ кажется, что этого никогда не было и не могло быть... Какое счастье, что мы живемъ въ царствованіе нашей просвѣщенной и доброй государыни, а не въ тотъ дикій эпокъ...

— Кому жь эти дѣла знать, сударыня моя, какъ не твоему батюшкѣ... Его еще самъ Петра Первый съ Петромъ Андреичемъ Толстымъ къ сенаторамъ Венецейскимъ посылалъ... Батюшка твой ужь подлинно огонь и воду прошелъ... А съ Василіемъ Лукичемъ чуть было и на плаху не угодилъ... Я еще дѣвочкой молодою была, а помню...

— Тетушка! сказала Цыганка Любаша.—А вы еще хотѣли намъ про Несвижскую разсказать?

— Что жь про нее особливаго разсказывать?... Развѣ вотъ какъ она принца жеманствами своими съ ума свела... Такъ на

это вы всѣ мастерицы... Знаешь старинную пословицу: „бабьему хвосту—нѣтъ посту!“

Любаша и всѣ барыни громко расхохотались.

— Ну вотъ видите жь, тетушка! а вы все насъ браните! подхватила Персіянка.—Видно, при Дворѣ и въ Питерѣ тѣ же люди, что̀ и по деревнямъ... Какъ же это она съ ума его свела, разскажите...

— Очень просто. Маршъ былъ дирижированъ императрицей на большомъ плацу всѣмъ гвардейскимъ полкамъ. Ну и проходили шквадронами мимо государыниной персидской ставки, что̀ шахъ Надиръ подарилъ... А впереди коръ-воланъ изъ карабинернова полку... Принцъ-то вѣдь шефомъ числился... А Несвижская тѣмъ временемъ въ свитѣ государыниной...

Въ эту минуту дверь изъ передней шумно распахнулась и на порогѣ столовой внезапно появилась высокая плечистая фигура въ одеждѣ Татарки...

Пистолеты и кавказскій кинжалъ были заткнуты у ней за шалью, перевязывавшей ея станъ, а въ рукахъ была обнаженная сабля. Лицо Татарки было замазано чернымъ, и только бѣлки ея большихъ глазъ сверкали въ полутьмѣ залы. Отъ нея вѣяло морозомъ и вьюгами поля.

Дружный крикъ ужаса раздался въ столовой. Вѣрушка, громко охнувъ, упала безъ чувствъ на руки сидѣвшей около нея Сони.

Любаша, Персіянка, Зоя и всѣ невѣстки вмѣстѣ съ Арапкой съ плачемъ бросились въ заднія комнаты... Буфетчикъ Михѣичъ, крестясь и дрожа, присѣлъ со страху на колѣнки на томъ мѣстѣ, на которомъ стоялъ; только Марья Андреевна и княжна остались окаменѣлыя на своихъ мѣстахъ, не спуская глазъ съ грозной фигуры, упавшей вдругъ какъ снѣгъ на голову въ ихъ мирную домашнюю бесѣду.

— Ты княжна Чембурова? грубо обратилась Татарка къ Катѣ.

— Я княжна Чембурова! рѣшительнымъ, хотя сильно дрожавшимъ голосомъ отвѣтила поблѣднѣвшая, какъ мѣлъ, княжна.—А кто ты и зачѣмъ явилась сюда?...

— Я Орлиха-разбойница! Ваши витязи охотятся за Орлихой по лѣсамъ, а Орлиха у нихъ во дворѣ хозяйничаетъ!.. засмѣялась Татарка жесткимъ хохотомъ.

— Эй, люди! Михѣичъ! Силантій! Держите ее. Разбой, караулъ! вдругъ опомнившись закричала на весь домъ Марья Андреевна,

пытаясь подняться съ своего кресла, но ноги, пораженныя ужасомъ, не слушались ея.

— Сиди себѣ, гдѣ сидишь, бабушка, и не бойся ничего... спокойно сказала Орлиха.—Людишки твои всѣ повязаны, и всѣ вы въ моей волѣ... Я не стращать тебя пріѣхала, а за дѣломъ... И не къ тебѣ, а къ княжнѣ... Ты любишь Алексѣя Степаныча, княжна, я пріѣхала спросить тебя?

— Алексѣй Степанычъ? онъ у тебя? съ внезапнымъ порывомъ бросилась Катя навстрѣчу Орлихи.—Ради Бога, скажи, гдѣ онъ, что̀ съ нимъ? Куда ты дѣла его? Заклинаю тебя...

Она совсѣмъ позабыла свой страхъ и подошла къ Орлихѣ лицомъ къ лицу.

— Любишь ты его, я тебя спрашиваю? мрачно и тихо повторила Орлиха, пожирая своими сверкающими глазами растроганное личико княжны.

— Я его люблю, люблю... Отдай мнѣ его назадъ! прошептала умоляющимъ голосомъ Катя, хватая своими слабыми руками за мускулистую руку Татарки, сжимавшую рукоятку сабли.

Та нѣсколько мгновеній неподвижно и гнѣвно смотрѣла ей въ глаза и потомъ сказала, словно переломивъ себя:

— Возьми его, я тебѣ его привезла! Я тоже люблю его, но онъ не любитъ меня... Мнѣ хотѣлось посмотрѣть своими глазами, кого онъ любитъ... И вотъ я видѣла тебя... Смотри же, люби его больше своей души... Если разлюбишь его, если онъ будетъ отъ тебя несчастливъ,—ты мнѣ отвѣтишь, потому что я даю тебѣ его... Помни это!...

Она такъ же быстро и неожиданно, какъ появилась, вдругъ повернулась и вышла изъ столовой, прихлопнувъ за собой дверь...

— Караулъ, разбой!.. хватайте ее!.. Михѣичъ! бѣги, взбуди барина!.. безпомощно кричала вслѣдъ ей разгнѣванная Марья Андреевна.

А Катя стояла, словно пораженная молніей, на томъ мѣстѣ, гдѣ говорила съ Орлихой, и не понимала, что̀ это съ нею—коварный сонъ, или радостная дѣйствительность.

„Возьми его!... Я тебѣ его привезла! Люби его больше своей души!“ раздавались въ ея сердцѣ, какъ удары вѣщаго колокола, невѣроятныя слова Татарки. „Да гдѣ же онъ? гдѣ мнѣ взять его?“ безсвязно толпилось у ней въ головѣ.

Въ эту минуту дверь передней отворилась настежъ, и Алексѣй,

весь занесенный снѣжной пылью, не снимая дорожной одежды, вбѣжалъ въ столовую, шатаясь отъ волненія и усталости...

Катя вскрикнула безумно-радостнымъ крикомъ и повисла у него на шеѣ, заливаясь слезами.

Въ ту же ночь, часа черезъ полтора послѣ случившагося, на большой огороженный рѣшетками дворъ боярина Трегубова въѣхала тройка взмыленныхъ коней.

Пятеро мужиковъ съ цѣпами, стоявшіе на карауліѣ у хлѣбныхъ амбаровъ и обходившіе дозоромъ дворъ, остановили сани въ воротахъ и не хотѣли пропускать ихъ къ барскимъ хоромамъ въ такой поздній часъ.

— Чьи вы такіе будете? допытывались мужики.

— Доложите поскорѣича боярину, что, молъ, Алёна Васпльевна съ богомолья домой ворочается, въ дорогѣ припоздала, переночевать просится... отвѣтилъ имъ повелительный голосъ изъ саней.

Мужики не скоро разыскали въ оффиціантской дневальнаго лакея, и только черезъ добрыхъ четверть часа сани, занесенныя мятелью, въѣхали подъ высокое крыльцо со львами.

Степанъ Матвѣичъ совсѣмъ потерялъ сонъ со дня смерти Θеклуши. Ему все мерещились въ темнотѣ разные страхи. А въ послѣднія двѣ недѣли онъ каждую ночь ожидалъ поджога и не ложился въ постель до самыхъ пѣтуховъ, пока не начинала шевелиться жизнью его обширная барская усадьба. Со всѣхъ сторонъ доносились до него тревожныя вѣсти и даже прямыя угрозы. Своихъ мужиковъ онъ опасался еще больше, чѣмъ Орлихиныхъ шаекъ. Онъ уже серьезно обдумывалъ перебраться въ свое оброчное Ярославское имѣніе, гдѣ на крутомъ берегу Волги у него стояли давно забитыя наглухо когда-то роскошныя палаты отца его матери, князя Сумбатова.

Чего-чего не придумывала бѣдная Варвара Михайловна, чтобъ успокоить болѣзненно-раздраженные нервы своего грознаго супруга. И монахи съ священными книгами, и шуты, и сказочники, и сосѣди-собутыльники—всѣ перебывали по очереди на этихъ невольныхъ всенощныхъ бдѣніяхъ капризнаго владыки Теребужа.

Въ эту ночь Трегубовъ былъ гораздо спокойнѣе, потому что у него ночевалъ капитанъ-исправникъ Лемешовъ, заѣхавшій по случаю розыска разбойниковъ. Трегубовъ цѣлый вечеръ поилъ

его настойками и наливками, забавляясь его разсказами, и самъ помогая ему осушать графинчики.

А тутъ еще къ вечеру подошелъ какой-то бродячій сказочникъ-горбунъ, разсказывавшій такія сказки, что даже исправникъ, несмотря на свой хмѣль, заслушивался его, какъ охотникъ соловья...

Варвара Михайловна волей-неволей должна была присутствовать и при этихъ попойкахъ и при этихъ сказкахъ. Степанъ Матвѣичъ, когда нападала на него безсонница, не хотѣлъ оставаться минуты безъ нея и мучилъ ее безъ жалости.

Неожиданный пріѣздъ красавицы крестной дочки, за которою Степанъ Матвѣичъ всегда любилъ немножко поухаживать, пришелся какъ нельзя болѣе по душѣ капризному старику, уже изрядно таки развеселившемуся бесѣдой съ графинчиками.

— Ну, мать моя! Сто лѣтъ съ тобою не видались! а еще крестная называешься... говорилъ онъ Алёнѣ Васильевнѣ, троекратно лобызаясь съ нею.—Да и похорошѣла жъ ты! расцвѣла за зиму какъ розанъ майскій. Ты прости старика, что въ халатѣ... Нездоровится все... Ночей не сплю какую ужь недѣлю.

Онъ нарочно долго не выпускалъ ее изъ своихъ объятій.

— Ну, дочка крестная, садись, разсказывай, гдѣ была, откуда и куда путь держишь...

— Въ Сафроніевъ монастырь на богомолье ѣздила, по обѣщанью... отвѣчала Алёна, скромно потупивъ глаза.—Я хоть и не монашка настоящая, а на умѣ все жь монастырь прежде всего... Да мятель захватила въ полѣ, свѣту Божьяго не видно. Не чаяла какъ до села вашего добраться... А ужь къ себѣ куды-жь!..

— Переночуй, переночуй, что-жь... мы завсегда тебѣ рады... Вотъ, хочешь, дослушаемъ сказку, что горбунъ сталъ разсказывать, да и за ужинъ пора.

— Послушаю и я... Спать еще не хочется... а ужинать не буду, пощусь... сказала Алёна, присаживаясь къ Варварѣ Михайловнѣ.—Это откуда у васъ старичекъ?

— Забрёлъ какой-то... Говоритъ, дальній... а мастеръ языкомъ сучить, шельма... Откуда что берется... Ладно притачиваетъ... Ну, бреши дальше... Кончай!..

Старикъ-горбунъ сидѣлъ на полу, на коврикѣ, поджавъ по татарски ноги, у широкаго дивана, на которомъ полулежалъ Трегубовъ въ своемъ тепломъ халатикѣ на бѣличьемъ мѣху, куря длинную трубку съ янтаремъ.

Казачекъ Сашка, вѣчный дежурный Степана Матвѣича, стоялъ у притолки съ кисетомъ табаку въ одной рукѣ и щипцами, чтобы снимать со свѣчи, въ другой, поклевывая носомъ и едва уже держась на привычныхъ ногахъ.

Горбунъ вздернулъ носомъ и, не глядя ни на кого, равнодушнымъ и однообразнымъ голосомъ продолжалъ:

„И призвалъ тогда тотъ салтанъ Богодатскій бродобрѣя своего любимаго Мустахву и возговорилъ ему: всѣмъ ты отъ меня, Мустахва, бродобрѣй любимый, почтенъ и наградами великими награжденъ, и препоручилъ я тебѣ казну свою царскую и всѣ свои богатства несмѣтныя, и скоты свои, и рабовъ, и имѣнія... Сослужи же ты мнѣ теперь службу вѣрную... Угости ты гостей моихъ дорогихъ такъ, чтобъ они отъ твоего похмѣлья никогда ужь больше головы буйной не поднимали и за мечи свои булатные не брались, и царства бъ моего славнаго никогда бъ больше не воевали, и мнѣ, салтану Богодатскому, господину твоему, смертію лютою никогда бъ больше не угражывали...“

Горбунъ остановился, откашлянулъ и продолжалъ безостановочно и ровно, будто читалъ по книгѣ:

„И пошелъ тотъ Мустахва бродобрѣй любимый въ степи вольныя, въ лѣса темные, искать зельевъ надобныхъ, а Епанча-царевичъ: тѣмъ временемъ вошелъ въ опочивальню салтанову, стражей его вѣрныхъ перевязалъ, салтана-царя Богодатскаго съ ложа его царскаго стащилъ и повелъ на башню высокую, откуда все царство салтаново было видно. Возговорилъ къ нему Епанча-царевичъ: глянь-ка ты, салтанъ-царь, изъ окошечка косящатаго, и скажи мнѣ, кого видишь: глянулъ салтанъ-царь изъ окошечка косящатаго, говоритъ: вижу Мустафу бродобрѣя моего любимаго, какъ онъ по степямъ вольнымъ, по лѣсамъ темнымъ ходитъ, зѣлья надобныя мнѣ, салтану-царю, ищетъ. Возговорилъ опять Епанча-царевичъ: глянь-ка въ другой разъ и скажи мнѣ, кого видишь: глянулъ опять салтанъ-царь и закручинился. Вижу, говоритъ, царства моего погибель. Воины твои царевичевы слугъ моихъ вѣрныхъ веревками вяжутъ, богатствія мои несмѣтныя изъ кладовыхъ моихъ крѣпкихъ выбираютъ и палаты мои бѣлокаменныя огнемъ пожигаютъ...

„И сказалъ ему Епанча-царевичъ: вотъ видишь ли ты, салтанъ-царь немилостивый, всѣхъ ты людей на своемъ вѣку обижалъ и грабилъ, и не зналъ ни къ кому жалости, ни къ старцу ветхому, ни къ младенцу невинному, ни къ дѣвицѣ честной. И меня

самого, Епанчу-царевича, и витязей всѣхъ моихъ удалыхъ, гостей своихъ, хотѣлъ отравами опоить и яствами ядовитыми окормить. И вотъ тебя Богъ за неправды твои всѣ и за убійства,—рукой моею наказываетъ. Это мои воробьи налетѣли на твои конопли!.. Все поле твое теперь поклюютъ, даже на сѣмена не оставятъ... И тебѣ самому, салтану-царю лютому конецъ пришелъ... Не покаялся раньше, грѣшникъ старый, теперь ужь поздно каяться!..

„То сказавъ, Епанча-царевичъ мечъ свой булатный въ бѣлыя груди салтана-царя немилостиваго вонжалъ и тѣло его царское съ башни съ той съ высокой на земь скидывалъ... А самъ въ трубу золотую трубилъ, на престолъ царскій садился, народъ православный къ себѣ кликалъ, волю ему и милость свою царскую объявлялъ, а Салтана-царя неправеднаго нечестивое тѣло псами смердячими скормить приказывалъ...“

— Глупая это твоя сказка, совсѣмъ мнѣ не нравится! нахмурясь прибавилъ Трегубовъ и подозрительно сталъ вглядываться въ горбуна.

— Сначала будто-бъ и тово, а конецъ никуда не годится! поддержалъ Лемешовъ.

— Я люблю, чтобы весело кончалось, а это что̀? продолжалъ ворчать Трегубовъ.—Да и резону настоящаго никакого нѣтъ. Такъ, вздоръ одинъ! Царь завсегда долженъ быть строгъ. Кому жь и взыскать, и казнить, какъ не царю? Епанча-то по настоящему никто другой, какъ разбойникъ и бунтовщикъ, его бъ то, по-правдѣ, и слѣдовало на осину вздернуть... А Салтана-царя за что̀ жь?.. Въ строгостяхъ да въ порядкѣ ничего нѣтъ худаго. И Богъ за это никого не наказываетъ... выдумки это пустыя! сердито закончилъ Степанъ Матвѣичъ, бросая испытующіе взоры то на казачка, торчавшаго у притолки, то на горбуна. Ему вдругъ показалось, будто что-то злое и насмѣшливое сверкнуло въ понуренномъ взглядѣ сказочника, и неясная тревога схватила его сердце.

— Ты изъ какихъ мѣстъ сказывалъ? обратился онъ къ старику, впиваясь въ него недовѣрчивымъ взглядомъ.

— Съ украйны Слободской... Изъ-подъ Изюмъ-кургана, коротко отвѣтилъ, не подымая своихъ суровыхъ глазъ, горбунъ...

— Навѣрное, по Донщинѣ шатался, съ Пугачевцами, да и набрался этихъ розсказней дурацкихъ... Нашелъ какія сказки разсказывать... чортъ старый... только абы народъ мутить! По настоящему ему, брехуну, лопатки скрутить за такія сказки, да въ острогъ! Какъ ты думаешь объ этомъ, Савва Кузьмичъ?

— А что̀ жь? Сущую правду изволите говорить, батюшка мой, Степанъ Матвѣичъ! святую правду... Эти проклятые скоморохи для того только и шляются по дорогамъ, чтобы народъ мутить... Всѣ они разбойники!.. Присягу въ томъ дамъ... Такъ только прячутся до случая... А обыщи хоть этого горбуна, не будь я, если у него ножа нѣтъ за голенищемъ... горячился исправникъ.

Степанъ Матвѣичъ пугливо покосился на сидѣвшаго у его ногъ старика и невольно попятился къ стѣнкѣ...

— Уведи-ка ты его, Сашка, въ оффиціантскую, да и въ самомъ дѣлѣ прикажите Митькѣ обшарить его хорошенько... А то чего добраго, кто его душу знаетъ!..

— Зачѣмъ Митькѣ! Вы, отецъ мой милостивый, разсыльному моему Невпрягѣ его довѣрьте... Тотъ съ этимъ народомъ умѣетъ обходиться!.. съ хохотомъ посовѣтовалъ исправникъ.

— Ну, ну, ладно! отведи его къ Невпрягѣ. Пускай съ нимъ потолкуетъ... улыбнулся довольною улыбкой Трегубовъ.

Старикъ-горбунъ всталъ молча попрежнему, не поднимая глазъ, громко вздернулъ носомъ, и съ тѣмъ же равнодушіемъ, съ какимъ только-что разсказывалъ свою сказку, пошелъ изъ комнаты слѣдомъ за казачкомъ.

— Да что вы, крёстный, будто испужались чего? участливо спросила Алёна.—Али боитесь, что сказка бѣду накличетъ?

— По нонѣшнимъ временамъ всего приходится бояться! нахмурившись отвѣчалъ Трегубовъ.—Ты вотъ, Алёнушка, сидѣла, ротъ разиня, ничего не замѣчала; а я по глазамъ его сквернымъ видѣлъ, что онъ говорилъ не спроста... Вотъ посмотри, коли это не злодѣй какой-нибудь...

— А какъ бы ты думала, Алёна Васильевна, вступилась все время молчавшая Варвара Михайловна.—Вѣдь и точно словами можно хоть какую хочешь бѣду накликать... Ты надъ этимъ, голубушка моя, не смѣйся. Люди разные ходятъ. Есть такой глазъ вредный, хуже ножа убьетъ. У покойной матушки Ненилы Ильиничны такъ-то вотъ странничекъ одинъ наговорилъ пожаръ... Ту же ночь всю деревню, какъ утюгомъ, сгладило...

— А у Бориса Михайловича, братца твоего? развѣ не то же было? встревоженнымъ голосомъ напомнилъ Трегубовъ.—Тоже вѣдь накликалъ бродяга такой-то...

— Точная правда! отъ глазу пуще всего беречься нужно... поддержала Варвара Михайловна.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Орлихина расправа.

Дворецкій Митя пришелъ доложить, что ужинъ поданъ, и всѣ отправились въ столовую. Полночь уже прошла, когда Алёна отправилась, наконецъ, спать. Степанъ Матвѣичъ и за ужиномъ продолжалъ возліянія изъ разноцвѣтныхъ графинчиковъ и баклажекъ, къ которымъ онъ теперь сталъ прибѣгать гораздо чаще, чѣмъ прежде. А Лемешовъ едва и на ногахъ стоялъ.

— Ну прощай, прощай, красавица моя!.. говорилъ подпившій бояринъ, удерживая почти насильно въ своихъ рукахъ руку Алёны и въ упоръ любуясь на нее.—Говоришь, будто монашкой живешь, а глаза у тебя смотрятъ не по монашески... Хоть бы вспомнила старое, поцѣловала меня на прощанье хорошенько...

— Отчего жь не поцѣловать?.. И поцѣлую! весело сказала Алёна.

Старикъ присталъ къ ней своими дряблыми губами...

— Ты въ Θеклушиной комнатѣ спишь? прошепталъ онъ ей на ухо.

— А что?

— Еслибы такая красавица пришла ко мнѣ, я бы не знаю, что ей сдѣлалъ!.. Никогда не видывалъ тебя такой!.. Изъ тебя просто огнемъ пышетъ... Да и меня огнемъ палитъ.

— А хотите приду? лукаво усмѣхнувшись, прошептала въ свою очередь Алёна.

— Приходи, красота моя, приходи!.. Все что хочешь... что только прикажешь... все, все... растерянно шепталъ, не выпуская ее изъ объятій, сладострастный старикъ.

Алёна вырвалась и быстро пошла на верхъ, со странною улыбкой кивнувъ ему головой. Глаза ея смотрѣли на него такъ зло и насмѣшливо, что оторопь взяла старика.

— Что это она въ шутку обѣщается, али вправду? въ недоумѣніи спрашивалъ онъ самъ себя.—Говоритъ будто ласково, а смотритъ—змѣя змѣей.

Степанъ Матвѣичъ ушелъ въ свою комнату и сталъ ждать не раздѣваясь и не запирая дверей. Сладострастное волненіе охватило его; могучія формы Алёны стояли предъ нимъ, какъ живыя, туманили его голову, не давая думать ни о чемъ другомъ...

Огромныя пустыя комнаты постепенно погружались въ темноту; погасъ послѣдній огонекъ въ окнѣ оффиціантской, и черная ночь окутала своимъ саваномъ спавшую глубокимъ сномъ Теребужскую усадьбу... Прошелъ цѣлый часъ, Алёны не было; какъ ни прислушивался боярин къ безмолвію темнаго дома, ни откуда не было слышно даже слабаго звука...

— Должно-быть заснула... Пойду лучше самъ къ ней! Дѣло вѣрнѣе будетъ... рѣшилъ было Трегубовъ, не въ силахъ будучи одолѣть свое нетерпѣніе...

Онъ подошелъ къ угловому шкафчику, чтобы достать маленькій потайной фонарикъ, съ которымъ обыкновенно осматривалъ по ночамъ домъ, но когда зажегъ его и повернулся къ двери, Алёна уже стояла на порогѣ.

Она была теперь не въ своемъ уродливомъ черномъ капотѣ, укутанная съ головой безобразнымъ чернымъ платкомъ, а въ роскошномъ нарядѣ татарской дѣвушки; шелковая алая рубашка съ широкими рукавами заманчиво обрисовывала ея сильныя, какъ мраморъ, упругія груди.

Глаза Алёны горѣли какимъ-то дикимъ пламенемъ. Она словно сверкала среди полутемной комнаты этимъ огнемъ глазъ и яркими цвѣтами своихъ шелковъ.

Трегубовъ задрожалъ, неожиданно увидѣвъ ее... Онъ выпустилъ изъ рукъ фонарь и бросился къ ней на встрѣчу.

Но съ порога глядѣли на него теперь такіе глаза, что онъ остановился, не доходя до нея, и невольно попятился назадъ...

— Прочь, старый блудодѣй!.. Ты звалъ меня—и вотъ я пришла... гнѣвнымъ, хотя сдержаннымъ, голосомъ произнесла Алёна.— Но пришла не за тѣмъ, чтобы ты еще разъ наругался надо мною... Настала пора разсчитаться за старое...

— Алёна!.. Что ты? Зачѣмъ старое поминать! Будешь у меня счастливѣе царицы. Все тебѣ отдамъ, что есть у меня...

— Алёны больше нѣтъ... Алёну ты погубилъ, старый дьяволъ... Предъ тобой не Алёна, а Орлиха-разбойница!.. грознымъ шопотомъ сказала Алёна, ставшая блѣдною, какъ полотно, пронизывая Трегубова взглядомъ ненависти...

— Орлиха! въ ужасѣ воскликнулъ боярин, пятясь въ глубину комнаты...—Не можетъ быть... Ты—Орлиха?

— Увидишь сейчасъ!.. Помнишь сказку: „налетѣли мои воробьи на твои конопли!..“ Мои воробьи теперь на твоихъ конопляхъ... Всему конецъ. Мертвою свѣчей мой горбунъ окурилъ твою

челядь... Будутъ спать, какъ мертвые, до завтрашняго полудня... А захочу—и вовсе не встанетъ ни одинъ... И ты, и все твое въ моей власти... Молодцы мои хозяйничаютъ теперь у тебя на дворѣ, а чтобы виднѣе было, сейчасъ свѣчу такую запалятъ, что въ Ливнахъ, городѣ, станетъ свѣтло... А если крикнешь хоть разъ, вотъ смотри сюда, въ одинъ мигъ прикончу...

Она вытащила изъ-за пояса острый, какъ жало, кинжалъ и, быстро подойдя къ Трегубову, занесла его надъ нимъ...

— Шевельнись только, и кончено! прошептала она, стиснувъ зубы.

Трегубовъ дрожа опустился на колѣни и, зажмуривъ глаза, заслонялъ обѣими руками свою голову...

— Смилуйся, Алёна Васильевна... не губи... Пощади мою старость... умолялъ онъ ее...

Алёна съ презрительною усмѣшкой опустила кинжалъ...

— Душа моя давно проситъ твоей крови, изверга рода человѣческаго... медленно произнесла она, не спуская съ боярина полныхъ ненависти глазъ.—Но убить тебя мало. Одинъ разъ всѣмъ помирать придется... Я бы хотѣла, чтобы ты сто разъ муки смертныя принялъ... За все бы хотѣла тебѣ заплатить... И за свое отрочество обезчещенное, за жизнь мою погубленную, что черезъ тебя сама злодѣйкой сдѣлалась....

— Не бери на свою душу грѣха смертнаго... Вспомни, я отецъ тебѣ крёстный...

— Сатана ты мнѣ, а не отецъ... Погубитель моей души и тѣла моего... Не колотись со страху... Убивать тебя не стану, сказала тебѣ... Разорю сначала тебя... Выжгу до тла гнѣздо твое нечистое... Оставлю тебя голымъ, какъ мать родила... А когда не станетъ у тебя силъ суды подкупать, всѣ твои злодѣйства на чистую воду выведу... Засудятъ тебя безъ милости, какъ послѣдняго острожника въ кандалы забьютъ; на той самой площади торговой, гдѣ ты въ каретахъ своихъ шестериками теперь разъѣзжаешь съ гайдуками да гусарами, палачъ тебя, злодѣя, на всемъ народѣ плетьми отстегаетъ, и пойдешь потомъ, клейменый, въ Сибирь на каторгу... Вотъ что я хочу съ тобою сдѣлать, дьяволъ старый... И это сдѣлаю... Чтобы ты черезъ меня не разъ, а сто разъ издохъ!..

Въ эту минуту яркое осеннее зарево полыхнуло въ темныхъ окнахъ, и въ спальнѣ боярина стало свѣтло, какъ днемъ.

Алёна схватила его за руку и притянула къ окну.

— Смотри и любуйся на мой праздникъ!.. Орлихины орлята чисто дѣло справляютъ. Видишь, все ужь кругомъ занялось...

— Разбойница! да что жь это ты дѣлаешь?.. да знаешь ли, что у меня капитанъ-исправникъ ночуетъ? онъ сейчасъ всѣхъ васъ, злодѣевъ, перевяжетъ!.. Въ отчаяніи крикнулъ Трегубовъ, забывъ свой страхъ при видѣ погибающаго богатства. Онъ рванулся изъ рукъ Алёны, чтобы броситься въ корридоръ, но Орлиха стиснула его руки, какъ клещами, и сказала строго:

— Помни мое слово!.. Пошевельнешься, и все кончено... А капитанъ-исправникъ твой посмотри гдѣ!

Трегубовъ съ тяжкимъ вздохомъ взглянулъ въ окно и тотчасъ же отшатнулся въ ужасѣ.

Посереди двора, ярко-освѣщеннаго пожаромъ, висѣлъ ногами вверхъ, вздернутый веревкой на высокія качели толстякъ Лемешовъ въ одномъ ночномъ бѣльѣ, прямо вытащенный съ постели.

— Тебѣ то же будетъ, если еще слово пикнешь! грозно прибавила Орлиха.

— Алёна Васильевна! смилуйся надо мной ради хлѣба-соли моей... Выведи меня отсюда, ради Христа... вѣдь сейчасъ и хоромы займутся... Дозволь хоть бумаги нужныя вынести... Хоть спасти что-нибудь... Деньги-жь спрятаны у меня... Половину тебѣ отдамъ, поклянусь чѣмъ хочешь... За что же имъ погибать напрасно...

— Отдашь всѣ... И клятвы не нужно... Веди сейчасъ туда, гдѣ деньги, и ключи бери... А кляузы твои, которыми ты народъ разорялъ, пускай всѣ до тла сгорятъ... Клочка одного тебѣ не дамъ...

Трегубовъ досталъ въ ящикѣ стола связку ключей, взялъ заженный фонарикъ и повелъ Алёну въ пустынный проходъ, по которому онъ всегда спускался въ свою кацелярію. Тамъ онъ ощупалъ въ каменномъ полу угловую плиту, съ усиліемъ сдвинулъ ее на бокъ, и отворивъ ключемъ потайную желѣзную дверочку, показалъ Алёнѣ на желѣзный сундукъ, прикованный цѣпью къ стѣнѣ...

— Ключъ! повелительно сказала Орлиха.

Трегубовъ повозился немного въ связкѣ и сказалъ упавшимъ голосомъ:

— Ключа нѣтъ, Алёна Васильевна! Совсѣмъ позабылъ, куда его дѣвалъ...

— Ключъ! еще грознѣе повторила Орлиха, придвигая остріе кинжала къ груди боярина.

— Смилуйся! не губи въ конецъ! сталъ умолять Трегубовъ, падая ей въ ноги...—Половину тебѣ отдамъ. Вѣдь тамъ много. И тебѣ и мнѣ хватитъ... Оставь что-нибудь душѣ на пропитаніе... Вѣдь цѣлую жизнь собиралъ.

Орлиха сурово нахмурилась, и рука ея, державшая кинжалъ, уже было дрогнула, готовясь взмахнуть надъ старикомъ. Но она вдругъ одумалась и, высадивъ ударомъ локтя одно изъ стеколъ галлереи, пронзительно свиснула два раза. Рябая зеленоглазая рожа разбойника, съ какимъ-то боченкомъ на плечѣ, появилась черезъ минуту подъ окномъ.

— Какіе приказы, атаманша? хриплымъ басомъ спросилъ разбойникъ.—Мы теперь кладовыя разбираемъ, да подводъ мало... Коней лѣвать некуда, а саней нѣтъ. Добра-то видимо-невидимо. Хотимъ на село побѣчь, мужицкихъ подводъ прихватить...

— Мужиковъ не смѣть трогать. Вьючьте, что можно... Бабъ еще вамъ сюда съ лукошками наряжать!.. Безъ саней уложиться не умѣете...

— Ну такъ мы вьючить станемъ... А бочки-то какъ?.. Медовъ стоялыхъ цѣлый погребъ... Пива наварено, всю Москву можно напоить... Не бросать же...

— Чего сами не выпьете, мужичье прикончитъ... Откатите бочки въ сторонку, да и пускай народъ послѣ насъ пируетъ, поминки по баринѣ своемъ милостивомъ справляетъ...

— Коней ужо отогнали цѣлый косякъ... Бурунча да Антошка... Челядь перебить не дозволишь?.. Тамъ есть такіе, только-бъ на осину...

— Сказано, не смѣть! Тебѣ, висѣльнику, только-бы крови полакать... Одинъ убитый обыщется, ты мнѣ головой отвѣтишь... Мало еще у тебя на душѣ крови человѣческой?

— Что жь?.. Я не въ монахи пошелъ... Рукомесло мое такое...

— Слушай, Зубатовъ... Ты, я знаю, водку лопаешь, какъ гусь воду, а пьянъ не бываешь. Тебѣ я это дѣло и поручаю. Брось боченокъ, лѣзь сюда въ окно.

Разбойникъ просадилъ раму бывшимъ у него въ рукѣ желѣзнымъ ломомъ и проворно вскарабкался въ галлерею.

— Какія тутъ дѣла? спрашивалъ онъ, еще сидя верхомъ на подоконникѣ...

— Скрути хорошенько вотъ этого звѣря краснаго и отбери

у него ключи.. А сундукъ вонъ тотъ, перебейте цѣпь, да скорѣе отомчите въ наши погреба. Безъ меня только не трогать!.. Помни...

— Эва! да это самъ боярин... весело осклабился Зубатовъ, ужь спрыгнувшій въ корридоръ, и его кошачьи глаза заиграли въ темнотѣ радостными искорками.

— Слышалъ, что сказано... Сбереги мнѣ его, какъ зеницу своего ока. Мнѣ онъ еще для большаго дѣла надобенъ... А тройка моя запряжена?

— Еще съ кой поры стоитъ... Горбунъ въ сани сѣлъ.

— Бери же его у меня съ рукъ на руки. Сдаю тебѣ дитятко! усмѣхнулась Орлиха, грубо подталкивая къ разбойнику обезпамятѣвшаго отъ страха боярина.—А я пойду старуху будить, а то спекутъ ее сонную, какъ рака.

Алёна забѣжала мимоходомъ въ комнату, гдѣ спала, накинула сверхъ татарскаго одѣянія своего черный капотъ и черный платокъ, и, принявъ, по возможности, спокойный видъ, постучалась въ дверь спальни Варвары Михайловны.

— Кто тамъ? испуганно спросила старуха, уже не спавшая.

— Это я, Алёна Васильевна. Не пугайтесь, Варвара Михайловна... меня прислалъ Степанъ Матвѣичъ. Онъ теперь на дворѣ. Одѣвайтесь скорѣе, нужно ѣхать. У васъ пожаръ!.. Должно-быть, въ кухнѣ боровъ лопнулъ... Съ нея и пошло...

Варвара Михайловна испуганно замолилась, застонала, заохала... Ставни у нея въ комнатѣ были затворены, и она не видала огня, хотя шумъ, крики и бѣготня на дворѣ разбудили ее.

Алёна вошла къ ней, зажгла свѣчу и помогала ей одѣваться.

— Господи! за что жь ты наказалъ насъ грѣшныхъ! Пресвятая Владычица! что жь это такое будетъ?.. Металась, какъ угорѣлая по комнатѣ, растерявшаяся старуха. Гдѣ жь Марѳушка-негодница? даже и не прибѣжитъ одѣться подать... Полонъ домъ дѣвокъ, ни одна не догадается... Матушки мои, а шкатулки же мои, комоды?.. Бѣлье то-бъ вытащить нужно... Шали турецкія тутъ у меня дорогія... Серебро...

— Все, все будетъ цѣло... Я за всѣмъ присмотрю и все вынесу, не хлопочите ни о чемъ... успокоивала ее Алёна.—Торопитесь только сами выбраться, а то наверху уже занялось. Садитесь въ мои сани, они совсѣмъ готовы, прямо на хуторъ вашъ Заратскій отвезутъ... Тутъ не далеко...

— А Степанъ Матвѣичъ какъ же? Его-то я, голубчика моего, какъ оставлю?..

— Степанъ Матвѣичъ изъ кладовыхъ теперь выносится... Ему нельзя. Не мѣшайте ему. Тамъ и дѣвушки, и слуги ваши всѣ... Давайте руку, я сведу васъ поскорѣе...

— Голубушка моя родная! А икону-то Скорбящей Божіей Матери я на стѣнкѣ забыла... Вѣдь бабушкино благословеніе... Снять бы надо...

— Говорю вамъ, Варвара Михайловна, все въ цѣлости вамъ привезу... Всю вашу образницу и шкатулки и все... волоса единаго здѣсь не оставлю... Будьте спокойны и идите скорѣе...

Она почти насильно увлекла безпрестанно крестившуюся и оглядывающуюся назадъ старушку, которая на лѣстницѣ разразилась наконецъ громкимъ плачемъ...

Алёна торопливо усадила ее въ сани и приказала Горбуну везти въ Заратское...

Между тѣмъ на дворѣ Трегубовской усадьбы пожаръ клокоталъ во всемъ своемъ разгарѣ...

Многочисленныя бревенчатыя строенія подъ соломой сразу взялись огнемъ и горѣли теперь дружно и гулко, словно дрова гигантской печи, облизывая своими высоко взлетавшими блѣдно-желтыми языками, будто жалами огненныхъ змѣй, холодные своды чернаго неба. Они гнулись и извивались тамъ наверху, въ пустынныхъ безднахъ ночи, то пугливо ныряя внизъ, то скользя другъ по другу вверхъ, какъ по воздушной лѣстницѣ проворно и легко, точно на перегонки, сразбѣгу взмывая до самыхъ звѣздъ, при малѣйшемъ колыханіи вѣтра, вызваннаго самимъ же пожаромъ.

И вся смолкнувшая, лежавшая въ могильной тишинѣ окрестность, то рѣзко погружалась во мракъ до черной слѣпоты, то надалеко освѣщалась багровымъ заревомъ, неожиданно обнажая взору свои сокровенныя тайны, по мѣрѣ того, какъ стихали или раздувались вѣтромъ эти могучіе всполохи пожара...

Дома и сараи горѣли въ торжественномъ безмолвіи; ни одна человѣческая рука не поднималась бороться съ всесильною стихіей, безпрепятственно пожиравшею дѣла рукъ человѣческихъ... Ни крика, ни плача, не слышно было среди этого громаднаго костра, одиноко пылавшаго въ своемъ пустынномъ величіи...

Дворовая челядь Трегубова, окуренная Горбуномъ до мертваго сна, была перевязана и повытаскана молодцами Орлихи въ

отдаленный отъ усадьбы птичій дворъ, стоявшій особнякомъ среди рощи.

По усадьбѣ носились теперь только эти удалые орлы Орлихиной станицы, выносившіе награбленное добро, выкатывавшіе бочки, подкладывавшіе огонь туда, гдѣ онъ еще не успѣвалъ разгорѣться...

Огромныя боярскія хоромы были подожжены съ четырехъ концовъ, обваленныя возами соломы, сѣна и хворосту... Медленно, словно неохотно, занимались массивныя каменныя палаты, и долго вспышки огня только безсильно облизывались и коптили ихъ толстыя стѣны; не на шутку загорѣлись онѣ только послѣ того, какъ Крупа съ тремя товарищами натаскалъ полныя комнаты сѣна, и когда пламя стало жадно драть внутри сухіе полы, потолки и тѣсно наставленную мебель... Тогда ужь цѣлая рдѣющая пещь Вавилонская заклокотала въ серединѣ несокрушимыхъ стѣнъ, освѣтивъ оба яруса частыхъ оконъ яркою свадебною иллюминаціей...

Мужики на селѣ давно поднялись, встревоженные вѣстью о пожарѣ. Ѳедька, мальчишка Изотовъ, бывшій съ караульными мужиками на барскомъ дворѣ, незамѣченный Орлихиными молодцами, проползъ на четверенькахъ подъ амбаръ, перелѣзъ черезъ ограду и едва живой отъ страха докатился до своего двора. Народъ бросился было запрягать бочки, хватать багры и топоры, боясь отвѣта предъ бояриномъ. Староста послалъ двухъ десятскихъ на колокольню ударить въ набатъ.

Но отъ желѣзной дверочки колокольни вдругъ отдѣлилась высокая черная фигура, и суровый голосъ сказалъ въ темнотѣ:

— Куда еще, лѣшіе? Мало, видно, клевалъ васъ бояринъ. Забыли присягу? Это не пожаръ, а царевъ судъ надъ Трегубовымъ свершается... Именемъ царя истиннаго Петра Ѳедоровича Орлиха надъ мучителемъ вашимъ расправу творитъ... Прочь отсюда, тутъ вамъ нечего дѣлать, и никто на барскій дворъ бѣжать не смѣй... Такъ и скажите отъ меня старостѣ...

— Ты выходишь отецъ Зосима-странничекъ? Такъ что-ли?— спросили оторопѣвшіе десятники, узнавъ по голову Зосиму.

— Видишь меня своими глазами, чего спрашиваешь?.. Приказываю вамъ именемъ государя великаго—Петра Ѳедоровича...

Побѣжали прочь отъ церкви напуганные десятскіе и разсказали старостѣ и народу.

— Ну что жь, братцы, дѣлать! Стало, и ходить туда нечего! объявилъ староста. Намъ ослушниками воли царской быть непристойно...

— А и пошли бъ туда, только бъ бокамъ досталось! поддержалъ его Изотъ. Ѳедька сказываетъ, вся рать Орлихина навалилась, видимо-невидимо, и конные, и пѣшіе... Повязали дворню барскую всю въ чистую... И караульщиковъ нашихъ повязали... А кто чуть что—ножъ въ бокъ, и разговору конецъ.

Мужики, бабы, ребятишки, нѣкоторые совсѣмъ раздѣтые, босые, въ однѣхъ рубахахъ, съ наброшенными на голову полушубками, высыпали за околицу къ гумнамъ, откуда пожаръ былъ гораздо виднѣе... Хотя мужики не любили своего немилостиваго боярина, но видъ пламени, безжалостно пожиравшаго давно всѣмъ имъ знакомую старинную усадьбу ихъ родовыхъ господъ, полную всякаго хозяйственнаго добра, невольно наполнялъ ужасомъ и сожалѣніемъ простодушныя сердца мужиковъ... Пожаръ, всегда такъ страшный имъ въ собственномъ дворѣ, казался имъ страшнымъ и теперь, когда онъ безъ милосердія уничтожалъ на ихъ глазахъ чужое богатство.

Нѣкоторые изъ ребятъ, посмѣлѣе, попробовали сбѣгать до самой барской околицы, и приносили оттуда, запыхавшись, свѣжія вѣсти...

— Братцы! кричали они, полные ужаса.—Боярина-то, должно, они повѣсили. Вписъ въ бѣлой рубашкѣ ногами кверху на качеляхъ посередь двора, глядѣть страшно... Такъ и мотается...

Всю ночь до самаго свѣту простояли мужики, смотря на пожаръ и гуторя между собою. Утромъ имъ показалось, что на барскомъ дворѣ стало совсѣмъ тихо... Деревянное нутро хоромъ прогорѣло и обрушилось само на себя, заглушая огонь собственнымъ пепломъ... Огненные языки уже не поднимались болѣе къ небу, и только громадныя кучи пожарища, то раскаленно красные, то уже черныя, дымились обильными клубами дыма, вырисовывая на своемъ багрово мутномъ фонѣ черные костяки обгорѣлыхъ стѣнъ, печей и столбовъ...

Тогда мало-по-малу толпа стала осторожно придвигаться къ пожарищу, и когда убѣдилась, что разбойниковъ слѣдъ простылъ, разлилась шумною волной по погорѣвшей усадьбѣ, разбивая уцѣлѣвшія бочки, обшаривая погреба и подвалы... Уцѣлѣлъ только

одинъ птичій дворъ въ рощѣ, въ которомъ свалены были другъ на друга перевязанные по рукамъ и ногамъ дворовые Трегубова. Ихъ развязали, и они сейчасъ же присоединились къ толпѣ, помогая ей грабить все то, чего не успѣлъ поглотить огонь и увезти Орлихины молодцы...

Не больше какъ черезъ часъ и Иванъ Васильевичъ съ сынками, возвращаясь съ безплоднаго розыска своего и сопровождаемый всѣми своими вершниками и помогавшими ему солдатами ливенскаго гарнизона, появился среди пепелища Теребужской усадьбы. Они увидали ночью пожаръ съ постоялаго двора, гдѣ ночевали, и, догадавшись, что горитъ Теребужъ, поспѣшили на помощь... Но помогать уже было некому, спасать было нечего...

Дворовые Трегубова только и могли объяснить Ивану Васильевичу, что ночью ихъ всѣхъ перевязали и побросали на птичникъ, и что все до тла сгорѣло. А кто и какъ, и за что̀,—ничего не знаютъ. Караульщики, лежавшіе связанными вмѣстѣ съ ними, разсказывали имъ, будто это нагрянули Орлихины ребята, а правда ли, не вѣдаютъ. Самихъ караульщиковъ не разыскали, они уже ушли на деревню.

— Куда жъ бояринъ дѣлся, боярыня? допытывался Иванъ Васильевичъ, съ трудомъ сдерживая душившія его слезы. Ильюша и Семенъ громко плакали около него, сидя верхами и безнадежно оглядывая курившіяся развалины.

— Ничего не видали, ничего не знаемъ... отвѣчали люди.— Должно, ихъ разбойники съ собой повезли... Насъ какъ обморили чѣмъ. Кто и въ хоромахъ былъ, и въ людскихъ,—сами не помнимъ, какъ насъ повязали, какъ на птичникъ перетаскивали, ровно мы мертвые были...

— Мертвою свѣчей должно обнесли... Съ жиру человѣческаго... Больше никакъ... увѣренно объяснилъ старый буфетчикъ.

Иванъ Васильевичъ однако не удовольствовался этими неясными показаніями и приказалъ обыскать все пожарище, не найдется ли какихъ слѣдовъ Степана Матвѣича и Варвары Михайловны...

Когда уже всѣ надежды были потеряны, смѣтливый Комарь, довѣжачій Ивана Васильевича, привыкшій нюхомъ разыскивать всякаго звѣря, вдругъ вспомнилъ о медушѣ, стоявшей отдѣльно отъ усадьбы, въ саду надъ рѣкой...

— Вотъ что̀, баринъ! не въ медушѣ ли онъ спрятался? сказалъ онъ.—Надо тамъ посмотрѣть!..

Иванъ Большой, Сергѣй, Семенъ, Ильюша съ нѣсколькими охотниками, не слѣзая съ коней, полѣзли вслѣдъ за Комаремъ по глубокимъ сугробамъ садовыхъ аллей къ берегу рѣки...

Иванъ Васильевичъ не утерпѣлъ и велѣлъ санямъ ѣхать за ними.

Вѣковыя деревья парка сильно обгорѣли и закоптились верхними вѣтками по сосѣдству съ сгорѣвшимъ домомъ. Они тоже смотрѣли теперь какими-то черными мертвецами среди этого дымившагося кладбища. А раскинутыя въ чащѣ парка статуи, заключенныя на зиму въ тесовые чахлы, торчали какъ настоящіе могильные камни...

Тяжко было на душѣ у старика Прозоровскаго. Въ страшномъ разгромѣ своего богатаго сосѣда онъ чувствовалъ свой собственный дворянскій позоръ, свое собственное безсиліе передъ невидимымъ врагомъ, до сихъ поръ смѣявшимся надъ его похвальбами...

— Сегодня Трегубовъ, завтра Чембуровъ, послѣ-завтра Прозоровскій! думалъ онъ самъ съ собою, подавленный и осрамленный такою неожиданною развязкой его хвастливаго похода на Орлиху. Вотъ ужь правду говорится: „не хвались идучи на рать!“ Сыскать ничего не сыскали, а добились вотъ чего... Прославились вояки на весь бѣлый свѣтъ... Нечего сказать!.. На муху съ обухомъ собрались... А подъ носомъ вотъ какую бѣду прозѣвали... Эхъ, жаль мнѣ бѣднаго кума!.. Уходили, должно, и его...

Въ эту минуту верховые впереди разомъ остановились, остановились вслѣдъ за ними и сани Прозоровскаго.

Батюшка! видишь! крикнулъ убитымъ голосомъ Ильюша.

Иванъ Васильевичъ тяжело поднялся въ саняхъ на ноги и взглянулъ черезъ кучера впередъ.

Знакомой медуши, гдѣ Иванъ Васильичъ столько разъ бражничалъ и потѣшался съ затѣйщикомъ кумомъ, среди хмѣльныхъ дѣвокъ и молодаекъ — уже больше не было. Большая куча курившихся головней и угля лежала теперь на ея мѣстѣ среди сугробовъ снѣга, вся еще рдѣвшая внутри неостывшимъ жаромъ... На нѣсколькихъ сыромятныхъ кожахъ, повидимому, недавно содранныхъ съ дохлыхъ лошадей, лежалъ ничкомъ совсѣмъ голый Степанъ Матвѣичъ, туго натуго связанный веревками. Онъ былъ едва прикрытъ наброшенною сверху закалянѣвшею на морозѣ лошадиною шкурой, и если до сихъ поръ еще не застылъ на

смерть въ длинную зимнюю ночь, то только потому, что изъ огромной кучи головешекъ, на которую его бросили, жаръ продолжалъ валить какъ изъ топившейся печи...

Иванъ Васильичъ задрожалъ всѣми жилками, и слезы негодованія прыснули вдругъ изъ его глазъ.

— Разбойники!.. Подлецы!.. Такъ осрамить... Такъ насмѣяться... могъ онъ только пробормотать, глотая слезы...—Имъ мало было уходить его... Царство ему небесное, куму бѣдному...

— Батюшка! да онъ кажется живъ... Онъ шевелится! радостно закричалъ Ильюша, поспѣшно прыгая съ сѣдла.

Комарь и два охотника тоже соскочили съ лошадей, и они вчетверомъ полѣзли на кучу, спотыкаясь и проваливаясь въ угли, изъ глубины которыхъ стали уже вырываться голубенькіе огоньки...

Пришлось быстро стащить внизъ кожи, на которыхъ лежалъ связанный, потому что мокрые отъ снѣгу сапоги охотниковъ уже начинали дымиться и коробиться отъ жару.

Теперь всѣ торопливо спѣшились и выскочили изъ саней, столпившись надъ своею странною находкой.

Трегубовъ былъ еще живъ, но его тѣло было сплошь покрыто синяками и рубцами. Было ясно, что его били и сѣкли немилосердно, прежде чѣмъ бросили въ такомъ позорномъ видѣ на посмѣшище людямъ. Вожжи, которыми онъ былъ скрученъ, врѣзались въ его тѣло кровавыми подтеками, и отъ истязаній, которыя онъ претерпѣлъ, старикъ не могъ шевельнуть не только ни однимъ членомъ, но даже и языкомъ...

Ему влили въ ротъ нѣсколько глотковъ водки и, укутавъ въ большое мѣховое одѣяло, уложили попокойнѣе въ просторныя сани Ивана Васильевича...

— Все это штуки!.. тутъ не безъ своихъ... Свои же выдали... Свои и помогали... А повязали ихъ нарочно, чтобы глаза отвесть! сообщалъ Ивану Большому своимъ вездѣ слышнымъ шопотомъ безконечно возмущенный Иванъ Васильичъ.

Иванъ Большой совѣтовалъ сейчасъ же отправиться по слѣдамъ разбойниковъ, разсчитывая, что они должны гдѣ-нибудь неподалеку дѣлить награбленную добычу. По слѣдамъ въ снѣгу Комарь и другіе опытные охотники сразу сообразили, что кромѣ верховыхъ конниковъ съ пожарища съѣхало, по крайней мѣрѣ, десять нагруженныхъ подводъ. Слѣды были совсѣмъ свѣжіе и глубокіе; замѣтно было, что разбойники ушли только передъ свѣтомъ. Настигнуть ихъ было бы поэтому легко. Но подпрапорный

Лысенко, командовавшій присланными изъ Ливенъ солдатами, на отрѣзъ отказался продолжать походъ. Смерть капитанъ-исправника и пожаръ Трегубовской усадьбы до того потрясли его, что онъ слушать никого не хотѣлъ.

— Тутъ развѣ съ горстью людей сдѣлаешь что-нибудь? Тутъ цѣлый отрядъ нужно! Что вы меня подъ судъ хотите подвести? увѣрялъ онъ Ивана.—Къ тому же солдатамъ еще въ лѣсу данъ былъ приказъ идти прямо въ городъ, сотскіе и мужики были распущены, да и половина охотниковъ Прозоровскаго уже ушли въ Старые Холмы ближнею дорогой.

Пришлось волей-неволей и Ивану Васильичу съ сынками возвращаться во-свояси. Однако предъ отъѣздомъ сняли съ веревки посинѣвшій до черноты трупъ капитанъ-исправника и сдали подпрапорному Лысенкѣ отвезти въ городъ.

Въ эту самую минуту какъ Комарь, верхомъ на перекладинѣ качель, перерѣзывалъ охотничьимъ ножомъ веревку, на которой качался кверху ногами бѣдняга Лемешовъ, громкое отрывистое карканье неожиданно раздалось въ воздухѣ. Столпившіеся кругомъ качель люди Трегубова, охотники Прозоровскаго, самъ Иванъ Васильичъ и сыновья его, всѣ вдругъ невольно подняли головы и посмотрѣли вверхъ. Тамъ на головокружительной высотѣ, плавно разсѣкая воздухъ своими могучими крыльями, въ спокойномъ величіи проносился по направленію къ Темному лѣсу черный орелъ.

— Орлиха - разбойница! Это она орломъ скидывается!.. Въ станы свои полетѣла... въ суевѣрномъ ужасѣ произнесъ старый буфетчикъ — и вся толпа въ нѣмомъ благоговѣніи провожала глазами, полными искренной вѣры, пролетавшую птицу, пока она не исчезла въ далекихъ туманахъ выси...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Объясненіе съ Катей.

Трегубовъ цѣлыхъ пять недѣль пролежалъ больнымъ въ домѣ Ивана Васильича. Варвара Михайловна и Алексѣй переѣхали къ нему. Княжна Солово-Чембурова проводила около него дни и ночи въ тяжелые дни кризиса. Никто не умѣлъ такъ тихо, просто и мягко ухаживать за больнымъ, какъ она. Она не надоѣдала ему своимъ присутствіемъ, не суетилась, не приставала

къ нему; но она была всегда около него, будто изъ земли выростала, безъ зову, по одному чутью своей доброй души, въ тѣ минуты, когда онъ дѣйствительно нуждался въ ней.

Раздражительный старикъ не ворчалъ и не сердился только на нее одну. Когда она уѣзжала, онъ чувствовалъ себя безпомощнымъ сиротой. Старушка Варвара Михайловна давно уже не смѣла подступиться къ нему, даже и къ здоровому; ея оханья, страхи, причитанья, ея тяжеловѣсныя и неумѣлыя движенія барыни, отвыкшей что-нибудь дѣлать своими руками, выводили изъ себя нетерпѣливаго и гнѣвнаго боярина, такъ что онъ частенько пускалъ въ нее стаканами, чашками, тарелками, не обращая вниманія, что они попадали иногда прямо въ лицо бѣдной старухѣ.

Изъ многочисленныхъ невѣстокъ Прозоровскаго одна Вѣрушка еще сколько-нибудь могла ухаживать за больными, остальныя бѣжали отъ нихъ въ ужасѣ и не могли даже представить себѣ, чтобы кто-нибудь, когда-нибудь могъ потребовать отъ нихъ этихъ низкихъ и противныхъ услугъ. Впрочемъ въ домѣ богатырей Прозоровскихъ, обливавшихся холодною водой прямо на снѣгу и бросавшихся въ рѣчку прямо съ горячаго полка́ бани, слеглыхъ больныхъ, можно сказать, и не бывало. Бросятъ, бывало, руду изъ правой или изъ лѣвой руки, горшки на поясницу накинутъ, много-много разотрутся скипидаромъ или напьются горячей бузины,—вотъ и все ихъ лѣченье.

Алексѣй особенно сблизился съ Катей за эти долгіе и для всѣхъ другихъ скучные дни. Почти постоянно имъ приходилось быть вдвоемъ, и такъ какъ Катя ежедневно ѣздила домой обѣдать съ отцомъ, который безъ нея совсѣмъ отказывался садиться за столъ, то Алексѣю всякій разъ приходилось провожать ее.

Мягкіе и сѣренькіе зимніе дни, которыми заканчивалось измучившее всѣхъ суровое время года, какъ нельзя болѣе подходили къ сладко меланхолическому настроенію духа Кати. Все бурное и рѣзкое — отпугивало ее; она могла пить счастье только изъ безшумнаго источника. Въ натурѣ ея не было ни малѣйшихъ влеченій къ эгоистическому наслажденію. Она понимала жизнь, какъ терпѣливую работу на пользу кому-нибудь, какъ благочестивый ежедневный подвигъ, никому невидимый, носимый человѣкомъ въ смиреніи и молчаніи своей собственной души.

Поэтому и любовь ея къ Алексѣю невольно искала случая,

гдѣ бы она могла слить эту свою любовь, тихую и чистую, какъ ключевая вода, съ какою-нибудь серьезною христіанскою обязанностью. Уходъ за его больнымъ отцомъ переполнилъ ее глубокимъ нравственнымъ удовлетвореніемъ, и черезъ это самая любовь ея къ Алексѣю разгоралась и сіяла какимъ-то особенно трогательнымъ огнемъ.

Эта возвышенная чистота внутренней жизни Кати умиляла Алексѣя и крѣпче всего привязывала его къ ней. У него у самого была душа слишкомъ женственная для мужчины, слишкомъ воспріимчивая ко всѣмъ кроткимъ струнамъ сердечной жизни. И хотя, къ его большому огорченію, воспитаніе на французскихъ энциклопедистахъ и философахъ-скептикахъ рано убило въ его душѣ религіозные идеалы, однако онъ съ самою горячею симпатіей любовался въ своей Катѣ именно ея свѣтлыми идеалами христіанскаго благочестія и христіанскаго подвига.

Во всякомъ случаѣ оба они искали въ жизни серьезнаго дѣла, серьезныхъ обязанностей, оба были проникнуты отвращеніемъ къ злымъ стихіямъ человѣчества и потребностью борьбы противъ нихъ: Алексѣй—въ формахъ болѣе порывистыхъ и страстныхъ, но за то менѣе выдержанныхъ; Катя—въ тихихъ и мягкихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ гораздо болѣе стойкихъ. Имъ обоимъ союзъ ихъ на всю жизнь казался такимъ естественнымъ и неизбѣжнымъ, что они инстинктивно считали себя какъ-будто уже давно связанными имъ.

Катѣ хотѣлось только растопить въ сердцѣ ею избраннаго супруга, прежде чѣмъ онъ станетъ имъ по закону Бога и людей, ту кору его невѣрія, отъ которой ей было постоянно больно на душѣ, и которая, какъ она была упорно убѣждена, была совершенно чужда его глубокой натурѣ.

Впрочемъ она уже дала Алексѣю торжественное обѣщаніе быть его женой — въ тотъ потрясающій вечеръ, когда Орлиха съ такимъ грубо-порывистымъ великодушіемъ бросила его въ ея объятія,—первыя во всей исторіи ихъ любви...

Катя ѣхала въ просторныхъ дорожныхъ саняхъ Ивана Васильевича, укрытая мѣдвежьею полостью, и Алексѣй сидѣлъ рядомъ съ нею. Они молчали, погруженные каждый въ свои мысли, еще не успѣвъ оторваться взволнованнымъ духомъ отъ тяжелыхъ впечатлѣній, среди которыхъ приходилось имъ жить эти дни. Но тихія объятія природы-матери незамѣтно втягивали ихъ

въ себя, укачивая ихъ мятежныя житейскія мечты на вѣчно могучихъ волнахъ своей непроходящей красоты...

— Какъ хорошо въ полѣ даже зимой! задумчиво сказала Катя, не отрывая глазъ отъ пейзажа, который стелился кругомъ.

Зима близилась къ концу, и на дворѣ стоялъ одинъ изъ тѣхъ теплыхъ мартовскихъ дней, когда солнце свѣтитъ, какъ-будто сквозь бѣлое матовое стекло, когда морозъ не ѣстъ тѣла своими иглами, а только дышетъ бодрою свѣжестью въ лицо человѣка и молодою волной заставляетъ двигаться кровь.

Какъ выѣхалъ изъ околицы, не видать ужь ничего... Грядами холмовъ, степями безъ конца лежитъ кругомъ бѣлый снѣгъ. Далей нѣтъ больше, тѣхъ заманчивыхъ синелиловыхъ далей, откуда сверкаютъ лѣтомъ бѣлыя церкви, темнѣютъ рощи, яснѣются желтыя гумна. Бѣло, бѣло вокругъ. Какое-то дѣтское смиреніе и кротость нечувствительно охватили сердце Кати въ этой безмолвно покоющейся пустынѣ. Ни звука, ни жизни. Безшумно, неспѣшно спускались сверху пушистыя звѣзды, такъ тихо, будто онѣ только стояли въ воздухѣ.

Все укутано, застлано, какъ мягкими подушками, глубокими сугробами. Въ нихъ безслѣдно заглушался лай собакъ, говоръ людской, всѣ слабыя проявленія зимней жизни...

Одно движеніе, одна жизнь въ этихъ тихо мелькающихъ бѣлыхъ пушинкахъ. Не то онѣ падали, не то роились и играли на солнышкѣ какъ несмѣтныя тучи бѣлыхъ мушекъ... Сверху ли внизъ, снизу ли вверхъ летятъ и снуютъ онѣ, не разберешь...

Когда сани проѣзжали мимо безмолвно-стоявшяго лѣса Прозоровскихъ, мимо березъ, дубовъ и липъ, одѣтыхъ въ торжественные бѣлые уборы осыпавшимъ ихъ „вишаемъ“, Катя опять обратилась къ Алексѣю:

— Не правда ли, Алексѣй Степановичъ, что деревья эти кажутся сплетенными волшебною рукой изъ какого-то чуднаго бѣлоснѣжнаго кружева, или, пожалуй, художественною филигранною работой, выточенною изъ матоваго серебра?.. Такъ мало все это похоже на обыкновенный снѣгъ...

— И однако это ни что иное, какъ холодная гробовая пелена, саванъ смерти, похоронившій подъ собою жизнь! возразилъ со вздохомъ Алексѣй.

— Да, это такъ. Но мнѣ она кажется теперь весною своего рода... Какая-то бѣлая весна, пышная, красивая, только, конечно, неподвижная и безмолвная, — можетъ-быть, призракъ умершей

настоящей весны... улыбнулась внутреннею улыбкой Катя.—Посмотрите, цѣлое цвѣтущее царство флоры кругомъ—каждая былинка обросла пушистыми бородками изъ самыхъ нѣжныхъ, трепещущихъ иголочекъ... А на бурьянахъ висятъ кисти и гроздья, право, такія же красивыя, какъ на кустахъ винограда... Разумѣется и эта бѣлая флора—тоже флора смерти... тоже призракъ своего рода.

Въ эту минуту стоя сѣро-желтенькихъ овсянокъ, проворныхъ и веселыхъ, какъ деревенскіе мальчишки, брызнула, словно горсть брошеннаго гороху, въ бѣлый хрустальный лѣсокъ травъ, которымъ любовалась Катя.

Воздушныя снѣговыя иглы, изъ которыхъ былъ сотканъ ихъ сверкающій свадебный нарядъ, осыпались какъ пухъ отъ перваго сотрясенія крыломъ, и вмѣсто хрустальнаго кружева и волшебной рѣзьбы, мнимыхъ цвѣтовъ и мнимыхъ гроздій,—разомъ зачернѣли вдругъ сухія розги полыни и омертвѣвшіе вѣники клоповника...

— Исчезъ сонъ! Разбита ваша поэтическая грёза, Катя! прозаическая дѣйствительность, какъ вездѣ, взяла верхъ... улыбнулся въ свою очередь Алексѣй. — Практическимъ птицамъ нуженъ кормъ и онѣ знать не хотятъ фантазій художника...

— Иной сонъ бываетъ дороже дѣйствительности, какъ бы часто ни разбивали его практическія птицы... твердо отвѣтила Катя, устремляя вдаль задумчивые глаза.

А тихій и теплый зимній день продолжалъ мирно сіять кругомъ нихъ, весь бѣлый вверху и внизу, съ бѣлыми деревьями, бѣлыми полями, бѣлымъ небомъ и бѣлымъ воздухомъ...

Солнце глядѣло не ярко и не жарко, сквозь молочныя низкія облака, застилавшія небо.

Они тянулись, рѣдѣли, утончались, сходились и расходились; и чѣмъ становились тоньше и рѣже, тѣмъ веселѣе и свѣтлѣе дѣлалось на землѣ..

Вотъ они совсѣмъ раздвинулись въ одномъ мѣстѣ и среди сплошныхъ бѣлыхъ хлопьевъ вдругъ засіяло ясное голубое озеро, словно ласковый глазъ теплаго неба внезапно взглянулъ на озябшую землю...

Сердце Кати съ сладкимъ трепетомъ слѣдило за этими все болѣе и болѣе разрастающимися оазисами небесной синевы. Оно расширялось и свѣтлѣло вмѣстѣ съ ними, отодвигая въ сторону и свои собственные сѣрые туманы... Этотъ маленькій клочекъ

солнечнаго неба словно обѣщалъ ей, что вотъ-вотъ сейчасъ потянутся за нимъ другіе голубые и золотые лучи, что вотъ-вотъ распахнется сейчасъ волшебною рукой все синее небо, сдунутся съ него, какъ пухъ застилающіе его, снѣгомъ начиненныя облака, и польется сверху давно уже нетерпѣливо ожидаемая голубая жаркая весна, на радость и воскресенье всему сущему...

— Алексѣй Степанычъ!.. видите ли вы этотъ голубой глазъ?.. Это весна къ намъ смотритъ!.. Это весна идетъ!.. улыбнувшись сказала Катя, вспыхивая улыбкой счастья...

— Ахъ, Катя, еслибъ это шла наконецъ наша съ вами весна; какъ бы я радостно глядѣлъ тогда на эту лазурь неба... съ глубокимъ чувствомъ сказалъ Алексѣй.

Катя молчала, не переставая свѣтиться прежнею улыбкой и загадочно смотря на голубые просвѣты неба...

— Къ чему нетерпѣнье!.. тихо произнесла наконецъ она.— Развѣ вы сомнѣваетесь, Алексѣй, что весна наша придетъ?.. Не сегодня, такъ завтра. Можетъ-быть, и вправду это она глядитъ теперь на насъ сквозь этотъ голубой глазъ неба изъ какого-нибудь далекаго, знойнаго юга... Повѣрьте, она идетъ къ намъ... и придетъ, когда ей назначено.

— Кѣмъ же это назначено?

— Тѣмъ, кто видитъ дальше, чѣмъ мы съ вами, и знаетъ больше насъ... Кто создалъ насъ и охраняетъ насъ...

— Да!.. но почемъ все это знать?.. а главное, когда жь, когда жь?...

Катя опять сосредоточилась въ себѣ и нѣсколько минутъ молча смотрѣла на небо.

— Я уже сказала вамъ, Алексѣй, когда это можетъ быть... съ тихою лаской произнесла она.—Все зависитъ отъ васъ. Я ваша.—и ничья больше, вы это знаете. Я ужь теперь невѣста ваша предъ Богомъ. Но я не могу подойти рука въ руку съ вами къ алтарю церкви, пока великое таинство, которое должно насъ соединить на всю жизнь,—нынѣшнюю и будущую,—остается въ вашихъ глазахъ пустымъ обрядомъ.

— Да нѣтъ же, нѣтъ. Катя... Право, вы преувеличиваете... Напротивъ, я съ величайшимъ благоговѣніемъ отношусь къ этому таинству... повѣрьте мнѣ... Конечно, я еще не могу назвать себя истиннымъ вѣрующимъ. Скрывать этого не хочу. Но

все-таки я съ глубокимъ чувствомъ смотрю на религію и искренно уважаю тѣхъ, кто вѣруетъ—хотя бы и слѣпо.

— Уважаете... конечно. Но развѣ дѣло въ уваженіи? Нужно вѣровать.

— Ахъ, Катя, я ничего бы такъ не желалъ, какъ увѣровать!.. Я понимаю все неизмѣримое счастье вѣры... Но вѣдь вѣра не въ рукахъ человѣка...

— Нѣтъ, вѣра въ рукахъ человѣка... Ищите и обрящете. Кто ищетъ со всею искренностью сердца, тотъ не можетъ не найти. Богъ всегда поможетъ человѣку, который ищетъ искренно... Молитесь Богу, призывайте его чаще... и Онъ будетъ около васъ, а съ Нимъ все будетъ...

— Какъ молиться, когда еще не вполнѣ вѣришь? не притворяться же!

— Нѣтъ, не притворяться, а просить Бога, чтобы помогъ вашему невѣрію. Просите, и дастся вамъ. И это придетъ гораздо скорѣе, чѣмъ вы думаете.

— Ахъ, еслибы вашими устами да медъ пить... Многое отдалъ бы я за то, чтобы вѣрить во все, во что̀ вы вѣрите, и быть такимъ твердымъ, такимъ спокойнымъ, какъ вы, Катя.

— Дайте мнѣ слово, Алексѣй, одно только слово.

— Приказывайте, я исполню. Вы хорошо это знаете.

— Съ этого дня вы каждый день должны молиться Богу...

— Хорошо... я бы и готовъ... но подумайте сами, что̀ же это будетъ?..

— Вы будете каждый день говорить только эти три слова „Господи! вѣрую, помоги моему невѣрію...“ И больше ничего.

— Говорить буду, если вы этого желаете. Но, конечно, ничего и не будетъ...

— Я больше ничего не прошу у васъ... тамъ увидимъ. Я вѣрю, что Богъ не оставитъ васъ. Вы назначены мнѣ, а я вамъ, и насъ не можетъ раздѣлять долго такая ужасная, такая невообразимая бездна!..

— Ахъ. Катя!.. но неужели жь эта мнимая бездна и дѣйствительно такъ непроходима? Неужели же въ глазахъ вашего разума не достаточно того, чтобы люди дѣлали добро и любили другъ друга? съ отчаяніемъ въ голосѣ спросилъ Алексѣй.—Неужели жь Богу могутъ быть нужны тѣ или другія наши слова, свѣчи и поклоны?..

— Богу нужно наше послушаніе и вѣра... твердо сказала

Катя.—Онъ поставилъ надъ нами свою церковь, чтобъ она руководила насъ въ добрѣ и любви, о которыхъ вы говорите. И любовь, и добро—бываютъ вѣдь такія разныя!.. А Богъ учитъ насъ истинной любви и истинному добру...

— Я съ вами не умѣю спорить, Катя, да и захочется ли съ вами спорить?.. отвѣчалъ Алексѣй.—Каждое ваше слово вливаетъ въ мою душу какой-то сладкій ароматъ, отъ котораго замираешь въ восторгѣ и который бы вѣчно былъ готовъ вдыхать въ себя... Какъ будто вы несете съ собою ту благоухающую бѣлую лилію, которая пишется на образахъ въ рукахъ Архангела-благовѣстника...

— Такъ слушайте же меня, какъ Архангела-благовѣстника, и вѣрьте тому, что̀ я говорю вамъ...

— Да развѣ я могу не вѣрить?.. Когда я смотрю на васъ и васъ слушаю, я вѣрю всему... и я готовъ на все...

— Вамъ предстоитъ скоро маленькое испытаніе. Вѣдь вы знаете, что мы уѣзжаемъ?

— Какъ?!.. уѣзжаете?!..

— Да батюшка не можетъ больше выносить безпорядковъ, которымъ онъ теперь свидѣтель. Онъ предвидитъ въ скорости кровавый народный мятежъ въ этой провинціи и желаетъ лично убѣдить императрицу своевременно принять мѣры противъ угрожающей государству опасности...

— И вы, Катя... и вы тоже ѣдете? прерывающимся голосомъ спросилъ Алексѣй.

— Я упросила батюшку остаться, пока Степанъ Матвѣичъ можетъ нуждаться въ моей помощи. А то бъ мы уѣхали еще на прошлой недѣлѣ.

— Но я?.. Что̀ же я буду дѣлать безъ васъ, Катя? продолжалъ Алексѣй, безпомощно глядя на Катю...—Безъ васъ я не могу остаться... Я поѣду за вами всюду, куда вы поѣдете... Остаться безъ васъ—это выше моихъ силъ... это... это рѣшительно невозможно!.. Только я думаю, вы шутите, Катя?.. Скажите, ради Бога, что вы шутите.

— Я не шучу и, главное, я вовсе не хочу, чтобы вы ѣхали за нами. Вы должны остаться здѣсь. У васъ есть здѣсь обязанности, которыхъ вы не въ правѣ бросить... Отецъ-вашъ, если и выздоровѣетъ, будетъ слишкомъ слабъ, чтобъ обойтись безъ вашей помощи...

— Отецъ... отецъ... конечно, это такъ... Бросить стараго

отца,—разумѣется, не хорошо. Но, Катя, вы же знаете, что̀ такое мой отецъ?... Зачѣмъ брать на себя такое непосильное испытаніе? Не лучше ли быть дальше другъ отъ друга и хотя вдали сохранять иллюзію сыновней любви? Право, это было бы удобнѣе для обоихъ...

— Какъ? Вы и теперь, когда отецъ вашъ лежитъ чуть не умирающій, питаете къ нему тѣ же дурныя чувства, Алексѣй? Когда же въ самомъ дѣлѣ проснется въ васъ сынъ, не говорю уже—христіанинъ?

— Катя! я знаю, что долженъ казаться извергомъ вашему самоотверженному сердцу. Но я не могу притворяться. Другимъ я не говорю ничего, но вы, именно вы, должны знать меня такимъ, каковъ я есть... Я ненавижу отца... Я уже говорилъ вамъ. И съ каждымъ днемъ эта ненависть дѣлается сильнѣе...

— Ненавидите отца! Это что-то такое ужасное и невозможное, о чемъ я не умѣю ни говорить, ни думать, съ содраганіемъ сказала Катя.—Я просто не вѣрю вамъ, Алексѣй. Въ васъ говоритъ какая-нибудь минутная злоба... И вы клевещете на себя.

— Да... я ненавижу его. Я съ какою-то болѣзненною жадностью разспрашиваю у кого только могу о всѣхъ его позорныхъ подвигахъ, и чѣмъ больше слушаю, чѣмъ больше узнаю, тѣмъ глубже презираю его! Презираю тѣмъ сильнѣе, что до сихъ поръ находился въ совершенно непростительномъ ослѣпленіи на его счетъ...

— Молитесь за него, а не презирайте. Презирать легко, осуждать легко. А кто поставилъ васъ судьей надъ нимъ? Да и кто сказалъ вамъ, что все правда,—то, что̀ говорятъ о немъ? Вы знаете, какъ люди злы, и какъ много лжи на свѣтѣ...

— Ахъ, Катя! я бы все хотѣлъ разсказать вамъ, но, къ сожалѣнію, съ чистымъ существомъ, какъ вы, невозможно говорить о тѣхъ гнусностяхъ, изъ которыхъ соткана вся жизнь моего родителя... У васъ волосы стали бы дыбомъ, еслибы вы узнали одну десятую долю того, что̀ теперь знаю я...

— Замолчите, Алексѣй! Я не имѣю возможности опровергать васъ, но я не хочу слушать, какъ сынъ оскорбляетъ своего отца даже и за глаза. Повторяю вамъ, я не вѣрю, не вѣрю! я не могу вѣрить... И во всякомъ случаѣ не дѣтямъ осуждать своихъ родителей... Оставьте это другимъ...

— Хорошо, я оставлю; я знаю, что этотъ разговоръ всегда непріятенъ вамъ и всегда глубоко роняетъ меня въ вашихъ

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY

глазахъ, Катя. Но я не хочу казаться лучше, чѣмъ я есть... Во всякомъ случаѣ, если я заговорилъ объ отцѣ, то для того только, чтобы рѣшительно объявить вамъ, что безъ васъ я не останусь здѣсь ни одной минуты... Если я еще не убѣжалъ отсюда, зажмуривъ глаза, то только потому, что вы были тутъ... Вы солнце мое, и для меня нѣтъ жизни тамъ, гдѣ васъ не будетъ, Катя...

— Оставьте это, пожалуста! Я вовсе не желаю любви человѣка, который относится къ своимъ родителямъ со злобой и несправедливостью дикаря... недовольнымъ голосомъ перебила его княжна.—Я не язычница, а христіанка, и отдамъ свое сердце только христіанину, помните это, Алексѣй! твердо прибавила она.

Катя была такъ огорчена признаніями Алексѣя, что до самаго дома едва обмѣнялась съ нимъ нѣсколькими словами. Она съ трудомъ удерживалась, чтобы громко не расплакаться. Ей такъ хотѣлось вѣрить, что любовь ея чудеснымъ образомъ пересоздастъ ея Алексѣя, ей такъ страстно хотѣлось видѣть первые проблески его духовнаго возрожденія, и вдругъ опять та же, всегда ее ужасавшая, исповѣдь невѣрія, то же безпощадное ожесточеніе противъ роднаго отца. Катя лелѣяла въ своемъ сердцѣ любовь къ Алексѣю, и ставила ее главнымъ событіемъ своей жизни, въ томъ именно упованіи, что эта любовь сама собою обратится въ подвигъ спасенія, въ торжество ея христіанскихъ идеаловъ. Безъ такого глубокаго содержанія, безъ такихъ высокихъ цѣлей— любовь казалась ей чѣмъ-то низменнымъ и недостойнымъ, почти оскорбительнымъ для нея...

Теперь ей стало ясно, что она слишкомъ самонадѣянно разсчитывала на свои силы, и что самыя сладкія иллюзіи ея разбиты въ прахъ.

„Исчезъ сонъ! поэтическая грёза разбита! Онъ говорилъ это не даромъ. Онъ самъ, стало-быть, понималъ хорошо и мои ожиданія и мое разочарованіе. Вспомнился ей недавній разговоръ по поводу овсянокъ... Что жъ? Я достойно наказана за свою самонадѣянность... Я слишкомъ вѣрила въ себя, въ свою власть надъ нимъ... Я воображала, какъ глупый ребенокъ, что каждое мое слово должно быть для него закономъ... И вотъ... Теперь онъ показалъ...“ глотая слезы, перебирала въ своемъ умѣ Катя.

Князя Солово-Чембурова они застали въ хлопотахъ. Онъ сидѣлъ въ кабинетѣ, окруженный стульями, на которыхъ лежали

пачки бумагъ и писемъ, завязанныя и развязанныя папки, портфели и коробки. Огромный письменный столъ былъ тоже заваленъ ими.

— Вы, кажется, не на шутку собираетесь уѣзжать, Ираклій Петровичъ, огорченнымъ голосомъ спросилъ Алексѣй.

— Да, да, милѣйшій мой... да, mon cher... Необходимо... отвѣчалъ князь, торопливо здороваясь съ нимъ и не отрывая быстро перебѣгавшихъ глазъ отъ своихъ бумагъ... —Вотъ видишь, какое тутъ у меня столпотвореніе Вавилонское... Une veritable tour de Babel. Все это корреспонденція, требующая большой конфиденціи... Нельзя поручить секретарю! Ну, и вожусь...

— Прямо въ Петербургъ отсюда, крестный...

— Натурально, mon enfant... Я ждалъ и дѣлалъ здѣсь свои обсерваціи пока было можно; это долгъ нашъ, вельможъ, осчастливленныхъ ближайшимъ конфіансомъ нашей всемилостивѣйшей монархини... Теперь я увѣрился, что безъ присылки сюда какой-либо отмѣнно довѣренной персоны съ надлежащими плениипотенціями, наша бѣдная Бѣлгородская провинція станетъ въ самомъ скоромъ будущемъ театромъ наиприскорбнѣйшихъ событій... Я это выражаю не токмо какъ лицо правительственное, но и какъ вѣрный сынъ Россійскаго государства...

— Имѣете ли вы въ настоящее число какія-либо коммуникаціи на этотъ предметъ изъ Санктпетербурга, князь?.. спросилъ Алексѣй.

— Не слѣдовало бы говорить, ибо это secret d'état въ нѣкоторомъ родѣ, снисходительно улыбнулся князь.—Но тебѣ я могу. Entre nous только, прошу тебя... Онъ нагнулся къ Алексѣю, серьезно нахмуривъ лобъ, и произнесъ тихо:—Ты знаешь, я писалъ прямо графу про это слезамъ достойное кровопролитное позорище... Теперь графъ пишетъ мнѣ, что имѣлъ счастливую оказію прочесть мое письмо въ société у государыни, гдѣ были первой знати дамы и даже князь свѣтлѣйшій. Ея величество не переставала отмѣнное имѣть по письму моему замѣчаніе, и когда по случаю чтенія публичныхъ вѣдомостей между княземъ и ея величествомъ сдѣлалось нѣкоторое преніе о французскихъ дѣлахъ, ея величество выразиться изволила, что въ Россійскомъ отечествѣ не только мужи воинского состоянія, которые въ разныхъ земляхъ низвергали непріятелей, но и простые граждане по долгу званія своего изъ любви къ отечеству ополчаются противу злодѣевъ въ военномъ подвигѣ, и изволила при

томъ похвально упомянуть о донесенномъ мною поступкѣ нашего преуважаемаго Ивана Васильевича Прозоровскаго, коего постановила и всѣмъ прочимъ присутствующимъ господамъ въ примѣръ... Графъ мнѣ сообщилъ, что свѣтлѣйшій уже приказалъ безъ замедленья отправляться въ Бѣлгородскую провинцію генералъ-поручику отъ кавалеріи Арапову, что̀ съ Прусской границы возвратился, и учредить здѣсь большую военную строгость...

— А! наконецъ-то собрались!.. Генералъ-поручикъ Араповъ, военоначальникъ, сколько я слышалъ, предостойный, и способенъ послужить къ совершенному и надежному огражденію здѣшней безопасности... замѣтилъ Алексѣй.

— Au moins, cher ami, подлымъ людямъ необходимый страхъ и субординація будетъ... Всякій вѣрный подданный нашей монархіи мирно останется при своемъ домостроительствѣ и промыслѣ, а оскорбители Божіихъ и государственныхъ законовъ примѣрно будутъ наказаны... Пора прекратить неразумное ласкательное бездѣйство, коему предаются здѣшніе правители... Графъ пишетъ мнѣ, прибавилъ таинственно князь, еще ниже склоняясь къ уху Алексѣя и весь сіяя довольною улыбкой,—что губернаторомъ Бѣлгородской провинціи назначается вмѣсто Чулкова, cet ours mal léché, бывшій Смоленскій губернаторъ Пушкинъ, что̀ въ Малороссійской коллегіи былъ... Невѣжество столь мало способнаго правителя, само собою разумѣется, не должно было продолжаться долѣе. Я счелъ своимъ долгомъ ничего не скрыть отъ нашей милостивой монархини, не имажинируя какихъ-либо небылицъ... Только прошу тебя, mon ami, никому о томъ ни слова, secret d'état, ты самъ понимаешь...

— Я очень этому радъ, крестный, какъ и всѣ, я думаю. Но зачѣмъ же я буду разглашать это праздныхъ любителямъ новостей?..

Князь хотѣлъ сказать что-то ласковое, но вдругъ лицо его быстро нахмурилось, и онъ испуганно посмотрѣлъ на Алексѣя.

— Вѣдь Китти ушла въ свою комнату, не правда ли? она не можетъ слышать насъ? озабоченно спросилъ онъ.

— Конечно не можетъ, крестный. А въ чемъ дѣло?

— Ахъ, какъ я становлюсь разсѣянъ, съ досадой сказалъ князь, ударяя себя по лбу.—Я и забылъ самое главное... La nouvelle la plus capitale... Mon cher, я долженъ предупредить тебя... Дѣло идетъ о большемъ дезагрементѣ для твоего отца...

Хотя я надѣюсь... и даже вполнѣ ассюрированъ... съ нерѣшительностью посматривая на юношу, тянулъ Чембуровъ.

— Для отца? что̀ такое? говорите откровенно, князь... я не нервная барышня и перенесу все.

— Vois-tu, mon petit... Дѣло, конечно, еще только начинается и ничего неизвѣстно... Но я хотѣлъ, чтобы ты предупредилъ ce digne vicillard... Видишь ли... сюда командированъ прокуроръ Московской губерніи Тюфяковъ, коллегіи ассессоръ, персона, сколько слышалъ, весьма претендательная и къ строгости весьма склонная, тотъ самый Тюфяковъ, что̀ производилъ когда-то секретное изслѣдованіе надъ бывшимъ префектомъ суждальскимъ преосвященнымъ Геронтіемъ... Говорили, что онъ поступаетъ очень дерзко... Преосвященный вѣдь до слѣдствія былъ тогда отъ епаршескихъ дѣлъ отлученъ... Опасаюсь, какъ бы...

— Да, да... Теперь я понимаю. Вѣроятно, какіе-нибудь доносы на отца?... Въ чемъ же обвиняютъ батюшку? нахмуривъ брови, черезъ минуту спросилъ Алексѣй.

— Vois-tu... это все такъ секретно... не глядя на Алексѣя уклончиво отвѣтилъ Чембуровъ.—Мнѣ только даютъ нѣкоторые намеки... И мнѣ очень, очень жаль тебя et ton cher pàpà... Что-то нелѣпое... какое-то будто бы убійство тайное... Дочь попа... Que sais je enfin!.. Навѣрное, вздоръ какой-нибудь, чтобы только причинить этими коварствами ябедническими агитацію почтенному дворянину и инсинуировать противъ благороднаго сословія...

— Такъ, значитъ, въ убійствѣ поповской дочери? твердо повторилъ Алексѣй, пытливо вглядываясь въ князя...

— Кажется, кажется, заторопился князь, все попрежнему не глядя на своего собесѣдника и очевидно очень смущенный. Но вѣдь каломнировать можно всякаго... Вотъ это и эксплуатируютъ дерзкія личности...

Лицо князя дѣлалось все озабоченнѣе, и онъ растерянно теръ себѣ лобъ своею бѣлою и тонкою рукой.

— Потомъ еще какой-то казусъ съ священникомъ... еще болѣе таинственнымъ голосомъ прибавилъ князь, безпокойно оглядываясь на дверь.—Не могу хорошенько припомнить... Ея величество почему-то придаетъ этому дѣлу особенную синнфикацію... Vois tu.. c'est grave...

— Что-нибудь и еще? суровымъ, но безстрастнымъ тономъ спросилъ Алексѣй.

Князь безпомощно развелъ руками и покачалъ головой, какъ бы отвѣчая на свою собственную мысль.

— Что-нибудь постараюсь сдѣлать... но трудно, очень трудно въ настоящее время... La principale chose—tout celà—дѣла судебныя... А государыня не фаворизируетъ вмѣшательству въ суды...

— Однако, изо всѣхъ вашихъ уваженьевъ я заключаю, что дѣло сіе предрекаетъ батюшкѣ весьма мало утѣшительныя послѣдствія, сказалъ Алексѣй...—И въ особливости, если еще онъ будетъ, какъ это въ сихъ случаяхъ бываетъ, заключенъ въ темницу прежде, чѣмъ возможетъ предъявить судьямъ свои оправданья... Болѣзненное его состояніе можетъ совершенно не перенести сего новаго жестокаго удара судьбы... И, какъ нарочно, вы еще, князь, его пріятель и заступникъ,—уѣзжаете отсюда...

— Да, да... Что жь дѣлать, дорогой мой... Я тебѣ однако сказалъ, что постараюсь... Я этого не забуду... Я переговорю съ кѣмъ будетъ надобность... Il ne faut pas perdre l'espoir... Я во всякомъ случаѣ заѣду проститься съ старичкомъ... Поговоримъ тогда еще... А пока экскюзируй меня предъ нимъ... И, пожалуста, чтобъ это все entre nous...

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Е. Марковъ.

ОКТАВЪ ФЕЛЬЕ.

(Литературный очеркъ.)

I.

Если мы признáемъ за несомнѣнную истину, что литература каждой эпохи служитъ отраженіемъ современнаго ей общества, мы должны будемъ придти къ заключенію, что французское общество нашихъ дней очень походитъ на гладкую поверхность тихаго озера. Въ самомъ дѣлѣ, французская литература послѣдняго двадцатипятилѣтія отличается поразительною безмятежностью, въ ней не замѣтно и слѣда какой-либо политической или соціальной борьбы. А между тѣмъ мы знаемъ на самомъ дѣлѣ, что это далеко не такъ, что французскія партіи и не думаютъ о примиреніи, хотя, быть-можетъ, происходящая между тѣмъ борьба и не отличается прежнею страстностью. Какъ же объяснить это противорѣчіе? Не слѣдуетъ ли отказаться отъ стариннаго, вошедшаго въ поговорку, сравненія литературы съ зеркаломъ общественной жизни? Намъ сдается, что приведенная выше ходячая истина не утратила своей силы и для Франціи и что новѣйшая французская литература вѣрно отражаетъ въ себѣ одну существенную черту теперешняго французскаго общества,—то внутреннее равнодушіе къ принципіальнымъ вопросамъ, то полное разочарованіе во всѣхъ догматахъ, религіозныхъ и политическихъ, которое въ сущности кроется подъ наружнымъ шумомъ политической борьбы. Французская литература вѣдь не всегда

была такою, какъ теперь. Не такъ еще давно въ ней раздавалась соціалистическая проповѣдь Жоржъ-Зандъ, громкая декламація Виктора-Гюго, правда, болѣе звучная, чѣмъ глубоко прочувствованная, страдальческіе возгласы горестнаго скептицизма Мюссе, религіозный лиризмъ Ламартина и даже писатели менѣе крупные, какъ Шарль де-Бернаръ, Жюль Сандо, Эмиль Ожье охотно служили отголоскомъ послѣднихъ проявленій сословной вражды, еще не вполнѣ остывшей послѣ революціоннаго погрома. Теперь всѣ эти звуки замолкли. Въ религіозныхъ вопросахъ вмѣсто горячаго отрицанія или потрясающей скорби по утраченной вѣрѣ мы видимъ не то холодно горделивое, не то насмѣшливо сострадательное равнодушіе, въ политическихъ—усердное выставленіе на показъ изнанки общественной жизни, контраста между кажущеюся непримиримостью и полнымъ внутреннимъ скептицизмомъ. Современная литература уже не арена для страстей, а мирная забава утонченнаго и пресыщеннаго вкуса, которому доступно лишь одно послѣднее наслажденіе,—изящно и безстрастно глумиться надъ развѣнчанными богами прошлаго. Въ произведеніяхъ искусства теперь ищутъ уже не воплощенія какой-нибудь идеи, овладѣвшей художникомъ, а лишь спокойнаго анализа жизненныхъ явленій, который примѣняется ко всѣмъ идеямъ съ одинаковою, благовоспитанною проніей.

И это примирительное равнодушіе, это торжество остроумной наблюдательности надъ страстнымъ увлеченіемъ мы можемъ подмѣтить даже на тѣхъ двухъ единственныхъ писателяхъ, которые до самаго послѣдняго времени сохранили въ своихъ произведеніяхъ нѣкоторую тенденціозность, нѣкоторую наклонность къ борьбѣ за идею. Писатели эти—Дюма-сынъ и только-что скончавшійся Октавъ Фелье. И тотъ и другой избрали главною темой для своего творчества конфликтъ нравственныхъ понятій, сказывающійся въ томъ, что жизнь не укладывается въ рамки установленной морали, что на каждомъ шагу она наталкиваетъ человѣка на противорѣчіе между этою моралью и увлеченіями страсти. Правда, этотъ конфликтъ оба они воспроизводили въ сферѣ частной, а не политической жизни. Но тѣмъ не менѣе и въ этой, сравнительно тѣсной рамкѣ они являлись писателями тенденціозными, потому что они не просто рисовали картину общественныхъ нравовъ, а вкладывали въ эту картину предвзятую идею, являлись проповѣдниками нравственнаго ученія. Пытаясь разрѣшить сложныя задачи, какія возникаютъ на каждомъ

шагу изъ борьбы личнаго чувства съ условнымъ понятіемъ долга, оба эти писателя всегда становились на двѣ діаметрально противоположныя точки зрѣнія. Всѣ пьесы и романы Дюма стремятся отыскать новый, высшій нравственный законъ, который освободилъ бы человѣка отъ гнета традиціонной морали, явно безсильной распутать затянувшійся узелъ сложныхъ отношеній между мужчиной и женщиной, между законною семьей и увлеченіями сердца. Для него вся человѣческая жизнь представляетъ сплошной рядъ исключительныхъ случаевъ, для которыхъ общепризнанное рѣшеніе непригодно. Всюду онъ доискивается болѣе глубокой, настоящей правды, которую противопоставляетъ правдѣ условной. И очень трудно было бы слить въ одинъ опредѣленный нравственный кодексъ тѣ разнообразные, часто противорѣчивые выводы, къ которымъ приходитъ Дюма. То у него падшая, даже продажная женщина, какъ Маргарита Готье, полюбивъ безкорыстно, возвращаетъ себѣ утраченное право на уваженіе, то какъ честное имя порядочнаго человѣка не должно быть запятнано союзомъ съ виновною, хоть и любимою женщиной, и въ глазахъ Дюма всѣ средства законны, чтобы протрезвить такого человѣка отъ охватившаго его увлеченія. Въ комедіи *La femme de Claude* за мужемъ признается право казнить невѣрную жену, въ двухъ другихъ пьесахъ, *La princesse George* и *L'étrangère*, наоборотъ, такой же казни подлежитъ вѣроломный мужъ. Словомъ, почти каждому изъ рѣшеній, предлагаемыхъ Дюма въ одной изъ своихъ пьесъ, можно противопоставить другое, діаметрально противоположное. Въ своихъ пьесахъ онъ скорѣе поднимаетъ запутанные вопросы, чѣмъ даетъ на нихъ удовлетворительные отвѣты. Вотъ почему его творчество носитъ такой тревожный характеръ, такъ волнуетъ страсти, не давая имъ успокоиться на окончательномъ, опредѣленномъ исходѣ. И причина этому главнымъ образомъ та, что у Дюма нѣтъ въ сущности яснаго представленія о той новой морали, которая призвана замѣнить собою старую. Когда онъ расшевеливаетъ омутъ двусмысленныхъ людскихъ отношеній, выводя предъ нами этотъ рядъ падшихъ дѣвушекъ, невѣрныхъ женъ, незаконныхъ дѣтей, онъ гораздо болѣе добивается сильнаго впечатлѣнія на зрителей, чѣмъ положительнаго и яснаго отвѣта на поставленный имъ самимъ нравственный вопросъ. За его горячею проповѣдью слышится скептицизмъ не по отношенію къ признанной морали только, но по отношенію ко всякой морали вообще.

Такимъ же затаеннымъ скептикомъ является предъ нами и Фелье, хотя онъ выдаетъ себя за сторонника очень опредѣленной доктрины, какъ разъ противоположной взглядамъ Дюма. Тотъ способъ, которымъ Фелье предлагаетъ исцѣлить язвы общества, заключается въ простомъ возвращеніи къ старымъ, пошатнувшимся нравственнымъ идеямъ. Оттого, по его мнѣнію, и развелось такъ много несчастныхъ семей, оттого такое множество людей приходитъ къ безвыходному горю, либо къ непоправимымъ ошибкамъ, что нѣтъ болѣе твердаго убѣжденія въ обязательности долга, а шаткость нравственныхъ понятій, въ свою очередь, вызвана паденіемъ религіозныхъ вѣрованій. Такимъ образомъ, въ противоположность Дюма, Октавъ Фелье рѣшительный представитель консервативной морали. Насколько первый любитъ ставить себѣ запутанные вопросы и подыскивать имъ необыкновенныя, даже парадоксальныя рѣшенія, идущія притомъ въ разрѣзъ другъ другу, настолько Фелье, наоборотъ, сторонникъ простыхъ и прямолинейныхъ выводовъ, основанныхъ на твердой почвѣ непоколебимой вѣрности религіозному началу и семейнымъ обязанностямъ. Но въ сущности, какъ мы тотчасъ увидимъ, эта прямолинейность Фелье только кажущаяся: онъ такой же сынъ своего вѣка, какъ Дюма, и на немъ тоже отразился разъѣдающій скептицизмъ, не пощадившій и тѣхъ высшихъ слоевъ французскаго общества, которые по своему общественному положенію являются во Франціи естественными защитниками церкви и преданій старины.

II.

Послѣдніе годы своей жизни Октавъ Фелье стоялъ во французской литературѣ почти совершенно одинокимъ. И по способу рисовки характеровъ, и по манерѣ веденія разсказа, и по самому языку онъ не походитъ ни на одного изъ современныхъ писателей. Онъ не оставилъ послѣ себя литературнаго потомства. Съ его смертью будто сошелъ въ могилу послѣдній потомокъ когда-то знаменитаго рода. Оцѣнить характеръ и силу его таланта можно поэтому лишь возвращаясь назадъ въ ту эпоху славы и процвѣтанія романтизма, которой онъ былъ запоздалымъ представителемъ. Вотъ почему оцѣнка его дѣятельности представляетъ интересъ болѣе широкій, чѣмъ содержаніе его произведеній, взятыхъ самихъ по себѣ. Его кончина представляетъ быть-можетъ въ послѣдній разъ поводъ спросить, чему романтическая школа

была обязана своимъ, нѣкогда блестящимъ успѣхомъ и благодаря чему она кажется намъ теперь чѣмъ-то обветшалымъ и поблекшимъ. Какъ ни страннымъ можетъ это показаться, Октавъ Фелье, этотъ писатель, вылощенный, изящный и гладкій до послѣдней степени, былъ вѣрнымъ ученикомъ романтизма, того самаго романтизма, который нельзя себѣ представить иначе, какъ буйнымъ, кипучимъ и разнузданнымъ. Страстная молодежь, такъ шумно привѣтствовавшая въ 1829 году первое представленіе *Эрнани*, и вѣчно раздушенный старикъ Фелье, этотъ строгій хранитель литературнаго этикета, повидимому ничего не имѣютъ общаго. А между тѣмъ романы и пьесы Фелье ни что иное, какъ послѣднее слово, къ какому пришло нѣкогда буйное поколѣніе, достигшее старческаго возраста. Судьбы романтизма такъ слились съ исторіей нашего вѣка, стадіи, черезъ которыя онъ прошелъ, до того соотвѣтствуютъ послѣдовательнымъ возрастамъ этого вѣка, что въ немъ нельзя не видѣть какъ бы олицетворенія всей жизни нашего столѣтія, сперва его молодыхъ иллюзій, потомъ его страстнаго разочарованія, наконецъ, его скептическаго успокоенія.

Всѣ пытавшіеся опредѣлить умственное движеніе, окрашенное именемъ романтизма, испытывали нѣкоторое недоумѣніе предъ его сложною натурой. Какъ истый хамелеонъ, онъ обращался къ нимъ то одною, то другою изъ своихъ разноцвѣтныхъ сторонъ. Въ немъ хотѣли видѣть исключительно литературное явленіе, реакцію противъ строго условныхъ формъ французскаго классицизма XVII и XVIII вѣковъ. Но эта рамка оказывалась для него совершенно непригодною. Не трудно было въ самомъ дѣлѣ возразить, что нѣмецкая литература освободилась отъ французскаго вліянія гораздо ранѣе, чѣмъ наступила въ ней романтическая эра, а литература англійская никогда этому вліянію не подчинялась вполнѣ. У каждаго народа, въ каждой изъ европейскихъ литературъ самыя понятія о классицизмѣ и романтизмѣ носили свой особенный, національный колоритъ. Нельзя было также не замѣтить, что колоритъ между этими направленіями вовсе не заключался въ замѣнѣ драматическихъ сюжетовъ, заимствованныхъ изъ древняго міра, сюжетами болѣе современными. Вольтеръ бралъ зачастую дѣйствующихъ лицъ своихъ трагедій изъ Среднихъ Вѣковъ, а къ романтизму онъ все-таки совершенно не причастенъ. Въ то же время такія классическія фигуры, какъ Сафо и Медея, стали излюбленными героинями романтической драмы. Романтизмъ пытались отождествлять то съ политическою

реакціей противъ революціонныхъ идей, то съ возрожденіемъ культа Среднихъ Вѣковъ и католицизма. Но всѣ эти опредѣленія оказывались для него слишкомъ узкими. Личность Байрона и характеръ его поэзіи совсѣмъ уже не укладывались въ такое представленіе о романтизмѣ, которое его отождествляло съ реакціей. Возвеличеніе средневѣковаго рыцарства уже совсѣмъ незамѣтно во второмъ поколѣніи романтиковъ, въ произведеніяхъ Жоржъ-Зандъ и въ поэзіи молодой Германіи. Возрожденіе религіознаго чувства, наконецъ, не имѣло ничего общаго съ тѣмъ безвѣріемъ, которое такъ горестно звучитъ въ поэзіи Мюссе и Гейне. А между тѣмъ, несмотря на все это разнообразіе, даже противорѣчіе содержанія, въ цѣлой романтической школѣ вплоть до нашихъ дней все-таки чувствуется какъ бы вѣяніе одного и того же духа, какая-то неуловимая общность вдохновенія. И если мы попробуемъ точнѣе опредѣлить эту общую черту всей романтической школы, черту, которой она осталась вѣрною до конца, мы должны будемъ признать, что она заключается прежде всего въ страстномъ поклоненіи личной свободѣ. Все романтическое движеніе въ сущности было ничѣмъ инымъ, какъ стремленіемъ возвыситься надъ уровнемъ обыденной жизни, стряхнуть съ себя все условное, низменное, пошлое, и притомъ не только въ формахъ искусства, но и въ самой жизни. Романтизмъ всегда силился противоставить будничной дѣйствительности съ ея законами, обычаями, предразсудками такую личность, которая олицетворяла бы въ себѣ смѣлое отрицаніе всѣхъ этихъ мелочныхъ стѣснительныхъ условій, годныхъ только для презрѣнной толпы. По своему характеру романтизмъ всегда былъ въ сущности революціоннымъ движеніемъ, проявленіемъ непокорнаго протеста. Но тѣмъ не менѣе, преслѣдуя свой идеалъ могучей, исключительной личности, онъ по необходимости долженъ былъ получить какой-то аристократическій отпечатокъ. Исключительныя натуры, стоящія выше толпы и презирающія ее, тѣмъ самымъ являются какими-то избранниками судьбы, истинною аристократіей человѣчества.

Вотъ почему и герои романтической поэзіи и та сфера, въ которой они дѣйствуютъ, стоятъ внѣ условій будничной, реальной жизни. Она искала этихъ героевъ либо вдали вѣковъ, либо среди малоизвѣстныхъ, полудикихъ странъ, либо, наконецъ, въ еще болѣе туманной дали фантастическаго, сверхъестественнаго міра. Разстояніе ей было необходимо, какъ будто оно придавало какую-то

реальную правду излюбленнымъ ею, грандіознымъ, почти нечеловѣческимъ фигурамъ. А когда она снисходительно опускалась до воспроизведенія современнаго быта, ея герои всегда относились къ этому быту съ изящнымъ, хоть и скорбнымъ пренебреженіемъ. Протестъ во имя неосуществимаго идеала,—вотъ та однообразная нота, которая постоянно звучитъ во всѣхъ произведеніяхъ романтизма. Идеалъ этотъ могъ измѣняться, но съ дѣйствительностью онъ не мирился никогда. Его искали то въ далекомъ прошломъ, въ удали средневѣковой жизни, то въ пустыняхъ востока, то въ туманной перспективѣ будущаго, но вблизи, вокругъ себя, его найти не могли. Герой романтической поэзіи могъ быть нравственнымъ извергомъ или физическимъ уродомъ, но простымъ смертнымъ, мирно живущимъ среди обыкновенныхъ условій жизни, онъ не могъ быть никогда. Средній человѣкъ, тотъ естественный продуктъ общественнаго быта, котораго стремится воспроизводить современная литература, былъ глубоко ненавистенъ романтической школѣ. Вотъ почему ей никогда не удавалось отчетливо и вѣрно изображать бытовыя условія жизни, и созданныя ею фигуры намъ кажутся теперь неестественными и вычурными. Но было бы крайне ошибочно переносить въ эту эпоху расцвѣта романтизма нашу современную точку зрѣнія и обвинять его въ отсутствіи правды. Тогдашнему обществу героическія натуры, презиравшія будничные разсчеты, натуры, для которыхъ никакая жертва не была страшна и ничего на свѣтѣ не было дороже любимаго существа, не казались смѣшными и вычурными. Каждое общество прежде всего ищетъ въ литературѣ самого себя, а общество начала XIX вѣка, видѣвшее грандіозныя картины революціи и Наполеоновскихъ войнъ, было черезчуръ настроено на героическій ладъ, чтобы не искать въ своей литературѣ лишь изображенія великихъ подвиговъ и страстей исключительныхъ.

Когда Франція только-что выходила изъ ряда страшныхъ потрясеній, закончившихся битвой при Ватерлоо, французская поэзія должна была искать предметовъ для вдохновенія въ далекомъ прошломъ, въ яркихъ образахъ средневѣковой жизни. Революція, начавшаяся съ провозглашенія правъ человѣка, закончилась такимъ неслыханнымъ рядомъ насилій надъ личною свободой, такимъ небывалымъ деспотизмомъ, что осуществленіе идеала свободы приходилось искать далеко позади, въ той почти сказочной эпохѣ Среднихъ Вѣковъ, гдѣ ничто не мѣшало проявленію

богатырской удали. Потребность въ сильныхъ ощущеніяхъ была въ тоже время такъ жива среди общества, пріучившагося къ постоянному зрѣлищу смерти, что его не могла удовлетворить мирная, обыденная жизнь среди наступившаго затишья. И его горячая жажда высокихъ идеаловъ и могучихъ проявленій человѣческаго духа могла найти себѣ удовлетвореніе лишь тамъ, гдѣ ничто не стѣсняло неудержимую удаль сильныхъ натуръ, и поэзія воскресила забытые образы средневѣковой жизни, изукрашивая ихъ всѣми цвѣтами фантазіи.

Но это увлеченіе не могло быть продолжительнымъ. Потребность въ идеалѣ не можетъ долго удовлетворяться игрой одной фантазіи съ образами давно минувшей старины. Ей нужна болѣе существенная пища, какую можетъ дать ей только дѣйствительная жизнь, и рано или поздно идеализмъ покидаетъ свои туманныя высоты и обращается со своими запросами къ этой жизни. И такъ какъ дѣйствительная жизнь никогда не въ силахъ утолить эту жажду великаго, контрастъ между нею и созданіями поэзіи неизбѣжно вызываетъ негодующій протестъ, а безсиліе этого протеста, въ свою очередь, приводитъ къ пессимизму.

Такъ и случилось съ французскою романтическою школой. Уже съ начала тридцатыхъ годовъ въ ней намѣчаются два новыя теченія—горестное сознаніе невозможности воскресить въ себѣ прежнюю вѣру и удовлетвориться ею съ одной стороны и съ другой поворотъ отъ идеализаціи прошлаго, къ горячимъ надеждамъ на будущее, отъ восхваленія Среднихъ Вѣковъ къ проповѣди соціальной реформы. Въ самомъ дѣлѣ, сознаніе несоотвѣтствія между идеаломъ и дѣйствительностью, все равно, лежитъ ли этотъ идеалъ въ прошломъ или будущемъ, допускаетъ два совершенно различные исхода. Одни носятся со своимъ разочарованіемъ и, гордо замыкаясь въ себѣ, равнодушные къ общественнымъ нуждамъ, какъ бы любуются своею изящною скорбью по развѣнчаннымъ идеаламъ. Другіе, напротивъ, силятся пересоздать общество, ищутъ новой вѣры и стремятся къ новому соціальному устройству, какъ въ семейной, такъ и въ общественной жизни. Представителемъ перваго теченія былъ Мюссе, представителями втораго – Жоржъ-Зандъ и Эженъ Сю.

У обоихъ направленій была одна общая черта — одинаковое презрѣніе къ мѣщанскому складу жизни, главный интересъ которой сосредоточивается на погонѣ за матеріальнымъ довольствомъ. И нельзя не признать, что существовала тѣсная связь

между поворотомъ романтизма въ сторону отрицанія и торжествомъ денежной буржуазіи при іюльской монархіи. Въ сущности изящный скептицизмъ Мюссе былъ по отношенію къ этой буржуазіи такимъ же революціоннымъ, какъ соціальная проповѣдь Жоржъ-Зандъ и Сю. Но различіе между ними тѣмъ не менѣе существенно. Когда Мюссе говоритъ въ своей *Confession d'un enfant du siècle*, что его заразила болѣзнь вѣка, эта болѣзнь была ничѣмъ инымъ, какъ безсиліемъ оторваться отъ прежнихъ идеаловъ и такимъ же безсиліемъ въ нихъ увѣровать. Они для Мюссе не болѣе, какъ красивые призраки, которыми любуется его воображеніе и надъ которыми онъ скорбитъ, не замѣняя ихъ ничѣмъ. И единственный исходъ изъ противорѣчія между скептицизмомъ ума и порывами фантазіи онъ видитъ въ отчаяніи, которымъ утѣшиться нельзя, а можно лишь забыться въ чувственныхъ удовольствіяхъ, либо, когда наступитъ пресыщеніе, прибѣгнуть къ послѣднему средству, — къ самоубійству. Послѣднее слово поэзіи Мюссе такимъ образомъ—эгоизмъ, для котораго въ жизни ничего нѣтъ, кромѣ эстетическихъ наслажденій ума и удовлетворенія половой страсти. Изо всѣхъ идеаловъ уцѣлѣлъ для него только одинъ, идеалъ пластической красоты, которому можно поклоняться и въ искусствѣ, и въ жизни, хотя бы ни въ томъ, ни въ другомъ не признавалось никакого внутренняго смысла. Та сильная исключительная натура, которую всегда искалъ романтизмъ, превратилась у Мюссе въ разслабленнаго, хоть и изящнаго Эпикурейца, возвышающагося надъ толпой уже не энергіей и волей, а только изысканностью вкуса.

У Жоржъ-Зандъ и ея послѣдователей перерожденіе романтическаго героя совершилось въ противоположномъ направленіи. Онъ продолжаетъ быть исключительною натурой, стоящею выше толпы, но цѣль его—дѣятельное служеніе интересамъ униженныхъ и оскорбленныхъ, задача—сперва освобожденіе женщины, потомъ освобожденіе цѣлаго рабочаго класса. Но и представители этого лѣваго крыла романтизма, совершенно такъ же, какъ Мюссе, въ своихъ произведеніяхъ, очень рѣдко выводятъ на сцену героевъ изъ самого народа, либо, когда они это дѣлаютъ, такіе герои являются у нихъ не реальными, дѣйствительными рабочими, а продуктами фантазіи, созданіями чистаго вымысла. Эти герои обладаютъ такимъ же прекраснодушіемъ, такою же внутреннею раздвоенностью, какая вообще отличаетъ собою излюбленныя романтизмомъ демоническія натуры изъ высшихъ общест-

венныхъ словъ. Рабочіе Жоржъ-Зандъ и Сю по умственному развитію и по душевному складу стоятъ на одномъ уровнѣ съ тѣми скорбящими, гуманными аристократами, которыхъ они такъ охотно рисуютъ. Вообще говоря, излюбленнымъ героемъ неоромантизма, и притомъ не въ одной только французской литературѣ, былъ великодушный аристократъ, отбросившій сословные предразсудки и ратующій противъ общественнаго зла, но въ своихъ внѣшнихъ пріемахъ непремѣнно отмѣченный изысканнымъ лоскомъ высшаго общества. И если въ исключительныхъ случаяхъ такой герой принадлежалъ по рожденію не къ дворянству, то почти всегда оказывалось, что на самомъ дѣлѣ юношеская ошибка его матери внесла въ его жилы нѣсколько капель благородной крови.

Изъ двухъ направленій романтизма тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ наиболѣе живучимъ въ концѣ концовъ оказалось то, во главѣ котораго стоялъ Мюссе, хотя числимое превосходство было на сторонѣ противоположнаго теченія, и къ нему примкнули два главные вождя романтизма первой эпохи—Викторъ Гюго и Ламартинъ. Причиной тому было жалкое фіаско революціоннаго движенія 1848 года. По странной ироніи судьбы, это движеніе, начавшееся такъ бурно, оставило гораздо болѣе глубокій слѣдъ въ мирной области литературы, чѣмъ въ политическомъ строѣ. То разочарованіе въ политическомъ и соціальномъ идеализмѣ, которое было прямымъ послѣдствіемъ революціи, въ политической жизни привело лишь къ временному затишью. Но въ умственной жизни это самое затишье вызвало коренной поворотъ отъ идеализма къ критическому анализу. Романтическій герой, предметъ долгаго поклоненія, почти сдѣлался теперь предметомъ осмѣянія. Проповѣдники соціальной реформы отчаялись не только въ ея осуществимости, но и въ самой пригодности тѣхъ исключительныхъ натуръ, которыя прежде такъ прельщали ихъ воображеніе. Высшіе общественные классы въ то же время какъ бы отказались поставлять изъ своихъ рядовъ дилеттантовъ революціи. На долго, быть-можетъ, навсегда они потеряли охоту кокетничать съ радикализмомъ. То и другое тотчасъ же отразилось на поэзіи и на романѣ. Отъ соціальныхъ вопросовъ литература вернулась къ мирной области личной жизни. Бури, которыя она стала изображать теперь, были уже исключительно душевными бурями, вызванными конфликтомъ личныхъ страстей. И для литературнаго героя пятидесятыхъ годовъ осталось одно лишь

средство возвышаться надъ средой—обладаніе безукоризненными манерами и умѣніемъ прельщать женскія сердца. Словомъ, это были герои въ духѣ Мюссе, а не Жоржъ-Зандъ. Но и для нихъ наступило отрезвленіе. Они увидали, какъ опасно играть съ политическимъ и религіознымъ вольнодумствомъ, и облеклись въ изящную форму безукоризненнаго джентльмена, строго соблюдающаго приличія и выражающагося отборнымъ языкомъ. Нравственная растрепанность и бурное отрицаніе вышли изъ моды. Такъ-называемое хорошее общество какъ бы поняло, что надо твердо держаться религіи и морали, хоть бы изъ чувства самосохраненія. И литература послушно отразила на себѣ эти новые вкусы. Представителемъ этого послѣдняго фазиса романтизма и былъ Октавъ Фелье.

III.

Когда въ концѣ сороковыхъ годовъ появились сперва въ печати, а потомъ на сценѣ первыя драматическія произведенія Фелье, публика и критика привѣтствовали въ немъ ученика и преемника Мюссе. Подражаніе было совершенно очевидно, подражаніе какъ разъ тому особому виду легкихъ и граціозныхъ сценическихъ бездѣлушекъ, первымъ изобрѣтателемъ котораго былъ Мюссе. И все-таки никто не подумалъ посѣтовать за это на Фелье. Онъ усвоилъ манеру своего учителя, свободную игру его фантазіи, изящество формы и воздушную легкость вымысла, но вносилъ онъ въ свое творчество и нѣчто своеобразное. Ему не доставало, быть-можетъ, яркой фантазіи и ѣдкаго остроумія Мюссе, но за то было что-то задушевное, нѣжное, почти женственное въ его пьесахъ, сперва написанныхъ въ вольной формѣ отрывочныхъ діалоговъ, предназначенныхъ скорѣе для чтенія, чѣмъ для сцены, и потомъ лишь передѣланныхъ для театра. Нѣкоторыя изъ этихъ произведеній, какъ *Le village*, *Péril en la demeure*, *La crise*, *Le cheveu blanc*, до сихъ поръ удержались на сценѣ. Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ своей молодости Фелье явился поэтомъ домашняго очага и постояннымъ сторонникомъ женщины въ той вѣчной борьбѣ за семейное счастіе, въ которой она у себя дома отстаиваетъ свою честь и достоинство. Даже тамъ, гдѣ опасность грозитъ его героинямъ по ихъ собственной винѣ, гдѣ охватившее ихъ увлеченіе готово разрушить

тотъ священный алтарь, къ охраненію котораго онѣ призваны, Фелье неизмѣнно рисуетъ ихъ симпатичными и нѣжною рукой удерживаетъ иногда на самомъ порогѣ паденія. Съ большимъ мастерствомъ онъ выставляетъ предъ нами тотъ критическій моментъ въ жизни замужней женщины, который обыкновенно совпадаетъ съ наступленіемъ зрѣлаго возраста послѣ тридцати лѣтъ, какъ роковое повѣтріе, заражающее даже самыя чистыя женскія натуры. Но доведя своихъ героинь до опаснаго шага, послѣ котораго нѣтъ уже поворота назадъ къ безупречной семейной жизни, онъ всегда умѣетъ остановить ихъ впору и остановить безъ рѣзкаго вмѣшательства случая, силой одного внутренняго душевнаго процесса, избавляющаго ихъ отъ поздняго раскаянія. Это одна изъ его любимыхъ и наиболѣе удачныхъ темъ, разработанная, между прочимъ, въ двухъ лучшихъ изъ его раннихъ произведеній, *Péril en la demeure* и *La crise*. Но еще охотнѣе онъ изображаетъ другую сторону домашняго конфликта, въ которой вся вина въ легкомыслiи мужа, а на долю женщины выпадаетъ трудная роль невинной жертвы, умѣющей однако не только постоять за себя, но и привести къ раскаянію невѣрнаго супруга. Какъ видно Фелье далеко не рабски подражалъ своему прообразу. Въ піесахъ Мюссе, даже когда онъ прикидывается добродѣтельнымъ, всегда просвѣчиваетъ избалованный повѣса, не признающій никакого закона для свободной прихоти чувства, видящій въ ней самой освященіе любой измѣнѣ дому. Фелье, напротивъ, ищетъ развязки не въ удовлетвореніи страсти, во что̀ бы то ни стало, а въ томъ мирномъ счастьѣ, которое можетъ дать одна правильная семейная жизнь. Быть-можетъ предлагаемое имъ средство недѣйствительно, быть-можетъ оно не въ силахъ разрѣшить черезчуръ запутавшіеся узлы, и фигуры, выводимыя Фелье, подъ его нѣжною кистью становятся черезчуръ эскизными, окрашенными въ черезчуръ розовый цвѣтъ; за это его и прозвали въ шутку Mademoiselle Musset, но заслуга Фелье, его несомнѣнная оригинальность заключается въ томъ, что онъ съумѣлъ вызвать сочувствіе къ здоровой семейной жизни, къ признанію супружескаго долга среди французской публики, издавна привыкшей видѣть на сценѣ картину разрушенія семьи. Менѣе удачными были первые опыты Фелье въ области серьезной драмы, въ изображеніи глубокихъ, потрясающихъ страстей. Оба его крупныя драматическія произведенія, относящіяся къ пятидесятымъ годамъ, *Dalila* и *Rédemption* носятъ отпечатокъ романтизма

тридцатыхъ годовъ, то-есть построены на чистой фикціи, безо всякаго отношенія ко времени и мѣсту дѣйствія. Переходя отъ мирной области крошечныхъ домашнихъ бурь къ высотамъ могучихъ трагическихъ конфликтовъ, фантазія Фелье какъ будто не находила для нихъ мѣста въ рамкахъ обыденной жизни. Она искала себѣ простора внѣ реальныхъ условій этой жизни и въ этомъ просторѣ нѣсколько потерялась.

Въ первой изъ двухъ названныхъ піесъ, въ *Dalila*, Фелье впервые попытался изобразить ту демоническую женскую натуру, которая впослѣдствіи такъ часто дразнила его авторское воображеніе. Княгиня Фальконьери прототипъ многочисленныхъ героинь его послѣдующихъ романовъ, прототипъ необыкновенно рѣзкій и оттого быть-можетъ не особенно удачный, что создавая эту фигуру безсердечной патриціанки, Фелье какъ бы ощутилъ потребность дополнить его сюжеты въ драмѣ *Rédemption* противоположный полюсъ женскаго сердца. И полюсъ этотъ, если можно такъ выразиться, не только психологическій, но и общественный. Контрастъ является двойнымъ. Знатная Итальянка, страстная и безсердечная въ одно и то же время, безжалостно губитъ приглянувшагося ей молодаго композитора, сперва губитъ нравственно, притупляя въ немъ совѣсть и заглушая талантъ, потомъ своею холодною женскою измѣной доводитъ его до отчаянія и смерти. Вѣнская актриса Маделэна, не знающая мѣры и предѣла своимъ прихотямъ, ни во что ни вѣрящая грѣшница Маделэна, узнавъ наконецъ искреннюю любовь, искупаетъ свою легкомысленную жизнь самопожертвованіемъ. Такимъ образомъ обѣ героини какъ бы дополняютъ одна другую, и сопоставленныя вмѣстѣ, обѣ піесы выражаютъ одну и ту же идею, притомъ идею чисто Жоржъ-Зандовскаго пошиба. Падшая, даже продажная женщина, если она сколько-нибудь сохранила отзывчивость сердца, все-таки стоитъ нравственно выше такой, которая въ любви видитъ одну только прихоть и неспособна на самоотверженное чувство. Въ сущности это вольное, но, можетъ-быть, даже черезчуръ вольное переложеніе евангельскихъ словъ: „ей многое простится, потому что она много любила“. Мотивъ этотъ, которымъ проникнуто все творчество Достоевскаго, хорошо знакомъ нашей родной литературѣ. Но Октаву Фелье воплотить его въ живые образы не совсѣмъ удалось, не удалось должно-быть потому, что во всѣхъ своихъ остальныхъ произведеніяхъ онъ является сторонникомъ лишь законной любви и нормальнаго

строя жизни. Его экскурсія въ область протеста во имя свободы чувства и внутренней правды едва ли приходилась ему самому особенно по сердцу. Контрастъ, выраженный его двумя женскими фигурами, слишкомъ преднамѣренный и рѣзкій, и оттого онѣ вышли у него черезчуръ отвлеченными, какъ бы оторванными отъ жизни. Въ обѣихъ названныхъ піесахъ нѣтъ ни внѣшней бытовой правды, ни внутренней, психологической, безусловно необходимой даже при полной свободѣ вымысла. Его итальянская патриціанка все время дѣйствуетъ съ непреклонною безпощадностью какой-то стихійной силы, а такая логическая непреклонность женской натурѣ несвойственна. Наоборотъ, въ судьбѣ его покаявшейся грѣшницы совершается переломъ, недостаточно мотивированный, несовмѣстный даже съ цѣлымъ развитіемъ ея прежней жизни. И сама романтическая обстановка дѣйствія въ обѣихъ драмахъ отзывается чѣмъ-то фальшивымъ. Полная свобода отъ реальныхъ условій жизни, которою отличается творчество всѣхъ великихъ романтиковъ, и Байрона, и Гюго, и Мюссе, и Жоржъ-Зандъ, возможна и законна лишь при одномъ условіи, при томъ горячемъ искреннемъ увлеченіи, которое проникаетъ собою всю романтическую поэзію въ первую половину нашего вѣка. Но у Фелье такого увлеченія не было, и скажемъ болѣе, не могло быть. Протрезвившееся общество пятидесятыхъ годовъ не вѣрило уже въ безплотные образы фантазіи, не вѣрило особенно въ приложимость ихъ къ дѣйствительности. Для него они были не болѣе какъ красивою игрой воображенія, а для такой игры вопросы, затронутые въ двухъ піесахъ Фелье, черезчуръ серьезны: они могутъ вызывать лишь улыбку, а не тревожное, искреннее сочувствіе.

IV.

Съ конца пятидесятыхъ годовъ Фелье не возвращался болѣе къ чисто романическимъ сюжетамъ. Онъ, правда, остался вѣренъ своему идеализму; и въ романахъ, и въ драматическихъ своихъ произведеніяхъ онъ всегда противопоставляетъ высокіе и безкорыстные мотивы эгоистическому разсчету, находя, что истинная правда, а потому и залогъ истиннаго счастія, на сторонѣ первыхъ, но борьбу эту онъ уже постоянно замыкаетъ въ узкія рамки будничной дѣйствительности. Этотъ послѣдній представи-

тель романтики навсегда распростился съ ея грандіозными, полудемоническими фигурами. Его герои и героини спустились изъ фантастическаго міра въ окружающее насъ буржуазное общество, носятъ обыкновенную одежду и выражаются обыденнымъ языкомъ. Но и въ этомъ обществѣ они исключительно обращаются среди его наиболѣе казовой и блестящей части, ихъ исключительное поприще—салонъ, манеры ихъ, одежда и языкъ безупречны, хотя далеко не безупречны нравы.

Послѣ 1858 года Фелье послѣдовательно написалъ три большіе романа *Le roman d'un jeune homme pauvre* (1858 г.), *Histoire de Sibylle* (1862 г.), и *M-r de Camors* (1867 г.). Всѣ они имѣли громкій успѣхъ, а одинъ изъ нихъ, послѣдній, заслуживаетъ и бо́льшаго, заслуживаетъ перейти въ потомство; замѣчательно, что крайне прихотливый, даже нѣсколько многословный и расплывчатый въ своихъ первыхъ произведеніяхъ, Фелье отличается во всѣхъ своихъ романахъ однимъ высокимъ качествомъ—необыкновеннымъ чувствомъ мѣры при большой сжатости изложенія. Въ этомъ, съ точки зрѣнія изящества слога и умѣнія вести разсказъ, Фелье стоитъ на одномъ уровнѣ съ лучшими французскими классиками. Но оставимъ форму, великимъ мастеромъ которой его нельзя не признать, и перейдемъ къ содержанію его романовъ. На первыхъ двухъ мы долго останавливаться не будемъ: они давно причислены къ такъ-называемымъ нравственнымъ книгамъ и въ качествѣ таковыхъ сдѣлались излюбленнымъ чтеніемъ для подростковъ. Нельзя однако сказать, чтобы затронутыя ими темы были не серьезнаго свойства. *Roman d'un jeune homme pauvre* посвященъ вопросу о сближеніи путемъ брака стариннаго родоваго дворянства съ новою денежною аристократіей,—вопросу, которымъ вообще очень много занималась французская литература въ пятидесятыхъ годахъ. Романистъ Жюль Сандо и драматуръ Эмиль Ожье, между прочимъ, ему посвятили большинство своихъ произведеній. Въ *Histoire de Sibylle* затронута тема, еще болѣе серьезная, — противорѣчіе между религіознымъ чувствомъ французской женщины и полнымъ безвѣріемъ того, кому она отдала свое сердце. Но оба эти вопроса разработаны Октавомъ Фелье въ духѣ разсказовъ для юношества съ явнымъ намѣреніемъ сдѣлать нагляднюю вытекающую изъ нихъ мораль. Честный, обѣднѣвшій дворянинъ, маркизъ Одіо де-Шансэ въ награду за свое благородство получаетъ руку богатой наслѣдницы, а чистая и восторженная дѣвушка Сибилла награду иного свойства—

мученическій вѣнецъ. Добродѣтели маркиза увѣнчиваются любовью и богатствомъ, а горячая вѣрующая Сибилла погибаетъ, какъ существо не отъ міра сего. Это, конечно, совершенно въ порядкѣ вещей, но въ томъ-то и бѣда, что развязка слишкомъ логически вытекаетъ изъ основной темы, какъ отвѣтъ на заданный вопросъ, въ то же время ни чуть не обусловливаясь естественнымъ развитіемъ соціальнаго и психическаго конфликта. Добродѣтельный маркизъ чисто случайно нашелъ себѣ заслуженную оцѣнку въ такой же добродѣтельной буржуазной семьѣ, а чистая дѣвушка умерла даже не отъ горя, а отъ простуды, схваченной во время ночной прогулки. Оттого и выходитъ, что оба эти произведенія, несмотря на всю свою граціозную прелесть, отзываются нѣсколько прописною моралью. И благородный потомокъ разорившейся дворянской семьи, и юная поборница католицизма въ сущности вовсе не характеры, а фигуры чисто отвлеченныя, идеальные носители всевозможныхъ достоинствъ. У перваго эти достоинства группируются вокругъ рыцарскаго благородства, воплощеніемъ котораго онъ является, у второй вокругъ незапятнанной чистоты безусловно цѣломудренной души. Маркизъ Одіо не только безкорыстенъ до полнаго самозабвенія, онъ обнаруживаетъ необыкновенную умѣлость и въ управленіи чужими дѣлами, и въ верховой ѣздѣ, и въ гимнастическихъ упражненіяхъ. Сибилла не только воплощенная чистота и глубоко вѣрующая дѣвушка, она въ самый разгаръ любви ни минуты не колеблется пожертвовать любимымъ человѣкомъ изъ-за того, что онъ не раздѣляетъ ея вѣры. Правда, идеализація героя неизбѣжное условіе романа, написаннаго въ духѣ романтизма, но романтизмъ, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ, ставилъ свои исключительныя натуры и въ исключительныя положенія. А когда Октавъ Фелье попытался низвести своихъ героевъ до огромнаго уровня повседневности, окружая ихъ реальною, будничною обстановкой, ихъ безупречныя добродѣтели, соединенныя притомъ съ блестящими физическими свойствами, оказываются какъ бы неправдоподобными и вслѣдствіе этого почти вызываютъ усмѣшку.

Фелье должно быть понялъ это самъ, и въ послѣдующихъ своихъ работахъ хоть и не переставалъ выводить на сцену идеализированныя фигуры, за то снабжалъ ихъ достаточнымъ запасомъ человѣческихъ слабостей, не скупясь зачастую и на самыя мрачныя краски. Уже въ исторіи Сибиллы сквозь увлеченіе строгимъ католицизмомъ звучитъ пессимистическая нота. Героиню

окружаетъ общество, совсѣмъ не подходящее къ ея идеальной чистотѣ. Женщины ея круга всѣ до единой, не задумываясь, уступаютъ соблазну, а мужчины соединяютъ нераскаянный атеизмъ съ жизнію, полною легкомыслія. Въ третьемъ своемъ романѣ, безусловно лучшемъ изо всѣхъ его произведеній, Фелье пошелъ гораздо далѣе на пути отрицанія, и съ этой минуты уже до самаго конца своей литературной карьеры остался вѣренъ пессимистическому взгляду на жизнь. Насколько въ раннюю пору своего творчества онъ былъ охотникъ до счастливыхъ развязокъ, постоянно доводя своихъ героевъ до мирнаго лона супружескаго счастія, настолько онъ теперь сталъ обнаруживать наклонность къ изображенію безъисходныхъ драматическихъ конфликтовъ, гдѣ примиреніе можетъ принести съ собою одна всеискупающая смерть.

Идея романа *Mr de Camors* заключается, какъ извѣстно, въ томъ, что твердою опорой для нравственнаго чувства можетъ служить только вѣра. Безъ такой вѣры понятіе о нравственномъ долгѣ можетъ, конечно, существовать, либо какъ инстинктивное чувство, либо какъ унаслѣдованное представленіе о такъ-называемой чести, но долго устоять противъ искушеній оно не въ силахъ. Устойчиво и твердо оно тогда только, когда истекаетъ изъ признанія божескаго закона. Справедливо или нѣтъ такое воззрѣніе, это, разумѣется, вопросъ, подлежащій спору, но съ чисто художественной точки зрѣнія оно въ сущности безразлично. Важно лишь то, чтобы подобная идея не навязывалась художникомъ извнѣ, а прямо и органически вытекала изъ характеровъ и поступковъ дѣйствующихъ лицъ. И въ этомъ отношеніи романъ Фелье вполнѣ безупреченъ. Его герой графъ Каморъ не образецъ всевозможныхъ добродѣтелей, подобно Маркизу де-Шансэ, и не безцвѣтная личность, какъ герой *Исторіи Сибиллы*; въ то же время онъ не представляетъ собою и какого-нибудь изверга, преднамѣренно окрашеннаго въ мрачный цвѣтъ, дабы показать на немъ какъ можно нагляднѣе, до какой степени пагубно безвѣріе. Каморъ совершенно живое лицо, одаренное умомъ и энергіей и не утрачивающее правъ на симпатію читателя, несмотря на всю свою виновность. Его пороки и проступки свойственны большинству людей, точно такъ же, какъ и его достоинства; и если онъ возвышается надъ среднимъ уровнемъ, то потому лишь, что ярче и рельефнѣе заурядныхъ натуръ. Въ молодые годы его постигло тяжелое горе. Любимый имъ отецъ

окончилъ жизнь самоубійствомъ, оставивъ ему въ наслѣдство полное разореніе и нѣсколько предсмертныхъ совѣтовъ, запечатлѣнныхъ самымъ мрачнымъ и разочарованнымъ цинизмомъ. Энергичнаго по природѣ молодаго человѣка завѣщаніе отца еще болѣе закалило на жизненную борьбу, вызвало въ немъ рѣшимость безжалостно подавлять все, что могло стать ему поперекъ дороги. Онъ вступаетъ въ жизнь, свободный ото всякаго религіознаго вѣрованія, но сохранивъ въ себѣ природное великодушіе и строгое уваженіе къ законамъ сословной чести. Это карьеристъ въ полномъ смыслѣ слова, равно презирающій всѣ политическіе принципы, съ холодною рѣшимостью готовый во что бы то ни стало завоевать себѣ видное мѣсто въ обществѣ и удовлетворить всѣ наклонности своей страстной натуры. Неразборчивый на средства и на женскую любовь смотрящій лишь какъ на забаву, но въ то же время это далеко не безсердечный эгоистъ. Вопреки своей предвзятой черствости, онъ доступенъ состраданію къ слабымъ и мучится сознаніемъ совершеннаго имъ зла. Несмотря на то, что жизнь приноситъ ему удачу за удачей, богатство, вліяніе, удовлетвореніе страсти къ любимой женщинѣ, эта жизнь въ то же время горько насмѣхается надъ мнимою силой его безжалостныхъ принциповъ. Они не спасаютъ его отъ мучительнаго раскаянія, какъ не спасаютъ его отъ вины и паденія внѣшнія правила чести. Двойное противорѣчіе между его благородною, человѣческою натурой и усвоеннымъ взглядомъ на жизнь, какъ на безпощадную борьбу съ одной стороны, между требованіями долга и страстнымъ увлеченіемъ съ другой, ставитъ его, когда онъ достигъ, повидимому, полнаго торжества, лицомъ къ лицу съ такимъ безвыходнымъ отчаяніемъ, что смерть является ему, какъ желанное избавленіе. Глубокій трагизмъ этой внутренней душевной борьбы, контрастъ между наружнымъ блескомъ положенія и разъѣдающею скорбью раскаянія и придаютъ роману Фелье глубокій потрясающій интересъ, въ яркихъ краскахъ рисуя предъ нами полное безсиліе даже самыхъ энергичныхъ натуръ обойтись въ жизни безъ нравственнаго долга, роковую недостаточность матеріальнаго успѣха, для удовлетворенія присущей человѣку потребности счастія. И въ то же время эта самая внутренняя борьба, эта невозможность успокоиться на разрывѣ съ требованіями совѣсти подкупаетъ насъ въ пользу его героя. Этимъ онъ отличается отъ современныхъ намъ героевъ безсердечной наживы и самодовольнаго наслажденія. Въ своемъ *Каморѣ*

Октавъ Фелье воплотилъ несостоятельность и шаткость того чисто внѣшняго пониманія обязанностей долга, котораго придерживается высшее французское общество. Годъ спустя, въ комедіи *Monjoye* онъ снова занялся тою же темой, но перенесъ ее уже въ иную среду, въ среду денежной буржуазіи. Какъ соблюденіе формальной чести составляетъ обязанность дворянина, такъ честь иного рода, аккуратность въ денежныхъ разсчетахъ, исчерпываетъ собою нравственный кодексъ коммерсанта, если онъ не признаетъ никакой высшей христіанской морали. Здѣсь Фелье уже не поскупился на мрачную окраску. Въ буржуазной средѣ къ тому растлѣнію, какое вноситъ въ нее духъ безжалостной спекуляціи, онъ относится уже съ явною ненавистью и никакою смягчающею чертой не оттѣнилъ предъ нами безсердечное уродство своего героя. Его Monjoye не испытываетъ никакого колебанія, никакого движенія совѣсти. Онъ непоколебимъ въ своемъ безжалостномъ эгоизмѣ, даже по отношенію къ собственной семьѣ. И когда въ концѣ піесы его постигаетъ нравственная кара, когда всѣ, даже рабски покорная ему жена, его покидаютъ съ чувствомъ горестнаго отвращенія, кара эта является чѣмъ-то совершенно внѣшнимъ, какъ судъ, произнесенный надъ нимъ во имя поруганной совѣсти, но самъ онъ остается нетронутымъ въ своемъ мрачномъ одиночествѣ и никакое внутреннее перерожденіе въ немъ не совершается. Впрочемъ, комедія *Monjoye* не принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ Фелье и на сценѣ не удержалась. Дѣйствіе подвигается медленно, разговоры черезчуръ многословны, языкъ отличается риторикой. Фигура главнаго героя въ сущности не годится для сцены, потому что драматическое впечатлѣніе могутъ производить такіе только характеры, въ которыхъ сказывается психическая борьба, а банкиръ Monjoye является лишь какимъ-то чисто каменнымъ воплощеніемъ эгоизма, черезчуръ безстрастнымъ въ своей непоколебимости, чтобы заинтересовать зрителя.

Наоборотъ, два слѣдующія произведенія Фелье: повѣсть *Julia de Trècoeur* (1872) и драма *Le Sphinx* (1874) стоятъ почти на одинаковой высотѣ съ романомъ *Mr de Camors*. Если по широтѣ замысла онѣ уступаютъ послѣднему, то по сжатости формы, по силѣ и трагизму завязки, по быстротѣ развитія душевнаго конфликта, оба эти произведенія могутъ быть отнесены къ числу лучшихъ вещей современной французской литературы. Въ повѣсти *Julia de Trècoeur* нѣтъ, строго говоря, руководящей идеи: это-

самое безтенденціозное изо всѣхъ произведеній Фелье, весь интересъ котораго сводится къ потрясающему драматизму сюжета. Молодая дѣвушка, въ тайнѣ полюбившая человѣка, который впослѣдствіи сдѣлался вторымъ мужемъ ея матери, выходитъ замужъ въ надеждѣ заглушить въ себѣ все еще мучающую ее страсть. Она воображаетъ, что ей удалось это, что она привязалась къ мужу, и къ предмету своей прежней любви питаетъ какое-то холодное отвращеніе. Но вотъ они встрѣчаются опять, и молодая женщина видитъ съ ужасомъ, что преступная страсть къ вотчиму овладѣла ею съ новою силой. Она борется со своею любовью, почти враждебно относится къ вотчиму, но любовь прорывается въ ней помимо воли, и роковое признаніе ею сдѣлано. Отчаяніе и радость одновременно сказываются въ ней, когда она убѣждается, что она тоже любима. Ей остается одно лишь—искупить свой грѣхъ добровольною смертью. Эта ужасная тема, почти античная по своей исключительной рѣзкости, разработана нашимъ авторомъ по истинѣ мастерски. Все, что̀ возмущаетъ въ ней нравственное чувство скрадывается благодаря необыкновенному соблюденію мѣры, выказанному здѣсь Фелье при лихорадочной быстротѣ, съ которою развивается дѣйствіе. Есть что-то напоминающее безжалостный рокъ античной трагедіи въ судьбѣ его преступной героини. Съ начала до конца повѣсти надъ разсказомъ тяготѣетъ глубоко пессимистическое сознаніе роковой невозможности счастія, въ неизбѣжности искупительной жертвы, которую неумолимо требуетъ незаконная любовь.

Этимъ пессимизмомъ наполнена и драма *Le Sphinx*. Здѣсь тоже молодая женщина, съ виду беззаботная и легкомысленная, въ тайнѣ любитъ мужа своей лучшей подруги, которая въ то же время ея близкая родственница. Долго она скрываетъ свою привязанность подъ личиной вражды, въ отчаяніи она даже готова отдаться другому. Но вотъ, когда она спѣшитъ на свиданіе, ее останавливаетъ любимый человѣкъ, останавливаетъ признаніемъ, что онъ любитъ ее тоже. Она спасена, но цѣной своего паденія. Она до того охвачена страстію, что въ минуту необузданной ревности хочетъ отравить соперницу, но въ самый послѣдній мигъ совѣсть не даетъ ей совершить преступленіе. И опять-таки, какъ въ повѣсти, о которой мы только-что говорили, для нея нѣтъ уже поворота: вина требуетъ искупленія, и преступница сама выпиваетъ ядъ, предназначенный для другой.

Какъ видно, Октавъ Фелье пересталъ теперь находить исходъ для сердечныхъ бурь въ идиллическомъ примиреніи. Онъ уже не расположенъ такъ легко прощать уклоненія отъ долга и награждать за раскаяніе мирнымъ семейнымъ счастьемъ. Когда появился *Le Sphinx*, критика заговорила, что Фелье дѣлаетъ уступки современному реализму, что въ угоду ему онъ сгущаетъ краски и ставитъ своихъ лицъ въ рискованныя положенія. Намъ сдается, что литературный реализмъ тутъ не при чемъ. Не онъ развилъ въ публикѣ наклонность къ скабрезнымъ темамъ: эта наклонность была налицо, когда писатели натуралистической школы такъ усердно принялись ее удовлетворять откровеннымъ изображеніемъ соблазнительныхъ сценъ. Причина, какъ намъ кажется, лежитъ глубже. Подъ конецъ столѣтія французское общество стало вѣроятно не хуже въ нравственномъ отношеніи, чѣмъ было оно прежде. Но одна перемѣна въ немъ произошла несомнѣнно, и не въ одномъ только французскомъ обществѣ совершилась эта перемѣна. Прежде, въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, общественная совѣсть, быть-можетъ даже общественное лицемѣріе, требовали, чтобы порокъ скрывался отъ глазъ, какъ нѣчто постыдное, и строго карали, когда порокъ этотъ выступалъ наружу. Каковы бы ни были нравы, наружное приличіе соблюдалось, и благодаря ему во внѣшнихъ пріемахъ высшаго круга господствовало строгое изящество, мягкость въ обращеніи, изысканность тона языка. Во всемъ этомъ была, конечно, условность, но было и нѣчто другое, признаніе нравственнаго идеала, хотя отъ этого идеала отступали на практикѣ быть-можетъ не рѣже, чѣмъ теперь; подъ конецъ шестидесятыхъ годовъ все это измѣнилось: распущенность заразила собою высшіе общественные слои. Они какъ будто стали тяготиться уздой, какую налагали приличія, и узда эта была сброшена. И вотъ любимый писатель этого избраннаго круга, не переставая имъ заниматься въ своихъ произведеніяхъ, сталъ не только вторить его новымъ вкусамъ,—онъ захотѣлъ произнести приговоръ надъ порокомъ, выступившимъ наружу, и показать обществу его настоящія черты. Что онъ не былъ въ этомъ неправъ, всего лучше доказываетъ его несомнѣнный успѣхъ.

V.

Мы не будемъ долго останавливаться на послѣднихъ произведеніяхъ Фелье, хотя эти произведенія довольно многочисленны: они прибавляютъ много новаго къ его авторской физіономіи.

Фелье до конца жизни оставался вѣренъ своему идеализму и попрежнему исключительно занимался бытомъ высшихъ общественныхъ слоевъ. Можно отмѣтить только двѣ особенности, все явственнѣе у него выступавшія наружу за послѣднія пятнадцать лѣтъ его дѣятельности. Вопервыхъ, съ теченіемъ времени въ его писательской манерѣ реальныя бытовыя черты попадаются все чаще, замѣняя собою ту свободную игру фантазіи, которую онъ унаслѣдовалъ отъ романтиковъ и которою отмѣчены его раннія произведенія. Онъ видимо старается, по мѣрѣ того какъ старѣетъ, переходить отъ чисто-психологическихъ этюдовъ къ воспроизведенію той общественной рамки, среди которой движутся его герои. Вовторыхъ, въ его міросозерцаніи все сильнѣе звучитъ пессимистическая нота, быть-можетъ оттого именно, что картина общественныхъ нравовъ все ярче и непригляднѣе выступаетъ предъ его воображеніемъ. Литературный идеализмъ въ самомъ дѣлѣ бываетъ двухъ родовъ. Онъ можетъ окрашивать дѣйствительность въ произвольные цвѣта фантазіи, либо совершенно игнорируя ея настоящій образъ, либо придавая этому образу небывалыя, идеализированныя черты. При такомъ пониманіи творчества и вплоть до появленія романа *Mr de Camors* такова и была именно манера Фелье,—художественная правда ограничивается внутреннимъ міромъ человѣческой души, живущей внѣ условій времени и мѣста. Но бываетъ и совершенно иной идеализмъ, болѣе трезвый по своему характеру, идеализмъ, который не отворачивается отъ дѣйствительности и воспроизводитъ ее безъ утайки, но противопоставляетъ ей представленіе о прекрасномъ, какъ постулатъ человѣческаго духа, какъ идеальное требованіе фантазіи, съ которымъ дѣйствительность расходится, и потому самому идеализмъ втораго рода неизбѣжно является пессимистическимъ. Фелье попрежнему оставался любимцемъ того избраннаго круга, къ изображенію котораго онъ постоянно возвращался, хотя далеко нелестную картину жизни этого круга онъ рисуетъ въ своихъ новѣйшихъ произведеніяхъ. Современное общество впрочемъ любитъ тѣхъ, кто его бичуетъ, и охотно смотритъ на

изображеніе своей испорченности; отсутствіе всякихъ серьезныхъ интересовъ для мужчинъ, безсиліе религіознаго воспитанія удержать женщинъ отъ легкомысленныхъ увлеченій и въ результатѣ полное распаденіе семьи, вотъ какимъ въ общихъ своихъ очертаніяхъ является высшій кругъ парижскаго общества въ романахъ: *Un mariage dans le monde*, *Les amours de Philippe*, *Le journal d'une femme*, *Le roman d'une Parisienne*, *La morte*, *Honneur d'artiste*. Къ этимъ непривлекательнымъ чертамъ присоединяется еще одна, дорисовывающая общій колоритъ легкомыслія и распущенности. Сильныхъ потрясающихъ страстей у новѣйшихъ героевъ Фелье уже нѣтъ: ихъ доводитъ до вины, а иногда и до преступленія уже не эта могучая пружина, а какая-то скорѣе физіологическая, чѣмъ душевная жажда сильныхъ ощущеній, скоро преходящая, но тѣмъ не менѣе неотразимая, животные инстинкты берутъ верхъ надъ движеніями сердца. Фелье прямо говоритъ въ началѣ одного изъ этихъ романовъ *Le journal d'une femme*, что для женщины менѣе опасна способность увлекаться и пылко настроенное воображеніе, чѣмъ наклонность ставить выше всего матеріальныя наслажденія и тщеславный успѣхъ. Погоня за богатствомъ и блескомъ, дающимъ и то, и другое, вотъ настоящій подводный камень, о который такъ часто разбивается женская жизнь. Напротивъ, та восторженность темперамента, которую родители такъ силятся выправить у своихъ дѣтей, проповѣдуя имъ благоразуміе, то-есть въ сущности эгоизмъ, на самомъ дѣлѣ служитъ болѣе надежною защитой противъ искушенія, чѣмъ трезвая разсчетливость. И Фелье продолжаетъ изображать женскую натуру, какъ бы олицетворенную въ двухъ противоположныхъ типахъ, которые онъ нѣкогда представилъ въ героиняхъ *Dalila* и *Redemption*. Съ одной стороны, натуры страстныя, но безсердечныя въ то же время, съ другой—преданныя, немного робкія сердца, готовыя на самопожертвованіе. Только съ теченіемъ времени типы эти видоизмѣнились. Сильныя женскія натуры удержали свою наклонность властвовать и готовность безпощадно мстить, но мотивомъ ихъ служитъ уже не прежняя страстность, а простое отсутствіе какихъ-либо нравственныхъ принциповъ. Съ другой стороны, нѣжныя и кроткія женщины, на сторонѣ которыхъ были всегда симпатіи Фелье, утрачиваютъ свою голубиную чистоту и прибѣгаютъ иной разъ къ оружію своихъ противницъ. Такова героиня *Le Roman d'une Parisienne*, которая изъ любящей, чистой и довѣрчивой женщины

по винѣ мужа превратилась въ существо злое, мстительное и развратное. Конечно, грубый и распущенный мужъ часто самъ приводитъ свою жену къ паденію, но пересоздать ее въ такой степени, какъ случилось это съ героиней названнаго романа, едва ли въ состояніи даже самый дрянной человѣкъ. И мотивъ такого превращенія едва ли не слѣдуетъ искать въ томъ, что зараза таится, по мнѣнію самого Фелье, даже на днѣ самыхъ чистыхъ изъ женскихъ сердецъ, что его великосвѣтскіе ангелы очень близки къ паденію.

Но еще болѣе безнадежно грустными являются у Фелье образы его героевъ. Октава Фелье часто упрекали за безцвѣтность его мужскихъ типовъ, и въ самомъ дѣлѣ, за единственнымъ исключеніемъ Камора, они всѣ, вопервыхъ, какъ двѣ капли воды другъ на друга похожи, а вовторыхъ, не имѣютъ ни опредѣленнаго характера, ни какихъ-либо серьезныхъ жизненныхъ задачъ. Подъ словомъ характеръ мы здѣсь разумѣемъ не энергію воли, которая положимъ до извѣстной степени присуща всѣмъ этимъ героямъ, а ту совокупность умственныхъ и нравственныхъ качествъ, которая опредѣляетъ собою строго очерченную личность. Энергія героевъ Фелье чисто внѣшняя. Она побуждаетъ ихъ не бояться опасности, даже съ рыцарскимъ мужествомъ идти къ ней на встрѣчу, но дѣлаютъ это они не въ силу внутренняго нравственнаго стимула, а лишь въ угоду признаннымъ разъ навсегда условнымъ правиламъ чести. Герои первыхъ его романовъ выказывали при этомъ хотя нѣкоторую вѣру въ святость принципа чести, въ непреложность требованій, какія предъявляло къ нимъ уваженіе къ дворянскимъ традиціямъ, къ сложившемуся типу истаго представителя сословнаго благородства. Они были свободны отъ какихъ-либо занятій, кромѣ одной только любви, которую они съ одинаковымъ рвеніемъ преслѣдовали и въ обществѣ кокотокъ, и въ своихъ отношеніяхъ съ женщинами и дѣвушками своего круга. Быть всегда изящнымъ въ манерахъ, рыцарски предупредительными съ дамами и безкорыстно равнодушными къ деньгамъ, вотъ къ чему сводился ихъ нравственный идеалъ. Но они по крайней мѣрѣ не утратили способности уважать въ другихъ тѣ нравственные принципы, которыхъ имъ самимъ недоставало. Не то уже съ героями Фелье во вторую эпоху его творчества. Это уже совсѣмъ блѣдныя ничтожныя фигуры, неспособныя подняться до пониманія чужаго превосходства, въ глубинѣ души тяготящіяся даже тою внѣшнею уздой, какую

налагаютъ требуемыя обществомъ приличія. Не только они уже ни во что̀ не вѣрятъ, вся жизнь ихъ не только сводится, помимо любовныхъ похожденій, къ умѣнью хорошо одѣваться и ѣздить верхомъ, даже самая любовь, которой отдано все ихъ время, чисто физіологическая любовь, стремленіе удовлетворить во что̀ бы то ни стало мимолетную прихоть, любовь безъ увлеченія и даже безъ страсти. Это въ полномъ смыслѣ слова герои вырожденія. Если въ своихъ женскихъ фигурахъ Октавъ Фелье съумѣлъ все-таки ярко обрисовать два противоположные типа, коварно-демоническую и холодно-страстную натуру женщины хищной, и нѣжный образъ женщины, умѣющей принести себя въ жертву, то въ его мужскихъ типахъ нѣтъ и этого. Они безличны до того, что кажутся лишь манекенами изъ мастерской люднаго портнаго.

Но упрекать его за это было бы едва ли справедливо. Общество, съ котораго онъ списывалъ своихъ дѣйствующихъ лицъ, не давало ему этого матеріала. И опять-таки виновато въ этомъ было не само это общество. Причины ничтожества героевъ Фелье слѣдуетъ искать глубже, въ соціальномъ явленіи, обнаруживающемся во Франціи съ неумолимою силой. Верхніе общественные слои, родовое дворянство и буржуазный патриціатъ, обречены тамъ на нравственную гибель, на жизненную пустоту, въ силу политическихъ условій страны. Тамъ, гдѣ высшіе классы, — этотъ естественный плодъ историческаго подбора, — перестаютъ участвовать въ политической жизни, потому что демократическія волны ихъ выкинутъ на берегъ, у нихъ по необходимости замираетъ тотъ нравственный стимулъ, которымъ только и могутъ держаться на высотѣ руководящіе классы,—живой интересъ къ общественнымъ дѣламъ. Тѣхъ, которымъ заперта дорога къ политической карьерѣ, искушенія богатой, обезпеченной жизни неизбѣжно влекутъ къ мутному водовороту чувственныхъ удовольствій. Конечно, для нихъ остается область частной дѣятельности,— благотворительность, искусство, наука и, наконецъ, болѣе скромное призваніе семьянина, занятаго дѣлами и воспитаніемъ дѣтей. Но опытъ показываетъ, что этотъ мотивъ не надолго хватаетъ на поддержаніе идеальныхъ стремленій богатыхъ классовъ. Искусство и наука годятся лишь для избранныхъ натуръ, отмѣченныхъ талантомъ, а одна только семейная жизнь слишкомъ блѣдна, чтобъ удовлетворить потребность въ живой дѣятельности и въ сильныхъ ощущеніяхъ. И потребность эта ищетъ себѣ

исхода въ томъ, что̀ тревожитъ нервы, если не сердце,—въ скачкахъ, въ игрѣ, въ биржевыхъ спекуляціяхъ, наконецъ, въ легкомъ бездушномъ развратѣ. И вотъ почему романы и драмы Фелье даютъ намъ вѣрную картину быта и нравовъ по крайней мѣрѣ одного общественнаго слоя современнаго французскаго общества.

Мы уже замѣтили въ началѣ этой статьи, что Октавъ Фелье въ своемъ творчествѣ не ушелъ отъ современнаго ему скептицизма. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ приверженецъ христіанской морали и старинныхъ традицій не могъ не замѣтить, какъ мало въ сущности эти дорогіе ему принципы отражаются на томъ избранномъ кругу, среди котораго онъ постоянно вращался. Его герои всѣ до единаго невѣрующіе, его героини все замѣтнѣе скользятъ по тому отвѣсному пути, который ведетъ къ полному разложенію семьи. И среди этого жалкаго крушенія ему оставалось ухватиться лишь за одну послѣднюю черту, которою и ограничивается нравственный кодексъ такъ-называемаго хорошаго общества, за строгое соблюденіе внѣшнихъ формъ. Въ современной французской литературѣ Октавъ Фелье и былъ послѣднимъ борцомъ за сохраненіе внѣшняго изящества формы, и въ жизни изображенныхъ имъ лицъ, и въ языкѣ, которымъ написаны его произведенія. Въ этомъ отношеніи послѣдній представитель романтики и сталъ настоящимъ классикомъ. „La cravatte blanche est presqueune morale“, говоритъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ драмѣ Альфонса Додэ—*La lutte pour la vie*, эта мораль внѣшнихъ приличій—вотъ и все, что̀ уцѣлѣло отъ охранительныхъ началъ, поборникомъ которыхъ былъ Фелье. Не его вина, что такъ случилось и что поневолѣ ему пришлось придерживаться строго условныхъ формъ, этого послѣдняго устоя разлагающагося общества.

Современная французская литература силится ниспровергнуть и этотъ уставъ. И нельзя не замѣтить, что судьба сыграла злую шутку съ тою самою романическою школой, которая нѣкогда такъ бурно выступала, какъ поборница рьяной свободы фантазіи, свободы въ особенности отъ строгихъ академическихъ традицій. Ей, въ свою очередь, пришлось стать охранительницей этихъ традицій, взяться за ту самую роль, которая въ началѣ столѣтія принадлежала запоздалымъ представителямъ классицизма. Заодно съ девятнадцатымъ вѣкомъ романтизмъ какъ бы постарѣлъ и отрезвился. Вмѣсто исключительно бурныхъ натуръ, вызывавшихъ на

бой цѣлое общество, онъ мало-по-малу замкнулся въ тѣсный кругъ небольшаго общественнаго класса, и прежняя его наклонность искать своихъ героевъ въ представителяхъ необузданной свободы личности замѣнилась исключительностью другаго рода,— исключительностью хорошаго тона и аристократическихъ салоновъ. И въ этомъ послѣднемъ фазисѣ своего развитія ему довелось въ лицѣ Фелье горестно подмѣчать, какъ и въ литературѣ и въ самомъ обществѣ все шире разливалась демократическая волна и какъ единственною религіей избраннаго круга остались соблюдаемыя имъ и то съ грѣхомъ пополамъ наружныя приличія.

К. Головинъ.

12 января 1891 г.

КЛАССИЦИЗМЪ, КАКЪ НЕОБХОДИМАЯ ОСНОВА ГИМНАЗИЧЕСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ.

V.

Способность не только мыслить, но и выражать свои мысли словомъ, есть одинъ изъ тѣхъ драгоцѣнныхъ даровъ, данныхъ Богомъ человѣку, которымъ человѣкъ наиболѣе отличается отъ прочихъ земныхъ тварей. Безъ этой способности немыслимо было бы какъ существованіе человѣческаго общежитія, такъ и развитіе самосознанія отдѣльнаго человѣка. Мысль о значеніи, которое имѣетъ для развитія человѣчества слово, слѣдующимъ образомъ прекрасно выражаетъ нѣмецкій философъ Целлеръ [1].

„Мы", говоритъ онъ, „можемъ мыслить только посредствомъ словъ (насколько рѣчь идетъ о сознательномъ мышленіи). Слова служатъ намъ тѣмъ единственнымъ средствомъ, при помощи коего мы можемъ съ достаточною ясностью давать обозначеніе нашимъ общимъ понятіямъ и логическимъ соотношеніямъ нашихъ представленій, или опредѣлять разнообразныя видоизмѣненія причинной связи вещей между собою, короче сказать, слово намъ необходимо для обозначенія всего того, что, въ отличіе отъ нашихъ представленій и дѣятельности фантазіи, составляетъ собственно предметъ нашего мышленія. Только тогда, когда мысль уже получитъ извѣстное обозначеніе словомъ, она пріобрѣтаетъ ту ясность и опредѣленность, которыя дѣлаютъ ее достояніемъ

[1] Ueber die Bedeutung der Sprache und des Sprachunterrichtes für das geistige Leben. E. Zeller Vorträge und Abhandlungen, p. 128.

нашего сознанія; до тѣхъ поръ она блуждаетъ, и мы только какъ бы предугадываемъ ея присутствіе; опредѣленный же обликъ она получаетъ и сознательно усваивается нами только тогда, когда для ея выраженія найдено соотвѣтствующее слово.“ Притомъ мысль находится въ той же тѣсной и неразрывной связи со словомъ, въ которой душа находится съ тѣломъ: мысль и слова возникаютъ, растутъ и развиваются одновременно, оказывая постоянно взаимное вліяніе свое другъ на друга. Какъ понятіе о живомъ человѣкѣ предполагаетъ соединеніе духа съ тѣломъ, такъ и понятіе о мыслящемъ человѣкѣ слагается изъ сочетанія мысли и слова. Какъ здоровый духъ почти необходимо требуетъ здороваго тѣла, такъ для ясности и сознательности мысли необходимъ правильно сложившійся языкъ. Языкъ и мысли въ своемъ развитіи находятся такимъ образомъ въ неразрывной связи между собою, живутъ, такъ сказать, общею жизнью, создавая другъ для друга общіе законы, причемъ мысль, приноравливаясь къ условіямъ языка, вырабатываетъ для него логическіе законы, но затѣмъ она сама подчиняется имъ и находитъ себѣ полное выраженіе и осуществленіе только подъ условіемъ соблюденія этихъ законовъ [1]. Эта именно нерасторгаемая зависимость и связь, существующая между мыслію и языкомъ, обусловливаетъ важность изученія сего послѣдняго для общаго развитія человѣка: изучая языкъ, мы въ то же время проникаемъ въ законы мышленія и усвоиваемъ ихъ себѣ: изучать языкъ значитъ учиться мыслить и пріучать свой умъ подчиняться высшимъ и общимъ законамъ

[1] Мысль эту, примѣняя ее собственно къ поэзіи, прекрасно выразилъ графъ С. Уваровъ въ письмѣ къ В. В. Капнисту по поводу вопроса о русскомъ стихосложеніи: говоря о необходимости при переводѣ *Иліады* передать не только содержаніе мысли Гомера, но и формы, „дабы представить оттѣнки творенія Омерова въ духѣ оригинала“ и перенести на насъ чудное впечатлѣніе, производимое чтеніемъ подлинника, графъ С. Уваровъ пишетъ: „Вотъ въ какомъ отношеніи могутъ древніе дѣйствовать надъ нами; „но чтобы достигнуть сей цѣли, чтобы распространить благодѣтельное ихъ „вліяніе, необходимо нужно признать первымъ правиломъ, что *формы* въ „поэзіи неразлучны съ *духомъ*; что между формой и духомъ поэзіи нахо„дится та же самая таинственная связь, какъ между тѣломъ и душой; что „обоюдное ихъ вліяніе и дѣйствіе—формы на мысль, а мысли на форму— „такъ тѣсны, что никакъ нельзя опредѣлить истинныхъ границъ ихъ, а „еще менѣе расторгнуть ихъ союзъ, не жертвуя тою или другою.“ Мысль, высказанная графомъ С. Уваровымъ относительно поэтическаго языка, вполнѣ распространяется на значеніе формы для языка вообще. (См. *Чтеніе въ бесѣдѣ любителей русскаго слова*, чтеніе 17, стр. 57. 1815 годъ.)

разума. Вотъ почему языкознаніе во всѣ времена играло такую громадную роль въ образованіи человѣчества; вотъ почему оно, пополняясь математикой, всегда составляло и нынѣ составляетъ главную основу всякаго общаго образованія.

И дѣйствительно, если въ насъ есть прирожденное стремленіе не только созерцать внѣшнюю природу и пользоваться ея дарами, но и проникать въ ея существо и познавать ея законы, то не также ли естественно и *необходимо* для насъ сознательное отношеніе и тщательное изученіе языка, который составляетъ часть насъ самихъ и обусловливаетъ самыя важныя стороны нашего развитія.

Но, быть-можетъ, намъ скажутъ, что никто не отрицаетъ важности изученія языка или языковъ въ школѣ, а вопросъ возникаетъ лишь о томъ, какимъ языкамъ слѣдуетъ обучать въ ней и какую постановку надлежитъ дать ихъ преподаванію.

Для разрѣшенія этого вопроса постараемся выяснить тѣ общія цѣли, которыя возможно преслѣдовать при изученіи языковъ, а равно тѣ различные виды и способы этого изученія, которые доступны школѣ.

Мы, само собою разумѣется, не будемъ говорить здѣсь о высшей наукѣ языковѣдѣнія, то-есть о филологіи, въ смыслѣ научнаго изысканія въ области языкознанія: въ этомъ смыслѣ филологія не входитъ въ курсъ школы, точно такъ же, какъ не входитъ въ нее высшая математика, несмотря на непосредственную и неразрывную связь, существующую между низшими и высшими ея отдѣлами. Мы ограничимся разсмотрѣніемъ вопросовъ, касающихся той области языковѣдѣнія, которая доступна школьному возрасту и которая имѣетъ общее значеніе для громаднаго большинства, не намѣревающагося впослѣдствіи спеціально посвящать себя изученію языковъ, точно такъ же, какъ, говоря о значеніи математики въ школѣ, мы не касались тѣхъ ея частей, которыя составляютъ достояніе спеціалистовъ.

Прежде всего укажемъ на то, что изученіе въ школѣ языка или языковъ важно тѣмъ, что оно, наравнѣ съ математикой, представляетъ единственный матеріалъ, который, при совершенной элементарности преподаванія и при соотвѣтствіи возрасту и пониманію учениковъ, обладаетъ строгою послѣдовательностью и заставляетъ постоянно работать логическія, мыслительныя способности учащихся. Изученіе языка, подобно изученію математики, заключаетъ въ себѣ рядъ задачъ, начиная отъ самыхъ простѣй-

шихъ и кончая самыми сложными, путемъ разъясненія и рѣшенія коихъ учащійся постепенно проходитъ цѣлую школу логическаго мышленія, причемъ, хотя память его и работаетъ постоянно, но гораздо меньше, чѣмъ при изученіи всѣхъ прочихъ предметовъ (кромѣ математики), преподаваемыхъ въ дѣтскомъ возрастѣ, такъ какъ систематическое изученіе языка на первыхъ же порахъ неизбѣжно требуетъ не только запоминанія, но и пониманія, ибо безъ сего послѣдняго нельзя разобраться въ смыслѣ самой простой фразы, надъ которой ученику, однако, приходится упражняться на первыхъ же порахъ. [1] Учащійся, при изученіи языка, постоянно переходитъ черезъ самыя разнообразныя ступени пониманія и мышленія; сперва требуется простое усвоеніе значенія словъ и ихъ видоизмѣненій,—причемъ, однако, каждое видоизмѣ-

---

[1] Нерѣдко намъ приходится встрѣчаться съ мнѣніемъ: будто бы первоначальное изученіе языка и элементарныхъ его правилъ, требуя главнымъ образомъ дѣятельности памяти, слишкомъ мало дѣйствуетъ на развитіе мышленія. Такое мнѣніе мы не можемъ не считать заблужденіемъ, основаннымъ на недоразумѣніи и на недостаточно внимательномъ наблюденіи за ходомъ развитія дѣтскаго мышленія. Правда, заучиваніе словъ, запоминаніе исключеній въ этимологіи требуютъ усилія памяти; но вѣдь упражненіе памяти въ дѣтскомъ возрастѣ является необходимостью; рядомъ же съ этимъ всякое даже первоначальное упражненіе въ языкѣ неизбѣжно требуетъ мышленія: ибо въ языкѣ форма всегда такъ тѣсно связана съ содержаніемъ, что для того, чтобы разобрать самую простую фразу, нужно не только помнить слова и знать формы, но нужно понять соотношеніе словъ между собой; причемъ общій смыслъ, хотя бы самаго несложнаго предложенія, выясняется только путемъ ряда сопоставленій и сочетаній словъ и ихъ видоизмѣненій, вслѣдствіе чего вмѣстѣ съ запоминаніемъ формы неизбѣжно является и пониманіе ея значенія. Этотъ мыслительный процессъ первоначально очень простъ, благодаря чему ходъ его часто не обращаетъ на себя вниманія взрослыхъ, которые, если они недостаточно внимательны, видятъ только внѣшнюю сторону, то-есть работу памяти ребенка; мыслительный же процессъ нерѣдко ускользаетъ отъ ихъ глазъ, такъ какъ имъ самимъ уже не приходится размышлять объ этихъ простыхъ вещахъ, давно ими усвоенныхъ, и имъ представляется, что и ребенку точно также не надъ чѣмъ задуматься. Всякій же внимательный наблюдатель, если онъ дастъ себѣ трудъ вникнуть въ сущность умственной работы при первоначальномъ изученіи языка, непремѣнно придетъ къ заключенію, что эта простая и элементарная работа вполнѣ соотвѣтствуетъ возрасту ребенка, заставляетъ его размышлять и при томъ именно настолько, насколько это возможно въ дѣтствѣ, представляя такимъ образомъ вовсе не сухой и не механическій трудъ, а живую работу ума, которою дѣти вовсе не тяготятся, если окружающіе ихъ взрослые не приводятъ ихъ, своимъ отношеніемъ къ дѣлу, къ мысли о скучности и трудности этой работы.

неніе сопряжено съ представленіемъ объ отношеніи къ предмету, съ понятіемъ о времени, мѣстѣ, лицѣ и т. д., благодаря чему при каждой ступени даже самаго элементарнаго изученія языка на разрѣшеніе ребенка предлагается маленькая умственная задача. Отъ пониманія отдѣльныхъ словъ ученикъ переходитъ къ простымъ, а затѣмъ и къ болѣе сложнымъ ихъ сочетаніямъ и сопоставленіямъ. Далѣе, предъ нимъ раскрываются законы уже не соединенія отдѣльныхъ словъ, а связной рѣчи, и, наконецъ, онъ доходитъ до изученія того, что составляетъ вѣнецъ всякаго языкознанія, къ изученію литературы, въ которой соединяется высокое содержаніе съ возможно совершенною и изящною формой. Такое постепенное и связное прохожденіе всѣхъ этихъ ступеней и составляетъ задачу общаго образованія, даваемаго школой, основанную на языковѣдѣніи; причемъ всѣ части этого образованія такъ тѣсно связаны между собой, что выкинуть которую-либо изъ нихъ значитъ лишить изученіе языка той полноты его воспитательнаго значенія, которая составляетъ главную его цѣну и силу. Нѣтъ сомнѣній, что конечная цѣль всякаго языкознанія есть изученіе высшаго проявленія языка, то-есть литературы; *но однимъ ознакомленіемъ съ содержаніемъ литературныхъ произведеній* школа не можетъ и не должна ограничиться. Не говоря уже о томъ, что во всякомъ литературномъ произведеніи содержаніе неразрывно связано съ формой и что, слѣдовательно, необходимо, чтобъ учащійся не только схватывалъ общее содержаніе, но понялъ и оцѣнилъ ту форму, въ которую вылилось литературное произведеніе, но, сверхъ того, нельзя забывать, что изученіе литературы есть достояніе уже старшихъ классовъ и что прежде чѣмъ дойти до нихъ, ребенку, а затѣмъ и юношѣ приходится пройти длинный путь пріобрѣтенія предварительныхъ, подготовительныхъ знаній и постепеннаго развитія мыслительныхъ способностей, средствомъ для чего и служитъ изученіе языка. При этомъ особо важное значеніе имѣетъ та постоянная и неразрывная связь, которая всегда неизбѣжно существуетъ между содержаніемъ и языкомъ, какъ формой, въ которой это содержаніе выражается. А потому, говоря объ изученіи языка, неправильно было бы ограничивать задачу школы только усвоеніемъ учащимися содержанія того, что на этомъ языкѣ написано, а необходимо заботиться о тщательномъ изученіи самаго языка, то-есть его законовъ и логики, причемъ совершенно естественно въ младшихъ классахъ рѣшительный перевѣсъ

долженъ быть на сторонѣ формальнаго изученія языка, а въ старшихъ, напротивъ, преобладающее значеніе получаетъ содержаніе литературныхъ произведеній, но и здѣсь не слѣдуетъ упускать изъ виду, что главная задача общаго гуманистическаго образованія, то-есть возможно полное развитіе ума, достигается лишь при пониманіи произведеній языка не только по ихъ содержанію, но и по формѣ.

Сказаннаго нами, мы полагаемъ, достаточно для выясненія общаго взгляда нашего на значеніе, которое языкознаніе имѣетъ для воспитанія; но этимъ, само собою разумѣется, еще далеко не разрѣшается вопросъ о мѣстѣ, которое изученіе языковъ должно занимать въ школѣ. Для разрѣшенія этого вопроса нужно тщательно изслѣдовать тѣ различные пути, которыми достигается та или другая степень знанія языковъ и опредѣлить значеніе, которое каждая изъ этихъ степеней имѣетъ для умственнаго воспитанія юношества. По нашему крайнему разумѣнію, можно различать три главные вида знанія языка: вопервыхъ, практическое владѣніе языкомъ, то-есть свободная устная рѣчь, пониманіе читаемаго и извѣстный навыкъ въ письмѣ; вовторыхъ, теоретическое, то-есть грамматическое знаніе языка, направленное на изученіе его законовъ и правилъ, и на вполнѣ основательное пониманіе не только содержанія читаемаго, но и его формы и, втретьихъ, знакомство съ литературой языка, достигаемое пользованіемъ уже ранѣе пріобрѣтенными навыками во владѣніи языкомъ. Полнымъ знаніемъ языка можно назвать только совокупность всѣхъ этихъ трехъ видовъ его изученія, то-есть не только свободное владѣніе языкомъ, но и знаніе его законовъ, и знакомство съ его литературой, но такого полнаго знанія можно безусловно требовать только по отношенію къ родному языку. Что же касается до чужихъ языковъ, то подобное знаніе достигается только въ сравнительно рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ, по большей же части приходится удовлетвориться достиженіемъ лишь той или другой степени знанія, или частичнаго соединенія нѣкоторыхъ изъ этихъ видовъ. А посему, за невозможностью достичь въ школѣ полнаго обладанія чужими языками, приходится ограничивать свою задачу и дѣлать выборъ между различными степенями знанія языка и соотвѣтствующими видами ихъ изученія, сообразуясь съ главными воспитательными цѣлями, положенными въ основу школы.

Такъ, напримѣръ, при первомъ изъ указанныхъ нами видовъ

изученія языка если школа преслѣдуетъ ближайшія практическія цѣли обыденной жизни, какъ-то: облегченіе непосредственнаго личнаго общенія съ иностранцами или письменныхъ сношеній съ ними, то усилія школы направляются къ тому, чтобы развить въ учащихся способность и навыкъ по возможности свободно говорить, читать и писать на изучаемомъ языкѣ, причемъ стремленіе достичь свободы механическаго владѣнія языкомъ получаетъ преобладаніе надъ всѣми другими сторонами изученія. Въ другомъ случаѣ, практическое языкознаніе можетъ преслѣдовать иную цѣль: языкъ можетъ представляться не столько средствомъ общенія съ другими людьми, сколько орудіемъ для пріобрѣтенія дальнѣйшихъ знаній; здѣсь умѣнье говорить и даже писать отодвигается на второй планъ, а способность читать и возможно быстро схватывать содержаніе читаемаго получаетъ первенствующее значеніе, причемъ содержаніе того, что̀ изложено на извѣстномъ языкѣ и усвоеніе этого содержанія главнымъ образомъ сосредоточиваютъ на себѣ вниманіе учащаго и учащихся, а по отношенію къ самому процессу и способу изученія языка преобладаетъ чисто практическая, прикладная точка зрѣнія, и цѣнится не само знаніе и разумѣніе языка, въ глубокомъ значеніи этого слова, а умѣнье владѣть имъ, какъ орудіемъ. Въ обоихъ указанныхъ нами случаяхъ цѣлью изученія языка поставляется не воспитаніе ума путемъ этого изученія, а пріобрѣтеніе тѣхъ или другихъ навыковъ, а потому и наиболѣе цѣлесообразнымъ методомъ изученія будетъ считаться тотъ, посредствомъ коего *возможно быстрѣе и легче достигается требуемый навыкъ*, хотя бы для этого употреблялись чисто механическіе способы, оказывающіе самое слабое вліяніе на умственное развитіе учащихся. Мы вовсе не думаемъ, однако, отрицать пользу и подобнаго изученія языковъ, которое въ *своихъ послѣдствіяхъ* (то-есть когда извѣстный результатъ владѣнія языкомъ уже достигнутъ) можетъ, безъ сомнѣнія, способствовать образованію ума въ томъ случаѣ, если учащійся *воспользуется уже пріобрѣтенными имъ навыками и умѣньями для расширенія круга своихъ знаній;* но мы утверждаемъ, что *самый процессъ подобнаго изученія языка*, скользя по его поверхности, оказываетъ весьма слабое вліяніе на мыслительныя способности учащихся, *не укрѣпляетъ въ нихъ разумѣнія* и не придаетъ уму зрѣлости и логической силы, а потому подобное прикладное изученіе языка не можетъ быть положено въ основу системы школы, имѣющей главною своею задачей

воспитаніе юношества для дальнѣйшаго самостоятельнаго научнаго труда, и не можетъ служить предметомъ концентраціи преподаванія въ гимназіи, важнѣйшая задача коей, какъ мы указали во второй главѣ нашего труда, есть приготовленіе къ научнымъ университетскимъ занятіямъ. Доказательствомъ того, какъ мало развитію ума даетъ пріобрѣтеніе внѣшняго владѣнія языкомъ, само по себѣ, можетъ служить для насъ примѣръ той столь многочисленной въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія молодежи, которая свободно болтала, читала, а нерѣдко и писала на нѣсколькихъ языкахъ и въ то же время отличалась неспособностью къ серьезному умственному труду и ограниченностью своего развитія. Еще болѣе разительный примѣръ слабаго воспитательнаго вліянія, оказываемаго механическимъ изученіемъ языковъ, представляетъ собою многочисленное сословіе современныхъ служителей европейскихъ гостиницъ и торговыхъ прикащиковъ всевозможныхъ наименованій, которые говорятъ и часто недурно пишутъ на двухъ-трехъ и болѣе языкахъ. Соберите этихъ людей, образуйте изъ нихъ общество (оно по численности своей будетъ равняться маленькому государству), и вы убѣдитесь, какъ мало внѣшнее знаніе языковъ повліяло не только на ихъ развитіе, но и на способность пріобрѣтать умственное развитіе. А между тѣмъ исторія всей современной культуры и примѣръ школъ всѣхъ наиболѣе образованныхъ странъ неопровержимо доказываютъ намъ, что для умственнаго воспитанія юношества нѣтъ лучшаго и болѣе вѣрнаго средства, какъ именно преподаваніе языковъ; но для этого нужно обратиться ко второму изъ указанныхъ нами видовъ изученія языка, то-есть къ глубокому и систематическому изученію законовъ его, а не ко внѣшнему только практическому владѣнію имъ; это же послѣднее само по себѣ не можетъ служить надежнымъ воспитательнымъ средствомъ, а является только однимъ изъ вспомогательныхъ орудій для пріобрѣтенія знаній, въ каковомъ качествѣ оно хотя имѣетъ весьма полезное значеніе, но не можетъ быть положено въ основу серьезной научной школы.

Сравнительно съ другими способами изученія языка, такое систематическое изученіе его правилъ и законовъ, правда, представляетъ собою путь болѣе трудный и болѣе медленный для пріобрѣтенія бѣглаго владѣнія языкомъ; но за то этимъ способомъ достигается другая важнѣйшая воспитательная цѣль: развитіе логическаго разумѣнія, укрѣпленіе мыслительныхъ способ-

ностей и навыкъ къ методическому, вдумчивому умственному труду. Въ то время какъ другіе, такъ-называемые практическіе въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, способы изученія языковъ оказываются полезными, какъ мы объясняли выше, только въ своихъ конечныхъ результатахъ, то-есть по достиженіи извѣстной легкости во владѣніи языкомъ, *систематическое изученіе логики и законовъ языка имѣетъ глубокое воспитательное значеніе на всѣхъ своихъ ступеняхъ*, причемъ, какъ то доказалъ опытъ всѣхъ временъ и школъ всѣхъ образованныхъ странъ,—самый процессъ изученія языка является однимъ изъ лучшихъ и вѣрнѣйшихъ способовъ образованія ума.

Систематическое изученіе языка, а равно и математики, обладаетъ тѣмъ неоцѣнимымъ, въ воспитательномъ отношеніи, качествомъ, что самый процессъ ихъ изученія настолько плодотворенъ, что ни одинъ моментъ времени, употребленнаго на этотъ предметъ, не пропадаетъ даромъ. Въ то время, какъ знанія чисто фактическаго или практическаго свойства имѣютъ цѣну лишь доколѣ человѣкъ удерживаетъ ихъ въ памяти или когда онъ начнетъ примѣнять ихъ на дѣлѣ, въ математикѣ и языкѣ главное значеніе имѣетъ та польза, которая получается для воспитанія мышленія, [1] во время самаго изученія; здѣсь вполнѣ умѣстна старинная нѣмецкая поговорка „das Vergessen schadet nichts“ (забыть—не бѣда); ибо если предположить, что учащійся забудетъ весь пройденный имъ курсъ математики и не воспользуется, въ смыслѣ примѣненія, пріобрѣтеннымъ имъ систематическимъ

[1] Едва ли кто-нибудь станетъ отрицать, что мышленіе для своего развитія такъ же требуетъ упражненія, какъ и всѣ другія физическія и духовныя силы человѣка. Какъ физическія способности человѣка ослабѣваютъ при бездѣйствіи, точно также и духовныя силы не развиваются, если не заботиться о постоянномъ ихъ упражненіи, доказательствомъ чему служитъ та трудность, съ которою обучаются люди, начавшіе учиться уже въ зрѣломъ возрастѣ. Хотя душа наша и имѣетъ, безъ сомнѣнія, свое бытіе, независимое отъ тѣла, и хотя бытіе это есть высшее, но въ земной жизни связь души и тѣла такъ неразрывна, что первая *для своихъ проявленій* постоянно нуждается во второмъ, и при неразвитіи его теряетъ возможность проявляться. Каждому движенію духа, каждому его проявленію соотвѣтствуетъ извѣстное дѣйствіе физической оболочки человѣка, а потому, для возможно совершенной дѣятельности духа, необходимо соотвѣтствующее развитіе органовъ, служащихъ для его выраженія; въ этомъ отношеніи ученіе и воспитаніе есть прежде всего гимнастика ума—выраженіе, опошленное неправильнымъ употребленіемъ его и потерявшее поэтому свой истинный смыслъ, но имѣющее въ сущности глубокое и высокое значеніе.

знаніемъ языка, то и тогда онъ удержитъ, и притомъ на всю жизнь, то развитіе, которое онъ пріобрѣлъ при ихъ изученіи.

Не слѣдуетъ забывать, что главною задачей всякой серьезной школы вообще, а гимназіи, какъ учебнаго заведенія, готовящаго къ научному университетскому образованію, въ особенности, является не столько накопленіе знаній или пріобрѣтеніе энциклопедическихъ—и уже потому самому, поверхностныхъ свѣдѣній,—сколько общее развитіе ума, то-есть способности вдумываться въ сущность предмета, умѣнья сопоставлять мысли между собою, и съ одной стороны находить въ изучаемомъ матеріалѣ тѣ законы, которымъ онъ подчиняется, съ другой—дѣлать изъ него закономѣрные и логическіе выводы. Въ этой способности заключается $^3/_4$ всякой науки, и кто ее пріобрѣлъ, тому всегда легко будетъ пополнить, когда понадобится, недостающія ему свѣдѣнія, сообразно съ тѣмъ, чего потребуютъ обстоятельства. Равнымъ образомъ, такой человѣкъ будетъ въ состояніи, посвятивъ себя дальнѣйшему изученію науки, преодолѣть тѣ затрудненія и препятствія, которыя встрѣчаются на пути научнаго изслѣдованія. Тѣ методы и способы преподаванія, которые наиболѣе содѣйствуютъ развитію только-что помянутой нами способности, принято называть научными, и въ этомъ смыслѣ мы неоднократно употребляли этотъ терминъ, противопоставляя ему такъ-называемые практическіе способы преподаванія, направленные не на внутреннее развитіе учащихся, а на снабженіе ихъ знаніями предметовъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова или на пріобрѣтеніе механическихъ навыковъ и умѣнія владѣть извѣстнымъ предметомъ. Научною же школой мы называемъ ту, которая, имѣя цѣлью приготовлять къ дальнѣйшему научному образованію, сама пользуется научными методами и способами преподаванія, избирая для сего и соотвѣтственный учебный матеріалъ и основывая на немъ свой курсъ.

Само собою разумѣется, что въ такой школѣ преимущество должно быть отдаваемо тому учебному матеріалу и тѣмъ способамъ его обработки, которые, на основаніи какъ продолжительнаго опыта, такъ и тщательно обдуманныхъ теоретическихъ соображеній, могутъ быть признаны наиболѣе пригодными для достиженія главныхъ цѣлей школы, и только на этихъ предметахъ можетъ быть осуществлена концентрація преподаванія, необходимость коей, какъ главнаго условія благоустройства всякой

школы, мы доказывали во второй главѣ нашего труда. Подробнымъ разборомъ существа и значенія всѣхъ предметовъ, входящихъ въ курсъ средней школы, мы выяснили, что основными предметами, то-есть такими, на которыхъ *должна быть сосредоточена бо́льшая половина работы школы*, могутъ быть только математика и языки, причемъ въ гуманистической школѣ, совершенно естественно, послѣдніе должны получить рѣшительное преобладаніе. Но еще недостаточно признать первенствующее значеніе языкознанія въ курсѣ гимназій: нужно, чтобы постановка преподаванія языка была согласована съ главною задачей гимназій. Необходимо, чтобы преподаваніе языка не ограничивалось стремленіемъ довести учениковъ до легкаго внѣшняго владѣнія разговорнымъ языкомъ или до бѣглаго пониманія читаемаго, а чтобъ оно было направлено на серьезное систематическое изученіе самаго языка и его законовъ, то-есть, другими словами, на грамматическое его изученіе.

Мы вполнѣ сознаемъ, что, выступая такимъ образомъ защитниками грамматическаго изученія языка, мы становимся въ противорѣчіе съ господствующими въ настоящее время въ обществѣ предразсудками и съ широко распространенными ходячими мнѣніями; но мы просимъ читателей по возможности отрѣшиться отъ этихъ предубѣжденій и предвзятыхъ мнѣній и углубиться въ сущность вопроса.

Самое распространенное обвиненіе, которое возводится на грамматическое преподаваніе, это: его мнимая мертвенность, сухость, воздѣйствіе на память, въ ущербъ всѣмъ другимъ свойствамъ ума, и отсутствіе всякаго интереса для учащихся.

Прежде чѣмъ возражать противъ этихъ обвиненій, мы позволимъ себѣ предпослать маленькое, предварительное замѣчаніе: мы, само собою разумѣется, не отрицаемъ, что всякій предметъ можетъ преподаваться дурно, противъ чего не растетъ, къ несчастью, никакой лѣкарственной травы, а потому и преподаваніе грамматики, какъ всякаго другаго предмета, можетъ быть неудовлетворительно и методы преподаванія ея могутъ быть ошибочны; но мы отрицаемъ, чтобы на этомъ основаніи было справедливо и цѣлесообразно стремиться къ совершенному упраздненію грамматическаго преподаванія или къ уменьшенію его до той степени, при которой оно теряетъ всякое самостоятельное и воспитательное значеніе и обращается въ слабое, побочное

средство для достиженія практическихъ цѣлей языкознанія [1], которыя при томъ достигаются легче и быстрѣе другими путями.

Напомнимъ читателю, что не такъ далеко еще время, когда многихъ учили читать путемъ повторенія и заучиванія словъ, а затѣмъ цѣлыхъ книгъ (напримѣръ, *Псалтырь*) съ голоса учителя, безъ попытки даже пониманія читаемаго; не такъ еще давно почти единственнымъ и чуть ли не самымъ совершеннымъ способомъ преподаванія считалось сложеніе азъ, буки, вѣди и т. д., причемъ лучшимъ средствомъ возбужденія въ ученикахъ пониманія считалось непосредственное воздѣйствіе на нихъ линейкой или указкой. Но изъ того, что эти способы обученія чтенію были ложны, слѣдуетъ ли, что не нужно вовсе учить читать? Не съ тѣмъ ли же правомъ мы могли бы спросить, неужели, если признать, что въ настоящее время грамматика преподается очень дурно (съ чѣмъ мы *далеко не вполнѣ согласны*), слѣдуетъ уничтожить или довести до нуля грамматическое преподаваніе? Обратимъ наши взоры въ другую сторону—возьмемъ для примѣра изученіе естественныхъ наукъ, школьное преподаваніе коихъ легко можетъ обратиться въ простое упражненіе памяти путемъ заучиванія именъ, видовъ и т. д., и спросимъ поклонниковъ преподаванія этихъ наукъ въ школѣ: почему они питаютъ столь радужныя надежды на преподаваніе означеннаго предмета въ то время, какъ постановка его, независимо отъ качества преподавателей, требуетъ наличности гораздо болѣе сложныхъ условій, чѣмъ преподаваніе языковъ. Обратимъ при этомъ вниманіе на то, что условія эти по большей части таковы, что школа выполнить ихъ не можетъ, не имѣя въ своемъ распоряженіи ни достаточнаго матеріала, ни потребнаго мѣста, ни учебно-вспомогательныхъ средствъ; между тѣмъ какъ при изученіи языка матеріалъ всегда налицо, а пособія преподаванія таковы, что они всегда могутъ находиться въ полномъ распоряженіи учителя и учениковъ, благодаря чему даже при посредственномъ препода-

---

[1] Такого именно подчиненія изученія грамматики прикладнымъ цѣлямъ языкознанія желаетъ г. Еленевъ, утверждая на стр. 70, что главное достоинство преподаванія математики заключается въ твердомъ усвоеніи теоріи, а что при изученіи языковъ на первомъ планѣ должна быть практика, изъ чего слѣдуетъ, что грамматика нужна только настолько, чтобъ учащійся могъ бѣгло схватить смыслъ читаемаго.

вателѣ удовлетворительные результаты могутъ быть достигнуты сравнительно легко [1].

Что касается до того, что при грамматическомъ преподаваніи языка ученіе лишено будто бы всякаго интереса для учащихся, то мы позволяемъ себѣ считать подобное мнѣніе, несмотря на всю распространенность его, далеко неосновательнымъ и имѣющимъ своимъ источникомъ недоразумѣніе и недостатокъ наблюдательности со стороны взрослыхъ, не вникающихъ въ ходъ мысли ребенка и судящихъ о немъ по себѣ, причемъ то, что потеряло интересъ для нихъ, представляется, по ихъ мнѣнію, неинтереснымъ и для ребенка. Они забываютъ, что всякому человѣку, не исключая ребенка, присущъ, какъ справедливо говоритъ извѣстный педагогъ-историкъ Іегеръ, „интересъ, который „путемъ добросовѣстной работы вызывается въ каждомъ нормальномъ человѣкѣ къ самому предмету работы и который затѣмъ „послѣдовательно возвышается, когда ученикъ, благодаря затраченному труду, достигаетъ все бо́льшихъ и бо́льшихъ результатовъ". При семъ интересъ этотъ къ работѣ и къ ея результатамъ можетъ имѣть своимъ предметомъ самые разнообразные объекты, часто ничтожные по своему содержанію, хотя, само собою разумѣется, что они никогда не должены быть лишены разумнаго основанія. Такъ, напримѣръ, кому не приходилось замѣчать радость ребенка, которому, послѣ долгихъ попытокъ научиться ходить, наконецъ, удается сдѣлать нѣсколько самостоятельныхъ шаговъ? Кому не приходилось умиляться веселому смѣху и восторгу, съ которыми ребенокъ бросается въ объятія матери, наблюдающей за этимъ первымъ его успѣхомъ? Здѣсь очевидно радуетъ ребенка не шагъ самъ по себѣ, то-есть не содержаніе дѣйствія, а сознаніе достигнутаго успѣха, увѣнчавшаго его усиліе. Точно также мы видимъ радость ребенка, когда, обучаясь чтенію, онъ пойметъ, что два прочитанные имъ слога, не

[1] Такъ, напримѣръ, не относясь вовсе оптимистически къ результатамъ преподаванія древнихъ языковъ въ нашихъ гимназіяхъ, смѣемъ однако утверждать, на основаніи продолжительныхъ и многочисленныхъ наблюденій, что если сравнить эти результаты съ тѣмъ, что достигается при школьномъ преподаваніи естественныхъ наукъ въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ курсѣ которыхъ они входятъ, то средній уровень преподаванія языковъ стоитъ несомнѣнно выше, чѣмъ преподаваніе естественныхъ наукъ, несмотря на то, что между преподавателями сего послѣдняго предмета часто встрѣчаются люди достаточно образованные и увлекающіеся предметомъ сего преподаванія.

имѣющіе смысла въ отдѣльности, въ своей совокупности составляютъ понятное для него слово,—и здѣсь интересъ лежитъ не въ содержаніи прочитаннаго слова, а въ достиженіи разумнаго результата затраченнаго труда. Слѣдя далѣе за развитіемъ дѣтскаго ума, мы замѣтимъ тѣ же явленія и позднѣе, напримѣръ, при первоначальномъ изученіи математики, при рѣшеніи задачъ, и въ этомъ случаѣ едва ли кто-либо станетъ утверждать, что задача можетъ представлять интересъ для учащихся по своему содержанію; между тѣмъ, всякій, кто внимательно слѣдитъ за занятіями дѣтей, не можетъ не замѣтить того удовольствія, которое, по крайней мѣрѣ для громаднаго большинства ихъ, представляетъ удачное рѣшеніе задачи или хорошо понятый и усвоенный пріемъ рѣшенія. Въ совершенно аналогическомъ положеніи, насколько то касается интереса изученія, находится и грамматическое преподаваніе языка; оно точно также состоитъ изъ рѣшенія ряда умственныхъ задачъ, которыя начинаются самыми простыми и кончаются весьма сложными, и здѣсь главная цѣль школы, и притомъ вовсе не безплодная и не лишенная интереса въ вышеуказанномъ нами смыслѣ, заключается въ томъ, какъ мѣтко замѣчаетъ Іегеръ [1], „чтобы привести къ сознанію учащих-„ся положеніе, что все должно быть взято трудомъ, начиная съ „предложенія: mensa rotunda est, вплоть до первой басни, кото-„рая можетъ быть съ ними прочитана, или до перваго сложнаго „предложенія въ *Корнеліи Непотѣ* и не исключая привычки „внятно читать или избѣгать безсмысленнаго повторенія уже „сказанныхъ разъ словъ и многихъ вещей подобнаго рода“. И дѣйствительно, грамматическое преподаваніе языка, какъ мы смѣемъ утверждать на основаніи продолжительныхъ наблюденій, вовсе не представляется дѣтямъ столь безотраднымъ, какъ то часто утверждаютъ взрослые, считающіе для дѣтей скучнымъ то, что̀ скучно имъ самимъ, уже потому что оно не соотвѣтствуетъ ихъ возрасту и развитію, или лицамъ, которыя повторяютъ ходячія фразы о безплодности будто бы грамматическаго преподаванія и подчиняются распространенному предразсудку, не давая себѣ труда выяснить сущность дѣла. Грамматическое преподаваніе языка въ большинствѣ случаевъ представляетъ для учениковъ, особенно младшихъ классовъ, не болѣе трудностей и не менѣе

[1] Стр. 36. *Гуманистическая Гимназія.* Іегеръ.

интереса, чѣмъ изученіе какихъ-либо другихъ предметовъ, но нельзя не признать, что, къ сожалѣнію, интересъ къ работѣ въ указанномъ нами смыслѣ часто быстро охладѣваетъ подъ вліяніемъ окружающей среды. Презрѣніе къ систематическому изученію языковъ, пренебрежительное отношеніе къ требованіямъ школы и легкомысленныя разсужденія о безплодности ученія, не имѣющаго непосредственнаго прикладнаго практическаго значенія, такъ распространены въ обществѣ, что они быстро охватываютъ учениковъ, *отравляютъ* въ нихъ то чувство удовлетворенія, которое работа заключаетъ сама въ себѣ, и подчиняютъ ихъ вліянію совершенно ложной, по нашему мнѣнію, легенды о непреодолимой трудности и безцѣльности систематическаго изученія языка.

Указывая такимъ образомъ на пагубное вліяніе существующихъ у насъ въ настоящее время теченій общественнаго мнѣнія, мы вовсе не имѣемъ однако въ виду оправдывать существующіе недостатки школы. Мы не отвергаемъ того громаднаго значенія, которое школа имѣетъ и должна имѣть на развитіе общества, и не освобождаемъ ея отъ отвѣтственности за недостаточность достигаемыхъ ею нерѣдко результатовъ; но мы возстаемъ противъ весьма распространеннаго, односторонняго взгляда, приписывающаго школѣ *исключительное* вліяніе на все развитіе юношества, требующаго, чтобъ она достигала высшихъ результатовъ и при томъ непремѣнно быстро и въ кратчайшій срокъ, независимо отъ всѣхъ преградъ, которыя встрѣчаются на ея пути: точно школа представляетъ собою нѣчто совершенно отдѣльное отъ остальнаго міра и, не подчиняясь вліянію мѣста и времени, можетъ при всякихъ условіяхъ дѣйствовать безпрепятственно во всѣхъ направленіяхъ и нести полную и исключительную отвѣтственность за всѣ явленія не только среди настоящаго, но и среди грядущихъ поколѣній. Въ дѣйствительности же, школа, оказывая, какъ мы только-что сказали, могущественное вліяніе на развитіе общества, сама въ то же время постоянно ощущаетъ на себѣ вліяніе сего послѣдняго и зависитъ въ значительной степени отъ окружающихъ ея условій, общественныхъ взглядовъ и т. п. Причемъ съ одной стороны исторія школы и опытъ доказываютъ, что школа даетъ прочные и окончательные результаты лишь весьма медленно, такъ какъ самый процессъ образованія прочной школьной системы,—если не принимать за окон-

чательные результаты временныя и преходящія удачи, зависящія отъ случайныхъ обстоятельствъ,—требуетъ многихъ десятилѣтій [1]. Между тѣмъ, съ другой стороны, общественные взгляды, привычки и другія условія жизни дѣйствуютъ на школу постоянно и во всякую данную минуту, вліяя на ея развитіе и успѣхъ. Безъ сомнѣнія, школа, основанная на вѣрныхъ принципахъ и

[1] Это положеніе съ полною очевидностью доказывается исторіей школъ всѣхъ странъ, не исключая и Россіи, и утверждать противное могутъ только тѣ, которые плохо знакомы съ этою исторіей. Такъ, напримѣръ, совершенно ошибочно мнѣніе, высказанное г. М. М. въ *Вѣстникѣ Европы* (мартъ 1891 года), будто бы Уваровскія гимназіи, просуществовавъ менѣе двухъ десятилѣтій, дали настолько опредѣленные результаты, что сформировали цѣлое блестящее поколѣніе людей 40-хъ годовъ. Мнѣніе это наивно по своей поспѣшности, ибо, вопервыхъ, странно даже говорить о томъ, что гимназіи, получившія свою организацію только въ 1832 году (въ этомъ только году былъ введенъ въ дѣйствіе уставъ 1828 г.), могли воспитать поколѣніе людей, которые по большей части уже въ началѣ сороковыхъ годовъ являлись зрѣлыми дѣятелями; вовторыхъ, примѣненіе устава 1828 г. никогда даже не достигло полнаго своего развитія и было прервано на полпути реформами 1849 и 1851 годовъ; втретьихъ, хотя мы первые вполнѣ готовы признать достоинство и заслуги Уваровскихъ гимназій и полагаемъ, что, сообразно средствамъ и времени своего учрежденія, онѣ были основаны на вѣрныхъ принципахъ и являлись вполнѣ цѣлесообразными школами и хотя мы вполнѣ признаемъ, что реформа, задуманная въ 1828 г., осуществлялась съ большимъ умѣньемъ и искусствомъ, но въ то же время мы не можемъ, къ крайнему нашему прискорбію, не признать, что, благодаря печальнымъ событіямъ конца сороковыхъ годовъ, Уваровскія гимназіи не успѣли дать сколько-нибудь прочныхъ результатовъ и подготовить дальнѣйшее развитіе нашихъ гимназій. Доказательствомъ тому служитъ та легкость, съ которою уничтожились даже слѣды существованія этихъ гимназій. Черезъ нѣсколько уже лѣтъ послѣ преобразованія 1849 г. въ обществѣ не осталось и слѣдовъ того направленія и тѣхъ принциповъ, на которыхъ были основаны Уваровскія гимназіи, и если принципы эти удерживались гдѣ-либо, то лишь въ небольшой кучкѣ преподавателей, оставшихся вѣрными старымъ традиціямъ, несмотря на то, что они продолжали свою дѣятельность въ школахъ, по самымъ своимъ основамъ враждебныхъ Уваровскимъ гимназіямъ. А черезъ 15—20 лѣтъ воспоминанія объ Уваровскихъ гимназіяхъ уже обратились въ смутное сказаніе, а нынѣ о нихъ говорятъ и пишутъ (примѣромъ чему служитъ г. М. М.), какъ о чемъ-то столь отдаленномъ отъ насъ, что о нихъ можно упоминать уже не на основаніи фактовъ и непосредственныхъ источниковъ, а лишь на основаніи отрывочныхъ и неясныхъ преданій. Заключенія г. М. М. о результатахъ Уваровскихъ гимназій столь же поспѣшны, какъ были слишкомъ поспѣшны надежды М. Н. Каткова, ожидавшаго, что со введеніемъ устава 1871 г. въ 10—15 лѣтъ преобразится чуть ли не все наше общество и наступитъ свѣтлая эра нашего просвѣщенія.

правильно поставленная, если существованіе ея продолжится достаточное время, преодолѣетъ обстоятельства, оказывающія неблагопріятное вліяніе на ея жизнь; но для этого потребуется тѣмъ болѣе времени, чѣмъ болѣе препятствій она встрѣтитъ на своемъ пути. И это положеніе вполнѣ подтверждается исторіей нашей школы и примѣромъ Уваровскихъ гимназій, которыя хотя и не успѣли, къ сожалѣнію, принести тѣхъ плодовъ, которыхъ можно было ожидать отъ нихъ, но которыя тѣмъ не менѣе стали быстро и правильно развиваться благодаря спокойному и устойчивому настроенію общества и ровной, послѣдовательной дѣятельности главныхъ руководителей нашего просвѣщенія въ первой половинѣ настоящаго столѣтія.

Возвращаясь къ вопросу о значеніи грамматическаго изученія языковъ въ гимназіи, мы укажемъ на то, что преподаваніе это, веденное сколько-нибудь разумно, не можетъ ограничиваться однимъ заучиваніемъ параграфовъ учебника и соотвѣтствующихъ примѣровъ, точно такъ же, какъ нелѣпо было бы низвести преподаваніе математики къ запоминанію ариѳметическихъ, алгебраическихъ и геометрическихъ правилъ и задачъ. Оно должно заключаться въ сознательномъ усвоеніи правилъ языка и умѣніи пользоваться ими при чтеніи для точнаго выясненія всѣхъ оттѣнковъ мысли и въ не менѣе сознательномъ примѣненіи правилъ при письмѣ [1], но при этомъ преподаваніе должно непремѣнно быть строго послѣдовательнымъ и систематическимъ, такъ какъ именно въ такомъ изученіи языка, по нашему мнѣнію, заключается главная образовательная сила языковѣдѣнія [2].

---

[1] Говоря о примѣненіи правилъ при письмѣ, мы по отношенію къ чужимъ языкамъ не имѣемъ въ виду достиженія учениками полнаго владѣнія письменнымъ языкомъ, а подразумѣваемъ лишь письменныя упражненія, имѣющія дидактическое значеніе и доказывающія, что *уже пройденное и изученное правило* сознательно усвоено учениками и что они умѣютъ примѣнять его.

[2] Мы въ этомъ отношеніи расходимся съ тѣми, которые думаютъ, что языку слѣдуетъ учиться безъ систематической грамматики и предоставлять, такъ сказать, самимъ ученикамъ при помощи только учителя извлекать грамматическія правила при чтеніи. Такое мнѣніе имѣетъ въ Германіи своимъ выдающимся представителемъ Пертеса, а у насъ Люгебиля. Метода эта, которая впрочемъ нигдѣ вполнѣ не привилась, ошибочна, по нашему мнѣнію, уже потому, что она, вопервыхъ, подвергаетъ изученіе языка совершенной случайности, зависящей отъ того, что̀ читается и какъ субъективно смотритъ на читаемое учитель, вовторыхъ, потому, что она возможна развѣ при занятіяхъ очень талантливаго учителя съ однимъ или очень немногими

Въ громадномъ воспитательномъ значеніи языка можетъ убѣдиться каждый, наблюдая за успѣхомъ ученія, начиная съ младшаго возраста и кончая годами, когда ученикъ въ состояніи вполнѣ сознательно пользоваться произведеніями литературы и цѣнить ихъ. Въ младшихъ классахъ, особенно при изученіи чужихъ языковъ, представляется безконечно разнообразная возможность упражненія не одной памяти, а именно разсужденія учащихся, сперва при объясненіи значенія словъ, а затѣмъ при самыхъ простыхъ даже переводахъ. „Разбирая значеніе формы чу„жаго языка и отыскивая для его передачи на родной языкъ „соотвѣтствующее выраженіе“, говоритъ Фёлкеръ въ своей книгѣ о реформѣ школы, „мы осуществляемъ закономѣрный процессъ „мышленія. Что это дѣйствуетъ на дѣтей въ высшей степени „развивающимъ образомъ — кто станетъ отрицать это? Это „есть элементарное упражненіе въ логикѣ.“ Далѣе Фёлкеръ, въ согласіи съ извѣстнымъ педагогомъ Лихтенхельдомъ, очень мѣтко характеризуетъ ту пользу, которая достигается при объясненіи значенія словъ чужаго языка, указаніи оттѣнковъ мысли, которые встрѣчаются при употребленіи почти однозначащихъ словъ и т. д. Не менѣе полезно грамматическое (уже синтаксическое) изученіе языка, при дальнѣйшемъ ознакомленіи съ нимъ. Извѣстный англійскій физикъ Тиндаль говоритъ, между прочимъ, что онъ научился думать на грамматическомъ разборѣ запутанныхъ періодовъ Мильтонова *Потеряннаго рая* [1]; и нельзя не согласиться съ

учениками и совершенно непримѣнима къ практикѣ въ школѣ и, наконецъ, втретьихъ, потому что она впадаетъ въ противорѣчіе съ самой собою и, желая ослабить значеніе грамматическихъ правилъ и перенести центръ тяжести занятій на чтеніе, въ дѣйствительности убиваетъ сіе послѣднее, обращая его по преимуществу въ грамматическое упражненіе. Мы, напротивъ, рѣшительно склоняемся къ мнѣнію Іегера, требующаго выдѣленія для грамматики особаго времени и особыхъ уроковъ, дабы, изучая языкъ въ системѣ, ученики постепенно усвоивали себѣ представленіе о томъ, что такое система, стройное цѣлое и организмъ языка. Этотъ же принципъ былъ послѣдовательно проведенъ въ учебныхъ планахъ Уваровскихъ гимназій, изданныхъ въ 1832 г. (см. *Сборникъ постановленій и распоряженій правительства за 1852 г.* Приложеніе).

[1] Fragments of science, by John Tyndall. (fourth edition) p. 98.—Тиндаль такъ ясно и рельефно излагаетъ свою мысль, что мы не можемъ удержаться, чтобы не привести подлинныя слова текста: English grammar was the important discipline of my boyhood. The piercing through the involved and inverted sentences of „Paradise Lost“; the linking of the verb to its often distant nominative, of the relative to its distant antecedent, of the

мнѣніемъ этого выдающагося натуралиста, что преодолѣваніе трудностей языка служитъ лучшимъ средствомъ для развитія мышленія. Это впрочемъ настолько несомнѣнно вѣрное положеніе, что оно раздѣляется всѣми сколько-нибудь серьезными педагогами и мыслителями. Оно находитъ себѣ притомъ подтвержденіе во всѣхъ школахъ цивилизованнаго міра, и до настоящаго времени еще не только неосуществленъ, но и не изобрѣтенъ тотъ типъ общеобразовательной школы, которая не отводила бы широкаго мѣста систематическому изученію языка и не видѣла бы въ упражненіяхъ по языкознанію первенствующаго средства для образованія ума учащихся.

Такимъ образомъ, мы полагаемъ, что для правильной постановки курса гуманистической школы, то-есть гимназіи, необходимо не только предоставленіе первенствующаго мѣста изученію языковъ, но необходимо еще, чтобъ, если не всѣ, то нѣкоторые языки, были преподаваемы научно систематическимъ способомъ, то-есть чтобы грамматическое изученіе языка получило широкое значеніе не только въ младшихъ и среднихъ классахъ, но не прекращалось бы до извѣстной степени и въ старшихъ классахъ, измѣняя, конечно, само собою разумѣется, свой характеръ сообразно съ возрастомъ и развитіемъ учащихся и сопровождаясь постоянно усиливающимся чтеніемъ литературныхъ произведеній, надъ изученіемъ коихъ работа учениковъ должна сосредоточиться въ старшихъ классахъ. Важность тщательнаго и систематическаго изученія языка вообще и польза серьезнаго грамматическаго изученія чужихъ языковъ настолько сознается повсемѣстно, что въ Западной Европѣ, несмотря на крайнее разнообразіе мнѣній по вопросу объ измѣненіи системы средняго образованія, сравнительно рѣдко и почти въ видѣ исключенія встрѣчаются возраженія противъ подобной постановки преподаванія языковъ. Споръ сосредоточивается преимущественно лишь на вопросѣ о

---

agent to the object of the transitive verb, of the preposition to the noun or pronoun which it governed,—the study of variations of mood and tense, the trans-formation often neccessary to bring out the true grammatical structure of a sentence, — all this was to my joung mind a discipline of the highest value and indeed a source of unflagging delight. Нѣсколькими строками ниже Тиндаль говоритъ: „Но зная такъ хорошо цѣну англійскаго языка, я „послѣднимъ сталъ бы не только отрицать, но даже сомнѣваться „въ высокомъ воспитательномъ значеніи принадлежащаго изученію латин„скаго и греческаго языка.“

томъ, которымъ изъ языковъ должно быть отдано преимущество и на какомъ изъ нихъ должно быть сосредоточено систематическое изученіе. Тотъ же вопросъ возбуждается и у насъ, причемъ чаще всего указывается на необходимость увеличить число уроковъ по родному языку, какъ на вѣрнѣйшее будто бы средство поднять его значеніе. Мы же, со своей стороны, вполнѣ признавая важность знанія роднаго языка, но не соглашаясь съ этимъ требованіемъ, уже дважды высказались въ нашемъ трудѣ противъ подобной мѣры. Не станемъ поэтому повторять сказаннаго нами и ограничимся въ настоящее время изложеніемъ взгляда нашего на значеніе, которое мы придаемъ родному языку въ общей системѣ изученія языковъ и постараемся выяснить, почему теоретическое преподаваніе, въ объясненномъ нами выше смыслѣ, примѣнимо къ нему лишь въ весьма слабой мѣрѣ. Мы, какъ читатель могъ замѣтить уже раньше, вовсе не раздѣляемъ мнѣнія тѣхъ, которые думаютъ, что забота о серьезномъ знаніи роднаго языка не входитъ въ кругъ обязанностей школы и можетъ быть предоставлена, такъ-сказать, произволу и усмотрѣнію учащихся: мы думаемъ, напротивъ, что родному языку слѣдуетъ учиться много и постоянно упражняться въ немъ и что школа не должна щадить никакихъ усилій для поднятія уровня знанія родной рѣчи и умѣнія владѣть ею и полагаемъ, что талантливый нашъ публицистъ М. Н. Катковъ, увлекаясь полемикой, которую онъ велъ противъ своихъ противниковъ, впалъ въ глубокую ошибку, высказавъ мнѣніе, „что своему языку учиться нечего, ибо учащіеся „всосали его съ молокомъ матери и усвоили себѣ его грамоту „прежде чѣмъ поступили въ школу, которая должна воспитать „ихъ умственныя силы“ [1]. Но въ то же время мы увѣрены, что постановка преподаванія роднаго языка должна быть иная, чѣмъ чужихъ языковъ, и что она, выходя далеко за предѣлы числа классныхъ часовъ, спеціально для него назначенныхъ, не требуетъ значительнаго числа уроковъ и думаемъ даже, что подобное увеличеніе, не достигая своего назначенія, принесетъ, какъ всякое безцѣльное мѣропріятіе, болѣе вреда, чѣмъ пользы. Къ этому убѣжденію, то-есть къ заключенію, что концентрація преподаванія не можетъ быть осуществлена на родномъ языкѣ (въ смыслѣ назначенія на его изученіе бо́льшаго числа уроковъ) насъ приводятъ слѣдующія соображенія:

[1] М. Н. Катковъ. *Наша учебная реформа*, изд. С. Н. Фишеръ, стр. 36.

1) Мы уже говорили о безусловной необходимости полнаго знанія роднаго языка, заключающагося въ совершенно свободномъ и твердомъ владѣніи родною рѣчью и въ знаніи какъ ея грамматики, такъ и литературы. При этомъ нельзя однако не признать, что, въ данномъ случаѣ, свободное владѣніе языкомъ является настолько необходимымъ, какъ орудіе для всякаго дальнѣйшаго образованія, что школа вынуждена спѣшить съ пріобрѣтеніемъ этого знанія и не можетъ ради развитія учащихся замедлять ходъ преподаванія; на ней прежде всего лежитъ обязанность дать ученику полное практическое обладаніе языкомъ, при которомъ грамматика хотя и необходима, но играетъ лишь подчиненную роль и входитъ въ преподаваніе настолько, насколько она обусловливаетъ сознательное и правильное употребленіе родной рѣчи. Только, надѣливъ ученика этимъ практическимъ знаніемъ, школа въ правѣ остановиться на болѣе глубокомъ теоретическомъ и отчасти историческомъ изученіи. Въ виду сего, гимназія, будучи обязана начать свое дѣло съ того мѣста, на которомъ останавливается элементарная школа, должна стремиться обратить навыки, пріобрѣтенные въ сей послѣдней, въ болѣе сознательное знаніе и владѣніе языкомъ, причемъ ей надлежитъ, особенно въ низшихъ классахъ, направить всѣ свои усилія на постоянное упражненіе въ языкѣ, возлагая обязанность эту не на одного только преподавателя роднаго языка, а на весь составъ гимназіи.

2) Въ родномъ языкѣ, благодаря постоянному его употребленію, очень много усвоивается несознательнымъ, механическимъ образомъ и превратить это несознательное знаніе во вполнѣ сознательное бываетъ, какъ то доказываетъ опытъ, чрезвычайно трудно, пока не имѣется мѣрки сравненія и точки опоры въ изученіи чужаго языка: ибо заставить вдуматься и понять теоретическую основу того, что̀ представляется ученику, какъ бы само по себѣ, аксіомой, составляетъ задачу въ высшей степени сложную и нелегкую. Въ виду сего въ младшихъ классахъ преподаваніе роднаго языка должно быть, какъ мы только-что сказали, преимущественно направлено на практическое упражненіе въ владѣніи языкомъ, только регулируемое и провѣряемое грамматикой. Затѣмъ въ среднихъ классахъ возможно уже нѣкоторое большее углубленіе въ теорію роднаго языка и, наконецъ, преподаваніе должно завершаться въ старшемъ возрастѣ литературнымъ изученіемъ языка, причемъ однако необходимо, чтобы

на всѣхъ ступеняхъ преподаванія забота о правильномъ употребленіи роднаго языка не ослабѣвала. Только этимъ путемъ можетъ быть достигнуто, какъ мы имѣли уже случай указать раньше, полное обладаніе родною рѣчью, и въ этомъ объединеніи усилій всей школы, направленныхъ на непрестанно-правильное употребленіе устной и письменной родной рѣчи, а вовсе не въ увеличеніи числа уроковъ, должна была бы заключаться реформа преподаванія русскаго языка въ нашихъ гимназіяхъ.

3) Грамматическое изученіе языка можно, по удачному замѣчанію Т. Н. Грановскаго [1], сравнить съ анатоміей. Какъ эта послѣдняя необходима для познанія строенія человѣческаго тѣла и служитъ основой для дальнѣйшаго изученія его органовъ и ихъ дѣятельности, точно также и грамматика необходима для познанія строенія языка и духа, который въ немъ заключается. Но какъ неудобно было бы употреблять для анатоміи живой матеріалъ и начать изученіе этой науки съ вивисекціи, требующей уже опытной руки и многоразличныхъ подготовительныхъ свѣдѣній, такъ и для изученія основныхъ законовъ языковѣдѣнія и для усвоенія методовъ этого изученія, болѣе естественно пользоваться менѣе подвижнымъ матеріаломъ, который представляютъ собою языки, вполнѣ законченные въ своемъ развитіи. Что же касается собственно до нашего роднаго языка, то онъ еще настолько не сложился, еще такъ измѣнчивъ и такъ мало изслѣдованъ во многихъ отношеніяхъ, что научный методъ изученія, который долженъ былъ бы быть господствующимъ въ гимназіи, еще далеко не примѣнимъ къ нему въ школьномъ періодѣ ученія и можетъ скорѣе повести къ сбивчивости въ понятіяхъ учениковъ, чѣмъ укрѣпить ихъ въ знаніи роднаго языка. Это, само собою разумѣется, не устраняетъ, какъ мы указали выше, необходимости грамматическаго изученія русскаго языка, начиная съ младшихъ классовъ гимназіи, но должно вліять на способы преподаванія, которое по отношенію къ родному языку должно, по нашему мнѣнію, быть преимущественно практическое и не можетъ служить главною основой гимназическаго образованія.

4) Во второй главѣ настоящей работы нашей мы привели цифровыя данныя, краснорѣчиво доказывающія, что ни въ одной странѣ родной языкъ не служитъ предметомъ концентраціи

[1] Ослабленіе классическаго преподаванія въ гимназіяхъ и неизбѣжныя послѣдствія этой перемѣны. Т. Н. Грановскаго.

преподаванія. Явленіе это мы не считаемъ случайнымъ, а напротивъ, объясняемъ его тѣмъ естественнымъ положеніемъ, которое родной языкъ долженъ занимать въ школѣ и многочисленными условіями, благодаря коимъ изученіе роднаго языка требуетъ сравнительно меньшаго времени, чѣмъ изученіе чужихъ языковъ: вопервыхъ, на низшей степени изученія не представляется необходимости затрачивать время на пріобрѣтеніе ученикомъ лексическаго запаса словъ и на первоначальное пониманіе языка, такъ какъ эту степень знанія дѣти пріобрѣтаютъ гораздо раньше поступленія въ какую бы то ни было школу; вовторыхъ, относительно умѣнья читать и писать и болѣе или менѣе твердаго обладанія этими навыками, элементарное ученіе приходитъ на помощь средней школѣ и несетъ на себѣ бо́льшую часть работы. Опытъ доказалъ въ послѣднее время и у насъ, что начальная школа можетъ, не расширяя своего курса далѣе естественныхъ своихъ предѣловъ (что̀ было бы вовсе не желательно), выпускать учениковъ, обладающихъ довольно твердою грамотностью и практически, путемъ навыка (но, разумѣется, не путемъ систематическаго изученія грамматики, которая для нихъ еще не пригодна) усвоившихъ себѣ самыя первоначальныя понятія о нѣкоторыхъ основныхъ правилахъ языка. Такая подготовка, еслибъ ею обладали дѣти, поступающія въ гимназію, вполнѣ могла бы обезпечить дальнѣйшую успѣшность въ изученіи роднаго языка. Къ сожалѣнію, требованія, предъявляемыя для поступленія въ гимназію, гораздо ниже того уровня, котораго достигаетъ въ настоящее время любая, сколько-нибудь благоустроенная начальная школа, благодаря чему на гимназію упадаетъ значительная доля совершенно несоотвѣтствующихъ ея назначенію и организаціи обязанностей школы первоначальной грамотности, что̀ крайне вредно отзывается на результатахъ ученія, какъ по родному языку, такъ и по другимъ предметамъ. Между тѣмъ, казалось бы, что отъ семей, помѣщающихъ своихъ дѣтей въ гимназіи и желающихъ, слѣдовательно, дать имъ высшее образованіе, можно было требовать того, чего достигаютъ дѣти, поступающія въ низшія школы, тѣмъ болѣе, что эти дѣти кончаютъ ученіе преимущественно на одиннадцатомъ году, или только немного позднѣе, а въ гимназіи дѣти принимаются не *ранѣе* десяти лѣтъ [1];

[1] Уваровскія гимназіи не могутъ служить для насъ примѣромъ въ этомъ отношеніи; онѣ образовались изъ сліянія прежнихъ уѣздныхъ училищъ съ прежними гимназіями и неизбѣжно должны были принять на себя нѣкоторыя

втретьихъ, по отношенію къ чужимъ языкамъ всѣ упражненія въ употребленіи этого языка могутъ лежать на обязанности одного только преподавателя этого предмета, между тѣмъ какъ въ правильномъ употребленіи родной, какъ устной, такъ и письменной рѣчи, должна упражнять ученика, какъ мы уже сказали, вся школа, причемъ для выполненія этой обязанности вовсе не требуется, чтобы всѣ преподаватели обращались въ учителей русскаго языка, а нужно только, чтобъ они относились къ этому языку съ тѣмъ вниманіемъ, которое обязанъ питать къ нему всякій образованный человѣкъ, а тѣмъ болѣе—педагогъ въ Россіи; наконецъ, вчетвертыхъ, чтеніе авторовъ и ознакомленіе съ литературой можетъ, по отношенію къ чужимъ языкамъ и особенно по отношенію къ древнимъ, производиться только въ классное и вообще въ учебное время, такъ какъ оно постоянно нуждается въ помощи учителя и такъ какъ школа не можетъ требовать, чтобъ ученики тратили на это часть своего досуга. По отношенію же къ родному языку въ классѣ можетъ быть сосредоточена лишь меньшая доля чтенія, относящаяся преимущественно къ древнему періоду, въ общемъ же знакомство съ отечественною литературой должно быть пріобрѣтено путемъ внѣкласснаго чтенія и притомъ не въ одно только учебное время, ибо подобное чтеніе въ извѣстномъ возрастѣ должно составлять для учащихся не трудъ, а отдохновеніе и удовольствіе.

Въ разъясненіе и подтвержденіе нашихъ взглядовъ на значеніе роднаго языка въ общей системѣ изученія языковъ въ школѣ приведемъ здѣсь мнѣніе нѣкоторыхъ извѣстныхъ европейскихъ ученыхъ и педагоговъ:

Профессоръ Целлеръ, на котораго мы уже указывали выше, характеризуя общее значеніе гуманистическаго образованія, какъ приготовленія къ университетскимъ занятіямъ, и опредѣляя

обязанности начальныхъ училищъ, такъ какъ таковыхъ почти не было и типъ ихъ не установился. Этимъ только и объясняется необходимость, въ которую гимназіи того времени были поставлены, усилить число уроковъ по русскому языку, особенно въ младшихъ классахъ при сокращеніи этого числа въ старшихъ. Этимъ же объясняется распоряженіе,—носившее впрочемъ временный характеръ,—допускавшее отсрочку начала изученія латинскаго языка до втораго полугодія I класса, такъ какъ въ I классъ часто поступали дѣти совершенно малограмотныя, въ самомъ буквальномъ значеніи этого слова.

значеніе, которое въ этомъ образованіи должно имѣть языковѣдѣніе вообще и знаніе роднаго языка въ особенности, говоритъ: [1]
„Если мы хотимъ въ точности дать себѣ отчетъ въ томъ, на „чемъ зиждется значеніе гуманистическаго образованія, какъ „подготовки къ университетскимъ занятіямъ, то мы должны раз„смотрѣть частью самые классическіе языки, частью ту культу„ру, къ которой языки эти открываютъ намъ доступъ. Уже языкъ „самъ по себѣ является наиболѣе непосредственнымъ выраженіе„мъ и вполнѣ точнымъ и живымъ отпечаткомъ тѣхъ процессовъ, „среди которыхъ развивается наша духовная жизнь и слагается „міръ нашихъ идей и нашихъ душевныхъ настроеній. Обученіе „языку принуждаетъ ученика различать представленія, слитно выра„женныя въ одномъ словѣ, уяснять въ своемъ сознаніи отношеніе „и связь между мыслями, которыя нашли свое выраженіе въ „языкѣ, наконецъ, проникать при помощи языка въ ту внутрен„нюю жизнь народа, которая создала самый языкъ и духъ, ко„торый рельефно выражается въ языкѣ. Короче сказать, обуче„ніе языку представляетъ собою превосходное и наилучшее сред„ство для формальнаго образованія, и въ этомъ смыслѣ оно тѣмъ „цѣннѣе, что въ языкѣ собственно получаетъ выраженіе и черезъ „изученіе языка можетъ дѣлаться наглядымъ то, что математи„кѣ и естественнымъ наукамъ вовсе недоступно, такъ какъ оно „не подлежитъ внѣшнему разсмотрѣнію,—я разумѣю духовную „жизнь человѣка. А именно это-то и есть то, чего прежде всего „касается общечеловѣческое гуманистическое образованіе, и вотъ „въ силу этого-то основанія обученіе языку настолько цѣнно въ „въ цѣляхъ образованія, что не можетъ быть ничѣмъ инымъ „замѣнимо. Подобно тому, какъ грамматика представляетъ собою „и наиболѣе для учениковъ младшаго возраста удобопонятное „введеніе въ логику, такъ и вообще съ изученіемъ языка свя„зывается главнымъ образомъ сознательное отношеніе къ пси„хологическимъ нравственнымъ и эстетическимъ воззрѣніямъ, „то-есть къ тѣмъ воззрѣніямъ, которыя разные народы выразили „въ своихъ языкахъ, причемъ хотя каждый отдѣльный человѣкъ „воспринимаетъ таковыя воззрѣнія въ ихъ опредѣленной націо„нальной окраскѣ, безсознательно вмѣстѣ съ роднымъ своимъ „языкомъ, но познать ихъ въ полной ясности можно только при „методическомъ изученіи языковъ.

[1] Gymnasium und Universität. E. Zeller p. 26.

„Въ этомъ отношеніи чужіе языки оказываются въ младшемъ „возрастѣ гораздо болѣе пригодными, чѣмъ родной языкъ. При „правильной постановкѣ дѣла, учащіеся осваиваются съ практи- „ческими упражненіями въ родномъ языкѣ, но въ то же время „они весьма мало интересуются преподаваніемъ грамматики, такъ „какъ въ младшемъ возрастѣ имъ еще недоступно высшее на- „учное изученіе грамматики и они не могутъ понять необходи- „мости этого изученія. Съ другой стороны, если при обученіи „чужому языку каждый отдѣльный пунктъ освѣщается предъ „ученикомъ путемъ сравненія съ роднымъ языкомъ, то при об- „ученіи родному языку у ученика, если онъ еще незнакомъ съ „какимъ-либо чужимъ языкомъ, нѣтъ въ рукахъ того средства, „которое лучше всякаго другаго служитъ къ тому, чтобъ уяснить „ему, какъ присущія каждому языку особенныя его свойства, „такъ и то, что̀ данный языкъ по логическому своему строю и „въ лексическомъ отношеніи имѣетъ общаго съ другими языками.“

Весьма извѣстный педагогъ П. Кауеръ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ постановку роднаго языка въ гимназіяхъ: [1] „Обла- „даніе роднымъ языкомъ должно быть живое и въ значительной „степени безсознательное, но употребленіе его не можетъ быть „произвольнымъ и подлежитъ подчиненію правиламъ. А дости- „гнуть желаемой въ этомъ отношеніи важной цѣли можно толь- „ко пріучивъ учениковъ посредствомъ точныхъ грамматическихъ „правилъ чужаго языка обращать строгое вниманіе на мысли и „слова; и нужно, чтобъ это достигнуто было ранѣе, чѣмъ уче- „никъ, пользуясь легко поддающимся матеріаломъ роднаго языка, „привыкнутъ къ поверхностности и недомыслію.“

Тотъ же Кауеръ, возражая противъ мнѣнія профессоровъ Гримма и Паульсена (изъ коихъ послѣдній желалъ бы замѣнить преподаваніе греческаго языка изученіемъ старо-германскаго), пишетъ на стр. 49 своей весьма интересной брошюры *Наше воспитаніе черезъ посредство Грековъ и Римлянъ*: „и Гриммъ и „Паульсенъ единодушно высказываютъ справедливое и имѣющее „серьезное значеніе желаніе, чтобъ ученики гимназій пріобрѣта- „ли самое близкое знакомство съ нѣмецкимъ языкомъ для того, „чтобъ умъ ихъ былъ вполнѣ готовъ къ воспріятію плодотвор- „наго воздѣйствія твореній Гёте и его послѣдователей. Но при „этомъ обнаруживается, что у нихъ обоихъ не достаетъ опыт-

[1] Unsere Erziehung durch Griechen und Römer. P. Cauer P. 55.

„ности, которая показала бы имъ, что наиболѣе, повидимому, „естественный путь для достиженія сказанной цѣли, а именно „усиленное преподаваніе роднаго языка, оказывается на дѣлѣ „вовсе не наиболѣе вѣрнымъ путемъ."

Нѣсколько далѣе, на стр. 51, Кауеръ продолжаетъ: „Утверждаютъ, что при чтеніи латинскихъ и греческихъ авторовъ теряется на трудъ овладѣнія формами чужаго языка та сила, которая „съ наибольшею пользой могла бы быть приложена къ пониманію содержанія читаннаго. Но это совершенное заблужденіе, и „вотъ почему: взаимодѣйствіе духовныхъ силъ не есть нѣчто „механическое, напротивъ, силы возрастаютъ, когда вниманіе возбуждено усиліями, направленными къ пониманію каждаго отдѣльнаго слова. Гриммъ и Паульсенъ совершенно правы, когда они „придаютъ особое значеніе чтенію учениками старшаго класса „гимназій произведеній нѣмецкой литературы: но именно потому, „что таковое чтеніе дѣйствительно весьма важно, необходимо, „чтобъ этому чтенію предшествовало и вмѣстѣ съ тѣмъ продолжалось чтеніе въ широкихъ размѣрахъ произведеній литературъ „иностранныхъ. И это нужно собственно для того, чтобы самое „нѣмецкое чтеніе шло живо и бодро, хотя не безъ труда, но безъ вымучиванія смысла каждаго отдѣльнаго выраженія."

Относительно того, что упражнять въ правильномъ употребленіи роднаго языка долженъ весь составъ школы, и что благодаря этому предметъ сей не требуетъ назначенія значительнаго числа уроковъ, Оскаръ Іегеръ высказывается самымъ положительнымъ образомъ и говоритъ: „Родному языку обучаются на всѣхъ урокахъ гимназіи: учить родному языку значитъ учить правильно „мыслить, правильно образовывать свои мысли и выражать ихъ „правильно и съ нужною выразительностью произносить ихъ; „ему обучаютъ, обучая перекладывать на родной языкъ, иными „словами, переводить то, что продумано было по-латыни, по-гречески, французски, еврейски или англійски; ему учатъ, преподавая исторію, географію, математику и какіе бы то ни было „предметы, которые преподаютъ теперь въ гимназіяхъ. Ему учитъ „учитель, преподавая и задавая вопросы на правильномъ, чистомъ, при случаѣ изящномъ, свободномъ отъ мѣстныхъ особенностей, *химически чистомъ* нѣмецкомъ языкѣ; ему учится и „ученикъ, отъ котораго требуется отвѣтъ на таковомъ же правильномъ языкѣ; это воздухъ, которымъ мы дышимъ въ нашей „нѣмецкой школѣ, который всѣми порами входитъ въ ученика."

Вотъ тѣ соображенія и доводы, на основаніи коихъ мы приходимъ къ заключенію, что преподаваніе роднаго языка требуетъ для своего изученія гораздо меньше времени, чѣмъ изученіе чужихъ, особенно древнихъ языковъ, и полагаемъ, что число уроковъ по уставу 1871 года, будучи не меньше числа уроковъ, назначенныхъ на изученіе роднаго языка въ большей части гимназій Европы, представлялось совершенно достаточнымъ и что измѣненіе въ постановкѣ роднаго языка должно было бы заключаться, вопервыхъ, въ требованіи отъ поступающихъ въ 1-й классъ гимназіи того практическаго навыка относительно употребленія роднаго языка, который нынѣ достигается большею частью начальныхъ училищъ и, вовторыхъ, требованіемъ большаго единства въ дѣятельности педагогическаго персонала гимназій. Увеличеніе же числа уроковъ по русскому языку, особенно въ младшихъ классахъ, является въ нашихъ глазахъ мѣрой нецѣлесообразною и, какъ таковая, безполезною.

Но, скажутъ намъ, если предметомъ концентраціи преподаванія не можетъ служить родной языкъ, то почему не избрать для сего новѣйшіе языки, и почему необходимо предпочесть имъ древніе?

Постараемся дать на этотъ вопросъ посильный отвѣтъ и, какъ введеніе въ него, приведемъ слова маститаго нашего изслѣдователя русскаго языка Ѳ. И. Буслаева, заимствованныя нами изъ отзыва, даннаго имъ о программѣ русскаго языка (составленной въ 1866 году), недавно напечатаннаго въ *Сборникѣ Общества Любителей Россійской Словесности на 1891 годъ*. „Основатель„ное грамматическое изученіе классическихъ языковъ“, говоритъ Ѳ. И. Буслаевъ, „доведенное на практикѣ до правильнаго упо„требленія ихъ устно и письменно, и чтеніе прозаиковъ и по„этовъ Греціи и Рима въ связи съ древностями и исторіей „литературы и искусства, вотъ та приготовительная основа, ко„торая называется гуманнымъ образованіемъ, та *общая* пропе„девтика, которая предшествуетъ въ гимназіяхъ университетскимъ „спеціальностямъ. Молодой человѣкъ такъ подготовленный, по„ступая въ университетъ, не только знаетъ древніе языки грам„матически, но и владѣетъ элементами общечеловѣческаго обра„зованія, завѣщанными Европѣ ея исторіей. На какой факультетъ „онъ ни поступитъ, хотя бы на медицинскій, онъ уже вооруженъ „элементами просвѣщенія, которые навсегда оставятъ въ немъ „непзгладимые слѣды общаго гуманнаго образованія. Такихъ

„результатовъ не можетъ дать преподаваніе ни одного изъ язы„ковъ новыхъ народовъ.“ (Стр. 88.)

Соглашаясь со взглядомъ знаменитаго нашего ученаго, мы постараемся развить высказанную имъ мысль и доказать, по крайнему нашему разумѣнію, педагогическія преимущества древнихъ языковъ предъ новыми, благодаря коимъ первые представляютъ ничѣмъ незамѣнимый матеріалъ для воспитанія ума и являются наиболѣе пригоднымъ и естественнымъ предметомъ концентраціи гимназическаго преподаванія. Но при этомъ считаемъ долгомъ оговориться, что мы понимаемъ требованіе, поставленное Ѳ. И. Буслаевымъ, чтобы школа доводила учениковъ до свободнаго владѣнія устною и письменною рѣчью на древнихъ языкахъ, какъ поставленный имъ высшій, такъ сказать, предѣльный идеалъ, и полагаемъ, что классическая школа исполнитъ въ должной мѣрѣ свой долгъ, если ученики ея будутъ вполнѣ сознательно читать на древнихъ языкахъ, то-есть понимать читаемое не только по содержанію, но и по формѣ.

Вопервыхъ, новые языки поддаются гораздо труднѣе, чѣмъ древніе тому строго систематическому изученію, которое, какъ мы объясняли выше, имѣетъ для школы наибольшее значеніе, какъ важнѣйшее средство для образованія ума. Здѣсь точно такъ же, какъ и при изученіи роднаго языка, ученику и учителю всегда представится соблазнъ спѣшить и ускорять ходъ преподаванія въ ущербъ его основательности, лишь бы поскорѣе достичь хотя бы болѣе поверхностнаго, но свободнаго практическаго обладанія языкомъ, ибо, дѣйствительно, быстро овладѣть новымъ языкомъ настолько, чтобы хотя не вполнѣ сознательно, но болѣе или менѣе легко пользоваться имъ, представляетъ во многихъ отношеніяхъ такую значительную выгоду, что трудно было бы убѣдить учителя и ученика въ пользѣ методическаго замедленія хода преподаванія, хотя бы въ виду самыхъ возвышенныхъ цѣлей; и тому, и другому казалось бы неестественнымъ избрать болѣе тяжелый и медленный способъ преподаванія, когда предъ ними открывается краткій и заманчивый своею сравнительною легкостью путь къ пріобрѣтенію внѣшняго, механическаго навыка въ языкѣ, правда, мало развивающій умъ, но имѣющій тѣмъ не менѣе, въ силу сложившихся обстоятельствъ, первенствующее значеніе въ другихъ отношеніяхъ. Свободное, хотя бы и поверхностное владѣніе новымъ языкомъ имѣетъ само по себѣ, какъ орудіе для пріобрѣтенія другихъ знаній, такую большую

цѣну, что стремленіе возможно быстро пріобрѣтать этотъ навыкъ всегда возьметъ верхъ и отодвинетъ на второй планъ серьезное методическое преподаваніе. „Научиться говорить или „писать на новомъ языкѣ, безъ сомнѣнія, легче, чѣмъ на древ„немъ языкѣ“, говоритъ Трейчке, „но съ этимъ преимуществомъ „неизбѣжно связанъ тотъ громадный въ педагогическомъ отно„шеніи недостатокъ, что бѣглое владѣніе языкомъ всегда будетъ „представляться для учителя главною цѣлью преподаванія, бла„годаря чему онъ будетъ склоненъ недостаточно глубоко вни„кать въ законы языка и сокровища его литературы“. Въ этомъ заключается одна изъ причинъ, по коимъ обученіе новымъ языкамъ хотя и представляется въ высшей степени полезнымъ и желательнымъ, но въ воспитательномъ отношеніи не можетъ замѣнить собою глубокаго и вдумчиваго изученія древнихъ языковъ, которое заставляетъ вникать въ значеніе каждаго слова, каждаго оборота рѣчи и пріучаетъ не только схватывать общее содержаніе мысли, но углубляться во всѣ ея оттѣнки и проникать въ самую глубину ея. Это свойство, разъ пріобрѣтенное, остается на всю жизнь и оказываетъ свою силу и пользу при изученіи всякой науки, при переработкѣ всякаго умственнаго матеріала.

Вовторыхъ, если говорить о языковѣдѣніи отвлеченно, въ теоріи, то можно было бы признать, что всякій сложившійся и выработанный языкъ образованнаго народа можетъ служить матеріаломъ для того серьезнаго и систематическаго изученія, предметомъ коего нынѣ служатъ древніе языки, но на дѣлѣ это оказывается не такъ: частью потому, что новые языки представляютъ матеріалъ, находящійся еще въ процессѣ развитія и потому измѣнчивый и недостаточно устойчивый, частью вслѣдствіе того, что новые языки, потому именно, что они живые, всегда, какъ мы только указали, подчиняются разнообразнымъ внѣшнимъ вліяніямъ, лишающимъ школу необходимой свободы дѣйствій. Подчинить изученіе новыхъ языковъ тому строго методическому и послѣдовательному способу преподаванія, который долженъ примѣняться къ древнимъ языкамъ, можно лишь путемъ нѣкотораго насилія надъ самою ихъ природой и собственными ихъ интересами; ибо оно всегда пойдетъ въ ущербъ значенію ихъ, какъ орудія для пріобрѣтенія другихъ знаній, которое, какъ мы уже объяснили, имѣетъ въ данномъ случаѣ свое законное и естественное право на существованіе, и котораго школа отвергать не

можетъ. Этотъ взглядъ находитъ себѣ подтвержденіе въ опытѣ и примѣрѣ школъ всѣхъ странъ, показывающемъ, что всюду для изученія новыхъ и древнихъ языковъ сложились пріемы и методы преподаванія отличные другъ отъ друга по самымъ основнымъ своимъ принципамъ и нигдѣ еще не удалось примѣнить къ обученію новымъ языкамъ въ *средней школѣ* строго научный методъ преподаванія. Правда, въ Германіи въ послѣднее время производятся педагогическіе опыты съ цѣлью придать французскому языку въ младшихъ классахъ то значеніе, которое нынѣ имѣетъ латынь, примѣнивъ къ нему способы преподаванія, сходные съ тѣми, которые выработаны для древнихъ языковъ и, замѣнивъ такимъ образомъ въ младшемъ возрастѣ латынь французскимъ языкомъ, воспользоваться ими, какъ базисомъ для позднѣйшаго изученія латинскаго языка, необходимость коего все-таки безусловно признается. Но опыты эти, произведенные пока, насколько намъ извѣстно, только въ одной Альтонской реальной гимназіи, еще такъ кратковременны, что совершенно ошибочно было бы ссылаться на ихъ результаты и основывать на нихъ свои предположенія [1]. Мы съ своей стороны думаемъ, что еслибы даже предпринятый въ Альтонѣ опытъ оказался временно успѣшнымъ, то трудно разсчитывать на прочность этого успѣха, ибо въ концѣ концовъ прикладныя стремленія, естественно присущія преподаванію новыхъ языковъ, возьмутъ верхъ и научная постановка, нынѣ приданная этому преподаванію, оправдывающая въ глазахъ самихъ реформаторовъ, производящихъ опытъ, замѣну латыни французскимъ языкомъ, не удержится, и тогда школа или

[1] По послѣднимъ свѣдѣніямъ изъ Германіи видно, что въ самое недавнее время магистратъ города Карлсруэ рѣшилъ основать реальную гимназію по примѣру Альтонской. О томъ же, чтобы гдѣ-либо еще былъ производимъ опытъ осуществленія теоріи Остендорфа, примѣненной на практикѣ D-r Шлее въ Альтонѣ и горячо поддержанной Фёлкеромъ, мы свѣдѣній не имѣемъ. Но подобные опыты, которые приносятъ во всякомъ случаѣ ту пользу, что служатъ стимуломъ для постояннаго стремленія къ улучшенію педагогическаго дѣла, не могутъ смущать насъ—сторонниковъ испытанной классической системы. Съ тѣхъ поръ, какъ она существуетъ, много являлось разнообразныхъ теорій, многія изъ нихъ примѣнялись на дѣлѣ и нерѣдко приносили пользу развитію учебнаго дѣла и благотворно дѣйствовали на классическую школу, но всѣхъ ихъ она переживала, воспринимая въ себя то, что въ новшествахъ было разумнаго и хорошаго, и мы увѣрены, что она переживетъ и тѣ попытки поколебать ея вѣковыя основы, которыя проявляются въ настоящее время у насъ и въ разныхъ государствахъ Европы.

потеряетъ свое общеобразовательное значеніе, или вынуждена будетъ искать другаго матеріала, который можно было бы положить въ основу ея курса, причемъ, вѣроятнѣе всего, она вернется къ старымъ испытаннымъ традиціямъ.

3. Въ пользу изученія новыхъ языковъ, преимущественно передъ древними, часто приводятъ сравнительную легкость первыхъ и указываютъ на это, какъ на важное преимущество. Увлекаясь этою мыслію, многіе увѣряютъ, что научиться новымъ языкамъ можно почти безо всякаго усилія, такъ сказать—шутя. Представителемъ такого взгляда во французской литературѣ является Фрари въ своей книгѣ *La question du grec et du latin*. Но если въ такомъ взглядѣ и есть какая-либо доля правды, то лишь настолько, насколько рѣчь идетъ о самомъ поверхностномъ изученіи языка; если же говорить о серьезномъ знаніи его, или даже о способности сколько-нибудь удовлетворительно и точно переводить съ него, то уже достиженіе этой цѣли совершенно немыслимо безъ значительнаго усилія со стороны учащагося. По этому поводу Лависсъ, опровергая Р. Фрари, описывающаго въ самыхъ соблазнительныхъ краскахъ легкость изученія новыхъ языковъ, справедливо говоритъ: [1] „Было бы обманчиво предполагать, что когда-нибудь будетъ возможно освободить школьника отъ труда при работѣ. Я думалъ, что я брежу, когда читалъ на страницѣ 115 книги г-на Р. Фрари слѣдующее: „„Отъ французскаго языка къ языкамъ нѣмецкому, англійскому и итальянскому „одинъ только непосредственный шагъ; переводъ можетъ быть „почти полнымъ сколкомъ подлинника. Приступить же къ ла„тыни можно только пройдя черезъ терніи грамматики““. Такимъ образомъ, чтобы перейти отъ французскаго языка къ нѣмецкому, стóитъ сдѣлать одинъ шагъ; нога не преткнется ни о единое препятствіе! Это, конечно, очень соблазнительно, тѣмъ болѣе, что мы знаемъ, насколько важно Французамъ знать нѣмецкій языкъ. Возьмемся же за дѣло и разберемъ послѣдніе совѣты г-на Фрари, находящіеся на стр. 209: „„Нѣмецкій языкъ труднѣе англійскаго, „онъ болѣе отдаленъ отъ нашего языка и своимъ духомъ и синтаксисомъ, а потому изученіе его вначалѣ отталкиваетъ. Спря„женіе его не имѣетъ той алгебраической простоты, благодаря „которой англійскій языкъ столь доступенъ. Строй его рѣчи стра„ненъ и запутанъ, и для того, чтобы дойти до авторовъ, почти

[1] Lavisse. *Etudes et étudiants*, p. 69.

„необходимо пройти черезъ грамматику"". „Куда же дѣлся ско-„локъ съ подлинника" и „одинъ непосредственный шагъ", и кого здѣсь обманываютъ? Бѣднаго школьника и добродушную публику."

Прибавимъ къ сказанному Лависсомъ, что если и есть способъ, не на словахъ только и не для обмана публики, а на самомъ дѣлѣ облегчить *основательное* изученіе новыхъ языковъ, то оно заключается въ серьезномъ предварительномъ изученіи древнихъ языковъ: Т. Н. Грановскій, опредѣляя значеніе классической школы, пишетъ: [1] „Ограничивая по мѣрѣ возможности число пред-„метовъ преподаванія, она ставитъ на первомъ планѣ древнюю „филологію, какъ незамѣнимое никакимъ другимъ средствомъ „нравственнаго, этическаго и логическаго образованія. Основа-„тельное изученіе древнихъ языковъ, которыхъ правила полу-„чили математическую точность и опредѣленность, не только со-„общаетъ эти же свойства уму, но въ высшей степени облегча-„етъ занятія новыми языками, такъ что простое грамматическое „знаніе латинскаго и греческаго языка ведетъ за собою цѣлый „рядъ другихъ пріобрѣтеній, съ избыткомъ вознаграждающихъ „за употребленное время."

Мы вмѣстѣ съ Т. Н. Грановскимъ не сомнѣваемся, что человѣкъ, достаточно упражнявшійся въ родномъ языкѣ и добросовѣстно изучившій грамматику древнихъ языковъ, очень легко усвоитъ себѣ знаніе любаго новаго языка. Очень вѣское подтвержденіе такого взгляда мы находимъ въ одной изъ рѣчей бывшаго прусскаго министра Госслера, который сообщилъ прусской палатѣ статистическія данныя о томъ огромномъ процентѣ нѣмецкихъ врачей, которые, никогда не учившись англійскому языку въ школѣ, пріобрѣли однако основательное знаніе этого языка уже въ болѣе зрѣломъ возрастѣ и притомъ въ сравнительно короткій срокъ.

Но еслибы намъ даже доказали чрезвычайную легкость пріобрѣтенія знаній по новымъ языкамъ, то мы не усматривали бы въ этомъ собственно обстоятельствѣ выгоды въ воспитательномъ отношеніи. Научить серьезно работать и преодолѣвать трудности, должно составлять одну изъ важнѣйшихъ воспитательныхъ задачъ школы, причемъ правильное умственное и физическое

[1] Ослабленіе классическаго преподаванія въ гимназіяхъ и неизбѣжныя послѣдствія этой системы. Т. Н. Грановскаго.

развитіе учащихся вовсе не требуетъ, чтобы работа была легка сама по себѣ, а только чтобъ она была посильна, то-есть чтобъ она соотвѣтствовала возрасту и пониманію учащихся, а равно времени, которое на нее назначено. Такимъ образомъ, забота школы должна быть направлена не на устраненіе всякаго усилія со стороны учащагося, а заключаться въ стараніи правильно расположить работу, такъ, чтобъ она постепенно и послѣдовательно возрастала и усиливалась сообразно съ развитіемъ силъ и разумѣнія учащихся. Учебный же матеріалъ долженъ быть избираемъ такой, который, для переработки и усвоенія, хотя и требовалъ бы *непремѣнно* напряженія силъ, но по свойству своему могъ распадаться на рядъ ступеней, при которыхъ каждая отвѣчала бы извѣстному возрасту и степени развитія учащихся. Этими-то качествами обладаютъ языки и при томъ въ особенности древніе въ виду представляемой ими законченности и вѣковой разработки.

О воспитательномъ значеніи, которое трудъ долженъ имѣть въ школѣ, прекрасно говоритъ нѣмецкій педагогъ Кауеръ: „Напряженная работа не по принужденію представляетъ собою нѣчто „такое, что̀ и въ зрѣломъ возрастѣ не всякому удается. Какъ „же ожидать этого отъ юношей, въ которыхъ такъ естественны „безпечность и нѣкоторая самонадѣянность. Чтобы преодолѣть „эту самонадѣянность нужно сильное принужденіе, которое однако гнететъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше оно примѣняется „*внѣшними средствами*. Поэтому-то въ основѣ всякаго преподаванія должны лежать такія науки, которыя уже по самому существу своему дѣйствуютъ принудительно и держатъ шаткій еще „умъ въ строгой дисциплинѣ. Лучше всего это достигается математикой, но она, такъ сказать, хватаетъ дальше цѣли, обученіе же нѣмецкому языку не достигаетъ до цѣли, такъ какъ „оно не подчиняется строгой законности. Надлежащее мѣсто въ „этомъ случаѣ занимаютъ иностранные языки. Изъ того, что̀ по „сравненію съ другими предметами о нихъ уже сказано, явствуетъ, что при этомъ разумѣется не одно содержаніе иностранныхъ литературъ, но особенно образовательное значеніе представляетъ собою самостоятельное пониманіе формы языка.“

Приведемъ затѣмъ весьма мѣткое мнѣніе французскаго ученаго Брeаля, который, высказываясь въ томъ же смыслѣ, слѣдующимъ образомъ характеризуетъ воспитательное значеніе древнихъ языковъ: „Неоцѣненная польза изученія мертваго языка“, говоритъ Брeаль, „кроется въ томъ, что оно вводитъ умъ въ совершенно

„чуждую область и заставляетъ его мыслить и говорить другимъ „способомъ. Всякое построеніе рѣчи, всякое грамматическое пра„вило, отдаляющее отъ обычая нашего языка, должны быть для „ученика новымъ поводомъ къ размышленію. Задача учителя со„стоитъ не въ томъ, чтобъ удалять съ дороги затрудненія, а въ „томъ, чтобы расположить ихъ въ систематическомъ и постепен„номъ порядкѣ. Дѣло не въ томъ, чтобы сократить путь, *такъ „какъ этотъ путь и есть въ нѣкоторомъ родѣ цѣль,* къ которой „слѣдуетъ стремиться. Но не такъ понимаютъ дѣло наши учеб„ники. Подъ предлогомъ облегченія работы надъ задачами и по„мощи въ пониманіи авторовъ, они исключительно стараются „избѣгать всякаго логическаго и грамматическаго усилія. Они един„ственно заняты тѣмъ, какъ бы подставить французскій оборотъ „рѣчи подъ латинскій и наоборотъ. Они не думаютъ о томъ, что„бы показать правильность и пригодность построенія латинской рѣ„чи или указать на разумность синтаксическихъ правилъ: все это „считается метафизикой и пустою тонкостью. Но если вы отни„мете отъ изученія древнихъ языковъ трудности, дающія поводъ „къ упражненіямъ, укрѣпляющимъ умъ, то въ чемъ же будетъ „заключаться та умственная польза, о которой вы говорите?“

4. Независимо отъ вышеизложенныхъ общихъ соображеній, желаніе придать изученію новыхъ языковъ преобладающее значеніе и построить на нихъ гимназическую систему,—о чемъ такъ многіе говорятъ у насъ,—не можетъ съ практической стороны своего осуществленія не встрѣтить серьезныхъ препятствій, которыхъ нельзя упускать изъ виду. Прежде всего возникаетъ вопросъ, кому должно быть поручено это преподаваніе? Отечественнымъ ли учителямъ или иностранцамъ? Что касается до первыхъ, то таковыхъ у насъ нѣтъ и никогда не было, несмотря на то, что знаніе иностранныхъ языковъ было долгое время весьма распространено въ средѣ нашего общества. И это вовсе не случайность, а происходитъ отъ того, что, какъ мы указали выше, практическій, прикладной элементъ естественно всегда преобладаетъ въ изученіи новыхъ языковъ и препятствуетъ развитію научно-методическаго преподаванія. Но не у насъ однихъ замѣчается недостатокъ собственныхъ учителей новыхъ языковъ, то же мы видимъ во Франціи, въ Англіи и даже отчасти въ Германіи, которая хотя и готовитъ для своихъ школъ учителей иностранныхъ языковъ, но далеко не всегда въ состояніи обходиться ими и вынуждена предъявлять къ нимъ по отношенію къ образова-

тельному цензу меньшія требованія, чѣмъ къ другимъ учителямъ. Нигдѣ еще не установилось даже твердыхъ традицій и пріемовъ, путемъ которыхъ могли бы формироваться учителя новыхъ языковъ, *по степени своей образованности равные другимъ преподавателямъ*. Такимъ образомъ, у насъ, во всякомъ случаѣ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, преподаваніе новыхъ языковъ не только въ настоящемъ, но и въ отдаленномъ будущемъ неизбѣжно должно оставаться въ рукахъ иностранцевъ и нельзя даже предвидѣть времени, когда оно могло бы быть поручено отечественнымъ преподавателямъ. Въ виду этого, еслибы мы захотѣли замѣнить древніе языки новыми, сосредоточить на нихъ бо́льшую часть уроковъ и придать преподаванію тотъ же методически-научный характеръ, который примѣняется къ древнимъ языкамъ, то пришлось бы прибѣгнуть къ повторенію той печальной мѣры, которая принесла уже такой неизгладимый вредъ нашимъ гимназіямъ въ 1872 г., то-есть пришлось бы вторично наводнить наши школы иностранцами и при томъ обладающими гораздо меньшимъ образованіемъ, чѣмъ тѣ, которые явились къ намъ въ то время. Мы уже имѣли случай высказать нашъ взглядъ на положеніе у насъ учителей-иностранцевъ въ настоящую минуту. Мы утверждаемъ, что большинство изъ нихъ, прослуживъ въ Россіи болѣе двадцати лѣтъ, достаточно освоилось съ русскимъ языкомъ и въ значительной степени ассимилировалось съ нами, а потому мы находимъ сѣтованія, которыя и теперь продолжаются, на то, что у насъ служитъ много иностранцевъ, несвоевременными и запоздалыми; но вмѣстѣ съ тѣмъ мы считаемъ, что приглашеніе въ 1872 году массы иностранцевъ для обученія древнимъ языкамъ была одна изъ самыхъ ошибочныхъ и даже пагубныхъ мѣръ, которыя когда-либо предпринимались у насъ. Мы такъ рѣзко осуждаемъ эту мѣру какъ потому, что думаемъ, что преобладаніе въ школѣ иностранцевъ серьезно вредитъ національнымъ интересамъ, такъ и потому, что мѣра эта была вдвойнѣ вредна именно въ классической школѣ, ибо она существеннымъ образомъ противорѣчила кореннымъ основамъ классической системы образованія. Система эта прежде всего требуетъ возможно бо́льшаго объединенія преподаванія; недостаточно отвести на древніе языки извѣстное число уроковъ, недостаточно даже поставить преподаваніе этихъ предметовъ на ту научно воспитательную почву, о которой мы неоднократно говорили, необходимо еще, чтобы методы преподаванія были согласованы между

собой [1] и чтобы всѣ, особенно сродные предметы, стояли въ связи другъ съ другомъ, поддерживали другъ друга и этимъ путемъ содѣйствовали общему развитію учащихся. Всякая школа вообще, а классическая школа въ особенности должна походить на машину, въ которой всѣ части согласованы между собой, и, дѣйствуя взаимно другъ на друга, облегчаютъ общую работу, приводя ее въ то же время къ общему цѣльному результату. Къ сожалѣнію, въ нашихъ школахъ, и притомъ не въ однѣхъ гимназіяхъ, подобное объединеніе никогда не было развито въ должной мѣрѣ; при введеніи же реформы 1871 года, въ особенности благодаря приглашенію массы учителей-иностранцевъ были уничтожены даже слабые слѣды его. Изученіе древнихъ языковъ было совершенно отторгнуто отъ всего остальнаго преподаванія, частью благодаря тому, что они попали въ руки иностранцевъ, почти не знавшихъ русскаго языка, частью благодаря введенію реформы безъ всякой предварительной подготовки, вслѣдствіе чего учебный персоналъ, долженствовавшій дѣйствовать при введеніи реформы, не только не былъ проникнутъ принципами классической системы, но ему были даже чужды тѣ методы преподаванія, которые свойственны ей и отъ примѣненія коихъ *ко всѣмъ предметамъ* въ значительной степени зависитъ успѣхъ классической школы. Въ гимназіяхъ нашихъ узаконилась, такъ сказать, существовавшая прежде только на практикѣ разрозненность преподаванія, противорѣчащая кореннымъ основамъ классической школы, и это обстоятельство, составляя, по нашему мнѣнію, одинъ изъ важнѣйшихъ недостатковъ нашихъ гимназій, объясняетъ если не исключительно, то главнымъ образомъ медленное развитіе ихъ и недостаточную ихъ успѣшность. Мы не имѣемъ въ виду писать историческій разборъ эпохи введенія въ дѣйствіе устава 1871 г., а потому въ задачу нашу не можетъ входить изслѣдованіе вопроса о томъ, почему то или другое было въ то время сдѣлано такъ или иначе, и мы ограничимся лишь выраженіемъ мнѣній, что съ одной стороны приглашеніемъ при введеніи реформы массы иностранцевъ для преподаванія древнихъ языковъ, а съ другой, осуществленіе реформы безо всякой подготовки и безо всякой постепенности нанесло успѣху классической системы и вообще образованію въ Россіи такой ударъ, отъ котораго гимназіи наши

[1] Мы подробно развивали эту мысль по поводу преподаванія математики и исторіи и потому не станемъ повторять ее.

и понынѣ оправиться не могутъ и тяжелѣе котораго не могли бы нанести ей злѣйшіе ея враги. Неужели кто-нибудь можетъ желать, чтобъ ошибка, сдѣланная въ 1872 году, повторилась еще разъ и чтобы надъ гимназіями былъ произведенъ новый опытъ переполненія ихъ на этотъ разъ иностранцами-преподавателями новыхъ языковъ.

Въ настоящее время вновь сдѣланъ первый шагъ, чтобъ установить нѣкоторое объединеніе преподаванія роднаго и древнихъ языковъ, [1] для чего указано на необходимость соединенія по возможности въ младшихъ классахъ въ однѣхъ рукахъ преподаванія этихъ предметовъ и вмѣнено преподавателямъ русскаго языка въ неизмѣнную обязанность занимать учениковъ въ числѣ упражненій по своему предмету, между прочимъ, переводами съ древнихъ на родной языкъ въ то время, какъ прежде упражненія эти только рекомендовались. Осуществленіе этихъ мѣръ, при разрозненности преподаванія, установившейся въ нашихъ гимназіяхъ, не легко и, безъ сомнѣнія, потребуетъ времени; но можно надѣяться, что педагогическіе составы нашихъ гимназій, сознавъ пользу предпринятыхъ мѣръ, постепенно отступятъ отъ прежнихъ односторонніхъ взглядовъ и съ успѣхомъ поставятъ общее преподаваніе на новую почву.

Полезность принятыхъ мѣръ вообще и въ отдѣльности достоинство переводовъ съ древнихъ языковъ на родной, какъ превосходнаго средства упражненія въ семъ послѣднемъ, едва ли возбуждаетъ сомнѣніе въ комъ-либо и признается во всемъ мірѣ. Но *Вѣстникъ Европы*, въ слѣпомъ своемъ нерасположеніи къ древнимъ языкамъ, доходитъ до того, что онъ осуждаетъ новые учебные планы именно за установленіе этихъ упражненій (октябрь 1890 года, стр. 870). Повидимому все, что̀ имѣетъ отношеніе къ древнимъ языкамъ, ненавистно ему, хотя бы оно, будучи безспорно полезно не только преподаванію древнихъ языковъ, но и другихъ предметовъ, осуществляло въ школѣ здоровые педагогическіе принципы, значеніе которыхъ въ другихъ отношеніяхъ не могъ бы отрицать, мы полагаемъ, даже *Вѣстникъ Европы*.

5. Противъ осуществленія концентраціи преподаванія на новыхъ языкахъ говорятъ еще другіе, болѣе вѣскіе доводы: исторія

[1] Подобныя распоряженія дѣлались и въ прежнее время, но, къ сожалѣнію, осуществлялись они только въ немногихъ учебныхъ заведеніяхъ.

изобилуетъ примѣрами того, какъ легко обученіе новымъ языкамъ, *если оно получаетъ въ воспитаніи преобладающее значеніе*, заполоняетъ, такъ сказать, общество, порабощаетъ его природную національность и вводитъ чужеземный элементъ въ языкъ, обычаи, привычки и нравы. Стóитъ вспомнить примѣръ нашего общества въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, или примѣръ Германіи нѣсколько раньше, когда слѣпое подражаніе иноземному проникло во всѣ области общественной жизни, а иностранные языки совершенно вытѣснили употребленіе отечественной рѣчи, [1] что же касается до древнихъ языковъ, то они, обладая гораздо большею воспитательною силой, чѣмъ новые языки, не могутъ однако произвести подобнаго всепоглощающаго дѣйствія. Міросозерцаніе древнихъ народовъ, ихъ языкъ и нравы настолько отдалены отъ насъ, что при изученіи ихъ все то, что̀ въ нихъ есть случайнаго, преходящаго и частнаго, не можетъ всецѣло перенестись на насъ; дѣйствуетъ же только то, что̀ въ нихъ есть общечеловѣческаго, неизмѣннаго и, такъ сказать, вѣчнаго, то-есть то, на чемъ выросла наша цивилизація. Въ виду сего, образованіе, основанное на изученіи древнихъ языковъ и древности вообще, имѣетъ то великое достоинство, что въ основу его ложатся, какъ мы только-что сказали, тѣ неизмѣнныя начала общечеловѣческаго характера, который, несмотря на всѣ измѣненія и превращенія, вносимыя исторіей въ жизнь народовъ, сохраняютъ свое значеніе и встрѣчаются въ большей или меньшей степени у каждаго культурнаго народа, хотя, быть-можетъ, въ нѣсколько затемненномъ видѣ, вслѣдствіе безконечнаго разнообразія современныхъ интересовъ и заботъ дня. Но въ то же время эта общечеловѣческая основа не препятствуетъ свободному развитію національности, а напротивъ, придаетъ ей силу и укрѣпляетъ ее. Примѣромъ тому могутъ служить школы Англіи, Германіи и Франціи, которыя всѣ, имѣя общую классическую основу, развились однако каждая совершенно самобытно, на національной почвѣ. Никому, мы полагаемъ, не придетъ въ голову обвинять англійскую школу въ недостаткѣ національности, хотя въ ней послѣдовательнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, была проведена классическая

[1] Подобное дѣйствіе на родной языкъ могъ имѣть латинскій, пока онъ, хотя въ измѣненномъ видѣ, замѣнялъ собою живой языкъ, будучи литературнымъ языкомъ образованнаго общества; но съ тѣхъ поръ, какъ онъ потерялъ это значеніе (что̀ въ педагогическомъ отношеніи представляетъ выгоду), онъ не можетъ уже оказывать этого вреднаго вліянія на родную рѣчь.

система. То же можно сказать о Германіи и Франціи. Всѣ эти школы воспитали чистыхъ Англичанъ, Французовъ и Нѣмцевъ, а вовсе не Грековъ и Римлянъ, и если въ недавней своей рѣчи по школьному вопросу Германскій императоръ высказалъ мысль, что онъ желаетъ реформы гимназій, дабы впредь изъ Нѣмцевъ не воспитывать Грековъ и Римлянъ, то эта фраза можетъ объясняться единственно тѣмъ, что пылкій ораторъ увлекся собственнымъ краснорѣчіемъ, причемъ у него сорвалась съ языка недостаточно обдуманная риторическая метафора. Не менѣе разительный примѣръ пользы изученія классическихъ языковъ и древности для самобытнаго развитія національной литературы мы находимъ въ исторіи литературъ всѣхъ народовъ Европы. Никто, мы полагаемъ, не рѣшится отрицать, что всѣ онѣ возникли на общей почвѣ, подготовленной классическимъ образованіемъ, воспріяли отъ него общечеловѣческія начала, и затѣмъ, не отрекаясь отъ нихъ, получили совершенно самобытное, національное развитіе. Всюду мы видимъ, что изученіе древности и пользованіе ея образцами укрѣпляло и возвышало національный творческій геній писателей, въ то время, какъ увлеченіе современными чужеземными литературами, вредно отзываясь на національномъ характерѣ, вело лишь къ одному блѣдному подражанію и жалкому заимствованію. То же явленіе замѣчается относительно языка: чрезмѣрное господство чужеземнаго языка вело къ искаженію родной рѣчи, изученіе же древнихъ языковъ, какъ общей научной подкладки, только обогащало и развивало языкъ и словесность. Мысль эту (не отвергая въ то же время пользы изученія новыхъ литературъ) прекрасно высказалъ извѣстнѣйшій изъ дѣятелей по нашему русскому просвѣщенію графъ Уваровъ въ письмѣ къ В. В. Капнисту, написанному по поводу предпринятаго Гнѣдичемъ перевода Иліады. [1] „Безъ „основательныхъ познаній и долговременныхъ трудовъ въ древней „словесности“, говоритъ графъ Уваровъ, „никакая новѣйшая „существовать не можетъ; безъ тѣснаго знакомства съ другими „новѣйшими, мы не въ состояніи обнять все поле человѣческаго „ума—обширное и блистательное поле, на которомъ всѣ пред„убѣжденія должны бы умирать и всякая ненависть гаснуть; но „безъ собственныхъ формъ, языку нашему свойственныхъ, намъ „никогда нельзя имѣть истинно народной словесности“. Въ

[1] *Чтеніе въ бесѣдѣ любителей русскаго слова.* Чтеніе 17-е, 1815 г., стр. 63.

другомъ письмѣ на имя Гнѣдича, графъ Уваровъ пишетъ: [1] „Нѣтъ, „милостивый государь мой, хотя предразсудокъ, слабость, влія„ніе французской словесности увлекали насъ до сихъ поръ и „отклоняли отъ истиннаго пути: но если мы хотимъ возвысить „достоинство нашего языка, если мы хотимъ достигнуть того, „чтобъ имѣть словесность *народную*, намъ истинно свойственную, „то перестанемъ эпопею писать, или переводить Александрійскими „стихами; перестанемъ отягощать младенчество нашей словесно„сти тяжелыми цѣпями французскаго вкуса. Если мы не возвра„тимся къ истинному характеру нашего языка, если не сдѣлаемъ „метрическую систему, на самомъ геніи языка основанную, если „мы не будемъ имѣть способа воскресить *прозодію* древняго „нашего стихотворства, то, безъ сомнѣнія, опасаться должно, „что въ весьма короткомъ времени наша поэзія будетъ походить „на младенца, носящаго всѣ признаки дряхлости, или увядшаго „юношу. Вамъ предстоитъ, милостивый государь мой, сильно „содѣйствовать къ сей счастливой перемѣнѣ въ нашей словес„ности. Одинъ изъ лучшихъ способовъ къ достиженію этой цѣли „есть *знакомство съ древними*“ (курсивъ подлинника).

Не лишено интереса, что въ самое позднѣйшее время извѣстный нѣмецкій историкъ Трейчке высказываетъ ту же мысль въ своей брошюрѣ *Будущность нѣмецкихъ гимназій*, причемъ, говоря о вредѣ, нанесенномъ германской національности и языку въ прошломъ столѣтіи игомъ французскаго языка, заканчиваетъ свое разсужденіе тезисомъ: „Unsere gelehrte Bildung ist nur darum national, weil sie auf classischem Grunde ruht“. (Наше высшее образованіе только потому національно, что оно зиждется на классической основѣ).

6. Такимъ образомъ классическое образованіе, не препятствуя самобытному національному развитію, является въ то же время звеномъ, которое связываетъ между собою въ первоначальной ея основѣ цивилизацію всѣхъ образованныхъ странъ. Этому послѣднему обстоятельству мы придаемъ особую важность. Какъ бы народы ни разнились между собою, какъ бы отличны другъ отъ друга ни были ихъ идеалы и міросозерцаніе, они не могутъ отречься отъ общей основы своей цивилизаціи, то-есть отъ того, что̀ въ ней есть общечеловѣческаго, независимаго отъ національныхъ особенностей.

---

[1] Письмо гр. Уварова къ Гнѣдичу. *Чтеніе въ бесѣдѣ любителей русскаго слова.* Чтеніе 13-е. 1813 г., стр. 65.

Современный народъ, который сталъ бы на почву полнаго обособленія, могъ бы существовать только, какъ Китай, воздвигнувъ между собой и остальнымъ міромъ непроницаемую стѣну и заранѣе обрекши себя на мертвенность и застой. Національность въ дѣлѣ образованія не можетъ и не должна заключаться въ отверженіи всего, что̀ на первый взглядъ кажется чужимъ, *напротивъ, она должна въ этомъ чужомъ отыскивать общее, незыблемое, то-есть то, что̀ составляетъ достояніе всего человѣчества*, и пользоваться этимъ благомъ, избѣгая только слѣпаго подражанія и неосмысленнаго заимствованія. Къ несчастью, мы, Русскіе, слишкомъ склонны скользить по поверхности, не искать въ дѣлѣ и вопросахъ коренныхъ началъ въ связи ихъ со всемірною цивилизаціей, даже отвергать эту связь и въ этомъ видѣть свою національную особенность; но въ то же время едва ли есть народъ, особенно въ образованныхъ своихъ классахъ, который былъ бы такъ склоненъ и способенъ подражать, внѣшнимъ образомъ заимствовать и подчиняться чужому вліянію, какъ мы. Упроченіе у насъ истиннаго классическаго образованія являлось бы лучшимъ противовѣсомъ этой слабости, и потому образованіе это необходимо у насъ болѣе, быть-можетъ, чѣмъ гдѣ-либо. [1]

---

[1] Весьма интересно мнѣніе „Комитета устройства училищъ“, образованнаго въ 1826 году подъ предсѣдательствомъ министра народнаго просвѣщенія Шишкова, при участіи графа Ливена, графа Сиверса, графа Ламберта, Сперанскаго, Уварова, Шторха, Перовскаго и графа Строганова, въ которомъ, между прочимъ, высказаны слѣдующія соображенія въ пользу классическаго образованія вообще и введенія преподаванія греческаго языка въ особенности: „Въ предпочтеніи греческаго языка французскому и вообще „древней словесности новѣйшей, комитетъ руководствовался слѣдующими „уваженіями. Два главные недостатка уже давно были замѣчены въ воспи„таніи нашего юношества: 1) поверхностное изученіе многихъ предметовъ „вмѣстѣ или, какъ сіе изображено въ манифестѣ 13 іюля 1826 года, *роскошь „полузнанія*, и 2) склонность заниматься предметами легкими и нѣкоторый „родъ отвращенія или равнодушія къ занятіямъ, коихъ пріобрѣтеніе пред„полагаетъ навыкъ къ труду и строгое непрерывное упражненіе. Сему ложе„ному направленію воспитанія были разныя причины; но одною изъ глав„нѣйшихъ, по мнѣнію комитета, есть преобладаніе французской словесности, „въ нѣкоторыхъ училищахъ допущенное. Молодой воспитанникъ, обладающій „симъ языкомъ, когда при томъ онъ одаренъ нѣкоторою природною остро„тою, по самому свойству сей словесности, блистательной и разнообразной, „скоро увлекается въ обольщеніе и мнитъ, что онъ все знаетъ, потому „только, что посредствомъ сего языка все знать можетъ, что отъ него

Мысль о важности классическаго образованія, какъ общей связи цивилизаціи народовъ, прекрасно выражаетъ Лависсъ, и мы охотно переносимъ на Россію то, что онъ относитъ къ Франціи: [1] „Наконецъ знайте“, говоритъ онъ въ одной изъ своихъ рѣчей, обращаясь къ своимъ слушателямъ, „что въ тотъ день, „когда завѣса падетъ на интеллектуальныя начала человѣчества, „когда среди народовъ исчезнутъ предметы, могущіе соединять „ихъ въ общемъ къ себѣ удивленіи и восторгѣ, когда надъ на„ціями не останется, внѣ вражды и ненависти такой эпохи, въ „которой всѣ мыслящіе люди могутъ братски встрѣтиться на „школьной скамьѣ, тогда исчезнетъ одна изъ существеннѣйшихъ „причинъ интеллектуальной и моральной связи людей между „собою. Я надѣюсь, что Франція останется вѣрна древнему гу„манитарному образованію, такъ какъ она въ настоящемъ и въ „продолжительномъ будущемъ призвана быть представительницей „человѣчества между народами.“

„всегда зависитъ, безъ дальняго труда и изысканій, поравняться въ знаніяхъ „со всѣми. Ежедневное употребленіе сего языка въ обществѣ утверждаетъ „его въ семъ обольщеніи; легкій, пріятный, часто блистательный разговоръ, „исполненный острословія, удобность фамильярной бесѣды съ высшими, „удостовѣряютъ его, что онъ по одному знанію сего языка принадлежитъ „уже къ лучшему избранному обществу, что онъ все уже сдѣлалъ, чтобъ „отдалить себя отъ толпы людей непросвѣщенныхъ, чтобы быть и называться „человѣкомъ благовоспитаннымъ, не имѣя нужды ни углубляться въ науку, „ни продожать начатки ученія..... Сіи разсужденія, на опытѣ и „ежедневномъ наблюденіи основанныя, привели комитетъ къ той мысли, „чтобъ при усовершенствованіи училищъ искать всѣхъ возможныхъ способовъ „положить злу сему твердую преграду. Для сего не найдено лучшаго и „дѣйствительнаго средства, какъ усилить въ нашихъ училищахъ, начиная „съ гимназій, обученіе древней латинской и греческой словесности. Древ„няя словесность, по крайней мѣрѣ, столь же богатая разнообразными ея „произведеніями, какъ и всѣ новѣйшія, имѣетъ предъ ними два рѣшительныя „преимущества: 1) самородную, такъ сказать, первообразную оригиналь„вость и 2) возбужденіе и навыкъ къ труду, безъ коего въ ней даже и „поверхностныхъ успѣховъ одержать не можно. Соединеніемъ сихъ преиму„ществъ, наука древнихъ языковъ производитъ двѣ весьма важныя пользы: „первую: она пріучаетъ умъ ко внимательности, къ трудолюбію, къ изысканію „началъ первообразныхъ, не останавливаясь на поверхности и на легкомъ „подражаніи; вторую: она самою трудностью успѣховъ и тщетностью всѣхъ „притязаній, полученныхъ безъ труда, пріучаетъ къ скромности, какъ и „всякое основательное ученіе, а скромность есть первый признакъ и первая „потребность истиннаго просвѣщенія.“

[1] *Etudes et etudiants*. P. 89.

Вотъ тѣ соображенія, на основаніи коихъ мы полагаемъ, что, несмотря на всю важность, которую имѣетъ въ наше время практическое владѣніе новыми языками, языки эти не могутъ замѣнить собою древнихъ и не должны въ ущербъ имъ занимать господствующаго положенія. Учить новымъ языкамъ необходимо, и нужно стремиться къ достиженію лучшихъ результатовъ, чѣмъ теперь, но основными предметами научной школы, готовящей къ дальнѣйшему университетскому образованію, они не могутъ и не должны быть.

Какъ на типичный образецъ того, какое значеніе придаютъ изученію древнихъ языковъ, напримѣръ, во Франціи, такіе передовые дѣятели по реформѣ средняго образованія, какъ Жюль Симонъ, приведемъ слова его, обращенныя къ педагогическимъ составамъ лицеевъ по поводу мѣръ, предпринятыхъ имъ въ качествѣ министра народнаго просвѣщенія въ 1872 году: [1] „Въ „теченіе многихъ уже лѣтъ“, говоритъ Жюль Симонъ, указывая на состояніе средняго образованія во Франціи, вызывающее необходимость реформы, „это положеніе заботитъ всѣ умы, и „для выхода изъ него существуютъ только два способа: упразд„нить изученіе древнихъ языковъ, или измѣнить его. Я съ своей „стороны безо всякаго колебанія утверждаю, *что было бы истин„нымъ преступленіемъ уничтожить его, или даже умалить его „значеніе.* Тѣ, которые задумали созданіе школъ безъ преподава„нія древнихъ языковъ и пресловутую систему бифуркаціи, въ „сущности тоже не желали, чтобы латинскій языкъ преподавал„ся съ меньшею тщательностью или чтобы на него посвящалось „менѣе времени: они желали только преподавать его меньшему „числу лицъ; и я согласенъ съ ними, что лучше совсѣмъ не „учиться мертвымъ языкамъ, чѣмъ учиться, не научаясь имъ. „Но не какъ историческую рѣдкость и не съ цѣлью накопленія „знаній желаемъ мы сохранить ихъ въ общей программѣ и по„ложить ихъ въ основу всякаго свободнаго образованія, а потому, „что цивилизація Грековъ и Римлянъ представляетъ собою наи„болѣе совершенную форму развитія человѣческаго ума, почему „мы не находимъ возможности отказываться отъ изученія ея на „собственныхъ языкахъ этихъ народовъ и отъ непосредственнаго „воспріятія отъ столькихъ несравненныхъ учителей возвышен„ныхъ уроковъ искусства, морали и логики.“

---

[1] La Reforme de l'enseignement secondaire. Jules Simon. 2 ed. P. 412.

Не менѣе краснорѣчиво высказывается въ томъ же смыслѣ Лависсъ, обращаясь къ юношеству въ рѣчи своей, произнесенной 28 іюля 1888 года при окончаніи учебнаго года въ Альзасской школѣ: „Дѣти мои“, говоритъ Лависсъ, выражая надежду, что классическое образованіе сохранитъ прежнее значеніе и что удастся примирить съ нимъ требованія новѣйшаго времени, „не „слушайте голосовъ извнѣ, которые совѣтуютъ вамъ бѣжать отъ „этого воспитанія. Для образованія людей оно несравненно. „Образцы красоты, которые оно дастъ намъ, никогда не будутъ „превзойдены, потому что они просты, очертанія ихъ точны и „отчетливость ихъ выдѣляется въ яркомъ свѣтѣ. Древнія добро„дѣтели вѣчны; любовь къ семьѣ, принесеніе себя въ жертву „родинѣ, никогда не будутъ преподаны лучше, чѣмъ словами „древнихъ и ихъ исторіей. Сцена, на которой жили граждане „Греціи и Рима, мала, сравнительно съ обширными театрами, на „которыхъ разыгрывается жизнь современныхъ народовъ. Вы „можете обнять ее однимъ взглядомъ, все видѣть, все понять и „все прочувствовать.“

Охарактеризовавъ такимъ образомъ значеніе классическаго образованія, какъ его понимаютъ лучшіе дѣятели по народному просвѣщенію въ Европѣ и у насъ, мы перейдемъ къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, насколько необходимо изученіе непремѣнно обоихъ древнихъ языковъ, латинскаго и греческаго, для того, чтобы можно было считать осуществленною классическую систему и почему введеніе въ курсъ школы, въ видѣ обязательнаго предмета, одного латинскаго языка, какъ то предлагаютъ гг. Модестовъ, Еленевъ и *Вѣстникъ Европы* [1], и притомъ въ ограниченномъ размѣрѣ, еще недостаточно для того, чтобы гимназіи имѣли право именоваться классическими.

Прежде всего нельзя не обратить вниманія на то, что ни въ одной изъ образованныхъ странъ Европы школы, въ которыхъ преподается одинъ латинскій языкъ, не носятъ наименованія классическихъ гимназій, и изъ болѣе крупныхъ государствъ въ одной только почти Швеціи школы подобнаго рода открываютъ доступъ въ университетъ. Въ Германіи же даже тѣ гимназіи, въ которыхъ латинскій языкъ преподается въ гораздо большемъ размѣрѣ, чѣмъ

[1] Подобное предложеніе г. Модестовъ дѣлаетъ въ своей брошюрѣ *Школьные Вопросы*, стр. 193; г. Еленевъ на стр. 121—128, взглядъ же *Вѣстника Европы* ясно высказывается въ статьяхъ его сотрудниковъ.

у насъ, носятъ наименованіе реальныхъ и предоставляютъ своимъ абитуріентамъ только весьма ограниченное право на продолженіе образованія въ университетѣ.

Точно также и у насъ съ понятіемъ о классическомъ образованіи соединяется мысль объ изученіи *обоихъ* древнихъ языковъ и устраненіе изъ преподаванія греческаго языка допускалось лишь въ видѣ временной мѣры, впредь до полнаго осуществленія классической системы. Мы уже привели выше выписку изъ трудовъ комитета, выработавшаго уставъ 1828 года, ясно указывающую на значеніе, которое лучшіе люди Россіи, участвовавшіе въ этомъ комитетѣ, придавали изученію *обоихъ* древнихъ языковъ. Съ мнѣніемъ комитета, правда, не согласился графъ Уваровъ, но возраженія его относились *исключительно къ повсемѣстному введенію преподаванія греческаго языка одновременно во всѣхъ гимназіяхъ*. Въ особомъ мнѣніи своемъ, которое затѣмъ получило Высочайшее одобреніе и вошло въ уставъ гимназій, графъ Уваровъ указывалъ только на практическую невозможность повсемѣстнаго введенія греческаго языка за недостаткомъ учителей и вслѣдствіе малаго развитія просвѣщенія въ мѣстностяхъ Имперіи, отдаленныхъ отъ крупныхъ центровъ [1]. Поэтому, *и только поэтому* онъ рекомендовалъ введеніе преподаванія греческаго языка лишь въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ, въ которыхъ являлась возможность обезпечить надлежащее преподаваніе этого предмета и съ тѣмъ, чтобы въ другихъ гимназіяхъ преподаваніе это вводилось постепенно по мѣрѣ потребности и возможности. Этотъ взглядъ нашелъ себѣ выраженіе въ § 145 устава 1828 года, въ коемъ говорится: „въ гимназіяхъ, состоящихъ при уни„верситетахъ, обучаютъ и языку греческому. По мѣрѣ нужды и „возможности преподаваніе онаго будетъ вводимо и въ прочія „губернскія гимназіи“. Не лишнимъ считаемъ замѣтить, что въ то время въ университетъ поступали преимущественно изъ университетскихъ гимназій, гимназіи же болѣе отдаленныя отъ университетовъ сравнительно рѣдко посылали своихъ воспитанниковъ въ сіи послѣдніе. Насколько графъ Уваровъ считалъ изученіе греческаго языка необходимымъ для полноты классическаго

[1] Съ мнѣніемъ графа Уварова читатели могутъ познакомиться изъ объяснительной записки къ проекту устава 1871 года, въ коей это мнѣніе изложено (*Сборникъ постановленій по Мин. Нар. Просв.*, за 1871 годъ, ст. 74) или въ статьѣ, появившейся въ 1864 году подъ заглавіемъ *Матеріалы для исторіи и статистики нашихъ гимназій*, стр. 27.

образованія, видно изъ того, что еще въ 1811 году, въ бытность свою попечителемъ С.-Петербургскаго учебнаго округа, онъ выработалъ и съ разрѣшенія министра осуществилъ въ С.-Петербургской губернской гимназіи новый учебный планъ, *основанный на изученіи обоихъ древнихъ языковъ*, а затѣмъ все время своего управленія министерствомъ народнаго просвѣщенія графъ Уваровъ неуклонно стремился къ распространенію въ гимназіяхъ преподаванія греческаго языка и достигъ того, что въ 1849 году языкъ этотъ преподавался уже въ 40 изъ числа существовавшихъ въ то время 70 гимназій (см. объяснительную записку къ уставу 1864 года). Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что графъ Уваровъ признавалъ изученіе греческаго языка необходимымъ условіемъ классическаго образованія [1]; но со свойственною ему мудрою осторожностью считалъ, что самый успѣхъ преподаванія этого важнаго предмета гимназическаго курса требуетъ тщательной подготовки и постепеннаго включенія въ программу гимназій.

Составителями устава 1864 года руководили тѣ же принципы, но выраженные въ болѣе опредѣленной формѣ. По уставу 1864 года греческій языкъ былъ прямо включенъ въ число обязательныхъ предметовъ классическихъ гимназій (§ 39), причемъ *только*

[1] Взглядъ на изученіе греческаго языка, какъ на необходимое средство для подготовки къ высшему образованію, раздѣлялся большею частью образованнѣйшихъ людей начала нынѣшняго столѣтія. Мнѣніе это прекрасно выразилъ Н. М. Муравьевъ, занимавшій должность попечителя Московскаго учебнаго округа, въ *Письмахъ изъ Москвы въ Нижній-Новгородъ*, Гнѣдичъ въ блестящей рѣчи, произнесенной въ 1815 г. при открытіи Публичной Библіотеки. Тѣхъ же взглядовъ держались преосвященнѣйшіе іерархи нашего времени. Такъ, напримѣръ, митрополитъ Евгеній, говоря о пользѣ изученія греческаго языка, писалъ: „Можно быть увѣреннымъ, что отъ сего „(то-есть отъ изученія греческаго языка) вообще и система народнаго про„свѣщенія получила бы болѣе твердости и силы. Словесность наша нынѣ „(1808 г.) пресмыкающаяся, такъ-сказать, по слѣдамъ французскихъ и иныхъ „иностранныхъ писателей, можетъ-быть, получила бы отъ сего собственный „свой характеръ. Красоты самаго обильнѣйшаго и прекраснѣйшаго языка „въ свѣтѣ перешли бы сами въ нашъ языкъ, древнимъ родствомъ и всѣми „отношеніями уже съ нами сопряженный. Самая трудность ученыхъ изыска„ній лучше бы раскрыла въ нашихъ писателяхъ мыслящія ихъ силы, цѣпе„нѣющія теперь въ одномъ непрерывномъ подражаніи. Изысканія сіи при„вели бы ихъ къ самымъ тѣмъ источникамъ, изъ коихъ образцы ихъ по„черпали свои богатства, а отъ нихъ тогда зависѣло бы не подражать имъ, „а съ ними поравняться.“

ученики сихъ гимназій получали право на поступленіе въ университетъ (§ 122). *Лишь временно*, согласно примѣчанію къ § 39, впредь до приготовленія достаточнаго числа преподавателей греческаго языка (исключеннаго изъ курса гимназій въ теченіе болѣе тринадцати лѣтъ) допускалась возможность существованія гимназій, дающихъ право на поступленіе въ университетъ, въ которыхъ отсутствовало бы преподаваніе греческаго языка. Но не одна только законодательная власть считала изученіе греческаго языка необходимою принадлежностью классическихъ гимназій. Этотъ взглядъ горячо поддерживался въ пятидесятыхъ годахъ Т. Н. Грановскимъ и позднѣе въ шестидесятыхъ годахъ Н. И. Пироговымъ. Такимъ образомъ и правительство наше, и лучшіе дѣятели по народному просвѣщенію, съ начала нынѣшняго столѣтія и вплоть до позднѣйшаго времени, признавали необходимость установленія у насъ классическаго образованія, основаннаго на изученіи *обоихъ древнихъ языковъ*, и если греческій языкъ не былъ повсемѣстно введенъ въ курсъ гимназій, то лишь временно, впредь до приготовленія достаточнаго числа учителей. Отступленіе отъ этихъ взглядовъ было допущено только въ пятидесятыхъ годахъ, когда мѣры, предпринятыя въ 1849 и 1851 годахъ и дѣйствовавшія до 1864 года, имѣли въ виду упразднить классическое образованіе, причемъ достойно вниманія, что мѣры эти были предприняты въ непосредственной связи съ другими мѣропріятіями, направленными противъ развитія университетовъ.

Противники классическаго образованія въ Россіи не желаютъ однако знать всего этого и въ упраздненіи обязательнаго изученія греческаго языка и сокращеніи преподаванія латинскаго видятъ цѣль, къ которой должно стремиться наше гимназическое устройство, причемъ на преподаваніе греческаго языка они смотрятъ какъ на роскошь, нужную только небольшой горсти людей, спеціально посвящающихъ себя филологическимъ занятіямъ [1]. Взглядъ этотъ неоднократно высказывается *Вѣстникомъ Европы*, который такимъ образомъ желаетъ въ настоящее время, когда греческій языкъ уже преподается во всѣхъ нашихъ гимназіяхъ, возвести въ принципъ прекращеніе этого преподаванія, между тѣмъ какъ законодательство наше (не говоря о печальной

[1] Напримѣръ, въ мартовской книжкѣ за 1890 г. стр. 161 и послѣд., въ статьѣ г. Окольскаго *Реформа гимназій въ Германіи* и многихъ другихъ мѣстахъ.

эпохѣ 1851—1864 годовъ) смотрѣло на отсутствіе преподаванія греческаго языка въ гимназіяхъ, какъ на временное зло, котораго оно не имѣло возможности устранить только за недостаткомъ преподавателей [1].

Г. Еленевъ, хотя во многихъ мѣстахъ своей книги постоянно говоритъ о преподаваніи не одного, а обоихъ языковъ, и даже неоднократно указываетъ на это изученіе, какъ ничѣмъ не замѣнимое средство воспитанія, въ концѣ своей брошюры (стр. 196) заявляетъ, что онъ убѣжденъ и знаетъ по опыту, „что люди, „которые стоятъ за необходимость греческаго языка для нашихъ „гимназій, повторяютъ это утвержденіе, не вдумавшись въ него „сами, а просто изъ подражанія, потому что такъ дѣлалось до„селѣ въ Европѣ“. Заявленіе это весьма рѣшительно, смѣло и самонадѣянно, но позволимъ себѣ скромно возразить противъ него, что едва ли люди, какъ Муравьевъ, митрополитъ Евгеній, Гнѣдичъ, гр. Уваровъ, гр. Сперанскій, гр. Перовскій, гр. Строгоновъ, Грановскій, Пироговъ, Аксаковъ, Буслаевъ и многіе другіе обладали меньшею, чѣмъ г. Еленевъ, способностью вдумываться въ сущность своихъ собственныхъ мыслей, когда одни изъ нихъ въ государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, другіе на непосредственномъ педагогическомъ поприщѣ, третьи въ литературѣ высказывались начиная съ прошлаго столѣтія вплоть до нашихъ дней принципіально за изученіе обоихъ древнихъ языковъ и ихъ литературъ, какъ за необходимую основу общаго образованія. Намъ невольно приходитъ въ голову мысль, не грѣшитъ ли самъ г. Еленевъ и не менѣе его—*Вѣстникъ Европы* тѣмъ именно, что̀ они приписываютъ другимъ? Намъ представляется, что у нихъ-то чувство необдуманнаго подражанія

---

[1] Мнѣніе свое о ненужности греческаго языка, какъ элемента общаго образованія, *Вѣстникъ Европы* подкрѣпляетъ ссылками на книгу г. Модестова: *Школьный вопросъ*, въ которой дѣйствительно, между прочимъ, говорится, что греческій языкъ для многихъ составляетъ роскошь и съ успѣхомъ могъ бы быть замѣненъ для желающихъ усиленнымъ преподаваніемъ математики. Но въ той же книгѣ г. Модестовъ на стр. 193 говоритъ: „необходимо перенести преподаваніе греческаго языка въ пятый классъ, „сдѣлавъ его обязательнымъ не для всѣхъ, *а только для имѣющихъ въ виду „университетское образованіе*“. Такимъ образомъ г. Модестовъ какъ будто ставитъ знаніе греческаго языка, какъ conditio sine qua non для поступленія въ университетъ. Интересно было бы знать согласенъ ли и съ этимъ *Вѣстникъ Европы* или же онъ признаетъ это однимъ изъ безчисленныхъ противорѣчій, которыми тамъ изобилуетъ *Школьный вопросъ* г. Модестова.

нія составляетъ главную основу ихъ мыслей: въ Европѣ появились вѣянія и притомъ новыя, какъ же не ухватиться за нихъ? Какъ же не признать безъ дальнихъ разсужденій того, о чемъ такъ многіе шумятъ въ Европѣ, выставляя своимъ звучнымъ девизомъ: смерть старому—отжившему!

Правда, трудно еще говорить объ исторіи русской школы. Назадъ тому сто лѣтъ она у насъ почти еще вовсе не существовала, и до сихъ поръ ни одна система образованія въ ней прочно не утвердилась; но если какія-нибудь школы когда-либо оказывали серьезное вліяніе на наше просвѣщеніе, то это все-таки были тѣ, которыя носили въ себѣ хотя бы зачатки классическаго образованія, таковыми являлись когда-то: славяно-греко-латинская и духовныя академіи, въ свое время отчасти семинаріи и наконецъ Уваровскія гимназіи. Но современные наши реформаторы гимназій не желаютъ знать прошлаго и не желаютъ серьезно вникнуть въ настоящее; ихъ манитъ отдаленный, смутно долетающій до нихъ шумъ Европы, они жадно прислушиваются къ нему, подхватываютъ каждое отрывочное слово и на немъ строятъ свои предположенія на благо русскаго просвѣщенія [1].

Но не одни только историческія данныя говорятъ въ пользу сохраненія въ нашихъ гимназіяхъ обязательнаго изученія греческаго языка: необходимость преподаванія этого предмета основывается на цѣломъ рядѣ соображеній педагогическаго и логическаго свойствъ, причемъ многія изъ нихъ вытекаютъ изъ

---

[1] Пишущіе у насъ о гимназіяхъ настолько бываютъ мало знакомы съ ними, что даже часто ошибочно показываютъ число предметовъ, преподаваемыхъ въ гимназіяхъ, и число уроковъ, на нихъ назначенныхъ; по отношенію же къ результатамъ, даваемымъ гимназіями, напримѣръ по отношенію къ числу учениковъ, оканчивающихъ курсъ, числу перевода ихъ изъ класса въ классъ, сравнительной трудности испытаній по тѣмъ или другимъ предметамъ и т. п., они витаютъ въ области какой-то фантазіи, вовсе не сходной съ дѣйствительностью. Находясь по большей части подъ тягостнымъ впечатлѣніемъ, которое естественно произвели жесткіе, крутые и подчасъ несправедливые пріемы при первоначальномъ введеніи реформы, они живутъ этими воспоминаніями и впечатлѣніями и не видятъ, *а главное не желаютъ видѣть*, насколько съ того времени измѣнилось дѣйствительное положеніе дѣла. Неблагопріятное впечатлѣніе, произведенное способомъ введенія реформы (гораздо болѣе, чѣмъ ея сущностью), имъ на руку: оно можетъ служить орудіемъ для поддержанія въ обществѣ предубѣжденія противъ классицизма вообще и противъ основныхъ его принциповъ, а этого для нихъ достаточно, чтобы крѣпко держаться за него и закрывать глаза на настоящее.

собственныхъ разсужденій нашихъ противниковъ. Приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ:

Вопервыхъ, *Вѣстникъ Европы* почти совершенно отвергаетъ образовательное для ума значеніе систематическаго изученія языковъ и, придавая исключительную цѣну содержанію литературныхъ произведеній, видитъ пользу только въ чтеніи и пренебрежительно относится къ воспитательному значенію, которое имѣетъ самый процессъ изученія языка. Сходнаго, хотя не совсѣмъ тождественнаго мнѣнія держится г. Еленевъ. Казалось бы, что при такомъ взглядѣ естественно было бы отдать преимущество тому языку, литература котораго богаче и возвышеннѣе, а потому является совершенно непонятнымъ предпочтеніе, даваемое латинскому языку, который, правда, хотя и представляетъ, по точности и выработанности своихъ формъ и строгой логичности своего построенія, превосходнѣйшее средство для формальнаго образованія ума, но литература коего, не имѣющая собственнаго эпоса и трагедіи и будучи во многихъ отношеніяхъ заимствованною и подражательною, не можетъ сравниться ни по богатству, ни по художественной высотѣ съ литературой греческою. Казалось бы, что при томъ *исключительномъ* значеніи, которое наши противники придаютъ чтенію древнихъ авторовъ, изученіе греческаго языка не могло бы подлежать сомнѣнію въ ихъ собственныхъ глазахъ, между тѣмъ они вовсе исключаютъ преподаваніе греческаго языка изъ числа обязательныхъ предметовъ гимназическаго курса.

Вовторыхъ, греческая словесность, какъ равно и ея исторія имѣютъ особую цѣну въ воспитательномъ значеніи, благодаря своей цѣльности и законченности. Здѣсь—на пространствѣ ограниченномъ по мѣсту и времени, въ формѣ ясной и понятной по своей простотѣ, предъ нами развертывается картина умственнаго развитія одного изъ даровитѣйшихъ народовъ вселенной, начиная съ его младенчества и кончая его старостью и дряхлостью. Исторія человѣчества не представляетъ поля, болѣе благороднаго для познанія вѣчной красоты искусства и вѣчной мудрости человѣческой и притомъ въ формѣ не сложной и не запутанной тѣмъ множествомъ вводныхъ понятій и представленій, которыми изобилуютъ позднѣйшія времена. Эта полнота, законченность и простота греческой словесности и исторіи дѣлаютъ ее ничѣмъ не замѣнимымъ для воспитанія матеріаломъ,

пополняющимъ то формальное развитіе, которое дается преимущественно изученіемъ латинскаго языка.

Если на выше сказанное намъ замѣтятъ, что гимназіи наши не достигаютъ той цѣли, для которой мы считаемъ необходимымъ изученіе греческаго языка и его словесности, то мы возразимъ на это, что въ такомъ случаѣ нужно употребить всѣ усилія къ тому, чтобъ онѣ достигали этой цѣли; причемъ необходимо *снабдить ихъ всѣми потребными для того средствами* и, прежде всего, достаточнымъ количествомъ времени; но было бы нелогично и непослѣдовательно упразднять преподаваніе греческаго языка или умалять его значеніе, какъ того желаютъ *Вѣстникъ Европы* и компанія.

По поводу значенія греческаго языка и его словесности превосходно выражается Лависсъ, на котораго мы неоднократно ссылались и слова котораго мы еще разъ позволимъ себѣ привести. „Въ какой другой странѣ, говоритъ онъ [1], и въ какое „другое время мы найдемъ болѣе одаренное племя, умственная „исторія котораго была бы богаче и доступнѣе и въ то же время „болѣе сходна съ исторіей отдѣльнаго лица, которая, начи„наясь съ дѣтства, переходитъ постепенно правильнымъ тече„ніемъ лѣтъ къ юности, затѣмъ къ зрѣлому возрасту; сперва „является воображеніе и поэзія, далѣе болѣе устойчивая мысль „и великіе образцы прозы, исторія, философія, краснорѣчіе съ „трибуны и предъ судилищемъ; затѣмъ при началѣ старости, „которая будетъ продолжительна и не безплодна, опытъ, кри„тика, наука. — Неужели не имѣетъ значенія видѣть въ пре„красно очерченной рамкѣ послѣдовательное рожденіе всѣхъ „этихъ безсмертныхъ видовъ творчества, въ которыхъ человѣ„ческій разумъ проявился во всей полнотѣ своего разнообразія: „героическая эпопея, эпопея дидактическая, трагедія, комедія, „исторія, философія, краснорѣчіе, критика“. Нѣсколько далѣе тотъ же Лависсъ пишетъ: „Я прочелъ Софокла, прежде чѣмъ „прочесть Шекспира. Нѣсколько священныхъ и классическихъ „лицъ, въ очень *простомъ* дѣйствіи—всегда приходится провѣ„рять это слово,—говорили предо мной языкомъ всѣхъ страстей „и всѣхъ чувствъ, прежде чѣмъ Шекспиръ, притягивая меня и „унося въ могущественный водоворотъ своихъ драматическихъ „дѣйствій, заставилъ меня поочередно или одновременно смѣ„яться, плакать и дрожать.“

[1] *Etudes et etudiants*, p. 60.

Втретьихъ, только соединеніе тщательнаго формальнаго изученія языка съ не менѣе основательнымъ изученіемъ литературы дастъ полное и всестороннее развитіе, составляющее главную задачу классическаго образованія. Причемъ, для достиженія первой цѣли, то-есть формальнаго образованія, служитъ, какъ мы сказали, преимущественно латинскій языкъ; для достиженія же второй цѣли лучшимъ средствомъ является греческая литература. Въ виду сего, въ преподаваніи латинскаго языка первенствующее значеніе имѣетъ методъ изученія. „Учиться латинскому языку, „съ нашей точки зрѣнія“, говоритъ Оскаръ Іегеръ, [1] „значитъ „учиться работать научно; значитъ пріучаться и близко знако„миться со средствами, двигателями, неудобствами, ошибками и „успѣшными результатами научной работы.“ Въ преподаваніи же греческаго языка, хотя разумѣется тоже необходимо внимательное изученіе самаго языка, но первенствующую роль играетъ литература, а потому грамматическое изученіе можетъ быть сравнительно сокращено, главное же вниманіе должно быть обращено на обильное и обширное чтеніе литературныхъ произведеній и при томъ такое, изъ котораго ученики выносили бы по возможности цѣльное впечатлѣніе. Такимъ образомъ оба древніе языка естественно пополняютъ другъ друга, и между ними устанавливается тѣсная связь, расторгнуть которую значитъ отнять у классическаго образованія большую часть его цѣнности. [2]

Вотъ тѣ соображенія, которыя приводятъ насъ къ убѣжденію въ необходимости преподаванія въ гимназіяхъ обоихъ древнихъ языковъ, безъ чего гимназіи потеряли бы значеніе классической и вообще общеобразовательной школы, имѣющей цѣлью приготовлять къ высшему научному, то-есть университетскому образованію безо всякаго подраздѣленія на спеціальности, которымъ молодые люди пожелаютъ посвятить себя по вступленіи ихъ въ университеты.

Повторимъ затѣмъ уже сказанное нами въ началѣ нашего труда: мы признаемъ классическую школу лучшею подготовкой для университета и поэтому считаемъ, что *она одна* должна

[1] Гуманистическая гимназія. О. Іегеръ, стр. 45 (русскій переводъ А. Шварца).

[2] Въ виду значенія, которое въ настоящее время придается ссылкамъ на примѣръ Франціи, укажемъ на то, что Ж. Симонъ, въ своей книгѣ *La réforme de l'enseignement secondaire* и въ своемъ извѣстномъ циркулярѣ отъ 27 сентября 1872 года постоянно указываетъ на необходимость неразрывной связи преподаванія латинскаго и греческаго языковъ.

служить путемъ для поступленія въ него, причемъ это не есть привилегія гимназій, а естественное ихъ право, основанное на самой природѣ какъ гимназій, такъ и университета.

Этимъ мы, однако, не умаляемъ значенія реальнаго и спеціальнаго образованія, которое на всѣхъ своихъ ступеняхъ (то-есть въ средней и высшей школѣ) не менѣе важно для государства и общества, чѣмъ гимназическое (то-есть классическое) и университетское образованіе; но эти два типа образованія настолько отличаются другъ отъ друга въ коренныхъ своихъ основахъ, что они несовмѣстимы и каждое должно быть направлено въ свое особое русло; при смѣшеніи же ни одна изъ этихъ системъ никогда не въ состояніи достичь своей цѣли, а потому отъ такого смѣшенія можетъ произойти только общая неудача и общее пониженіе уровня образованія.

Мы закончили обзоръ всѣхъ предметовъ, играющихъ существенную роль въ гимназіяхъ, и постарались выяснить взглядъ нашъ на то, какое мѣсто должно принадлежать каждому изъ нихъ въ системѣ классическаго образованія, равно мы постарались выяснить общія принципіальныя основанія этой системы. Этимъ мы и заканчиваемъ первую часть нашего труда, а затѣмъ мы имѣемъ въ виду черезъ нѣсколько мѣсяцевъ предложить благосклонному вниманію читателей вторую часть нашей работы, въ которой мы желали бы ознакомить ихъ съ положеніемъ школьнаго вопроса въ Германіи и Франціи, сравнить это положеніе съ тѣмъ, что мы въ настоящее время видимъ у насъ и на основаніи этого сравненія сдѣлать общіе выводы.

Но прежде, чѣмъ разстаться съ нашими читателями, мы позволимъ себѣ въ нѣсколькихъ краткихъ словахъ резюмировать основныя мысли, высказанныя нами въ настоящемъ трудѣ, и подчеркнуть пункты, по которымъ мы особенно рѣзко расходимся съ современными противниками классическаго образованія, типичными представителями коихъ мы считаемъ *Вѣстникъ Европы* и г. Еленева.

Вопервыхъ, мы признаемъ необходимымъ условіемъ благоустройства всякой школы: ясное и твердое опредѣленіе сущности той системы, на которой она должна быть основана. Противники же наши считаютъ принципіальный вопросъ о системѣ доктринерствомъ.

Вовторыхъ, мы полагаемъ, что въ школѣ нельзя учить *не только всему*, но даже *учить многому* въ ней невозможно и не

слѣдуетъ. Поэтому мы желаемъ, чтобы въ школѣ учили немногимъ предметамъ, но основательно, въ виду чего мы признаемъ многопредметность вредною. Многіе же изъ противниковъ классицизма, соглашаясь, какъ будто на словахъ, съ вредомъ многопредметности, на дѣлѣ сочувствуютъ введенію въ курсъ гимназій все новыхъ и новыхъ предметовъ.

Втретьихъ, мы думаемъ, что серьезный трудъ, имѣющій научный характеръ, примѣнимъ въ молодые годы только къ очень небольшому числу предметовъ, тѣмъ болѣе, что всякая серьезная работа поглощаетъ много времени, а потому мы считаемъ концентрацію преподаванія на двухъ-трехъ предметахъ необходимымъ условіемъ благоустройства всякой школы, а классической—въ особенности, какъ школы, имѣющей преимущественно научный характеръ. Между тѣмъ, въ части нашей печати, не сочувствующей классицизму, нерѣдко встрѣчается глумленіе надъ самымъ принципомъ концентраціи, радость по поводу его ослабленія и увѣреніе, что школа должна учить всему поровну, то-есть понемногу, а это въ нашихъ глазахъ, особенно при большомъ числѣ предметовъ, равносильно желанію не учить ничему. Подобный взглядъ мы считаемъ проповѣдью поверхностности и вреднаго мнимаго многознанія.

Вчетвертыхъ, мы считаемъ утилитарное направленіе несовмѣстнымъ съ общимъ образованіемъ, ибо практическія потребности безконечно разнообразны и *одна* школа удовлетворить ихъ не можетъ. Противники же наши вводятъ этотъ принципъ въ преподаваніе всѣхъ предметовъ, впадая въ ту ошибку, въ которую, какъ указывалъ Т. Н. Грановскій, впадало не разъ реальное направленіе въ школьномъ дѣлѣ, а именно въ невѣрное толкованіе понятія о томъ, что̀ значитъ говорить въ жизни.

Впятыхъ, по нашему убѣжденію, методическое объединеніе преподаванія всѣхъ предметовъ, согласованное съ основными принципами, на которыхъ школа основана, составляетъ главную силу и достоинство школы. Сторонники же мнѣній высказываемыхъ *Вѣстникомъ Европы* порицаетъ даже слабыя попытки связать преподаваніе русскаго и древнихъ языковъ введеніемъ въ число упражненій по русскому языку переводовъ съ древняго на родной языкъ.

Вшестыхъ, мы признаемъ необходимымъ условіемъ существованія классической школы тщательное, систематическое изученіе самихъ древнихъ языковъ, проходящее, какъ руководящая

нить, черезъ весь курсъ ученія, а затѣмъ не менѣе внимательное изученіе литературы. Враги же классической школы желаютъ низвести до нуля изученіе собственно языковъ, и считаютъ за предразсудокъ признаніе за систематическимъ изученіемъ языка воспитательнаго или образовательнаго значенія. [1]

Вседьмыхъ, съ нашей точки зрѣнія школа, въ которой преподавался бы одинъ только древній языкъ, была бы школой не классическою, такъ какъ эта послѣдняя безусловно признаетъ необходимость изученія обоихъ древнихъ языковъ, естественно другъ друга пополняющихъ. Наши же противники отвергаютъ необходимость изученія греческаго языка для общаго образованія и желаютъ ограниченія преподаванія латинскаго языка.

Ввосьмыхъ, мы желаемъ, чтобъ изученіе древнихъ языковъ (сперва латинскаго, а затѣмъ греческаго) начиналось возможно раньше, то-есть съ 10—11 лѣтъ, ибо мы думаемъ, что правильность ученія зависитъ прежде всего отъ того, чтобъ учебный матеріалъ былъ распредѣленъ сообразно возрасту, причемъ полагаемъ, что изученіе этимологіи составляетъ занятіе болѣе свойственное младшему, чѣмъ старшему возрасту, и находимъ несоотвѣтствующимъ общимъ интересамъ ученія, чтобы подобное занятіе переносилось въ старшіе классы. Между тѣмъ, профессоръ Новороссійскаго университета, г. Модестовъ, рекомендуетъ перенести начало изученія латинскаго языка въ третій, а греческаго (въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ будутъ заниматься) въ пятый классъ, предпосылая ему грамматику двухъ новыхъ языковъ.

[1] Въ послѣднее время наши реформаторы особенно любятъ ссылаться на авторитетъ уваровскихъ гимназій, поэтому будетъ не лишено интереса указать на то, какъ понималось изученіе древнихъ языковъ учебными планами, дѣйствовавшими въ этихъ гимназіяхъ. Въ учебныхъ планахъ, изданныхъ въ 1832 году (см. *Сборн. распор. по мин. нар. просв.* за 1832 годъ—приложеніе) изученію грамматики обоихъ древнихъ языковъ было отведено видное мѣсто, причемъ преподаваніе ея по латинскому языку, начинаясь съ перваго, а по греческому съ третьяго, проходило *черезъ всѣ классы*, причемъ и въ самомъ старшемъ классѣ для сего назначались особые уроки. Письменные переводы съ *роднаго языка на латинскій* обязательно производились начиная съ третьяго класса, а на греческій—съ пятаго. Въ шестомъ же и седьмомъ классахъ были установлены по *обоимъ* древнимъ языкамъ письменныя упражненія подъ названіемъ specimen extemporaneum, заключавшіяся въ переводѣ безъ предварительной подготовки на древніе языки отрывковъ, диктуемыхъ учителемъ на русскомъ языкѣ. При этомъ въ учебномъ планѣ для послѣдняго седьмаго класса рекомендовалось *производить эти упражненія почаще*.

Такимъ образомъ грамматическое изученіе, начинаясь въ младшемъ классѣ съ новыхъ языковъ, продолжалось бы до пятаго и шестаго класса по древнимъ языкамъ. Мы съ своей стороны считаемъ изученіе первоначальныхъ элементовъ грамматики, требующихъ болѣе памяти, чѣмъ всѣ остальныя ея части, достояніемъ младшаго возраста и находимъ столь запоздалое занятіе ими уродливымъ и неестественнымъ.

Вдевятыхъ, наконецъ, мы утверждаемъ, что серьезное изученіе древнихъ языковъ, будучи труднымъ, требуетъ значительнаго времени, ибо въ младшихъ классахъ необходимо большое число уроковъ, дабы, не слишкомъ обременяя учениковъ, пройти основательно, но безъ излишняго замедленія, первоначальные элементы языка и грамматику. Въ старшихъ же классахъ, если признавать необходимость сколько-нибудь обширнаго чтенія, дающаго учащимся какое-либо цѣльное понятіе о литературѣ древнихъ языковъ (чего не отвергаютъ наши противники), необходимо не меньшее число уроковъ, ибо, по отношенію къ древней литературѣ, нельзя требовать и нельзя ожидать, чтобъ учащіеся знакомились съ нею безъ помощи преподавателя, удѣляя на то часть своего досуга, — что вполнѣ желательно и возможно по отношенію къ литературѣ отечественной и новыхъ языковъ.

Лицемѣрные же защитники классицизма преподносятъ публикѣ искалѣченный классицизмъ, подъ заманчивымъ наименованіемъ „умѣреннаго классицизма“. [1] Они, отвергая, какъ мы сказали выше, сосредоточеніе ученія на небольшой группѣ предметовъ, устраняютъ самую возможность серьезнаго изученія чего бы то ни было: отрицая необходимость тщательнаго систематическаго изученія языка, они отнимаютъ у школы наиболѣе цѣнное орудіе воспитанія и развитія ума; урѣзывая преподаваніе латинскаго языка

[1] Выраженіе „умѣренный классицизмъ“ встрѣчается, между прочимъ, въ запискахъ П. Д. Шестакова, причемъ онъ указываетъ на гр. Уварова, какъ на перваго сторонника подобнаго классицизма. Но въ виду того, что Шестаковъ посвятилъ свои записки собственно не вопросу о гимназіяхъ и о классической системѣ, а бѣглому біографическому очерку графа Толстаго, это выраженіе употреблено имъ вскользь и не пояснено. Думаемъ, однако, что г. Шестаковъ подразумѣвалъ что-либо иное, чѣмъ то, что рекомендуетъ г. Еленевъ и *Вѣстникъ Европы*, ссылаясь на г. Модестова. Если же П. Д. Шестаковъ подразумѣвалъ подъ этимъ выраженіемъ тотъ изуродованный классицизмъ, который проповѣдуется современными нашими реформаторами, то, несмотря на все наше уваженіе къ нему, мы думаемъ, что онъ глубоко ошибался, считая гр. Уварова родоначальникомъ подобной системы.

и уничтожая вовсе преподаваніе греческаго, они отнимаютъ у классической школы главную ея силу и значеніе; проповѣдуя пользу чтенія древнихъ авторовъ, они отказываютъ въ необходимомъ для этого времени. — Такого рода отношеніе къ классическому образованію мы и называемъ *лишеніемъ его всей его сущности*, съ сохраненіемъ лишь названія или вывѣски, за которою не скрывается ровно никакого полезнаго содержанія, но на которой для введенія въ заблужденіе легковѣрной части публики начертано нѣсколько звучныхъ и громкихъ фразъ о пользѣ изученія древняго міра, изучать коего не дается однако возможности.

Такой „умѣренный классицизмъ“ мы считаемъ педагогическимъ nonsens'омъ и скорѣе понимаемъ точку зрѣнія тѣхъ, которые отвергаютъ вовсе пользу изученія древнихъ языковъ и древняго міра, чѣмъ тѣхъ, которые предлагаютъ осчастливить наше отечество подобною, измышленною ими уродливою *quasi-классическою школой*.

Графъ П. Капнистъ.

Не упрекай, что я смущаюсь,
Что я минувшее принесъ,
И предъ тобою содрогаюсь
Подъ дуновеньемъ прежнихъ грезъ.

Тѣ грезы—жизнь ихъ осудила—
То прахъ давнишнихъ алтарей,
Но ихъ побѣднымъ возмутила
Движеньемъ ты стопы своей.

Уже мерцаетъ свѣтъ, готовый
Все озарить, всему помочь,
И, согрѣваясь жизнью новой,
Росою счастья плачетъ ночь.

А. Фетъ.

ЕЩЕ ОДНА СКАЗКА АНДЕРСЕНА.

Книжка крестнаго изъ удачныхъ сказокъ Андерсена, и если до сихъ поръ она не была переведена съ датскаго на другіе языки, то, безъ сомнѣнія, въ виду ея историческаго и притомъ „патріотическаго“ содержанія, разсчитаннаго болѣе на мѣстнаго читателя. Подъ видомъ исторіи Копенгагена, Андерсенъ рисуетъ въ ней главные моменты датской исторіи вообще. Писана она въ героическомъ духѣ, весьма образнымъ языкомъ, поговорками и прибаутками, часто одними намеками на историческія происшествія, хорошо извѣстныя въ Даніи каждому ребенку, и, быть-можетъ, для датскихъ дѣтей эта своего рода „сокращенная датская исторія“ дороже и понятнѣе остальныхъ сказокъ Андерсена, которыя, къ слову сказать, нерѣдко слишкомъ глубоки, да и слишкомъ поэтичны для дѣтскаго пониманія. (Когда въ гостяхъ покойный Андерсенъ, окруживъ себя дѣтьми, читалъ бывало вслухъ свои сказки, дѣти, говорятъ, видимо скучали, а самъ онъ то и дѣло косился въ сторону „старшихъ“, слушавшихъ его издали съ напряженнымъ вниманіемъ.)

Изъ того, чему „мы всѣ учились понемногу“, исторія чужихъ странъ забывается нами какъ-то охотнѣе, легче и прежде всего остальнаго, и чтобы сдѣлать предлагаемую сказку доступною для *недатскаго* читателя, необходимо снабдить ее историческими комментаріями. Но примѣчанія въ текстѣ утомительны, особенно въ подобнаго рода литературномъ произведеніи, а потому постараемся, насколько возможно, сократить ихъ число; съ этою цѣлью сгруппируемъ поясненія въ одинъ общій обзоръ тѣхъ событій, которыхъ касается Андерсенъ, и предпошлемъ его сказкѣ въ качествѣ предисловія.

Въ доисторическое время на мѣстѣ теперешней Даніи было одно море, съ юга ограниченное германскими возвышенностями, съ сѣвера—Скандинавскимъ полуостровомъ, и только простиравшіяся подъ водой мели намѣчали будущую Ютландію и Датскіе острова. Толстыя льдины плыли къ этимъ мелямъ отъ побережья Норвегіи и заносили на нихъ камни, сорвавшіеся съ ея скалистыхъ горъ. Наконецъ мели поднялись надъ водой.

Такъ по свидѣтельству ученыхъ явилась Данія. Въ сказкѣ описывается образованіе подобнымъ путемъ не всей страны, а лишь того островка, который, если не геометрически, то по своему значенію, представляетъ центръ нынѣшняго Копенгагена: на немъ находятся Христіанборгскій дворецъ (отъ главнаго корпуса котораго послѣ пожара 1884 года остались, впрочемъ, однѣ стѣны), арсеналъ, министерства, биржа, публичная библіотека, государственный архивъ, музей Торвальдсена и проч. Островокъ этотъ называется Slotsholm, то-есть замковый или дворцовый островокъ. Здѣсь въ VII вѣкѣ роскильдскій епископъ Абсалонъ (впослѣдствіи архіепископъ Лундскій) построилъ первый копенгагенскій замокъ или крѣпость.

Въ датской лѣтописи Копенгагенъ, Höfn, упоминается въ первый разъ подъ 1043 годомъ. Саги и Саксонъ Граматикъ называютъ его „Купеческою гаванью“ (Kaupmannahöfn). Въ 1168 году Вальдемаръ Великій (1157—1182) подарилъ его своему другу, названному епископу Абсалону (род. 1128, умеръ въ 1201). Этотъ знаменитый государственный мужъ и полководецъ былъ правою рукой короля, являлся предводителемъ въ многочисленныхъ походахъ противъ Вендовъ, удачно сражался съ ними на морѣ и охранялъ отъ ихъ разбоевъ Зеландію. Абсалонъ утвердилъ Копенгагенъ за Роскильдскою епископіей.

При Христоферѣ I (1252—1259) добрыя отношенія между представителями мѣстной церкви и свѣтскою властью смѣнились открытою враждой, длившеюся затѣмъ въ теченіе семидесяти лѣтъ. Яковъ Эрландсенъ, назначенный архіепископомъ Лундскимъ противъ воли этого короля, вступилъ съ нимъ въ ожесточенную борьбу. Христоферъ кончилъ тѣмъ, что приказалъ лишить своего противника свободы, но вскорѣ самъ былъ отравленъ соборнымъ священникомъ Арнфастомъ, котораго Эрландсенъ вслѣдъ за этимъ назначилъ епископомъ въ Орхусъ.

Въ половинѣ XIV столѣтія Роскильдская епископія была вынуждена уступить Копенгагенъ Вальдемару Аттердагу (1340—1375),

славному королю-собирателю, который деньгами, оружіемъ и хитростью возвратилъ Даніи всѣ утраченныя ею прежде провинціи. Особенно упорно боролся онъ съ Ганзою и ея многочисленными союзниками, два раза, въ 1362 и 1368 гг., бравшими и разрушавшими Копенгагенъ.

Въ 1428 году городъ подвергся новому нападенію со стороны Ганзейцевъ, но былъ спасенъ благодаря энергіи и распорядительности королевы Филиппы, дочери Англійскаго короля Генриха IV и жены неспособнаго датскаго короля Эрика Померанскаго (1412—1439).

Постоянною резиденціей королей датскихъ Копенгагенъ сдѣлался только съ 1443 года, въ царствованіе Христофора Баварскаго (1439—1448).

Христіернъ I (1448—1481) привезъ изъ Рима отъ папы Сикста IV разрѣшеніе открыть въ Копенгагенѣ университетъ. Однако при немъ, по недостатку средствъ, въ учрежденіи этомъ числилось всего три преподавателя. Говоря о Христіернѣ, нельзя не упомянуть, что онъ былъ настоящимъ великаномъ, значительно выше Петра Великаго. (Любопытно, что ростъ обоихъ этихъ государей, равно какъ и нѣкоторыхъ другихъ августѣйшихъ особъ отмѣченъ на одной изъ колоннъ Роскильдскаго собора.)

При сынѣ Христіерна I, Гансѣ (1481—1513), между Московскимъ государствомъ и Даніей завязались первыя дипломатическія сношенія и былъ заключенъ союзный договоръ (1493). Іоаннъ III Васильевичъ сватался даже своего сына Василія на дочери короля Ганса, Елисаветѣ, но безъ успѣха. Вскорѣ послѣ этого сватовства она вышла замужъ за курфирста Іоакима Бранденбургскаго. Впрочемъ въ Андерсеновой сказкѣ оговаривается только это послѣднее событіе.

Начиная отъ Ганса и вплоть до нашихъ временъ въ хронологической таблицѣ королей датскихъ чередуются исключительно имена Христіана и Фредерика. Гансу наслѣдуетъ сынъ его Христіернъ II (то же имя, что̀ *Христіанъ*, но примѣняемое только къ двумъ первымъ Христіанамъ). Царствовалъ онъ всего десять лѣтъ, съ 1513 по 1523. Еще при жизни отца, будучи правителемъ Норвегіи, Христіернъ на одномъ вечерѣ въ Бергенѣ познакомился съ голландскою дѣвушкой Дювеке (въ буквальномъ переводѣ *Голубка*), и вскорѣ потомъ она стала его любовницей. По вступленіи Христіерна на престолъ и даже по женитьбѣ его на четырнадцатилѣтней Изабеллѣ австрійской (1515), сестрѣ

будущаго императора Карла V, связь эта не прекратилась. Напрасны были представленія и ходатайства иностранныхъ посольствъ. Однако, спустя два года послѣ его свадьбы, Дювеке внезапно умерла, поѣвъ вишень, присланныхъ ей знатнымъ датскимъ придворнымъ, Торбеномъ Оксе. Король, заподозрившій преступленіе, добился смертной казни Торбена: когда королевскій совѣтъ, за недостаткомъ уликъ оправдалъ обвиняемаго, Христіернъ, противно закону, назначилъ надъ нимъ судъ изъ крестьянъ. Вообще, онъ правилъ самовластно, не стѣсняясь тѣми обязательствами, которыя при воцареніи выдалъ дворянству.

Въ 1520 году Христіернъ явилъ примѣръ крайней жестокости. Послѣ долгихъ усилій, онъ покорилъ отложившуюся Швецію. Держался одинъ Стокгольмъ, но и тотъ сдался, когда король обѣщалъ всеобщую амнистію. Христіернъ торжественно въѣхалъ въ эту столицу, прожилъ тамъ около мѣсяца, короновался шведскимъ вѣнцомъ, на коронаціонныхъ празднествахъ былъ весьма милостивъ со шведскою знатью,—а четыре дня спустя казнилъ ее почти всю поголовно. 8 ноября 1520 года 94 дворянина и духовныхъ лица были обезглавлены на Стокгольмской площади. Тѣхъ людей, которые при видѣ этого кроваваго зрѣлища не могли удержаться отъ соболѣзнованія и слезъ, забирали въ кругъ, гдѣ производилась казнь, и тоже казнили. Затѣмъ мертвыя тѣла въ теченіе трехъ дней не убирались съ площади. Прямымъ послѣдствіемъ такого звѣрства было новое возстаніе Швеціи и окончательное ея отпаденіе отъ Даніи.

Когда папа, узнавъ что въ числѣ казненныхъ было два епископа, послалъ своего легата требовать объясненія у датскаго правительства, Христіернъ свалилъ всю вину на бывшаго своего любимца, архіепископа Лундскаго Дитриха Слагхэка, и 24 января 1522 года всенародно сжегъ его въ Копенгагенѣ на „Старой площади“ возлѣ ратуши.

Однако мрачныя стороны характера Христіерна II не должны заслонять отъ насъ его качествъ. Онъ былъ мудрымъ законодателемъ. Низшія сословія—горожане и крестьяне—любили его за стремленіе облегчить ихъ судьбу, стремленіе, которымъ онъ на цѣлые вѣка опередилъ своихъ современниковъ. Они сохранили память о немъ въ трогательной народной пѣснѣ. Благородное сословіе, напротивъ, ненавидѣло его, и ненависть эта была причиною его паденія.

Движеніе началось въ Ютландіи. Тамошнее дворянство при-

звало на королевство дядю Христіерна по отцу, Фредерика. Христіернъ палъ духомъ, покинулъ съ женой и дѣтми Зеландію и отправился въ Германію искать помощи противъ дяди. Тѣмъ временемъ Фредерикъ подступилъ подъ стѣны Копенгагена и послѣ восьмимѣсячной осады принудилъ его къ сдачѣ.

Фредерикъ (1523—1533) является родоначальникомъ всѣхъ послѣдующихъ датскихъ королей. Замѣтимъ кстати, что тѣ изъ нихъ, о коихъ рѣчь идетъ ниже, спускаются по прямой нисходящей линіи, то-есть сынъ наслѣдуетъ престолъ отъ отца.

Почти до конца своего царствованія, Фредерикъ долженъ былъ защищаться противъ племянника. Много хлопотъ причинилъ ему доблестный воинъ и морякъ, Сэренъ Норбю, оставшійся вѣрнымъ Христіерну; онъ возмутилъ, между прочимъ, всю Сканію. [1]

Осенью 1531 года самъ Христіернъ двинулся въ Норвегію; однако на слѣдующій годъ дѣла его пошли настолько плохо, что онъ склонился на предложеніе начальника датскаго флота ѣхать въ Копенгагенъ для личныхъ переговоровъ съ дядей. Но прямо съ Копенгагенскаго рейда, несмотря на выданное Христіерну письменное завѣреніе въ личной свободѣ и безопасности, его отправили въ Шлезвигъ, въ Зондербургскій замокъ, гдѣ и заключили въ тѣсную башню съ глазу на глазъ съ карликомъ, вывезеннымъ имъ изъ Норвегіи. Тутъ онъ пробылъ долгіе годы. Насколько мнѣ извѣстно, въ названномъ замкѣ (теперь обращенномъ въ казарму) до послѣдняго времени показывали мраморный столъ, на которомъ плѣнный король намѣтилъ будто бы круговой желобокъ, водя по краю его большимъ пальцемъ. Черезъ 17 лѣтъ 68-лѣтняго Христіерна перевели въ Калунборгъ на Зеландію и предоставили ему бо́льшія удобства. Здѣсь онъ и скончался, переживъ на 24 дня преемника Фредерика, Христіана III.

Но мы должны вернуться нѣсколько назадъ. Послѣ ссылки племянника въ Зондербургъ, Фредерикъ жилъ недолго. По его смерти, ютландское дворянство провозгласило королемъ сына его Христіана, но простой народъ не забылъ своего любимца Христіерна, и въ Даніи началась смута, продлившаяся цѣлыхъ три

[1] Въ Южной провинціи теперешней Швеціи. Интересно, что Христіернъ II, бывшій въ хорошихъ отношеніяхъ и частыхъ ссылкахъ съ великимъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ, просилъ его принять къ себѣ этого своего сподвижника въ случаѣ, если стѣсненный врагами, онъ станетъ искать убѣжища въ государствѣ Московскомъ; великій князь дѣйствительно принялъ его, но потомъ долгое время не выпускалъ изъ Москвы.

года. Зондербургскій узникъ, безъ сомнѣнія, не подозрѣвалъ, что происходитъ за стѣнами его темницы. Въ исторіи смута эта носитъ названіе *Графской усобицы* по выдающейся роли, которую игралъ въ ней графъ Христоферъ Ольденбургскій, предводитель вмѣшавшихся въ распрю Любчанъ. Занявъ Копенгагенъ, Христоферъ заставилъ жителей присягать отсутствующему Христіерну II, чѣмъ вызвалъ съ одной стороны отпоръ дворянства, съ другой—буйный восторгъ низшихъ классовъ, сопровождавшійся насиліями и убійствами.

Христіану III Копенгагенъ сдался лишь въ 1536 г., послѣ отчаяннаго сопротивленія и выдержавъ годовую осаду. При этомъ королѣ (1533—1559) дворянство опять усилилось, простой народъ былъ снова пригнетенъ, лютеранское исповѣданіе признано государственною религіей, а имущества католическаго духовенства конфискованы.

Христіану III наслѣдовалъ Фредерикъ II (1559—1588), а Фредерику Христіанъ IV, знаменитѣйшій изъ датскихъ королей новой исторіи. Достойно вниманія, что государя этого потомство оцѣнило не по его успѣхамъ, а по личнымъ качествамъ, такъ какъ за время долголѣтняго его царствованія (1588 — 1648) Данія, вслѣдствіе несчастнаго стеченія обстоятельствъ, изъ сильной и вліятельной державы стала второстепеннымъ государствомъ.

По легендѣ, болѣе поэтичной нежели точной, Христіанъ IV родился подъ кустомъ въ чистомъ полѣ. Легенда эта, безъ сомнѣнія, основана на постоянныхъ разъѣздахъ его отца и матери. Въ дѣйствительности онъ увидалъ свѣтъ въ Фредериксборгскомъ дворцѣ. Между тѣмъ, рожденіе его было предсказано морскою царевной или ундиной одному крестьянину съ острова Самсэ. Это уже не легенда; по крайней мѣрѣ крестьянинъ этотъ не миоъ: въ свое время онъ былъ допущенъ ко двору, называлъ морскую царевну „дамою“ и довольно забавно описывалъ ея наружность и туалетъ.

Оставляя въ сторонѣ другія болѣе громкія дѣла Христіана, не входящія въ рамки сказки, отмѣтимъ, что онъ былъ, между прочимъ, великимъ зодчимъ и украсилъ Копенгагенъ многими зданіями весьма оригинальной архитектуры.

Въ 1644 г. въ морскомъ сраженіи противъ Шведовъ, престарѣлый король, лично предводительствовавшій датскимъ флотомъ, былъ тяжело раненъ въ голову и потерялъ глазъ, но не оставилъ командованія. Положенное на музыку Гартманномъ, красивое

вое стихотвореніе Эвальда, изображающее его въ этой битвѣ „у высокой мачты среди дыма и пламени", стало датскимъ народнымъ гимномъ. Одежды, въ которыхъ онъ сражался, хранятся какъ святыня въ музеѣ Розенборгскаго замка (имъ самимъ построеннаго). На нихъ еще замѣтны поблѣднѣвшіе слѣды крови.

Однако отношеніе Христіана къ знаменитому астроному Тихо Браге легло темнымъ пятномъ на его царствованіе.

Тихо Браге принадлежалъ къ знатному дворянскому роду. Полюбивъ астрономію первою любовью юности, онъ посвятилъ ей всю свою жизнь. Фредерикъ II, покровительствовавшій его занятіямъ, отдалъ ему, между прочимъ, въ ленное владѣніе островъ Вэнъ въ Зундѣ (нынѣ принадлежащій Швеціи), и Браге построилъ на немъ красивый замокъ Ураніенборгъ, посвященный музѣ астрономіи.

Впрочемъ дворяне смотрѣли на вышедшаго изъ ихъ среды астронома съ завистливымъ недоброжелательствомъ и презрѣніемъ: онъ интересовался не собаками, не лошадьми и не попойками, какъ они сами, а какимъ-то недворянскимъ дѣломъ—звѣздами, солнцемъ, луной. При Фредерикѣ II ихъ сдерживало еще расположеніе къ нему двора, но по вступленіи на престолъ отрока Христіана они стали всячески притѣснять Браге, и въ концѣ концовъ съумѣли выжить его изъ Даніи. Будучи уже за границей, онъ попробовалъ было обратиться съ письмомъ къ молодому королю, но недостойный отвѣтъ Христіана вынудилъ его навсегда распроститься съ родиной. Вскорѣ онъ встрѣтилъ самый милостивый пріемъ у императора Рудольфа, который назначилъ ему широкое содержаніе.

Въ изгнаніи, кромѣ ученыхъ трудовъ, Браге писалъ проникнутые чувствомъ стихи, въ коихъ жаловался на неблагодарность отвергнувшей его Даніи, и въ то же время утѣшался мыслью, что повсюду надъ головой его распростерто звѣздное небо. Умеръ онъ въ 1601 году.

Отъ втораго брака—морганатическаго—у Христіана IV было два сына [1] и восемь дочерей. Одна изъ нихъ, Элеонара Христина, прославилась своими несчастіями. Семи лѣтъ отъ роду она была помолвлена за датскаго дворянина Корфица Ульфельда, а пятнадцати вышла за него замужъ. Это былъ человѣкъ одаренный

[1] Въ томъ числѣ графъ Вальдемаръ, женихъ царевны Ирины Михайловны Романовой, котораго наши историки ошибочно называютъ принцемъ.

рѣдкими способностями, но въ то же время крайній эгоистъ, лишенный даже всякаго патріотическаго чувства. Міросозерцаніе его отчасти выражается въ написанной имъ гдѣ-то фразѣ, факсимиле которой можно встрѣтить въ руководствахъ о почеркахъ: „tout le monde est une farce.“—При Христіанѣ IV—будучи зятемъ короля—онъ быстро достигъ власти и, воспользовавшись ею, нажилъ себѣ огромное состояніе. Въ слѣдующее царствованіе (Фредерика III) частью интриги враговъ, частью ненависть молодой королевы Софіи Амаліи къ его женѣ, Элеонорѣ, побудили его сначала бѣжать изъ Даніи, а затѣмъ явиться въ прямомъ смыслѣ измѣнникомъ своему отечеству: мстя датскому правительству за конфискацію безчисленныхъ его богатствъ, онъ не только принялъ участіе въ побѣдоносной войнѣ Швеціи противъ Даніи, но и самъ, въ качествѣ шведскаго уполномоченнаго, заключалъ унизительный для Даніи миръ въ Роскильде.—Потомъ Ульфельдъ не ужился и со Шведами. Заподозрѣнный ими въ тайныхъ козняхъ, онъ имѣлъ неосторожность бѣжать изъ Мальмэ въ Копенгагенъ. Здѣсь его тотчасъ схватили и вмѣстѣ съ женой отправили въ заточеніе на Борнгольмъ, однако чрезъ полтора года выпустили, съ условіемъ чтобъ онъ навсегда поселился въ одномъ изъ своихъ имѣній. Но Ульфельдъ не могъ сидѣть спокойно: отпросившись за границу на воды, онъ, вмѣсто того, чтобы лѣчиться, сталъ разъѣзжать по европейскимъ дворамъ и интриговать противъ Фредерика III. Когда объ этомъ узнали въ Копенгагенѣ, его заглазно приговорили къ смертной казни; приговоръ, за его отсутствіемъ, привели въ исполненіе надъ деревяннымъ болваномъ, домъ его разрушили до основанія, а на образовавшейся площади поставили ему позорный памятникъ (уничтоженный въ 1842 г.). Не довольствуясь этимъ, датское правительство оцѣнило его голову, обѣщавъ тому, кто доставитъ его живымъ, 20.000 риксдалеровъ, а тому кто привезетъ его трупъ—10.000. Послѣ этого Ульфельдъ жилъ не долго: скрываясь отъ преслѣдованія убійцъ, онъ еще нѣсколько мѣсяцевъ проскитался на чужбинѣ, и въ февралѣ 1664 г. умеръ въ лодкѣ на Рейнѣ: сыновья тайно зарыли его гдѣ-то на берегу, подъ деревомъ.

Между тѣмъ, уже въ 1663 г. Элеонора была обязательно выдана англійскимъ дворомъ датскому. Въ сущности вина ея заключалась развѣ въ томъ, что она всегда и вездѣ дѣлила участь своего мужа. Тѣмъ не менѣе, датское правительство заключило ее въ одну изъ дворцовыхъ темницъ, такъ-называемую Голубую

Башню. Тутъ бѣдная женщина просидѣла 22 года (1663—1685), испытывая всевозможныя лишенія: свѣчей ей не выдавали, въ помѣщеніи ея печь не имѣла дымовой трубы и т. п. На свободу она выпущена лишь Христіаномъ V, послѣ смерти непримиримаго ея врага, королевы Софіи Амаліи.—Христіанъ подарилъ ей имѣніе и назначилъ пенсію.

Говоря объ измѣнѣ Ульфельда, мы коснулись несчастной для Даніи войны со Швеціей. Въ ту войну Карлу Густаву шведскому помогала сама природа. Благодаря сильной стужѣ онъ могъ со всѣмъ своимъ войскомъ пройти по льду черезъ шесть проливовъ и такимъ образомъ покорилъ чуть не всѣ датскіе острова. Въ Роскильде (28 февраля 1658 г.) заключенъ миръ весьма выгодный для Швеціи. Но Карлъ Густавъ остался недоволенъ. Онъ жалѣлъ, что упустилъ случай окончательно уничтожить Данію, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ опять началъ съ нею войну, однако въ этотъ разъ не имѣлъ прежняго успѣха: Датчане, то здѣсь то тамъ, одерживали перевѣсъ и храбро отстояли Копенгагенъ, отбивъ знаменитый приступъ въ ночь на 11 февраля (1659 г.), когда Шведы нарядились въ бѣлое, чтобы по снѣгу незамѣтно подкрасться къ городскимъ укрѣпленіямъ. По новому миру, подписанному въ Копенгагенѣ 27 мая 1660 г., Даніи были возвращены нѣкоторыя изъ мѣстностей, утраченныхъ ею въ прошлую войну (Борнгольмъ, Тронджемъ).

Обязанный славною защитой столицы преимущественно горожанамъ, Фредерикъ III даровалъ имъ извѣстныя привилегіи, а они со своей стороны отплатили ему за это новою услугой.

Съ Христофора II (1320) Датскіе короли стали выдавать дворянству и духовенству, со введенія же реформаціи—одному дворянству, особую запись, которою ограничивали свою власть. Съ каждымъ новымъ царствованіемъ уступки королей въ этомъ смыслѣ становились все значительнѣе. Наконецъ послѣдняя запись, выданная Фредерикомъ III, была почти равносильна полному отказу короля отъ власти въ пользу дворянства (надъ этимъ документомъ особенно потрудился Корфицъ Ульфельдъ). Между тѣмъ, дворяне заботились только о личныхъ своихъ выгодахъ и, несмотря на бѣдственное состояніе края, отказывались нести какія бы то ни было общія государственныя тягости. Въ виду такого равнодушія дворянства къ отечественнымъ интересамъ, горожане, вслѣдъ за шведскими войнами, заключили союзъ съ протестантскимъ духовенствомъ и весьма послѣдовательно и искусно

добились провозглашенія Фредерика III наслѣдственнымъ и самодержавнымъ королемъ (1660—1661). Запись его—въ копіи (оригинала уже не нашли),—была торжественно уничтожена. Послѣ того самодержавіе въ Даніи длилось 188 лѣтъ.

Христіанъ V (1670—1699), король слабый и преданный удовольствіямъ, старался во всемъ подражать Людовику XIV. Войны его со Швеціей и Франціей разорили страну. Потомству извѣстны, однако, его законы, надъ составленіемъ которыхъ трудился знаменитый Шумахеръ-Гриффенфельдъ, въ послѣдствіи безъ вины сосланный въ пожизненную ссылку вслѣдствіе происковъ новой знати изъ нѣмецкихъ проходимцевъ, которою окружилъ себя этотъ король.

Фредерикъ IV (1699 — 1730), союзникъ Петра Великаго въ борьбѣ съ Карломъ XII, увѣковѣчилъ свое имя мудрымъ правленіемъ и побѣдами своего флота. Изъ „морскихъ героевъ“ его времени, называемыхъ въ сказкѣ, отмѣтимъ здѣсь одного, а именно Ивара Витфельда, погибшаго славною смертію въ Кёгской бухтѣ, въ морскомъ сраженіи со Шведами (4 октября 1710 г.). Шведскій флотъ напалъ на датскій въ то время, какъ послѣдній стоялъ тутъ на якорѣ. Корабль *Данеброгъ*, предводимый Витфельдомъ, стоя крайнимъ, болѣе другихъ подвергался дѣйствію непріятельскихъ снарядовъ, но храбро отстрѣливался. Наконецъ судно загорѣлось; пожаръ разростался, несмотря на усилія тушившихъ. Витфельдъ могъ бы спасти себя и многочисленную команду (700 человѣкъ), обрубивъ якорный канатъ и предоставивъ вѣтру выбросить корабль на берегъ, но этимъ онъ подвергъ бы опасности остальной флотъ—и безстрашный морякъ остался на мѣстѣ лицомъ къ лицу съ неизбѣжною смертью. Онъ участилъ огонь по непріятелю и продолжалъ наносить ему вредъ до того самаго мгновенія, какъ *Данеброгъ* взорвало на воздухъ. Года три тому назадъ, на живописной Lange Linie, любимой прогулкѣ Копенгагенцевъ по морскому берегу, въ память Ивара Витфельда воздвигнута стройная колонна съ ангеломъ наверху; подножіе ея убрано цѣльными и сломанными пушками съ *Данеброга*, вытащенными со дна Кёгской бухты.

При Фредерикѣ IV въ 1711 году Данію посѣтила чума, а въ 1728 году сгорѣлъ Копенгагенъ.

Христіанъ VI (1730—1746), одинъ изъ самыхъ непопулярныхъ датскихъ государей, окружилъ себя особенною пышностью, сталъ недоступенъ для простаго народа, болѣе чѣмъ который-нибудь

изъ прежнихъ королей оказывалъ покровительство Нѣмцамъ и наложилъ на все свое правленіе печать ханжества. Въ его время Датскій Мольеръ—Гольбергъ (родился въ 1684, умеръ въ 1754), авторъ многочисленныхъ сатирическихъ комедій, прекратилъ свою литературную дѣятельность и возобновилъ ее лишь въ слѣдующее царствованіе.

Фредерикъ V (1746—1766) былъ прямою противоположностью отца. Доступный, обходительный, веселый, онъ сразу съумѣлъ расположить къ себѣ свой народъ, одинаково полюбившій и жену его Луизу, бывшую принцессу англійскую. Онъ отмѣнилъ разныя строгія и стѣснительныя мѣры, внушенныя его отцу духовенствомъ.

Христіанъ VII (1766—1808), черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по вступленіи своемъ на престолъ, женился на сестрѣ короля англійскаго Георга III, принцессѣ Каролинѣ Матильдѣ. Молодымъ было—ему 17, ей 15 лѣтъ. Предрасположенный къ душевной болѣзни, которая развивалась весьма быстро, юный король велъ самую неправильную жизнь. Уже въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ его царствованія, постоянно смѣнявшіеся любимцы, одинъ легкомысленнѣе другаго, успѣли втянуть его въ развратъ и отдалить отъ супруги. Въ 1768 г., во время путешествія по Европѣ, Христіанъ VII приблизилъ къ себѣ одного альтонскаго врача, талантливаго, но крайне честолюбиваго Нѣмца Струензе, который вскорѣ пріобрѣлъ на него огромное вліяніе и черезъ два года сталъ неограниченнымъ правителемъ Даніи. Но всемогущество его продлилось всего 18 мѣсяцевъ. Онъ возбудилъ къ себѣ всеобщую ненависть презрѣніемъ къ языку и обычаямъ страны,—его свергли, обвинили въ преступной связи съ королевой и четвертовали на одномъ изъ Копенгагенскихъ выгоновъ. А королеву развели съ королемъ и отправили въ Цэлль въ Ганноверъ, гдѣ послѣ трехъ лѣтъ тихой жизни, посвященной благотворительности, она умерла въ расцвѣтѣ молодости—24 лѣтъ отъ роду.

Еще задолго до смерти слабоумнаго отца, 16-тилѣтній Фредерикъ (VI) принялъ бразды правленія. Крестьянское сословіе въ Даніи обязано ему своимъ освобожденіемъ отъ крѣпостной зависимости (1788). Въ память этого событія, на одной изъ городскихъ окраинъ поставленъ такъ-называемый „столпъ свободы“—Friheidsstötte,—первый камень котораго заложенъ самимъ наслѣднымъ принцемъ. Главными его сотрудниками въ дѣлѣ введенія

этой реформы были министръ иностранныхъ дѣлъ Бернсторфъ, юристъ Колбіорнсенъ и академикъ графъ Ревентло.

Въ 1801 году Данія присоединилась было къ направленному противъ Англіи вооруженному нейтралитету, однако англійскій флотъ подъ начальствомъ адмираловъ Паркера и Нельсона принудилъ ее отказаться отъ союза съ европейскими державами. Собственно, дѣло рѣшила битва (2 апрѣля того же года) между англійскимъ флотомъ и линіей старыхъ неподвижныхъ датскихъ судовъ, разставленныхъ на Копенгагенскомъ рейдѣ, но, по правдѣ сказать, въ битвѣ этой Англичанъ нельзя считать побѣдителями: Датчане дрались такъ упорно и причинили непріятелю столько вреда, что Нельсонъ первый послалъ къ нимъ парламентера предложить перемиріе.

Въ 1808 году, руководствуясь единственно опасеніемъ, какъ бы Данія не примкнула къ континентальной системѣ, провозглашенной Наполеономъ, Англія снова послала свой флотъ къ Копенгагену, въ этотъ разъ впрочемъ тайно, безъ объявленія войны. Неожиданно окруживъ городъ—съ моря судами, съ суши десантомъ,—Англичане потребовали выдачи датскаго флота. Въ отвѣтъ на отказъ послѣдовала трехдневная бомбардировка Копенгагена, отъ которой сгорѣло 350 домовъ. Всѣ датскія силы, находившіяся въ то время въ Голштиніи, были отрѣзаны отъ Зеландіи англійскими крейсерами. Датчане поневолѣ подчинились, и англійскій флотъ ушелъ, уводя съ собою „военную добычу“—38 линейныхъ кораблей и фрегатовъ.

Въ развитіи хода историческихъ происшествій сказка далѣе не идетъ, въ виду чего и мы кончаемъ на этомъ нашу вступительную замѣтку. Теперь пусть разсказываетъ самъ Андерсенъ. Но прежде еще маленькая оговорка.

Ни одна его сказка такъ мало не поддается переводу, и ни одна такъ много не теряетъ въ переводѣ, какъ настоящая. Объ особенностяхъ ея языка я уже говорилъ. Что же касается характера повѣствованія, то въ ней какъ будто нѣтъ ни синтаксической, ни логической, ни даже исторической послѣдовательности; порой не только отдѣльныя картины, но и рядомъ стоящія мысли либо вовсе между собою не связаны, либо связаны однимъ какимъ-нибудь словомъ или игрою словъ. И все-таки, въ общемъ,

разсказъ у датскаго поэта является замѣчательно плавнымъ, стройнымъ и красивымъ; если же читатель не найдетъ этихъ достоинствъ въ русскомъ переводѣ, то конечно долженъ поставить это въ вину переводчику, а не автору.

КНИЖКА КРЕСТНАГО.

Крестный зналъ много всякихъ сказокъ, длинныхъ и короткихъ, и умѣлъ вырѣзывать изъ журнала картинки, да и самъ былъ мастеръ ихъ рисовать. Когда приближалось Рождество, онъ доставалъ изъ ящика новую тетрадь съ бѣлыми листами и принимался оклеивать ее рисунками, вырѣзанными изъ книгъ и иллюстрацій; если же для задуманной сказки картинокъ не хватало, онъ рисовалъ ихъ самъ. Не одну такую тетрадку получилъ я отъ него въ подарокъ, когда былъ ребенкомъ. Самая удачная относилась по времени „къ тому знаменательному году, когда къ Копенгагенѣ газъ замѣнилъ старые ворванные фонари“. Объ этомъ событіи упоминалось на первой ея страницѣ.

„Эту книжку надо хорошенько беречь, говорили отецъ и мать, вынимать ее слѣдовало бы только при гостяхъ.“

Но самъ крестный написалъ на переплетѣ:

Рви сколько хочешь, дружокъ, не бѣда,
Лишь бы тетрадь не попала куда...

Болѣе всего любилъ я, когда крестный самъ показывалъ свою книжку: онъ читалъ изъ нея стихи и прозу, многое добавлялъ изъ головы, и тогда исторіи его становились настоящею исторіей.

На первой страницѣ, посрединѣ, находился вырѣзанный изъ *Летучей Почты* [1] видъ Копенгагена съ Круглою Башней и церковью Богоматери, слѣва было наклеено изображеніе стараго фонаря—на немъ стояло *ворванъ*, справа уличная канделябра—съ надписью *газъ*.

„Это афиша, прологъ, говорилъ крестный.—Изъ моей сказки и то могла бы выйти прекрасная драма подъ заглавіемъ „ворванъ и газъ“ или „житье-бытье Копенгагена“, только какъ разыграть ее, а заглавіе отличное!..

На самомъ низу страницы еще маленькая картинка, впрочемъ безъ моихъ поясненій понять ее не такъ-то легко. Это Helhest—

[1] Старинный датскій иллюстрированный журналъ, болѣе несуществующій.

конь трехногій [1]. Ему бы собственно должно появиться въ концѣ книжки, но онъ забѣжалъ впередъ, чтобы предупредить, что ни начало ея, ни середина, ни конецъ никуда не годятся, и что самъ онъ, еслибы съумѣлъ, написалъ бы лучше... Днемъ конь трехногій ходитъ на привязи по газетнымъ столбцамъ, ночью же, вырвавшись на свободу, становится за дверью поэта и ржетъ ему, что онъ сейчасъ умретъ. Однако, поэтъ отъ этого не умираетъ, если только въ немъ теплится настоящая жизнь. Конь трехногій—почти всегда жалкое существо: не знаетъ онъ къ какому дѣлу себя пристроить, не умѣетъ зарабатывать насущный хлѣбъ и питается только тѣмъ, что бродитъ кругомъ, да ржетъ на вѣтеръ. Я увѣренъ, что ему моя книжка совсѣмъ не нравится, но изъ этого еще ничего не слѣдуетъ, и, быть-можетъ, бумага, изъ которой она сшита, не пропала даромъ.

Вотъ тебѣ первая страница книжки—прологъ...

Старые ворванные фонари были зажжены въ послѣдній разъ; газъ, только-что проведенный въ Копенгагенъ, сіялъ такъ ярко, что они совсѣмъ исчезали въ его блескѣ.

„Весь тотъ вечеръ я пробродилъ по городу, разсказывалъ крестный, —взадъ и впередъ ходили любопытные, высыпавшіе посмотрѣть на старое и на новое освѣщеніе; много было народу!—и вдвое больше ногъ, чѣмъ головъ. Печально стояли уличные сторожа: они думали о томъ, что пожалуй и ихъ когда-нибудь упразднятъ, подобно ворваннымъ фонарямъ [2]. А фонари, не смѣя думать о будущемъ, мечтали о давнопрошедшемъ. Многое, многое вспоминалось имъ изъ области глухихъ вечеровъ и темныхъ ночей. Я прислонился къ одному фонарному столбу: ворвань шипѣла, свѣтильня трещала, и я понялъ, что говоритъ фонарь. Слушай...

„Мы дѣлали, что умѣли,“ говорилъ онъ.—„Мы удовлетворяли потребностямъ нашего времени, свѣтили людямъ на радость и на горе. Мы пережили много важныхъ событій, мы были, такъ сказать, ночными глазами Копенгагена. Пускай теперь насъ отчисляютъ и замѣняютъ по должности новымъ освѣщеніемъ. Но никому неизвѣстно, сколько лѣтъ ему въ свою очередь придется

---

[1] Helhest—созданіе народной фантазіи, ночной оборотень въ образѣ лошади о трехъ ногахъ, обыкновенно пророчествующій смерть. Въ данномъ случаѣ авторъ конечно намекаетъ на другихъ оборотней.

[2] Съ тѣхъ поръ ихъ дѣйствительно давно упразднили.

свѣтить и какія дѣла суждено освѣщать. Правда, новое пламя блеститъ ярче насъ—стариковъ, но что жь тутъ мудренаго при сложеніи газоваго канделябра, при огромныхъ его связяхъ и при взаимной поддержкѣ?.. Отъ канделябръ во всѣ стороны идутъ трубы, такъ что газовые рожки могутъ запасаться силами и въ городѣ и за городомъ. Мы же, ворванные фонари, свѣтимся собственными средствами—тѣмъ, что въ насъ самихъ есть, а не по протекціи родственниковъ. Сами мы и предки наши свѣтили Копенгагену съ незапамятныхъ временъ. Сегодня мы свѣтимъ въ послѣдній разъ, какъ бы въ задней шеренгѣ за вами, лучезарные сотоварищи, но мы не будемъ ни дуться на васъ, ни завидовать вамъ; напротивъ, уступимъ вамъ наше мѣсто добродушно и весело, какъ старые часовые, смѣняемые молодыми драбантами, мундиръ которыхъ наряднѣе ихняго.—Хотите мы разскажемъ вамъ, что видѣлъ и пережилъ нашъ родъ, начиная съ пра-пра-перепрадѣдушки-фонаря и кончая нами, то-есть всю исторію Копенгагена. Желаемъ и вамъ съ вашими потомками вплоть до послѣдняго газоваго канделябра включительно мочь разсказать, въ тотъ день когда васъ упразднятъ, подобно намъ, о такихъ же важныхъ прожитыхъ вами событіяхъ. А что васъ упразднятъ—съ этимъ помиритесь: люди, конечно, откроютъ болѣе яркое освѣщеніе, чѣмъ газовое. Я слышалъ отъ одного проходившаго студента, что уже потолковываютъ о томъ, какъ бы заставить горѣть морскую воду."—При этихъ словахъ въ фонарѣ затрещалъ фитиль, какъ-будто въ него уже на самомъ дѣлѣ всочилась вода.

Все это крестный выслушалъ со вниманіемъ, раскинулъ умомъ и нашелъ, что мысль стараго фонаря—разсказать въ тотъ переходный отъ ворвани къ газу вечеръ всю исторію Копенгагена—въ сущности прекрасная мысль.

„А прекрасной мысли упускать не слѣдуетъ, продолжалъ крестный,—я не откладывая воспользовался ею, пошелъ домой и изготовилъ тебѣ эту книжку, гдѣ впрочемъ говорится и о такихъ событіяхъ, которыхъ не могутъ помнить ворванные фонари.

„Вотъ моя книжка, вотъ моя быль:

«Житье-бытье Копенгагена.»

„Какъ видишь, начинается она чернымъ листкомъ,—непроницаемымъ доисторическимъ мракомъ.

„Перевернемъ на страницу“, сказалъ крестный.

„Видишь картинку?—Одно бурное море, вѣтеръ дуетъ съ сѣверо-востока и гонитъ по волнамъ толстыя льдины. На нихъ путешествуютъ каменныя глыбы, съ грохотомъ скатившіяся на ледъ съ Норвежскихъ утесовъ. Вѣтеръ гонитъ ихъ на югъ, онъ хочетъ показать германскимъ горамъ обращики норвежской почвы. Флотъ льдинъ уже въ Зундѣ, у береговъ Зеландіи, гдѣ теперь Копенгагенъ... Но въ то время никакого Копенгагена не было, лишь обширныя песчаныя мели разстилались подъ водой; на одну изъ нихъ набѣжали льдины съ обломками скалъ, весь ледяной флотъ остановился, и вѣтеръ уже не въ силахъ сдунуть его съ мѣста. Это приводитъ его въ ярость, онъ проклинаетъ мель, называетъ ее „воровскою мелью“ и даетъ зарокъ, что если она хоть на вершокъ подымется изъ воды, на ней появятся воры и разбойники, воздвигнутся колеса и дыбы. Но пока онъ такъ бранится, проглядываетъ солнце, и лазурные кроткіе духи, дѣти свѣта, качаясь и колеблясь на солнечныхъ лучахъ, заводятъ надъ дышащими холодомъ льдинами воздушную пляску, отъ которой ледъ быстро таетъ, причемъ камни погружаются на песчаное дно.

„Эхъ вы, сбродъ солнечныхъ козявокъ, свиститъ нордостъ,—что жь это по-товарищески, по родственному? Я же вамъ это припомню! Проклинаю васъ всѣхъ до единой!“

„А мы благословляемъ—благословляемъ эту мель, поютъ дѣти свѣта.—Она подымется изъ воды, мы будемъ охранять ее, и на ней воцарятся: истина, добро и красота.“

„Чепуха!“ шумитъ вѣтеръ.

„Видишь ли, замѣтилъ крестный, — обо всемъ этомъ фонари не могли бы тебѣ разсказать, а я могу: для исторіи же Копенгагена это будетъ имѣть важное значеніе.“

Переворачиваю еще страницу.

Годы протекли, песчаная мель поднялась, и на первый высунувшійся камень сѣла морская птица,—она-то и представлена на этой картинкѣ.

Прошло еще много лѣтъ. Море выбрасывало на песокъ сонную рыбу, на берегу выросталъ приморскій бурьянъ, увядалъ, гнилъ и удобрялъ собою почву, многочисленныя породы травъ покрыли бывшую мель,—она стала зеленымъ островкомъ. Сюда

высаживались викинги, творили между собою судъ Божій и бились не на животъ, а на смерть. Близь островка противъ Зеландіи была хорошая якорная стоянка.

Вотъ рыбаки зажгли первый ворванный свѣтильникъ: я полагаю, что они пекли на немъ рыбу; а рыбы было здѣсь много. Сельдь проходила черезъ Зундъ такими стаями, что надъ ними трудно было провести лодку. Въ водѣ, казалось, трепетали зарницы, морская глубь горѣла сѣвернымъ сіяніемъ. На Зундѣ богатѣли отъ рыбныхъ промысловъ. Зеландскій берегъ покрывался домами съ дубовыми срубами и лубяными крышами. Лѣсу для стройки было довольно. Въ гавань заходили корабли. Ворванный фонарь колебался въ снастяхъ, а нордостъ распѣвалъ свою унылую пѣсню. Если мерцалъ огонекъ на „Воровскомъ Островѣ“ [1], это былъ воровской огонекъ: при свѣтѣ его контрабадисты и воры вершили свои дѣла.

„Тамъ вскорѣ процвѣтетъ напророченное мною зло“, свиститъ вѣтеръ,—„тамъ вскорѣ выростетъ дерево, плоды котораго я буду отрясать.“

— Вотъ оно это дерево, сказалъ крестный: взгляни—то висѣлица на Воровскомъ Островкѣ. На желѣзныхъ цѣпяхъ висятъ разбойники и убійцы, точь-въ-точь какъ висѣли тогда. Вѣтеръ дуетъ такъ сильно, что длинные скелеты гремятъ костями, какъ будто стучатъ зубами отъ холода, а мѣсяцъ радостно свѣтитъ на нихъ съ небесъ, словно озаряетъ какой-нибудь балъ въ лѣсу.

Солнце тоже радостно сіяетъ, подъ его вліяніемъ качающіеся скелеты мало-по-малу распадаются въ прахъ, и дѣти свѣта, колеблясь на солнечныхъ лучахъ, поютъ: „будетъ по нашему, будетъ по нашему, со временемъ на островкѣ станетъ хорошо,—пышно расцвѣтетъ на немъ красота!“

„Бабье вранье!“ ворчитъ нордостъ.

„Перевернемъ еще листъ“, продолжалъ крестный.

„Въ Роскильде звонятъ въ колокола. Живетъ тамъ епископъ Абсалонъ. Умѣетъ онъ и Библію читать, и мечомъ владѣетъ искусно. Сильна его власть, сильна въ немъ и воля. Онъ рѣшилъ оградить предпріимчивыхъ зеландскихъ рыбаковъ, мѣстечко

[1] Въ то время островокъ собственно назывался „Воровскимъ мысомъ“ (Tyvsnäs).

которыхъ на берегу Зунда разрослось въ ярмарочный городъ. Вотъ онъ велитъ окропить Воровской Островокъ святою водой, чтобъ освятить обезчещенную землю. На островкѣ каменщики и плотники принимаются за дѣло. По волѣ епископа воздвигается зданіе и, по мѣрѣ того какъ оно растетъ, солнечные лучи покрываютъ его кирпичныя стѣны поцѣлуями."

„Акселевъ домъ" готовъ [1].

Зàмка крыши
Лѣса выше,—
Чуденъ, страшенъ
Его башенъ
Мрачный видъ,
„Съ мѣста сдвину,
Опрокину!—
Такъ грозитъ
Злой Нордостъ,
Въ трубахъ воетъ
Снѣгомъ кроетъ...
Гордый зàмокъ все жь стоитъ
Во весь ростъ.

А противъ него расположился „Наѣп", „гавань купцовъ",

Клѣтка царевны морской, возведенная
Въ зелени рощъ у блестящихъ озеръ.

Пріѣзжаютъ туда чужеземцы и закупаютъ обильные уловы рыбы; строятся лавки и дома съ пузыремъ въ окнахъ — стекло еще слишкомъ дорого; появляется пакгаузъ съ кровлею щипцомъ [2] и съ подъемнымъ вòротомъ. Въ лавкахъ сидятъ прикащики, старые холостяки, не имѣющіе права жениться, и торгуютъ имбиремъ, да перцемъ [3].

Нордостъ гуляетъ по улицамъ и переулкамъ, взметаетъ пыль на воздухъ, кое-гдѣ по дорогѣ снесетъ соломенную крышу. Вдоль уличныхъ канавъ бродятъ коровы и поросята.

„Берегись, сторонись! шумитъ вѣтеръ, — иду свистѣть между

---

[1] Аксель, другое болѣе популярное имя епископа Абсалона.

[2] То-есть лишь на два ската—старинная европейская архитектура.

[3] Непереводимая игра словъ. Уполномоченные или прикащики Ганзейскихъ городовъ въ Копенгагенѣ, для пользы торговаго дѣла, принимали на себя обязательство не вступать въ бракъ. Отсюда датское слово Pebersvend — холостякъ (въ буквальномъ смыслѣ *перечный прикащикъ*).

домовъ, иду завывать кругомъ Акселева дома... Я не ошибся въ предсказаніи: Акселевъ домъ люди уже зовутъ „зàмкомъ пытокъ“ на Воровскомъ Островкѣ.“

И крестный показалъ мнѣ въ своей книжкѣ „Зàмокъ Пытокъ“, нарисованный имъ самимъ. Круговая стѣна его была часто усажена кольями, а на каждомъ изъ нихъ торчала голова морскаго разбойника и щерила зубы.

„Это сущая правда, замѣтилъ крестный,—а такіе примѣры въ пользу и въ назиданіе.“

Однажды, въ своей купальнѣ, епископъ Абсалонъ сквозь тонкую ея переборку услышалъ, что къ острову подошли разбойники. Мигомъ выскочилъ онъ изъ купальни, прыгнулъ въ ладью, затрубилъ въ рогъ... Сбѣжались люди, разбойники обратили тылъ, гребутъ, что̀ есть мочи... Въ догонку за ними летятъ стрѣлы, иныя вонзаются въ ихъ руки, но имъ некогда вырывать ихъ. Всѣхъ перехваталъ епископъ живьемъ и всѣмъ имъ отрубилъ головы, которыя затѣмъ вздѣлъ на стѣну зáмка.

Нордостъ, надувъ щеки, вѣетъ непогодой.

„Здѣсь я улягусь, говоритъ онъ,—здѣсь буду отдыхать и любоваться этимъ сборищемъ удалыхъ головъ.“

Но отдыхаетъ онъ часы, дуетъ же по цѣлымъ суткамъ,—и годы проходятъ за годами.

На башню зáмка взошелъ сторожъ и смотритъ во всѣ стороны, смотритъ на востокъ, на западъ, на югъ и на сѣверъ. „Гляди сюда на картинку! сказалъ крестный;—его-то ты видишь, но что̀ онъ видитъ, о томъ уже мнѣ придется тебѣ разсказать.“

Отъ стѣнъ зáмка пытокъ до самой Кёгской Бухты разстилается синее море... Широкъ судоходный просторъ, охватывающій Зеландскіе берега! На сушѣ, отдѣленный полемъ отъ большихъ селъ Серрицлева и Солбьерга, все шире и шире разрастается новый городъ, съ домами, построенными наполовину изъ камня, наполовину изъ лѣса. Есть въ немъ особые переулки для башмачниковъ и для живодёровъ, для продавцовъ пряностей и для пивныхъ торговцевъ. Въ городѣ базарная площадь и цеховое правленіе, а у самаго берега, гдѣ сперва былъ островокъ, стоитъ великолѣпная церковь св. Николая. Колокольня ея и шпицъ

исполинскихъ размѣровъ отражаются въ свѣтлой водѣ [1]. Неподалеку церковь Богоматери [2], гдѣ за обѣдней поются молитвы, гдѣ благоухаютъ куренія и теплятся восковыя свѣчи. „Купеческая гавань“ стала епископскимъ городомъ. Правятъ имъ роскильдскіе владыки.

Въ Акселевомъ домѣ живетъ епископъ Эрландсенъ. На его кухнѣ повара пекутъ и жарятъ, въ горницахъ разливанное море вина и пива, гудятъ волынки, гремятъ литавры, горятъ лампады и восковыя свѣчи, и замокъ сіяетъ какъ будто свѣточъ для всей страны. Нордостъ дуетъ на его башню и стѣны, но онѣ стоятъ себѣ какъ ни въ чемъ не бывало. Дуетъ онъ на западныя укрѣпленія города, на старую ограду изъ однѣхъ пластинъ, но и она держится крѣпко. За нею въ полѣ стоитъ Датскій король Христоферъ I. Разбитый бунтовщиками при Скельскёрѣ, онъ пришелъ искать убѣжища въ епископовомъ городѣ.

„Уходи, уходи! шумитъ вѣтеръ, повторяя слова епископа: — городскія ворота для тебя заперты...“

Смута, тяжелые дни безначалія: на замковой башнѣ развѣвается голштинское знамя. Въ Даніи печаль и воздыханіе, междуусобица и „черная смерть“. Непроглядная ночь царитъ надъ Копенгагеномъ... Но вскорѣ снова встаетъ день, воцаряется Аттердагъ... [3] Городъ епископа становится королевскимъ городомъ. Улицы узки, высоко поднялись островерхіе коньки его домовъ; есть въ немъ сторожа, есть ратуша, есть и каменная висѣлица у Западныхъ воротъ. На той висѣлицѣ загородный житель не смѣетъ быть повѣшеннымъ, только природный гражданинъ Копенгагена имѣетъ право на такой высокій почетъ, только онъ

---

[1] Въ былое время одна изъ великолѣпнѣйшихъ церквей Копенгагена. Послѣ пожара 1795 года отъ нея осталась одна колокольня и то безъ крыши и шпица.

[2] Извѣстная Fruekirke, въ позднѣйшее время украшенная изваяніями Торвальдсена: снаружи на фронтонѣ находится его „Проповѣдь Іоанна Крестителя“, а внутри Христосъ и двѣнадцать Апостоловъ.

[3] Опять непереводимая игра словъ. Самое имя *Аттердагъ*—прозвище Вальдемара III (1340—1375). Значитъ буквально *снова день* (atter Dag); произошло оно отъ любимой поговорки этого короля: „Завтра снова будетъ день“, то-есть не слѣдуетъ спѣшить и поступать опрометчиво.

можетъ на ней покачиваться и глядѣть съ ея высоты на Кёге и на Кёгскихъ куръ. [1]

„Прекрасная висѣлица!“ говоритъ нордостъ,—„красота процвѣтаетъ“, и онъ принимается гудѣть и шумѣть пуще прежняго.

Другой вѣтеръ приноситъ изъ Германіи бѣдствія и разореніе. Пришли Ганзейцы, богатые купцы изъ Роштока, Любека и Бремена. Они оставили свои склады и прилавки. Имъ мало золотаго гуся съ Вальдемаровой башни [2], они хотятъ распоряжаться хозяевами въ самой столицѣ датскаго короля. Приходятъ они съ военными судами и застаютъ Датчанъ врасплохъ. Къ тому же, королю Эрику нѣтъ охоты воевать съ нѣмецкою родней; она многочисленна и сильна,—и, проскакавъ чрезъ Западныя ворота, онъ бѣжитъ со своею свитой въ Сорё, на берега тихаго озера, въ зеленую сѣнь лѣсовъ, гдѣ раздаются пѣсни любви и звонъ чашъ...

Но въ Копенгагенѣ еще бьется одно царственное сердце. Глядя сюда на картинку: видишь эту изящную нѣжную молодую женщину съ льняными локонами и синими, какъ море, глазами? то Датская королева Филиппа, родомъ принцесса Англійская. Она осталась въ смятенномъ городѣ, гдѣ граждане, потерявъ голову, мечутся по тѣснымъ улицамъ и переулкамъ, застроеннымъ сараями, лавками и крутыми наружными лѣстницами домовъ. Королева смѣла и безстрашна, какъ мущина: она сзываетъ горожанъ и крестьянъ, ободряетъ ихъ, вселяетъ въ нихъ мужество; суда оснащаются, ратные люди спѣшатъ на укрѣпленія, единороги палятъ. Сверкаетъ пламя, клубится дымъ. И вотъ въ сердца точно проникло солнечное сіяніе, взоры свѣтятся торжествомъ побѣды... Господь не покинулъ Даніи! Слава королевѣ Филиппѣ!.. Тутъ она представлена въ хижинѣ, тутъ въ—за́мкѣ, тутъ—въ королевскомъ дворцѣ, всюду она ухаживаетъ за больными и за ранеными. Я вырѣзалъ вѣнокъ и наклеилъ его вокругъ ея изображенія. Слава, вѣчная слава королевѣ Филиппѣ!

---

[1] Въ Даніи дѣтямъ показываютъ „Кёгскихъ куръ“, подобно тому какъ у насъ показываютъ имъ „Москву“, то-есть приподымаютъ ихъ обѣими руками за голову.

[2] „Вальдемарова башня“ находится на югѣ Зеландіи близъ города Вординборга. Вальдемаръ въ насмѣшку надъ Ганзейцами выставилъ на ней въ видѣ флюгера золотаго гуся (Hanse—Gans). Гусь этотъ, по преданію, былъ впослѣдствіи украденъ Ганзейцами.

— Перенесемся чрезъ много лѣтъ, продолжалъ крестный,— вмѣстѣ съ Копенгагеномъ конечно...

„Король Христіернъ I вернулся изъ Рима, его благословилъ папа и по всему долгому пути встрѣчали привѣтствіями и почестями. Вернувшись, онъ строитъ зданіе изъ „обоженаго камня". Тамъ будетъ процвѣтать наука—на латинскомъ языкѣ. Всякому открытъ сюда доступъ. Оторвавшись отъ плуга или оставивъ ремесленное заведеніе, сынъ бѣдняка можетъ тоже учиться, милостыней пробираясь въ люди; онъ можетъ стяжать широкій черный плащъ студента и пѣть передъ дверями горожанъ.

„Возлѣ самаго храма науки, гдѣ все по-латыни, стоитъ небольшой домикъ, въ которомъ царитъ датскій духъ, датскій языкъ и датскіе нравы, къ завтраку подается пивной супъ, и обѣдаютъ въ 10 часовъ утра. Сквозь стекла маленькихъ оконницъ солнце освѣщаетъ буфетъ и книжный шкафъ. Въ шкафу хранятся сокровища датской письменности: *Rosenkrands*, *Божественныя комедіи* Миккельса, *Врачебникъ* Генриха Гарпенстренга и риѳмованная лѣтопись Даніи отца Нильса изъ Сорэ. „Всякій образованный человѣкъ долженъ прочесть эти книги", говоритъ хозяинъ домика, и, благодаря ему, онѣ распространяются въ Даніи. То первый датскій типографъ, Голландецъ Готфредъ фанъ-Геменъ: онъ упражняется въ „чернокнижіи"—въ благословенномъ искусствѣ книгопечатанія...

„Книги попадаютъ и въ королевскій дворецъ, и въ хижину бѣдняка, пословицы и пѣсни увѣковѣчиваются...

„Чего человѣкъ въ печали и въ радости не рѣшается высказать прямо, о томъ иносказательно, но для всѣхъ понятно, поетъ птица народной пѣсни. Свободно и неудержимо носится она по бѣлу свѣту, влетаетъ въ домъ простолюдина и въ рыцарскія палаты, соломъ клекочетъ на рукѣ рыцарской дочери, или въ подвалѣ за́мка попискиваетъ мышкой для заключеннаго поселянина.

„Все это пустыя слова", шумитъ нордостъ.

„Весна идетъ!" поютъ солнечные лучи. „Смотри, какъ всюду проступаетъ зелень."

Продолжаемъ перелистывать нашу книгу, говоритъ крестный. Что̀ за блескъ, что̀ за роскошь въ Копенгагенѣ! Пышные турниры, торжества, забавы... Посмотри, сколько благородныхъ

рыцарей въ полномъ вооруженіи, сколько знатныхъ женъ въ шелку и въ золотѣ! То король Гансъ выдаетъ свою дочь Елизавету за курфирста Бранденбургскаго. Невѣста ступаетъ по разостланному бархату. Какъ она молода, какъ жизнерадостна! Воображеніе рисуетъ ей въ будущемъ семейное счастіе. Рядомъ съ нею идетъ ея братъ Христіернъ, молодой принцъ съ мрачнымъ взоромъ и горячею, кипучею кровью. Простонародіе любитъ его: онъ знаетъ, какъ оно угнетено и мечтаетъ объ общемъ счастіи бѣдняковъ.

Но одинъ Богъ воленъ въ счастіи и несчастіи.

Продолжаемъ перелистывать нашу книгу.

Вѣтеръ распѣваетъ пѣснь объ острыхъ мечахъ, о бѣдствіяхъ войны, о тяжелой порѣ...

Середина апрѣля, день выдался холодный; къ старинной таможнѣ за дворцомъ сбѣгается народъ: у пристани королевское судно подъ парусами и съ поднятымъ флагомъ. Люди смотрятъ изъ оконъ и съ крышъ; на лицахъ печаль, ожиданіе, страхъ... Всѣ глядятъ по направленію дворца, гдѣ еще такъ недавно въ золотыхъ чертогахъ танцовали съ факелами, и гдѣ теперь такъ тихо и пусто; глядятъ на выступъ съ окномъ, откуда бывало король Христіернъ смотрѣлъ за дворцовый мостъ, вдоль узкаго переулка, въ ту сторону, гдѣ жила его „голубка“, голландская дѣвушка, привезенная имъ изъ Бергена; ставни окна закрыты наглухо. Толпа глядитъ на дворецъ. Вотъ распахнулись ворота, подъемный мостъ опустился, и изъ дворца выѣзжаетъ король Христіернъ со своею вѣрною женой Елизаветой. [1] Въ годину несчастія она не покидаетъ своего короля и господина.

Огонь горѣлъ въ его крови, огнемъ пылала его мысль, онъ хотѣлъ порвать связи съ прошлымъ, разбить ярмо, тяготѣвшее надъ крестьяниномъ, улучшить бытъ городскаго сословія и окарнать крылья „жаднымъ коршунамъ“. [2] Но коршуновъ было слишкомъ много: онъ не сладилъ съ ними и покидаетъ Данію, чтобы за границей искать помощи у союзниковъ и родныхъ. Жена и вѣрные друзья слѣдуютъ за нимъ на чужбину. У провожающихъ навертываются на глаза слезы.

---

[1] Иначе Изабелла.

[2] То-есть дворянству.

Въ пѣснѣ временъ раздаются голоса за, и противъ него; три отдѣльные хора сливаются вмѣстѣ.

„Горе тебѣ, Христіернъ Немилостивый!“ укоряетъ его благородное сословіе, „кровь, пролитая тобою на Стокгольмской площади, громко вопіетъ о мщеніи. Да будешь ты проклятъ! Горе, горе тебѣ...“

Въ кликахъ монаховъ слышится тотъ же приговоръ: будь отвергнутъ Богомъ, какъ ты отвергнутъ нами! Ты призвалъ сюда Лютерову ересь, разрѣшилъ ей церкви и проповѣдныя каѳедры и развязалъ тѣмъ языкъ діаволу. Горе тебѣ, Христіернъ Лукавый!

Но среди крестьянъ и горожанъ раздается горькое рыданіе: „Христіернъ любимый народомъ! ты сказалъ: *нельзя продавать крестьянина, какъ скотъ, или вымѣнивать его на охотничьихъ собакъ*. Законъ этотъ—твой хвалебный гимнъ!“

Но слова бѣдняковъ, подобно полова, уносятся вѣтромъ.

Королевскій флагъ промелькнулъ мимо дворца, и народъ взбѣгаетъ на крѣпостной валъ, чтобъ оттуда еще разъ взглянуть на отплывающее королевское судно.

Въ черный день не полагайся на друзей, не полагайся на родственниковъ!

Въ Кильскомъ дворцѣ живетъ братъ короля Ганса, дядя Христіерна, Фредерикъ. Онъ хочетъ овладѣть датскимъ престоломъ, онъ уже подъ стѣнами столицы. Видишь эту картинку съ надписью: „вѣрный Копенгагенъ“. Надъ городомъ черныя тучи складываются въ грозные образы, слышится отдаленный громъ... Раскаты его и понынѣ грохочутъ въ былинахъ и пѣсняхъ, повѣствующихъ о томъ тяжеломъ, мрачномъ, уныломъ времени.

А что стало, съ бездомною птицей, королемъ Христіерномъ? О томъ знаютъ и поютъ птицы, носящіяся далеко надъ землей и надъ моремъ.

Раннею весной съ дальняго юга, черезъ Германію, прилетѣлъ аистъ.

„Я видѣлъ короля Христіерна, говоритъ онъ:—царственный бѣглецъ ѣхалъ по заросшей верескомъ степи, тамъ попалась ему на встрѣчу простая телѣга, запряженная одною клячей; въ телѣгѣ сидѣла его сестра, маркграфиня Бранденбургская, прогнанная

мужемъ за преданность лютеранскому ученію. Дѣти короля Ганса, оба изгнанники, встрѣтились въ глухой пустынѣ“ [1].

Въ черный день не полагайся на друзей, не полагайся на родственниковъ...

Изъ Зондербургскаго за́мка съ жалобною пѣснью прилетѣла ласточка: „Короля Христіерна обманули: сидитъ онъ въ глубокой, какъ колодезь, башнѣ, тяжелые шаги его истираютъ плиты пола, его палецъ проводитъ борозду въ твердомъ мраморѣ.“

И явственнѣй словъ, о безвыходномъ горѣ
Повѣдаетъ въ камнѣ нѣмой желобокъ.

Съ бушующаго моря примчался морской орелъ: „тамъ по широкому простору несется корабль, плыветъ смѣлый Фіоніецъ Сёренъ Норбю. Ему сопутствуетъ счастье, но счастье такъ же измѣнчиво, какъ погода и вѣтеръ“...

Въ Ютландіи и Фіоніи каркаютъ воро́ны и во́роны: „мы летаемъ по поднебесью, кричатъ они, и видимъ, что въ странѣ изобиліе: много павшихъ лошадей, много человѣческихъ труповъ...“

То „графская усобица“ опустошаетъ Данію. Крестьянинъ взялъ дубину, горожанинъ запасся ножомъ: перебьемъ волковъ, говорятъ они, не оставимъ ни одного волченка.—И тучами тянется дымъ отъ пылающихъ городовъ.

Король Христіернъ въ плѣну въ Зондербургскомъ за́мкѣ; не суждено ему вырваться на свободу, не суждено увидать бѣдствующій Копенгагенъ. На „Сѣверномъ выгонѣ“, гдѣ нѣкогда стоялъ Фредерикъ, стоитъ теперь его сынъ, Христіанъ III. Въ столицѣ смятеніе, голодъ и зараза. У церкви, прислонившись къ стѣнѣ, сидитъ въ лохмотьяхъ исхудалая женщина, она уже бездыханна, а двое дѣтей на ея рукахъ еще живы и сосутъ кровь изъ мертвой груди ея.

Жители пали духомъ, дольше нельзя сопротивляться.—О, вѣрный Копенгагенъ!

Трубные звуки и бой въ литавры. Знатные рыцари въ шелку и бархатѣ съ колеблющимися на шляпахъ перьями, верхомъ на коняхъ въ золотомъ уборѣ, ѣдутъ на „Старую Площадь“.

---

[1] Тутъ Андерсенъ приводитъ въ примѣчаніи слова стариннаго датскаго историка Арильда Витфельда: „удивительно, что дѣтямъ такого богобоязненнаго, изящнаго и знатнаго государя, какимъ былъ король Гансъ, суждено было испытать столько несчастій“.

Зачѣмъ? на обычный турниръ или карусель?—Туда же со всѣхъ сторонъ стекаются горожане и крестьяне въ лучшихъ своихъ нарядахъ. Какое зрѣлище привлекаетъ ихъ? Ужь не костеръ ли, на которомъ будутъ жечь папскіе образа, или, быть-можетъ, сожгутъ кого-нибудь живьемъ, какъ Слагхёка? Нѣтъ! то глава государства, король, сталъ лютераниномъ, и правительство оповѣщаетъ объ этомъ народъ.

Въ высокихъ воротникахъ, съ жемчугомъ на шляпахъ, сидятъ у открытыхъ оконъ благородныя жены и дѣвушки и смотрятъ на пышное торжество. Близь королевскаго трона, на разостланномъ суконѣ, подъ небомъ изъ сукна, сидятъ въ старинныхъ одѣяніяхъ члены королевскаго совѣта. Король безмолвствуетъ. Воля его, утвержденная совѣтомъ, читается вслухъ на датскомъ языкѣ. Къ горожанамъ и крестьянамъ обращены упреки и угрозы за ихъ сопротивленіе именитому дворянству. Горожане принижены, крестьяне закабалены. Въ свою очередь и епископы слышатъ строгую отповѣдь. Конецъ ихъ могуществу! Церковныя и монастырскія имѣнія становятся достояніемъ короля и дворянъ.

Въ странѣ взаимная ненависть и высокомѣріе, чванливая расточительность и нищета. Бѣдные подавлены, богатые не знаютъ себѣ узды.

Тяжелыя тучи нависли надъ этою мрачною порой, но сквозь нихъ прорываются и солнечные лучи. Солнце свѣтитъ въ храмъ науки, въ пріютъ студентовъ, и озаряетъ тамъ имена, которыя продолжаютъ сіять и до нашихъ дней. Сіяетъ имя Ганса Таусена. Сынъ бѣднаго фіонійскаго кузнеца, онъ сталъ нашимъ Лютеромъ и словомъ Христовымъ, какъ мечомъ, побѣдилъ сердца Датчанъ [1]. Сіяетъ латинское имя Petrus Paladius, по-датски Peter Plade, [2] то роскилдскій епископъ, родомъ изъ Ютландіи, отецъ котораго былъ также кузнецомъ. Изъ знатныхъ именъ блещетъ имя Ганса Фриса, государственнаго канцлера, сажавшаго за свой столъ бѣдняковъ-студентовъ, принимавшаго къ сердцу ихъ нужды и заботившагося даже о школьникахъ [3]. Но самые восторженные

---

[1] Таусенъ род. въ 1494, умеръ епископомъ въ Рибе въ 1561, много ратовалъ противъ католицизма, писалъ псалмы и перевелъ на датскій языкъ нѣсколько книгъ Ветхаго Завѣта (пятикнижіе).

[2] 1504—1560. Другой ревностный поборникъ реформаціи, назначенъ епископомъ по представленію Лютера и Меланхтона, которыхъ зналъ лично.

[3] Однако, этотъ покровитель наукъ (род. въ 1556, ум. въ 1616) былъ однимъ изъ главныхъ враговъ Тихо Браге.

клики, самыя звонкія пѣсни вызываетъ имя Христіана (IV), и пока въ Копенгагенѣ останется хоть одинъ студентъ, имя это будетъ встрѣчаемо громкимъ ура.

Сквозь тяжелыя тучи эпохи преобразованій пробиваются и солнечные лучи.

Перевернемъ страницу.

Что̀ за лепетъ, что̀ за пѣсня слышится въ Большомъ Бельтѣ у береговъ Самсё? То морская царевна съ зелеными, какъ водоросли, волосами вышла изъ волнъ и ворожитъ поселянину: она возвѣщаетъ ему рожденіе принца, который станетъ великимъ могучимъ государемъ.

Принцъ этотъ родился въ полѣ подъ сѣнью цвѣтущаго боярышника, и слава его понынѣ неувядаемо цвѣтетъ въ народныхъ былинахъ и пѣсняхъ, въ рыцарскихъ за́мкахъ и дворцахъ. При немъ выросла биржа со своею башней и шпицемъ, вознесся Розенборгъ и глянулъ далеко за крѣпостной валъ; при немъ построено особое зданіе для студентовъ [1], а возлѣ встала Круглая Башня, столпообразная обсерваторія, до сихъ поръ указывающая на небо... Она устремила взоръ на островъ Вэнъ, гдѣ нѣкогда стоялъ гордый за́мокъ Уранісенборгъ съ золотыми куполами, сверкавшими въ мѣсячномъ сіяніи, и гдѣ морскія царевны пѣли про его владѣльца, про высокороднаго геніальнаго Тихо Браге, котораго посѣщали короли и свѣтила науки. Благодаря ему, слава Даніи вознеслась высоко-высоко до звѣзднаго неба, повѣдавшаго просвѣщенному міру о нашемъ отечествѣ. А Данія отвергла великаго мужа...

Въ своемъ горѣ изгнанникъ утѣшалъ себя пѣснью:

Гдѣ̀ бъ я ни былъ, всю́ду не́бо
Распростерто надо мной.

И пѣсня его такъ же живуча, какъ народныя пѣсни, какъ пѣснь морской царевны о Христіанѣ Четвертомъ.

На эту страницу обрати особенное вниманіе, сказалъ крестный,—картинка слѣдуетъ на ней за картинкой, какъ въ былинѣ стихъ за стихомъ: это пѣсня съ самымъ веселымъ началомъ и съ самымъ грустнымъ концомъ...

[1] Такъ-называемый Regentsen, съ даровыми для нихъ квартирами.

Въ Королевскомъ дворцѣ танцуетъ ребенокъ. Что̀ за прелестная дѣвочка! Зовутъ ее Элеонорой—это любимая дочь Христіана IV. Она часто сидитъ у него на колѣняхъ. Воспитываютъ ее въ правилахъ строгой нравственности и женской добродѣтели. Знатнѣйшій представитель могущественнаго дворянства, Корфицъ Ульфельдъ, нареченъ ея женихомъ. Но она еще дитя. Строгая гувернантка наказываетъ ее розгами, Элеонора жалуется милому и въ его глазахъ всегда остается права. Она изящна, умна, образована, изучила греческій языкъ и латинскій, поетъ италіянскія пѣсни подъ звуки лютни и здраво разсуждаетъ о папѣ и о Лютерѣ.

Но короля Христіана поставили въ могильную часовню Роскильдскаго собора, на престолъ сѣлъ Элеонориnъ братъ. Блескъ и роскошь царятъ при дворѣ, много тамъ красавицъ и умницъ, и первая изъ нихъ—сама королева Софія Амалія Люнебургская. Кто можетъ сравниться съ нею? Кто такъ искусно управляетъ конемъ? Кто танцуетъ съ такою величественною граціей? Кто въ бесѣдѣ выказываетъ столько ума и начитанности?

„Элеонора Ульфельдъ!—красотой и умомъ она затмеваетъ всѣхъ.“

Слова эти сказалъ французскій посланникъ... И зависть выростаетъ репейникомъ на блестящемъ паркетѣ дворцовой залы; репейникъ цѣпляется, разсѣваетъ кругомъ насмѣшки и оскорбительныя рѣчи: „Она незаконная дочь! Пусть колесница ея останавливается у дворцоваго моста: гдѣ проѣзжаетъ королева, тамъ пускай простая женщина проходитъ пѣшкомъ“. Клевета, сплетни и ложь летятъ во всѣ стороны, какъ поднятая вихремъ пыль.

Въ глухую ночь Ульфельдъ уводитъ жену изъ дому. Ключи ото всѣхъ городскихъ воротъ у него. Въ полѣ ждутъ ихъ осѣдланныя лошади. Верхомъ скачутъ они по морскому берегу, затѣмъ садятся въ лодку и плывутъ въ Швецію [1].

Счастье покинуло ихъ. Перевернемъ страницу.

Поздняя осень—короткіе дни, долгія ночи. Холодно, пасмурно, сыро. Вѣтеръ усиливается, шумитъ въ вѣтвяхъ деревъ на валу [2]

[1] Маленькая неточность: Ульфельдъ бѣжалъ сначала въ Голландію.

[2] Земляной валъ Копенгагена съ давнихъ поръ заросъ деревьями; въ настоящее время остатки его, такъ же какъ и валъ Копенгагенской цитадели, представляютъ своеобразный паркъ.

и гонитъ опадающіе листья на дворъ Петра Оксе: никого нѣтъ на этомъ дворѣ, хозяева давно выбрались [1].

Гудитъ вѣтеръ и въ Христіансгавнѣ [2] вокругъ бывшаго дома Кая Люкке, обращеннаго теперь въ тюрьму. Самъ Кай Люкке бѣжалъ, его лишили дворянства, сломали его гербъ, а изображеніе повѣсили на самой высокой изъ висѣлицъ. Такъ поплатился онъ за легкомысленный, непочтительный отзывъ объ королевѣ [3].

Съ ревомъ мчится вѣтеръ надъ пустыремъ, гдѣ когда-то стоялъ зáмокъ всесильнаго правителя. Отъ зáмка остался всего одинъ камень.

„Тотъ камень занесенъ мною сюда на пловучихъ льдинахъ, шумитъ вѣтеръ: приткнулся онъ на мель, гдѣ позднѣе всплылъ проклятый мною Воровской Островокъ, а оттуда попалъ въ Ульфельдовъ дворъ, гдѣ бывало Элеонора пѣла пѣсни подъ бряцаніе лютни, читала по-гречески и по-латыни и гордилась своимъ умомъ и красотой. Теперь здѣсь остался одинъ этотъ камень съ его надписью: „Измѣннику Корфицу Ульфельду на вѣчное посмѣяніе, стыдъ и позоръ.“

А она гдѣ? Гдѣ знатная его жена?

За дворцомъ, въ Голубой Башнѣ, шумитъ въ отвѣтъ вѣтеръ.— Много лѣтъ сидитъ она тамъ. Печь ея не грѣетъ, только дымитъ, одинокое оконце пробито въ вышинѣ подъ потолкомъ. Снаружи въ осклизлыя стѣны хлещетъ морская волна. Какъ унижена бывшая баловница Христіана IV, изящнѣйшая изъ дѣвушекъ, прелестнѣйшая изъ женъ! Какъ убога ея обстановка! Воспоминаніе убираетъ ей закоптѣлыя стѣны занавѣсами и штофными обоями. Воображеніе уноситъ ее въ чудную пору дѣтства. Снова видится ей доброе, вдохновенное лицо ея отца; приходятъ на память пышныя торжества ея свадьбы и дни величія, и затѣмъ годы испытаній въ Голландіи, въ Англіи, на Борнгольмѣ... Тогда ничего ей не казалось тяжелымъ, тогда съ нею былъ онъ, теперь

---

[1] Петръ Оксе, одинъ изъ выдающихся государственныхъ людей Даніи, министръ финансовъ при Христіанѣ III, бѣжалъ вслѣдствіе козней жены его, королевы Доротеи.

[2] Часть Копенгагена, расположенная на островѣ Амагерѣ.

[3] Кай Люкке, богатый, могущественный дворянинъ и извѣстный красавецъ, въ письмѣ къ своей любовницѣ неуважительно выразился о чести королевы Софіи Амаліи (жены Фредерика III), за что пять лѣтъ спустя былъ приговоренъ къ смертной казни, отъ которой, впрочемъ, спасся бѣгствомъ; вернулся въ Данію при Христіанѣ V.

же она одна, одна на вѣки. Ей даже неизвѣстно, гдѣ его могила, да и никто этого не знаетъ.

А все ея преступленіе заключалось въ любви къ мужу.

Долгіе годы сидитъ она въ неволѣ, въ то время какъ кругомъ попрежнему кипитъ и волнуется жизнь: жизнь никогда не останавливается, но мы—мы остановимся здѣсь на мгновеніе, чтобы почтить ея память и повторить въ умѣ слова пѣсни:

Была я преданной женою
Во всѣхъ превратностяхъ судьбы.

А эта картинка какъ тебѣ нравится?

Земля покрыта снѣгомъ. Король Густавъ безъ удержу стремится впередъ. Суровая зима сковала для него мостъ между Лоландомъ и Фіоніей. По всей Даніи смятеніе и ужасъ, грабежи и поджоги.

Шведы подступили подъ Копенгагенъ. На дворѣ мететъ метель, жестокій морозъ кусаетъ лицо, но вѣрны своему королю, вѣрны самимъ себѣ, мужчины и женщины вышли на бой со врагомъ. Ремесленникъ, лодочникъ, студентъ и профессоръ стали рядомъ и защищаютъ валъ. Не страшны имъ шведскія каленыя ядра. Фредерикъ поклялся умереть въ „родномъ гнѣздѣ“. Вонъ онъ ѣдетъ верхомъ вмѣстѣ съ королевой. Въ сердцахъ проснулась доблесть, сознаніе долга и любовь къ отечеству. Ночью Шведы надѣваютъ бѣлыя рубахи—рубахи эти стали ихъ саванами—крадутся по снѣгу къ городу и бросаются на приступъ, но сверху летятъ на нихъ бревна и камни; женщины обливаютъ ихъ изъ пивныхъ котловъ кипящею смолой и дегтемъ.

Въ ту ночь король и горожане явились одною совокупною силой—и Копенгагенъ спасенъ, побѣда одержана! Гудятъ колокола, поются благодарственные молебны... Горожане, здѣсь заслужили вы себѣ дворянскія шпоры!

А дальше что? Взгляни на слѣдующую картинку.

Жена епископа Сване ѣдетъ по улицѣ въ закрытой колымагѣ. Но въ закрытыхъ возкахъ могутъ ѣздить только лица благороднаго сословія, и надменная дворянская молодежь ломаетъ возокъ. Она должна идти домой пѣшкомъ.

Ты думаешь конецъ дѣлу? Нѣтъ, погоди! Сейчасъ сломится

нѣчто поважнѣе епископскаго возка,—сломится власть высокомѣрнаго дворянства.

Бургомистръ Гансъ Нансенъ [1] и епископъ Сване протягиваютъ другъ другу руку. Городъ и церковь заключаютъ союзъ, епископъ и бургомистръ дѣйствуютъ сообща во имя Господне. Ихъ толковыя разумныя рѣчи раздаются въ церкви Божіей и въ домѣ горожанина. Заговоръ созрѣлъ. Жители закрыли гавань, заперли городскія ворота, ударили въ набатъ—и власть во всей ея полнотѣ передается тому, который въ минуту опасности не покинулъ роднаго гнѣзда: да правитъ онъ одинъ, да царствуетъ надъ сильными и слабыми!

Наступаетъ пора самодержавія.

Переворачиваемъ листъ и передъ нами другое время.

Галло̀, галло̀й, галло̀! [2] Плугъ бездѣйствуетъ, поля заростаютъ верескомъ, за то охота хороша. Галло̀, галло̀й!.. Чу, трубятъ рога, заливаются гончія. Среди толпы охотниковъ ѣдетъ самъ король Христіанъ V. Онъ молодъ и счастливъ. При дворѣ и во всей столицѣ веселье. Въ залахъ горятъ восковыя свѣчи, во дворахъ факелы, на улицахъ фонари. Все сіяетъ какимъ-то новымъ блескомъ. Новая знать, призванная изъ Германіи, бароны и графы, пользуются монаршимъ расположеніемъ и милостями; титулы, чины и нѣмецкій языкъ въ почетѣ.

Но раздаются также звуки чистаго датскаго языка, то епископъ Кинго, сынъ простаго ткача, поетъ свои чудные псалмы [3].

Вотъ и другой Датчанинъ, Гриффенфельдъ. Онъ прославился на поприщѣ законодательства: его сводъ законовъ служитъ золотою оправой для имени Христіана V. Простолюдинъ-Гриффенфельдъ становится могущественнымъ сановникомъ, пожалованъ званіемъ дворянина и вмѣстѣ съ нимъ пріобрѣтаетъ себѣ враговъ. Онъ уже на эшафотѣ, надъ головой его палачъ уже занесъ мечъ, но свыше раздаются слова помилованія, и смертная

---

[1] У Андерсена неточно, *Гансенъ*.

[2] Охотничій попрыскъ.

[3] Род. въ 1634 г., ум. въ 1705 г., былъ епископомъ въ Фіоніи, не скрывалъ своей нелюбви къ нѣмецкой партіи при дворѣ, вслѣдствіе чего нерѣдко попадалъ въ немилость; сочиненные и частью положенные имъ на музыку псалмы до сихъ поръ считаются лучшими на датскомъ языкѣ.

казнь замѣнена вѣчною ссылкой: Гриффенфельда отвозятъ на скалистый островъ близь Трондьема — на Датскій островъ Св. Елены.

А по заламъ дворца, среди блеска и роскоши, проносятся легкія пары — придворныя дамы и кавалеры танцуютъ подъ звуки оживленной музыки...

На престолѣ Фредерикъ IV. Плывутъ его гордыя суда съ побѣдными флагами, море волнуется, многое могло бы оно разсказать о подвигахъ Датчанъ, о Датской славѣ. Намъ памятны имена героевъ Сэгэстеда и Гюльденлёве; мы не забыли имени Витфельда, который, спасая датскій флотъ, взорвалъ свой корабль и полетѣлъ къ небу со знаменемъ *Данеброга*. Мы перебираемъ въ умѣ битвы и побѣды Петра Торденскіольда, бросившаго въ дѣтствѣ иглу портнаго и спустившагося съ Норвежскихъ утесовъ для защиты Даніи. Отъ края и до края широкаго бурнаго моря гремитъ его имя: онъ разбудилъ въ потомкахъ духъ предковъ— викинговъ.

А съ побережій Гренландіи вѣетъ благоуханіемъ, какъ изъ страны Виѳлеемской, и вѣтерокъ приноситъ вѣсть о свѣтѣ евангельской истины, распространяемой Гансомъ Эгеде и его женой [1].

Вотъ почему одна половина этой страницы имѣетъ золотое поле. Другая же—траурная, пепельнаго цвѣта, съ черными крапинами, точно прожжена искрами пожара, точно носитъ слѣды черной немочи...

Въ столицѣ свирѣпствуетъ чума: улицы пусты, дома заперты, на дверяхъ—гдѣ мѣломъ, гдѣ углемъ—начерчены кресты: бѣлый крестъ значитъ, что въ жильѣ зараза, черный—что всѣ въ немъ вымерли. Безъ колокольнаго звона, ночью, выносятся тѣла умершихъ. По мостовой гремятъ тяжелыя повозки, нагруженныя трупами, и забираютъ на улицахъ полуживыхъ. А въ кабакахъ

[1] Эгеде (1686—1758) извѣстный миссіонеръ. Чтеніе сагъ навело его на ошибочное предположеніе, что жители Гренландіи суть потомки открывшихъ ее Норманновъ. Предположеніе это и побудило его отправиться туда въ качествѣ миссіонера. Хотя по пріѣздѣ въ Гренландію Эгеде и убѣдился, что тамъ живутъ одни Эскимосы, тѣмъ не менѣе онъ не оставилъ своего дѣла и, изучивъ эскимосскій языкъ, долгое время проповѣдывалъ среди нихъ Евангеліе. Датское правительство поддерживало его въ матеріальномъ отношеніи, особенно при Фредерикѣ IV. Одна изъ гренландскихъ колоній до сихъ поръ носитъ его имя (Эгедесминне).

раздаются непристойныя пьяныя пѣсни и дикіе клики: несчастные хотятъ хмѣлемъ прогнать мысль объ ужасной смерти, хотятъ позабыться и кончить жизнь въ забытьи... Все на свѣтѣ должно кончиться—вотъ и страничкѣ этой конецъ, но въ концѣ ея новое бѣдствіе, новое испытаніе для Копенгагена.

Король Фредерикъ IV еще живъ, хотя давно посѣдѣлъ отъ лѣтъ. Онъ слѣдитъ изъ окна за несущимися тучами. На дворѣ поздняя осень, собирается буря...

Въ одномъ маленькомъ домѣ близь „Западныхъ Воротъ“ ребенокъ игралъ мячемъ. Мячъ взлетѣлъ на чердакъ, ребенокъ полѣзъ за нимъ съ сальною свѣчкой, и въ домикѣ вспыхнулъ пожаръ,—занялась вся улица, сумерки освѣтились, тучи отражаютъ зарево... Смотри, какъ быстро растекается пламя. Пищи для него вдоволь: много сѣна и соломы, сала и дегтя, много дровъ въ саженяхъ припасено на зиму. Все горитъ, кругомъ плачъ и вопли; люди мечутся, не зная, что̀ дѣлать. Старый король, верхомъ на конѣ, ободряетъ народъ, отдаетъ приказанія, дома взрываются порохомъ. Но пожаръ уже перешелъ въ сѣверный кварталъ, горятъ церкви св. Петра и Богоматери, ихъ колокола поютъ послѣднюю пѣсню: „Боже милостивый, отврати отъ насъ гнѣвъ твой“.

Остались только Круглая Башня да дворецъ, вокругъ одни дымящіеся пустыри. Добрый король любитъ свой народъ, онъ утѣшаетъ погорѣльцевъ, раздаетъ имъ помощь, и бездомные скитальцы находятъ въ немъ друга. Да благословитъ Богъ Фредерика IV!

Теперь взгляни на эту картинку.

Отъ дворца отъѣзжаетъ золотая карета, окруженная гайдуками; спереди и сзади скачутъ всадники въ доспѣхахъ. Вокругъ дворца протянута желѣзная цѣпь, чтобы народъ не подступалъ къ нему слишкомъ близко. Простолюдины не смѣютъ переходить чрезъ дворцовую площадь съ покрытою головой: оттого-то ихъ здѣсь и не видно, они идутъ въ обходъ. Видишь, на площади всего одинъ человѣкъ; взоръ его опущенъ, шляпу онъ держитъ въ рукѣ. Это тотъ, чье имя составляетъ теперь нашу гордость.

Звуки лиры его, словно вѣтры съ земли,
Пыль и соръ съ нашихъ нравовъ сметали
И пороки, что̀ къ намъ изъ чужбины зашли,
Всѣ назадъ саранчей улетали.

Это Людвигъ Гольбергъ—олицетвореніе ума и юмора. Но чертогъ его славы, датскій театръ, закрытъ, какъ пріютъ соблазна; всякаго рода веселіе схоронено подъ спудомъ; танцы, музыка и пѣніе упразднены. Суровое, ложно-понятое христіанство владычествуетъ въ Даніи...

Но вотъ новый король правитъ страной. Въ дѣтствѣ мать называла его „der Dänenprinz“. Солнце сіяетъ, птицы щебечутъ. Датскій духъ ожилъ; веселье и радость вернулись въ нашъ край: на престолѣ сидитъ Фредерикъ V. Цѣпи съ дворцовой площади убраны, датскій театръ снова открытъ, зала его оживляется веселымъ смѣхомъ, и крестьяне играми встрѣчаютъ возвращеніе лѣтнихъ дней [1]. Послѣ поста и изможденія наступили радостные праздники. Красота разростается вѣтвистымъ деревомъ и въ звукахъ и краскахъ приноситъ плоды. Слышишь ли музыку Гертри? Видишь ли игру актера Лондемана?

И королева Луиза, бывшая принцесса Англійская, любитъ все датское. Всеблагая красавица, да наградитъ тебя Богъ въ царствіи небесномъ!

Солнечные лучи въ радостномъ хорѣ поютъ о трехъ королевахъ Даніи—о Филиппѣ, Елисаветѣ и Луизѣ.

Тѣла иныхъ умершихъ давно уже покоются въ землѣ, но живы души ихъ и имена...

Англія снова даритъ Данію царственною невѣстой, шлетъ къ намъ молодую принцессу Матильду... Несчастная, какъ скоро всѣ отвернулись отъ тебя! Но придетъ время, поэты будутъ слагать пѣсни о твоемъ бѣдномъ сердцѣ, о твоей молодости, о твоихъ испытаніяхъ. А пѣснь живетъ долгіе вѣка, и всесильна ея власть надъ людьми. Вотъ горитъ дворецъ Христіансборгъ, народъ спѣшитъ вынести цѣннѣйшее добро. Нѣсколько человѣкъ тащатъ корзину съ серебромъ и иными драгоцѣнностями: въ ней цѣлое состояніе. Но вдругъ сквозь растворенную дверь, за которою уже взвивается пламя, они увидали бронзовый бюстъ корсля Христіана IV,—и корзина брошена; его изображеніе для нихъ дороже всѣхъ сокровищъ въ мірѣ, бюстъ надо спасти во что бы то

[1] Въ предшествовавшее царствованіе игры эти были воспрещены.

ни стало и какъ бы тяжелъ онъ ни былъ. А знаютъ они о Христіанѣ IV только изъ пѣсни Эвальда на чудный мотивъ Гартмана.

Есть несокрушимая мощь въ словахъ и звукахъ! Придетъ время, прозвенитъ пѣсня и о бѣдной королевѣ Матильдѣ.

Перелистываемъ дальше.

На Ульфельдовой площади лежалъ позорный камень,—есть ли гдѣ-нибудь другой подобный памятникъ? Близъ Западныхъ Воротъ воздвигнутъ столбъ,—много ли такихъ столбовъ на свѣтѣ?

Солнечные лучи цѣлуютъ обломокъ утеса, служащаго подножіемъ „Столбу Свободы“. Въ городѣ развѣваются знамена, трезвонятъ въ колокола, ликующій народъ привѣтствуетъ наслѣднаго принца Фредерика. У стараго и малаго въ сердцѣ и на устахъ имена Бернсторфа, Ревентло и Колбіорнсена. Съ сіяющимъ взоромъ, съ душой, преисполненною благодарностью, всякій читаетъ благословенную надпись на памятникѣ: „Король повелѣлъ отмѣ„нить крѣпостное право. Отнынѣ законъ установитъ твердый „порядокъ въ отношеніяхъ между помѣщикомъ и свободнымъ „крестьяниномъ, дабы послѣдній могъ стать на ноги и, воспользо„вавшись плодами просвѣщенія, сдѣлаться прилежнымъ и чест„нымъ, счастливымъ и уважаемымъ гражданиномъ.“

Вотъ они настоящіе красные дни, настоящій свѣтлый праздникъ!

„Красота и добро торжествуютъ“, поютъ свѣтлые духи: „скоро уберутъ позорный камень съ Ульфельдовой площади, а Столбъ Свободы будетъ стоять вѣчно, благословляемый Богомъ, правителями и народомъ.

Отъ насъ ведетъ старинный путь
Изъ края въ край до края свѣта...

Путь этотъ широкое море, открытое для друга и недруга. И недругъ пришелъ по немъ въ Данію, сильный англійскій флотъ подступилъ къ Копенгагену: великая держава встала войной на малую. Упоренъ былъ бой, но Датчане не потеряли мужества. Всякій бился безъ страха и упрека, принимая въ объятія смерть; бойцы своею храбростью стяжали удивленіе враговъ и вдохновили датскихъ Скальдовъ. До сихъ поръ каждое 2 апрѣля развѣваются флаги, торжествуя годовщину славнаго „боя на рейдѣ“ въ четвергъ на Свѣтлой недѣлѣ.

Протекли годы; въ Зундѣ снова показался флотъ. Противъ кого онъ шелъ—противъ Россіи или противъ Даніи? Никто этого не зналъ, не знали о томъ и на самыхъ судахъ.

Въ народѣ ходитъ преданіе, что когда въ Зундѣ былъ распечатанъ и прочтенъ приказъ о нападеніи на датскій флотъ, одинъ доблестный англійскій капитанъ выступилъ передъ своимъ начальникомъ со смѣлою рѣчью: „Я присягнулъ до послѣдней капли крови сражаться за Англію, сказалъ онъ,—но лишь въ честномъ открытомъ бою, а не предательски, какъ измѣнникъ“, и съ этими словами бросился въ море...

Флотъ направился къ столицѣ, а на днѣ морскомъ, далеко отъ мѣста боя остался холодный трупъ, схороненный холодными волнами. Когда его принесло теченіемъ къ берегу, шведскіе рыбаки въ звѣздную ночь случайно вытащили его сѣтью и стали метать жребій объ его эполетахъ...

Между тѣмъ непріятель подошелъ къ Копенгагену и сжегъ его... Мы потеряли флотъ, но мужество и упованіе на Бога не оставили насъ. Если Господь порою и принижаетъ насъ, то подымаетъ снова и раны наши заживаютъ, какъ раны Эйнгеріевъ. [1]

Въ исторіи Копенгагена много такихъ страницъ. Народъ вѣритъ, что Богъ не оставляетъ Датчанъ, когда они Его не забываютъ.

Вотъ солнце озарило возрожденную изъ пепла столицу, хлѣбородныя нивы и созданія духа человѣческаго, и въ этотъ ясный мирный день, вставшій надъ нашимъ отечествомъ, поэзія явила черезъ Эленшлегера свои величественныя радужныя Fata Morgana. [2]

Съ другой стороны наука нашла драгоцѣнный кладъ, обрѣла золотой мостъ, по которому мысли человѣческія съ быстротою молніи могутъ перелетать изъ царства въ царство, и Гансъ Христіанъ Эрстедъ надписалъ на немъ свое имя. [3]

---

[1] Эйнгеріи, любимые сыновья Одина, развлеченіе которыхъ въ Валгалѣ состоитъ въ томъ, что они постоянно сражаются между собою, и даже убиваютъ другъ друга—впрочемъ безъ вреда для жизни и здоровья.

[2] Эленшлегеръ (род. въ 1779, ум. въ 1850) сынъ церковнаго органиста въ Фредериксбергѣ, считается величайшимъ изъ датскихъ поэтовъ. Особенно извѣстны его поэма въ стихахъ *Боги Скандинавіи* (Nordens Guder) и трагедіи съ заимствованнымъ изъ сагъ сюжетомъ.

[3] Эрстедъ (род. въ 1777, ум. въ 1851) знаменитый естествоиспытатель, открытія котораго въ области магнетизма и электричества повели впослѣдствіи къ изобрѣтенію телеграфа.

А вотъ рядомъ съ Христіанборгскою церковью сооружено зданіе, на постройку котораго и бѣднякп съ радостью отдавали послѣднюю лепту.

Помнишь одну изъ первыхъ картинокъ? спросилъ крестный:— помнишь камни, что̀ сорвались со скалъ Норвегіи и занесены сюда на льдинахъ? Эти самые камни, поднявшіеся со дна морскаго, теперь, подъ волшебнымъ рѣзцомъ Торвальдсена, одѣлись мраморною красотой.

Помнишь, надъ поверхностью моря поднялась песчаная мель и образовала оплотъ для гавани; помнишь, на ней выросло сначала епископское подворье, такъ-называемый „Акселевъ домъ", затѣмъ королевскій дворецъ. Теперь на ней воздвигнутъ и храмъ Красоты. [1] Заклинанія вѣтра остались безъ силы; сбылось, напротивъ, то, что̀ въ радостной пѣснѣ предрекли дѣти солнечнаго сіянія...

Промчалось не мало бурь; быть-можетъ, налетитъ новая гроза, но и она пронесется мимо: побѣда останется за истиной, добромъ и красотой.

Тутъ кончается моя книжка, заключилъ крестный,—но исторія Копенгагена далеко не кончена, и кто знаетъ, что̀ самому тебѣ суждено въ ней пережить.

Часто сбирались у насъ надъ головой тучи и разражались громомъ и молніей, но солнце свѣтитъ попрежнему и будетъ свѣтить во вѣки. И лучезарнѣе всякаго солнца сіяетъ Богъ въ славѣ своей, управляя всѣмъ міромъ—не однимъ только Копенгагеномъ!

Сказавъ это, крестный передалъ мнѣ тетрадку. Говорилъ онъ съ убѣжденіемъ, глаза его блестѣли, и я принялъ изъ его рукъ подарокъ съ такою же радостью, съ такою же гордостью и осторожностью, съ какими въ первый разъ взялъ на руки свою маленькую сестру.

„Показывай книжку кому хочешь, прибавилъ крестный,—я ничего противъ этого не имѣю; пожалуй скажи кто ее оклеилъ

---

[1] Торвальдсенъ (род. въ 1770, ум. въ 1844) за нѣсколько лѣтъ до смерти завѣщалъ Даніи всѣ свои работы, модели, коллекціи и проч. Музей, въ настоящее время вмѣщающій въ себѣ это его наслѣдство, выстроенъ главнымъ образомъ на средства Копенгагенской общины и отчасти на деньги, собранныя въ странѣ по подпискѣ. Постройка его началась еще при жизни Торвальдсена. Своеобразное зданіе музея (въ стилѣ древне-греческой гробницы), помимо главнаго своего назначенія, служитъ также мавзолеемъ знаменитому ваятелю, который похороненъ въ срединномъ его дворѣ.

и разрисовалъ, только непремѣнно объясни, откуда я заимствовамъ мысль. Ты вѣдь знаешь,—обязанъ я ею старымъ ворваннымъ фонарямъ, которые въ послѣднюю свою ночь являли газовымъ канделябрамъ марево всего, что̀ имъ пришлось видѣть, начиная съ того времени, какъ у пристани зажженъ былъ первый ихъ праотецъ и до того вечера, когда Копенгагенъ освѣтился одновременно ворванью и газомъ.

„Показывай книжку кому хочешь, но все-таки выбирай людей снисходительныхъ и добрыхъ: если же явится конь трехногій, то поскорѣй закрой книжку своего крестнаго.“

Ю. Щербачевъ.

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ КОРОНДѢЕВЪ.

Быль.

Въ послѣднихъ числахъ ноября, молодая дѣвушка, лѣтъ двадцати пяти, стояла у окна и глядѣла на улицу, покрытую густымъ снѣгомъ. Зима установилась за ночь: группа деревьевъ, которая возвышалась надъ заборомъ, совсѣмъ побѣлѣла, и комки снѣга лежали между вѣтвями. Вотъ и сани быстро проѣхали.

Дѣвушка слѣдила глазами и за санями, и за прохожими, и думала: когда же я совсѣмъ оправлюсь? Когда же и мнѣ будетъ можно пуститься по тратуару скорыми шагами, какъ эта незнакомка? Она, должно-быть, какъ и я бывало, спѣшитъ на должность.

Съ восемнадцатилѣтняго возраста моя героиня (ее звали Юлія Михайловна) измѣривала Московскія улицы отъ одного конца города до другаго, и въ метель, и въ морозъ, и въ осеннюю слякость, и въ знойный лѣтній день. Ея общественное положеніе было незавидное, она давала уроки по часамъ за самую ничтожную плату и перебивалась кое-какъ круглый годъ; но вдругъ тифъ уложилъ ее въ постель. Небольшою суммой, которая у нея хранилась въ запасѣ, она заплатила за квартиру и за лѣкарства, и вотъ уже двѣ недѣли, какъ задолжала добрымъ людямъ, и ждетъ не дождется расплатиться съ ними. Добрые люди, которыхъ она знала, были далеко не богаты.

Ничего въ этой дѣвушкѣ не бросалось въ глаза. Она не была очень умна, un esprit à la douzaine, какъ говорятъ Французы,

красивою ее никакъ нельзя назвать. Находили, что она мила. Обычная блѣдность, усилившаяся послѣ болѣзни до прозрачности, обнаруживала природу, которая просила здоровой пищи, теплаго моря и счастья. Казалось, что фланелевая блуза отягощала ея высокій и худощавый станъ. Постоявъ у окна, она устала, опустилась на стулъ и цѣлый рой грустныхъ мыслей поднялся въ ея воображеніи. Когда болѣзнь миновала, Юлія испытала радость возвращенія къ жизни, и на первыхъ порахъ забыла о вседневныхъ мелочныхъ заботахъ. Я готова работать по ночамъ, думала она, лишь бы силы возвратились и работа нашлась...

Дверь ея маленькой комнаты отворилась.

— Здравствуй, моя дорогая, сказала пожилая женщина. — Я погрѣлась въ корридорѣ, боялась тебя простудить. Пять градусовъ мороза.

Она поставила на столъ завязанную въ салфеткѣ тарелку.

— Анна Гавриловна, голубушка моя, отозвалась Юлія, обвивая руками ея шею,—спасибо вамъ.

— Не за что, не за что, кушай на здоровье.

Юлія развязала салфетку.

— Дай и имъ отогрѣться, сказала Анна Гавриловна.—Я въ печку поставлю.

Юлія нанимала комнату съ обѣдомъ за двадцать рублей помѣсячно въ семействѣ бѣднаго чиновника. Хозяйскія харчи были вообще крайне невкусны, и на ея бѣду начался Рождественскій постъ. Ей пришлось бы умирать съ голода послѣ тифа, еслибъ ее не выручала Анна Гавриловна. Дѣвушка поспѣшно вынула изъ шкапчика приборъ, бѣлый хлѣбъ и не замедлила приступить къ обѣду.

— Какъ вкусно! говорила она, а старушка улыбалась и отвѣчала:

— Сама присматриваю, на кухарку не полагаюсь. Мой покойникъ любилъ хорошо покушать. Придетъ бывало изъ канцеляріи голоденъ, говоритъ, какъ собака. И я всегда на него угождала.

— На мою бѣду какой у меня развился аппетитъ, Анна Гавриловна, жаловалась молодая дѣвушка.—Кажется все бы это съѣла. Да докторъ не велитъ много заразъ. Ахъ! этотъ чудесный Викторъ Павловичъ! Еслибы не онъ и не вы, умирать бы пришлось. Каково! онъ даромъ бывалъ ежедневно, иногда два раза въ день.

— Свѣтъ не безъ добрыхъ людей, моя дорогая; и доктора есть безкорыстные. А тебѣ Богъ воздастъ; ты сама больныхъ не оставляешь. Когда у меня было воспаленіе, ты просиживала цѣлыя ночи у моей постели.

Утоливъ свой голодъ, дѣвушка убрала приборъ и остатки обѣда, затѣмъ обняла опять свою покровительницу, и слезы покатились по ея щекамъ.

— Плакать-то зачѣмъ же? сказала старушка.—Богъ дастъ тебя скоро выпустятъ, и забудешь о болѣзни.

— Ахъ! Анна Гавриловна, тяжело становится иногда. Бьешься, бьешься, молодость уходитъ, а я ея и не видала.

— Сама виновата. Почему ты отказала Крутицину? Мало ли я тебя тогда уговаривала. Хорошій человѣкъ, и богатъ, и полюбилась ты ему.

— Да мнѣ-то онъ не полюбился. Не вините меня. Вѣдь я было совсѣмъ рѣшилась, хотѣла ему написать, что согласна, да всю ночь проходила по этой комнатѣ. Такъ меня и душитъ мысль, что онъ будетъ моимъ мужемъ. Не совладѣла съ собой. Мнѣ должно-быть не судьба: сватался за меня другой человѣкъ... Давно это было, четыре года тому назадъ, и онъ мнѣ нравился.

— Зачѣмъ же дѣло стало?

— У него ничего не было и у меня ничего. Онъ содержалъ старушку мать, а здоровья былъ хилаго. Да какъ я подумала, что ему предстоитъ работать за двоихъ, за троихъ, на большое семейство, можетъ-быть, не взяла я грѣха на душу, отказалась отъ него. А чего мнѣ это стоило, одинъ Богъ знаетъ!

Слезы ея усилились при этомъ воспоминаніи. Анна Гавриловна слушала, опустивъ голову. Кто-то постучался въ дверь и мужской голосъ спросилъ: можно войти?

— Викторъ Павловичъ, сказала Юлія быстро обтирая глаза.

* * *

У *безкорыстнаго* доктора была оригинальная наружность. Черные, какъ смоль, коротко остриженные курчавые волосы надвигались на лобъ, оставляя незакрытыми выпуклые виски. Цвѣтъ лица былъ бронзовый, глаза умные, а ростъ немного меньше средняго. Вся фигура дышала силой и здоровьемъ. Онъ сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ своей больной и остался доволенъ.

— Еще недѣльку, и мы васъ выпустимъ, сказалъ онъ.—Кстати

зима установилась; а я изъ далека. Знаете у кого я былъ сейчасъ? У вашего дядюшки. Кажется Петръ Ивановичъ собрался умирать.

— Умирать! Петръ Ивановичъ! воскликнули обѣ женщины.— Повидимому имъ казалось невѣроятнымъ, что Петръ Ивановичъ можетъ умереть.

— Истинно вамъ говорю. У него крупозное воспаленіе: сегодня девятый день, а меня позвали въ первый разъ. Температура выше сорока одного, а въ его года... вѣдь ему подъ семьдесятъ?

— Вѣрныхъ семьдесятъ, сказала Анна Гавриловна. — Хоть и говорятъ не сбывай постылаго, а не вытерпишь. Пора ему скрягѣ. Онъ богатствомъ не пользовался, пусть же наслѣдники попользуются.

— А кто его наслѣдники? спросилъ докторъ.

— Вотъ она, Юлія, да еще у него племянница отъ другой сестры, такая же горемыка, какъ эта. До сихъ поръ онѣ копѣйки отъ него не видали.

Легкій румянецъ выступилъ на лицѣ дѣвушки. Она молчала.

— Вы иногда бываете у него? спросилъ опять докторъ.

— Да, въ его именины и въ большіе праздники, на какіе-нибудь полчаса.

— Все-таки онъ знаетъ о вашемъ житьѣ-бытьѣ?

— Какъ не знать! Всякій разъ спроситъ: какъ поживаешь? У меня всегда одинъ отвѣтъ: какъ Богъ велитъ. Такъ, говоритъ, и надо.

— Скупенекъ, что говорить, подтвердилъ докторъ.—Тому лѣтъ пять, онъ присылалъ за мной, у него была холера.

— Желательно бы знать, какъ онъ васъ поблагодарилъ за визиты? спросила старушка.

Викторъ Павловичъ громко разсмѣялся.

— За три визита онъ мнѣ далъ цѣлковый. Я, не говоря ни слова, положилъ бумажку на столъ и откланялся. А у него глаза такъ и сверкнули; онъ взялъ бумажку со стола: вотъ, говоритъ, докторъ! Настоящій докторъ! Лѣчитъ изъ человѣколюбія.

— Онъ опять засмѣялся.

— Зашелъ за предѣлы возможнаго, промолвила Юлія.

— Меня вы ничѣмъ не удивите, начала Анна Гавриловна.— Была я очень дружна съ его покойною женой; то-то была страдалица и праведница! Онъ ее морилъ и съ голода, и съ холода,

такъ она несчастная и извелась. И никогда бывало не пожалуется на свою судьбу. — Разъ пришла я къ ней, она плачетъ. надрывается. Спрашиваю: что ты? Мужъ тебя обидѣлъ,—признавайся. Ну, ужь тутъ она не вытерпѣла. Пришелъ, говоритъ нищій: у меня у самой гроша мѣднаго нѣтъ ему подать; да братъ, спасибо, принесъ мнѣ на той недѣлѣ фунтъ чаю, я нищему и удѣлила щепоточку, а онъ-то увидалъ въ окно и освирѣпѣлъ. Кричитъ кухаркѣ. Въ шею его! Гони его вонъ! Да на меня и накинулся.—Такъ-то ты, говоритъ, меня разоряешь. Всякаго бродягу на мой счетъ кормишь. Подавай ключъ отъ чайницы. Я, говорю, Петръ Ивановичъ, твоего чая не брала, мнѣ братъ чаю принесъ. А ты, говоритъ, отъ меня скрыла. Подавай, что тебѣ братъ принесъ. И отобралъ онъ у меня мой чай и ключъ отъ чайницы. Ухватила она себя обѣими руками за голову, Господи! говоритъ, на что онъ себя готовитъ! Ты знаешь ли, Анна Гавриловна, что лежитъ въ желѣзномъ шкапчикѣ, который надъ его кроватью виситъ?.. Тамъ лежатъ полтораста тысячъ!..

— Полтораста тысячъ! повторилъ докторъ.

— Полтораста тысячъ! промолвила Юлія.

— Да-съ, полтораста тысячъ. Бѣдняжка это высказала да сама испугалась. Узнай онъ только, говоритъ, что я тебѣ выдала его тайну, онъ меня убьетъ, видитъ Богъ убьетъ. Я ей побожилась, что никому объ этомъ не скажу, и вотъ сказала въ первый разъ.

— Ума помраченіе, замѣтила Юлія.—Себя всего лишаетъ и другихъ. Какъ? чѣмъ это объяснить?

Докторъ пожалъ плечами.

— Наука, можетъ-быть, и объяснитъ, отозвался онъ.

— Какая тебѣ тутъ наука, возразила съ жаромъ Анна Гавриловна.—Тутъ нечистая сила дѣйствуетъ, видимое дѣло, а вы про науку!

Эти слова вызвали громкій смѣхъ доктора

— Мнѣ невдомекъ, Анна Гавриловна, какъ это ухитряется чертенокъ поселиться въ человѣкѣ? Тѣсно, должно-быть, на квартиру не прихотливъ.

— Смѣйтесь, батюшка, а я знаю, что знаю, отвѣчала она почти съ сердцемъ. Нѣтъ, онъ въ человѣка не поселится, а нечистая сила его опутываетъ. Она ходитъ невидимая по землѣ, даже добрыхъ людей смущаетъ. А бѣсъ сребролюбія всѣхъ страшнѣе. Видала я примѣры: иной отъ бѣдности своей удѣлялъ копѣйку

нищимъ,—разбогатѣлъ и конецъ! Надъ копѣйкой дрожитъ. А самъ въ церковь ходитъ, Евангеліе читаетъ, знаетъ, что Іисусъ Христосъ сказалъ про богатаго, и ничто его не вразумляетъ. Ясно—а вы про науку!

— Анна Гавриловна, замѣтила Юлія, - если вашъ лотерейный билетъ выиграетъ, я увѣрена, что вы останетесь такая же, какъ теперь.

Анна Гавриловна перекрестилась и плюнула въ сторону.

— Ты такъ не говори, развѣ Господь избавитъ меня отъ искушенія. Хорошій богачъ рядомъ съ нищимъ войдетъ въ Царство Небесное.

— Это вы вѣрно сказали, отозвался докторъ, вставая и протягивая руку Юліи.—А вы, Юлія Михайловна, остальные порошечки все-таки примите. На этой недѣлѣ я заѣду.

— Докторъ, милый докторъ, вы... вы меня воскресили, начала она со слезами на глазахъ и замялась. Ей хотѣлось такъ много сказать, но она не умѣла.

— Ну и слава Богу.

Онъ простился съ Анной Гавриловной и поспѣшно вышелъ.

* * *

Юлія, оставшись одна, долго сидѣла неподвижно, въ глубокомъ раздумьѣ, и вдругъ встала и начала ходить не совсѣмъ твердою поступью взадъ и впередъ по комнатѣ. Ею овладѣли новыя, до тѣхъ поръ незнакомыя мысли.

— А если, въ самомъ дѣлѣ, Петръ Ивановичъ умретъ?..

Она никогда не думала о смерти Петра Ивановича. Она знала по наслышкѣ, что онъ богатъ, но такъ мало разсчитывала на его наслѣдство, что ей никогда и въ голову не приходило, что Петръ Ивановичъ можетъ умереть; и вотъ нѣсколько словъ, сказанныхъ докторомъ и Анной Гавриловной, подняли въ ея душѣ цѣлую бурю. Безнравственно, грѣшно желать чьей-нибудь смерти, и дѣвушка старалась отогнать отъ себя искушеніе, старалась перенести свои мысли на другой предметъ, но онѣ ее преслѣдовали.

Неужели придетъ такое время, когда она отдохнетъ и нравственно, и физически?.. Неужели, вмѣсто того, чтобы бѣжать, едва проснувшись, на урокъ, ей можно будетъ открыть новую книгу и наслаждаться чтеніемъ? Или когда вздумается пойти къ

подругѣ на долгую бесѣду? Она страстно любитъ музыку, но билеты въ концертъ такъ дороги, да и силъ не хватитъ выѣхать вечеромъ послѣ трудоваго дня. И все, все это ей дастся разомъ!

И ей кажется, что она уже богата, и она располагаетъ своимъ богатствомъ.

Не знаешь даже съ чего начать, думаетъ она. Надо начать съ добраго дѣла. Священникъ мнѣ говорилъ о бѣдномъ семействѣ—мать, дѣти живутъ въ подвалѣ. Я дала только одинъ цѣлковый; начну съ нихъ... Переведу въ теплую квартиру. Старушкѣ-богадѣленкѣ пошлю чаю,—давно не посылала. Она, я думаю, ждетъ не дождется. Что я подарю Аннѣ Гавриловнѣ? Чѣмъ ее потѣшу? Да! Знаю! Ей хочется возобновить обои въ своемъ домикѣ, да съ деньгами не соберется. Я куплю обои въ русскихъ издѣліяхъ, красивые, рубля по два за кусокъ, и еще ей подарю большой коверъ; она все жалуется, что ей въ ноги дуетъ. А доктору что дамъ на память? Это все такъ легко, объ этомъ слѣдуетъ подумать....

Съ тѣхъ поръ, какъ я была больна, я возненавидѣла эту комнату; у меня будетъ другая...

Ея воображенію представлялась эта другая комната, просторная, съ двумя окнами, обставленными растеніями. А лѣтомъ ей можно будетъ нанять дачу; она такъ давно не дышала деревенскимъ воздухомъ! Иногда ей было такъ душно въ пыльныхъ и вонючихъ московскихъ улицахъ, что она завидовала крестьянкѣ, которая стоитъ, скрестивъ руки, у порога покривившейся избенки, и наслаждается вечернею влагой.

Вдругъ мечты ея словно оборвались. А если Петръ Ивановичъ уже распорядился своимъ капиталомъ? Отдалъ его въ монастырь, напримѣръ, чтобъ молились за упокой его грѣшной души? Много было такихъ примѣровъ.

Ея сердце сжалось до боли. Она остановилась на всемъ ходу и сѣла на кровать. Долго она старалась привести въ порядокъ свои мысли, удержать ихъ безумное стремленіе къ возможному и невозможному. Вопервыхъ, кто рѣшилъ, что Петръ Ивановичъ не выздоровѣетъ? Такіе люди живучи; онъ, пожалуй, и ее похоронитъ. Лучше всего покориться волѣ Божіей; но она была потрясена и не успокаивалась. Сумерки давно наступили, и Юлія зажгла лампу, спросила самоваръ, напилась чаю, затѣмъ открыла книгу и попробовала читать. Длинный, осенній вечеръ близился

къ концу, она стала на молитву и просила Божію Матерь направить ее на все хорошее, но тревожныя, то мрачныя, то радужныя мечты долго не давали ей заснуть.

* * *

Петръ Ивановичъ Корондѣевъ жилъ на Калужской улицѣ въ небольшомъ домикѣ, доставшемся въ приданое его покойной женѣ. Домъ этотъ требовалъ значительныхъ поправокъ, но Петръ Ивановичъ, по своей скупости, не рѣшался къ нимъ приступить, и ветхому зданію предстояло обрушиться не сегодня—завтра. Рамы покривились, желѣзная крыша мѣстами проржавѣла, на потолкахъ образовалась течь; когда шелъ дождь, приносили тазъ и ставили его подъ каплями. Всѣхъ комнатъ было пять; кухня находилась внизу. Единственную прислугу, которую держалъ Петръ Ивановичъ, была кухарка Мавра. Онъ ей платилъ четыре рубля въ мѣсяцъ и давалъ три рубля на харчи, цѣна неслыханная по его мнѣнію, но послѣ многихъ неудачныхъ опытовъ, онъ убѣдился въ честности Мавры. Она ухищрялась иногда удѣлить себѣ кусочекъ отъ скуднаго обѣда барина, но онъ конечно этого не подозрѣвалъ. Онъ зналъ, что она вора въ домъ не приведетъ, а всякій незнакомый человѣкъ былъ воръ въ его глазахъ. И кто же, кромѣ здоровенной Мавры, взялся бы исполнять должность кухарки, истопника, горничной, отчасти и дворника ..

Петръ Ивановичъ долго служилъ въ какой-то канцеляріи, но былъ уволенъ отъ службы за взятки. Въ это тяжелое для него время поѣздка въ Самару устроила его дѣла.

Въ Самарѣ у него былъ двоюродный дядя, который честною торговлей пріобрѣлъ большое состояніе. Вдовый и бездѣтный, онъ завѣщалъ половину своего капитала нищимъ, другую бѣднымъ церквамъ, племянника же онъ не любилъ, и не оставилъ ему ничего. Петръ Ивановичъ, узнавъ стороной, что дядя боленъ, даже начинаетъ заговариваться, поспѣшилъ, какъ хорошій родственникъ, его навѣстить, и прожилъ цѣлый мѣсяцъ у старика, который умеръ на его рукахъ. Оказалось, по вскрытіи духовнаго завѣщанія, что оно сдѣлано въ пользу Петра Ивановича, прежнее было уничтожено. Носились слухи, что это дѣло стоило пятьдесятъ тысячъ Корондѣеву; за то онъ привезъ полтораста въ Москву, но никому объ этомъ не говорилъ. Жена

его узнала черезъ свою самарскую родственницу, что Петръ Ивановичъ разбогатѣлъ. Тогда-то онъ вдѣлалъ въ стѣнѣ, надъ своею кроватью, желѣзный шкапчикъ и ключъ отъ него носилъ на шеѣ. Покойная Корондѣева спросила разъ у мужа, что̀ лежитъ въ этомъ шкапчикѣ, онъ отвѣчалъ: „такъ себѣ, кое-что, нужныя письма, серебряный стаканъ, въ которомъ дядя пилъ пиво... да тебѣ-то что̀? Все женское любопытство, не приставай!“ заключилъ онъ съ раздраженіемъ. Она поняла, и больше не приставала.

Послѣ ея кончины тѣ немногіе знакомые, которые ее навѣщали, перестали знаться съ Корондѣевымъ; онъ повидимому о нихъ и не жалѣлъ. Одиночество ему пришлось по душѣ. Ходилъ онъ ежедневно гулять во всякую погоду, не преминувъ сказать Маврѣ: „Смотри же, не отлучайся“. Его прогулка продолжалась часъ или полтора, но не разъ онъ возвращался неожиданно, ранѣе обыкновеннаго, желая убѣдиться, что Мавра исполняетъ приказаніе. Единственное его чтеніе ограничивалось *Московскими Вѣдомостями*; онъ ихъ читалъ отъ доски до доски и получалъ отъ сосѣдей, на другой день послѣ ихъ появленія. Такъ какъ онъ служилъ въ канцеляріи, эти сосѣди обращались иногда къ нему за совѣтомъ по какому-нибудь дѣлу; на совѣтъ Петръ Ивановичъ не скупился, за то нерѣдко обѣдалъ у нихъ или приходилъ къ вечернему чаю. Несмотря на свою невзрачную фигуру, онъ пользовался завиднымъ здоровьемъ. Природа надѣлила его желѣзнымъ организмомъ, даже волосы его сохранили первобытный свой цвѣтъ; и вотъ вдругъ его сокрушила болѣзнь. Докторъ былъ призванъ слишкомъ поздно, и что-то не подавалъ надежды на выздоровленіе. Это смущало Петра Ивановича.

На другой день послѣ разговора у Юліи, Анна Гавриловна не вытерпѣла, отправилась къ больному. Добрая старушка размечталась: трудно-больные большею частью не сознаютъ своего положенія. Христіанское было бы дѣло заставить ихъ подумать о смертномъ часѣ. Часъ смерти—великій часъ: самый закоснѣлый грѣшникъ захочетъ искупить свои грѣхи. Если онъ еще не написалъ духовнаго завѣщанія, онъ его напишетъ въ пользу своихъ племянницъ и нищихъ, у которыхъ онъ же похитилъ оставленный имъ капиталъ. Была не была! пойду, попытаюсь, рѣшила Анна Гавриловна. Ее встрѣтила Мавра.

— Матушка, Анна Гавриловна, а я было васъ и не признала. Я, чай, васъ и не видала послѣ смерти покойницы.

— Послѣ нея не зачѣмъ мнѣ было сюда возвращаться, отвѣчала Анна Гавриловна.

— И всѣ-то такъ. Что̀ говорить, лютый!—Я сколько разъ собиралась отъ него отходить, не отпущаетъ. Подожди, говоритъ, Мавра, я тебя не обижу.

— Я вчера слышала отъ доктора, что онъ очень труденъ, оттого и пришла.

— Труденъ, труденъ, матушка, наврядъ ли ему встать. Вчера докторъ былъ и сегодня былъ, а я у дверей слушала. Петръ Ивановичъ у него спросилъ: Что̀, мнѣ не лучше? А докторъ только головой помоталъ. Увидимъ, говоритъ, что̀ за ночь будетъ. Вотъ оно куда дѣло-то пошло!

— Онъ не бредитъ?

— Нѣту, не бредитъ. Слабъ больно, не пьетъ, не ѣстъ, нѣтъ; нѣтъ да и заснетъ.

— Поди, спроси, могу ли я его видѣть.

Мавра возвратилась.

— Я объ васъ доложила,—молчитъ. Слышали, говорю, что вы больны и пришли о васъ навѣдаться. Спросилъ отъ кого слышала? Говорю отъ доктора. Опять замолчалъ, да вдругъ говоритъ: зови!

Не безъ сердечнаго смущенія и призывая помощь Божію, Анна Гавриловна вошла въ спальню больнаго. Онъ лежалъ на спинѣ, одѣяло было натянуто до подбородка. Его желтое, осунувшееся лицо и всклокоченные темнорусые волосы рѣзко отдѣлялись отъ бѣлой, хотя и не совсѣмъ свѣжей подушки. Слегка горбатый носъ заострился, глаза впали. Анна Гавриловна сѣла противъ него у подножья кровати.

— Отъ кого вы слышали, что я боленъ? спросилъ Петръ Ивановичъ.

— Отъ вашего доктора. Вчера я его видѣла у Юліи, у вашей племянницы. У ней былъ тифъ, теперь поправляется и бѣдствуетъ, нельзя хлѣбъ зарабатывать, хоть съ голода умирай. А смиренная такая! Кто ей подастъ, тотъ Христу подалъ.—Должно-быть Петръ Ивановичъ сообразилъ, что если Анна Гавриловна рѣшилась его навѣстить, отзывъ доктора о его болѣзни былъ крайне неудовлетворительный. Онъ приподнялся съ усиліемъ и спросилъ довольно твердымъ голосомъ:

— А какъ вы находите, я очень плохъ?

— Въ наши съ вами года всякая болѣзнь опасна, Петръ

Ивановичъ. Намъ надо приготовиться, покаяться въ грѣхахъ, душу очистить. Всѣ мы, грѣшные, отвѣтъ дадимъ не сегодня—завтра.

Голова Петра Ивановича опустилась на подушку, онъ закрылъ глаза, и, повидимому, не слушалъ проповѣди Анны Гавриловны. Она замѣтила, что грѣшникамъ отрадно, когда за нихъ молятся. Затѣмъ спросила что-то, но отвѣта не получила. Было очевидно, что онъ желалъ прекратить бесѣду; старушка встала и какъ только вышла Петръ Ивановичъ позвонилъ.

Мавра явилась на звонокъ. Анна Гавриловна ждала ея возвращенія.—Ну, что? спросила она.

— Никого, говоритъ, ко мнѣ не пущай. Только и сказалъ.

— Страшно! промолвила Анна Гавриловна,—когда онъ говѣлъ, Мавра?

— Говѣлъ-то? Въ прошломъ году на Страстной недѣлѣ. Ну ужъ говѣнье! Все ворчитъ, что дорого стоитъ. А по праздникамъ, барыня, когда священникъ съ крестомъ приходитъ, онъ наровитъ къ сосѣдямъ, чтобъ его у себя не принимать, рубля не заплатить.

На возвратномъ пути домой Анна Гавриловна встрѣтила доктора, остановила его знакомъ и подошла къ санямъ.

— Я отъ Петра Ивановича, сказала она,—ради Бога не скрывайте отъ него, что онъ не надеженъ. Онъ долженъ приготовиться, распорядиться.

— Я буду у него сегодня, отвѣчалъ докторъ,—а тамъ... увидимъ.

Въ девять часовъ вечера докторъ пріѣхалъ къ Петру Ивановичу и улучшенія не нашелъ; кризисъ не наступалъ, температура еще немного поднялась.

Онъ сидѣлъ у кровати молча, не рѣшаясь сказать больному роковаго слова, а больной глядѣлъ на него мутными глазами и вдругъ спросилъ:

— Есть ли надежда меня спасти?

Докторъ замялся.

— Вы должны мнѣ сказать правду... мнѣ нужно знать... я требую!..

— Если такъ, отозвался докторъ,—я не надѣюсь васъ спасти.

Послѣ нѣкотораго молчанія Корондѣевъ спросилъ:

— Сколько я могу прожить?

— Этого опредѣлить нельзя. Во всякомъ случаѣ, если вы желаете сдѣлать какія-нибудь распоряженія, не надо терять времени, каждый часъ дорогъ.

— Хорошо, довольно, сухо отозвался Петръ Ивановичъ. Этими словами заключилось ихъ свиданіе. Мавра проводила доктора, и онъ ей подтвердилъ все, что̀ сказалъ больному. Ей стало страшно оставаться съ нимъ наединѣ. Ну какъ онъ ночью-то помретъ, боюсь, подумала она, и побѣжала къ сосѣдямъ. Она была знакома съ женой дворника и просила ее посидѣть съ нею ночь. Та охотно согласилась.

Комната Мавры была почти противъ дверей спальни Петра Ивановича. Дворничиха согрѣла самоваръ въ кухнѣ и принесла его осторожно на верхъ. Мавра заварила чай.

— Страхъ какъ боюсь покойниковъ, Матвѣевна! сказала она.

— Не всякій покойникъ страшенъ, возразила дворничиха.—У насъ въ запрошломъ году старый баринъ скончался, и что̀ же это такое? словно заснулъ, да улыбается. Ты сама видѣла.

— Такъ, такъ. Добрый былъ баринъ. Нешто этотъ такой? Хоть бы за батюшкой послалъ, Матвѣевна, христіанскою бы смертью померъ.

Обѣ женщины говорили шепотомъ. Шипѣнье самовара оживляло мрачную тишину комнаты, но онъ погасъ и онѣ замолкли. Невольный страхъ овладѣвалъ ими: ничто имъ не напоминало той торжественной тишины, которая настаетъ около умирающаго, когда слезы и молитвы провожаютъ его душу въ другой міръ; что-то зловѣщее, нечестивое чуялось въ домѣ. Женщины прислушивались не звонитъ ли, не зоветъ ли? Такъ прошло нѣсколько часовъ.

— Ужь не померъ ли? сказала Мавра.—Она подошла къ дверямъ, но не рѣшалась войти; свѣча горѣла въ спальнѣ, тамъ не было слышно ни малѣйшаго шороха. Кухарка вернулась. Гдѣ-то треснулъ полъ.

— Матвѣевна, слышала? спросила Мавра.

— Слышала; это его выживаютъ.

— И то выживаютъ? Ужь котору ночь трещитъ. Умираетъ безъ покаянія, вотъ они за его душой и приходятъ.

Вдругъ раздался звонъ колокольчика. Мавра поспѣшила въ спальню. Къ немалому ея удивленію, Петръ Ивановичъ сидѣлъ на кровати, спустивъ ноги. Онъ долго собирался что-то сказать.

— Мавра, спросилъ онъ наконецъ слабымъ голосомъ,—что на твои глаза я очень слабъ?

— Богъ милостивъ, промолвила Мавра.

— Я у тебя спрашиваю, я плохъ?..

— Плохи баринъ. По нашему, по-христіанскому, вамъ бы за священникомъ послать, причаститься.

Наступило молчаніе.

— Затопи печку, приказалъ Петръ Ивановичъ.

Печку затапливали обыкновенно позднѣе, часовъ въ пять, а теперь еще не было и четырехъ. Мавра принесла дрова, зажгла пучекъ лучинъ, онѣ запылали, дрова занялись.

— Придвинь кресло къ печкѣ, сказалъ Петръ Ивановичъ.

Мавра придвинула.

— Доведи меня до креселъ.

Онъ откинулъ одѣяло и Мавра увидѣла, что у него на колѣняхъ лежала большаго размѣра въ четверо сложенная бумага. Онъ не выпускалъ ее изъ рукъ и дошелъ, едва переступая до креселъ, въ которыя грузно опустился. Мавра поставила возлѣ него столикъ съ колокольчикомъ, затѣмъ вышла, затворивъ за собой дверь, но она плохо притворялась, и кухарка могла слѣдить въ щель за каждымъ движеніемъ барина. Онъ сидѣлъ не шевелясь нѣсколько минутъ и вдругъ нагнулся, и бросилъ бумагу въ огонь. Это движеніе стоило ему, вѣроятно, большихъ усилій; голова его опрокинулась на спинку кресла, онъ такъ и остался неподвиженъ. Мавра ждала, что онъ ее позоветъ, чтобы добраться до постели, но онъ не позвалъ, она ушла и разсказала дворничихѣ все, что видѣла.

— Что бы это онъ сжегъ? недоумѣвала Матвѣевна.—Мудреное дѣло. А ты, Мавруша, легла бы и заснула; я чай совсѣмъ умаялась; а позоветъ, я тебя разбужу.

Черезъ пять минутъ Мавра спала крѣпкимъ сномъ.

* * *

Бѣдная Юлія! сердце ея не чуяло, что въ эту страшную ночь ея завѣтныя мечты обратились въ маленькую груду пепла. Не предвидѣла она, и кто бы могъ предвидѣть, что Петръ Ивановичъ закончитъ такою чудовищною выходкой свою грѣшную жизнь? „Не мнѣ, такъ никому!“ думалъ онъ, бросая въ огонь квитанцію Государственнаго Банка на полтораста тысячъ рублей, положенныя на храненіе на предъявителя.—Юліи не вѣрилось, что она когда-нибудь узнаетъ счастье, однако она не могла отдѣлаться отъ глухаго чувства, которое запало въ ея душу и сулило счастливую перемѣну въ ея судьбѣ.

Юлія ждала Виктора Павловича и часто заглядывала въ окно, не ѣдетъ ли онъ... Но въ это время онъ былъ въ Калужской улицѣ и спрашивалъ у Мавры:

— Ну, что? Какъ онъ?

— Ему, баринъ, словно легче, отвѣчала Мавра.

— Какъ! Неужели легче? Что онъ дѣлалъ съ тѣхъ поръ, какъ я былъ?

— Да что онъ дѣлалъ? Бумагу сжегъ.

— Какую бумагу?

— Не могу знать. Ночью велѣлъ затопить печку, а у него въ рукѣ бумага. Насплу я его до печки дотащила, гляжу, что будетъ,—только и было, бросилъ бумагу въ огонь. Значитъ онъ самъ вынулъ ее изъ желѣзнаго шкапчика, а я признаться думала у него тамъ деньги лежатъ. Сегодня—глядь, шкапчикъ отпертъ, и ключъ на замкѣ виситъ. А онъ ключъ-то на шеѣ носилъ.

Изумленный докторъ слушалъ и смутно угадывалъ что-то безобразное.

— Въ креслахъ онъ и заснулъ, продолжала Мавра.—Проснулся—чаю спросилъ, я его перевела на постель. И сейчасъ спитъ.

Викторъ Павловичъ вошелъ въ спальню.

Петръ Ивановичъ открылъ глаза и промолвилъ:

— Еще живъ.

Докторъ, ощупавъ пульсъ, отвѣчалъ:

— Я даже ручаюсь, что вы останетесь въ живыхъ. Жаръ спалъ.

— Я не умру?..

— Вы выздоровѣете.

Взглядъ Петра Ивановича принялъ неописанное выраженіе ужаса. Опираясь ладонями въ матрацъ, больной приподнялся и сѣлъ.

— Выздоровлю?.. повторилъ онъ дрожащимъ голосомъ.

— Непремѣнно.

Петръ Ивановичъ молчалъ нѣсколько минутъ. Глаза его остолбенѣли.

— Разорилъ! пробормоталъ онъ.—Зарѣзалъ.

Вдругъ онъ поднялъ руку, сжалъ кулакъ и крикнулъ доктору:

— Вонъ!

— Что это баринъ? Аль онъ рехнулся? спросила Мавра, которая слышала прощальное слово Петра Ивановича.

— Ему ужь очень дорого обошелся послѣдній мой визитъ, отвѣчалъ докторъ, разсмѣявшись.

Въ сущности Виктору Павловичу было не до смѣха. Ему предстояла тяжелая обязанность объявить Юліи, что ея надежды на лучшую будущность навсегда были разрушены. Какъ она это приметъ? Онъ познакомился съ ней болѣе года назадъ, и коротко зналъ ея трудовую, безъ разсвѣта жизнь.

— Юлія Михайловна, началъ онъ, входя въ ея маленькую комнату,—я отъ вашего дядюшки—онъ меня выгналъ.

— Выгналъ! повторила она.—Какъ выгналъ?

— Да такъ, просто. Но вы никогда не угадаете за что.

— За что?

— За то, что онъ ожилъ.

— Онъ ожилъ?

— Мнѣ тридцать пять лѣтъ, вотъ уже десять лѣтъ, какъ я живу практикой, и кажется успѣлъ наглядѣться на многихъ и на многое, но мнѣ въ первый разъ пришлось видѣть и слышать то, что я видѣлъ и слышалъ сегодня.

Послѣ этого предисловія, онъ разсказалъ подробно о случившемся. Юлія была поражена.

— Ужасно, ужасно! повторяла она.

— Ужь не права ли Анна Гавриловна, увѣряя, что въ немъ чортъ сидитъ! продолжалъ докторъ.—И наказанъ же онъ! Старому негодяю придется побираться, можетъ-быть, и по дѣломъ ему! Чего добраго! Съ ума сойдетъ; и теперь глаза, какъ у помѣшаннаго.

— Прости ему Богъ! отозвалась дѣвушка.—Мать моя умирая просила его меня не оставить.

Она обтерла слезы.—Какъ знать, чѣмъ онъ кончитъ! За него страшно. Богатыхъ благословляютъ или проклинаютъ.

— А вы, по добротѣ своей, способны ему подать, если онъ станетъ вотъ тутъ, подъ окномъ, милостыню просить.

— Только не по добротѣ сердечной подамъ, а потому, что Христосъ велѣлъ. Я сегодня видѣла нищую и къ вамъ ее послала, не оставьте ее, милый докторъ. Больная, голодная, раздѣтая и не жалуется, Бога благодаритъ за все... А я... мнѣ стыдно жаловаться, грѣшно... Она облокотилась какъ-то безпомощно на столъ и наклонила голову на ладонь. Одна рука ея,

украшенная сердоликовымъ колечкомъ, лежала на колѣняхъ. Докторъ глядѣлъ на эту блѣдную, худенькую руку и молча взялъ ее въ свою. Юлія, тронутая знакомъ участія, ласково улыбнулась, но когда она хотѣла освободить свою руку, докторъ ее удержалъ, сжимая все крѣпче и нѣжнѣе. Дѣвушка опустила глаза, кровь ей бросилась въ лицо. Молчаніе доктора, тишина, которая настала въ комнатѣ, все приводило ее въ замѣшательство.

— ...Пустите, едва слышно прошептала она, не подымая глазъ.— Но онъ не послушался. — Непріятное стыдливое, но вмѣстѣ съ тѣмъ смутно сладкое смущеніе овладѣло ею. Отвратительный образъ Петра Ивановича, богатство и нищета, прошедшее и будущее,—все исчезло вдругъ. Какъ по манію волшебнаго жезла, она очутилась мгновенно въ другомъ мірѣ. Вопреки собственной волѣ,—она уступала этому человѣку, присвоившему себѣ право держать ея руку. Любила она его всею душой, какъ преданнаго друга, но въ первый разъ сознавала, что между ними было что-то недосказанное.

Что же ее перенесло въ этотъ новый міръ чувствъ и откровеній. Ни объясненія, ни признанія, ни единаго слова...

Викторъ Павловичъ не выпускалъ ея руки изъ своей...

Вечеромъ пришла Анна Гавриловна, Юлія бросилась ей на шею и сказала:

— Поздравьте меня, я выхожу замужъ. Онъ давно меня любитъ, а я не знала.

* * *

Ударъ, поразившій Петра Ивановича, не сокрушилъ его желѣзную природу. Петръ Ивановичъ воскресъ. Онъ не миѳъ, созданный моимъ воображеніемъ, но я не берусь прослѣдить за чувствами, которыя волновали его. Онъ ихъ никому не передалъ, надо ихъ угадать. Его сухое отчаянье не выражалось словами, онъ упорно молчалъ, но ѣлъ, пилъ, выздоравливалъ. Мавра видѣла, что онъ ходилъ по комнатѣ, ударяя себя кулакомъ въ лобъ и останавливался вдругъ, какъ пораженный, опустивъ руки. Однажды утромъ она отворила дверь его спальни и попятилась съ крикомъ ужаса: Петръ Ивановичъ повѣсился.

Ольга N.

ВЕТХОЗАВѢТНЫЙ ХРАМЪ.

(Окончаніе.)

II.

Храмъ Соломоновъ.

Мысль о созданіи храма принадлежитъ Давиду. Принужденный отказаться отъ осуществленія своего намѣренія, Давидъ принялъ всѣ мѣры для облегченія этой задачи своему преемнику.

Іерусалимъ временъ Давида занималъ изъ четырехъ холмовъ, на которыхъ расположенъ теперь, только одну, Сіонъ. Тамъ было поселеніе Іевусеевъ, до того увѣренныхъ въ недоступности своего города, что, узнавъ о замыслѣ Давида занять его, съ насмѣшкой говорили: хромой и слѣпой не допустятъ Давида въ городъ. Іевусейское селеніе было взято приступомъ и сильно пострадало. Давидъ, поселившись въ крѣпости, обвелъ ее стѣной. Іоавъ возобновилъ остальныя части города. Къ Сіонской горѣ съ востока примыкала уединенная, довольно высокая гора, занятая полемъ Орны Іевусея. На верхнемъ скалистомъ хребтѣ горы было выровнено гумно; надъ этою горой, между небомъ и землей, стоялъ ангелъ-истребитель,[12] котораго видѣли Давидъ и Орна. Послѣ моровой язвы Давидъ купилъ мѣсто у Орны и устроилъ тамъ жертвенникъ: такъ какъ „скинія Господня и жертвенникъ всесожженія находились въ то время въ Гаваонѣ и Давидъ не могъ идти туда“. (I Парал., XXI, 29, 30). Жертвенное мѣсто было куплено за 50 сиклей серебра. О покупкѣ горы существуютъ два извѣстія. По одному, она куплена за 50 сиклей (II Ц., XXIV, 24), по другому, за 600 сиклей золотомъ, то-есть за 10.500 руб. (I Парал. XXI, 25, 26). Профессоръ Олесницкій полагаетъ, что

послѣдняя цѣна дана за всю гору. Пріобрѣтенное мѣсто, освященное жертвоприношеніемъ, стало мѣстомъ ветхозавѣтнаго храма, который существовалъ тамъ почти тысячу лѣтъ, отъ Соломона до Тита. Тогда же, принеся жертву, Давидъ рѣшилъ сдѣлать гору священнымъ центромъ народа. „Вотъ домъ Господа Бога и вотъ жертвенникъ для всесожженій Израиля.“ Мысль о построеніи храма исключительно занимала послѣдніе годы великаго царя. Какъ Моисею не дано было войти въ обѣтованную землю, такъ и Давидъ могъ только духовно созерцать то зданіе, съ которымъ таинственно соединилась вся послѣдующая исторія его народа. „Дѣло это велико, говорилъ онъ, ибо не для человѣка зданіе сіе, а для Господа Бога. Соломонъ, котораго одного избралъ Богъ, молодъ и малосиленъ, домъ же долженъ быть величественъ, на славу и украшеніе предъ всѣми землями, и такъ буду я заготовлять для него.“ Вспоминая удивительное счастіе, сопровождавшее его въ теченіе всей бурной жизни, массу сокровищъ, пріобрѣтенныхъ удачными войнами и мудрою политикой, при всей незначительности наличныхъ силъ, которыми онъ могъ располагать, Давидъ приписывалъ Богу всѣ славные подвиги своего царствованія и Богу отдавалъ свое могущество и богатство. Заготовленный матеріалъ состоялъ изъ кедровыхъ балокъ, тесанаго камня, безмѣрной массы желѣза и мѣди, серебра и золота. Количество драгоцѣнныхъ металловъ поражаетъ своею громадностью: было припасено 100 тысячъ талантовъ золота и 1 милліонъ талантовъ серебра, что̀ по нынѣшней цѣнѣ равняется пяти съ половиной милліардамъ рублей. Оно заключалось въ слиткахъ и въ сосудахъ и было отчасти изъ сокровищницы царской, частью собрано съ начальниковъ народа и съ покоренныхъ племенъ, обложенныхъ данью. Хотя Геродотъ и удостовѣряетъ о необыкновенномъ изобиліи золота и серебра у древнихъ восточныхъ народовъ, все-таки громадная цифра цѣнностей, собранныхъ Давидомъ, даетъ понятіе о томъ крайнемъ напряженіи всѣхъ экономическихъ силъ народа, котораго потребовало сооруженіе храма.

Не однимъ матеріаломъ содѣйствовалъ Давидъ будущему строителю: въ умѣ его сложился будущій храмъ съ полною отчетливостію во всѣхъ подробностяхъ. Давидъ оставилъ Соломону чертежъ притвора, и домовъ его, и кладовыхъ его, и горницъ его, и внутреннихъ покоевъ его, и дома для ковчега, и чертежъ всего, что̀ было у него на душѣ, „вещей, сосудовъ, *колесницы съ золотыми херу-*

вимами, „все сіе въ письмени отъ Господа“. И, строя храмъ, Соломонъ признавалъ, что планъ храма былъ дѣломъ сердца Давида, а строеніе — исполненіемъ того, что̀ внушилъ Богъ Давиду. Не только планъ и матеріалъ постройки оставилъ Давидъ своему сыну, онъ позаботился и объ исполнителяхъ своей завѣтной мысли, образовавъ художниковъ-строителей и мастеровъ. Саулъ засталъ народъ въ разъединеніи и великомъ культурномъ упадкѣ. Металлургія была настолько забыта, что въ странѣ не было даже кузнецовъ, и Израильтяне должны были ходить въ филистимскіе города оттачивать свои сошники, заступы, топоры, вилы, рожны, пбо некому было поправить самыя необходимыя орудія, если въ нихъ дѣлалась щербина (I Царств., XIII, 19—21), мечей и копій было самое недостаточное количество, несмотря на постоянныя войны съ сосѣдями. При Давидѣ это положеніе измѣнилось. Въ каменистой Іудеѣ, въ лѣсистыхъ сѣверныхъ областяхъ Израильтяне должны были вспомнить египетскую школу строительнаго искусства, когда имъ пришлось промѣнять кочевой образъ жизни на осѣдлую земледѣльческую жизнь въ Ханаанѣ. Зодчество потребовалось прежде всего при огражденіи городовъ крѣпкими стѣнами и башнями. Оно настолько развилось, что у Израильтянъ выработался даже свой видъ отески камней. До сихъ поръ несомнѣннымъ признакомъ древнееврейской постройки служатъ такъ-называемые выпусковые камни. Прямоугольные камни отесывались такъ, что по четыремъ сторонамъ лицевой поверхности края срѣзывались узкою лентой, оставляя середину выступающей на нѣсколько дюймовъ отъ швовъ кладки. Не доставало только художниковъ металлическаго дѣла, да искусныхъ ткачей, для изготовленія драгоцѣнныхъ покрововъ, потребныхъ для храма, и священныхъ облаченій. Въ этомъ отношеніи нельзя было обойтись безъ иностранной помощи, которую можно было достать всего удобнѣе въ сосѣднихъ финикійскихъ городахъ, охотно снабжавшихъ произведеніями своей промышленности всѣ извѣстныя страны тогдашняго міра. Поэтому Соломонъ обратился къ Тирскому царю Хираму, прося его о присылкѣ мастеровъ, которые могли бы вмѣстѣ съ давидовыми художниками дѣлать металлическія и тканыя вещи (II Паралип. II, 7, 14). Хирамъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, обязывался поставить кедровое и кипарисное дерево и тесаные камни съ Ливана, моремъ до Яффы. Ливанскія работы производились Евреями и Хананеями, подъ руководствомъ Финикіянъ. Литейныя работы происходили около Іерихона. На

мѣсто постройки доставлялись готовыя вещи и не было тамъ никакого шума. Уже при Давидѣ всѣ пришельцы въ землѣ Израильской работали надъ обтесываніемъ камней. Библія исчисляетъ количество пришельцевъ, то-есть, вѣроятно, остатки Хананеевъ, во 150.000 человѣкъ, изъ которыхъ 70 тысячъ были носильщиками, 80 тысячъ—каменотесами и 3.600—надзирателями. Евреи должны были выставить только 30.000 рабочихъ, въ три партіи, смѣнявшіяся черезъ два мѣсяца. Съ иноплеменниками Соломонъ обошелся такъ же, какъ нѣкогда фараоны съ Евреями. По свидѣтельству Евполема, царь Хирамъ выслалъ 80.000 финикійскихъ и тирскихъ работниковъ, а египетскій фараонъ Вафресъ—80.000 своихъ мастеровъ; число же еврейскихъ рабочихъ простиралось до 160.000. Цифры эти громадны даже и въ томъ случаѣ, если мы примемъ предположеніе о крайней густотѣ населенія трехъ небольшихъ упомянутыхъ странъ, неограниченность власти царей Египта и Палестины и громадныя средства тирскаго царя. Преувеличенія весьма вѣроятны, но они показываютъ, какое сильное впечатлѣніе производило зданіе Соломонова храма.

Изъ Библіи и Іосифа Флавія, такимъ образомъ, видно, насколько неосновательно утверждать, что храмъ іерусалимскій въ архитектурномъ отношеніи былъ ассирійскаго, египетскаго или финикійскаго типа. Еслибы мы знали что-нибудь о филистимскихъ постройкахъ, то, конечно, явилось бы предположеніе о подражаніи Филистимлянамъ. Проектъ, составленный Давидомъ, былъ столько же самостоятеленъ, какъ и устройство моисеевой скиніи, воспроизвести которую рѣшилъ царь Давидъ, расширивъ и возвеличивъ ее великолѣпіемъ, достойнымъ имени Божія.

Прежде всего нужно было приготовить мѣсто для возведенія храма. Гора Моріа представляла скалистый холмъ, окруженный оврагами, выступающій изъ цѣпи горъ, примыкающей къ нему, съ сѣверо-запада, широкимъ, террасовиднымъ оваломъ. Срединная часть ея возвышалась надъ остальною террасой, имѣла въ діаметрѣ съ С. на Ю.—579 футовъ, а съ В. на З.—433 фута и, кромѣ того, въ своей центральной части представляла округленный выступъ или вершину холма изъ блестящаго известняка, подобнаго мрамору, который въ Палестинѣ обыкновенно прикрытъ иными каменными слоями, но здѣсь приподнятъ наружу дѣйствіемъ вулканическихъ силъ. Отъ этой вершины площадь горы постепенно спадаетъ, сначала слабо: въ области верхней террассы на 10 футовъ въ сѣверо-восточной сторонѣ и на 20 въ юго-западной;

потомъ круто; въ области нижней террассы на 162 фута въ юго-восточной сторонѣ и на 150 въ юго-западной; грунтъ не понижался на сѣверо-западѣ, гдѣ Моріа соединялась съ сѣверо-западною возвышенностью узкимъ перешейкомъ почти на уровнѣ верхней площади. Подъ бѣлокаменною вершиной находится глубокая пещера, какъ натуральная цистерна, наполненная водой. Хребетъ шелъ не прямо, а по діагонали, съ сѣверо-запада на юго-востокъ, между тѣмъ храмъ и его дворъ должны были располагаться, подобно скиніи, въ точномъ расположеніи странъ свѣта. Такимъ образомъ слѣдовало расширить верхнюю площадь горъ, придать ей видъ четыреугольника, выравнить или измѣнить направленіе хребта. На востокѣ Моріа круто обрывалась въ глубокую долину Кедронскаго потока. Съ этой стороны, по свидѣтельству Іосифа Флавія, Соломонъ рѣшилъ построить массивную стѣну, начиная съ подошвы горы, но уклоняясь отъ нея, въ прямомъ направленіи съ сѣвера на югъ, промежутокъ же, съуживающійся къ югу, засыпать землей. Эта стѣна не только регулировала прочно основныя линіи плана, но доставляла храму сильную защиту съ восточной стороны, обращенной къ пустынѣ, составлявшую восточный предѣлъ столичнаго города. Такіе же каменные стѣны, упиравшіяся внизу въ скалистую подпочву, Соломонъ воздвигъ со всѣхъ четырехъ сторонъ горы, заключивъ ее какъ бы въ ящикъ, восточная сторона котораго имѣетъ 1.530 футовъ длины, южная—922, западная—1.601, а сѣверная—1.042 фута.

Библейскія извѣстія о построеніи храма содержатся въ книгахъ Царства и Паралипоменонъ. Исторія работъ объемлетъ все устройство храма въ полной законченности, вся работа относится къ дѣятельности мудраго царя. Храмъ строился семь съ половиной лѣтъ и былъ оконченъ въ 1007 году до Р. Х. Въ историческихъ книгахъ упоминается о *новомъ* дворѣ при Іосафатѣ (916 г.), объ устройствѣ комнатъ для храненія десятины при Езекіи (727 г.) и объ обновленіяхъ храма при Іоасѣ (879 г.), верхнихъ воротъ храма при Іоафамѣ (758 г.), жертвенника при Манассіи (685—642), покрытіи зданій при Іосіи (630 г.). Кромѣ того, въ пророческихъ книгахъ и псалмахъ упомнинаются сооруженія, неупомянутыя въ исторіи. Такимъ образомъ прямыхъ указаній на разновременность отдѣльныхъ частей храма нѣтъ, кромѣ новаго двора, о которомъ будетъ сказано ниже. Между книгами Царствъ и Паралипоменонъ существуютъ, однако, нѣкоторыя разнорѣчія, обусловленныя, по мнѣнію профессора Олесницкаго, различными намѣреніями

различныхъ авторовъ и неодинаковою подробностью описанія отдѣльныхъ частей храма въ двухъ разсказахъ. Существуетъ третье библейское описаніе—видѣніе пророка Іезекіиля, но ошибочно было бы мистическое представленіе пророка о будущемъ возобновленномъ храмѣ считать за картину точной реставраціи разрушенной святыни, хотя можно предположить, что мѣстами онъ припоминаетъ многое, бывшее дѣйствительно въ іерусалимскомъ зданіи.

Храмъ Соломоновъ былъ построенъ по плану, данному для скиніи. Скинія была окружена станомъ, такъ и храмъ находился на обширной площади, называвшейся большимъ дворомъ или отдѣленіемъ для народа. Внутри площади былъ второй внутренній дворъ, или дворъ священниковъ, который соотвѣтствовалъ двору скиніи, отдѣленному полотняною оградой, и по размѣрамъ былъ вдвое больше двора скиніи. Дворъ большой скиніи имѣлъ ворота съ четырехъ сторонъ, внутренній дворъ на западной сторонѣ былъ безъ воротъ. Несмотря на то, что городъ примыкалъ къ храму съ запада, главныя ворота, какъ въ скиніи, были устроены на востокѣ, въ той стѣнѣ, о которой упомянуто выше. На оси этихъ воротъ находились ворота внутренняго двора, жертвенникъ всесожженій и корпусъ самаго храма, обращенный входомъ, какъ скинія, на востокъ. По ширинѣ фасада шелъ притворъ, представлявшій видъ корридора въ 20 локтей длины и 10 локтей глубины. Предъ притворомъ стояли мѣдныя колонны, значеніе и положеніе которыхъ составляютъ предметъ разнорѣчивыхъ толкованій.

Стѣны храма были сложены изъ бѣлыхъ тесаныхъ камней огромной величины (въ 8 и 10 локтей), и потому не имѣвшихъ нужды въ цементѣ. Они были такъ тщательно пригнаны, что глазъ не могъ замѣтить линіи ихъ соединенія. Только въ древнѣйшихъ храмахъ Египта можно найти такую высокую каменную обработку. Соломоновъ храмъ казался монолитомъ, какъ бы выточеннымъ изъ одной громадной каменной глыбы. Толщина стѣнъ въ точности не указана, но она была не менѣе 6 локтей внизу (Іезек. XLI, 5). Внутренняя величина храма была удвоенною величиной скиніи: 60 (30×2) локтей длины, 20 (10×2) ширины. Подобно скиніи, храмъ имѣлъ два отдѣленія: святое и святое святыхъ; послѣднее отдѣленіе получило особое названіе—давиръ. Святое, или „домъ главный“ (II Паралип. III, 5), иначе—большая зала храма, имѣла 40 локтей длины при 20 локтяхъ ширины;

второе отдѣленіе, давиръ, имѣло 20 локтей въ длину и ширину. Размѣръ давира служитъ основаніемъ для опредѣленія внутренней высоты храма: совершенная форма куба, данная святому святыхъ въ скиніи, должна была въ удвоенномъ видѣ повториться и въ храмѣ: давиръ долженъ былъ имѣть 20 локтей высоты, а съ нимъ и остальной храмъ. Это предположеніе подтверждается сирскимъ (и арабскимъ) переводомъ Библіи, сдѣланнымъ раньше установленнаго и общепринятаго текста масоретскаго, въ которомъ (III Цар. VI. 2) высота показана въ 30 локтей. Между давиромъ и большою залой была каменная стѣна съ дверью изъ масличнаго дерева. Въ давирѣ стоялъ ковчегъ и каппоретъ, осѣненный двумя колоссальными херувимами десятилоктевой вышины, простиравшихъ крылья такъ, что концы внѣшнихъ крыльевъ касались стѣнъ храма, а внутренними осѣняли каппоретъ. Во святомъ стояли тѣ же предметы, какъ въ скиніи, но въ большемъ числѣ: 10 свѣтильниковъ, 10 столовъ для хлѣбовъ предложенія и жертвенникъ для кажденія. Каменныя стѣны были обложены внутри деревомъ, потолокъ, стѣны и даже кипарисовый полъ были покрыты листовымъ золотомъ. По стѣнамъ были изображенія херувимовъ и орнаментъ растительнаго типа. Какъ стѣны скиніи были снаружи окружены навѣсомъ, такъ и вокругъ храма шли боковыя пристройки, съ трехъ сторонъ, а портикъ прикрывалъ лицевую сторону.

Уже при опредѣленіи высоты мы встрѣтились съ разнорѣчивыми мнѣніями. Еще болѣе затрудненій представляютъ вопросы о внѣшнемъ видѣ, внутреннемъ устройствѣ и о дворахъ храма.

Въ первой книгѣ Царствъ (гл. VI, ст. 2) говорится, что высота храма была 30 локтей — какъ Ноевъ ковчегъ, замѣчаетъ американскій археологъ Пенъ, — а ниже (ст. 20) для давира дается высота въ 20 локтей. Въ одномъ и томъ же зданіи являются двѣ высоты: какъ согласить эти показанія? Одни археологи, и съ ними авторитетный Вогюэ, по аналогіи съ египетскими храмами, даютъ давиру меньшую высоту противъ остальнаго храма. Но египетскій адитонъ, сокровенное святилище, не находилось въ непосредственной связи съ храмомъ, а соединялось съ нимъ камерами и переходами и, въ сущности, представляло отдѣльную пристройку, тогда какъ ни въ скиніи, ни въ храмѣ Ирода давиръ не выходилъ изъ общей высоты дома Божія, точно также и въ видѣніи Іезекіиля такой разницы не указывается. Такимъ образомъ пониженіе кровли для давира допу-

щено быть не можетъ. По другому предположенію все зданіе внутри было 30локтевой высоты, но на высотѣ 20 локтей давиръ былъ покрытъ потолкомъ и, такимъ образомъ, оказывалась надъ нимъ огромная ниша (Шнаазе и др.), которая была закрыта со стороны святаго перегородкой, образуя комнату надъ давиромъ (Перро и др.). Объ этомъ третьемъ отдѣленіи храма не упоминаетъ ни одинъ источникъ. Потолокъ можно было бы укрѣпить на балкахъ, вбитыхъ въ стѣну, но даже снаружи воспрещено было нарушать неприкосновенность стѣнъ, вбивая въ нихъ балки, тѣмъ болѣе внутри. Такое отдѣленіе должно бы причисляться не къ кубическому давиру, а къ святому, но тогда послѣднее имѣло бы иные размѣры, нежели указанные въ Библіи соотвѣтственно пропорціямъ скиніи. Въ предполагаемомъ отдѣленіи думаютъ видѣть архивъ или хранилище сосудовъ и драгоцѣнностей храма, но нѣтъ указаній на сообщеніе съ этимъ верхнимъ помѣщеніемъ, и такое имущество помѣщалось въ другихъ частяхъ зданія. Открытое помѣщеніе надъ давиромъ, наконецъ, совсѣмъ противно эстетическимъ требованіямъ. По третьему объясненію, внутри храмъ имѣлъ одинаковую высоту въ 20 локтей; если же дому дается 30 локтей, то это значитъ, что надъ святымъ и давиромъ былъ верхній этажъ въ 10 локтей вышины и въ немъ хранились сосуды Моисеевой скиніи. Но здѣсь опять объявляется противорѣчіе двойному дѣленію внутренности храма и полное умолчаніе объ этомъ этажѣ въ Библіи. Наконецъ къ объясненію была привлечена и послѣдняя опора комментаторовъ—возможность ошибки переписчика, поставившаго 30 локтей вмѣсто 20-ти. Профессоръ Олесницкій, отвергая эти объясненія, допускаетъ логическую возможность только одной еще попытки. Если немыслима камера надъ давиромъ, то почему бы не допустить, что давиръ былъ возвышенъ надъ святымъ на 10 локтей, имѣя подъ собой подвальный этажъ, или просто голую скалу, отдѣланную соотвѣтственнымъ образомъ, чтобы служить основаніемъ ковчегу завѣта и напоминать гору Синайскаго законодательства. Изъ святаго могли подниматься къ святому святыхъ по ступенямъ, какъ къ алтарямъ многихъ христіанскихъ храмовъ. Свое предположеніе профессоръ Олесницкій подкрѣпляетъ указаніемъ на Іосифа Флавія, который сообщаетъ о высокомъ цоколѣ храма, и соображеніями топографическаго свойства. По мѣрѣ приближенія къ центру храма грунтъ горы Моріа повышался и былъ обработанъ въ видѣ площадей, сообщавшихся между собою ступенями:

естественно думать, что священное мѣсто было выше всего остальнаго на нѣсколько ступеней: II Парал. III, 9, упоминаетъ при описаніи святаго святыхъ, что *горницы* были также покрыты золотомъ, въ словѣ же *горница* можно видѣть только возвышенный давиръ. По преданію раввинскому во святомъ святыхъ возвышалась натуральная часть скалы — мѣсто жертвоприношенія Авраама, на которой стоялъ ковчегъ завѣта, подъ нею же была пещера.

Противъ этого мнѣнія г. Муретовъ представилъ вѣскія возраженія. Ступени не могли вести изъ святилища въ давиръ, ибо онѣ были строго воспрещены даже для жертвенника всесожженій и запрещеніе это было соблюдаемо и въ позднѣйшихъ храмахъ. Различная высота въ двухъ отдѣленіяхъ не согласна съ устройствомъ скиніи. Такая важная особенность была бы отмѣчена Іосифомъ Флавіемъ и Талмудомъ. Въ свою очередь, г. Муретовъ предлагаетъ иное объясненіе: сохраняя общую высоту въ 30 локтей и внутреннюю въ 20 для обоихъ отдѣленій, онъ относитъ 10 локтей къ нижней или цокольной части стѣнъ. Если для деревянныхъ стѣнъ скиніи нужны были серебряныя литыя подставы, то для массивныхъ каменныхъ стѣнъ, особенно при нерѣдкихъ тамошнихъ землетрясеніяхъ, тѣмъ болѣе былъ необходимъ каменный цокольный фундаментъ 10 локтей вышины. Топографія подкрѣпляетъ возможность цоколя. Оставляя неприкосновенною вершину холма, на которой стоялъ ковчегъ, строители обвели ее стѣной въ десять локтей вышины и въ отдѣленіи святаго намостили полъ до уровня натуральной вершины, оставшейся поломъ давира въ неприкосновенномъ видѣ. Такимъ образомъ, храмъ имѣлъ 30 локтей высоты снаружи и 20 локтей внутри, и двоякое показаніе Библіи находитъ себѣ полное примиреніе. Далѣе г. Муретовъ допускаетъ подъ святымъ и притворомъ подвальный этажъ, образовавшійся изъ стѣнъ цоколя. Онъ могъ быть пустымъ или составлять одну изъ кладовыхъ, намѣченныхъ въ планѣ Давида. Тогда какъ о полѣ давира Библія не упоминаетъ, она ясно указываетъ на кедровый полъ святилища. Соломонъ велѣлъ привозить камни большіе, камни дорогіе для основанія (фундамента) дома (III Цар. V, 17). По свидѣтельству Іезекіиля (XL, 49) притворъ (портикъ) храма имѣлъ паперть, по ступенямъ которой надо было подниматься въ притворъ и храмъ: слѣдовательно, полъ святилища лежалъ выше уровня площади двора жертвенника. Открытая часть горы въ

въ Омаровой мечети представляетъ съ западной стороны правильный срѣзъ, на подобіе стѣны, и это наводитъ на мысль, что къ нему нѣкогда была приставлена стѣна четырехугольнаго зданія; срѣзъ имѣетъ протяженіе приблизительно равное задней стѣнѣ храмоваго цоколя, то-есть около 32 локтей. Самая же скала занимаетъ высшій пунктъ всей горы Моріа. Такимъ образомъ, по весьма правдоподобному мнѣнію г. Муретова, храмъ имѣлъ 30 локтей внутренней высоты и два этажа: верхній и цокольный. Чтобъ опредѣлить высоту храма снаружи, необходимо прибавить къ 30 локтямъ еще высоту крыши.

Библія не даетъ точнаго описанія храмовой крыши, какъ необходимо подразумѣваемой части каменнаго сооруженія, поэтому большинство археологовъ представляютъ ее въ обще-восточномъ типѣ плоской кровли. Профессоръ Олесницкій держится того мнѣнія, что крыша состояла изъ кедровыхъ балокъ и досокъ, покрытыхъ слоемъ сухихъ пальмовыхъ листьевъ, залитыхъ цементомъ, и затѣмъ обложена мраморными плитами. Такой накатъ занималъ не менѣе 2 локтей. Кромѣ того, согласно съ закономъ (Второз. XXII, 8), крыша должна была имѣть брустверъ, высоту котораго Талмудъ опредѣляетъ въ 4 локтя: такимъ образомъ, высота покрытія имѣла до 6 футовъ высоты. Такъ какъ все зданіе стояло на возвышенной платформѣ, тоже въ 6 футовъ надъ площадью двора, то, по исчисленію г. Олесницкаго, вся наружная высота храма была 42 локтя. Принимая для крыши плоскую форму, профессоръ Олесницкій допускаетъ уклоненіе отъ формы скиніи: по его мнѣнію, шатеръ завѣта имѣлъ верхъ двускатный. Г. Муретовъ, раздѣляя представленіе г. Олесницкаго, утверждаетъ, что и храмъ имѣлъ двускатное покрытіе. Къ сожалѣнію, та часть труда г. Муретова, въ которой содержится описаніе Моисеевой скиніи, еще не напечатана, и потому нельзя судить, насколько вѣроятны его предположенія о тринадцатилоктевой крышѣ скиніи и о двадцатилоктевой высотѣ кровли храма съ двумя крутыми скатами на сѣверъ и югъ, и съ легкимъ склономъ съ востока на западъ. Мы не видимъ, чтобы такой оригинальный видъ кровли требовался основнымъ мотивомъ архитектуры Соломонова храма. Что же касается до высоты кровли, то г. Муретовъ принимаетъ 20 футовъ для того, чтобъ довести общую высоту храма до 60 локтей, которая въ первой и третьей книгахъ Ездры придается храму, возстановленному Зоровавелемъ. Въ подтвержденіе своей мысли г. Муретовъ приводитъ еще позднe-

греческую медаль съ изображеніемъ библосскаго храма. Послѣдняя аналогія должна бы уступить первенство аналогіямъ съ болѣе древними и болѣе современными Соломону памятниками Египта и Ассиріи, въ которыхъ двускатныхъ кровель не усматривается. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ профессоромъ Олесницкимъ, можно принять высоту храма въ 42 локтя: съ этою цифрой совпадаетъ довольно неопредѣленное извѣстіе Библіи, оставшееся безъ комментаріевъ, гласящее: „сорока локтей былъ храмъ, то-есть передняя часть его“ (III Царствъ, VI, 18). Но противъ такой высоты является формальное показаніе II Паралип., III, 4, по которому притворъ храма имѣлъ 120 локтей высоты. Во всемірной архитектурѣ трудно было бы найти приставку, превышающую главное зданіе почти въ три раза, если большая часть высоты башни не относится на заостренную кровлю и вѣнчающій ее крестъ, какъ въ готическихъ соборахъ, съ которыми, конечно, внѣшній видъ Соломонова храма не можетъ имѣть никакого сходства. Эту невѣроятную высоту притвора профессоръ Олесницкій прямо отвергаетъ, предполагая въ книгѣ Паралипоменонъ умышленную или случайную вставку слова сто и признавая высоту притвора не болѣе какъ въ 20 локтей, одинаково съ высотой боковыхъ пристроекъ. Предположеніе это, впрочемъ, основано только на *одномъ* спискѣ перевода семидесяти и на арабскомъ переводѣ. Общепринятый текстъ еврейской Библіи и древнихъ переводовъ означаетъ высоту притвора во 120 локтей, на что и указываетъ г. Муретовъ. Но ученый критикъ въ свою очередь долженъ дать платформѣ храма 60 локтей для того, чтобы довести высоту храма и притвора до 120 футовъ, о такой же платформѣ свѣдѣній не имѣется. На почвѣ текстовъ, очевидно, вопросъ не можетъ быть рѣшенъ, не поднимая щекотливаго вопроса о достовѣрности этого источника. Профессоръ Олесницкій склоняется къ мысли, что вставка была умышленною и возникла не ранѣе реставраціи храма Иродомъ.

Какова была *наружная* длина и ширина храма? Къ внутреннимъ размѣрамъ, 60 локтямъ длины и 20 ширины, слѣдуетъ прибавить толщину стѣнъ. Существуетъ предположеніе, что стѣны храма были деревянныя, какъ стѣны скиніи, но оно рѣшительно устраняется монументальностью постройки и яснымъ свидѣтельствомъ Библіи (I Цар. VI, 15), что Соломонъ „обложилъ деревомъ стѣну“; что храмъ строился изъ камней, обдѣланныхъ въ каменоломняхъ и доставленныхъ въ готовомъ видѣ. Размѣры

камня тоже указаны: они имѣли 8 и 10 локтей длины и не менѣе 5 локтей ширины. Эту послѣднюю дату г. Олесницкій принимаетъ за толщину храмовой стѣны. Есть основаніе думать, что внизу стѣны были толще и не представляли отвѣсной плоскости. Библія говоритъ, что стѣны шли тремя уступами, по выводамъ нашего автора—въ одинъ локоть, сокращаясь къ верху, такъ что верхняя часть стѣны была на три локтя тоньше нижней, которая, согласно съ Іезекіилемъ (XLI, 5), имѣла 6 локтей. Прибавивъ эту толщину къ внутреннимъ размѣрамъ, получимъ длину въ 72 локтя и ширину въ 32 локтя для нижней части стѣнъ, а для верхней — 66 локтей длины и 26 локтей ширины снаружи.

Таковы наружные размѣры главнаго корпуса храма, но зданіе еще неполно: оно было окружено непосредственно примыкающими къ нему пристройками: съ восточной стороны былъ притворъ, съ остальныхъ трехъ боковыя постройки, *бока* храма.

Одноэтажныя боковыя пристройки были и въ египетскихъ храмахъ; Соломонъ вывелъ ихъ въ три этажа. Примыкая къ храму, это сооруженіе имѣло только одну внѣшнюю стѣну, проведенную параллельно стѣнамъ храма, на разстояніи 5 локтей и въ 5 локтей толщины: внутреннею стѣной служила стѣна храма. Такъ какъ запрещалось нарушать цѣльность стѣны святилища, то балки половъ и потолковъ не вгонялись въ стѣну, а укладывались на вышеупомянутые уступы. Разстояніе между уступами было въ 5 локтей, слѣдовательно такую высоту должны были имѣть ярусы пристройки. Вслѣдствіе уменьшенія стѣны храма въ высоту, нижній этажъ имѣлъ пять локтей въ ширину, средній—шесть и верхній—семь. Общая высота пристройки съ крышей и перилами, такимъ образомъ, была въ 20 локтей и храмъ возвышался надъ нею цѣлою третью своей высоты. Этажи дѣлились на отдѣльныя камеры и имѣли особыя двери. Вѣроятно, въ нихъ хранились храмовыя сокровища, и въ числѣ ихъ мѣдный змій Моисея, уничтоженный по повелѣнію Езекіи (IV Цар. XVIII, 4); тамъ же, „въ домѣ Господнемъ“, хранились копья и щиты Давидовы, которыми вооружалась храмовая стража по повелѣнію первосвященника (IV Цар. XI,—10). По Іезекіилю, здѣсь были кельи для отдохновенія священниковъ. Пророкъ Іезекіиль насчитываетъ ихъ 33, а по Іосифу Флавію ихъ было 30. Эти числа обыкновенно принимаются для каждаго отдѣльнаго этажа, доводя общее число до 90 и 100, но профессоръ Олесницкій считаетъ такое предпо-

ложеніе невѣрнымъ. Даже при деревянныхъ тонкихъ перегородкахъ размѣры келій при такомъ числѣ были бы слишкомъ малы, а между тѣмъ пристройки не могли имѣть значенія кладовыхъ исключительно: онѣ служили опорой и прикрытіемъ зданія и внѣшняя стѣна ихъ должна была соединяться съ храмомъ прочною, каменною связью, которая и дѣлила постройку на отдѣльныя, поперечныя помѣщенія. Потому вѣроятнѣе, что 30 и 33 выражаютъ общее число, и въ каждомъ ярусѣ было только 10 или 11 камеръ. Въ такомъ случаѣ каждой кельѣ при 5 локтяхъ высоты можно дать 10 локтей длины и останется достаточно промежутковъ для каменныхъ перегородокъ, равныхъ по толщинѣ храмовымъ стѣнамъ. Поперечныя стѣны не только достигали наружной стѣны, но даже выдавались за нее въ видѣ контрфорсовъ. Въ массивѣ поперечныхъ стѣнъ были узкія двери; вѣроятно, были и окна въ наружной стѣнѣ. Общій главный входъ былъ съ южной стороны, въ средней камерѣ нижняго этажа. Отсюда витая лѣстница изъ сандальнаго дерева вела въ средній и верхній ярусы. Непосредственнаго сообщенія съ храмомъ не было.

Обведенный пристройкой, храмъ могъ имѣть окна только въ верхней трети своихъ стѣнъ, съ сѣверной и южной стороны, ибо давиръ былъ погруженъ въ священный мракъ, а со стороны притвора, по древнему преданію, оконъ не было. Въ пристройкахъ свѣтъ былъ необходимъ, такъ какъ тамъ священники приготовлялись къ богослуженію, но храмъ, съ постоянно горящими свѣтильниками, не нуждался въ солнечномъ освѣщеніи, потому должно предположить, согласно съ талмудическимъ преданіемъ, что окна его были *египетскія*, небольшія, скудно пропускавшія наружный свѣтъ, вслѣдствіе чего внутренность храма была въ полумракѣ. Амбразуры его оконъ были шире изнутри, отверстія же закрывались глухими рѣшетками. Окна служили болѣе отдушинами для дыма и воздуха, чѣмъ дѣйствительными источниками свѣта.

Въ „письмени“ или начертаніи храма Давидъ указалъ Соломону устройство описанныхъ выше кладовыхъ, горницъ, храма и притвора. Изъ библейскихъ извѣстій можно заключить, что притворъ состоялъ изъ трехъ каменныхъ стѣнъ, прикрытыхъ кедровымъ потолкомъ, стоялъ на общей платформѣ съ храмомъ, имѣлъ двери съ порогомъ и лѣстницу въ 10 или 11 ступеней со стороны двора. Никакихъ внѣшнихъ украшеній стѣны храма, которыя мы теперь можемъ обозрѣть въ ихъ совокупности, не имѣли; гладко отполированные, точно пригнанные камни храма,

повидимому, безо всякихъ выпусковъ, составляли единственную внушительную красоту Дома Божія извнѣ. Солнечные лучи отражались цѣликомъ отъ голыхъ, гладкихъ стѣнъ, не оставляя на освѣщенной сторонѣ ни одного пятнышка тѣни. Во всей древности однѣ египетскія пирамиды могли поспорить о простотѣ съ храмомъ Соломона, непризнававшимъ снаружи ничего кромѣ простѣйшихъ горизонтальныхъ и вертикальныхъ линій. Единственный предметъ нарушавшій безпримѣрную бѣдность архитектурныхъ мотивовъ храма, были двѣ знаменитыя мѣдныя колонны, стоявшія предъ храмомъ и выносившія наружу часть орнаментаціи, пышно одѣвавшей, какъ увидимъ, внутреннія стѣны храма. Библія неоднократно описываетъ ихъ. Пророки, оплакивая разореніе храма и мечтая о его возстановленіи, не упускаютъ изъ вида этого оригинальнаго украшенія. Во главѣ работъ, порученныхъ литейщику Хираму, стоятъ эти колонны и отливались онѣ, какъ уже сказано, въ глинистой Іорданской долинѣ. Внѣшній видъ и расположеніе колоннъ, какъ и всѣ подробности храма, были предметомъ различныхъ толкованій. Настолько темны и сбивчивы еврейскія описанія Библіи, что единственные два ученые автора, занимавшіеся у насъ іерусалимскимъ святилищемъ, профессоръ Олесницкій и Муретовъ, даютъ колоннамъ различный видъ и различно помѣщаютъ ихъ при храмѣ.

Высота колоннъ опредѣляется неодинаково въ книгѣ Царствъ и въ книгѣ Паралипоменонъ. Въ первой стволъ колоннъ имѣетъ 14 локтей высоты и 12 локтей въ окружности, что̀ даетъ нѣсколько менѣе 4 локтей въ діаметрѣ. На колоннахъ были капители въ 5 локтей. Такимъ образомъ вся колонна имѣла 23 локтя высоты. Въ Паралипоменонѣ, гдѣ, какъ уже сказано, высота храма также значительно увеличена,—высота колоннъ указана въ 35 локтей. Профессоръ Олесницкій, разобравъ разныя, нерѣдко странныя, попытки примирить эти цифры, предполагаетъ, что въ Паралипоменонѣ взята общая высота колоннъ надъ уровнемъ двора и для восполненія недостающихъ 12 локтей принимаетъ, что колонны стояли на ступеняхъ лѣстницы и, кромѣ того, имѣли базисы, „подставки“, упомянутыя у Іезекіиля. Стволы колоннъ были бороздчатые, канеллюры, ложки, имѣли четыре пальца въ глубину. Внутри колонны были полыя, стѣнки же имѣли четыре пальца толщины. Всего болѣе недоразумѣній вызвала форма капители. Третья книга Царствъ указываетъ капители мѣру въ 5 локтей, а четвертая—въ три локтя. Въ порядкѣ описанія капители по

третьей книгѣ, идутъ: на верху столбовъ сѣтка плетеной работы, снурки въ видѣ цѣпочекъ, числомъ семь, два ряда гранатовыхъ яблоковъ, „чтобы покрыть вѣнцы, которые на верху столбовъ“; „надъ выпуклостью, которая подлѣ сѣтки“, рядами кругомъ двѣсти гранатовыхъ яблоковъ; и *надъ* столбами поставилъ вѣнцы на подобіе лиліи (III Ц. VII, 17—22). Вогюэ приближаетъ эти колонны къ египетскому типу: на верху столба у него выпуклый поясъ въ четверть высоты капители, покрытый сѣткой и усаженный при соединеніи съ лиліей и стволомъ яблоками; верхъ капители образуетъ раскрытая чашечка лиліи, лепестки которой вырѣзаны на массивной капители такого же очертанія, встрѣчающейся въ древнихъ храмахъ Египта; семи снуркамъ мѣста нѣтъ и они вошли въ составъ сѣти. Исправляя его, Пенъ уничтожаетъ выпуклость. Перро и Шипье предпочитаютъ финикійско-ассирійскія формы: характерно-египетскій видъ лиліи у нихъ совершенно неузнаваемъ; выпуклость, главнымъ образомъ, привлекла ихъ вниманіе; въ результатѣ получился очень красивый рисунокъ, но капитель получила форму приземистой, широкой урны съ крышкой. Такъ какъ вѣнцы этихъ колоннъ приравниваются въ Библіи къ вѣнцамъ столбовъ въ другихъ притворахъ, а въ мечети Омара сохранилась колонна съ капителью лиліеобразною несомнѣнно древне-еврейской эпохи, то реставрація Перро и Шипье допущена быть не можетъ и египетскія формы имѣютъ болѣе правъ на описанную колонну. Сама по себѣ капитель Омаровой мечети не можетъ признаваться близкою формой къ мѣднымъ капителямъ: у ней недостаетъ той выпуклости, о которой говорится въ Библіи; слѣдовательно въ этомъ отношеніи реставрація Вогюэ ближе къ истинѣ. Едва ли нужно настаивать на полной независимости соломоновской капители отъ современныхъ формъ искусства. Планъ, размѣры, расположеніе постройки можетъ опредѣлить всякій строитель; детальное исполненіе, формы и орнаментація требуютъ художественнаго образованія, понятнаго у Хирама, трудно допустимаго у Давида. Строитель могъ избрать одну изъ нѣсколькихъ формъ, напримѣръ, лилію, обработанную уже въ Египтѣ, часто упоминаемую въ Пѣснѣ Пѣсней, которую предложилъ ему литейщикъ Хирамъ. Семь снурковъ остаются на столько необъяснимыми, что одни помѣщаютъ ихъ въ сѣтку, причемъ, конечно, число семь совершенно исчезаетъ въ общемъ сплетеніи; профессоръ Олесницкій предлагаетъ сдѣлать изъ нихъ закрѣпы, идущія къ землѣ отъ вѣнца колоннъ, назначеніе кото-

рыхъ состоитъ въ поддержаніи столбовъ въ вертикальномъ положеніи—предположеніе, грѣшащее крайнею неестественностью. Г. Муретовъ оставляетъ ихъ висѣть свободно подъ лиліей, въ видѣ самостоятельнаго украшенія, съ яблоками.

Хирамъ „поставилъ столбъ къ притвору храма, поставилъ столбъ на правой сторонѣ и далъ ему имя Іахинъ, и поставилъ столбъ на лѣвой сторонѣ, далъ ему имя Воазъ". Существуютъ мнѣнія, въ томъ числѣ и г. Муретова, что столбы стояли въ самомъ притворѣ, подпирали притолоку входа и кровлю притвора. По размѣрамъ притвора, указаннымъ въ третьей книгѣ Царствъ, колонны были выше притвора и не могли исполнять такого назначенія. Если же такъ, то онѣ должны были стоять независимо отъ храма и его пристроекъ. На самостоятельность колоннъ указываютъ и имена, имп полученныя, и матеріалъ, изъ котораго онѣ были сдѣланы. Вводя ихъ составною архитектурною частью въ составъ зданія, не было никакого основанія цѣликомъ отливать изъ мѣди. Храмъ не требовалъ непремѣнно монолитныхъ колоннъ: еслибы притворъ нуждался въ колоннахъ, онѣ могли бы быть составлены изъ отдѣльныхъ цилиндровъ, такъ же какъ и стѣны храма складывались изъ отдѣльныхъ камней. Имена, данныя колоннамъ, выражаютъ изреченіе: „да стоитъ онъ храмъ непоколебимо", или два имени существительныхъ: „крѣпость, утвержденіе", или „Іегова да утвердитъ своею силой". Получивъ особыя имена, наравнѣ съ живымп существами, колонны эти были одиночнымъ явленіемъ въ этомъ отношеніи. Невозможно считать ихъ простымъ архитектурнымъ украшеніемъ и не искать въ сооруженіи ихъ болѣе глубокаго смысла. Средневѣковые раввины видѣли въ нихъ солнце и луну, кратчайшій и продолжительнѣйшій день. Новѣйшіе писатели видятъ въ нихъ подражаніе обелискамъ или финикійскимъ столбамъ, помѣщавшимся предъ храмами Геракла, символами Ваала и Астарты и т. п. Принимая въ соображеніе, что храмъ долженъ былъ напоминать скинію, походный храмъ Израиля, слѣдуетъ поискать объясненіе въ событіяхъ той эпохи, и ближайшимъ воспоминаніемъ будутъ столбъ огненный и столбъ облачный, въ которыхъ выражалось незримое присутствіе Бога во время странствованія въ пустынѣ. Они приняли такую же твердую и несокрушимую форму при Соломонѣ, какъ и скинія, превратившаяся въ неподвижный крѣпкій домъ Божій, и символизмъ ихъ вполнѣ оправдываетъ ихъ положеніе, независимое отъ притвора и корпуса храма. Не признавая доводовъ г. Олесницкаго

въ пользу изолированности колоннъ, таинственное значеніе колоннъ усмотрѣлъ впервые г. Муретовъ и съ нимъ трудно не согласиться. Почтенный авторъ при этомъ случаѣ указываетъ, что одною изъ особенностей бесѣдъ Господа въ Евангеліи по Іоанну является непосредственная связь образовъ рѣчей съ данною топографическою обстановкой. Между многочисленными примѣрами, г. Муретовъ полагаетъ, что слова: Я свѣтъ міру и пр. (VIII, 20), сказанныя *у сокровищницы*, имѣли отношеніе къ мѣднымъ столбамъ, которые были видны съ того мѣста. Выраженіе: слѣдующій за Мною не будетъ ходить во тьмѣ—напоминаетъ хожденія Израиля вслѣдъ за огненнымъ столбомъ.

Суровая и мощная простота наружныхъ стѣнъ храма заключала въ себѣ недоступную для народа, неслыханную во всемъ древнемъ мірѣ роскошь внутренняго убранства. Можетъ-быть именно вслѣдствіе недоступности Библія останавливается съ особенною подробностью на описаніи внутренняго вида храма.

Въ храмѣ было два входа: изъ притвора во святое и изъ святаго во святое святыхъ. Въ толщѣ стѣны притвора были устроены двѣ пары дверей, однѣ за другими, высотой, по предположенію профессора Олесницкаго, въ 10 локтей, какъ входъ скиніи. Косяки дверей были изъ масличнаго, а двери—изъ кедроваго дерева, но кромѣ того, въ воспоминаніе о скиніи, двери прикрывались снаружи завѣсой. Слѣдующія двери, въ давиръ, были изъ масличнаго дерева и отличались отъ первыхъ надвернымъ украшеніемъ въ видѣ треугольника, такъ что обрамленіе двери, притолока съ косяками, по-еврейски *аиль*, представлялось въ видѣ пятиугольника.

Входъ въ давиръ состоялъ также изъ двустворчатой двери. Онѣ были закрыты и какъ бы запечатаны золотыми цѣпями, спускавшимися со стѣны давира, обращенной къ святилищу, и, можетъ-быть, закрывались завѣсой, когда первосвященникъ, единожды въ годъ, растворялъ двери, входя въ давиръ съ искупительною кровью. Вѣроятно, къ этой завѣсѣ относятся слова Евангелія: „завѣса церковная раздрася“ (Мѳ. XXVII, 51). Украшеніе дверей давира было образцомъ для стѣнныхъ украшеній святилища и это даетъ основаніе полагать, что упомянутая завѣса не постоянно висѣла на дверяхъ, закрывая ихъ.

Стѣны и потолокъ храма были выложены кедровыми досками, а полъ былъ кипарисовый. На коврѣ, покрывавшемъ внутреннія стѣны скиніи, были вытканы золотые херувимы; такими же херу-

вимами, только рѣзными, были украшены стѣны храма. Г. Олесницкій придаетъ имъ видъ плоскихъ рѣзныхъ изображеній, принятыхъ въ египетской скульптурѣ. Такъ какъ въ Библіи не дѣлается различія между херувимами надъ капоретомъ и херувимами стѣнными, то можно думать, что послѣдніе могли быть болѣе выпуклыми. Херувимы подробно описаны въ давирѣ и только упомянуты въ святилищѣ, изъ чего можно различить, что крылья ихъ были распростерты. Кромѣ херувимовъ упоминаются пальмовыя деревья и распускающіеся цвѣты. Изящная архитектурная форма пальмы была наилучшимъ раздѣлительнымъ орнаментомъ между отдѣльными херувимами. Вѣроятно, простыя короны пальмы образовывали вверху нѣчто въ родѣ аркады, среди которой стояли херувимы, раскрытыми крыльями наполняя верхнюю половину внутренности арки. Распускающіеся цвѣты, столь знакомые по египетскимъ картинамъ, на тонкихъ прямыхъ стебляхъ поднимались съ земли, устраняя тонкимъ, симметрическимъ рельефомъ плоскость кедровой облицовки. Стѣны храма были обложены листовымъ золотомъ такъ, что дерева не было видно на стѣнахъ, ни на потолкѣ, ни на оконныхъ рѣшеткахъ, ни на дверяхъ. На дверяхъ были также херувимы, пальмы и цвѣты. При затворенныхъ дверяхъ внутренность храма представлялась пространствомъ, замкнутымъ цѣпью пальмъ и херувимовъ, одни аилы указывали на положеніе дверей. При десятилоктевой мѣрѣ входа, считая его квадратнымъ, для каждаго херувима и двухъ пальмъ, стоящихъ по сторонамъ его, нельзя дать болѣе 10 локтей въ высоту и пяти локтей въ ширину, но послѣдняя величина сократится, если имѣть въ виду свидѣтельство Іезекіиля, который даетъ входу святаго святыхъ 7 локтей широты, 6 локтей высоты при двухлоктевомъ аилѣ; но въ описаніи Іезекіиля о высотѣ не говорится, и 6 локтей могутъ быть съ большою вѣроятностью отнесены къ плану, къ плоскости, занимаемой нижнимъ рядомъ камней, которые имѣли длины шесть локтей; да и число семь нарушаетъ десятиричную систему размѣровъ скиніи и храма. Вѣроятно, херувимы на стѣнахъ и пальмы имѣли одинаковую высоту съ херувимами дверей и давира, то-есть занимали не болѣе 10 локтей въ высоту, или нижнюю половину стѣны. Затѣмъ оставалось еще столько же свободнаго пространства наверху, прерываемаго оконными отверстіями святилища. Такъ какъ херувимы были „на всѣхъ стѣнахъ храма кругомъ“, то, вѣроятно, надъ нижнимъ поднимался второй рядъ пальмовыхъ арокъ съ

херувимами и цвѣтами. Въ простѣнкахъ между окнами могли быть херувимы въ такомъ же видѣ, какъ и на дверцахъ входа, и такое расположеніе даетъ возможность точнѣе опредѣлить число и размѣры оконъ сѣверной и южной сторонъ.

Въ давирѣ попрежнему стоялъ священнѣйшій предметъ культа—ковчегъ завѣта, сохранявшійся въ томъ видѣ, въ какомъ былъ при Моисеѣ. На каппоретѣ ковчега уже были херувимы, они, конечно, и остались на своемъ мѣстѣ. Соломонъ сдѣлалъ въ давирѣ и поставилъ среди внутренней части храма двухъ херувимовъ изъ масличнаго дерева, покрытыхъ золотомъ. Они имѣли 10 локтей вышины, стояли на своихъ ногахъ. Раскрытыми крыльями они касались стѣнъ давира и соприкасались между собою, слѣдовательно были обращены лицами ко входу, на востокъ, осѣняя крыльями каппоретъ. Такимъ образомъ, надъ ковчегомъ было четыре крылатыя статуи, единственныя въ храмѣ. Нѣтъ никакихъ основаній придавать херувимамъ какой-нибудь иной видъ, кромѣ человѣческаго, и болѣе двухъ крыльевъ. Каждое крыло было въ пять локтей и разстояніе между крыльями въ десять локтей, слѣдовательно раскрыты они были подъ угломъ въ 45°.

Но если древній ковчегъ остался неприкосновеннымъ, то остальная утварь была устроена заново. Жертвенникъ кажденій былъ сдѣланъ не изъ акаціи, а изъ кедра и, вѣроятно, собразно съ увеличившимися размѣрами храма, въ большемъ видѣ, безъ шестовъ и колецъ, ставшихъ ненужными. Вмѣсто одного свѣтильника, Хирамъ отлилъ изъ золота десять, по старому образцу: 35 лампадъ горѣли вдоль сѣверной стѣны и столько же по южной. Столъ предложенія хлѣбовъ упоминается въ книгѣ Царствъ—одинъ, въ Паралипоменонѣ — десять. Такъ какъ для богослуженія нуженъ былъ только одинъ столъ, то остальные девять могутъ считаться запаснымъ дополнительнымъ украшеніемъ святилища, соотвѣтственнымъ увеличенному числу седмисвѣщниковъ.

Внѣшняя утварь подверглась болѣе художественной обработкѣ и получила иныя формы, нежели при Моисеѣ. Жертвенникъ всесожженій Соломона былъ вчетверо больше Моисеева. Онъ имѣлъ 20 локтей длины и ширины, то-есть равнялся площади давира и ширинѣ храма, и 10 локтей высоты и былъ вылитъ изъ мѣди. Внутренность его, по закону, была наполнена дикими камнями, покрытыми сверху землей. Іезекіиль упоминаетъ *о ступеняхъ*, ведущихъ на жертвенникъ съ восточной стороны, и жертвеннику даетъ видъ трехъярусный, суживающійся къ верху:

лѣстница, вѣроятно, не входила въ указанные размѣры жертвенника, а была такою же приставкой, какъ откосъ, по которому восходили къ жертвеннику скиніи. Другимъ замѣчательнымъ предметомъ былъ огромный мѣдный сосудъ для омовенія священниковъ, мѣдное море. Круглая литая чаша, украшенная рельефною орнаментаціей растительнаго типа, имѣла въ поперечникѣ 10 локтей и 30—33 локтя въ окружности, вмѣщала въ себѣ отъ двухъ до трехъ тысячъ батовъ (ведеръ) воды и покоилась на двѣнадцати мѣдныхъ быкахъ. Подобно мѣднымъ колоннамъ, мѣдное море имѣло стѣнки въ четыре пальца толщины и было, подобно капителямъ, пятилоктей высоты. Быки, отлитые въ воспоминаніе тѣхъ быковъ, которые возили скинію въ пустынѣ, стояли на особенныхъ мѣдныхъ подставахъ. Пользовались водой, вѣроятно, снизу. Третье художественное произведеніе Хирама составляли подвижныя умывальницы, двигавшіяся на колесахъ, употреблявшіяся при жертвоприношеніяхъ для омовенія жертвъ. Особенность ихъ состоитъ въ рельефныхъ изображеніяхъ воловъ, львовъ, пальмъ, развѣсистыхъ вѣнковъ и херувимовъ. Мастеръ пользовался, повидимому, наибольшею свободой въ выборѣ украшеній для этой второстепенной утвари. Описаніе Соломонова храма даетъ полнѣйшій перечень предметовъ пластическаго искусства у Евреевъ, который впослѣдствіи только сокращался. Прочіе сосуды упомянуты вкратцѣ и отличались богатствомъ матеріала и многочисленностью.

Перечисленные сосуды стояли предъ храмомъ на огражденномъ дворѣ, какъ то было при существованіи скиніи. Устройство *дворовъ* и горницъ, окружавшихъ дворы, входило въ планъ Давида. Такъ какъ о дворахъ въ Библіи говорится мало, то прежде всего поднимается вопросъ о числѣ ихъ. Не можетъ быть сомнѣній, что Давидъ долженъ былъ имѣть въ виду два двора по крайней мѣрѣ. Дворъ скиніи, огражденный виссонною завѣсой, былъ доступенъ только священникамъ и очищающимся, но онъ стоялъ среди стана, площади, почва которыхъ также имѣла нѣкоторое священное значеніе. Такого значенія не могла имѣть пустынная вершина горы Моріа, стоявшей на краю, а не посреди города, доступная всѣмъ съ сѣвера и востока. Народъ, приходившій молиться къ храму, долженъ былъ имѣть особое помѣщеніе, огражденное отъ иновѣрныхъ. Два двора были необходимостью и, дѣйствительно, до паденія іудейскаго царства Библія неоднократно упоминаетъ о двухъ дворахъ, но такъ какъ въ исторіи Іосафата, царство-

вавшаго черезъ 62 послѣ Соломона, упоминается о новомъ дворѣ храма, то остается открытымъ вопросъ считать ли *новый* дворъ—дворомъ обыкновеннымъ, или вновь устроеннымъ при этомъ царѣ? Книга Царствъ не упоминаетъ о дворахъ; Паралипоменонъ говоритъ, что Соломонъ устроилъ, кромѣ двора священниковъ, еще *большой дворъ* и, согласно этому извѣстію, можно допустить, что новый дворъ Іосафата былъ обновленіемъ одного изъ двухъ дворовъ Соломона.

Библія не даетъ точныхъ размѣровъ этихъ дворовъ. Пространство, представляемое площадью Моріа, а также усиленная пышность, которую получилъ культъ при Соломонѣ, устраняли возможность и необходимость удвоенія пропорцій скиніи, принятаго при устройствѣ храма. По преданію, внутренній, меньшій дворъ имѣлъ 322 локтя длины и 135 ширины, причемъ длина имѣла направленіе съ запада на востокъ. Храмъ стоялъ не въ центрѣ, а на западной половинѣ, имѣя предъ собой обширную площадь для сосудовъ и жертвенника, а съ запада только узкій проходъ между стѣной двора и горницами, окружавшими давиръ и храмъ. Дворы лежали не на одномъ уровнѣ. Площадь внутренняго двора спускалась на внѣшній дворъ восемью ступенями, храмъ же, какъ мы видѣли, поднимался надъ внутреннимъ дворомъ на десять ступеней. Во внѣшній дворъ нужно было подниматься семью ступенями. Каждая ступень, по Іезекіилю, который сообщаетъ эти цифры, равнялась $^3/_4$ локтя. Террасы сообщались лѣстницами, были выровнены и вымощены, хотя на внѣшнемъ дворѣ, по преданію, Соломонъ насадилъ пальмы, маслины и кедры. Внутренній дворъ былъ четырехугольникомъ, вписаннымъ въ болѣе обширный четырехугольникъ внѣшняго двора. Каждый изъ нихъ былъ окруженъ особою оградой, которую Библія описываетъ въ слѣдующихъ темныхъ выраженіяхъ: „и построилъ внутренній дворъ изъ трехъ рядовъ обтесанныхъ камней и изъ ряда кедровыхъ брусьевъ;—большой дворъ огороженъ былъ кругомъ тремя рядами тесаныхъ камней и однимъ рядомъ кедровыхъ бревенъ.“ (III Ц. VI, 36, VII, 12). Конечно, неясное описаніе вызвало множество толкованій, нерѣдко самыхъ невѣроятныхъ. Слова „кругомъ“ и неточный переводъ Св. Іеронима внушили мысль, что дворъ былъ круглый. Тесаные камни наводили на предположеніе о колоннадѣ. Три ряда камней и рядъ кедровъ объяснялись четырьмя рядами колоннъ каменныхъ и деревянныхъ, и ограда превращалась въ портики, въ прохладныя и тѣнистыя

галлереи для прогулокъ. Другіе просто громоздили на три яруса камней ярусъ кедровыхъ бревенъ, не заботясь, что изъ этого выйдетъ. Третьи изъ кедровыхъ бревенъ дѣлали нѣчто въ родѣ рѣшетки или частокола на трехъ рядахъ камней, расположенныхъ вертикально одинъ на другомъ и т. д. Наконецъ, подъ тремя рядами камней и однимъ рядомъ кедровъ разумѣли три каменные и одинъ деревянный этажъ, или три каменные этажа съ деревянными потолками. Эту гипотезу принимаетъ и профессоръ Олесницкій. Основаніемъ для нея служитъ указъ Кира о возобновленіи храма въ I книгѣ Эздры. Рядъ камней и рядъ кедровъ тамъ замѣнены словами: три дома изъ камней и одинъ домъ *новый* изъ туземнаго дерева. Разрѣшеніе построить новый *деревянный* домъ указываетъ, что каменные дома уже существовали при Зоровавелѣ. Помимо сего, въ болѣе раннихъ свидѣтельствахъ пророческихъ и историческихъ книгъ упоминаются трехъэтажныя постройки въ дворахъ храма. Въ пророческомъ видѣніи ангелъ ведетъ Іезекіиля во внѣшній дворъ „и вотъ тамъ постройки и мостовая сдѣланы кругомъ двора; трехъэтажныя постройки на этой мостовой“. Въ планѣ Давида были предусмотрѣны „дворы дома Господня и всѣ комнаты кругомъ, сокровищницы дома Божія и сокровищницы вещей, посвященныхъ“ (I Парал. XXVIII, 12). Въ такихъ помѣщеніяхъ, кромѣ того, жили очередные священники и левиты, особый начальникъ храма и самъ первосвященникъ со своими приближенными. Здѣсь же были, по свидѣтельству пророка Іереміи, залы для судебныхъ засѣданій князей и другихъ частныхъ и богослужебныхъ цѣлей. Какъ велико было число такихъ помѣщеній видно изъ того, что дочь царя Іорама Іосавеѳъ и племянникъ ея Іоасъ шесть лѣтъ скрывались тамъ подъ защитой первосвященника и не могли быть открыты искавшею ихъ гибели царицей Гоѳоліей.

Высокимъ трехъэтажнымъ оградамъ дворовъ соотвѣтствовали пробитыя въ нихъ ворота. Во внѣшней оградѣ было шесть воротъ: на сѣверной и восточной сторонахъ по одному входу, на южной и западной—по двое воротъ. Они охранялись левитскою стражей и были окованы мѣдью. Внутренній дворъ имѣлъ глухую стѣну съ запада и по одному входу съ остальныхъ сторонъ. Эти ворота охранялись стражей изъ священниковъ и были окованы золотомъ (IV Цар. XVIII, 16; II Пар. IV, 9). Ворота дворовъ имѣли различныя названія и значеніе. Важнѣйшими считались восточныя ворота обоихъ дворовъ, ведущія прямо къ святилищу. Во

внутреннемъ дворѣ они назывались царскими и отворялись только въ праздники и въ субботніе дни. У нихъ было устроено возвышенное царское мѣсто въ пять локтей длины и ширины и въ три локтя высоты, называвшееся царскимъ столбомъ. Съ этого возвышенія новопоставленный царь, окруженный князьями и трубачами, показывается впервые народу (IV Цар. XII, 14); съ этого то мѣста провозглашаетъ царь свою волю (ib. XXIII, 3).

Сѣверныя ворота внутренняго двора назывались воротами жертвенника; съ наружной ихъ стороны у входа стоялъ ящикъ для сбора пожертвованій на ремонтировку храма (II Пар. XXIV, 8; IV Ц. XII, 10). Одни изъ южныхъ воротъ носили названіе Асупимъ, или Есефимъ, что̀ значитъ—безпріютное, покинутое дитя, и это имя объясняется существованіемъ тамъ благотворительнаго заведенія. Съ западными воротами стоялъ въ связи черный дворъ храма. Такъ какъ ворота на востокѣ пользуются первенствующимъ значеніемъ въ постройкахъ, то необходимо признать, что въ Соломоновомъ храмѣ они отличались особою крѣпостью и величіемъ, хотя нѣтъ никакихъ основаній превращать ихъ въ высокія башни, какъ это дѣлаютъ Перро и Шипье въ своей реставраціи Іезекіилева храма. Вторая книга Царствъ (XVIII, 24, 33) упоминаетъ, что въ домѣ Давида надъ воротами была горница и на кровлѣ воротъ была терраса: при трехэтажной оградѣ дворовъ храма въ 20 локтей вышины подобное же расположеніе не препятствовало монументальности воротъ. Ограда имѣла въ этажахъ 20 локтей вышины, какъ и трехъэтажныя боковыя пристройки храма, но съ наружной стороны была выше, начинаясь отъ подошвъ дворовыхъ террасъ. Для лучшей обороны и согласно восточнымъ обычаямъ помѣщенія въ оградѣ открывались окнами и дверьми во внутрь дворовъ, представляя снаружи глухую стѣну, гладкую въ нижней части и выстроенную, вѣроятно, изъ выпусковыхъ камней, а въ верхней половинѣ сложенную на подобіе пилястръ съ промежуточными углубленіями, равными ширинѣ пилястръ, какъ это видно въ сохранившихся древнееврейскихъ стѣнахъ Хеврона. Къ воротамъ вела лѣстница или, какъ мы увидимъ ниже, подземный ходъ.

Таковы свѣдѣнія о Соломоновомъ храмѣ, которыя можно было собрать изъ Библіи, преданій и вещественныхъ памятниковъ. Небольшой по своимъ размѣрамъ, сравнительно съ современными ему египетскими храмами и ассирійскими, безыскусственно-простой снаружи и немногимъ даже среди Израильтянъ доступный

внутри, онъ поглотилъ для внутренняго убранства громадныя богатства, собранныя величайшими еврейскими царями, и великолѣпіе его, сокрытое отъ постороннихъ и тѣмъ болѣе иностранцевъ, своею таинственностью разжигало алчность чужеземныхъ завоевателей. Неоднократно сокровища храма помогали іудейскимъ царямъ въ трудныя времена. Первосвященники и многочисленное духовное сословіе всякій разъ старались пополнить уступленное народными приношеніями. Неоднократно храмъ затворялся, дворы его осквернялись жертвенниками сирійскихъ и финійскихъ идоловъ, а при Манассіи самое святилище было превращено въ языческій храмъ. Наконецъ пробилъ и для него послѣдній часъ. Въ 585 году Навузарданъ, полководецъ Навуходоносора взялъ приступомъ Іерусалимъ и сжегъ храмъ. Золотые, серебряные и мѣдные сосуды были отправлены въ Вавилонъ. Ковчегъ завѣта и каппоретъ погибли. Вся ограда вокругъ храма была разрушена. На далекое пространство разбросаны были превосходные камни и капители колоннъ храма. На запустѣлыхъ дворахъ бродили лисицы, какъ по заброшенному огороду. Сохранились только ворота, высоко засыпанныя мусоромъ и щебнемъ развалинъ (Плачъ Іереміи, II, 1, 9; IV, 1). Такъ оплакиваетъ пр. Іеремія паденіе національной святыни.

III.

Въ эпоху независимости Израильскій народъ постоянно колебался между „высотами и дубравами“ языческихъ божествъ, чествуемыхъ сосѣдними иноплеменниками, и храмомъ Іеговы. Отведенные въ вавилонское плѣненіе, Іудеи въ своихъ воспоминаніяхъ о минувшей славѣ Соломонова храма обрѣли символъ своей національной самобытности; въ точномъ исполненіи закона, которымъ такъ часто пренебрегали на потерянной родинѣ—оплотъ и идеальное отечество, въ предѣлахъ котораго они могли сомкнуться въ изолированное состояніе по отношенію къ иновѣрнымъ побѣдителямъ. Книга Эсѳирь, повѣствуя о временахъ Ксеркса, свидѣтельствуетъ о томъ, какую враждебность вызывало среди Персовъ обособленіе Евреевъ на чужбинѣ. Еще болѣе взаимной ненависти было между Вавилонянами и Евреями, если припомнимъ страстныя проклятія Плача Іереміи. Безъ сомнѣнія, не одному благодушію Кира обязаны вавилонскіе Евреи разрѣ-

шенію возвратиться на родину, возстановить съ помощью царской казны разрушенный храмъ и получить изъ вавилонскихъ государственныхъ хранилищъ свои драгоцѣнные священные сосуды. Издавъ указъ съ точнымъ опредѣленіемъ размѣровъ храма, насколько это касалось государственной субсидіи, Киръ не привелъ его въ исполненіе. Только послѣ новаго государственнаго переворота и, вѣроятно, тоже не даромъ, Дарій Гистаспъ открылъ Зоровавелю, главѣ Іудеевъ, и первосвященнику Іисусу сыну Іоседекову возможность вернуться на родину съ остаткомъ народа и приступить къ построенію храма въ Іерусалимѣ.

Обновленный храмъ извѣстенъ подъ именемъ храма Зоровавеля. Свѣдѣнія о немъ скудны, неясны и отрывочны. Въ указѣ Кира было сказано: „да будетъ построенъ этотъ домъ, мѣсто жертвоприношеній, да будутъ поставлены ему твердыя основанія; высота его шестьдесятъ локтей, ширина его шестьдесятъ, ярусовъ изъ камней большихъ три и ярусъ изъ дерева одинъ. Издержки же пусть выдаются изъ царскаго дома“. Два измѣренія, означенныя въ указѣ, не имѣютъ ничего общаго съ храмомъ Соломона. Упоминаніе о жертвенникѣ, о четырехъярусныхъ зданіяхъ и о домѣ Божіемъ относитъ указъ не къ одному только корпусу храма, но къ дворамъ его, причемъ опять дважды означенное число шестьдесятъ въ Соломоновомъ устройствѣ этихъ мѣстъ не содержится. Въ виду такихъ уклоненій, митрополитъ Филаретъ въ *Начертаніи библейской исторіи* (1840 г.) полагаетъ, что такіе размѣры составляютъ примѣрный разсчетъ, сдѣланный съ цѣлью опредѣлить количество казеннаго воспособленія на устройство храма. Такъ какъ точныхъ размѣровъ зоровавелева храма въ библейскихъ источникахъ не указывается, то естественно предположить, что размѣры дома Божія остались прежніе, отличить которые въ сравнительно небольшой семидесятилѣтній періодъ запустѣнія древняго святилища, строеннаго изъ массивныхъ и долговѣчныхъ матеріаловъ, не было особенно затруднительнымъ. Храмъ Зоровавеля, конечно, не отличался внутреннею пышностью Соломонова святилища, но снаружи едва ли уступалъ по размѣрамъ древнему храму, сравнительно небольшому зданію, и о такомъ различіи Библія не упоминаетъ. Профессоръ Олесницкій держится иного мнѣнія, основываясь на словахъ пророка Аггея (II, 3) и 1 кн. Эздры (III, 12), но пророкъ не дѣлаетъ сравненій между двумя храмами, а только, указывая на развалины древняго храма, побуждаетъ приступить къ сооруженію новаго, предрекая сему послѣднему

бо́льшую славу, нежели имѣлъ прежній; а въ указанномъ мѣстѣ Эздры говорится, что при закладкѣ храма присутствующіе плакали, горестно вспоминая о погибшемъ храмѣ и радуясь сооруженію новаго—чувства вполнѣ естественныя и ни мало не подтверждающія предположенія о чрезвычайной малости новаго храма. Замѣчательная свобода, съ которою обращается съ числовыми данными Іосифъ Флавій во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, даже съ библейскими, подрываетъ довѣріе къ его выпискѣ изъ Гекатея Абдерскаго о размѣрахъ храма при Александрѣ Великомъ. Эздра и Неемія упоминаютъ о хранилищахъ, о помѣщеніяхъ для священниковъ, о перестройкѣ кладовыхъ въ жилища священникамъ. Два двора были уже при Зоровавелѣ, а при первосвященникѣ Симонѣ Праведномъ они были обведены крѣпкими стѣнами (Сир. L. 3). При Симонѣ отлито было новое мѣдное море по образцу Соломонова сосуда. Іисусъ сынъ Сираховъ съ восторгомъ вспоминаетъ о пышности и блескѣ богослуженія при Симонѣ. Конечно, золотой окладъ стѣнъ и потолка уже не возобновлялся, вмѣсто десяти свѣтильниковъ и десяти столовъ упоминается только по одному и одинъ жертвенникъ кажденія. Главнымъ же отличіемъ отъ прежняго было отсутствіе въ давирѣ кивота, каппорета и херувимовъ. По словамъ Второй книги Маккавейской, во время разрушенія храма, пророкъ Іеремія, въ сопровожденіи кивота и каппорета, чудеснымъ образомъ слѣдовавшихъ за нимъ, удалился на гору, съ которой Моисей видѣлъ обѣтованную землю, и сокрылъ въ пещерѣ святыню Израиля впредь до вторичнаго собранія разсѣяннаго народа, когда облако и свѣтъ, какъ надъ скиніей Моисея, укажутъ обновленному народу священное мѣсто. Священное подножіе, вытесанное изъ натуральной скалы, оставалось въ первобытной наготѣ. Помпей видѣлъ vacuam sedem. Такимъ образомъ, недоступный, опустѣлый давиръ облекался еще новымъ таинственнымъ значеніемъ въ мистическомъ мышленіи еврейскихъ теозофовъ. Завѣсы, великолѣпно расшитыя, попрежнему закрывали входы въ святое и святое святыхъ.

Не ограничиваясь реставраціей, вожди народа присоединяли новыя украшенія. При Симонѣ упоминаются золотые вѣнцы и такія же украшенія *въ притворѣ храма*. Послѣ опустошенія, сдѣланнаго Антіохомъ Епифаномъ, превратили храмъ въ капище Юпитера. Іуда Маккавей вновь возстановилъ храмъ, и при этомъ упоминаются на фронтѣ храма золотые вѣнцы и щиты. При первосвященникѣ Александрѣ Іаннеѣ во внутреннемъ дворѣ сдѣлана

была крѣпкая преграда между жертвенникомъ и мѣстомъ стоянія народа—неизвѣстная древнему храму и скиніи. Помпей взялъ приступомъ укрѣпленный храмъ, но не тронулъ сокровищъ: ими вскорѣ воспользовался Крассъ. Иродъ также съ боя овладѣлъ храмомъ, причемъ сожжена была западная галлерея внѣшняго двора и самый храмъ осквернился кровопролитіемъ. Страсть къ постройкамъ, необходимость примириться съ народомъ за поврежденія, причиненныя во время приступа, и желаніе пріобрѣсти популярность среди подданныхъ возстановеніемъ національнаго святилища въ стародавней славѣ, побудили Ирода къ построенію новаго храма. Въ обновленномъ іудейскомъ царствѣ Иродъ желалъ сдѣлаться новымъ Соломономъ въ глазахъ народа, но времена были уже не тѣ. Тяжело было народу при Соломонѣ, но онъ былъ независимъ, иноплеменники несли болѣе тяжелую повинность при постройкѣ древняго храма; при Иродѣ, хотя онъ и не позволялъ себѣ такихъ явныхъ уклоненій отъ закона, какъ Соломонъ, народъ изнемогалъ подъ тяжкою десницей далекаго Рима и ненавидѣлъ Ирода, какъ чужеземца и узурпатора.

Для насъ второй храмъ имѣетъ особливую важность: въ немъ училъ Спаситель.

Иродъ, по словамъ Іосифа Флавія, такимъ образомъ высказываетъ побужденія къ передѣлкѣ храма: „храму, воздвигнутому праотцами по ихъ возвращеніи изъ плѣна вавилонскаго, не достаетъ шестидесяти локтей высоты, чтобы сравниться съ храмомъ Соломона; нашъ долгъ теперь довершить то, чего не могли сдѣлать наши предки, находившіеся въ порабощеніи“. Іосифъ приписываетъ Ироду мнѣніе, что храмъ Соломона былъ 120, а храмъ Зоровавеля—60 локтей высоты: ни тотъ, ни другой не имѣли болѣе 42 локтей. Предположеніе о 120локтевой высотѣ возникло въ раввинской средѣ подъ вліяніемъ видѣнія пророка Іезекіиля. Иродъ, строя свой храмъ, отдавался почти исключительно своему вкусу, не заботясь о точномъ исполненіи раввинскихъ фантазій. Храмъ онъ предположилъ воздвигнуть въ господствовавшемъ тогда грекоримскомъ стилѣ, и тотъ же Іосифъ, вѣрный послѣдователь фарисеевъ, путая цифры, все-таки долженъ былъ сказать, что Иродовъ храмъ не превышалъ ста локтей. Впрочемъ, ревнители не отказались отъ 120локтевой высоты. По смерти Ирода, они уже заготовили матеріалъ для возведенія дополнительнаго этажа. Послѣдовавшее разореніе храма и города положили конецъ этому предпріятію. Конечно, въ столь важномъ

вопросѣ Иродъ неминуемо долженъ былъ встрѣтиться съ непреклонными хранителями іудейскихъ преданій и сдѣлать уступки: устройство храма было предоставлено священникамъ, передѣлка дворовъ осталась за Иродомъ.

Царь, соединяя политическіе разсчеты съ художественными цѣлями, расчистилъ площадь дворовъ, отвелъ часть площади подъ замокъ Антонію, откуда могъ господствовать надо всею мѣстностью, и снесъ трехъэтажныя постройки у стѣнъ, замѣнивъ ихъ открытыми колоннадами греческаго стиля. Внѣшній дворъ пріобрѣлъ совершенно иной видъ и получилъ названіе двора язычниковъ. Въ сооруженіи собственно храма профессоръ Олесницкій открываетъ значительное вліяніе вавилонскихъ образцовъ. Ассиро-вавилонскія стихіи можно усмотрѣть уже въ пророкѣ Іезекіилѣ (шестокрылые серафимы), и опѣ не остались безъ воздѣйствія на Евреевъ, оставшихся въ Вавилонѣ, съ которыми палестинскіе Іудеи поддерживали постоянныя сношенія. Первосвященникомъ при Иродѣ былъ Вавилонянинъ Анапель. Изъ Вавилона же царь вызвалъ для совѣта въ дѣлахъ управленія и при устройствѣ храма князя первосвященника Гиркана. Самыя пропорціи храма не совпадаютъ съ античными. Второй храмъ, такимъ образомъ, являлся странною амальгамой классическаго и вавилонскаго стиля.

Цѣльное описаніе знаменитаго сооруженія даетъ только Іосифъ Флавій, отдѣльныя подробности можно найти въ *Талмудѣ*, новомъ завѣтѣ и позднѣйшихъ писателяхъ. Очевидецъ, Іосифъ Флавій, однако, обращаетъ болѣе вниманія на устройство дворовъ, нежели собственно на храмъ, да и описывая дворы остается, по своему обыкновенію, умышленно или неумышленно, источнымъ. Талмудическія же преданія, вообще, имѣютъ мало историческаго значенія, какъ по отдаленности своихъ источниковъ отъ эпохи существованія храма, такъ и по своему догматическому направленію, ради котораго историческая истина зачастую приносится въ жертву.

Храмъ Зоровавеля имѣлъ одинъ дворъ, къ которому первосвященникъ Симонъ присоединилъ второй. Остальная площадь горы Моріа была покрыта развалинами Соломоновыхъ построекъ со временъ вавилонскаго разоренія. Окружная стѣна была разрушена, за исключеніемъ нѣкоторыхъ частей восточной стѣны, сходившей съ края горы въ Кедровую лощину громаднымъ моломъ. Эта восточная стѣна постоянно слыла, какъ Соломонова постройка. Высота ея была такова, что у стоявшихъ на верху, при

взглядѣ внизъ, могла закружиться голова. На этомъ мѣстѣ, по мнѣнію профессора Олесницкаго, слѣдуетъ видѣть крыло храма, на которомъ искушалъ діаволъ Богочеловѣка; съ этой же стѣны былъ низвергнутъ апостолъ Іаковъ, надгробіе котораго впослѣдствіи указывали внизу ея. Иродъ выстроилъ вновь сомкнутую стѣну кругомъ всей площади внѣшняго двора. Размѣры храма и дворовъ остались прежніе. Иродъ пользовался тѣми основаніями, которыя уцѣлѣли со временъ Соломона, и въ особенности это относится ко храму, въ которомъ богослуженіе не прекращалось во все время построекъ при Иродѣ. О размѣрахъ четыреугольника, занятаго храмомъ и моломъ, точныхъ свѣдѣній нѣтъ. Приблизительно, можно принять свидѣтельство пророка Іезекіиля, который опредѣляетъ средній размѣръ сторонъ въ 500 локтей, но тотъ же пророкъ указываетъ, что за предѣлами священнаго мѣста было еще по 50 локтей съ каждой стороны. На сѣверной сторонѣ, кромѣ того, въ предѣлахъ мола лежала „отлученная часть“ (Іезек. XLIII, 21), отдѣленная отъ храма стѣной, хотя снаружи обведенная общею стѣной мола. Тамъ были склады приношеній и сожигались жертвы, которыя не могли быть принесены на жертвенникъ всесожженій. На сѣверной сторонѣ стояли издревле башни Хананель и Меа, и были между ними Овечьи ворота. Первосвященникъ Гирканъ построилъ тамъ для себя укрѣпленный замокъ и хранилъ въ немъ первосвященническое облаченіе. Иродъ обратилъ сѣверозападную часть двора въ крѣпость Антонію и раздѣлилъ дворъ ея стѣной отъ складовъ. Эта часть называлась Бетѳагіей и соединялась подземнымъ ходомъ со внутреннимъ дворомъ храма. Съ сѣверною частью соединяются ворота Тери и прудъ Струѳіонъ, о нихъ упоминаютъ Іосифъ и Мишна, но только раскопки Варрена дали возможность опредѣлить ихъ положеніе. Подземный проходъ въ отлученную часть храма продолжался до подземной купальни, вода въ которую была проведена изъ пруда Биркетъ Израэль, лежавшаго на сѣверо-востокѣ отъ мола, посредствомъ отверстія, называвшагося Тери. Этою купальней пользовались священники, случайно осквернившіеся въ храмѣ. Прудъ, нынѣ носящій названіе Биркетъ Израэль, у Іосифа называется Струѳіонъ, Птичьимъ прудомъ.

Для выравненія южной части горы вмѣсто глухой земляной насыпи были построены подземные каменные своды и уже на сводахъ настилалась земля въ уровень съ остальною частью площади. На юго-западѣ уклонъ горы былъ сильнѣе, но подземелій

тамъ еще не найдено. Открытыя два подземелья находятся подъ нынѣшнею мечетью Эль-Акса, построенною на мѣстѣ царскаго портика Ирода, или подземелье двойныхъ воротъ, и подземелье тройныхъ воротъ на юго-востокѣ. Первое подземелье представляетъ корридоръ длиной отъ сѣвера на югъ въ 260 футовъ, шириной въ 40 футовъ, раздѣленный на два пролета на сѣверномъ концѣ стѣной, потомъ четыреугольными столбами, а на южномъ концѣ—монолитными колоннами. Грунтъ корридора понижается съ сѣвера на югъ на 10 футовъ, а нынѣ съ площади Харама къ нему спускаются лѣстницей въ 16 ступеней. На южномъ концѣ, въ стѣнѣ храмоваго мола была двойная дверь, раздѣлявшаяся большимъ четыреугольнымъ столбомъ, сложеннымъ изъ выпусковыхъ камней, каждая половина воротъ имѣетъ 14 футовъ ширины и покрыта плоско цѣльною каменною притолокой. Потолокъ тоннеля сводчатый. На сѣверномъ концѣ находится сводчатая камера въ 17 футовъ длины и ширины. Стѣны тоннеля сложены изъ огромныхъ древнееврейскихъ камней. Этотъ проходъ, безъ сомнѣнія, относится къ ветхозавѣтному храму и указаніе на него есть у Іезекіиля (XL, 6 и сл.). Раскопки обнаружили существовавшій подъемъ къ этимъ воротамъ. Еще замѣчательнѣе второе, юговосточное подземелье. Оно состоитъ изъ шестнадцати галлерей, образуемыхъ рядами четыреугольныхъ столбовъ, около трехъ футовъ толщины, поддерживающихъ полукруглые своды подземелья и расположенныхъ по длинѣ съ сѣвера на югъ. Длина галлерей отъ 25 и до 60 футовъ, общая ихъ ширина 350 футовъ. Столбы сложены изъ квадратныхъ или длинныхъ камней. Двѣ западныя галлереи должны были выходить воротами на площадь храма и образовать вторыя южныя ворота храма, но эти ворота были не двойныя, а тройныя. О назначеніи этого подземелья существуютъ различныя предположенія. Мнѣніе профессора Олесницкаго заключается въ слѣдующемъ. Юговосточная часть храма называется Офеломъ или Офлой. Подъ этимъ названіемъ слѣдуетъ разумѣть башню, которая съ другою башней, Базанъ или Мишне, соотвѣтствовала сѣвернымъ башнямъ, Хананель и Меа. Обширныя подземелья подъ этими башнями, выходившія на склонъ горы, ненужныя для храмовыхъ построекъ, сдѣлались убѣжищемъ нищихъ, во множествѣ стекавшихся къ святилищу и жившихъ подаяніемъ и остатками отъ жертвенныхъ приношеній. Еще въ XII вѣкѣ еврейскій путешественникъ называетъ южную часть храма— богадѣльней Соломона. По преданію здѣсь же

были конюшни Соломона, но профессоръ Олесницкій предполагаетъ, что онѣ помѣщались еще глубже, въ неоткрытомъ нижнемъ этажѣ этого подземелья. Такимъ образомъ, сѣверная часть площади была занята храмовымъ хозяйствомъ, южная—предоставлена бѣдному народу. Изнутри стѣны имѣли не менѣе 25 локтей и вокругъ ихъ шла галлерея въ три ряда огромныхъ мраморныхъ и монолитныхъ колоннъ, въ 18 локтей высоты, покрытая кедровою крышей: такъ исполнилъ Иродъ предписаніе закона о трехъ рядахъ камней и одного ряда дерева. На восточной, сѣверной и западной сторонахъ колонны составляли два коррилора для движенія народа впередъ и назадъ. Внутренній, третій рядъ примыкалъ къ стѣнѣ, въ которой были прорѣзаны большія окна, а вдоль были устроены выступы, или скамьи для отдохновенія. По нѣкоторымъ остаткамъ можно думать, что колонны были коринѳскаго ордена, особенно бывшаго въ модѣ въ императорскую эпоху. Кедровая крыша была односкатная, упиравшаяся верхнимъ краемъ въ гребень стѣны и спускавшаяся на крайній, наружный рядъ колоннъ. Разстояніе между рядами колоннъ, по Іосифу, было 15 локтей, слѣдовательно, общая ширина галлерей равнялась 30 локтямъ, а между колоннами одного ряда не менѣе 7 ½ локтей. Число колоннъ неизвѣстно. Надъ площадью галлереи были подняты на нѣсколько ступеней и вымощены разноцвѣтнымъ мраморомъ. Лишенныя живописной и скульптурной орнаментаціи, галлереи были утомительно-монотонны. Холодная правильность архитектурныхъ линій нарушалась только трофеями прежнихъ и иродовскихъ войнъ, да разными поминальными приношеніями, образцомъ которыхъ можетъ служить мраморная нога съ надписью нѣкоей Помпеи Луциліи, найденная въ развалинахъ, вѣроятно, принесенная въ память исцѣлѣнія отъ болѣзни женой одного изъ римскихъ правителей Іудеи.

Южная галлерея имѣла особое устройство. Въ ней было четыре ряда колоннъ, каждая въ 25 локтей высоты, и въ три человѣческіе обхвата въ окружности, стояла на двойномъ пьедесталѣ и вѣнчалась коринѳскою капителью. Для опредѣленія ея широты служитъ сохранившаяся подземная галлерея, составлявшая нижній этажъ этой постройки. Верхнія колонны должны были опираться на подземные монолиты, которые стоятъ одинъ отъ другаго на разстояніи 20 футовъ, а въ ширину занимаютъ своими рядами 40 футовъ. Такимъ образомъ надземная галлерея имѣла 800 футовъ длины. Она не доходила до западнаго и восточнаго

угловъ на 45 футовъ или 30 локтей съ каждаго конца. На архитравахъ среднихъ двухъ рядовъ возвышался аттикъ со вторымъ двойнымъ рядомъ колоннъ, покрытыхъ двускатною крышей; отъ базисовъ этихъ колоннъ на крайніе два ряда колоннъ опускалась односкатная крыша. Южная галлерея, такимъ образомъ, представляла базилику о трехъ нефахъ, освѣщенную съ обѣихъ сторонъ и, вѣроятно, также сверху. Своимъ устройствомъ базилика напоминала царскій портикъ, στοὰ βασιλικὴ, находившійся на южной сторонѣ аѳинской площади, которая была обращена длинною лицевою стороной также на сѣверъ. По раввинскому преданію, на внѣшнемъ дворѣ храма находилась одна изъ 480 іерусалимскихъ синагогъ. При чтеніи закона первосвященнику прислуживали въ ней не левитъ, но хазанъ (смотритель) и начальникъ синагоги. Въ подобной базиликѣ, огромнаго размѣра, въ Александріи, собиралось еврейское сонмище. Эта базилика Ирода была великою іерусалимскою синагогой. Въ ней обрѣли родители божественнаго двѣнадцатилѣтняго отрока Іисуса Христа (Лук. II, 46) сидящимъ среди раввиновъ, удивляя ихъ мудростію своихъ отвѣтовъ.

Обычнымъ мѣстомъ Христовой проповѣди былъ, однако, восточный портикъ, называемый въ Евангеліи притворомъ Соломоновымъ, потому что онъ примыкалъ къ стѣнѣ, сохранившейся отъ эпохи древнихъ царей. Западная и сѣверная галлереи имѣли болѣе военное и полицейское значеніе. Онѣ примыкали къ крѣпкому замку, который былъ вдвинутъ въ сѣверо-западный уголъ храма Иродомъ для ближайшаго надзора за порядкомъ въ храмѣ. Въ этомъ мѣстѣ находится натуральное возвышеніе скалы на 50 локтей, обрывистое и отвѣсное. Иродъ выровнялъ бока его, покрылъ снаружи мраморными плитами и устроилъ лѣстницы, соединяющія его съ площадью храма. Замокъ состоялъ изъ четыреугольника высокихъ стѣнъ съ башнями по угламъ. Внутри были царскія палаты, казармы, баня, тюрьма. Въ честь своего покровителя Иродъ назвалъ это укрѣпленіе Антоніей. Важныя новозавѣтныя событія соединены съ Антоніей. Вопервыхъ, по господствующему мнѣнію, здѣсь находилась преторія, въ которой Пилатъ судилъ Христа. Раскопки въ Іерусалимѣ, произведенныя въ 1883 году на русскомъ мѣстѣ, даютъ основаніе къ предположенію, что преторія Пилата находилась ближе къ Голгоѳѣ, а не въ Антоніи. Въ этомъ замкѣ былъ заключенъ апостолъ Петръ, чудесно освобожденный ангеломъ; сюда же заключили апостола

Павла, и онъ держалъ рѣчь къ возмущенной толпѣ, стоя на лѣстницѣ, соединявшей Антонію со дворомъ храма. Народъ, впрочемъ, избѣгалъ приближаться къ этому мѣсту, и потому сѣверная и западная стороны двора были вообще малолюдны. Иродъ укрѣпилъ этотъ пунктъ, но военное и полицейское его значеніе было установлено еще при царяхъ. За смѣлыя предсказанія Іеремія пророкъ былъ посаженъ въ колодку при вратахъ Веніаминовыхъ, находившихся въ сѣверозападномъ углу. Начальство надъ этимъ важнымъ пунктомъ принадлежало священнику, стоявшему во главѣ храмовой стражи.

Портики внѣшняго двора пересѣкались со всѣхъ сторонъ воротами, число которыхъ увеличено было только со стороны города, въ западной стѣнѣ. Устройство воротъ, вслѣдствіе неровности почвы, потребовало подъемовъ, тоннелей, лѣстницъ и мостовъ. Со свойственною ему сбивчивостью, Іосифъ Флавій не обратилъ достаточнаго вниманія на описаніе воротъ. Скудныя свѣдѣнія его дополняются Мишной и въ особенности новѣйшими раскопками, тѣмъ болѣе, что продовы ворота сохранились почти въ полномъ числѣ и въ современномъ храмовомъ дворѣ. Мишна предполагаетъ на восточной сторонѣ одни ворота, называемыя въ *Дьяніяхъ* краснымп (ὡραία) по созвучію съ латинскимъ *aurea*, называемыхъ иногда золотыми. Они были двойныя; каждая амбразура имѣла 3 метра 85 сант. ширины и покрыты огромными цѣльными косяками. Покрывающая ихъ башня раздѣляется на два пролета четырьмя колоннами въ 20 футовъ высоты и трехъ метровъ въ обхватѣ, изъ сѣраго мрамора. Среднія двѣ колонны стоятъ отдѣльно, крайнія вдѣланы въ столбы, которыми раздѣляются амбразуры при входѣ и выходѣ изъ башни. Капители коринѳскаго ордена, римской работы. Колоннамъ соотвѣтствуютъ въ стѣнахъ восемь пилястровъ того же стиля. Потолокъ образуется изъ шести низкихъ куполовъ. Надъ пилястрами идетъ по стѣнѣ сложный карнизъ. Здѣсь произошло исцѣленіе Петромъ хромаго (*Дѣян.* III). Изъ Кедровой долины къ этимъ воротамъ вела лѣстница. Обращенныя къ незаселенной мѣстности, въ древнее время эти ворота отворялись рѣдко, и пророкъ Іезекіиль говоритъ о заключенныхъ восточныхъ воротахъ. Они назывались также воротами Сузы или Шушанъ, по имени персидскаго города, который былъ изображенъ въ рельефѣ надъ воротами. Въ камерѣ надъ ними собирался малый синедріонъ, и тамъ же былъ прибитъ на стѣнѣ нормальный еврейскій локоть. Двое воротъ,

устроенныхъ Соломономъ на южной сторонѣ, сохранились и въ Иродовомъ храмѣ. Мы видѣли, что они вводили снаружи внутрь двора тоннелями, проложенными подъ царскимъ портикомъ или базиликой, и имѣли одни—два пролета, другія—три. На западной сторонѣ было четверо воротъ. Самыя южныя назывались царскими; отъ нихъ черезъ долину Тиропеонъ былъ перекинутъ мостъ на противолежащую высоту еще при Соломонѣ; Иродъ выстроилъ новый надъ прежнимъ, разрушеннымъ и погребеннымъ подъ мусоромъ развалинъ; они не были доступны для общаго пользованія. Слѣдующія ворота соединялись съ городомъ лѣстницами, устроенными по обѣ стороны названной долины. На сѣверной сторонѣ были одни ворота, Тери, пользованіе которыми принадлежало, какъ увидимъ, однимъ священнослужителямъ.

Окруженный портиками, большой дворъ храма, доступный язычникамъ, былъ отдѣланъ тщеславнымъ Иродомъ со особеннымъ великолѣпіемъ. Здѣсь располагались мѣнялы со своими кассами. Стекавшіеся отовсюду Іудеи къ 15 дню мѣсяца Адара представляли храмовую подать ($^1/_2$ сикля съ человѣка) и мѣнялы наживали крупныя состоянія, взимая за размѣнъ сикля на два полусикля по оболу ($^1/_{12}$ сикля). Еще болѣе загромождался дворъ волами, овцами, голубями, доставлявшимися сюда для жертвоприношеній въ праздничные дни. Въ обыкновенное время такихъ животныхъ можно было купить „подъ кедрами“, въ лавкахъ на Елеонской горѣ. Среди продавцовъ были также купцы изъ язычниковъ. Торговля допускалась только въ часы жертвоприношеній, послѣ чего скотъ удалялся и дворъ очищался левитами. Площадь двора была вымощена, хотя и не плитами. Во время народныхъ волненій мостовые камни безъ труда вырывались изъ грунта и становились орудіемъ нападенія и защиты. Этими камнями фарисеи хотѣли побить Христа, когда онъ объявилъ себя бо́льшимъ Авраама (Іоаннъ VIII, 56). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, кажется, мостовой не было: Іисусъ Христосъ писалъ перстомъ на землѣ храма (Іоан. VIII, 6, 8; Дѣян. XXII, 23). Растительность, упомянутая въ 52 псалмѣ, была тщательно истреблена фарисеями, чтобъ устранить даже отдаленный намекъ о служеніи на высотахъ въ рощахъ, обличаемомъ пророками. Въ разныхъ мѣстахъ площади, особенно у входовъ въ воротныя башни, было устроено много фонта́новъ.

Внутренній дворъ узкимъ пространствомъ отдѣлялся отъ западнаго портика, разстояніе отъ сѣвернаго было шире, еще

болѣе оно было отъ восточнаго, и самый широкій промежутокъ отдѣлялъ его отъ южной базилики, гдѣ и сосредочивалось главное народное движеніе. Внутренній дворъ длинными сторонами простирался съ запада на востокъ, тогда какъ длинныя линіи внѣшняго двора шли съ сѣвера на югъ. Такое расположеніе опредѣлялось естественнымъ поднятіемъ площади горы Моріи. Онъ соединялся съ нижнею платформой лѣстницами, но прежде лѣстницъ отдѣлялся отъ внѣшняго двора особеннымъ барьеромъ трехлоктевой высоты, изящно украшеннымъ. По барьеру были устроены столбы съ надписями на греческомъ и латинскомъ языкахъ, возбраняющими иностранцамъ входить на внутренній дворъ подъ страхомъ смерти. Одна изъ этихъ плитъ открыта археологомъ Клермонъ-Ганно и находится въ настоящее время въ Оттоманскомъ музеѣ въ Константинополѣ. Греческій текстъ ея гласитъ: „да никто изъ иностранцевъ не входитъ внутрь барьера и ограды, которая вокругъ священнаго мѣста; кто же будетъ уличенъ въ этомъ, тотъ навлечетъ на себя наказаніе смертію“. По свидѣтельству Мишны проходовъ въ барьерѣ было 13 и слѣдовательно было 13 надписей греческихъ и столько же латинскихъ; въ еврейскихъ, конечно, не было никакой необходимости. Іудей, позволившій себѣ ввести иностранца за барьеръ, подвергался также смерти, какъ это видно изъ случая съ апостоломъ Павломъ (Дѣян. XXI, 26—31; XXIV, 6). По ученію апостола Павла только кровь Христа могла уничтожить средостѣніе между замкнутымъ міромъ внутренняго іудейскаго двора и міромъ внѣшняго двора язычниковъ (Ефес. II, 14).

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ барьера шла широкая крѣпостная стѣна съ башнями, обращавшая внутренній дворъ въ цитадель горы. Наружная высота ея была въ 40 локтей, то-есть въ десять разъ меньше наружной высоты первой ограды; внутри она была 25 локтей. Поднятіе на 15 локтей для удобства сообщенія съ нижнимъ дворомъ было облегчено насыпью, которая образовала кругомъ стѣны валъ въ 10 локтей ширины съ трехъ сторонъ, кромѣ западной, гдѣ онъ былъ меньше вслѣдствіе отсутствія воротъ. Съ этихъ трехъ сторонъ валъ былъ устроенъ лѣстницей въ 14 уступовъ, обложенныхъ камнями; у воротъ эти уступы, конечно, обращались въ лѣстницы съ болѣе мелкими ступенями. Ворота внутренней стѣны не соотвѣтствовали ни входамъ во внѣшній дворъ, ни проходамъ въ барьерѣ. Съ западной стороны воротъ вовсе не было. Всѣхъ воротъ было десять: съ

сѣверной и южной стороны по четыре, съ восточной — одни и внутри двора еще одни. Они были двустворчатыя, 20 локтей въ высоту и 10 въ ширину. Восточныя ворота имѣли по сторонамъ двѣ малыя двери; они были отлиты изъ дорогой бронзы, почему назывались коринѳскими, и были такъ тяжелы, что нужно было 20 левитовъ, чтобъ отворить ихъ. Въ башнѣ надъ этими воротами Иродъ устроилъ наблюдательный постъ и, чтобъ обойти запрещеніе, выставленное на барьерѣ, соединилъ его съ Антоніей подземнымъ ходомъ. Прочія ворота были богато отдѣланы сначала золотомъ, а потомъ серебромъ.

Внутренній дворъ имѣлъ 135 локтей ширины съ сѣвера на югъ и 322 локтя длины съ запада на востокъ. На 135 локтѣ отъ Коринѳскихъ воротъ площадь поднималась на 7 или 7 ½ локтей, и здѣсь начиналось новое внутреннее отдѣленіе. Внутри вдоль всѣхъ стѣнъ, между воротными башнями шли открытые портики, изъ колоннъ мраморныхъ, яшмовыхъ и порфирныхъ коринѳскаго типа. Первое отдѣленіе представляло квадратъ во 135 локтей и называлось дворомъ женщинъ, которымъ западное отдѣленіе было недоступно. Онъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ стѣнами и галлереей, которая въ углахъ прерывалась камерами, каждая въ 40 локтей длины и ширины, въ которыхъ осматривались выздоровѣвшіе прокаженные, постригались назареи, хранились запасы масла, сосуды, инструменты и т. п. Часть такихъ предметовъ находилась въ подземныхъ отдѣленіяхъ камеръ. На этомъ дворѣ стояли четыре огромные золотые подсвѣчника, зажигавшіеся въ праздникъ Кущей, и, кромѣ того, въ разныхъ мѣстахъ были прибиты кружки для сбора приношеній на различныя потребности храма. Въ праздники здѣсь толпилось много народа. Въ виду этихъ кассъ нерѣдко останавливался и проповѣдывалъ Христосъ (Марк. XII, 41; Лук. XXI, 1; Іоан. VIII, 20). При каждой кассѣ находились очередные священники: они отказались принять кровавые сребренники Іуды предателя: по Талмуду деньги, добытыя безнравственнымъ способомъ, не могли поступать въ церковныя кружки, но возвращались жертвователямъ или передавались въ городскія кассы, на улучшеніе дорогъ, колодцевъ, на устройство странноприимницъ и т. п. Въ галлереѣ съ кружками, ради соревнованія, висѣли золотыя оковы царя Агриппы, одинаковыя по виду и по вѣсу оковамъ, которые онъ носилъ въ римской темницѣ при Калигулѣ.

Такъ какъ во дворѣ женщинъ могли быть и мужчины (Марк.

XII, 41; Лук. XXI, 1), то тѣснота и безпорядки привели къ необходимости устроить особое отдѣленіе для женщинъ въ надстроенныхъ верхнихъ галлереяхъ, гдѣ были заведены также особыя женскія кассы. Ходъ на эти хоры былъ съ сѣверныхъ и южныхъ воротъ двора женщинъ. Внизу и въ воротахъ Коринѳскихъ женщины перестали показываться.

Квадратный дворъ женщинъ отдѣлялся стѣной отъ западнаго продолговатаго отдѣленія двора, которое имѣло 135 локтей ширины и 187 локтей длины. Вокругъ него шли также галлереи изъ колоннъ, покрытыхъ навѣсомъ. Въ стѣнѣ, на востокъ и на западъ, были пробиты шесть воротъ, а между галлереями возвышалось десять зданій: по четыре на сѣверной и южной сторонахъ и два по сторонамъ воротъ, ведущихъ во дворъ женщинъ. На сѣверной сторонѣ замѣчательна изъ нихъ двухъэтажная постройка съ караульней на верху, называвшаяся Парва, изъ которой подземный ходъ приводилъ въ подземелье подъ мѣстомъ святаго святыхъ, а другой ходъ велъ на кровлю храма. Въ другой сѣверной постройкѣ былъ, между прочимъ, подземный ходъ въ купальню, бывшую за стѣнами храмовыхъ дворовъ. На южной сторонѣ было зданіе въ видѣ трехнефной базилики для засѣданія великаго синедріона, состоявшаго изъ 71 члена. Нѣкоторыя изъ этихъ построекъ внѣшнею стороной выходили изъ линіи окружной стѣны. Грунтъ двора состоялъ изъ натуральной выровненной скалы, а тамъ, гдѣ для выравненія была присыпана земля, онъ былъ вымощенъ плитами. Это отдѣленіе двора опять подраздѣлялось на двѣ части. На разстояніи 11 локтей отъ восточной стѣны былъ сдѣланъ поперекъ двора изящный брустверъ, отдѣлявшій узкую полосу, „дворъ Израильтянъ“, отъ остальной части, двора священниковъ, которая возвышалась надъ первою на одинъ локоть. Восточное отдѣленіе назначалось для 10 представителей общества, требовавшихся, по обычаю, при нѣкоторыхъ служебныхъ дѣйствіяхъ. Широкія ворота этой внутренней стѣны открывались по срединѣ противъ жертвенника, устроеннаго въ 11 локтяхъ отъ этой стѣны среди двора священниковъ.

Жертвенникъ составлялъ центральный пунктъ ветхозавѣтнаго богослуженія. Образцомъ для его устройства послужилъ жертвенникъ, описанный Іезекіилемъ (XLIII, 16). По преданію, записанному въ Мишнѣ, онъ имѣлъ въ основаніи 32 локтя съ каждой стороны и возвышался четырьмя неравномѣрными уступами, суживающимися въ такомъ порядкѣ, что собственно жерт-

венникъ наверху имѣлъ два локтя высоты и 24 локтя съ каждой стороны. Общая высота жертвенника равнялась почти десяти локтямъ или 58 ладонямъ. На восточной сторонѣ по этимъ уступамъ была проведена лѣстница и такая же находилась на южной сторонѣ. Основой для жертвенника служили грубые, необдѣланные камни изъ Бетъ-Херема при Виѳлеемѣ, залитые известью и свинцомъ, но наружная обшивка состояла уже не изъ мѣди, а изъ каменныхъ плитъ, которыя бѣлились дважды въ годъ: на Пасху и къ празднику Кущей. Каждую субботу кровяныя пятна на стѣнкахъ жертвенника замазывались известкой: соскабливать пятна желѣзнымъ орудіемъ воспрещалось. Для стока возліяній вина, крови и отбросовъ были устроены подземныя приспособленія, соединявшіяся съ площадкой жертвенника. Вино стекало въ особый резервуаръ и уничтожалось испареніемъ, а осадки очищались черезъ 60 или 70 лѣтъ; кровь стекала черезъ каналъ въ яму, устроенную между жертвенникомъ и храмомъ, которая очищалась ежедневно водой, уносившею кровь подземнымъ стокомъ къ Кедрскій потокъ, гдѣ она продавалась на удобреніе садовъ; наконецъ, въ третье устье, пробитое на южномъ подъемѣ жертвенника, въ особое подземелье или пещеру сбрасывались ненужные отбросы жертвенныхъ животныхъ и т. п. На сѣверной сторонѣ жертвенника были кольца для привязи закалаемыхъ животныхъ, 8 мраморныхъ столовъ и столько же столбовъ съ перекладинами для снятія кожи. Жертвенникъ занималъ въ длину все пространство между сѣверною и южною галлереями. На юго-западной сторонѣ стоялъ каменный бассейнъ, замѣнившій мѣдное море Соломона, наполнявшійся водой изъ цистерны, помѣщенной подъ одною изъ южныхъ пристроекъ.

Храмъ, называемый въ источникахъ кораблемъ, ὁ ναός, hechal, стоялъ на платформѣ, на которую восходили со двора по 12 ступенямъ, въ свою очередь раздѣлявшимся на четыре площадки, такъ какъ послѣ каждыхъ двухъ ступеней третья была втрое шире. Вся лѣстница была изъ бѣлаго мрамора. Лѣстница была только съ восточной стороны, начиналась сейчасъ за жертвенникомъ и была съ этой стороны высотой въ 6 локтей. Съ другихъ сторонъ, слѣдуя грунту двора, платформа была выше. Она была сложена изъ огромныхъ циклопическихъ камней до 45 локтей въ длину, при ширинѣ въ 6 локтей и высотѣ въ 5 локтей; для всей длины платформы требовалось не болѣе трехъ такихъ камней. Передъ фронтомъ храма была площадка въ 4 или 5 локтей шири-

ны и, вѣроятно, такая же шла вокругъ корабля на остальныхъ сторонахъ. По краю платформы можно предположить небольшую стѣнку, согласно Второзаконію (XXII, 8).

Внутреннее раздѣленіе втораго храма было такое же, какъ и въ храмѣ Соломона; притворъ, святое, святое святыхъ, и боковыя пристройки съ камерами, но снаружи храмъ представлялъ совершенно иное зрѣлище. Къ сожалѣнію, ни пластика, ни письмо не передали намъ точнаго и вразумительнаго описанія внѣшняго вида храма. Общая высота его, съ платформой, достигала 100 локтей. Снаружи древняя одноэтажная храмина Соломонова храма съ четырьмя подраздѣленіями фриза занимала 45 локтей и такой же высоты былъ верхній, новый этажъ, оба вмѣстѣ должны составлять высоту въ 90 локтей. Наверху, кромѣ законной балюстрады по краямъ крыши, упоминается еще *Kole oreb*—воронье пугало—въ одинъ локоть. Одни предполагаютъ, что это были острые шпили, препятствовавшіе птицамъ садиться на кровлю; другіе—желѣзная доска съ изображеніями птицъ, устроенная для такой же цѣли. Третье преданіе сообщаетъ, что Kole oreb было какое-то особенное сооруженіе, украшенное изображеніемъ птицъ. Профессоръ Олесницкій, предполагая, что верхнее сооруженіе первоначально называлось не Kole orĕb, а Kole ĕreb, переводитъ эти слова—*башней навечерія* и считаетъ его призывною башней, или минаретомъ, подобія же птицъ считаетъ барельефами, украшавшими эту башню. Изъ сѣверо-восточной двери въ боковой пристройкѣ, по витой лѣстницѣ поднимались на кровлю пристройки и, обойдя по плоской крышѣ вокругъ храма, находили на южной сторонѣ входъ въ верхній этажъ. По обычаю, входъ въ древнихъ синагогахъ всегда устроивался на южной сторонѣ. Такимъ образомъ, по преданіямъ, высота храма не идетъ далѣе 91 локтя. Іосифъ Флавій старается прежде всего подвести дѣйствительность подъ описаніе Іезекіиля и колеблется между 100 и 120 локтями высоты, почему у единственнаго писателя очевидца нельзя найти данныхъ для настоящаго представленія о храмѣ. Изъ этихъ разнорѣчивыхъ свѣдѣній составляется нѣчто очень затруднительное: зданіе, при 20 локтяхъ внутренней широты, имѣющее въ каждомъ этажѣ по 40 локтей въ вышину.

Но какимъ образомъ фарисеи, которымъ предоставлено было обновленіе храма, которые такъ ревностно охраняли законъ и преданіе, могли рѣшиться на возведеніе втораго этажа, верхней надстройки надъ святилищемъ одноэтажнаго древняго храма?

Профессоръ Олесницкій объясняетъ это вліяніемъ Персіи и Вавилона. Во время пребыванія въ Вавилонѣ Іудеи отвыкли отъ культа храма и жертвъ и развили синагогальное богослуженіе. Храмъ Зоровавеля строился подъ надзоромъ послѣднихъ пророковъ, но при реставраціи во время Ирода пророки замолкли и дѣло находилось въ рукахъ возобладавшихъ въ Израилѣ книжниковъ и фарисеевъ. Вмѣсто единичнаго храма, выражавшаго одну религіозную идею, какъ жилище Божіе, недоступное для человѣковъ, мы встрѣчаемъ храмъ въ древнемъ его значеніи и храмъ какъ собраніе вѣрующихъ для молитвы и поученія, то-есть синагогу. Первый — въ нижнемъ этажѣ; второй — наверху. „На Моисеевомъ сѣдалищѣ сѣли книжники и фарисеи“;—законники „взяли ключъ разумѣнія; сами не вошли и входящимъ воспрепятствовали“—(Мѳ. XXIII, 2; Лук. XI, 52). „Саддукеи—священники продолжаютъ приносить ежедневныя жертвы и воскурять ѳиміамъ въ нижнемъ святилищѣ по закону синайскому; фарисеи идутъ въ верхній храмъ, тамъ надѣваютъ свои особенныя молитвенныя одежды, неизвѣстныя въ нижнемъ храмѣ, и углубляются въ новыя толкованія закона въ ожиданіи новаго порядка вещей, которыя они уже предусматривали на основаніи древнихъ пророчествъ“. Свое предположеніе о синагогѣ въ верхнемъ этажѣ профессоръ Олесницкій основываетъ на невозможности дать какое-нибудь иное назначеніе для верхней части зданія и на нѣкоторыхъ крайне скудныхъ извѣстіяхъ преданія и Іосифа объ этомъ предметѣ. Точныхъ указаній о существованіи тамъ синагоги, однако, нѣтъ. Обращаясь къ оцѣнкѣ данныхъ о внѣшней высотѣ храма, профессоръ Олесницкій находитъ, что 100локтевая высота не исчерпывается вышеприведенными измѣреніями.

Нижній этажъ не долженъ быть выше 30 локтей, а верхній не могъ быть выше святилища, что̀ подтверждается и Мишной, которая даетъ ему тоже 30 локтей. При такихъ условіяхъ общая высота достигаетъ только 80 локтей, и чтобы довести высоту до 100 локтей необходимо допустить новый третій этажъ, высотой въ 20 локтей. Такъ какъ первые два этажа располагались одинъ надъ другимъ съ уступами, то и третій этажъ при половинной высотѣ долженъ былъ занимать меньшее пространство въ длину и ширину и представлялъ подобіе башни. въ родѣ тѣхъ, которыя находятся на ассирійскихъ храмахъ. Въ такомъ случаѣ онъ могъ быть изъ дерева, и это оправдывается необходимостью облегчить давленіе этой постройки на кровлю и потолокъ нижнихъ этажей.

Нѣкоторые авторитетные изслѣдователи, какъ Вогюэ, Фергюсонъ, Шикъ помѣщаютъ на фасадѣ колонны башню надъ входомъ, или двѣ башни по угламъ фасада, затрудняясь, однако, дать какое-нибудь назначеніе этимъ предполагаемымъ постройкамъ. Со своей стороны профессоръ Олесницкій утверждаетъ, что верхняя надстройка была тою башней праздничныхъ навечерій, о которой упоминалось выше. По обычаю древнихъ синагогъ наступленіе субботы возвѣщалъ хазанъ (пономарь) съ крыши синагоги трубными звуками или двумя флагами. Возвышенное мѣсто для астрономическихъ наблюденій требовалось и богослуженіемъ. Такъ какъ ежедневная утренняя жертва приносилась всегда въ моментъ разсвѣта, то еще до разсвѣта священники восходили на вершину храма и оттуда, при наступленіи момента, давали знать внизъ крикомъ: заалѣло до Хеврона! что пора начинать жертвоприношенія. Деревянною башней осуществлялось древнее предписаніе о трехъ этажахъ каменныхъ и одномъ деревянномъ, ибо платформа со своими подземными помѣщеніями была третьимъ каменнымъ этажомъ.

Вопросъ о формѣ кровли храма остается неразъясненнымъ. Изъ предъидущаго изложенія можно заключить, что кровля была плоская, какъ, по нашему мнѣнію, въ скиніи и въ храмѣ Соломона. Вавилонскіе образцы, по предположенію профессора Олесницкаго,—башневидный третій этажъ,—свидѣтельствуютъ въ пользу этой формы. Но съ другой стороны цѣлый рядъ памятниковъ говоритъ противъ этой мысли. Въ 1882 году Росси нашелъ въ Римѣ обломокъ стекляннаго древнеіудейскаго сосуда III—IV вѣка, на днѣ котораго изображенъ Іерусалимскій храмъ съ треугольнымъ фронтономъ и двускатною кровлей. Древнія гробницы Захаріи и Авессалома покрыты высокими пирамидальными крышами. Фасадъ на пещерной гробницѣ судей имѣетъ треугольный фронтонъ. На монетѣ Библоса, II в., храмъ имѣетъ двускатную кровлю, точно такъ же, какъ и храмъ Юпитера въ Эліи Капитолинѣ, воздвигнутый на развалинахъ іерусалимскаго святилища. Соединеніе „минарета“ съ классическою формой крыши представляется крайне затруднительнымъ, равно какъ и третій этажъ вообще.

Длина и ширина остались прежнія, за ничтожными уклоненіями, такъ какъ храмъ Зоровавеля стоялъ на основаніяхъ Соломонова храма, а реставрація при Иродѣ заключалась въ надстройкахъ. Наружная длина храма въ Мишнѣ опредѣляется во

100 локтей, ширина—54 локтя. Увеличена была ширина только по фасаду, прибавкой двухъ построекъ по бокамъ, „плечъ“ храма, придавшихъ ему фигуру буквы Т, занявшихъ протяженіе 20 или 23 локтя съ сѣверной и южной стороны.

Внутри перваго отдѣленія храма было два ряда колоннъ, необходимыхъ для поддержанія тяжелой кровли; онѣ должны были находиться и въ древнемъ храмѣ. Колонны раздѣляли храмину на три нефа: позднѣе древнія палестинскія синагоги и христіанскіе храмы заимствовали это устройство изъ Іерусалимскаго храма. Средній нефъ имѣлъ 10 локтей ширины, боковые по пяти. Вѣроятно колонны въ такомъ же порядкѣ стояли и въ верхнемъ этажѣ: въ давирѣ колоннъ не было. Стѣны между отдѣленіями въ новомъ храмѣ не было: вмѣсто нея были двѣ завѣсы, расположеніе которыхъ представляется спорнымъ. По талмудическимъ извѣстіямъ, онѣ висѣли одна за другою, образуя узкій проходъ между собой въ одну локоть ширины. Профессоръ Олесницкій, исходя изъ предположенія о возвышенномъ давирѣ, полагаетъ, что одна завѣса покрывала только переднюю сторону возвышенія, а другая собственно давиръ.

Принявъ за основаніе площадь двора язычниковъ, террасообразныя постройки храма представляются въ слѣдующемъ видѣ: Первую террасу составлялъ валъ, присыпанный къ стѣнѣ внутренняго двора, возвышавшійся на 14 большихъ ступеней; съ вала во дворъ женщинъ вели еще 12 ступеней, со двора женщинъ во дворъ Израильтянъ—15 ступеней; надъ нимъ дворъ священниковъ поднимался на одинъ локоть, оттуда въ притворъ храма вели 12 ступеней. Такимъ образомъ полъ храма возвышался надъ площадью горы на 53 ступени, 26½ локтей или 39¾ фута.

Если только съ приблизительною вѣрностью можно составить заключеніе о числовыхъ данныхъ Іерусалимскаго храма, то подробности его внѣшняго вида покрыты еще большею таинственностью. Въ описаніяхъ Іосифа и позднѣйшихъ талмудистовъ сказывается органическая неспособность Евреевъ къ пластическому искусству, объясняющая ихъ равнодушіе къ стилю своихъ позднѣйшихъ построекъ и литургической утвари, который обыкновенно заимствуется у народовъ, среди которыхъ въ изгнаніи они разбиваютъ свой станъ. Въ Мишнѣ упоминается, что оба каменные этажа вѣнчаются четверочастнымъ антаблементомъ, который, по примѣру древняго Хевронскаго харама, опирается

на пилястры. Восточная сторона, конечно, была украшена наиболѣе. Стѣна притвора была прорѣзана дверью въ 40 локтей высоты и 20 ширины, которая возвышалась на десять локтей надъ потолкомъ нижняго этажа. Надъ дверью, выступая одинъ надъ другимъ, возвышалось пять деревянныхъ косяковъ, концы которыхъ шли далѣе амбразуры входа на одинъ локоть съ каждой стороны и настолько же верхніе противъ нижнихъ, такъ что верхній косякъ былъ тридцати локтей длиной. Насколько они выдавались впередъ—неизвѣстно, но профессоръ Олесницкій полагаетъ, что всѣ въ совокупности составляли нѣчто въ родѣ балкона. Здѣсь Иродъ, не упускавшій случая издѣваться надъ іудейскимъ фанатизмомъ, поставилъ было изображеніе римскаго орла. Раввинскіе ученики спустились на веревкахъ съ крыши на балконъ и сбросили орла, который былъ немедленно уничтоженъ. Иродъ сжегъ виновныхъ. Изъ разсказа Іосифа видно, что этотъ балконъ не имѣлъ никакого сообщенія съ храмомъ. По словамъ Іосифа, фасадъ блестѣлъ украшеніями и позолотой. Развалины въ Заіорданской странѣ, въ Тиверіадѣ и другихъ мѣстахъ могутъ дать отдаленное понятіе объ этой орнаментаціи, во многомъ отступающей отъ классическаго стиля. Мы видимъ тамъ притолоки входовъ съ рельефными изображеніями виноградной лозы съ гроздьями и цвѣтами. Сложные архитравы или антаблементы украшаются волютами, въ закругленіяхъ которыхъ помѣщаются гроздья, широкіе листья, звѣзды и такъ-называемая Соломонова печать—пятиугольная звѣзда, образуемая одною непрерывною ломаною линіей, иногда птицы и человѣческія фигуры; послѣдніе два мотива едва ли можно принять для Іерусалимскаго храма. Въ этихъ развалинахъ пилястры и колонны не только покрываются, но и оканчиваются коринѳскими капителями, опрокинутыми на базисы верхнею широкою частью. Коринѳскій стиль при этомъ подвергается свободной и своеобразной обработкѣ, дающей предчувствіе позднѣйшихъ византійскихъ формъ. Орнаментація втораго храма, конечно, ограничивалась растительными и геометрическими мотивами. Притворъ не имѣлъ дверей: входъ закрывался разноцвѣтною завѣсой; стѣны его были прорѣзаны тремя рядами оконъ. Внутри его стояли два мраморные стола, на которыхъ лежали хлѣбы предложенія, назначенные для стола предложенія и снятые съ этого послѣдняго. Въ окнахъ висѣли золотые вѣнки и надъ дверью, ведущею въ храмъ—золотая лоза, постоянно возраставшая вслѣдствіе благо-

честивыхъ приношеній въ видѣ гроздій или листьевъ, которые къ ней привязывались. Эта лоза давала поводъ Грекамъ думать, что въ храмѣ совершаются мистеріи Бахуса, и о ней же упоминаетъ Тацитъ въ исторіи іудейской войны. По преданію, въ притворѣ находился хроноскопъ, подаренный царицей Еленой, имѣвшій видъ канделябра о двухъ свѣчахъ, между которыми возвышался шпиль, равный свѣчамъ, сгораніе которыхъ соотвѣтствовало дѣленіямъ этого шпиля. Изъ притвора въ храмъ вели три двери. Средняя была двойная, съ той и другой стороны амбразуры, и двустворчатая, запиравшаяся въ амбразурѣ; она имѣла десять локтей ширины и двадцать высоты и состояла изъ двухъ дверецъ массивнаго золота, пожертвованнаго Иродомъ. По сторонамъ большаго входа было двое дверей меньшихъ; южная была только для симметріи и никогда не отворялась; сѣверная давала проходъ не въ храмъ, но въ амбразуру средней двери. Священникъ приходилъ до зари и отпиралъ „великую дверь“, сначала наружную, потомъ внутреннюю. Великая дверь закрывалась богатѣйшею завѣсой, украшенною звѣздами. Золотая оболочка внутреннихъ стѣнъ Соломонова храма болѣе не существовала: Талмудъ сообщаетъ, что эти стѣны періодически бѣлились. Золотыя изображенія херувимовъ упоминаются на стѣнахъ храма. Двойной рядъ колоннъ раздѣлялъ палату на три нефа. Во время Помпея съ золотаго потолка свѣшивалась золотая же виноградная лоза, которой никогда не видалъ народъ: очевидно, рѣчь идетъ о второй лозѣ, такъ какъ въ притворѣ лоза была видима всѣмъ. Столъ предложенія и свѣтильникъ стояли на 26 локтей отъ входа. При взятіи храма Римляне не нашли жертвенника кажденій: вѣроятно, онъ былъ заблаговременно скрытъ въ подземельяхъ священниками. Святое святыхъ было пусто. Не было уже ни ковчега, ни каппорета, ни херувимовъ. Во второмъ этажѣ, въ синагогѣ, былъ, конечно, шкафъ для свитковъ писанія, но сидѣній не было, ибо въ храмѣ и на дворѣ священниковъ и Израильтянъ сидѣть воспрещалось. Таковъ былъ второй храмъ Іерусалимскій.

Іосифъ Флавій даетъ двѣ даты для начала построенія храма 15-й и 18-й годы царствованія Ирода. Болѣе вѣроятною считается вторая. Корпусъ храма былъ выстроенъ въ полтора года; устройство дворовъ продолжалось восемь лѣтъ, но работы продолжались долгое время спустя, до 62 или 64 года по Р. Хр.

По евангельскому свидѣтельству (Іоан. II, 20) во время прохожденія Христомъ своего общественнаго служенія считали 46-й годъ отъ начала постройки храма.

Черезъ шесть или восемь лѣтъ по окончаніи постройки надъ храмомъ разразилась предсказанная катастрофа. 30 апрѣля 70 года Титъ, овладѣвъ городомъ, подступилъ къ башнѣ Антонія и храму, въ которыхъ заперлись послѣднія силы осажденныхъ. 23 іюня Антонія была въ рукахъ Римлянъ, но еще три недѣли осажденные отстаиваютъ западную и сѣверную часть внѣшняго двора; 15 и 16 іюля внѣшній дворъ послѣ великаго кровопролитія достается Римлянамъ, и только 31 августа они находятъ возможность приступить къ покоренію внутренняго двора. Стѣнобитныя машины оказались безуспѣшными противъ массивныхъ стѣнъ, зорко охраняемыхъ отчаянными защитниками. 3 сентября Римлянамъ удается зажечь кедровыя галлереи внутренняго двора. Пользуясь смятеніемъ, легіоны бросились на приступъ, проникли внутрь, и великолѣпное зданіе Ирода обратилось въ одно громадное пожарище.

Шестьдесятъ три года пребывала въ запустѣніи священная гора. Обгорѣлые остатки разрушенныхъ стѣнъ подъ грудами мусора еще позволяли различать отдѣльныя части храма, дворовъ и внѣшнихъ построекъ. Нѣкогда оживленное шумное мѣсто было тихо и безлюдно. Въ лабиринтѣ корридоровъ и тайниковъ дикіе звѣри и птицы устроили свои логовища и гнѣзда. Изрѣдка раввины сходились къ сокрушенному святилищу и плакали о поруганной святынѣ. *Талмудъ* сохранилъ разсказъ объ одномъ изъ этихъ собраній. Когда всѣ учители плакали, одинъ Акиба имѣлъ довольный видъ. На вопросъ: чему онъ радуется, равви Акиба отвѣчалъ, что если въ такой степени исполнились печальныя пророчества, то также рѣшительно должны исполниться и другія утѣшительныя пророчества. Участіе Акибы въ возстаніи Симона Баръ-Кохбы показываетъ, что исполненія послѣднихъ онъ ожидалъ еще при жизни. Въ это время (133—135 г.) храмъ былъ нѣсколько исправленъ. На монетахъ Баръ-Кохбы видно плоское зданіе съ четырьмя колоннами или пилястрами по фронтону и сводчатою дверью посреди, обведенной орнаментомъ. Послѣ упорной борьбы погасла навсегда мечта о политической самобытности Іудеевъ. На развалинахъ храма Адріанъ воздвигъ капище Юпитера, существовавшее около двухъ вѣковъ и разрушенное

при Константинѣ Великомъ. „Площадь храма вновь обратилась въ поле развалинъ. Со стороны христіанъ установилось особое отношеніе къ ветхозавѣтному храму. Такъ какъ Іисусъ Христосъ предрекъ этому храму полное и всегдашнее разрушеніе, то христіане считали для себя непозволительнымъ не только возобновлять древній храмъ Соломоновъ, но и строить христіанскіе храмы на его мѣстѣ и изъ его развалинъ. Это было неприкосновенное мѣсто херема или заклятія въ древнемъ смыслѣ этого слова (Олесн. стр. 538). Самыя развалины несли на себѣ проклятіе. Возстановленіе храма входило въ кругъ дѣйствій антихриста. Онъ будетъ Еврей (Экуменій). Онъ возлюбитъ жидовъ и возвыситъ ихъ *(Книга о вѣрѣ)*. Онъ соберетъ народъ разсѣянный (св. Ипполитъ), потому что Іудеи будутъ ожидать его пришествія (св. Ефремъ Сиринъ). Придетъ же онъ въ іудейскій храмъ, и, чтобъ обольстить Іудеевъ, покажетъ великое усердіе ко храму, внушая о себѣ ту мысль, что онъ отъ рода Давидова и что ему необходимо возстановить храмъ, нѣкогда сооруженный Соломономъ (св. Кириллъ Іерусалимскій). Въ храмѣ Божіемъ антихристъ восхититъ себѣ предсѣдательство, покушаясь выдавать себя за Бога (св. Ѳеодоритъ). Христіане и Евреи не касались храма, предоставляя его дальнѣйшую судьбу всесокрушающему времени. Для Евреевъ пользованіе развалинами было святотатствомъ; для христіанъ дальнѣйшее разрушеніе было бы ускореніемъ пришествія антихриста. Грозныя развалины искушали только невѣрныхъ язычниковъ, тайкомъ похищавшихъ строительный матеріалъ. При Юліанѣ сдѣлана была послѣдняя попытка возстановленія. Правительство и Евреи собрали значительныя суммы для производства работъ, но едва началась закладка основаній, какъ послѣдовало страшное землетрясеніе, соединенное съ изверженіемъ пламени изъ древнихъ подземелій храма. Работники въ ужасѣ разбѣжались, и предпріятіе было оставлено. Это событіе удостовѣрено какъ христіанскими, такъ и языческими современными писателями. Предварительная расчистка и затѣмъ землетрясеніе еще болѣе разрушили остатки древняго храма. Еще болѣе укрѣпилось вѣрованіе въ неприкосновенность мѣста, обреченнаго на полное запустѣніе.

Въ такомъ видѣ были развалины, когда, по договору 638 года съ патріархомъ Софроніемъ, Омаръ овладѣлъ Іерусалимомъ и потребовалъ себѣ площадь храма. Хотя Омаръ и очистилъ отъ мусора мѣсто древняго жертвенника, но свою мечеть построилъ не на мѣстѣ храма, а на югъ отъ него, воспользовавшись остатками Иродовой базилики, гдѣ нынѣ мечеть Эль-Акса.

Постройка въ центральной части площади на мѣстѣ внутренняго двора была предпринята лишь въ 687 году, когда противъ халифа Абдъ-эль-Мелика возстали аравійскія племена и преградили сирійскимъ мусульманамъ путь въ Мекку и Медину. Халифъ рѣшился основать новый пунктъ поклоненія магометанскимъ поклонникамъ въ Іерусалимѣ. Мечеть Куббетъ-эль-Сахра была окончена въ 690 году. Площадь была очищена и получила тотъ видъ, который сохраняетъ понынѣ. Отъ корпуса храма исчезли послѣдніе слѣды, такъ какъ мечеть занимаетъ то мѣсто открытаго внутренняго двора, которое заключало въ себѣ жертвенникъ всесожженій. Сохранившіеся единственные остатки принадлежатъ внѣшней оградѣ двора язычниковъ. Восьмиугольная постройка, увѣнчанная куполомъ, была возведена при помощи византійскихъ архитекторовъ, но не по византійскимъ образцамъ. Профессоръ Олесницкій высказываетъ предположеніе, что Абдъ-эль-Меликъ могъ воспользоваться планомъ восьмиугольнаго самарянскаго храма на горѣ Гаризинѣ, развалины котораго еще были видимы въ VII вѣкѣ. Увѣнчанная огромнымъ куполомъ, хотя и небезукорпзненной формы, украшенная превосходными мраморами, изразцами и великолѣпною мозаикой, мечеть Куббетъ-эль-Сахра—куполъ камня, то-есть жертвенной скалы—составляетъ до сихъ поръ третью изъ главнѣйшихъ святынь мусульманскаго міра. Крестоносцы обратили мечеть въ христіанскій храмъ. Игуменъ Данилъ въ XII вѣкѣ называетъ его церковью Святаго Святыхъ. Онъ восторгался несказаннымъ великолѣпіемъ мозаикъ и стѣнописи, и спускался въ цистерну подъ скалой, въ которой, по его словамъ, былъ умерщвленъ Захарія пророкъ. При Саладдинѣ мечети возвращено ея прежнее значеніе. Вмѣстѣ съ Омаровой мечетью, Куббетъ-эль-Сахра, равно и окружающій ихъ дворъ долгое время были недоступны христіанамъ. Только со времени посѣщенія ея Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ ворота Харамъ-эль-Шерифа, благороднаго святилища, раскрылись для Европейцевъ, получившихъ возможность вступить на почву Моріи, имѣющей такую великую важность для ветхозавѣтной и новозавѣтной исторіи.

Такимъ образомъ, незамѣтно, въ теченіе вѣковъ стерлись съ лица земли послѣдніе слѣды построекъ Соломона и Ирода. Каменное гумно Орны Іевуссея, на которомъ онъ вѣялъ и молотилъ пшеницу и ячмень, подземная пещера, гдѣ древній земледѣлецъ находилъ воду и прохладу, обпаженные отъ мраморной одежды, если она покрывала ихъ во время оно, одни указываютъ

священное мѣсто, указанное явленіемъ грознаго ангела, какъ мѣсто для храма Единому Богу. Вокругъ него пышнымъ шатромъ раскинулась арабская мечеть, построенная зодчими, прошедшими византійскую архитектурную школу. Девять десятыхъ палестинскаго населенія исповѣдуютъ псламъ и слушаютъ арабскія молитвы на мѣстѣ одинаково священномъ для христіанъ, Евреевъ и мусульманъ. На 270 тысячъ мусульманъ приходится не болѣе 23 т. православныхъ, оставшихся вѣрными религіи предковъ, несмотря на неслыханныя бѣдствія и угнетеніе, около 13.000 римскихъ католиковъ и тысячи двѣ протестантовъ. Только наплузскіе Самаряне, какимъ-то чудомъ дожившіе до нашего времени въ вѣрности Моисееву закону, могутъ считаться древнѣйшимъ по религіи и крови остаткомъ до-христіанской эпохи. Нынѣшніе Евреи въ Палестинѣ позднѣйшіе изъ пришельцевъ и, конечно, не имъ мечтать объ отмѣнѣ заклятія, положеннаго на храмъ, и о возстановленіи національнаго святилища.

Древній храмъ исчезъ, и для христіанъ безразлично: что̀ стоитъ на его мѣстѣ. Мусульманскій молитвенный домъ для христіанина такое же запустѣніе, какъ и развалины Иродова храма. Только забвеніе преданій церкви могло оправдать крестоносцевъ, обратившихъ въ церковь магометанскую мечеть и, въ нѣкоторомъ смыслѣ, возстановившихъ богослуженіе въ обреченномъ на запустѣніе мѣстѣ. Едва ли возобновится эта дерзновенная попытка, если Святая земля изъ рукъ невѣрныхъ возвратится во власть христіанъ. Но призракъ древняго храма доселѣ витаетъ надъ вершиною Моріи. Въ процессѣ тампліеровъ, рыцари нерѣдко именуются воинствомъ храма Соломонова (militia templi Solomonis). Извѣстно, что послѣ уничтоженія ордена, часть рыцарей укрылась въ Шотландіи, гдѣ въ концѣ XVIII вѣка образовалась старѣйшая изъ масонскихъ ложъ, въ которыхъ храмъ Соломона получилъ мистическое значеніе. Его возстановленіе въ духовномъ смыслѣ означало обращеніе человѣка въ живой храмъ Бога живаго. До сихъ поръ надъ міромъ виситъ грозное пророчество, что еврейская реставрація Соломонова храма будетъ вѣрнымъ предвѣстіемъ кончины міра и близости наступленія Страшнаго Суда. Скала Орны Іевуссея незыблемо стоитъ, напоминая о грядущемъ рѣшеніи всѣхъ задачъ, противорѣчій и затрудненій накопляемыхъ, что̀ далѣе, то больше, осложняющеюся историческою жизнью человѣчества.

М. Соловьевъ.

ДОМОЙ ИЗЪ ИНДІИ.

(Впечатлѣнія путешествія.)

I. Послѣдній день въ Бомбеѣ [1]

Мы были задержаны въ Бомбеѣ на цѣлую недѣлю. Вещи наши, по ошибкѣ станціоннаго начальника въ Калькуттѣ, оказались не только не прибывшими, но отправленными въ сѣверо-западныя провинціи.

Пришлось пропустить большой пароходъ итальянской компаніи *Florio Rubbattino*, хотя билеты уже были взяты, и намъ съ мужемъ пришлось скучать въ знакомомъ уже Бомбеѣ. Все, что путешественники обыкновенно осматриваютъ въ немъ, мы уже знали. Къ тому же въ Индіи шли тропическіе дожди. Въ только-что оставленномъ нами Аллихабадѣ было все еще пыльно и душно, и воду для ванны надо было предварительно остудить льдомъ чтобы не купаться въ кипяткѣ. Но на Коромандельскомъ берегу, въ Калькуттѣ и вездѣ на югѣ дожди лили, какъ изъ ведра, съ утра до вечера и съ вечера до утра.

Это былъ третій дождливый сезонъ, захватившій меня въ Индіи, и я должна сказать, что самые сильные жары лучше. Выйти нельзя и въ домахъ все загниваетъ.

Въ Аденъ шелъ опять пароходъ 17 іюня, и мы ужасно боялись пропустить и его. Раннимъ утромъ этого дня мужъ отправился

[1] Бомбей былъ уже столько разъ описанъ для русскихъ читателей, особенно въ очеркахъ Радда-Бай, что я не сочла нужнымъ останавливаться на немъ подробно.

на станцію Викторія навѣдаться, и хотя ежедневныя путешествія на эту станцію мнѣ уже очень надоѣли, но одиночное заключеніе въ гостиницѣ надоѣло еще больше, и я пошла съ нимъ.

Желѣзнодорожная станція королевы Викторіи въ Бомбеѣ считается самою обширною и нарядною въ мірѣ. Англо-индійское правительство расщедрилось, чтобы сразу поражать великолѣпіемъ неопытнаго путешественника, вступающаго впервые на почву Индіи. Дома на Британскихъ островахъ такихъ станцій у Англичанъ нѣтъ, а про грязныя, отсырѣвшія, заплеванныя краснымъ бетелемъ, поражающія неряшествомъ станціи въ Мадрасѣ, Калькуттѣ, Аллахабадѣ и другихъ городахъ Индійской имперіи и говорить не стоитъ. Положимъ, въ Викторіи стили готическій и мавританскій перемѣшаны слишкомъ безцеремонно. Но Британецъ за этимъ не гонится, а туземецъ, будь онъ кореннымъ Бомбейскимъ махратомъ, или Парсійцемъ, или заѣзжимъ Бенгальцемъ, или Тамюльцемъ, этого и совсѣмъ не замѣтитъ. Къ тому же безконечное множество и разнообразіе украшеній, лѣпныхъ карнизовъ, сводовъ съ позолотой, мраморныхъ колоннъ, мозаичныхъ половъ, ангеловъ на остроконечныхъ башенкахъ, предназначено для развлеченія взглядовъ и назиданія умовъ. На среднемъ и самомъ большомъ куполѣ сама королева и императрица, а подъ навѣсомъ, куда въѣзжаютъ поѣзда, каждая чугунная балка есть уже chef-d'oeuvre. Гдѣ же тутъ замѣчать, что стиль зданія хромаетъ, что громада его подавляетъ все вокругъ до уродливости, что, несмотря на всѣ свои украшенія, оно кажется грубою заплаткой изъ новой дерюги на старомъ тонкомъ полотнѣ.

Одинъ мой знакомый Французъ, большой почитатель индійской старины, сравнивалъ эту станцію съ самимъ англо-индійскимъ правительствомъ, тяжело разсѣвшимся надъ одряхлѣвшею, измельчавшею и умирающею Индіей.

Мой мужъ скоро исчезъ въ безконечныхъ ходахъ и переходахъ, сопутствуемый махратомъ въ очень красивомъ аломъ тюрбанѣ съ золотою каемкой и съ тремя маленькими сережками въ ухѣ. Я осталась на дебаркадерѣ. Какое тутъ безконечное разнообразіе типовъ, костюмовъ, головныхъ украшеній и нарѣчій. По тюрбанамъ и шапкамъ всегда можно узнать народность и касту человѣка. Къ тому же, поговорка, что у человѣка на лбу ничего не написано, никуда не годится въ Индіи. Тутъ у людей на лбахъ если не написано, то изображено очень многое.

Браминовъ всегда можно узнать по большой ижицѣ, намазанной отъ переносья къ корнямъ волосъ бѣлою краской, съ срединою красною полосой. Люди занимающіеся изученіемъ тайныхъ наукъ мажутъ лобъ глиной со дна нѣкоторыхъ священныхъ прудовъ. Поклонники Шивы дѣлаютъ на лбу двѣ поперечныя сѣрыя полосы съ чернымъ кружкомъ надъ ними, или просто три полосы, смотря по кастамъ. Лица, принадлежащія къ знаменитой арміи спасенія, и тѣ носятъ значки на лбахъ: одну полоску красную для означенія крови Спасителя, другую желтую для означенія огня Св. Духа, третью голубую въ знакъ чистоты собственнаго сердца.

Ихъ всегда много среди туземной толпы. Они одѣты такъ же, какъ и туземцы, то-есть дути, кусокъ кисеи вокругъ бедеръ и ногъ до колѣнъ, фланелевая кофта или голая спина, босыя ноги и тюрбанъ или непокрытая голова. Тюрбанъ и дути для арміи спасенія должны быть цвѣта лососины, а кофта красная. Волоса брѣютъ или оставляютъ отростать до плечъ. Женщины этой арміи, по большей части по чину капитаны, тоже одѣваются въ туземное платье. Трудно себѣ представить что-нибудь смѣшнѣе одного изъ этихъ капитановъ, старой и толстой Англичанки, въ очкахъ и съ очень рѣдкими волосами, которая разъ обратилась къ намъ съ вопросомъ:

— Are you saved? то-есть понимаемъ ли мы ученіе Христа по ихнему?

Въ одеждѣ почтенной пропагандистки были сдѣланы нѣкоторыя измѣненія и дополненія, но все же кисейное облаченіе было слишкомъ легко и прозрачно для ея формъ.

Армія спасенія въ Индіи дѣлаетъ очень мало новообращенныхъ и то только среди парій, однако ея ночныя процессіи съ пѣніемъ ею сочиненныхъ псалмовъ на мотивы изъ оперетокъ, съ дудочками и барабанами, очень надоѣдаютъ мирнымъ обывателямъ Бомбея, Мадраса и другихъ южныхъ городовъ.

Когда мой мужъ освободился, получивъ наконецъ нашъ багажъ, мы рѣшили объѣхать туземные кварталы еще разъ. Пароходъ уходилъ не скоро, времени оставалось еще много. При выходѣ со станціи мы столкнулись съ однимъ очень занимательнымъ старымъ Парсійцемъ. Его звали сэръ-Динъ-Шо-Манокджи-Петитъ, и онъ единственный на свѣтѣ баронетъ Соединеннаго Королевства съ коричневою кожей. Онъ очень любезный старикъ, съ длинными сѣдыми усами и быстрыми, ясными глазами.

Разсказъ про то, какъ Динъ-Шо-Манокджи-Петитъ сдѣлался баронетомъ есть отступленіе отъ моего повѣствованія, но онъ вполнѣ заслуживаетъ упоминанія.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ англійскомъ парламентѣ случился казусъ. Ланкаширскій представитель въ палатѣ общинъ привелъ къ маркизу Солсбери цѣлую депутацію отъ манчестерскихъ хлопчато-бумажныхъ фабрикантовъ. Депутація заявила, что конкурренція индійскихъ производителей такъ усилилась, что имъ, манчестерскимъ заправиламъ, скоро придется летѣть въ трубу, и что если онъ, маркизъ Солсбери, не наложитъ узды на ихъ враговъ, то весь Ланкаширъ съ Манчестеромъ во главѣ откажется поддерживать премьеръ-министра. На другой день въ палатѣ общинъ былъ поднятъ вопросъ о томъ, что индійскіе фабриканты ужасно безчеловѣчны съ тысячами чернокожихъ бѣдняковъ, работающихъ у нихъ. Было рѣшено сократить число рабочихъ часовъ на индійскихъ фабрикахъ. Такою мѣрой, разумѣется, цѣна индійскихъ производствъ поднималась, соревнованіе съ ними Ланкашира становилось обезпеченнѣе, да и гуманность британскаго правительства выказывалась съ самой хорошей стороны. Динъ-Шо-Петитъ долженъ былъ пострадать первый, такъ какъ онъ самый крупный хлопчато-бумажный фабрикантъ. Мы, читая всю эту исторію въ газетахъ, пожалѣли понравившагося намъ старика. Какъ вдругъ слышимъ, что онъ сдѣланъ баронетомъ за громадное денежное пожертвованіе въ пользу прокаженныхъ. Какова бы ни была прямая цѣль этого добраго дѣла, его фабрика теперь внѣ прижимокъ и придирокъ со стороны англо-индійскихъ блюстителей порядка и тишины.

Разставшись съ Парсійцемъ, мы отправились во фруктовый рядъ. Чистота рынковъ и въ Калькуттѣ и въ Бомбеѣ удивительная. Мнѣ вспомнился такой же рынокъ, армянскій базаръ въ Тифлисѣ, моемъ родномъ городѣ. Въ сущности всѣ три очень похожи. Та же разноязычная, крикливая толпа, тѣ же темноватые ряды лавочекъ съ сухими, маринованными и свѣжими плодами, тѣ же фрукты удивительныхъ формъ и вкусовъ, которыхъ въ Европѣ ни назвать, ни представить себѣ не умѣютъ, то же веселое зазываніе и добродушное, почти открытое обмѣриваніе и обвѣшиваніе, тѣ же мелькающія въ толпѣ глубокомысленныя фигуры и суровые, какъ изъ камня изваянные, профили высокихъ Афганцевъ, развозящихъ отъ Чернаго Моря до Бенгальскаго залива сушеную курагу и али-бухару, которыя, кстати сказать,

на всѣхъ этихъ трехъ базарахъ называются одинаково, тѣ же вереницы верблюдовъ, съ рѣдкимъ звономъ колокольчика, подвѣшеннаго на томъ изъ нихъ, который идетъ впереди. Словомъ, все очень похоже, только не чистота и порядокъ. Чтобы понять разницу, довольно сказать, что на рынкахъ въ Калькуттѣ и Бомбеѣ пахнетъ только дынями, ананасами, апельсинами и цвѣтами.

Въ Калькуттѣ цвѣты продаются гирляндами, и цѣпь, и хитро сплетенныя кисточки—все изъ цвѣтовъ. Рѣдко-рѣдко найдешь букетикъ для бутоньерки, сложенный по-англійскому образцу. Въ Бомбеѣ, кромѣ цѣпей и браслетовъ, продаются пресмѣшные букеты. Букетъ густо сложенъ въ видѣ воронокъ изъ прижатыхъ другъ къ другу головокъ цвѣтовъ; въ конецъ букета воткнута палка, и на другомъ концѣ ея такая же воронка изъ тѣхъ же цвѣтовъ, обыкновенно изъ туберозъ, только поменьше; все украшено мишурными золотыми и серебряными нитями и спрыснуто розовою водой, хотя бы она и портила, и заглушала запахъ цвѣтовъ.

Еще разъ проѣхали мы по грязнымъ шумнымъ улицамъ, стѣсненнымъ съ обѣихъ сторонъ высочайшими домами со множествомъ балконовъ, въ которыхъ большею частью живутъ представители богатѣйшей въ Индіи секты Джайновъ; миновали ихъ храмы, отличающіеся отъ храмовъ махратовъ—коренныхъ Бомбейцевъ и рьяныхъ по вѣрованіямъ Индусовъ—большимъ благообразіемъ и меньшею пестротой.

Конка, проведенная повсюду, въ общей чести у туземцевъ, и является препепріятною аномаліей въ обстановкѣ, которая все еще со своими пальмами, минаретами, остроконечными пагодами, украшенными по карнизамъ размалеванными идолами, и круглыми сводами, говоритъ вамъ о Гарунъ аль-Рашидѣ. Досадливые, рѣзкіе звонки конки и громъ салазокъ въ длинныхъ деревянныхъ постройкахъ съ гладкимъ извивающимся поломъ, именуемыхъ здѣсь Русскими ледяными горами, развлекаютъ васъ, когда вы входите въ толпу мусульманъ, омывающихъ руки и ноги въ мраморномъ бассейнѣ съ бьющею по серединѣ струей предъ входомъ въ мечеть, всю расцвѣченную солнечными лучами, которые проникаютъ въ царствующую здѣсь полутьму черезъ окна изъ разноцвѣтныхъ стеколъ.

Прелестныя вещи продаются въ Индіи въ каждой лавчонкѣ, на всѣхъ желѣзныхъ дорогахъ и такъ дешевы, что въ моихъ чемоданахъ и сундукахъ яблоку негдѣ было упасть. Я объяснила

мужу, что̀ такое городничій, и при каждой новой покупкѣ доказывала, что городничему мѣсто найдется.

Гостинницы въ Индіи устроены на европейскій ладъ: по коридорамъ разостланы дорожки, прислуга стучится въ дверь прежде чѣмъ войти, за общимъ столомъ соблюдается тишина и приличіе, на столахъ стоятъ туземныя, но по-европейски чахлыя растенія въ шаблонныхъ фарфоровыхъ вазахъ. Только развѣвающіеся надъ нашими головами панки, да черная босая прислуга напоминаютъ, что мы въ Азіи. Постояльцы, конечно, разноцвѣтные, съ преобладаніемъ британскаго офицерства.

Въ Бомбеѣ, впрочемъ, прислуга хотя и черна, но считаетъ себя Европейцами. Они большею частью потомки Португальцевъ изъ Гоа, на югѣ Индіи, и ревностные католики.

Пятиэтажный Esplanade Hotel въ Бомбеѣ имѣетъ еще ту особенность, что весь сложенъ изъ желѣза, можетъ быть разобранъ и собранъ въ короткое время.

Едва мы кончили обѣдъ, какъ въ нашу комнату постучались. Это былъ довольно юный Парсіецъ, Рустемджи.

Нашъ посѣтитель не зналъ, что мы сегодня уѣзжаемъ и пришелъ насъ пригласить къ себѣ. Я никогда еще не бывала въ Парсійскомъ домѣ. Домъ Динъ-Шо-Петита, единственнаго Парсійца, у котораго мы были, гораздо больше похожъ на Петергофскій старый дворецъ, чѣмъ на обиталище изъ Шехеразадъ. Мы рѣшили побросать наши вещи какъ-нибудь въ ящики, чтобы разобраться на пароходѣ, и выгадали часокъ для посѣщенія Рустемджи.

Парсійцы огнепоклонники, вытѣсненные изъ Персіи исламомъ. Свои религіозные обычаи они съумѣли сохранить въ неприкосновенности. Они единственный въ Индіи народъ, который даже и заглядывать въ свои храмы не позволяетъ иновѣрцамъ. Я-таки умудрилась заглянуть, но ничего, кромѣ огня на престолѣ и голыхъ стѣнъ, не увидала. Вокругъ храма на завалинкахъ сидятъ Парсійцы и чинно толкуютъ о своихъ дѣлахъ. Мѣсто предъ храмомъ считается законнымъ клубомъ для всѣхъ единовѣрцевъ, чѣмъ-то въ родѣ Парсійской биржи.

Имъ есть о чемъ поговорить. Они очень искусные торговцы. Мелкая торговля въ Бомбеѣ вся въ ихъ рукахъ. Бываютъ у нихъ и капиталы съ крупными оборотами, на зло противодѣйствующимъ Джайнамъ. Они чистоплотны, честны, если дѣло идетъ не о деньгахъ, стоятъ другъ за друга горой, и очень строги и патріархальны въ семейной жизни; парсійскихъ женщинъ можно

узнать потому, что онѣ однѣ въ Индіи обуваются въ чулки и вышитыя гарусомъ туфли. Кромѣ того, онѣ свободно выходятъ изъ дому, и на улицѣ никакой Парсіецъ не позволитъ ихъ обидѣть, даже еслибъ и не зналъ ихъ лично.

Нашъ Рустемджи былъ намъ извѣстенъ какъ теозофъ. Многіе изъ Парсійцевъ принадлежатъ къ теозофическому обществу, а намъ суждено было въ Индіи знакомиться особенно съ представителями этого общества.

Мы шли очень темными и грязноватыми улицами, онѣ такъ узки, что даже индійскому солнцу въ нихъ не удается заглядывать, и два человѣка легко могутъ поздороваться, стоя на противоположныхъ сторонахъ. Крутыя, узкія и тоже темныя лѣстницы привели насъ въ квартиру Рустемджи. Я тамъ познакомилась съ очень красивою, пожилою женщиной, матерью нашего хозяина, то и дѣло вздыхающею, съ безногою его сестрой, и хорошенькою быстроглазою женой. Но ничего новаго я тамъ не увидала. Тѣ же, какъ и во всѣхъ домахъ Индіи, обширныя кровати, съ коленкоровыми простынями и пологами отъ комаровъ (двѣ первыя дамы живутъ на этихъ кроватяхъ, не слѣзая), тѣ же старомодныя бездѣлушки и засиженныя мухами картинки, окончательно вытѣсненныя изъ Европы новыми вкусами. Обмѣнялись фотографіями, я получила на память мраморное яичко съ мраморныхъ извѣстныхъ въ Индіи скалъ около Джабальпура, отдала двумъ шустрымъ сынишкамъ Рустемджи припасенную мною англійскую азбуку съ картинками, и мы простились. Когда мы пріѣхали къ пристани, оказалось, что послѣдній паровой катеръ съ парохода, стоявшаго миляхъ въ двухъ отъ берега, ушелъ. Опоздали-таки!

Пришлось нанять туземныхъ манджи съ ихъ лодкой. Лишь только мы выплыли изъ порта, полилъ дождь, хотя солнце сіяло такъ, что больно было смотрѣть. Маленькая лодченка то ныряла, то опять взбиралась наверхъ волны. Рулевой затянулъ свою безконечную пѣсню, подхватываемую гребцами.

Смыслъ пѣсни: тяните, братья!

— Ну, потянемъ (отвѣчаетъ хоръ). Пароходъ уходитъ!—Ну, потянемъ! *Сіамъ* пароходъ! Тяните, братья! Дождь идетъ! Большой дождь! Тяните, братья! Баринъ бакшиша много дастъ!

Безъ такихъ своеобразныхъ „эй, ухнемъ“ не обходится ни одна работа въ Индіи.

Я такъ боялась, что намъ опять придется остаться въ

Бомбеѣ, что время для меня тянулось безконечно. Ужь я и смотрѣть ни на что не хотѣла, хотя съ правой стороны выдвинулась туманная громада Элефантины и скоро заслонилась другимъ зеленымъ гористымъ островкомъ, на которомъ поселились всѣ бѣлые мясники съ бойнями, такъ какъ туземцы воспротивились уничтоженію коровъ, священнаго въ глазахъ индуса животнаго.

Наконецъ мы очутились въ виду парохода. Трапъ уже собрались поднимать. Я стала махать зонтикомъ и кричать, хотя могла бы сообразить, что меня не слышатъ. Мой мужъ смѣялся.

Забросили веревку на пароходъ, притянулись и съ большимъ трудомъ выбрались изъ танцующей лодки. Уронили при этомъ въ воду два зонтика и шаль, но это мнѣ было въ полугоря: я знала, что ужь безъ насъ теперь не уѣдутъ.

Пароходъ *Сіамъ*, принадлежащій Peninsular and Oriental Steam Navigation C°, оказался прескверным, прегрязнымъ, старымъ и маленькимъ. Мы были очень разочарованы, такъ какъ, знакомые съ элегантными исполинами компаніи, никакъ этого не ожидали. Палуба втораго класса была очень непривлекательна и половина ея занята стойломъ грязной коровы.

Нечего было дѣлать, пошли мы въ свою комнату. Каюта была такъ мала, жарка и душна, что въ ней трудно было дышать. Попробовали перемѣнить.—Куда! Всѣ норки заняты. Мой мужъ сокрушался, говоря, что еслибы не мои городничіе, ѣхали бы мы теперь въ первомъ классѣ, на большомъ пароходѣ и уже находились бы въ Аденѣ. Я старалась доказать, что лучше пострадать нѣсколько дней, чтобы привезти и себѣ, и друзьямъ всякихъ диковинокъ. Но еслибъ я зналъ каковы будутъ эти нѣсколько дней, навѣрное пожертвовала бы всѣмъ своимъ имуществомъ.

Выйдя на палубу, мы увидѣли цѣлую толпу пассажировъ. Нѣсколько лодокъ съ провожающими все еще колыхались вокругъ парохода. Перекрикивались, пересмѣивались, уѣзжающіе жалѣли остающихся, остающіеся желали силъ уѣзжающимъ на слѣдующіе дни до Адена. Полуголый старикъ, газетный разнощикъ, спускался по веревкѣ за бортъ въ лодку. Вдругъ пароходъ дрогнулъ, вода зашипѣла, послѣднее эхо отвѣтило на прощальный ревъ гудка, и мы тронулись.

Всѣ были у бортовъ. Скалистые островки съ коронами изъ кокосовыхъ пальмъ показывались и исчезали за нами. Вотъ показался красивый Sailors Home, постоялый дворъ матросовъ

всѣхъ націй, за нимъ набережная Apollo, гдѣ весь элегантный Бомбей катается по вечерамъ. Вотъ мелькнулъ между домами памятникъ принца Вельсскаго. Вотъ промчался желѣзнодорожный поѣздъ, изъ оконъ котораго торчали головы въ разноцвѣтныхъ чалмахъ, словно игрушечные пестрые воздушные шары.

Громада Викторіи, башни университета, сарай на верфяхъ, гдѣ строютъ корабли,—все уплыло отъ насъ. Никакой шумъ не долеталъ уже къ намъ съ берега. Мы шли мимо малабарскаго холма, на которомъ покоются останки всѣхъ Парсійцевъ въ извѣстной Tower of Silence до тѣхъ поръ, пока совмѣстныя усилія вѣтра, солнца, дождей и цѣлыхъ тучъ коршуновъ не уничтожатъ ихъ окончательно.

Но скоро и Башня Молчанія исчезла изъ вида, мы отошли отъ берега.

Прощай безпощадное солнце и раскаленная земля; прощайте неподвижныя, тинистыя воды, съ вашими комарами и змѣями, съ вашими лихорадками и сыпями. Прощай богатая природа, съ твоими могучими деревьями и пестрыми птицами. Прощайте черные люди, безобидные, лживые и жалкіе, капища съ уродливыми идолами, съ безтолковою роскошью и грязною нищетой.

Прощай страна изумрудовъ и жемчуга.

Прощай Индія!

II.

Пароходъ сильно качало, когда мы на другой день съ разсвѣтомъ едва добрались до палубы.

Странствовать по Индійскому океану, когда тамъ свирѣпствуетъ монсунъ, то-есть тропическіе дожди, дѣло требующее большой храбрости. Но когда измученъ лихорадками и страданіями печени, кажется, что все на свѣтѣ лучше медленной пытки, которой подвергаетъ Индія Европейцевъ. Къ тому же отпускъ по болѣзни англо-индійскому чиновнику всего удобнѣе просить, когда никто другой его не попроситъ. Только бы вырваться изъ Индіи, а тамъ будь, что̀ будетъ.

Вся палуба, на которой нельзя было найти сухаго мѣстечка, была уставлена разнокалиберными соломенными и парусинными креслами и кушетками. На англійскихъ пароходахъ пассажиры должны запасаться собственною мебелью.

Цѣлый полкъ британскихъ офицеровъ возвращался на родину,

отбывъ нѣсколько обязательныхъ лѣтъ въ Пенджабѣ. Солдатъ, которые набраны изъ туземцевъ, сипаевъ, офицеры за собой не таскаютъ, а оставляютъ въ этихъ случаяхъ на мѣстѣ, предоставляя имъ вновь вступить на службу въ новый полкъ, офицерство котораго уже прибыло изъ Англіи или Египта, или записаться въ безсрочно отпускные.

Страшную силу Британцы готовятъ въ этихъ сипаяхъ. Многіе благоразумные люди, надъ которыми обыкновенно смѣются, опасаются ихъ въ будущемъ. Вымуштрованы они и выучены гораздо лучше тѣхъ элегантныхъ солдатъ, которыхъ можно видѣть разъѣзжающими въ Лондонѣ; кромѣ того, сипаи набираются не изъ рабскихъ и мирныхъ племенъ съ долинъ Индіи, а изъ саженныхъ Раджпутовъ, изъ племени Гурка, обитающаго въ горахъ по близости Непала. Эти Гурки дали свое имя самому доблестному полку въ Индіи, способствовавшему многимъ побѣдамъ Англичанъ. Бѣлые же офицеры, какъ на подборъ, удивительно щедушны на видъ и мелкорослы. Я знавала ихъ много и всегда оказывалась выше любаго офицера, вызывая при этомъ вопросъ, съ нескрываемою досадой „Are all Russian ladies as tall, as you?“

Глядя со стороны, человѣкъ не можетъ не понять, что не престижъ европейской образованности удерживаетъ Индію отъ новаго возстанія. Проснись только Индія, стряхни съ себя мелочныя враждованія вѣрованій и кастовое равнодушіе другъ къ другу, и, пожалуй, пожалѣютъ сами Англо-Индійцы, что такъ хорошо выучили сипаевъ. Не поможетъ тогда и Калькутта, [1] такъ удобно расположенная и для побѣга, и для безопасной разсылки распоряженій.

Надо надѣяться, что Лукновскаго позора и избіенія европейскихъ женщинъ и дѣвочекъ въ 1857 году Европа никогда не не увидитъ. Люди, видящіе въ привязанныхъ къ пушкамъ возмутившихся туземцахъ Индіи на извѣстной картинѣ Верещагина упрекъ жестокосердію англо-индійскаго правительства, вполнѣ

[1] Эта столица Индійской имперіи устроена въ такомъ мѣстѣ, что выѣздъ изъ нея по рукаву Ганга-Гугли совершенно обезпеченъ. Вокругъ нея населеніе мирное и неспособное къ возстанію. Къ тому же юношество Бенгаліи воспитывается англійскими руководителями такъ, что перестаетъ быть Индусами, не дѣлаясь Европейцами. Не берусь рѣшать, намѣренно или не намѣренно распоряжаются британскіе педагоги, но юноша-туземецъ, побывавъ въ университетѣ, становится болтливою, никому ненужною тряпкой.

несправедливы. Всякій отецъ, мужъ и братъ, всякая европейская нація въ данныхъ обстоятельствахъ поступила бы точно также, и была бы права. Но нельзя не удивиться близорукости Англіи.

Между офицерами, ѣхавшими съ нами на *Сіамъ*, былъ и полковой священникъ. Тутъ же былъ какой-то инженеръ, совсѣмъ не страдавшій морскою болѣзнью; и дама, жена одного изъ офицеровъ, совсѣмъ больная, что̀, впрочемъ, не мѣшало ей томно пересмѣиваться со своими спутниками. Особенную мою симпатію возбудила чайная плантаторша изъ Ассама, ѣхавшая съ тремя маленькими дѣтьми. Мы въ ней узнали старую знакомую. Когда мы шли въ Индію въ первый разъ, она тоже была нашею спутницей, но дѣтей тогда было двое. Я ее замѣтила въ первые же дни плаванія, еще въ Бискайскомъ заливѣ, потому что лицо ея было поразительно похоже на каррикатурныя изображенія Ирландцевъ въ *Punch*'ѣ. Короткій носъ, длиннѣйшая верхняя губа и ротъ до ушей. Дурное впечатлѣніе сгладилось въ этотъ разъ. Ужь слишкомъ тяжело было ея положеніе, и все-таки она съумѣла сказать намъ нѣсколько добрыхъ словъ о жалкой перемѣнѣ въ наружности моей и моего dear good „gentleman'a".

Всѣ мы были привязаны платками и веревками другъ къ другу и неподвижнымъ предметамъ на палубѣ. Несмотря на эту предосторожность, наши кресла съ каждымъ движеніемъ парохода то сползались, то расползались. Ихъ скрипѣнія нельзя было слышать за общимъ шумомъ непогоды и плескомъ воды. Между нашими креслами толкались, весело разговаривая и гоняясь другъ за другомъ, нѣсколько юныхъ полубѣлыхъ почтовыхъ чиновниковъ, везшихъ индійскую почту въ Портъ-Сандъ. Имъ непогода нипочемъ, они народъ привычный. Моряки тоже своимъ видомъ придавали намъ бодрость. Англійскіе морскіе офицеры большіе франты. Я никогда не видѣла и пушинки на ихъ ловко сшитыхъ сюртукахъ. Они всегда острижены по послѣдней модѣ, бѣлье бѣлоснѣжное во всякую погоду. Только теперь ихъ ноги были обнажены до колѣнъ: по мокрой палубѣ качающагося парохода даже и они могли ходить только босикомъ. Къ тому же, во время монсуна никто не обувается, снять разбухшіе отъ соленой воды сапоги невозможно, и я имѣла случай полюбоваться на затѣйливую тутапровку, которой всякій англійскій матросъ, уважающій себя, говорятъ, расписанъ цѣликомъ.

Мелкія волны, не переставая, заскакивали на палубу съ обѣихъ сторонъ. Лужи пѣнящейся зеленоватой воды разливались

по ней и убѣгали къ бортамъ, чтобъ опять съ новою силой прихлынуть назадъ.

Мое кресло оказалось придвинутымъ къ самому коровьему стойлу, и я покорно выносила близкое сосѣдство, хотя запахъ навоза и парнаго молока дѣйствовалъ на меня еще хуже, чѣмъ запахъ прѣлаго теплаго пара пополамъ съ машиннымъ масломъ и каучукомъ, свойственный всѣмъ пароходамъ. Коровѣ постоянно носили мѣшки сухарей и ведра пива, но это очевидно ея не утѣшало, она мычала очень жалобно.

Что это была за ночь! Никогда ничего подобнаго представить себѣ не могла. О снѣ нечего было и думать. Надо было крѣпко держаться за мѣдныя перильца коекъ

Вода врывалась водопадами, несмотря на то, что оба отверстія съ палубы были старательно заставлены. Вездѣ, уже и въ столовой, и въ каютахъ, ее было съ полфута.

Подвижныя кресла на привинченныхъ къ полу ножкахъ поворачивались скрипя съ каждымъ новымъ валомъ. Посуда въ буфетѣ, шары электрическихъ лампъ то и дѣло шлепались и разбивались со звономъ.

Къ довершенію всего, съ электрическою батареей что-то случилось, она не дѣйствовала, и мы погрузились во мракъ. Прислуга впопыхахъ не знала на чей зовъ отвѣтить, куда побѣжать, какую вещь поддержать на лету. Два только-что принесенные керосиновые фонаря, скудно намъ свѣтившіе, тоже свалились со столовъ. Одинъ потухъ на лету, другой разбился въ дребезги, разливъ на мгновеніе яркое пламя, сейчасъ же затушенное и затертое тяжестью другихъ катавшихся по полу вещей.

Принесли новые фонари, и ихъ постигла та же участь. Кажется, свѣта и освобожденія никогда не дождешься.

Усталый мозгъ погружается въ столбнякъ. Если и приходитъ мысль объ опасности, она разсѣивается сама собой, забываешь спросить о ней другихъ, не успѣваешь оформить ее въ собственномъ умѣ.

На меня находила не то дремота, не то бредъ. Что-то отвратительное, чужое, громадное душило меня по временамъ. Иногда я приходила въ себя и начинала думать о какихъ-то пустякахъ, не имѣвшихъ ни малѣйшей связи съ моимъ тогдашнимъ положеніемъ.

Когда пришло утро, я поняла, что мой мужъ совсѣмъ боленъ, что ему гораздо хуже, чѣмъ мнѣ. Я ничего не могла добиться

на свои разспросы. Насилу я дотянулась до звонка и попросила прислать доктора.

Но прихода его я не дождалась; едва добравшись до своей верхней койки, я тоже потеряла сознаніе, должно-быть отъ движенія. Когда я пришла въ себя, я находилась уже на первой площадкѣ лѣстницы на палубу, поддерживаемая привычною горничной, добросердечнымъ почтовымъ чиновникомъ и юнымъ докторомъ, съ такимъ изможденнымъ лицомъ, что онъ могъ позавидовать любому пассажиру. Онъ мнѣ послѣ говорилъ, что до сихъ поръ не привыкъ къ монсуну. Когда докторъ ушелъ, я принялась, по своему обыкновенію, глазѣть по сторонамъ.

Боже мой, какую картину крушенія всѣхъ приличій и стыдливости представляли мы всѣ! Всѣ босые, едва прикрытые ночными фланелевыми костюмами, захватывающіе чужія подушки и пледы, и не думающіе разбирать мебели по принадлежности.

Лишь только я поуспокоилась, насъ опять окатила цѣлая стѣна морской воды. Мою кушетку двинуло къ самому борту и опрокинуло. Но все-таки падая я успѣла замѣтить мужа единственной полковой дамы, бросившагося въ нашу сторону съ искаженнымъ отъ ужаса лицомъ и тоже упавшаго. Оказалось, что кресло, на которомъ она лежала, было такъ высоко поднято водой, что при новомъ движеніи парохода должно было неминуемо быть смытымъ за бортъ въ бушующій океанъ. Матросы-мусульмане успѣли стянуть даму, а кресло ея уплыло.

Тотъ же самый добродѣтельный почтовый чиновникъ, что̀ привелъ меня на палубу, поднялъ меня и отвелъ въ единственную на палубѣ курительную комнату.

Я же, едва добредя до нея, легла на полъ и уже не могла бы уйти безъ посторонней помощи, хотя бы меня выгоняли палками. Но не долго пришлось оставаться сухою. Новая волна съ еще большею силой хлынула на насъ. Ручейки побѣжали въ курительную комнату, страшный трескъ оглушилъ насъ: подставки, ввинченныя въ палубу, на которыхъ стояла большая спасательная лодка, были выломаны и лодка уплыла. Мужчины, высунувшіеся изъ оконъ комнатки, говорили, что лодка опять было всплыла на палубу, но захватить ее не успѣли.

Еще цѣлую недѣлю, тянувшуюся безконечно, мы денно и нощно подвергались тому же истязанію жары, воды, зловонія и физической боли. Еще долго намъ казалось, что мы никогда не увидимъ земли, что въ мірѣ нѣтъ ничего, кромѣ этой водяной

бѣснующейся пустоты. Вѣтеръ успѣлъ натѣшиться въ волю, раздувая наши намокшія одежды и срывая съ насъ шали и шапки. Еще двѣ лодки были унесены волнами, и вся мебель на палубѣ или смыта, или изломана. Еще долго выло и свистѣло во всѣхъ отдушинахъ и трубахъ, долго ныло и стонало все живое и неодушевленное вокругъ насъ, долго стѣны воды перекидывались надъ нашими головами, забираясь въ каюты и въ трюмъ. Мы шли въ Аденъ, вмѣсто обычныхъ пяти съ половиной, девять сутокъ.

Къ довершенію всѣхъ ужасовъ, за день до освобожденія, по пароходу разнеслась вѣсть, что капитанъ, котораго во второмъ классѣ никто и не видывалъ, потерялъ дорогу. Мужъ спросилъ одного изъ матросовъ. Тотъ съ добродушною усмѣшкой на черномъ лицѣ сказалъ, что, правда, буря унесла насъ далеко отъ предназначеннаго пути, но что опасности нѣтъ. Проходившій докторъ подтвердилъ его слова, прибавивъ въ видѣ утѣшенія, что это дало намъ право хвастаться при описаніи нашихъ треволненій, что мы почти побывали на экваторѣ. Но въ путешественникахъ была крѣпка увѣренность, что никто не знаетъ, гдѣ мы, и страхъ посѣтилъ самыхъ неустрашимыхъ. Впрочемъ, несмотря на наши опасенія, къ вечеру волненіе затихло. Мертвая зыбь, которой я прежде не выносила, продолжалась, но на нее ужь никто не обращалъ вниманія. Къ чему человѣкъ не привыкаетъ? Предъидущіе дни, я, къ моему удивленію, могла ѣсть и даже дремать Но тутъ мы уже всѣ окончательно успокоились. Всѣ пріодѣлись и почистились, всѣ другъ съ другомъ знакомились и весело разговаривали.

Почтовый чиновникъ, мой спаситель, спрашивалъ меня, когда наконецъ Русскіе придутъ и отомстятъ за нихъ, униженныхъ и оскорбленныхъ?

Такіе люди, какъ онъ, вполнѣ индійскій типъ. Они страшно самолюбивы и обидчивы, и въ то же время сами напрашиваются на рѣзкости со стороны нецеремонныхъ Англичанъ. Они озлоблены противъ всего британскаго и высказываютъ свое озлобленіе съ неудержимою болтливостью и обижаются тѣмъ, что молодые Англо-Индійцы не охотники до панибратства съ ними.

Я познакомила Франциска де-Суза съ моимъ мужемъ, какъ равнаго. Эта простая съ нашей стороны учтивость сдѣлала то, что онъ постоянно бѣгалъ для насъ за водой, за льдомъ, доставалъ намъ рѣдкіе на пароходѣ фрукты, при посредствѣ своей пріятельницы, горничной, и надоѣдалъ мнѣ сѣтованіями на

Англичанъ. политическими разсужденіями и надеждами на приходъ въ Индію Русскихъ. Онъ почему-то говорилъ со мной не иначе, какъ по-французски, хотя англійскій языкъ зналъ лучше и его полная таинственнаго злорадства фраза: „Quand *la Rousse* viendront!“ прожужжала мнѣ уши. Кончилось тѣмъ, что я стала избѣгать его, несмотря на его доброту и мою жалость къ нему. Онъ замѣтилъ это, обидѣлся и, вѣроятно, сталъ уже хуже думать о Русскихъ.

Къ довершенію нашего удобства, въ этотъ вечеръ съ мачты повѣсили длинный круглый мѣшокъ въ каморку съ запасными канатами, на которую выходило окно нашей каюты. Такіе мѣшки служатъ для накачиванія воздуха въ нижніе этажи парохода. Я рано забралась на койку и думала хорошенько заснуть.

Но не тутъ-то было!

Воспрянувшіе духомъ офицеры вздумали дать намъ любительскій концертъ.

III.

У Адена и на Красномъ Морѣ.

Боже мой, какихъ бѣдъ надѣлалъ моимъ городничимъ безпощадный монсунъ. Двѣ большія китайскія вазы оказались разбитыми въ дребезги. Кусокъ бѣлаго тюля, расшитый золотомъ и крыльями бронзово-зеленыхъ мадрасскихъ жучковъ, весь вымокъ и окрасился цвѣтомъ красной шелковой наволочки, въ которую я его уложила. А глиняныхъ идоловъ сколько было раздавлено и искрошено! Я сидѣла на палубѣ и грустно раздумывала на эту тему на слѣдующее утро. Мы окончательно вышли изъ области бурь. Кончилось наше подводное плаваніе,—иначе его и назвать нельзя. Море успокоилось и блестѣло блаженно-равнодушною улыбкой. Вода взбѣгала милліонами микроскопическихъ пузырьковъ изъ-подъ пароходнаго киля, словно мы плыли по пучинѣ зельтерской воды. Жаркій вѣтерокъ съ берега гналъ стада красной, крупной, длинноногой саранчи. Часть ея шлепалась на палубу, другая тонула въ морѣ.

Пароходный мясникъ, въ первые дни плаванія привязанный къ моему врагу дойной коровѣ, какъ къ родному дѣтищу, разсказывалъ какая она бѣдная мученица и радовался, что она отдохнетъ на сушѣ, когда такъ сильно пострадавшій *Сіамъ* будетъ починяться.

— Вотъ посмотрите на ея ноги, пригласилъ онъ меня.

Я взглянула: дѣйствительно, копыта побѣлѣли, распластались отъ долгаго стоянія на доскахъ.

Къ коровѣ всѣ подходили, всѣ замѣтили, что она настоящая англійская корова, крупная, безъ горбовъ, бѣлая съ коричневыми пятнами, а не грязновато сѣрая, какъ всѣ коровы въ Индіи. Всѣ трепали ее по шеѣ и говорили: dear old cow, а одинъ весельчакъ изъ офицеровъ пустилъ ей въ ноздри сигарнаго дыму, за что̀ мясникъ очень разсердился.

Вотъ, наконецъ, разступились давно уже виднѣвшіяся, выдвинутыя подземною силой изъ воды скалы, и бѣлые Аденскіе дома показались во всей своей казарменной прелести у подножія черной шапкообразной горы.

Что̀ за ужасное мѣсто Аденъ! Здѣсь ничто никогда не растетъ. Любители зелени уставляютъ свои террасы жестяными крашеными кактусами. У одной знакомой мнѣ дамы былъ, когда она жила въ Аденѣ, зеленый коврикъ съ длинною шерстью, чтобъ ея дѣти не скучали по англійскимъ лужайкамъ. Овощи и фрукты привозятся изъ Египта. Систерны во дворахъ наполняются рѣдкими дождями, единственныя природныя въ Аденѣ во̀ды. Когда же и систерны пересыхаютъ, что̀ бываетъ каждый годъ нѣсколько мѣсяцевъ, воду привозятъ изъ Индіи, или Европы. Для того, чтобы понять всю непривлекательность этого города довольно сказать, что ни одинъ соскучившійся по землѣ до болѣзни путникъ никогда не соблазнялся высадиться въ Аденѣ на берегъ, хотя бы пароходъ стоялъ цѣлый день.

Хуже Адена только островокъ Перимъ въ самомъ проливѣ изъ океана въ Красное Море. О немъ у Англичанъ разсказываютъ двѣ забавныя легенды. Первая изъ нихъ о томъ, какъ Англичане завладѣли имъ. Перимъ такъ непріютенъ, безполезенъ и малъ, что даже Британцамъ не хотѣлось обозначить его буквой *A* въ скобкахъ на географическихъ картахъ. Въ одинъ прекрасный день въ виду Адена вдругъ появляется французская эскадра. Аденскій генералъ-губернаторъ глядитъ въ подзорную трубку, сзываетъ своихъ домочадцевъ и рѣшаетъ узнать, чего понадобилось *моссу*, какъ Джонъ-Буль называетъ Французовъ. Обѣ націи салютуютъ другъ другу, стрѣляютъ изъ пушекъ, и путешественники приглашаются на пиръ хозяевами Адена. *Моссу* хитритъ и притворяется странствующимъ изъ любознательности. Но за ужиномъ съ обильными возліяніями начальникъ эскадры

вдругъ впадаетъ въ чувствительность и признается, что они пришли овладѣть Перимомъ. Поощряемый сладкими словами губернатора, онъ разсказываетъ, что „la belle France, sa patrie“, надѣется воротить себѣ островъ св. Маврикія при помощи господства въ Бабэль-Мандебскомъ проливѣ. Британецъ притворяется ужасно сочувствующимъ святому дѣлу и обѣщаетъ вооруженную помощь въ случаѣ нужды, которой, конечно, не представится, такъ какъ на Перимѣ не только людей, но даже и насѣкомыхъ нѣтъ. На другой день, когда готовая къ бою эскадра подошла къ Периму, начальникъ ея былъ встрѣченъ на берегу уже основавшимся тамъ адъютантомъ губернатора, незамѣтно исчезнувшимъ наканунѣ съ аденскаго пира. На островѣ развѣвался британскій флагъ, а матросы, сопровождавшіе ловкаго адъютанта, приступили къ постройкѣ англійскаго маяка. Другая легенда объ Ирландцѣ поручикѣ, приставленномъ съ командой сипаевъ наблюдать за перимскимъ маякомъ. Перимъ уже былъ нѣсколько лѣтъ англійскою территоріей, и аденскій губернаторъ былъ готовъ голову потерять, такъ какъ ни одинъ изъ поручиковъ, командированныхъ на островокъ, не выживалъ тамъ и полугода. Одинъ сошелъ съ ума, другой допился до delirium tremens, третій бросился съ маяка въ море. Наконецъ, поручикъ О'Флингъ, родомъ Ирландецъ, самъ вызвался туда ѣхать и къ восторгу губернатора прожилъ тамъ не только шесть мѣсяцевъ, но годъ, а затѣмъ и полтора, и два года, и все время писалъ рапорты, исполненные довольства своею судьбой. Наконецъ, оказалось, что О'Флингъ проживалъ все это время въ Лондонѣ, преспокойно сочинялъ рапорты въ своемъ клубѣ и пересылалъ ихъ губернатору изъ Перима, съ помощью вѣрнаго сипая.

Теперь на Перимъ ужь больше не посылаютъ поручиковъ.

Сіамъ нашъ, наконецъ, бросилъ якорь и сталъ саженяхъ въ двухъ отъ печально торчавшихъ изъ воды мачтъ большаго парохода, принадлежавшаго французской кампаніи Messagerie Maritime. Онъ былъ такъ избитъ монсуномъ, что не могъ дойти до берега и потонулъ въ виду Адена. Людей на немъ было больше трехсотъ человѣкъ, и всѣ, говорятъ, были спасены.

Мы думали, что будемъ сейчасъ же переправляться на новый пароходъ той же англійской компаніи, и всѣ повытаскивали на палубу свой багажъ. Но ждать пришлось еще много часовъ подъ прямыми невыносимыми лучами солнца, и мы измаялись, оберегая мелкую поклажу отъ воровatыхъ сыновъ Аравіи, нахлынувшихъ

на пароходъ со всѣхъ сторонъ для открытой продажи страусовыхъ перьевъ и яицъ, и винтообразныхъ роговъ какихъ-то горныхъ козъ и для тайнаго грабежа всего, что̀ подъ руку попадетъ. Какъ ни разгоняли Арабовъ, чуть не выбрасывая ихъ за бортъ, особенно ихъ мальчишекъ, прыгавшихъ вокругъ насъ и повторявшихъ на распѣвъ: give me a chilling,—избавиться отъ нихъ не было возможности. Они очень черны, куда чернѣе самаго чернаго Индуса. Когда я ихъ видѣла въ первый разъ, были сумерки, и они, при свѣтѣ пароходнаго электричества, показались мнѣ настоящими исчадіями ада, съ ихъ голыми, тонкими и гибкими тѣлами, въ которыхъ, кажется, нѣтъ ни одной кости, съ ихъ породистыми, мелкими, сухими чертами лица и сверкающими зрачками.

Мы такъ долго ждали, что совсѣмъ бы соскучились, еслибы не лейтенантъ Н., дававшій намъ даровое представленіе. Какой-то, очевидно, важный чиномъ миссіонеръ изъ перваго класса, узнавъ, что между нами находится укушенный бѣшеною собакой, написалъ лейтенанту Н. письмо, исполненное утѣшеній и увѣщаній обратиться, наконецъ, къ англиканской церкви, какъ къ любящей матери, съ сердечнымъ покаяніемъ предъ ужасною, ожидающею его смертью, да спасетъ она его отъ еще ужаснѣйшихъ мукъ ада. Адъ и чорта англійскіе миссіонеры вообще знаютъ прекрасно и пользуются ихъ услугами при обращеніи христіанъ гораздо больше, чѣмъ проповѣдью любви. Поручикъ Н. читалъ письмо во всеуслышаніе, съ собственными добавленіями и комментаріями, взвылъ нѣсколько разъ и, наконецъ, упалъ въ обморокъ.

Тѣмъ не менѣе, я увѣрена, что письмо миссіонера взволновало мистера Н. Возставъ изъ своего обморока, онъ вздумалъ поиграть въ шахматы, но шахматная доска оказалась занятою двумя почтовыми чиновниками. Буйный лейтенантъ выхватилъ доску изъ ихъ рукъ, разсыпавъ при этомъ шашки и выдернувъ изъ-подъ одного изъ нихъ стулъ съ такимъ видомъ, будто они что-то такое, чего и замѣтить нельзя. Коричневое лицо взбѣшеннаго почтаря покрылось желтыми пятнами, онъ налетѣлъ на Англичанина, дрожа всѣмъ своимъ маленькимъ, худенькимъ тѣломъ, какъ разъяренный пѣтушокъ.

— Whom are you insulting? Кого вы смѣете оскорблять? повторялъ онъ невѣрнымъ отъ бѣшенства и слезъ голосомъ.— Кого?

— Васъ, спокойно отвѣчалъ офицеръ, усаживаясь за шахматы.

Но бѣдный почтарь не унимался, мѣшая ему играть. Видя это, лейтенантъ Н. выхватилъ изъ его же рукъ палку, замахнулся на него и раза два ударилъ со всего размаха. На помощь товарищу сбѣжались всѣ почтовые чиновники. Вышла отвратительная свалка.

Черезъ часъ не болѣе я опять увидѣла уже совсѣмъ спокойнаго пострадавшаго вертящимся вокругъ тѣхъ же офицеровъ и старающимся вступить съ однимъ изъ нихъ въ миролюбивую бесѣду.

Наконецъ съ парохода, долженствовавшаго отвезти насъ въ Европу, пришелъ за нами паровой катеръ. Хотя на пароходѣ совсѣмъ не было замѣтно волненія, но катеръ нырялъ таки пречувствительно.

Большой и быстрый *Чусанъ*, названный такъ по китайскому островку, отъ котораго онъ ходитъ въ Лондонъ, пересѣкъ область монсуна поперекъ и покончилъ съ нимъ въ три дня, а мы тащились по линіи его, да еще на пароходѣ, который за старостью былъ проданъ Нѣмцами англійской компаніи и который боятся выпускать изъ порта больше, чѣмъ на недѣлю, такъ какъ ждутъ съ каждымъ рейсомъ, что онъ потонетъ.

Оправдалось предсказаніе маленькаго сіамскаго доктора: мой мужъ чувствовалъ себя такимъ здоровымъ и бодрымъ, что даже глядѣлъ совсѣмъ иначе. И вообще переходъ отъ бурь къ покою, отъ всевозможныхъ бѣдъ къ удобству былъ такъ внезапенъ и полонъ, что жизнь на *Чусанѣ* навсегда останется однимъ изъ моихъ лучшихъ воспоминаній.

Отъ сѣдовласаго статнаго капитана, приходившаго къ намъ каждое утро съ докторомъ и дежурнымъ офицеромъ освѣдомиться всѣмъ ли мы довольны и не можетъ ли онъ что-нибудь для насъ сдѣлать, до послѣдняго матроса, всѣ казались ласковы и общительны. Все смотрѣло привѣтливо.

Первые дни послѣ Адена на Красномъ Морѣ видѣть нечего, кромѣ яркой воды и еще болѣе яркаго, безоблачнаго неба. Мы должны были предаваться исключительно разсматриванію другъ друга и пароходныхъ обывателей.

Жизнь наша потекла тихо, спокойно и ровно. По утрамъ, когда солнце еще не успѣло накалить пароходъ, мы всѣ ходили взадъ и впередъ, какъ звѣри въ клѣткѣ. Предъ вечеромъ, который на Красномъ Морѣ приходитъ, какъ и въ Индіи, сразу, безъ сумерокъ, путники забавлялись бросаніемъ тугихъ веревочныхъ

колецъ въ ушатъ на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ или мѣшочковъ со свинцовою тяжестью на расчерченную цифрами доску. Въ первой игрѣ особенно отличался юный Китайчонокъ, не умѣвшій ничего сказать ни на одномъ европейскомъ языкѣ, кромѣ того, что онъ ѣдетъ изъ Сингапура въ Марсель. Послѣ поздняго обѣда, посидѣвъ на темной, сразу похолодѣвшей палубѣ, всѣ уходили внизъ, пили пиво и портеръ, курили и слушали музыку, пока не приходилъ часъ отхода ко сну.

Музыка была совсѣмъ другая, чѣмъ на *Сіамѣ*. Между музыкантами выдавался одинъ рыженькій пожилой помощникъ капитана, пиликавшій на скрипицѣ попурри изъ *Нормы* и *Роберта Діавола*, подъ аккомпаниментъ одной изъ вдовъ, которыхъ съ нами было нѣсколько, какъ это всегда бываетъ на колоніальныхъ пароходахъ.

Еслибы Ноевъ Ковчегъ былъ населенъ не животными разныхъ породъ, а людьми разныхъ народностей, то его можно было бы смѣшать съ однимъ изъ пароходовъ, ходящихъ изъ колоній въ Европу.

Капитаны, его помощники, докторъ, главный буфетчикъ и т. д. обыкновенно бываютъ одной національности: Французы, Англичане или Итальянцы. Матросы всѣ индійскіе мусульмане, одѣтые въ тугіе, красные плосковерхіе тюрбаны на бритыхъ головахъ, въ длиннополые казакины изъ голубой холстинки и болтающіеся на худыхъ ногахъ бѣлые панталоны, изъ кокетства обшитые на концѣ тесемочкой или даже прошивкой. Кочегары и вообще чернорабочіе—негры съ Мозамбика, или съ юга Индіи, гдѣ бывшіе рабы негрскаго племени, отпущенные на свободу, живутъ большою колоніей, не смѣшиваясь съ кореннымъ населеніемъ.

Ихъ щелканіе и пришепетываніе было очень самобытнымъ прибавленіемъ къ гортанному говору матросовъ и разнообразнымъ обращикамъ европейскихъ рѣчей, раздающимся во всѣхъ концахъ парохода. Они и одѣваются особенно, то-есть можно сказать совсѣмъ не одѣваются, изрѣдка, коль станетъ холодно, прикрываясь грязнымъ рубищемъ. Они ужь настоящіе негры, не похожіе по типу ни на одно племя Индіи и рѣзко отличающіеся отъ тѣхъ чернокожихъ людей, которыхъ намъ случалось видѣть по побережьямъ Краснаго Моря.

Между путешественниками и служащими были и Англичане, и

Ирландцы, и Шотландцы, и Французы, и Греки, были, наконецъ, Китаецъ и Русская.

Первый день, проведенный нами на новомъ пепелищѣ, оказался воскресеньемъ. Обыкновенно на пароходѣ среди путниковъ найдется хоть одинъ клэрджименъ, его пригласятъ въ каютъ-компанію перваго класса, какой-нибудь матросъ - христіанинъ обойдетъ всѣ каюты, изрѣдка постукивая въ звонкій гонгъ, и всѣ соберутся къ обѣднѣ.

Я не пошла въ англиканскую церковь, какъ въ такихъ случаяхъ называется зала перваго класса, а сошла внизъ за Евангеліемъ и стала читать, устроившись въ тѣни. Но почитать мнѣ не удалось какъ слѣдуетъ; очень скоро изъ-подъ лодки, за которой я сидѣла, начали выглядывать любопытныя голубоглазыя и бѣлокурыя дѣтскія головы. Это были дѣти вдовы, ѣхавшей изъ Гонконга. Не было и шести недѣль со смерти ихъ отца, англійскаго солдата, служившаго въ Китаѣ, и ихъ мать еще не пришла въ себя послѣ первыхъ порывовъ глубокаго горя. Дѣти были вполнѣ предоставлены самимъ себѣ. Ихъ было семь отъ девяти и до двухъ лѣтъ, кормилъ ихъ кто-нибудь изъ жалостливыхъ пассажировъ или горничная, а черные матросы, характерная черта которыхъ самая нѣжная любовь къ чужимъ дѣтямъ, то и дѣло захватывали ихъ на лету при паденіи съ крутой лѣстницы и снимали съ бортовъ, откуда они грозили свалиться въ море.

Мнѣ было жалко отогнать ихъ отъ себя при первомъ же знакомствѣ, и, какъ я ни старалась удержать ихъ въ порядкѣ, они не дали мнѣ дочитать главу.

Чтобъ избѣжать надоѣвшихъ мнѣ политическихъ разговоровъ хоть съ младенцемъ Джонни, я принялась показывать ему и его сестрамъ картинки въ *Mensonge* Бурже, а потомъ предложила всей компаніи идти смотрѣть обезьянъ и попугаевъ, принадлежащихъ матросамъ.

Съ большимъ трудомъ мы спустились съ винтообразной лѣстницы на нижнюю палубу, причемъ одна изъ младшихъ дѣвочекъ кричала и пряталась въ складкахъ моего платья, пугаясь черныхъ лицъ матросовъ, съ несказанною добротой помогавшихъ мнѣ при переправѣ.

Попеченія и нѣжность, съ которою эти люди относятся къ своимъ любимцамъ, всевозможнымъ животнымъ, положительно трогательны. На *Чусанѣ* было полдюжины мелкихъ обезьянъ,

была кошка съ котятами, были кролики и собачка съ однимъ торчащимъ ухомъ, а другимъ смѣшно и упрямо загибавшимся внизъ; и за всѣмъ этимъ суетливымъ міркомъ успѣваютъ присмотрѣть и прибрать и безъ того занятые матросы. Каждый день, когда приходилъ часъ обѣда, мы видѣли какъ старшóй, важный матросъ со свисткомъ на серебряной цѣпочкѣ отдѣлялъ отъ общаго риса съ бараниной и овощами маленькія кучки для каждаго изъ своихъ питомцевъ. Свѣжую капустку и морковь для кроликовъ было поручено добывать старому, сѣдому негру. Мы часто забавлялись зрѣлищемъ гоняющихся за этимъ воромъ поваровъ съ кастрюлями и скалками; негръ ловко удиралъ отъ нихъ, взбирался на мачты и дразнилъ ихъ оттуда гримасами, какъ настоящій шимпанзе. Но чуть голова въ бѣломъ колпакѣ отвернется, негръ успѣетъ стащить листокъ капусты и съ торжествомъ бѣжитъ къ бѣлымъ кроликамъ, которые всѣ кидаются ему навстрѣчу. Мы предлагали ему денегъ для ежедневной покупки овощей, но онъ отказался: вѣрно такъ ему было веселѣе. У Италіянца-матроса было нѣсколько ученыхъ мышекъ. Надъ нашими головами раскачивались, треща безостановочно, попугаи, посвистывалъ скворецъ и прыгало множество хорошенькихъ мелкихъ индійскихъ пташекъ въ клѣткахъ.

И дѣти, и я сама полюбили этотъ звѣринецъ и часто навѣщали его, всегда радушно принимаемыя его хозяевами.

Предъ приходомъ въ Суэзъ мы всѣ замѣтили толпу матросовъ, которые такъ кричали и махали руками, что будь среди насъ Tartarin, онъ непремѣнно бы подумалъ, что это бунтъ въ открытомъ морѣ, а это было просто сборище, рѣшившее проколоть уши двумъ новорожденнымъ мартышкамъ и обсуждавшее, какой формы серьги они имъ купятъ въ складчину на Суэзскомъ базарѣ.

Мы часто съ европейскою безцеремонностью смотрѣли на молящихся мусульманъ. Они вообще крѣпко блюдутъ свои обычаи, но тутъ на нихъ дѣйствовала еще и близость Мекки съ Мединой. На солнечныхъ закатахъ матросы положительно замирали на колѣнахъ съ поднятыми къ небу руками, въ упоръ глядя вслѣдъ опускающемуся на свое водяное ложе свѣтилу.

Съ нами ѣхала одна некрасивая, но презанимательная Англичанка. Мы прозвали ее Станлеемъ за то, что въ дорогѣ она носила точно такую же полотняную фуражку съ козырькомъ, какую обыкновенно рисуютъ на головѣ этого путешественника.

Вотъ эта миссъ Станлей постоянно восхищалась молитвеннымъ экстазомъ мусульманъ и по этому поводу у нея вышла стычка съ тѣмъ миссіонеромъ, который писалъ поручику Н. письмо съ призывомъ къ покаянію.

— Посмотрите на нихъ, говорила разъ она, глядя на молящихся матросовъ.—У кого изъ насъ нашлось бы глубокое чувство такъ уйти въ молитву, несмотря на возможныя насмѣшки, не стѣсняясь ничьимъ присутствіемъ. Вотъ мужество и высокая вѣра!

— Сударыня, позвольте мнѣ вамъ замѣтить, вмѣшался задѣтый за живое миссіонеръ.—Мусульмане такіе же грубые язычники, какъ и всѣ народы въ мірѣ, не принадлежащіе къ нашей церкви.

Но встрѣтивъ рѣзкій отпоръ, проповѣдникъ не сталъ возражать и скоро ушелъ. Мы думали, что тѣмъ дѣло и кончится. Но на другой день, къ нашему общему удивленію, дѣти стали очевидно убѣгать отъ миссъ Станлей. Я подозвала одну изъ дѣвочекъ и спросила въ чемъ дѣло.

— Ma'says she is a bad lady! былъ отвѣтъ.—Мама говоритъ, что она скверная дама.

— Почему такъ? Она, вѣдь, очень добра къ вамъ.

Я знала, что, путешествуя съ ними съ начала, она принимала горячее участіе и словомъ и дѣломъ во вдовѣ и сиротахъ.

— Да, но теперь мама не хочетъ, чтобы дѣти играли съ ней, а я и сама не буду, повторяла дѣвочка.—Она не вѣритъ въ Бога.

— Но кто же могъ вамъ сказать такую неправду.

— Reverend Smith, и онъ говоритъ правду.—Ma'says she is no good.

Оказалось, что пасторъ побывалъ у вдовы, разспрашивалъ о ея покойномъ мужѣ и будущемъ дѣтей и успѣлъ возстановить ее противъ особы, отъ которой вотъ уже больше мѣсяца ничего, кромѣ добра, не видала.

Протестантизмъ и особенно его секты въ нетерпимости своей далеко обогнали католиковъ, хотя весь протестантскій сѣверъ Ирландіи только и дѣлаетъ, что вопіетъ противъ безнравственныхъ запугиваній и происковъ католическаго духовенства въ ея южныхъ графствахъ.

Пароходныя развлеченія, включая туда игры, обезьянъ, негровъ и пріятные разговоры, начинали всѣмъ пріѣдаться. Всѣмъ хотѣлось опять увидать землю. Со скуки господа офицеры

придумали „обангличанивать“, какъ они выражались, ѣхавшаго съ нами Китайченка, и страшно хохотали, когда онъ, послѣ перваго же стакана соды съ виски, начиналъ заплетать ногами.

Наконецъ, подъ вечеръ, уже на пятый день послѣ Адена, мы увидѣли скалы, давшія морю его названіе.

Сколько безмолвныхъ тысячелѣтій должно было пронестись надъ этимъ пустыннымъ побережьемъ, чтобы такъ выжечь, выѣтрить и искрошить его утесы, чтобъ его клокочущіе кратеры, выдвинувъ на лицо земли безконечныя каменныя громады, смирились и замолкли на вѣки.

Скалы давятъ душу путника своею непріютностью, своимъ вѣковѣчнымъ одиночествомъ. Все мертво вокругъ нихъ и на нихъ. Иногда только крылатыя рыбки стаями перелетаютъ съ волны на волну, грѣясь и играя на солнцѣ. По ночамъ только свѣтящіяся искры и пятна разбѣгаются по темнымъ водамъ, мѣшаясь съ отблесками звѣздъ, которыя словно стараются разглядѣть съ небесъ, что̀ за безмолвное дѣтище родилось тамъ, внизу отъ мрака и пустыни.

Страшны скалы Краснаго Моря, но прекрасны. Когда солнце паритъ въ вышинѣ, онѣ стыдливо прячутся въ дымку горячаго свѣта. Но вечеромъ, когда солнце уже скрылось за ними, но все еще горитъ и пышетъ вокругъ, онѣ еще лучше. Темнозеленое море, яркіе желтые пески у подножія изкрасна коричневыхъ горъ, алый отблескъ надъ ними, а еще выше синее небо, и чѣмъ выше тѣмъ синѣе, пока, наконецъ, громадныя блестящія звѣзды не заставятъ все казаться и темнымъ и незначительнымъ. Ни одинъ живописецъ не рѣшится положить рядомъ такіе яркіе цвѣта, какими блещетъ Красное Море, а если и рѣшится, то никто ему не повѣритъ.

Разъ ночью я забралась на самый носъ парохода, такъ что за незначительными тоненькими перилами начиналась уже пустыня. Море все сверкало фосфорическими искрами, пароходъ былъ окутанъ легкимъ туманомъ. Яркость звѣздъ на югѣ была для меня тогда еще новостью, и я рѣшительно не могла различить, гдѣ кончается вода и гдѣ начинается воздухъ. Я глядѣла прямо предъ собой, шумный пароходъ не существовалъ для меня, и я стояла очарованная въ какомъ-то небываломъ, прозрачномъ и свѣтящемся пространствѣ, не на землѣ и не на небѣ. Даже страшно сдѣлалось.

Днемъ мы часто фантазировали, глядя на скалы. Поверхность

ихъ очень неровна: то островерхія жилы прямою чертой сползаютъ къ морю, словно потокъ лавы, то будто гигантскія лѣстницы, то чудятся зубчатыя крѣпости, и страшные сказочные драконы и чудовища, кажется, копошатся въ разсѣлинахъ. Вотъ-вотъ, думается, одинъ изъ нихъ взмахнетъ зубчатыми крыльями и полетитъ, неуклюже свивая въ воздухѣ хвостъ. Въ этой мѣстности игра свѣта и тѣней удивительная.

Но сколько человѣкъ ни строй воздушныхъ замковъ, ему придется спуститься на землю, и когда мы приближались къ Суэзу, берега Краснаго Моря мнѣ такъ успѣли примелькаться, что казались моимъ взорамъ очень прозаическими. По мѣрѣ приближенія къ Суэзу, вода мѣняетъ свою окраску, изъ прозрачной темносиней она становится голубою, словно въ море набросали сперва горы синьки, а потомъ стали прибавлять крахмалу, такъ что оно и посвѣтлѣло и стало мутнымъ. У самаго же Суэза дно такъ мелко, рыжіе пески такъ близки отъ поверхности, что вода становится мутнозеленою, выцвѣтаетъ какъ давно неношенная, залежавшаяся бирюза.

Было около часу дня. Мы рѣшили не высаживаться на берегъ, зная, что завтра насъ ждетъ долгая стоянка въ Портъ-Саидѣ, точь-въ-точь похожемъ на Суэзъ. *Чусанъ* очень скоро былъ осажденъ и взятъ съ бою множествомъ разноплеменныхъ искателей наживы.

Отуречившіеся Европейцы въ фескахъ и съ сигарами, и офранцузившіеся разноплеменные туземцы продавали груды фотографій Египта, Краснаго Моря, Суэзскаго канала съ его двумя городами и цѣлое наводненіе портретовъ Лесепса.

Лесепсъ, прорывшій каналъ и изъ ничего создавшій на его противоположныхъ концахъ Суэзъ и Портъ-Саидъ, живетъ въ сердцахъ тысячъ народа, кормящагося въ этихъ песчаныхъ мѣстахъ, какъ несравненный герой, какъ какой-то миѳологическій полубогъ. Пройдутъ вѣка и, можетъ-быть, все созданное этимъ человѣкомъ будетъ поглощено ненасытною пустыней, но память о немъ не исчезнетъ, и приди въ будущую на этомъ мѣстѣ пустыню черезъ тысячу лѣтъ какой-нибудь ясновидящій медіумъ, онъ увидитъ въ эѳирѣ безчисленныя отраженія фотографій Лесепса, трепещущими въ небѣ, появляющимися на пескѣ, и колеблющимися на далекихъ волнахъ, Лесепса сидящаго, Лесепса стоящаго, Лесепса en face, въ профиль, съ семействомъ и въ одиночку.

Еще и еще причаливали лодки къ *Чусану* каждую минуту съ торговками, съ праздными зѣваками, спѣшившими, по привычкѣ южныхъ народовъ, безцѣльно на людей посмотрѣть и себя показать, съ новыми пассажирами изъ центровъ страны, такъ какъ въ Суэзъ проведена желѣзная дорога изъ Каира. Толпа на палубѣ становилась все гуще, отъ накиданнаго всюду товара ступить было некуда. Какой-то, не то Итальянецъ, не то славянинъ, съ воодушевленіемъ вытягивалъ на концертино „любовь дитя непостоянства," прижмуриваясь, кивая головой и то отдаляя инструментъ, то прижимая его къ своей груди. Мельканіе сотенъ лицъ, фески, нѣсколько молчаливыхъ, застывшихъ въ неподвижности и снѣ пароходовъ и кораблей. Направо тѣ же выжженные утесы, налѣво за яркимъ моремъ тоже сонливый городокъ съ желтыми и бѣлыми досками, съ красными крышами и рѣдкими купами зелени, а за нимъ пески, пески, тянущіеся на сколько глазъ хватитъ.

— Что жь это вы уединились? позвала меня съ нижней палубы миссъ Станлэй.—Тутъ удивительный фокусникъ.

Въ Индіи мнѣ случалось видѣть много очень ловкихъ фокусниковъ, и на этотъ разъ я не ждала ничего особеннаго, но была удивлена одною изъ продѣлокъ джонглера. Ее никакъ нельзя объяснить обыкновенною ловкостью рукъ и ловкимъ обманомъ зрѣнія, съ помощью заранѣе приготовленныхъ коробокъ съ двойнымъ дномъ, нитокъ, магнитовъ, и тому подобнаго.

Миссіонеръ стоялъ ближе всѣхъ къ Арабу, являя своею наружностью полную противоположность сыну пустыни. На его лицѣ изображалось брюзгливое неудовольствіе и даже нѣкоторый страхъ. Онъ съ видимою досадой ощупалъ палку, которую тотъ собирался глотать и которая предварительно переходила между зрителями изъ рукъ въ руки.

— Подумайте вы, маленькія! говорилъ подгулявшій солдатъ дѣтямъ, съ суевѣрнымъ ужасомъ глядя на исчезавшую въ нѣдрахъ фокусника палку.—Теперь эта палка однимъ концомъ уперлась ему въ животъ, а другимъ щекочетъ его мозги.

Вдругъ Арабъ обратился къ миссіонеру, улыбаясь и противно скаля зубы.

— Гдѣ мой носъ? торжествующимъ голосомъ спросилъ онъ и, не дождавшись отвѣта, развелъ руками и сказалъ, выговаривая debil, вмѣсто devil; Debil took ih! Чортъ его взялъ.

— Devil Will take you too, if you dont look out! только и

нашелся произнесть грозный миссіонеръ.—Чортъ и тебя возьметъ, если ты не остережешься.

Въ заключеніе представленія Арабъ, вмѣсто палки, вынулъ изо рта нѣсколько дюжинъ яицъ, кудахтая все время, какъ насѣдка, потомъ поглоталъ ихъ всѣ и, собравъ подаяніе, ушелъ такой же тощій и изсохшій, какимъ пришелъ.

Уже давно прозвонилъ колокольчикъ къ чаю, а палуба все не пустѣла. Отъ продавцовъ положительно не было отбою.

Они всѣ протискивались за нами въ столовую, и потомъ многихъ вещей мы не досчитались по каютамъ.

Труба уже два раза ревѣла, возвѣщая объ отходѣ парохода, а пестрая толпа и не думала забирать свои товары и все еще ожесточенно гонялась за путешественниками. Пароходъ, наконецъ, двинулся, медленно входя въ Суэзскій каналъ, и, только проташившись съ нами мили двѣ, наши притѣснители стали прыгать за бортъ въ лодки, какъ испуганное сборище лягушекъ.

IV.

Портъ-Саидъ.

Потянулся нескончаемый Суэзскій каналъ. Канава грязной воды, особенно неприглядная послѣ яркихъ красокъ Краснаго Моря, до того узкая, что, кажется, двумъ средней величины пароходамъ въ ней никакъ не разминоваться.

Несмотря на это, пароходы встрѣчались очень часто, медленно скользя мимо *Чусана*; путники успѣвали переговариваться: одинъ шустрый пароходикъ греческой компаніи съ грузомъ изъ кокосовъ и бананновъ даже обогналъ насъ. Только тутъ ясно сознаешь, что Красное Море далеко не такая узенькая лужица, какою всѣ его привыкли считать, глядя на карты; только тутъ мы поняли, что даже и не замѣтили постоянно шмыгающихъ по немъ взадъ и впередъ судовъ.

Стороны канала, то выложенныя кирпичами, то вымазанныя привозною упорною глиной, едва сдерживаютъ напоръ песковъ.

Изрѣдка на разстояніи многихъ миль домишко сторожа подъ припекомъ на откосѣ. Чахлый олеандръ или пальма въ садикѣ, собака, нѣсколько куръ, все такое заморенное, что при взглядѣ на нихъ становится еще жарче. А жара такая, что никакой

индійскій жаръ, сворачивающій ваши столы въ закупоренныхъ комнатахъ въ трубочки, ему и въ подметки не годится. Двойной навѣсъ надъ пароходомъ только дразнитъ жаръ, и онъ на зло ему пробирается еще пуще черезъ парусину, подымается отъ палубныхъ досокъ, пышетъ съ боковъ. Подвижныя горы песковъ все ближе и ближе подвигаются къ водѣ. Бѣда, если подымется дремлющій раскаленный вѣтеръ. Онъ принесетъ тучи горячаго песку на палубу, переломаетъ его тяжестью тонкія снасти, засыплетъ имъ всѣ выходы, наложитъ толстый слой его на каждую вещь въ каютахъ. Потемнѣетъ тогда небо и солнце скроется изъ глазъ путниковъ.

Мы всѣ позабыли было о настоящихъ жарахъ, двигаясь въ открытомъ морѣ и по ночамъ наслаждаясь сравнительною прохладой. Солнопека на Суэзскомъ каналѣ никто не могъ вынести, всѣ попрятались по каютамъ, да и то сидѣли и лежали съ вѣерами, обливаясь потомъ и едва дыша.

Рѣдкія звѣзды ужь начинали мигать въ серебристой выси; тоненькій рожокъ мѣсяца тихо свѣтился невысоко надъ горизонтомъ въ розовомъ полусвѣтѣ, и чѣмъ ближе къ землѣ, тѣмъ краснѣе становился небосклонъ. По отдалявшемуся отъ насъ берегу беззвучно шагалъ караванъ верблюдовъ, и ихъ горбатые, длинноногіе силуэты рѣзко выдѣлялись въ красноватой мглѣ пустыни. Вотъ раздался протяжный окрикъ передоваго погонщика, ему глухо отвѣтили издалека, съ конца длинной цѣпи верблюдовъ. И опять все стало тихо, тихо на землѣ, на небѣ и на водѣ.

Чусанъ выходилъ изъ узкаго канала въ Измаильскія соленыя озера. Искусственное русло, по которому только и могутъ ходить большіе пароходы въ мелкихъ озерахъ, съ обѣихъ сторонъ было уставлено рядами качающихся отъ мелкой зыби фонарей. Скоро совсѣмъ стемнѣло; мы миновали и эту водную улицу и плыли по серединѣ озера, далеко отъ береговъ.

Между путниками словно тихій ангелъ пролетѣлъ. Не было слышно ни взрывовъ смѣха, ни громкаго пѣнія, ни криковъ; въ отдѣльныхъ группахъ, по уголкамъ велись только сдержанные разговоры, вполголоса. Всѣ, казалось, ждали чего-то, чутко прислушивались къ чему-то.

Дышалось совсѣмъ иначе, воздухъ былъ совсѣмъ другой. То и дѣло въ немъ проносились свѣжія, не холодныя, но бодрящія, оживляющія струи. Средиземное море быстро приближалось къ

намъ, Европа была уже не далеко отъ насъ. Всѣмъ чувствовалось ея вѣяніе, заставляя всѣхъ призадумываться и волноваться чувствами, въ которыхъ радость такъ похожа на тихую грусть, а грусть на свѣтлую радость.

Не даромъ Англичанинъ, гдѣ бы онъ ни родился, гдѣ бы ни проводилъ свою жизнь, въ Канадѣ ли, или Австраліи, зоветъ умиляющимъ его словомъ *home* только свою старую Англію.

Ужь огни жалкой при дневномъ свѣтѣ Измаиліи привѣтливо замелькали намъ, отражаясь длиннымъ слѣдомъ въ водѣ, и успѣли исчезнуть, мѣсяцъ тоже давно сошелъ съ небосклона, темная ночь воцарилась надъ нами, пароходъ нашъ снова вошелъ въ русло узкаго канала, а мы все еще не расходились, словно боясь, что дорогая намъ фантасмагорія разсѣется, лишь только мы войдемъ въ скучныя клѣточки каюты.

На другой день съ ранняго утра новыя, разнообразныя, пестрыя впечатлѣнія. *Чусанъ* остановился у Портъ-Саида въ восемь часовъ утра. Онъ сталъ такъ близко къ берегу, что цѣльнаго представленія о городѣ невозможно было составить. Обрадовавшіеся возможности промяться, путники толпились у сходней и поспѣшно разсаживались въ лодчонки съ ситцевыми яркими навѣсами, чтобы проплыть двѣ, три сажени до берега.

Въ маленькомъ челночкѣ у самыхъ сходней стоялъ попрошайка, смуглый мальчишка, въ очень живописныхъ лохмотьяхъ, съ хитрымъ и удивительно веселымъ лицомъ, и привѣтствовалъ всѣхъ безъ разбору, мужчинъ или женщинъ, Англичанъ или не Англичанъ, неизмѣннымъ восклицаніемъ: Good morning, mister Ferguson!

Всякій улыбался мальчишкѣ, хотя между нами не было ни одного Фергюсона, и онъ, довольный, весело протягивалъ руку за подаяніемъ.

Городокъ еще спалъ; обильно политая пыль на улицахъ еще не успѣла высохнуть и лежала жидкою грязью. Съ залитой уже солнечными лучами набережной мы вошли въ довольно узкія улицы. Тѣнь отъ домовъ ложилась на нихъ длинными косыми полосами

Въ Портъ-Саидѣ ничего, кромѣ лавокъ, нѣтъ; каждое зданіе, если не лавка цѣликомъ, то хоть нижній этажъ сдаетъ подъ лавки. Французскіе кафе, на окнахъ и полосатыхъ маркизахъ которыхъ объявленія на многихъ языкахъ о томъ, что здѣсь во всякій часъ дня и ночи можно имѣть мороженое и прохладительные напитки. Греческія и итальянскія кухмистерскія, гдѣ васъ кормятъ

пряными приправами на оливковомъ маслѣ, вмѣсто кушаній. Вездѣ булочныя, кондитерскія, съ неизбѣжнымъ Turkish delight, овощныя и фруктовыя лавочки арбузовъ, дынь, помидоровъ, кокосовъ, финиковъ, абрикосовъ и сливъ, и ихъ помѣсей, неизвѣстныхъ въ Европѣ. Человѣкъ, забывающій о томъ, что городокъ живетъ путешественниками и для путешественниковъ, удивляется кто съѣстъ въ такомъ маленькомъ мѣстѣ всѣ эти припасы.

На лучшихъ улицахъ опять лавки, хотя другаго вида и содержанія. Знаменитыя египетскія папиросы и турецкій табакъ, раскупающіеся любознательными туристами, особенно Англичанами, на расхватъ, занимаютъ тутъ очень видное мѣсто. На окнахъ лавокъ и у дверей на улицѣ разставлено безчисленное множество бездѣлушекъ, хорошенькихъ и самобытныхъ, носящихъ мѣстный отпечатокъ, которыя соблазнительно купить и легко унести. Тутъ есть и склады японскихъ и китайскихъ вещей, восточныхъ матерій, ковровъ, занавѣсокъ и скатертей, расшитыхъ арабскими надписями изъ Корана и пестрыми восточными узорами.

Насъ со всѣхъ сторонъ осаждали погоньщики съ мелкорослыми ослами, осѣдланными сидѣніями для одного или двухъ человѣкъ. Они выхваляли наперерывъ бѣгъ осликовъ, удобство сидѣній и даже ихъ роскошь, такъ какъ нѣкоторыя были обиты облѣзшимъ краснымъ бархатомъ и украшены бахромой.

— There, lady! Beady, lady! Nice donkey! His name Pretty Polly! неистово выкрикивалъ одинъ изъ погоньщиковъ, суетясь и размахивая руками.

— My donkey name Two lovely black eyes! Better name, better donkey! вставилъ свое слово другой, до сихъ поръ молчавшій погоньщикъ въ сѣрой войлочной скуфейкѣ.

Мы подивились, откуда портъ-саидскій Арабъ прослышалъ про любимую англійскую пѣсню, воспѣвающую подбитые въ дракѣ глаза, но все же не соблазнились прокатиться на его осленкѣ. Несмотря на всѣ наши отказы и сопротивленіе, а потомъ и полное невниманіе, эти два человѣка больше отъ насъ не отставали за все время нашей прогулки по Портъ-Саиду. Первый изъ нихъ то бесѣдовалъ со своимъ осломъ большею частью на нашъ счетъ съ неподдѣльнымъ комизмомъ, то старался дразнить втораго, то назойливо вмѣшивался въ нашъ разговоръ; второй молчалъ съ большимъ достоинствомъ, изрѣдка замахиваясь на ословъ, но брелъ за нами съ неменьшимъ упрямствомъ.

Я подумала, что должна же быть въ Портъ-Сандѣ греческая церковь.

Наши провожатые не сразу поняли французскія и англійскія объясненія—чего мы желаемъ, но вызвались насъ довести до церкви прямою дорогой. Должно-быть дорога была не очень прямa, потому что намъ пришлось еще съ полчаса побродить по узкимъ улицамъ, съ неказистыми грязноватыми домишками, изъ оконъ которыхъ на насъ любопытно глазѣли полуодѣтыя женщины съ папильотками на лбу и дѣти.

Греческая церковь, какъ мнѣ показалось, расположена совсѣмъ за городомъ. По крайней мѣрѣ, домовъ почти не попадалось, а пустыри, огороженные досчатыми заборами, тянулись со всѣхъ сторонъ.

Черезъ покосившіяся ворота я вступила на гладко выметенный дворикъ, въ одномъ углу котораго лежали кучи извести, а въ другомъ подъ тѣнью забора сидѣли двѣ смуглыя женщины въ бумажныхъ платкахъ на головахъ и нѣсколько маленькихъ дѣтей. Онѣ видимо перетревожились при моемъ появленіи; погоньщики ословъ принялись имъ объяснять въ чемъ дѣло. Несмотря на ранній часъ, обѣдня была уже кончена, и священникъ, у котораго былъ ключъ отъ церкви, оказался ушедшимъ со двора. Пока за нимъ бѣгалъ одинъ изъ погоньщиковъ, я успѣла разсмотрѣть, что каменная церковь строилась или починялась, а образа и иконостасъ помѣщались временно въ деревянномъ баракѣ.

Когда, наконецъ, предо мной отворились двери сумрачной церкви, я увидѣла, что она вся въ травѣ и цвѣтахъ, какъ въ Троицынъ день. Посрединѣ стоялъ аналой съ образомъ двухъ святыхъ въ большомъ вѣнкѣ изъ свѣжихъ бѣлыхъ лилій. Я, сбитая съ толку путешествіемъ и счетомъ новаго стиля, тутъ только вспомнила, что это былъ Петровъ день, 29 іюня, и длинный рой воспоминаній и чувствъ пронесся въ душѣ моей.

Мы пошли посидѣть въ хорошенькій городской садикъ, называющійся громкимъ именемъ Jardin de Lesseps. Онъ совсѣмъ крошечный; по серединѣ павильонъ для музыкантовъ, поставленный на сталактитахъ; на грядкахъ тропическія растенія и олеандры, осыпанные роскошнымъ розовымъ цвѣткомъ, миндальный запахъ котораго силенъ до удушливости; по бокамъ дорожки выложены раковинами и папоротниками.

Утро уже давно смѣнилось жаркимъ днемъ, и праздное наро-

донаселеніе все высыпало на улицы. Въ саду играли довольно грязныя дѣти въ шелковыхъ и бархатныхъ изношенныхъ платьяхъ, въ которыхъ ясно виднѣлось восточное безвкусіе и страстная охота подражать французскимъ образцамъ. Мамаши ихъ тоже прогуливались, очевидно очень гордыя своими несоразмѣрными турнюрами и пестрыми платьями, съ слишкомъ короткими подолами и слишкомъ длинными хвостами. Вкусу мало, но за то дородность преобладаетъ. Глазъ пріятно отдыхалъ на одеждахъ рѣдкихъ на улицѣ турецкихъ женщинъ, сшитыхъ изъ легкихъ шелковыхъ полосатыхъ матерій на подобіе обширнаго домино и вовсе не скрывающихъ ихъ стройныхъ подвижныхъ фигуръ. Газовый или шелковый вуаль въ родѣ полотенца съ прорѣзомъ для глазъ онѣ тоже умѣютъ носить такъ, что ихъ лица отъ этого только выигрываютъ, обѣщая быть красивѣе, чѣмъ они есть на самомъ дѣлѣ. У рѣшетки сада собралась веселая толпа молодежи послушать молодца въ фескѣ, который наигрывалъ на пресмѣшной дудочкѣ: c'est moi Nicolas! Ah, ah, ah!

— Ты хорошо играешь. Поиграй еще! говорили вокругъ него, и жиденькіе звуки раздавались бойчѣе, и новые слушатели, должно-быть прикащики изъ лавочекъ, останавливались на полъпути посмѣяться и поболтать. Очевидно, они всѣ знали другъ друга.

Городокъ вообще производитъ смѣющееся, веселое впечатлѣніе; вся его жизнь на улицѣ. Несмотря на многочисленность лавокъ, дѣла тутъ, кажется, мало дѣлается, потому что всѣ охотники до бездѣльнаго сидѣнья на солнцѣ и болтовни съ пріятелями.

Погоньщики ословъ не дали намъ спокойно спуститься въ лодку, они съ крикомъ требовали платы. Я попробовала возразить, что уже заплатила тому, который бѣгалъ за священникомъ.

— Ils vous ont accompagnés, заявилъ какой-то толстый черномазый человѣкъ въ широчайшей соломенной шляпѣ, котораго я сочла за праздношатающагося и который оказался какою-то набережною властью.

— Да, вѣдь, мы ихъ объ этомъ не просили, напротивъ!

— Non, ils vous ont accompagnés, vous devez payer! рѣшилъ онъ голосомъ, недопускающимъ возраженій.

На *Чусанѣ* опять была ярмарка, фокусники и товары, но мнѣ хотѣлось отдохнуть, и я сошла въ каюту.

Портъ-Саидъ растянулся по набережной. Отчаливая, *Чусанг*

двигался довольно скоро, но все-таки намъ еще долго мелькали дома, сложенные изъ досокъ и крашеные въ коричневый и темно-красный цвѣтъ, и деревца, покрытыя пылью, посаженныя какъ по ниткѣ у домовъ. Потомъ показались доки съ машинами для очистки дна Суэзскаго канала и мастерскими для починки ихъ; потомъ потянулся молъ, невысокою стѣной далеко убѣгающій въ море. Крупные дельфины играли у стѣны, то выскакивая изъ воды, то опять, перекувыркнувшись въ воздухѣ, тяжело плепаясь въ волны. Матросы выбросили за бортъ нѣсколько корзинокъ съ сочными желтыми мангами, похожими на громадныя сливы. Эти индійскіе плоды до такой степени нѣжны, что ихъ невозможно довезти до Европы свѣжими. Ихъ во весь переѣздъ держали на льду, и все-таки они загнили, почернѣли и обратились въ кашу. Большая стая дельфиновъ сейчасъ же устремилась въ пароходный слѣдъ, хватая манги на лету и ныряя за ними въ пѣнившуюся воду. Послѣдняя манга исчезла изъ вида, и мы простились съ далекимъ жаркимъ югомъ. Мы вошли въ Средиземное море.

И слава Богу, что было такъ! *Чусанъ* шелъ на Мессинскій заливъ, то-есть опять долженъ былъ сдѣлать длинный переходъ далеко отъ земли, въ безконечной панорамѣ неба и воды, и за нѣсколько дней отъ Портъ-Саида до Мессины нетерпѣніе насъ замучило бы, еслибы мы постоянно не воображали себя въ европейскомъ морѣ.

Какъ рады мы всѣ были увидѣть снова сѣрыя и бѣлыя тучки на небѣ, скрывающія по временамъ солнце и бѣгущія по лону водъ прозрачными темными пятнами. А настигшій насъ неподалеку отъ Крита густой морской туманъ повергъ всѣхъ въ окончательный восторгъ. *Чусанъ* оглушительно ревѣлъ каждыя пять минутъ, чтобы не наскочить въ туманѣ на какой-нибудь другой пароходъ. Кажется, особенно радоваться было нечего, а между тѣмъ каждый новый ревокъ поднималъ въ нашихъ сердцахъ новые порывы радости.

— Наконецъ-то, дождался! говорилъ совсѣмъ больной путникъ, котораго всю дорогу выносила на палубу прислуга. Круглый годъ солнце да солнце, этого никакое здоровье не вынесетъ. Вотъ хорошенькій туманъ совсѣмъ другое дѣло. Я знаю, что совсѣмъ буду здоровъ, когда, наконецъ, увижу въ Рождество зяблика на занесенномъ снѣгомъ окошкѣ, вмѣсто крикливой ящерицы на бѣлой стѣнѣ.

И у слышавшихъ его слова дрожали въ душахъ отвѣтныя струны.

Мужчины больше не проводили ночей на палубѣ. Имъ уже была нужна болѣе надежная крыша, чѣмъ сверкающій небесный сводъ.

— *Танда гай?* Холодно? спросила я у молодаго индустанскаго матросика, кутавшагося въ суконную кофточку.

— Нэй, мамъ сабъ! весело отвѣтилъ онъ.—Хорошо. Европейскій климатъ очень хорошъ.

На третій день послѣ Портъ-Саида мы сидѣли подъ вечеръ на палубѣ. Франтоватый машинистъ, котораго въ рабочіе часы и узнать было нельзя, до того онъ былъ черенъ и прокопченъ, смѣялся надъ моимъ нетерпѣніемъ и увѣрялъ, что мнѣ только кажется, будто мы близко къ Европѣ и что въ сущности мы еще не вышли изъ Персидскаго залива.

— Посмотрите, говорилъ онъ,—и море, и небо, и воздухъ точно такіе же.

Я посмотрѣла и увидѣла далеко на горизонтѣ что-то такое, что заставило всю мою кровь прилить къ сердцу. Это были не то зарумяненныя садящимся солнцемъ облака, не то неясныя очертанія берега. Я колебалась. Но вглядывалась не одна я, многіе путники прерывали прогулку по палубѣ, останавливаясь у борта, нѣкоторые хватались за бинокли, наводили подзорныя трубки, и разомъ поднявшіяся радостныя восклицанія разрѣшили мои сомнѣнія.

— Да что вы волнуетесь? Это просто облака! сталъ на своемъ машинистъ.

Но я уже ему не вѣрила. Я знала, что это была Италія, Европа, домъ, все родное и дорогое!

Но того болѣзненнаго восхищенія, которое я испытала при видѣ Европы послѣ долгаго времени, даже радостью назвать было бы нельзя. Что послѣ такого чувства было зрѣлище Этны, цвѣтущей Мессины и одинокаго среди моря вулкана Стромболи?

Вѣра Джонстонъ.

20 (8) декабря.
1890.

О СНОШЕНІЯХЪ РОССІИ СЪ ФРАНЦІЕЙ.

XVII.

Дипломатическія сношенія съ Франціей были окончательно прерваны. Въ Парижѣ узнавали о томъ, что дѣлается въ Россіи чрезъ австрійскаго и прусскаго посланниковъ. Начиналась месть, о которой писалъ французскій министръ. Австріи французское правительство отомстило на полѣ битвы; по вѣнскому миру, прелиминарныя условія котораго были заключены въ 1735 году, Лотарингія отошла къ Франціи. Намъ Парижскій кабинетъ желалъ отомстить другимъ образомъ, именно, возбудивъ противъ насъ Порту.

Въ то время, какъ въ Варшавѣ шла борьба за польскій престолъ, французскій посолъ въ Константинополѣ Вильневъ хлопоталъ, чтобы Порта вступилась за Станислава Лещинскаго и чтобъ она по возможности отвлекла русскія силы отъ Польши. Султанъ требовалъ, чтобы Татары были пропущены чрезъ русскія владѣнія на Кавказъ, гдѣ Турки желали распространить свое могущество. „Порта по внушеніямъ французскимъ, доноситъ нашъ посолъ Неплюевъ, пренебрегаетъ Россіей и потому поступаетъ горячо, доводитъ каждое дѣло до крайности, грозя войной. Ваше величество приказали мнѣ отказать Портѣ въ пропускѣ Татаръ, поступать вообще съ твердостью, какъ по здѣшнему состоянію требуетъ польза Россіи. Нахожусь въ немаломъ недоумѣніи, когда дѣло доходитъ до крайностей, какъ и теперь относительно пропуска Татаръ. Съ одной стороны принимая во вниманіе польскія дѣла, удаляюсь отъ ссоръ; но съ другой боюсь

нарушить интересы и честь вашего величества, боюсь уступчивостью возбудить гордость Турокъ и усилить французскія мечтанія. Послѣ двойныхъ выборовъ польскаго сейма французскій посланникъ объявилъ визирю, что избраніе Станислава Лещинскаго произведено законно, а избраніе Августа противно польскимъ правамъ и обычаямъ, и произведено единственно насиліемъ русскихъ войскъ, причемъ Поляковъ было очень немного. За это Французскій король вступилъ въ войну съ Австрійскимъ императоромъ, который не можетъ подать помощи Россіи, ибо кромѣ Франціи имѣетъ противъ себя Испанію и Савоію, а Голландія, Англія и Пруссія по меньшей мѣрѣ останутся нейтральными, потому что всѣмъ поступокъ Австріи и Россіи въ Польшѣ противенъ. Портѣ необходимо объявить войну Россіи; а если Порта при настоящихъ обстоятельствахъ не постарается отомстить Россіи, то навлечетъ на себя бѣду, когда въ Польшѣ утвердится королемъ курфирстъ Августъ и соединится съ Россіей, а Австрійскій императоръ между тѣмъ освободится отъ опасности". Визирь отвѣчалъ послу сдержанно, потому что война съ Персіей не позволяла сейчасъ же выступить противъ Россіи, тѣмъ не менѣе слова Вильнева произвели сильное впечатлѣніе на Турокъ. На генеральномъ совѣтѣ при Портѣ рѣшили, что надобно помириться и заключить союзъ съ Персіей, что если Россія войскъ своихъ изъ Польши не выведетъ, то надобно объявить ей войну, чтобы Россія императору противъ Французовъ, а императоръ Россіи противъ Турокъ не помогали. Но пока персидскія дѣла не были улажены Турція не рѣшалась порвать съ Россіей, съ которой у нея былъ договоръ. Визирь сказалъ Неплюеву, что Франція побуждаетъ Порту воспользоваться благопріятными обстоятельствами и объявить войну обоимъ императорскимъ дворамъ, но Порта не обращаетъ вниманія на эти внушенія и принимаетъ мѣры только для охраненія своей чести. Переводчикъ Порты, подъ клятвой, какъ христіанинъ, сообщилъ Неплюеву о причинахъ крутаго поворота въ отношеніяхъ Порты къ Россіи: визирь Али-Паша никогда не хотѣлъ мѣшаться въ польскія дѣла и теперь не хочетъ; но Французы напѣли всѣмъ въ уши, что вступленіе русскихъ войскъ въ Польшу есть явное нарушеніе договора, существующаго между Россіей и Портой, что Россія во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ оказываетъ явное презрѣніе къ Портѣ; враги визиря, пользуясь этимъ, вездѣ кричатъ, что честь

Порты Оттоманской оскорблена, а тутъ еще ханъ крымскій пишетъ ко всѣмъ знатнымъ людямъ, жалуется на Россію.

Въ свитѣ французскаго посланника Неплюевъ имѣлъ преданнаго человѣка, который увѣдомлялъ его обо всемъ, что̀ дѣлалось и говорилось противъ Россіи; то былъ Бонъ, племянникъ генерала, находившагося въ русской службѣ. Бонъ сообщалъ, что хотѣли прежде всего свергнуть визиря, считая его преданнымъ Россіи; потомъ толковали, что надобно помочь Швеціи возвратить отъ Россіи всѣ завоеванія Петра Великаго, ибо безъ этого Франція не можетъ получить никакой пользы отъ союза съ нею. Шведы могутъ и въ Германію, и въ Польшу вступить только моремъ, но русскій флотъ можетъ пресѣчь имъ совершенно этотъ путь. Англичане и Голландцы будутъ очень рады подъ рукой способствовать французскому намѣренію для пользы своего купечества въ Балтійскомъ морѣ. Съ другой стороны пока Ливонія будетъ въ русскихъ рукахъ, Россія всегда будетъ имѣть возможность помогать противъ Франціи Австрійскому императору, не только нынѣшнему, но и наслѣдникамъ его, изъ какихъ бы германскихъ домовъ они ни были, ибо у Россіи съ Германіей есть общій интересъ и раздѣлить ихъ трудно, потому что между ними никакихъ споровъ ни на землѣ, ни на морѣ быть не можетъ. Шли толки и о томъ, чтобы возвратить Полякамъ Смоленскъ и Кіевъ и выгнать Русскихъ изъ завоеванныхъ ими земель у береговъ Каспійскаго моря; однимъ словомъ, хотѣли привести Россію въ положеніе, въ какомъ она была сто лѣтъ тому назадъ, и думали, что для исполненія этихъ плановъ тогдашнія обстоятельства были самыя благопріятныя, ибо легко возбудить противъ Россіи множество непріятелей внѣшнихъ, а если война начнетъ распаляться, то и внутри встанетъ смута, вслѣдствіе раздора между Русскими и иностранцами, имѣющими участіе въ правленіи, тѣмъ болѣе, что правленіе вообще было слабо.

Въ концѣ 1733 года Персы нанесли сильное пораженіе турецкому войску, и это обстоятельство помѣшало интригѣ Вильнева. Въ декабрѣ онъ все-таки рѣшился представить визирю, что если Станиславъ не получитъ помощи, то принужденъ будетъ возвратиться во Францію, и потому онъ, именемъ государя своего, требуетъ, чтобы Порта объявила войну Россіи; въ противномъ случаѣ Австрійскій императоръ, Россія и креатура ихъ, польскій король Августъ выгонятъ Турокъ изо всѣхъ европейскихъ провинцій, и тогда Французскій король за Порту не заступится и

о цѣлости ея заботиться не будетъ, какъ до сихъ поръ дѣлалъ. Визирь отвѣчалъ уклончиво, что Порта сама очень желала бы воспользоваться нынѣшнею европейскою войной для борьбы съ Россіей и императоромъ и считаетъ нужнымъ для себя, чтобы королемъ въ Польшѣ былъ Станиславъ, но при войнѣ персидской нужно ей прежде всего закрѣпить союзъ съ Франціей, именно, чтобы Франція не мирилась съ цесаремъ безъ согласія Порты. [1]

Вильневу помогалъ ренегатъ Бонневаль, который былъ пашой боснійскимъ, подъ именемъ Османа и пользовался значительнымъ вліяніемъ въ Константинополѣ. Онъ реорганизовалъ турецкое войско и за эту заслугу султанъ питалъ къ нему благодарность и оказывалъ ему довѣріе. Бонневаль ненавидѣлъ Австрію и всячески хлопоталъ о томъ, чтобы Порта вступила въ тѣсный союзъ съ Франціей, получила отъ нея вспомогательное войско и начала войну противъ императора и Россіи. Въ началѣ 1735 года въ Константинополѣ серіозно готовились къ войнѣ; Бонневаль и двое его товарищей, тоже Французы-ренегаты, формировали регулярное войско. Вешняковъ, замѣнявшій больнаго Неплюева, придавалъ большое значеніе этимъ ренегатамъ и писалъ Аннѣ Іоанновнѣ: „Нельзя безъ ужаса смотрѣть на слѣдствія этого дѣла для всего христіанства и особенно для сосѣднихъ Турціи державъ. Одно средство помѣшать дѣлу—это удалить Бонневаля съ двумя его товарищами изъ Турціи; сдѣлать же этого иначе нельзя, какъ еслибъ одна изъ христіанскихъ державъ перезвала ихъ къ себѣ на выгодныхъ условіяхъ. Бонневаль сильно тяготится, что, будучи человѣкомъ такихъ великихъ способностей и достоинствъ, находится между такими варварами и совершенно невѣдущими скотами. Вышеписанныхъ ради резоновъ резидентъ Неплюевъ и я пріемлемъ дерзновеніе вашему величеству донести, не изволите ли повелѣть предложить чрезъ голландскаго посла свой покровъ и убѣжище этимъ Французамъ для общаго блага.“

Конечно, не одна французская интрига была причиной войны съ Турціей въ царствованіе Анны Іоанновны. Война началась съ крымскаго похода Миниха, а какъ извѣстно, начиная съ Іоанна Грознаго, наши цари чувствовали необходимость завоевать Крымъ и сокрушить это послѣднее татарское царство. „Въ Петербургѣ уже давно хотѣлось начать войну съ Портой, говоритъ

[1] Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. XX, стр. 66, 69, 73.

С. М. Соловьевъ, отдали Персіи области, завоеванныя Петромъ Великимъ, и какъ ни оправдывали эту отдачу тѣмъ, что эти области вмѣсто пользы причиняютъ страшный вредъ, служа кладбищемъ для русскаго войска, однако все было очень непріятно начинать царствованіе уступками пріобрѣтенія великаго дяди; поэтому желалось вознаградить себя за эти уступки прибрѣтеніями со стороны Турціи, желалось возвратить то, что было уступлено Петромъ, изгладить такимъ образомъ безчестіе прутскаго мира. Миниху сильно желалъ турецкой войны, желалъ славы, которая необходимо приносила съ собой силу, и разсчитывалъ на вѣрныя и полныя побѣды." Россія, читаемъ въ дневникѣ Миниха, находилась тогда въ самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, которыя могли обѣщать ей вѣрный успѣхъ въ предпріятіи. Казна была полна, войско въ хорошемъ состояніи, и при государственномъ устройствѣ сосѣднихъ европейскихъ государствъ (Польши и Швеціи), ихъ нечего было опасаться; не было опасности и со стороны Азіи. Анна взошла на престолъ съ твердымъ намѣреніемъ слѣдовать правиламъ своего дяди Петра I, совершить начатое имъ. При такомъ поворотѣ (ибо до Анны всѣмъ можи, въ рукахъ которыхъ находилась власть, старались только о томъ, чтобы разрушить начатое Петромъ) почли нужнымъ армію и всю націю занять чѣмъ-нибудь внѣшнимъ и вмѣстѣ слѣдовать плану Петра I. И такъ какъ теперь приняли за основаніе не увеличивать болѣе своихъ предѣловъ на счетъ европейскихъ государствъ, а только удерживать ихъ при существующемъ правительственномъ устройствѣ, то и обратились къ востоку. [1]

Въ 1737 г. Австрійцы также открыли кампанію противъ Турокъ, потому что по трактату 1726 г. они обязаны были помогать русскимъ тѣмъ болѣе, что во время австро-французской войны былъ посланъ двадцатитысячный корпусъ на помощь императору; русское войско въ битвахъ не участвовало, потому что когда пришло на театръ войны, уже начались мирные переговоры между Франціей и Австріей.

Въ то время, какъ, къ радости французскаго правительства, русское войско дралось съ турецкимъ, въ Парижѣ нашелся одинъ человѣкъ, желавшій вновь завязать сношенія съ Русскимъ дворомъ. То былъ капитанъ гренадеровъ Лалли, эмигрантъ-Ирлан-

[1] Zinkeisen, Geschichte des osmanischen Reiches, Th. 5 p. 658. Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. XX стр. 80, 87—88.

децъ, ото всей души ненавидѣвшій Ганноверскій домъ, правившій въ Англіи, и мечтавшій о томъ, чтобы Франція бросила союзъ съ Англіей и искренно соединилась съ Россіей. Послѣ долгихъ усилій и продолжительныхъ переговоровъ съ наиболѣе вліятельными министрами и кардиналомъ Флери Лалли добился того, что послѣдній согласился послать его въ Россію. Но ему не дали ни инструкціи, ни оффиціальнаго титула. „Вы можете быть дипломатомъ-добровольцемъ, сказалъ ему Флери, и король съумѣетъ вознаградить ваше рвеніе.“ Прощаясь съ Лалли, министръ иностранныхъ дѣлъ Амело еще разъ повторилъ ему: „Помните, что вамъ не даютъ никакого порученія.“ Лалли отправился въ С.-Петербургъ въ концѣ 1737 г.; въ Ригѣ его приняли за шпіона и задержали, такъ какъ у него не было даже оффиціальнаго паспорта; чрезъ два мѣсяца его отпустили по просьбѣ адмирала Гордона, Англичанина на русской службѣ. Онъ объявилъ, что желаетъ служить добровольцемъ въ арміи Леси и получилъ отъ послѣдняго паспортъ и рекомендательное письмо къ Остерману. Въ Петербургѣ Лалли былъ принятъ Остерманомъ, съумѣлъ польстить Бирону и получилъ благодаря этому аудіенцію у императрицы. Тѣмъ не менѣе положеніе Лалли было очень неудобно; переговоры его не имѣли никакого смысла, отъ него требовали какихъ-нибудь положительныхъ свѣдѣній, а между тѣмъ ни Флери ни Амело не только не присылали ему инструкцій, но и не отвѣчали на письма. Наконецъ Лалли потерялъ терпѣніе, онъ боялся, что его примутъ за авантюриста и, сказавъ Бирону, что ѣдетъ въ Парижъ для переговоровъ со своимъ министерствомъ, поспѣшно удалился изъ Россіи. Флери очень удивился его возвращенію. „Вы думаете, что мы можемъ дѣйствовать такъ же быстро, какъ вы, сказалъ ему кардиналъ,—и вы даже не дождались нашего отвѣта.“ Лалли разсердился. „Капитанъ гренадеровъ идетъ прямо къ цѣли, отвѣтилъ онъ.—Я не получилъ ни одной строки ни отъ васъ, ни отъ Амело.“ „Ну, возразилъ кардиналъ улыбаясь,—не сердитесь, гнѣвъ капитана пугаетъ священника.“

Лалли попросили, чтобъ онъ составилъ записку для министерства о томъ, что̀ видѣлъ въ Россіи; просьбу эту онъ исполнилъ и представилъ два мемуара. Въ запискѣ, поданной кардиналу Флери, онъ вкратцѣ разсказываетъ исторію Россіи послѣдняго времени, даетъ очеркъ государственнаго управленія и дѣлаетъ обзоръ финансамъ, сухопутнымъ и морскимъ силамъ. Во второй запискѣ, поданной Амело, онъ говоритъ о политическомъ поло-

женіи Россіи, о выгодахъ союза съ ней и о торговлѣ. Въ первой запискѣ онъ пишетъ между прочимъ: „Я не могу дать болѣе простой и въ то же время болѣе вѣрной идеи о Россіи, какъ сравнивъ ее съ ребенкомъ, который оставался въ утробѣ матери гораздо долѣе обыкновеннаго срока, росъ тамъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ и, вышедъ наконецъ на свѣтъ, открываетъ глаза, видитъ предметы, на него похожіе, протягиваетъ руки и ноги, но не умѣетъ ими пользоваться, чувствуетъ свои силы, но не знаетъ, на что̀ ихъ употребить. Нѣтъ ничего удивительнаго, что народъ въ такомъ состояніи допускаетъ управлять собою первому встрѣчному. Нѣмцы были этими первыми встрѣчными: они и воспользовались руками и ногами этого народа и управляютъ его движеніями. Вѣнскій дворъ, внимательный къ своимъ выгодамъ, умѣлъ воспользоваться такимъ положеніемъ націи, и можно сказать, что онъ управлялъ Петербургскимъ дворомъ съ самаго восшествія на престолъ нынѣ царствующей императрицы; онъ снабжалъ лицами для замѣщенія первыхъ должностей въ министерствѣ и войскахъ; онъ по своей волѣ заставлялъ заключать миръ, объявлять войну; по его же внушеніямъ Россія предприняла настоящую войну. Россія можетъ 20 лѣтъ съ успѣхомъ воевать въ Крыму, также около устьевъ Днѣпра, Буга и Днѣстра, въ состояніи еще болѣе истощиться отъ потери людей и денегъ, и несмотря на все это не будетъ обладать Каффой, не имѣя и не будучи въ состояніи имѣть флотъ Даже овладѣвъ всѣмъ Крымомъ, она не можетъ удержать его за собою, такъ какъ отдѣлена отъ него пустыней, населенною 200 тысячами Татаръ. Россія только и мечтаетъ о мирѣ, и въ Петербургѣ обычное присловье, что графъ Остерманъ прозрѣетъ и получитъ способность ходить только при заключеніи мира; съ самаго начала послѣдней войны этотъ министръ не являлся ко двору и не выходилъ изъ своей комнаты.“ Кромѣ того, Лалли написалъ нѣсколько писемъ къ Флери, въ которыхъ высказывалъ свой взглядъ на Россію. Въ одномъ изъ нихъ онъ говоритъ: къ интересахъ Франціи въ настоящую минуту, чтобы Россія заключила миръ съ Портой не иначе какъ почувствовавъ, что она обязана имъ Франціи. [1]

Путешествіе Лалли повліяло до нѣкоторой степени и въ Парижѣ и въ Петербургѣ на возобновленіе нашихъ сношеній съ

[1] Recueil, VIII, 327—337. Пекарскій, Маркизъ де-ла-Шетарди, стр. 15—16.

Франціей. Французскіе дипломаты всячески хлопотали, чтобъ Австрія заключила отдѣльно отъ Россіи миръ съ Турціей, чтобы Россія вынуждена была вслѣдствіе этого принять менѣе выгодныя условія и чтобъ она согласилась на посредничество Франціи. Планъ этотъ вполнѣ удался. Австрійское войско дѣйствовало очень неудачно, и уже въ концѣ 1737 г. императоръ обратился къ Франціи за дипломатическою помощью. Узнавъ объ этомъ Анна Іоановна писала Карлу VI, что она готова принять французское посредничество, но дѣла, слава Богу, еще не въ такомъ состояніи, чтобы нельзя было имѣть основательной надежды на приличный миръ, если только со стороны императорскихъ дворовъ будетъ показана настоящая твердость и императоръ будетъ поступать съ тою ревностію, какою обнадежилъ союзный дворъ и съ какою поступаетъ Россія. Кампанія 1738 г. была неудачна и въ Петербургѣ были очень склонны заключить миръ, тѣмъ болѣе что изъ Швеціи и Польши доносили о движеніяхъ враждебныхъ Россіи партій и Башкирцы волновались. Въ маѣ 1738 г. Остерманъ писалъ французскому посланнику въ Константинополѣ Вильневу, что императрица, согласно съ Австрійскимъ императоромъ, даетъ ему полную мочь для заключенія прелиминарнаго трактата съ Портой и пользуется этимъ случаемъ для засвидѣтельствованія христіаннѣйшему королю, какъ она цѣнитъ посредничество его величества и въ какой мѣрѣ полагается на искусство и благоразуміе Вильнева. Условія мира были самыя умѣренныя со стороны Россіи: она требовала одного Азова, взятаго Минихомъ. Несмотря на это Турки тянули переговоры; Вильневъ сообщалъ, что въ Константинополѣ не уклоняются отъ заключенія мира, если могутъ получить его на выгодныхъ условіяхъ, но торопиться не имѣютъ причины, потому что императоръ не имѣетъ средствъ дѣлать завоеванія въ ихъ землѣ; что же касается Россіи, то ея войску путь дальній и Порта имѣетъ средства не допускать его въ свои границы.

Принятое нами посредничество повело къ возобновленію дипломатическихъ сношеній съ Франціей. Нашъ посланникъ въ Лондонѣ извѣстный писатель князь Антіохъ Кантемиръ былъ переведенъ въ Парижъ, куда прибылъ въ сентябрѣ 1738 г. Со своей стороны Людовикъ XV изъявилъ желаніе имѣть представителя въ Петербургѣ; назначенъ былъ сначала Дюгренанъ, а послѣ его отказа маркизъ де-ла-Шетарди. Флери увѣрялъ Кантемира въ истинной королевской склонности къ возобновленію добраго

согласія съ Анной Іоанновной и въ усердіи, съ какимъ онъ намѣренъ, по возможности своей, содѣйствовать этому полезному дѣлу. Министръ иностранныхъ дѣлъ Амело старался ввести въ заблужденіе Кантемира; онъ увѣрялъ нашего посла, что со стороны королевской употребляются всѣ средства для приведенія Порты къ резонабельному миру, что онъ самъ, Кантемиръ, не могъ бы сильнѣе дѣйствовать въ интересахъ своей государыни, чѣмъ какъ дѣйствуетъ Вильневъ. Со словъ Амело Кантемиръ доносилъ, будто Вильневу посланы указы, чтобы тотъ внушалъ Портѣ: 1) чтобы никакой надежды не имѣла на раздѣленіе двухъ союзныхъ дворовъ, Петербургскаго и Вѣнскаго; 2) чтобы не ждала отмѣны въ предложенныхъ Россіей условіяхъ. Такихъ указовъ конечно не посылали, потому что держались противоположной политики, старались разъединить союзные дворы.

Такъ какъ Турки все еще не заключали мира, въ Петербургѣ рѣшили открыть кампанію въ слѣдующемъ 1739 году. На этотъ разъ Минихъ дѣйствовалъ удачно: онъ одержалъ блестящую побѣду при Ставучанахъ, взялъ Хотинъ, вступилъ въ Яссы, завоевалъ всю Молдавію. Въ это самое время Турки послѣ нѣсколькихъ побѣдъ осадили Австрійцевъ въ Бѣлградѣ; Вильневъ убѣдилъ ихъ сдаться и заключить отдѣльный миръ, не дожидаясь когда то же самое будетъ сдѣлано Россіей. Въ тотъ день, когда Минихъ торжествовалъ покореніе Молдавіи, онъ получилъ извѣстіе о заключеніи Австрійцами „мира стыднаго и предосудительнаго“. Когда извѣстіе это дошло до Парижа, то предъ Кантемиромъ обнаруживали крайнее изумленіе, непониманіе дѣла. Тогда нашъ посолъ понялъ, что его провели, хотя повидимому продолжалъ думать, что французское правительство прямо не участвовало въ разъединеніи насъ съ Австріей. По крайней мѣрѣ онъ писалъ слѣдующее: „не трудно заключить, что это приключеніе такъ согласно съ ихъ намѣреніемъ, что еслибы сами объ немъ старались, то лучшаго успѣха получить не могли. Раздѣленіе двухъ союзническихъ дворовъ было всегда ихъ главною цѣлью. Кажется главное намѣреніе кардинала состоитъ въ томъ, чтобы всю Европу держать въ постоянномъ смущеніи, и тѣмъ удобнѣе усиливать свою власть при всѣхъ дворахъ и въ мутной водѣ рыбу ловить“.

Русское правительство не хотѣло продолжать войну безъ помощи австрійскаго войска; Вильневу поручили договориться о мирѣ и для окончанія дѣла послали Вешнякова, но главную роль

игралъ французскій посолъ. Когда Вешняковъ убѣждалъ Вильнева измѣнить нѣкоторыя условія относительно договора въ пользу Россіи, обѣщая за это высокое удовольствіе и достойные знаки благодарности со стороны императрицы, то французскій посолъ отвѣчалъ увѣреніями въ своемъ доброжелательствѣ къ Россіи и въ своихъ крайнихъ стараніяхъ соблюсти ея интересы, но по обстоятельствамъ онъ не могъ достигнуть всего, чего бы желалъ. Миръ (называемый Бѣлградскимъ) былъ заключенъ на слѣдующихъ условіяхъ: Азовъ остался за Россіей, но укрѣпленія его должно было срыть, окрестности его должны были остаться пустыми и служить раздѣленіемъ между обѣими имперіями; Россія получала право построить крѣпость на донскомъ островѣ Черкаскѣ, а Порта построить себѣ крѣпость на Кубани. Россія не имѣла права имѣть кораблей на Черномъ морѣ, могла торговать на немъ только посредствомъ турецкихъ судовъ. [1]

Эти условія были менѣе выгодны чѣмъ тѣ, которыя предлагало наше правительство послѣ неудачной кампаніи 1738 г. Азовъ оставался въ нашихъ рукахъ, но оставалось только мѣсто, потому что крѣпость мы обязались уничтожить. Къ чему же послужили блестящія побѣды послѣдняго года? „Бѣлградскій миръ, говоритъ французскій историкъ Вандаль,—это мастерское произведеніе нашей дипломатіи XVIII вѣка. Онъ представляетъ замѣчательную аналогію съ парижскимъ миромъ 1856 г.; но разница въ томъ, что въ Бѣлградѣ Франція достигла мирнымъ путемъ, исключительно искусными переговорами тѣхъ же результатовъ, которые впослѣдствіи стоили ей потоковъ крови“. Къ сожалѣнію это правда. „Пусть Турки благодарятъ Магомета и Вильнева“, воскликнулъ Минихъ въ негодованіи. [2]

Русская императрица сочла однако своею обязанностью отблагодарить французскаго посла; ему предложили значительную сумму денегъ, а „сожительницѣ его посольшѣ“ брилліантовый перстень. Перстень былъ принятъ, но отъ денегъ Вильневъ по приказанію короля отказался и просилъ, чтобъ ему дали андреевскій орденъ. Просьбу эту уважили, и французскому послу вручили знаки ордена св. Андрея, осыпанные брилліантами. За какую же заслугу? За то, что онъ выхлопоталъ намъ наименѣе выгодный миръ, возможный при тогдашнихъ условіяхъ, за то что онъ

[1] Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. XX, стр. 135, 146—152, 157—167.
[2] Vandal, p. 111.

побуждалъ Порту заключить оборонительный трактатъ съ Швеціей и уговаривалъ Шведовъ воспользоваться удобнымъ случаемъ и устроить диверсію противъ Россіи.

XVIII.

Маркизъ де ла Шетарди, по словамъ Вандаля, представлялъ типъ свѣтскаго Француза прошлаго вѣка. То офицеръ, то дипломатъ и прежде всего придворный, онъ обращалъ на себя вниманіе, гдѣ бы ни находился. Онъ страстно любилъ общество, гдѣ, благодаря своей красотѣ и обходительности, пользовался блестящимъ успѣхомъ, гдѣ у него было столько же друзей сколько враговъ; друзей доставляла ему его обаятельность и любезность, враговъ—вспыльчивость и неровность характера. Онъ обладалъ быстрымъ умомъ и остроуміемъ, но судилъ часто невѣрно, былъ легкомысленъ, гордъ, самоувѣренъ; онъ жертвовалъ всѣмъ, чтобы только блистать въ обществѣ и играть роль, онъ пускался въ самыя смѣлыя предпріятія, не предвидя послѣдствій, и часто терялъ по своей вѣтренности плоды своей ловкости. Притомъ онъ былъ высокомѣренъ, гордился своимъ званіемъ дворянина и посла, ни за что не соглашался отступить отъ церемоніала, относился серьезно къ мелочамъ и легкомысленно къ серіознымъ вещамъ. Въ искусствѣ разоряться по барски у него не было соперниковъ. Онъ съ малолѣтства видѣлъ соблазнительные примѣры. Его мать, одна изъ львицъ въ царствованіе Людовика XIV, вышла вторично замужъ за баварскаго дворянина Монастероля, который сначала удивлялъ безпорядочною жизнью и мотовствомъ дворы Версальскіе и Мюнхенскіе, а потомъ окончательно разорившись застрѣлился. Неудивительно, что Шетарди съ юныхъ лѣтъ пристрастился къ роскоши. При дворахъ, гдѣ онъ былъ аккредитованъ, дивились его пышному образу жизни; много говорили о его экипажахъ, о его платьѣ, о ливреѣ его прислуги, о великолѣпіи его пріемовъ.

Шетарди желалъ блеснуть и въ Петербургѣ, гдѣ его еще не видали. Поэтому онъ взялъ съ собою многочисленную свиту, состоящую изъ двѣнадцати секретарей, восьми духовныхъ, шести поваровъ подъ главнымъ руководствомъ знаменитаго Барридо, готовившаго лучше повара Прусскаго короля, далѣе изъ пятидесяти пажей, камердинеровъ и ливрейныхъ слугъ. „Платья

Шетарди, замѣчалъ Мантейфель, прусскій посланникъ при Русскомъ дворѣ, самыя великолѣпныя и самымъ лучшимъ образомъ сшитыя изъ виданныхъ въ Россіи. По словамъ маркиза, онъ покажетъ русскимъ во всѣхъ отношеніяхъ, что̀ значитъ Франція". Въ тщательно закупоренныхъ ящикахъ съ нимъ везли до ста тысячъ бутылокъ тонкихъ французскихъ винъ, между прочимъ 16.800 бутылокъ шампанскаго.

29 ноября 1739 года Шетарди прибылъ въ Ригу, гдѣ его встрѣтили войска и городовыя роты, причемъ происходила пальба; посланникъ обѣдалъ у тамошняго губернатора Бисмарка и „такимъ образомъ черезъ три дня здѣсь во всякомъ удовольствіи пробавлялся", какъ было написано въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*. 12 декабря такая же почетная встрѣча для него была устроена въ Нарвѣ, 15-го французскій посолъ прибылъ въ Петербургъ. Въ это время у насъ считали себя обязанными Франціи за ея посредничество предъ Портой и Бѣлградскій миръ, и хотѣли выказать необыкновенную радость по поводу возобновленія прерванныхъ сношеній. Французскому послу предоставили устроить торжественный въѣздъ въ Петербургъ, но онъ скромно отказался, потому что подобной чести не было оказано Кантемиру. Тѣмъ не менѣе ему сдѣлали необыкновенную любезность, въ день аудіенціи его провожала блестящая свита, придворные верхами, гайдуки, лакеи, пажи, скороходы. Анна Іоанновна приняла Шетарди самымъ торжественнымъ образомъ, сидя на тронѣ, съ короной на головѣ, въ присутствіи всего двора. Свѣтскій Французъ очаровалъ императрицу своими элегантными манерами и ловкими комплиментами.

Вслѣдъ за этимъ Шетарди просилъ, чтобъ его представили Елисаветѣ Петровнѣ. Онъ не только желалъ познакомиться съ очаровательною царевной, ему необходимо было сблизиться съ ней въ политическихъ видахъ. Въ инструкціи данной французскому послу было сказано: „Состояніе Россіи еще не обезпечено настолько, чтобы не опасаться внутреннихъ переворотовъ. Иноземное правительство, чтобъ утвердиться, ничѣмъ не пренебрегало для притѣсненія и разогнанія старинныхъ русскихъ фамилій; но несмотря на всѣ усилія, все еще остаются недовольные иноземнымъ игомъ—они вѣроятно прервутъ молчаніе и оставятъ бездѣйствіе, когда будутъ въ возможности сдѣлать это съ безопасностью и успѣхомъ. Нынѣ король не можетъ, по справедливости, имѣть вѣрныя подробности объ этомъ положеніи; но вспо-

миная незначительность права, которое возвело на русскій тронъ герцогиню Курляндскую, когда была принцесса Елисавета и сынъ герцогини Голштинской, трудно предполагать, чтобы за смертью царствующей государыни не послѣдовали волненія. Король не можетъ предписывать ничего касательно этого предмета своему посланнику. Было бы даже очень опаснымъ предпринять что-нибудь такое, что̀ высказало бы какое бы то ни было любопытство или разсчетъ въ этомъ случаѣ; но въ то же время весьма важно, чтобы маркизъ де-ла Шетарди, употребляя всевозможныя предосторожности, узналъ, какъ можно вѣрнѣе, о состояніи умовъ, о положеніи русскихъ фамилій, о вліяніи друзей, которыхъ можетъ имѣть принцесса Елисавета, о сторонникахъ дома Голштинскаго, которые сохранились въ Россіи, о духѣ въ разныхъ корпусахъ войскъ и тѣхъ, кто ими командуетъ, наконецъ, обо всемъ, что̀ можетъ дать понятіе о вѣроятности переворота, въ особенности если царица скончается прежде, чѣмъ сдѣлаетъ какое-либо распоряженіе о наслѣдованіи престоломъ.“ Шетарди сразу понравился царевнѣ и съ первыхъ же дней между ними установились пріязненныя отношенія, которыя должны были привести къ государственному перевороту. За то свиданіе съ племянницей императрицы, герцогиней Брауншвейгской Анной Леопольдовной отличалось совсѣмъ другимъ характеромъ; герцогиня, какъ Нѣмка въ душѣ, отнеслась очень холодно къ французскому послу.

Шетарди всячески старался сблизиться съ петербургскимъ обществомъ, но на первыхъ порахъ это не удавалось ему. „Съ пяти часовъ утра до полудня, писалъ онъ кардиналу Флёри, я сижу у себя въ кабинетѣ и занимаюсь своими обязанностями, вечеромъ я еще нѣсколько часовъ посвящаю дѣламъ съ такимъ же удовольствіемъ; но чѣмъ болѣе работаешь, тѣмъ необходимѣе становятся развлеченія, доставляемыя обществомъ. Несмотря на всѣ мои любезности, несмотря на то, что у меня постоянно накрытъ столъ на 14 приборовъ, мнѣ не удается побѣдить предразсудковъ и обычаевъ, существующихъ въ этой странѣ. Я не унываю, я буду дѣлать еще болѣе, если это возможно, и сочту себя вознагражденнымъ за свои труды, если, стараясь всячески понравиться, я докажу обществу насколько я желаю сдѣлать свой домъ пріятнымъ и доставить ему приличное развлеченіе, котораго оно должно желать столько же, сколько я“. „Не слѣдуетъ приходить въ отчаяніе, писалъ Шетарди Амело

(министру иностранныхъ дѣлъ), отъ уединенія тѣмъ болѣе невыносимаго, что въ теченіе 8 или 9 мѣсяцевъ въ году невозможно даже гулять. Мнѣ кажется, что одиночество, въ которомъ я нахожусь, заходитъ слишкомъ далеко и неприлично для человѣка, занимающаго мой постъ. Я не жалуюсь, но могу сказать, что представляю рѣдкій примѣръ посланника, проведшаго съ самаго пріѣзда два мѣсяца въ своемъ кабинетѣ безо всякаго общества, исключая тѣхъ минутъ, что я былъ при дворѣ."

Такое положеніе надоѣло Шетарди, онъ отправился къ канцлеру Остерману и просилъ его приказать придворнымъ пріѣзжать къ нему. Остерманъ объявилъ согласіе принять всѣ зависящія отъ него мѣры и сказалъ: „если теперь общество не будетъ ходить къ вамъ, вы согласитесь, что оно неисправимо". „Здѣсь не ослушиваются приказаній," возразилъ на это маркизъ. Онъ былъ правъ, съ этого дня къ нему начало приходить много гостей, и сначала по принужденію, а потомъ по собственной охотѣ въ салонахъ Шетарди стало собираться избранное петербургское общество, мало-по-малу оцѣнившее любезность и пріятный разговоръ французскаго посла. Такимъ образомъ Шетарди узналъ, что существуетъ значительная партія, ненавидящая Бирона и правленіе Нѣмцевъ, полагающая свои надежды на Елисавету Петровну, и могъ сообщить своему правительству подробныя свѣдѣнія о внутреннемъ состояніи Россіи. Несмотря на это Шетарди не разговаривалъ о дѣлахъ съ русскими министрами, ему приказано было держаться выжидательной политики, ждать, чтобы сами Русскіе сдѣлали какія-нибудь предложенія. Остерманъ намекалъ французскому послу, что могла бы послѣдовать перемѣна въ политикѣ и что союзъ съ Австріей не таковъ, чтобы съ нимъ нельзя было разстаться. Онъ просилъ довести это до свѣдѣнія кардинала Флёри. На это пришелъ отвѣтъ отъ Амело, писавшаго между прочимъ: „увѣрьте Остермана, что мы люди, съ которыми можно имѣть дѣло, и когда съ нами будутъ говорить съ довѣріемъ и откровенно, мы докажемъ своими дѣйствіями Россіи, что у нея не можетъ быть болѣе вѣрныхъ друзей". Это послужило началомъ къ болѣе откровеннымъ разговорамъ между канцлеромъ и французскимъ посломъ. Но послѣдній обращалъ особенное вниманіе на царевну Елисавету Петровну, на придворномъ балу танцовалъ съ ней менуетъ и вообще всячески старался понравиться ей. „Повѣрите ли вы," писалъ Шетарди, стѣсненіе здѣсь развито до такой степени, что

иностранные министры, мои предшественники такъ подались ему, что никто изъ нихъ не бывалъ у великихъ княженъ? Воспользовавшись предлогомъ, котораго именно искалъ, что онѣ были нездоровы, я рѣшился отправиться къ нимъ съ визитомъ, и эта попытка для всѣхъ показалась новостью, обратившею на себя вниманіе, такъ что великія княжны Елисавета и Анна отдалили мое посѣщеніе, чтобъ имѣть время узнать мысли на этотъ счетъ царицы. Когда же онѣ меня принимали, то г. Минихъ, братъ фельдмаршала, находился у той и другой, чтобы быть свидѣтелемъ всему происходившему. Это вовсе не помѣшало мнѣ выразить громко великимъ княжнамъ, такъ же какъ и герцогинѣ Курляндской, надежду, что онѣ дозволятъ мнѣ отъ времени до времени являться къ нимъ свидѣтельствовать мое почтеніе; и я тѣмъ менѣе пропущу это, что заведенный до сихъ поръ обычай, есть послѣдствіе рабства—подчиняться же ему было бы съ моей стороны столько же неумѣстно, сколько важно изгнать такой предразсудокъ бережно и осторожно. Мнѣ удалось также при прощаніи тихо и кратко выразить великой княжнѣ Елисаветѣ, что если я не могъ прежде выполнить предъ ней своего долга, то это произошло единственно отъ желанія исполнить это какъ можно проще и естественнѣе. Она меня поняла, и какъ на ней преимущественно тяготѣютъ стѣсненія, то она была тронута моимъ вниманіемъ.“ [1]

Однако при жизни Анны Іоанновны не было серьезныхъ конференцій между Остерманомъ и Шетарди. Въ концѣ 1740 г. умерла императрица и наступило кратковременное царствованіе малолѣтняго Іоанна Антоновича подъ регентствомъ его матери Анны Леопольдовны. За недѣлю до Анны Іоанновны умеръ австрійскій императоръ Карлъ VI. Онъ всю жизнь хлопоталъ о томъ, чтобъ Европа признала прагматическую санкцію и при жизни получилъ согласіе державъ, но какъ только онъ умеръ Европа отказалась признать императрицей его дочь Марію Терезію. Курфирстъ баварскій выступилъ претендентомъ на австрійскій престолъ, король Испанскій требовалъ австрійскихъ владѣній въ Италіи, король Прусскій Фридрихъ II заявлялъ свои права на Силезію и двинулъ туда войско. Всего важнѣе было, какъ посмотрятъ на прагматическую санкцію Франція и Россія. Въ Парижѣ

[1] Vandal, p. 115—126. *Recueil*, VIII 362—363. Пекарскій. Маркизъ де-ла-Шетарди въ Россіи, стр. IV—V, 66—67.

послѣ нѣкотораго колебанія возобладало мнѣніе, что слѣдуетъ поддерживать кандидатуру курфирста баварскаго. Въ Петербургѣ рѣшили поддерживать Марію Терезію и склонить къ этому и Францію, тѣмъ болѣе, что по донесеніямъ Кантемира Франція не намѣревалась вступаться за Пруссію съ оружіемъ въ рукахъ. Въ мартѣ 1741 года Остерманъ писалъ нашему послу: „Но нашему мнѣнію, французское намѣреніе ни къ чему иному клонится, окромѣ, чтобъ напередъ военный огонь вездѣ запалить, а потомъ получа чрезъ то свободные способы, свои дальніе виды тѣмъ скорѣе и лучше въ дѣйство производить. Сіе наше мнѣніе отъ того не отдалено, что вы уже неоднократно въ прежнихъ своихъ реляціяхъ доносили и въ нынѣшней надежно подтверждаете, а именно, что Франція дѣйствительно противъ Вѣнскаго двора оружія употреблять не станетъ и по тѣмъ же отъ васъ самихъ объявленнымъ резонамъ мы и нынѣ въ томъ съ вами утверждаемся, однако жъ по нѣкоторымъ надежнымъ же секретнымъ вѣдомостямъ является: 1) что между Франціей, Испаніей и курфирстомъ баварскимъ противу дому австрійскаго дѣйствительное согласіе учинено; 2) что вслѣдствіе того великая сумма денегъ къ баварскому двору отъ Испаніи дѣйствительно уже заплачена, изъ которой чрезвычайныя въ Баваріи происходящія сильныя вооруженія чинятся; 3) что изъ Алзаціи подъ образомъ дезертированія много людей изъ французскаго войска въ Баваріи отпускаются; 4) что Франція дѣйствительно тридцать тысячъ войска къ нему, курфирсту баварскому, въ вспоможеніе послать намѣрена; 5) что такожде короля прусскаго къ себѣ присоединить намѣреніе имѣетъ; 6) и дабы австрійскій домъ вовсе и нашего вспоможенія лишить, то Швецію на насъ поднимаютъ, которой для того и два милліона денегъ обѣщали. Мы вамъ о томъ для того пространно сообщаемъ, дабы вы будучи тамъ на мѣстѣ, такъ наипаче обо всемъ томъ подлинно провѣдать въ состояніи были и надлежаще стараться могли, что надлежитъ до вашихъ поступковъ, при всѣхъ такихъ обстоятельствахъ.“

Кантемиръ, желая узнать истинныя намѣренія Парижскаго кабинета, обратился къ кардиналу Флёри съ предложеніемъ: Русскій императоръ готовъ вступить въ соглашеніе съ Французскимъ королемъ объ общихъ мѣрахъ для исполненія гарантіи прагматической санкціи, императоръ тѣмъ охотнѣе открываетъ свое намѣреніе королю, что изо всѣхъ донесеній его, Кантемира,

усмотрѣлъ доброе расположеніе короля къ Маріи Терезіи и къ сохраненію европейской тишины, и что если двѣ такія сильныя державы примутъ общія мѣры, то исполненіе гарантіи будетъ легко. Кардиналъ отвѣчалъ съ сердцемъ, что король не можетъ и не долженъ принимать никакихъ мѣръ къ поправленію дурнаго положенія королевы венгерской; удивительно, что отъ короля требуютъ помощи Маріи Терезіи, къ чему онъ вовсе не обязанъ; эту тягость должны нести тѣ державы, которыя приняли на себя гарантію прагматической санкціи, а Французскій король прагматическую санкцію не гарантировалъ. „Такая неожиданная и дикая рѣчь“ привела Кантемира въ великое удивленіе. Кардиналъ, отвѣчалъ онъ, не могъ забыть, что между королемъ и императоромъ Карломъ VI заключенъ союзный договоръ, по которому Франція за большія уступки со стороны Австріи гарантировала прагматическую санкцію; договоръ этотъ такъ новъ, что и чернила на немъ не высохли; кардиналъ не можетъ также забыть, сколько словесныхъ и письменныхъ обнадеживаній сдѣлано французскимъ правительствомъ, какъ министрамъ вѣнскаго двора, такъ и находящимся здѣсь министрамъ другихъ державъ о святомъ исполненіи этихъ обязательствъ. Эти обнадеживанія не мало побудили и Русскій дворъ къ принятію извѣстнаго рѣшенія, и теперь онъ, Кантемиръ, не знаетъ, какъ согласить настоящій отвѣтъ кардинала со всѣмъ предшествовавшимъ и какъ донести объ этомъ своему государю. Правда, отвѣчалъ кардиналъ, король заключилъ съ покойнымъ императоромъ упомянутый договоръ, но договоръ этотъ въ исполненіе не приведенъ, ибо покойный императоръ не только обѣщанной имперской ратификаціи не доставилъ, но самъ старался ее задержать. Такимъ образомъ король Французскій нисколько не обязанъ исполнять договоръ; что же касается до обнадеживаній, сдѣланныхъ французскимъ правительствомъ по смерти императора Карла VI, то никто не можетъ доказать, чтобы Франція поступала вопреки имъ. Кантемиръ возразилъ, что покойному императору не было никакой пользы останавливать имперскую ратификацію, которая впрочемъ и не нужна, потому что прагматическая санкція касается не Имперіи, а частныхъ владѣній австрійскаго дома. „Объекціи сіи, доносилъ Кантемиръ, будучи такого основательства, что ничего къ опроверженію ихъ резонабельно привести не можно, господинъ кардиналъ такіе смѣшные и несостоятельные резоны противъ нихъ употребилъ, что

стыдно объ оныхъ и упоминать: столь они были безсмутны и безъ всякаго основанія. Когда кардиналъ, уже отложа всякій стыдъ, прямо выговорилъ, что король санкцію прагматическую не гарантировалъ, никакого сомнѣнія уже не остается, что всѣмъ способомъ вредить королевѣ венгерской намѣрены. Вопросъ потому о томъ только идетъ, чтобы знать, когда и какимъ образомъ свою злую склонность въ дѣйство произвести намѣрены." Кантемиръ думалъ, что Франція войны противъ Маріи Терезіи не объявитъ и не будетъ препятствовать державамъ, которыя станутъ помогать Австріи противъ Прусскаго короля [1]. Но на самомъ дѣлѣ французское правительство поступило гораздо рѣшительнѣе, оно заключило союзные трактаты съ Пруссіей, Баваріей и Саксоніей, и отправило войско въ Германію. Въ это самое время Анна Леопольдовна собиралась послать на помощь Маріи Терезіи тридцати-тысячный корпусъ, который она обязана была дать по договору 1726 года. Мало того, англійскій посланникъ Финчъ предложилъ гарантировать Брауншвейгской фамиліи русскій престолъ и на этомъ основаніи былъ заключенъ союзный трактатъ съ Англіей, которая дѣйствовала противъ Франціи и поддерживала прагматическую санкцію. Такимъ образомъ въ вопросѣ объ австрійскомъ наслѣдствѣ Парижскій и Петербургскій кабинеты смотрѣли съ прямо противоположныхъ точекъ зрѣнія и никакъ сойтись не могли.

Было еще обстоятельство, которое должно было вносить рознь между Россіей и Франціей—это шведскій вопросъ. Франція держалась попрежнему старой политики Ришелье, выдавала субсидіи шведскому правительству, старалась сдѣлать изъ Швеціи свое орудіе. Взглядъ на эту страну выраженъ въ инструкціи, которой долженъ былъ держаться Шетарди. „Россія, говорится въ этомъ документѣ, въ отношеніи къ равновѣсію на сѣверѣ достигла слишкомъ высокой степени могущества. Съ одной стороны становится болѣе, нежели когда-либо, трудно разорвать связи между Русскимъ и Вѣнскимъ дворами; съ другой это невозможно безъ прямыхъ сношеній съ Россіей; но эти сношенія только увеличиваютъ значеніе ея, что противно видамъ его величества, который, возвышая и поддерживая Швецію, видитъ въ ней единственное на сѣверѣ государство, дружба съ которымъ можетъ быть полезна и постоянна. Въ этихъ самыхъ видахъ,

[1] Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. XXI, стр. 107—110.

въ продолженіи нынѣшняго сейма государственныхъ чиновъ въ Стокгольмѣ, король не только заключилъ съ Швеціей трактатъ о субсидіяхъ, но и употребилъ всѣ усилія, чтобъ удалить изъ правительства въ Швеціи всѣхъ лицъ, которыя извѣстны были своею преданностью Англіи и Россіи. Не должно обольщать себя, чтобы Россія не приписывала мѣрамъ, принятымъ королемъ, помѣхи ея самолюбивымъ замысламъ объ увеличеніи своихъ владѣній, и маркизъ де-ла-Шетарди долженъ даже ожидать, что если ему не будутъ о томъ жаловаться, то по крайней мѣрѣ выкажутъ себя очень огорченными тѣмъ, что происходитъ въ Швеціи. На это онъ долженъ отвѣчать, что трактатъ о субсидіяхъ не есть вещь новая, и что съ устраненіемъ причинъ, препятствовавшихъ ратификаціи его въ 1735 г. невозможно и не должно было отказываться отъ исполненія его.“ [1]

Послѣ смерти Карла VI французскіе дипломаты старались возбудить Швецію противъ Россіи: Сенъ-Северинъ доказывалъ Шведамъ, что настала удобная минута напасть на Россію и вернуть провинціи, отнятыя Петромъ Великимъ. Въ 1741 г. на мѣсто заболѣвшаго посла былъ посланъ въ Стокгольмъ Ланмари и ему дана инструкція, представляющая вмѣстѣ съ тѣмъ историческую записку. „Послѣ ништатскаго мира, читаемъ тутъ, Шведы казалось болѣе ощущали спокойствіе, котораго достигли, чѣмъ лишеніе столькихъ богатыхъ провинцій. Но они скоро замѣтили, что уменьшеніе ихъ могущества лишало ихъ возможности принимать участіе въ европейскихъ дѣлахъ, наиболѣе ихъ интересовавшихъ, и что, находясь почти въ полной зависимости отъ державъ ихъ разорившихъ, они никогда не возстановятъ прежняго значенія своей короны и не постараются воспользоваться возможными конъюнктурами въ ходѣ общихъ дѣлъ, чтобы вернуть по крайней мѣрѣ часть потерянныхъ провинцій. Сенаторы, имѣвшіе наибольшее значеніе, не скрыли отъ короля этого образа мыслей шведскаго сената. Они не могли сомнѣваться въ желаніи его величества, чтобъ эта древняя союзница Франціи вновь окрѣпла. Король по собственной иниціативѣ защищалъ ихъ великодушно и очень сильно, когда они, лишенные всякихъ средствъ, рисковали пасть подъ ударами непріятелей.

Его величество продолжалъ безкорыстно помогать имъ значительными суммами, и онъ съ удовольствіемъ увидѣлъ, что благо-

[1] Пекарскій, стр. 37—39.

даря хорошему употребленію, какое Швеція давала деньгамъ, и благодаря постоянной бережливости, Шведы постепенно возстановили флотъ и армію и наполнили свои магазины всѣмъ необходимымъ. Правда, что король желалъ, чтобъ они въ благодарность за столько благодѣяній способствовали его видамъ въ польскихъ дѣлахъ, но тѣ, которые находились тогда во главѣ правленія, не считали возможнымъ безъ большаго риска вступиться за Станислава, такъ какъ армія и флотъ не были еще приведены въ надлежащій видъ; эти причины, а также вліяніе, которымъ пользовались Англія и Россія, на короля Шведскаго и на нѣкоторыхъ членовъ сената удержали Швецію въ бездѣйствіи, тогда какъ, дѣйствуя заодно съ королемъ, она могла одинаково работать въ свою пользу и въ пользу Франціи. Выгоды, которыя обѣ короны могли бы извлечь, были до такой степени ощутительны, что шведская нація скоро сознала, что министры, имѣвшіе тогда наибольшее вліяніе, не воспользовались какъ слѣдуетъ столь благопріятнымъ обстоятельствомъ; недовольство противъ министерства начало проявляться, когда, вслѣдъ за прибытіемъ въ Стокгольмъ королевскаго посланника графа Сенъ-Северина, въ концѣ 1737 года собрался сеймъ, дѣйствія котораго были направлены главнымъ образомъ къ тому, чтобъ установить самый тѣсный союзъ съ Франціей; этотъ сеймъ смѣнилъ почти все министерство и даже выразилъ порицаніе нѣкоторымъ сановникамъ, которые, увлекаемые своимъ предубѣжденіемъ въ пользу Великобританіи и Россіи, открыто внушали недовѣріе къ намѣреніямъ Франціи и такимъ образомъ уклонились отъ чувствъ почтенія и благодарности, которое всякій шведскій министръ долженъ питать къ французской коронѣ. Король не можетъ достаточно похвалить прекрасный образъ дѣйствія графа Сенъ-Северина, старавшагося укрѣпить такое благопріятное расположеніе умовъ шведской націи и просвѣтить ее еще больше относительно причинъ, которыя должны побуждать ее вполнѣ разсчитывать на дружбу короля и во всякое время предпочитать союзъ съ нимъ союзу со всякою другою державой. Онъ съумѣлъ понравиться и королю Шведскому и новому министерству и вслѣдствіе пріобрѣтеннаго имъ довѣрія съумѣлъ удержать эту націю, когда, возмущенные убійствомъ барона Синклера, какъ нарушеніемъ международнаго права, всѣ Шведы дышали местью противъ русскаго правительства, по приказанію котораго, какъ

никто не сомнѣвался, совершено было это убійство [1]. Графъ Сенъ-Северенъ далъ имъ понять, что раньше чѣмъ разрывать съ державой, силы которой стали страшны всѣмъ сосѣдямъ, надо совѣтоваться съ благоразуміемъ, а не съ чувствомъ мести. Но воинственный пылъ не остылъ, и вновь возгорѣлся, когда незанятый императорскій престолъ придалъ новый оборотъ германскимъ дѣламъ, когда произошли перемѣны въ Россіи, умерла царица Анна, вступилъ на престолъ младенецъ подъ регентствомъ нѣмецкой матери и при управленіи нѣмецкихъ министровъ, и когда отъ этого можно было ожидать ослабленія Русскаго государства и надѣяться, что вслѣдствіе недовольства народа противъ иностраннаго правительства произойдетъ революція. Такимъ образомъ собравшійся скоро послѣ этого сеймъ съ рѣдкимъ единодушіемъ постановилъ заниматься исключительно постановленіями необходимыми для нападенія на Россію и заставить ее дать удовлетвореніе за прежнія и новыя обиды". [2]

О французскихъ интригахъ въ Стокгольмѣ постоянно доносилъ нашъ посолъ Бестужевъ. „Такъ какъ велѣно флотъ экипировать, писалъ онъ, то ясно, что Франція Шведовъ на то подвинула и денегъ дать обѣщала, ибо своими средствами Шведы этого дѣлать не въ состояніи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Франція тутъ дѣйствуетъ и коварство свое производитъ, дабы всегда содержать Россію въ тревогѣ и опасности отъ здѣшней стороны и не дать ей возможности употребить свои силы въ другомъ мѣстѣ." Чрезъ нѣкоторое время послѣ этого Бестужевъ далъ знать, что шведская горячность къ войнѣ начала усиливаться. Когда депутаты духовнаго и крестьянскаго сословія на сеймѣ спрашивали, къ чему дѣлаются такія издержки на вооруженія, то получали въ отвѣтъ, что военныя приготовленія Швеціи ничего не стоятъ и Франція Швецію никогда не оставитъ; что Швеція должна воспользоваться нынѣшними благопріятными обстоятельствами, и для этого она должна быть вооружена и вооружается она на чужія деньги.

Въ Парижѣ старались скрыть отъ Кантемира дѣйствія фран-

---

[1] Синклеръ, шпіонъ дѣйствовавшій противъ Россіи, былъ посланъ въ 1738 г. съ важными дипломатическими депешами изъ Стокгольма въ Константинополь, на обратномъ пути около Бреславля онъ былъ ограбленъ и убитъ какими-то всадниками. Въ Стокгольмѣ распространился слухъ, что убійство совершено по происканъ Русскихъ.

[2] Recueil, II, 253—357.

цузскаго правительства въ Швеціи. Въ этомъ отношеніи очень любопытенъ одинъ разговоръ между Флёри и нашимъ посломъ. Кардиналъ упомянулъ, что въ Швеціи усматривается военное движеніе. Кантемиръ отвѣчалъ, что съ русской стороны не пренебрежено ничѣмъ для сохраненія сѣверной тишины, и если начнется война, то весь свѣтъ долженъ признать правду Россіи. Кардиналъ сказалъ, что онъ самъ не понимаетъ, какъ шведскій дворъ можетъ отважиться на войну съ Россіей, ибо силы обѣихъ державъ вовсе не равны, и потомъ началъ распространяться по своему обыкновенію о недостаткѣ довѣрія въ Европѣ, о подозрительности, господствующей между державами, о распространяющемся повсюду духѣ несогласія, который долженъ произвести страшное кровопролитіе; кардиналъ высказывалъ свое миролюбіе и сожалѣніе, что всѣ его труды для сохраненія мира были напрасны. Кантемиръ замѣтилъ, что тяжкій отвѣтъ отдадутъ тѣ, которые подали поводъ къ наступающимъ бѣдамъ. Флёри продолжалъ въ томъ же проповѣдническомъ тонѣ, что не только войной, но и другими язвами Богъ людей наказываетъ: въ одинъ и тотъ же годъ видимъ и жестокую зиму, и неурожай, и болѣзни; что онъ не можетъ понять, какъ эти язвы не остановили высокомыслія войнолюбивыхъ людей и, что всего хуже, при такой общей склонности къ войнѣ нельзя найти ни одного посредника, который бы привелъ всѣхъ къ доброму согласію; напротивъ, всякій спѣшитъ принять участіе въ войнѣ, которая до него собственно не касается. Въ другой разъ Флёри категорически заявлялъ Кантемиру, что король не намѣренъ принимать ни малѣйшаго участія въ войнѣ между Россіей и Швеціей, что онъ, кардиналъ, особенно жалѣетъ, видя такую горячность со стороны шведской и по чистой совѣсти можетъ засвидѣтельствовать, что его совѣты шведскому министерству клонились къ сохраненію тишины. Кантемиръ, обладавшій яснымъ взглядомъ на политическое положеніе, обманутъ не былъ. „Хотя я не придаю никакого значенія сладкимъ словамъ кардинала, писалъ онъ, однако счелъ своею обязанностью донести объ этомъ разговорѣ, изъ котораго видно, съ какимъ искусствомъ онъ производитъ свои внушенія, клонящіяся къ тому, чтобъ отклонить союзниковъ отъ поданія помощи королевѣ венгерской, ибо это будетъ препятствовать видамъ Франціи.“ Нашъ посолъ сообщалъ также объ одной меморіи, гдѣ изслѣдуются интересы французскаго двора. Авторъ меморіи совѣтовалъ

начать войну противъ Англіи и Германіи, а между тѣмъ шведскому двору дать не только субсидіи для нападенія на Россію, но даже войска и корабли; также постараться устроить союзъ между Швеціей, Даніей и Пруссіей, наконецъ возбудить противъ Россіи Турокъ и Персіянъ и дѣйствовать противъ Россіи до тѣхъ поръ, пока Россія потеряетъ все пріобрѣтенное ею по ништадтскому миру.

Неудивительно, что въ Петербургѣ находились министры, которые желали совсѣмъ порвать съ Франціей. Вице-канцлеръ графъ Головкинъ рѣшительно заявилъ Остерману, остававшемуся въ это время руководителемъ иностранной политики, хотя онъ былъ уже не канцлеромъ, а великимъ адмираломъ: зѣло потребно бы было всячески стараться себя изъ рукъ Франціи вывесть въ разсужденіи ея тайныхъ непріятельскихъ поступковъ. Остерманъ возразилъ на это, что находитъ мнѣніе вице-канцлера очень основательнымъ, но такъ какъ Франція была посредницей при заключеніи мира между Россіей и Портой и приняла на себя его гарантіи, то мнится, что не надобно ее огорчать никакимъ наглымъ поступкомъ, но всячески менажировать, ибо хотя она теперь тайно намъ злодѣйствуетъ, однако наружно всякую дружественную апаренцію оказываетъ. [1]

Въ одномъ французскомъ журналѣ того времени появилось извѣстіе: „Маркизъ де ла Шетарди рѣдко показывается при дворѣ“. Это было совершенно вѣрно, потому что положеніе французскаго посла въ Петербургѣ было довольно непріятное. Анна Леопольдовна не чувствовала къ нему никакой симпатіи. Онъ обязанъ былъ слѣдовать политикѣ своего правительства, то-есть политикѣ намъ враждебной, и постоянно сносился съ Нолькеномъ, представителемъ Швеціи въ Петербургѣ и французскимъ посломъ въ Стокгольмѣ. Къ тогдашнему правительству и къ Россіи вообще онъ относился недоброжелательно. Вотъ что онъ писалъ Лемеру, французскому послу въ Копенгагенѣ: „Ошибочно представляютъ себѣ страшилищемъ Московское государство. Не потому, чтобъ я былъ въ ослѣпленіи насчетъ его положенія, силы, которую оно можетъ выставить въ оборонительномъ положеніи, легкости и дешевизны припасовъ, которые оно въ состояніи пріобрѣсть и отыскивать въ себѣ самой, но я твердо убѣжденъ, что соединенный датско шведскій флотъ,

[1] Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. XXI, стр. 84—86, 110—113, 107.

отрѣзавъ русскій, помѣшаетъ безъ затрудненія выйти ему изъ портовъ, и слѣдовательно шведскіе берега будутъ въ безопасности отъ высадокъ, которыя такъ много причинили вреда въ послѣднюю войну. Шведы при помощи субсидій могутъ дѣйствовать съ успѣхомъ со стороны Выборга, особенно если Данія согласится сдѣлать диверсію небольшимъ корпусомъ войскъ въ Эстоніи. Этотъ одинъ планъ, будьте увѣрены, быстро смиритъ надменность и жестокость этихъ людей. Порукой въ томъ ихъ характеръ и политика. За исключеніемъ нѣкоторыхъ государствъ, съ которыми не желаютъ столкновеній, они въ опьянѣніи отъ своего величія, которое только въ томъ и состоитъ, что не можетъ весь свѣтъ явиться къ нимъ, а они хотятъ предписывать законы всей Европѣ. При малѣйшемъ пораженіи, они перейдутъ также быстро изъ одной крайности въ другую и будутъ уважать чрезмѣрно другихъ. Къ этимъ доводамъ, которые одни заставляютъ исчезнуть страшилище, прибавьте, что можно безъ затрудненія быть увѣреннымъ въ диверсіи со стороны Турокъ, которые могутъ это сдѣлать не объявляя войны. Графъ Остерманъ нынѣ полный властелинъ и сохранитъ Россіи превосходство, неизбѣжно уничтожающее равновѣсіе на Сѣверѣ—опасность, слишкомъ очевидная и которая выказалась уже настолько, что невозможно предотвратить ее иначе, какъ препятствуя дальнѣйшему возрастанію этого превосходства. [1]

Ко всему этому присоединились еще недоразумѣнія другаго свойства. По смерти Анны Іоанновны король прислалъ Шетарди новыя полномочія и писалъ ему, чтобъ онъ вручилъ Іоанну Антоновичу свои кредитивныя грамоты и письмо отъ короля. Шетарди хотѣлъ исполнить это буквально и требовалъ, чтобъ онъ былъ представленъ императору, которому еще не исполнилось года. Другіе послы довольствовались аудіенціей у регентши, и претензія Шетарди удивила русскихъ министровъ и возбудила много вопросовъ. Спрашивали, вручитъ ли посолъ грамоты въ руки самого младенца-императора? или онъ можетъ положить ихъ къ подножію трона? Не лучше ли отдать ихъ Аннѣ Леопольдовнѣ, которая будетъ держать на рукахъ царя? По этому поводу возникла безконечная переписка между Петербургомъ и Парижемъ и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ не могли рѣшить вопроса,

[1] Пекарскій, стр. 220—222.

слѣдуетъ ли Іоанну Антоновичу принять въ торжественной аудіенціи французскаго посла или нѣтъ?

Шетарди видѣлъ, что при господствѣ Брауншвейгской фамиліи и Нѣмцевъ невозможно отвлечь Россію отъ союза съ Австріей, политика могла измѣниться только съ перемѣной правительства. И вотъ французскій посолъ составилъ смѣлый планъ: произвести государственный переворотъ. Мысль эта явилась у него конечно потому, что элементы для переворота давно существовали, надо было только воспользоваться ими. Уже много лѣтъ всѣ недовольные сначала Бирономъ, а потомъ Брауншвейгцами, смотрѣли съ надеждой на царевну Елисавету, считали ее законною наслѣдницей престола и отъ нея ждали спасенія; недовольныхъ было много и въ высшихъ слояхъ общества, и въ гвардіи, и въ духовенствѣ, и въ народѣ. Надо было только собрать воедино эти разбросанные элементы, организовать партію, и тогда легко было свергнуть Брауншвейгскую фамилію.

Шетарди хотѣлось сдѣлаться вожакомъ національной партіи и пріобрѣсти популярность въ Россіи и заслужить, какъ онъ надѣялся, вѣчную благодарность будущей царицы. Онъ любилъ играть роль, и такой грандіозный планъ прельщалъ его. Современникамъ могло казаться, что французскій посолъ желаетъ исключительно блага Россіи, что онъ хочетъ уничтожить ненавистное господство Нѣмцевъ. На самомъ же дѣлѣ онъ думалъ только о себѣ и выгодахъ Франціи. Это ясно видно изъ слѣдующаго мѣста его письма къ кардиналу Флёри: „Россія была очень привержена къ австрійскому дому, отнынѣ она будетъ ему предана окончательно: власть, сосредоточивающаяся въ рукахъ принца брауншвейгскаго и герцогини мекленбургской, перейдетъ въ руки владѣтеля собственно нѣмецкаго, а если вѣнскій дворъ будетъ здѣсь косвенно царствовать, то это всегда отзовется вредомъ для интересовъ Швеціи и ея союзниковъ. Напротивъ же, если принцессѣ Елисаветѣ будетъ проложена дорога къ трону, то можно быть нравственно убѣжденнымъ, что претерпѣнное ею прежде, такъ же какъ и любовь ея къ своему народу, побудитъ ее къ удаленію иноземцевъ и къ совершенной довѣрчивости къ Русскимъ. Уступая склонности своей, а также и народа, она немедленно переѣдетъ въ Москву; хозяйственныя занятія, къ которымъ склонны знатные, побудятъ послѣднихъ тѣмъ болѣе обратиться къ нимъ, что они лишены уже того съ давнихъ временъ; морскія силы будутъ пренебрежены, и Россію увидятъ

постепенно обращающуюся къ старинѣ, которую Долгорукій во времена Петра II желалъ возстановить и которая существовала до Петра I. Вѣроятно такая система возвращенія къ старинѣ была бы постоянно опровергаема графомъ Остерманомъ, и только переворотъ въ состояніи воспрепятствовать такому противоборству. Шведы при томъ вдвойнѣ выиграютъ: тогда непріязнь, возбужденная въ Елисаветѣ воспоминаніемъ прошлаго, поведетъ къ окончательному паденію этого министра; тогда Швеція, такъ же какъ и Франція, увидятъ себя освобожденными отъ могущественнаго непріятеля, который всегда будетъ противъ нихъ и имъ опасенъ. Къ этимъ доводамъ можно прибавить слѣдующія частности. Принцесса Елисавета ненавидитъ Англичанъ, любитъ Французовъ; нація (русская), которая думаетъ также, можетъ быть удержана денежными и личными разсчетами, которые ставятъ ее въ зависимость отъ Англичанъ; но если Русскимъ помочь въ этомъ случаѣ, то не невозможно будетъ отвлечь ихъ, и тогда освобожденные Французы будутъ по крайней мѣрѣ надѣяться завести здѣсь торговлю на развалинахъ англійской, столько же выгодную, сколько она нынѣ убыточна вслѣдствіе необходимости вести ее чрезъ руки Англичанъ и Голландцевъ." Мысль Шетарди еще болѣе уясняется изъ слѣдующихъ словъ англійскаго посланника Финча: „Большая часть дворянъ закоренѣлые Русскіе, и только принужденіе и сила могутъ помѣшать имъ возвратиться къ ихъ старинымъ обычаямъ. Нѣтъ изъ нихъ ни одного, который бы не желалъ видѣть Петербурга на днѣ морскомъ, а завоеванныя области пошедшими къ чорту, лишь бы только имѣть возможность возвратиться въ Москву, гдѣ, вблизи своихъ имѣній, они могли бы жить съ большею роскошью и съ меньшими издержками. Они не хотятъ имѣть никакого дѣла съ Европой, ненавидятъ иноземцевъ: лишь бы ими пользоваться на время войны, а потомъ избавиться отъ нихъ. Имъ также противны морскія путешествія, и для нихъ легче быть сосланными въ страшныя мѣста Сибири, чѣмъ служить на корабляхъ." [1]

Какихъ же результатовъ ожидалъ Шетарди отъ государственнаго переворота? Столица будетъ перенесена въ Москву, дворяне будутъ жить по своимъ помѣстьямъ, отчего въ администраціи и арміи не будетъ хватать людей, флотъ забросятъ и Балтійское море опять перейдетъ въ руки Шведовъ; Россія возвратится къ

[1] Пекарскій, стр. 247—249.

допетровскимъ временамъ, то-есть придетъ вновь въ варварское состояніе, какъ выражались Французы, и такимъ образомъ грозная держава, созданная великимъ преобразователемъ, перестанетъ быть страшною и для Франціи, и для ея любимой Швеціи.

Шетарди, сравнивавшій посла безъ инструкцій съ часами, которые забыли завести, не хотѣлъ дѣйствовать, не получивъ одобренія своего министерства. Во Франціи сначала колебались вступить на путь приключеній, на который приглашалъ Шетарди. Французскому министерству представлялось не совсѣмъ удобнымъ вмѣшиваться въ домашнія дѣла иностранной державы, возбуждать тамъ возмущеніе и дѣлать короля участникомъ заговора съ цѣлію ниспроверженія существующаго порядка. На первые намеки посла Версальскій кабинетъ отвѣтилъ, что надо обдумать этотъ вопросъ. Скоро однако желаніе замѣнить въ Россіи нѣмецкое вліяніе взяло верхъ, и министерство согласилось, „что это дѣло вполнѣ заслуживаетъ вниманія короля“. Вслѣдъ за этимъ Шетарди, согласно съ полученнымъ имъ распоряженіемъ, завѣрилъ царевну, что Франція отдаетъ въ ея распоряженіе свои сокровища, свой кредитъ и свои совѣты. Онъ прибавилъ къ этому, что еслибы король увидѣлъ ее и отдался бы чувству, которое она способна внушить, то и тогда онъ не могъ бы болѣе заниматься тѣмъ, что ее интересуетъ.

Пока не былъ рѣшенъ вопросъ объ аудіенціи, и Шетарди никому не представилъ кредитивныхъ грамотъ, ему неудобно было являться ко двору, поэтому онъ переговаривалъ съ Елисаветой Петровной черезъ медика Лестока, которому царевна вполнѣ довѣряла. Каждый день ждали, что Швеція объявитъ войну, и этимъ моментомъ думали воспользоваться Елисавета и Лестокъ. Когда объявленіе войны произведетъ замѣшательство при Петербургскомъ дворѣ, тогда удобно будетъ поднять бунтъ въ войскѣ. Франція желала нѣсколько видоизмѣнить этотъ проектъ, она требовала, чтобы царевна вошла въ соглашеніе со Швеціей Шведы по приглашенію Елисаветы нападутъ на Россію, помогутъ ей вступить на престолъ, она за это по воцареніи уступитъ Швеціи часть провинцій, завоеванныхъ Петромъ, именно восточное побережье Балтійскаго моря. „Надо сдѣлать все, писалъ Амело французскому послу, чтобы побудить Шведовъ принять участіе въ революціи и сдѣлать ее способною нанести сильный ударъ, когда всѣ мѣры будутъ приняты. Но по всей вѣроятности за столь великую услугу, они пожелаютъ чтобъ имъ

возвращена была хоть часть отнятыхъ провинцій. Если вы съумѣете убѣдить принцессу Елисавету принести эту жертву, вы окажете очень большую услугу королю, въ интересахъ котораго заключить Россію въ ея прежніе предѣлы." Такого же взгляда держался Шетарди, когда писалъ: „слѣдовательно не только желательно, чтобы планъ принцессы Елисаветы удался, но надобно, чтобъ это произошло не иначе, какъ при содѣйствіи Швеціи, и чтобы въ такомъ случаѣ принцесса Елисавета знала о главной пружинѣ ея возвышенія, и чрезъ то были бы извлечены на пользу короля тѣ плоды, которыхъ можно было ожидать".

Шетарди убѣждалъ Лестока, что Елисаветѣ необходимо дать Шведамъ письменное обязательство вознаградить ихъ по воцареніи. На увѣреніе посла, что король его заботится только о царевнѣ и ея выгодахъ, Лестокъ отъ имени Елисаветы объявилъ, что она относительно внѣшнихъ средствъ полагается совершенно на волю королевскую; относительно же внутреннихъ ограничивается суммой во 100 тысячъ рублей на случай, еслибы въ рѣшительную минуту понадобилось привлечь на свою сторону того или другаго. Шетарди отвѣчалъ, что король охотно доставитъ средства на покрытіе издержекъ, какъ только будетъ указано, какимъ образомъ можно будетъ при этомъ сохранить тайну. Пусть царевна обѣщаетъ существенныя выгоды и этимъ дастъ Шведскому королю возможность убѣдить подданныхъ къ начатію войны. Лестокъ отвѣчалъ, что царевна не скрываетъ отъ себя невозможности побудить Шведовъ даромъ оказать ей помощь. Итакъ, сказалъ Шетарди, пусть же она подтвердитъ то, что считаетъ необходимымъ, пусть передастъ мнѣ на письмѣ, что хотѣла бы она устроить въ случаѣ успѣха предпріятія. Шетарди старался напугать Елисавету. Зачѣмъ царевнѣ допускать, говорилъ онъ Лестоку, чтобы Шведы принесли пользу другимъ, а не ей? Не обманывайтесь: правительница, принцъ брауншвейгскій и графъ Остерманъ чувствуютъ, что они здѣсь иноземцы, а правительство такого рода для поддержанія себя очень неразборчиво въ средствахъ, мало смотритъ на пожертвованія, лишь бы отдѣлаться отъ войны и купить миръ у Шведовъ, которые не упустятъ воспользоваться такимъ случаемъ: что изъ этого выйдетъ? Царевна потеряетъ все и не будетъ имѣть ни малѣйшей надежды на будущее. Я пойду далѣе и скажу всѣмъ, что если Шведы не вступятъ заранѣе въ соглашеніе съ царевной на прочныхъ основаніяхъ, то они выскажутся въ пользу внука

Петра I. Не имѣя въ томъ препятствія, они вѣрнѣе возведутъ на престолъ герцога Голштинскаго, тогда какъ царевна увидитъ себя лишенною принадлежащаго ей и удаленною отъ трона навсегда. Лестокъ отправился съ этими внушеніями къ Елисаветѣ, и въ слѣдующее свиданіе принесъ отвѣтъ, что царевна очень тронута доказательствами усердія, постоянно показываемаго посланникомъ; она желала бы отплатить ему, слѣдуя его внушеніямъ, но она всегда будетъ опасаться упрековъ отъ своего народа, если для достиженія престола нанесетъ ему ущербъ какими-нибудь уступками. Дочь Петра Великаго не забыла, что море досталось намъ послѣ двадцатилѣтней войны и положительно отказалась вступать въ переговоры съ врагомъ своего отца и давать какія бы то ни было обѣщанія Шведамъ.

Сопротивленіе Елисаветы Петровны оказывалось первою помѣхой въ осуществленіи проектовъ Шетарди; скоро явилась еще новая помѣха. Въ маѣ 1741 г. французскій посолъ получилъ приказаніе объявить Остерману, что онъ отказывается ото всякихъ сношеній съ русскимъ правительствомъ, если ему не позволятъ представить кредитивныя грамоты самому царю. На свиданіи, въ которомъ Шетарди объявилъ этотъ ультиматумъ, старый министръ не хотѣлъ ни прямо отказать въ аудіенціи, ни согласиться на нее. „Чтобъ избѣжать объясненія, говоритъ Шетарди, онъ прибѣгъ къ своему обыкновенному пріему, когда онъ находился въ затрудненіи. У него были колики: жизнь его, по собственнымъ словамъ, была рядомъ страданій; боли, которыя быстро являлись у него, заставляли его дѣлать тысячу гримасъ; въ креслѣ онъ никакъ не могъ усидѣть спокойно; тяжело дышалъ, кашлялъ ужасно и утиралъ безпрестанно лицо: а между тѣмъ изъ-подъ платка кидалъ на меня взгляды, чтобы лучше проникнуть мои мысли.“ Не получивъ категорическаго отвѣта, Шетарди вынужденъ былъ окончательно прервать сношенія съ дворомъ и не могъ уже дѣлать оффиціальныхъ визитовъ царевнѣ. Лестокъ рѣдко приходилъ на свиданія съ посломъ, потому что распространились слухи о заговорѣ, и онъ очень трусилъ.

Прошло нѣсколько недѣль, Шетарди ничего не слышалъ о Елисаветѣ. Онъ не бывалъ при дворѣ и его считали подозрительнымъ: никто не ходилъ къ нему въ гости, но за то шпіоны слѣдили за нимъ день и ночь. Какъ только наступило лѣто, онъ переѣхалъ на острова и здѣсь велъ жизнь отшельника, къ которой, какъ онъ писалъ, онъ никогда не чувствовалъ ни малѣй-

шаго призванія. Однако царевна не забыла его и старалась повидаться съ нимъ; одно время она даже думала купить домъ по сосѣдству съ дачей, занимаемой посломъ. Въ концѣ іюля она послала къ нему Воронцова, чтобъ устроить какъ-нибудь свиданіе. Рѣшено было, что на слѣдующій день царевна какъ бы невзначай встрѣтится съ Шетарди на дорогѣ, ведшей въ Петербургъ. Но въ послѣднюю минуту Елисавета Петровна не рѣшилась на такой шагъ, потому что за ней зорко слѣдили.

Въ это время пришло извѣстіе объ окончательномъ разрывѣ съ Швеціей. Шведскій король объявилъ войну Россіи, и манифестъ о войнѣ былъ написанъ подъ диктовку французскаго посла въ Стокгольмѣ. Правительница знала это, и Шетарди ожидалъ, что ему придется уѣхать. Случилось какъ разъ наоборотъ, въ затруднительную минуту русское правительство боялось порвать съ Франціей, и Шетарди разрѣшена была аудіенція у малолѣтняго царя. Аудіенція дѣйствительно состоялась, и Шетарди вновь появился при дворѣ. На придворномъ балѣ онъ встрѣтился съ царевной и имѣлъ случай поговорить съ ней. „Она сдѣлала мнѣ честь выразить, писалъ Шетарди, что лично для себя очень довольна моимъ пребываніемъ здѣсь, но думая о неудовольствіяхъ, которыя я претерпѣлъ и которыя еще готовятся для меня впереди, она не можетъ не сожалѣть о моей судьбѣ. Минута была слишкомъ благопріятна, чтобы не воспользоваться ею и не дать замѣтнѣе почувствовать принцессѣ все, чѣмъ она обязана королю. Я отвѣтилъ ей, что честь свидѣтельствовать ей мое почтеніе всегда вознаграждаетъ меня за то, что̀ могъ я претерпѣть; что не менѣе утѣшительная причина, заставляющая меня благословлять мою судьбу, заключается въ томъ, что единственно въ видахъ служить и поспѣшествовать ея интересамъ, его величество повелѣлъ мнѣ остаться здѣсь, несмотря на справедливость причинъ, которыя имѣлъ король, чтобъ отозвать меня; что его величество равномѣрно заботится о средствахъ возвести ее на тронъ и что если онъ для этой цѣли уже подвигнулъ Шведовъ, своихъ союзниковъ, взяться за оружіе, то съумѣетъ также ничего не пощадить, чтобы только дать имъ средство къ вожделѣнному успѣху; что мнѣ слѣдовательно предстоитъ единственно исполнять свои обязанности, чтобъ чувствовать, какъ лестно для меня быть жертвой за столь справедливое дѣло. Ничего не было упущено принцессой, чтобы выразить свою признательность. Она мнѣ сообщила притомъ, что въ надеждѣ, что я

буду отнынѣ навѣщать ее, она приняла заранѣе предосторожности не быть никѣмъ стѣсняемою изъ придворныхъ. Какъ принцесса, такъ и я замѣтили, что всѣ присутствовавшіе на балѣ обратили вниманіе на нашъ разговоръ, а потому мы сочли приличнымъ во избѣжаніе подозрѣній не продолжать его болѣе“ [1].

Съ этого времени организуется настоящій заговоръ, въ которомъ принимаютъ участіе не только Шетарди, но и 88-лѣтній кардиналъ Флёри и министръ иностранныхъ дѣлъ Амело, отличавшійся своею педантическою важностью. Въ послѣднихъ числахъ сентября одинъ незнакомецъ, стараясь скрыться въ толпѣ прохожихъ, пробирался по улицѣ Ришелье и вошелъ въ кафе Фоа, гдѣ собирались знаменитые литераторы. Тамъ къ нему подошелъ одинъ посѣтитель, вступилъ съ нимъ въ разговоръ и съ большими предосторожностями принялъ отъ него кошелекъ съ двумя тысячами дукатовъ (22.423 франка). Первое лицо – это агентъ министерства иностранныхъ дѣлъ, второй—г. Мань, другъ маркиза де-ла-Шетарди. Мань посылалъ деньги своему племяннику, находившемуся тогда въ Россіи. Молодой человѣкъ много тратилъ, игралъ въ карты и естественно, что онъ прибѣгалъ къ щедрому дядѣ. На самомъ же дѣлѣ деньги эти предназначались французскому послу въ Петербургѣ, которому онѣ не могли быть посланы безъ того, чтобы не возбудить подозрѣнія. Шетарди истратилъ ихъ съ политическою цѣлью и еще нѣсколько разъ ему дѣлались подобныя же присылки.

Въ Петербургѣ Шетарди былъ душой заговора, говоритъ Вандаль. Онъ выказываетъ необыкновенную ловкость, чтобы достичь цѣли, которая подстрекаетъ его самолюбіе, плѣняетъ его сердце, задѣваетъ его тщеславіе; онъ чувствуетъ себя въ своей тарелкѣ когда нужно вести сложную интригу, въ особенности въ пользу прелестной женщины. Если посмотрѣть съ какой легкостью онъ играетъ встрѣчающимися ему затрудненіями, можно подумать, что онъ занятъ любовнымъ похожденіемъ, а не предпріятіемъ, въ которомъ онъ рискуетъ свободой и жизнью. Все напоминаетъ романическую исторію: таинственныя свиданія, долгое ожиданіе на условленномъ мѣстѣ, записки, писанныя на условномъ языкѣ; Елисавету зовутъ „героемъ“, Лестока „повѣреннымъ“, другаго агента Нѣмца Шварца „посредникомъ.“ По крайней мѣрѣ разъ

[1] Пекарскій, стр. 236, 258, 307—308. Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. XXI, стр. 128—129. Vandal, p. 134—144.

въ недѣлю Шетарди устраивалъ свиданія съ царевной, ежедневно онъ посылалъ ей совѣты, старался поддержать ея рѣшимость.

Между тѣмъ Шетарди рисковалъ очень сильно; Елисавета Петровна опасалась даже, чтобъ его не отравила противная имъ партія. „Принцесса, доносилъ французскій посолъ, узнала черезъ горничную правительницы, въ которой она увѣрена, что мнѣ желаютъ здѣсь большой бѣды и смотрятъ на меня, какъ на одно изъ главнѣйшихъ орудій, рѣшившихъ войну со Швеціей; что вслѣдствіе того восемнадцать дней тому назадъ зашла рѣчь у правительницы, имѣю ли я право сохранить еще преимущества, связанныя съ моимъ званіемъ. Въ справедливости такого извѣстія, говорилъ мнѣ Лестокъ, я могу убѣдиться изъ копіи, которую Елисавета получила съ письма, написаннаго Линаромъ (фаворитомъ Анны Леопольдовны) къ правительницѣ на другой день и добытаго Елисаветой чрезъ ту же женщину. Вотъ содержаніе его: „„Повторяю вамъ то, что передалъ вчера словесно. Народное право „есть, какъ всякое другое право, и никакой государь не обязанъ „терпѣть возмущенія, которыя бы поддерживались иностраннымъ „министромъ, и чрезъ то самое послѣдній утрачиваетъ свой харак„теръ и почести, которыя ему воздаются.““ При первомъ взглядѣ такое опредѣленіе мнѣ показалось такъ смѣшнымъ и выказывающимъ въ такой степени невѣжество, что я могъ оправдать его только подозрѣніемъ, что успѣли нѣсколько проникнуть въ тайну. По этому поводу, для уясненія себѣ дѣла, я предложилъ Лестоку вопросы. Онъ мнѣ многократно повторялъ, что ничего не открыто, а упоминаніе о возмущеніи, которое повидимому слѣдовало бы понимать, какъ намекъ на внутренніе и домашніе происки, рѣшительно относятся къ войнѣ со Швеціей, потому что сказанная горничная, слушая толки, очень хорошо поняла, что слова „возбуждать внѣшняго врага“, значило нарушать спокойствіе внутри и лишать себя возможности защиты международнаго права. Равнымъ образомъ я долженъ ужасно быть осторожнымъ и заботиться о самосохраненіи. Это объясненіе не допускало съ моей стороны никакого противорѣчія. Я отвѣчалъ, что съ силой въ рукахъ можно предпринять все, однако предваряю тѣхъ, которые имѣютъ передать мнѣ дурное привѣтствіе, что они должны быть снабжены формальнымъ повелѣніемъ, иначе я дамъ имъ настоящую идею о народномъ правѣ, выкинувъ ихъ въ окно.“ Остерманъ желалъ удалить Шетарди, но боялся принять рѣшительныя мѣры. Онъ писалъ Кантемиру: „Поступки Шетарди такъ

явно недоброжелательны, что мы имѣемъ полную причину желать его отозванія отсюда: только это надобно исходатайствовать такимъ образомъ чтобы французское министерство, при нынѣшнемъ своемъ счастіи и безъ того ни на кого не смотрящее, не получило повода къ преждевременному разорванію съ нами дипломатическихъ сношеній и къ сложенію вины на насъ. Поэтому надобно поступать въ этомъ дѣлѣ, смотря по тамошнимъ склонностямъ, министерскому праву и обращеніемъ дѣлъ и при томъ на ваше благоразсужденіе оставляемъ, не можете ли чрезъ того благосклоннаго къ вамъ пріятеля, о которомъ въ реляціяхъ своихъ упоминаете, тамошнему министерству, между прочимъ, искусно внушить, что поступки Шетарди и интриги совершенно открылись, и потому онъ для французскихъ интересовъ здѣсь болѣе уже не можетъ быть полезенъ, и что вслѣдствіе его поведенія никто не желаетъ съ нимъ знакомства, всѣ избѣгаютъ его, какъ только можно, безъ явнаго озлобленія.“ [1]

Естественно, что Шетарди торопилъ развязкой. Чтобы возбудить мужество Елисаветы Петровны, онъ сочинилъ аргументъ, который пустилъ въ ходъ, и далъ ей знать, что нерѣшительность въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ имѣть самыя вредныя послѣдствія. „Вы вынуждаете меня, сказалъ онъ при личномъ свиданіи, не скрывать ничего объ опасности, которой подвергаетесь. Знайте, что по свѣдѣніямъ, полученнымъ много изъ хорошаго источника, дѣло идетъ о заключеніи васъ въ монастырь. Вы бы уже тамъ были, когда бы нѣкоторыя обстоятельства тому не помѣшали—только очень ясно, что эта отсрочка не будетъ продолжительна. Слѣдовательно, даже въ случаѣ неуспѣха предпріятія, вы рискуете только испытать можетъ-быть нѣсколькими мѣсяцами ранѣе участь, которая вамъ предназначена и которой, благодаря принятымъ мѣрамъ, вы не въ состояніи болѣе избѣжать. Разница только въ томъ, что, оставаясь въ бездѣйствіи, заставляете падать духомъ вашихъ друзей; тогда какъ, выказывая мужество, вы сохраните себѣ приверженцевъ, а ваше несчастіе только воодушевитъ ихъ болѣе къ отмщенію, чтобъ избавить васъ отъ погибели тѣмъ или другимъ образомъ.“ Принцесса Елисавета, разсказываетъ Шетарди, пораженная такою будущностью, старалась увѣриться въ сообщенномъ мною сейчасъ

---

[1] Пекарскій, стр. 310—311. Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. XXI, стр. 114—115. Vandal, p. 145—149.

обстоятельствѣ; мои отвѣты убѣдили ее въ томъ, что я говорилъ. Она выражала мнѣ безграничную привязанность за то, что я до сихъ поръ, удерживая ее, въ настоящую минуту дѣлаю противное, чтобы лучше услужить ей, и обѣщала, что кровь Петра I не обманетъ, такъ какъ ее хотятъ вывести изъ терпѣнія.

Страшныя слова Шетарди подѣйствовали на царевну, а еще сильнѣе подѣйствовалъ разговоръ ея съ Анной Леопольдовной 23 ноября. Это было на пріемѣ во дворцѣ. Правительница отправилась въ отдаленный покой, велѣла позвать туда Елисавету Петровну, и послѣдняя возвращаясь оттуда казалась очень взволнованною. Лестокъ сообщилъ Шетарди, что разговоръ шелъ о немъ. „Правительница, пишетъ Шетарди, объявила, что рѣшилась просить короля о моемъ отозваніи и опасалась только, чтобы кардиналъ, движимый врожденною справедливостью, не просилъ предварительно доказать то, въ чемъ меня обвиняютъ, что тѣмъ болѣе затруднительно, что не было возможности достать какое-нибудь доказательство противъ меня. Правительница, высказывая такимъ образомъ всѣ причины, которыя она, по ея мнѣнію, имѣла къ обвиненію меня, внушала принцессѣ Елисаветѣ, что она не должна принимать такого человѣка, какъ я. Принцесса, возражая, что она можетъ сказать одинъ или два раза, что ея нѣтъ дома, дала почувствовать, что ей этого нельзя повторить, однако, въ третій разъ. Такъ какъ правительница, несмотря на эти доводы, повторяла свои настоянія, то принцесса отвѣчала ей насмѣшливо: „зачѣмъ вы не дѣйствуете гораздо проще? Вы, правительница и повелительница: прикажите графу Остерману сказать Шетарди не ѣздить болѣе ко мнѣ въ домъ“. Правительница возразила, что она очень остерегается этого, такъ какъ не надобно раздражать людей, подобныхъ мнѣ, ни подавать имъ явно повода къ жалобамъ. Принцесса отвѣчала, что если Остерманъ будетъ первымъ министромъ и, имѣя повелѣнія, не смѣетъ дѣлать подобныя вещи, то она тѣмъ менѣе осмѣлится рѣшиться на это. Правительница, оскорбленная такимъ противорѣчіемъ, приняла надменный тонъ, который въ свою очередь заставилъ принцессу возвысить голосъ хотя и умѣренно, насколько это было тогда прилично, и вотъ почему онѣ разстались съ горячностью, которую я примѣтилъ.“

На слѣдующій день, 24 ноября, правительство отдало приказъ по всѣмъ гвардейскимъ полкамъ быть готовыми къ выступленію въ Финляндію противъ Шведовъ. Во дворцѣ Елисаветы эту

мѣру поняли такъ, что правительница нарочно хочетъ удалить гвардію, зная приверженность ея къ царевнѣ, и люди близкіе настаивали, чтобъ Елисавета немедленно съ помощью гвардіи произвела переворотъ. Царевна наконецъ рѣшилась. 25 ноября во второмъ часу ночи она, надѣвъ кирасу на свое обыкновенное платье, сѣла въ сани и отправилась въ казармы Преображенскаго полка. По дорогѣ царевна остановилась у дома Шетарди и дала ему знать, что она летитъ къ славѣ и не сомнѣвается, что онъ желаетъ ей успѣха. Въ три часа ночи она извѣстила французскаго посла о полнѣйшемъ успѣхѣ. Къ восьми часамъ утра готовъ былъ манифестъ, начинавшійся словами: „Божіею милостію мы, Елисаветъ Первая, императрица и самодержица Всероссійская“. [1]

(Продолженіе слѣдуетъ.)

П. Безобразовъ.

[1] Пекарскій, стр. 416—417, 419—420, 422. Соловьевъ. *Исторія Россіи*, т. XXI, стр. 144—145, 148.

ЭТИКА ВЪ ЗООЛОГІИ.

II. Принципъ единенія. [1]

I.

Нераздѣлившіеся двойники и цѣлыя общества — Распадъ или дезинтеграція.—Его причины и конечныя цѣли. — Распадъ какъ размноженіе. — Двѣ половины жизни.—Распадъ какъ средство достичь большей возбудимости.—Міровой, космическіи распадъ.—Притяженіе и сходныя съ нимъ явленія.—Симпатіи и антипатіи.—Общіе выводы.

Каждый новый индивидъ происходитъ черезъ распадъ стараго или черезъ распадъ его воспроизводительныхъ клѣтокъ. Индивидуальность или самостоятельное бытіе начинается съ этого распада, съ этого акта дезинтеграціи. Если въ двухъ женскихъ клѣткахъ, изъ которыхъ затѣмъ разовьются зародыши, отталкивающая или разъединяющая сила преобладаетъ надъ соединяющею, эти клѣтки вполнѣ раздѣлятся, и изъ каждой выходитъ отдѣльное, самостоятельное недѣлимое. Если же актъ раздѣленія не будетъ законченъ и двѣ женскія или половыя клѣтки останутся еще соединенными, въ большей или меньшей степени, въ то время, когда изъ нихъ уже начнутъ развиваться зародыши, то эти зародыши явятся въ видѣ двухъ, болѣе или менѣе сросшихся индивидовъ. Такіе „уродливые“ индивиды двойники являются на всѣхъ ступеняхъ царства животныхъ. Ихъ обыкновенно называютъ „сросшимися“ индивидами, но собственно говоря это „нераздѣлившіеся“ индивиды.

Исторія человѣческихъ уродствъ представляетъ намъ довольно

[1] Начало этой статьи (I. *Принципъ труда*) помѣщено въ VI томѣ *Русскаго Обозрѣнія* за 1890 г.

случаевъ такихъ двойниковъ, какъ напримѣръ, извѣстные сіамскіе близнецы, или, не менѣе извѣстныя, „Елена и Юдиѳь“— двѣ дѣвушки, сросшіяся задними частями тѣла, нижними концами позвоночниковъ, родившіяся въ Венгріи въ 1701 году, прожившія до 22 лѣтъ и скончавшіяся въ одинъ и тотъ же часъ.

Извѣстный зоологъ Этьенъ Жоффруа Сэнтъ-Илеръ много думалъ надъ объясненіемъ этого страннаго факта и выходя изъ него построилъ теорію „attraction soi pour soi“ (притягиванія другъ къ другу однородныхъ частицъ) — теорію, которая въ настоящее время не выдерживаетъ никакой критики. Онъ также принималъ этихъ уродливыхъ двойниковъ за двойные сростки— соединенные аналогичными или одноименными частями.—Большинство такихъ двойниковъ представляетъ намъ не вполнѣ раздѣленный спинной столбъ (хребетникъ), тогда какъ всѣ остальныя части организма распались вполнѣ и правильно на два индивида.– Между человѣческими уродами мы встрѣчаемъ различныя степени нераздѣльности двухъ индивидовъ. Одинъ изъ курьезныхъ примѣровъ такой нераздѣльности представляетъ извѣстный уродъ дѣвочка Ритта-Христина, родившаяся въ Сардиніи 12 марта 1829 г. и умершая черезъ восемь съ половиной мѣсяцевъ въ Парижѣ.—Нижняя часть тѣла этой дѣвочки была не раздѣлена, тогда какъ верхняя половина представляла отдѣльныя двѣ груди, каждая съ двумя руками, и двѣ головы.

Но въ царствѣ животныхъ мы очень часто встрѣчаемъ формы, которыя нормально всю свою жизнь проводятъ въ видѣ такихъ нераздѣлившихся двойниковъ. Эти случаи возможны почти вездѣ, гдѣ размноженіе совершается поперечнымъ и въ особенности продольнымъ дѣленіемъ.—Необыкновенно рѣзко выдаются такіе случаи въ полипахъ. – Многіе изъ нихъ разщепляются вдоль на два новые полипа, и если эти полипы сидятъ на вѣткахъ общественнаго полипняка, составляя такимъ образомъ часть общества, то каждый новый полипъ обыкновенно становится родоначальникомъ новой вѣтки древовиднаго полипняка.

Тамъ, гдѣ полипнякъ развивается не въ длину, а въ ширину, по сферической плоскости, и гдѣ эти полипы покрываютъ цѣлымъ слоемъ его поверхность, тамъ обыкновенно размноженіе ихъ дѣленіемъ встрѣчаетъ препятствіе. Крайніе, окружные полипы стѣсняютъ среднихъ, которые не могутъ вполнѣ отдѣлиться другъ отъ друга, за неимѣніемъ мѣста, и остаются полураздѣленными.—Сверху они раздѣлены, снизу—остаются сросшимися.

за неимѣніемъ мѣста куда бы они могли отдѣлиться. — Наконецъ, есть и такіе случаи, гдѣ могутъ раздѣляться только одни рты, глотки и щупальцы, а остальное тѣло остается нераздѣленнымъ. Такіе случаи мы видимъ въ очень странныхъ и красивыхъ *Meandrina* и *Heliastrea*. — Здѣсь вся поверхность полушаровиднаго полипняка представляетъ нѣчто сходное съ человѣческимъ мозгомъ. По ней идутъ извилистыя борозды, отороченныя съ двухъ сторонъ множествомъ мелкихъ щупалецъ. Въ этихъ бороздахъ мы встрѣчаемъ множество ртовъ, единственныхъ остатковъ индивидуальной самостоятельности отдѣльныхъ полиповъ.

Подобное же явленіе, только въ другомъ направленіи и болѣе замаскированное, мы встрѣчаемъ у гидроидовъ; здѣсь дѣленіе идетъ не продольнымъ, а поперечнымъ или, правильнѣе говоря, кольцевымъ путемъ. Мы можемъ опредѣлить границы не отдѣлившихся индивидовъ по кругамъ щупальцевъ и можемъ видѣть, какъ, по мѣрѣ исчезанія, невыдѣленія, этихъ круговъ, растетъ самый организмъ гидроида. Наконецъ, мы встрѣчаемъ на вершинѣ цѣлой группы такихъ гидроидовъ (*Tubularia*, *Corymorpha*, *Thiarella*), у которыхъ этихъ круговъ только два или даже только одинъ, какъ у нашей прѣсноводной гидры. Мы можемъ представить такихъ гидроидовъ въ видѣ цѣлаго общества, только не раздѣленнаго на отдѣльные индивиды. Это такъ-называемые *сборные* гидроиды. Они уже утратили способность размножаться дѣленіемъ, и всѣ соединились въ одинъ гигантскій организмъ. Его большая величина очевидно произошла оттого, что въ немъ слились всѣ тѣ отдѣльныя особи, которыя нѣкогда существовали въ видѣ цѣлой колоніи, давшей ему начало. Индивидуальность здѣсь проиграла въ количествѣ, но за то выиграла въ качествѣ. Сборный гидроидъ представляется не только болѣе крупнымъ, чѣмъ каждый гидроидъ цѣлой колоніи, но онъ представляется болѣе сложнымъ въ его организаціи. У *Tubularia* мы видимъ очень толстый стебель, вырабатывающій также толстую и крѣпкую роговую кору (перисаркъ). У *Corymorpha* стебель еще толще и весь покрытъ спускающимися внизъ питающими каналами (?), изъ которыхъ развиваются корневыя мочки, прикрѣпляющія такой стебель къ почвѣ. У обоихъ мы видимъ половые органы (гинакофоры), развивающіеся на особенныхъ, вѣтвящихся, стебляхъ красиво свѣшивающихся внизъ, какъ цвѣтовыя оси у пальмъ. У *Myriothela* мы видимъ также усложненіе въ половыхъ органахъ, видимъ особенныя

чашечки — класперы, сидящія на развѣтвленныхъ стебляхъ и поддерживающія яйцо въ то время, когда оно развивается.

Всѣ низшія формы животныхъ, корненожки и инфузоріи, губки и гидроиды, полипы и морскія звѣзды, наконецъ, черви многощетинковые и малощетинковые, всѣ подвергаются распаду, размноженію посредствомъ дѣленія. Въ особенности наглядно выражается этотъ процессъ у морскихъ звѣздъ. Предъ наступленіемъ его морская звѣзда всползаетъ на камень и останавливается на немъ неподвижно, крѣпко присасываясь къ нему множествомъ своихъ двигательныхъ ножекъ, трубочекъ (амбулякръ). Затѣмъ вскорѣ обѣ половины ея, одна изъ четырехъ или трехъ лучей, а другая изъ трехъ или изъ двухъ, начинаютъ отползать одна отъ другой, причемъ все тѣло звѣзды буквально разрывается на двѣ половины. При этомъ общая полость его становится открытою для морской воды и она свободно входитъ въ него и омываетъ всѣ внутренніе органы: желудокъ разорванный на двое, печень, органы половые, нервную систему и пр. Одна половина звѣзды отползаетъ на нѣкоторое разстояніе и затѣмъ обѣ половины остаются неподвижно до тѣхъ поръ, пока каждая изъ нихъ не воспроизведетъ недостающіе лучи, на одной половинѣ два или три, а на другой три или четыре, если цѣльная звѣзда имѣла ихъ семь.

Есть нѣкоторыя звѣзды, которыя имѣютъ способность отбрасывать свои лучи. Въ особенности этимъ отличается ломкая *Luydia fragilissima*. Всякое малѣйшее раздраженіе вызываетъ здѣсь мгновенное сокращеніе въ ея мышечныхъ гладкихъ волокнахъ, и если вынуть ее изъ воды, то вслѣдствіе сильнаго сокращенія этихъ волоконъ, прилегающія нѣжныя ткани не могутъ выдержать его и разрываются. Всѣ лучи морской звѣзды, или значительныя ихъ части такимъ образомъ отпадаютъ. Другая звѣзда, такъ-называемый „сѣверный иглозвѣздъ“ *(Asteracanthion glaciale)* можетъ отбрасывать лучи, и каждый лучъ отростаетъ въ новую звѣзду.

Такое распаденіе организма указываетъ, съ одной стороны, на простоту, невыработанность его организаціи, показываетъ, что всѣ части его тѣла слабо связаны другъ съ другомъ, что въ этихъ частяхъ мало подчиненія цѣльной индивидуальности всего организма. Съ другой стороны, это указываетъ не невыработанность, на слабое различеніе этихъ частей. Клѣтки всѣхъ или почти всѣхъ тканей такого организма очень мало обособлены.

Каждая клѣтка не спеціализирована. Она можетъ выполнять при случаѣ всѣ или почти всѣ функціи организма.

И чѣмъ ниже спустимся мы по зоологической лѣстницѣ всѣхъ группъ, тѣмъ сильнѣе будетъ недостатокъ этой обособленности, индивидуальности клѣтокъ, и тѣмъ больше будетъ обладать самостоятельностью каждая изъ нихъ. У губокъ, напримѣръ, каждая клѣтка тѣла, изъ какой бы части она ни была взята, можетъ воспроизвести цѣлую губку. Все тѣло нашей обыкновенной рѣчной губки, такъ-называемой „бадяги", къ концу лѣта распадается на шарообразныя группы клѣтокъ (почечки), изъ которыхъ весной развиваются новыя бадяги. Но, кромѣ того, каждая клѣтка такой группы можетъ давать новое недѣлимое, новую бадягу.

Связь между отдѣльными частями организма вырабатывается понемногу, исподоволь въ теченіе, вѣроятно, длинныхъ періодовъ времени. Вмѣстѣ съ этою связью вырабатывается подчиненіе всѣхъ частей организма его всецѣлой и деспотической индивидуальности. Можно сказать вообще, что чѣмъ ближе животный организмъ подходитъ къ растенію, тѣмъ меньше связаны его части, тѣмъ болѣе онъ способенъ къ распаду, къ размноженію дѣленіемъ, и наоборотъ, чѣмъ выше стоитъ животное, тѣмъ менѣе оно способно отдѣлять и воспроизводить части, отдѣлившіяся отъ его тѣла. Гидру или земляного червя можно разрѣзать на нѣсколько кусковъ и каждый кусокъ воспроизведетъ всѣ недостающія части и образуетъ новую гидру или дождеваго червя. У рака можно отрѣзать клешню, и эта клешня отростетъ снова. Но если мы разрѣжемъ его, хотя бы только на двѣ половины, то обѣ половины погибнутъ. У ящерицы не отростаетъ отрѣзанная лапа, но отрѣзанный хвостъ можетъ быть снова воспроизведенъ.

Простѣйшіе организмы, неимѣющіе половыхъ органовъ, сами всецѣло распадаются на два и болѣе новые организма.—Такое размноженіе сохраняется и у болѣе высокихъ организмовъ, какъ мы видѣли: у гидроидовъ, полиповъ и червей. Но рядомъ съ этимъ размноженіемъ посредствомъ дѣленія всего тѣла надвое — идетъ и внутренній распадъ. Дѣлятся клѣтки половыхъ органовъ, и изъ каждой окончательно отдѣленной клѣтки вырабатываются яйца или сперматозоиды. Чѣмъ болѣе способно животное распадаться или всѣмъ своимъ тѣломъ, или клѣтками половыхъ органовъ — тѣмъ ниже занимаетъ оно мѣсто между животными.

У многихъ животныхъ, какъ, напримѣръ, у полиповъ, червей и разныхъ насѣкомыхъ и медузъ—вся жизнь рѣзко распадается на двѣ половины. Въ первую половину идетъ приростъ ихъ тѣла. Они собираютъ матеріалъ для дѣленія ихъ половыхъ клѣтокъ. Они много ѣдятъ, сильно растутъ и много движутся. Это самая дѣятельная, рабочая пора ихъ жизни. Къ концу этого періода они какъ бы устаютъ, движутся медленнѣе и съ большими роздыхами. Въ эту пору начинаются у нихъ размножаться клѣтки воспроизводительныхъ органовъ, изъ которыхъ затѣмъ разовьются яйца или сперматозоиды. Но прежде чѣмъ наступитъ у нихъ это развитіе—внутри тѣла откладывается масса жировъ, которые идутъ на окончательную выработку воспроизводительныхъ клѣтокъ (ихъ желтка). Въ особенности поучительно можно наблюдать эти два рѣзко раздѣленные періода жизни у внутреннихъ паразитовъ (эндопаразитовъ), раковъ и червей. Въ южныхъ моряхъ, напримѣръ, водятся маленькіе рачки, которые носятъ названіе *праниц* (Pranіza). Ихъ гусеницы, только-что оставляющіе „гнѣздовикъ“, матери — способны плавать съ неимовѣрною быстротой. Они снабжены громадными, сложными глазами, сильнымъ ротовымъ аппаратомъ, состоящимъ изъ крючковъ, зацѣпокъ, свёрлъ и маленькихъ пилочекъ. Этимъ аппаратомъ они прободаютъ покровы рыбы, напримѣръ, трески, и глубоко проникаютъ въ ея мясо. Они сидятъ неподвижно, сосутъ ея кровь и изъ этой крови вырабатывается бѣлковое прозрачное вещество, которое сильно растягиваетъ ихъ складчатый желудокъ и все ихъ тѣло. Они растутъ, а изъ матеріала, отложившагося въ ихъ желудкѣ, мало-по-малу развиваются яйца или сперматозоиды. Когда эти продукты достаточно созрѣли, тогда наступаетъ періодъ половыхъ превращеній. Гусеницы сбрасываютъ кожу, и зрѣлый вполнѣ развитой рачекъ является совершенно въ другой формѣ, до того отличной у самцовъ и самокъ, что довольно долгое время тѣхъ и другихъ относили къ разнымъ родамъ и даже къ разнымъ семействамъ. Самки представляются въ видѣ плавающихъ чемодановъ, биткомъ набитыхъ яицами. Все тѣло ихъ является въ видѣ выпуклой или правильнѣе выгнутой пластинки, къ которой, съ внутренней стороны, прилегаетъ громадная коробка, полная яицъ. Органовъ пищепріемныхъ у самцовъ и самокъ въ это время не существуетъ. Ни тѣ, ни другія не принимаютъ пищи и часть ихъ пищепріемныхъ органовъ превращается въ органы дыханія.

Еще поразительнѣе представляютъ намъ примѣръ такого рѣзкаго раздѣленія другіе рачки изъ семейства *Бопиридъ* (Bopirida) или *Корнеголовыхъ* (Rhisocephalida). Въ особенности поражаютъ своимъ уродствомъ зрѣлыя самки послѣдней группы. Въ молодомъ возрастѣ эти рачки представляютъ очень бойкихъ, дѣятельныхъ животныхъ, весьма сходныхъ съ нашими обыкновенными мелкими прыгающими въ водѣ рачками изъ группы *Копеподъ* (Copepoda). Но когда такой рачекъ отыщетъ другаго большаго рака изъ краббовъ, то онъ присасывается къ задней части его тѣла и быстро теряетъ всѣ органы. Усики, челюсти, ножки, все исчезаетъ, и все тѣло мало-по-малу превращается въ громадный мѣшокъ, который въ двадцать, тридцать разъ превышаетъ величину рачка въ его первой, дѣятельной, свободно плавающей стадіи. Этотъ мѣшокъ держится на ракѣ, на которомъ онъ сидитъ, посредствомъ длинныхъ, тонкихъ развѣтвленныхъ придатковъ, которые глубоко внѣдряются въ его тѣло, опутываютъ его кишечный каналъ, вростаютъ въ печень и сосутъ ее и его кровь. На счетъ ихъ раздувается мѣшокъ—тѣло этого паразита,—наполняясь неимовѣрнымъ количествомъ яицъ.

У червей, въ классахъ глистовъ плоскихъ мы видимъ, что жизнь дѣлится на четыре стадіи. Двѣ изъ нихъ дѣятельныя, въ которыя животное является сильно подвижнымъ, крохотнымъ плавающимъ червячкомъ, и двѣ покоющіяся. Въ первой стадіи онъ отыскиваетъ форму (обыкновенно изъ моллюсокъ), въ которой развивается въ мѣшокъ (спороцистъ), набитый зародышами второй стадіи. Всѣ эти зародыши развились изъ крови и слизи моллюска, въ которомъ жилъ этотъ мѣшокъ. Когда созрѣютъ, вполнѣ разовьются въ немъ индивиды (церкаріи) второй стадіи, тогда они разрываютъ стѣнки мѣшка (спороциста) и съ помощью длиннаго, плоскаго хвоста, быстро плаваютъ. Они отыскиваютъ какую-нибудь форму насѣкомаго, забравшись въ которое они свертываются клубкомъ, выдѣляютъ на поверхности тѣла чехолъ (коконъ), и въ этой добровольной тюрьмѣ лежатъ терпѣливо и ждутъ, чтобъ ихъ вмѣстѣ съ насѣкомыми проглотила какая-нибудь птица или рыба. Въ ней они снова превращаются въ послѣднюю покоющуюся стадію, въ которой развивается, внутри ихъ тѣла, неимовѣрное количество яицъ.

Наконецъ, еще поразительнѣе это явленіе мы видимъ у длинныхъ или ленточныхъ глистовъ, живущихъ въ послѣдней, половой стадіи въ кишкахъ разныхъ крупныхъ животныхъ и въ

человѣкѣ. Здѣсь пища, которая проходитъ эти кишки и окружаетъ паразитнаго червя со всѣхъ сторонъ, даетъ обильный матеріалъ для развитія новаго поколѣнія. Въ этой *пищѣ* червь лежитъ, какъ губка, и, подобно ей, впитываетъ, всасываетъ ее въ себя, а изъ нея развиваетъ громадное количество яицъ, которыя наполняютъ каждаго индивида. Здѣсь не ищите напрасно у этого индивида какихъ бы то ни было органовъ; по крайней мѣрѣ въ той окончательной стадіи, въ которой онъ оставляетъ тѣло его хозяина. Здѣсь можно только видѣть яйца между мышечными волокнами, такъ сказать, наполняющими все тѣло.

Глисты эти могутъ служить намъ поразительнымъ примѣромъ до чего можетъ довести организмъ регрессирующая, паразитная жизнь. Кишечный каналъ, кровеносная, нервная система, все здѣсь исчезло, и весь организмъ превратился въ мышечный четверо-угольный кусочекъ, лишенный всѣхъ органовъ и живущій чисто растительною жизнью.

Теперь предъ нами стоитъ на очереди вопросъ: что же такое это раздробленіе, распадъ, эта дезинтеграція, такъ сильно развитая у низшихъ формъ и мало-по-малу уступающая индивидуальной связи у формъ высшихъ?

У простѣйшихъ, одноклѣточныхъ организмовъ этотъ распадъ служитъ не только способомъ размноженія, но,—что еще важнѣе и необходимѣе для организма,—способомъ наибольшаго возбужденія всей поверхности ихъ тѣла; возбужденія ото всѣхъ ея внѣшнихъ факторовъ, окружающей ихъ среды и преимущественно окружающаго ихъ воздуха или, правильнѣе говоря, его кислорода, этого раздражителя и возбудителя по преимуществу всѣхъ тканей и составовъ животнаго тѣла. Распадаясь пополамъ на два болѣе мелкіе индивида, каждый простѣйшій организмъ проигрываетъ въ объемѣ и выигрываетъ въ поверхности. Отношеніе перваго къ послѣдней измѣняются. Онъ становится вдвое меньше, тогда какъ поверхность его тѣла уменьшается только на одну треть; слѣдовательно вліяніе черезъ эту поверхность на массу тѣла будетъ гораздо сильнѣе, чѣмъ прежде. Предъ раздѣленіемъ такого организма мы видимъ, что его движенія становятся медленнѣе, нерѣдко,—какъ у многихъ животнорастеній (Protista) — онъ сжимается, принимаетъ совершенно покоющееся положеніе и даже одѣвается болѣе или менѣе толстою оболочкой, которая защищаетъ его отъ дѣйствія внѣшнихъ возбудителей. Затѣмъ онъ дѣлится на два новые, происшедшіе

изъ него недѣлимые, являющіеся болѣе подвижными и вѣроятно сильнѣе возбудимыми, чѣмъ старый организмъ. Они являются молодыми, бодрыми и дѣятельными.

То же самое мы встрѣчаемъ въ клѣткахъ тканей при ихъ размноженіи дѣленіемъ. Только-что отдѣлившіяся новыя двѣ клѣтки являются болѣе возбудимыми, молодыми клѣтками, чѣмъ старыя произведшія ихъ клѣтки.

При такомъ распадѣ очевидно совершается то же самое, что̀ въ нашихъ электрическихъ батареяхъ. Сила батареи зависитъ отъ количества ея электровозбудительныхъ элементовъ. Эту силу нельзя вызвать однимъ громаднымъ элементомъ. Для полученія ея необходимо множество мелкихъ элементовъ, въ которыхъ дѣйствуетъ кислота на поверхность составляющихъ ихъ металловъ.

Такимъ образомъ, предъ нами начинаетъ открываться одна изъ причинъ того всеобъемлющаго распада, который является равно обязательнымъ, какъ въ жизни растеній, такъ и въ жизни животныхъ. Конечная цѣль его—возможно большее возбужденіе, возможно большее развитіе силы. Внѣшніе факторы, дѣйствуя на внѣшнюю поверхность мелкихъ, молодыхъ клѣтокъ, вызываютъ въ нихъ бо́льшую силу, чѣмъ дѣйствуя на крупныя, мало возбуждаемыя клѣтки съ бо́льшимъ объемомъ и сравнительно малою поверхностью, доступною возбужденію. Въ силу этого закона всѣ организмы малой величины являются болѣе дѣятельными, болѣе возбудимыми, чѣмъ крупные. При ихъ движеніи они сравнительно гораздо болѣе развиваютъ силы, чѣмъ крупные организмы. Но понятно, что здѣсь необходимое условіе это caeteris paribus. Медленность движенія или быстрота его очень часто зависитъ отъ плохаго устройства мышечной системы, отъ слабо возбудимой нервной системы, отъ сильнаго развитія венной или лимфатической системы, отъ слабаго дыханія и пр. и пр. Еслѝбы мы приняли величину, какъ единственный критерій возбудимости, дѣятельности и развитія организма, то легко пришли бы къ очень ошибочнымъ выводамъ. Мы должны были бы признать карликовъ за организмы болѣе способные, чѣмъ людей средняго и высокаго роста. Но организація такихъ дѣятельныхъ и талантливыхъ людей, какъ Гёте и Вольтеръ, достаточно опровергаетъ такой взглядъ. Время великановъ давно уже прошло, и человѣчество теперь идетъ къ другой крайности, замѣняя лучшимъ качествомъ то, что̀ прежде достигалось количествомъ.

Но есть и другая причина распада не менѣе глубокая и великая.

Она обхватываетъ не только царство животныхъ, но весь міръ Въ силу этой причины является развитіе, то-есть большее и большее осложненіе всѣхъ вещей и существъ. Одинъ фактъ порождаетъ другой, одно явленіе влечетъ другое. Было, вѣроятно, время, когда на свѣтѣ существовалъ какой-нибудь самый простой организмъ. Вслѣдствіе распада, онъ размножился—разросся въ пространствѣ, по поверхности земли. Вслѣдствіе распада одинъ органъ такого организма разщепился на два, на четыре, на восемь и т. д. Вслѣдъ за однимъ органомъ возникалъ другой, чрезъ распадъ, раздѣленіе стараго. Одна система органовъ неизбѣжно вызывала другую—новую. Ткани органовъ становились сложнѣе, онѣ распадались на большее и большее число клѣтокъ; причемъ эти послѣднія становились мельче.

Такой міровой распадъ начался съ первобытной космической матеріи. которая въ началѣ вѣковъ и временъ, безъ сомнѣнія, была однородною, то-есть заключала не обособленными всѣ тѣ элементы, которые возникли изъ нея потомъ, вслѣдствіе распада, различенія одного элемента изъ другаго. одного соединенія изъ другаго, болѣе сложнаго изъ болѣе простаго. Такъ-называемое *различеніе* или *дифференцированіе*,—есть прямое слѣдствіе распада. Міръ усложняется постепенно и вѣроятно вѣчно. Одно явленіе ведетъ за собой неизбѣжно другое. Одинъ фактъ необходимо вызываетъ другой. Мы не видимъ и не можемъ предъугадать конца этому послѣдовательному и непрестанному развитію. Гдѣ же цѣль его?

Понятно, что на такой вопросъ можно только отвѣчать гадательно, въ самыхъ общихъ грубыхъ чертахъ. Такъ, мы видимъ, что всѣ вещества, факты и явленія дѣйствуютъ другъ на друга. Отсюда является источникъ новыхъ комбинацій, новаго распада; новыхъ явленій и свойствъ болѣе и болѣе сложныхъ. При этихъ сопоставленіяхъ, новообразованныя тѣла и составы могутъ входить въ новыя комбинаціи, но помимо всѣхъ этихъ осложненій здѣсь вырабатывается, разчленяется и укрѣпляется одно явленіе—одинъ міровой факторъ, который мы называемъ химическимъ сродствомъ, непонимая въ чемъ и какъ лежитъ его сущность. Но для поясненія этого явленія намъ необходимо сдѣлать нѣкоторое отступленіе.

При объясненіи общихъ явленій біологическихъ или физіологическихъ, мы не имѣемъ права отбрасывать ни одного изъ наличныхъ общихъ физическихъ законовъ и явленій. Міровая

небесная механика построена на механическихъ законахъ и въ основу ихъ здѣсь входятъ явленія тяготѣнія. Весь міръ построенъ на борьбѣ двухъ противоположныхъ силъ и движеній—на силѣ центробѣжной и центростремительной. Величина этихъ силъ превосходитъ всякое вѣроятіе, если только мы подумаемъ какія громадныя, билліонныя массы пудовъ двигаются этими силами. Эти массы постоянно стремятся, тяготѣютъ другъ къ другу и постоянно удерживаются, какъ бы на уздѣ, въ своихъ стремленіяхъ. Какая сила можетъ удержать метеорную глыбу, когда она летитъ изъ непзмѣримыхъ космическихъ пространствъ и притягивается нашею землей. Вотъ эти самыя силы притяженія и отталкиванія существуютъ, хотя и въ другихъ формахъ, во многихъ, если не во всѣхъ земныхъ явленіяхъ. Частицы пара стремятся оттолкнуться и отойти другъ отъ друга съ такою силой, что разрываютъ стѣнки котла изъ толстаго котельнаго желѣза. Кислородъ съ такою силой притягивается къ чистому желѣзу, что частицы этого желѣза загораются. Такую же силу притяженія выказываетъ фосфоръ къ кислороду, или калій къ водѣ. Эту силу притяженія мы называемъ химическимъ сродствомъ. Два газа: кислородъ и водородъ въ пропорціи гремучаго газа при дѣйствіи электрической искры, соединяются съ страшною силой и образуютъ воду.

Эта сила притяженія и отталкиванія руководитъ огромнымъ большинствомъ біологическихъ явленій, но тамъ—этой силѣ мы даемъ другія названія.

Многія животныя привлекаются ихъ чутьемъ къ разнымъ веществамъ, и въ особенности тѣмъ, которыя они употребляютъ въ пищу. Такъ жуки навозоядники (Копрофаги) слышутъ издалека запахъ навоза. Жуки могилятники (Necrophorus) за нѣсколько верстъ слышатъ запахъ трупа. То же самое должно сказать о птицахъ, воронахъ и грифахъ, питающихся падалью. Пчелы привлекаются запахомъ меда съ такою силой, что дѣлаютъ нападеніе на чужой улей, если онъ обрызганъ медовою сытой. Во всѣхъ группахъ животнаго царства мы видимъ чувство обоянія, запахъ влечетъ самцовъ къ ихъ самкамъ, точно такъ же, какъ запахъ дичи привлекаетъ охотничью собаку. Всѣмъ извѣстно, какъ сильно привлекаетъ кошекъ и въ особенности котовъ запахъ валерьяны или деревяннаго масла. Многіе насѣкомые летятъ на свѣтъ, и каждый, кто хотя поверхностно наблюдалъ это явленіе, вѣроятно замѣтилъ, какъ бабочка, обжегши разъ свои крылья, тѣмъ не менѣе снова и снова летитъ на соблазняющее ее пламя,

потому что чувствуетъ сильное, неодолимое, хотя и безсознательное влеченіе къ нему. Замѣчу при этомъ, что свѣтъ, издаваемый самками многихъ насѣкомыхъ (Lampyris, Pyrophorus), издалека привлекаетъ къ нимъ ихъ самцовъ такъ же сильно, какъ магнитъ притягиваетъ желѣзо. У самцовъ бабочекъ органъ обоняніи (помѣщенный въ ихъ усикахъ) гораздо болѣе развитъ, чѣмъ у самокъ и ихъ издалека влечетъ неощутимый для насъ запахъ.

Мы незамѣтно дошли до тѣхъ неопредѣленныхъ, смутно сознаваемыхъ влеченій, которыя руководятъ и даже управляютъ движеніями индивидовъ и цѣлыхъ обществъ и которыя такъ же, если не болѣе сильно привлекаютъ, какъ и обонятельные инстинкты. Я не буду говорить о половыхъ явленіяхъ у животныхъ и человѣка. Я укажу только на тѣ скрытыя симпатіи, которыя влекутъ человѣка къ той или другой женщинѣ и вообще на тѣ явленія, которыхъ мы вовсѣ не знаемъ и которыя носятъ названія симпатій и антипатій. Оказывается, что эти симпатіи и антипатіи, если мы объективно и внимательно разсмотримъ ихъ, влекутъ человѣка во всѣхъ поступкахъ, только это влеченіе мы называемъ другимъ именемъ. Мы говоримъ, что этотъ фактъ, явленіе, поступокъ,—намъ *нравится* или не *нравится*. Одному человѣку нравится красный цвѣтъ, другому—зеленый или синій. Всѣ некультурные народы, дикари, чувствуютъ влеченіе къ яркимъ, рѣзкимъ цвѣтамъ, которые, напротивъ, отталкиваютъ своею яркостью людей цивилизованныхъ, развитыхъ. Маленькіе рачки самые обыкновенные циклопы-прыгунчики, водящіеся въ нашихъ стоячихъ водахъ, привлекаются зеленымъ цвѣтомъ. Если посадить ихъ въ стеклянную трубочку или цилиндрикъ (пробирку) и направить на нее солнечный спектръ, то они всѣ соберутся въ его зеленыхъ лучахъ. Всѣ эти влеченія или симпатіи мы можемъ назвать эстетическими, хотя въ первыхъ своихъ проявленіяхъ они не заключаютъ ничего эстетическаго и во всякомъ случаѣ это названіе ничего не объясняетъ. Оно, какъ большая часть (если не всѣ) названія, даваемыя человѣкомъ, служитъ только средствомъ чисто внѣшняго удовлетворенія нашей любознательности и исканія истины. Давъ названіе, какой-нибудь терминъ, мы успокоиваемся на немъ и думаемъ, что мы ужь разрѣшили вопросъ, который стоитъ нетронутый подъ этимъ названіемъ.

Всякій знаетъ, что подъ именемъ эстетическаго мы понимаемъ извѣстную гамму соотношеній, извѣстную гармонію, выражающуюся въ тѣхъ отношеніяхъ, которыя нравятся развитому,

воспитанному въ этомъ направленіи человѣку. Эти отношенія выражаются въ извѣстныхъ пропорціяхъ формъ, линій, контуровъ, красокъ, свѣта и тѣни, звуковъ. Но лежатъ ли эти гармоническія (эстетическія) пропорціи готовыми въ природѣ или они не болѣе какъ плодъ воспитанія нашего глаза и уха, нашего настроенія, свойства нашихъ нервовъ и т. п.? Вотъ вопросъ, который мы попытаемся разрѣшить ниже, а теперь не будемъ отвлекаться отъ нашей темы. Скажемъ только, что влеченія, которыя оказываютъ на человѣка и отчасти на животныхъ эти эстетическія пропорціи, входятъ также непремѣннымъ членомъ въ исторію развитія міра вообще и животныхъ въ частности. Положимъ вся эта „красота“ представляется чисто внѣшнею, физическою, но соединяясь съ красотой нравственною, она безспорно увеличиваетъ ее и влечетъ къ ней человѣка, какъ блестящій маякъ, зажженый среди мрака всякихъ безобразныхъ дѣлъ и влеченій.

Для насъ теперь существенно важно опредѣлить въ чемъ заключается сущность всѣхъ влеченій и гдѣ ея начало?

Въ мірѣ все начинается незамѣтно и мало-по-малу доходитъ до болѣе или менѣе сильнаго развитія—до грандіозности, величія, крѣпости и блеска. Мысленно мы не можемъ ни уловить, ни представить себѣ, гдѣ начинается граница двухъ противоположныхъ силъ, двухъ противоположныхъ явленій: распада и соединенія. Но очевидно для всякаго, что они идутъ по двумъ совершенно противуположнымъ направленіямъ. Это два антагониста. Какія причины и цѣли опредѣляютъ распадъ—мы уже видѣли. Теперь мы посмотримъ въ чемъ выражаются явленія соединенія и для какой цѣли они служатъ.

Если распадъ, раздѣленіе, диференцированіе, различеніе, наконецъ развитіе, имѣютъ такое громадное распредѣленіе въ природѣ, то точно также явленія соединенія имѣютъ не меньшее, если не большее распространеніе. Интеграція и дезинтеграція, соединеніе и распадъ,—это два самыя общія, самыя обыденныя явленія во всемъ живущемъ, организованномъ мірѣ. Въ большинствѣ случаевъ они чередуются: за явленіемъ распада слѣдуетъ явленіе соединенія и наоборотъ.

Самый простой и наглядный примѣръ этому мы можемъ видѣть въ одномъ простѣйшемъ организмѣ, въ такъ-называемомъ *шаропузычникѣ* (Magosphaera). Въ молодомъ возрастѣ этотъ организмъ является въ видѣ амёбы. Когда онъ достигаетъ полнаго роста, онъ окукопируется и множится распадомъ или дѣленіемъ.

Одна амёба дѣлится на 32 амёбы, склеенныхъ вмѣстѣ въ одинъ общій шаръ, который выходитъ вонъ изъ толстаго кокона и плаваетъ свободно, съ помощью множества рѣсницъ, покрывающихъ его поверхность. Такимъ образомъ, за распадомъ слѣдуетъ соединеніе, которое снова кончается распадомъ. Поплававъ нѣкоторое время, эта колонія снова распадается на 32 амёбы. Мерцательные волоски ихъ пропадаютъ, втягиваются внутрь, и эти организмы снова начинаютъ ползать, какъ настоящія амёбы.

Еслибъ эта шаровидная колонія не распалась, а продолжала бы существовать, то комплексъ ея 32 индивидовъ или амёбообразныхъ клѣтокъ общею работой повелъ бы ее по пути дальнѣйшей, болѣе сложной организаціи. Къ такому заключенію приводятъ насъ всѣ такъ-называемые *многокльточные* организмы, которые составляютъ по крайней мѣрѣ $^{5}/_{6}$ всего животнаго царства. Выработка многоклѣточныхъ тканей, сложныхъ системъ органовъ, разнообразныхъ аппаратовъ и механизмовъ, все совершилось здѣсь вслѣдствіе *многокльточности*, вслѣдствіе того, что при этихъ осложненіяхъ работала не одна клѣтка, не одинъ одноклѣточный организмъ, но цѣлая масса клѣтокъ, связанныхъ ассоціаціей въ одно, дружное, цѣльное общество. И здѣсь является первая выгода и первая необходимость соединенія. Viribus unitis magis! Соединенными силами можно больше сдѣлать, чѣмъ силой одиночнаго организма. Этотъ принципъ мы находимъ вездѣ, во всей живой органической природѣ. Гигантскія растенія, огромныя деревья выработались ассоціированною силой. Каждое представляетъ общество, состоящее изъ нѣсколькихъ милліоновъ, можетъ-быть милліардовъ клѣтокъ, соединенныхъ общею связью и цѣлью. Въ мірѣ животныхъ мы встрѣчаемъ такія общества во всѣхъ классахъ, начиная съ губокъ до человѣка, и мы не можемъ представить себѣ, чтобы могло быть иначе, чтобы могли возникнуть всѣ разнообразныя формы растеній и животныхъ, еслибы въ природѣ не дѣйствовалъ принципъ ассоціаціи. Почти съ самыхъ первыхъ шаговъ животной жизни, съ корненожекъ, начинается это великое дѣло *соединенія*, образованія ассоціированныхъ обществъ. Мы уже видѣли, какъ вырабатывается оно въ силу выработки большей связности, протоплазмы. Новые организмы не могутъ отдѣлиться отъ старыхъ; у нихъ нѣтъ настолько отдѣляющей силы, чтобъ оторваться отъ семьи произведшихъ ихъ корненожекъ. И благо, что

они не могутъ оторваться и будутъ вести жизнь цѣлымъ обществомъ, будутъ жить вмѣстѣ и трудиться цѣлою ассоціаціей.

Общество зарождается какъ бы само собою. Въ его первоначальныхъ шагахъ не лежитъ той великой цѣли, которая является затѣмъ такъ же какъ бы сама собою и даетъ такую громадную силу образованію и развитію всѣхъ группъ животнаго царства. Но въ природѣ все развивается какъ бы само собою. Все начинается незамѣтно въ силу существенной, прямой необходимости и развивается и крѣпнетъ, какъ могучее орудіе, какъ великая сила, которою совершается прогрессивное дѣло развитія.

На первыхъ шагахъ молодое, только-что явившееся общество не могло ни сознавать, ни дѣйствовать для той великой цѣли, къ которой развитіе привело его затѣмъ чрезъ громадные періоды лѣтъ, чрезъ цѣлый длинный рядъ разныхъ морфологическихъ измѣненій, разносторонностей группъ животнаго и растительнаго царства. Сначала это была просто побѣда силы соединяющей надъ силой раздѣляющею, побѣда соединенія надъ распадомъ; и мы видѣли въ обществахъ корненожекъ, до какихъ уродливыхъ явленій можетъ довести этотъ путь безграничнаго соединенія. Природа какъ бы показываетъ на каждомъ шагу всю непрактичность и вредъ всякихъ крайностей. Крайній распадъ и крайнее соединеніе все равно вредны и непрактичны и все должно совершаться своевременно и въ мѣру.

Первоначальныя общества корненожекъ доходятъ до такихъ уродливыхъ образованій, какъ орбитулиты, въ которыхъ крайніе, окружные индивиды (камеры) отнимаютъ и свѣтъ, и воздухъ, и пищу отъ ихъ центральныхъ собратій. Въ этомъ явленіи уже кроется одна изъ причинъ принудительнаго распада общества. Цѣлая колонія производитъ одиночныхъ дѣтокъ, которыя должны идти по стопамъ ихъ предковъ и образовать такія же общества, къ которымъ принадлежали они сами. Но между ними находятся болѣе энергичные, которые съумѣли болѣе сплотиться и образовать колоніи, въ которыхъ индивиды, располагающіеся на окружности, не стѣсняютъ своихъ центральныхъ собратій. Раковины такихъ колоній проиграли въ числѣ членовъ, ихъ составляющихъ, за то эти члены выиграли въ удобствахъ жизни. Есть и такія формы общественныхъ, сложныхъ корненожекъ, крайніе члены которыхъ существуютъ только до извѣстнаго возраста въ общей колоніи, а затѣмъ оставляютъ ее и живутъ одиночною и самостоятельною жизнью.

Такимъ образомъ распадъ въ этихъ случаяхъ представляетъ какъ бы поправку къ единенію, къ слишкомъ уродливой общественной жизни.

Я полагаю, всего сказаннаго вполнѣ достаточно, чтобы познакомиться, разумѣется въ самомъ бѣгломъ поверхностномъ очеркѣ, съ явленіями распада въ царствѣ животныхъ. Теперь мы обратимся къ явленіямъ соединенія, интеграціи, начиная съ ихъ самыхъ простыхъ, безсознательныхъ формъ и восходя къ самымъ высшимъ. Но прежде сдѣлаемъ общіе выводы изо всего сказаннаго.

1) Распадъ есть явленіе космическое, если мы подведемъ подъ его категорію законы эволюціонизма, усложненія явленій, которыя въ большинствѣ случаевъ обнаруживаются въ видѣ простаго распада одного уже существовавшаго явленія на два новыя.

2) Въ мірѣ біологическомъ распадъ выражается ближайшимъ образомъ въ размноженіи организмовъ, причемъ каждый организмъ въ силу необходимости стремится занять бо́льшую площадь на земной поверхности.

3) Непосредственная цѣль распада увеличить поверхность каждаго организма для того, чтобы дать больше точекъ соприкосновенія съ внѣшнимъ міромъ, съ его дѣятелями, возбудителями и тѣмъ самымъ, съ одной стороны, побудить его къ болѣе энергичной дѣятельности, послѣдствіемъ которой будетъ большее развитіе силы—энергіи, а съ другой—воспитать новыя ощущенія.

4) Распадъ и единеніе—два явленія, противоположныя другъ другу по самой сущности ихъ дѣйствія. Но уловить границу, гдѣ кончается дѣйствіе одного и начинается дѣйствіе другаго изъ этихъ дѣятелей—невозможно. Въ явленіяхъ двойниковъ мы видимъ до извѣстной степени побѣду силы единенія надъ силой распада. Но въ чемъ лежитъ сущность того и другаго—опредѣлить въ настоящее время невозможно.

II.

Періодичность физіологическихъ и біологическихъ явленій и процессовъ.— Періодичность въ явленіяхъ общественной и одиночной жизни. — Явленія распада и единенія.—Циклопы, мокрицы, Praniza, Phronima, Laegia, рѣчные раки, интеграціи у краббовъ. — Интеграція, какъ семейная связь.— Echinaster Sarsii. — Постройка раковины дѣтеныша у прѣсноводныхъ корненожекъ. — Цѣльность связывающаго чувства. — Le Tout—Кювье. — Переходъ безсознательнаго чувства и движенія въ сознательное и наоборотъ.—Полевые тарантулы, ихъ упорная привязанность къ коконамъ съ яицами. — Выработка матеріала для постройки гнѣздъ.—Гнѣзда червей и моллюсокъ.

Въ началѣ этой главы я укажу на одно общее біологическое или физіологическое явленіе, которое входитъ обязательнымъ закономъ и въ явленія распада и въ явленія соединенія.

Всякое ощущеніе, испытываемое человѣкомъ или животнымъ, не можетъ быть сплошнымъ, безъ перерыва и постояннымъ. Нервы устроены такимъ образомъ, что за періодомъ возбужденія долженъ слѣдовать періодъ отдыха или покоя. Въ противномъ случаѣ нервы перестаютъ возбуждаться и всякое ощущеніе пропадаетъ. Здѣсь, въ этомъ свойствѣ нервовъ можетъ быть скрыта необходимость періодическихъ явленій, скрыта причина, почему за дѣятельностью дневной слѣдуетъ ночной сонъ и отдыхъ; за долгою дѣятельностью лѣта слѣдуетъ зимній отдыхъ.

Въ размноженіи животныхъ мы точно также встрѣчаемся съ періодичностью. Въ глистахъ плоскихъ мы, напримѣръ, видѣли двѣ фазы, двѣ смѣны жизни. За дѣятельнымъ состояніемъ, во время котораго паразитный червь свободно, быстро плаваетъ, отыскивая будущаго хозяина, слѣдуетъ фаза покоющаяся, во время которой изъ пищи, которую червь поглощаетъ въ громадномъ количествѣ, образуется также громадное количество индивидовъ новаго поколѣнія. Здѣсь интеграція и дезинтеграція взаимно чередуются. Цѣльный организмъ распадается на множество новообразованій, индивидовъ, которые образуются внутри его тѣла.

То же самое или весьма сходное мы видимъ въ явленіяхъ общественной и одиночной жизни. За явленіями усиленной общественной дѣятельности слѣдуетъ распадъ, разъединеніе цѣлаго общества и разложеніе его на отдѣльные индивиды. Это явленіе

въ особенности рѣзко бросается въ глаза въ обществахъ насѣкомыхъ, между которыми перепончато-крылыхъ раздѣляютъ (Соссюръ) на собирающихся во временныя (лѣтнія) и постоянныя общества. У многихъ животныхъ позвоночныхъ и безпозвоночныхъ замѣчено, что связь общественная слабѣетъ къ осени, послѣ того, какъ они совершатъ общими соединенными силами то для чего они собирались. Индивиды такихъ обществъ, въ особенности самки, дѣлаются піонерами новыхъ колоній. Онѣ, какъ бы чувствуютъ, что соединявшая ихъ общественная связь порвана, и откочевываютъ, въ какомъ-нибудь направленіи, на новыя, еще неизвѣданныя, мѣстности.

У животныхъ правильно, каждогодно переселяющихся, какъ напримѣръ, перелетныя птицы, мы видимъ обратное явленіе. Мы видимъ, что они, напротивъ, въ нашихъ странахъ осенью собираются въ болѣе тѣсныя общества для того, чтобы совершать вмѣстѣ цѣлою, организованною стаей свои далекіе перелеты.

Останавливаясь на этихъ временно соединенныхъ обществахъ или связанныхъ на всю жизнь какою-нибудь общею морфологическою связью,—какъ, напримѣръ, общества полиповъ, связанныхъ общимъ полипнякомъ,—невольно задумываешься надъ вопросомъ: что здѣсь крѣпче, сильнѣе связываетъ общество: связь ли матеріальная или психическая? Такой вопросъ съ перваго взгляда кажется совершенно празднымъ. Дѣйствительно: развѣ можетъ выдержать какое-нибудь сравненіе связь матеріальная съ нематеріальною. Но не должно никогда забывать, что человѣкъ принимаетъ очень часто, чтобы не сказать всегда, кажущееся за реальное, и часто проходитъ мимо реальнаго, не обращая на него вниманія и не замѣчая его. Какой-нибудь общій стебель, связывающій всѣхъ индивидовъ, гидроидовъ, полиповъ и мшанокъ, является очевидною связью, которую мы можемъ только насильственно или искусственно разорвать,—но каждый, кто наблюдалъ у животныхъ ту связь, которая существуетъ между матерью, самкой и ея дѣтьми, также пришелъ къ заключенію, что эта связь настолько же крѣпка и даже крѣпче, чѣмъ связь матеріальная. Эта связь возникаетъ такъ же свободно, какъ и все въ природѣ. Возникаетъ изъ общихъ біологическихъ и морфологическихъ явленій. Она является какъ антитезъ, какъ противуположность явленіямъ распада.

Мы видѣли, что этотъ распадъ выражается очень рѣзко въ явленіяхъ размноженія, при которомъ нерѣдко у низшихъ формъ

весь организмъ распадается на множество новыхъ индивидовъ. Такой распадъ мы видѣли у многихъ элементарныхъ организмовъ, напримѣръ, у грегаринъ. Послѣ такъ-называемой коньюгаціи,—то-есть сліянія двухъ индивидовъ, и энцистированія ихъ (одѣванія толстою оболочкой)—весь организмъ здѣсь распадается мало-по-малу на множество зародышей. Но чѣмъ выше мы поднимаемся по лѣстницѣ животнаго царства, тѣмъ болѣе и болѣе уничтожается этотъ распадъ. Для него отводится въ организмѣ опредѣленное мѣсто—область половыхъ органовъ. Только внутри ихъ совершается эта дезинтеграція и притомъ все въ меньшей и въ меньшей степени. У животныхъ хищныхъ содержимое половыхъ органовъ меньше подвергается этому распаду, чѣмъ у животныхъ травоядныхъ. Всѣмъ извѣстно, какъ сильно плодовиты грызуны: мыши, бѣлки, зайцы, крысы и проч., и какъ мало плодовиты медвѣди, волки, тигры. Въ особенности это рѣзко замѣтно у птицъ, если мы сравнимъ число яицъ, которыя несетъ перепелка или куропатка (30) съ числомъ яицъ какого-нибудь хищника (2—4), напримѣръ, орла, сокола, ястреба и проч. и проч. Здѣсь степень распада опредѣляется ближайшимъ образомъ усиленными движеніями, которыя долженъ дѣлать каждый хищникъ.—усиленнымъ полетомъ, бѣгомъ, скачками,—для того, чтобъ овладѣть своею добычей. Для травоядниковъ этого не нужно, или почти не нужно. Здѣсь сильный бѣгъ необходимъ только, какъ средство избѣжать преслѣдованія хищника. Притомъ растительная пища менѣе питательна, то-есть она доставляетъ меньше матеріала для распада—для образованія яицъ или сперматозоидовъ.

Человѣкомъ заканчивается царство животныхъ, и мы видимъ, что онъ подвергается меньше всего распаду. Другими словами, всѣ части его тѣла крѣпко связаны въ одинъ цѣлостный организмъ. Каждогодно (въ девять мѣсяцевъ) онъ можетъ отдѣлять отъ него только одинъ, рѣдко два и очень, очень рѣдко три новые индивида.

Разсматривая какимъ образомъ происходитъ этотъ распадъ—это отдѣленіе новыхъ организмовъ, индивидовъ отъ стараго, мы видимъ здѣсь различные случаи и степени. Мы видимъ, что у большей части простѣйшихъ животныхъ яица сносятся матерью и оставляются ею безо всякаго попеченія. Но у раковъ мы видимъ уже заботу организма о томъ, чтобы сохранить его будущее поколѣніе. Здѣсь мы видимъ какъ бы колебаніе между отдѣленіемъ и соединеніемъ, между распадомъ и единеніемъ (интегра-

ціей). Самки нашихъ прѣсноводныхъ, маленькихъ рачковъ, о которыхъ мы уже не разъ говорили, такъ-называемые циклопы, вырабатываютъ въ конечной, ближайшей къ выходу, трубкѣ ихъ половаго аппарата клейкое вещество, которое склеиваетъ всѣ сносимыя ими яица и не дозволяетъ имъ отдѣлиться отъ тѣла матери. Они носятъ эти яица съ собой въ видѣ одной или двухъ овальныхъ массъ, прикрѣпленныхъ къ основанію ихъ хвостообразнаго придатка. Если мы перейдемъ къ другой группѣ нашихъ прѣсноводныхъ рачковъ, къ такъ-называемымъ листоногимъ, жаброногимъ ракамъ (Phyllopoda) или къ такъ-называемымъ водянымъ блохамъ, какъ зоветъ ихъ нашъ народъ, то увидимъ, что у нихъ уже выработалось подъ ихъ раковиной на спинѣ особенное помѣщеніе „гнѣздовикъ“ (Brutraum), куда самки сносятъ свои яица и тамъ такія яица лежатъ до тѣхъ поръ, пока изъ нихъ не разовьются маленькія дѣтки. У Evadne, маленькаго морскаго и прѣсноводнаго рачка – этотъ гнѣздовикъ достигаетъ такого сильнаго развитія, что все тѣло рачка составляетъ какъ бы придатокъ къ нему.

Переходя отъ этихъ мелкихъ рачковъ къ другимъ ракообразнымъ, къ нашимъ мокрицамъ (Oniscidae), мы видимъ, что ихъ гнѣздовикъ перемѣнилъ положеніе. Вмѣсто помѣщенія на спинѣ, онъ лежитъ подъ грудью и довольно хитро устроенъ. Онъ состоитъ изъ пяти паръ большихъ пластинокъ, которыя, прикрывая яица, заходятъ другъ на друга. Каждая пластинка снабжена рессорой или пружиной, которая придаетъ ей особенную крѣпость и упругость, а въ задней своей половинѣ она несетъ мягкій слой жиру, подушку, которая уменьшаетъ давленіе этой пружины и вмѣстѣ съ тѣмъ предохраняетъ яица ото всѣхъ случайныхъ поврежденій.

Такой гнѣздовикъ сильно напоминаетъ тѣ чемоданы, въ которыхъ прежде возили, а можетъ-быть и теперь возятъ въ провинціяхъ почтовую корреспонденцію. Самаго сильнаго развитія достигаетъ этотъ чемоданъ у высшихъ членовъ группы равноногихъ раковъ (Isopoda), къ которой принадлежатъ наши мокрицы. У маленькихъ рачковъ, такъ-называемыхъ праницъ (Praniza), самка представляетъ буквально плавающій чемоданъ, биткомъ набитый яицами. Всѣ другія части тѣла составляютъ какъ бы придатки къ такому гнѣздовику и служатъ для его цѣлей, то-есть для вывода маленькихъ изъ яицъ, которыми онъ переполненъ. Все тѣло рачка, вся его грудь представляется въ видѣ плоскаго свода,

подъ которымъ лежатъ эти яица. На маленькой головѣ, снизу, помѣщаются придатки, служащіе для дыханія, окисленія крови, быстро вибрирующіе и постоянно прогоняющіе свѣжую воду къ яицамъ въ гнѣздовикѣ, которыя также сильно нуждаются для ихъ развитія въ дѣйствіи кислорода воздуха, растворенпаго въ морской водѣ. Сзади тѣла мы видимъ другой дыхательный аппаратъ, пять паръ пластинокъ, которыя служатъ для плаванія рачка, дѣйствуютъ какъ весла и вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно прогоняютъ воду, которая омываетъ яица въ гнѣздовикѣ.

Очень странное приспособленіе къ выплаживанью маленькихъ представляютъ намъ самки другихъ рачковъ изъ рода фронимы (Phronima). Совершенно прозрачныя, они устраиваютъ себѣ также прозрачный домикъ, въ которомъ плаваютъ по морю. Этотъ домикъ имѣетъ форму боченка и выдѣлывается рачкомъ изъ толстаго покрова морскихъ плавающихъ животныхъ, извѣстныхъ подъ именемъ „сальпъ“. Рачекъ съѣдаетъ всѣ внутренности животнаго, влѣзаетъ въ его покровъ, какъ Діогенъ въ бочку, и придерживая его сильно развитыми клешнями одной изъ заднихъ паръ ногъ, быстро носится по морю, изо всѣхъ силъ работая при этомъ маленькими плавничками, сидящими на его хвостѣ Такія самки точно такъ же, какъ и всѣ равноногіе раки, носятъ свои яица на груди, въ небольшомъ чемоданчикѣ (гнѣздовикѣ), и выклюнувшіеся изъ нихъ маленькіе довольно долгое время плаваютъ въ боченкѣ подъ охраной матери. Онѣ собираются обыкновенно въ одномъ мѣстѣ въ видѣ кучки, на одной изъ стѣнокъ прозрачнаго боченочка и крѣпко держатся всѣ вмѣстѣ. И вѣроятно здѣсь въ первый разъ проявляется сила той общественной связи, которая затѣмъ развивается, пріобрѣтаетъ организацію, соединяетъ съ такою крѣпостью общество насѣкомыхъ и приводитъ ихъ къ очень сложнымъ психическимъ явленіямъ.

У нашихъ мокрицъ мы можемъ только замѣтить эту первую ступень общественной связи. Онѣ обыкновенно собираются вмѣстѣ и спятъ или отдыхаютъ общими кучками. У другаго рачка изъ того же отряда равноногихъ, у Laegia Brandtii,—которая въ изобиліи водится на камняхъ Гурзуфскаго залива, у насъ въ Крыму,—мы видимъ очень странную повадку, не только собираться въ общества во время отдыха, но и ходить цѣлымъ обществомъ, слѣдуя гуськомъ, другъ за другомъ.

Самка нашего рѣчнаго рака употребляетъ вмѣсто гнѣздовика свой расширенный, сильно развитой хвостъ. Этотъ хвостъ съ

нижней стороны вогнутъ. Онъ представляетъ широкій и глубокій опрокинутый желобъ, на которомъ сидятъ усовидные короткіе придатки, такъ-называемыя ложныя ножки. И вотъ эти-то ножки служатъ самкѣ для помещенія на нихъ ея икринокъ. Предъ снесеніемъ яицъ она удаляется въ какое-нибудь укромное мѣстечко на днѣ рѣки, пруда или озера, въ какую-нибудь ямку или, за неимѣніемъ ея, просто зарывается въ илъ, въ песокъ, и подогнувъ хвостъ подъ грудь остается неподвижною нѣсколько недѣль. Вслѣдствіе этого подгибанія желобкообразный хвостъ ея превращается въ глухой мѣшокъ, въ который она сноситъ свои яица и вмѣстѣ съ тѣмъ выпускаетъ въ изобиліи особенное клейкое прозрачное вещество, которое твердѣетъ отъ дѣйствія воды и приклеиваетъ яица къ ложнымъ ножкамъ. Когда вся эта исторія кончится, то голодная затворница, послѣ долгаго утомительнаго поста выходитъ изъ своего темнаго заключенія на просторъ воды и свѣта. Теперь она можетъ энергично, свободно дѣйствовать хвостомъ, сгибать и разгибать его, не боясь потерять свою драгоцѣнную ношу. Въ случаѣ же если какая-нибудь опасность угрожаетъ ея будущему поколѣнію—она тотчасъ же сгибаетъ хвостъ и всѣ ея икринки оказываются въ надежномъ помѣщеніи, защищенныя крѣпкими твердыми покровами хвоста. Она носитъ ихъ съ собою болѣе двухъ недѣль, то-есть до тѣхъ поръ пока маленькіе рачки не выдутъ изъ икринокъ и не окрѣпнутъ настолько, чтобы вести самостоятельную жизнь.

Разсматривая положеніе гнѣздовика въ цѣломъ классѣ ракообразныхъ, мы видимъ, что сначала у нашихъ мелкихъ, прыгающихъ рачковъ (Сорерода) онъ замѣняется клейкою жидкостью, которая всѣ яица склеиваетъ вмѣстѣ и приклеиваетъ ихъ къ основанію хвоста. Затѣмъ у „водяныхъ блохъ“ является настоящая „гнѣздовая камера“, помѣщенная на спинѣ. Далѣе у равноногихъ раковъ, у мокрицъ и т. п. эта камера переносится на грудь, достигаетъ громаднаго развитія, такъ что занимаетъ у праницъ большую часть тѣла. Наконецъ, у высшихъ (десятиногихъ) раковъ она снова исчезаетъ и яица переносятся на хвостъ, къ которому они приклеиваются такъ, какъ они прикрѣплялись у циклоповъ. Но указывая на это, я долженъ замѣтить, что та вѣтвь класса ракообразныхъ, на которой развились равноногіе, жила и развивалась независимо отъ той вѣтви, на которой явились циклопы, водяныя блохи и десятиногіе раки, въ томъ числѣ и нашъ рѣчной ракъ.

Если мы посмотримъ теперь на всѣ группы класса ракообразныхъ, включивъ сюда и самую высшую группу краббовъ или такъ-называемыхъ короткохвостыхъ раковъ, то мы увидимъ, вопервыхъ, что яица этихъ послѣднихъ лежатъ подъ грудью, къ которой постоянно прижимается ихъ короткій хвостъ. Затѣмъ мы увидимъ, что самый хвостъ представляетъ нѣчто въ родѣ ложечки или совка, въ которомъ яица лежатъ прикрытыми со всѣхъ сторонъ, какъ въ замкнутомъ пространствѣ гнѣздовика. При этомъ малѣйшаго движенія такого хвоста достаточно для того, чтобъ обновить воду омывающую прикрѣпленныя къ нему яица и такъ-сказать ополоскать ихъ въ свѣжей водѣ, болѣе богатой воздухомъ, необходимымъ для ихъ развитія.

Но сравнивая всѣ группы ракообразныхъ, мы встрѣтимся еще съ однимъ поучительнымъ явленіемъ интеграціи. Мы увидимъ, что всѣ органы тѣла этихъ животныхъ постоянно стремятся къ централизаціи, къ болѣе тѣсному соединенію между собою. Здѣсь всего нагляднѣе проявляется роковой законъ интеграціи, законъ не думающій объ индивидуальности и совершенно пренебрегающій ею. Такое жестокое слѣдствіе этого закона намъ становится вполнѣ яснымъ въ уродливой организаціи одного рачка, который водится въ нѣкоторыхъ прѣсноводныхъ озерахъ Россіи. Это *Leptodera hyalina* (стройнотѣлка прозрачная) самый крупный (4 милл. длины) представитель изо всей группы водяныхъ блохъ (Cladocera). Пять паръ ногъ этого рачка всѣ собраны на небольшомъ пространствѣ груди и всѣ не только не служатъ ему ни для какой цѣли, но даже мѣшаютъ его движенію. При первомъ взглядѣ на этого рачка, при взглядѣ на его громадно развитые усики,—плавники, можно подумать, что онъ удивительно быстро и далеко прыгаетъ въ водѣ, а между тѣмъ при каждомъ взмахѣ этихъ гигантскихъ усиковъ и толчкѣ впередъ, поступательному движенію мѣшаютъ его ноги, которыя торчатъ впередъ, какъ жесткая упругая щетка, и отталкиваютъ все тѣло назадъ.

У высшихъ короткохвостыхъ раковъ централизація достигаетъ полнаго развитія и не имѣетъ такого уродливаго характера. Это бросается въ глаза въ наружной организаціи при сопоставленіи нашего рѣчнаго рака или морскаго гомара съ какимъ-нибудь короткохвостымъ краббомъ. Тогда какъ нашъ ракъ имѣетъ длинное вытянутое тѣло, у краба это тѣло расширено и сильно укорочено. Вскрывъ его, мы увидимъ, что всѣ его органы тѣсно сближены

между собою, а всѣ четыре нервные узла, такъ-называемой, брюшной цѣпи слились въ одинъ громадный узелъ. Въ такой централизаціи нельзя не видѣть закона единенія, сплоченія, интеграціи, закона, который, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, составляетъ одну всесоединяющую связь во всѣхъ явленіяхъ животнаго царства.

Этотъ законъ ясно выражается въ единеніи силъ, въ общественной связи животныхъ. Онъ выражается въ двойникахъ, сросткахъ, въ сборныхъ организмахъ, во всѣхъ многоклѣточныхъ организмахъ, которые въ сущности представляются комкомъ многихъ одиночныхъ клѣтокъ.

Мы могли бы произвести его прямо и просто изъ органически и морфологически возникающей связи клѣтокъ и органовъ. Но рядомъ съ этою связью развивается и другое соединяющее начало. Это начало, которое мы называемъ эмоціей, семейною привязанностью или привязанностью самки къ ея дѣтямъ, къ ея поколѣнію—эта родственная связь существуетъ помимо морфологическихъ или физіологическихъ явленій, и одно изъ главныхъ тому доказательствъ можно видѣть въ томъ, что эта привязанность является такъ сказать спорадически, какъ бы случайно у какого-нибудь родоваго и даже видоваго типа.

Между морскими звѣздами существуетъ одна звѣзда, водящаяся въ сѣверныхъ моряхъ и, между прочимъ, и въ Бѣломъ Морѣ—это *Echinaster Sarsii*. Хотя къ этому роду принадлежитъ много видовъ, но только у одного этого вида самка высиживаетъ свои яица. Предъ несеніемъ ихъ она прочно присасывается къ какому-нибудь подводному предмету и при этомъ приподнимается на всѣхъ своихъ пяти лучахъ. Вслѣдствіе этого съ нижней стороны тѣла, подъ ротовымъ отверстіемъ образуется пустое пространство. И въ это сравнительно небольшое пространство она сноситъ свои крупныя яица. Она сидитъ на нихъ не только все время, въ которое развиваются въ нихъ гусеницы, но даже до тѣхъ поръ пока изъ этихъ гусеницъ начинаютъ образовываться звѣзды. Надо замѣтить при этомъ, что всѣ такія гусеницы лишены органовъ быстраго перемѣщенія. Хотя все тѣло ихъ покрыто мерцательными волосками, но эти волоски до того мелки, тонки и нѣжны, что никакъ не могутъ передвигать ихъ сравнительно массивное тѣло. Тѣ же колбовидные придатки, присоски, которые она имѣетъ на переднемъ концѣ тѣла, могутъ только удерживать это тѣло, прикрѣпляя его къ одному мѣсту.

Мнѣ самому удалось наблюдать это явленіе, хотя не въ самомъ началѣ и не при естественныхъ ненарушенныхъ, нетронутыхъ условіяхъ. Звѣзда была вытащена драгой, вмѣстѣ съ иломъ, камнями и разными животными. Съ перваго раза, когда я положилъ ее въ свѣжую, чистую воду, она поражала своимъ неестественнымъ уродливымъ видомъ и неподвижностью своихъ лучей. Она вся была перегнута пополамъ, а нѣкоторые изъ ея лучей были прижаты другъ къ другу. Всматриваясь въ ея положеніе, я замѣтилъ, что она старалась прикрыть ротовую часть своими лучами и что между этими лучами, около рта, были гусеницы. Очевидно звѣзда была помята, придавлена, но несмотря на это она все-таки скрывала своихъ дѣтей и не разжимала своихъ лучей, какъ бы боясь выпустить этихъ дѣтей изъ своихъ объятій.

Можно искать материнскаго чувства въ строеніи нервной системы, въ строеніи ея узловъ, центровъ или въ системѣ иннервирующей сердце. Но у звѣздъ нѣтъ ни того, ни другаго. Онѣ не имѣютъ центральной нервной системы, если не считать за таковую маленькихъ глазныхъ узелковъ на концахъ лучей, а органъ, принимавшійся здѣсь прежде за сердце, теперь почти всѣми зоологами признается за органъ выдѣленія. Притомъ наблюденія надъ высшими животными намъ ровно ничего не говорятъ о томъ, гдѣ скрыто чувство привязанности матери къ дѣтямъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, это чувство не нуждается ни въ какомъ органѣ. Можетъ-быть оно скрывается въ моллекулахъ протоплазмы. По крайней мѣрѣ, допустивъ эту гипотезу, мы можемъ объяснить себѣ почему и какъ строитъ какая-нибудь корненожка сложную или сборную раковину своему будущему дѣтенышу, какъ собираетъ и тщательно выбираетъ она матеріалъ для этой раковины изъ приготовленныхъ для этой цѣли микроскопическихъ песчинокъ или вырабатываетъ его въ собственномъ тѣлѣ. Тамъ гдѣ дѣло касается механическихъ отправленій органовъ, тамъ для насъ все, или почти все ясно и открыто. Тамъ гдѣ дѣло касается химическихъ функцій, тамъ мы можемъ если не все, то очень многое объяснить. Но тамъ, гдѣ дѣло касается психизма и его связи съ матеріей, тамъ наши объясненія становятся гипотетическими, и мы не имѣемъ почти никакихъ средствъ ихъ провѣрить. Мы можемъ здѣсь только опредѣлить, и то далеко не всегда, связано ли это чувство или не связано съ функціями нервныхъ центровъ. Другими словами:

сознательно оно или безсознательно, инстинктивно, то-есть не подлежитъ анализу разсудка.

Бо́льшую часть работъ низшихъ животныхъ, — напримѣръ, постройку гнѣздъ, — мы можемъ отнести къ типу безсознательныхъ функцій или такъ-называемыхъ инстинктовъ. И развитіе этого инстинктивнаго, безсознательнаго чувства начинается и лежитъ всею своею сущностью не въ строеніи нервной системы, не въ организаціи узловъ, мозга и нервовъ, а во всемъ складѣ организма, во всѣхъ его моллекулахъ. Оно идетъ за предѣлы химическаго строенія, хотя и проявляется всего яснѣе въ химическомъ сродствѣ,—оно лежитъ за предѣлами частичнаго дѣленія на моллекулы или атомы, за предѣлами распада. Оно составляетъ одну изъ единицъ той громадной силы чувства, сущности того, что̀ такъ образно геніальный Кювье называлъ *всѣмъ* (le Tout). Это явленіе цѣльное, великое—явленіе вѣчнаго и безконечнаго синтеза. Но мы, конечные въ нашихъ стремленіяхъ чувствъ и мыслей, мы, разумѣется, не можемъ обнять во всей его цѣлости и, постигая его—нашимъ ограниченнымъ, связаннымъ матеріальнымъ міромъ—разсудкомъ, мы только переводимъ его явленія на понятный намъ языкъ, мы принижаемъ ихъ до нашего разсудочнаго анализа, до нашего постиженія.

Все, каждая фаза явленія начинается съ безсознательнаго влеченія къ добру или ко злу — и мало-по-малу приспособляется, принаравливается къ организаціи и отправленію нашихъ разсудочныхъ центровъ. Давно уже извѣстно и подмѣчено, что безсознательныя чувства, нетронутыя разсудкомъ, являются болѣе сильными и цѣльными. Холодный разсудочный анализъ портитъ ихъ силу. Но развиваясь, она должна перейти разсудочную сознательную фазу. Если мы возьмемъ какое угодно мышечное движеніе, отправленіе какого-нибудь органа движущагося мышцами, то мы видимъ, что мы первоначально направляли на него и наше сознаніе, и нашу волю, и нашъ анализъ. Когда же упражненіе развило его, тогда оно невольно само собою переходитъ въ область безсознательнаго, въ область инстинкта. Акробатъ изучившій искусство ходить по канату—ходитъ по немъ инстинктивно, и еслибъ онъ хотя на одно неуловимое мгновеніе обратился къ механикѣ своего разсудка, во время этого хожденія, то навѣрное онъ очутился бы на землѣ. Инстинктивность его движеній тотчасъ же исчезла бы, и онъ былъ бы не въ состояніи найдти ее снова. То же самое совершается въ мускульныхъ и

первныхъ движеніяхъ (функціяхъ) какого-нибудь артиста-виртуоза. Чѣмъ сильнѣе онъ отдается чувству во время своей игры, тѣмъ инстинктивнѣе, если можно такъ выразиться, становятся его манипуляціи и тѣмъ искуснѣе, поразительнѣе становится его игра. Она идетъ какъ бы сама собою, управляется чѣмъ-то болѣе сильнымъ и плодотворнымъ, чѣмъ его нервы и мышцы, и весь его механическій организмъ.

Но изо всѣхъ такихъ руководящихъ и управляющихъ чувствъ безспорно самымъ сильнымъ, энергичнымъ является то чувство единенія, стремленія слиться въ одно великое цѣлое (le Tout), которое мы привыкли называть *любовью*. Это чувство не только руководитъ, но и управляетъ организмомъ. Оно можетъ дѣйствовать на его нервную, мышечную и на всѣ другія системы органовъ. Оно можетъ быть сознательнымъ или безсознательнымъ, но оно гораздо сильнѣе и повелительнѣе, гораздо могучее, когда оно дѣйствуетъ какъ слѣпая страсть или какъ падающій камень. Оно можетъ и не нести всѣхъ тѣхъ признаковъ, которые мы соединяемъ съ любовью. Оно можетъ проявляться въ грубомъ прямолинейномъ стремленіи, но оно можетъ быть при этомъ еще могучее и повелительнѣе.

Вотъ это-то чувство и проявляется въ корненожкѣ, приготовляющей раковинку для своихъ будущей дѣтки, въ морской звѣздѣ, обхватывающей своими лучами (которые нѣмецкіе натуралисты называютъ *руками)* своихъ маленькихъ дѣтокъ. Оно проявляется въ крохотномъ рачкѣ, циклопѣ, который не можетъ отдалить своихъ яицъ отъ своего тѣла и только тогда спокоенъ и уравновѣшенъ, когда эти яйца остаются при немъ, во время его движеній. То же чувство выражается въ постройкѣ гнѣздовика у всѣхъ ракообразныхъ. Мы видимъ, что бо́льшая часть тѣла ихъ распадается на яйца и ихъ гнѣздовикъ составляетъ его главную массу, такъ что всѣ другіе органы служатъ какъ бы придатками къ нему. Въ особенности это мы видимъ у Evadne.

Каждый, полагаю, убѣжденъ въ силѣ этого чувства. Но вотъ нѣсколько поразительныхъ примѣровъ этой силы. Бродячіе пауки, къ которымъ принадлежатъ виды нашихъ обыкновенныхъ полевыхъ тарантуловъ, сносятъ свои яйца въ особенный мѣшокъ—коконъ, устраиваемый ими изъ паутины. Они носятъ этотъ коконъ постоянно съ собой—прикрѣпивъ его къ ихъ паутиннымъ бородавкамъ, которыми оканчиваются назади ихъ тѣла. Этотъ коконъ они защищаютъ съ удивительнымъ мужествомъ, не обращая

вниманія на врага и нисколько не разсчитывая на неравенство силъ. Если вы отдѣлите этотъ коконъ отъ паутинныхъ бородавокъ, то самка бросится на него, схватитъ его крючками челюстей и убѣжитъ съ нимъ. Если вы остановите ее, то она ни за что не броситъ его и будетъ всѣми силами и способами стараться снова овладѣть имъ. Я дѣлалъ такой опытъ. Я продѣвалъ сквозь этотъ коконъ длинную нитку и привѣшивалъ его на этой ниткѣ къ створкѣ окна. Самка не покидала этого кокона. Она сидѣла на немъ и не бросала его, несмотря на то, что вѣтеръ качалъ ее во всѣ стороны.

Отъ этого факта уже недалеко до той инстинктивной привязанности, которая дѣйствуетъ совершенно слѣпо, безсознательно въ привязанности матери къ будущему поколѣнію, которое она никогда не увидитъ. Самка очень обыкновенной и очень вредной ночной бабочки *Liparis dispar*,—гусеница которой, размножаясь иногда въ громадномъ количествѣ, совершенно обнажаетъ наши лиственные лѣса (преимущественно дубовые),—кладетъ свои яйца на стволахъ деревьевъ, въ трещинахъ коры, не высоко отъ земли. Инстинктивно она кладетъ ихъ на той высотѣ, до которой доходитъ снѣгъ, прикрывающій эти яйца во время зимы. Кромѣ этой защиты отъ холода бабочка прикрываетъ ихъ пухомъ съ собственнаго тѣла,—нѣжными пушистыми волосками. Для меня такія бабочки, неподвижно сидящія около снесенныхъ ими яицъ и прикрывающія ихъ пухомъ собственнаго тѣла, представлялись всегда въ видѣ живаго реальнаго доказательства инстинктивной, слѣпой, но самой сильной привязанности матери къ будущему поколѣнію. Она не понимаетъ, не сознаетъ, что она дѣлаетъ, она умираетъ возлѣ будущихъ своихъ дѣтокъ, обставляя ихъ жизнь всѣмъ, чѣмъ можетъ ее обезпечить. Неужели, думалъ я, этотъ актъ, полный безкорыстной привязанности, не доставляетъ ей живаго высшаго наслажденія, высшей экзальтаціи или экстаза.

Но безспорно было время, когда это чувство было сознательнымъ. Только вѣроятно это было не у этого вида бабочекъ. Можетъ-быть это совершалось даже у другаго рода или у другаго семейства, однимъ словомъ, тамъ, гдѣ самка видѣла, какъ выходили изъ яицъ ея дѣти, которыхъ она такъ же храбро защищала и такъ же не рѣшалась съ ними разстаться въ минуту смертельной опасности, какъ самка маленькаго полеваго тарантула.

которая сидитъ на своемъ коконѣ, висящемъ въ воздухѣ и качаемомъ вѣтромъ.

Примѣръ привязанности луговаго тарантула къ своимъ дѣтямъ выбранъ мною нарочно изъ того класса животныхъ, который предъ всѣми классами отличается своею хищностью и кровожадностью, и это злое стремленіе начинается очень рано, съ первыхъ шаговъ жизни. У нашего крупнаго тарантула (*Lycosa singoriensis*) маленькіе, выйдя изъ яицъ, всѣ взбираются на спину матери, и она носитъ ихъ на спинѣ довольно долгое время. Здѣсь, на этомъ тѣлѣ матери, у нихъ начинается инстинктивная вражда, и болѣе слабые становятся жертвами своихъ братій. Такое каннибальство продолжается до тѣхъ поръ, пока всѣ эти маленькіе не разбѣгутся и не начнутъ самостоятельную жизнь.

Разсматривая строеніе тѣхъ коконовъ, въ которыхъ пауки сносятъ яйца, мы видимъ здѣсь замысловатую и сложную приспособленность. Вопервыхъ, мы видимъ весьма тонкую, но плотную, частую ткань, которая представляетъ въ одно и то же время почти шелковистую гладкость, атласистость и упругость. За ней къ наружи слѣдуетъ другая, болѣе грубая ткань. Очень часто такихъ оболочекъ можно насчитать нѣсколько, концентрически наслоенныхъ одна на другую. Затѣмъ на самую наружную изъ этихъ оболочекъ накладывается и приклеивается къ ней толстый слой всклоченныхъ волнистыхъ волосковъ пуху (здора), который предохраняя яйца отъ холода, служитъ также имъ охраной отъ легкихъ случайныхъ толчковъ какими-нибудь твердыми предметами. Такой пушистый слой окружаетъ яйца въ тѣхъ случаяхъ, когда паукъ живетъ въ холодныхъ, сырыхъ помѣщеніяхъ или когда яйца лежатъ цѣлую зиму и только на слѣдующую весну должны выклюнуться изъ нихъ маленькіе. У тарантуловъ, или вообще у тѣхъ пауковъ, которые носятъ коконы съ собой, эти коконы не имѣютъ верхняго, пушистаго слоя, и одѣваются только нѣсколько слойною, плотною упругою тканью. Для выработки въ этомъ случаѣ различныхъ родовъ паутины, болѣе или менѣе клейкой или болѣе тонкой и упругой, явились различныя внутреннія приспособленіи въ железахъ, вырабатывающихъ паутину.

Нѣкоторыя формы изъ прыгающихъ пауковъ (Saltigrada) дѣлаютъ особенно красиво и искусно устроенный коконъ—въ видѣ чаши или бокала на довольно длинной ножкѣ, и прикрѣпляютъ такой бокалъ къ вѣткамъ кустарниковъ, на солнечномъ припёкѣ. Маленькій паучокъ, такъ-называемая *Dyctinna benigna*,—

которая ткетъ рыхлую паутину на виноградникахъ и уничтожаетъ вредныхъ для нихъ насѣкомыхъ, за что и получилъ названіе „благословенный“ (*benigna*)—дѣлаетъ въ теченіе одного дня нѣсколько плоскихъ маленькихъ коконовъ и въ каждомъ сноситъ по 7—10 яицъ. Паутина, одѣвающая такіе коконы, представляетъ очень плотную снѣжно-бѣлую ткань. На выработку ея не тратится много силы, но за то и несетъ этотъ паукъ нѣсколько такихъ коконовъ въ теченіе одного дня. Замѣчу кстати, что этотъ паучокъ принадлежитъ къ очень немногимъ исключеніямъ въ цѣломъ классѣ и представляетъ зачатокъ семейной привязанности, такъ какъ самецъ и самка живутъ вмѣстѣ на одной паутинѣ. Эта паутина служитъ, въ случаѣ надобности, и ковромъ самолетомъ. На ней въ ясные осенніе дни самки, несомыя вѣтромъ, перелетаютъ на довольно далекое разстояніе, подобно летающимъ сѣменамъ многихъ растеній. Они являются такимъ образомъ піонерами новыхъ колоній, или заселеній своего вида.

Если искусствомъ устройства гнѣзда, его тщательною и предусмотрительною отдѣлкой мы будемъ измѣрять силу привязанности матери къ ея потомству, или къ ея дѣтямъ, то почти вездѣ въ царствѣ животныхъ мы встрѣтимъ несомнѣнные и ясные примѣры. Прежде чѣмъ укажу на болѣе выдающіеся здѣсь случаи, я остановлюсь не надолго на тѣхъ физіологическихъ матеріялахъ, которыя животныя вырабатываютъ для постройки своихъ гнѣздъ, или коконовъ, что въ сущности одно и то же.

У женщинъ была замѣчена способность выдѣленія молока подъ аффектомъ состраданія къ голодному, или къ брошеннымъ голоднымъ дѣтямъ. Извѣстенъ старинный случай, или преданіе у древнихъ Римлянъ, который такъ художественно изобразилъ Мокрицкій на своей картинѣ. Старика-отца, осужденнаго на голодную смерть, кормитъ собственнымъ молокомъ его дочь-дѣвственница. Общензвѣстный фактъ, что животныя (напримѣръ, лошадь, ослица, корова) даютъ выдаивать молоко только въ виду дѣтеныша. Но въ этомъ случаѣ въ высшей степени замѣчателенъ фактъ выдѣленія молока у пожилыхъ женщинъ и даже у мущинъ, при видѣ оспротѣвшаго покинутаго ребенка. О такихъ фактахъ свидѣтельствуетъ Кленке (см. его *Систему органической психологіи*, перев. Пестича, стр. 274). Слѣдовательно чувство болѣе или менѣе глубокой невольной симпатіи къ страдающему дѣйствуетъ на органы выдѣленія. Этою же причиной мы можемъ объяснить выдѣленіе различныхъ железъ, которыми самки защи-

щаютъ отъ холода или поврежденій свои яица. Такія выдѣленія мы находимъ у всѣхъ животныхъ на всѣхъ ступеняхъ животнаго царства. У такъ-называемыхъ немертинъ—самка сноситъ яица группами и они инкрустируются въ трубкѣ, которая выдѣляется множествомъ мелкихъ накожныхъ железъ. Наша обыкновенная маленькая болотная піявка (Clepsine) кладетъ семь, восемь яицъ въ коконѣ, который выдѣляютъ накожныя железки средняго пояска ея тѣла. То же, или почти то же дѣлаетъ обыкновенная медицинская піявка.

Но высшаго развитія такіе коконы достигаютъ у различныхъ формъ морскихъ піявокъ, живущихъ на разныхъ морскихъ рыбахъ. Здѣсь они являются въ видѣ маленькихъ бокальчиковъ, или вазочекъ съ крышечками.

Окружать яица кокономъ, защищающею оболочкой, есть общее выработанное свойство или способность почти всѣхъ червей, но высшаго развитія эта способность достигаетъ и у высшаго класса моллюсковъ, или мягкотѣлыхъ животныхъ (Mollusca), извѣстныхъ въ общежитіи подъ именемъ ракушекъ, перловокъ, улитокъ, слизняковъ и т. п. Здѣсь мы встрѣчаемся съ разнообразною формой коконовъ, или гнѣздъ, которыя сносятся самками вмѣстѣ съ заключенными внутри ихъ яицами. Въ самой простѣйшей формѣ такія образованія являются въ видѣ болѣе или менѣе длинныхъ извилистыхъ шнуровъ, состоящихъ изъ слизи, въ которой лежатъ мелкія яица. Такіе шнуры сносятъ, напримѣръ, эолиды (Aeolida) на мелкія морскія травы.

Подобное же несеніе яицъ въ массѣ густой, быстро отвердѣвающей въ водѣ слизи, мы видимъ у нашихъ прѣсноводныхъ легочныхъ (то-есть дышащихъ легкими) моллюсковъ, какъ напримѣръ, разные виды озерника (*Lymnaeus*). Нѣкоторыя формы крупныхъ морскихъ плосконогихъ моллюсковъ (*Fusus*) сносятъ цѣлую массу маленькихъ мѣшочковъ или туфелекъ. Всѣ эти туфельки составляютъ одно цѣльное, непрерывное образованіе. Онѣ всѣ состоятъ изъ какого-то желатиновиднаго, или роговаго вещества и каждый мѣшочекъ заключаетъ отъ 6 до 7 яицъ.

Высшія моллюски, такъ-называемыя *головоногія*, сносятъ яица въ толстой рогоподобной скорлупѣ, и каждое яйцо снабжено на обоихъ полюсахъ длинными шнурообразными придатками. Такіе придатки при снесеніи яица завертываются около морскихъ травъ и прикрѣпляютъ къ нимъ яица. Маленькіе сепіи (*Sepiola*) сносятъ яица небольшими группами въ видѣ прозрачныхъ пузырей.

И эти яица держатся на поверхности моря. Плосконогая моллюска изъ рода *Janthina*, прежде чѣмъ класть яица, выпускаетъ длинный плоскій лоскутъ изъ клейкаго прозрачнаго вещества и въ этотъ лоскутъ впускаетъ множество воздушныхъ пузырьковъ. Затѣмъ уже приклеиваетъ къ его внутренней (обращенной къ морю) поверхности правильный рядъ продолговатыхъ яицъ. Такой лоскутъ служитъ какъ бы поплавкомъ, который поддерживаетъ яица на поверхности моря, и при своемъ развитіи эти яица встрѣчаютъ, въ этомъ поплавкѣ, въ изобиліи воздухъ, который такъ необходимъ для этого развитія. Наконецъ, говоря о тѣхъ заботахъ, которыми окружаютъ самки моллюсковъ свои яица, можно упомянуть объ очень странной и красивой моллюскѣ, такъ-называемомъ корабликѣ, самка котораго вырабатываетъ посредствомъ двухъ расширенныхъ щупалецъ тонкую, стройную и красивую раковину и въ этой раковинѣ носитъ свои мелкія яица, прикрѣпляя ихъ на спинной поверхности своего тѣла.

Я не буду говоритъ здѣсь о замысловатыхъ гнѣздахъ насѣкомыхъ, оставляя рѣчь объ этомъ интересномъ и крайне доказательномъ предметѣ до тѣхъ поръ пока не будетъ выяснено сколько здѣсь, въ постройкѣ этихъ гнѣздъ,—входитъ элементомъ не одиночная привязанность самки къ ея потомству, но привязаность къ нему цѣлаго общества. Я полагаю, что всего сказаннаго вполнѣ достаточно для того, чтобы доказать, что вообще эта привязаность самки къ потомству инстиктивно или сознательно руководитъ ею въ постройкахъ помѣщеній для воспитанія ея дѣтей.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Н. Вагнеръ.

МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Послѣ великопостнаго перерыва оперные спектакли возобновились на короткое время и 30 апрѣля закончились до осени *Трубадуромъ* Верди—окончаніе вполнѣ подходящее для сезона посвященнаго преимущественно Верди. Какъ мы предполагали, весенній оперный сезонъ не принесъ ничего новаго, кромѣ нѣсколькихъ дебютовъ мало выдающихся артистовъ и артистокъ, о которыхъ пока нѣтъ надобности и говорить. Наиболѣе интересные дебюты: г-жи Филоновой (драматическое сопрано) и г. Миллера (теноръ) не состоялись по болѣзни дебютантовъ. Изъ находящихся уже въ составѣ труппы, можно упомянуть о гг. Трезвинскомъ и Трубинѣ, выступившихъ въ первый разъ въ партіяхъ первостепенныхъ; г. Трезвинскій пѣлъ Марселя въ *Гугенотахъ*. Прекрасный голосъ пѣвца извѣстенъ, и съ этой стороны г. Трезвинскій можетъ вполнѣ удовлетворить слушателей, такъ же какъ и со стороны твердости въ музыкальномъ выполненіи своей партіи. Но Марсель, кромѣ того, представляетъ рѣзко очерченную характерную сценическую фигуру, требующую отъ исполнителя большой сценической увѣренности и опытности. Г. Трезвинскій хотя и не портилъ своей роли, но можно сказать, что пока онъ выказалъ только задатки ея настоящаго исполненія, позволяющіе надѣяться, что со временемъ онъ вполнѣ овладѣетъ этою партіей. Г. Трубинъ до сего времени появлялся только въ выходныхъ роляхъ и потому въ его пользу много говоритъ уже то, что онъ былъ весьма приличенъ въ партіи Руслана, представляющей множество трудностей всякаго рода.

Изъ предположеній относительно дѣятельности нашей оперной сцены въ будущемъ сезонѣ въ печать проникли смутные слухи о предстоящей постановкѣ *Пиковой дамы* П. И. Чайковскаго и *Роллы*, новой оперы московскаго композитора А. Ю. Симона; изъ сообщеній петербургскихъ газетъ мы знаемъ еще, что въ составъ московской оперной труппы переводится гжа Дейша-Сіоницкая, съ честію подвизавшаяся довольно много лѣтъ на петербургской оперной сценѣ. Болѣе достовѣрныхъ и подробныхъ сообщеній нѣтъ. Въ Петербургѣ держатся другихъ взглядовъ и тамошнія газеты сообщаютъ не въ видѣ слуховъ, а полуоффиціально весь предполагаемый планъ дѣйствій на будущій годъ, въ которомъ названы всѣ оперы, имѣющія быть вновь поставленными и возобновленными, а также перечень прежнихъ оперъ, которыя предполагается удержать въ репертуарѣ. Изъ этихъ сообщеній видно, что въ Петербургѣ забыли столѣтнюю годовщину смерти Моцарта, которая исполнится въ концѣ ноября текущаго года, и не имѣютъ намѣренія ознаменовать ее чѣмъ-либо. Въ Москвѣ слѣдовало бы сдѣлать что-либо по этому поводу. У насъ много лѣтъ шелъ разговоръ о постановкѣ *Свадьбы Фигаро* или *Донъ-Жуана*, теперь, съ перемѣщеніемъ въ нашу труппу г-жи Сіоницкой и съ возвращеніемъ г-жи Скомпской, эти предположенія вполнѣ возможно будетъ осуществить, а такія двѣ оперы несомнѣнно придадутъ репертуару больше интереса, блеска и значенія, нежели возобновленіе оперъ Верди. Будемъ желать и надѣяться всего лучшаго и тѣмъ закончимъ.

Симфоническія собранія русскаго Музыкальнаго Общества закончились 12 апрѣля. Въ этотъ вечеръ дирижеру концертовъ В. И. Сафонову были сдѣланы большія овація; кромѣ множества вызововъ ему были поднесены вѣнки: серебряный отъ оркестра, золотой и лавровый отъ публики. Истекшій сезонъ представлялъ большое значеніе и долженъ составить какъ бы новую эпоху въ дѣятельности Общества. Не станемъ вспоминать о тѣхъ затрудненіяхъ, съ которыми пришлось бороться В. И. Сафонову на первыхъ шагахъ своей капельмейстерской дѣятельности, о нихъ уже говорилось своевременно на страницахъ нашего журнала, скажемъ только, что энергія и талантъ новаго дирижера восторжествовали надъ ними. Вмѣстѣ съ этимъ и вновь сформированный

имъ оркестръ шагъ за шагомъ, отъ одного концерта къ другому завоевывалъ довѣріе публики такъ сказать съ бою и наконецъ заставилъ признать, что ему доступно вполнѣ художественное выполненіе крупнѣйшихъ произведеній симфонической музыки, не исключая ни симфоній Бетховена, ни виртуозныхъ трудностей оркестровыхъ сочиненій новѣйшихъ композиторовъ. Такимъ результатомъ новый оркестръ всего болѣе обязанъ трудамъ своего дирижера, не щадившаго ни своихъ силъ, ни времени на занятія съ нимъ. Обращаясь къ программамъ симфоническихъ собраній за истекшій сезонъ, мы должны отмѣтить, какъ ихъ характернѣйшую черту, обиліе сочиненій русскихъ композиторовъ, ранѣе никогда не бывшее въ такой мѣрѣ, притомъ въ отношеніи къ нимъ не было ни малѣйшаго оттѣнка какой-либо исключительности. Впрочемъ первое мѣсто все-таки принадлежало композиторамъ классическаго періода германской музыки; классики вмѣстѣ съ Русскими составляли краеугольные камни всѣхъ симфоническихъ собраній, все остальное служило лишь какъ бы дополненіемъ.

Послѣднимъ фактомъ дѣятельности Музыкальнаго Общества и Консерваторіи была постановка оперы Бетховена *Фиделіо* на сценѣ Большаго Театра; исполнителями являлись ученицы и ученики Консерваторіи. До сего времени въ Москвѣ *Фиделіо* исполнялась только въ консерваторскомъ спектаклѣ 1880 г., послѣднемъ подъ управленіемъ покойнаго Н. Г. Рубинштейна. Въ Западной Европѣ, особенно въ Германіи, опера эта пользуется большою извѣстностью, она тамъ давно уже причислена къ высочайшимъ образцамъ музыкально-драматической литературы. Впрочемъ нужно оговориться, что эта извѣстность не есть популярность въ широкомъ смыслѣ этого слово, *Фиделіо*, какъ и прежде, составляетъ достояніе высшихъ интеллигентныхъ круговъ общества, воспитавшихся на высшихъ образцахъ симфонической музыки. Причина ограниченности распространенія оперы Бетховена заключается столько же въ стилѣ ея музыки, какъ и въ сюжетѣ совершенно лишенномъ всякаго внѣшняго эффекта. Музыка *Фиделіо* прежде всего симфоническая, оркестръ составляетъ въ ней главную основу и вмѣстѣ съ тѣмъ объединяющій элементъ всего дѣйствія. Что касается вокальныхъ партій, то онѣ для исполнителей—пѣвцовъ чрезвычайно неблагодарны. Бетховенъ, будучи величайшимъ мастеромъ инструментальнаго сочиненія, мало зналъ голоса и третировалъ ихъ какъ оркестровые инструменты. Одинъ

извѣстный нѣмецкій критикъ, страстный поклонникъ *Фиделіо*, называетъ почти всѣ вокальныя партіи, особенно партію Пезарро, просто невыполнимыми съ точки зрѣнія звуковаго эффекта голоса. Вмѣстѣ съ этими внѣшними недостатками *Фиделіо* заключаетъ въ себѣ неоцѣненныя красоты, которыя съ особенною мощью проявляются во второмъ актѣ, гдѣ музыка достигаетъ необыкновенной высоты и поразительной силы выраженія. Эти-то художественныя красоты и заставили въ нынѣшнемъ году обѣ русскія консерваторіи, Петербургскую и Московскую, выбрать для ученическаго спектакля *Фиделіо* Бетховена, несмотря на трудность и неблагодарность такой задачи для пѣвцовъ;—опера Бетховена должна была служить для подъема ихъ артистическаго пониманія, и съ этой точки зрѣнія это произведеніе, по отсутствію въ немъ всякихъ внѣшнихъ эффектовъ и богатству внутренняго содержанія, представляетъ одну изъ лучшихъ и высшихъ задачъ для школы. Инструментальная часть оперы — простымъ сопровожденіемъ голосовъ ее назвать нельзя — представляетъ собою одно изъ высшихъ проявленій генія Бетховена и составляетъ для исполнителей задачу хотя и трудную, но въ высшей степени благодарную. Опера была разучена и исполнена подъ управленіемъ директора Консерваторіи В. И. Сафонова; оркестръ по тонкости и законченности исполненія заслуживалъ величайшихъ похвалъ, вокальные исполнители исполнили свои партіи добросовѣстно и съ хорошимъ амсамблемъ. Въ детали мы входить не будемъ, ибо съ нашей точки зрѣнія учениковъ нельзя судить какъ артистовъ, для этого нужно подождать, пока они станутъ на самостоятельную дорогу. Къ сожалѣнію, *Фиделіо* пришлось дать только для дѣйствительныхъ членовъ Музыкальнаго Общества и приглашенныхъ лицъ, повтореніе же для всѣхъ желающихъ не могло состояться за болѣзнію исполнительницы заглавной партіи.

Н. Кашкинъ.

ПИСЬМА ИЗЪ ПАРИЖА.

Письмо V.

Какъ вамъ вѣроятно извѣстно, манифестація 1 мая въ Парижѣ прошла не особенно шумно. За исключеніемъ динамитнаго патрона, разорвавшагося на Елисейскихъ поляхъ, и небольшой драки въ Клиши, городъ былъ спокоенъ. Серьезные безпорядки произошли только въ копяхъ Фурми, гдѣ войска должны были пустить въ дѣло оружіе, чтобъ отразить нападеніе толпы взбунтовавшихся рудокоповъ. Къ несчастію оказались убитые и раненые. Министру внутреннихъ дѣлъ приходилось отвѣчать на запросъ, сдѣланный ему по этому поводу, въ то время, когда заканчивалось это письмо; впрочемъ исходъ дебатовъ никакихъ сомнѣній не представлялъ, и дѣйствительно, послѣ бурнаго засѣданія, во время котораго одинъ изъ депутатовъ былъ исключенъ, палата приняла слѣдующій очередной порядокъ:

„Глубоко потрясенная нечастіемъ въ Фурми, относясь съ одинаковою патріотическою заботливостью и горячею симпатіей къ рабочимъ Франціи и къ національной арміи и рѣшившись привести соціальныя реформы къ мирному концу, палата переходитъ къ очереднымъ вопросамъ.“ Большинство предпочло эту примирительную редакцію призводству слѣдствія, предложенному правой.

Какихъ бы похвалъ ни заслуживали полиція и войско за свою выдержку и дисциплину, нельзя не тревожиться (я говорю о разныхъ государствахъ, не исключая и Франціи), когда видишь, что образуется нѣчто вродѣ всемірной федераціи между рабочими и что періодически въ назначенный срокъ повторяются болѣе

или менѣе сильныя волненія. И это происходитъ почти во всѣхъ странахъ съ особенною смѣлостью. Нельзя, конечно, отрицать права рабочихъ, на ряду съ другими гражданами, жаловаться на свою участь и стараться объ ея улучшеніи, но форма, въ которой они предъявляютъ свои требованія, представляется опасною. Есть основанія тревожиться этимъ. Государства имѣютъ право охранять свою безопасность и силой обуздывать насиліе, когда таковое является. Но сила не всегда будетъ надежнымъ средствомъ. Можно предвидѣть случай, когда въ странахъ демократическихъ, тѣ кого называютъ „интеллигентными штыками", станутъ на сторону толпы и смѣшаются съ нею. Это было бы ужасно. Что, если вдругъ выдвинется какой-нибудь О'Конель рабочей массы, съ почти всемірнымъ вліяніемъ? Какъ быть, когда тысячи рабочихъ, мало-по-малу образовавъ массу въ нѣсколько милліоновъ, энергически потребуютъ своего мѣста на солнцѣ, то-есть первенствующаго мѣста?.. Вотъ что повторяется вездѣ съ нѣкоторою тревогой. Безъ сомнѣнія силой можно обуздать угрозы, но это не всегда будетъ *ultima ratio*. Надо какъ можно скорѣе заняться улучшеніемъ не только матеріальнаго положенія рабочаго класса, что дѣлается уже повсюду съ большою заботливостью, но главнымъ образомъ улучшеніемъ его нравственности. Въ этомъ, по-моему, и заключается весь вопросъ. Повсюду замѣтно ослабленіе нравственности, что чрезвычайно печально. Во Франціи мы переживаемъ тоже подобный кризисъ, слишкомъ давно допущена у насъ разнузданность въ области безнравственнаго творчества всевозможнаго рода; пишутся безнравственныя недостойныя книги, безнравственныя и недостойныя пьесы; добавьте къ этому и дурные примѣры, которые повторяются постоянно. Это нравственный кризисъ. Пресансе, недавно умершій, велъ по этому поводу борьбу, ни къ чему не приведшую. Г. Франкъ (членъ академіи) сталъ во главѣ лиги для борьбы съ атеизмомъ. Это прекрасно, но надо сдѣлать больше. Пора понять, что лихорадочная жажда золота и удовольствій, приманка грубыхъ наслажденій сбиваютъ съ толку слишкомъ много головъ. Пора вернуться къ тому, что называютъ „добрыми, старыми нравами нашихъ отцовъ". Пора обратиться съ призывомъ къ чувствамъ возвышеннымъ, благороднымъ, религіознымъ и показать массамъ, такъ же какъ и отдѣльнымъ личностямъ, что кромѣ животныхъ страстей существуетъ и нѣчто иное. Если мы не вступимъ на этотъ путь, старый міръ погибъ.

Въ этихъ словахъ я резюмирую искреннее мнѣніе честныхъ, консервативныхъ и просвѣщенныхъ людей. Пусть правительства не пренебрегаютъ этою миссіей, иначе явится кучка агитаторовъ, возьметъ на себя заботу объ интересахъ рабочаго класса, онъ будетъ обманутъ, подвергнется злоупотребленіямъ, его введутъ въ заблужденіе и тогда, тогда..... Во всякомъ случаѣ, тѣмъ или другимъ способомъ слѣдуетъ обратить вниманіе на періодически возобновляющееся проявленіе международной солидарности рабочихъ въ жизненной борьбѣ; это явленіе настолько многозначительно, что̀ необходимо должно поразить вождей народовъ и войскъ, политическихъ дѣятелей и дипломатовъ всѣхъ странъ. Повторяю, надо изслѣдовать все то, что̀ можетъ оказаться основательнымъ въ шумныхъ жалобахъ на развитіе машиннаго производства, на сосредоточеніе капиталовъ въ немногихъ рукахъ, на чрезмѣрное могущество большихъ компаній, на эгоизмъ богатыхъ финансистовъ, на недостаточность рабочей платы, на уменшеніе населенія въ иныхъ странахъ, на бѣдственное положеніе женщинъ-работницъ, на вырожденіе расы и т. п. Конечно, незачѣмъ допускать проявленія этихъ жалобъ въ формѣ революціонныхъ требованій, но надо изслѣдовать въ цѣляхъ гуманиторныхъ реформъ. Надо разсмотрѣть не слѣдуетъ ли расширить юрисдикцію прюдомовъ, тамъ гдѣ она существуетъ, и издавать новыя постановленія въ обезпеченіе взрослыхъ женщинъ и дѣтей, надо, насколько возможно, увеличить заработную плату, и когда это представляется возможнымъ, дозволить рабочимъ, съ помощью благоразумнаго сокращенія рабочихъ часовъ, заняться немного собою и своею семьей. Это будетъ дѣйствительнымъ средствомъ для предупрежденія смутъ, успокоенія умовъ и направленія человѣчества на путь нравственнаго обновленія, средствомъ въ которомъ будетъ залогъ силы народовъ и правительствъ. Таковы соображенія не радикаловъ и не увлекающихся химерами людей, но благоразумныхъ друзей порядка и законовъ. Они справедливо разсуждаютъ, что необходимо что-нибудь сдѣлать сейчасъ, не выжидая напора событій, которыя подчиняютъ себѣ людей. Добавлю, что въ этомъ дѣлѣ государствамъ придется обратиться съ призывомъ къ доброй волѣ и самоотверженію церквей, которыя должны будутъ оказать энергическую поддержку такой благородной задачѣ.

Закрывая свои засѣданія въ Парижѣ, конгрессъ рудокоповъ рѣшилъ, что угроза всеобщей стачки, „подобно Дамоклову мечу“,

будетъ висѣть надъ главой правительствъ и нанимателей. Конгрессъ желаетъ добиться государственной регламентаціи заработной платы. Это и нежелательно для рудокоповъ, и непрактично съ ихъ стороны. Къ тому-же, какимъ образомъ государство могло-бы удовлетворить ихъ желаніе? Въ случаѣ отказа съ его стороны, какъ поступятъ рудокопы, рѣшатся ли они объявить ему войну? Когда я говорю о государствѣ, я разумѣю всѣ государства. Все это очень серьезно и очень необычайно. Но, оставивъ въ сторонѣ химеры, конгрессъ этотъ несомнѣнно доказалъ, что положено дѣятельное начало международной организаціи отдѣльныхъ отраслей промышленности. Это соціальное и экономическое событіе подтверждаетъ только-что высказанныя мною соображенія. Другія отрасли промышленности, естественно, будутъ подражать рудокопамъ, и подготовляется повидимому новая соціальная эра. Повидимому всемірная борьба интересовъ труда и капитала послѣдуетъ за внѣшнею борьбой національностей. Если различные конгрессы будутъ мирно пользоваться своими правами, возможно-ли будетъ имъ противодѣйствовать? Если государство откажется отъ вмѣшательства въ вопросы заработной платы и труда, возстанутъ-ли конгрессы противъ него? Весьма возможно. „За нами численность, говорятъ они, значитъ за нами сила“. Вотъ тутъ-то извѣстное правило: „Сила выше права“ и обращается противъ того, кто его установилъ. „Но мы олицетворяемъ собой законъ“, скажутъ противники этихъ разрушительныхъ теорій, „а законъ должно уважать“. На это рабочіе отвѣтятъ: „Сегодня олицетвореніемъ закона являетесь вы, такъ; а завтра олицетвореніемъ закона будемъ мы!“ Отсюда вытекаетъ еще съ большею ясностью, какъ это и доказывается конгрессомъ рудокоповъ, что необходимо на законной почвѣ изучать это соціальное движеніе (которое будетъ огромнымъ) и что слѣдуетъ по возможности удовлетворить законныя и справедливыя требованія, насколько это совмѣстимо съ силой, безопасностью и достоинствомъ государства. Не занимаясь соціализмомъ, необходимо „морализировать“, то-есть улучшить сначала матеріальную сторону жизни, а затѣмъ внушить всѣмъ рабочимъ истинное понятіе объ ихъ обязанностяхъ къ Богу, семьѣ, государю (въ государствахъ монархическихъ), представителю или представителямъ государства и къ отечеству. Такимъ народомъ, у котораго есть убѣжденіе, вѣра, нравственность, почтеніе и честь—управлять легко. Съ нимъ революціи бояться нечего.

Вопросъ о скачкахъ еще не рѣшенъ. Парламентская коммиссія спросила мнѣнія генеральныхъ департаментскихъ совѣтовъ объ этомъ вопросѣ. Изъ нихъ шестьдесятъ три совѣта потребовали регламентаціи скачекъ и только десять подали голоса за ихъ уничтоженіе. Это еще не значитъ, что долженъ возобновиться прежній соблазнъ. Если говорятъ объ охранѣ національнаго коннозаводства и ради него рѣшаются ослабить законы направленные противъ игры, несомнѣнно, надо будетъ дать скаковымъ цари такую регламентацію, которая предупреждала бы возможность соблазна и разсѣивала бы всякія сомнѣнія и возложить отвѣтственность на скаковыя общества. Надо, чтобы законъ окончательно воспретилъ всякую игру внѣ скаковаго поля и закрылъ парижскія коммиссіонныя агентства, эти подозрительныя конторы. Кромѣ того, надо уменьшить число пригородныхъ скачекъ, которыхъ бываетъ до двухсотъ ежегодно. Надо воспретить тѣ скачки, которыя устраиваются ради какихъ-нибудь иныхъ цѣлей, кромѣ улучшенія конской породы, надо избрать *pari mutuel*, какъ такую форму игры, которая менѣе другихъ способна возбуждать страсти игроковъ и вредить правильности испытаній, такъ какъ она должна приносить барышъ только благотворительнымъ учрежденіямъ и коннозаводству и всегда можетъ подлежать воспрещенію. Это и предлагаетъ парламентская коммиссія. Обсуждаться этотъ проектъ будетъ не ранѣе, какъ черезъ недѣлю. Есть шансы, что онъ будетъ принятъ. Я говорилъ о немъ довольно подробно, потому что онъ служитъ предметомъ очень оживленныхъ споровъ.

По возобновленіи засѣданій палаты, обсужденіе новыхъ таможенныхъ тарифовъ открылось длинною рѣчью г. Лакруа. Ораторъ доказалъ, что онъ изслѣдовалъ этотъ вопросъ подробно и произвелъ много вычисленій. Къ этому надо добавить нѣкоторыя забавныя остроты. Онъ сравнилъ докладчика г. Мелина, упорнаго защитника земледѣлія, съ фанатикомъ, который „считаетъ безнравственными всѣхъ тѣхъ, кто, подобно ему, не приноситъ себя въ жертву на алтаряхъ полевыхъ боговъ“. И затѣмъ остроумный ораторъ воскликнулъ: „Г. Церера!“ Эта острота вызвала веселый смѣхъ.

Г. Лакруа не допускаетъ минимальнаго тарифа. Онъ хочетъ долговременныхъ договоровъ, обезпечивающихъ безопасность и въ будущемъ. Ему отвѣчали, что департаментскіе совѣты высказались противъ договоровъ. Мнѣ кажется, послѣ первоначаль-

ныхъ дебатовъ, что палата хотя и не откажется отъ покровительственной системы, но не пойдетъ въ этомъ направленіи до крайнихъ предѣловъ. Она допуститъ необходимыя смягченія и выкажетъ благоразумную умѣренность. Высказывая такое мнѣніе, желательно было бы не ошибиться. Докладчикъ г. Мелинъ въ частномъ разговорѣ сообщилъ, что „проектъ коммиссіи отличается отъ правительственнаго проекта только по цифрѣ пошлинъ, которыми коммиссія предлагаетъ обложить нѣкоторыя иностранныя произведенія. Онъ хочетъ бо́льшаго покровительства для нѣкоторыхъ отраслей промышленности. Правительство же не желаетъ такого усиленнаго покровительства. При этихъ условіяхъ согласиться очень легко и съ помощью нѣкоторыхъ взаимныхъ уступокъ соглашеніе вѣроятно будетъ достигнуто.

Завѣщаніе принца Наполеона теперь уже извѣстно, извѣстны, какъ послѣдствія этого завѣщанія, такъ и то обстоятельство, что согласіе между обоими сыновьями и вдовой осталось ненарушеннымъ, несмотря на тяжелое положеніе, созданное для нихъ волей завѣщателя. Принцъ Наполеонъ выразилъ желаніе быть похороненнымъ во Дворцѣ Инвалидовъ возлѣ своего отца или на островахъ Sanguinaires, у входа въ заливъ Аячіо. Ни одно изъ этихъ желаній не будетъ исполнено, и принцъ, желавшій, чтобы памятникъ ему поставленъ былъ на концѣ Корсики, гдѣ, подъ напоромъ вѣтра и моря, онъ служилъ бы эмблемой его жизни полной волненій и тревогъ, будетъ смиренно почивать въ Римѣ или Пранженѣ. Бумаги принца будутъ служить матеріаломъ для его мемуаровъ, составителемъ которыхъ будетъ его другъ д. Фредерикъ Масонъ. Между ними находятся интересныя пачки, помѣченныя именами Кошута, Кавура, Бисмарка, Криспи и т. п. Есть также интересныя неизданныя письма Наполеона.

Г. Эмиль Оливье высказалъ свое мнѣніе объ умершемъ, его завѣщаніи и его партіи, сдѣлалъ въ интересныхъ выраженіяхъ мастерскую характеристику принца Наполеона.

„Это былъ настоящій Цезарь, сказалъ онъ. Въ головѣ видна была смѣсь римской силы съ тосканскимъ изяществомъ. Сила высказывалась въ полныхъ, широкихъ и строгихъ контурахъ черепа, въ выдававшемся подбородкѣ. Изящество обнаруживалось тонкими губами, едва замѣтною красною линіей. Взглядъ его временами бывалъ мягкимъ и ласкающимъ, временами же въ немъ сверкали молніи; а чаще всего онъ былъ серьезенъ и присталенъ. Голосъ у него былъ металлическій, звонкій, пронзительный.

Несмотря на то, что шея у него была короткая и скрывалась приподнятыми плечами, фигура его была величественна, такая же какъ и у великаго императора.

„Онъ не обладалъ правильнымъ развитіемъ и не получилъ методическаго воспитанія, но имѣлъ свѣдѣнія обо всемъ, ему были присущи и даръ ассимиляціи, который способствуетъ пониманію, и любопытство, которое ведетъ къ изученію. За исключеніемъ музыки, къ которой онъ оставался нечувствительнымъ, какъ всѣ Бонапарты, онъ особенно любилъ итальянское искусство, однимъ изъ представителей котораго былъ Ингръ.

„Тѣмъ не менѣе любимымъ предметомъ была политика. Принимая, въ теченіе сорока лѣтъ, участіе въ событіяхъ, то въ качествѣ зрителя, занимающаго мѣсто удобное для наблюденія, то какъ первенствующій актеръ, имѣвшій случай сблизиться со всѣми государями, говорить со всѣми государственными дѣятелями, посѣтившими всѣ дворы, зная мнѣнія спеціалистовъ, дипломатовъ и воиновъ во всей Европѣ, онъ обладалъ самымъ обширнымъ знаніемъ нашего времени. Когда онъ хотѣлъ дополнить или провѣрить его изученіемъ, онъ обращался не къ Макіавелли, Монтескьё, Бенжамену Констану или Токвилю, но перечитывалъ произведенія своего отца, безъ устали размышлялъ надъ ними и дѣлалъ къ нимъ примѣчанія въ назиданіе своимъ дѣтямъ.

„Тѣлесная и умственная дѣятельность его была удивительна. Еслибъ онъ былъ Римскимъ императоромъ, то подобно Траяну или Адріану посвятилъ бы свою жизнь безпрестаннымъ разъѣздамъ по своей имперіи. Ожиданіе въ бездѣйствіи было для него невозможнымъ, и это было почти единственною причиной его ошибокъ. Онъ не примирялся со второстепенною ролью.

„Непонятно, какъ могли подозрѣвать его въ трусости. Подъ Альмой онъ велъ себя, какъ подобаетъ безстрашному воину, и главнокомандующій засвидѣтельствовалъ его заслуги. Во время Имперіи, на своей яхтѣ онъ посѣщалъ самыя неспокойныя моря и зачастую удивлялъ своею отвагой старыхъ моряковъ. Но онъ не былъ хвастуномъ, а это необходимо для успѣха въ нашей странѣ, онъ съ простотой дѣлалъ то же самое, что другіе сопровождаютъ хвастливымъ донъ-кихотствомъ.

„Слыша, какъ онъ поносилъ клерикализмъ, можно было принять его за атеиста, за смертельнаго врага религіи. Не останавливайтесь на этомъ разглагольствованіи, неумѣстномъ, признаюсь, особенно для принца, котораго судьба предназначила

служить примѣромъ, проникните въ глубину его мысли и вы найдете тамъ, что атеизмъ—безмыслица, что безъ религіи народъ гибнетъ, разлагается, теряетъ нравственное чувство и самоуваженіе и что никакое общество, лишенное этихъ необходимыхъ узъ, не можетъ устоять. Единственнымъ недостаткомъ его было то, что онъ недостаточно вникалъ въ изучаемые имъ предметы. Онъ зналъ, что существуетъ конкордатъ и органическіе законы, которыми обязаны были его дядѣ, но онъ не отдавалъ себѣ должнаго отчета въ значеніи этихъ документовъ и не сознавалъ тѣхъ непоправимыхъ ранъ, которыя нанесло имъ время.

„Задача, возложенная судьбой на семейство Бонапартовъ послѣ смерти императорскаго принца, была одною изъ самыхъ тяжелыхъ. Сколько надо было согласовать противорѣчивыхъ требованій. Онъ обязанъ былъ уважать конституціонный порядокъ и нетерпѣливымъ честолюбіемъ не нарушать республиканскаго опыта, которому онъ обѣщалъ подчиниться. Не слѣдовало, однако, доводить эту конституціонную снисходительность до ослабленія демократическаго принципа обращенія къ народу и до затменія звѣзды надежды, къ которой изъ глубины народныхъ массъ обращалось столько довѣрчивыхъ взглядовъ.

„Ему не удалось рѣшить эту двойную задачу. Онъ не нашелъ того содѣйствія, на которое былъ въ правѣ разсчитывать и натолкнулся на оппозицію, которую не могъ предвидѣть. Съ другой стороны, ему не хватало терпѣнія, настойчивости, гибкости въ личныхъ сношеніяхъ, умѣренности въ замыслахъ. Наконецъ онъ дошелъ до того трагическаго положенія, въ которомъ—главу наполеоновской семьи—его покинули бонапартисты, и новообращеннаго республиканца—изгнала республика.

„Онъ умеръ въ изгнаніи и безъ партіи и послѣднимъ его словомъ было проклятіе родному сыну, а не кликъ надежды для своего дѣла.“

Что же касается бонапартистской партіи, г. Эмиль Оливье внезапно, съ выраженіемъ Сивиллы, воскликнулъ: „Запишите, что она погибла!“

Водворяя въ Бискрѣ своихъ воинствующихъ монаховъ для борьбы съ рабствомъ, кардиналъ Лавижёри еще разъ отвѣчалъ тѣмъ лицамъ, которыя порицали его политическія манифестаціи. Рѣчь его опять не понравилась нѣкоторымъ монархистамъ вродѣ г. Эрве, редактора газеты *Soleil*, не желающаго допустить, чтобы республика могла дать церкви покровительство и свободу. *Temps*

отвѣчалъ на это, что республика будетъ такою, какимъ окажется большинство избранное всенароднымъ голосованіемъ. „Дѣйствуйте такъ, чтобъ овладѣть имъ и вы будете издавать законы. Однако всѣ должны будутъ повиноваться имъ и будутъ повиноваться.“ Остается узнать послѣдуютъ ли этому разумному совѣту.

Впечатлѣніе, произведенное здѣсь смертью Мольтке, было очень значительно. Наша печать говорила объ этомъ событіи съ большимъ достоинствомъ. Урокъ, который выводятъ во Франціи изъ жизни этого замѣчательнаго человѣка, тотъ, что надо довести до высшихъ предѣловъ наше военное могущество, не вмѣшивать армію въ политическую борьбу, изъять ее изъ-подъ вліянія измѣнчиваго общественнаго мнѣнія и относиться къ ней какъ къ святынѣ. Это уже дѣлается, а будетъ дѣлаться еще лучше. Генералъ Леваль съ большимъ знаніемъ дѣла говорилъ о знаменитомъ маршалѣ и заключилъ свою рѣчь слѣдующими словами:

„Энтузіасты хотѣли установить параллель между Мольтке и Наполеономъ. Это было бы оскорбленіемъ для обоихъ. Наполеонъ былъ великимъ геніальнымъ вождемъ, идущимъ на ряду съ величайшими военными дѣятелями. Маршалъ Мольтке былъ первокласснымъ военнымъ ремесленникомъ, знающимъ спеціалистомъ, поставившимъ военное ремесло на неизвѣстную до тѣхъ поръ степень высоты.

„Какъ всѣ люди съ высоко развитымъ умомъ, большимъ практическимъ смысломъ и настойчивою волей, онъ прекрасно судилъ о событіяхъ и ловко пользовался ошибками противниковъ. Онъ былъ счастливъ, такъ какъ противники его надѣлали ихъ много, и ошибки эти были ужасны.“

Франція недавно потеряла отважнаго генерала, котораго я лично зналъ и очень любилъ, генерала Аппера. Онъ нѣкогда отличался въ сраженіи при Ислѣ, въ Крыму и во время войны 1870 г. Въ 1871 году онъ предсѣдательствовалъ въ военныхъ судахъ и отличался умѣренностью и безпристрастіемъ. Потомъ, до 1882 года, онъ командовалъ корпусомъ въ Тулузѣ. Извѣстно съ какимъ отличіемъ онъ исполнялъ обязанности посланника въ Россіи съ 1883 по 1886 г.; отъ него лично и отъ другихъ я узналъ, какъ о немъ сожалѣли при Россійскомъ Дворѣ и въ русскомъ обществѣ. Это потеря для нашей страны.

Смотръ войскамъ парижскаго гарнизона, произведенный въ Венсенѣ генераломъ Сосье, прошелъ великолѣпно. Артиллерія съ молніеносною скоростью распрягала орудія, заряжала и откры-

.вала огонь, проходило не больше минуты между командой, вы стрѣломъ и установкой на позицію. Въ этомъ видѣнъ большой, многообѣщающій прогрессъ.

* * *

Къ числу книгъ, возбуждавшихъ въ послѣднее время большой интересъ, относятся мемуары королевы Наталіи. Подъ наименованіемъ мемуаровъ подразумѣваются записка, поданная въ скупщину 22 ноября 1890 года, и письма, которыми обмѣнялись королева и бывшій король Миланъ за время съ 1887 года по 1889. Рядъ этихъ важныхъ документовъ заканчивается рѣшеніемъ сунода, объявляющимъ разводъ недѣйствительнымъ и не состоявшимся. Я прочелъ эту книгу съ чувствомъ живѣйшей симпатіи. Я имѣлъ честь неоднократно вступать въ сношенія съ королевой, которой и спѣшу принести здѣсь должную дань уваженія. Мало женщинъ, которымъ приходилось выносить столько тяжелыхъ испытаній и немного такихъ, которыя выказали бы себя болѣе энергичными, вѣрными, и держались бы съ бо́льшимъ достоинствомъ. Не знаю, что̀ готовитъ ей будущее, но знаю, что потомство отнесется къ ея имени съ глубочайшимъ уваженіемъ.

Съ удовольствіемъ прочли мы собраніе статей Эдуарда Горна, депутата венгерскаго парламента, появлявшихся въ *Neuer Freier*, *Lloyd*, собранныхъ и переведенныхъ сыномъ умершаго депутата г. Эмилемъ Горномъ и изданныхъ отдѣльною книгой подъ заглавіемъ *Великая Нація*. Книга эта появилась у Плона; это—исторія страшныхъ годовъ 1870 и 1871, разсказанная симпатизирующимъ нашей странѣ иностранцемъ, относящимся къ ней съ трогательнымъ сочувствіемъ. Вотъ что̀ въ краснорѣчивомъ предисловіи говоритъ г. Жюль Симонъ объ Эдуардѣ Горнѣ:

„Франція—второе отечество всѣхъ либераловъ. Горнъ жилъ въ ней много лѣтъ и принялъ французское подданство, такъ что онъ былъ Французомъ въ силу закона, а не по одной только привязанности къ Франціи. Онъ принадлежалъ къ воинствующей группѣ либеральныхъ журналистовъ и уже во время монархіи пропагандировалъ мысль, что въ будущемъ Франція должна быть и будетъ республикой.

„Онъ не ограничивался однимъ писательствомъ, онъ говорилъ. нѣкоторое время онъ былъ однимъ изъ выдающихся

ораторовъ политико-экономическаго общества, по-французски онъ говорилъ правильно и легко. Онъ научилъ насъ открывать публичные курсы и съ ихъ помощью пользоваться средствами, предоставленными намъ закономъ. Прево-Парадиль, Пельетанъ, Дешанель читали блестящія лекціи, а Горнъ читалъ лекціи научныя и поучительныя. Онъ говорилъ противъ войны и таможни, которая тоже родъ войны.“ Совѣты и одобренія, высказываемыя Эдуардомъ Горномъ по адресу Франціи, это—драгоцѣнные документы для исторіи нашего времени.

Я упоминалъ раньше о письмахъ Мишле о Римѣ и Италіи, которыя должны были появиться. Теперь они вышли въ свѣтъ и я заимствую оттуда слѣдующія подробности. Въ 1829 году Мишле поручено было преподавать исторію сестрѣ графа Шамбора, сдѣлавшейся впослѣдствіи герцогиней Пармскою. Вотъ два прелестныя письма маленькой принцессы, написанныя ею Мишле въ видѣ учебныхъ сочиненій. Онъ тщательно сохранилъ ихъ:

„Діепъ 24 августа 1829 г.

„Правда, милостивый государь, что я была очень хорошаго мнѣнія о Римлянахъ; я считала ихъ благородными и справедливыми. Аѳинянъ я не любила, потому что они были слишкомъ легкомысленны. Предпочитая Спартанцевъ, которыхъ я находила болѣе искренними, но слишкомъ строгими, я думала, что по характеру Римляне занимали среднее мѣсто между этими двумя народами. Я сохранила это мнѣніе до войны съ Самнитянами, но измѣнила его во время договора съ Постуміусомъ, заключеннаго съ *одобренія народа*.

„Безъ затрудненія поняла я то, что вы объяснили мнѣ объ извѣстныхъ людяхъ, чье ученіе резюмировано было Аристотелемъ. Вы спрашиваете моего мнѣнія о причинѣ, побудившей Ѳемистокла дѣйствовать при Саламинѣ. Я думаю, что проливъ былъ для Грековъ болѣе выгодною позиціей, иначе Ѳемистоклъ отступилъ бы, какъ онъ это сдѣлалъ въ Артемизіи.

„Замѣчаніе, сдѣланное вами въ пользу Іонійцевъ, очень поразило меня: оно доказываетъ, что роскошь становится менѣе необходимою тому, кто не чуждъ умственныхъ наслажденій.

„Я не совсѣмъ ясно понимаю, должна ли я одобрить поступокъ Аѳинянъ, не желавшихъ оставить за Перикломъ славу постройки Пропилеевъ, Парѳенона и т. п.

„Благоволите, милостивый государь, поговорить объ этомъ въ слѣдующемъ вашемъ письмѣ, которое доставитъ мнѣ большое удовольствіе.

„Луиза."

„Діепъ, 19 сентября 1829 г.

„Когда вы заставляли меня, милостивый государь, учить греческую исторію, я была такъ поражена величіемъ Грековъ и Карѳагенянъ, что мнѣ трудно было понять, какимъ образомъ Римляне могли стать повелителями міра. Я думаю вмѣстѣ съ вами, что родъ людской былъ бы очень несчастливъ подъ властью Грековъ и Карѳагенянъ. По этому поводу я вспоминаю доказательство умѣренности, данное Римлянами уходомъ на Авентинскую гору. Вы обратили мое вниманіе на то, что въ подобномъ случаѣ Греки разграбили бы дома богачей.

„Карѳагеняне сдѣлали бы міръ еще болѣе несчастнымъ.

„Англійскіе стихи, присланные вами мнѣ, я нашла прекрасными, такъ же какъ и замѣчаніе, которымъ оканчивается ваше письмо: „„Провидѣніе направляетъ всѣ событія къ нашему счастью.""

„Ваша цитата вызываетъ во мнѣ желаніе тоже сдѣлать цитату. Это фраза Боссюэта, напоминающаго, съ помощью какихъ слабыхъ средствъ распространилось христіанство, послѣ того, какъ оно было подготовлено такими великими переворотами. Вотъ эта фраза:

„„Только тогда ни позднѣе, ни то раньше—то, чего не могли сдѣлать пророки и Еврейскій народъ, когда онъ былъ наиболѣе покровительствуемымъ и вѣрнымъ, исполнено было двѣнадцатью рыбаками, посланными Іисусомъ Христомъ, и которые были свидѣтелями Его Воскресенія.""

„Я очень рада, что вы довольны моимъ первымъ письмомъ. Съ удовольствіемъ получу вашъ отвѣтъ.

„Луиза."

Одному изъ моихъ друзей г. Жоржу Монвалю, извѣстному архиваріусу театра Французской Комедіи, посчастливилось недавно найти у букинистовъ, въ собраніи театральныхъ піесъ—подлинную рукопись *Племянника Рамо*, то-есть тотъ документъ, который столько ученыхъ искали и не могли найти. Извѣстна одна копія съ него, находившаяся въ библіотекѣ Дидро и которая теперь находится, кажется, въ С.-Петербургѣ. Мѣстами есть нѣсколько варіантовъ и объясненій неизвѣстныхъ фразъ.

Г. Монваль напечаталъ эту рукопись въ Эльзевирской Библіотекѣ. Эта счастливая случайность такъ же любопытна, какъ та, которая выпала на мою долю нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Я нашелъ, тоже на набережной, въ книгѣ документовъ, относящихся до Шатобріана, одинъ изъ подлинныхъ списковъ академической рѣчи, которая вслѣдствіе запрещенія императора никогда не была произнесена.

Интересующимся анекдотическою частью революціи надо прочесть недавно появившійся трудъ г. дю-Блэ подъ заглавіемъ *Ораторы и Трибуны* (1789—1794). Въ немъ масса анекдотовъ самыхъ интересныхъ.

Къ числу романовъ, которые я могу посовѣтовать прочесть, относится произведеніе Кармепъ-Сильва — *Романъ Принцессы* и *Віолетта* г. Бенжамэна Филкона. Романъ Марселя Прево *Исповѣдь Любовника* написанъ прекрасно, но тамъ есть нѣсколько страницъ, не совсѣмъ удобныхъ для чтенія.

Въ этомъ произведеніи много чувства, много вдохновенія и, можетъ-быть, нѣкоторая часть личныхъ признаній, таинственныхъ и печальныхъ. Обѣ женщины, выведенныя въ немъ, очень интересны; еслибъ авторъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ согласился пожертвовать излишнею смѣлостью, нѣсколькими реалистическими выраженіями и слишкомъ рискованными картинами, романъ былъ бы безупречнымъ.

Вдова Армана Эйема издала *Мысли* своего покойнаго мужа. Книга украшена трогательнымъ предисловіемъ Александра Дюма, который въ этомъ предисловіи отзывается съ особенною почтительностію о вдовѣ Эйема. Вотъ оно:

„Милостивая государыня!

„Я очень тронутъ, найдя свое имя на первой страницѣ этой посмертной книги Армана Эйема, хотя это меня и не удивляетъ. Дѣйствительно, сколько разъ, во время нашихъ долгихъ и медленныхъ прогулокъ по лѣсамъ, окружающимъ Пломбьеръ, въ то время, когда онъ еще искалъ въ природѣ излѣченія отъ болѣзни, которая заставляла его страдать, сколько разъ разсуждали мы о тѣхъ психологическихъ вопросахъ, которые онъ ставитъ, рѣшая ихъ иногда одною свѣтлою, безпощадною или утѣшительною мыслію. Непрестанною тревогой, все возрастающимъ мученіемъ его ума и его души была горечь, доведенная до отчаянія, возникшая вслѣдствіе наблюденія и изученія людей и, въ то же

время, потребность въ преслѣдовавшемъ его идеалѣ совершенства, отъ которой онъ не могъ и не хотѣлъ свободиться. Оттого въ этой книгѣ слышатся два отголоска: его разума и его совѣсти. Умъ его перебѣгаетъ поочередно отъ одного къ другому, съ воплемъ то ироническимъ, то восторженнымъ, то болѣзненнымъ. Это какъ-будто колоколъ одного изъ большихъ соборовъ; его звонъ раздается въ вышинѣ, покрывая смутный шумъ города, привѣтствуя и радость, и печаль, и смерть, и рожденіе; замедляя или ускоряя удары, смотря по тому чья очередь: радости или скорби, но заставляя всѣхъ слушающихъ сосредоточиться на мгновеніе на ощущеніи ничтожества и чувствѣ безконечности.

„Эта книга не чисто литературное, болѣе или менѣе эстетическое произведеніе юмориста, въ духѣ Панглоса или Шопенгауера, заключающее въ себѣ истины или парадоксы, въ видѣ остроумныхъ формулъ, выраженныхъ въ наиболѣе легкой формѣ для запоминанія, юмориста переходящаго затѣмъ къ работамъ другаго рода, чтобъ отдохнуть отъ этого труда. Нѣтъ, тотъ кто написалъ эти мысли и правила, вырвалъ ихъ почти всѣ изъ глубины своего внутренняго существа, оставляя на мѣстѣ ихъ раны и язвы. Тотъ, кто написалъ эту книгу, не только перечувствовалъ, пережилъ ее отъ начала до конца, онъ сдѣлалъ больше, онъ извлекъ ее изъ своего собственнаго существа и умеръ отъ этого. Заканчивая страшнымъ требованіемъ, которымъ кончается эта книга: „„не надо умирать, надо исчезнуть““, онъ дѣлалъ не просто философскій выводъ, но ставилъ условіе, которое выполнилъ. Вотъ что придаетъ этой книгѣ такое значеніе, которое при равномъ достоинствѣ не могло бы имѣть произведеніе человѣка еще живущаго. Это завѣщаніе души, которая могла бы остаться на землѣ, еслибъ ее удовлетворяли земныя блага и земное счастіе. Онъ имѣлъ больше, чѣмъ люди осмѣливаются желать или о чемъ они рѣшаются мечтать. Но, разочарованный, онъ желалъ достиженія идеала, который онъ преслѣдовалъ постоянно и не взирая ни на какія препятствія, и такъ какъ убѣдился въ недостижимости въ здѣшнемъ мірѣ, то добровольно отправился искать его въ смерти. Нашелъ ли онъ его тамъ?“

Изъ стихотвореній, изданныхъ Лемеромъ, укажу на *Колокола* г. Тирсэна и на *Блуждающіе Часы* и *Апрѣльскія Пѣсни* изящнаго поэта г. Октава Лакруа, о которомъ я однажды уже говорилъ; этой послѣдней книгѣ, воспроизводящей трудъ его молодости, полной нѣжности и любви, предпослано неизданное письмо

Виктора Гюго, находившагося тогда въ изгнаніи. Оно помѣчено 15 декабря 1853 года. Вотъ оно:

„Благодарю васъ, милый и дорогой поэтъ. Ваши прелестныя ласточки поселились у меня за окномъ. Онѣ машутъ крыльями въ бурю... Я прочиталъ эту благородную и милую книгу. Что за красивые, что за прелестные стихи! Все это молодо, честно, свѣжо и хорошо! У васъ талантъ, который врачуетъ сердце. Продолжайте; сколько бы вы ни писали стиховъ, я ихъ буду читать. Пускай поэзія будетъ желанною гостьей въ несчастіи! Пока синяя птица будетъ стучать клювомъ въ стекло моего окна, я отворю его и скажу Богу и вамъ—спасибо!“

Неизданныя письма Флобера появились на этихъ дняхъ. Я нашелъ тамъ, между прочимъ, очень интересное письмо по поводу затрудненій, которыя въ 1857 году дѣлались журналомъ *Revue de Paris*, гдѣ печаталась *Госпожа Бовари*, громадный успѣхъ которой и поразительное вліяніе на современную литературу извѣстны. Оно адресовано Лорану Пиша, главному редактору *Парижскаго Обозрѣнія*:

„Дорогой другъ!

„Вопервыхъ, благодарю васъ за то, что вы лично устраняетесь; значитъ я говорю теперь не съ поэтомъ Лораномъ Пиша, но съ журналомъ, абстрактною личностью, толмачемъ которой вы являетесь. Итакъ, вотъ что я могу отвѣтить *Парижскому Обозрѣнію:*

„1) Оно три мѣсяца держало у себя рукопись *Госпожи Бовари* и раньше, чѣмъ была напечатана первая строчка, оно должно было составить себѣ мнѣніе объ этомъ произведеніи. Надо было брать его или отказать въ пріемѣ. *Обозрѣніе* взяло его, тѣмъ хуже для *Обозрѣнія.*

„2) Послѣ того, какъ условіе было заключено и принято, я согласился на изъятіе одного мѣста, по моему очень важнаго, потому что *Обозрѣніе* утверждало, что это мѣсто представляется опаснымъ для него. Я исполнилъ это охотно, но не скрываю отъ васъ (обращаюсь къ своему другу Пиша), что въ этотъ день я горько пожалѣлъ о томъ, что рѣшилъ печатать.

„Выскажемъ нашу мысль цѣликомъ или не будемъ ничего говорить.

„3) Я нахожу, что я уже много сдѣлалъ, а *Обозрѣніе* находитъ, что мнѣ надо сдѣлать еще больше. Ну, а я *ничего не сдѣлалъ*,

ни одного исправленія, ни одного сокращенія, я не вычеркну ни одной запятой, ничего, ничего!.. Но если *Парижское Обозрѣніе* находитъ, что я его компрометтирую, если оно боится, выходъ изъ этого очень простъ: пусть оно прекратитъ сразу печатаніе *Госпожи Бовари*. Мнѣ это совершенно безразлично.

„Теперь, когда я кончилъ свою бесѣду съ *Обозрѣніемъ*, позволю себѣ замѣтить другу:

„Вычеркивая эпизодъ извощичьей кареты, вы не сократили ничего изъ того, что скандализируетъ, и вычеркивая въ шестомъ нумерѣ то что просите, вы опять ничего не сократите.

"Вы придираетесь къ подробностямъ, а надо обвинять цѣлое. Животный элементъ лежитъ въ основаніи, а не на поверхности. Негра сдѣлать бѣлымъ нельзя и *крови* книги не измѣнишь. Можно сдѣлать ее блѣднѣе—и только.

„Само собой разумѣется, если я и поссорюсь съ *Парижскимъ Обозрѣніемъ*, я все-таки останусь другомъ его редакторовъ.

„Я знаю какую долю въ литературѣ слѣдуетъ относить на счетъ администраціи.

„Весь вашъ."

Несчастному Флоберу не везло съ этимъ журналомъ. Въ объявленіяхъ объ его романѣ онъ напечаталъ имя автора, пропустивъ букву Л. „Это имя мелочнаго торговца на улицѣ Ришелье напротивъ Французскаго Театра", писалъ отчаявшійся Флоберъ—Луи Булье. И этотъ дебютъ предсказывалъ неудачу. Вышло какъ разъ наоборотъ.

Я только что упоминалъ объ Александрѣ Дюма. Знаменитый писатель далъ еще предисловіе къ анонимной книгѣ, озаглавленной *Мысли Одиночества*. Это мастерская страница, которая вызоветъ много споровъ. На ней лежитъ отпечатокъ нѣсколько печальной философіи.

Г. Леонъ Клери, извѣстный адвокатъ, собралъ въ одну книгу свои судебныя воспоминанія въ родѣ процесса *Нельской Башни*, процесса г. Сарду съ г. Маріо Ошарамъ, Шёвье съ издателемъ Шарпантье и т. д. По заявленію нѣкоторыхъ заинтересованныхъ лицъ, онъ внезапно остановилъ продажу этой книги, которую теперь нельзя нигдѣ найти. Нельзя быть болѣе любезнымъ. Интереснѣе всего процессъ дѣвицы Лёконь съ княземъ де-Шимэ, и такъ какъ книга изъята изъ обращенія, я приведу изъ нея слѣдующую интересную выдержку:

„Въ 1884 году я сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, когда мнѣ

доложили, что меня спрашиваетъ дама, которая не желаетъ сказать своего имени. Я приказалъ ее принять. Она была молода и лицо ея, скрытое подъ густымъ вуалемъ, показалось мнѣ замѣчательно краснвымъ. Она разсказала мнѣ исторію *одной подруги*—обычная формула—и просила моего совѣта. Исторія была интересна, даже драматична, голосъ, которымъ она ее разсказывала, былъ гармоничепъ и прелестнаго тембра. Я далъ просимый совѣтъ и въ передней, куда я ее проводилъ, я увидѣлъ лакея въ роскошной ливреѣ, очень краснваго, державшагося съ большимъ достоинствомъ и который, еще немного, сталъ бы показывать мнѣ мою собственную переднюю!

„Черезъ два дня новое посѣщеніе. Несмотря на плотный вуаль, я узналъ свою кліентку.

„Войдя въ кабинетъ, она спросила, узнаю ли я ее.

„Я отвѣтилъ: какъ вамъ будетъ угодно. Если вы не желаете быть узнанною, вы можете выйти отсюда въ полной увѣренности, что васъ не узнали.

„— Нѣтъ. Если вы знаете кто я, скажите мнѣ.

„— Вы—княгиня Шимэ.

„— Да, исторія, которую я вамъ разсказала, моя собственная.

„— Я ни одной минуты въ этомъ не сомнѣвался.

„— Я думаю и нахожу поэтому, что лучше и благороднѣе говорить съ открытымъ сердцемъ и лицомъ.

„Мы долго бесѣдовали и я узналъ, что она была дочерью маленькаго Маркъ - Мишеля, моего товарища по училищу въ 1843 году и внучка высокой, полной и краснощекой особы, которую мы часто видѣли въ пріемной по четвергамъ, пріѣзжала она въ училище въ каретѣ на парѣ лошадей и вынимая платокъ надушенный пачули, распространяла вокругъ себя всѣ ароматы Олимпа!

„Бѣдная княгиня была тогда очень несчастна! Мать выдала ее замужъ, чтобъ избавиться отъ нея, а такъ какъ у ней было много милліоновъ, то ей купили князя, какъ покупали куколъ, когда она была маленькою, съ тою разницей, что куклы принадлежали ей, а она должна была принадлежать князю...

„Дочь моего школьнаго товарища воспитывалась нѣкоторое время въ Флинѣ, въ Бельгіи, въ великолѣпномъ помѣстьѣ, пріобрѣтенномъ ея отцомъ и куда онъ осенью отправлялся охотиться въ минуты отдыха отъ парижской жизни, его убившей.

„Тамъ у дѣвочки былъ товарищъ игръ, мальчикъ, сынъ очень

состоятельнаго бельгійскаго фермера. Его отецъ, у котораго было восемь человѣкъ дѣтей, далъ каждому изъ нихъ по сту тысячъ франковъ. Сынъ Жанъ, замѣчательно красивый и очень умный, такъ же какъ и Рюи-Блазъ, получилъ классическое образованіе: онъ былъ очень хорошимъ музыкантомъ, игралъ на мандолинѣ, какъ Испанецъ, писалъ прелестные стихи и былъ бы на мѣстѣ въ любой гостиной.

„Случилось то, что должно было случиться. Благодаря постояннымъ свиданіямъ, молодые люди полюбили другъ друга. Маркъ-Мишель умеръ, а когда настало время выдать молодую дѣвушку замужъ, мать конечно не справилась съ ея сердцемъ.

„Она стала княгиней, и однажды предъ ней въ ливреѣ Рюи-Блаза предсталъ Жанъ; ни съ кѣмъ не посовѣтовавшійся, болѣе красивый, болѣе юный, болѣе влюбленный и болѣе плѣнительный, чѣмъ когда-либо и тѣмъ болѣе плѣнительный, что, приносимая имъ жертва, дорого стоившая ему, дѣлала его достойнымъ высшей награды! Потомъ все обнаружилось, произошелъ разрывъ и съ тѣхъ поръ князю важно было распускать слухъ, что низкая интрига его жены ставила ее ниже его презрѣнія, но не его корыстолюбія!“

Неутомимый г. Зола готовитъ новый романъ подъ заглавіемъ *Война*. Онъ ѣздилъ въ Арденны, гдѣ, какъ генералъ, изучалъ битвы 1870 года. Шагъ за шагомъ прослѣдилъ онъ путь 7 армейскаго корпуса и путь Наполеона III съ 23 августа по 3 сентября страшнаго года. Онъ направился черезъ Реймсъ, Курсель, Иронь, Вузье, Катръ-Шанъ, Жермонъ, Отъ, Лё-Шэнъ, Рокуръ, Парокуръ, Репильe и Седанъ. Во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ прекраснымъ проводникомъ ему служилъ Живонскій меръ, г. Филипото, очевидецъ событій 1870 года и знающій департаментъ, какъ свои пять пальцевъ. Я желалъ бы, чтобы г. Зола приложилъ всю силу своего таланта къ этой столь драматичной исторіи, и какъ въ своемъ, такъ и въ нашемъ интересѣ избавилъ бы насъ отъ грубыхъ страницъ, которыя такъ часто портятъ его произведенія. Тема, надъ которою онъ работаетъ больше чѣмъ что-либо другое, должна отвратить его отъ этого. Къ сожалѣнію, почти увѣренъ, что мы опять увидимъ появленіе солдатской возлюбленной и ея печальной свиты.

Здѣсь много говорятъ о литературной эволюціи, о нео-реалистахъ, символистахъ, психологахъ и т. п. Леконтъ дё-Лиль, на вопросы, предложенные ему недавно репортеромъ газеты *Echo*

de-Pari на счетъ этихъ новыхъ школъ, не скрылъ всего своего презрѣнія къ этимъ смѣшнымъ новаторамъ.

„Возьмите пляпу, сказалъ онъ, наложите туда нарѣчій, союзовъ, именъ существительныхъ, именъ прилагательныхъ, таскайте оттуда на удачу и получите символизмъ, декадентизмъ, инструментизмъ и всевозможную галиматью, которая отъ нихъ происходитъ. Вы смѣетесь? Но увѣряю васъ, что они только это и дѣлаютъ. Это „любители бреда“, о которыхъ упоминаетъ Бодёлэръ. Онъ говорилъ, бросьте вверхъ буквы печатнаго набора и падая на бумагу, онѣ образуютъ стихи. Вотъ символисты и повѣрили Бодёлэру. Они „любители бреда!“... Видите ли, все можетъ случиться, могутъ произойти самыя страшныя революціи и перевороты, но литература никогда не обойдется безъ слѣдующихъ трехъ достоинствъ: опредѣленности, точности и ясности.“

* * *

На прошлой недѣлѣ въ театрѣ Французской Комедіи начались представленія *Свадебнаго Визита*. Несмотря на замѣчательно веденные діалоги, на обмѣнъ остроумія между дѣйствующими лицами, особеннаго успѣха это произведеніе не имѣло, такъ какъ оно настолько же неправдоподобно, насколько и безнравственно. Дѣйствительно публика не можетъ допустить, чтобы женщина „лучшаго общества“, однажды втайнѣ согрѣшившая, взяла на себя роль уличной женщины, чтобы сорвать маску съ мерзавца, своего бывшаго любовника. Александръ Дюма отвѣчаетъ, что госпожа дё-Морансе легкомысленно говоритъ о своихъ любовникахъ, потому что ихъ у нея не было. Она такъ боится грѣха, что соглашается на эту игру, чтобы въ будущемъ избѣжать всякой опасности. Но боязнь ея не особенно стѣсняла эту даму при жизни ея мужа и по всему можно догадываться, что если г. дё-Синьерэ (бывшій любовникъ) сыгралъ еще разъ комедію любви, госпожа дё-Морансе попалась бы опять на ту же удочку. Поэтому роль принятая ею на себя во всѣхъ отношеніяхъ печальна. Отсюда видно, что бы ни говорилъ авторъ *Свадебнаго Визита*, что эта пьеса не сатира на ложную любовь и не восхваленіе истинной любви. Этого въ ней мы не видѣли. Мы нашли тамъ только человѣка циничнаго и непріятнаго, гоняющагося за наслажденіемъ, и легкомысленную женщину сомнительнаго поведенія. Одно можно утверждать, не опасаясь опроверженій.

что эта комедія была точкой отправленія тѣхъ печальныхъ произведеній, которыя съ тѣхъ поръ загромождаютъ наши сцены. Афоризмы г. дё-Синьерэ, рискованные намеки Лёбонара, смѣлыя выходки Лидіи ввели въ моду реалистическія сцены. Понимаю, что г. Александру Дюма непріятно видѣть, какихъ уродовъ онъ наплодилъ. Конечно, ему не нравится, что эти уродцы имѣютъ притязаніе на родство съ нимъ, превосходятъ его въ рискованности положеній и ничего не заимствуютъ отъ его остроумія и таланта. Ему слѣдовало бы вспомнить свое же выраженіе, сказанное имъ однажды по адресу г. Зола, когда тотъ вывелъ его изъ себя своими рискованными сценами: „Въ жизни есть реальныя вещи, о которыхъ можно говорить вдвоемъ и нельзя говорить, когда присутствуетъ третій. Ну, а на сценѣ всегда присутствуетъ третій.“ Эти слова и остроумны, и основательны, и примѣнимы къ *Свадебному Визиту*.

Послѣ неудачи *Лиліаны* и *Счастья въ четверомъ*, Водевиль возобновилъ пьесу г. Жюля Лёмэтри — *Бунтовщица*, имѣвшую нѣкоторый успѣхъ въ Одеонѣ, въ 1879 году. По достоинству эта пьеса выше *Mariage blanc*. Дѣйствующія лица въ ней серьезно задуманы, мѣстами она производитъ впечатлѣніе, нѣкоторыя сцены оживленны и остроумны. Кое въ чемъ она представляется неправдоподобною, но сама по себѣ комедія натуральна и трогательна. Она вся построена на характерѣ Елены Руссо, незаконной дочери госпожи дё-Вовъ, которая не любитъ своего мужа, хотя онъ прекрасный и трудолюбивый человѣкъ. Она готова пасть, соблазненная спортсмэномъ г. дё-Бретиньи, но ее спасаютъ мать и братъ. Мужъ съ оружіемъ въ рукахъ защищаетъ свою честь и возвращаетъ себѣ любовь жены, которая перестаетъ бунтовать.

Въ Одеонѣ поставлена новая пьеса, г. дё Порто-Ришъ, *Влюбленная*, имѣвшая очень мало успѣха. Три длинные акта, посвященные страстной любви законной жены, преслѣдующей своими ласками бѣднаго мужа и кончающей тѣмъ, что, убѣдившись въ его холодности, она его обманываетъ, показались зрителямъ слишкомъ длинными. Добавляю, что пьеса вообще тяжело написана. Одинъ изъ героевъ, живописецъ Паскаль, не переставая, насмѣхается надо всѣмъ, и эти шутки, отзывающіяся мастерской, выходки и замѣчанія скорѣе раздражаютъ, чѣмъ забавляютъ. Публикѣ казалось, что всѣ дѣйствующія лица страдаютъ неврозомъ, или сумашествіемъ.

Я предпочитаю пьесу Генриха Ибсена—*Дикая Утка*, переведенную гг. Ефраимомъ и Линденгаубомъ, какою бы непонятною она ни казалась. Она шла въ Théâtre Libre, куда я ходилъ ее смотрѣть. Это исторія Грегора Верна, сына богатаго норвежскаго негоціанта, расходящагося съ отцомъ, потому что тотъ, только что овдовѣвъ, собирается жениться на бывшей любовницѣ. Грегоръ поселяется у друга дѣтства, неудачника, Тильмара Экдаля. Тамъ онъ сообщаетъ этому несчастному, что тотъ женатъ на горничной госпожи Верль, которая тоже была любовницей его отца. Онъ сообщаетъ ему также, что прелестная Гедвига, которую онъ считаетъ своею дочерью, въ дѣйствительности незаконная дочь Жины и Верля. Гедвига подслушиваетъ этотъ разговоръ, и притворяясь, что хочетъ убить дикую утку, служащую утѣхой дѣда, впавшаго въ дѣтство, убиваетъ себя. Утка тутъ только аксессуаръ, болѣе или менѣе дикій. Пьеса дѣйствительно интересна и отзывается чѣмъ-то экзотическимъ, особеннымъ, проникающимъ въ душу. Она мнѣ доставила истинное удовольствіе, тѣмъ болѣе, что обыкновенно Théâtre Libre подноситъ намъ однѣ чудовищныя вещи. Въ этой пьесѣ есть хоть одно симпатичное трогательное дѣйствующее лицо, напоминающее самыя восхитительныя созданія Шекспира. Разумѣется я говорю не объ уткѣ, а о доброй и милой Гедвигѣ.

Говорятъ, что артисты Французской Комедіи въ Тріанонѣ, на маленькой сценѣ Маріи Антуанеты въ непродолжительномъ времени поставятъ *Непредвидѣнное* Пари-Сёдэна, чтобы дополнить сумму необходимую на постановку статуи Гудона.

Г. Бертранъ, бывшій директоръ Варьете, назначенъ директоромъ оперы и обѣщался разнообразить репертуаръ, покончить съ рутиной, сформировать хорошую труппу и лучше обученные хоры. Онъ говоритъ, что поставитъ *Взятіе Трои* Берліоза, *Саламбо* Рейера, *Иродіаду* Масёне, *Отелло* Верди, *Жизнь за Царя* Глинки, *Лоэнгринъ* Вагнера, *Орфей* и *Армиду* Глюка и т. п. Г. Колоннъ возьметъ на себя управленіе оркестромъ. Мы всѣ здѣсь искренно желаемъ исполненія этихъ прекрасныхъ обѣщаній, потому что намъ надоѣло слушать *Фаворитку* и *Гугенотовъ*. Вчера новая дирекція попала уже на сцену, въ маленькомъ забавномъ обозрѣніи, добавленномъ въ качествѣ пятаго акта къ веселой комедіи *Парижъ въ концѣ столѣтія*, возобновленной на театрѣ *Gymnase*.

Комическая Опера поставила новую пьесу г. Эмиля Песара *Любовное Безуміе*, выкроенную изъ пьесы Реньяра. Это комиче-

ская опера, очень веселая, хотя мѣстами впадаетъ въ оперетку. Мнѣ понравились въ ней дуэтъ Агаты и Лизеты, финалъ перваго акта. Хоровые нумера, не особенно многочисленные, исполняются хорошо и производятъ эффектъ.

Комическая опера г. Зуппе—*Жуанита*, поставленная въ прошломъ мѣсяцѣ въ театрѣ Folies Dramatiques, та самая, которая имѣла такой успѣхъ въ Вѣнѣ. Либретто просто до наивности, но музыка очень веселая. Вальсы, польки, любовные дуэты, рондо, всего тутъ достаточно. Эта легкая музыка восхищаетъ слушателей, и каждый вечеръ они заставляютъ повторять почти всѣ нумера.

Мечта гг. Зола, Галле и Брюно репетируется на сценѣ Комической Оперы. Постановка будетъ, какъ говорятъ, выдающаяся, со многими поэтическими картинами.

* * *

Въ то время, какъ открывался салонъ въ Елисейскихъ Поляхъ, мы потеряли одного изъ нашихъ великихъ скульпторовъ, уважаемаго Шапю. Въ числѣ другихъ замѣчательныхъ произведеній, послѣ него остались: *Жанна д'Аркъ, прислушивающаяся къ голосамъ*, находящаяся въ Люксембургскомъ музеѣ, *юность* на гробницѣ Анри Реньо, памятникъ Флобера, гробница епископа Дюпанлу и статуя герцогини Орлеанской. Въ открывшемся салонѣ поставлены и закрыты крепомъ его два послѣдніе тріумфа—статуя принцессы Вельсской и статуя кардинала Бишоза. Это былъ художникъ, стоявшій внѣ сравненія, который всю жизнь свою думалъ только объ искусствѣ, о великомъ искусствѣ. Воздадимъ же ему честь!

Салонъ открылся 30 апрѣля. Всѣ были восхищены изящнымъ убранствомъ этого салона. Повсюду бархатныя занавѣси, золотыя украшенія, прелестныя драпировки. Въ прежнемъ помѣщеніи рисунковъ устроена восхитительная зала для отдыха. Полы покрыты мягкими, бархатными коврами. Синія драпировки служатъ прекрасными рамками для высокихъ сидѣній, и глубокихъ, и покойныхъ креселъ. Большое окно, выходящее на центральную аллею Елисейскихъ Полей, даетъ доступъ веселымъ лучамъ солнца въ эту залу, бывшую прежде такою печальною. Вездѣ разставлены цвѣты. Всѣ залы расположены и освѣщеніе лучше, чѣмъ прежде. Слѣдуетъ признать, что художники въ Елисейскихъ

Поляхъ роскошью и комфортомъ превзошли своихъ товарищей на Марсовомъ Полѣ. Въ конкурренціи есть доля хорошаго.

Больше всего толпятся передъ картинами: г. Жана-Поля Лоранса—*Стальной сводъ* историческая сцена 17 іюля 1789 года, когда Бальи принимаетъ Людовика XVI въ городской думѣ, и стража почтительно скрещиваетъ шпаги надъ головой короля. *Капитанъ Маріаль* изъ *Термидора* г. Альбера Ламбера, *Магдалина и Христосъ* Эннеженскій портретъ и *Венгерскій кабакъ* г. Мункачи, превосходный женскій портретъ г. Бонна, *Тревога* г. Бернъ-Белькура, *Мокрый амуръ* г. Бугёро, *Аврора* г. Гарнинье, *Діана* г. Жюля Лефебвра, *Смерть Вавилона* г. Рошгроса. Послѣдняя картина, громадная по размѣрамъ, указываетъ значительный талантъ ея творца и повидимому заслуживаетъ первой медали. Конечно, есть недостатки въ этомъ гигантскомъ произведеніи, но это одна изъ самыхъ необыкновенныхъ картинъ, которыя мнѣ когда-либо пришлось видѣть. Конецъ оргіи, пробужденіе Валтазара, появленіе зловѣщаго ангела, прибытіе Персовъ, ужасъ однѣхъ жертвъ, безучастность другихъ, обстановка, среди которой происходитъ эта сцена, все это исполнено рукой мастера.

Нельзя не упомянуть о пейзажахъ госпожи А. Миро, Ж. Бретонъ, Моншаблонъ, Зуберъ и Франсе, морскихъ видовъ гг. Гакетъ, Норманъ, Гримлёнъ, Лё-Сенешарь, Ренуфъ; разныя картины гг. Жофруа, Брисло, Ковальскаго, Бисбингъ, Вильфрэ, Венкеръ, Машаръ, Бенжамэна Констана, Лабришонъ и т. д.

Что касается скульптуры, то самою изящною, самою прелестною статуей оказывается безспорно Діана г. Фальгоера, на этотъ разъ художникъ послушался критики и критиковъ. Онъ занялся своими первыми пробами, переработалъ и отдѣлалъ ихъ. Онъ идеализировалъ и обоготворилъ дѣвственную Діану, и это ему вполнѣ удалось. Статуя эта—чудо граціи.

Упомяну еще *Іисуса Учителя* г. Ларша, *Ангела и ребенка* г. Круази, *Жіотто* г. Лаганикъ, *Дантона* г. Пари, *Chevrier basque* г. Лемэра, *Ребенка съ тачкой* г. Таверна, *Памятникъ Гамбетты* г. Бартольди, *Іоанну д'Аркъ* г. Алла, бюсты г. Аллуара, *Моцарта ребенка* г. Барріо, *Сена у истока* г. Бекэ, *Charmeuse* г. Бегнь, *Souviens-toi* г. Божино, *Орла* г. Кэна, національный памятникъ Коста-Рика г. Карье-Беллёзъ, *Еву* г. Коста, *Признаніе* г. Делорма, *Танцовщицу* г. Жерома и т. д.

Мы имѣетъ прекрасную школу скульпторовъ и можемъ ею гордиться.

Изъ русскихъ живописцевъ я замѣтилъ картины гг. Алексѣева, Гриценко, Каплана, Маковскаго, Перова, Розенберга, Тращенко, Нева и Квенцбургъ; г. Бернштамъ выставилъ прекрасный бюстъ барона Моренгейма.

Вообще салонъ въ Елисейскихъ Поляхъ очень интересенъ. Надѣюсь сказать то же самое въ будущемъ мѣсяцѣ о салонѣ на Марсовомъ Полѣ, который открывается 15 мая.

Г. Вельшингеръ.

5 мая 1891 года.

ПИСЬМА ИЗЪ ЛОНДОНА.

Письмо V.

День 1 мая прошелъ въ Лондонѣ довольно спокойно, настолько, по крайней мѣрѣ, насколько это относится до рабочихъ, но въ этотъ день происходило собраніе, которое для вашихъ читателей вѣроятно гораздо интереснѣе, чѣмъ самыя внушительныя демонстраціи рабочихъ союзовъ. Я говорю о конференціи, происходившей вечеромъ перваго мая въ Вестминстерскомъ дворцѣ, подъ предсѣдательствомъ лорда Дёнрэвена, на которой присутствовали многіе члены парламента и представители разныхъ благотворительныхъ и административныхъ учрежденій, собравшіеся для обсужденія вопроса о прибывающихъ въ Англію неимущихъ переселенцахъ изъ другихъ странъ. Истинное значеніе этой конференціи заключается въ томъ, что въ виду увеличенія числа переселенцевъ, многіе предусмотрительные люди въ Англіи пришли къ заключенію о необходимости мѣръ къ прекращенію доступа въ Англію русскимъ, польскимъ и нѣмецкимъ Евреямъ, которые все больше и больше тяготѣютъ къ Лондону. Душой этой конференціи былъ г. Арнольдъ Вайтъ, отличившійся нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ коммиссіи о поденномъ трудѣ и занимавшійся отправкой партій колонистовъ изъ Англіи въ Южную Африку. За послѣднія десять лѣтъ г. Арнольдъ Вайтъ проводилъ много времени въ лондонскомъ Ист-эндѣ, гдѣ произвелъ очень трудное изслѣдованіе условій деморализаціи рабочихъ. Его небольшая книга *Загадки большаго города* привлекла при первомъ своемъ появленіи значительное и заслуженное вниманіе и его

можно считать первоначальнымъ авторомъ выраженія, сдѣлавшагося затѣмъ извѣстнымъ всему міру: *The submerged Tenth*. Съ нѣкоторыхъ поръ г. Вайтъ состоитъ въ постоянномъ антагонизмѣ съ Ист-Эндскимъ учрежденіемъ для покровительства Евреямъ. Много лѣтъ тому назадъ онъ указалъ на возрастаніе въ Лондонѣ еврейскаго населенія, подкрѣпляемаго постоянною иммиграціей изъ-за границы, какъ на опасность для благосостоянія англійскихъ рабочихъ. Несмотря на это, онъ до сихъ поръ продолжаетъ быть въ очень короткихъ отношеніяхъ съ Ротшильдами, а въ послѣднее время расширилъ кругъ своего знакомства, включивъ въ него и другихъ богатыхъ Евреевъ, именно барона Гирша, чья репутація въ отношеніи богатства и свѣтскости стоитъ гораздо выше, чѣмъ въ отношеніи совѣстливости. Г. Вайтъ—неутомимый путешественникъ, онъ объѣхалъ нѣсколько разъ вокругъ свѣта и всесторонне изучилъ задачи колонизаціи. Онъ жилъ въ Индіи и въ Африкѣ, и изучалъ вопросъ о китайской иммиграціи въ Австралію и въ Америку. Въ отношеніи религіи онъ совсѣмъ не ханжа и на дняхъ издалъ маленькую брошюру, въ которой сильно защищаетъ религію безъ священниковъ и оплачиваемаго духовенства. Его отецъ нонконформистскій священникъ въ Лондонѣ, пріобрѣвшій нѣсколько лѣтъ тому назадъ извѣстность, благодаря своему участію въ спорѣ о состояніи нераскаявшихся на томъ свѣтѣ. Почтенный г. Эдвардъ Вайтъ былъ главой той школы богослововъ, которая утверждала, что вмѣсто сохраненія жизни грѣшникамъ для вѣчныхъ мукъ они будутъ милосердно уничтожены. Его сынъ Арнольдъ принадлежитъ болѣе или менѣе къ разнымъ христіанскимъ церквамъ, но посвятилъ себя гуманитарному дѣлу и соціалогическимъ опытамъ. Онъ дѣйствовалъ въ качествѣ агента богатой титулованной дамы, нашедшей средства для основанія въ Южной Африкѣ небольшихъ англійскихъ колоній, съ тѣмъ чтобы потомъ употребить полмилліона на устройство болѣе широкой колонизаціи. Неожиданная смерть ея положила конецъ его дѣятельности въ этомъ направленіи и онъ, еще усерднѣе чѣмъ прежде, обратился опять къ изученію вопроса о лондонской нищетѣ. На дняхъ онъ говорилъ мнѣ, что достигъ глубокаго убѣжденія въ полной безполезности всякихъ попытокъ къ облегченію несчастій нашего пролетаріата, съ помощью вывоза избранной части нашего сельскаго населенія въ Центральную Африку и Австралію, когда въ то же время наша страна превращается въ убѣжище для негод-

ныхъ эмигрантовъ Восточной Европы. Дѣйствія американскаго правительства по сокращенію эмиграціи дали толчокъ развитію подобнаго же законодательства для нашихъ гаваней. Вооружившись новымъ закономъ объ эмиграціи, г. Вайтъ началъ настоящую пропаганду въ пользу сокращенія господствующей въ настоящее время свободы, предоставленной каждому поселяться на англійской почвѣ. Въ этой дѣятельности онъ нашелъ драгоцѣнную поддержку въ попечителяхъ надъ бѣдными, которые при нашемъ полусоціалистическомъ законѣ о бѣдныхъ принуждены давать продовольствіе и одежду, а въ случаѣ нужды и жилище всѣмъ неимущимъ, находящимся въ ихъ административныхъ районахъ. Онъ въ настоящее время печатаетъ небольшую книгу, содержащую отзывы разныхъ писателей о вредѣ такой неограниченной иммиграціи и предположенія о способахъ, которыми можно ее ограничить. Конференція, собравшаяся вечеромъ перваго мая, была первымъ публичнымъ доказательствомъ успѣла его агитаціи. Лордъ Дёнрэвенъ, занимавшій одно время второстепенный постъ въ министерствѣ лорда Солсбери, душой и сердцемъ преданъ дѣлу Арнольда Вайта и отъ сорока до пятидесяти членовъ парламента высказали свою симпатію преслѣдуемой имъ цѣли. Они покровительствовали конференціи, и можно сказать, что она указываетъ на начало движенія, которое вѣроятно будетъ имѣть очень большое вліяніе на наше законодательство.

Когда, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, лордъ-меръ собиралъ митингъ въ Гильдъ-Голлѣ, для протеста противъ обращенія съ Евреями въ Россіи, госпожа Новикова писала въ *Times*, что ближайшимъ послѣдствіемъ подобной агитаціи будетъ привлеченіе все бо̀льшаго и бо̀льшаго числа Евреевъ, къ тяжелой долѣ которыхъ выражено было столько симпатіи. Но, кажется, никто не внялъ ея предостереженіямъ. Митингъ былъ собранъ, резолюціи приняты и письмо лордъ-мера было своевременно отправлено Государю Императору для того, чтобы вернуться непрочитаннымъ. Послѣдствія предвидѣнныя госпожой Новиковой наступили и еженедѣльно въ Лондонъ и Гулль прибываютъ Евреи съ болѣе или менѣе ограниченными средствами. Вычислено, что число прибывающихъ ежегодно Евреевъ колеблется между 10.000 и 15.000, я говорю о тѣхъ, которые поселяются въ странѣ, а число прибывающихъ только для того, чтобы затѣмъ отправиться въ Америку, гораздо больше, но число поселяющихся въ Англіи достигаетъ приблизительно 13.000 въ годъ. Эти пришельцы не обращали бы на

себя вниманія, еслибы вопросъ былъ чисто религіозный. Англія уже впродолженіе нѣсколькихъ столѣтій гордится гостепріимствомъ, съ которымъ она принимаетъ преслѣдуемыхъ чужестранцевъ. Многимъ въ своей промышленности и многими удобствами, дѣлающими жизнь пріятною, Англія обязана гостепріимству, оказанному Гугенотамъ послѣ отмѣны Нантскаго эдикта, и несомнѣнно, что прибытіе Евреевъ изъ-за границы не вызвало бы никакихъ возраженій изъ-за того только, что они не христіане. Оппозиція противъ нихъ чисто соціальная и стоитъ на той же почвѣ, на которой построены обвиненія Американцевъ и Австралійцевъ противъ Китайцевъ. Иностранный Еврей, прибывающій въ Англію безъ гроша въ карманѣ, во многихъ отношеніяхъ заслуживаетъ состраданія и выигрываетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ при сравненіи съ англійскимъ рабочимъ, которому онъ является соперникомъ. Какъ общее правило онъ воздержанъ и никогда не предается пьянымъ оргіямъ, унижающимъ и разоряющимъ тысячи Англичанъ. Никто также не обвинитъ его въ лѣности. Напротивъ, Еврей вызываетъ неудовольствіе тѣмъ, что онъ охотно готовъ работать по 16 часовъ въ сутки за такое вознагражденіе, на которое англійскій рабочій не могъ бы существовать. Рабочіе классы въ нашей странѣ уже много лѣтъ заняты постояннымъ стараніемъ улучшить условія труда. Путемъ свободнаго соглашенія и законодательныхъ мѣръ старались они о сокращеніи рабочаго дня и дѣлали много успѣшныхъ попытокъ къ поднятію заработной платы. Но чтобъ удержать за собою завоеванную почву и достичь новыхъ успѣховъ въ этомъ направленіи, безусловно необходимо, чтобъ они состояли въ союзѣ между собой и могли предотвратить паденіе заработной платы, наступающее тогда, когда являются два кандидата на работу, достаточную только для одного. Легко понять, какъ пагубно для союзовъ постоянное наводненіе рабочаго рынка людьми, нуждающимися и поставленными въ необходимость соглашаться на любое вознагражденіе за дневной трудъ, какъ бы мало оно ни было, какъ бы трудъ ни былъ утомителенъ и продолжителенъ. Нуждающійся чужестранецъ долженъ жить, будь онъ Еврей или христіанинъ, а такъ какъ у него нѣтъ надежды занять мѣсто туземнаго работника, получающаго установленную союзами плату за восьми или девятичасовую работу, единственнымъ его шансомъ на успѣхъ остается согласіе на меньшую заработную плату за такой продолжительный трудъ, какой онъ только можетъ вынести.

Поступая такимъ образомъ онъ не только обезпечиваетъ занятіе для себя, но понижаетъ заработокъ своего товарища, Англичанина. Онъ становится такъ называемымъ „blackleg“, то-есть такимъ человѣкомъ, котораго рабочіе классы считаютъ измѣнникомъ своимъ интересамъ и чье присутствіе въ сколько-нибудь значительномъ числѣ совершенно парализуетъ всякую попытку рабочихъ добиться лучшихъ условій отъ нанимателей. Все это достаточно ясно съ политико-экономической точки зрѣнія для лица теоретически изучающаго, какъ этотъ вопросъ, такъ и другіе, но оно имѣетъ совершенно другое значеніе для классовъ непосредственно страдающихъ отъ убійственной конкурренціи нуждающагося населенія. Отсюда появляется истощеніе, чрезмѣрная работа, недостаточная плата и увеличеніе всѣхъ существующихъ золъ, которыя удручаютъ нашихъ бѣднѣйшихъ рабочихъ. До сихъ поръ невыгода соперничества иностранцевъ Евреевъ умѣрялась возможностью переселенія рабочихъ въ Соединенные Штаты, но новые законы американскаго правительства, ограничивающіе число лицъ, допускаемыхъ къ переселенію въ Штаты, ведутъ къ тому, что нашъ небольшой островъ сдѣлается прибѣжищемъ всѣхъ бѣднѣйшихъ переселенцевъ съ континента. Евреямъ, прибывающимъ въ Гулль и Лондонъ съ тѣмъ, чтобы переселиться въ Америку, не будетъ уже разрѣшенъ въѣздъ въ Соединенные Штаты и они останутся у насъ. Лучшіе уѣзжаютъ, худшіе остаются. Видя, что нѣтъ надежды на улучшеніе положенія, а напротивъ, есть полное основаніе ожидать его ухудшенія, лордъ Дёнрэвенъ, Арнольдъ Вайтъ и тѣ лица, которыя присутствовали на конференціи, рѣшили, что настало время для соединеннаго энергичнаго дѣйствія въ пользу воспрещенія допуска въ Англію тѣмъ переселенцамъ, чье присутствіе среди насъ ничего не добавляетъ къ матеріальному благосостоянію, или нравственному развитію народа.

Могу себѣ представить ту ироническую улыбку, съ которою мои друзья въ Россіи прочтутъ это заявленіе. „О, о!“ скажутъ они, „значитъ нашихъ Евреевъ и теперь уже оказалось слишкомъ много для васъ. Если нѣсколько тысячъ оказались невыносимыми для богатой и населенной Англіи, съ образованнымъ и дѣятельнымъ народомъ, который настолько опытенъ въ дѣлахъ, что ему можно довѣрить не только заботу о своихъ собственныхъ интересахъ, но и управленіе государствомъ, чего же вы удивляетесь, если мы находимъ, что тѣхъ милліоновъ, которые

живутъ у насъ, слишкомъ много, чтобы мы могли справиться съ ними, при нашемъ народѣ, неопытномъ въ дѣлахъ такъ же, какъ и въ политикѣ? Дѣйствительность этого соціальнаго зла, по крайней мѣрѣ, покажетъ вамъ, что въ нашемъ отношеніи къ Евреямъ было нѣсколько болѣе основательности, чѣмъ удобно было допустить вашимъ ораторамъ въ Гильдъ-Голлѣ?“ Приходится, пожалуй, жалѣть, что нѣтъ теперь въ Лондонѣ госпожи Новиковой, чтобъ указать на нравственное значеніе новаго движенія, но взаимные упреки не уясняютъ спора. Оппозиція переселенію неимущихъ иностранцевъ будетъ продолжаться, хотя она и на руку русскимъ критикамъ. Присутствовавшіе на вчерашнемъ митингѣ въ Гайдъ-Паркѣ поражены были числомъ находившихся тамъ иностранцевъ. Поляки, Русскіе, Нѣмцы, Евреи и Французы придавали собранію такой международный характеръ, какимъ до сего времени въ Англіи не отличалась еще ни одна демонстрація.

Въ виду этого нельзя не отнестись съ сочувствіемъ къ проекту, появившемуся на прошлой недѣлѣ на столбцахъ *Pall Mall Gazette*. Обширный замыселъ этотъ направленъ къ тому, чтобъ основать общество, которое завязало бы дружественныя сношенія со всѣми правительствами Юго-Восточной Европы и въ особенности съ Русскимъ правительствомъ, съ цѣлью мирнаго рѣшенія обострившагося соціальнаго вопроса, вызваннаго существованіемъ въ Польшѣ и Южной Россіи такихъ сплоченныхъ еврейскихъ массъ. Главнымъ двигателемъ этого обширнаго замысла является баронъ Гиршъ, одинъ изъ современныхъ финансовыхъ царьковъ, который обладаетъ состояніемъ въ двадцать, или тридцать милліоновъ, и со смертію единственнаго сына потерялъ всякій интересъ въ жизни. Баронъ Гиршъ игралъ много ролей. Онъ лучше всего извѣстенъ, какъ герой болѣе или менѣе темнаго финансоваго скандала, связаннаго съ Турецкою желѣзною дорогой. Онъ долго былъ извѣстенъ на англійскихъ скаковыхъ поляхъ, какъ спортсмэнъ; онъ близкій другъ принца Вельсскаго. Испробовавъ до пресыщенія все то, что̀ этотъ міръ можетъ дать человѣку, у котораго больше денегъ, чѣмъ онъ можетъ истратить, онъ пришелъ къ заключенію Экклезіаста „Суета суетъ и всяческая суета“. Смотря на свѣтъ взглядомъ пресыщеннаго циника, онъ нашелъ, что нѣтъ ничего такого, изъ-за чего бы стоило жить. Единственнымъ достаточнымъ побужденіемъ къ дѣятельности показалась ему забота о благосостояніи его народа. Поэтому онъ рѣшилъ пожертвовать три милліона фунтовъ стерлингъ

какъ основаніе большаго фонда для переселенія излишка русскихъ Евреевъ въ такія страны, гдѣ они были бы освобождены отъ соблазновъ, передъ которыми они теперь не въ силахъ устоять и гдѣ они могли бы имѣть возможность заняться земледѣліемъ. Такимъ образомъ баронъ Гиршъ собирается сыграть роль Моисея XIX столѣтія. Принятіе имъ на себя этой роли не мало удивило тѣхъ, кто зналъ его только какъ искателя наслажденій и дѣловаго человѣка. Однако, хотя у него нѣтъ чудеснаго жезла еврейскаго законодателя—или, вѣрнѣе, его брата Аарона—у него есть то, что̀ можетъ оказаться еще дѣйствительнѣе, именно многіе милліоны. Точный способъ, которымъ будетъ произведенъ этотъ великій исходъ, опредѣлится послѣ переговоровъ съ заинтересованными правительствами. Очень жаль, что благодаря безумію г. Бловица, это великое предпріятіе пущено въ ходъ въ духѣ, враждебномъ Русскому правительству. Въ дѣйствительности доброжелательное отношеніе Русскаго правительства необходимо для успѣха дѣла и тѣ лица, которыя всего теплѣе привѣтствовали филантропическое начинаніе барона Гирша, будутъ глубоко огорчены, если случится что-нибудь такое, что̀ воспрепятствуетъ установленію согласія между начинателями новаго предпріятія и русскими властями, которымъ поручено разрѣшеніе еврейскаго вопроса.

Нѣсколько времени тому назадъ г. Эдвардъ Казлетъ занимался обширнымъ проектомъ перевозки Евреевъ въ Малую Азію, гдѣ онъ собирался употребить нѣсколько тысячъ изъ нихъ при постройкѣ желѣзной дороги въ долинѣ Евфрата. Къ несчастію г. Казлетъ умеръ какъ разъ наканунѣ того дня, когда онъ собирался привести свой проектъ въ исполненіе, а такъ какъ никого не явилось, чтобы продолжать его дѣло, то оно погибло. Большое разочарованіе вызывается тѣмъ, что баронъ Гиршъ не предполагаетъ вести Евреевъ назадъ въ Палестину, но несомнѣнно, что милліонеръ-Моисей нашего времени не имѣетъ ни малѣйшаго притязанія на ту землю, которая такъ привлекала Израиля во время исхода. Честолюбію современнаго Еврея Палестина кажется слишкомъ малою. Обезлѣсеніе имѣло свои естественныя послѣдствія и Палестина не течетъ больше млекомъ и медомъ. Она оголена и пустынна и, что̀ еще хуже, она принадлежитъ Туркамъ. Пока она составляетъ часть Оттоманской имперіи, сдѣлать ничего нельзя. Поэтому баронъ Гиршъ одинаково рѣшительно отворачивается и отъ Азіи, и отъ Европы, и

говоритъ, что онъ будетъ искать мѣста для своего Новаго Іерусалима въ Южной Африкѣ или Южной Америкѣ—скорѣе въ послѣдней. Есть надежда, что по соглашенію съ Русскимъ правительствомъ, ненужные Россіи Евреи, желающіе начать новую жизнь въ другой странѣ въ качествѣ землепашцевъ, вмѣстѣ съ семьями будутъ перевезены черезъ океанъ по новому назначенію.

Тамъ ихъ будутъ держать подъ надлежащимъ присмотромъ, и существуютъ большія надежды на то, что на новомъ мѣстѣ, при другой обстановкѣ, они быть-можетъ освободятся отъ того пятна которымъ въ настоящее время отмѣчено такое большое число ихъ въ слишкомъ густо населенной Европѣ. Этимъ способомъ, какъ надѣются его изобрѣтатели, Россія будетъ освобождена отъ заботы, дающей поводъ къ постоянному озлобленію, тогда какъ Англія не будетъ находиться въ опасности быть затопленною еврейскою иммиграціей. Конечно, баронъ Гиршъ со всѣми своими милліонами не въ состояніи исполнить всей задачи одинъ, но полагаютъ, что его примѣру послѣдуютъ Ротшильды и другіе, которымъ неудобно показаться менѣе интересующимися благосостояніемъ своего народа, чѣмъ баронъ Гиршъ.

Я занялъ такъ много мѣста описаніемъ проекта, задуманнаго въ Лондонѣ, но интереснаго главнымъ образомъ для Россіи, что у меня его осталось мало для сообщенія главнѣйшихъ событій изъ нашей политики. Выражаясь языкомъ политиковъ, правительство въ настоящее время находится въ наивыгоднѣйшемъ положеніи. Бюджетъ обнаружилъ излишекъ доходовъ въ два милліона фунтовъ стерлингъ, который пойдетъ на превращеніе обученія въ первоначальныхъ школахъ изъ платнаго въ безплатное. Иначе говоря, въ будущемъ государственное казначейство будетъ ежегодно прилачивать по двѣ тысячи фунтовъ стерлингъ къ ассигнованной нынѣ субсидіи публичнымъ первоначальнымъ школамъ въ замѣну платы за обученіе, вносимой родителями. Дѣйствія правительства въ этомъ дѣлѣ заслужили всеобщее одобреніе страны, протесты раздавались почти исключительно изъ небольшой группы его сторонниковъ, не могущей примириться съ перемѣной, противъ которой вся партія въ цѣломъ составѣ до сихъ поръ возражала только потому, что это давало имъ не посредственное преимущество на выборахъ. Въ самое недавнее время на свободу обученія смотрѣли еще какъ на одну изъ самыхъ нежелательныхъ радикальныхъ ересей, на нее указывали какъ на страшнѣйшій соціализмъ и даже въ либеральной партіи

многіе изъ членовъ не были подготовлены къ поддержанію такого предложенія. Тѣмъ не менѣе, теперь, вѣрное принятой имъ манерѣ въ политикѣ предупреждать своихъ оппонентовъ, принимаясь за исполненіе ихъ проектовъ, консервативное правительство смѣло подняло знамя свободы обученія и съ этихъ поръ не будетъ взиматься платы за обученіе дѣтей рабочихъ.

Произошло нѣсколько дополнительныхъ выборовъ и почти всѣ изъ нихъ имѣли мѣсто въ округахъ, занятыхъ на послѣднихъ выборахъ сторонниками правительства. До сихъ поръ правительство не потеряло ни одного мѣста, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ большинство поданныхъ за него голосовъ увеличилось. Теперь еще слишкомъ рано судить о послѣдствіяхъ внезапнаго обращенія г. Гошена въ сторонника свободы обученія, но такъ какъ оно несомнѣнно не повредитъ партіи, то можно считать, что въ настоящее время положеніе министерства лучше, чѣмъ оно было нѣсколько времени тому назадъ, соотвѣтственно убавились надежды либераловъ. Парнелль продолжалъ вести непрерывную борьбу съ ирландскимъ духовенствомъ и его сторонниками. Въ послѣднее время онъ обнаружилъ значительно бо́льшую дѣятельность въ самозащитѣ, чѣмъ въ защитѣ ирландскаго дѣла въ продолженіи почти десяти лѣтъ. Главный его противникъ г. Михаель Дэвитъ, растроившій свое здоровье и состояніе и серьезно опечаленный тѣмъ направленіемъ, которое приняли дѣла, уѣхалъ въ Калифорнію, гдѣ пробудетъ по крайней мѣрѣ годъ. Я видѣлъ г. Дэвита предъ самымъ отъѣздомъ и онъ выразилъ увѣренность, что выборы не будутъ назначены ранѣе 1893 года. Въ этомъ отношеніи онъ можетъ-быть и ошибается. Я лично указалъ бы на осень 1892 года, еслибы потребовалось мое предсказаніе. Дэвитъ—большая потеря. Какъ ирландскій патріотъ, онъ одинъ обладаетъ такими двумя силами, которыя, соединившись, дѣлаютъ Home-Rule—возможнымъ: вопервыхъ, страстнымъ патріотизмомъ и преданностью своей родинѣ и, вовторыхъ, искреннимъ убѣжденіемъ въ дружбѣ и поддержкѣ англійской демократіи.

За границей дѣла нѣсколько ухудшились. На границахъ Индійской имперіи велись одновременно три малыя войны, изъ которыхъ одна была отмѣчена катастрофами, достойными глубокаго сожалѣнія. Борьба съ племенемъ Миранзаевъ на крайнемъ сѣверо-западѣ не болѣе, какъ простая карательная экспедиція, которыя вообще время отъ времени неизбѣжны въ тѣхъ случаяхъ, когда цивилизованная держава граничитъ съ горами, населенными

непокорными горцами. Операціи въ Бирмѣ, на другомъ концѣ имперіи, составляютъ неизбѣжное послѣдствіе завоеванія этой страны. Совсѣмъ иначе стоитъ дѣло въ Манипурѣ, гдѣ война—если только это можно назвать войной—возникла изъ-за дерзости главнаго коммиссара Ассама. Манипуръ — небольшая гористая страна, лежащая къ сѣверу отъ Ассама, между Индіей и Бирмой. Страна эта независима, но независимость ея умѣряется присутствіемъ англійскаго резидента. Главный военоначальникъ, не спросившись своего англійскаго сюзерена, низложилъ одного магараджу и посадилъ на его мѣсто другаго. Добрыя отношенія между Манипуромъ и Англіей не прекращались и нашъ резидентъ продолжалъ быть въ полной дружбѣ съ новымъ магараджей и военоначальникомъ, смѣняющимъ королей. Однако индійское правительство нашло, что такая серьезная мѣра, какъ низложеніе государя, не должна была быть произведена по иниціативѣ военоначальника, безъ согласія резидента. Поэтому посланъ былъ г. Квинтонъ, главный коммиссаръ Ассама (chief commissioner) съ тѣмъ, чтобъ изгнать главнокомандующаго манипурскими войсками. Онъ явился въ столицу Манипура съ отрядомъ въ 450 Гуркасовъ и главную квартиру устроилъ въ домѣ резидента. Резидентъ настойчиво протестовалъ противъ предполагавшагося ареста главнокомандующаго, котораго хотѣли схватить въ то время, когда онъ будетъ уходить съ дурбара, гдѣ должно было состояться постановленіе объ его изгнаніи. Совѣта резидента не послушались и были приняты мѣры, согласныя со взглядами главнаго коммиссара. Главнокомандующій заподозрилъ то, что должно было произойти и отказался присутствовать на дурбарѣ. Тогда рѣшили схватить его въ его дворцѣ. Это было рискованнымъ предпріятіемъ, но при быстротѣ исполненія оно могло бы удасться. Попытка однако окончилась неудачей и Манипуры, вмѣсто того, чтобы подчиниться, произвели открытое нападеніе на домъ резидента, - которое и поддерживали до тѣхъ поръ, пока боевые припасы у защитниковъ его почти изсякли. Тогда главный коммиссаръ вступилъ въ переговоры. Начальникъ Манипуровъ предложилъ пропустить гарнизонъ съ условіемъ выдачи оружія. Это предложеніе было съ негодованіемъ отвергнуто, а затѣмъ главный коммиссаръ, полковникъ, резидентъ и нѣсколько другихъ офицеровъ были обезглавлены и тѣла ихъ брошены собакамъ. Тотчасъ же возобновилось нападеніе на резиденцію. У Манипуровъ были пушки и войско тысячъ въ шесть или семь.

Послѣ продолжительной бомбардировки рѣшено было очистить резиденцію, которая могла сгорѣть вмѣстѣ со своими защитниками. Вдова резидента, госпожа Гримвудъ, и раненые были конвоированы сквозь вражескія линіи. Восемь дней пробивался маленькій отрядъ, очищая себѣ путь оружіемъ, пока не достигъ англійской территоріи. Ихъ разсказъ вызвалъ значительное возбужденіе и три небольшія колонны посланы были въ Манипурскую столицу. Только одной изъ нихъ оказано было сопротивленіе, которое тотчасъ же было преодолѣно и колонны сосредоточились на мѣстѣ избіенія. Столица оказалась покинутою, и ничего не осталось кромѣ головъ убитыхъ офицеровъ. Этотъ инцидентъ произвелъ въ странѣ очень дурное впечатлѣніе, главнымъ образомъ потому, что не послушались резидента. Но о протестѣ говорили не особенно много, такъ какъ главный коммиссаръ Ассама заплатилъ жизнью за свою ошибку.

Въ связи съ замѣткой объ индійскихъ дѣлахъ надо упомянуть что палата общинъ отличилась, постановивъ резолюцію съ выраженіемъ желанія, чтобы вывозъ опіума изъ Индіи въ Китай былъ уничтоженъ. Съ этимъ связана потеря шести милліоновъ ежегоднаго дохода для индійскаго казначейства, вслѣдствіе чего правительство не станетъ принимать мѣръ къ исполненію этого желанія, однако то обстоятельство, что резолюція прошла въ палатѣ, еще разъ доказываетъ наклонность англійскихъ политическихъ дѣятелей вникать въ нравственную сторону политическихъ вопросовъ, съ которыми имъ приходилось имѣть дѣло.

Кромѣ этого, интересъ представляютъ только новости изъ Южной Африки, гдѣ г. Ридъ съ Португальцами дошелъ почти до драки. Сильные дожди, продолжавшіеся послѣднее время въ Южной Африкѣ, отрѣзали Англійскую южно-африканскую компанію въ Мэшонлэндѣ отъ Капской колоніи. Вслѣдствіе этого необходимо было открыть путь къ морю по рѣкѣ Пунгви. Но рѣку блокировали Португальцы и захвативъ англійскій пароходъ, довели страну почти до разрыва съ Португаліей. Къ счастью, въ послѣднюю минуту, Португальцы уступили и Мэшонлэнду былъ открытъ свободный выходъ въ море.

В. Стэдъ.

4 мая 1891 г.

ТЕКУЩІЕ ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ.

V.

Японская цивилизація.

> Il y a barbare et barbare: il y a celui de l'Asie et de l'Afrique et celui de l'Europe; et, ma foi, je ne sais à qui donner la préférence.
>
> *Alphonse Karr.*

Возмутительное покушеніе на жизнь Наслѣдника Цесаревича, совершенное въ Отсу какимъ-то японскимъ фанатикомъ, до сихъ поръ еще представляется у насъ для многихъ чѣмъ-то непонятнымъ и таинственнымъ.

Но если въ этомъ событіи есть нѣчто непонятное, такъ это то, что тамъ, въ Японіи, мѣстныя власти и лица, коимъ ввѣрена была охрана безопасности Его Высочества, не предвидѣли возможности подобнаго проявленія варварскаго фанатизма и не приняли никакихъ мѣръ, чтобы предупредить его...

И вотъ уже я со всѣхъ сторонъ слышу возраженія:

— Помилуйте! Да кто же могъ предвидѣть, кто могъ ожидать чего-либо подобнаго, именно въ Японіи? Въ Индіи, въ Китаѣ, дѣйствительно, слѣдовало быть очень осторожнымъ; но въ Японіи! Вѣдь это страна съ европейскою цивилизаціей.

Приходится убѣждаться, что среди насъ есть дѣйствительно масса людей, для которыхъ слово „европейская цивилизація“ имѣетъ какое-то магическое значеніе: они воображаютъ себѣ Японію лишь случайно лежащею на дальнемъ Востокѣ, а на самомъ дѣлѣ принадлежащею по своему „либеральному просвѣ-

щенію“ если не къ Европѣ, то во всякомъ случаѣ къ Сѣверной Америкѣ.

Я отлично помню, какъ въ 1875 году русскій профессоръ сообщалъ своимъ слушателямъ радостную вѣсть, что Японія своею цивилизаціей превзошла даже Россію, вводя у себя конституцію съ парламентомъ „и даже григоріанскій календарь“. „А у насъ...“ прибавилъ профессоръ и эффектно прервалъ свою рѣчь, сдѣлавъ многозначительную кислую гримасу, за которую былъ тотчасъ награжденъ громкимъ одобреніемъ ввѣренныхъ его просвѣтительной дѣятельности птенцовъ.

Эти птенцы стали теперь „цвѣтомъ нашей интеллигенціи“ и многіе изъ нихъ еще свято чтутъ тотъ „либеральный“ вздоръ, который имъ съ такимъ авторитетомъ въ свое время проповѣдывался съ каѳедръ университетовъ; они до сихъ поръ еще чувствуютъ гораздо болѣе благоговѣнія предъ дикаремъ, если на него напялятъ фракъ, надѣнутъ pince-nez и цилиндръ и, какъ попугая, научатъ произносить слово „конституція“, чѣмъ предъ русскимъ мужичкомъ, плетущимся въ зипунѣ и лаптяхъ на богомолье къ Кіевскимъ или Соловецкимъ святынямъ.

Да, дѣйствительно, Японцы съ 1868 года усиленно стараются выучиться самымъ послѣднимъ словамъ европейской цивилизаціи, они облеклись и во фраки и въ цилиндры, они завели у себя и конституцію, и парламентъ, и григоріанскій календарь, и свободу сходокъ, и свободу печати, словомъ, всю ту мишуру, которою такъ забавляются у насъ въ Европѣ взрослыя дѣти... Но развѣ они вслѣдствіе этого перестали быть дикарями?

Примѣръ японской „цивилизаціи“ во многихъ отношеніяхъ весьма поучителенъ для насъ, Русскихъ, въ особенности для тѣхъ изъ насъ, которымъ, какъ я только-что упомянулъ, еще въ университетѣ указывали на Японію, какъ на страну долженствующую возбуждать нашу зависть и достойную нашего подражанія, и притомъ подраженія *немедленнаго*.

Среди нашихъ „либераловъ“ есть, какъ извѣстно, два вида „конституціоналистовъ“: *медленные* и *немедленные*. Первые изъ нихъ иногда даже обижаются, когда ихъ смѣшиваютъ со вторыми, хотя въ принципахъ они съ ними совершенно солидарны: какъ тѣ, такъ и другіе одержимы нелѣпою иллюзіей, будто парламентаризмъ есть высшая и лучшая форма государственнаго устройства; они не сходятся только въ томъ вопросѣ, *когда* эту форму слѣдуетъ примѣнить къ Россіи. „Медленные“ говорятъ, что

Россія для этой высшей формы еще не „созрѣла“, что для нея въ *настоящее время* конституція была бы немыслима, вредна и даже пагубна, тогда какъ „немедленные“ увѣряютъ всѣхъ и каждаго, что конституцію не только нужно, но и *можно* ввести у насъ сейчасъ же, безо всякихъ проволочекъ, „вотъ какъ, напримѣръ, въ Японіи“; Японцы, говорятъ они, гораздо менѣе были подготовлены къ „правовому порядку“, однако въ какія-нибудь двадцать лѣтъ отлично съ нимъ свыклись и ничего — живутъ себѣ, сразу опередивъ насъ на цѣлое столѣтіе!

Сегодня я не стану разсматривать заблужденія нашихъ „медленныхъ“ конституціоналистовъ; это—наивные теоретики, воображающіе себѣ, что можно посредствомъ научныхъ формулъ заниматься классификаціей государствъ, какъ какой-нибудь ботаникъ занимается классификаціей растеній и опредѣлять посредствомъ ученыхъ сравненій болѣе или менѣе совершенные типы государственныхъ формъ. Для нихъ „самоуправляющійся народъ“ является тѣмъ высшимъ идеаломъ, до котораго каждое государство имѣетъ „доразвиться“, а такъ какъ Россія еще до него не „доразвилась“, то они съ важностью и таинственностью жрецовъ науки приглашаютъ насъ терпѣливо подождать, пока настанетъ наконецъ то блаженное время, когда и Россію можно будетъ загнать въ Панургово стадо европейскаго демократизма; эти добродушные утописты никакъ не могутъ понять, что „самоуправляющійся народъ“ всегда былъ и будетъ фикціей, обманомъ, тою коренною ошибкой и „первою ложью“, какъ выражались древніе Греки, изъ которыхъ по необходимости должны возникнуть и дѣйствительно возникаютъ цѣлыя массы новыхъ лживыхъ фикцій и софизмовъ, опутывающихъ и извращающихъ всѣ функціи государственнаго организма. Но Богъ съ ними! Они насъ приглашаютъ „ждать“, и на томъ имъ спасибо; мы подождемъ, и со временемъ они сами, быть-можетъ, образумятся и поймутъ, что ихъ кабинетныя теоріи ничего общаго съ дѣйствительною жизнью какъ конституціонныхъ, такъ и не-конституціонныхъ государствъ не имѣютъ.

За то нетерпѣливые ихъ единомышленники, ставящіе намъ въ образецъ японскую „цивилизацію“, стыдящіе насъ тѣмъ, что у насъ нѣтъ не только парламента, но и обще-европейскаго календаря и видящіе спасеніе Россіи въ томъ, чтобъ она немедленно превратилась въ Японію по части подражанія Европѣ, вотъ *эти* конституціоналисты заслуживаютъ съ нашей стороны нѣкотораго

вниманія въ виду того, что въ нашемъ обществѣ возбуждено въ настоящую минуту столько толковъ именно по поводу Японіи и ея „образцовой“ будто бы цивилизаціи.

Какъ извѣстно, Японія стала Европой совершено внезапно съ 1868 года, то-есть съ воцареніемъ нынѣшняго микадо (императора) Мутсухито, который шестнадцатилѣтнимъ мальчикомъ устранилъ свѣтское владычество японскаго тайкуна, захватилъ, послѣ ожесточенной междуусобной войны, въ свои руки единовластіе надо всею страной и тотчасъ же сталъ ломать всѣ вѣковые обычаи и все государственное устройство Японіи, передѣлывая ихъ по новѣйшему европейскому фасону. Исторія не знаетъ иной болѣе быстрой, болѣе лихорадочной реформаторской дѣятельности. Петръ Великій является въ этомъ отношеніи карликомъ сравнительно съ юнымъ Мутсухито. До него Японія была совершенно недоступна какому-либо иноземному вліянію, и Европейцевъ весь народъ считалъ ненавистными „варварами“, которыхъ можно и должно было всѣми средствами истреблять; а съ воцареніемъ Мутсухито тѣ же Европейцы превратились сразу въ какихъ-то полубоговъ и величайшихъ благодѣтелей Японскаго народа, которому было предписано копировать европейскую жизнь во всѣхъ ея мелочахъ. Одновременно съ этимъ было созвано учредительное собраніе, выработавшее по новѣйшему нѣмецкому образцу конституцію, создавшую парламентъ и провозгласившую въ Японіи всевозможныя „свободы“. Вмѣстѣ съ тѣмъ цѣлыя фаланги молодыхъ Японцевъ были посланы для обученія въ европейскіе, въ особенности нѣмецкіе, университеты, а въ Японію были приглашены европейскіе ученые, учителя и техники. Словомъ, были приняты всѣ мѣры, чтобы по мановенію волшебнаго жезла юнаго микадо превратить японскихъ дикарей въ рафинированныхъ Европейцевъ.

Въ 1880 году я познакомился въ Берлинѣ съ однимъ изъ этихъ новоиспеченныхъ Европейцевъ, а именно съ очень симпатичнымъ молодымъ Японцемъ Ивама, слушавшимъ лекціи въ одномъ изъ германскихъ университетовъ. Онъ довольно правильно выражался по-нѣмецки и былъ исполненъ глубокаго уваженія къ германской наукѣ. Онъ считалъ себя уже законченнымъ Европейцемъ и собирался ѣхать обратно на свою родину для того, чтобы содѣйствовать императору Мутсухито въ его великой реформаторской дѣятельности.

— Нашъ императоръ, говорилъ онъ,—слишкомъ мало извѣстенъ

въ Европѣ, а между тѣмъ его имя будетъ впослѣдствіи сіять въ исторіи человѣчества на ряду съ Александромъ Македонскимъ, Сократомъ и Лютеромъ.

— Вы лютеранинъ? спросилъ я его нѣсколько удивленно.

— Нѣтъ, я атеистъ, отвѣтилъ онъ спокойно,—но я упомянулъ о Лютерѣ только какъ о великомъ реформаторѣ, заставившемъ человѣчество сдѣлать шагъ впередъ, изъ мрака въ свѣтъ.

— Да, замѣтилъ я,—если поклоненіе Богу признавать мракомъ, а боготвореніе разума человѣческаго—свѣтомъ. Но вѣдь даже и въ такомъ случаѣ Лютера вы признаете благодѣтелемъ *всего* человѣчества, тогда какъ вашего императора можно признать развѣ только благодѣтелемъ одного Японскаго народа.

— Нѣтъ, вы ошибаетесь, отвѣтилъ Ивама. — Такъ же какъ Лютеръ освободилъ сперва Нѣмцевъ отъ религіознаго мрака, а потомъ и другіе народы, такъ точно и Мутсухито освободитъ сперва насъ, Японцевъ, а затѣмъ и все остальное человѣчество.

— Отъ чего же онъ насъ освободитъ?

— Отъ религіознаго мрака, отъ суевѣрій и предразсудковъ.

— Я васъ не понимаю.

— А между тѣмъ это очень просто, отвѣтилъ снисходительно улыбаясь Ивама;—вѣдь Европа, несмотря на свой великій прогрессъ, все еще опутана сѣтями религіи, а у насъ въ Японіи европейскій прогрессъ будетъ развиваться въ абсолютно чистомъ видѣ, не искажаясь вліяніемъ какой бы то ни было религіозной секты.

— Но вѣдь у васъ есть буддизмъ и еще недавно возстановленъ синтоизмъ.

— Да, но это не касается образованныхъ Японцевъ: мы всѣ атеисты, а потому у насъ европейскій прогрессъ будетъ двигаться свободнѣе и скорѣе, чѣмъ въ старой Европѣ, и мы покажемъ всему свѣту, на что онъ способенъ, если его не задерживаютъ старые предразсудки.

— Да вѣдь этотъ экспериментъ уже производится въ Соединенныхъ Штатахъ, замѣтилъ я.

Ивама нашелъ и тутъ что мнѣ отвѣтить:

— Въ Соединенныхъ Штатахъ уже успѣли накопиться свои столѣтнія традиціи и вся страна переполнена религіозными сектами. А у насъ ничего подобнаго нѣтъ. Мы сразу покончили со своимъ прошлымъ, сразу выбросили его за бортъ и сразу начали жить новою, самою европейскою жизнью; у насъ поэтому прогрессъ будетъ развиваться въ самомъ чистомъ видѣ.

Ивама говорилъ съ такою же простотой и увѣренностью, какъ будто рѣчь шла о культурѣ какой-нибудь бациллы въ наиболѣе чистомъ, стерилизованномъ бульонѣ.

— Нашъ императоръ, продолжалъ Японецъ,—вполнѣ сознаетъ свою великую миссію; онъ поэтому назвалъ начатую имъ новую эру *меджи*, то-есть „просвѣщеннымъ правленіемъ“, и это *меджи* распространится изъ Японіи по всему свѣту.

— То-есть благодаря Японіи весь свѣтъ ввергнется въ атеизмъ?

— Да, и это будетъ безсмертною заслугой императора Мутсухито. Одно намъ только можетъ помѣшать, прибавилъ съ озабоченнымъ видомъ Ивама,—это дѣятельность христіанскихъ миссіонеровъ, которые зачѣмъ-то повадились пріѣзжать къ намъ въ Японію. Они могутъ испортить намъ все дѣло; но мы съумѣемъ съ ними справиться; намъ это не впервые. Въ концѣ XVI столѣтія у насъ было болѣе 200 католическихъ церквей и болѣе полумилліона христіанъ, а въ началѣ XVII столѣтія у насъ во всей Японіи и духу христіанскаго не было.

— Да, но вѣдь религіозныя преслѣдованія дѣло не гуманное, не либеральное, замѣтилъ я.

— Религіозныя преслѣдованія не либеральны, если производятся, какъ это было въ XVII столѣтіи, на пользу иновѣрной религіи, но они либеральны, если производятся на пользу атеизма, ибо атеизмъ есть самъ по себѣ нѣчто либеральное.

На этомъ въ то время кончился нашъ разговоръ. Спорить съ человѣкомъ, отличающимся такими твердыми „убѣжденіями“, было невозможно. Я понялъ, что имѣю дѣло съ Европейцемъ самой новѣйшей формаціи, для которой нашъ „либерализмъ“ уже никакихъ тайнъ не имѣетъ и для котораго атеизмъ является не то математическою аксіомой, не то языческимъ фетишемъ.

Такъ вотъ она японская „цивилизація“, которую намъ ставятъ въ примѣръ наши „либералы“: мишурный европеизмъ на почвѣ систематическаго атеизма!

Конечно, микадо Мутсухито не произведетъ своею *меджи* того всемірнаго переворота, который ему предсказывалъ мой другъ Ивама, но что онъ можетъ принести много вреда какъ въ своемъ государствѣ, такъ и внѣ его предѣловъ, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться, и возмутительное событіе въ Отсу является примѣромъ того, что возможно въ Японіи въ „просвѣщенное правленіе“ великаго реформатора.

— Позвольте, скажутъ мнѣ,—но вѣдь преступленіе въ Отсу

совершено не просвѣщеннымъ Японцемъ, а дикимъ фанатикомъ изъ низшаго класса народа, враждебнаго великимъ реформамъ императора Мутсухито. Преступленіе его служитъ лучшимъ доказательствомъ необходимости этихъ реформъ, которыя именно и имѣютъ цѣлью положить конецъ *старо*-японскому фанатизму...

Съ тѣмъ, чтобы превратить его въ фанатизмъ *ново*-японскій? Прекрасная цѣль! Мутсухито полагаетъ, что если онъ передѣлаетъ своихъ подданныхъ изъ буддистовъ и синтоистовъ въ атеистовъ, то-есть изъ азіятскихъ варваровъ въ варваровъ европейскихъ, то онъ можетъ почить на лаврахъ, ибо тогда преступленія въ его государствѣ станутъ анахронизмомъ, такъ что не потребуется даже содержанія знаменитой японской полиціи, которая нынѣ сама подаетъ примѣръ населенію своею фанатическою ненавистью къ Европейцамъ.

Да, дѣйствительно, преступленіе въ Отсу совершено „непросвѣщеннымъ“ фанатикомъ, противникомъ европейскихъ новшествъ. Но это доказываетъ только, что пресловутая *меджи* императора Мутсухито покрыла Японію лишь съ внѣшней, казовой стороны европейскимъ лакомъ, оставивъ нетронутымъ все внутреннее ея варварство.

Впрочемъ эти старо-японскіе фанатики дѣйствуютъ хотя противъ европейскихъ новшествъ, но также уже новыми европейскими средствами. Такъ, напримѣръ, 5 (18) октября 1889 года одинъ изъ этихъ фанатиковъ ранилъ министра иностранныхъ дѣлъ графа Окума Шигенофу посредствомъ *динамитной бомбы*. Въ виду этого сами Японцы называютъ этихъ фанатиковъ, хотя не совсѣмъ правильно, новоевропейскимъ именемъ „нигилистами“, какъ видно изъ слѣдующаго разговора корреспондента парижской газеты *Union Franco-Russe* съ однимъ изъ секретарей японскаго посольства въ Парижѣ, г. Іома.

— Мы получили, сказалъ г. Іома,—отъ японскаго представителя въ Петербургѣ депешу, въ которой онъ сообщаетъ, что при первомъ же извѣстіи о покушеніи тотчасъ же поспѣшилъ заявить о томъ, что въ высшей степени огорченъ и пристыженъ за свое отечество вышеупомянутымъ прискорбнымъ событіемъ.

— Это, значитъ, дѣйствительно было покушеніе на жизнь?

— Да, и притомъ учиненное нигилистами.

— Развѣ у васъ въ Японіи также имѣются нигилисты?

— Разумѣется, у насъ есть нигилисты, и къ тому же придерживающіеся такого же образа дѣйствій, какъ и ихъ европейскіе

коллеги. (Вотъ она, европейская цивилизація!) Они не останавливаются предъ убійствомъ, когда считаютъ, что оно почему-либо соотвѣтствуетъ ихъ цѣлямъ. Такъ въ прошломъ году они умертвили министра народнаго просвѣщенія. Два года тому назадъ они ранили другаго министра въ ногу такъ, что ему пришлось ее отрѣзать. Японскіе нигилисты дѣйствуютъ съ тѣмъ большею увѣренностью и дерзостью, что тотъ, кто выбранъ, чтобы совершить убійство, принимаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, рѣшеніе пожертвовать своею собственною жизнью.

— Какая же цѣль этихъ убійствъ? Совершаются ли они изъ личной мести, или же имѣется при этомъ въ виду какая-либо система?

— Нельзя сказать, чтобы во всѣхъ случаяхъ играла особенно выдающуюся роль личная месть, такъ какъ Особа Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича была имъ совершенно неизвѣстна. Впрочемъ японскіе нигилисты питаютъ злобу и вражду ко всѣмъ, кто занимаетъ высокое положеніе. Во взаимныхъ отношеніяхъ между ними господствуетъ полнѣйшее равенство. Они гордятся соблюденіемъ старинныхъ обычаевъ и своею недоступностью европейскимъ вліяніямъ. Къ тому же убійство само по себѣ доставляетъ имъ удовольствіе. Они такіе фанатики, что, быть-можетъ, оспаривали другъ у друга честь выполненія преступнаго замысла [1].

Если все это такъ хорошо извѣстно какому-нибудь секретарю японскаго посольства въ Парижѣ, то тѣмъ болѣе объ этомъ должно было быть освѣдомлено „просвѣщенное правительство“ самого микадо Мутсухито; оно должно было знать какова цѣна той преслувутой японской „цивилизаціи“, которая дѣлаетъ иностранцевъ жертвами японскаго фанатизма за то только, что они Европейцы и занимаютъ высокое положеніе [2]. Какъ можно было не принять всевозможныхъ мѣръ предосторожностей, чтобъ оградить Августѣйшаго Гостя, удостоившаго Японію своимъ посѣщеніемъ, ото всякой опасности, которая могла бы грозить Ему отъ тѣхъ подданныхъ великаго реформатора Мутсухито, которые еще не подверглись его „просвѣщенному правленію“, его пресловутой *меджи?*

[1] *Новости*, № 126.

[2] Всѣ газеты напомнили, по случаю покушенія въ Отсу, аналогическое нападеніе японской полиціи на принца Генриха Прусскаго, учиненное въ 1880 году.

Но будетъ ли его страна безопаснѣе, когда *всѣ* его подданные просвѣтятся лучами европейскаго матеріализма и атеизма, когда они, утративъ нравственные устои собственной религіи (какіе бы они тамъ ни были), не получатъ, взамѣнъ ихъ, новаго нравственнаго закона въ видѣ христіанства?

Увлекаться идеаломъ европейскаго прогресса, взращеннаго „въ чистомъ видѣ“, безъ примѣси историческихъ преданій и религіозныхъ вѣрованій—увлекаться подобнымъ идеаломъ могутъ только такіе наивные люди, какъ мой другъ Ивама или наши „либералы“. Что касается всѣхъ насъ, то мы, къ сожалѣнію, слишкомъ хорошо знаемъ, на что̀ способны люди, оторванные отъ вѣковой исторіи своей родины и ото всякаго нравственнаго религіознаго закона. Это тѣ „европейскіе варвары“, о которыхъ говоритъ Альфонсъ Карръ въ приведенныхъ мною выше въ эпиграфѣ словахъ, и о которыхъ онъ не знаетъ, „предпочесть ли ихъ варварамъ Африки и Азіи?“

Но *наши* варвары являются лишь несчастными, хотя (на Западѣ) и многочисленными исключеніями, уродами въ общеевропейской семьѣ народовъ. Заботы европейскихъ правительствъ направлены къ борьбѣ съ матеріализмомъ и атеизмомъ путемъ церкви и школы; [1] а въ Японіи наши исключенія становятся правиломъ, наши уроды—нормальными людьми, а слѣдовательно и дѣйствія ихъ, лишенныя нравственной основы и внушаемыя холоднымъ, черствымъ эгоизмомъ, будутъ называться не преступленіями, а „подвигами цѣлесообразнаго самоудовлетворенія“.

Конечно, Японія еще до этого не дошла. Европейское варварство не успѣло еще измѣнить простое варварство азіятское, а ограничивается лишь пока его разжиганіемъ, послѣдствіями котораго являются тѣ фанатическія преступленія, о которыхъ говорилъ г. секретарь японскаго посольства въ Парижѣ и къ которымъ, между прочимъ, принадлежитъ и возмутительное преступленіе въ Отсу. Но рано или поздно наступитъ то время, о которомъ говорилъ студентъ Ивама, когда Японія станетъ, быть-можетъ, Меккой для всѣхъ европейскихъ варваровъ. А потому не мѣшаетъ уже теперь имѣть въ виду эту перспективу.

Spectator.

---

[1] Даже во Франціи, въ которой правительство, по странному заблужденію, не ведетъ этой борьбы, само общество начинаетъ снова возвращаться къ религіи.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Въѣздъ въ Москву Великаго Князя Сергія Александровича.—Присоединеніе къ православію Великой Княгини Елисаветы Ѳеодоровны.—Кончина Великой Княгини Ольги Ѳеодоровны и Великаго Князя Николая Николаевича.—Покушеніе на жизнь Наслѣдника Цесаревича.—Французская выставка въ Москвѣ.—Двадцатипятилѣтіе дѣйствій судебныхъ учрежденій Императора Александра II.—1 мая.—По поводу статьи г. С. Васильева.—Къ вопросу о Евреяхъ.

Два мѣсяца тому назадъ мы уже говорили о томъ важномъ политическомъ значеніи, которое имѣетъ не только для Москвы, но и для всей Россіи назначеніе Московскимъ генералъ-губернаторомъ Великаго Князя Сергія Александровича. Восторженный пріемъ, оказанный Его Императорскому Высочеству 6 мая, показываетъ, что Москва вполнѣ оцѣнила это значеніе.

Заимствуемъ изъ *Московскихъ Вѣдомостей* нѣкоторыя подробности встрѣчи.

„Москва и губерніи торжественно встрѣчали своего новаго Августѣйшаго Главнаго Начальника и чувства свои къ Его Императорскому Высочеству старались выразить съ первыхъ же моментовъ въѣзда Ихъ Императорскихъ Высочествъ въ предѣлы Московской губерніи.

„На границѣ Московской губерніи, въ городѣ Клину, Ихъ Высочества были встрѣчены московскимъ губернаторомъ княземъ В. М. Голицынымъ, мѣстнымъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства А. А. Аверкіевымъ съ земскими начальниками уѣзда, клинскимъ городскимъ обществомъ, отъ котораго городскимъ головой Ихъ Высочествамъ поднесена была хлѣбъ-соль, и представите-

лями крестьянскаго населенія уѣзда, въ лицѣ 14 волостныхъ старшинъ, поднесшихъ тоже хлѣбъ-соль.

„На дебаркадерѣ вокзала находилась въ почетномъ караулѣ рота Его Величества отъ перваго лейбъ-гренадерскаго Екатеринославскаго Его Величества полка, со знаменемъ и хоромъ музыки. При почетномъ караулѣ, на лѣвомъ флангѣ, находились: исполнявшій обязанности московскаго генералъ - губернатора командующій войсками Московскаго военнаго округа генералъ-адъютантъ А. С. Костанда, командиры корпусовъ Гренадерскаго и тринадцатаго армейскаго, начальники дивизій, штабовъ, начальники отдѣльныхъ частей и прочія начальствующія лица военнаго вѣдомства.

„Въ Царскихъ покояхъ вокзала собрались дамы московскаго общества. Около Императорскихъ покоевъ, на платформѣ станціи, прибытія Ихъ Высочествъ ожидали: оберъ-полицеймейстеръ, городской голова съ членами городской управы, начальникъ губернскаго жандармскаго управленія, управляющій канцеляріей Его Высочества и состоящіе при Московскомъ Генералъ-Губернаторѣ военные и гражданскіе чины.

„Въ то время когда поѣздъ Ихъ Высочествъ находился въ пути отъ послѣдней станціи „Химки“ къ Москвѣ, въ соборахъ Кремля, а за ними и во всѣхъ многочисленныхъ храмахъ Москвы раздался благовѣстъ, возвѣщавшій Москвичамъ приближеніе Ихъ Высочествъ и призывъ къ благодарственному по сему радостному для Москвы случаю молебствію. Благовѣстъ не прерывался до прослѣдованія Ихъ Высочествъ въ Кремль.

„По пути къ Кремлю сплошныя стѣны народа восторженно привѣтствовали Ихъ Высочествъ. Прослѣдовавъ мимо Казанскаго собора, Ихъ Высочества проѣхали въ часовню Иверской Божіей Матери, гдѣ были встрѣчены преосвященнымъ Александромъ. Послѣ краткаго молебствія Ихъ Высочества отправились въ Кремль и вступили въ большой Успенскій соборъ, гдѣ привѣтствовалъ ихъ высокопреосвященный митрополитъ Іоанникій, закончившій рѣчь свою слѣдующими словами:

„Съ сердечнымъ восторгомъ встрѣчая Тебя и Благовѣрную Супругу Твою, усердно молимъ Всевышняго, да благословитъ входъ Твой къ намъ миромъ, къ утѣшенію Возлюбленнаго Монарха Нашего, на радость Тебѣ и Августѣйшей Супругѣ Твоей, на благо и счастіе первопрестольной столицы.“

„По выслушаніи благодарственнаго молебствія, Ихъ Высочества,

въ предшествіи всего бывшаго при молебствіи духовенства, съ митрополитомъ во главѣ, въ облаченіяхъ, и въ сопровожденіи многочисленныхъ начальствующихъ лицъ, при звонѣ въ храмахъ Кремля и воодушевленіи наполнявшаго Кремлевскую, Дворцовую и Соборную площади народа, шествовали въ Чудовъ монастырь и съ крыльца его откланивались народу."

---

13 апрѣля былъ обнародованъ Высочайшія манифестъ:

„Любезнѣйшая невѣстка Наша, великая княгиня Елисавета Ѳеодоровна, познавъ и испытавъ въ согласіи съ своимъ Супругомъ истину православія, возжелала, по душевному влеченію своему, соединиться съ Нами въ вѣрѣ и въ общеніи церковныхъ молитвословій и таинствъ. Сегодня воспріяла она, къ великой Нашей радости, православную Нашу вѣру и святое мyропомазаніе.

„Возвѣщая всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ о семъ желанномъ событіи, повелѣваемъ именовать Ея Императорское Высочество Благовѣрною Великою Княгиней."

Въ теченіе мѣсяца двѣ горестныя утраты постигли Россійскій Императорскій Домъ.

1 апрѣля Высочайшимъ манифестомъ объявлено было о кончинѣ Великой Княгини Ольги Ѳеодоровны:

„Всемогущему Богу угодно было отозвать къ Себѣ любезнѣйшую тетку Нашу Великую Княгиню Ольгу Ѳеодоровну. Ея Императорское Высочество, отправившись въ Крымъ для лѣченія отъ болѣзни, скончалась въ городѣ Харьковѣ въ 31-й день марта, на 52 году отъ рожденія. Возвѣщая о семъ горестномъ событіи, Мы увѣрены, что всѣ наши вѣрноподданные раздѣлятъ скорбь, постигшую Императорскій Домъ Нашъ, и соединятъ молитвы свои съ Нашими объ упокоеніи души усопшей Великой Княгини."

13 апрѣля послѣдовалъ манифестъ о кончинѣ Великаго Князя Николая Николаевича.

„По волѣ Всемогущаго Бога Императорскій Домъ Нашъ постигла новая скорбь: Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій, послѣ продолжительной тяжкой болѣзни, скончался 13 сего

апрѣля, на 60 году отъ рожденія. Оплакивая утрату любезнѣйшаго дяди Нашего, жизнь коего была посвящена ревностному служенію Престолу и Отечеству и ознаменована подвигами, стяжавшими Ему доблестное имя. Мы увѣрены, что всѣ вѣрные Наши подданные соединятъ молитвы свои съ Нашими объ упокоеніи души усопшаго Великаго Князя."

2 мая вся Россія была взволнована извѣстіемъ о покушеніи на жизнь Наслѣдника Цесаревича, совершенномъ въ Отсу. Мы до сихъ поръ не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній о причинахъ, побудившихъ злоумышленника къ его преступленію. Провидѣніе спасло Цесаревича отъ грозившей Ему опасности, но вся Россія не можетъ не чувствовать успокоенія, зная о скоромъ возвращеніи Цесаревича на русскую землю.

2 апрѣля открылась Французская выставка въ Москвѣ. Было бы преждевременно говорить объ ея результатахъ въ промышленномъ и торговомъ отношеніи, такъ какъ большая часть вещей не распакована; но самое открытіе выставки есть несомнѣнно фактъ не лишенный политическаго значенія. Если припомнить, что французскіе художники отказались принять приглашеніе въ Берлинъ, то открытіе самостоятельной Французской выставки въ Москвѣ несомнѣнно указываетъ на симпатіи, всегда существовавшія между двумя націями, но которыя часто заслонялись ложно понятыми политическими теоріями и интересами. Въ настоящее время интересы Россіи и Франціи не только не противорѣчатъ другъ другу, но вполнѣ совпадаютъ, что же касается политическихъ теорій 1789 г., то и во Франціи, повидимому, большинство успѣло нѣсколько охладѣть къ нимъ и во всякомъ случаѣ не намѣрено навязывать своихъ убѣжденій и своихъ благодѣяній остальному человѣчеству; въ виду этого надо надѣяться, что Московская выставка послужитъ къ еще большему сближенію и лучшему взаимному пониманію дружественныхъ націй.

Именно въ этомъ смыслѣ высказался предъ открытіемъ выставки вице-президентъ организаціоннаго комитета сенаторъ Дицъ-Моненъ.

„Когда Его Величество Государь Императоръ, сказалъ онъ, особымъ указомъ соблаговолилъ оказать намъ гостепріимство въ

зданіи выставки на Ходынскомъ Полѣ, мы приняли на себя предъ вашимъ Всемилостивѣйшемъ Монархомъ не только долгъ глубокой благодарности, но и безусловную обязанность оказаться достойными этой знаменательной милости.

„Въ виду этого, увѣренные въ дружественномъ расположеніи, драгоцѣннымъ свидѣтельствомъ коего она служила, мы смѣло принялись за дѣло, и безъ правительной субсидіи, безъ оффиціальной поддержки, мы обратились къ нашимъ художникамъ, нашимъ ученымъ, нашимъ промышленникамъ и земледѣльцамъ, къ печати и ко всѣмъ производительнымъ силамъ нашей страны.

„Повсюду мы встрѣтили патріотическое и безкорыстное содѣйствіе нашему предпріятію, начатому по частной иниціативѣ, и нашъ глубокоуважаемый президентъ г. Карно, которому недавно Его Императорское Величество Государь Императоръ изволилъ пожаловать орденъ Андрея Первозваннаго, съ самаго начала записался въ число экспонентовъ.

„Великому народу, который послѣ нашихъ несчастій не отвернулся отъ Франціи, этимъ отдаленнымъ друзьямъ, которые насъ не вполнѣ еще знаютъ, мы хотѣли показать тѣ успѣхи которые, при сосредоточенной и благоразумной національной дѣятельности, совершилъ нашъ народъ въ областяхъ художественной, научной и промышленной.

„Являясь въ Москву, мы облеклись въ праздничныя одежды, чтобы предъ вашею страной оправдать, если это возможно, ту славу которая выпала на долю нашей Всемірной выставки 1889 года.

„Позвольте намъ добавить, ваше высокопревосходительство, продолжалъ вице-президентъ, обращаясь къ генералъ-адъютанту А. С. Костандѣ, что мы не преслѣдуемъ спекулятивныхъ цѣлей въ меркантильномъ смыслѣ этого слова; нѣтъ, мы трудимся надъ дѣломъ отличающимся между всѣми своимъ глубоко сердечнымъ и мирнымъ характеромъ. Лучшею наградой для нашей дорогой Франціи будетъ, если мы заслужимъ уваженіе и любовь Русскаго народа настолько, насколько мы сами его уважаемъ и любимъ.“

Въ отвѣтъ на эту рѣчь генералъ-адъютантъ Костанда высказалъ слѣдующее:

„Господинъ президентъ, девять лѣтъ тому назадъ въ этомъ самомъ зданіи устроена была національная выставка, цѣль которой заключалась въ томъ чтобы познакомить торговцевъ и

покупателей съ новѣйшими образцами промышленности и изящныхъ искусствъ.

„Теперь промышленность и изящныя искусства Франціи выставляютъ здѣсь прекрасныя произведенія своего плодовитаго и неутомимаго генія.

„Энергическая частная предпріимчивость, руководившая этимъ предпріятіемъ, имѣетъ полное право на сердечный привѣтъ со стороны всѣхъ тѣхъ, которые умѣютъ оцѣнить дѣйствительную стоимость полезнаго и производительнаго труда.

„Москва—сердце Россіи, высказываетъ лучшія пожеланія блестящаго успѣха этому великому предпріятію. Ваши любезныя слова, г. президентъ Главнаго Комитета, заслужили наши искреннія симпатіи, и съ этими чувствами, которыя, конечно, раздѣляются всѣми присутствующими, съ соизволенія Его Императорскаго Величества Государя Императора, я имѣю честь объявить французскую выставку въ Москвѣ открытою.“

Недавно минуло двадцать пять лѣтъ со дня введенія въ дѣйствіе новыхъ судебныхъ учрежденій. Рѣдкая реформа была встрѣчена такимъ общимъ сочувствіемъ, какъ судебная; сочувствіе это объяснялось не столько положительнымъ содержаніемъ Уставовъ 1864 г., которое было знакомо только юристамъ, сколько неудовлетворительностью старыхъ судовъ. Скоро однако въ обществѣ начало сказываться нѣкоторое разочарованіе, оттого ли, что отъ новыхъ порядковъ ожидали слишкомъ многаго, или отъ того, что въ нихъ были внутренніе недостатки, или, наконецъ, оттого, что при составленіи ихъ недостаточно принималась въ разсчетъ та среда, гдѣ придется примѣнять ихъ и тѣ лица, которымъ будетъ поручено это примѣненіе. Вѣроятнѣе всего и то, и другое, и третье. Какъ бы то ни было, въ обществѣ довольно скоро измѣнилось идеалистическое отношеніе къ судамъ и явилось сознаніе, что въ нихъ есть что-то неладное, что-то такое, что̀ необходимо измѣнить и согласовать съ дѣйствительною жизнью. Сторонники судебныхъ уставовъ 1864 г., не допускающіе въ нихъ никакихъ недостатковъ въ спорахъ съ противниками, любятъ ссылаться на старые порядки и полагаютъ, что они выставляютъ неопровержимый аргументъ, когда спросятъ: что̀ же по вашему лучше было прежде? Вы желаете возстановленія старыхъ судовъ со взятками и съ подъячими?

Такой аргументъ столь же логиченъ, какъ еслибы кто-нибудь вздумалъ, защищая желѣзнодорожные безпорядки, спросить: Что же по вашему лучше, проселочныя дороги? Такъ поѣзжайте по нимъ, проваливайтесь на мостахъ и вязните въ грязи!

Изъ того, что новые судебные порядки неудовлетворительны, вовсе не слѣдуетъ, чтобы старые были хороши. Сторонники новыхъ судебныхъ учрежденій привыкли приписывать все хорошее въ новыхъ судахъ Уставамъ 1864 г., а все худое въ нихъ относить насчетъ тѣхъ усилій, при которыхъ пришлось примѣнять эти Уставы—скорѣе вѣрно обратное. Измѣнившіяся условія не допускали уже по крайней мѣрѣ въ такой степени *тѣхъ злоупотребленій*, которыя господствовали въ прежнихъ судахъ, а что появились новыя, въ этомъ едва ли возможно сомнѣваться.

29 сентября 1862 года были утверждены и обнародованы *Основныя положенія преобразованія судебной части въ Россіи*. Въ настоящее время трудно даже представить себѣ, говорятъ *Новости*, съ какимъ восторгомъ были встрѣчены эти „основныя положенія“. Не было газеты, которая не привѣтствовала бы первое доказательство, что давно сознанная потребность въ коренномъ улучшеніи правосудія близка къ своему осуществленію. Лучшіе тогдашніе ученые и публицисты взялись за перо, чтобы помочь обсужденію и развитію той или другой стороны судебной реформы. Находившіяся тогда еще подъ цензурой изданія, частныя и оффиціальныя, стали наполняться статьями, посвященными разработкѣ процессуальнаго права. Возникла даже особая ежедневная газета подъ характернымъ заглавіемъ *Гласный судъ*. Всѣ живые и наиболѣе образованные юристы стали серьезно приготовляться къ судебной реформѣ и устраивали кружки, въ которыхъ *практически* изучались всѣ формы и обряды новаго судопроизводства, разсматривались старыя дѣла, произносились обвинительныя и защитительныя рѣчи и т. п. Можно съ увѣренностью сказать, что судебная реформа была встрѣчена гораздо единодушнѣе и восторженнѣе, нежели упраздненіе крѣпостнаго права.

Чѣмъ же объясняется, что въ настоящее время, послѣ двадцати пяти лѣтъ дѣятельности *Новыхъ судебныхъ учрежденій*, „юбилей“ отпразднованъ однимъ судебнымъ вѣдомствомъ, при полномъ безучастіи общества? „Ничего нельзя себѣ представить болѣе ошибочнаго. — говоритъ *Новое Время*, — какъ мысль о томъ,

будто *юбилейное* событіе близко одной судебной корпораціи. Гораздо ближе, гораздо дороже это событіе, именно, всему остальному русскому обществу, которое этимъ событіемъ поставлено подъ сѣнь положительнаго закона и тѣмъ самымъ—надѣемся, навсегда—освобождено отъ лицепріятныхъ ухищреній и произвола—самаго тяжкаго изо всѣхъ произволовъ—судейскаго."

Новости думаютъ объяснить равнодушіе общества указаніемъ на враждебное отношеніе за послѣдніе годы печати къ новымъ порядкахъ, но, вопервыхъ, если дѣйствительно нѣкоторые журналы относятся критически или даже прямо отрицательно къ основнымъ началамъ Устава 1864 г., то другіе продолжаютъ не только отстаивать эти основныя начала, но въ малѣйшемъ прикосновеніи къ нимъ видятъ чуть не оскорбленіе святыни. Кромѣ того, еслибы даже вся пресса согласилась въ настоящее время дружно воспѣвать только хвалу новымъ судамъ, это едва ли могло бы оживить то восторженное отношеніе къ нимъ всего общества, о которомъ вспоминаютъ *Новости*.

Дѣло въ томъ, что тогда два принципа, положенные въ основаніе судебныхъ уставовъ, гласность и равенство предъ судомъ, казались большинству такими магическими средствами, которыя сразу должны были уврачевать общество ото всѣхъ его золъ; но практика не замедлила показать обратную сторону медали.

Равенство предъ судомъ, составляющее необходимое условіе справедливости, подъ вліяніемъ тенденціозной прессы и болѣе ловкихъ, чѣмъ добросовѣстныхъ адвокатовъ получило совершенно иную окраску. А гласность, которая должна была поставить отправленіе правосудія подъ контроль общественнаго мнѣнія, обратилась во многихъ случаяхъ въ способъ шантажа или преступной пропаганды. Это конечно злоупотребленія, изъ которыхъ нельзя дѣлать никакихъ выводовъ противъ помянутыхъ принциповъ правильно понятыхъ и правильно примѣненныхъ. Но этого было весьма достаточно, чтобъ общество успѣло понять разницу между словомъ и дѣломъ и убѣдиться, что и въ судебныхъ учрежденіяхъ не все то золото, что̀ блеститъ.

Равенство предъ судомъ въ его истинномъ смыслѣ значитъ только нелицепріятіе, *воздаяніе каждому должнаго*, безпристрастное примѣненіе законовъ къ кому бы они ни примѣнялись. Такого рода равенство, составляющее безусловное требованіе справедливости, само по себѣ ничего общаго съ политическимъ равенствомъ не имѣетъ.

Но состязательный процессъ съ его равенствомъ сторонъ, кто бы ни были эти стороны, косвеннымъ образомъ открывалъ поле для примѣненія демократическаго принципа, и именно этимъ особенно привлекалъ нашихъ либераловъ.

Кто не помнитъ тѣхъ курьезныхъ процессовъ, которые въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ нерѣдко возникали между прислугой и хозяевами, и если ненормальныя отношенія между рабочими и нанимателями не обострились еще больше, то это не по винѣ судебныхъ уставовъ и судебныхъ установленій. Посмотримъ, въ самомъ дѣлѣ, къ чему могло бы привести буквальное примѣненіе принципа равенства сторонъ. Представимъ себѣ, что у крупнаго фабриканта, на фабрикѣ котораго работаютъ иногда 10.000, 20.000 человѣкъ, нѣсколько сотъ недовольныхъ и можетъ-быть уже отпущенныхъ имъ рабочихъ условятся ежедневно подавать въ судъ жалобы на хозяина, по обвиненію въ такихъ проступкахъ и преступленіяхъ, которые не могутъ разсматриваться въ отсутствіи обвиняемаго.

Положимъ, что по всѣмъ этимъ сотнямъ жалобъ судъ не только оправдаетъ обвиняемаго, но даже признаетъ обвиненіе недобросовѣстнымъ, тѣмъ не менѣе окажется, что, не говоря уже о рискѣ попасть въ тюрьму, рискѣ, который при такомъ множествѣ обвиненій всегда существуетъ, какъ бы ни было несообразно каждое изъ обвиненій въ отдѣльности, окажется, что хозяинъ весь годъ долженъ будетъ просидѣть если не въ тюрьмѣ, то на скамьѣ подсудимыхъ, тогда какъ самое худшее, что можетъ случиться съ его обвинителями, это то, что нѣкоторые изъ нихъ попадутъ въ тюрьму за клевету, что въ большинствѣ случаевъ для нихъ не особенно страшно.

Между тѣмъ, такой случай теоретически несомнѣнно возможенъ и его не только нельзя предупредить, но и возразить противъ этого нечего съ точки зрѣнія равенства сторонъ и правоваго порядка.

Но если буквальное примѣненіе Уставовъ 1864 года могло бы поставить иногда въ безвыходное положеніе крупныхъ промышленниковъ и землевладѣльцевъ, то въ дѣйствительности оно оказывается еще болѣе обременительно для малограмотнаго сельскаго населенія, въ примѣненіи къ которому равенство сторонъ оказывается уже злою насмѣшкой. Можно ли говорить серьезно о равенствѣ сторонъ, особенно въ гражданскомъ процессѣ, когда истцомъ является неграмотный крестьянинъ, а отвѣтчикомъ

искусившійся въ разныхъ каверзахъ адвокатъ? Не ясно ли, что менѣе формальное отношеніе къ дѣлу, которое отчасти достигается уже учрежденіемъ земскихъ начальниковъ, составляетъ вопросъ первой необходимости. Итакъ, принципъ равенства предъ судомъ дѣйствительно необходимое условіе правосудія, но не тогда, когда онъ понимается въ томъ псевдолиберальномъ смыслѣ, какой привыкла придавать ему нѣкоторая часть нашей печати. То же самое слѣдуетъ сказать и о гласности; не подлежитъ сомнѣнію, что судебная тайна прежде служила покровомъ для всевозможныхъ злоупотребленій. Но благодаря дурно понятой свободѣ судебныхъ преній и столь же дурно понятымъ „обязанностямъ“ періодической прессы, гласность обратилась въ какую-то язву, поражающую не только лицъ участвующихъ въ дѣлѣ, но всѣхъ тѣхъ, которые имѣютъ несчастіе находиться съ ними въ какихъ бы то ни было частныхъ, или дѣловыхъ отношеніяхъ.

Нельзя не указать здѣсь еще одной слабой стороны судебныхъ уставовъ, которая успѣла вполнѣ выясниться двадцатилѣтнею практикой и отчасти уже исправлена: мы говоримъ о судопроизводствѣ по преступленіямъ политическимъ и должностнымъ. Быть-можетъ неправильной и неудачной постановкѣ дѣла въ судебныхъ уставахъ мы обязаны многими десятками жертвъ безсмысленной политической агитаціи семидесятыхъ годовъ. Гласный судъ не только не пугалъ большинства этихъ недоучившихся и несовершеннолѣтнихъ реформаторовъ Россіи, но казался имъ прекрасною ареной, на которой они могли блеснуть своимъ гражданскимъ мужествомъ, своимъ краснорѣчіемъ и своимъ передовымъ образомъ мыслей, гласный судъ не только не служилъ поучительнымъ примѣромъ для другихъ, но скорѣе вызывалъ въ другихъ юношахъ стремленіе подражать имъ. Такого же рода соображенія примѣнимы и къ судопроизводству по должностнымъ преступленіямъ, которыя, пока разсматривались судомъ присяжныхъ, давали возможность адвокатамъ блеснуть остроуміемъ и либерализмомъ, притянувъ къ дѣлу праваго и виноватаго, лишь бы онъ занималъ выдающееся общественное или служебное положеніе.

Надо ли говорить, наконецъ, о тѣхъ сенсаціонныхъ уголовныхъ процессахъ, которыми интересуется самый многочисленный кругъ публики, но вліяніе которыхъ на общественную нравственность также весьма сомнительно?

Разсказываютъ анекдотъ о французскомъ предсѣдателѣ суда, который предложилъ во время одного изъ подобныхъ процессовъ всѣмъ порядочнымъ женщинамъ удалиться изъ залы, а затѣмъ, когда никто не двинулся, жандармамъ приказалъ удалить остальныхъ. Еслибы предсѣдательствующій вздумалъ у насъ принять подобную мѣру, онъ вызвалъ бы негодованіе на такой незаконный образъ дѣйствій, такъ какъ случаи закрытія дверей указаны въ законѣ; но и за исключеніемъ этихъ случаевъ остается еще множество дѣлъ, оглашеніе которыхъ можетъ оказать только вредное вліяніе на общественную нравственность, а посѣщаютъ подобные процессы именно тѣ, кому менѣе всего слѣдовало бы ихъ посѣщать. Посѣщеніе сенсаціонныхъ уголовныхъ процессовъ обратилось въ средство для доставленія себѣ сильныхъ ощущеній, ѣдутъ слушать дѣло объ отравленіи, истязаніи, или убійствѣ такъ же, какъ въ Испаніи ѣздятъ смотрѣть на бой быковъ.

Вотъ тѣ стороны судебныхъ уставовъ, несостоятельность которыхъ вполнѣ успѣла выясниться для каждаго безпристрастнаго наблюдателя.

Если обратиться къ обозрѣнію внутреннихъ измѣненій, внесенныхъ въ судебные уставы законодательствомъ за истекшее двадцатипятилѣтіе,—то, какъ говоритъ *Правительственный Вѣстникъ*, нельзя будетъ не придти къ заключенію, что эти измѣненія многочисленны и во многомъ преобразовали сущность постановленій уставовъ. Послѣдніе внесли въ судебные порядки наши рядъ такихъ принциповъ, формъ и учрежденій, которые, не имѣя почвы въ дѣйствовавшемъ до нихъ процессѣ, не могли быть заранѣе оцѣнены въ отношеніи ихъ практической пригодности и соотвѣтствія съ дѣйствительными условіями жизни. Естественно поэтому, что, по мѣрѣ распространенія уставовъ и накопленія указаній опыта, выяснилась необходимость ихъ частичнаго, болѣе или менѣе рѣшительнаго измѣненія. Въ постоянномъ попеченіи объ интересахъ правосудія, законодательство, пользуясь этими указаніями опыта и стремясь удовлетворить выяснившимся потребностямъ русской жизни, создало за истекшее двадцатипятилѣтіе рядъ видоизмѣнившихъ судебные уставы законовъ, носящихъ явные признаки этого стремленія. Таковыми же представляются законодательные мотивы созданія закона, наиболѣе рѣшительно повліявшаго на ограниченіе сферы примѣненія судебныхъ уставовъ, въ отношеніи мировой юстиціи, а именно, положенія о земскихъ

начальникахъ 12 іюля 1889 года. „Мы обратили вниманіе,—говорится въ *Именномъ Высочайшемъ Указѣ*, отъ того же 12 іюля,—на затрудненія, представляющіяся правильному развитію благосостоянія въ средѣ сельскихъ жителей Имперіи. Одна изъ главныхъ причинъ этого неблагопріятнаго явленія заключается въ отсутствіи близкой къ народу твердой правительственной власти, которая соединяла бы въ себѣ попечительство надъ сельскими обывателями съ заботами по завершенію крестьянскаго дѣла и съ обязанностями по охраненію благочинія, общественнаго порядка, безопасности и правъ частныхъ лицъ въ сельскихъ мѣстностяхъ.“ Слѣдовательно, ненормальность сложившагося порядка вещей послужила причиной, повлекшею за собою учрежденіе земскихъ участковыхъ начальниковъ, по мѣрѣ введенія которыхъ упраздняются участковые и добавочные мировые судьи, равно какъ и съѣзды мировыхъ судей.

Но выяснившаяся такимъ образомъ съ теченіемъ времени необходимость измѣненія судебныхъ уставовъ и болѣе совершеннаго приспособленія ихъ къ нуждамъ дѣйствительности не умалила значенія этого законодательнаго акта. Въ изданныхъ, въ дополненіе, измѣненіе и отмѣну отдѣльныхъ постановленій ихъ, узаконеніяхъ, они пріобрѣли лишь новую силу служить интересамъ правосудія, попрежнему оставаясь главнымъ источникомъ процессуальнаго права въ тѣхъ мѣстностяхъ, на которыя распространено ихъ дѣйствіе, не исключая при этомъ и тѣхъ губерній, въ которыхъ введено положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ.

Даже *Новости*, приводя эти строки, не пытаются опровергать необходимости измѣненій, сдѣланныхъ въ судебныхъ уставахъ, отстаиваютъ только ихъ общія начала.

Нужно почти мистическое поклоненіе такимъ началамъ, которыя ничего мистическаго въ себѣ не имѣютъ, чтобъ отстаивать во всѣхъ подробностяхъ судебные уставы въ томъ видѣ, какъ они появились въ 1864 году.

Между тѣмъ, на товарищескомъ обѣдѣ 17 апрѣля одинъ изъ старѣйшихъ представителей русской адвокатуры, К. К. Арсеньевъ, сказалъ рѣчь, содержаніе которой мы заимствуемъ изъ *Новаго Времени*: „Двадцать пять лѣтъ тому назадъ, господа, мы съ радужными надеждами встрѣчали открытіе новыхъ судебныхъ установленій. Теперь быть-можетъ нѣкоторые скажутъ, что надежды эти не оправдались. Въ самомъ дѣлѣ, великія реформы

той эпохи, начатыя на самыхъ широкихъ началахъ, отчасти измѣнены были на первыхъ же шагахъ приложенія ихъ къ практикѣ. Неизбѣжны, говоритъ ораторъ, эти измѣненія, какъ неизбѣжны поправки и одѣлка каждаго новаго зданія, въ которомъ видимы, или кажутся видимы тѣ или другія шероховатости, тѣ или другія неровности. Тѣмъ не менѣе, измѣнены лишь детали, а самая сущность судебной реформы осталась все та же. Слѣдя за развитіемъ этой реформы, нельзя не признать той громадной пользы, которую принесла она обществу и государству. За истекшее двадцатипятплѣтіе мы видимъ на судебномъ поприщѣ такихъ дѣятелей обвиненія и защиты, которые составляютъ честь нашего суда." Въ заключеніе своей рѣчи К. К. Арсеньевъ коснулся исторіи адвокатуры, отношеній ея къ суду и обществу, и закончилъ такъ: „Во всякомъ случаѣ, несмотря на всѣ измѣненія и быть-можетъ невзгоды въ нашемъ судебномъ дѣлѣ, я смотрю впередъ все-таки оптимистически. Теперь идетъ по Невѣ ладожскій ледъ, какъ шелъ онъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ; онъ несетъ съ собой холодъ и непогоду, но онъ пройдетъ, въ этомъ мы всѣ увѣрены и даже приблизительно можемъ назначить срокъ, когда настанетъ тепло. Сказать когда пройдетъ ладожскій ледъ въ нашемъ мірѣ мы съ такою увѣренностью не можемъ, но тѣмъ не менѣе онъ пройдетъ навѣрное. Вотъ почему мы смѣло можемъ надѣяться на дальнѣйшее прогрессивное развитіе нашего дѣла на пользу общественную."

По поводу послѣднихъ словъ г. Арсеньева *Гражданинъ* замѣчаетъ: Для того, чтобъ уяснить себѣ то, чего мы, благодаря ладожскому льду, лишились достаточно оцѣнить то, что̀ сбереглось, не взирая на ладожскій ледъ. Оказывается, что всѣ суды дѣйствуютъ по-старому, что судьи назначаются и увольняются по-старому, что судъ присяжныхъ для общихъ преступленій остался тотъ же, что адвокаты, съ гг. Арсеньевыми и Спасовичами во главѣ, продолжаютъ процвѣтать, что кассаціонныя судебныя рѣшенія продолжаютъ выходить фоліантами, и такъ далѣе, словомъ, ни въ чемъ существенномъ суды 1891 года не отличаются отъ судовъ 1866 года.

Затѣмъ, не коснувшись нисколько сущности и основъ судебныхъ учрежденій, правительство ввело нѣкоторыя измѣненія, на необходимость которыхъ указала сама судебная практика: ограничило оно вѣдѣніе суда присяжныхъ, напримѣръ, только общими преступленіями, такъ какъ практика суда доказала полную

несостоятельность его для дѣлъ спеціальныхъ, начиная отъ политическихъ и кончая казеннымъ управленіемъ, замѣнило оно мировыхъ судей для деревни болѣе понятнымъ для крестьянъ учрежденіемъ судебно-административнымъ земскаго начальника, и больше ничего.

А заспмъ въ нравственномъ отношеніи въ теченіе этихъ двадцати пяти лѣтъ ни отъ кого въ Россіи не ускользнула та значительная перемѣна, которая произошла въ духовномъ настроеніи личнаго судебнаго состава: она сказалась въ томъ, что съ одной стороны чины судебныхъ учрежденій въ значительной долѣ утратили свою обособленность отъ общаго состава всѣхъ служащихъ своему Россійскому Императорскому правительству, а съ другой стороны—всѣ чины судебнаго вѣдомства перестали быть въ принципіально враждебныхъ отношеніяхъ къ правительственной администраціи. То и другое благодѣтельно отразилось на общемъ ходѣ государственной жизни, и принося пользу, какъ суду, такъ и администраціи, привѣтствуется всѣми русскими подданными: слѣдовательно и въ этомъ отношеніи никакого покушенія на жизнь и достоинство судебнаго вѣдомства за эти двадцать пять лѣтъ не произошло...

Если г. Арсеньевъ разумѣлъ подъ ладожскимъ льдомъ то новое теченіе, которое выразилось въ законодательствѣ послѣдняго десятилѣтія, то *Гражданинъ* несомнѣнно правъ, но изъ враждебнаго отчета *Новаго Времени* это несовсѣмъ ясно, можетъ-быть почтенный ораторъ имѣлъ въ виду современное положеніе нашей адвокатуры, и тогда въ сущности онъ правъ. Хотя, конечно, и въ послѣднемъ случаѣ сравненіе не совсѣмъ удачно, потому что состояніе это, къ сожалѣнію, скорѣе напоминаетъ болото, чѣмъ нарвскій ледъ. Вообще всѣ такія уподобленія имѣютъ то неудобство, что подъ нихъ можно подводить и разумѣть что̀ угодно. Невольно вспоминается намъ профессоръ „Общественнаго права“, который лѣтъ двадцать или тридцать тому назадъ начиналъ иногда свои лекціи съ разсказа о погодѣ, напримѣръ, слѣдующимъ образомъ: Сегодня, господа, большой морозъ, такой морозъ, что я дѣтей своихъ не пустилъ въ гимназію, такого рода нравственнымъ морозомъ для Россіи былъ Петръ,—затѣмъ слѣдовала оцѣнка Петра Великаго. Посредствомъ такого простаго пріема не трудно уподобить любое учрежденіе или лицо какому угодно атмосферическому явленію.

1 мая почти во всей Европѣ прошло благополучно, если можно назвать благополучіемъ, что убитыхъ и раненыхъ приходится считать десятками, а не тысячами. Но и это относительное благополучіе зависитъ не столько отъ того, что не накопилось достаточно матеріала для болѣе крупныхъ безпорядковъ, сколько отъ того, что сами вожаки соціалистической партіи считаютъ настоящій моментъ еще недостаточно благопріятнымъ, чтобы начинать открытую борьбу съ существующими правительствами, но инцидентъ въ Фурми достаточно ясно показываетъ, какъ немного нужно, чтобы вызвать вспышку среди рабочаго населенія. Безпорядки въ Фурми легко могутъ оказаться пробнымъ шаромъ соціалистовъ. Министерство г. Констана теперь уже кажется для лѣвой недостаточно прогрессивно. Если по поводу инцидентовъ въ Фурми не было назначено слѣдствія и не была объявлена амнистія участвовавшимъ въ безпорядкахъ, то не потому, чтобы въ палатѣ не нашлось у нихъ многочисленныхъ защитниковъ и сторонниковъ. Нерѣшительный уклончиво редактированный переходъ къ очереднымъ дѣламъ есть скромная побѣда для г. Констана, особенно въ виду того, что даже эта побѣда получилась благодаря содѣйствію правой.

Г. С. Васильевъ, со взглядами котораго читатели *Русскаго Обозрѣнія* хорошо знакомы по *Театральной Хроникѣ*, въ одномъ изъ своихъ фельетоновъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* касается вопроса, имѣющаго серьезное не только художественное но и общественное значеніе. Дѣло идетъ о нѣкоторомъ измѣненіи или, точнѣе говоря, дополненіи къ Положенію объ Императорскомъ Московскомъ Театральномъ Училищѣ.

Въ маѣ 1891 года долженъ совершиться первый выпускъ учениковъ и ученицъ Драматическихъ Курсовъ при Императорскомъ Московскомъ Театральномъ Училищѣ.

Силою вещей на первый планъ выдвигается вопросъ:

„*Что дѣлать съ учениками и ученицами окончившими курсъ?*“

Послѣ *конкурсныхъ* спектаклей, говоритъ г. Васильевъ, на которые, *по выбору конференціи*, допускаются лишь *особенно талантливые* ученики и ученицы, дирекція допускаетъ *лучшихъ* учениковъ и ученицъ къ *дебюту* въ составѣ драматической труппы Императорскихъ театровъ.

„Но такимъ образомъ предусмотрѣна непосредственная будущность *лучшихъ* изъ числа *особенно талантливыхъ* учениковъ и ученицъ. То-есть—*нѣсколькихъ человѣкъ*, число которыхъ непремѣнно должно быть очень ограниченно и можетъ колебаться, при разныхъ выпускахъ, между *пятью* и *нулемъ*."

Что же дѣлать остальнымъ? имъ предоставляется *немедленно* по окончаніи курса поступать на частные театры.

Противъ такого немедленнаго поступленія только-что окончившихъ курсъ въ Театральномъ Училищѣ и возстаетъ, какъ намъ кажется, вполнѣ основательно, г. Васильевъ.

Поступленіе на провинціальныя сцены не самыхъ талантливыхъ учениковъ вполнѣ послѣдовательно и необходимо.

„Непослѣдовательно лишь то, что ученикамъ и ученицамъ окончившимъ курсъ предоставляется *немедленно* послѣ его окончанія поступать на частныя и провинціальныя сцены.

„И въ самомъ дѣлѣ, три года обученія на *Драматическихъ Курсахъ* сдѣлали лишь *одну половину* дѣла. Они создали для будущей актерской дѣятельности людей *болѣе образованныхъ*, нежели какіе когда-либо находились въ средѣ русскихъ актеровъ.

„Это очень важно. Но остается еще *другая половина* дѣла. *Актерское умѣніе*. Недостаточно *знать*. Нужно *умѣть*.

„Возможно ли *кинуть* этихъ *начинающихъ* актеровъ, *немедленно* по окончаніи курса, на частные и провинціальные театры?

„Нѣтъ, невозможно, ибо тогда *Драматическіе Курсы* не достигли бы своей цѣли, такъ какъ они не окончили бы *второй половины* образованія своихъ учениковъ, образованія *практическаго*.

„Между періодомъ *школьнаго образованія* и *свободною дѣятельностію* новаго актера долженъ лечь посредствующій и переходный періодъ *испытанія* и *практическаго развитія*."

Въ виду этого, для завершенія артистическаго образованія учениковъ Театральнаго Училища г. Васильевъ считаетъ необходимымъ еще трехлѣтній періодъ, въ теченіе котораго лица посвящающія себя сценѣ могли не только теоретически, но практически ознакомиться со сценой и въ случаѣ заблужденія относительно своего призванія успѣли бы разочароваться и избрать другой родъ дѣятельности, болѣе подходящій къ ихъ способности.

Только въ продолженіе этихъ трехъ лѣтъ практики среди дѣйствительныхъ артистовъ, среди образцоваго театральнаго порядка, среди образцовой служебной дисциплины, предъ взыскательною и строгою столичною публикой, подъ внимательнымъ

наблюденіемъ столичной печати, только въ продолженіе этихъ трехъ лѣтъ ученики и ученицы *Драматическихъ Курсовъ* дѣйствительно завершатъ циклъ своего образованія и сдѣлаются вполнѣ готовыми для самостоятельной дѣятельности. Только при выступленіи предъ дѣйствительною публикой ученики *почувствуютъ* изъ ея отношенія къ нимъ все различіе существующее между снисходительностію къ ученику и требованіями отъ актера. Только при совмѣстной игрѣ съ дѣйствительными артистами сознательно, наглядно и очевидно установятся для учениковъ пропорціи, существующія между ними и этими артистами.

Въ настоящее время ученики *Драматическихъ Курсовъ*, поступивъ немедленно по выходѣ изъ Училища на частныя сцены, должны *изучать репертуаръ* ни малѣйшимъ образомъ не содѣйствующій художественному образованію и развитію молодыхъ начинающихъ силъ. Это репертуаръ литературно-театральнаго рынка, репертуаръ случайный, гдѣ одна плохая піеса замѣняется черезъ недѣлю другою такого же достоинства. Между тѣмъ, ученикамъ *необходимо* искать ангажементовъ на частныхъ театрахъ, ибо имъ нужно *жить* и *кормиться*.

Только-что кончившему курсъ ученику приходится сейчасъ закабалиться, тогда какъ вся будущность его зависитъ отъ первой практики, а серьезную практику могутъ дать имъ лишь Императорскіе театры. И если молодыхъ людей, кончившихъ курсъ въ нашихъ университетахъ, отправляютъ за границу, чтобы заниматься тамъ подъ руководствомъ *лучшихъ ученыхъ*, то столь же послѣдовательно и естественно, чтобъ ученики, кончившіе курсъ въ Императорскихъ Московскомъ и Петербургскомъ Театральныхъ Училищахъ, заканчивали бы свое образованіе при лучшемъ и образцовомъ драматическомъ театрѣ всей Россіи, Московскомъ Маломъ Театрѣ.

Но, съ одной стороны, на Маломъ Театрѣ нѣтъ мѣста для оканчивающихъ курсъ, число которыхъ есть двадцать ежегодно, а съ другой—Малый Театръ не въ состояніи удовлетворить возрастающихъ потребностей публики.

„Открытіе втораго Императорскаго драматическаго театра въ Москвѣ составляетъ естественное, логическое и послѣдовательное развитіе и завершеніе мудрой художественной и государственной мысли, положенной въ основаніе учрежденія *Драматическихъ Курсовъ* при Императорскихъ Театральныхъ Училищахъ, то-есть мысли о поднятіи русскаго искусства. Въ то же время это будетъ

серьезная практическая мѣра къ поднятію репертуара, а слѣдовательно къ художественному и образовательному воздѣйствію на публику.

„Репертуаръ и исполненіе частныхъ драматическихъ театровъ дошли за послѣдніе годы до той низменности уровня, гдѣ уже не можетъ быть рѣчи о художественномъ воздѣйствіи и впечатлѣніи. Явился заколдованный кругъ. Піесы классическаго репертуара искажаются—исполненіемъ. Піесы современныя, при сравнительной удовлетворительности исполненія, представляютъ въ большинствѣ случаевъ искаженія иностранныхъ оригиналовъ или совершенное литературное и художественное ничтожество. Между тѣмъ Москва есть громадный центръ, куда со всѣхъ концовъ Россіи стекается учащееся юношество и гдѣ оно получаетъ наиболѣе прочно западающія въ душу художественныя впечатлѣнія: впечатлѣнія юношескаго возраста.

„Необходимо поднять репертуаръ и исполненіе. Задачу эту долженъ и можетъ принять на себя лишь Императорскій Театръ, русскій государственный художественный институтъ.

„Малый Театръ не въ состояніи одинъ справиться съ этою задачей, хотя бы уже въ одномъ количественномъ отношеніи. Доказательствомъ этому служатъ необыкновенно рѣдкія представленія: *Горе отъ ума*, *Ревизора*, *Бориса Годунова*, произведеній Островскаго.“

„Весьма серьезно, какъ справедливо замѣчаетъ г. Васильевъ, что трехлѣтній практическій курсъ, при содержаніи (отъ 300 до 1.200 рублей), обезпечивающемъ существованіе, поможетъ многимъ изъ учениковъ внимательнѣе, *на практикѣ*, вдуматься въ свою будущность, взвѣсить свои способности, силы и призваніе. Очень можетъ быть, что, выступивъ въ качествѣ актеровъ предъ *дѣйствительною публикой*, нѣкоторые изъ учениковъ предпочтутъ избрать иной родъ занятій, разочаруются въ своихъ способностяхъ или, по крайней мѣрѣ, въ возможности очаровать ими зрителей. Каждый изъ такихъ разочаровавшихся, хотя бы ихъ оказалось лишь по одному въ выпускѣ, будетъ вовремя спасенъ и возвращенъ изъ области фикціи къ дѣйствительной жизни, между тѣмъ, какъ тотъ же человѣкъ, немедленно по окончаніи курса поступившій, ради пріобрѣтенія средствъ къ жизни, на частный или провинціальный театръ, оказался бы, по истеченіи трехъ лѣтъ, уже совершенно заѣденнымъ актерскою жизнію и безвозвратно погибъ бы въ ней и отъ нея.“

Вопросъ, поставленный г. С. Васильевымъ, представляетъ несомнѣнно серьезное общественное значеніе, такъ какъ въ настоящее время сцена служитъ уже не исключительно художественнымъ задачамъ, а часто становится средствомъ для проведенія соціальныхъ и нравственныхъ теорій (хорошо это или дурно, другой вопросъ). Но талантъ вездѣ и всегда составляетъ исключеніе, между тѣмъ, какъ съ точки зрѣнія художественной, такъ и съ точки зрѣнія общественной, въ высшей степени важно, чтобы не только авторы, но и исполнители, если они не въ состояніи содѣйствовать возвышенію нравственнаго и эстетическаго уровня публики, по крайней мѣрѣ не содѣйствовали бы его пониженію. Между тѣмъ, въ настоящее время замѣчается именно нѣчто подобное. Репертуаръ наполняется съ одной стороны узко тенденціозными и скучными пьесами, въ которыхъ трескучія фразы вызываютъ апплодисменты райка, а съ другой шутками, вполнѣ невинными только въ политическомъ отношеніи. Весьма естественно, что исполнители стараются своею игрой еще болѣе подчеркнуть дѣланный паѳосъ или грубую соль *выигрышныхъ мѣстъ*, за что̀ публика, отвыкшая отъ серьезнаго репертуара и серьезнаго исполненія, награждаетъ ихъ дружными рукоплесканіями, чѣмъ еще болѣе поощряетъ ихъ къ шаржу.

До чего понизился уровень эстетическихъ требованій, видно изъ того, что отъ молодыхъ, даже выдающихся актеровъ намъ случалось слышать признанія: я не умѣю читать стиховъ, и признаніе это не было вызвано чрезмѣрною скромостью.

Но какъ же возможно исполненіе Шекспира, Шиллера, Гёте безъ умѣнія читать стихи? А между тѣмъ этимъ неумѣньемъ иные даже гордятся повидимому. У насъ вошло почти въ обычай читать стихи, какъ прозу; для неумѣющаго обычай этотъ имѣетъ хорошую сторону, потому что лучше читать стихи, какъ прозу, чѣмъ пѣть ихъ, какъ паннихиду; но даже при такомъ упрощенномъ чтеніи необходимо соблюдать нѣкоторыя минимальныя требованія поэтической формы, и читая стихи, какъ прозу, по крайней мѣрѣ не читать ихъ такъ, чтобы съ потерей размѣра дѣйствительно выходила „проза, да плохая“.

Итакъ, необходимо поднять у насъ уровень драматическаго искусства, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время сцена нерѣдко вліяетъ на общество не слабѣе, а можетъ-быть и сильнѣе печати. Въ виду этого проектъ г. С. Васильева несомнѣнно представляетъ серьезный интересъ и едва ли можно останавливаться предъ

нѣкоторыми расходами, которыхъ потребовало бы его осуществленіе. Но въ немъ, какъ и вездѣ, есть обратная сторона медали; чѣмъ болѣе обезпечена станетъ повидимому будущность воспитанниковъ Театральнаго Училища, тѣмъ сильнѣе станетъ приливъ очень молодыхъ людей, желающихъ поступить въ него. А между тѣмъ самымъ поступленіемъ въ училище уже предрѣшается болѣе или менѣе родъ ихъ дѣятельности.

Спеціальная подготовка съ дѣтскаго возраста конечно необходима для нѣкоторыхъ изъ искусствъ, и нельзя быть выдающимся піанистомъ, или хорошею балериной въ 20 лѣтъ начавъ первые уроки музыки или танцевъ. Но едва ли такая же ранняя подготовка необходима относительно драматическаго искусства. Между тѣмъ, спеціализація на этомъ искусствѣ съ ранняго возраста естественно ограничиваетъ шансы на успѣхъ въ другой сферѣ дѣятельности еще въ такую пору, когда дѣйствительное призваніе не могло вполнѣ опредѣлиться. Предлагаемый г. Васильевымъ трехлѣтній курсъ, конечно, значительно улучшаетъ положеніе выпущенныхъ учениковъ, такъ какъ спасаетъ ихъ отъ немедленной кабалы у частныхъ антрепренеровъ, въ которую они неизбѣжно попали бы, но указанная нами невыгода остается въ силѣ, такъ какъ пребываніе въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ на сценѣ даже Императорскаго театра едва ли облегчитъ имъ полученіе другаго рода занятій, а скорѣе наоборотъ.

Еврейскій вопросъ то въ той, то въ другой формѣ постоянно напоминаетъ о себѣ. То баронъ Гиршъ жертвуетъ десятки милліоновъ, чтобъ устроить для нихъ новое отечество, то Родшильдъ пытается упрочить ихъ положеніе въ Россіи посредствомъ давленія на наши финансы, то великобританскіе граждане, восхваляющіе трудолюбіе Евреевъ, стараются оградить себя отъ наплыва слишкомъ трудолюбиваго народа; но прежде чѣмъ говорить объ этомъ, остановимся на второй статьѣ А. Леруа-Болье о Евреяхъ и объ антисемитизмѣ, появившейся въ послѣдней книжкѣ *Revue des deux Mondes*, о первой мы уже говорили, теперь Леруа-Болье разбираетъ обвиненіе противъ Евреевъ съ точки зрѣнія національности.

Крикъ тревоги поднятый Германіей князя Бисмарка отозвался вокругъ нея съ тою звучностью, которую придаютъ голосу народовъ побѣдныя трубы. Призывъ, раздавшійся изъ Берлина, нашелъ

отголосокъ на всѣхъ границахъ Германіи: у сосѣдей національное чувство было не менѣе могущественно и не менѣе ревниво, такъ же, какъ въ Германіи тамъ послышалось обвиненіе Евреевъ какъ пришельцевъ враждебнаго племени. Такъ было, говоритъ Леруа-Болье, въ Австро-Венгріи, гдѣ вѣнскіе Нѣмцы только послѣдовали примѣру своихъ берлинскихъ соплеменниковъ; такъ было въ Россіи: такъ было вездѣ, иногда даже во Франціи. Разница состояла только въ томъ, что въ Пештѣ и въ Москвѣ вмѣсто германства являлся славизмъ и мадьяризмъ, которымъ одинаково угрожало семетическое завоеваніе. Противники Еврея всегда нападали на него, какъ на чужеземца.

Эту національную обиду Леруа-Болье считаетъ не столь новою, какъ она можетъ показаться на первый взглядъ. Она подразумѣвалась во всѣхъ обвиненіяхъ направленныхъ противъ Евреевъ въ теченіе многихъ вѣковъ. Предки наши не дожидались современныхъ теорій о враждѣ расъ и о борьбѣ за существованіе, чтобы замѣтить, что Евреи составляютъ государство въ государствѣ и народъ среди народа.

Есть уже антисеметизмъ въ бунтахъ большихъ городовъ древности противъ Евреевъ. Въ Римѣ, въ Антіохіи и въ Александріи греческая и римская чернь возмущается противъ чужеземца, если не противъ племени, то противъ чужеземныхъ обычаевъ и чужеземной культуры такъ же, какъ противъ враговъ ея боговъ.

Израиль былъ разбитъ въ дребезги и осколки его колѣнъ, далеко разсѣянныя, казались подобны осколкамъ бронзы, которые смѣются надъ вѣками. Евреи въ теченіе пятнадцати вѣковъ представляютъ почти единственное явленіе націи безъ территоріи.

Казалось бы этого уже почти достаточно, чтобъ объяснить то враждебное отношеніе къ Евреямъ, которое встрѣчаютъ почти у всѣхъ національностей: нація не имѣющая своей территоріи и члены которой живутъ на чужой землѣ, но не какъ временные гости, а въ теченіе десятковъ и сотенъ лѣтъ, составляетъ замкнутое общество, государство въ государствѣ и не могла, разумѣется, пользоваться симпатіями въ какомъ бы то ни было государствѣ еще способномъ къ самостоятельной жизни, къ преслѣдованію собственныхъ національныхъ идеаловъ. Но Леруа-Болье недовольствуется такимъ объясненіемъ.

Кромѣ внѣшнихъ законовъ и внѣшнихъ вліяній, Еврей образовался вслѣдствіе дѣйствія внутренняго агента, по словамъ Леруа Болье, болѣе постояннаго и, можетъ-быть, еще болѣе

могущественнаго. Агентъ этотъ—его законъ, его обряды, однимъ словомъ, его религія. Какъ высказалъ Ренанъ, Еврей не столько продуктъ расы, сколько традиціи или, какъ говоритъ Дармштетеръ, Еврей не столько продуктъ плоти, сколько духа.

Юдаизмъ, въ противоположность христіанству, не есть религія, почти исключительно духовная, гдѣ, по слову, сказанному у колодца Іакова, истинные вѣрующіе поклоняются въ духѣ и истинѣ. Талмудическій юдаизмъ во многихъ отношеніяхъ есть совокупность тѣлесныхъ обрядовъ: это религія тѣла, а не души. Это, какъ хотите, его недостатокъ или его превосходство. Законъ занимается тѣломъ не менѣе, чѣмъ духомъ; законъ содѣйствовалъ образованію одного посредствомъ другаго. Въ этомъ смыслѣ Еврей есть продуктъ плоти такъ же, какъ и духа; въ этомъ смыслѣ прежде всего главнымъ факторомъ Еврея и еврейской расы былъ юдаизмъ. Никогда, можетъ-быть, человѣкъ не былъ до такой степени сформированъ своимъ вѣрованіемъ. Тора прежде Мишны изъ правилъ гигіены сдѣлала заповѣди Божіи. Исламъ только подражалъ ей, но остался далеко за нею. Нѣтъ ничего болѣе чуждаго, чтобы не сказать болѣе, противоположнаго юдаизму (по крайней мѣрѣ со времени древнихъ Ессеевъ), какъ пренебреженіе къ тѣлу, оказываемое нѣкоторыми изъ нашихъ аскетовъ.

Разница между христіанствомъ и іудействомъ состоитъ въ томъ, что національный партикуляризмъ, духъ племени и вмѣстѣ съ нимъ духъ секты чужды христіанству, тогда какъ по своему происхожденію, по своимъ преданіямъ и даже по своимъ обрядамъ іудейству трудно освободиться отъ нихъ.

Законъ и ученые все предвидѣли, все опредѣлили, не исключая самыхъ тайныхъ актовъ индивидуальной и супружеской жизни. Этотъ мелочной кодексъ мальчикъ Еврей изучалъ съ ранняго возраста въ *Хедерѣ* и въ *талмудторѣ*. Высчитывали, что правовѣрный Израильтянинъ долженъ подчиняться шестистамъ тринадцати законамъ или заповѣдямъ, изъ которыхъ двѣсти сорокъ восемь положительныхъ и триста шестьдесятъ пять отрицательныхъ. Бо́льшая часть изъ нихъ касается очищенія тѣла, одежды, пищи.

Нельзя передать по-французски тѣхъ странныхъ предосторожностей, которыя принимала Товитъ, служанка-рабби Гамаліила, когда она разливала вино своего хозяина, а Талмудъ ее хвалитъ, какъ женщину осторожную.

Каковъ бы ни былъ первоначальный смыслъ подобныхъ обрядовъ, невозможно, чтобъ они, передаваясь наслѣдственно въ теченіе вѣковъ, остались безъ вліянія на мужчину и на женщину, а слѣдовательно и на расу. Израиль всегда хвалился тѣмъ, что онъ народъ чистый; чистота предъ Всевышнимъ была его привилегіей, его отличительною чертой среди народовъ. Ибо ты народъ святой предъ Господомъ Богомъ твоимъ, много разъ повторяетъ ему Тора.

Несмотря на потери территоріи Израиль остается племенемъ подъ двойнымъ вліяніемъ, подъ вліяніемъ нашихъ гражданскихъ законовъ, которые силою изолировали его среди народовъ, подъ вліяніемъ его религіозныхъ законовъ, которые изолировали его среди нихъ своими обрядами; власти христіанскія и іудейскія, дѣйствуя однѣ извнѣ, другія изнутри, безсознательно толкали его въ томъ же направленіи. Каноническое право и талмудическій кодексъ поддерживали другъ друга. Церковь и синагога, королевство и кагалъ, епископы и раввины, стараясь отдѣлить ихъ отъ насъ, всѣ трудились надъ тѣмъ, чтобы сдѣлать изъ Евреевъ племя чуждое народу.

Въ настоящее время многіе изъ Евреевъ, считая устарѣвшими обычаи и обряды, установленные закономъ, полагаютъ, что они осуждены на постепенное исчезновеніе вмѣстѣ со стариннымъ талмудическимъ духомъ. Есть между ними такіе, которые черезъ три тысячи лѣтъ мечтаютъ о новыхъ судьбахъ для Торы. Они ожидаютъ, чтобъ Іегова снова раскрылъ источникъ скалы Хорива, и надѣются, что народъ его не одинъ утолитъ въ немъ жажду. Сохраняя въ миссію Израиля ту вѣру, которую въ глубинѣ сердца носитъ каждый Еврей, они считаютъ себя призванными вторично принести цивилизованному міру, снова извѣрившемуся въ своихъ богахъ, божественный даръ религіи,—на этотъ разъ религіи безъ обременительныхъ обрядовъ, безъ догматовъ, трудно пріемлемыхъ разумомъ, безъ чудесъ и безъ тайнъ.

Московскія Вѣдомости сообщаютъ, что въ Петербургѣ, въ виду непрекращающихся жалобъ Евреевъ на стѣсненія и трудность прокормленія въ Россіи, гдѣ всякой дѣятельности ихъ ставятся де преграды, составляется изъ частныхъ лицъ кружокъ, который рѣшилъ придти имъ на помощь и содѣйствовать выходу ихъ изъ такого положенія. Такъ какъ Евреи видятъ такой выходъ въ эмиграціи въ тѣ страны, гдѣ выразились къ нимъ горячія симпатіи и протесты противъ мѣропріятій Русскаго правитель-

ства, то названный кружокъ постановилъ облегчить имъ выѣздъ изъ Россіи въ Лондонъ и для сего войти въ соглашеніе съ нѣкоторыми пароходами, которые за незначительную плату будутъ перевозить бѣднѣйшихъ Евреевъ изъ Либавы или Риги въ Лондонъ. Пароходы будутъ работать въ продолженіе цѣлаго лѣта и перевозить Евреевъ за удешевленную плату, до тѣхъ поръ пока холодная погода не заставитъ отказаться отъ перевозки пассажировъ, которые, по бѣдности, лишены теплой одежды. Такъ какъ имѣется въ виду вступить въ соглашеніе съ владѣльцами четырехъ пароходовъ, то полагаютъ, что въ продолженіе навигаціи удастся перевезти на берега Темзы до шестидесяти тысячъ бѣднѣйшихъ Евреевъ, которые среди лондонскаго населенія, питающаго къ русскимъ Евреямъ горячія симпатіи, конечно, найдутъ отличный заработокъ. Кружокъ надѣется, что богатые торговцы Сити, среди которыхъ такъ много богатыхъ единовѣрцевъ нашихъ Евреевъ, придутъ со своей стороны на помощь переселенцамъ и доставятъ имъ на первое время не только безплатное помѣщеніе, но и прокормленіе. Здѣшніе друзья Евреевъ, руководимые чувствомъ гуманности, надѣются собрать суммы достаточныя для осуществленія плана и, въ случаѣ успѣха, намѣрены въ будущемъ году расширить размѣры операціи и содѣйствовать возможно большему переселенію бѣднѣйшей части русскихъ Евреевъ въ Англію. Задачи кружка весьма симпатичны и будутъ, безъ сомнѣнія, съ большимъ сочувствіемъ встрѣчены лондонскими друзьями русскаго еврейства.

Газеты сообщили о пожертвованіи барона Гирша, для пріобрѣтенія земель въ Южной Америкѣ, гдѣ бы могли поселиться еврейскіе эмигранты. Нельзя не пожелать успѣха этому дѣлу; въ самомъ дѣлѣ, если всѣ недостатки Евреевъ зависятъ отъ того исключительнаго положенія, въ которомъ они находились среди другихъ народовъ Европы, отъ того угнетенія, которому они постоянно подвергались, то всѣ эти недостатки должны будутъ исчезнуть сами собой, какъ только будутъ устранены вызвавшія ихъ условія, такимъ образомъ будетъ оказано двойное благодѣяніе выселившимся Евреямъ, которые найдутъ не только болѣе выгодныя матеріальныя, но и нравственныя условія. Если дѣйствительно Евреи не занимаются земледѣліемъ только въ силу исключительныхъ условій, въ которыхъ они находятся въ Европѣ, то на собственныхъ земляхъ они очевидно получатъ возможность

стать въ одинаковыя условія со всѣми остальными народами и во всякомъ случаѣ Европа избавится отъ значительной части такого элемента, который она не въ состояніи ассимилировать, и присутствіе котораго то и дѣло сказывается въ болѣе или менѣе чувствительныхъ потрясеніяхъ; въ виду этого можно съ увѣренностью сказать, что идея барона Гирша едва ли встрѣтитъ сопротивленіе среди европейскихъ правительствъ. Прежде всего это относится, конечно, къ Россіи, гдѣ въ настоящее время находится бо́льшая часть Евреевъ всего міра. Менѣе всего идея самостоятельнаго государства или общества, живущаго собственнымъ трудомъ, встрѣтится, вѣроятно, среди самихъ Евреевъ, и если они рѣшатся выселиться въ такую страну, гдѣ всѣмъ имъ, или по крайней мѣрѣ большинству, нельзя будетъ жить торговлей и такъ-называемыми либеральными профессіями, то конечно лишь только тогда, когда вполнѣ убѣдятся въ невозможности жить этимъ и въ другихъ странахъ. Если Евреи дѣйствительно такъ трудолюбивы и такъ талантливы, какъ это утверждаютъ они сами и ихъ сторонники, то трудно понять, что̀ могло бы помѣшать образованію еврейскаго государства? Имъ, вѣроятно, не пришлось бы даже особенно заботиться объ устройствѣ войска, такъ какъ едва ли тѣ государства, изъ которыхъ они выселились, скоро пожелали бы присоединить ихъ къ своимъ владѣніямъ.

Еслибы въ настоящее время Евреи могли образовать самостоятельное государство и сосредоточиться въ немъ, это было бы великимъ благомъ не только для нихъ самихъ, но и для всего христіанскаго міра, который избавился бы отъ ихъ вліянія. Что̀ бы ни говорили сторонники еврейства, возрастаніе этого вліянія несомнѣнно опасно.

Въ самомъ дѣлѣ странно бываетъ слышать, какъ пользу Евреевъ для современнаго христіанскаго общества пытаются основать на той роли, которую играло древнее еврейство въ образованіи христіанства. Когда говорятъ о еврейскомъ вопросѣ, никто, разумѣется, не имѣетъ въ виду Авраама, Исаака и Іакова и никто не отрицаетъ культурнаго значенія Моисея, никто не говоритъ также о томъ еврействѣ, которое образуется, или можетъ образоваться, черезъ нѣсколько сотъ, или тысячъ лѣтъ. Говорятъ о томъ еврействѣ, съ которымъ намъ приходится имѣть дѣло въ настоящее время и которое сложилось подъ вліяніемъ основныхъ психологическихъ особенностей народа, его вѣрованій и тѣхъ

историческихъ условій, среди которыхъ ему пришлось развиваться. Весьма возможно, что внѣшнія условія играли значительную роль въ формированіи характера современнаго еврейства, но было бы непростительною ошибкой предполагать, что достаточно измѣненія этихъ условій, чтобы сразу измѣнился характеръ сложившійся среди цѣлаго рода поколеній, еслибы въ этомъ могло оставаться какое-нибудь сомнѣніе, достаточно было бы взглянуть на тѣ страны, гдѣ законъ уничтожилъ всякую разницу между Евреями и кореннымъ населеніемъ; не равноправности, а господства надъ нимъ желаютъ Евреи, и это нерѣдко имъ удается.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Новыя измѣненія въ государственномъ долгѣ. — Инцидентъ съ Ротшильдомъ.—Толки о торговомъ трактатѣ съ Германіей.—Французская выставка въ Москвѣ.

Министерство Финансовъ дѣятельно продолжаетъ начатое имъ еще два слишкомъ года тому назадъ преобразованіе государственнаго долга въ видахъ пониженія уплачиваемаго по займамъ процента и достигаемаго черезъ это улучшенія кредитоспособности государства.

До сихъ поръ преобразованіе государственнаго долга касалось внѣшнихъ займовъ, гдѣ кредиторами казны были преимущественно иностранные капиталисты. По отношенію ко внутреннимъ долговымъ обязательствамъ нѣкоторое измѣненіе было сдѣлано лишь пересрочкой банковыхъ билетовъ перваго и дополнительнаго выпусковъ на новый 37-лѣтній срокъ, безъ перемѣны уплачиваемаго процента. Такимъ образомъ до сихъ правительство не касалось еще реформы внутренняго долга и первый опытъ ея примѣненъ лишь въ настоящее время на конверсіи Перваго Восточнаго займа, который замѣняется нынѣ Четвертымъ Четырехпроцентнымъ Внутреннимъ займомъ.

Первый Восточный заемъ былъ заключенъ на основаніи Высочайшаго указа отъ 17 мая 1877 года „для покрытія чрезвычайныхъ расходовъ, возлагаемыхъ на Государственное Казначейство по случаю войны“. Реализація его происходила при весьма неблагопріятныхъ финансовыхъ и политическихъ обстоятельствахъ и была выполнена по 90 за 100, а при единовременной уплатѣ,

безъ разсрочекъ, составила въ среднемъ $88^1/_2$. Такимъ образомъ дѣйствительно уплачиваемый процентъ, опредѣленный по *Отчету Государственнаго Контроля* въ 5_{56}, составляетъ въ дѣйствительности $5_{65}\%$. Если принять во вниманіе угнетенное въ то время положеніе какъ внѣшнихъ, такъ и нашихъ внутреннихъ денежныхъ рынковъ, то и подобный результатъ нельзя не признать вполнѣ удовлетворительнымъ. Этотъ заемъ былъ важенъ въ томъ отношеніи, что онъ являлся показателемъ устойчивости нашего внутренняго рынка противъ давленія на него иностранной спекуляціи, такъ какъ черезъ девять дней за нимъ былъ объявленъ внѣшній заемъ, реализація котораго дала лишь 74 за 100 и уплачиваемый процентъ достигъ $6,_{76}\%$. Несмотря на высоту учетнаго процента въ Россіи сравнительно съ западноевропейскими государствами, пріобрѣтеніе капитала на внутреннихъ рынкахъ достигалось на болѣе льготныхъ условіяхъ, чѣмъ на иностранныхъ.

При объявленной нынѣ конверсіи владѣльцамъ „пятипроцентныхъ облигацій Перваго Восточнаго займа предоставляется въ уплату за оныя получить облигаціи Четвертаго Четырехпроцентнаго Внутренняго займа на ту же нарицательную сумму, какъ и принадлежащія имъ пятипроцентныя облигаціи Перваго Восточнаго займа, съ доплатой имъ наличными деньгами пяти рублей на сто рублей нарицательнаго капитала“. Такимъ образомъ конверсія сводится, въ сущности, къ замѣнѣ пятипроцентнаго займа четырехпроцентнымъ, реализованнымъ по курсу 95 за 100 и вслѣдствіе этого правительство ежегодно сберегаетъ при уплатѣ процентовъ по этому займу 1.350.000 рублей. Но такъ какъ конверсія не имѣетъ принудительнаго характера, то повелѣвается „тѣмъ изъ владѣльцевъ пятипроцентныхъ облигацій Перваго Восточнаго займа, которые не пожелаютъ получить облигаціи новаго четырехпроцентнаго займа, выплатить, начиная со срока, назначеннаго для прекращенія теченія процентовъ по пятипроцентнымъ облигаціямъ, нарицательный капиталъ оныхъ“. Уплата капитала будетъ производиться изъ суммъ, вырученныхъ отъ реализаціи выпускаемаго для конверсіи четырехпроцентнаго займа. Въ настоящее время изъ находящихся въ обращеніи облигацій Перваго Восточнаго займа на нарицательный капиталъ во $180,_4$ милл. рублей предъявлено къ обмѣну 140 милл. руб. и слѣдовательно остается къ выкупу около 40 милл. руб. Трудно понять чѣмъ руководились тѣ владѣльцы облигацій Перваго Восточнаго займа,

которые предпочли выкупъ обмѣну, такъ какъ при нынѣшнемъ высокомъ курсѣ фондовъ обмѣнъ выгоднѣе для держателей облигацій, нежели полученіе капитала наличными деньгами. Но во всякомъ случаѣ Государственное Казначейство не окажется въ проигрышѣ отъ этого. При конверсіи казна возмѣщаетъ владѣльцевъ облигацій Восточнаго займа четырехпроцентными долговыми обязательствами государства по курсу 95 за 100. Нынѣ четырехпроцентный внутренній заемъ котируется по 97¾. Еслибы потребная для расплаты часть новаго четырехпроцентнаго займа была реализована только по 97, то въ такомъ случаѣ Государственное Казначейство получило бы выгоды при этомъ способѣ разсчета съ кредиторами около 800.000 рублей, чѣмъ также не слѣдуетъ пренебрегать въ государственномъ хозяйствѣ.

Въ общемъ нынѣшнюю конверсію слѣдуетъ признать вполнѣ удачною, такъ какъ она даетъ значительное сбереженіе въ расходахъ по системѣ государственнаго кредита. По условіямъ выпуска, расходы правительства по Первому Восточному займу должны были опредѣляться на проценты и погашенія въ 12 милл. руб. въ годъ. Ежегодные расходы по новому займу достигаютъ только 9,6 милл. руб. и слѣдовательно ежегодное сбереженіе составитъ 2,4 милл. рублей. Правда, что при этомъ удлиняется на 14 лѣтъ срокъ займа; однако и при этомъ условіи, не принимая даже въ разсчетъ возможности дальнѣйшей конверсіи и успленія впослѣдствіи погашенія, новый заемъ даетъ существенную выгоду противъ конвертированнаго.

Конверсіи, соединенныя съ пониженіемъ уплачиваемаго по займамъ процента и представляющія замѣну обременительныхъ для должника обязательствъ болѣе льготными, могутъ имѣть мѣсто лишь при избыткѣ свободныхъ капиталовъ на рынкѣ, когда конкурренція между капиталистами настолько усиливается, что побуждаетъ довольствоваться меньшимъ процентомъ. На иностранныхъ рынкахъ давно уже наблюдалось изобиліе ищущихъ помѣщенія свободныхъ капиталовъ, выражавшееся повышеніемъ цѣнъ процентныхъ бумагъ. Если русскіе фонды держались до послѣднихъ лѣтъ не на высокомъ уровнѣ, то причина этого заключалась въ недовѣріи иностранныхъ капиталистовъ къ русскимъ цѣнностямъ, вслѣдствіе умышленно распространявшихся ложныхъ слуховъ о финансовомъ положеніи Россіи. Но когда центръ нашихъ внѣшнихъ финансовыхъ операцій былъ перенесенъ изъ Берлина въ Парижъ и когда для русскихъ

цѣнностей открылись обширныя средства богатыхъ французскихъ рынковъ—положеніе дѣла сразу перемѣнилось и наши фонды быстро пошли въ гору. Фактъ этотъ наглядно доказываетъ какъ невыгодно для государства сосредоточивать свои операціи на какомъ-либо одномъ внѣшнемъ рынкѣ, стѣсняя дѣйствіе свободной конкурренціи, ограничивающей предѣлы спекулятивныхъ стремленій иностранныхъ капиталистовъ. Выполненная нынѣ конверсія Перваго Восточнаго займа свидѣтельствуетъ, что и на внутреннихъ рынкахъ Россіи оказывается значительный избытокъ свободныхъ капиталовъ, которые довольствуются нынѣ четырьмя процентами вмѣсто прежнихъ пяти.

Конвертируя долговыя обязательства государства наше финансовое управленіе, пользуясь избыткомъ находящихся въ его распоряженіи денежныхъ средствъ, приступаетъ и къ досрочному выкупу на наличныя нѣкоторыхъ изъ прежнихъ займовъ. Такъ, Высочайшимъ указомъ министру Финансовъ, отъ 11 апрѣля, „всѣ невышедшія въ тиражъ облигаціи перваго и втораго 4½ процентныхъ металлическихъ займовъ 1850 и 1860 годовъ назначаются къ выкупу по нарицательной цѣнѣ.“ При этомъ повелѣвается „расходъ по оплатѣ невышедшихъ въ тиражъ облигацій Перваго 4½-процентнаго займа 1850 года на сумму 1.100.000 фунтовъ стерлингъ и Втораго 4½-процентнаго займа 1860 года на сумму 3 580.000 фунтовъ стерлингъ отнести на свободную наличность Государственнаго Казначейства.“

Оба эти займа были заключены при посредствѣ лондонскихъ банкировъ братьевъ Берингъ; первый на сумму въ 5½ милліоновъ фунтовъ стерлингъ и второй на 6½ милліоновъ фунтовъ стерлингъ. Первый изъ этихъ займовъ предназначался для покрытія расходовъ по окончанію постройки С.-Петербургско-Московской желѣзной дороги, второй для возврата Государственному Казначейству затраченнаго имъ капитала по ликвидаціи бывшихъ кредитныхъ учрежденій — Заемнаго и Коммерческаго банковъ. Первый заемъ долженъ былъ погаситься, по условіямъ выпуска, въ 1900, второй — въ 1928 году. Нынѣ оба эти займа назначены къ досрочному выкупу на 20 іюля (1 августа). Хотя нарицательная стоимость находящихся въ обращеніи облигацій этихъ займовъ и не особенно значительна: она достигаетъ лишь 4.780.000 фунтовъ стерлингъ, что̀ составитъ около 29½ милліоновъ рублей металлическихъ, тѣмъ не менѣе досрочный выкупъ выразится значительнымъ ежегоднымъ уменьшеніемъ

расходовъ по системѣ государственнаго кредита, такъ какъ, напримѣръ, въ 1889 году, было израсходовано на уплату процентовъ и погашенія по этимъ займамъ 2.791.147 руб. 74 коп.

Очень возможно, что, производя досрочный выкупъ этихъ займовъ изъ свободной наличности Государственнаго Казначейства, правительство имѣло въ виду возмѣстить послѣднему произведенные имъ расходы изъ реализаціи предназначеннаго къ выпуску трехпроцентнаго металлическаго займа для конверсіи металлическихъ закладныхъ листовъ бывшаго Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита, въ видахъ облегченія платежей его бывшихъ заемщиковъ. Но видно этому злополучному Обществу не суждено избавиться отъ преслѣдующихъ его несчастій, такъ какъ вполнѣ подготовленная конверсія неожиданно разстроилась почти наканунѣ осуществленія вслѣдствіе отказа парижскаго банкира Альфонса Ротшильда выполнить принятыя имъ обязательства.

Облигаціи Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита обращались преимущественно на французскихъ рынкахъ, гдѣ онѣ были помѣщены при посредствѣ парижскаго Ротшильда. Слѣдуя принятому въ банкирской практикѣ обычаю, что та фирма, которая помѣщала бумаги, завѣдуетъ и дальнѣйшими операціями съ ними, наше финансовое управленіе вступило въ переговоры съ Ротшильдомъ о вышеупомянутой конверсіи. Тотъ согласился на предложенныя условія и оставалось только объявить конверсію, какъ вдругъ парижскій банкиръ отказался отъ принятаго обязательства.

Относительно неблаговиднаго поступка Альфонса Ротшильда существуетъ нѣсколько объясненій.

Сперва утверждали, что причина отказа заключается въ томъ, что Ротшильдъ, выражая неудовольствіе на принимаемыя въ Россію ограничительныя мѣры противъ Евреевъ, вздумалъ выступить въ качествѣ защитника своихъ единоплеменниковъ, полагая подѣйствовать на русское правительство угрозой своего вліянія на европейскіе денежные рынки. Но такъ какъ его ходатайство было отклонено, то въ виду этого онъ и отступился отъ условленной конверсіи. Малая правдоподобность такого объясненія очевидна съ перваго взгляда. Очень трудно найти банкира, руководящагося въ своихъ операціяхъ филантропіей, не имѣющей мѣста въ финансовыхъ и экономическихъ отношеніяхъ. Альфонсъ Ротшильдъ могъ принимать на вѣру измышленія англійской печати объ ужасныхъ гоненіяхъ, якобы существующихъ

противъ Евреевъ въ Россіи. Онъ могъ довѣрять всевозможнымъ разсказамъ, но едва ли согласился бы подчинять свою банкирскую дѣятельность личнымъ влеченіямъ, ибо еслибы банкиръ сталъ руководиться подобными соображеніями, то ему пришлось бы если не совершенно прекратить, то во всякомъ случаѣ значительно сократить свои операціи, что̀ не могло быть, конечно, пріятно для Ротшильда. Вовторыхъ, нельзя же Ротшильда считать настолько ограниченнымъ и недальновиднымъ, чтобъ онъ не могъ понять и обсудить всю нетактичность его непрошеннаго ходатайства, которое могло привести лишь къ еще болѣе неудовлетворительнымъ результатамъ для покровительствуемыхъ имъ единоплеменниковъ, еще болѣе усиливъ общее къ нимъ расположеніе въ Россіи, которое могло отразиться и на дѣятельности правительственныхъ органовъ. Въ виду этихъ обстоятельствъ трудно согласиться съ мнѣніемъ будто юдофильство было причиной отказа Ротшильда отъ конверсіи закладныхъ листовъ Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита.

Едва ли болѣе справедливо и другое объясненіе, по которому парижскій Ротшильдъ уклонился отъ исполненія заключеннаго имъ договора вслѣдствіе давленія лондонскаго Ротшильда, будто бы обусловившаго свое участіе въ операціи отсрочкою русскимъ правительствомъ предстоящаго возврата ему выданныхъ во время берингговскаго кризиса Англійскому банку суммъ золота. Трудно предполагать, чтобъ Англійскій банкъ, такъ же какъ и лондонскій Ротшильдъ, очень уже затруднился бы возвратить къ сроку полученную имъ временную ссуду отъ русскаго правительства. Съ другой стороны, для конверсіи не требовалось большаго обилія въ звонкомъ металлѣ, такъ какъ здѣсь въ сущности происходитъ лишь замѣна однихъ долговыхъ обязательствъ другими. Можно думать, что намѣчавшаяся первоначально сумма трехъпроцентнаго конверсіоннаго займа русскаго правительства въ 600 милліоновъ франковъ была понижена впослѣдствіи до 500 милліоновъ франковъ лишь въ виду того, чтобъ *ограничиться одною конверсіей*, не отвлекая съ европейскихъ рынковъ необходимыхъ имъ въ настоящее время запасовъ золота. Наконецъ, Ротшильдъ понималъ, что его отказъ отъ конверсіи только усилитъ рѣшимость русскаго правительства вытребовать изъ-за границы не только выданную ссуду, но и вообще принадлежащіе ему запасы драгоцѣнныхъ металловъ. Ротшильдовская выходка могла только осложнить, но никакъ не улучшить положеніе дѣлъ

на иностранныхъ денежныхъ рынкахъ, въ виду чего трудно согласиться, чтобы причина отказа обусловливалась желаніемъ русскаго правительства получить обратно выданную имъ осенью минувшаго года ссуду.

Всего вѣроятнѣе и правдоподобнѣе, что причина отказа заключается въ неблагопріятномъ вообще положеніи иностранныхъ денежныхъ рынковъ и, въ частности, въ испытываемыхъ самими Ротшильдами затрудненіяхъ, которые сильно увлекались спекулятивными операціями съ сомнительными цѣнностями, за что и приходится расплачиваться теперь.

Когда за послѣднее десятилѣтіе послѣдовало въ главнѣйшихъ западно-европейскихъ государствахъ пониженіе учетнаго процента и капиталъ началъ дешеветь, банкиры стали отыскивать для него болѣе выгодное помѣщеніе и обратились во внѣ-европейскія страны, преимущественно въ Южную Америку, съ предложеніемъ денегъ. Отъ денегъ никто не любитъ отказываться, а особенно падки до нихъ тѣ, кто не любитъ расплачиваться. И вотъ изъ государствъ Южной Америки начался обильный спросъ на европейскіе капиталы, причемъ Американцы охотно соглашались на всякія предложенныя имъ банкирами условія. Банкиры увлеклись обширнымъ заработкомъ на этихъ экзотическихъ бумагахъ и все болѣе развивали операціи съ ними, проводя на рынки новыя партіи бумагъ не справляясь даже о кредитоспособности должниковъ. Никому не приходило въ голову, что производительная дѣятельность въ Южной Америкѣ развита еще настолько слабо, что даже и при добромъ ихъ желаніи, Американцы не оказались бы въ состояніи выполнить принятыя обязательства предъ кредиторами. Банкиры не контролировали даже правильнаго, согласнаго съ проектомъ займа, употребленія пріобрѣтенныхъ суммъ, ограничиваясь полученіемъ достававшейся имъ громадной провизіи и вводя въ новыя заблужденія довѣрявшихъ имъ кліентовъ. Наконецъ, послѣдовавшія въ Южной Америкѣ революціи выяснили положеніе дѣла и разразился неизбѣжный крахъ, сопровождавшійся прекращеніемъ платежей старинымъ лондонскимъ банкирскимъ домомъ „Братья Бернингъ“. Тогда только европейскіе банкиры увидали необходимость учрежденія контроля за употребленіемъ Американцами полученныхъ ими изъ Европы капиталовъ, и первыя попытки въ этомъ отношеніи дали весьма неудовлетворительные результаты. Оказалось, что большая часть занятыхъ денегъ пошла не на

общественныя учрежденія, не на развитіе производительныхъ силъ, а разошлась по карманамъ мѣстныхъ дѣятелей. Для европейскихъ кредиторовъ не представляло бы интереса входить въ подробности дѣла, еслибы должники исправно выполняли свои обязательства, выплачивая въ сроки какъ проценты такъ и погашеніе. Для нихъ не представляетъ существеннаго различія пойдутъ ли ихъ деньги на постройку желѣзной дороги или будутъ полюбовно раздѣлены между президентомъ и министрами какой-нибудь южно-американской республики, только бы не измѣнялся договоренный по выданному въ ссуду капиталу доходъ. Но бывшіе правители настолько воспользовались довѣріемъ къ нимъ европейскихъ банкировъ и такъ мало позаботились объ улучшеніи экономическаго состоянія мѣстнаго населенія, что для послѣдняго стала непосильною уплата по всѣмъ принятымъ отъ его имени обязательствамъ и, въ лучшемъ случаѣ, европейскимъ капиталистамъ приходится на нѣсколько лѣтъ отказаться ото всякаго дохода по американскимъ бумагамъ, если не совсѣмъ потерять выданные въ Южную Америку капиталы. Ротшильды принимали дѣятельное участіе въ проведеніи американскихъ бумагъ на европейскіе рынки и минувшею осенью старались поддержать сильно падавшій курсъ ихъ обширными покупками этихъ экзотическихъ продуктовъ.

Аргентинскій кризисъ, подорвавъ благосостояніе банкирскаго дома „Братья Беринги“, очень тяжело отразился и на Ротшильдахъ, также принимавшихъ участіе въ реализаціи аргентинскихъ бумагъ и затѣмъ гарантировавшихъ выполненіе обязательствъ „Братьевъ Беринги“. Правда, что въ дѣлахъ „Братьевъ Беринги“ принималъ участіе одинъ лишь лондонскій Ротшильдъ, но банкирскія операціи всѣхъ отдѣльныхъ представителей этого дома стоятъ настолько въ тѣсной связи между собой, что неудачи одного Ротшильда чувствительно отзываются и на другомъ. Кромѣ того, при быстротѣ современныхъ сношеній, заминка на англійскихъ рынкахъ должна была вызвать осложненія и на парижской биржѣ, особенно въ связи съ неудовлетворительнымъ положеніемъ дѣлъ въ Португаліи, главными кредиторами которой являются французскіе капиталисты.

Государственное хозяйство Португаліи давно уже находилось въ неудовлетворительномъ положеніи. Государственные доходы оказывались недостаточными для покрытія расходовъ и въ бюджетѣ водворился постоянный дефицитъ, составляющій въ общей

сложности за пятилѣтіе, съ 1884—5 по 1888—9 годъ, болѣе 9 милліоновъ фунтовъ стерлингъ, что̀ весьма обременительно для Португаліи, гдѣ общій итогъ ежегодныхъ доходовъ не достигаетъ этой суммы. [1] Для покрытія дефицитовъ португальское правительство обращалось къ операціямъ внѣшняго кредита и, вслѣдствіе этого, задолженность государства достигла къ 30 іюня 1889 года громадной для маленькой страны суммы во 139.298.994 фунтовъ стерлингъ, съ ежегоднымъ платежемъ процентовъ въ 4.129.653 фунтовъ стерлингъ. Кромѣ этого, консолидированнаго имѣется еще текущій долгъ въ 5½ милліоновъ фунтовъ стерлингъ. По смѣтѣ на текущій 1890—1 годъ половина всѣхъ расходовъ приходится на государственный долгъ. При такомъ печальномъ положеніи государственныхъ финансовъ производительная дѣятельность въ Португаліи развита весьма слабо и во внѣшней торговлѣ цѣнность привоза значительно превышаетъ цѣнность вывоза. Ясно, что финансовое положеніе Португаліи не могло внушать особеннаго довѣрія. Между тѣмъ европейскіе банкиры, вопреки очевидности, продолжали щедрою рукой направлять деньги въ Португалію, выручая громадную коммиссію. Кризисъ банкирскаго дома Беринг̀ъ и политическія недоразумѣнія съ Великобританіей, нанеся ущербъ торговлѣ Португаліи, довели наконецъ дѣло до того, что португальскій банкъ вынужденъ былъ остановить платежи золотомъ, вслѣдствіе недостатка въ этомъ металлѣ. Въ виду затруднительнаго положенія банка, былъ изданъ декретъ, по которому португальскій банкъ уполномоченъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ производить всѣ свои платежи, вмѣсто золота, серебромъ и, одновременно съ этимъ, другимъ декретомъ разрѣшена чеканка двухъ милліоновъ мильрейсовъ въ серебряной монетѣ, хотя по закону 29 іюля 1854 года монетная единица въ Португаліи золотая и пріемъ въ платежи серебряной монеты обязателенъ лишь до 5 мильрейсовъ, или 7 рублей золотомъ. Извѣстіе о примѣненіи такихъ мѣръ вызвало на европейскихъ биржахъ

[1] Состояніе государственнаго хозяйства Португаліи опредѣляется слѣдующими цифрами (въ тысячахъ фунтовъ стерлингъ):

	$188^4/_5$	$188^5/_6$	$188^6/_7$	$188^7/_8$	$188^8/_9$	$189^0/_1$
Доходы (обыкновенные и чрезвычайные).....	7.726	7.026	7.726	8.470	8.420	8.817
Расходы	8.825	9.170	9.348	10.000	11.265	9.547
Дефицитъ	1.099	2.144	1.622	1.530	2.845	757

сильное волненіе, сопровождавшееся громаднымъ пониженіемъ португальскихъ фондовъ. Еще 6 мая португальская трехпроцентная рента котировалась въ Парижъ по 52; черезъ недѣлю, 14 мая, она отмѣчена лишь по 43. Португальскія 4½-процентныя облигаціи, при нарицательной цѣнѣ ихъ 500, были отмѣчены 6 мая, по парижскому обычаю, 390, а 14 мая только 320. Пониженіе составляетъ для трехпроцентной ренты 17,3% и для 4½ процентныхъ облигацій 18% въ продолженіе одной недѣли. Трудно сказать, чего приходится ожидать въ будущемъ, но во всякомъ случаѣ едва ли можно разсчитывать на какія-либо улучшенія и скорѣе надо готовиться къ худшему. Владѣльцы португальскихъ бумагъ, повидимому, держатся такого же мнѣнія, выкидывая ихъ массами на рынокъ для продажи и заинтересованнымъ въ португальскихъ цѣнностяхъ банкирамъ приходится употреблять страшныя усилія, дабы уменьшить размѣры начавшейся паники и задержать успѣхи быстро развившейся спекуляціи на пониженіе, которая еще болѣе ухудшаетъ и безъ того тяжкое положеніе. Ротшильды принимали близкое и дѣятельное участіе въ операціяхъ съ португальскими фондами и скорѣе всего ихъ отказъ отъ русской конверсіи и обусловливается непорядками въ португальскихъ дѣлахъ, вызвавшими смятеніе на биржахъ. Несмотря на ихъ финансовую силу и вліяніе, Ротшильды сами находятся въ зависимости отъ настроенія денежнаго рынка и не всегда могутъ направить его въ желательную имъ сторону.

Ротшильды, какъ и другіе банкиры, должны сообразовать свою дѣятельность съ настроеніемъ рынковъ и всего вѣроятнѣе, что причина нынѣшняго отказа заключается въ распространившейся на парижской биржѣ тревогѣ по поводу португальскаго кризиса.

Чѣмъ бы однако ни обусловливался отказъ Ротшильда, для него, при всемъ даже добромъ желаніи, не можетъ быть подыскано никакого, не только оправдывающаго, но даже смягчающаго обстоятельства. Если даже вопросъ сводился не къ юдофильскимъ тенденціямъ, не къ желанію задержать въ своемъ распоряженіи суммы русскаго правительства, а просто къ возникшимъ на биржѣ, вслѣдствіе португальскихъ неурядицъ, осложненіямъ, то и въ такомъ случаѣ Ротшильдъ оказывается кругомъ виноватымъ предъ положившимся на его банкирскую добросовѣстность русскимъ правительствомъ. Плачевное финансовое положеніе Португаліи ни для кого не составляло тайны,

а тѣмъ менѣе для принимавшаго участіе въ ея операціяхъ крупнаго парижскаго банкира. Для каждаго, а тѣмъ болѣе для такого спеціалиста въ финансовыхъ вопросахъ какъ Ротшильдъ, было очевидно, что обременение небольшой Португаліи непосильнымъ для нея долгомъ немпнуемо должно привести къ весьма неблагопріятнымъ послѣдствіямъ для кредиторовъ. Между тѣмъ, въ погонѣ за куртажемъ и коммиссіонными, банкиры продолжали злоупотреблять довѣріемъ своихъ кліентовъ, рекумендуя помѣщать капиталъ въ высокодоходные португальскіе фонды. Ротшильдъ, какъ банкиръ русскаго правительства, долженъ былъ заботиться объ интересахъ своего клієнта, и его обязанностью было предупредить наше финансовое управленіе о тревожномъ состояніи рынка, для перенесенія конверсіи до другаго болѣе благопріятнаго времени. Онъ имѣлъ здѣсь дѣло не со спекулянтомъ, а съ правительствомъ могущественной державы, которая положилась на его добросовѣстность. Хотя, не зная всѣхъ подробностей дѣла, очень трудно обсуждать его въ деталяхъ, тѣмъ не менѣе оно представляется въ слѣдующемъ, повидимому, достовѣрномъ видѣ. Въ виду предстоящаго при конверсіи заработка, Родшильдъ завлекалъ русское правительство на эту операцію. А когда все было уже подготовлено, условіе выпуска подписано имъ и оставалось только опубликовать проспектъ новаго конверсіоннаго займа, Ротшильдъ, воспользовавшись недомолвкою въ условіи, гдѣ, по слухамъ, не было назначено срока для реализаціи, вдругъ отступился отъ принятаго обязательства, произведя этимъ неблагопріятное для Россіи впечатлѣніе на европейскія биржи, которыя немедленно понизили цѣну русскихъ фондовъ. Едва ли какой-либо честный банкиръ когда-либо обращался подобнымъ образомъ со своими клієнтами. Кромѣ того, подавъ своею выходкой поводъ ко всевозможнымъ инсинуаціямъ во враждебной Россіи иностранной печати, Альфонсъ Ротшильдъ не принялъ никакихъ мѣръ къ истинному выясненію дѣла, не обмолвился по этому поводу ни однимъ словомъ. Фактъ этотъ съ полною ясностью свидѣтельствуетъ о враждебныхъ отношеніяхъ его къ Россіи и, нѣтъ сомнѣнія, наше финансовое управленіе прекратитъ на будущее время всѣ свои операціи съ такою фирмой, которая умышленно старается причинить своимъ клієнтамъ убытки.

Отказъ Ротшильда отъ договоренной конверсіи дѣйствительно

могъ бы оказать неблагопріятное вліяніе на государственный кредитъ Россіи, еслибы наше Министерство Финансовъ, съ обычною предусмотрительностью, не приняло заблаговременно мѣръ, вполнѣ упрочивающихъ положеніе русскихъ государственныхъ финансовъ. Упорядочивъ бюджетъ и заключая исполненіе росписи ежегодно со значительнымъ избыткомъ доходовъ, русское финансовое управленіе не ограничилось этими мѣрами, а позаботилось, въ виду могущихъ встрѣтиться случайностей, заготовить въ своемъ распоряженіи значительные запасы драгоцѣнныхъ металловъ и преимущественно золота. Металлическій резервъ, которымъ располагаетъ въ настоящее время Россія, достигаетъ 360 милліоновъ металлическихъ рублей, не считая 211 милліоновъ рублей размѣннаго фонда. При такихъ громадныхъ и притомъ свободныхъ, не имѣющихъ спеціальнаго назначенія, запасахъ золота Россія можетъ не только обойтись безъ внѣшнихъ финансовыхъ операцій, но въ то же время представляетъ крупную финансовую силу, борьба съ которою едва ли окажется возможною и Ротшильду, несмотря на обширную его самонадѣянность.

Ротшильдъ добился нѣкотораго пониженія цѣны русскихъ фондовъ, но этимъ и ограничились успѣхи его выходки, способствовавшей перемѣщенію части русскихъ цѣнностей изъ распоряженія спекулянтовъ въ болѣе прочныя руки. Вражда Ротшильда могла быть страшною для какой-нибудь южно-американской республики, привыкшей жить въ кредитъ, не справляясь о состояніи своихъ денежныхъ средствъ, но отнюдь не для Россіи, которая нынѣ расходуетъ менѣе чѣмъ получаетъ. Чтобы ни говорилъ Ротшильдъ, какъ бы ни относился онъ къ Россіи, а между тѣмъ, несомнѣнно, европейскіе капиталисты предпочтутъ помѣщать свои сбереженія въ русскіе фонды, нежели въ аргентинскія или португальскія бумаги, хотя бы послѣднія и пользовались большимъ расположеніемъ парижскаго банкира. Наконецъ, Ротшильдъ напрасно упустилъ изъ виду, что хотя его группа и представляетъ крупную финансовую силу, но что имѣются и другіе конкуррирующіе съ нимъ банкиры, которые, вслѣдъ за отказомъ Ротшильда, обратились къ русскому правительству съ предложеніемъ немедленно выполнить конверсію на договоренныхъ съ еврейскимъ банкиромъ условіяхъ. Однако Министерство Финансовъ, дѣйствуя съ крайнею осторожностью, отклонило предложеніе парижскаго банкира Госкье до болѣе благопріятнаго для выполненія операціи

времени, обѣщая имѣть въ виду сдѣланное предложеніе. Дѣйствуя такимъ образомъ, Министерство Финансовъ, очевидно, не желало осложнять затруднительнаго положенія главнѣйшихъ денежныхъ рынковъ враждой между наиболѣе крупными банкирами, которая могла бы для многихъ имѣть печальныя послѣдствія. Фонды наши, такъ же какъ и вексельный курсъ, начинаютъ мало-по-малу оправляться послѣ временнаго пониженія, обусловленнаго первымъ впечатлѣніемъ отъ отказа Ротшильда, и несомнѣнно въ очень непродолжительномъ времени вполнѣ возвратятъ свою прежнюю цѣнность и настолько упрочатся, что конверсія будетъ выполнена еще удачнѣе, чѣмъ при посредствѣ Ротшильда. Только бывшимъ заемщикамъ злополучнаго Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита придется нѣсколько обождать подготовляемаго для нихъ пониженія срочныхъ платежей. Впрочемъ, Министерство Финансовъ, располагая громадными свободными средствами, могло бы даже немедленно сдѣлать авансомъ предположенныя имъ облегченія, возмѣстивъ затраченныя на это суммы изъ имѣющей послѣдовать конверсіи, въ успѣхѣ которой не можетъ быть никакого сомнѣнія.

Въ то время какъ Ротшильдъ началъ финансовую атаку противъ Россіи, воинствовавшая Германія, наоборотъ, заводитъ рѣчь о заключеніи съ Россіей торговаго трактата, на основаніи взаимныхъ уступокъ, для болѣе широкаго развитія торговыхъ сношеній. Судя по имѣющимся фактическимъ даннымъ, можно думать, что теперь и Германія поступаетъ съ полною искренностью, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ своимъ собственнымъ интересамъ, предлагая сдѣлать значительное пониженіе въ хлѣбныхъ пошлинахъ для облегченія ввоза русскаго хлѣба.

Вводя въ 1879 году пошлины на хлѣбъ и повышая ихъ въ 1885 и 1887 годахъ, князь Бисмаркъ утверждалъ, что дѣлаетъ это для сохраненія необходимой для Германіи дороговизны хлѣба, въ экономическихъ интересахъ ея населенія. Фискальное значеніе хлѣбныхъ пошлинъ было отодвинуто на второй планъ, и эта мѣра обсуждалась исключительно съ точки зрѣнія сельскохозяйственныхъ интересовъ государства, требовавшихъ охраны отъ иностранной конкурренціи. Дешевый иностранный хлѣбъ дѣйствительно причинялъ ущербъ германскому земледѣлію, и для поддержки послѣдняго правительство не остановилось предъ очень высокимъ обложеніемъ иностранныхъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ,

достигая въ то же время повышенія таможеннаго дохода. А такъ какъ сильно развивающаяся конкурренція производителей все болѣе понижала хлѣбныя цѣны, то пошлины и не казались особенно обременительными для германскаго населенія. Аграрная политика князя Бисмарка привлекала къ себѣ общія симпатіи въ Германіи и, несмотря на протесты отдѣльныхъ личностей, имѣла за себя подавляющее большинство въ рейхстагѣ.

Но дѣло могло продолжаться такимъ образомъ до тѣхъ поръ, пока конкурренція производителей хлѣба не достигла крайняго предѣла, послѣ котораго неминуемо должна была наступить реакція, выражающаяся повышеніемъ хлѣбныхъ цѣнъ. При низкихъ хлѣбныхъ цѣнахъ дальнѣйшее развитіе хлѣбнаго производства должно было идти медленнѣе, такъ какъ находящіеся въ наименѣе благопріятныхъ условіяхъ производители останавливали размѣры запашекъ, переходя къ другимъ, болѣе для нихъ выгоднымъ формамъ хозяйства. Съ другой стороны, долженъ былъ ослабѣть и приливъ хлѣба изъ наиболѣе отдаленныхъ мѣстностей, гдѣ стоимость производства хотя и очень невысока, но за то перевозка обходится на столько дорого, что не оставляетъ никакого заработка сельскому хозяину. Подобное явленіе уже приходится наблюдать въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ западныхъ штатовъ Сѣверной Америки, гдѣ фермеры отступаются отъ сельскаго хозяйства и начинаютъ искать заработка въ предпріятіяхъ обрабатывающей промышленности, пользующейся обширнымъ покровительствомъ въ Америкѣ. При такомъ положеніи международной хлѣбной торговли каждое ослабленіе запасовъ, каждая случайность могли оказать значительное вліяніе на движеніе цѣнъ на хлѣбные товары. Достаточно появиться свѣдѣніямъ о плохихъ видахъ на урожай и хлѣбныя цѣны быстро устремляются на повышеніе, отражаясь ухудшеніемъ экономическаго положенія болѣе бѣдныхъ, живущихъ заработкомъ, классовъ населенія. Въ семействѣ рабочаго, гдѣ его годичный бюджетъ опредѣляется строгимъ соотвѣтствіемъ доходовъ съ расходами, повышеніе хлѣбныхъ цѣнъ на 20—25 копѣекъ на пудъ составляетъ тяжкое, иногда даже непосильное обремененіе. А между тѣмъ это именно и случилось въ настоящее время въ Германіи, гдѣ, подъ вліяніемъ свѣдѣній объ ожидаемомъ плохомъ мѣстномъ урожаѣ и неудовлетворительныхъ видахъ на сборъ хлѣба въ Россіи и Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, хлѣбныя цѣны достигли давно небывалаго уровня. Такъ,

въ нынѣшнемъ году на берлинской биржѣ отмѣчены слѣдующія цѣны пшеницы, ржи и овса, на срокъ май - іюнь, въ маркахъ за тонну:

	Пшеница.	Рожь.	Овесъ.
Январь 5.....	192	164½	140¾
„ 20.....	194½	168	142¾
Февраль 5.....	198½	170	144
„ 20.....	198	170	147¾
Мартъ 5.....	206½	176¾	154
„ 20.....	211	180	158
Апрѣль 4.....	215	182	159
„ 20.....	—	195	170
Май 5.....	234	201	170
„ 19.....	238	203	170

Оказывается, что цѣны пшеницы повысились на 24%, ржи на 23% и овса на 21%. Не слѣдуетъ забывать при этомъ, что такое громадное повышеніе послѣдовало лишь подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ свѣдѣній объ урожаѣ. Что же ожидать, если дѣйствительно сборъ хлѣба окажется неудовлетворительнымъ, когда запасы его отъ прошлыхъ урожаевъ настолько подобрались, что даже въ хлѣбородныхъ мѣстностяхъ такой крупной производительницы, какъ Россія, оказывается потребность въ привозѣ хлѣба изъ другихъ, болѣе благопріятныхъ областей Имперіи. Маріуполь давалъ значительный избытокъ хлѣба для вывоза его на иностранные рынки, а между тѣмъ нынѣшній годъ, по свѣдѣніямъ южныхъ газетъ, для продовольствія мѣстнаго населенія привозится въ Маріуполь хлѣбъ изъ Одессы. Если и нынѣшнее лѣто окажется настолько неблагопріятнымъ для урожая, какъ и минувшее, когда засуха такъ испортила посѣвы, что ожидавшійся обильный сборъ оказался только посредственнымъ, то въ Германіи, при ея громадныхъ хлѣбныхъ пошлинахъ, населенію угрожаетъ чуть не голодовка.

Въ Германіи начинаютъ убѣждаться въ невыгодности для нея высокихъ хлѣбныхъ пошлинъ. Но въ то же время является желаніе понижать пошлины съ пріобрѣтеніемъ возможно большихъ выгодъ для германской промышленности и въ этихъ видахъ начинается агитація въ пользу заключенія торговаго договора съ Россіей, при существованіи котораго пониженіе хлѣбныхъ пошлинъ было бы выставлено въ качествѣ возмездія со стороны Германіи за тѣ льготы, которыя она надѣялась пріобрѣсти отъ

Россіи. Такимъ образомъ Нѣмцы еще раздѣляютъ попытку заставить Русскихъ вытаскивать для нихъ каштаны изъ огня. Но на этотъ разъ они повидимому ошиблись въ своихъ разсчетахъ, такъ какъ въ Россіи не обнаруживается никакой склонности къ заключенію торговаго договора съ Германіей. И дѣйствительно, какая надобность Россіи дѣлать льготы Германіи, когда послѣдняя въ своихъ собственныхъ интересахъ должна будетъ освободить русскій хлѣбъ отъ стѣсняющей его пошлины.

Если даже оставить въ сторонѣ преслѣдумыя Германіей при заключеніи торговаго договора съ Россіей спекулятивныя стремленія, то и въ такомъ случаѣ окажется, что для насъ нѣтъ никакой цѣли содѣйствовать облегченію германскихъ товаровъ. Присматриваясь къ германскому ввозу, нельзя не замѣтить, что большинство получаемыхъ товаровъ или ведутъ усиленную конкурренцію съ русскими производствами, или же представляютъ предметы коммиссіонной торговли, поощрять которую Россіи нѣтъ никакихъ основаній, такъ какъ всегда оказывается выгоднѣе имѣть необходимые продукты изъ первыхъ рукъ. Находясь почти въ одинаковыхъ географическихъ условіяхъ со среднею Россіей, Германія даетъ близко подходящіе къ нашимъ продукты, которые не могутъ получить широкаго у насъ распространенія, безъ стѣсненія внутреннихъ промысловъ. Что касается естественныхъ богатствъ, то Германія бѣднѣе Россіи, и если нѣкоторые ея полуобработанные товары находятъ доступъ на русскіе рынки, то единственно благодаря широкому развитію германской предпріимчивости и существующимъ тамъ благопріятнымъ условіямъ для упроченія фабричной и заводской производительности. Нынѣ и въ Россіи, при дешевизнѣ капитала, можно разсчитывать на болѣе значительные успѣхи добывающей и обрабатывающей промышленности, на болѣе успѣшное водвореніе фабричныхъ и заводскихъ производствъ. Облегченіе ввоза германскихъ продуктовъ только задержало бы дальнѣйшіе успѣхи промышленнаго развитія, поставивъ русскіе рынки въ зависимость отъ нѣмецкой промышленности.

Правда, что потребности Россіи не удовлетворяются ея внутреннею производительностью и ежегодно привозъ иностранныхъ товаровъ достигаетъ весьма значительныхъ размѣровъ. Быть можетъ въ будущемъ привозъ этотъ сократится, но при возрастающихъ потребностяхъ населенія онъ никакъ не можетъ прекратиться. Вполнѣ естественно, что нашлись бы и такіе товары,

которые могли бы доставляться къ намъ изъ Германіи, Англіи, Франціи и вообще изъ тѣхъ государствъ, которыя обладаютъ болѣе развитою промышленностью. Но при этомъ интересы потребленія заключаются въ пріобрѣтеніи возможно лучшаго, по возможно дешевой цѣнѣ товара и, къ сожалѣнію, германская промышленность далеко не можетъ удовлетворить этому требованію.

Нѣтъ спора, что Германія въ большинствѣ случаевъ стоитъ внѣ конкурренціи по дешевизнѣ производимыхъ ею продуктовъ. Но за то по доброкачественности нѣмецкіе товары далеко уступаютъ англійскимъ и французскимъ, и въ этомъ отношеніи Германія не можетъ выдерживать съ ними конкурренціи. Дороговизна жизни рабочаго здѣсь всецѣло отражается на достоинствѣ товаровъ и хлѣбныя пошлины значительно задерживаютъ успѣхи торговой и промышленной предпріимчивости въ Германіи. Въ виду этого, еслибы правительство обнаружило намѣреніе вступать въ болѣе тѣсныя договорныя отношенія съ иностранными государствами, ему было бы выгоднѣе облегчить ввозъ добротныхъ англійскихъ, или изящныхъ французскихъ товаровъ, представляющихъ достойные подражанія образцы для русской предпріимчивости, нежели гнаться за нѣмецкою дешевизной, которая въ концѣ концовъ приведетъ къ дороговизнѣ.

Послѣ достигнутыхъ Россіей въ короткое время блестящихъ финансовыхъ успѣховъ она привлекаетъ къ себѣ общее вниманіе въ Европѣ. Не такъ давно Россію называли колоссомъ на глиняныхъ ногахъ, подразумѣвая ея неудовлетворительное финансовое положеніе, когда никакъ не удавалось водворить въ ея бюджетѣ надлежащее равновѣсіе доходовъ съ расходами. Но теперь ея финансовое хозяйство настолько упрочено, что благосостоянію русскихъ финансовъ могутъ позавидовать многіе изъ нашихъ западно-европейскихъ сосѣдей. При такомъ положеніи дѣла начинаются со стороны западно-европейскихъ государствъ попытки улучшить и упрочить экономическія сношенія съ Россіей на основаніи взаимной выгоды. Такое стремленіе наблюдается нынѣ во Франціи, которая представляетъ естественную союзницу Россіи, вслѣдствіе общности ихъ политическихъ интересовъ, и въ то же время крупнаго ея кредитора, освободившаго русскіе финансы отъ вліянія берлинской биржи. Для Россіи нѣтъ основанія противодѣйствовать французскимъ стремленіямъ, такъ же какъ и дѣлать какія-либо уступки, не соот-

вѣтствующія ея интересамъ. Но она можетъ поставить дѣло ко взаимной выгодѣ обѣихъ договаривающихся сторонъ, облегчивъ ввозъ нѣкоторыхъ французскихъ товаровъ въ Россію и получивъ за это льготу по ввозу русскихъ товаровъ во Францію. При добромъ желаніи Россія и Франція могли бы ко взаимной выгодѣ улучшить и упрочить свои торговыя сношенія, укрѣпивъ этимъ и политическія отношенія. Такія цѣли по-видимому и преслѣдуетъ открытая 30 апрѣля въ Москвѣ французская промышленно-художественная выставка, устроенная по частной иниціативѣ, но при поддержкѣ какъ со стороны Французскаго, такъ и Русскаго правительства. Хотя выставка открыта полторы недѣли тому назадъ, но настолько еще не закончена, что очень трудно опредѣлить ея характеръ и значеніе.

Очень возможно, что сближеніемъ производителей съ потребителями французская выставка улучшитъ франко-русскія экономическія сношенія. Не менѣе возможно и то, что выставленные изящные образцы французской промышленности вызовутъ имитацію въ средѣ русскихъ производителей и дадутъ толчекъ къ улучшенію существующихъ и водворенію новыхъ производствъ въ Россіи. Все это очень возможно. Однако и опредѣлить дѣйствительное значеніе выставки будетъ возможно лишь тогда, когда, кромѣ оффиціальнаго, послѣдуетъ *дѣйствительное* ея открытіе, то-есть когда добрая половина пребывающихъ нынѣ въ ящикахъ предметовъ будетъ размѣщена по мѣстамъ для оцѣнки ихъ публикой. До тѣхъ поръ пока многіе отдѣлы выставки будутъ оставаться пустыми и пока не будетъ извѣстенъ даже списокъ экспонентовъ (такъ какъ до сихъ поръ еще не имѣется каталога выставки), очень трудно опредѣлить дѣйствительный ея характеръ и значеніе. Надо полагать, что недѣли черезъ двѣ работы на выставкѣ будутъ вполнѣ закончены, и тогда будетъ возможно опредѣлить ея истинный смыслъ и значеніе для франко-русскихъ экономическихъ сношеній.

Л. Вороновъ.

11 мая.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Н. В. ГОГОЛЬ и С. Т. АКСАКОВЪ.

(Къ исторіи литературныхъ вліяній).

Давно уже извѣстно, какое близкое общеніе существовало между Н. В. Гоголемъ и С. Т. Аксаковымъ. Исторію ихъ сношеній Сергѣй Тимоѳеевичъ самъ предпринялъ разсказать въ подробномъ повѣствованіи, но, къ сожалѣнію, не довелъ его до конца. Отрывки изъ этого труда не разъ появлялись въ печати, но все, что̀ было изъ него написано Аксаковымъ, напечатано вполнѣ лишь въ прошломъ году, причемъ недосказанное Сергѣемъ Тимоѳеевичемъ въ *Исторіи моего знакомства съ Гоголемъ* дополнено издателемъ (Н. М. Павловымъ) изъ другихъ источниковъ. По справедливому замѣчанію г. Павлова, эта *Исторія*, важная для біографіи Гоголя, безспорно, составляетъ незамѣнимый матеріалъ для біографіи и самого Аксакова, иначе говоря—драгоцѣнна вдвойнѣ.

Но общеніе между Гоголемъ и старикомъ Аксаковымъ интересно не только съ точки зрѣнія личной, біографической. Оно заслуживаетъ изученія и въ отношеніи литературномъ. На литературную связь между двумя писателями уже было давно указываемо, но только въ общихъ чертахъ. Мы желали бы обратить вниманіе на этотъ предметъ приведеніемъ осязательныхъ фактовъ; остановимся преимущественно на одномъ эпизодѣ, на который до сихъ поръ, кажется, еще не указывала наша критика.

Во II томѣ сочиненій С. Т. Аксакова (изд. 1886 г.), въ отдѣлѣ *Воспоминаній* (гимназія, періодъ II, стр. 252—25)3, находится интересный отрывокъ, посвященный описанію семейной жизни супруговъ Угличининыхъ—ветерана-воина, отставнаго полковника Василія Васильевича и его жены Евгеніи Степановны, тетки автора *Воспоминаній*, на которой Угличининъ женился уже не въ молодыхъ лѣтахъ. [1] Читая разсказъ объ этой добродушной супружеской четѣ, нельзя не вспомнить о двухъ другихъ супругахъ—Аѳанасіи Ивановичѣ и Пульхеріи Ивановнѣ Товстогубахъ, столь ярко изображенныхъ Гоголемъ въ его *Старосвѣтскихъ Помѣщикахъ*. Приведемъ разсказъ Аксакова, сопоставляя его съ соотвѣтственными чертами изъ Гоголевской повѣсти.

Аксаковъ.	Гоголь.
„Я прерываю свой разсказъ и забѣгаю впередъ. Такъ живо представилась мнѣ жизнь Угличининыхъ, что хочется поговорить о ней... Несмотря на недостатки и нужду, которыхъ не знала Евгенія Степановна въ своей дѣвической жизни, проводя ее сначала въ домѣ родительскомъ, а потомъ въ домѣ брата и снохи, и которые она узнала замужемъ—она была совершенно счастлива. Она любила нѣжно и горячо своего инвалида-полковника, который также очень нѣжно и глубоко любилъ ее. Къ сожалѣнію, они не имѣли дѣтей. Евгенія Степановна до глубокой старости сохранила какой-то дѣвическій, цѣломудренный видъ; въ обращеніи съ мужемъ она была стыдлива и никогда никакой ласки при свидѣтеляхъ ему не оказывала, надъ чѣмъ иногда подсмѣивался старый воинъ, намекая, что не всегда Евгенія Степановна бываетъ такъ	„Я знаю, что многимъ не нравится этотъ звукъ (поющихъ дверей), но я его очень люблю, и если мнѣ случится иногда здѣсь услышать скрыпъ дверей, тогда мнѣ вдругъ такъ и запахнетъ деревней: низенькою комнаткой... и, Боже, какая длинная навѣвается мнѣ тогда вереница воспоминаній!“
	„Они никогда не имѣли дѣтей, и оттого вся привязанность ихъ сосредоточивалась на нихъ же самихъ.“
	„Пульхерія Ивановна была нѣсколько серьезна, почти никогда не смѣялась...“
	„Нельзя было глядѣть безъ участія на ихъ взаимную любовь. Они никогда не говорили другъ другу *ты*, но всегда *вы*: вы, Аѳанасій Ивановичъ; вы, Пульхерія Ивановна.“
	„... Иногда, если было ясное время и въ комнатахъ довольно

[1] Въ *Семейной хроникѣ* и въ *Дѣтскихъ годахъ Багрова внука* Евгенія Степановна Аксакова выведена подъ именемъ Аксиньи Степановны Багровой.

неприступна. При другихъ они были далеки между собой, всегда говорили другъ другу „вы“, и вообще обходились очень учтиво. Съ перваго взгляда это могло показаться холодностью, но скоро взаимное, заботливое вниманіе, постоянное наблюденіе другъ за другомъ, участіе къ каждому слову и движенію—дѣлались замѣтны, и всякій убѣждался, что Евгенія Степановна живетъ и дышетъ Васильемъ Васильичемъ, а Василій Васильевичъ, хотя не такъ тревожно, живетъ и дышетъ Евгеніей Степановной. Домикъ ихъ блисталъ опрятностью и чистотой, привлекалъ уютностью, дышалъ спокойствіемъ. Нельзя сказать, чтобъ у нихъ были одинаковые вкусы, но самое разногласіе сливалось у нихъ въ стройное теченіе жизни. Евгенія Степановна, напримѣръ, любила кошекъ, собачекъ, которыя, надобно замѣтить, какъ-то у нея не сорили, не пачкали и ничего не портили; Василій Васильевичъ совсѣмъ не любилъ ихъ, но самая безобразная хрипучая моська, съ языкомъ на сторону, по прозванію: „Калмыкъ“, была ему пріятна и дорога, потому что ее любила Евгенія Степановна, и онъ кормилъ, ласкалъ отвратительнаго Калмыка съ удовольствіемъ и благодарностію. Даже сурокъ, который зимовалъ подъ печкой, который забавлялъ Евгенію Степановну и очень обижалъ Василья Васильича, потому что затаскивалъ и пряталъ его туфли такъ искусно, что иногда цѣлый день не могли отыскать ихъ, отчего приходилось полковнику вставать съ постели босикомъ,—даже и сурокъ польтепло натоплено, Аѳанасій Ивановичъ, развеселившись, любилъ пошутить надъ Пульхеріей Ивановной...“ (Шутки Аѳанасія Ивановича о пожарѣ и о воинскихъ замыслахъ)...

„У Пульхеріи Ивановны была сѣренькая кошечка, которая всегда почти лежала, свернувшись клубкомъ, у ея ногъ... Аѳанасій Ивановичъ, однакожь, часто подшучивалъ надъ такою привязанностію...“

Аѳанасій Ивановичъ доказываетъ, что кошка существо безполезное, что гораздо полезнѣе завести собаку. Пульхерія Ивановна сердится. „Впрочемъ, Аѳанасію Ивановичу было все равно, что кошки, что собаки; онъ для того только говорилъ такъ, чтобы немножко подшутить надъ Пульхеріей Ивановной“.

... Послѣ извѣстнаго эпизода съ кошечкой, Пульхерія Ивановна объявляетъ Аѳанасію Ивановичу, что чувствуетъ приближеніе смерти. „Уста Аѳанасія Ивановича какъ-то болѣзненно искривились. Онъ хотѣлъ, однакожь, побѣдить въ душѣ своей грустное чувство и, улыбнувшись, сказалъ... И Аѳанасію Ивановичу сдѣлалось жалко, что онъ такъ пошутилъ надъ Пульхеріей Ивановной, и онъ смотрѣлъ на нее, и слеза повисла на его рѣсницѣ.“

Чувствуя приближеніе неминуемой смерти, Пульхерія Ивановна дѣлаетъ распоряженія, обращаясь къ ключницѣ Явдохѣ, заклинаетъ ее будущею жизнію добросовѣстно ухажиживать за Аѳанасіемъ Ивановичемъ, причемъ входитъ въ самыя мелкія подробности от-

зовался его благосклонностію. Все у нихъ въ домикѣ было какъ-то на своемъ мѣстѣ, какъ-то лучше, чѣмъ у другихъ: собаки и кошки жирнѣе и опрятнѣе, пѣвчія птички веселѣе и голосистѣе, растенія зеленѣе. Подарятъ бывало имъ горшокъ какихъ-нибудь засыхающихъ цвѣтовъ—они у нихъ оживутъ, позеленѣютъ и необыкновенно разрастутся, такъ что прежній хозяинъ выпроситъ ихъ назадъ. Въ маленькихъ комнатахъ у Евгеніи Степановны росли и стручковое дерево, и финикъ, и виноградъ отъ косточекъ изюма, и другія растенія, требующія тепличнаго содержанія. Какъ будто въ воздухѣ было нѣсколько успокоительное и живительное, отъ чего и животному, и растенію было привольно и что замѣняло имъ, хоть отчасти, дикую свободу или природный климатъ... Василій Васильичъ и Евгенія Степановна вмѣстѣ смотрѣли за своимъ маленькимъ хозяйствомъ, и, безъ всякаго отягощенія, всего дѣлалось у нихъ вдвое болѣе, скорѣе и лучше, чѣмъ у другихъ. Вмѣстѣ ходили они по грибы и по ягоды, вмѣстѣ ловили чудную форель въ своей рѣчкѣ и вмѣстѣ радовались всякой удачѣ... Но Боже мой, что дѣлалось съ ними, если кто-нибудь изъ нихъ захворывалъ! Тутъ только оказывалась вполнѣ эта взаимная, глубокая и нѣжная любовь, которую въ обыкновенное время не вдругъ и замѣтишь...“

носительно любимыхъ кушаній, бѣлья, платья и т. д.

„Бѣдная старушка! она въ то время не думала ни о той великой минутѣ, которая ее ожидаетъ, ни о душѣ своей, ни о будущей своей жизни: она думала только о бѣдномъ своемъ спутникѣ, съ которымъ провела жизнь и котораго оставляла сирымъ и безпріютнымъ. Она съ необыкновенною расторопностію распорядила все такимъ образомъ, чтобы послѣ нея Аѳанасій Ивановичъ не замѣтилъ ея отсутствія.“

Пульхерія Ивановна умерла. „Аѳанасій Ивановичъ былъ совершенно пораженъ. Это такъ казалось ему дико, что онъ даже не заплакалъ; мутными глазами глядѣлъ онъ на нее, какъ бы не понимая значенія трупа.“

„Комнаты домика, въ которомъ жили наши старички, были маленькія, низенькія, какія обыкновенно встрѣчаются у старосвѣтскихъ людей.“

„Впрочемъ, я думаю, что не имѣетъ ли самый воздухъ въ Малороссіи какого-то особеннаго свойства...“

„Пульхерія Ивановна была большая хозяйка и собирала все, хотя иногда сама не знала, на что оно потомъ употребится.“

Приведенныя нами параллели совершенно ясно доказываютъ сходство какъ основной идеи въ обоихъ произведеніяхъ, такъ и подробностей во внѣшнемъ изображеніи дѣйствующихъ лицъ. И супруги Угличинины, и супруги Товстогубы соединены между

собою искреннею и безграничною любовью, которая скрывалась подъ внѣшнею сдержанностью, внѣшнею учтивостью, но прорывалась сильною струей въ минуты исключительныхъ, выходящихъ изъ ряда обстоятельствъ ихъ незатѣйливой жизни, каковы болѣзнь (у Аксакова) или смерть (у Гоголя) одного изъ супруговъ. Въ этой любви заключается главный смыслъ, главный нервъ обоихъ произведеній. При дальнѣйшемъ анализѣ сходство тѣхъ и другихъ супруговъ становится еще болѣе рельефнымъ. Василій Васильевичъ въ молодости служилъ въ военной службѣ и женился на Евгеніи Степановнѣ, не избѣгнувъ насмѣшекъ ея родныхъ. Аѳанасій Ивановичъ также служилъ въ кампанейцахъ; онъ увезъ довольно ловко Пульхерію Ивановну, которую родственники не хотѣли отдать за него. Евгенія Степановна любила кошекъ и собакъ, и Василій Васильевичъ изъ любви къ ней добродушно переносилъ эту слабость своей супруги. Пульхерія Ивановна сердечно привязалась къ своей кошечкѣ, бывшей даже до нѣкоторой степени причиной ея смерти, а Аѳанасій Ивановичъ добродушно подсмѣивался надъ этою привязанностью своей жены. Дѣтей не было ни у тѣхъ, ни у другихъ; тѣ и другіе жили въ маленькихъ уютныхъ комнаткахъ; у тѣхъ и у другихъ все спорилось, всего было въ изобиліи, несмотря на ограниченность состоянія Угличининыхъ и безбожное воровство прикащика Товстогубовъ. Наконецъ, и что всего важнѣе—отношеніе обоихъ авторовъ къ описываемымъ лицамъ поражаетъ своимъ совпаденіемъ. Аксаковъ прерываетъ нить своихъ личныхъ—семейныхъ и школьныхъ воспоминаній для того, чтобъ удѣлить нѣсколько теплыхъ строкъ своимъ старичкамъ. Гоголь посвящаетъ имъ самое задушевное изъ своихъ произведеній. Въ этомъ отношеніи особенно интересны нижеслѣдующія мѣста обоихъ произведеній, которыя мы съ намѣреніемъ не привели выше, такъ какъ онѣ не составляютъ собственно разсказа, но у обоихъ писателей являются какъ бы выводомъ, объясненіемъ смысла ихъ произведеній. Строки, о которыхъ мы говоримъ, у Аксакова составляютъ заключеніе всего эпизода, у Гоголя онѣ помѣщены въ самомъ началѣ повѣсти:

Аксаковъ.	Гоголь.
„Но я удержусь отъ дальнѣйшихъ подробностей, которыя завели бы меня далеко. Скажу только, что впослѣдствіи, за-	. . .„Боже! какая длинная навѣвается мнѣ тогда вереница воспоминаній“ (см. выше). „Я очень люблю скромную

ѣзжая иногда въ этотъ уединенный уголокъ и посмотря нѣсколько часовъ на эту безцвѣтную скромную жизнь, я всегда поддавался ея впечатлѣнію и спрашивалъ себя: не здѣсь ли живетъ истинное счастіе человѣческое, чуждое неразрѣшимыхъ вопросовъ, неудовлетворяемыхъ требованій, чуждое страстей и волненій? Долго звучалъ во мнѣ гармоническій строй этой жизни, долго чувствовалъ я какое-то грустное умиленіе, какое-то сожалѣніе о потерѣ того, что имѣть казалось такъ легко, что было подъ руками. Но когда задавалъ я себѣ вопросъ: не хочешь ли быть Василіемъ Васильевичемъ?.. Я пугался этого вопроса, и умилительное впечатлѣніе мгновенно исчезало.“

жизнь тѣхъ уединенныхъ владѣтелей отдаленныхъ деревень, которыхъ въ Малороссіи обыкновенно называютъ „старосвѣтскими“... Я иногда люблю сойти на минуту въ сферу этой необыкновенно уединенной жизни, гдѣ ни одно желаніе не перелетаетъ за частоколъ, окружающій небольшой дворикъ... Жизнь ихъ скромныхъ владѣтелей такъ тиха, такъ тиха, что на минуту забываешься и думаешь, что страсти, желанія и неспокойныя порожденія злаго духа, возмущающія міръ, вовсе не существуютъ, и ты ихъ видѣлъ только въ блестящемъ, сверкающемъ сновидѣніи.“

Читатель согласится съ нами, что эти два отрывка окончательно подтверждаютъ несомнѣнность сходства между произведеніями Аксакова и Гоголя. Подробности, на которыя мы старались указать выше, получаютъ въ этихъ отрывкахъ новое подкрѣпленіе въ сходствѣ стиля: простой безъискусственный, иногда сухой слогъ Аксаковскаго разсказа становится въ послѣднемъ изъ приведенныхъ отрывковъ искусственнымъ, впадаетъ въ „фразу“, получаетъ элегическій характеръ, однимъ словомъ, всецѣло подчиняется стилю Гоголя въ его такъ-называемыхъ лирическихъ мѣстахъ.

Итакъ, если сходство, нами указываемое, не подлежитъ сомнѣнію, то необходимо поставить вопросъ: откуда же оно произошло? Который изъ двухъ авторовъ повліялъ на другаго—Гоголь ли на Аксакова, или Аксаковъ на Гоголя? Для рѣшенія этого вопроса обратимся къ исторіи знакомства двухъ писателей.

Знакомство Аксакова съ Гоголемъ ведетъ свое начало съ весны 1832 года, когда М. П. Погодинъ неожиданно привезъ Гоголя къ Аксаковымъ. *Вечера на хуторѣ близъ Диканьки*, говоритъ Сергѣй Тимоѳеевичъ,—„были давно прочитаны, и мы всѣ восхищались ими. Я прочелъ впрочемъ *Диканьку* нечаянно: я получилъ ее изъ книжной лавки, вмѣстѣ съ другими книгами, для

чтенія вслухъ моей женѣ по случаю ея нездоровья: можно себѣ представить нашу радость при такомъ сюрпризѣ! Не вдругъ узнали мы настоящее имя сочинителя, но Погодинъ ѣздилъ за чѣмъ-то въ Петербургъ, провѣдалъ тамъ, кто такой былъ „Рудый Панько“, познакомился съ нимъ и привезъ намъ извѣстіе, что *Диканьку* написалъ Гоголь-Яновскій. Итакъ, это имя было уже намъ извѣстно и дорого.“ [1]

Итакъ, еще первыя произведенія Гоголя (если не считать его незрѣлыхъ юношескихъ опытовъ) были высоко оцѣнены въ семьѣ Аксаковыхъ прежде, чѣмъ „Рудый Панько“ появился въ ихъ домѣ. Однако личное съ нимъ знакомство на первыхъ порахъ, по свидѣтельству самого Сергѣя Тимоѳеевича, не могло назваться ни сердечнымъ, ни близкимъ. При первомъ своемъ появленіи у Аксаковыхъ, Гоголь произвелъ непріятное впечатлѣніе своею претензіей на щегольство, своею физіономіей, въ которой, по словамъ Сергѣя Тимоѳеевича, „было что-то хохлацкое и плутовское“. Даже сынъ автора Константинъ Сергѣевичъ, одинъ изъ самыхъ восторженныхъ поклонниковъ Гоголя, отзывается о первой встрѣчѣ съ нимъ далеко не сочувственно.

Черезъ нѣсколько дней за первою встрѣчей послѣдовала вторая: Гоголь пріѣхалъ къ Аксакову съ тѣмъ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ отправиться къ директору театровъ М. Н. Загоскину, что̀ и было ими исполнено. И эта вторая встрѣча не можетъ считаться началомъ тѣснаго сближенія Гоголя съ Аксаковымъ, хотя разговоръ между ними ненадолго вышелъ изъ рамки обыкновенной житейской бесѣды и коснулся существеннаго литературнаго вопроса. Говоря о драматическихъ произведеніяхъ Загоскина, „Гоголь хвалилъ его за веселость; но сказалъ, что онъ не то пишетъ, что̀ слѣдуетъ, особенно для театра. Я легкомысленно возразилъ, что у насъ писать не о чемъ, что въ свѣтѣ все такъ однообразно, гладко, прилично, что

.....даже глупости простой
Въ тебѣ не встрѣтишь, свѣтъ пустой!

„Но Гоголь посмотрѣлъ на меня какъ-то значительно и сказалъ, что это неправда, что комизмъ кроется вездѣ, что, живя посреди его, мы его не видимъ; но что если художникъ перенесетъ его въ искусство, на сцену, то мы же сами надъ собой

[1] *Исторія моего знакомства съ Гоголемъ*, стр. 5.

будемъ валяться со смѣху и будемъ дивиться, что прежде не замѣчали его.“ [1]

Разговоръ этотъ замѣчателенъ тѣмъ, что тутъ Гоголь впервые оставилъ въ отношеніи Аксакова свой обычный холодный тонъ, который всегда принималъ съ людьми ему чуждыми. Еще важнѣе этотъ разговоръ тѣмъ, что Гоголь выразилъ въ немъ свою задушевную мысль: нѣтъ на свѣтѣ предмета, который не заслуживалъ бы вниманія поэта,—дѣло лишь въ томъ, чтобъ отнестись къ нему умѣючи, какъ слѣдуетъ.

Однако и въ этотъ проѣздъ Гоголя изъ Полтавы въ Петербургъ черезъ Москву знакомство нашихъ писателей не сдѣлалось близкимъ. Слѣдующее свиданіе также не много подвинуло ихъ сближеніе другъ съ другомъ; только уваженіе къ таланту Гоголя, который успѣлъ въ 1834 г. издать *Миргородъ* и *Арабески*, значительно возросло въ семьѣ Сергѣя Тимоѳеевича. Вотъ какъ Аксаковъ отзывается объ этихъ двухъ сборникахъ: „Великій талантъ его (Гоголя) оказался въ полной силѣ. Свѣжи, прелестны, благоуханны, художественны были разсказы въ *Диканькѣ;* но въ *Старосвѣтскихъ Помѣщикахъ*, въ *Тарасѣ Бульбѣ* уже явился великій художникъ, съ глубокимъ и важнымъ значеніемъ. Мы съ Константиномъ и моя семья были въ полномъ восторгѣ отъ Гоголя.“ [2]

Такъ-то медленно совершалось сближеніе Гоголя съ семьей Аксаковыхъ въ періодъ съ 1832 по 1834 годъ, когда появились въ печати *Старосвѣтскіе Помѣщики.*

Обращаемся теперь непосредственно къ интересующему насъ вопросу о томъ, какъ произошло сходство повѣсти Гоголя съ отрывкомъ изъ воспоминаній Аксакова. Всего проще было бы предположить, что Гоголь, бесѣдуя съ Аксаковымъ, услышалъ отъ него изустный разсказъ объ Угличининыхъ и воспользовался этою темой, чтобы развить ее въ цѣлое художественное произведеніе. Замѣтимъ кстати, что вообще нельзя отрицать литературнаго вліянія Аксакова на Гоголя, но ясные слѣды его обнаруживаются лишь въ позднѣйшій періодъ дѣятельности автора *Мертвыхъ Душъ*. На это вліяніе прекрасно указалъ Н. П. Гиляровъ-Платоновъ въ своемъ замѣчательномъ разборѣ *Семейной хроники*. „Имѣемъ основаніе думать, говоритъ онъ,—что самъ

[1] Тамъ же,

[2] Тамъ же, стр. 8.

Гоголь, читавшій *Записки Ружейнаго Охотника* въ рукописи, поддался этому вліянію". Гиляровъ приводитъ изъ первой главы второй части *Мертвыхъ Душъ* описаніе того, какъ Тентетниковъ любовался въ своей деревнѣ природой вмѣсто того, чтобы заниматься хозяйствомъ [1], и затѣмъ продолжаетъ: „Какъ слышно въ этомъ отрывкѣ изъ второй части *Мертвыхъ Душъ*, не скажемъ подражаніе,—это значило бы оскорбить великаго писателя самымъ грубо-несправедливѣйшимъ подозрѣніемъ, но впечатлѣніе, подъ которымъ онъ написанъ, несмотря на сохраненіе всей своеобразной Гоголевской оригинальности, видной особенно въ разсказѣ о двухъ Мартынахъ—Мартынѣ, уже поймавшемъ рыбу, и Мартынѣ, еще не поймавшемъ рыбы! Что касается лично до насъ, самое первое чтеніе этого мѣста живо напомнило намъ описаніе лѣсной дичи въ *Запискахъ Ружейнаго Охотника*... [2] Совершенно однимъ и тѣмъ же воздухомъ вѣетъ въ томъ и другомъ описаніи! Впослѣдствіи нѣкоторыя обстоятельства подтвердили наше предположеніе о вліяніи на Гоголя *Записокъ Ружейнаго Охотника* и обратили его въ положительную увѣренность; можетъ-быть когда-нибудь ихъ сдѣлаютъ извѣстными публикѣ, и она увѣрится въ свою очередь..." [3] Замѣтимъ отъ себя, что чувство природы было всегда развито у Гоголя. Укажемъ, напримѣръ, на картину украинскихъ степей въ *Тарасъ Бульбѣ*, помѣщенную въ той же первой части *Миргорода*, что и *Старосвѣтскіе Помѣщики*. По нашему мнѣнію, картина эта имѣетъ много аналогіи съ описаніями Аксакова, приведенными Гиляровымъ, но, разумѣется, тутъ уже нельзя искать какого-либо подражанія автору *Семейной Хроники со стороны Гоголя*.

Вообще на основаніи приведенныхъ фактовъ о личныхъ сношеніяхъ между Гоголемъ и Аксаковымъ въ 1832—1834 годахъ нѣтъ никакой возможности строить догадки о литературномъ вліяніи Аксакова на Гоголя въ эту раннюю пору. Такимъ образомъ предположеніе, выставленное выше, падаетъ само собою: знакомство нашихъ писателей въ то время было чуждо короткости; хотя по временамъ разговоры ихъ касались вопросовъ литературныхъ, но это случалось мимоходомъ и не имѣло дальнѣй-

[1] *Сочиненія Гоголя*, изд. 10-е, т. III, стр. 294, 295.

[2] Здѣсь Гиляровъ приводитъ это описаніе, находящееся въ *Полномъ собраніи сочиненій С. Т. Аксакова*. Т. VI, стр. 252, 253.

[3] *Русская Бесѣда*, 1856 г., кн. I, стр. 4—5.

шаго значенія. Какъ мы видѣли, Аксаковъ, упоминая о *Старосвѣтскихъ Помѣщикахъ*, выражаетъ свой восторгъ по поводу этого произведенія, но ни однимъ словомъ не говоритъ о своемъ участіи въ возникновеніи занимающей насъ повѣсти. Стало-быть, эта послѣдняя не могла зародиться въ воображеніи Гоголя подъ вліяніемъ бесѣдъ съ Аксаковымъ. Литературныхъ произведеній своихъ Сергѣй Тимоѳеевичъ не сообщалъ въ то время Гоголю, да и писать-то свои мемуары Аксаковъ принялся лишь въ сороковыхъ годахъ. [1]

Итакъ, происхожденіе сходства занимающихъ насъ произведеній приходится объяснять другимъ путемъ: не Гоголь пошелъ за Аксаковымъ, а Аксаковъ написалъ эпизодъ объ Угличининыхъ, подчиняясь вліянію таланта Гоголя. Чтобы выяснить, насколько вообще Аксаковъ могъ поддаться такому вліянію, необходимо прослѣдить отзывы Сергѣя Тимоѳеевича о Гоголѣ и вникнуть въ его оцѣнку, другими словами—опредѣлить, какъ Аксаковъ понималъ Гоголя и что̀ именно въ его произведеніяхъ имѣло въ его глазахъ особую цѣну.

Мы уже видѣли выше, съ какимъ восторгомъ встрѣчены были *Вечера на хуторѣ близъ Диканьки*, *Миргородъ* и *Арабески* въ семьѣ Аксаковыхъ. Увлеченіе это тѣмъ замѣчательнѣе, что среди большинства своихъ знакомыхъ Сергѣй Тимоѳеевичъ не находилъ сочувствія своему мнѣнію. „Нужно замѣтить,“ говоритъ онъ,— „что во всемъ кругѣ моихъ старыхъ товарищей и друзей, во всемъ кругѣ моихъ знакомыхъ я не встрѣтилъ ни одного человѣка, кому бы нравился Гоголь, и кто бы цѣнилъ его вполнѣ. Даже никого, кто бы всего его прочелъ! О, Петербургъ, о, пошлодѣловой Петербургъ! Вотъ, напримѣръ, Владимиръ Ивановичъ Панаевъ, тоже старый мой товарищъ, литераторъ и членъ Россійской Академіи, съ которымъ, разумѣется, я никогда о Гоголѣ не разсуждалъ, вдругъ спрашиваетъ меня при многихъ свидѣтеляхъ: „А что̀ Гоголь? Опять написалъ что-нибудь смѣшное и неестественное?“ Не помню, что̀ я отвѣчалъ ему; но вѣроятно, присутствіе другихъ спасло его отъ такого отвѣта, отъ котораго не поздоровилось бы ему“ [2] Къ этому мѣсту отцовскаго разсказа И. С. Аксаковъ сдѣлалъ слѣдующее характерное примѣчаніе:

---

[1] Первый отрывокъ изъ *Семейной Хроники* былъ напечатанъ только въ 1864 г. въ *Московскомъ Сборникѣ*.

[2] *Исторія моего знакомства съ Гоголемъ*, стр. 21.

„Появленіе сочиненій Гоголя произвело такой рѣзкій переворотъ въ общественномъ и, въ частности, въ литературномъ сознаніи, что сочувствіе, или несочувствіе къ Гоголю опредѣляло степень развитія и способность къ развитію самого человѣка. Это былъ рубежъ, перейдя черезъ который Сергѣй Тимоѳеевичъ растерялъ всѣхъ своихъ литературныхъ друзей прежняго псевдоклассическаго нашего литературнаго періода. Они остались *по сю сторону Гоголя*.“ [1]

Не слѣдуетъ забывать, что С. Т. Аксаковъ въ молодости, въ первыя десятилѣтія текущаго вѣка, былъ сторонникомъ старой литературной, еще Ломоносовской школы. Горячій почитатель Шишкова, съ которымъ онъ былъ лично знакомъ и котораго уважалъ и цѣнилъ даже въ его крайностяхъ, ученикъ и поклонникъ стараго театра и старой классической школы актеровъ, С. Т. Аксаковъ мало подчинялся литературнымъ вѣяніямъ Карамзинскаго направленія. Произведенія Карамзина, Жуковскаго, даже Пушкина, въ первой стадіи его развитія, не затрогивали его сердца и не будили литературнаго чутья. Мы не хотимъ этимъ сказать, чтобъ указанные писатели прошли для Сергѣя Тимоѳеевича безслѣдно, или остались имъ незамѣченными: нѣтъ, любовь къ литературѣ, всегда ему присущая, заставляла его слѣдить за каждымъ новымъ въ ней явленіемъ; но все же литературная рутина мѣшала Аксакову оцѣнить значеніе новаго литературнаго періода нашей словесности. Тѣмъ поразительнѣе становится его преклоненіе предъ Гоголемъ, преклоненіе, которому Аксаковъ предался вполнѣ и всецѣло. Есть, однако, возможность найти объясненіе этой неожиданности, если обратить вниманіе на свойство и характеръ симпатіи Аксакова къ дарованію Гоголя.

Извѣстно и въ высшей степени важно свидѣтельство Гоголя о воззрѣніи на его талантъ, высказанное Пушкинымъ: „Обо мнѣ много толковали, разбирая кое-какія мои стороны, но главнаго существа моего не опредѣлили. Его слышалъ одинъ только Пушкинъ. Онъ мнѣ говорилъ всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара выставлять такъ ярко пошлость жизни, умѣть очертить въ такой силѣ пошлость, пошлаго человѣка, чтобы вся та мелочь, которая ускользаетъ отъ глазъ, мелькнула бы крупно

[1] Позн. собр. соч. С. Т. Аксакова, т. II, стр. 335. Въ полномъ изданіи *Исторіи* это примѣчаніе не помѣщено.

въ глаза всѣмъ. Вотъ мое главное свойство, одному мнѣ принадлежащее и котораго, точно, нѣтъ у другихъ писателей. Оно впослѣдствіи углубилось во мнѣ еще сильнѣе отъ соединенія съ нимъ нѣкотораго душевнаго обстоятельства. Но этого я не въ состояніи былъ открыть тогда даже и Пушкину.

„Это свойство выступило съ большою силой въ *Мертвыхъ Душахъ. Мертвыя Души* не потому такъ испугали Россію и произвели такой шумъ внутри ея, чтобъ онѣ раскрыли какія-нибудь ея раны, или внутреннія болѣзни, и не потому также, чтобы представили потрясающія картины торжествующаго зла и страждущей невинности. Ничуть не бывало. Герои мои вовсе не злодѣи, прибавь я только одну добрую черту любому изъ нихъ, читатель помирился бы съ ними всѣми. Но пошлость всего вмѣстѣ испугала читателей. Испугало ихъ то, что одинъ за другимъ слѣдуютъ у меня герои одинъ пошлѣе другаго, что нѣтъ ни одного утѣшительнаго явленія, что негдѣ даже и пріотдохнуть, или духъ перевести бѣдному читателю, и что, по прочтеніи всей книги, кажется, какъ бы точно вышелъ изъ какого-то душнаго погреба на Божій свѣтъ. Мнѣ бы скорѣе простили, еслибъ я выставилъ картинныхъ изверговъ; но пошлости не простили мнѣ. Русскаго человѣка испугала его ничтожность болѣе, нежели всѣ его пороки и недостатки. Явленіе замѣчательное! Испугъ прекрасный! Въ комъ такое сильное отвращеніе отъ ничтожнаго, въ томъ, вѣрно, заключено все то, что̀ противоположно ничтожному. Итакъ, вотъ въ чемъ мое главное достоинство; но достоинство это, говорю вновь, не развилось бы во мнѣ въ такой силѣ, еслибы съ нимъ не соединилось мое собственное душевное обстоятельство и моя собственная душевная исторія. Никто изъ читателей моихъ не зналъ того, что, смѣясь надъ моими героями, онъ смѣялся надо мною.“ [1]

Значеніе этихъ словъ Гоголя въ особенности возвышается тѣмъ, что самъ онъ такъ искренно, такъ полно присоединяется со своей стороны къ сужденію Пушкина. Оно было извѣстно и Аксакову изъ *Переписки съ друзьями*, но не удовлетворяло его.

Вспоминая свои разговоры о Гоголѣ съ Жуковскимъ, Сергѣй Тимоѳеевичъ дѣлаетъ, между прочимъ, слѣдующее замѣчаніе: „Я не могу умолчать, несмотря на все мое уваженіе къ знаменитому писателю и еще большее уваженіе къ его высокимъ нрав-

[1] Сочиненія Н. В. Гоголя, изд. 10, т. IV, стр. 86, 87.

ственнымъ достоинствамъ, что Жуковскій не вполнѣ цѣнилъ талантъ Гоголя. Я подозрѣваю въ этомъ даже Пушкина, особенно потому, что Пушкинъ погибъ, зная только наброски первыхъ главъ *Мертвыхъ Душъ*. Оба они восхищались талантомъ Гоголя въ изображеніи пошлости человѣческой, его неподражаемымъ искусствомъ схватывать вовсе незамѣтныя черты и придавать имъ такую выпуклость, такую жизнь, такое внутреннее значеніе, что каждый образъ становился живымъ лицомъ, совершенно понятнымъ и незабвеннымъ для читателя, восхищались его юморомъ, комизмомъ—и только. Серьезнаго значенія, мнѣ такъ кажется, они не придавали ему [1].“

Жуковскаго, съ его мнѣніемъ о Гоголѣ, мы можемъ оставить въ сторонѣ: автору *Эоловой арфы* въ самомъ дѣлѣ могли быть не вполнѣ ясны поэтическія задачи, которыя ставилъ себѣ авторъ *Мертвыхъ Душъ*. Но другое дѣло—Пушкинъ. Мы видѣли сейчасъ, что самъ Гоголь сходился съ нимъ въ воззрѣніи на свой талантъ: можно ли послѣ того предполагать, что Пушкинъ не былъ въ состояніи постигнуть во всемъ объемѣ творческую силу Гоголя въ возсозданіи дѣйствительной жизни, и что, цѣня, напримѣръ, его юморъ, онъ не слышалъ въ немъ „сквозь видимый смѣхъ, невидимыя слезы?“

Но Аксакову хотѣлось найти въ Гоголѣ еще нѣчто большее: что̀ именно—этого онъ самъ нигдѣ не высказалъ опредѣлительно; но очевидно, Сергѣй Тимоѳеевичъ поддался увлеченію своего сына, а какъ извѣстно, К. С. Аксаковъ, при появленіи *Мертвыхъ Душъ* въ 1842 году, напечаталъ особую брошюру, въ которой поставилъ поэму Гоголя въ одинъ рядъ съ Гомеровымъ эпосомъ *по акту творчества* и объявилъ, что, глядя съ этой точки зрѣнія, „только у Гомера и Шекспира можемъ мы встрѣтить такую полноту созданія, какъ у Гоголя; только Гомеръ, Шекспиръ и Гоголь обладаютъ великою одною и тою же тайной искусства“ [2]. Въ своей *Исторіи знакомства съ Гоголемъ*, написанной много

---

[1] *Исторія моего знакомства съ Гоголемъ*, стр. 27, 28.

[2] Нѣсколько словъ о поэмѣ Гоголя: *Похожденія Чичикова* или *Мертвыя Души*. М. 1842.—Къ сожалѣнію, мы не имѣли въ рукахъ этой рѣдкой, не поступавшей въ продажу брошюры К. С. Аксакова (экземпляра ея нѣтъ даже въ Императорской Публичной Библіотекѣ) и знакомы съ ея содержаніемъ только по полемическому „объясненію“ ея автора, помѣщенному въ *Москвитянинѣ* 1842 г., № 9, а также по выпискамъ у С. Т. Аксакова *(Исторія знакомства съ Гоголемъ)* и Бѣлинскаго *Сочиненія*, т. VI).

позже брошюры Константина Сергѣевича, старикъ Аксаковъ горячо защищаетъ мысль своего сына и настаиваетъ на вѣрности его взгляда [1]. Между прочимъ К. С. Аксаковъ приходитъ въ восторгъ отъ извѣстныхъ такъ-называемыхъ лирическихъ мѣстъ въ *Мертвыхъ Душахъ;* не меньше сына восхищается этими мѣстами и Сергѣй Тимоѳеевичъ [2].

При такомъ полномъ увлеченіи Гоголемъ со стороны Аксакова, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что его дарованіе восприняло на себя печать могучаго гоголевскаго генія, и что когда опытный литераторъ уже на старости принялся за изложеніе своихъ дѣтскихъ и юношескихъ воспоминаній, на его произведеніи отразились художественные пріемы его младшаго литературнаго современника и любимца. Такимъ образомъ объясняется, какъ случилось, что С. Т. Аксаковъ, разсказывая о жизни четы Угличининыхъ и не отступая въ существенныхъ чертахъ отъ фактической истины, невольно придалъ своимъ героямъ черты *Старосвѣтскихъ Помѣщиковъ* и освѣтилъ ихъ тѣмъ теплымъ свѣтомъ, въ какомъ они рисовались его воображенію, благодаря повѣсти Гоголя.

На этомъ мы могли бы покончить нашу замѣтку. Но подмѣченное нами сходство между разсказомъ Аксакова и *Старосвѣтскими Помѣщиками* и указанное на этомъ примѣрѣ вліяніе Гоголя на Аксакова даетъ намъ случай нѣсколько далѣе проникнуть въ разсмотрѣніе вопросовъ, сюда относящихся.

А. С. Хомяковъ, въ некрологѣ Сергѣя Тимоѳеевича, отвѣчая на вопросъ, почему онъ вполнѣ проявилъ свой литературный талантъ лишь въ преклонномъ возрастѣ, замѣтилъ слѣдующее: „Новые анализы художества не остались безплодными для воспріимчиваго чувства и свѣтлаго ума С. Т. Аксакова; .... простота формъ Пушкина въ повѣстяхъ и особенно Гоголя, съ которымъ Сергѣй Тимоѳеевичъ былъ такъ друженъ, подѣйствовала на него: все это могло быть, все это было“ [3].

Въ этомъ замѣчаніи существенно то, что тутъ рядомъ съ Гоголемъ названъ и Пушкинъ; дальновидный взоръ Хомякова не упустилъ изъ виду возможности отношенія между авторомъ *Семейной хроники*, и тѣмъ изъ русскихъ писателей, который

[1] *Исторія моего знакомства съ Гоголемъ*, стр. 73, 74.

[2] Тамъ же, стр. 84.

[3] Сочиненія Хомякова, т. I. стр. 665, 666.

всегда неизбѣжно является въ центрѣ нашего литературнаго развитія. Другой критикъ, привѣтствовавшій *Семейную хронику* горячими похвалами при первомъ ея изданіи въ 1856 года, С. С. Дудышкинъ, выразилъ ту же мысль еще яснѣе: „Послѣ *Капитанской дочки* и *Дубровскаго* мы не читали разсказовъ, которые были бы такъ богаты историческимъ матеріаломъ и въ то же время такъ полны въ художественнымъ отношеніи. Манера г. Аксакова больше всего напомнила намъ манеру Пушкина въ повѣстяхъ послѣднихъ его лѣтъ: та же чистота въ отдѣлкѣ лицъ, то же глубокое знаніе жизни, та же прочность въ созданіи.“ [1]

Сужденія такого рода заслуживаютъ провѣрки и объясненія. Если мы нашли точку соприкосновенія между Аксаковымъ и Гоголемъ, съ его *Старосвѣтскими Помѣщиками*, то слѣдуетъ также дать себѣ отчетъ и въ томъ: не можетъ ли быть дѣйствительно указано отношеніе и между Аксаковымъ и Пушкинымъ, и при какихъ условіяхъ оно могло возникнуть?

Извѣстно, что послѣ выхода въ свѣтъ *Вечеровъ на хуторѣ* установилась тѣсная связь между ихъ авторомъ и авторомъ *Евгенія Онѣгина*. Извѣстно также, что съ начала 30-хъ годовъ мысль о повѣсти и романѣ въ прозѣ стала особенно занимать Пушкина, и что еще за много лѣтъ предъ тѣмъ мечталъ онъ о русскомъ бытовомъ романѣ и мечтамъ своимъ посвятилъ нѣсколько строкъ въ 3-й главѣ *Онѣгина:*

. . . . . .
Быть можетъ, волею небесъ,
Я перестану быть поэтомъ,
Въ меня вселится новый бѣсъ,
И, Фебовы презрѣвъ угрозы,
Унижусь до смиренной прозы:
Тогда романъ на старый ладъ
Займетъ веселый мой закатъ.
Не муки тайныя злодѣйства
Я грозно въ немъ изображу,
Но просто вамъ перескажу
Преданья русскаго семейства;
Любви плѣнительные сны,
Да нравы нашей старины.
Перескажу простыя рѣчи

[1] *Отечественныя Записки* 1856 г., т. 105, Критика, стр. 84.

Отца иль дяди старика,
Дѣтей условленныя встрѣчи
У старыхъ липъ, у ручейка;
Несчастной ревности мученья,
Разлуку, слезы примиренья;
Поссорю вновь, и наконецъ
Я поведу ихъ подъ вѣнецъ [1].

Дѣйствительно, *Дубровскій*, *Капитанская Дочка* были какъ бы опытами Пушкина въ этомъ новомъ для него родѣ, а писались они какъ разъ въ тѣ самые годы (1832—1834), когда Гоголь создавалъ своихъ *Старосвѣтскихъ Помѣщиковъ*. Слѣдуетъ считать несомнѣннымъ, что въ это время Гоголь находился наиболѣе подъ вліяніемъ Пушкина.

Эта послѣдовательность литературнаго вліянія можетъ быть прослѣжена еще дальше. Пушкинъ очень высоко цѣнилъ повѣствовательный талантъ и манеру Вальтеръ Скотта [2], и дѣйствіе его примѣра отразилось на повѣстяхъ самого Пушкина преимущественно простотой формы и сердечнымъ, любовнымъ отношеніемъ къ описываемой эпохѣ и ея дѣйствующимъ лицамъ. Это-то любовность, это-то проникновеніе въ глубь эпохи и умѣнье подъ внѣшнею грубостью, необразованностью и простотой угадать глубокія душевныя движенія передались отъ Пушкина Гоголю, а черезъ него Аксакову. Сходство *Старосвѣтскихъ Помѣщиковъ* съ художественною манерой Вальтера Скотта еще въ 40-хъ годахъ было

[1] Сочиненіе Пушкина. Изданіе литературнаго фонда; т. III, стр. 286.

[2] Въ этомъ отношеніи напомнимъ лишь слѣдующія замѣчанія Пушкина: „Главная прелесть романовъ W. Scott состоитъ въ томъ, что мы знакомимся съ прошедшимъ временемъ не съ enflure французской трагедіи, не съ чопорностію чувствительныхъ романовъ, не съ dignité исторіи, но современно, но домашнимъ образомъ. Они (то-есть, герои романовъ В. Скотта) не походятъ (какъ герои французскіе) на холопей, передразнивающихъ la dignité et la noblesse. Ils sont familiers dans les circonstances ordinaires de la vie, leur parole n'a rien d'affecte, de théatral, même dans les circonstances solennelles—car les grandes circonstances leur sont familières“ (Изданіе литературнаго фонда, т. V, стр. 32).

„Въ наше время подъ словомъ романъ разумѣемъ историческую эпоху, развитую въ вымышленномъ повѣствованіи. Вальтеръ Скоттъ увлекъ за собою цѣлую толпу подражателей. Но какъ они всѣ далеки отъ шотландскаго чародѣя! Подобно ученику Агриппы, они, вызвавъ демона старины, не умѣли имъ управлять и сдѣлались жертвами своей дерзости“. (Тамъ же, т. V, стр. 84).

указано однимъ изъ нашихъ тогдашнихъ критиковъ. Говоря о романѣ *Антикварій*, этотъ критикъ высказываетъ, между прочимъ, слѣдующее: „Если читатель не находитъ вообще въ сухомъ антикварствѣ ничего забавнаго, то и Ольдбёкъ не покажется ему забавнымъ лицомъ: напротивъ, онъ найдетъ въ немъ честнаго человѣка, очень аккуратнаго въ своихъ дѣлахъ, очень скромнаго въ желаніяхъ, чрезвычайно ученаго и, слѣдовательно, съ ногъ до головы прекраснаго человѣка. Въ этомъ отношеніи *Антикварій* имѣетъ большое сходство со *Старосвѣтскими Помѣщиками* нашего Гоголя. Трудно найти въ изящной литературѣ третье произведеніе, которое было бы такъ художественно-двусмысленно, какъ эти два перла". И тотъ же критикъ сопоставляетъ *Старосвѣтскихъ Помѣщиковъ* и съ *Капитанскою Дочкой*: „Мало ли въ какихъ тѣсныхъ сферахъ великій художникъ находитъ драму, какой не создать обыкновенному таланту и изъ самыхъ роскошныхъ матеріаловъ! Вспомните *Жизнь въ крѣпости Оренбургской губерніи*, или *Помѣстье Аѳанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны*... и сравните эти міры съ сотнями романовъ изъ временъ Людовика XV: подумаешь, что въ русскомъ захолустьѣ больше движенія и разнообразія, чѣмъ во французскомъ обществѣ восемнадцатаго столѣтія." [1]

Съ другой стороны, почти также давно было указано нашею критикой и сходство между Аксаковымъ и В. Скоттомъ: на него обратилъ вниманіе П. В. Анненковъ въ своемъ разборѣ *Семейной Хроники*. Вотъ что̀ писалъ онъ въ 1856 году по поводу Степана Михайловича Багрова: „По нашему мнѣнію, это типъ, имѣющій сильное родовое сходство съ типами Вальтеръ-Скотта, и вотъ когда только является въ литературѣ нашей нѣчто подобное со способомъ воззрѣнія на міръ знаменитаго Шотландца и съ его способомъ передавать образы и лица. Степанъ Михайловичъ—это олицетвореніе доблести стараго поколѣнія, пропадающаго съ каждымъ днемъ, выраженіе той нравственной высоты, которая была ему доступна, а вмѣстѣ и выраженіе его недостатковъ... С. Т. Аксаковъ имѣетъ еще то сходство съ В. Скоттомъ, что нисколько не робокъ предъ обычаями, даже отжившими, хорошо понимаетъ ихъ историческую необходимость и не на кого не слагаетъ отвѣтственности за нихъ." [2]

---

[1] Валеріанъ Майковъ. *Критическіе Опыты* (1845—1847), стр. 196, 197, 227.

[2] *Воспоминанія и Очерки*, отдѣлъ II, стр. 111, 112.

Итакъ, вотъ на какую цѣпь литературныхъ вліяній наталкиваетъ насъ сближеніе двухъ литературныхъ произведеній разнаго времени. Случайно подмѣченное сходство въ ихъ содержаніи обнаружило предъ нами одинаковость и художественныхъ пріемовъ ихъ авторовъ. Прямая и непосредственная связь устанавливается между *Воспоминаніями* Аксакова и *Старосвѣтскими Помѣщиками* Гоголя; но самъ Гоголь, въ этомъ своемъ произведеніи, является въ ближайшемъ соотношеніи съ Пушкинымъ, который, такимъ образомъ, черезъ его посредство, оказываетъ вліяніе на Аксакова, быть - можетъ, неожиданно для послѣдняго. Еще далѣе—всѣ три русскіе писателя какъ бы объединяются въ своихъ художественныхъ пріемахъ тѣмъ, что всѣ трое могутъ быть возведены въ этомъ отношеніи къ образцамъ даннымъ великимъ англійскимъ романистомъ. Простота и задушевность, живое чувство дѣйствительной жизни и любовное къ ней отношеніе, таковы черты всѣхъ тѣхъ произведеній, которыя поставлены здѣсь въ связь между собою. Приведенныя выше строки *Евгенія Онѣгина* свидѣтельствуютъ, что по крайней мѣрѣ въ русской литературѣ этотъ типъ поэтическаго творчества намѣченъ былъ впервые Пушкинымъ, и что затѣмъ онъ нашелъ себѣ примѣненіе подъ перомъ Гоголя и С. Т. Аксакова. Поэтому очень вѣрными должны быть признаны слова Ап. Григорьева, сказавшаго, что программа „романа на старый ладъ“, набросанная въ стихахъ Пушкина, тронута имъ самимъ въ его прозаическихъ повѣстяхъ позднѣйшаго времени, а позже во многихъ отношеніяхъ исполнена въ *Семейной Хроникѣ* Аксакова [1].

Ограничиваемся этими намеками на литературное родство указанныхъ нами писателей въ извѣстной сферѣ творчества. Намъ кажется, что это явленіе имѣетъ несомнѣнное историко-литературное значеніе. Но болѣе подробное разсмотрѣніе этого вопроса потребовало бы обширнаго изслѣдованія.

Валеріанъ Майковъ.

[1] *Сочиненія Ап. Григорьева*, т. I, стр. 143, 144. Впрочемъ позволимъ себѣ прибавить, что мнѣніе Григорьева относительно *Семейной Хроники* должно быть принимаемо лишь съ извѣстнымъ ограниченіемъ, ибо *Хроника* все-таки не свободное созданіе поэта, а лишь историческіе мемуары, разсказывающіе то, что̀ дѣйствительно случилось. Въ упомянутой выше статьѣ Дудышкина вѣрно отмѣчено это различіе и указано зависящее отъ того отсутствіе драматизма въ повѣствованіи Аксакова.

Творенія отцовъ Церкви въ древне-русской письменности. Извлеченія изъ рукописей и опыты историко-литературныхъ изученій. А. С. Архангельскаго. Казань. 1890. Вып. I—II, стр. 203 + вып. III, стр. 118 + вып. IV, стр. 228 = 543 стр. Цѣна — ?..

Это трехтомное сочиненіе, въ четырехъ выпускахъ, печатавшееся по частямъ въ *Казанскихъ университетскихъ извѣстіяхъ*, представляетъ собою фундаментальное приложеніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, документальное оправданіе по отношенію къ вышедшему въ 1888 году, въ С.-Петербургѣ, труду того же автора, профессора Казанскаго университета А. С. Архангельскаго, подъ заглавіемъ: *Творенія отцовъ Церкви въ древне-русской письменности. Обозрѣніе рукописнаго матеріала* (отдѣльный оттискъ изъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*). Оставляемъ въ сторонѣ это послѣднее изданіе, котораго мы не имѣемъ подъ руками *просто* (sic!) потому, что ни у московскихъ, ни у казанскихъ книгопродавцевъ его не нашли. По этому поводу сдѣлаемъ только одно замѣчаніе. Русскіе „ученые“, а въ томъ числѣ и нашъ авторъ, часто не указываютъ ни цѣны, ни мѣста продажи своихъ изданій. Это, конечно, пріятная скромность, сравнительно съ нѣмецкою рекламностію, показывающая въ нашихъ писателяхъ исключительную любовь только къ одной научной истинѣ, но справедливо ли, убѣгая дыма, загонять другихъ въ самый огонь, по одному старинному изреченію? Справедливо ли намѣренно лишать публику возможности пріобрѣсти то, что̀ ей нужно? Это мелочь, но мы отмѣчаемъ ее потому, что указанная мода начинаетъ сильно распространяться межлу изданіями, для которыхъ непремѣнно должны найтись читатели, хотя бы и не очень многіе. Μηδὲν ἄγαν!..

Что касается настоящихъ выпусковъ, то мы находимъ въ нихъ богатѣйшій рукописный матеріалъ, собранный съ замѣчательною полнотой, тщательно провѣренный, систематически расположенный и внимательно анализированный въ историко-литературномъ отношеніи, для чего г. Архангельскій прежде всего и съ научною строгостію изслѣдуетъ его съ электуальной точки зрѣнія. Въ I и II выпускахъ авторъ занимается главнымъ образомъ *Вопросами и опытами Аѳанасія* (епископа Александрійскаго) *къ Антіоху* и отчасти *Житіемъ Антонія Великаго* того же отца; III выпускъ посвящается *Паренесису* (вѣрнѣе бы, по принятому

правописанію, *Паренезисъ*, какъ—генезисъ, экзегезисъ и т. п., вообще въ словахъ, гдѣ сигма стоитъ между двумя гласными) св. Ефрема Сирина; IV выпускъ разсматриваетъ творенія св. Іоанна Златоуста въ древне-русскихъ Измарагдахъ.

Установивъ текстъ разсматриваемыхъ древне-русскихъ памятниковъ по различнымъ редакціямъ и сличивъ его съ соотвѣтствующими отеческими твореніями въ подлинникахъ (въ этомъ послѣднемъ отношеніи особенно хорошо и весьма старательно обработаны выпуски I — II, третій — гораздо менѣе, а въ четвертомъ этотъ элементъ, къ сожалѣнію, совсѣмъ отсутствуетъ), авторъ внимательно слѣдитъ за ихъ литературною исторіей въ древне-русской письменности и указываетъ главнѣйшіе списки литературныхъ произведеній древняго времени со всѣми ихъ особенностями, значеніемъ, вліяніемъ и проч. Тутъ въ сжатомъ видѣ даются научные результаты, добытые г. Архангельскимъ послѣ долговременнаго и утомительно-кропотливаго труда. И чѣмъ короче эти выводы, по сравненію съ текстуальными частыми изслѣдованіями, и чѣмъ точнѣе и яснѣе они формулированы, тѣмъ выше ихъ научная цѣнность, тѣмъ прочнѣе ихъ научное достоинство. Они имѣютъ подъ собою такой несокрушимый фундаментъ, что сразу должны перейти въ научныя положенія, отъ которыхъ будутъ отправляться другіе работники при дальнѣйшемъ изученіи этого предмета.

Изо всего сказаннаго видно, что обширнѣйшую часть въ сочиненіи г. Архангельскаго составляетъ текстуально-критическое обозрѣніе древне-русскихъ памятниковъ въ ихъ различныхъ редакціяхъ и по сравненію съ оригиналами. Она выполнена авторомъ со значительнымъ совершенствомъ. Г. Архангельскій не только тщательно проштудировалъ всѣ „описанія“ рукописей нашихъ книгохранилищъ (А. И. Хлудова, Соловецкой библіотеки при Казанской Духовной Академіи, Троице-Сергіевой Лавры, Ундольскаго, Румянцевскаго Музея, Императорской Публичной Библіотеки, Московской Духовной Академіи, Московской Синодальной, Академіи Наукъ, С.-Петербургской Духовной Академіи, Виленской Публичной, Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Суздальскаго Спасо-Евѳиміева монастыря, Царскаго, Уваровой, Погодина, профессора Петровскаго и другія, касающіяся его темы, сочиненія русскихъ ученыхъ (Горскаго и Невструева, А. Ѳ. Бычкова, А. Востокова, А. Н. Попова, И. И. Срезневскаго, Н. С. Тихонравова, Сухомлинова, Пыпина, Строева

Порфирьева, Галахова, Кирпичникова, Добрянскаго, Карпова, Буслаева, Вяземскаго, Шляпкина, Шимановскаго, Садовникова), но и *самъ лично* пересмотрѣлъ нужные ему манускрипты своими глазами и переписалъ ихъ своими руками, для чего принужденъ былъ по долгу заниматься въ извѣстныхъ съ этой стороны библіотекахъ, разбросанныхъ по разнымъ городамъ Россіи. Сколько же времени и денегъ стоило ему поскитаться по городамъ и селамъ русскимъ и сколько архивной пыли пришлось ему переглотать, прежде чѣмъ онъ увидѣлъ напечатаннымъ первый листъ своей книги?! За то, повторяемъ, и сдѣлалъ онъ это дѣло образцово.

Съ неменьшимъ стараніемъ приводитъ авторъ и сличеніе своихъ памятниковъ съ подлинниками въ указанныхъ нами размѣрахъ по извѣстнымъ изданіямъ Миня, Ассемани, Монфикона, Болландистовъ (Acta Sanctorum), не различая ихъ по редакціямъ, и, вообще, не подвергая матеріалъ текстуально-критической обработкѣ, что̀, впрочемъ, и сдѣлать было болѣе чѣмъ трудно при слабомъ разслѣдованіи этого предмета. По всей правдѣ, эта часть труда, въ теперешней ея постановкѣ, не имѣетъ органической связи съ цѣлымъ и полной научной цѣнности (хотя авторъ иногда удачно выясняетъ изъ подлинниковъ разность древне-русскихъ редакцій и нѣкоторыя ихъ особенности), но она могла бы получить совсѣмъ иное значеніе при другой ея обработкѣ. Мы разумѣемъ сличеніе переводовъ съ оригиналами съ цѣлію возстановленія болѣе правильнаго подлиннаго текста. Это предметъ, почти совсѣмъ не затронутый въ наукѣ, и потому раскрытіе его могло бы дать весьма важные результаты. Конечно, все это не входило въ планы г. Архангельскаго, но онъ такой спеціалистъ въ данной области, что мы позволяемъ себѣ поставить ему на видъ этотъ pium desiderium.

Съ бо́льшимъ стараніемъ обработана у автора литературная исторія обозрѣваемыхъ памятниковъ, согласно его цѣлямъ (вып. I, стр. 37, 78, 89 и др.). Нужно замѣтить, что г. Архангельскій очень скроменъ въ своихъ выводахъ: какъ истинный ученый, онъ не гоняется за эффектными построеніями и громкими теоріями. Его заключенія не блещутъ особенною новизной и даже при всемъ своемъ достоинствѣ не выставляются намѣренно съ этой стороны, но за то нѣкоторыя изъ нихъ навсегда останутся вѣрными научнымъ пріобрѣтеніямъ, между тѣмъ скороспѣлыя и „оригинальныя“ теоріи столь же недолговѣчны, какъ мыльные

пузыри, ибо онѣ—почти безъ исключенія—составляютъ плодъ фантазіи „людей послѣднихъ книжекъ“, бѣгло просмотрѣвшихъ два-три описанія рукописей и подержавшихъ въ рукахъ два-три сомнительные манускрипта. Nomina sund odiosa: указанія такихъ „открытій“ можно встрѣтить и въ книгѣ г. Архангельскаго.

Съ особенною похвалой слѣдуетъ отмѣтить типографскую тщательность изданія, соотвѣтствующую важности и существу дѣла. Она, при стремленіи сохранить подлинную орѳографію памятниковъ, безъ сомнѣнія, стоила автору большаго труда, который, надѣемся, оцѣнятъ всѣ, кому горькимъ опытомъ приходилось убѣждаться, что въ русскихъ типографіяхъ можно печатать хорошо только визитныя карточки и объявленія, да и то не на иностранныхъ языкахъ...

При столь сухомъ матеріалѣ авторъ съумѣлъ изложить его просто и, въ значительной мѣрѣ, интересно.

Работа г. Архангельскаго весьма спеціальна, но ею будутъ пользоваться для справокъ многіе литературные труженики. Въ этомъ отношеніи авторъ нравственно виновенъ предъ послѣдними въ томъ, что не далъ не только „указателя“, совершенно необходимаго и—при томъ—по чисто нѣмецкому типу, но даже и самаго краткаго оглавленія. Позволяемъ высказать пожеланіе, чтобъ онъ оправдался предъ публикой изданіемъ этихъ частей или отдѣльно, или при дальнѣйшихъ выпускахъ своего труда, если они имѣютъ появиться въ свѣтъ.

Н. Глубоковскій.

24 апрѣля 1891 г.

Свободная торговля и покровительственная система въ Россіи.

Докладъ Московскому Отдѣленію Общества для Содѣйствія Русской Промышленности и Торговлѣ. Л. В. Москва, 1891, стр. 1—80.

Недавно изданная подъ вышеозначеннымъ заглавіемъ брошюра посвящена изложенію историческаго развитія таможеннаго законодательства въ Россіи, со временъ *Русской Правды* и до нашихъ дней. Въ сжатомъ пересказѣ передаетъ докладчикъ отдѣльныя постановленія Русскаго таможеннаго законодательства. Этотъ пересказъ носитъ на себѣ характеръ такъ-называемой *внѣшней исторіи* законодательства, передающей обыкновенно въ сокращеніи, или въ извлеченіи, смѣнявшіяся въ теченіе многихъ вѣковъ исторіи постановленія извѣстной отрасли законодательства, въ данномъ случаѣ—законодательства таможеннаго. Такъ, на пространствѣ девяти страницъ (4—13) докладчикъ излагаетъ русское таможенное законодательство отъ *Русской Правды* до Петра Великаго. Затѣмъ, изложивъ на другихъ семи страницахъ (14—21) краткій очеркъ экономической дѣятельности Петра Великаго (стр. 13—21), докладчикъ указываетъ на „первый въ Россіи систематическій тарифъ, изданный 31 января 1824 года“ и замѣчаетъ: „по этому тарифу были установлены цѣновныя пошлины“.

Преемники Петра Великаго измѣнили первый систематическій тарифъ 31 января 1824 года, въ благопріятномъ для иностранцевъ смыслѣ. „Въ 1726 году началось уменьшеніе пошлинъ по нѣкоторымъ статьямъ тарифа, продолжавшееся и въ теченіе 1827 года, а въ 1729 году приступлено было къ работамъ по общему пересмотру таможеннаго тарифа, которыя и были закончены въ 1731 году изданіемъ новаго тарифа“ (стр. 25). Не долго, однако, дѣйствовалъ тарифъ 1731 года. Въ 1757 году введенъ въ дѣйствіе новый тарифъ (стр. 27). Въ слѣдующемъ году, въ 1758 таможенный доходъ былъ отданъ на откупъ Шемякину, директору Темерниковской компаніи, пользовавшейся монополіей торговли чрезъ Черное Море.

Императрица Екатерина II тотчасъ по вступленіи на престолъ повелѣла Сенату пересмотрѣть тарифъ 1757 года, и 1 сентября 1765 года былъ опубликованъ новый таможенный тарифъ со значительно пониженными противъ тарифа 1757 года пошлинами.

Тарифъ 1765 года былъ еще пониженъ въ изданномъ въ 1782 году тарифѣ. Къ концу своего царствованія, Екатерина II обнаружила нѣкоторую склонность къ охраненію народной промышленности путемъ повышенія таможенныхъ пошлинъ. Но только въ 1810 году изданъ былъ въ Россіи строго протекціонный тарифъ (стр. 40), который продержался недолго, такъ какъ въ 1816 и затѣмъ въ 1819 годахъ изданы были тарифы, значительно понизившіе пошлины на всѣ иностранные товары.

Со вступленіемъ въ управленіе министерствомъ финансовъ 23 апрѣля 1823 года вмѣсто графа Гурьева Е. Ф. Канкрина, начинается господство покровительственной системы въ экономической политикѣ Россіи, которая продолжается въ теченіе четверти столѣтія. При графѣ Канкринѣ таможенный тарифъ подвергался измѣненіямъ девять разъ: въ 1824, 1825, 1826, 1830, 1831, 1836, 1838, 1841 и 1842 годахъ. Цѣли этихъ измѣненій были, преимущественно, покровительственныя, но не упускались изъ виду и интересы фиска (стр. 50).

Съ выходомъ въ отставку графа Канкрина, немедленно началась агитація въ пользу ослабленія покровительственной системы. Мнѣніе графа Орлова, предсѣдателя Государственнаго Совѣта, одержало верхъ, и 17 апрѣля 1845 года опубликованы первыя измѣненія въ таможенномъ тарифѣ, въ смыслѣ свободы торговли. Вслѣдъ затѣмъ въ 1848 году были начаты работы по общему пересмотру таможеннаго тарифа, причемъ главнымъ дѣятелемъ былъ Людвигъ Валеріановичъ Тенгоборскій, авторъ изслѣдованія *Etudes sur les forces productives de la Russie*, вышедшаго въ 1853—56 годахъ. Большинство членовъ учрежденнаго по представленію министра финансовъ Брока комитета были сторонники свободной торговли, что̀ отразилось въ новомъ таможенномъ тарифѣ, опубликованномъ 25 апрѣля 1857 года.

Въ 1867 году опять начаты работы по общему пересмотру тарифа и изданъ тарифъ 1868 года, которымъ „заканчивается въ Россіи періодъ увлеченія идеями свободной торговли и со второй половины семидесятыхъ годовъ начинается поворотъ къ покровительственной политикѣ“ (стр. 65).

Таково содержаніе, въ общихъ чертахъ, доклада Московскому Отдѣленію Общества для Содѣйствія Русской Промышленности и Торговлѣ, посвященнаго разсмотрѣнію русскаго законодательства о таможенномъ тарифѣ въ историческомъ его развитіи, со времени *Русской Правды* до нашихъ дней.

Изложенное содержаніе доклада о свободной торговлѣ и покровительственной системѣ въ Россіи указываемъ на то, что авторъ задался мыслью представить Московскому Отдѣленію Общества для Содѣйствія Русской Промышленности и Торговлѣ *конспектъ внѣшней исторіи* таможеннаго законодательства въ нашемъ отечествѣ. Цѣль эта вполнѣ достигнута въ названномъ докладѣ, кратко обозрѣвающемъ главнѣйшіе памятники таможеннаго законодательства въ Россіи. Читая настоящій докладъ мнѣ казалось, что подобныя работы соотвѣтствуютъ краткимъ очеркамъ, помѣщаемымъ въ *изданіяхъ лексиконныхъ* въ разъясненіе извѣстнаго спеціальнаго вопроса. Такъ въ экономическомъ лексиконѣ на предметъ „таможенное законодательство въ Россіи“ разсмотрѣнная нами работа была бы вполнѣ умѣстна, давая читателю надлежащія указанія для дальнѣйшаго подробнаго изученія вопроса о свободѣ торговли и покровительственной системѣ въ Россіи.

А. Борзенко.

8 апрѣля 1891 года.

ВЪ АВГУСТѢ ОТКРЫВАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ

и

ПСИХОЛОГІИ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

(Съ 1-го ноября.)

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

На годъ безъ доставки 6 руб., съ доставкой и пересылкой— 6 руб. 50 коп.; за границу—7 руб. 50 коп. На годъ и два мѣсяца (съ 1-го ноября 1891 г. по 1-е января 1893 г.) безъ доставки 7 руб. 50 коп., съ доставкой и пересылкой — 8 руб., за границу — 9 руб. 50 коп. **Лица, желающія подписаться съ 1-го ноября 1891 г. по 1-е января 1893 г., могутъ пользоваться разсрочкой:** при подпискѣ вносится 4 руб. 50 коп. (безъ дост.), 5 руб. (съ перес.), или 6 руб. 50 к. (за границу), и **не позже 1-го марта** остальные 3 рубля Члены Психологическаго Общества, учащіеся, сельскіе учителя и священники пользуются скидкой въ 2 р. Отдѣльная книга журнала стоитъ 1 р. 50 к., съ пересылкой 1 руб. 75 коп.

Остающіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры журнала за первый годъ (четыре книги) продаются по 6 руб., съ пересылкой 7 рублей.

Подписка, кромѣ редакціи **„Русской Мысли“** и книжныхъ магазиновъ **„Новаго Времени“** (Спб., Москва, Одесса и Харьковъ), **Карбасникова** (Спб., Москва, Варшава), **Вольфа** (Спб. и Москва), **Оглоблина** (Кіевъ) и др., принимается въ конторѣ журнала: **Москва, Чистые Пруды, д. Мейнгардъ.**

За перемѣну адреса контора проситъ прилагать 20 к. марками.

По дѣламъ редакціи просятъ обращаться *въ Москву, Чистые Пруды, д. Мейнгардъ.* Личный адресъ Н. Я. Грота (съ 1-го іюня по 15-е августа): *с. Урусово*, Раненбургскаго уѣзда, Рязанской губ.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

Казанскаго Университета.

НА 1891 ГОДЪ.

Въ **Ученыхъ Запискахъ** помѣщаются:

I. въ отдѣлѣ наукъ: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій Университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при Университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, состоявшихъ близко къ Казанскому Университету, обозрѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV Приложеніе: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ періодически шесть разъ въ годъ книжками въ размѣрѣ не менѣе 15 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать въ редакціи по 1 р. 50 к. Подписка принимается въ Правленіи Университета.

3—0. Редакторъ **Ѳ. Мищенко.**

О ПОДПИСКѢ НА 1891 ГОДЪ

НА

литературно-политическій и научный журналъ

РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ выходитъ безъ предварительной цензуры, 15 числа каждаго мѣсяца, книжками по тридцати листовъ, по слѣдующей программѣ: 1) **Изящная словесность:** оригинальные и переводные романы, повѣсти, разсказы, драматическія произведенія, стихотворенія и т. д. 2) **Науки:** философія, исторія, естествознаніе, военныя науки и проч. 3) **Обозрѣніе:** внутреннее, экономическое и иностранное. 4) **Хроника:** литературная, научная, музыкальная, театральная и художественная. 5) **Критика,** библіографія. 6) **Корреспонденціи.**

БЛИЖАЙШЕЕ УЧАСТІЕ ПРИНИМАЮТЪ:

Въ литературномъ отдѣлѣ: **А. Н. Апухтинъ, Н. Д. Ахшарумовъ, кн. М. Н. Волконскій, П. И. Вейнбергъ, И. А. Гончаровъ, В. П. Желиховская, В. П. Клюшниковъ, М. В. Крестовская, Котъ-Мурлыка, гр. А. А. Кутузовъ, К. Н. Леонтьевъ, Н. С. Лѣсковъ, К. Орловскій, Я. П. Полонскій, Радда-Бай, гр. Е. А. Саліасъ, А. А. Смирновъ, Д. И. Стахѣевъ, А. Стернъ, А. А. Фетъ, А. П. Чеховъ, П. П. Шатохинъ, І. І. Ясинскій (Максимъ Бѣлинскій)** и др.

Въ научно-политическомъ отдѣлѣ: **П. В. Безобразовъ, Л. Б. Бертенсонъ, А. А. Борзенко, Ѳ. И. Буслаевъ, Н. П. Вагнеръ, С. Васильевъ, А. Н. Веселовскій, А. И. Воейковъ Л. Н. Вороновъ, Н. М. Горбовъ, В. А. Грингмутъ, Н. Я. Гротъ, И. И. Дубасовъ. Н. А. Звѣревъ, Н. Ю. Зографъ, гр. П. А. Капнистъ, Н. Д. Кашкинъ, А. И. Кирпичниковъ, А. А. Кирѣевъ, Д. А. Коропчевскій, Г. А. Ларошъ, Н. А. Любимовъ, Л. Н. Майковъ, Е. Л. Марковъ, А. И. Незеленовъ, Э. Л. Радловъ, С. А. Рачинскій, В. И. Сафоновъ, В. В. Святловскій, Вл. С. Соловьевъ, М. П. Соловьевъ, Н. Н. Страховъ** и др.

ИНОСТРАННЫЕ СОТРУДНИКИ:

Бретъ-Гартъ (Bret-Harte), **П. Бурже** (Paul Bourget). **М. де-Вогюэ** (Melchior de-Vogüé), **Г. Вельшингеръ** (Henri Welschinger), **Г. Аликсъ** (Gabriel Alix) **П. Леруа-Больэ** (Paul Leroy-Beaulieu) **Э. Гартманъ**) (Eduard von Hartmann), **Г. Джемсъ** (Henry James), **Ж. Симонъ** (Jules Simon), **В. Стэдъ** (William Stead) и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На полгода.
Безъ доставки и пересылки	15 р. 50 к.	8 р. — к.
Съ доставкой въ Москвѣ	16 „ — „	8 „ 50 „
Съ пересылкой иногороднымъ ..	17 „ — „	9 „ — „

Подписка принимается въ конторѣ журнала: **Москва, Тверской бульваръ, домъ Зыкова, № 46,** въ книжныхъ магазинахъ: *Новаго Времени*, Вольфа, Оглоблина (въ Кіевѣ), въ конторѣ Н. Печковской и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Для подписывающихся въ конторѣ журнала допускается разсрочка.

При перемѣнѣ адреса городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., а иногородные, переходя въ городскіе—40 коп.

Заявленія о неисправности доставки сообщаются въ редакцію журнала не позже, какъ по полученіи слѣдующей книги.

Издатель Н. Боборыкинъ. **Редакторъ князь Д. Цертелевъ.**

РУССКОЕ
ОБОЗРѢНІЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ и НАУЧНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

1891.

ІЮНЬ.

Москва.

Университетская типографія, Страстной бульваръ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Стр.

I. РАЗБОЙНИЦА ОРЛИХА. Романъ въ трехъ частяхъ. Гл. VIII—X. (Конецъ второй части.) **Е. Л. Маркова**..... 463

II. ЭТИКА ВЪ ЗООЛОГІИ. Гл. III—IV. **Н. П. Вагнера**.... 501

III. БЕЗЛУННАЯ НОЧЬ. (Стихотвореніе.) **Гр. П. Бутурлина.** 535

IV. МАЙОРАТЪ. (Разсказъ.) **Е. Т. А. Гофмана.** (Переводъ съ нѣмецкаго.)..... 537

V. О СНОШЕНІЯХЪ РОССІИ СЪ ФРАНЦІЕЙ. Гл. XIX—XXII. **П. В. Безобразова**..... 609

VI. НАТАША КРИНИЦКАЯ. (Повѣсть.) **Р. М—хина**..... 661

VII. ВЪ ПОДЗЕМНЫХЪ ПЕЩЕРАХЪ ІУДЕИ. Гл. I—VI. **А. В. Елисѣева**..... 724

VIII. ЦАРИЦА ЛѢСОВЪ. Гл. I—II. **Андрэ Тёрье**. (Переводъ съ французскаго.)..... 765

IX. ТЕАТРАЛЬНАЯ ХРОНИКА. **С. Васильева**..... 795

X. ПИСЬМА ИЗЪ ПАРИЖА. (Спеціальная корреспонденція.) Письмо VI. **Г. Вельшингера**..... 812

XI. ПИСЬМА ИЗЪ ЛОНДОНА. (Спеціальная корреспонденція.) Письмо VI. **В. Т. Стэда**..... 833

XII. ТЕКУЩІЕ ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ. VI. Вооруженіе или разоруженіе? **Spectator**..... 843

XIII. СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ. Посѣщеніе Москвы Государемъ Императоромъ и Государыней Императрицей. — Двѣ выставки. — Объѣздъ Московской губерніи Великимъ Княземъ Сергіемъ Александровичемъ. — А. А. Кирѣевъ и Вл. С. Соловьевъ о славянофильствѣ и о свободѣ совѣсти. — Татищевъ о Бисмаркѣ. — Парламентаризмъ во Франціи. — В. П. Коховскій..... 858

XIV. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ. **Л. Н. Воронова**..... 867

XV. КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ:

1) Барсуковъ И. *Графъ Николай Николаевичъ Муравьевъ-Амурскій.* (Матеріалы для біографіи.) Москва, 1891, **П. В. Безобразова**..... 840

2) *Марціалъ.* Біографическій очеркъ графа Олсуфьева. **Д. И. Павлова**..... 913

3) *Климатическое лѣченіе вообще и наши климатолѣчебныя мѣста.* Южный Берегъ Крыма и Кавказское Черноморское побережье. (Сравнительное изслѣдованіе.) Профессора Ир. П. Скворцова. Спб. 1891 года. **М. Н. Глубоковскаго**.. 918

РАЗБОЙНИЦА ОРЛИХА.

(Изъ мѣстныхъ преданій XVIII вѣка.)

РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Уколовская попадья.

Прокуроръ Московской губерніи, коллегіи ассессоръ Тюфяковъ, пріѣхалъ гораздо скорѣе, чѣмъ ожидалъ князь Солово-Чембуровъ, и чѣмъ думалъ Алексѣй.

Трегубовъ зналъ объ его пріѣздѣ уже гораздо раньше, чѣмъ князь Чембуровъ. Ему давно далъ объ этомъ вѣсточку изъ Питера его довѣренный по всѣмъ его кляузнымъ дѣламъ, старый пріятель его Нащокинъ. Но тяжкая болѣзнь скрутила старика, и его обычная изобрѣтательность, столько разъ отводившая отъ него грозившую опасность, не могла теперь придти къ нему на помощь. У него не было подручнаго человѣка, которому можно было бы довѣриться, какъ самому себѣ; Наташкинъ былъ плутъ и трусъ, и въ опасную минуту могъ продать; да у него и не было широкой остроумной сообразительности, безъ которой въ крупныхъ дѣлахъ не сдѣлаешь ничего. Его хватало только на мелкое сутяжничество. А главное, Трегубовъ первый разъ въ жизни не чувствовалъ подъ собою твердой почвы: у него совсѣмъ не было денегъ. Болѣе ста двадцати тысячъ рублей серебряными карбованцами и тысячъ пятьдесятъ голландскими червонцами запрятано было въ его сокровищницѣ, которую въ ту проклятую ночь на его

глазахъ вырвала у него проклятая Орлиха. Теребужъ лежалъ разграбленный и сожженный, бо́льшая часть его деревень и хуторовъ въ Бѣлгородской провинціи разбѣжались и не платили оброковъ. Только далекія вотчины Костромскія, Ярославскія и Подмосковныя еще не переставали по старому высылать барину установленныя дани и выходы. Безъ денегъ Трегубовъ былъ какъ безъ рукъ, безъ головы. А ихъ требовалось много, очень много, чтобы сразу и павѣрняка повернуть всѣ дѣла въ свою пользу. О прокурорѣ Тюфяковѣ доносили ему подробныя вѣсти и изъ Питера, и изъ Москвы. И всѣ эти вѣсти, при всемъ ихъ разнообразіи, приводили къ одному выводу: побольше денегъ, съ маленькимъ хоть не суйся!... Трегубовъ послалъ Наташкина въ Ливны—достать тысячъ двадцать пять рублей у знакомаго купца, а самъ былъ настолько взволнованъ ожидавшимся прибытіемъ Тюфякова, что несмотря на болѣзнь рѣшился переѣхать въ свой Заратскій хуторъ, гдѣ уже давно устраивалась понемножку Варвара Михайловна; такія дѣла не возможно было раздѣлывать въ чужомъ многолюдномъ домѣ, на глазахъ всѣхъ. Тюрьма не свой братъ, а всѣ знавшіе сноровку Тюфякова предупреждали Трегубова, что грозный слѣдователь до страсти любитъ заколачивать обвиняемыхъ въ остроги раньше, чѣмъ узнаетъ что-нибудь объ ихъ винѣ... Тамъ жалуйся и доказывай потомъ, а какъ потащутъ съ барскихъ хоромъ на казенную квартиру—и осрамленъ на весь вѣкъ!..

Въ первый же день, какъ перебрался Трегубовъ въ небольшіе хоромы своего Заратскаго хутора, ему уже стало не по себѣ. Хуторъ этотъ онъ отбилъ лѣтъ десять назадъ всякими неправдами отъ своего мелкопомѣстнаго сосѣда Денисова, который послѣ рѣшенія суда съ горя повѣсился на старой березѣ передъ тѣмъ самымъ мирнымъ балкончикомъ, выходившимъ въ садъ, на которомъ онъ любилъ посиживать по утрамъ, подсвистывая соловьевъ и чижей...

Эта старая береза, нависшая своими плакучими вѣтками надъ крошечнымъ цвѣтникомъ, какъ разъ противъ оконъ кабинета, была теперь невыносима Степану Матвѣичу, котораго болѣзнь и неудачи сдѣлали еще болѣе раздражительнымъ. По вечерамъ она бѣлѣла и качалась передъ окнами, будто исполинское живое существо, и шептала своими старческими многоруслыми вѣтвями загадочныя рѣчи, словно передавала кому-то, грозному и властному, слушавшему ее въ темнотѣ,—какую-нибудь страшную тайну...

Степанъ Матвѣичъ былъ вовсе не суевѣренъ и никогда не обладалъ особеннымъ воображеніемъ. Онъ привыкъ бояться только опасностей совершенно реальныхъ, въ родѣ краснаго пѣтуха или ножа разбойника, и никогда не останавливался праздною мечтой на дѣтскихъ вымыслахъ о привидѣніяхъ и выходцахъ съ того свѣта.

Но, подорванный тяжкою болѣзнью, сломившею даже его желѣзный характеръ и его желѣзную натуру, онъ теперь съ безотчетнымъ трепетомъ вслушивался каждую ночь въ этотъ таинственный говоръ березы. Внутренними очами своими, даже сквозь ставни и тьму ночи, онъ по цѣлымъ часамъ смотрѣлъ въ ужасѣ на тихо качавшееся среди этихъ безчисленныхъ качающихся зеленыхъ косъ березы тѣло повѣшаннаго... Оттуда, сквозь вѣтви этой березы, тоже неотступно смотрѣли на него въ упоръ, пронизывая собою стѣны стараго дома, два знакомые помертвѣвшіе глаза, полные нѣмой укоризны...

Степанъ Матвѣичъ нѣсколько разъ хотѣлъ отдать приказъ срубить эту мучившую его березу. Но каждый разъ какое-то необъяснимое чувство стыда и страха останавливало его. Всякій сейчасъ пойметъ, думалось ему, за что̀ я ее срублю. Пойдутъ сейчасъ толки, да росказни! Смерть этого не люблю. Вотъ, скажутъ, струсилъ, не посмѣлъ на нее глядѣть. Чуетъ вину свою.

А какая моя вина? Развѣ я самъ что ли у него отнялъ, какъ разбойникъ? На то суды есть. Судъ по закону все дѣлаетъ. Вольно-жь ему было вздернуть себя какъ собаку на веревку... Мало ли кто дѣла проигрываетъ и поважнѣе этого, а не вѣшаются же!..

На третій же день по пріѣздѣ, онъ рѣшился было переѣхать изъ Заратскаго и приказалъ уже наскоро отдѣлывать пустовавшій флигель въ дальнемъ его Бѣлгородскомъ помѣстьи Дмитріевскомъ на большой чугуевской дорогѣ.

А тѣмъ временемъ, несмотря на мучившую его болѣзнь и на потерю силъ, онъ цѣлые дни работалъ въ своемъ жарко натопленномъ кабинетѣ, укутавшись въ бѣлячью шубку и забравшись съ ногами въ огромное вольтеровское кресло, обложенное подушками и всегда стоявшее противъ топившагося камина. Три писаря писали въ разныхъ углахъ продиктованныя имъ бумаги, а откидные столики и пюпитры его кресла всѣ были завалены толстыми книжками законовъ и указовъ, въ которыхъ онъ то и дѣло рылся.

Варвара Михайловна не смѣла и близко подходить къ дверямъ кабинета, когда начиналась эта канцелярская работа, и, полная благоговѣйнаго страха, только бѣгала на цыпочкахъ кругомъ, предупреждая малѣйшій шумъ. Неумолимо строгій распорядокъ барской жизни поддерживался здѣсь съ тою же неотступною настойчивостью, какъ бывало и въ Теребужѣ. Лакеи попрежнему по цѣлымъ часамъ неподвижно стояли вдоль стѣнъ, съ тарелками подъ мышкой, съ салфетками черезъ плечо, передъ парадно накрытымъ давно готовымъ столомъ, вокругъ котораго тоскливо бродила бѣдная Варвара Михайловна, не знавшая какъ рѣшиться еще разъ напомнить суровому владыкѣ о простывавшихъ щахъ.

Степанъ Матвѣичъ былъ въ этотъ день довольнѣе, чѣмъ обыкновенно, и потому довольно рано вышелъ къ обѣду. Онъ натолкнулся на такую ловкую статью въ старыхъ Петровскихъ уложеніяхъ, которой и самъ до сихъ поръ не подозрѣвалъ, и которая давала ему теперь возможность перевернуть по своему все дѣло о размежеваніи дачи Стараго Займища, стоившее ему столькихъ напрасныхъ хлопотъ и потраченныхъ денегъ... Онъ даже милостиво сообщилъ объ этой радости жалостливо вздыхавшей Варварѣ Михайловнѣ, чего уже давно не случалось, и что̀ до слезъ обрадовало благоговѣйно преданную ему старушку...

— Хочу проѣхаться на Муравскій хуторъ! Теперь тепло стоитъ; можетъ и получшаетъ немного отъ свѣжаго воздуха! сказалъ онъ послѣ обѣда Варварѣ Михайловнѣ.—Титычъ! Вели Мишкѣ Усана заложить въ маленькія санки съ козырькомъ... Андрюшка лакеемъ поѣдетъ.

Онъ прошелся съ усиліемъ по комнатѣ, опираясь на свой костыль, и вдругъ остановился и пристылъ къ окну, выходившему на дворъ...

Сухощавая, вся увязанная ковровыми платками, старуха тяжело вылѣзла изъ дорожныхъ парныхъ санишекъ, остановившихся около конюшни за оградой двора, и робко шла теперь черезъ дворъ, оглядываясь на собакъ и стараясь прятать отъ нихъ палочку, на которую она опиралась.

Что-то очень знакомое почудилось Степану Матвѣичу въ фигурѣ этой пріѣзжей, но онъ никакъ не могъ дать себѣ яснаго отчета, кто она, и откуда, хотя тяжелое чувство инстинктивно охватило его. Онъ безпокойно всматривался въ ея лицо, по мѣрѣ того, какъ она подобострастно приближалась къ дѣвичьему крыльцу дома, и вдругъ поблѣднѣлъ и торопливо отошелъ отъ окна.

— Неужто-жь она?... И въ такое время?.. Какъ разъ подъ руку... прошепталъ онъ растерянно...— Какой сатана надоумилъ ее!...

— Титычъ! крикнулъ онъ торопливо.—Тамъ старуха пріѣзжая на дѣвичью прошла, попадья Уколовская, проведи ее сейчасъ же прямо въ кабинетъ... Да не давай ей съ этими шлюхами болтать. Въ кабинетъ прямо, какъ она есть... Слышишь!

— Слушаю, батюшка Степанъ Матвѣичъ, на бѣгу отвѣтилъ лысый Титычъ, бросаясь въ дѣвичью. По его спѣху было видно, что онъ и безъ барина понялъ всю важность порученнаго дѣла.

Трегубовъ поморщился, злобно глядя ему въ слѣдъ.

— Все, подлецъ, знаетъ, прошепталъ онъ самъ себѣ.—Хорошо, коли не продастъ... Душа-то у него, у анаѳемы, жадна, какъ у жида...

— Здравствуй, Фіона Ивановна, какими судьбами къ намъ? Вотъ сколько лѣтъ, сколько зимъ съ тобой не видались... Съ принужденною развязностью встрѣтилъ Трегубовъ въ своемъ кабинетѣ входившую старуху. Писарей его тутъ не было, а старуха осторожно притворила за собою дверь изъ коридора.

— Добраго вамъ здравія и въ дѣлахъ вашихъ благаго поспѣшенія, сударь нашъ, батюшка Степанъ Матвѣичъ, съ низкимъ поклономъ отвѣтила старуха, остановясь раболѣпно у притолки со сложенными на животѣ руками, въ которыхъ она держала для приличія опрятный ситцевый платочекъ.—Какъ васъ Господь милуетъ, благодѣтель нашъ милосливый? Всѣ ли по добру, по здорову?

— Спасибо, Фіона Ивановна, здоровье-то вотъ плохо совсѣмъ стало, умирать собираюсь... Цѣлый почти мѣсяцъ чуть ноги волоку... Оно и то сказать, не молоденькіе мы съ тобой... Пора костямъ на покой... А тутъ еще Богъ посѣтилъ... Ну, какъ Ѳеклуша наша поживаетъ?... вдругъ перебилъ онъ самъ себя притворно веселымъ голосомъ.—Рада небось, что къ матушкѣ подъ юпку забралась?..

— Ѳеклуша?.. испуганно выпучивъ глаза, повторила попадья.— Какъ Ѳеклуша? Да Ѳеклуша-жь у вашей милости?..

— Что ты, Фіона Ивановна, шуточки что ли со мной шутить вздумала на старости лѣтъ? спокойно улыбался Степанъ Матвѣичъ.—Уѣхала къ тебѣ дѣвка какой ужь мѣсяцъ, а ты притво-

ряешься, что не знаешь... Али, думаешь, отнимать стану? Не бойся, матушка Фіона Ивановна, теперь ужь у тебя не отберу; выростилъ тебѣ лебедушку, кажется, не можешь пожаловаться... Теперь уже тебѣ утѣшаться...

— Степанъ Матвѣичъ!.. Отецъ родной!.. Не смѣйся ты надо мной горемычной!.. Тебѣ игрушки, а мнѣ слезки... Гдѣ моя Ѳеклуша?!

— Да ты право, Фіона Ивановна, бѣлены объѣлась. Четыре мѣсяца назадъ дѣвка къ ней отпрашивалась, а она сюда ѣдетъ ее искать... Въ умѣ ты что ли, старая?

— Охъ! ужь и сама не знаю, батюшка Степанъ Матвѣичъ! И большаго-то ума тутъ рѣшишься, а ужь моего бабьяго и подавно... Какъ же это такъ? Что это такое ты говоришь несодѣйное?.. Коли-бъ дочка ко мнѣ поѣхала, у меня-бъ и была... Батюшка! отецъ милостивый!.. Прикажи мнѣ Ѳеклушу мою показать... Дорого дитятко родное сердцу материнскому. Хоть глазкомъ однимъ дай ее увидѣть, гдѣ она у тебя?.. громко умоляла старуха, вдругъ съ плачемъ повалившись въ ноги Трегубову.

— Да неужто-жь и вправду она не у тебя? сильно смущенный, спросилъ Трегубовъ.—Ну чего валяешься? Что я икона что-ли?..

— Не у меня, отецъ милосливый, не у меня... видитъ Богъ не у меня... твердила старуха, отчаянно мотая головой и не поднимаясь съ пола.—Коли бы у меня была, зачѣмъ бы я въ даль этакую на сторону чужую поднялась?.. Чего я тутъ не видала?..

— Чудное, право, дѣло!.. коли правду говоришь... какъ бы въ недоумѣніи говорилъ Трегубовъ.—И подумать что не знаешь. Развѣ не загубили ли ее по дорогѣ какіе люди лихіе? Теперь вѣдь всѣ дороги ворами да разбойниками кишатъ. Ограбили, бываетъ, да и придушили, а тамъ стащили куда-нибудь за ноги въ оврагъ, поминай какъ звали!..

— Охъ, статочное ли это дѣло, отецъ милостивый, статочное ли дѣло дѣвкѣ одной въ дороги дальнія ѣздить... Съ кѣмъ же да нибудь ты ее отправилъ?.. Не собаку вѣдь шелудивую со двора согналъ...

— Ну вотъ, хочешь, Титыча тебѣ позову, старый твой пріятель; Титычъ съ Грушкой и отвозили ее. До самаго Тамбова провожали по приказу моему, а тамъ, ты сама знаешь, всего сорокъ верстъ; наняли ей ямщика съ повозкой... Съ рукъ на

руки сдали... Не одна вѣдь и поѣхала. Старушки двѣ съ нею и еще третья женщина съ вашихъ мѣстъ... Титычъ небось и имя ея помнитъ... Говоритъ знакомая твоя, сусѣдка... Сумлѣнья никакого быть не могло, чтобы такую малость не доѣхать... Можно сказать, на своемъ ужь полѣ...

— Да нѣтъ, нѣтъ! Что ты, родимый! Статься этого не можетъ! Въ Тамбовѣ народъ все извѣстный... Опять же близко. Слушки-бъ какіе были... Никогда этого не могло быть... А она здѣсь у тебя... Отдай ты мнѣ ее, ради Христа!.. Слѣдки всѣ твои цѣловать буду... билась на полу несчастная старуха, обнимая ноги Трегубова.

— Да что ты, что ты въ самомъ дѣлѣ, Фіона Ивановна? разсерженно уговаривалъ ее Трегубовъ.—Что-жь я дочку твою прятать что-ли буду? Зачѣмъ она мнѣ?.. Была бы здѣсь, ты-бъ ее и видѣла... Не первый, кажется, разъ пріѣзжаешь..

— Здѣсь она, охъ, здѣсь! Сердце мое материнское чуетъ, что она здѣсь! Отдай ты мнѣ ее Бога ради, Степанъ Матвѣичъ, не губи свою душу!..

— Да тише ты, тише, сумашедшая! Чего орешь! испуганно останавливалъ ее растерявшійся Трегубовъ.—Ну, сама посуди, что ты городишь? На какой рожонъ буду я прятать твою Ѳеклушу?..

— Охъ, сказывали мнѣ, все сказывали! въ отчаяньи, захлебываясь своими слезами и криками, продолжала Фіона Ивановна, сказывали мнѣ люди, да я не вѣрила... Не могла такому грѣху повѣрить...

— Да дура ты!.. не ори, говорятъ... Что сказывали-то?.. Вздоръ все какой-нибудь...

— Сказывали мнѣ, что хочешь ты Ѳеклушу полюбовницей своей сдѣлать... шепотомъ ужаса медленно произнесла старуха, пристывъ къ глазамъ Трегубова своими обезумѣвшими глазами.

— Городи еще что-нибудь!.. усмѣхнулся притворно-равнодушною искаженною усмѣшкой Трегубовъ.—И радъ бы, матушка, въ рай, да ужь давно грѣхи не пускаютъ... Погулялъ на своемъ вѣку, а теперь только приходится глазами скоромиться... Никуда ужь, голубушка, не годенъ... Укатали сивку крутыя горки.

— У тебя она, Степанъ Матвѣичъ! Отдай мнѣ дочь! Издохну на твоемъ порогѣ, а безъ дочери не уйду, хоть собаками прикажи травить... тихо, но рѣшительно сказала Фіона, устремивъ на боярина глаза помѣшанной.

Она вся поблѣднѣла и зубы ея судорожно стиснулись.

— Сложишь ты меня въ гробъ со своими приставаньями! И такъ ужь насилу живъ... въ изнеможеніи опускаясь въ свое кресло, сказалъ съ досадой Трегубовъ, невольно отвертываясь отъ глядѣвшихъ на него съ какою-то безумною торжественностью глазъ попадьи.—Уйди, ради Бога!.. Чего тебѣ нужно отъ меня?.. Если подачку какую выклянчить хочешь, говори прямо.

— Отдай мою дочь, Степанъ Матвѣичъ! Не уйду безъ нея...

— Да глупая ты! чѣмъ же мнѣ побожиться передъ тобою, что нѣтъ у меня твоей дочери?.. Ну, хочешь, образъ сниму, на образѣ побожусь?

— Снимай образъ...

Трегубовъ съ усиліемъ всталъ и, подойдя къ образницѣ, вынулъ изъ нея старую икону въ золотомъ окладѣ...

— Ну вотъ разрази-жь меня на этомъ мѣстѣ Матерь Пресвятая Богородица Казанская, если твоя Ѳеклуша живетъ гдѣ-нибудь у меня!.. взволнованнымъ и нетвердымъ голосомъ произнесъ Трегубовъ, крестясь и цѣлуя икону.—Ну, довольно съ тебя? Отстанешь ты наконецъ? Дашь мнѣ покой?

Фіона впилась своими остановившимися воспаленными глазами въ глаза боярина и нѣсколько мгновеній не произносила ни слова.

— А!.. такъ у тебя нѣту ее! вдругъ взвизгнула она, словно не своимъ голосомъ... Такъ ты убилъ ее, разбойникъ!

— Цыцъ ты, сумашедшая! Чего орешь!.. Водой холодною тебя окатить, чтобъ образумилась...

— Ты убилъ ее! Теперь я все вижу! Матушка Божія показала мнѣ... да я, дура, не вѣрила, другое думала... Теперь прямо въ Ливны къ воеводѣ бѣжать... Суда на тебя, душегубца, просить...

Трегубовъ вспомнилъ вдругъ, что грозный московскій прокуроръ уже долженъ сидѣть теперь въ Ливнахъ. Онъ всталъ съ кресла и шатающеюся походкой подошелъ къ попадьѣ, торопливо обдумывая какъ бы выпутаться.

— Слушай, Фіона!.. Постой! Не уходи!.. заговорилъ онъ.—Виноватъ я точно передъ тобою!.. Ѳеклуша твоя жива, сослалъ я ее съ сердцовъ въ хуторъ свой на Боромлю... Тамъ она и по сей день живетъ, на крестьянскомъ положеніи... Что-жъ! виноватъ... Повинную голову не сѣкутъ—не рубятъ... Прости и ты меня... Увози ты отъ меня дочку свою... Прикажу я тебѣ запречь

сейчасъ повозочку тройкой, благо твои лошадки наморились, дамъ тебѣ Титыча въ провожатые, и онъ тебя къ ночи еще домчитъ къ дочкѣ... А за обиду свою отпишу я на Ѳеклушино имя по кунчей крѣпости тотъ самый хуторишко... На приданое ей...

— И ты, Степанъ Матвѣичъ, сущую правду говоришь? И Ѳеклушечка моя, стало, точно жива? Не вѣря своимъ ушамъ, спрашивала Фіона, остановясь какъ вкопаная у двери, за ручку которой было взялась.

— Да что жь мнѣ говорить! Гляженное тверже сказаннаго... Нонче же сама ее увидишь! стараясь весело улыбнуться, отвѣчалъ Трегубовъ...—А меня ты прости, ради Бога...

— Богъ проститъ, батюшка Степанъ Матвѣичъ, а ужь намъ грѣшнымъ какъ не прощать... радостно взговорила вся просіявшая Фіона Ивановна.—Прости и ты меня на моихъ словахъ глупыхъ... Материнское-то сердце разгарчиво... Не сдержишь... Теперь бы золото мое безцѣнное мнѣ сыскать... Только ѣхать сію минуточку прикажи, батюшка Степанъ Матвѣичъ, ужь яви такую милость...

— Сейчасъ и прикажу... опаздывать зачѣмъ... Дѣло зимнее. А ты, пока лошадей запрягутъ, успѣешь поѣсть съ дорожки. Зайди-ка равно въ спальню къ Варварѣ Михайловнѣ, она, старая, тебѣ обрадуется и чайкомъ побалуетъ... Только не проговорись, смотри!

— Зайду, зайду, какъ не зайти... къ благодѣтельницѣ моей... А болтать мнѣ—не тѣ года... успокойла его Фіона Ивановна, уходя вся радостная изъ кабинета.

Степанъ Матвѣичъ, забывъ свою болѣзнь, почти бѣгомъ выбѣжалъ въ переднюю. Титычъ, сразу почуявшій, зачѣмъ явилась попадья, и уже давно привыкшій къ тому, что безъ него не обходилось ни одно трудное дѣльцо Степана Матвѣича, нарочно не уходилъ изъ передней, гдѣ онъ сидѣлъ теперь, читая сквозь круглыя очки засаленную книжку...

Степанъ Матвѣичъ позвалъ его тихимъ голосомъ, чтобы не слышно было въ другихъ комнатахъ и заперся съ нимъ на ключъ въ кабинетѣ.

— Вотъ что, Титычъ! повелительно сказалъ онъ ему, усѣвшись въ свое кресло и съ трудомъ переводя дыханіе.—Попадья

все пронюхала... Надо отъ нея отдѣлаться какимъ бы путемъ ни пришлось... А то всѣ подъ бѣду попадемъ. Теперь же какъ нарочно прокуроръ этотъ наѣхалъ... Того и гляди, наведутъ его... Я вотъ что̀ придумалъ: вези ты ее сейчасъ будто бы на хутора въ Боромлю... Запряги кибитку тройкой разгонныхъ, нѣмаго на козлы... Увѣрилъ я ее, что Ѳекла на хутора сослана... Такъ будто за нею поѣдете... Ну, а тамъ самъ смотри... Время ночное, мѣста пустынныя... овраги, лѣса... Приберешь умненько, ни одна собака не отыщетъ... А нѣмой на это ловокъ, его не учить... Обдѣлаешь мнѣ умно это дѣльцо — такъ ужь и быть, подарю тебѣ за службу твою вѣрную Малиновую пасѣку, что̀ ты нанимать хотѣлъ...

— Вѣкъ буду Бога молить за ваше за неоставленіе, батюшка Степанъ Матвѣичъ, низко кланяясь отвѣчалъ лысый камердинеръ.—Мы ваши рабы, вы наши отцы, приказы ваши завсегда должны со всѣмъ своимъ усердіемъ сполнять... Не извольте, батюшка Степанъ Матвѣичъ, ни о чемъ сумлѣваться... Все какъ слѣдуетъ исправлю по вашему повелѣнію барскому... Кажется, изволите знать, не впервой... Вѣдь вотъ и тогда: какъ въ воду кануло, даже и слушковъ никакихъ не пошло...

— Вотъ и это обдѣлай молодцомъ. А на дворнѣ скажи, что въ Тамбовъ отвезти приказано... Ну, ступай, да запрягай живо...

— Да ужь будьте покойны! увѣренно взмахнувъ лысою головой, отвѣчалъ уходившій Титычъ.

Степанъ Матвѣичъ такъ умаялся отъ волненій и хлопотъ, которыя ему надѣлала попадья, что послѣ отъѣзда ея недолго еще посидѣлъ въ своемъ креслѣ и, поговоривъ кос о чемъ съ Варварой Михайловной, съ Наташкинымъ и съ прикащиками, рѣшился лечь пораньше въ постель.

По переѣздѣ въ Заратское онъ спалъ тутъ же въ кабинетѣ на широкомъ турецкомъ диванѣ, съ неразлучнымъ Калмычонкомъ Аюкою у своихъ ногъ.

На этотъ разъ и Аюка, и Степанъ Матвѣичъ оба уснули скоро. Вмѣстѣ съ ними весь маленькій домикъ Заратскаго хутора, а еще раньше его всѣ дворовыя избы мало-по-малу погрузились въ глубокій первый сонъ, и только старый густой садъ, тѣсно облегшій старые хоромы, навалившійся своими вѣтвями на его высокую тесовую крышу, шелестилъ въ темнотѣ жесткими обмерз-

шими вѣтвями, царапавшими крышу какъ когти надоѣдливаго звѣря, скрипѣлъ своими обвѣтшавшими дуплистыми стволами, и гудѣлъ отъ пронзительнаго ночнаго вѣтра словно въ какую-нибудь глухую подъемную трубу тѣсными просвѣтами своихъ переплетшихся сучьевъ и вѣтокъ...

Степанъ Матвѣичъ заснулъ подъ жуткій вой черной ночи, осадившей со всѣхъ сторонъ его одинокій домикъ, и эти унылые звуки невольно перемѣшивались въ его сонной мечтѣ съ быстро чередовавшимися смутными созданіями его болѣзненныхъ грёзъ...

Зловѣщій вой этотъ раздавался въ его сердцѣ, потерявшемъ сознаніе дѣйствительности, все громче, все болѣе и болѣе угрожающе... Нѣтъ, это уже не вѣтеръ, а что-то другое, гораздо болѣе страшное... Что-то стонущее и плачущее, умоляющее и вмѣстѣ грозящее... Какой-то невыносимый для человѣка скрежетъ мертвеца, лязкающаго озябшими челюстями, сухой шелестъ костей, цѣпляющихся и стучащихъ другъ о друга, какое-то надоѣдливое царапаніе когтей невидимыхъ чудищъ ночи, упрямо лѣзущихъ сквозь стѣны, сквозь окна, сквозь крышу—въ маленькую темную комнатку, къ грѣшному ложу Степана Матвѣича...

Неужто-жь пришелъ часъ, и это по душу мою? испуганно грезится сонному боярину. Неужто-жь это бѣсы осадили меня и стучатся ко мнѣ во всѣ окна?.. А кажется, и молитвы всѣ прочиталъ на сонъ грядущій по большому кіевскому требнику и даже молитву Петра Могилы отъ навожденія бѣсовскаго... Стало, они сильнѣе молитвы... Или уже безсильна молитва грѣшника? Да воскреснетъ Богъ и расточатся враги его... Враги его... а я-то самъ развѣ не врагъ?.. Противъ кого молюсь? Противъ себя... Я врагъ, и враги лѣзутъ ко мнѣ... Съ нами сила крестная!.. хочетъ во снѣ перекреститься бояринъ, а рука не можетъ, повисла какъ свинцомъ налитая...

А перекреститься нужно: страшно ужь очень дѣлается за окнами. И чудно́ какъ: ставни, кажется, плотно заперты, Калмычонокъ самъ на глазахъ моихъ запиралъ, старается припомнить во снѣ боярин, а все черезъ нихъ насквозь видно, какъ черезъ стекло... И на дворѣ будто тьма кромѣшная, пойдешь, такъ на свое собственное колѣно наткнешься,—а видно все, какъ въ солнечный полдень, до послѣдняго волоска... Глаза закроешь, зажмуришься крѣпко-на́-крѣпко, такъ и то все видишь еще лучше чѣмъ съ открытыми глазами... Вотъ ужь подлинно чертовщина...

Должно, домъ этотъ проклятый... Черти въ немъ привыкли водиться... А и то сказать, спитъ-то со мной кто? Некрещеная душа; тоже, стало-быть, отродье бѣсовское. Какъ пёсъ вѣдь на полу свернулся и храпитъ, не помолится, не перекрестится. Вотъ онъ къ себѣ ихъ и приманиваетъ... И лѣзутъ къ нему рогатые, да хвостатые... Придется, видно, встать—лампадку затеплить съ масломъ Благовѣщенскимъ, или свѣчу передъ образомъ зажечь, что̀ съ Святаго Гроба странникъ принесъ... размышляетъ во снѣ, трясущійся какъ въ лихорадкѣ, Трегубовъ.— А то до свѣту покою не дадутъ, замучатъ до смерти окаянные!..

Боярину кажется, что онъ встаетъ и силится слѣзть съ дивана... Вотъ онъ осторожно двигается по темной комнатѣ въ уголъ къ иконамъ... Но что̀ же это такое отдѣляется вдругъ оттуда высокое и бѣлое, и медленно наступаетъ на него!.. Что-то, на что̀ глядѣть невозможно, отъ чего тянетъ смертнымъ холодомъ?.. Жесткіе, коротко остриженные волоса Трегубова, кажется ему, отдѣляются отъ черепа вмѣстѣ съ кожей...

— Кто ты, кто ты? Не нужно мнѣ тебя! не ходи!.. Оставь меня въ покоѣ!.. Пощади!.. въ ужасѣ кричитъ онъ, зажмуривая глаза и заслоняясь судорожно вытянутыми руками.

Но бѣлое страшилище надвигается на него и готово охватить его своею широкою мантіей, дымящеюся какъ болотный паръ... Что-то дико хохочущее, какой-то злобно раскрытый ротъ, безглазое лицо скелета съ черными дырами вмѣсто глазъ,— наклоняется надъ нимъ...

— Ага! ты узналъ меня!.. Я Θеклуша, которую ты убилъ! пронзаетъ его сердце, какъ жало змѣи, злорадный шепотъ страшилища.

— Да воскреснетъ Богъ!.. И да расточатся враги его! пробовалъ было выговорить Трегубовъ... Но губы были безсильны подвинуть свинцомъ лежавшій на немъ душный воздухъ, и руки не въ силахъ были пошевельнуться.

А бѣлое страшилище охватило его костлявыми руками и шептало, глядя въ упоръ ему въ глаза, обдавая его леденящимъ дыханіемъ могилы:

— Ты убилъ и мать мою сегодня въ лѣсу... вонъ видишь, она ползетъ мертвая по снѣжному оврагу... съ проломленною головой... Она тоже къ тебѣ ползетъ... Мы всѣ къ тебѣ соберемся... всѣ... всѣ...

Степанъ Матвѣичъ вскрикнулъ такъ, что даже Калмыченокъ, спавшій мертвымъ сномъ, испуганно вскочилъ на ноги.

Трегубовъ сидѣлъ на диванѣ, раскрывъ широко глаза въ темноту, и колотился всѣми жилками...

— Дай воды... да зажги свѣчу... едва былъ въ силахъ произнести боярипъ...

Онъ съ ужасомъ оглядѣлъ при свѣтѣ свѣчи окна кабинета и уголъ съ иконами... Всѣ ставни были притворены, и ихъ сѣрыя доски свѣтились сквозь стекла, легонько стуча о рамы, словно зубы озябшаго человѣка.

Онъ помолчалъ и прислушался. Тишина могилы стояла во всемъ домѣ. А въ старомъ саду, подъ окнами, попрежнему выла, шелестила и царапалась таинственная ночная тьма.

— Отвори образницу, да зажги расписную свѣчу, что̀ тамъ лежитъ... слабымъ голосомъ приказалъ Аюкѣ бояринъ... Да кстати и лампадку затепли... А свѣчу не гаси, пускай на столѣ стоитъ...

„Должно-быть, Титычъ только что покончилъ съ ней. Это ея душа приходила, мучила меня... подумалъ со страхомъ Трегубовъ. Съ утра пошлю паннихиду по ней отслужить въ Спасскую церковь... Можетъ, успокоится...“

Титычъ уже позднимъ-поздно въѣхалъ въ лѣсъ, черезъ который нужно было переѣзжать на рѣчку Боромлю. Онъ молчалъ всю дорогу, обдумывая, какъ бы половчѣе и побезопаснѣе для себя выполнить порученіе, отъ котораго зависѣла теперь участь и его самого, и его боярина. Да и Фіонѣ Ивановнѣ было не до разговоровъ. Ее безъ того растрясло отъ дальней дороги, а тутъ приходилось, не отдыхая, опять пуститься въ нелегкій и неблизкій путь. Ночь упала хмурая, безъ луны, безъ звѣздъ, такъ что съ трудомъ видѣнъ былъ наѣзженный путь. Титычъ много разъ выбиралъ мысленно мѣсто, гдѣ должно было совершиться роковое дѣло. Нѣмому онъ еще дома объяснилъ понятными ему знаками, для чего повезутъ они съ собой старуху, и нѣмой, осклабляясь безсмысленно радостною улыбкой, хвастливо показалъ ему желѣзный шкворень, который онъ засунулъ на этотъ случай подъ передокъ саней. При каждомъ подходящемъ мѣстечкѣ нѣмой начиналъ придерживать лошадокъ и вопросительно оглядывался на Титыча, стараясь прочитать въ его глазахъ, пора или не пора. Но Титычъ все давалъ знать, что еще не пора.

Хотя они ѣхали совершенно глухими настоящими разбойничьими мѣстами, гдѣ въ обыкновенное время никто не могъ бы услышать крика убитой, и никто бы не наткнулся на убійцъ,—однако на этотъ разъ, какъ нарочно, Титычу не везло. Уже со второй версты отъ Заратскаго хутора, съ боковой дорожки выѣхали на ихъ дорогу какія-то легенькія дровнишки, на хорошемъ сытомъ меринѣ, съ тремя сѣдоками.

Двое мужиковъ спали, свернувшись на соломѣ, а третій укутавшись въ свѣжій бараній тулупъ сверхъ дубленаго полушубка, сидѣлъ не то задомъ, не то бокомъ къ лошади, такъ что Титычъ никакъ не могъ разглядѣть его лица.

Проѣзжіе эти съ перваго же раза показались подозрительными опытному глазу Титыча, особенно ихъ хорошая лошадь, не похожая на мужицкую, и вовсе не подъ стать дряннымъ санишкамъ.

Титычъ все время не спускалъ съ нихъ глазъ и терялся въ догадкахъ, что̀ это за люди, и куда ѣдутъ. А они словно прицѣпились къ санямъ Титыча и нигдѣ не отставали отъ него. Сильный шагистый меринъ не давалъ уйти отъ себя барской тройкѣ, изрядно-таки избитой частымъ разгономъ.

Титычъ начиналъ не на шутку побаиваться, что они не бросятъ его до самой Боромли и не дадутъ ему сдѣлать свое дѣло. Онъ уже подумывалъ, не свернуть ли самому куда-нибудь въ сторону и добраться до хутора объѣздными дорожками; но время было темное и мѣста не на столько извѣстныя, чтобъ отважиться на это.

По счастью для него, при въѣздѣ въ лѣсъ дорога раздвоилась; тройка его обогнала въ это время чужія санишки, такъ что онъ свернулъ налѣво раньше, чѣмъ они могли это замѣтить... Въ лѣсу даже и днемъ нельзя бы было увидѣть, куда направилась тройка, и Титычъ вздохнулъ наконецъ свободнѣе. Онъ постоялъ немного посреди лѣса, чтобъ увѣриться, что чужая одиночка не попала на его дорожку, и не спѣша поѣхалъ дальше. Въ лѣсу, впрочемъ, невозможно было ѣхать скоро отъ ухабовъ и сугробовъ, набившихся между деревьевъ. Титычъ зналъ, что съ версту дальше лѣсная дорога спускается въ глубокій яръ, и твердо рѣшился не откладывать дѣла дальше...

Когда тройка стала черезъ нѣсколько минутъ спускаться въ оврагъ, онъ сошелъ съ облучка, на которомъ сидѣлъ, какъ-будто чтобъ облегчить лошадей, и толкнувъ значительно локтемъ нѣмаго, пошелъ сзади кибитки...

Фіона Ивановна, должно-быть, спала, потому что въ кибиткѣ царствовало глубокое молчаніе.

Нѣмой не торопясь замоталъ вожжи за головашки кибитки, не торопясь вытащилъ изъ-подъ соломы тяжелый желѣзный шкворень, и обернулся назадъ. Но какъ ни вглядывался онъ своими звѣриными глазами въ темноту кибитки, а никакъ не могъ разглядѣть, гдѣ въ эту минуту находилась голова попадьи...

Тогда онъ остановилъ тройку и привставъ на колѣни весь перегнулся назадъ подъ рогоженый верхъ...

— Что ты, голубчикъ, чего тутъ тебѣ? слабымъ голосомъ окликнула его перепуганная Фіона Ивановна, только-что раскрывшая глаза при неожиданной остановкѣ кибитки...

Нѣмой ощупалъ въ темнотѣ лѣвою рукой ея лицо и въ ту самую минуту, какъ Фіона Ивановна отчаянно крикнула:

— Батюшки! спасите! убиваютъ!.. онъ со всего размаху ударилъ шкворнемъ туда, гдѣ по его разсчету была теперь ея голова...

Но старуха съ испугу припала головой на коврикъ, на которомъ сидѣла, и страшный ударъ съ трескомъ пронесся мимо нея, перебивъ заднюю перекладину кибитки...

Разъярившійся убійца сталъ тогда на удачу гвоздить шкворнемъ въ темноту, гдѣ лежала онѣмѣвшая отъ ужаса старуха...

Но къ счастью для нея, заячья шуба, платки и ковры, въ которые она была нѣсколько разъ увернута, ослабляли силу этихъ сыпавшихся на нее торопливыхъ и необдуманныхъ ударовъ...

Титычъ стоялъ, трясясь какъ въ лихорадкѣ, сбоку повозки, молча созерцая это безмолвное убійство, и съ нетерпѣливымъ страхомъ ожидая конца.

Вдругъ тяжелый ударъ сзади дубиной съ такою силой ошарашилъ по шеѣ стараго холопа, что онъ пролетѣлъ нѣсколько шаговъ, прежде чѣмъ ткнулся головой въ сугробъ снѣга и увязъ въ немъ по самый носъ...

Въ то же мгновенье другой, еще болѣе удачный ударъ, сбросилъ нѣмаго кверху ногами съ козелъ кибитки.

Не успѣлъ онъ тяжко шлепнуться въ снѣгъ, какъ его нагналъ новый ударъ дубины, и затѣмъ удары посыпались на него безъ отдыху, молотя его, какъ овсяный снопъ на току, по спинѣ, по бокамъ, по рукамъ, по головѣ...

Это работали тѣ самые трое проѣзжихъ, что увязались за тройкой Титыча...

— Крути ихъ теперь!.. развязывай кушаки! командовалъ въ темнотѣ голосъ Антошки...

Нѣмой лежалъ неподвижно, какъ пластъ, избитый и изломанный, и ужь не могъ сопротивляться.

И ему, и Титычу скрутили ихъ же кушаками руки назадъ и побросали въ сани, на которыхъ пріѣхали Орлихины ребята. Одинъ сѣлъ съ ними, а Антошка съ товарищемъ взгромоздились въ кибитку.

— Жива ты что ль, бабушка? Откликнись! заглянулъ Антошка подъ рогоженый верхъ.

Фіона Ивановна слабо стонала и не могла ничего отвѣтить.

— Ты, старушенца, не бойся! Мы свои... успокоивалъ ее Антошка. — Отъ Алёны Васильевны за тобой посланы. Трегубовскіе сгубить тебя собрались, а наша провѣдала, насъ на помочь тебѣ послала. Вотъ мы и накрыли ихъ, какъ разъ во-время... Минуточку одну зазѣвались бы и капутъ тебѣ... Ну, да не допустилъ Господь... Стало, еще тебѣ жить велѣлъ. Теперь пожалуй къ Алёнѣ Васильевнѣ въ гости... Приказала живымъ духомъ доставить...

Онъ усѣлся на козлы, разобравъ вожжи и, лихо крикнувъ на коней, повернулъ кибитку назадъ...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Прокуроръ Тюфяковъ.

Уколовская попадья не сама собою изъ дальняго Тамбовскаго села появилась вдругъ въ Заратскомъ хуторѣ Трегубова. Пришло къ ней письмецо съ нарочнымъ отъ ея давней пріятельницы Алёны Васильевны, которую она знала еще когда гащивала въ прежніе годы у Степана Матвѣича. Алёна Васильевна извѣщала ее о пропажѣ Ѳеклуши и уговаривала не оставлять дѣла безъ розысковъ; она и на дорогу прислала попадьѣ деньжонокъ, справедливо разсудивъ, что бѣдной вдовѣ самой не собраться съ силами ѣхать въ такую даль.

Алёнѣ Васильевнѣ еще съ Крестовъ дали знать, что попадья проѣхала къ Трегубову, и она, хорошо зная Степана Матвѣича, не сомнѣвалась, что онъ попытается устроить такъ, чтобы всѣ слѣды разомъ канули въ воду. Бѣглая трегубовская дворня кишила въ стану Орлихи и она могла слѣдить какъ у себя дома за всѣмъ, что дѣлалось на Трегубовскомъ дворѣ. Антошка ловко

выполнилъ ея приказъ и доставилъ старуху, полуживую отъ страха и побоевъ, въ лѣсной теремъ Алёны.

Тутъ Алёна напрямки открыла бѣдной матери, что дочь ея убита и закопана въ овинѣ на Теребужскомъ гумнѣ. Алёна настойчиво совѣтовала попадьѣ ѣхать сейчасъ же, пока еще не затерты послѣдніе слѣды, къ только-что пріѣхавшему прокурору и открыть ему все.

Она обѣщала нагнать къ прокурору цѣлый десятокъ свидѣтелей, которые покажутъ объ этомъ дѣлѣ всю правду. Равно ужь попъ Никита и теребужскіе прихожане отправились къ прокурору жаловаться на счетъ истязанія священника. Да и другіе обиженные Трегубовымъ бросились теперь къ присланному отъ царицы грозному слѣдователю.

Тѣмъ временемъ лѣсной хуторъ Алёны мало-по-малу совершенно опустѣлъ. Неизвѣстно кто, когда и куда развозилъ и пряталъ отсюда все добро. Она ужь жила тутъ какъ на охотничьей стоянкѣ.

Старикъ Зосима куда-то исчезъ, словно въ землю провалился. Сама Орлиха готовилась не нынче-завтра слетѣть навсегда со своего стараго гнѣзда. Въ холодной вышкѣ терема однако еще попрежнему отрывисто каркалъ и досадливо перебиралъ своими желѣзными когтями Алёнинъ орелъ... Онъ, повидимому, тоже чуялъ, что приходится скоро расправлять крылья куда-нибудь далеко, и находился въ угрюмомъ настроеніи духа.

Между тѣмъ прокуроръ Тюфяковъ, въѣхавъ въ Ливенскую округу Калуцкимъ трактомъ, не захотѣлъ ѣхать въ городъ, а приказалъ везти себя прямо въ Теребужъ, чтобы немедленно начать тамъ на мѣстѣ розыскъ о трегубовскихъ дѣяніяхъ. Засѣдатель нижнеземскаго суда, встрѣтившій его на границѣ округа, напрасно докладывалъ его высокородію, что лошади ему заготовлены по дорогѣ въ Ливны, что на Теребужъ прямой ѣзды нѣтъ и лошадей, сколько требуется его высокородію, по тѣмъ мелкимъ и глухимъ поселкамъ, черезъ которые придется держать путь, набрать никоимъ образомъ невозможно.

— Наберемъ, Богъ дастъ! самоувѣренно отвѣтилъ прокуроръ.— А ты вотъ что... Смахай живымъ духомъ на ливенскую дорогу и поворотни всѣхъ заготовленныхъ тамъ лошадей на сей трактъ... Пока мы утречкомъ полышемся, пока что, ты на слѣдующій перегонъ нашъ и успѣешь выставить ливенскихъ коней. А мы ужь, покормя ночку, на тѣхъ же дальше двинемся...

— Никакъ невозможно успѣть ваше высокородіе! оттоваривался растерянный засѣдатель.—И душенькой бы всей радъ, да самъ изволишь вѣдать, государь милостивый, первый ливенскій привалъ въ Деркачахъ, тридцать верстъ отсюда, пока я съѣзжу туда, пока соберу, а оттуда до Сухаго Солотина, куда ты изволишь приказывать лошадокъ тебѣ поставить, по меньшей мѣрѣ пятьдесятъ верстъ будетъ, коли не больше, да горы еще, овраги, скоро ѣхать не годится... Вотъ ты и изволь разсудить, какъ же это я поспѣю...

— А такъ-таки и поспѣешь, коли тебѣ отъ начальства приказывается, строго прикрикнулъ на него прокуроръ. — Ты чего тутъ рацеи разводить вздумалъ? Чтобы было какъ сказано, хоть въ землю провались! Знать ничего не хочу!.. Ну, пошелъ, живо!.. А то я, сударь мой, твой мундиришко засѣдательскій и шпажку твою дворянскую на своего писаря надѣну, а тебѣ на спину солдатскій ремень бѣлый натяну... Слыхалъ ты это?

Засѣдатель опрометью кинулся вонъ изъ поповскаго домика, гдѣ обобрана была „фатера“ для прокурора и тотчасъ же приказалъ запрягать свою тройку — скакать по ливенской дорогѣ.

Тюфяковъ вволю выспался на поповскихъ перинахъ, плотно поужиналъ и изрядно выпивъ поповскаго травничку, рано утромъ поднялся всѣмъ обозомъ по теребужской дорогѣ. Съ нимъ было двадцать одна подвода со всякаго рода домашнимъ скарбомъ и разными московскими покупками, которыя нужно было свезти въ его Обоянскую вотчину, гдѣ онъ намѣревался прогостить мѣсяца два и гдѣ жила теперь его семья. Человѣкъ пятнадцать дворовыхъ и мужиковъ Тюфякова провожали обозъ, обороняя его ото всякаго случая, слишкомъ частаго на тогдашнихъ дорогахъ. Они только-что привезли въ Москву на своихъ лошадкахъ хлѣбъ изъ вотчины, но на возвратномъ пути за Тулой до того сбили съ ногъ своихъ коней, что пришлось остановить ихъ на дневку дня на два, пока онѣ отдохнутъ и будутъ въ силахъ двинуться дальше, хотя бы пустыя. Ихъ гнали сзади табункомъ, какъ дикихъ лошадей на ярмарку, а подъ обозъ баринъ вездѣ сталъ брать обывательскихъ. Дотащились кое-какъ къ обѣду на захудалыхъ мужицкихъ лошаденкахъ до Сухаго Солотина.

— Засѣдатель здѣсь? крикнулъ прокуроръ проходившему мужику.

— Никакого засѣдателя тутъ нѣтъ. Какого вамъ тутъ засѣдателя? Выборный есть и сотскій есть, все какъ по положенію,

а засѣдателя у насъ никакого не полагается... грубо отвѣтилъ мужикъ, неохотно снимая шапку.

— Болтай больше! Лошадей съ ливенской дороги подъ насъ пригнали?

— Тутъ не ливенская, а теребужская дорога, разсудительно увѣрялъ мужикъ, — а лошадей ни откуда не пригоняли, у насъ свои лошади есть, коли что... По людямъ тоже не побираемся...

— Ты, я вижу, разговаривать охотникъ! разсердился прокуроръ.—Всыпь ему, разсыльный, за храбрость его десятокъ, другой нагаекъ! А! курицыны дѣти!.. Начальникъ ѣдетъ, они разговариваютъ!.. Вотъ я васъ, канальевъ, поучу! Будете впередъ помнить, какъ съ начальствомъ разсуждать...

Разсыльный, ѣхавшій верхомъ и оставленный при обозѣ засѣдателемъ, въ качествѣ власти и проводника, не заставилъ себя просить въ другой разъ и съ очевиднымъ утѣшеніемъ вытянулъ ни въ чемъ неповиннаго мужика нѣсколько разъ по спинѣ и плечамъ ременнымъ арапникомъ.

Мужикъ только оглянулся со страхомъ на кричавшаго прокурора и, досадливо почесывая спину, поспѣшилъ свернуть въ переулокъ, чтобы не попасться еще разъ на глаза взыскательнаго барина.

— Должно начальникъ какой большой... Дюже сердитъ... Ни за что отдулъ!.. разсуждалъ онъ самъ съ собою.

Пришлось прокурору силомъ раздобывать мужицкихъ лошадей не только въ Сухомъ Солотинѣ, но и въ Волчатахъ, слѣдующемъ перевалѣ, гдѣ онъ назначилъ себѣ ночлегъ. Села были большія, однодворческія, и разсыльный засѣдателя съ помощью прокурорскихъ писарей и дворовой челяди, хотя и не очень скоро, успѣли таки сбить къ фатерѣ прокурора болѣе трехъ десятковъ лошадей. А самъ засѣдатель все еще не появлялся. Какую горячку ни поролъ онъ на ливенскихъ стоянкахъ, какъ ни стращалъ и ни колотилъ мужиковъ направо и налѣво, а все-таки успѣлъ прибыть съ лошадьми въ Сухое Солотино только къ вечеру, когда отъ грознаго прокурора и слѣдъ простылъ.

— Ну, упечетъ онъ меня теперь, раба Божьяго, прямо въ Сибирь, съ ужасомъ думалъ засѣдатель.—Такъ въ самую Камчатку и упретъ! Хоть теперь говори прощай женкѣ съ дѣтишками...

Прокуроръ дѣйствительно гнѣвался несказанно. Вездѣ приходилось поневолѣ ждать по нѣскольку часовъ и чуть не самому отбивать у мужиковъ лошадей.

Вотъ ужь и ночь прошла, поднялся на зарѣ прокурорскій обозъ изъ Волчатъ и вытянулся длинною вереницей по узенькой, чуть протоптанной среди снѣговъ проселочной дорожкѣ... Трое саней троичныхъ съ писарями, протоколистами и лакеями ѣхали впереди обоза, а впереди ихъ всѣхъ громоздкій, обитый войлокомъ и мѣхомъ, возокъ прокурора...

Мужицкія лошаденки, уже который мѣсяцъ не видавшія овса, приморились чуть не съ пятнадцатой версты, а ближайшая стоянка назначена была въ Старыхъ Холмахъ Прозоровскаго, откуда только одинъ перегонъ оставался до Теребужа. Послѣ двадцатой версты бóльшая часть лошадей окончательно выбилась изъ силъ и стали останавливаться среди дороги, тяжко дыша и колотясь боками. Снѣгъ, выпавшій ночью, былъ мягкій и глубокій, морозу почти не было вовсе, и полозья мѣсили дорогу, какъ ложка кашу; даже въ маленькихъ лощинкахъ снѣгъ подбивался грудами подъ самыя головашки саней, такъ что мужикамъ на каждомъ шагу нужно было слѣзать и обтаптывать ногами, отгребать руками эти двигавшіеся предъ ними сугробы, надрывавшіе измученныхъ лошадей. Напрасно прокуроръ сердито кричалъ и ругался. Напрасно разсыльный и писаря то и дѣло тузили по шеѣ подводчиковъ. Къ тремъ часамъ дня успѣли дотащиться кое-какъ только къ деревушкѣ Абрама Тимоѳеича Голева, ближняго сосѣда Прозоровскихъ. Но хотя до Старыхъ Холмовъ было всего полторы версты, разгнѣванный до-нельзя прокуроръ не хотѣлъ терпѣть долѣе несносной ѣзды на заморенныхъ клячахъ. Изо всѣхъ его подводъ, впрочемъ, только десять не отстали отъ его повозки и саней; а остальныхъ даже издали еще не было видно.

— Тащи сюда свѣжихъ лощадей, ракалія! Живо поворачивайся! скомандовалъ разсыльному Тюфяковъ...

— Да тутъ барскій хуторъ, ваше-родіе, помѣщикъ самъ живетъ, хоть и небольшихъ родовъ, мелкопомѣстный, а лошадей, должно, не дастъ... робко доложилъ разсыльный.

— Слышалъ что̀ приказано, анаѳема!.. Налѣво кругомъ, маршъ!.. Чтобы въ одну минуточку были лошади... Самого помѣщика въ оглобли запряги коли лошадей нѣтъ...

Возокъ остановился на дорогѣ среди глубокаго сугроба, какъ разъ противъ домика Абрама Тимоѳеича, до котораго было всего шаговъ двѣсти. Густыя снѣжныя облака заволакивали небо, теплый мартовскій день, предшественникъ весеннихъ паводковъ.

стоялъ въ пустынномъ полѣ. Среди этой тишины можно было слышать съ дороги даже звуки голосовъ на хуторкѣ Голева...

Весь хуторокъ казался затерянным среди глухой, снѣговой пустыни, и ничто не говорило о близкомъ сосѣдствѣ закрытаго отсюда высокимъ бугромъ огромнаго села Старыхъ Холмовъ, съ его многолюдными усадьбами, лѣсами и широкою рѣкой.

Прокуроръ Тюфяковъ съ безмолвнымъ гнѣвомъ прислушивался къ крику и шуму, которые ужь чуть не цѣлые полчаса раздавались изъ хутора. Одинъ писарь за другимъ отправились туда по его приказу на помощь разсыльному, который, повидимому, никакъ не могъ сладить съ упрямымъ хозяиномъ, но и они что-то не возвращались.

— Слушай ты, Ѳома Ѳомичъ, въ нетерпѣніи крикнулъ наконецъ Тюфяковъ своему протоколисту,—вотъ ужь мы почитай цѣлый часъ тутъ стоимъ, а толку нѣту. Этакъ и замерзнешь чего добраго. Ступай сейчасъ самъ туда съ ребятами и силомъ приведи ты передъ мое лицо того разбойника, что имъ супротивится... А лошадей прямо отвязывайте, да ведите поскорѣе... Ни на кого не смотрѣть!.. Моимъ прокурорскимъ именемъ приказывай!..

Протоколистъ Ѳома Ѳомичъ, долговязый, сумрачный бурсакъ, въ заячьемъ тулупѣ, молча выпрыгнулъ изъ саней и, кивнувъ мужикамъ слѣдовать за собою, огромными шагами зашагалъ по сугробамъ къ хутору...

Не прошло и десяти минутъ, какъ опять захрустѣло по снѣгу множество шаговъ, и Ѳома Ѳомичъ появился на дорожкѣ, крѣпко вцѣпившись рукой въ воротъ Абрама Тимоѳеича, котораго такимъ же точно образомъ тащилъ съ другой стороны писарь Филатовъ, а сзади съ шумомъ и крикомъ подталкивала толпа мужиковъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ за ними другіе мужики вели десятка полтора лошадей, мужицкихъ и барскихъ...

Абрамъ Тимоѳеичъ употреблялъ всѣ усилія, чтобъ упереться и не идти дальше, но его тащили и за руки, и за поясъ, и за воротъ, его толкали и въ спину, и въ бока, такъ что волей-неволей приперли наконецъ къ самымъ дверцамъ прокурорскаго возка, откуда глядѣло на него, побагровѣвшее отъ бѣшенства, круглое, бритое лицо Тюфякова, все оплывшее жиромъ...

Однако самолюбивый Абрамъ Тимоѳеичъ даже и въ такомъ скверномъ положеніи не потерялъ своего гонора и, приблизившись къ возку, храбро крикнулъ:

— Ты кто такой явился у меня хозяйничать? Что это за дневной грабежъ!..

Тюфяковъ съ усиліемъ высунулся изъ окна возка, еще болѣе побагровѣвъ отъ натуги и гнѣва, и со всего размаху ударилъ Голева по беззащитному лицу, сначала правою рукой по лѣвой щекѣ, потомъ лѣвою по правой, потомъ опять правою, и пошелъ, и пошелъ колотить сколько было его душенькѣ угодно, благо множество рукъ держали какъ въ клешахъ бѣднаго дворянина и не давали ему возможности ни увернуться, ни присѣсть.

— Вотъ я кто такой, вотъ я кто такой! теперь ты меня будешь знать, усастая рожа!.. Дѣтямъ своимъ и внукамъ велишь запомнить... приговаривалъ разъяренный Тюфяковъ, вцѣпившись напослѣдокъ обѣими руками въ волоса Голева и мотая во всѣ стороны его сѣдую голову... — Я тебѣ, невѣжѣ, покажу какъ ослушаться прокурора царскаго. Ты бы самъ въ оглобли запрегся, да персону такую какъ я изъ сугроба вытащилъ, а ты еще лошадей осмѣлился не давать!... Бунтъ тутъ поднялъ... Знаешь ли, червь подземный, что я именуюсь Око Царево? Что я тебя властенъ туда загнать, куда Макарка телятъ не гоняетъ!...

Долго еще возилъ Абрама Тимоѳеича изъ стороны въ сторону за его сѣдыя патлы совсѣмъ взбѣсившійся Тюфяковъ. Наконецъ запыхался и упалъ въ безсиліи назадъ, на подушки своего возка.

— Уморилъ ты меня, анаѳема! сколько живу, не приходилось такой здоровой скотинѣ гриву трепать... Эй вы!.. Перепрягайте скорѣе... Чего рты поразинули? али хотите, чтобъ и вамъ такая-жь встрёпка была?.. Живо у меня поворачивайтесь! гнѣвался онъ, едва успѣвая вздохнуть.

— Двое сутокъ тащите, канальи, до мѣста никакъ не дотащите... Я вамъ ужо вспомню...

Абрамъ Тимоѳеичъ безъ шапки, угрюмо нахмуренный, съ трудомъ подавляя готовыя прыснуть изъ его старыхъ глазъ слезы оскорбленія, все еще стоялъ передъ возкомъ и смотрѣлъ, будто опомниться не могъ, на своего невѣдомаго обидчика...

— Фамилія какъ твоя? Чѣмъ промышляешь? отдуваясь спросилъ черезъ нѣсколько минутъ Тюфяковъ, котораго теперь смутилъ этотъ странно сосредоточенный взглядъ обиженнаго имъ старика. Какого званія?..

Абрамъ Тимоѳеичъ не отвѣчалъ и все смотрѣлъ на него въ упоръ, неподвижно и строго.

— Тебя спрашиваютъ, каналья? Али оглохъ отъ моихъ затрещинъ?.. Такъ я еще полбавлю... закипятился Тюфяковъ.

— А вотъ ты скоро узнаешь, кто я и какъ меня зовутъ!.. сурово отвѣтилъ Голевъ.—Ты думаешь, такъ тебѣ я и подарю сегодняшній гостинецъ?.. Нѣтъ, еще подавишься имъ... погоди!

— А! ты еще грозить, разбойникъ... Въ кандалы его... Вяжите его сейчасъ!... крикнулъ Тюфяковъ, опять высовываясь изъ возка. Но онъ тутъ же запнулся и въ недоумѣніи вытаращилъ глаза. Впереди возка, всего шагахъ въ 20 отъ него, во всю прыть неслась по дорогѣ дружина вооруженныхъ всадниковъ.

— Что-бъ это такое было? мелькнуло въ испуганной головѣ Тюфякова. — Ну какъ это Орлихина вольница? Да неужто-жь она и днемъ по дорогамъ открыто нападаетъ?.. А кому быть другому?.. Господи, спаси насъ и помилуй!.. Матерь Пресвятая Богородица Смоленская... Заступись за насъ святитель отче Николае... Преподобные чудотворцы московскіе... молите Бога о насъ...

Онъ торопливо ёрзнулъ назадъ въ возокъ и припалъ къ подушкамъ такъ, что его не было видно съ дороги...

Топотъ многочисленныхъ копытъ слышался несмотря на снѣжные сугробы. Гулъ голосовъ раздавался вокругъ...

— Ваше высокородіе! Бѣда!.. Иванъ Васильевичъ, баринъ!.. подбѣжалъ къ окну возка перепуганный разсыльный.—Со всею своею охотой... Дюже сердитъ!

У Тюфякова гора свалилась съ сердца, когда онъ услыхалъ, что это не Орлихины разбойники, а охотники какого-то Ивана Васильевича. Онъ храбро высунулъ голову изъ окна и какъ разъ увидалъ въ это время подъѣхавшаго впереди всѣхъ огромнаго краснощекаго старика въ сѣдой бородѣ и сѣдыхъ кудряхъ. Слѣдомъ за нимъ въ одну минуту столпилось около возка видимо-невидимо верховыхъ охотниковъ... У всѣхъ были въ рукахъ арапники и кинжалы за поясомъ.

— Что вы за люди и зачѣмъ сюда явились? повелительно окликнулъ ихъ Тюфяковъ.

— А вотъ постой... сейчасъ увидишь... отвѣчалъ съ веселою усмѣшкой краснощекій старикъ, подъѣзжая къ Голеву, котораго при его приближеніи выпустили изъ рукъ разбѣжавшіеся канцеляристы прокурора.

— Абрамъ Тимоѳеичъ? что это, братъ, съ тобой?

— Осрамленъ, Иванъ Васильевичъ! на всемъ народѣ... Какъ

борова сюда на веревкѣ приволокли. Десятеро за руки, за ноги передъ нимъ держали, а онъ, подлецъ, надъ беззащитнымъ наругался... По щекамъ меня хлесталъ, какъ холопа своего, волосья мнѣ всѣ повыдралъ... А за что?.. Не знаю... Лошадей у меня съ конюшни силомъ пограбили... У крестьянъ моихъ послѣднія животишки повывели... А по какому закону, по чьему приказу—ничего не вѣдаю... Вонъ, видишь, по санямъ, да по подводамъ запрягли... Чуть къ тебѣ успѣлъ сынишку дослать, какъ разбой этотъ они у меня подняли... Спасибо, кобыла верховая на гумнѣ была... Не обыскали они ее...

— А-а! такъ вотъ какъ!.. Это кто-жь тутъ у тебя хозяйничаетъ? спросилъ Иванъ Васильевичъ, сурово косясь на возокъ.

— А кто—не знаю... Изругалъ меня хуже холопа послѣдняго. Самого въ оглобли хотѣлъ запрягать... въ колымагу свою...

— Коли не знаешь, такъ узнай, кто я!.. спѣсиво крикнулъ Тюфяковъ.—И вы всѣ знайте, кто бы вы такіе ни были! Я прокуроръ московскій, Око Царево... присланъ сюда на розыскъ всякихъ вашихъ здѣшнихъ злодѣйствъ и развратовъ... И должны вы всѣ, обыватели здѣшніе, какого бы чину и званія ни были, всякую мнѣ покорность оказывать и содѣйствіе творить... А супротивникамъ закона быть въ отвѣтѣ великомъ и въ казняхъ немилосердныхъ.

— Слышалъ я, что точно пожаловала насъ государыня-матушка, прислала къ намъ сюда прокурора московскаго судъ и правду творить! громко сказалъ Иванъ Васильевичъ.—Только прокурору тому, сколь мнѣ извѣстно, ѣхать по шляху московскому въ Ливны городъ, тамъ ему и лошади уряжены, и начальство полицейское его съ почетомъ ожидаетъ... И прокуроръ тотъ, должно, ѣдетъ благочинно, какъ подобаетъ слугѣ царскому; а это, вижу, торгашь какой-то ѣдетъ, или пьявица приказная, что хабары набрала цѣлые возы... Прокуроръ бы ѣхалъ—законъ и правду соблюдалъ... Приказы бы царицы-матушки исполнялъ, чтобы никто до чужаго рукой не касался... А это разбойникъ какой-то проявился... Съ шайкой своею ѣдетъ, дворянскія вотчины разоряетъ... Лошадей чужихъ грабитъ... Помѣщиковъ истязуетъ... Можетъ, онъ, братцы, изъ той же Орлихиной шайки... Кто его душу знаетъ... Гдѣ твой пачпортъ, показывай!.. По какой такой бумагѣ ѣдешь?.. вдругъ сурово обратился онъ къ Тюфякову.

— А ты что за птица, что я тебѣ бумаги свои буду показывать?.. дерзко крикнулъ на него Тюфяковъ.—Ты гдѣ это такой

законъ вычиталъ, чтобы всякій проходимецъ отъ прокурора царскаго пачпорты требовалъ?..

— Мало-бъ ты чѣмъ назвался... съ насмѣшливымъ хохотомъ перебилъ его Иванъ Васильевичъ.—Вотъ Емелька Пугачевъ и царемъ назвался, да ему не вѣрятъ, а команды на него воинскія посылаютъ. Много васъ такихъ-то воровъ, да мошенниковъ по дорогамъ нонче шляется, да грабежи у честныхъ людей учиняютъ. Давай сейчасъ бумагу, а коли не подашь, такъ сейчасъ велю лопатки скрутить, да въ станъ живымъ духомъ отправить... Я тутъ никому разбойничать не дозволю, на своихъ земляхъ.

— Ты подавай мнѣ свой пачпортъ, кто ты такой? еще дерзче кричалъ Тюфяковъ.—Кто тебѣ дозволилъ бы смертнымъ боемъ, конно и оружно ѣздить по дорогамъ, противно царевымъ указамъ? Вотъ ты, я вижу, точно на разбойника смахиваешь съ шайкой своей... честные люди съ ножами разъѣзжать не станутъ... Сказывай сейчасъ, кто ты такой, какого званія? Не то велю и тебя, и всѣхъ твоихъ сообщниковъ въ кандалы забить...

— Ты, я вижу, шутникъ, а мнѣ недосугъ шутки шутить... усмѣхнувшись, сказалъ Прозоровскій.—Ребята!.. вяжи ихъ всѣхъ, и дѣло съ концомъ. А то будемъ съ ними растабарывать до втораго пришествія...

Охотники живо спѣшивались и отвязывали отъ сѣделъ ремни, въ которые увязывался затравленный звѣрь. Ихъ было такъ много, что отощавшая и уморенная длинною дорогой дворовая челядь Тюфякова не думала сопротивляться, тѣмъ болѣе, что отставшихъ подводъ еще не было видно.

— Слушай ты, разбойникъ! не унимаясь кричалъ Тюфяковъ, котораго двое охотниковъ уже вытащили изъ возка.—Ты головой своей за меня отвѣтишь... Одумайся, возмутитель!.. Какъ осмѣливаешься посягать на Око Царево? московскаго прокурора, коллегіи ассессора, дерзаешь вязать будто какого-нибудь бѣглаго колодника? Или ты Пугачеву присягнулъ?..

— Говорю тебѣ, если ты точно прокуроръ, показывай бумагу... твердо сказалъ Прозоровскій.—Есть она у тебя?

— Есть, да она въ чемоданѣ... чемоданъ на подводѣ отсталъ... со мной нѣтъ ничего...

— А! ничего нѣтъ... Такъ я и зналъ. Брехать всякій умѣетъ. Ребята! заводи-ка этого брюхана въ оглобли въ колымагу его высокородія... Равно лошадей выпрягли... Онъ вѣдь Абрамъ

Тимоѳеича собирался въ оглобли запречь... А держалъ тебя кто, Абрамушка, указывай!..

— Вотъ эти черти держали, вонъ тотъ лохматый съ подвязанною щекой, да этотъ долговязый... Они меня и изъ дома за шиворотъ тащили! указывалъ Голевъ.

— Такъ пристягни ихъ, Комарь, обоихъ на пристяжку... Помогали бить, пусть и везти помогутъ... Ну чего жь ты съ нимъ нянчишься, съ пузатымъ, вводи проворнѣе и надѣвай оголовокъ, натягивай гужи. Эхъ, да и коренникъ важный... Битюкъ битюкомъ... Одинъ колымагу повезетъ, только бубенчиками будетъ потряхивать...

Комарь съ товарищами, громко хохоча, втащили барахтавшагося Тюфякова въ оглобли возка и больно надвинувъ ему на плечо хомутъ, ухитрялись теперь уладить въ гужи тяжелую дугу.

— Послушай ты, дерзновенный беззаконникъ! кричалъ между тѣмъ Тюфяковъ, обращаясь къ Ивану Васильевичу и тщетно выбиваясь изъ державшихъ его сильныхъ рукъ.—Прекрати свои дурацкія шутки... Клянусь теперь тебѣ всѣмъ чѣмъ хочешь, что я точно московскій прокуроръ, коллегіи ассессоръ Тюфяковъ, присланный сюда для розыска по дѣлу помѣщика Трегубова... Я ѣду теперь въ его вотчину село Теребужъ—на повальный обыскъ... Вѣдь ты играешь своею головой... Пожалѣй свою сѣдину...

— Покажи указы, я уже тебя спрашивалъ. А пока не покажешь, ты для меня бродяга и грабитель, и ничего больше, захватилъ я тебя на поличномъ, какъ ты сосѣда моего грабилъ, посвяжу и отошлю въ станъ, пускай тамъ распытываютъ, кто ты и откуда, а стращать ты меня не стращай. Ты, строка приказная, въ чернильницѣ родился, по перу на свѣтъ Божій выползъ, а я дворянинъ старинный, мой родъ еще князьямъ великимъ службы служилъ...

Какъ ни угрожалъ и ни отговаривался толстый прокуроръ, какъ ни выбивались изъ дюжихъ лапъ деревенскихъ охотниковъ московскіе канцеляристы,—запрягли таки какъ слѣдуетъ въ хомутъ и оглобли и какъ слѣдуетъ завожжали громко-оравшаго Тюфякова, а на пристяжки къ нему притянули постромками обоихъ его помощниковъ...

— Садись теперь на козла, Абрамъ Тимоѳеичъ! помиралъ со смѣху Иванъ Васильевичъ, покатайся на нихъ! Они вѣдь на тебѣ собирались кататься, такъ пускай теперь попробуютъ твоего кнутика.

— Ну ихъ совсѣмъ!.. съ неудовольствіемъ отмахнулся Абрамъ Тимоѳеичъ.—Рукъ марать не хочу. Отродясь кучеромъ не бывалъ...

— Ну такъ садись ты, Комарь, бери кнутъ и вожжи въ руки... Покажи имъ, какъ съ чужой конюшни лошадей забирать...

Комарь, при общемъ хохотѣ, вскарабкался на козлы возка, разобралъ вожжи и лихо взмахнулъ въ воздухѣ кнутомъ.

— Эхъ вы, милыя!.. Эхъ, разомъ!.. Подхватывай!.. весело крикнулъ онъ, подражая ямщицкимъ присказкамъ. — Испугавшись кнута, двуногіе кони судорожно дернули экипажъ и съ тревогой оглянулись назадъ.

— Мы и такъ повеземъ... Ты не бей!.. торопливо предупредилъ одинъ изъ пристяжныхъ.

— Чего-жъ стали?.. Вытягивай дружнѣе!.. А то я по своему вытяну! кричалъ сверху хохочущій Комарь.

— Но, но! чего стали одры!.. Съ Богомъ!.. Навались хорошенько!.. ободряли кругомъ многочисленные веселые голоса.

— Братцы! припрягите ужь и тѣхъ! Трое не свеземъ! съ отчаяніемъ обратился къ охотникамъ лѣвый пристяжной послѣ самыхъ искреннихъ усилій протащить нѣсколько шаговъ тяжелый возокъ; толстый прокуроръ только пыхтѣлъ и потѣлъ, спотыкаясь въ оглобляхъ, но не везъ ничего.

Охотники живо подпрягли спереди въ веревки еще троихъ канцеляристовъ.

— Ну! теперь съ уносомъ... Теперь хоть на-вскачъ повезутъ! говорилъ искренно утѣшенный этою неожиданною забавой Илюша, похлопывая по спинѣ какъ настоящую лошадь одного изъ уносныхъ, здоровеннаго малаго съ кривымъ глазомъ.

Дѣйствительно, съ помощью новой припряжки прокурорская колымага потащилась наконецъ по снѣжистой дорогѣ, и кнутикъ Комаря, только ради ободренія на всякій случай, посвистывалъ въ воздухѣ...

Толпа охотниковъ, господъ и холоповъ, съ шумнымъ говоромъ и шутливыми прибаутками слѣдовала за ними, тѣсно обступивъ экипажъ и подбадривая своими криками обливавшихся потомъ канцеляристовъ.

Только черезъ добрыя полторы версты, когда они миновали широкую лѣсную просѣку, служившую въѣздомъ въ Старые Холмы и очутились на обширномъ выгонѣ, замѣнявшемъ барскій дворъ, Иванъ Васильевичъ далъ знакъ, чтобъ остановили этотъ оригинальный поѣздъ и выпрягли двуногій шестерикъ. Онъ подошелъ

съ Иваномъ Большимъ и Семеномъ къ совсѣмъ задыхавшемуся отъ усталости прокурору Тюфякову и сказалъ ему ласково:

— Мы, батюшка, народъ простой, и на расправу скоры, не взыщи. На обиду обидой отвѣчаемъ. Дѣло это кончено, а теперь ты у насъ въ гостяхъ... Милости просимъ, ваше высокородіе, къ намъ, твоимъ слугамъ покорнымъ, въ хату хлѣба-соли нашей откушать, по обычаю православному... говорилъ Иванъ Васильевичъ, снимая шапку и кланяясь Тюфякову вмѣстѣ съ сыновьями; силòмъ съ насъ ничего не возьмешь, а честью мы тебѣ всякое довольство предоставимъ... Шестерикъ жеребцовъ вороныхъ тебѣ въ возокъ запрягутъ, пообѣдавши и подъ повозки всѣ твои сколько тебѣ нужно... Куда велишь, туда и доставятъ... Хоть въ Ливны самыя... Съ превеликимъ нашимъ удовольствіемъ... Слава Богу, лошадками Богъ не обидѣлъ... Найдется одна, другая кляча на конюшняхъ... А только не озорничествомъ... На озорниковъ мы еще пуще озорники... Ужь не погнѣвись, ваше высокородіе... Не взыщи на насъ деревенщинахъ... Живемъ какъ умѣемъ, у медвѣдей учимся. Сдѣлай хозяевамъ честь, отвѣдай нашего хлѣба-соли!.. Тюфяковъ смотрѣлъ на усердно кланявшагося старика и не зналъ, что̀ это онъ—шута опять строитъ или взаправду приглашаетъ къ себѣ и извиняется... Но въ голосѣ и во взглядѣ Ивана Васильевича было столько искренности, что сомнѣнія прокурора быстро разсѣялись.

— Что̀-жь? ты еще надо мною комедію какую-нибудь хочешь выкинуть?.. Заманиваешь въ домъ, чтобъ опять надо мной насмѣяться? нерѣшительно сказалъ онъ.

А между тѣмъ онъ такъ усталъ и проголодался, что ему никогда такъ не хотѣлось, какъ теперь, очутиться поскорѣе въ хорошо натопленной горницѣ, за тарелкой жирныхъ щей и душистымъ травникомъ.

— Видитъ Богъ, и сыновья свидѣтелями, что отъ души прошу тебя не погнушаться моей хлѣба-соли... Во дворѣ моемъ былъ, да вдругъ со двора не пивши, не ѣвши съѣдешь... Это для насъ большой стыдъ и грѣхъ большой предъ Богомъ. Сказано въ писаніи: странняго угости... Мы вѣдь тоже христіане, а не Татаре.

— Хороши христіане... хуже Татаръ... Татары и тѣ людей въ оглобли не запрягали...

— Ну что̀-жь!.. Въ этомъ ты самъ виноватъ; сталъ насильничать, грозился стараго дворянина замѣсто лошади запречь... Терпи и самъ!.. Это дѣло ты ужь теперь, ваше высокородіе,

брось... Тамъ какъ хочешь потомъ: жалобу на меня подавай, обиду свою отыскивай, хлопочи за себя какъ знаешь... Безъ суда, конечно, дѣлу не обойтись. А теперь я тебя, хозяинъ здѣшній, какъ своего гостя хочу встрѣтить... Со всѣмъ почетомъ...

— Да мнѣ къ тебѣ въ хоромы и показаться въ такомъ видѣ срамно!.. Небось барыни у тебя, барышни... А у меня камзолъ изорвали, парикъ въ лепешку смяли... Пудру осыпали... Куда я теперь гожусь?..

— Объ этомъ не хлопочи... Цырульникъ мой и камердинеръ тебя живымъ манеромъ обрядятъ... Пудеръ мантель накинутъ, парикъ подладятъ, пудрой присыпятъ, самъ себя не узнаешь... Милости просимъ, въ горницу!

— Я, пожалуй, пойду, сдѣлаю по твоему, только ты не подумай, что я тебѣ поддался, чтобы на мировую съ тобой пойти... Нѣтъ, братъ, держи карманъ!.. Отъ угощенья не отказываюсь, коли честнымъ манеромъ зовешь, а къ отвѣту все-таки тебя притяну. Дай только до Питера доѣхать... Всѣхъ твоихъ вотчинъ не хватитъ за обиду такую расплатиться...

— А ну ее къ лѣшему... Сказано, теперь объ этомъ не толковать, а тамъ хоть въ каторгу засуживай, коли сможешь... Повидимъ еще, кто кого...

— Что-жь? и засужу! вотъ увидишь! продолжалъ утверждать Тюфяковъ, грузно ковыляя по глубокому снѣгу къ крыльцу дома.—Ты-жь и подъячихъ моихъ накорми, прибавилъ онъ, вдругъ обернувшись назадъ.—Проголодались и назябли всѣ, какъ собаки гончія.

— Накормимъ всѣхъ, небось, хватитъ каши! добродушно засмѣялся Иванъ Васильевичъ.

Они въ это время подошли къ крыльцу главнаго домика.

— Милости просимъ, ваше высокородіе, пожалуйте наверхъ... Вамъ честь и мѣсто!.. сказалъ Иванъ Васильевичъ, указывая прокурору рукой на крыльцо и поднимаясь слѣдомъ за нимъ.

Жирный прокуроръ съ трудомъ шагалъ своими коротенькими оплывшими ножками по высокимъ ступенямъ крыльца.

— Смотри-жь, бояринъ, не сыграй со мной опять какой плохой шутки, остановился онъ въ нерѣшительности на послѣдней ступени.—Перекрестись предъ всѣми, что ничего дома мнѣ не сдѣлаешь, побожись...

— Ну вотъ тебѣ крестъ, что дружбы одной ради, по гостепріимству своему тебя прошу, горячо увѣрялъ Прозоровскій,

перекрестившись на востокъ.—У насъ обычая старинные, дѣдовскіе... Никого черезъ свой дворъ не пускаемъ, не поклонившись хлѣбомъ-солью... Ишь какой ты настращенный, ваше высокородіе, видалъ, видно, виды?

— Пуганая ворона и куста боится, знаешь пословицу, а уговоръ лучше денегъ... отвѣчалъ Тюфяковъ.

Двое рослыхъ лакеевъ выскочили въ эту минуту изъ сѣней дома и, подхвативъ подъ руки упыхавшагося прокурора, помогли ему взойти на площадку крыльца. Иванъ Васильевичъ поднялъ на ноги всю свою челядь, чтобы хорошенько принять и угостить важнаго московскаго гостя.

Черезъ полчаса Тюфяковъ возсѣдалъ уже во всемъ своемъ прокурорскомъ величіи, напудренный, подвитый, выбритый и вычищенный, за длиннымъ столомъ, на которомъ дымился сытый деревенскій обѣдъ Ивана Васильевича и батареями тянулись графинчики, штофчики и баклажки съ домашними наливками, настойками, травниками, водицами...

Совсѣмъ охмѣлѣвшій усѣлся прокуроръ послѣ обѣда въ свой возокъ, въ который былъ запряженъ цугомъ шестерикъ отличныхъ вороныхъ коней Прозоровскаго. Во всѣ сани тоже были запряжены его лошади, и длинный прокурорскій поѣздъ двинулся теперь отъ крыльца уже не прежнимъ рачьимъ шагомъ, а какъ на крыльяхъ птицы.

— Ну, прощай, ваше высокородіе, спасибо тебѣ, что не обезсудилъ дома моего, не отказался отъ моего хлѣба-соли!.. кричалъ съ крыльца изрядно подпившій Иванъ Васильевичъ.— Часъ добрый! Трогай, съ Богомъ!..

— Прощай! спасибо и тебѣ за хлѣбъ за соль твою... отвѣчалъ изъ возка осипшій отъ пьянства голосъ Тюфякова.—А судиться съ тобой все-таки начну... Упеку тебя, разбойника, въ самую Камчатку... Будешь помнить прокурора...

— Ничего, ничего! То особливая статья, я обижаться не буду... весело крикнулъ ему въ догонку Прозоровскій.—Знаю, что тебѣ, сутягѣ, не терпится безъ кляузы... На томъ ужь ты, сутяга, выросъ... Ну и Богъ съ тобою... Я не серчаю... А за то что честь оказалъ все-таки спасибо...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Судебный розыскъ.

Въ Теребужѣ уже ждали грознаго прокурора не только засѣдатель, который, перепутавъ приказанія, сбилъ сюда всѣхъ лошадей съ ливенской дороги, но и новый капитанъ - исправникъ Праведниковъ, переведенный изъ сосѣдней округи.

Сорвалъ прокуроръ свое сердце и на засѣдателѣ, и на капитанѣ - исправникѣ; разносилъ, разносилъ ихъ, грозилъ имъ, грозилъ до того, что засѣдателя чуть кондрашка отъ страху не хватилъ. Приказалъ имъ обоимъ неотлучно быть при его особѣ и таскать надобный народъ къ его розыску. „Объ учиненномъ его персонѣ при прохожденіи служебной своей должности несносномъ оскорбленіи чести и дворянскаго достоинства черезъ впряганіе его позорнымъ и для корпуса его нарочито чувствительнымъ образомъ въ повозку, аки нѣкоего скота вьючнаго, происшедшее отъ неистовства онаго отставнаго, лейбъ-гвардіи полка капрала Ивана Василіева сына Прозоровскаго“, составленъ былъ въ первый же день обстоятельный протоколъ, засвидѣтельствованный подписомъ рукъ всѣхъ канцеляристовъ и заручною записью засѣдательскаго разсыльнаго, неграмотныхъ крестьянъ-подводчиковъ и дворовыхъ челядинцевъ Тюфякова, и образовано особое дѣло съ заглавіемъ, выписаннымъ на двѣнадцати строкахъ.

Въ то же самое время съ необычною поспѣшностью производился розыскъ по дѣлу Трегубова. Десятки крѣпостныхъ людей его были опрошены подъ угрозой жестокаго наказанія за неправыя донощенія и лживые отвѣты. Уколовская попадья была опрошена изъ первыхъ, и множество теребужскихъ дворовыхъ подтверждали ея улики, что дочь ея убита и зарыта въ овинѣ.

Еще полнѣе разъяснилась исторія закабаленія поповскаго сына и истязаніе попа.

Улики были налицо, и прокуроръ Тюфяковъ уже далъ было приказъ капитану-исправнику схватить Трегубова въ его Заратскомъ хуторѣ и посадить въ острогъ за крѣпкій караулъ, „яко злаго преступника и душегубца“.

Но вдругъ все дѣло перевернулось вверхъ дномъ. Титычъ, уже нѣсколько дней сидѣвшій подъ строгимъ карауломъ, потребовалъ,

чтобъ его вели къ его высокородію господину московскому прокурору, дабы объявить ему сущую истину.

Сущая истина оказалась въ томъ, что будто бы онъ, Титычъ, вмѣстѣ съ нѣмымъ, покончилъ Ѳеклушу, возненавидѣвъ ее за то, что господа любили ее пуще всѣхъ въ домѣ и слушали ея переносы на дворовую челядь, въ томъ числѣ на него и на его жену Мавру. Бояринъ будто бы и не зналъ ничего, думая, что Титычъ вѣрно исполнилъ приказъ его—отвезти Ѳеклу на свиданіе съ матерью въ Тамбовскую губернію. Но онъ вмѣсто того убилъ ее ночью въ повозкѣ сонную, верстахъ въ десяти отъ Теребужа, и убоясь хоронить ее въ чужомъ мѣстѣ, гдѣ могли увидѣть его сторонніе люди, тою же ночью потаенно привезъ убитую назадъ въ Теребужъ и закопалъ ее вмѣстѣ съ нѣмымъ въ овинѣ.

Грушка тоже стала теперь показывать въ томъ самомъ смыслѣ, какъ ея дядя, хотя и путалась на каждомъ шагу. Очевидно, что какая-то неутомимая и ловкая рука научала арестованныхъ соучастниковъ Трегубова, какъ вести дѣло.

Какъ бы то ни было, а въ виду открытаго признанія убійцы, подтвержденнаго къ тому же свидѣтелями, прокурору было совсѣмъ не кстати арестовывать знатнаго боярина, имѣвшаго сильную руку въ Санктъ-Петербургѣ. Титыча, Грушку и нѣмаго переселили въ другой острогъ, въ намѣстническій городъ Бѣлгородъ, гдѣ ихъ должны были судить уголовнымъ судомъ, а прокуроръ Тюфяковъ продолжалъ раскапывать дальше начатыя имъ другія трегубовскія дѣла. Къ этимъ дѣламъ скоро подбавились еще и новыя; пронюхавъ о грозѣ, внезапно стряслшейся надъ всевластнымъ боярином, обиженные имъ сосѣди и собственные его крестьяне то и дѣло стали заявлять на него жалобы. Уголовщина всякихъ видовъ наполняла собою въ теченіе долгихъ лѣтъ воздухъ и почву Теребужа, и теперь, когда розыскъ Тюфякова возмутилъ этотъ глубокій омутъ, изъ него потоками полились улики и обвиненія противъ немилосерднаго теребужскаго владыки. Алёнина рука невидимо, но безъ устали работала во всѣхъ этихъ дѣлахъ.

На что̀ ужь привыченъ былъ къ такимъ дѣламъ прокуроръ Тюфяковъ, на что̀ ужь насквозь прокурился онъ ими въ теченіе своей сорокалѣтней приказной службы, а и тотъ обробѣлъ, когда сплошная мрачная уголовщина стала ежедневно все выше подниматься вокругъ него, и конца краю ей не предвидѣлось впереди.

Только черезъ мѣсяцъ рѣшился, наконецъ, Тюфяковъ взять Трегубова подъ караулъ. Уликъ набралось полны руки и опасаться уже больше было нечего.

Но только что прокуроръ подписалъ объ этомъ приказъ капитану-исправнику и хотѣлъ было посылать за нимъ, какъ вернувшійся изъ Ливенъ-города полицейскій разсыльный вручилъ ему большой пакетъ съ какою-то особенною печатью необычнаго вида.

Въ пакетѣ оказалось письмо отъ князя Алтынина, сенатора и президента очень важной коллегіи, который просилъ Тюфякова „донести ему наискорѣйше, въ какомъ состояніи пребываетъ въ теперешнюю минуту дѣло по разнымъ клеветническимъ и позорящимъ навѣтамъ нѣкоторыхъ подлыхъ людей противъ достойнѣйшаго благопріятеля его, и близкаго ему роднаго, отставнаго секундъ-майора Степана Матвѣича Трегубова“, причемъ сенаторъ князь Алтынинъ изъявлялъ свою „всеполную и непоколебимую увѣренность“, что прокуроръ Тюфяковъ „употребитъ отмѣнныя старательства, дабы столь возмутительная отъ черни клевета на благородную персону, всегда отличенную милостью Россійскихъ Монарховъ, была имъ достойно обличена, яко благонадежнымъ инструментомъ юстиціи“.

А за два дня до того, какъ нарочно, прокуроръ Тюфяковъ былъ озадаченъ письмецомъ своего стараго пріятеля, сенатскаго повытчика, увѣдомлявшаго его по секретному порученію генералъ-прокурора, что „въ Санктъ-Петербургѣ, среди персонъ власть придержащихъ, очень недовольны его необычными противъ помѣщиковъ строгостями, кои, по мыслямъ оныхъ персонъ, могутъ служить не въ авантажъ правительству въ нонѣшнія крамольныя времена, ибо и помимо сего подлая чернь учреждаетъ по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства бунтовство и ослушаніе противъ власти помѣщиковъ“.

Поневолѣ задумался прокуроръ и засунулъ сьой приказъ подъ лежавшія на столѣ книги и дѣла. Стала его сильно кручинить дума, не отвѣтить бы ему въ самомъ дѣлѣ за такого большаго боярина своею головой? Когда былъ онъ сюда посланъ, говорили ему въ Петербургѣ одно, а какъ принялся за розыскъ съ настояніемъ и безъ послабства, сейчасъ инако заговорили. У Трегубова небось вездѣ сродники сильные, а онъ человѣкъ самый послѣдній, такъ долго ли ему прійтить въ конечное разоренье? Старики-то какъ говорили: съ сильнымъ не борись, съ богатымъ

не судись; видно, не только судиться, а и судить богатаго не приходится...

Цѣлую ночь ворочался съ боку на бокъ прокуроръ, пока наконецъ къ утру не надумался.

„Дуракъ я дуракъ! сказалъ онъ самъ себѣ.—Давно бы смекнуть, какъ дѣло повести. И волки-бъ сыты, и овцы цѣлы. Пошлю Ѳомича къ боярину по конфиденціи перетолковать, такъ-то лучше будетъ.“

Ѳомичъ вернулся къ вечеру изъ Заратскаго такой же угрюмый и съ такою же подвязанною щекой, какъ и поѣхалъ, а привезъ новости утѣшительныя. Трегубовъ сулилъ прокурору десять тысячъ карбованцевъ изъ полы въ полу за то, чтобъ объ острогѣ помину не было, а коли кончитъ онъ розыскъ полнымъ его оправданіемъ, то выдастъ онъ на жену его купчую на тульское свое оброчное имѣніе Пальное со всѣми ревизскими душами, землями и лѣсами, съ господскими хоромами и всякимъ строеніемъ, а въ томъ его тульскомъ имѣніи ревижскихъ душъ мужскаго и женскаго пола триста двѣнадцать, да земли тысяча восемьсотъ мѣрянныхъ десятинъ. Трегубовъ при этомъ требовалъ, чтобы прокуроръ безпремѣнно повидался съ нимъ глазъ на глазъ, самолично принялъ бы деньги и обязался предъ нимъ исполнить уговоръ.

Прокуроръ Тюфяковъ на другой же день отправился въ Заратскій хуторъ, будто бы затѣмъ, чтобъ опросить Трегубова по поданнымъ на него извѣтамъ. Тамъ они цѣлые три часа шушукались одинъ на одинъ въ кабинетѣ; потомъ Тюфяковъ позвалъ Ѳомича и приказалъ писать протоколъ, будто бы отвѣты Трегубова противъ каждаго пункта обвиненія. Всѣ отвѣты диктовалъ самъ Тюфяковъ. Изъ этихъ отвѣтовъ оказывалось, что жалобщики и извѣтчики—почти всѣ до одного или крѣпостные крестьяне Трегубова, или сосѣди однодворцы, и что у всѣхъ у нихъ еще съ прошлаго года „учиненъ между собой клятвенный уговоръ—развести въ здѣшнихъ мѣстахъ бунтовство и мятежъ, въ подобіе Пугачевскому, и ему въ помочь; и для того въ его, боярина, и въ его сосѣдей лѣсныхъ лачахъ уже другой годъ ходятъ многіе невѣдомые люди съ ружьями и рогатинами, отбиваютъ у проходящихъ и проѣзжающихъ имущество и чинятъ смертное убивство, и поколику грабительство и разбои, и смертныя убійства уже довольно произведено, но таковые злодѣи и понынѣ не сысканы, а сожженный совѣстью злодѣй Емелька, врагъ Богу и отечеству,

творитъ къ нимъ подсылы, и подлую чернь тѣмъ въ конецъ мутитъ, то и справедливые какіе есть крестьяне пришли въ робость и великое смущеніе, и къ тому бунту тайно наклоняются, податей не платятъ, работъ не работаютъ, а утекаютъ въ лѣса къ разбойникамъ, государственныхъ злодѣевъ поятъ и кормятъ и напутствуютъ пищею, и такихъ утеклецовъ въ каждой вотчинѣ его, Трегубова, обыщется почитай на половину всѣхъ жителей; въ недавнее же время, собравъ изъ окольныхъ лѣсовъ многолюдство, внезапнымъ случаемъ въ ночной часъ напали на его, боярина, село, и спалили его боярскія хоромы, и амбары, и конюшни, и службы всякія огненнымъ запаленьемъ: связавъ его, били смертно, и топтали безъ всякаго милосердія, и жгли огнемъ, и деньги сколько было, поболѣе ста тысячъ рублей серебряною и золотою монетою, отняли, и лошадей со двора увели: и самъ онъ, бояринъ, отъ той лютости едва остался живъ, и оттого ему, боярину, приключилось конечное разоренье, поелику за пустотою деревень и въ предбудущее время взыскать ему подати будетъ не съ кого. И тѣ самые злодѣи, дабы его, боярина, въ конецъ дойти, подъущаютъ его холоповъ, и стараго, и малаго, и женокъ, и дѣвокъ, на него, господина своего, всяки несодѣйные наговоры наговаривать и во всякихъ якобы его злодѣйствахъ и распутствахъ, благородному званію отнюдь непристойныхъ, передъ Высокимъ Ея Императорскаго Величества правительствомъ клеветать и лживыми свидѣтелями и послухами изъ ихъ же воровской братіи яко бы подтверждать, а на тѣ ихъ наговоры и злобу, и клевету собственныхъ своихъ рабовъ непокорныхъ—отвѣщать и противное доказывать онъ, боярinъ, считаетъ де за посрамленье своего дворянскаго званія, милостью Всероссійскихъ Монарховъ предкамъ его за ихъ службу вѣрную дарованнаго, а всемилостивѣйше проситъ дабы повелѣно было подлежащимъ властямъ ослушниковъ закона всякими строгостями въ повиновеніе привести, и кляузамъ ихъ многовредительнымъ не потакать, и не чинить въ народѣ слабыхъ поступковъ, умножающихъ продерзости подлой черни и паче наклоняющихъ оную къ бунтовству...“

Въ томъ же смыслѣ составилъ Тюфяковъ и заключеніе своего слѣдствія. „Въ смерти поповской дочери Ѳеклы Ивановой Поповой повинились, молъ, холопы секундъ-маіора Трегубова, Карпъ Титовъ Иванюшенковъ и Марѣй Сидоровъ Дружининъ, а соучастіе въ ономъ потомственнаго дворянина отставнаго секундъ-маіора Степана Матвѣева сына Трегубова никакими благо-

надежными свидѣтельскими показаніями не подтверждено. Относительно же яко бы кощунственнаго ниспроверженія святыхъ и божественныхъ Таинъ Христовыхъ, и наказанія кнутами несшаго оныя священника, черезъ опросъ множества людей обозначилось, что сей никакими увѣщаніями въ упрямствѣ своемъ неодолимый, свирѣпый и до драки скорый попъ Никита Пузановъ въ непобѣдимой злобѣ своей собственноручно и злонамѣренно бросилъ на землю сосудъ съ преждеосвященными дарами, ибо поступкомъ симъ мнилъ подвести секундъ-маіора Трегубова, яко противника его злодѣйствамъ, подъ великое и страшное наказаніе, почему и возмутилъ обывателей своего прихода ложно и воровски показывать противъ природнаго господина ихъ, яко бы онъ ниспровергъ тайны и истязалъ кнутами попа Никиту, льстя себя тѣмъ на его скорую и вѣрную погибель. И по наущенью того же крамольнаго и злобственнаго попа Никиты крѣпостные крестьяне и дворовые холопы секундъ-маіора Трегубова вышли изъ всякаго господину своему повиновенія и присягали въ тайнѣ самозванцу и злодѣю Емелькѣ Пугачеву, и шли въ разбой, покидая свои дома, а на господина своего учинили жестокія нападенія и потому многіе вздорные и воровскіе извѣты ихъ противъ господина своего, яко ими же самими единственно лишь подтверждаемые, и токмо ради посрамленія чести благороднаго дворянина сочиненные, разсмотрѣнія и уваженія весьма не достойны."

На основаніи такого своего заключенія прокуроръ постановилъ: „отставнаго секундъ-маіора и потомственнаго дворянина Стефана Трегубова изъ-подъ слѣдствія яко невиновнаго вовсе изъять, теребужскаго же попа Никиту Пузанова, заточивъ въ кандалы, яко безумнаго бунтовщика и развратителя своей паствы, послать подъ крѣпкимъ карауломъ на судъ и на смиренье Бѣлгородскаго владыки, при копіи съ сего протокола".

Попа Никиту, дѣйствительно, взяли ночною порой, когда весь народъ спалъ, и закованнаго отправили съ этапомъ въ Бѣлгородъ. Но Бѣлгородскій владыка былъ нрава крутаго и терпѣть не могъ вмѣшательства мірскихъ властей въ свои „епаршескія дѣла". Никита былъ къ тому же его ставленикомъ, а въ ставленническомъ столѣ консисторіи, гдѣ выборные отъ крестьянъ начистоту отсчитали завѣдывавшему имъ іеромонаху установленную домашними законами консисторіи таксу за поповское мѣсто триста рублей, у Никиты еще нашелся защитникъ въ лицѣ этого

всесильнаго у владыки іеромонаха, въ права котораго вязать и рѣшить деревенскихъ поповъ вдругъ осмѣлилась такъ некстати вторгнуться никѣмъ не прошенная подъяческая сила.

Бѣлгородскій владыка сейчасъ же приказалъ снять съ Никиты кандалы и велѣлъ ему пока проживать безо всякой работы на собственномъ своемъ впномъ заводѣ, поручивъ префекту семинаріи сдѣлать докладъ объ его дѣлѣ, какой по обстоятельствамъ требовался. Уже черезъ недѣлю докладъ былъ готовъ, и попъ Никита отпущенъ съ миромъ во-свояси, получивъ дружественное напоминаніе отца экономa, что въ Быстрой Соснѣ судаки куда какъ вкуснѣе, чѣмъ въ Донцѣ, и что въ архіерейскомъ домѣ за послѣднее время совсѣмъ на счетъ рыбнаго плохо, почему не худо бы прислать въ гостинчикъ пудиковъ пять свѣженькой сосенской рыбки.

Алёна Васильевна была сильно смущена исходомъ розыска. Она знала черезъ своихъ ищеекъ всю подноготную, знала, гдѣ, какъ и сколько взялъ съ Трегубова Тюфяковъ, знала, какъ и чѣмъ подбилъ Наташкинъ Титыча съ Грушкой взять все дѣло на себя.

Но Алёна однако еще не отчаявалась въ успѣхѣ и не хотѣла бросать своихъ хлопотъ. Въ рукахъ ея находились теперь всѣ бумаги изъ потайныхъ ящиковъ канцеляріи Трегубова. Она приказала вывезти ихъ съ пожара къ себѣ на хуторъ, и хотя, по своей непривычкѣ къ грамотѣ, и за разными суетами, еще не заглянула въ нихъ ни разу, но теперь вздумала порыться въ нихъ, не найдется ли чего-нибудь нужнаго. Тамъ нашлись, къ радости Алёны, такія собственноручныя замѣтки Степана Матвѣича по тѣмъ и другимъ секретнымъ дѣламъ, такія откровенныя письма, что Алёнѣ Васильевнѣ эти клочки бумаги показались дороже всякихъ денегъ.

Ободренная этими открытіями, Алёна рѣшилась повести дѣло дальше, и прежде всего изобличить плутни прокурора Тюфякова, чтобы добиться новаго слѣдствія.

Ей самой выступать было невозможно. Приходилось дѣйствовать опять-таки черезъ попадью Фіону Ивановну и черезъ попа Никиту. Попъ Никита, положимъ, и самъ азартно рвался въ бой, и подстрекать его Алёнѣ не представляло никакой надобности.

Довольно было направить его, дать совѣтъ, раздобыть ему новыхъ свидѣтелей.

Но робкая попадья совсѣмъ обмерла и потеряла всякую способность соображать и дѣйствовать. Она привыкла съ раннихъ лѣтъ смотрѣть на Степана Матвѣича, какъ на воплощеніе власти и силы, доступной человѣку, а послѣ неудавшейся первой попытки ея возстать противъ него, ради своего погубленнаго дѣтища, она окончательно оробѣла и отказывалась даже слушать то что̀ старалась втолковать ей Алёна.

Въ концѣ-концовъ уломали-таки малодушную старуху, чтобъ она шла въ Петербургъ, къ самой царицѣ, и добивалась новаго суда. Алёна дала ей на дорогу денегъ и вызвалась доставить до Москвы. А въ послѣднюю минуту, уже сама одушевившись своимъ рѣшеніемъ, Ѳіона Ивановна вдругъ вспомнила, что ея двоюродная сестра, Настя, дочь пономаря придворной конюшенной церкви, вышла замужъ за любимаго камеръ-лакея царицы Фролова, и что черезъ нея, пожалуй, лучше всего будетъ дойти до государыни. У нея и остановиться можно на все то время, чтобы не голодать и не холодать въ чужомъ городѣ.

Ѳіонѣ были вручены, подъ всякими заклятіями, и зашитыя въ бѣлую тряпку роковыя бумаги и письма Трегубова.

(КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.)

Е. Марковъ.

ЭТИКА ВЪ ЗООЛОГІИ.

III.

Насѣкомыя и птицы.—„Животныя воздушныя“.—Высиживанія яицъ.—Громадная площадь, на которой проявляется любовь птицы къ ея дѣтямъ.—Любовь и число яицъ.—Колюшка.—Игла-рыба.—Лягушки и сурикамская жаба.—Селенгинская ласточка.—Проявленіе привязанности и сострадавія въ выдѣленіяхъ железъ.—Выдѣленіе молока у голубей.—Поцѣлуй.—Мнѣніе о немъ Дарвина.—Состраданіе, какъ начало любви.—Разсказъ о гиббонахъ.—Разсказы Гюгъ Кроу и Якова Манькольма.—Разсказъ Ромэна.—Привязанность собаки и кошки.—Разсказъ Брэма о гіенахъ и львицѣ.—Привязанность волка.—Общественныя привязанности.—Halictus, шмели, пчелы и муравьи.—Чайка въ Соловкахъ.

Два класса животныхъ, насѣкомыя между безпозвоночными и птицы между позвоночными,—имѣютъ много сходнаго въ организаціи и жизни. Дѣло въ томъ, что оба эти типа могутъ быть названы животными „воздушными“. Бо́льшая часть ихъ жизни проходитъ въ воздухѣ,—перемѣщеніе ихъ совершается, главнымъ образомъ, посредствомъ крыльевъ, наконецъ воздухъ проникаетъ все ихъ тѣло, онъ наполняетъ особенные резервуары—пневматическіе или трахейные мѣшки, и самыя кости, необыкновенно пористыя, легкія. Эта тѣсная связь воздуха и организаціи необходимо должна отражаться и на всей жизни, и на всемъ строеніи птицы и насѣкомаго. Ихъ кровь скорѣе и удобнѣе (сподручнѣе) окисляется, чѣмъ кровь другихъ животныхъ. Онѣ находятся въ постоянно возбужденномъ состояніи, которое заставляетъ скорѣе обращаться ихъ кровь, сильнѣе биться ихъ сердце и поднимаетъ общій строй, всѣ отправленія нервной системы. Вотъ почему у птицъ и насѣкомыхъ мы встрѣчаемъ болѣе сложныя и замысловатыя гнѣзда

и способы высиживанія яицъ или воспитанія маленькихъ, чѣмъ у другихъ типовъ животнаго царства. Всѣ ихъ эмоціи, душевныя движенія—въ томъ числѣ и привязанность къ дѣтямъ, къ потомству, какъ бы усиливаются или увеличиваются. Каждому извѣстны рѣзко выраженные факты привязанности у разныхъ видовъ птицъ самокъ къ ихъ яйцамъ, гнѣздамъ или дѣтенышамъ. Кто не знаетъ, какъ птица притворяется больною, немощною, какъ она отводитъ охотника отъ своего гнѣзда. Курица, насѣдка, водящая цыплятъ, представляетъ какъ бы живое олицетвореніе материнской любви. Она постоянно на-сторожѣ, какъ бы вся поглощена заботой о цыплятахъ. Она тихо, нѣжно клохчетъ, остерегая своихъ маленькихъ дѣтокъ. Она постоянно сзываетъ ихъ, разрывая то тамъ, то здѣсь землю и отыскивая для нихъ червей и зерна. При малѣйшей опасности она рѣзко измѣняетъ свой голосъ, интонаціи и сзываетъ цыплятъ подъ защиту своихъ крыльевъ. При нападеніи, она съ яростью бросается на нападающаго,—растопыриваетъ крылья и всѣ перья, хохлится и прямо, безъ оглядки и страха, кидается въ неравный бой.—Все это прямое слѣдствіе привязанности матери къ своему потомству, къ своимъ дѣтямъ.

И вездѣ, въ каждой группѣ класса птицъ мать или мать и отецъ соединенными, общими силами или защищаютъ дѣтей или хитростью и притворствомъ стараются отвести врага въ сторону отъ гнѣздъ.

Бо̀льшая часть птицъ, въ особенности тяжелыхъ на ходу и на лету, сидитъ все время терпѣливо неподвижно на яйцахъ, вскакивая только на нѣсколько минутъ, чтобъ утолить хоть немного свой голодъ и жажду.—Что̀ привязываетъ ихъ къ этимъ яйцамъ? Какое сильное чувство всецѣло поглощаетъ и заставляетъ забывать такія эгоистически повелительныя потребности организма, какъ голодъ и жажда.

Если мы подумаемъ теперь о той громадной площади, которую занимаютъ птицы во всѣхъ странахъ, подъ всѣми широтами земнаго шара, если мы вообразимъ себѣ сотни тысячъ или, вѣрнѣе, милліоны птицъ гнѣздящихся на прибрежьяхъ Сѣвернаго океана или на прибрежьяхъ сѣверной и сѣверо-западной Африки, то насъ поразитъ это громадное пространство, на которомъ такъ наглядно и такъ выразительно проявляется любовь птицы къ своимъ дѣтямъ. Невольно является вопросъ: какое чувство, какая эмоція—имѣетъ бо̀льшую силу и бо̀льшее разспро-

страненіе?! Всѣ эти милліоны гнѣздъ, покрывающихъ песчаные берега или скалы морскихъ прибрежій, представляютъ намъ во очію, наглядно то чувство, которое преобладаетъ въ природѣ—то біологическое явленіе, которое, какъ мы увидимъ ниже, составляетъ, такъ-сказать, выраженную ясно ось міровой жизни, ея характеръ не только въ человѣкѣ, но и во всемъ живомъ и живущемъ въ мірѣ.

Если мы вспомнимъ о борьбѣ за существованіе, о „битвѣ за право жизни",—то эта борьба какъ-то стушевывается и исчезаетъ предъ этимъ громаднымъ этическимъ чувствомъ различности во всей природѣ. Хищничество является здѣсь отдѣльными темными пятнами на общемъ, сплошномъ свѣтломъ фонѣ—семейной любви и материнской привязанности. Притомъ и семьи хищниковъ точно такъ же представляютъ намъ примѣръ и притомъ еще болѣе поразительной привязанности матери и отца къ своимъ дѣтямъ.—Всѣ хищныя животныя и въ особенности хищныя птицы имѣютъ очень немного дѣтенышей,—нерѣдко не болѣе двухъ. Слѣдовательно то, что у другихъ птицъ, несущихъ много яицъ, дѣлится между всѣми птенцами, здѣсь сосредочивается только на двухъ. Притомъ у хищныхъ птицъ всѣ ихъ страстныя эмоціи представляютъ гораздо большій подъемъ, и привязанности ихъ семейныя такъ же сильны, какъ и гнѣвъ или злоба къ ихъ добычѣ.

Привязанность матери къ дѣтямъ, какъ кажется, находится въ обратно пропорціональномъ отношеніи къ количеству сносимыхъ ею яицъ. Тамъ гдѣ этихъ яицъ сносится много, самка очень мало или вовсе не заботится о нихъ. Примѣромъ можетъ служить метанье икры рыбами, которыя заботятся только о томъ, чтобъ эта икра была выметана въ мѣстахъ, гдѣ условія будутъ благопріятны для развитія и жизни молоди.

Впрочемъ и здѣсь мы встрѣчаемъ очень рѣзкія, поразительныя исключенія. Полагаю, что всѣмъ извѣстно, какъ самецъ нашей обыкновенной колюшки *(Gasterosteus Aculeatus)* заботится о выплаживаніи и воспитаніи своихъ маленькихъ. Какъ онъ устраиваетъ гнѣздо, куда самка сноситъ яйца и какъ онъ исполняетъ ея роль, то-есть сидитъ на яйцахъ—и охраняетъ ихъ отъ хищниковъ, до тѣхъ поръ пока изъ нихъ не выклюнутся маленькіе.

Подобный же примѣръ привязанности самца къ своему поколѣнію мы встрѣчаемъ у другой рыбы, у такъ-называемой *Илы*—

рыбы (Sygnanthus acus).— Здѣсь самка сноситъ яйца въ особенный мѣшокъ, складки кожи, которыя развиваются у самца съ боковъ тѣла и затѣмъ онъ носитъ съ собой всю икру—точно такъ же, какъ носятъ ее самки маленькихъ рачковъ-циклоповъ. Есть рыбы, самцы которой высиживаютъ икру во рту или въ жаберно-глотательномъ аппаратѣ.—Они заглатываютъ ее въ этотъ аппаратъ въ то время, когда самка мечетъ ее—и носятъ ее все время, пока развиваются въ ней маленькіе.

Не менѣе, если не болѣе, курьезные случаи заботъ о развитіи или выплаживаніи икры представляютъ намъ нѣкоторыя лягушки.—Такъ самцы водящейся во всей средней полосѣ Россіи маленькой жабы или такъ-называемой *Укола (Alytes obstetricans)* наматываютъ икру на одну изъ своихъ заднихъ лапокъ, по мѣрѣ того, какъ самка ее сноситъ въ видѣ длиннаго шнура и затѣмъ отправляются съ этою икрой куда-нибудь въ укромное мѣсто, въ тину—и тамъ хранятъ ее до тѣхъ поръ пока изъ нея не выйдутъ маленькіе. Суринамская жаба *(Pipa Surinamensis)* представляетъ въ этомъ случаѣ очень курьезный примѣръ. Когда самка вымечетъ икру, то самецъ втираетъ эту икру ей въ спину. Каждая крупная икринка входитъ въ толстую мягкую кожу и остается въ ней, какъ въ ямкѣ.—Затѣмъ самка уходитъ въ воду и терпѣливо дожидается, когда изъ этой икры выйдутъ маленькіе.

Въ массѣ птицъ мы встрѣчаемся съ разнообразнѣйшими и искусными постройками гнѣздъ,—начиная отъ самыхъ простыхъ гнѣздъ чаекъ, которыя кладутъ яйца въ небольшую ямку въ пескѣ на морскомъ прибрежьѣ, до гнѣздъ чрезвычайно искусно вытканныхъ изъ пушистыхъ волосковъ вербы, какъ, напримѣръ, гнѣздо нашей хвостатой синицы или ремеза.

Если высшимъ проявленіемъ материнской любви мы будемъ считать экскретъ (выдѣленія), который организмъ матери вырабатываетъ подъ вліяніемъ аффекта любви или состраданія къ дѣтямъ, то и здѣсь мы находимъ у птицъ очень рѣзкую высшую степень выраженія. Селенгинская ласточка выдѣляетъ въ своемъ желудкѣ клейкую, отвердѣвающую на воздухѣ жидкость, изъ которой она дѣлаетъ гнѣзда, прикрѣпляя ихъ на высокихъ, неприступныхъ скалахъ. Въ силу того же аффекта—голуби выдѣляютъ въ своемъ желудкѣ жидкость, похожую на молоко и примѣшиваютъ эту жидкость къ пищѣ, которую даютъ своимъ дѣтямъ.—Эту жидкость маленькіе сами засасываютъ изъ рта матери, погружая туда свой клювъ. Замѣчу кстати, что

голуби принадлежатъ къ тѣмъ немногимъ птицамъ, у которыхъ ласки любви между полами выражаются въ схватываніи клюва самки клювомъ самца. Голуби „цѣлуются"—говоритъ нашъ народъ. Нѣтъ ли въ этомъ поцѣлуѣ чего-нибудь сходнаго съ поцѣлуемъ человѣка. Дарвинъ говоритъ, что во всякомъ случаѣ слѣдуетъ признать поцѣлуй настолько естественнымъ и врожденнымъ, *насколько онъ зависитъ отъ наслажденія близости къ любимому существу*. (О выраженіи ощущеній, стр. 178.) И если распространить такое заключеніе. то вся любовь, вся привязанность вообще и привязанность матери къ дѣтямъ является въ видѣ стремленія соединиться съ любимымъ существомъ. Но объ этомъ мы еще будемъ имѣть случай поговорить ниже.

Чувство состраданія есть начало, первый зародышъ любви. Оно настолько обособлено отъ другихъ чувствъ, что Дарвинъ даетъ ему равноправное съ ними мѣсто. „Состраданіе, говоритъ онъ, составляетъ, повидимому, отдѣльное и самостоятельное чувство" (тамъ же, стр. 180). Но такое заключеніе едва ли справедливо. Состраданіе есть только начало перенесенія нашего я—въ другое я. Любовь—есть конечная цѣль этого же самаго чувства. Состраданіе самымъ незамѣтнымъ образомъ переходитъ въ любовь (только не эгоистическую). Само собой понятно, что любовь не всегда начинается состраданіемъ. Она можетъ быть вызвана половымъ чувствомъ, скрытыми симпатіями, сродными чертами характера, одинаковыми влеченіями, потребностями въ сочувствіи, дружбѣ и т. п. Состраданіе составляетъ только одно изъ болѣе обыденныхъ и легкихъ начинаній чувства любви. И вотъ, вѣроятно, почему мы встрѣчаемъ его у различныхъ животныхъ, въ различныхъ группахъ. Само собой понятно, что оно должно являться болѣе рѣзко выраженнымъ у высшихъ животныхъ. Я приведу изъ большаго склада фактовъ только немногіе, болѣе выдающіеся примѣры.

Вотъ что разсказываетъ корреспондентъ англійскаго журнала *Nature* (Vol. IX, p. 243) о Гиббонахъ (Hylobates agitis). „Въ моемъ саду, говоритъ онъ, жило ихъ нѣсколько; они жили на деревьяхъ и когда ихъ звали, то приходили получать кормъ. Одинъ изъ нихъ, молодой самецъ, разъ упалъ съ высокаго дерева и притомъ сломалъ себѣ руку. Всѣ другіе обращались съ нимъ съ большимъ состраданіемъ, въ особенности одна старая обезьяна, совершенно чужая ему. Каждый день она откладывала нѣсколько банановъ, которые ей давали и несла ихъ къ боль-

ному, жившему подъ крышей одного лѣснаго домика. Я часто былъ свидѣтелемъ, какъ крикъ ужаса, боли или страданія собиралъ вокругъ кричащаго его собратій, которые выказывали явное соболѣзнованіе къ его страданіямъ и обнимали его."

Вотъ другой разсказъ капитана Гюгъ Кроу (Hugh Crow), приведенный имъ въ воспоминаніяхъ объ его жизни. „У насъ на кораблѣ, говоритъ онъ, было нѣсколько обезьянъ, различныхъ видовъ и разной величины. Между ними выдавалась одна маленькая, величиной не больше фута и занимавшая мѣсто не болѣе одного стакана. Это интересное животное съ острова Св. Ѳомы не избѣжало той болѣзни, которая появилась на кораблѣ между ними. Она была фавориткой всѣхъ другихъ обезьянъ и пользовалась со стороны ихъ разными привилегіями. Вообще характеръ ея былъ тихій и ласковый. Когда она сдѣлалась больна, то всѣ заботы о ней ея собратій удвоились. Было трогательно видѣть попеченія, которыя ей оказывали всѣ онѣ наперерывъ одна предъ другою. Онѣ отказывались отъ самыхъ лакомыхъ кусковъ и несли ихъ ей. Иногда одна изъ нихъ брала ее на руки, прижимала къ груди и плакала надъ ней, какъ мать плачетъ надъ своимъ ребенкомъ. Маленькое созданіе какъ будто чувствовало и понимало ихъ ласки, но болѣзнь очень быстро дѣлала свое дѣло. Иногда она подходила ко мнѣ стоная, какъ ребенокъ, и очевидно просила меня помочь ей. Но всѣ наши старанія спасти ее были тщетны, и она прожила недолго."

Привожу еще разсказъ Якова Малькольма (James Malcolm), свидѣтеля, о которомъ Ромэнь отзывается какъ о наблюдателѣ весьма точномъ. „На палубѣ парохода, на которомъ онъ ѣхалъ, везли также двухъ обезьянъ, самаго обыкновеннаго вида въ Индіи и совершенно чужихъ другъ другу. Одинъ разъ одна изъ обезьянъ упала въ море. При видѣ этого другая обезьяна начала метаться въ изступленіи, прибѣжавъ на корму, она схватилась одною рукой за бортъ парохода, а другою рукой протянула къ упавшей обезьянѣ конецъ веревки, которою ее привязывали. Къ сожалѣнію, конецъ этотъ былъ очень коротокъ, и обезьяну спасъ одинъ матросъ, бросивъ ей длинный канатъ, за который она имѣла благоразуміе ухватиться."

Слѣдующій разсказъ приводитъ Ромэнь въ своей книгѣ (французскій переводъ: *L'intelligence des Animaux)* о случаѣ котораго онъ былъ очевидцемъ въ Лондонскомъ (?) Зоологическомъ саду. Двѣ обезьяны—Бабуилъ изъ Аравіи и Анубисъ — были въ

одной клѣткѣ, которая находилась подлѣ клѣтки большаго и очень свирѣпаго Павіяна. Анубисъ протянулъ руку къ нему въ клѣтку, чтобъ украсть орѣхъ. Но Павіянъ увидалъ эту кражу и тотчасъ же вцѣпился зубами въ руку Анубиса. Сторожъ отбилъ Анубиса, который, отскочивъ на середину клѣтки, испускалъ жалобные вопли, прижимая къ груди раненую руку и теръ ее другою рукой. Тогда другой, Бабуилъ, спустился сверху и, бормоча какое-то утѣшеніе, взялъ раненаго на руки, какъ мать своего ребенка. Это свидѣтельство состраданія успокоило Анубиса. Его крики сдѣлались тише, когда онъ почувствовалъ себя въ дружескихъ объятіяхъ, онъ склонилъ голову на грудь товарища, какъ бы вполнѣ цѣня его сострадательную заботливость. Въ этой позѣ они оставались довольно долго, и я невольно подумалъ, что можно за неимѣніемъ другихъ доказательствъ остановиться и на этомъ случаѣ, прямо свидѣтельствовавшемъ о томъ, что и у животныхъ проявляются самыя возвышенныя чувства такъ же, какъ у человѣка."

Переходя въ привязанность, чувство состраданія можетъ внушить любовь болѣе или менѣе прочную и продолжительную, смотря по свойствамъ психическаго склада животнаго. У всѣхъ теплокровныхъ позвоночныхъ животныхъ мы можемъ найти примѣры такой привязанности. Хотя здѣсь иногда бываетъ трудно отличить чувство любви отъ привычки, которая во всякомъ случаѣ усиливаетъ это чувство. Послѣ обезьянъ мы встрѣчаемъ случаи наибольшей силы любви у животныхъ домашнихъ и преимущественно у собакъ. Это чувство здѣсь вошло въ пословицу. „Онъ привязанъ, какъ собака", говоритъ нашъ народъ.—Вотъ случай привязанности, соединенной съ состраданіемъ, о которомъ разсказываетъ D-r Аликсъ. Во время пребыванія своего въ Константинополѣ, къ медицинскому военному персоналу, за обѣдомъ и ужиномъ являлись аккуратно двѣ собаки: одна кривая, другая хромая. „Первую мы прозвали, говоритъ Аликсъ, *коммиссаромъ*—вслѣдствіе ея большей величины и преимущественно за ея бдительность и начальство надъ охраной изо всѣхъ другихъ собакъ. Хромая собака была прозвана *подкоммиссаромъ*. Послѣ долгаго и тщательнаго разслѣдованія, вотъ что̀ удалось намъ узнать изъ исторіи жизни этихъ собакъ. Въ большомъ сраженіи на границахъ Санъ-Димитри—*коммиссаръ* былъ раненъ въ глазъ. Несмотря на это, онъ не оставилъ поля сраженія прежде, чѣмъ побѣда не сдѣлалась несомнѣнною. Онъ вернулся домой съ однимъ

изъ сражавшихся солдатъ. Тогда другая собака—*подкоммиссаръ*, въ теченіе многихъ дней не покидала своего собрата, съ чувствомъ состраданія лизала ему раненый глазъ и приносила ему кормъ. Она не переставала ухаживать за больнымъ до тѣхъ поръ, пока тотъ не выздоровѣлъ. Разумѣется своими заботами она не могла возвратить ему потерянный глазъ. Съ этого самаго времени неразрывная дружба связала обѣихъ собакъ. Спустя нѣсколько времени вновь возгорѣлась война и *подкоммиссаръ* былъ тяжело раненъ. Тогда настала очередь *коммиссару* заплатить своему другу услугой за услугу. Онъ не покидалъ его, кормилъ его, ухаживалъ за нимъ, но, разумѣется, не могъ возвратить ему потерянную ногу. Съ этихъ поръ оба инвалида были не разлучны."

Привязанность собаки къ человѣку всѣмъ извѣстна и составляетъ общее мѣсто. Изъ множества анекдотовъ объ этомъ предметѣ я привожу тѣ, которые въ послѣднее время были сообщены военнымъ ветеринаромъ Аликсомъ, въ его: l'esprit de nos bêtes. Одинъ былъ имъ взятъ изъ Revue Scientifique. Нѣкто Г. Рошà разсказываетъ слѣдующее. „Во время моего дѣтства я одинъ разъ игралъ вмѣстѣ съ моимъ братомъ и маленькою кудлатою и очень понятливою собачкой. Братъ мой толкнулъ меня такъ, что я растянулся на землѣ и во время моего паденія у меня явилась мысль: прикинуться мертвымъ, чтобы посмотрѣть, что будетъ дѣлать собака. Она начала царапать меня лапами, затѣмъ начала дышать мнѣ прямо въ ухо. Видя, что я не шевелюсь, она начала лаять, какъ бы сзывая на помощь. Братъ мой хотѣлъ подойти, но она заворчала и оскалила зубы. Она прикрыла меня собой и не подпускала ко мнѣ брата до тѣхъ поръ, пока не пришла къ намъ мать. Если собака, прибавляетъ Рошà, была испугана только моею неподвижностью, то она не выказывала бы непріязненныя отношенія къ моему брату. Очевидно, что въ ея умѣ было сопоставленіе моего ненормальнаго положенія и толчка, который далъ мнѣ братъ."

Вотъ еще одинъ изъ случаевъ, который мы находимъ у Брэма. „Въ то время, говорилъ онъ, всѣ въ Миланѣ знали маленькую собачку *Моффино*. Эта собачка слѣдовала за своимъ хозяиномъ, который служилъ въ корпусѣ принца Богарнэ, въ 1812 году, во время похода въ Россію. При переходѣ черезъ Березину, собака и солдатъ были разлучены льдинами и капралъ принужденъ былъ вернуться на родину одинъ, не столько сожалѣя о своихъ

ранахъ, какъ о своей собачкѣ, съ которою онъ дѣлилъ и горе, и радость. Одинъ разъ домашніе, гдѣ онъ жилъ, увидали какой-то призракъ собаки, до того не похожій на живую собаку, безобразный и отвратительный, что всѣ начали гнать ее, несмотря на ея жалобные стоны. Въ это время подошелъ капралъ, который возвращался съ прогулки и увидалъ, что это безобразное подобіе собаки ползетъ къ нему и жалобно воетъ. Сперва онъ грубо отпихнулъ его ногой и вѣроятно убилъ бы его; но, всмотрѣвшись внимательнѣе, онъ вскричалъ: *Моффино!* И собачка тотчасъ же вскочила, радостно залаяла и снова упала къ ногамъ его, изнуренная усталостью и голодомъ и, вѣроятно, сильнымъ волненіемъ. Тогда онъ бросился къ ней и возвратилъ ее къ жизни."

Много есть случаевъ, гдѣ собаки тосковали и даже умирали, отказываясь отъ пищи послѣ разлуки или смерти хозяина. Здѣсь я приведу разсказъ Аликса—о памяти, которую сохранила собака къ умершей своей госпожѣ. „Я зналъ, говоритъ Аликсъ —въ Гэдувилѣ (Департаментъ Сены и Оазы) маленькую бѣлую собачку, которая принадлежала одному продавцу молока, г. Жоли. Когда онъ умеръ, собака, въ продолженіи семи лѣтъ, постоянно приходила на его могилу и на могилу его матери, которая умерла нѣсколько лѣтъ прежде его смерти. Собака ложилась на ея могилу и, пробывъ такимъ образомъ нѣсколько времени, она вставала и возвращалась къ своему хозяину. Когда хоронили г-жу Жоли, надо было привязать собаку, такъ какъ она не отходила отъ ея гроба. Ея отчаяніе было такъ сильно, что она потеряла на нѣсколько дней способность лаять, тогда какъ лай ея былъ громкій и пронзительный."

Кошка какъ болѣе хищное животное выказываетъ менѣе привязанности къ людямъ, но и здѣсь есть исключенія. У меня, когда мнѣ было 18 лѣтъ, былъ котъ, который ходилъ за мной, какъ собака. Когда я уходилъ изъ дому, онъ садился на окно въ передней и терпѣливо дожидался моего возвращенія. Когда я вечеромъ садился писать, онъ садился на моемъ письменномъ столѣ, подлѣ моего писанія, щурилъ глаза на свѣчку, жмурился и постоянно мурлыкалъ, но никогда не ложился спать раньше меня, хотя кровать моя стояла подлѣ.

Можно привести еще одинъ рѣзкій случай привязанности кошки, о которомъ разсказываетъ Адольфъ Эспань [1]. Кошка жила въ

[1] Этотъ случай напечатанъ въ брошюрѣ: *Histoire touchante d'un chat metis angora.* Antibes 1885. Онъ приведенъ въ *Revue Scientifique*, а также въ книгѣ Аликса.

семьѣ, состоявшей изъ дѣда и нѣсколькихъ внуковъ. Когда умеръ дѣдъ, кошка нѣсколько дней ходила печальною и жалобно мяукала, хотя прежде никто не слыхалъ ея голоса. Тогда ей было шесть лѣтъ. Черезъ четыре года послѣ этого умерла въ той же семьѣ одна изъ внучекъ дѣда, и въ день похоронъ кошка пропала. Когда вернулись съ кладбища и садились за столъ, тетка умершей внучки хотѣла сѣсть на мѣсто, которое занимала покойная. Предъ ея стуломъ обыкновенно ставилась грѣлка. На этой грѣлкѣ оказалась кошка. Голова ея лежала на полу, а заднія ноги на деревянномъ ободкѣ грѣлки. Она едва дышала. Глаза ея потускли. Всѣ старанія помочь ей были напрасны. На другой день ее нашли мертвою въ томъ же положеніи и на той же грѣлкѣ, которая служила ея покойной маленькой хозяйкѣ.

Въ литературѣ найдется не мало случаевъ привязанности хищныхъ не *одомашненныхъ* животныхъ къ человѣку; разумѣется при этомъ необходимо условіе—чтобы животное было воспитано, то-есть взято въ самомъ раннемъ возрастѣ и выросло подъ уходомъ и лаской воспитателя. Случаи такой привязанности встрѣчаются даже между такими животными, которыя въ дикомъ состояніи поражаютъ своею нелюдимостью, злобой, трусостью и самыми враждебными человѣку свойствами. Къ такимъ безспорно принадлежитъ гіена, и вотъ что разсказываетъ Брэмъ объ этихъ животныхъ. Ему случилось въ Хартумѣ купить нѣсколько маленькихъ гіенъ. Двухъ изъ нихъ онъ воспиталъ, отучилъ отъ кусанья или, правильнѣе говоря, переломилъ ихъ злобный характеръ, и онѣ сдѣлались не только ручными, но ласкались къ хозяину, какъ собаки. „Послѣ трехъ мѣсяцевъ со дня покупки звѣрковъ, разсказываетъ Брэмъ,—я могъ играть съ ними, какъ съ собаченками, не опасаясь никакихъ враждебныхъ попытокъ съ ихъ стороны. Онѣ съ каждымъ днемъ *сильнѣе привязывались ко мнѣ;* были до-нельзя рады когда я приходилъ и выражали эту радость весьма страннымъ образомъ. Увидавъ меня, онѣ тихо вскакивали съ радостнымъ воемъ, начинали прыгать вокругъ меня, клали мнѣ переднія лапы на плечи, обнюхивали лицо, поднимали хвостъ совсѣмъ прямо кверху... и всячески выражали свое удовольствіе. Когда я желалъ взять ихъ къ себѣ въ комнату, мнѣ стоило открыть сарай (въ которомъ онѣ жили), и обѣ немедленно шли за мной. Онѣ прыгали вокругъ меня, какъ привязчивыя собаки, протискивались между ногъ и обнюхивали мнѣ лицо и руки. Я могъ ходить съ ними по двору, не боясь нисколько, что которая-

нибудь захочетъ искать спасенія въ бѣгствѣ. Впослѣдствіи я водилъ ихъ съ собой на тоненькой веревкѣ по улицамъ Каира, къ великому ужасу всѣхъ его правовѣрныхъ обитателей. Гіены меня такъ любили, что иногда приходили навѣстить меня безъ зова, если мой слуга забывалъ запереть двери сарая. Я жилъ во второмъ этажѣ дома, а сарай былъ внизу. Но это нисколько ихъ не затрудняло; онѣ превосходно знали лѣстницу и умѣли отыскать мою комнату, даже когда меня не было дома. Посторонніе люди удивлялись и смѣялись, видя нашихъ животныхъ за чайнымъ столомъ. Насъ было двое и каждый держалъ при себѣ одну изъ гіенъ. Онѣ сидѣли за столомъ тихо и умно, какъ благовоспитанныя собаки, которыя хотятъ выпросить себѣ подачку. Онѣ просили нѣжно-тихимъ, хриплымъ ворчаніемъ и, получивъ что-нибудь, выражали свою благодарность или также ворчаніемъ или обнюхиваніемъ рукъ."

Характеренъ также разсказъ Брэма о ручной львицѣ, которая была подарена одному изъ его друзей. „Она, разсказываетъ Брэмъ,—въ короткое время привыкла къ нашему двору, гдѣ ей позволялось свободно бѣгать. Вскорѣ она повсюду слѣдовала за мной, точно собака, ласкаясь при каждомъ удобномъ случаѣ и была непріятна только въ томъ отношеніи, что иногда ей приходило на мысль посѣщать меня ночью на моей постели и будить меня своими ласками."

Волкъ, этотъ нелюдимый бирюкъ, точно такъ же выказываетъ несомнѣнные признаки кроткой и продолжительной привязанности. Вотъ что разсказываетъ объ одномъ волкѣ Фредерикъ Кювье—братъ знаменитаго Жоржа Кювье. „Въ звѣринцѣ Парижскаго Ботаническаго сада (Jardin des plantes) былъ волкъ, воспитанный однимъ господиномъ. Уѣзжая изъ Парижа, этотъ господинъ подарилъ своего воспитанника звѣринцу. Волкъ сильно тосковалъ въ отсутствіи хозяина, постоянно вылъ, отказывался отъ пищи и такъ страдалъ, что всѣ думали, что онъ не переживетъ этой разлуки. Но мало-по-малу горе забылось. Онъ привыкъ и повидимому забылъ о своемъ воспитателѣ. Черезъ полтора года тотъ снова вернулся въ Парижъ, пошелъ въ звѣринецъ, вмѣшался въ толпу, бродившую около клѣтокъ съ волками, и началъ громко звать своего воспитанника. Волкъ вздрогнулъ, насторожилъ уши и началъ рваться вонъ изъ клѣтки. Когда ему отворили дверцы, онъ прямо бросился къ своему хозяину, визжалъ, лизалъ ему руки, прыгалъ и радовался безъ

конца, но черезъ нѣсколько времени хозяинъ принужденъ былъ снова разлучиться со своимъ воспитанникомъ — и волкъ опять впалъ въ тоску, въ отчаяніе, и только черезъ три года мало-по-малу пришелъ въ нормальное беззаботное состояніе. Онъ сталъ попрежнему ласкаться къ сторожамъ и крѣпко привязался къ собакѣ, которая была посажена къ нему въ клѣтку. Одинъ разъ, вечеромъ, старый хозяинъ волка опять вернулся въ Парижъ и подошелъ къ его клѣткѣ. Волкъ тотчасъ же узналъ его, отвѣтилъ на его голосъ, завылъ, запрыгалъ и началъ рваться вонъ изъ клѣтки. Когда же ему отворили дверцы, онъ бросился къ нему, вскинулъ на его плечи переднія лапы, началъ визжать, лизать ему лицо, руки и огрызался на сторожей, которые хотѣли разлучить ихъ. Но эта разлука все-таки настала, и волкъ навсегда уже впалъ въ мрачное, волчье настроеніе и остался угрюмымъ, печальнымъ до конца жизни.“

Подобные же разсказы существуютъ о лисицѣ, соболѣ, хорькѣ, куницѣ и разныхъ хищныхъ животныхъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ нѣтъ, кажется, никакого сомнѣнія, что привязанности животныхъ къ человѣку вызываются и поддерживаются обращеніемъ съ ними человѣка. Но существуетъ также не мало примѣровъ привязанности между животными. Разумѣется чаще всего и законнѣе эта привязанность является между разными полами одного и того же вида. Привязанность самца къ самкѣ существуетъ почти у всѣхъ теплокровныхъ животныхъ, но у нѣкоторыхъ изъ нихъ она достигаетъ поразительнаго романтическаго характера и силы. Такъ, полагаю, всѣмъ извѣстна привязанность двухъ попугайчиковъ того вида, который въ общежитіи носитъ названіе *inseparables* (неразлучный). Говорятъ, что одинъ изъ нихъ (самецъ или самка) недолго переживаетъ смерть другаго.

Я не буду припоминать нерѣдко замѣчательные случаи привязанности или дружбы между двумя животными, принадлежащими къ разнымъ группамъ: какъ, напримѣръ, собаки къ лошади, собаки къ кошкѣ, пѣтуха къ кролику и т. п.

Всѣ эти примѣры несомнѣнной любви, часто смѣшанной съ привычкой, представляются намъ одиночными случаями и не достигаютъ ни той силы, ни тѣхъ результатовъ, которые появляются въ общественныхъ привязанностяхъ, соединяющихъ все общество въ одно цѣлесообразное, дружное, цѣлое. Въ особенности рѣзки и поразительны бываютъ такіе случаи тамъ, гдѣ въ эту общественно-семейную привязанность замѣшивается любовь

матери къ своимъ дѣтямъ. За примѣрами обратимся къ насѣкомымъ и птицамъ, у которыхъ общественная любовь точно такъ же, какъ и одиночная, проявляется съ наибольшею силой по причинамъ, на которыя уже было выше указано.

Здѣсь мы можемъ наблюдать разные случаи переходовъ отъ одиночной привязанности матери къ дѣтямъ—къ привязанности, гдѣ эта послѣдняя связывается съ любовью общественною. Въ средней Россіи, въ песчаныхъ оврагахъ водился одинъ видъ сѣрой пчелки, принадлежащей къ роду *Halictus* (H. quodiscinctus). Одиночные экземпляры дѣлаютъ простую неглубокую норку въ сыпучемъ пескѣ, и въ каждой норкѣ воспитываютъ одну гусеницу. Но нѣкоторые экземпляры соединяются по четыре, по пяти штукъ и дѣлаютъ общее гнѣздо. Что̀ соединяетъ ихъ: простой ли разсчетъ на общія, соединенныя силы, или инстинктивная привязанность къ общественному труду? Прежде всего они выбираютъ для постройки гнѣзда не сыпучій песокъ, а болѣе твердый грунтъ. Они вырываютъ въ этомъ грунтѣ относительно глубокую нору (въ 10—12 сантим.). Отступя отъ конца этой норы на 4—5 сантим., они устраиваютъ съ боку ея просторное помѣщеніе, въ которомъ воспитываютъ 8—10 гусеницъ въ земляныхъ ячейкахъ.

Таковы первые зачатки общественнаго труда. Другой подобный же простой способъ постройки общественнаго гнѣзда мы видимъ у шмелей. Подобно осамъ, шмели собираются только во временныя, лѣтнія общины, и по окончаніи работъ, когда изъ ихъ гнѣзда выйдетъ новое поколѣніе, они расходятся, чтобы зимовать въ одиночку. Гнѣздо это всегда строится въ землѣ, общими трудами нѣсколькихъ самокъ, нарочно соединившихся для этой работы. Онѣ отыскиваютъ подходящее мѣсто, всего чаще нору, покинутую лѣсною мышью. Очищаютъ ее, расширяютъ, выравниваютъ и въ серединѣ камеры, достигающей въ діаметрѣ 8—10 сантим., онѣ складываютъ цвѣточную пыль, смѣшанную съ медомъ, и въ этотъ комокъ кладутъ яйца. Вышедшія гусеницы поѣдаютъ пыль и медъ и, достигнувъ извѣстной величины, закоконируются. По выходѣ же ихъ изъ этихъ коконовъ, они служатъ ячейками, внутри которыхъ, въ каждую сносится новое яйцо и выплаживается новый шмель.

Теперь если мы прямо перешагнемъ отъ этихъ зачатковъ общественныхъ гнѣздъ къ гнѣзду домашней пчелы, прежде всего насъ поразитъ правильность и вмѣстѣ съ тѣмъ сложность

этого гнѣзда. Оно все, вся община построена, если можно такъ выразиться, на страстномъ чувствѣ привязанности безполой, недоразвитой самки къ вполнѣ развитой, способной образцово нести яйца „маткѣ“. Тотъ кто увидитъ въ первый разъ картину отношеній рабочихъ пчелъ къ маткѣ, тотъ навѣрно будетъ пораженъ эффектомъ этой картины. Она очень удобно наблюдается въ стекляннномъ (одновощинномъ) ульѣ. Матка спокойно, медленно ходитъ по сотамъ пласта вощины. При встрѣчѣ съ нею всѣ пчелы тотчасъ останавливаются, сторонятся, и всѣ обращаются къ ней головками, какъ бы къ центру, вокругъ котораго онѣ располагаются радіусами. Каждая изъ нихъ прижимаетъ усики и вытягиваетъ хоботокъ, какъ бы съ желаніемъ кормить матку или обирать съ нея приставшую къ ней пыль. Въ ихъ позѣ, въ ихъ движеніяхъ невольно выказывается также благоговѣніе, что можно понять какимъ образомъ Французы и Нѣмцы назвали матку „королевой“, а наши пчеляки „царицей пчелъ“ Это благоговѣйное уваженіе, по всѣмъ вѣроятіямъ, есть безсознательный, страстный и сложный рефлексъ, возбуждаемый, съ одной стороны, вполнѣ развитыми яичниками самки, а съ другой—недоразвитыми или атрофированными яичниками рабочихъ пчелъ. Какъ только эти яичники разовьются и въ нихъ появятся яйца—тотчасъ картина отношеній мѣняется. Это бываетъ въ рѣдкихъ, ненормальныхъ условіяхъ. [1] Пчелы чувствуютъ ревность и вражду другъ къ другу. Онѣ вступаютъ въ жестокія драки, и всѣ работы въ ульѣ прекращаются. „Улій неблагополученъ“, какъ говорятъ наши пчеляки. Почему въ общинѣ пчелъ или въ общинѣ термитовъ можетъ существовать одна только матка и почему у другихъ общественныхъ насѣкомыхъ,—муравьевъ или осъ,—существуетъ ихъ нѣсколько одновременно? Почему у шмелей нѣсколько самокъ соединяются вмѣстѣ и общими усиліями строятъ гнѣздо? Это задачи будущихъ изслѣдованій.

Оставивъ въ сторонѣ эти неразрѣшенные вопросы, обратимся къ общинному, семейному началу, на которомъ держится общество пчелъ, муравьевъ и многихъ другихъ плевокрылыхъ (Hymenoptera) насѣкомыхъ. Кастрація самокъ усиливаетъ здѣсь привязанность къ тому поколѣнію, которое производитъ одна (у пчелъ) или нѣсколько, немного, самокъ. Подавленіе чувства половой

[1] Можетъ быть вызвано искусственно, если кормить пчелъ медомъ съ сырымъ бѣлкомъ куринаго яйца.

страстности выдвигаетъ здѣсь на первое мѣсто другое чувство, чувство любви къ будущему поколѣнію, къ родному гнѣзду, къ родной общинѣ. Этому чувству принесены здѣсь въ жертву половая любовь и половое сближеніе, и за то ни въ одной общинѣ, не исключая, можетъ-быть, и общинъ людскихъ, привязанность къ родному гнѣзду и дѣтямъ не развиты такъ сильно, какъ здѣсь. Достаточно взглянуть на ту картину общей сумятицы, которая обхватываетъ улій, въ то время когда ломаютъ медъ, или когда отнимутъ отъ него матку. Еще рельефнѣе вырисовывается эта картина, если разрушить муравейникъ. При первыхъ признакахъ переполоха, муравьи выбѣгаютъ изъ внутреннихъ подземныхъ галлерей, если муравейникъ вскрытъ и такъ называемыя яйца, или по настоящему закоконировавшіяся куколки открыты, то муравьи тотчасъ же хватаютъ ихъ осторожно своими рабочими челюстями и уносятъ ихъ во внутреннюю неразоренную часть муравейника. Многіе уносятъ раненыхъ или изуродованныхъ собратій. Они бѣгаютъ, мечутся въ испугѣ, трогаютъ усиками попадающихъ на встрѣчу и переполохъ усиливается, сумятица растетъ, всѣ какъ одинъ полны неустрашимымъ желаніемъ уничтожить причиненный вредъ и удалить нападающаго врага.

Это свойство защищаться отъ нападеній соединенными общественными силами можно замѣтить у всѣхъ животныхъ, живущихъ обществами, стадами, или стаями. Въ особенности рѣзкую форму эта общественная защита представляетъ у птицъ. Я самъ былъ нѣсколько разъ свидѣтелемъ, какъ быстро слетаются чайки на тревожный крикъ одной изъ нихъ. Охотничья собака, пріѣхавшая съ нами въ Соловки, произвела сильный переполохъ въ Соловецкой общинѣ чаекъ. Мгновенно онѣ слетѣлись на крикъ одной изъ нихъ и такъ дружно и храбро преслѣдовали собаку, что она опрометью бросилась спасаться на баркасъ, который привезъ ее къ пристани. Еще поразительнѣе выразилась общественная привязанность и самозащита, въ той же общинѣ чаекъ, въ 1855 году. Англійская военная эскадра стояла за семь верстъ отъ монастыря, въ которомъ преимущественно гнѣздятся чайки (на монастырскомъ дворѣ). Когда началась канонада и бомбардированіе монастыря, онѣ всѣ собрались къ англійскимъ военнымъ судамъ и съ страшнымъ крикомъ летали надъ ними, выбрасывая на головы матросовъ содержимое пищеварительнаго канала.

Я позволю себѣ остановиться здѣсь, такъ какъ полагаю мною приведено вполнѣ достаточно случаевъ для доказательства существованія во всемъ царствѣ животныхъ привязанности одиночной, между отдѣльными индивидами и общественной, между индивидами цѣлой общины. Мы видѣли, что эта привязанность собираетъ воедино громадныя общества индивидовъ, изъ нѣсколькихъ десятковъ и сотенъ тысячъ индивидовъ (у муравьевъ и термитовъ) и доводитъ ихъ гнѣздо до удивительной цѣлесообразной сложности. Эта привязанность начинается незамѣтно, съ простыхъ выдѣленій железъ, которыми самка склеиваетъ свои яйца. Эта привязанность является какъ-то спорадически тамъ, гдѣ мы не находимъ никакихъ нервныхъ центровъ, какъ, напримѣръ, у *Echinaster Sareä*. Она начинается въ сферѣ психическихъ функцій съ простаго чувства состраданія, которое невольно привлекаетъ сострадательнаго индивида къ его страдающему собрату. Она переходитъ въ болѣе или менѣе непреоборимую привязанность, любовь, выражающуюся въ тысячахъ, въ милліонахъ случаевъ материнской любви, разсѣянныхъ на громадныхъ пространствахъ. Она выражается также въ общественной связи, въ тѣхъ крѣпкихъ привязанностяхъ, на которыхъ построена, напримѣръ, община пчелъ или муравьевъ. Мнѣ предстоитъ теперь глубже войти въ анализъ этого чувства и посмотрѣть, какое мѣсто оно должно занимать во всѣхъ явленіяхъ природы.

IV.

Любовь и единеніе.—Любовь сознательная и безсознательная.—Нравственное свойство и наклонности.—Выработка любви.—Эгоизмъ и альтруизмъ.—Прирученіе.—Брэмъ и гіены.—Путь обращенія отъ грубости къ состраданію.—Примѣры изъ человѣческихъ обществъ.—Нѣсколько случаевъ, приводимыхъ Dr. фонъ де-Куммелемъ.—Индивидуализмъ.—Пища животныхъ.—какъ первое условіе эгоизма или альтруизма.—Различаетъ ли животное мертвое отъ живаго?—Выводы.—Мирная и воинствующая конкурренціи.

Любовь – есть единеніе. Если Дарвинъ видитъ въ поцѣлуѣ „наслажденіе *близости* къ любимому существу“, то-есть, разумѣется, конечное и полное проявленіе этой близости будетъ единеніе—синтезъ, интеграція. Это высшее проявленіе кинетическихъ функцій природы и вмѣстѣ съ тѣмъ это есть основной камень, на которомъ держится и зиждется вся этика.

Но любовь можетъ идти въ двѣ стороны: она можетъ быть альтрюистическою или эгоистическою. Человѣкъ самоотверженный любитъ другаго для него самого, человѣкъ эгоистическій любитъ другаго для собственнаго наслажденія.

Въ послѣднее время многіе желаютъ свести всѣ проявленія любви къ личнымъ, эгоистическимъ наслажденіямъ. „Мнѣ нравится, говорятъ они, жертвовать собой ради благополучія другихъ, и я жертвую, потому что жертва эта доставляетъ мнѣ истинное наслажденіе.“ Такое мнѣніе есть хитрый софизмъ. Если утопающій человѣкъ отталкиваетъ протянутую къ нему руку для того, чтобы не увлечь за собой и не потопить другаго, который протянулъ къ нему эту спасающую руку, то безо всякаго сомнѣнія онъ не испытываетъ никакого наслажденія. Если онъ можетъ мыслить и анализировать въ эту минуту, то ему вѣроятно представляется ужасъ убійства, отвращеніе къ погибели другаго, которой онъ можетъ быть причиной. Но такой анализъ не всегда возможенъ и по всѣмъ вѣроятіямъ очень рѣдко приходитъ въ голову утопающаго въ критическую минуту. Въ головѣ же спасающаго тоже едва ли можетъ быть какой-нибудь анализъ, если онъ бросился въ воду, не разсчитывая на свои силы, бросился въ порывѣ, отуманенный однимъ неодолимо влекущимъ чувствомъ: спасти утопающаго, то одно это чувство настолько сильно, повелительно и всевластно, что при немъ исчезаютъ всѣ другія чувства и всѣ помыслы. Это чувство вполнѣ сродно простому, безсознательному рефлексу. Подъ импульсомъ такого чувства бросаются въ пылъ сраженія, въ огонь, въ воду, въ пропасть. Тутъ не только нѣтъ эгоистическаго наслажденія, но здѣсь даже самое *я* исчезаетъ и человѣкъ дѣйствуетъ вполнѣ рефлекторно, автоматически.

Во всякомъ случаѣ фактъ общеизвѣстный и общепринятый, что чувство задерживается и ослабляется при разсудочныхъ функціяхъ и самое сильное чувство то, которое цѣльно, нетронуто анализомъ, то, которое или прирождено человѣку, или воспитано имъ, то, которое обратилось въ органическую, безсознательную привычку. Много мы видимъ такихъ культивированныхъ чувствъ между случаями любви альтрюистической, но еще гораздо болѣе мы ихъ находимъ между примѣрами любви эгоистической.

Какое-нибудь низшее животное, напримѣръ птица или насѣкомое, обладаетъ въ высшей степени безсознательнымъ чувствомъ привязанности, любви къ своимъ дѣтямъ. Бабочка, какъ мы видѣли, умираетъ на снесенныхъ ею яйцахъ и прикрываетъ ихъ, защищая

отъ зимняго холода пухомъ съ собственнаго тѣла. Собака, бросающаяся въ неравный бой на врага своего любимаго хозяина и защищающая его до послѣдняго біенія сердца, дѣйствуетъ по одному чистому чувству безсознательной, инстинктивной любви.

Въ природѣ мы гораздо больше встрѣтимъ примѣровъ этой любви, чѣмъ сознательнаго разсудочнаго чувства. Но у человѣка мы видимъ, напротивъ, гораздо больше примѣровъ разсудочной, или сознательной любви, чѣмъ у животныхъ. Причина тому лежитъ отчасти въ его организаціи, а главнымъ образомъ въ пренебреженіи, или невниманіи къ основному этическому закону, къ закону труда и упражненія. Мы очень легко, съ полною свободой наживаемъ привычки физическаго организма, и очень трудно и лѣниво вырабатываемъ этическія привычки нравственнаго психическаго организма. Переходъ отъ однѣхъ къ другимъ совершается черезъ порогъ нашихъ разсудочныхъ движеній, съ помощью умственнаго анализа Здѣсь вполнѣ, во всей своей силѣ выражается этическій законъ, указанный Гербертомъ Спенсеромъ. Человѣкъ такъ же, какъ и животное, слѣдуетъ первому импульсу своего чувства, своей привязанности, любви и т. д. Совершивъ поступокъ, къ которому влекло его инстинктивное, безсознательное чувство, онъ тогда только видитъ, что можно было въ данномъ, конкретномъ случаѣ поступить умнѣе, разсудительнѣе и принести гораздо больше пользы другому субъекту въ этическомъ отношеніи. Эта первая часть того порога, черезъ который человѣкъ переступаетъ при культивировкѣ своихъ нравственныхъ чувствъ и отношеній. Вторая и болѣе существенная часть начинается тамъ, гдѣ это разумное, сознательное чувство начинаетъ переходить, вслѣдствіе частаго повторенія, въ органическую привычку, въ область безсознательныхъ отправленій.

Голодная птица—мать, отдающая кормъ своимъ дѣтямъ, представляетъ намъ наглядную форму этой второй ступени. Ея привязанность къ дѣтямъ совершенно заслонила въ ней собственное я. А сколько существуетъ матерей между людьми, у которыхъ это я заслоняетъ ихъ привязанность къ дѣтямъ.

Безсознательная, инстинктивная любовь—та любовь, въ которой нѣтъ мѣста разсудку и его анализу, дѣйствуетъ подобно брошенному камню или притягательной силѣ магнита. Въ ней все, всѣ помыслы и чувства отданы одному неодолимому влеченію—чувству единенія съ любимымъ предметомъ.

Если мы немного задумаемся надъ цѣлесообразнымъ существо-

ваніемъ чувства и разсудка, то мы отдадимъ первое мѣсто чувству, а не разсудку. Въ разсудкѣ заключается только разумѣніе существующаго, въ чувствѣ скрыта сила и сущность всего живущаго. Разумѣніе и разсудокъ всегда останутся индивидуальною, эгоистическою принадлежностью, существующею только для того, чтобы разумѣть всѣ отношенія всего существующаго, а эти отношенія являются въ состраданіи, въ любви, въ ненависти, въ гнѣвѣ, въ злобѣ, въ презрѣніи и пр., и пр. Разсудокъ только констатируетъ то, что̀ открываетъ предъ нимъ чувство и вертится вѣчно въ предѣлахъ механическихъ отношеній и альтернативъ. Чувство проявляетъ основной характеръ, сущность каждаго живущаго существа, и между всѣми чувствами безспорное главенство принадлежитъ любви. Въ ней скрыта міровая, вѣчно зиждущая и животворящая сила, міровой синтезъ. И вотъ почему каждое животное инстинктивно стремится къ привязанностямъ единичнымъ, половымъ, семейнымъ, общественнымъ. Любовь составляетъ отличительную сущность, характеръ всего живущаго. Если эта любовь сильна и безсознательна, то въ ея выраженіи каждое существо находитъ полное самоудовлетвореніе, до полнаго самозабвенія и самоуничтоженія. Она подобна чувству мотылька, который лѣзетъ въ огонь, несмотря на то, что этотъ огонь уже опалилъ его крылья.

Добрыя стремленія, добрыя намѣренія, добрыя чувства открываются намъ въ тѣхъ перспективахъ, которыя ведутъ къ любви. Благо въ общемъ смыслѣ этого слова, какое бы оно ни было, всецѣло скрыто въ чувствѣ любви. Но не должно забывать, что это чувство вырабатывается, какъ и все въ природѣ, медленно, постепенно, возникая изъ слабыхъ и вовсе не похожихъ на него источниковъ. И рядомъ съ этимъ чувствомъ идетъ его прямая противоположность, идетъ зло, идутъ отрицательныя этическія явленія—въ различныхъ степеняхъ, градаціяхъ и силѣ.

Если любовь есть, такъ-сказать, центръ блага, то она въ этикѣ является съ цѣлою свитой производныхъ или подготовительныхъ нравственныхъ свойствъ, съ состраданіемъ, кротостью, милосердіемъ, самоотверженіемъ, самоотреченіемъ, безкорыстіемъ,—наконецъ трудолюбіемъ и энергіей, каждое изъ этихъ свойствъ находитъ равносильный антитезъ въ свойствахъ безнравственныхъ, въ ненависти, злобѣ, гнѣвѣ, жестокосердіи, корыстолюбіи, скупости и наконецъ лѣни и т. д. Слѣдовательно, каждое животное, точно такъ же, какъ и человѣкъ можетъ идти въ двѣ

стороны: въ положительную — этическую или въ отрицательную, антиэтическую. Въ сторону эгоизма или альтрюизма. Квіетизмъ есть уже начало эгоизма, онъ ведетъ къ недѣятельности, къ лѣни и вслѣдствіе этого къ регрессу. Мы видѣли какія регрессивныя явленія слѣдуютъ за бездѣйствіемъ, квіетизмомъ. Трудъ и дѣятельность, энергія организма есть первое условіе нравственныхъ явленій, хотя направленіе ея и можетъ быть совершенно безнравственно. Ею можетъ управлять месть, злоба, ненависть и всѣ безнравственныя свойства психическаго организма,—но безъ этой энергіи при полномъ квіетизмѣ не можетъ быть выработки ни любви, ни злобы. Она есть первое, такъ-сказать, кинетическое условіе выработки положительныхъ или отрицательныхъ свойствъ психической дѣятельности организма. Что же ведетъ его, что̀ руководитъ его въ поступкахъ на томъ или другомъ пути?

Для разрѣшенія этого вопроса намъ необходимо вернуться нѣсколько назадъ къ тому, что̀ было высказано о прирожденныхъ или наслѣдственныхъ влеченіяхъ и симпатіяхъ. Мы видѣли, что онѣ проявляются у самыхъ простѣйшихъ животныхъ, у микроскопическихъ корненожекъ, которыхъ все тѣло представляетъ миніатюрный кусочекъ протоплазмы и никакихъ органовъ. Мы видѣли, что эти животныя выбираютъ пищу по своему вкусу—точно такъ же, какъ и всѣ животныя. Если въ жаркій день, на солнцѣ, гдѣ летаетъ много мухъ, мы выставимъ двѣ разнородныя приманки: медъ или сахаръ и кровь, то мы увидимъ, что большинство мухъ набросится на сахаръ или медъ, а немногія налетятъ на кровь. Съ этихъ вкусовыхъ ощущеній начинается приспособленіе и психическаго склада и физическаго организма въ ту или другую сторону, въ сторону хищной или травоядной жизни. Первая приводитъ въ концѣ концовъ ко всѣмъ отрицательнымъ антиэтическимъ свойствамъ, вторая—вырабатываетъ положительныя нравственныя качества. Въ хищной жизни гораздо больше поводовъ и шансовъ выработаться эгоизму. Травоядная жизнь, напротивъ, располагаетъ къ кротости, состраданію и альтрюизму. Животная пища гораздо легче ассимилируется чѣмъ растительная, организмъ долженъ тратить на усвоеніе, перевариваніе гораздо меньше физіологической энергіи, чѣмъ на усвоеніе растительныхъ веществъ. Къ первой легче находится приспособленій въ его организмѣ, чѣмъ ко второй. И если этотъ организмъ не отличается большимъ запасомъ энергіи и нашелъ

легко добываемую азотистую пищу, то онъ охотно пользуется ею, приспособляется и мало-по-малу становится хищникомъ. Онъ не догадывается, что впослѣдствіи онъ дорого заплатитъ за эту легкоусвояемую пищу, что добываніе ея сдѣлается для него гораздо труднѣе и потребуетъ отъ него или отъ его потомства гораздо большей затраты энергіи, чѣмъ добываніе растительной пищи; а главное онъ заплатитъ за нее своими нравственными свойствами. Онъ сдѣлается злымъ, кровожаднымъ, выработаетъ острые, можетъ-быть ядовитые зубы, острые когти, быстрыя и ловкія движенія, злобныя агрессивныя чувства и пр. и пр. Наконецъ, что всего хуже, онъ можетъ сдѣлаться тунеядцемъ, паразитомъ.

Обратный путь, путь нравственныхъ наклонностей очень труденъ, но возможенъ. Мнѣ случалось видѣть комаровъ, которые влетали въ комнату и пили чай или сахарную простую воду, хотя вблизи ихъ сидѣли люди, кровью которыхъ они могли воспользоваться. Одинъ разъ я видѣлъ жигалку (Stomaxys calcitrans), которая охотно пила воду съ сахаромъ. Слѣдовательно, поворотъ къ старымъ безобиднымъ вкусамъ и влеченіямъ вполнѣ возможенъ, несмотря можетъ-быть на долгій періодъ хищной жизни и на то, что весь организмъ принаровился уже къ животной пищѣ.

Въ самыхъ сокровенныхъ тайникахъ психическихъ движеній всегда существуетъ какой-то компасъ, указывающій путь къ альтрюизму. Иначе не могли бы чувство состраданія, кротости и любви такъ быстро прививаться и переходить отъ человѣка къ самымъ хищнымъ и злобнымъ животнымъ. Можно кажется положительно утверждать, что нѣтъ ни одного хищника, котораго нельзя бы было приручить. Выше приведенный разсказъ Брэма о гіенахъ—ясно убѣждаетъ насъ въ этомъ, и въ подобныхъ случаяхъ первый шагъ къ приученію состоитъ въ томъ, чтобы поколебать въ животномъ вѣру въ его силу и неодолимость. По разсказу Брэма, гіены, которыхъ онъ приручилъ, первоначально сильно кусались. „Я рѣшилъ, говоритъ онъ, проучить ихъ порядкомъ, думая что лучше убить ихъ, чѣмъ имѣть постоянный поводъ опасаться быть пзраненымъ. Поэтому я началъ бить ихъ до тѣхъ поръ пока онѣ не перестали фыркать и ворчать, когда я къ нимъ подходилъ. Чтобъ убѣдиться насколько подѣйствовало наказаніе, я полчаса спустя положилъ свою руку передъ самою ихъ мордой. Одна изъ гіенъ спокойно обнюхала ее, другая укусила и была снова наказана. Въ

теченіе дня я еще разъ повторилъ опытъ и упрямая гіена укусила меня опять. Я побилъ ее въ третій разъ и это, повидимому, окончательно исправило ее. Печально и неподвижно лежала она весь слѣдующій день въ своемъ углу и не дотрогивалась до ѣды. Около 24 часовъ послѣ наказанія я вновь пошелъ въ сарай и оставался съ ними довольно долго. Гіена вела себя какъ слѣдуетъ и не попробовала кусаться. Съ той минуты строгость стала не нужна съ ними; упрямый нравъ ихъ былъ переломленъ и онѣ подчинились мнѣ вполнѣ." Выше мною было указано, какъ прирученіе сдѣлало изъ этихъ животныхъ привязанныхъ и смирныхъ субъектовъ.

Путь обращенія отъ дикости, грубости, къ снисходительности, смиренію и состраданію долженъ быть тотъ же и въ животныхъ и въ человѣкѣ. Мы привыкли обыкновенно сравнивать необузданнаго въ его страстяхъ и психическихъ злобныхъ стремленіяхъ и вспышкахъ человѣка съ дикимъ звѣремъ. Переработка одного склада характера въ другой совершается медленно, исподволь и требуетъ отъ многихъ людей самаго упорнаго терпѣливаго труда и энергіи. Еслибы переходъ отъ эгоизма къ альтруизму былъ легкимъ дѣломъ, то давно бы „человѣчность" явилась въ людскихъ обществахъ и жизнь ихъ потекла бы инымъ путемъ, безобиднымъ для каждаго ихъ члена. Я припоминаю теперь тѣ картины прежней общественной дикости, которыя набросалъ мой товарищъ и другъ проф. Якобій въ его блестящей вступительной лекціи въ курсъ „Общественной гигіены".

Лябрюйеръ, говоритъ онъ, такъ описываетъ положеніе французскихъ крестьянъ въ прежнее время: „Тамъ и сямъ встрѣчаются дикія животныя—самцы и самки—нагія, загорѣлыя, побагровѣвшія, угрюмыя, съ неутомимымъ прилежаніемъ они копаютъ и ворочаютъ землю; у нихъ членораздѣльные звуки и когда они становятся на ноги, то имѣютъ человѣческій образъ. И на самомъ дѣлѣ—это люди. Они проводятъ ночи въ берлогахъ, питаются чернымъ хлѣбомъ, водой и кореньями. Они трудятся для того, чтобъ избавить другихъ людей отъ труда пахать, сѣять, жать и этимъ заслуживаютъ себѣ небольшую долю хлѣба, выращеннаго ихъ трудами". Такъ говоритъ Лябрюйеръ, по словамъ Курье, о счастливыхъ крестьянахъ, которые имѣли работу и хлѣбъ, а большинство этого не имѣло.

„По извѣстіямъ съ начала XVI вѣка въ домахъ англійскихъ рабочихъ полъ былъ обыкновенно изъ глины постоянно покрытый

мочалами. Ихъ не счищали по 20 лѣтъ сряду, а только подкладывали новыя. На полу объѣдки рыбы, остатки и слѣды собакъ и людей. Для обѣда, вмѣсто стола, клали доску на козлы, одѣяло на кровати было большою рѣдкостью, потому что спали большею частью въ платьяхъ."

Въ XIII вѣкѣ—въ домахъ, на дворахъ держали свиней, кроликовъ, гусей и проч. и свободно выпускали всѣхъ ихъ на улицу, гдѣ они гуляли и паслись сильно стѣсняя прохожихъ. Такъ, напримѣръ, одна свинья бросилась подъ ноги лошади, на которой ѣхалъ верхомъ сынъ Людовика Толстаго;—лошадь взвилась на дыбы и чуть не убила принца. Во время черной смерти народъ обвинялъ Евреевъ въ отравѣ и перерѣзалъ ихъ. Трупы лежали нѣсколько мѣсяцевъ на улицахъ Парижа безъ похоронъ. Ихъ съѣдали волки, которые, наконецъ, до того размножились въ этой части города, что по ней не смѣли проходить люди... Преслѣдованіе Евреевъ началось съ Берна. Народъ принудилъ въ Базелѣ правительство запретить изгнать Евреевъ изъ города на 200. Но прежде того всѣхъ жившихъ въ немъ Евреевъ заперли въ деревянную, нарочно выстроенную клѣтку и сожгли живыхъ. Въ Страсбургѣ сожгли около 2.000 Евреевъ на ихъ кладбищѣ и т. д.

Чѣмъ была тюрьма прежде, можно догадываться вотъ изъ чего. Въ Ньюгетѣ (тюрьма въ Лондонѣ) заключенные такъ мерли отъ заразительныхъ болѣзней, что въ комнатѣ судебнаго присутствія ставили пучки руты съ тѣмъ, чтобы судья не заразился отъ подсудимаго. Рута, сильно пахучая трава, считалась отличнымъ средствомъ отъ летучихъ заражающихъ началъ болѣзни.

Прежде пытка употреблялась повсюду и была обыкновеннымъ средствомъ при допросѣ обвиняемаго. Вывертывали суставы, сжимали ноги, такъ что кости трещали, томили голодомъ и жаждой, били до обморока, подъ ногти вколачивали гвозди или зажженыя еловыя шишки, поджаривали медленнымъ огнемъ, били палками по икрамъ съ утра до ночи—на правежѣ. Кому неизвѣстны тѣ грубые, дикіе обычаи и привычки, которымъ теперь мы удивляемся въ нашихъ предкахъ. Кто не знаетъ, что мужчина считался привилегированнымъ членомъ въ семьѣ и по обычаю могъ деспотически распоряжаться съ женой. Билъ ее, сѣкъ до крови. Всѣ знаютъ тѣ дикіе порядки, которымъ училъ „домострой": „Сына ли имаши, не дошедъ внити юности, то сокруши ему ребра; аще бо жезломъ біеши его, не умретъ, но здоровъ будетъ"...

Всѣ эти тяжелыя картины прошлаго теперь исчезли или на пути къ полному исчезанію. Человѣчность нисходитъ вмѣстѣ съ цивилизаціей и, кажется, что уже не далека ея полная побѣда надъ звѣрствомъ, кровожадностью, жестокостью и нелюдимостью человѣка. Поставивъ въ этомъ случаѣ человѣческія общества, какъ идеалы—для теченія природныхъ явленій—мы можемъ предсказать со значительною долей достовѣрности, что ихъ стремленія мало-по-малу снизойдутъ въ стремленія всего животнаго міра и даже всей природы.

Въ пользу такого предположенія говорятъ намъ тѣ задатки состраданія, которые мы встрѣчаемъ спорадически то тамъ, то здѣсь на разныхъ ступеняхъ животнаго царства и та всеобщая любовь матери и отца къ дѣтямъ и привязанность дѣтей къ ихъ родителямъ, которую мы встрѣчаемъ повсюду, на всѣхъ ступеняхъ царства животныхъ. Я привелъ нѣсколько примѣровъ этого чувства состраданія у животныхъ. „Чувства симпатіи и подаяніе помощи, говоритъ д-ръ Фовò де-Курмелль (Dr. Foveau de Courmelles), повидимому вызываются въ присутствіи страданія и болп. Они идутъ изъ того же источника, какъ и тѣ же самыя чувства у человѣка.“ Онъ приводитъ нѣсколько примѣровъ, взятыхъ у разныхъ авторовъ. Такъ Дарвинъ цитируетъ разсказъ объ одномъ слѣпомъ пеликанѣ, котораго кормили его собратія, то же самое разсказываютъ о слѣпыхъ воронахъ и объ одномъ слѣпомъ пѣтухѣ. Пѣвчія птицы обыкновенно заботятся о своихъ больныхъ или раненыхъ товарищахъ. Брэмъ разсказываетъ о двухъ лошадяхъ, которыя пережевывали овесъ для третьей старой, беззубой, больной лошади и т. д.

Все высказанное приводитъ насъ къ заключенію, что то альтрюистическое, связующее чувство, которому симпатизируетъ всякое доброе существо, лежитъ въ явленіяхъ природы. Но какъ же въ такомъ случаѣ соединить альтруизмъ съ эгоизмомъ, какъ примирить двѣ крайности очевидно діаметрально противоположныя. Эгоизмъ есть прямое слѣдствіе—индивидуальности. Если эта индивидуальность выдѣлилась изъ безразличныхъ общихъ явленій природы, то она eo ipso—должна идти далѣе, обособляться сильнѣе и различаться отъ другихъ индивидуальностей. Въ ней заложено неодолимое, свойственное ей одной *я*, такъ называемая *самость*, для которой всѣ привязанности лежатъ въ ея личныхъ вкусахъ и стремленіяхъ. И вотъ здѣсь, въ этихъ свойствахъ личности каждаго существа лежитъ крайняя сила и крѣпость

того оселка, о который изощряется альтруистическая привязанность. Животное, точно такъ же, какъ и человѣкъ, должно побѣдить въ себѣ это чувство привязанности къ себѣ, къ своей личности. Почему является необходимость и даже обязательность такой побѣды, объ этомъ мы сейчасъ поговоримъ ниже, а теперь только укажемъ и припомнимъ всѣ тѣ случаи альтрюистической любви, на которые выше уже было указано. Каждый, полагаю, пожелаетъ, чтобъ этихъ примѣровъ было больше. И въ дѣйствительности безъ сомнѣнія они преобладаютъ надъ случаями эгоизма. Все представляемое не болѣе какъ спорадическія случайныя наблюденія разныхъ лицъ, также случайно собранныя и записанныя.

Но если развитіе животныхъ дѣйствительно идетъ къ развитію альтруистической любви, то спрашивается, какое чувство: альтруизма или эгоизма можетъ вѣрнѣе, скорѣе привести къ общему благосостоянію, ибо это благосостояніе и есть конечная цѣль всего существующаго. Многіе, можетъ-быть, не согласятся съ этимъ и будутъ отстаивать взглядъ, основанный на механическихъ законахъ, которымъ разумѣется нѣтъ никакого дѣла ни до эгоизма, ни до альтрюизма. Но мы уже выше замѣтили, что эта механическая точка зрѣнія исключаетъ область чувства, то-есть ту область, на которой зиждется все въ мірѣ и которая составляетъ сущность исхода и конечную цѣль всѣхъ біологическихъ явленій.

Чтобы разрѣшить выше поставленный вопросъ, намъ необходимо посмотрѣть ближе на явленія компенсаціи въ мірѣ животныхъ и борьбы за существованіе.

Большая часть низшихъ организмовъ питается пассивно и безразлично: растительными, животными организмами и преимущественно ихъ остатками. Мы видимъ группы, имѣющія громадное распространеніе, живущія во всѣхъ моряхъ, подъ всѣми широтами, которыя постоянно „цѣдятъ“ воду, то-есть пропускаютъ сквозь свой пищеварительный органъ громадную массу воды, которая выноситъ все, что̀ въ ней суспензировано (подвѣшено, то-есть все, что̀ въ ней находится). При этомъ въ отверстіяхъ, которыя пропускаютъ эту воду, находятся сортировальные аппараты. Прежде всего эти отверстія уже своею величиной представляютъ возможность сортировки. Они пропускаютъ всѣ частицы, которыя могутъ свободно войти въ нихъ и закрываютъ доступъ тѣмъ, которыхъ размѣры больше этихъ отверстій. У

болѣе высшихъ животныхъ мы видимъ около рта особенныя приспособленія для такой сортировки и всего чаще — одну или нѣсколько щетинокъ, которыя отбрасываютъ въ сторону всѣ тѣ куски или организмы, которые они не могутъ проглотить. Такія щетинки, напримѣръ, мы встрѣчаемъ у многихъ наливочныхъ, такъ называемыхъ „перистоголовыхъ", какъ, напримѣръ, у *Сувоекъ* (Vorticellens). У многихъ наливочныхъ и у тѣхъ же сувоекъ такой волосокъ отбрасываетъ не только кусочки, которые по величинѣ не могутъ пройти въ ротовое отверстіе животнаго, но и все живое, движущееся и пропускаетъ только мельчайшія частички полуразрушенныхъ животныхъ и растеній. Слѣдовательно этотъ волосокъ обладаетъ не простою механическою способностью, но дѣйствуетъ какъ элективный, физіологическій и можетъ быть даже психическій аппаратъ. Если мы сравнимъ трубача (Stentov) съ другою крупною инфузоріей—кошельницей (Bursarice), то придемъ къ заключенію, что первый питается такъ же какъ и сувойки безразлично мелкими остатками растительныхъ и животныхъ формъ, а другая представляетъ преимущественно хищницу. Въ ея громадныхъ пищеварительныхъ полостяхъ можно нерѣдко встрѣтить цѣлую коллекцію различныхъ инфузорій, которыхъ она проглотила.

Очевидно, что существованіе всѣхъ животныхъ, питающихся полуразрушенными частями организмовъ, въ томъ чи́слѣ и инфузорій, явилось, съ одной стороны, какъ слѣдствіе приспособленія къ пищи болѣе удобной, а съ другой—какъ утилизація того громаднаго количества этихъ остатковъ, которые существуютъ въ водахъ прѣсноводныхъ и въ особенности въ морскихъ водахъ. Понятно, что животному съ мерцательнымъ пищепріемнымъ аппаратомъ удобнѣе было проглатывать тѣ пассивныя частицы, которыя при этомъ проглатываніи не оказывали никакого протеста, чѣмъ проглатывать движущійся организмъ, иногда съ твердыми покровами или вооруженный шипами, иглами и разными твердыми заостренными частями. Приспособленіе къ проглатыванію мягкихъ, мертвыхъ частей животныхъ и растеній было легче, удобнѣе, и вотъ почему, вѣроятно, оно явилось, какъ первое приспособленіе и удержалось на громадной площади плавающихъ и въ особенности сидячихъ организмовъ. Приспособленія къ хватанію и проглатыванію живыхъ животныхъ явилось уже потомъ.

При разсматриваніи этого вопроса невольно является другой неразрѣшенный вопросъ: можетъ ли животное, въ особенности

съ неразвитыми органами ощущеній, различить живое существо отъ мертваго. Очевидно, что этотъ вопросъ входитъ въ самую сущность и основу этическихъ явленій. Первоначально, вѣроятно, такого различенія не существовало, и животное съ мерцательнымъ ротовымъ аппаратомъ проглатывало безразлично живыя существа и мертвыя части ихъ тѣла. То различеніе, которое мы видимъ у Сувоекъ и вообще наливочныхъ, питающихся одними остатками мертвыхъ существъ, не существовало. Съ другой стороны должно замѣтить и то обстоятельство, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ, вѣроятно, не существовало никакого различія во вкусѣ растительныхъ или животныхъ организмовъ. Протоплазма вездѣ имѣла одни и тѣ же свойства и признаки.

Но переходя отъ этого безобиднаго питанія къ выработанному и обособленному (спеціализованному) хищничеству, мы встрѣчаемъ и непремѣнные аттрибуты его—органы хватанія или умерщвленія добычи. Между наливочными мы находимъ такихъ, которыя вооружены цилиндромъ или конусомъ твердыхъ палочекъ, которыми Хилодонъ или Пародонъ (Chilodon, Prorodon) можетъ схватывать свою добычу. Примѣръ тѣхъ хищныхъ аппаратовъ и приспособленій, къ которымъ приводитъ хищная жизнь, мы видимъ у „носатой двупоясницы“ (Dydimium nasutum), выработавшей внутри своей глотки выдѣленіе тонкихъ, иглообразныхъ и ядовитыхъ стрѣлокъ, которыми она можетъ стрѣлять въ свою добычу и парализуетъ ея движенія.

Въ первомъ громадномъ классѣ многоклѣточныхъ животныхъ, у Губокъ (или паронесущихъ *Parifero)* мы опять встрѣчаемъ безразличное питаніе органическими мертвыми остатками. Можетъ-быть эти остатки представляютъ наиболѣе удобный, легкоуподобляемый матеріалъ для питанія,—матеріалъ, который требуетъ отъ животнаго наименьшей затраты энергіи его пищеварительныхъ аппаратовъ. Во всякомъ случаѣ должно указать на то, что эта пища совпадаетъ съ требованіями этическихъ условій. Дальнѣйшее приспособленіе къ растительной и въ особенности къ животной пищѣ, а тѣмъ болѣе приспособленіе къ питанію живыми животными, представляетъ уже отрицательную, антиэтическую сторону дѣла.

Но я чувствую, что здѣсь мнѣ необходимо оговориться въ одномъ отношеніи. Найдется не мало людей, которые отвергаютъ утилитарность и цѣлесообразность въ природѣ вообще и въ приспособленіяхъ въ частности. Я не буду спорить о томъ,

что всеобщей и отдѣльной самостоятельной цѣлесообразности не существуетъ, хотя ниже постараюсь привести нѣкоторыя доказательства этого существованія. Но въ частности для того или другаго случая, для того или другаго индивида, она можетъ существовать. Если существуетъ громадное количество остатковъ растеній и животныхъ, если эти остатки представляютъ наиболѣе удобоваримый матеріалъ для питанія низшихъ организмовъ, то какимъ же образомъ не разовьется огромное приспособленіе къ потребленію этого матеріала на огромной площади земли у цѣлыхъ милліардовъ разноформенныхъ существъ. Можно утверждать, что оно развилось потому, что это самый наивыгоднѣйшій, наиудобнѣйшій матеріалъ для существованія. И въ то же время нельзя отвергать, что безъ этого приспособленія громадное количество этого питательнаго матеріала пропадало бы даромъ и разлагаясь портило бы воду, то-есть дѣлало бы ее негодною для жизни организмовъ. Въ явленіяхъ природы, какъ мы увидимъ ниже, все складывается какъ бы само собою, всякая причина производитъ слѣдствіе, и если въ этомъ слѣдствіи мы видимъ цѣлесообразность, то и она сложилась сама собою, потому что въ основѣ всѣхъ явленій заложены элементы, которые безсознательно и неотразимо должны привести къ этой цѣлесообразности. Мы точно также увидимъ впослѣдствіи почему необходимъ этотъ не прямой и короткій, а длинный извилистый путь, теперь же скажу только, что тщательная, терпѣливая и продолжительная выработка каждаго явленія производитъ его стойкость и прочность.

Поднимаясь отъ губокъ выше, мы сразу попадаемъ на длинный періодъ хищной жизни. Такова жизнь почти всѣхъ такъ-называемыхъ *антимерныхъ* животныхъ *(Antimerosoa)*—полиповъ, медузъ и большей части иглокожихъ. Изъ этихъ животныхъ одни (гидроиды и полипы) ловятъ свою добычу на днѣ морей, сидя неподвижно на какой-нибудь скалѣ или камнѣ, другія, медузы ищутъ ее на поверхности моря, третьи—иглокожіе медленно ползаютъ по подводнымъ предметамъ и ловятъ уснувшую или мало подвижную добычу, или собираютъ ее (ежи-голотуріи) по маленькимъ микроскопическимъ кусочкамъ, крошками и наполняютъ ею кишечный каналъ вмѣстѣ съ пескомъ или иломъ. Для полиповъ и медузъ главный контингентъ ихъ пищи даютъ ракообразныя животныя, преимущественно мелкія. Они размножаются во множествѣ. Не рѣдко въ тихихъ заводяхъ и заливчикахъ они до того переполняютъ воду, что она мутится и принимаетъ

буроватый оттѣнокъ. Въ несмѣтныхъ количествахъ они появляются въ поверхностныхъ токахъ морей (въ такъ-называемой aqua corrente). И здѣсь, въ южныхъ моряхъ, ихъ ожидаютъ и ловятъ плавающія медузы, трубчатники, гребневики, прозрачные хищные моллюски—каринаріи и хоботники *(Pterotrochea Filora)*. Очевидно, что всѣ хищники, поѣдающіе этихъ мелкихъ рачковъ представляютъ противовѣсъ ихъ громадному размноженію. И не только эти маленькіе Конеподы, но почти весь классъ раковъ сложенъ изъ формъ, которыя питаются безразлично остатками растительныхъ и животныхъ формъ. Только въ высшихъ формахъ, и то невсегда, мы встрѣчаемъ хищныя формы, то-есть питающіяся живою добычей.

Точно также пассивный контингентъ для пищи хищниковъ представляетъ большая часть червей, такъ-называемыхъ головожаберныхъ кольчатниковъ, питающихся иломъ. Огромный контингентъ для той же цѣли представляютъ намъ мшанки, эти непремѣнные обитатели всѣхъ морскихъ прибрежій. Питаясь пассивно всякими измельченными остатками животныхъ и растеній, они въ свою очередь служатъ пищей морскимъ ежамъ и нѣкоторымъ рыбамъ.

Громадная группа моллюсковъ *двустворчатыхъ* или *безголовыхъ (Acephala s. Siralvia)* принимаетъ пищу мерцательными аппаратами, процѣживая черезъ кишечный каналъ всѣ остатки органической жизни прѣсныхъ или морскихъ водъ. Поднявшись немного выше, мы уже встрѣтимъ различеніе въ пищи, мы встрѣтимъ огромный контингентъ травоядныхъ моллюсковъ и небольшія группы моллюсковъ хищныхъ. Между всѣми животными здѣсь въ первый разъ мы встрѣчаемъ животныхъ травоядныхъ, то-есть питающихся исключительно растеніями, а не мертвыми остатками растительныхъ организмовъ. Мы видимъ здѣсь цѣлые ряды формъ съ сильно развитымъ зубнымъ аппаратомъ (radula) для измельченія растеній и съ разными приспособленіями для ихъ употребленія въ пищеварительномъ аппаратѣ. Послѣдняя, высшая группа моллюсковъ заключаетъ хищниковъ, выработавшихъ всѣ приспособленія къ хищной жизни.

Въ отдѣлѣ суставчатоногихъ мы находимъ гораздо больше животныхъ, питающихся растительными соками и вообще растеніями, чѣмъ хищниковъ *(Arthropoda)*, мы видимъ первую, громадную группу, питающуюся остатками организмовъ, группу ракообразныхъ и за ней тотчасъ же слѣдуетъ группа самыхъ

хищныхъ животныхъ, пауковъ *(Arachnida)*, обыкновенно питающихся живою добычей и выработавшихъ для этой цѣли различныя хитрыя приспособленія, начиная отъ паутины до ядовитыхъ зубовъ-челюстей. Въ классѣ насѣкомыхъ является строгое раздѣленіе на травоядныхъ, всѣядныхъ и хищниковъ. Тамъ все въ природѣ, чѣмъ можетъ питаться животное, получило приспособленіе и своего нахлѣбника, корни, листы, стебли, цвѣты, плоды и грибы, но сравнивая численность травоядныхъ и хищныхъ насѣкомыхъ, мы находимъ огромный перевѣсъ первыхъ надъ послѣдними. Къ травоядным принадлежитъ бо́льшая часть Thysanuhra, огромное большинство мухъ (Diptera), всѣ или почти всѣ бабочки (Lepidoptera), громадное число клоповъ (Haemiptera), почти всѣ стрекозы (Orsthoptera), жуки (Coleoptera) и больше половины порядка плезокрылыхъ (Hymenoptera). Между жуками мы видимъ четыре подпорядка питающихся растительною пищей и только одинъ порядокъ, и то не весь, хищниковъ. Въ частности мы видимъ спорадическія исключенія, но ихъ очень немного.

Если мы теперь взглянемъ на животныхъ позвоночныхъ, то и здѣсь найдемъ огромное преобладаніе травоядныхъ животныхъ, или животныхъ всеядныхъ или питающихся мертвыми полуразложившимся трупами, передъ животными дѣйствительно хищными. Притомъ должно замѣтить, что бо́льшая часть хищныхъ позвоночныхъ питается насѣкомыми или рыбами, то-есть животными хладнокровными. И въ особенности сильное преобладаніе травоядниковъ или зерноядниковъ надъ хищниками, питающимися живыми теплокровными животными, мы находимъ у птицъ и млекопитающихъ. У тѣхъ и другихъ мы видимъ только по одному порядку *(хищники: Raptatores* и *Carnivora)* между всѣми другими. Замѣтимъ кстати, что количество индивидовъ, питающихся растительною пищей, неизмѣримо велико въ сравненіи съ питающимися живою добычей и въ особенности животными теплокровными. Это послѣднее обстоятельство наводитъ на весьма существенное заключеніе, а именно:

Во-первыхъ, сила вкусовъ и наклонностей къ теплой крови и живой добычѣ была во всѣ времена очень ограничена, несмотря на массу матеріала, къ которой могли приспособиться хищныя животныя.

Во-вторыхъ, это приспособленіе къ ультра хищной жизни гораздо труднѣе, чѣмъ приспособленіе къ питанію растительными веществами.

Втретьихъ, то гармоническое равновѣсіе между хищниками и травоядниками, о которомъ такъ много было говорено, существуетъ далеко не въ той силѣ, какую ему приписываютъ натуралисты, въ особенности послѣдователи Дарвина.

Если мы теперь бросимъ взглядъ вообще на отношеніе, которое представляла прежде и представляетъ теперь хищная жизнь и питаніе животными во всѣхъ родахъ животнаго царства, то неизбѣжно придемъ къ слѣдующему выводу. Первоначально простѣйшія животныя питались безразлично разными мелкими микроскопическими растеніями и животными. Затѣмъ большинство животныхъ въ различныхъ группахъ остановилось исключительно на остаткахъ полуразложившихся труповъ животныхъ и растеній. Словомъ, всего того, что встрѣчается подмѣшеннымъ въ прѣсной или морской водѣ. Можетъ-быть одновременно или нѣсколько позднѣе выработалась та громадная группа, цѣлый отдѣлъ антимерныхъ животныхъ, который почти весь состоитъ изъ хищниковъ [1]. Затѣмъ выше уже начинается сознательное различеніе растительной пищи отъ животной. Вслѣдъ за группой хищниковъ, питающихся живою добычей, слѣдуетъ группа травоядниковъ или плодоядниковъ. Она, какъ кажется, заканчиваетъ цѣлый классъ или цѣлый отдѣлъ. Такъ въ классѣ насѣкомыхъ мы видимъ такую группу въ семействѣ *пластинчатоусыхъ* (Lamellicornia — именно la Coprophaga), въ классѣ птицъ мы встрѣчаемся на вершинѣ съ плотоядными попугаями, классъ млекопитающихъ завершается плотоядными антропоморфными обезьянами. Наконецъ дикія не развитыя племена человѣчества проходятъ степени каннибальства, плотоядничества, и все это завершается сознательнымъ вегетаріянствомъ.

Принявъ во вниманіе все сказанное, мы невольно приходимъ къ заключенію, что хищничество занимаетъ въ природѣ очень небольшой уголокъ и значеніе его въ борьбѣ за существованіе и даже въ компенсаціи природныхъ явленій весьма невелико. Въ борьбѣ за существованіе оно не играетъ существенной роли и здѣсь гораздо важнѣе другія условія, какъ напримѣръ борьба за пространство, а не за пищу. Мы еще вернемся къ этому

[1] Кажется, не ошибемся, если сдѣлаемъ такое предположеніе: вкусовыя ощущенія здѣсь еще не различались, и въ группѣ полипомедузъ заглатываются цѣликомъ животныя.

предмету, а теперь бросимъ взглядъ на то психическое состояніе, которое должно считаться вообще нормальнымъ и общимъ у животныхъ.

Мы знаемъ, что молодыя животныя, даже у самыхъ кровожадныхъ хищниковъ, ихъ дѣтеныши, вездѣ выказываютъ игривое настроеніе. Такое настроеніе показываетъ полное отсутствіе враждебныхъ настроеній и, напротивъ, предполагаетъ совершенно покойное, мирное психическое настроеніе. Большинство ихъ жизни проходитъ въ этомъ мирномъ настроеніи и только въ случаѣ голода, при видѣ пищи возбуждается ихъ вражда и ненависть другъ къ другу. Если таково настроеніе у дѣтенышей самыхъ хищныхъ, кровожадныхъ животныхъ, у льва, тигра, пантеры, кошки и т. д., то тѣмъ болѣе причинъ видѣть его у всѣхъ другихъ, не хищныхъ животныхъ. Полное довольство обыденными функціями тѣла возбуждаетъ въ каждомъ животномъ извѣстную степень благорасположенія къ окружающему и усиливаетъ его довольство жизнью. Оно вызываетъ въ немъ ту „жизнерадость“, которая составляетъ суть наслажденія и довольства жизнью. И эта жизнерадость широко разлита въ природѣ. Она звучитъ міріадами звуковъ, которыми выражаютъ ее птицы и насѣкомыя.

Если такова общая канва или общій фонъ явленій животной жизни, то очевидно, что все противоположное, озлобленное, антиэтическое должно составлять исключеніе или правильнѣе заблужденіе на общихъ путяхъ добродушной, нравственной жизни. И дѣйствительно мы видимъ, что такія исключенія выражаются въ немногихъ менѣе развитыхъ группахъ царства животныхъ.

Странно было бы, еслибъ я сталъ доказывать, что въ природѣ не существуетъ вовсе вражды и конкурренціи. Достаточно вспомнить тѣ сцены ревности между индивидами одного пола, которыя представляютъ намъ разныя группы животнаго царства и которыя представляютъ одно изъ главныхъ и могучихъ средствъ подбора родичей. Но вглядываясь въ эти сцены и сравнивая ихъ со всѣмъ тѣмъ, что происходитъ въ царствѣ животныхъ, мы опять видимъ въ нихъ не болѣе какъ исключительные случаи, которые рѣзко бросаются въ глаза своею трагическою постановкой и развязкой. На каждый такой случай мы можемъ набрать множество другихъ, иногда цѣлый десятокъ случаевъ, гдѣ ревность со всѣми ея послѣдствіями не играетъ никакой роли, гдѣ нѣсколько самокъ соединяются вмѣстѣ для постройки гнѣзда

общими мирными силами. Органы животныхъ, по отношенію къ борьбѣ за существованіе, обыкновенно раздѣляются на органы *нападенія* и *защиты*. Но понятно, что тотъ же самый органъ, тѣ же рога и копыта, которыми животное защищается отъ нападенія, можетъ служить и для нападенія на другаго. Здѣсь дѣло не въ органѣ, а въ томъ агрессивномъ настроеніи, которое дѣлаетъ изъ органа защиты органъ нападенія.

Точно также дѣло вовсе не въ борьбѣ за существованіе, а въ томъ способѣ, которымъ совершается эта борьба. Конкурренція въ развитіи животнаго царства представляется если не исключительнымъ, то самымъ могучимъ средствомъ для достиженія цѣли, но эта конкурренція должна быть *мирною*, а не *воинствующею*. Представлю для поясненія одинъ конкретный случай—одинъ примѣръ. Представимъ себѣ, что какое-нибудь безпозвоночное животное, какой-нибудь полипъ, гидроидъ, сидячій червь, моллюскъ, асцидія и пр., сносятъ яйца, изъ которыхъ выходитъ выводокъ изъ мелкихъ, микроскопическихъ червячковъ, гусеницъ, плавающихъ съ помощью мерцательныхъ волосковъ. Очевидно, что тотъ червячекъ, который имѣетъ болѣе энергіи, болѣе сильный и крѣпкій, котораго волоски сильнѣе работаютъ, имѣетъ болѣе шансовъ предъ своими собратіями на лучшія условія для развитія. Онъ можетъ уплыть дальше и попасть въ лучшую обстановку. Онъ можетъ проплыть въ вышину гораздо больше пространства и приблизиться къ поверхности воды, гдѣ найдетъ пищу въ большемъ изобиліи, а вмѣстѣ съ ней больше свѣта и воздуха. Онъ садится на этой высотѣ на какой-нибудь камень или скалу, тогда какъ всѣ другія собратія осаживаются внизу и къ нимъ доходятъ, падаютъ только остатки той пищи, которую въ изобиліи, такъ-сказать, изъ первыхъ рукъ получаютъ всѣ тѣ организмы, которые сидятъ на верху.

Но такая конкурренція можетъ быть вызвана не одною силой и крѣпостью, здѣсь могутъ замѣшиваться и вліять психическія движенія.

Очевидно, что такой организмъ или организмы очутятся въ „выигрышномъ“ положеніи относительно всѣхъ своихъ собратій. Онъ воспользовался преимуществами, которыя онъ получилъ при рожденіи, и конкурренція, въ которой онъ участвовалъ, была совершенно безобидная, „мирная конкурренція“. Такая конкурренція рѣзко отличается отъ той нападающей и побѣждающей,

„воинствующей конкурренціи“, на которой основаны всѣ случаи борьбы за существованіе.

Но такихъ случаевъ, сравнительно съ случаями безобидной, „мирной конкурренціи“, очень немного. Они попадаются только тамъ, гдѣ жизнь скучила громадное число индивидовъ на маленькомъ пространствѣ, гдѣ эта борьба должна быть во что бы то ни стало. Но и тамъ она является спорадически и рѣже. Взгляните на берега сѣверныхъ морей. Миріады птицъ покрываютъ ихъ скалы, гнѣздятся на нихъ, но ни одна изъ этихъ птицъ не попытается сбросить со скалы въ море сосѣдку, сидящую подлѣ нее на гнѣздѣ; а троньте только одну изъ нихъ, и какъ только она издастъ крикъ тревоги, какъ тотчасъ всѣ бросятся на этотъ крикъ и будутъ порхать надъ вашею головой съ явнымъ намѣреніемъ защитить обиженнаго собрата. Гдѣ же здѣсь „борьба за существованіе“!?

Но точно также и во всей природѣ она рѣдко проявляется въ ея воинствующей формѣ, тогда какъ принципъ единенія, принципъ привязанности къ мѣстности, къ гнѣзду, къ матери и къ дѣтямъ, привязанности къ пищѣ, къ климату, жизни и пр., этотъ принципъ царствуетъ повсемѣстно, и надо быть слишкомъ близорукимъ, чтобъ отрицать его.

Но чтобъ явленія этого принципа могли имѣть мѣсто, необходимо еще одно *третье* условіе, о которомъ я буду говорить въ слѣдующихъ главахъ.

Н. Вагнеръ.

С.-Петербургъ.
12 марта 1891 года.

Безлунная ночь.

У порога бѣлой хаты,
Въ ароматной мглѣ вѣтвей,
Заливается крылатый
Бардъ украинскихъ ночей.

Нѣтъ луны, но звѣзднымъ свѣтомъ
Ночь лазурна, ночь ясна.
Спитъ земля. Въ молчаньи этомъ
Ночь гармоніей полна.

Звонче пѣсня... громче... шире...
Улетаетъ въ даль садовъ!..
Для кого въ весеннемъ мірѣ
Льется пѣсня вешнихъ сновъ?—

Говорятъ, отъ розъ востока
Съ золотой волной лучей
Къ русскимъ розамъ издалёка
Прилетаетъ соловей;

Но сегодня не надменныхъ
Славитъ онъ царицъ весны,
Не поетъ имъ сокровенныхъ
Сказокъ чудной стороны!..

Тамъ, гдѣ яблони такъ низки
И такъ густъ навѣсъ листвы,
У плетня, тамъ, близко, близко
Двѣ склонились головы.

Громче пѣсня вылетаетъ.
Кто услышитъ звукъ рѣчей?—
И лобзанья заглушаетъ
Неустанный соловей!

Гр. П. Бутурлинъ.

МАЙОРАТЪ.

Разсказъ Е. Т. А. Гоффмана.

На берегу Балтійскаго моря стоитъ родовой за́мокъ. называемый Р...зиттенъ, по имени бароновъ Р. Мѣстность сурова и пустынна; кое-гдѣ лишь сквозь глубокій сыпучій песокъ едва пробивается трава, а вмѣсто сада, служившаго въ старину украшеніемъ барскихъ жилищъ, къ голымъ стѣнамъ за́мка примыкаетъ чахлый сосновый боръ, вѣчный глубокій трауръ котораго пренебрегаетъ пестрымъ убранствомъ весны; вмѣсто радостнаго щебетанья весело встрепенувшихся птичекъ, въ немъ раздается пронзительный крикъ буревѣстниковъ, да зловѣщее карканіе воронъ.

На разстояніи четверти часа ходьбы отсюда природа внезапно мѣняется. Какъ будто по мановенію волшебнаго жезла вы переноситесь въ цвѣтущія поля, тучныя пашни и луга. Здѣсь вы увидите большую богатую деревню съ просторнымъ домомъ управляющаго. Надъ ольховыми кустами виднѣется фундаментъ большаго за́мка, постройку котораго затѣялъ одинъ изъ прежнихъ владѣльцевъ имѣнія. Его наслѣдники, живущіе въ своихъ курляндскихъ помѣстьяхъ, прекратили постройку, и даже самъ баронъ Родерихъ фонъ Р., снова поселившійся въ своемъ родовомъ имѣніи, не захотѣлъ продолжать ее; будучи угрюмаго и нелюдимаго характера, онъ предпочелъ жить въ старомъ, уединенномъ за́мкѣ. Онъ приказалъ возстановить, насколько было возможно, обветшалое зданіе, и заперся здѣсь съ мрачнымъ дворецкимъ и немногими слугами. Только изрѣдка видѣли его въ деревнѣ; за то

онъ часто пѣшкомъ и на конѣ прогуливался по морскому берегу, и можно было видѣть издали, какъ онъ разговаривалъ съ волнами и прислушивался къ шуму и говору прибоя, какъ будто внимая отвѣтному голосу морскаго духа. Онъ устроилъ себѣ кабинетъ на самой верхушкѣ сторожевой башни и снабдилъ его зрительною трубой и полнымъ астрономическимъ приборомъ. Отсюда по цѣлымъ днямъ онъ глядѣлъ на море, слѣдя за кораблями, то и дѣло мелькавшими на дальнемъ горизонтѣ, подобно бѣлокрылымъ чайкамъ. Ясныя звѣздныя ночи онъ проводилъ за астрономическою, или, скорѣе, за астрологическою работой, въ чемъ принималъ участіе и старый дворецкій. Его образъ жизни какъ нельзя болѣе оправдывалъ слухъ, что онъ предается тайному искусству, такъ называемой „черной магіи“, и что изъ Курляндіи его изгнали, благодаря какой-то неудавшейся операціи, самымъ чувствительнымъ образомъ оскорбившей одну знатную княжескую фамилію. Малѣйшее напоминаніе объ его пребываніи тамъ приводило его въ ужасъ; но все разстроившее его жизнь, все случившееся съ нимъ въ Курляндіи, онъ приписывалъ исключительно винѣ своихъ предковъ, надменно покинувшихъ Аненбургъ. Чтобы на будущее время, по крайней мѣрѣ, старшаго въ родѣ привязать къ родовому за́мку, онъ обратилъ его въ майоратъ. Утвержденіе было дано тѣмъ охотнѣе, что такимъ образомъ отечество пріобрѣтало доблестную рыцарскую фамилію, вѣтви которой уже тянулись за границу. Но ни сынъ Родериха, ни теперешній владѣлецъ майората, названный въ честь дѣда Родерихомъ, не могли ужиться въ родовомъ за́мкѣ: оба остались въ Курляндіи. Можно было подумать, что обладая болѣе свѣтлымъ и веселымъ характеромъ, чѣмъ ихъ мрачный предшественникъ, они боялись ужасной пустоты этого жилища.

У барона Родериха были двѣ старыя, незамужнія тетки, которыя, получивъ лишь незначительную долю отцовскаго состоянія, были далеко не богаты и жили при за́мкѣ, пользуясь даровою квартирой и содержаніемъ.

Онѣ помѣщались со старухой-служанкой въ небольшихъ, теплыхъ комнаткахъ ближняго флигеля, и, кромѣ нихъ и повара, занимавшаго просторную комнату въ нижнемъ этажѣ, рядомъ съ кухней, по высокимъ покоямъ и заламъ главнаго зданія за́мка слонялся еще только одинъ дряхлый егерь, въ то же время исполнявшій должность кастеляна. Остальные слуги жили въ деревнѣ у управляющаго. Только позднею осенью, когда выпадала

первая пороша и наступало время охоты на волковъ и кабановъ, оживалъ пустынный покинутый зáмокъ. Изъ Курляндіи пріѣзжалъ баронъ Родерихъ съ женой, въ сопровожденіи родныхъ, друзей и многочисленнаго общества охотниковъ. Сюда же стекалось сосѣднее дворянство и пріѣзжали изъ ближайшаго города друзья барона, любители охоты, такъ что главное зданіе и флигеля едва могли вмѣстить прибывающихъ гостей; во всѣхъ печахъ и каминахъ трещалъ щедро разведенный огонь; съ ранняго утра до поздней ночи скрипѣли вертела; по лѣстницамъ взадъ и впередъ бѣгали сотни людей, господа и прислуга; здѣсь звенѣли бокалы и слышалась разгульная охотничья пѣсня, тамъ подъ звуоглушительной музыки раздавался топотъ танцующихъ; всюду царило шумное веселье, такъ что въ продолженіе четырехъ или шести недѣль зáмокъ болѣе походилъ на богатую гостиницу средп многолюдной улицы, чѣмъ на жилище помѣщика. Баронъ Родерихъ по возможности посвящалъ это время серьезнымъ занятіямъ, удаляясь изъ водоворота гостей, для исполненія обязанностей владѣльца майората. Онъ не только требовалъ точной смѣты доходовъ, но выслушивалъ каждый планъ, касающійся какого-либо улучшенія хозяйства, и малѣйшія жалобы своихъ подданныхъ, стараясь всюду водворить порядокъ и, по мѣрѣ силъ, устранить всякія злоупотребленія и несправедливости. Въ этихъ дѣлахъ ему добросовѣстно помогалъ старый адвокатъ, служившій еще его отцу, ходатай по дѣламъ Р...скаго дома и главный управляющій всѣхъ лежащихъ въ П. помѣстій, который обыкновенно пріѣзжалъ въ зáмокъ за недѣлю до предполагаемаго пріѣзда барона.

Въ 179... году настало время, когда старый Б. долженъ былъ отправляться въ Р...зиттенъ. Какъ ни бодро чувствовалъ себя семидесятилѣтній старикъ, онъ полагалъ, что ему въ его занятіяхъ будетъ не безполезна чья-либо дѣятельная помощь. Поэтому, въ одинъ прекрасный день, какъ будто въ шутку, онъ сказалъ мнѣ: „братецъ!“ (онъ называлъ такъ меня, хотя я приходился ему двоюроднымъ внукомъ, по той причинѣ, что я носилъ его фамилію), „я думаю, ты когда-нибудь позволишь морскому вѣтру немножко подуть въ твои уши и поѣдешь со мной въ Р...зиттенъ. Не говоря уже о томъ, что ты порядкомъ можешь пособить мнѣ въ моихъ, иногда весьма трудныхъ, обязанностяхъ, тебѣ представляется возможность искуситься въ удалой охотничьей жизни и посмотрѣть, какъ послѣ одного утра, посвященнаго

составленію прекраснаго протокола, на другое ты взглянешь въ сверкающіе глаза такому звѣрю, какъ искони живущіе тамъ страшные волки и клыкастые вепри, и попробуешь уложить его удачнымъ выстрѣломъ."

Я наслышался слишкомъ много удивительнаго о веселомъ охотничьемъ времени въ за́мкѣ и былъ слишкомъ привязанъ къ почтенному дѣду, чтобы не обрадоваться его желанію на этотъ разъ взять меня съ собою. Достаточно знакомый съ дѣломъ, которымъ онъ занимался, я обѣщался усердно помогать ему въ каждомъ трудѣ и раздѣлять съ нимъ всѣ его заботы. На слѣдующее утро, закутанные въ теплыя шубы, мы уже сидѣли въ экипажѣ и при сильной снѣжной мятели, предвѣстницѣ наступающей зимы, ѣхали въ Р..зиттенъ. Дорогой старикъ разсказывалъ мнѣ удивительныя вещи про барона Родериха, учредившаго майоратъ и назначившаго его, несмотря на его молодость, своимъ повѣреннымъ и душеприкащикомъ. Онъ говорилъ мнѣ объ угрюмомъ необузданномъ характерѣ стараго барона, переходившемъ, повидимому, по наслѣдству ко всѣмъ членамъ этой фамиліи такъ, что даже теперешній майоратный владѣлецъ, котораго онъ зналъ за кроткаго, почти слабохарактернаго юношу, годъ отъ году все болѣе и болѣе усваиваетъ его. Дѣдъ научилъ меня, какъ смѣло и просто я долженъ держать себя, чтобы пріобрѣсти хоть какую-нибудь цѣну въ глазахъ барона, и перешелъ наконецъ къ своей квартирѣ въ за́мкѣ, которую выбралъ разъ навсегда, въ виду того, что она тепла, удобна и такъ уединенна, что мы во всякое время будемъ въ состояніи избавиться отъ несноснаго шума веселящагося общества. Ему всякій разъ приготовляли помѣщеніе въ двухъ небольшихъ комнаткахъ съ мягкими шпалерами, какъ разъ рядомъ съ большою присутственною залой во флигелѣ, расположенномъ противъ того, гдѣ жили старыя баронессы.

Наконецъ послѣ быстрой и утомительной ѣзды мы въ самую полночь пріѣхали въ Р. . . зиттенъ. Былъ праздничный день, мы ѣхали по деревнѣ среди музыки, танцевъ и беззаботнаго веселья: домъ управляющаго былъ освѣщенъ сверху до низу и тамъ также играли и пѣли. Тѣмъ страшнѣе казалось намъ пустынное мѣсто, куда мы затѣмъ въѣхали. Морской вѣтеръ, подымая снѣгъ, жалобно завывалъ вокругъ, словно проснувшись отъ глубокаго волшебнаго сна; ему вторили унылымъ шумомъ угрюмыя сосны.

Но вотъ предъ нами изъ снѣга выросли голыя черныя стѣны

зáмка. Мы остановились у запертыхъ воротъ. Тутъ намъ не помогли ни крики, ни хлопанье бича, ни стукъ, ни брань: все какъ будто вымерло ни въ одномъ окнѣ не было свѣта. Дѣдъ закричалъ своимъ громкимъ внушительнымъ голосомъ: Францъ! Францъ! Гдѣ вы тамъ пропадаете? Пошевеливайтесь чортъ возьми! Мы замерзнемъ здѣсь у воротъ. Снѣгъ до крови, хлещетъ въ лицо! Шевелитесь, чортъ васъ возьми!

Тогда раздался визгъ дворовой собаки, въ нижнемъ этажѣ показался движущійся огонекъ, зазвенѣли ключи; скоро заскрипѣли крѣпкія створы воротъ. „Добро пожаловать, добро пожаловать, господинъ управляющій! Вѣдь экая непріятная погода!“ говорилъ старый Францъ, высоко поднимая фонарь, такъ что весь свѣтъ падалъ на его морщинистое лицо, странно сложившееся въ привѣтливую улыбку.—Мы въѣхали во дворъ, вышли изъ экипажа, и тутъ только я вполнѣ разсмотрѣлъ своеобразную фигуру стараго служителя, одѣтаго въ старомодный причудливо расшитый множествомъ шнуровъ охотничій кафтанъ. На его высокій бѣлый лобъ спускались двѣ пряди сѣдыхъ волосъ; загорѣлое лицо дышало здоровьемъ, которымъ было обязано охотѣ и, несмотря на то, что съежившіеся мускулы чуть не превратили его въ какую-то странную маску, все это скрашивалось добродушною простотой, свѣтившеюся въ глазахъ и игравшею въ углахъ рта. „Ну, старый Францъ, началъ дѣдушка, стряхивая въ передней снѣгъ съ шубы,—все ли готово, обметены ли шпалеры въ моихъ комнатахъ, внесены ли кровати и хорошо ли вы топили у меня вчера и сегодня?“—„Нѣтъ, очень спокойно отвѣчалъ Францъ,—нѣтъ, господинъ управляющій, ничего этого не сдѣлано.“—„Боже мой, продолжалъ дѣдушка.—я, кажется, достаточно своевременно писалъ вамъ и пріѣхалъ, какъ разъ въ назначенный срокъ; это просто глупо; теперь я долженъ жить въ холодныхъ комнатахъ.“—„Да, господинъ управляющій, отвѣчалъ Францъ, снимая щипцами нагаръ со свѣтильни и растаптывая его ногами,—дѣло въ томъ, что все это, а особенно отопленіе было бы совсѣмъ безполезно: вѣтеръ и снѣгъ черезчуръ сильно врываются туда сквозь разбитыя оконныя стекла и“...—„Что, оборвалъ его дѣдушка, широко распахивая шубу и подбочениваясь,—окна разбиты, и вы, кастелянъ этого дома, не приняли никакихъ мѣръ?“—„Нѣтъ, господинъ управляющій, спокойно и хладнокровно продолжалъ старикъ:—не очень-то туда сунешься: такъ много тамъ навалено щебня и кирпичей.“—„Откуда, тысяча чертей, взялись

щебень и кирпичи въ моей комнатѣ?" воскликнулъ дѣдушка.—„Будьте здоровы, молодой баринъ, обратился ко мнѣ старикъ, такъ какъ я въ эту минуту громко чихнулъ, и тотчасъ же прибавилъ: —кирпичи и щебень отъ перегородки, упавшей отъ сильнаго сотрясенія."—„Землетрясеніе что ли тутъ у васъ было?" гнѣвно воскликнулъ дѣдъ.—„Этого не было, господинъ управляющій, возразилъ старикъ, широко улыбаясь, — но дня три тому назадъ съ страшнымъ трескомъ рухнулъ тяжелый потолокъ присутственной залы."—„И потому нужно..." дѣдушка, разгорячившись, былъ готовъ разразиться страшными проклятіями. Онъ поднялъ правую руку, а лѣвою сдвинулъ со лба лисью шапку, но вдругъ овладѣлъ собою и, обернувшись ко мнѣ, съ громкимъ смѣхомъ сказалъ:—„Правда, братецъ, намъ лучше молчать и не разспрашивать, иначе мы услышимъ о какомъ-нибудь еще большемъ несчастіи, или весь замокъ обрушится на насъ. Однако, продолжалъ онъ, снова обращаясь къ старику,—развѣ вы не могли быть настолько предусмотрительны, чтобъ очистить мнѣ другую комнату и истопить ее; развѣ вы не могли приготовить какую-нибудь залу въ главномъ зданіи къ присутственному дню?"—„Все это уже сдѣлано", отвѣчалъ старикъ, привѣтливо указывая намъ на лѣстницу и первымъ начиная подниматься по ней.—„Ну не удивительный ли это чудакъ", воскликнулъ дядя, слѣдуя за старикомъ.—Мы шли по длиннымъ, высокимъ коридорамъ, и колеблющееся пламя свѣчи, которую держалъ Францъ, причудливо освѣщало окружающій насъ густой мракъ. Колонны, капители и арки, казалось, висѣли на воздухѣ; рядомъ съ нами шагали наши гигантскія тѣни и странныя изображенія на стѣнахъ, гдѣ онѣ скользили, какъ будто дрожали и колыхались, и въ гулкомъ эхо, сопровождающемъ наши шаги, намъ чудился шепотъ ихъ голосовъ. „Не будите насъ, говорили они, — насъ, сказочныхъ существъ, дремлющихъ здѣсь, среди этихъ старыхъ камней."

Наконецъ Францъ, миновавъ цѣлый рядъ холодныхъ мрачныхъ покоевъ, отворилъ дверь въ залу, гдѣ насъ какъ бы родственнымъ привѣтомъ встрѣтилъ своимъ веселымъ трескомъ ярко пылающій каминъ. Войдя сюда я сразу почувствовалъ себя бодро, а дядя сталъ среди залы, осмотрѣлся кругомъ и произнесъ строгимъ, почти торжественнымъ тономъ: „Такъ эта-то комната будетъ залой суда?" — Францъ поднялъ свѣчу кверху и при свѣтѣ ея на широкой, темной стѣнѣ намъ бросилось въ глаза бѣлое пятно величиной съ дверь.—„Здѣсь уже производился

судъ, глухо и скорбно произнесъ онъ.“—„Что это вамъ пришло въ голову, старикъ, воскликнулъ дядя, быстро сбрасывая шубу и подходя къ камину.“—„Это такъ сорвалось у меня съ языка“, пробормоталъ Францъ; онъ зажегъ свѣчи и отворилъ двери въ сосѣднюю комнату, приготовленную для насъ. Чрезъ нѣсколько минутъ мы сидѣли предъ накрытымъ столомъ; старикъ принесъ вкусныя блюда, и что было особенно пріятно мнѣ и дѣдушкѣ, за ними слѣдовала изрядная чаша пунша, свареннаго чисто сѣвернымъ способомъ. Утомленный дорогой, дѣдушка тотчасъ же послѣ ужина улегся спать, но я былъ слишкомъ возбужденъ новизной и странностью нашего помѣщенія, а также и выпитымъ пуншемъ, чтобы думать о снѣ. Францъ убралъ со стола, вымѣшалъ каминъ и ушелъ, привѣтливо кивнувъ мнѣ головой. И вотъ я остался одинъ въ огромной рыцарской залѣ. Вьюга утихла, вѣтеръ пересталъ завывать, небо прояснилось, и полный мѣсяцъ глянулъ въ широкія окна, причудливо освѣщая всѣ темные уголки чуднаго зданія, куда не могъ достигнуть слабый свѣтъ моей свѣчи и камина. Какъ это встрѣчается еще въ старыхъ замкахъ, стѣны и потолокъ залы были украшены на своеобразный старинный ладъ: одна тяжелыми панелями, другая фантастическими картинами и пестрою позолотой рѣзьбы. Съ большихъ полотенъ, представляющихъ большею частію дикій пылъ кровавой медвѣжьей и волчьей охоты, выступали выточенныя изъ дерева головы людей и звѣрей, приставленныя къ нарисованнымъ туловищамъ, такъ что при трепетно-мерцающемъ свѣтѣ огня и мѣсяца все получало видъ ужасной дѣйствительности. Между этими картинами помѣщались портреты въ натуральную величину, изображающіе рыцарей въ охотничьихъ нарядахъ, вѣроятно предковъ барона, страстныхъ любителей охоты. И эта живопись, и эта рѣзьба, все потемнѣло отъ времени; тѣмъ сильнѣе бросалось въ глаза свѣтлое, пустое пространство на той стѣнѣ, гдѣ находились двѣ ведущія въ сосѣднія комнаты двери. Скоро я разсмотрѣлъ, что тамъ когда-то была еще дверь, которую впослѣдствіи задѣлали, и что это мѣсто, не расписанное и не украшенное рѣзьбой, какъ вся стѣна, тѣмъ самымъ выдѣляется изъ нея.

Кто не знаетъ, какое странное вліяніе имѣетъ на душу пребываніе въ непривычномъ таинственномъ мѣстѣ?

Самое лѣнивое воображеніе разыгрывается въ долинѣ, окруженной причудливыми горами, или въ мрачныхъ стѣнахъ храма, и стремится постичь непостижимое. Если я прибавлю, что мнѣ было

всего двадцать лѣтъ, и что я выпилъ не одинъ стаканъ крѣпкаго пуншу, то мнѣ повѣрятъ, что теперь въ этой рыцарской залѣ мнѣ стало какъ то не по себѣ. Представьте себѣ ночную тишину, среди которой, подобно звукамъ сверхъестественнаго органа, раздается глухой шумъ моря, сопровождаемый своеобразною пѣсней ночнаго вѣтра: представьте себѣ быстро несущіяся облака, ясныя и свѣтлыя, которыя подобно какимъ-то мимо скользящимъ великанамъ то и дѣло заглядываютъ въ дребезжащія окна, и вы поймете, что я не могъ не испытывать нѣкотораго содраганія, не могъ не почувствовать, что въ эту минуту невѣдомый міръ можетъ открыться моему слуху и взору. Это чувство походило на ту пріятную дрожь, которую ощущаешь при живо переданномъ разсказѣ о привидѣніяхъ. Я рѣшилъ, что мнѣ не представится болѣе благопріятнаго случая перечесть книгу, которую я носилъ съ собой въ карманѣ, какъ въ то время дѣлалъ всякій, кто хоть сколько-нибудь былъ склоненъ къ романтизму. Это былъ Шиллеровскій *Духовидецъ*. Я все болѣе и болѣе углублялся въ чтеніе, и воображеніе мое мало-по-малу разыгралось. Я дошелъ до увлекательнаго по своей таинственности мѣста, гдѣ описывается свадьба у графа Б. Но вдругъ, какъ разъ въ то время, когда на сцену является кровавый образъ Іеронима, дверь, ведущая въ сѣни, съ шумомъ распахивается. Я въ ужасѣ вскакиваю, книга падаетъ у меня изъ рукъ. Но въ ту же минуту все стихаетъ, и мнѣ становится стыдно своего ребяческаго страха. Конечно, дверь отворилась отъ сквознаго вѣтра или по какой-нибудь другой причинѣ. Это пустяки: мое разгоряченное воображеніе видитъ сверхъестественное во всякомъ простомъ явленіи. Успокаивая себя такимъ образомъ, я поднимаю книгу и снова бросаюсь въ кресло. Но вдругъ въ залѣ раздаются тихіе, мѣрные шаги, сопровождаемые вздохами и стонами, и въ этихъ вздохахъ и стонахъ слышится глубокая человѣческая скорбь и безутѣшное горе. Это навѣрно какое-нибудь больное животное, запертое въ нижнемъ этажѣ. Вѣдь всѣмъ извѣстенъ звуковой обманъ ночи, которая приближаетъ всякій отдаленный звукъ. Какъ можно пугаться чего-нибудь подобнаго? Такъ я снова успокаиваю себя, но вотъ что-то скребется въ задѣланную дверь, еще громче, еще жалобнѣе раздаются вздохи, какъ-будто кто-то борется съ мучительною смертью.— Да, это бѣдное, запертое животное; стóитъ мнѣ громко крикнуть, топнуть ногой, и тотчасъ все смолкнетъ, или животное подастъ свой обычный голосъ! Такъ думаю я, а сердце мое усиленно

бьется, холодный потъ выступаетъ на лбу: словно оцѣпенѣвъ, сижу въ своемъ креслѣ, не имѣя силъ встать и даже крикнуть. Отвратительное царапанье наконецъ утихаетъ, снова раздаются шаги. Тутъ ко мнѣ возвращается жизнь и способность движенія, я вскакиваю, дѣлаю два шага впередъ, но въ эту минуту по комнатѣ проносится холодный вѣтеръ, и мѣсяцъ бросаетъ яркій лучъ на изображеніе суроваго, почти ужаснаго человѣка. Сквозь усилившійся шумъ моря, сквозь пронзительный вой ночнаго вѣтра, явственно слышится мнѣ его предостерегающій голосъ.—Стой! Ни шагу дальше, или ты ужаснешься потревоженнаго тобой міра духовъ! И вотъ дверь съ тѣмъ же громкимъ стукомъ затворяется, я ясно слышу шаги въ сѣняхъ, кто-то спускается по лѣстницѣ, парадная дверь замка съ шумомъ распахивается и снова затворяется. Потомъ какъ-будто выводятъ изъ конюшни лошадь и немного спустя отводятъ ее назадъ, въ конюшню. Затѣмъ наступаетъ полная тишина. Въ то же мгновеніе я услышалъ въ сосѣдней комнатѣ безпокойные вздохи и стоны дѣдушки, это окончательно вернуло мнѣ сознаніе, я схватилъ свѣчу и поспѣшилъ къ нему.—„Проснитесь, проснитесь“, громко кричалъ я, осторожно взявъ его за руку и поднося свѣчу къ его лицу. Старикъ, глухо вскрикнувъ, вскочилъ, потомъ привѣтливо взглянулъ на меня и сказалъ: „Ты хорошо, племянникъ, сдѣлалъ, что разбудилъ меня. Я видѣлъ дурной сонъ, и виноваты въ этомъ только эта комната и сосѣдняя зала, напомнившія мнѣ прежнія времена и кое-какія удивительныя вещи. Но давай выспимся хорошенько.“ Съ этими словами старикъ закутался въ одѣяло и, повидимому, снова заснулъ. Когда же, потушивъ свѣчку, я въ свою очередь улегся въ кровать, я услышалъ, что онъ тихо молится.

На слѣдующее утро начались занятія. Пришелъ управляющій со своими счетами, появились люди, имѣвшіе какія-либо тяжбы или желавшіе привести въ порядокъ какое-либо дѣло. Въ полдень дядя пошелъ съ мною во флигель, чтобы по всѣмъ правиламъ засвидѣтельствовать свое почтеніе старымъ баронессамъ. Францъ доложилъ о насъ. Намъ пришлось нѣсколько подождать; наконецъ къ намъ вышла шестидесятилѣтняя, сгорбленная старушка въ пестромъ шелковомъ платьѣ, она, назвавъ себя каммерфрейлиной всемилостивѣйшихъ госпожъ, повела насъ въ святилище. Тамъ съ комическою торжественностью приняли насъ старыя баронессы, наряженныя въ старомодныя платья, и я сдѣлался предметомъ ихъ особаго удивленія, когда дядя шутливо

представилъ меня, какъ своего молодаго помощника въ судебныхъ дѣлахъ. Судя по выраженію ихъ лицъ можно было подумать, что моя молодость угрожаетъ благосостоянію всѣхъ Р... зиттскихъ подданныхъ. Визитъ къ старымъ дамамъ имѣлъ много смѣшныхъ сторонъ, но ужасъ, нагнанный на меня прошлою ночью, еще не улегся въ глубинѣ моей души; я чувствовалъ себя во власти какой-то невѣдомой силы, скажу больше, я какъ будто уже касался черты, переступить черезъ которую значило безвозвратно погибнуть, и для этого не хватало лишь одного шага; только напряженіе всѣхъ моихъ душевныхъ силъ могло удержать меня отъ ужаса, весьма близкаго къ неизлѣчимому помѣшательству. Вотъ почему даже старыя баронессы съ ихъ странными высокими прическами, въ ихъ удивительныхъ штофныхъ платьяхъ, украшенныхъ пестрыми цвѣтами и лентами, вмѣсто того чтобы развеселить меня, показались мнѣ какими-то страшными призраками. Ихъ старыя, желтыя лица, ихъ сверкающіе глаза, ихъ заострившіеся носы и произношеніе въ носъ французскихъ словъ, все это поддерживало во мнѣ предположеніе, что старухи если даже сами и не способны на всякіе ужасы, то во всякомъ случаѣ находятся на дружеской ногѣ съ нечистою силой, обитающею въ замкѣ. Будучи въ веселомъ расположеніи духа, дядя со свойственнымъ ему юморомъ представилъ мнѣ ихъ въ такомъ смѣшномъ свѣтѣ, что, будь я въ другомъ настроеніи, я бы не зналъ, какъ подавить въ себѣ неудержимый смѣхъ, но теперь баронессы съ ихъ болтовней какъ были, такъ и остались для меня какими-то призраками, и старикъ, желавшій доставить мнѣ особое удовольствіе, не разъ взглянулъ на меня съ недоумѣніемъ. Когда мы послѣ обѣда остались одни въ своей комнатѣ, онъ обратился ко мнѣ: „Скажи мнѣ, ради Бога, племянникъ, что съ тобой? Ты не смѣешься, не говоришь, не пьешь. Здоровъ ли ты? Или тебѣ чего-нибудь не достаетъ?“ Я сейчасъ же подробно разсказалъ ему всѣ страхи и ужасы прошлой ночи, не умолчавъ и о томъ, что выпилъ много пуншу и читалъ Шиллеровскаго *Духовидца*.—„Чтобы все это показалось вамъ болѣе вѣроятнымъ, прибавилъ я, я долженъ сознаться, что мое разыгравшееся, сильно работавшее воображеніе представило мнѣ, какъ бы дѣйствительнымъ то, что на самомъ дѣлѣ существовало лишь въ моей головѣ.“ Я думалъ, что дядя станетъ рѣзко возражать мнѣ и подыметъ меня на смѣхъ вмѣстѣ съ моими привидѣніями, но онъ вдругъ сдѣлался очень серьезенъ,

уставился въ полъ, потомъ быстро вскинулъ голову и сказалъ, обжигая меня своимъ взглядомъ: „я знать не знаю твоей книги, племянникъ! Но не ей и не пуншу обязанъ ты своими привидѣніями. Знай, что мнѣ снилось то же самое, что̀ съ тобою было наяву. Я сидѣлъ, какъ и ты (такъ мнѣ казалось) на креслѣ у камина, только то, что̀ пугало тебя звуками, я видѣлъ вполнѣ ясно и отчетливо. Да! я видѣлъ этого страшнаго выходца съ того свѣта, какъ онъ вошелъ сюда, какъ онъ безсильно толкался въ замуравленную дверь, какъ съ безнадежнымъ отчаяніемъ царапался въ стѣну, такъ что изъ-подъ его сломанныхъ ногтей текла кровь; я видѣлъ какъ онъ потомъ удалился, вывелъ изъ конюшни коня и снова привелъ его въ конюшню. Слышалъ ты, какъ на краю деревни прокричалъ пѣтухъ? Тогда ты разбудилъ меня, и я отдѣлался отъ этого ужаснаго существа, которое еще осмѣливается тревожить покой живыхъ.“ Старикъ замолчалъ, а я не рѣшался его разспрашивать, хорошо зная, что онъ самъ откроетъ мнѣ все, когда найдетъ это нужнымъ. Послѣ небольшой паузы, во время которой старикъ сидѣлъ углубясь въ самого себя, онъ продолжалъ: „Достаточно ли въ тебѣ смѣлости, племянникъ, чтобы, зная о томъ, что̀ тутъ творится, еще разъ вмѣстѣ со мною присутствовать при всей этой чертовщинѣ.“ Само собою я сказалъ ему, что я для этого чувствую въ себѣ достаточно силъ.—„Такъ давай же, продолжалъ старикъ,—вмѣстѣ бодрствовать эту ночь. Какой-то внутренній голосъ говоритъ мнѣ, что это бѣсовское навожденіе уступитъ, если не силѣ моего духа, то во всякомъ случаѣ моей рѣшимости, основаніемъ которой служитъ непоколебимая вѣра. Я берусь не за дерзкое предпріятіе, а за трудное богоугодное дѣло, рискуя жизнью чтобъ изгнать злаго духа, выживающаго владѣльцевъ майората изъ ихъ родоваго замка. Тутъ не можетъ быть рѣчи о какомъ-нибудь рискѣ, потому что человѣкъ, обладающій такимъ твердымъ и прямымъ характеромъ и такою чистою вѣрой, какъ я, всегда выходитъ побѣдителемъ изъ подобной борьбы. Но если Богу будетъ угодно, чтобы злой духъ осилилъ меня, то ты, племянникъ, разскажи всѣмъ, что я честно палъ въ христіанской борьбѣ съ исчадіемъ ада, которое влачитъ здѣсь свое безпокойное существованіе. Что же касается тебя, то ты держись подальше и съ тобою ничего не случится.“

Среди всевозможныхъ занятій незамѣтно наступилъ вечеръ. Францъ, какъ вчера, убралъ со стола остатки ужина и принесъ

пуншъ. Полный мѣсяцъ ярко сіялъ сквозь свѣтлыя облака, море гудѣло, и ночной вѣтеръ, завывая, потрясалъ оконныя рамы. Преодолѣвая внутреннюю тревогу, мы нехотя вели разговоръ. Дѣдушка положилъ на столъ свои часы. Пробило двѣнадцать. Вдругъ со страшнымъ трескомъ распахнулась дверь, и какъ вчера въ залѣ раздались тихіе, медленные шаги; послышались вздохи и стоны. Старикъ поблѣднѣлъ, но его глаза зажглись необыкновеннымъ огнемъ; онъ поднялся съ кресла. Выпрямившись во весь свой высокій ростъ, подпершись лѣвою рукой, а правую протянувъ къ серединѣ залы, онъ имѣлъ властный видъ героя.

Все громче и явственнѣе раздаются вздохи и стоны, и вдругъ еще отвратительнѣе, чѣмъ вчера, заскребло въ стѣну. Старикъ твердыми шагами, отъ которыхъ затрясся полъ, двинулся впередъ, прямо къ замуравленной двери. Онъ остановился какъ разъ у того мѣста, гдѣ скребло все сильнѣе и сильнѣе, и громкимъ, торжественнымъ голосомъ, какого я никогда прежде отъ него не слыхалъ, произнесъ: „Даніель, Даніель! Что̀ дѣлаешь ты здѣсь въ этотъ поздній часъ?“ Тогда послышался ужасный пронзительный визгъ, сопровождаемый глухимъ ударомъ, какъ будто что-то тяжелое рухнуло на полъ. „Молп о милости и прощеніи предъ престоломъ Всевышняго! Оставь въ покоѣ живыхъ: у тебя нѣтъ съ ними ничего общаго!“ крикнулъ старикъ еще громче, чѣмъ прежде, и что-то похожее на тихій плачъ пронеслось въ воздухѣ и замерло въ порывѣ поднявшагося вѣтра. Тогда старикъ подошелъ къ двери и съ такою силой захлопнулъ ее, что громко отдалось въ пустыхъ сѣняхъ. Въ его словахъ и поступкахъ было что-то необыкновенное, пугавшее меня. Когда онъ снова усѣлся въ кресло, взоръ его просіялъ, и онъ въ тихой молитвѣ сложилъ руки. Спустя нѣсколько минутъ, онъ спросилъ меня мягкимъ, глубоко проникающимъ въ сердце голосомъ: „Ну, что̀ братецъ?“ Дрожа отъ ужаса, страха, боязни, невольнаго благоговѣнія и любви, я упалъ къ его ногамъ и оросилъ горячими слезами протянутую мнѣ руку. Старикъ обнялъ меня и, крѣпко прижимая къ сердцу, ласково сказалъ: „Теперь, братецъ, мы можемъ спокойно заснуть!“ Такъ мы и сдѣлали. Въ эту ночь не случилось болѣе ничего особеннаго, и на слѣдующій день къ намъ вернулось прежнее свѣтлое настроеніе. Въ ущербъ старымъ баронессамъ, продолжавшимъ, благодаря ихъ странностямъ, сохранять въ моихъ глазахъ нѣкоторую таин-

стѣсненность. теперь я находилъ ихъ только забавными, такъ какъ дѣдушка съумѣлъ представить ихъ въ самомъ смѣшномъ свѣтѣ.

Наконецъ пріѣхалъ баронъ съ женой и многочисленнымъ обществомъ охотниковъ: собрались приглашенные гости, и въ замкѣ мгновенно оживившемъ поднялась та дикая суета, о которой было сказано выше. Когда баронъ тотчасъ по пріѣздѣ вошелъ къ намъ въ залу, онъ, казалось, былъ очень удивленъ нашимъ перемѣщеніемъ сюда: бросивъ мрачный взглядъ на задѣланную дверь, онъ быстро отвернулся и провелъ рукой по лбу, какъ бы желая отогнать непріятное воспоминаніе. Дѣдушка сообщилъ ему о крушеніи присутственной залы и смежныхъ съ нею покоевъ. Баронъ былъ очень недоволенъ, что Францъ не отвелъ намъ лучшей квартиры, и предупредительно заявилъ дѣдушкѣ, что ему стоитъ только приказать, если новое помѣщеніе, которое еще хуже прежняго, почему-либо окажется неудобнымъ. Вообще въ обращеніи барона съ дѣдушкой, кромѣ сердечности, было что-то дѣтски-почтительное, какъ будто онъ былъ со старикомъ въ дружески-родственныхъ отношеніяхъ. Только это отчасти и мирило меня съ грубымъ деспотическимъ характеромъ барона, которому онъ все болѣе и болѣе давалъ волю. На меня онъ, повидимому, не обратилъ ни малѣйшаго вниманія, считая меня простымъ писцомъ. Въ первый же разъ какъ я принялся за разбирательство какого-то дѣла, баронъ сталъ придираться къ моему изложенію. Кровь кинулась мнѣ въ голову, и я уже готовъ былъ рѣзко отвѣтить ему, когда въ разговоръ вмѣшался дѣдушка, заявивъ мнѣ, что въ данномъ случаѣ я долженъ признать его авторитетъ, котораго онъ впрочемъ не желаетъ простирать надо мной далѣе судебныхъ дѣлъ. Когда мы остались одни, я сталъ горько жаловаться на барона, который становился мнѣ все болѣе и болѣе ненавистенъ. —Повѣрь мнѣ, сказалъ старикъ,—баронъ, несмотря на свой непріятный характеръ, прекраснѣйшій и добрѣйшій человѣкъ въ мірѣ. Этотъ характеръ, какъ я уже говорилъ тебѣ, сталъ обнаруживаться въ немъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался майоратнымъ владѣльцемъ; до того времени это былъ тихій и скромный юноша. Впрочемъ съ нимъ и теперь далеко не такъ трудно ладить, какъ ты воображаешь, и мнѣ очень хотѣлось бы знать причину твоей ненависти къ нему.

Эти послѣднія слова старика сопровождались такою насмѣшливою улыбкой, что вся кровь бросилась мнѣ въ лицо. Въ

самомъ дѣлѣ, развѣ для меня не было ясно, какъ Божій день, развѣ я недостаточно хорошо чувствовалъ, что причиной моей ненависти къ барону служитъ любовь, и даже болѣе,—обожаніе существа, казавшагося мнѣ самымъ прелестнымъ, самымъ очаровательнымъ въ мірѣ. Это существо была сама баронесса. Съ перваго же ея появленія здѣсь, когда она въ русской собольей шубкѣ, плотно облегавшей ея стройный станъ, въ богатомъ вуалѣ проходила по комнатамъ, видъ ея произвелъ на меня невыразимо сильное впечатлѣніе. Одно то, что ковылявшія рядомъ съ ней старыя тетки, одѣтыя еще уморительнѣе, чѣмъ когда-либо, гнусили свои привѣтствія на французскомъ языкѣ, между тѣмъ какъ сама баронесса, бросая вокругъ невыразимо очаровательные взгляды и ласково кивая головой, привѣтствовала то того, то другаго на чистомъ курляндскомъ діалектѣ,—одно это придавало ей неизъяснимую прелесть, и воображеніе, невольно сравнивая ее съ этими странными существами, видѣло въ ней ангела, предъ которымъ склоняются злые духи. Съ перваго взгляда я страстно полюбилъ эту чудную женщину. Ей было тогда не больше девятнадцати лѣтъ; ея лицо, такое же миловидное, какъ и вся фигура, носило на себѣ отпечатокъ ангельской доброты, но особенное, непзъяснимое очарованіе заключалось во взглядѣ ея черныхъ глазъ, гдѣ, какъ блѣдный лучъ мѣсяца, свѣтилось какое-то неудовлетворенное желаніе, между тѣмъ какъ ея улыбка сулила цѣлый міръ райскаго блаженства и неземныхъ восторговъ. Часто она уходила въ себя, и тогда словно темное облако пробѣгало по ея лицу. Можно было подумать, что ее тревожитъ какая-то тайная скорбь, но мнѣ казалось, что въ эти минуты ею овладѣваетъ мрачное предчувствіе печальной и несчастной будущности, которую я безотчетно ставилъ въ связь съ ужасами зáмка.

На слѣдующій день по прибытіи барона, когда все общество собралось къ завтраку, дѣдушка представилъ меня баронессѣ, и я, какъ это обыкновенно бываетъ въ такомъ положеніи, какъ мое, велъ себя чрезвычайно глупо. На простой вопросъ баронессы, какъ мнѣ понравилось въ зáмкѣ и т. д., я пустился въ самыя нелѣпыя разглагольствованія, такъ что старыя тетки, приписывая мое замѣшательство глубокому уваженію къ баронессѣ, сочли своимъ долгомъ милостиво вступиться за меня, восхваляя меня на французскомъ языкѣ, какъ весьма предупредительнаго и обязательнаго молодаго человѣка, словомъ, какъ un garçon très joli. Это

взбѣсило меня и, не владѣя собой, я на французскомъ же языкѣ, но лучшемъ чѣмъ тотъ, на которомъ объяснялись старухи, выпалилъ какую-то остроту. Онѣ вытаращили на меня глаза и щедро набили табакомъ свои острые носы. По недовольному виду баронессы, отвернувшейся отъ меня къ какой-то дамѣ, я понялъ, что острота моя граничитъ съ глупостью. Это еще болѣе разсердило меня, и я мысленно послалъ старухъ къ чорту. Старый дядя своими насмѣшками уже давно отучилъ меня отъ поэтическаго томленія и мукъ любви, создаваемой дѣтскимъ воображеніемъ, но на этотъ разъ я чувствовалъ, что до сихъ поръ ни одна женщина не производила на меня такого сильнаго впечатлѣнія, какъ баронесса. Я видѣлъ и слышалъ только ее и между тѣмъ ясно сознавалъ, что съ моей стороны было бы глупо, почти безумно добиваться ея взаимности, а боготворить ее и восхищаться ею издали, подобно влюбленному мальчишкѣ, представлялось мнѣ совершенно невозможнымъ: при одной этой мысли мнѣ становилось стыдно за самого себя. Сблизиться съ этою удивительною женщиной, не давая ей замѣтить своего сокровеннаго чувства, упиваться сладкимъ ядомъ ея взоровъ, ея рѣчей и потомъ вдали отъ нея долго, быть-можетъ вѣчно, носить ея образъ въ своемъ сердцѣ,—вотъ чего я хотѣлъ и что было возможно. Эта романтически-рыцарская любовь, выдуманная мной во время безсонницы, такъ овладѣла мной, что я чисто по дѣтски разчувствовался, и подъ конецъ жалобно застоналъ: „Серафима, о, Серафима!“ Старикъ проснулся и крикнулъ мнѣ: „Послушай, братецъ, ты кажется вслухъ фантазируешь. Дѣлай это, если можешь, днемъ, а ночью дай мнѣ спать.“ Меня очень встревожило, что старикъ, еще съ самаго прибытія баронессы замѣтившій мое возбужденное состояніе, услышалъ отъ меня это имя и теперь будетъ преслѣдовать меня своими насмѣшками; но сверхъ всякаго ожиданія на слѣдующее утро при входѣ въ присутственную залу онъ только сказалъ: „дай Богъ каждому имѣть достаточно здраваго смысла и самолюбія, чтобы во время помнить границы и плохо когда человѣкъ только заднимъ умомъ крѣпокъ.“

Потомъ онъ усѣлся за столъ и сказалъ: „пиши поразборчивѣе, братецъ, чтобъ я могъ читать безъ остановокъ.“

Глубокое уваженіе и дѣтская почтительность, оказываемыя барономъ моему старому дядѣ, проявлялись во всемъ. Поэтому за столомъ онъ занималъ почетное мѣсто рядомъ съ баронессой, между тѣмъ какъ мнѣ приходилось сидѣть то здѣсь, то тамъ.

Но обыкновенно залучить меня къ себѣ старались два офицера изъ сосѣдняго города. Они разспрашивали меня, нѣтъ ли въ замкѣ какихъ-нибудь веселыхъ новостей, и при этомъ мы изрядно пили. Такимъ образомъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней мнѣ приходилось сидѣть на нижнемъ концѣ стола, далеко отъ баронессы, пока наконецъ счастливый случай не сдѣлалъ меня ея сосѣдомъ. Разъ, когда передъ собравшимся обществомъ открылись двери столовой, я заговорился съ компаньйонкой баронессы, особой уже не первой молодости, но еще довольно красивой и не лишенной нѣкотораго остроумія; разговоръ со мной, повидимому, интересовалъ ее. По принятому правилу я предложилъ ей руку, и къ моей величайшей радости, она заняла мѣсто рядомъ съ баронессой, и та ей дружески кивнула. Само собою разумѣется, что теперь каждое мое слово относилось не столько къ моей дамѣ, сколько къ баронессѣ. Не знаю придавало ли мое внутреннее возбужденіе особую выразительность всему, что я говорилъ, только моя собесѣдница становилась все внимательнѣе и внимательнѣе и наконецъ совершенно ушла въ пестрый міръ то и дѣло мѣняющихся картинъ, которыя я рисовалъ предъ нею. Она, какъ я уже сказалъ, была довольно остроумна, и нашъ разговоръ скоро сталъ вполнѣ самостоятельнымъ и независимымъ отъ общей болтовни гостей. Нѣкоторыя слова долетали туда, куда я направлялъ ихъ. Я хорошо замѣтилъ, что моя дама бросаетъ многозначительные взгляды баронессѣ, и что та старательно прислушивается къ нашей бесѣдѣ. Это особенно стало замѣтно, когда разговоръ коснулся музыки, и я съ большимъ одушевленіемъ заговорилъ о дивномъ святомъ искусствѣ и въ концѣ концовъ сознался, что, несмотря на избранное мною сухое и однообразное юридическое поприще, довольно бѣгло и порядочно играю, пою и даже самъ сочинилъ нѣсколько нѣсенъ.

Послѣ обѣда общество перешло въ другую залу, гдѣ былъ поданъ кофе и ликеры, и вдругъ неожиданно для самого себя я очутился рядомъ съ баронессой, разговаривавшей со своею компаньйонкой. Она тотчасъ же обратилась ко мнѣ и очень любезно, тономъ, какимъ говорятъ съ хорошими знакомыми, снова спросила меня, какъ нравится мнѣ въ замкѣ и т. п. Я признался ей, что въ первые дни моего пребыванія здѣсь мрачныя и пустынныя окрестности, и болѣе всего самъ старый замокъ, какъ-то особенно настропли меня, благодаря чему мнѣ пришло въ голову много прекраснаго и что теперь мое единственное желаніе

избавиться отъ дикой и непривычной для меня охоты. На это баронесса съ улыбкой сказала: «я легко могу себѣ представить, что васъ не привлекаетъ бѣшеная скачка по нашимъ сосновымъ лѣсамъ. Вы—музыкантъ и, если я не ошибаюсь, и поэтъ. Я страстно люблю эти два искусства и сама немного играю на арфѣ. Но въ этомъ удовольствіи я должна себѣ отказывать въ Р—зиттенѣ, такъ какъ мой мужъ не позволяетъ мнѣ брать сюда инструментъ, нѣжные звуки котораго плохо гармонируютъ съ дикими криками охотниковъ и оглушительнымъ звукомъ роговъ, единственною музыкой, которую можно здѣсь слышать. Боже мой, какъ я обрадовалась бы здѣсь музыкѣ!“ Я сталъ разсыпаться въ увѣреніяхъ, что употреблю все мое искусство, лишь бы исполнить ея желаніе; навѣрно въ замкѣ найдется какой-нибудь старый инструментъ. Фрейлейнъ Адельгейдъ (компаньйонка баронессы) громко разсмѣялась и спросила меня, неужели же я не знаю, что въ замкѣ съ незапамятныхъ временъ не слышно никакой другой музыки, кромѣ треска барабановъ и пронзительнаго звука охотничьихъ роговъ, да развѣ завернутъ бродячіе музыканты съ ихъ хриплыми скрипками, разстроенными віолончелями и дребезжащими гобоями. Но баронесса настаивала на своемъ желаніи слышать музыку и слышать ее непремѣнно отъ меня. Объ онѣ, она и Адельгейдъ, стали изощряться въ средствахъ достать хоть плохенькое фортепіано. Какъ разъ въ это время по залѣ проходилъ старый Францъ.—„Вотъ у кого всегда найдется добрый совѣтъ!“ Съ этими словами фрейлейнъ Адельгейдъ подозвала его къ себѣ. Пока она объясняла ему въ чемъ дѣло, баронесса слушала, сложивъ руки и съ привѣтливою улыбкой заглядывая въ лицо старику. Она была прелестна какъ милое, граціозное дитя, которому хочется получить приглянувшуюся ему игрушку.

Францъ, по своей всегдашней привычкѣ, сталъ приводить имъ разные доводы, почему въ скоромъ времени невозможно раздобыться такимъ рѣдкимъ инструментомъ, но подъ конецъ съ добродушною улыбкой погладилъ бороду и сказалъ:—„Да вѣдь жена управляющаго въ деревнѣ очень ловко барабанитъ на клавикордахъ, или какъ тамъ вы называете ихъ по иностранному, и при этомъ поетъ такъ тонко и чувствительно, что иной разъ слезы текутъ изъ глазъ, какъ будто ихъ натрешь лукомъ, а ноги такъ вотъ сами и ходятъ.“—„У нея есть фортепіано?“—спросила фрейлейнъ Адельгейдъ.—„Разумѣется, отвѣчалъ старикъ, и

прямо изъ Дрездена.— Да это прекрасно, перебила его баронесса.— Отличный инструментъ, продолжалъ старикъ, — только немножко не въ порядкѣ: недавно, видите ли, вздумалъ нашъ органистъ сыграть на немъ пѣсню: „во всѣхъ моихъ дѣлахъ“, да такъ расколотилъ его, что...—О Боже мой, воскликнули сразу и баронесса и фрейлейнъ Адельгейдъ.—Такъ расколотилъ, продолжалъ старикъ,—что пришлось съ большими издержками отправлять его для починки въ Р.—Ну, а теперь-то оно здѣсь? нетерпѣливо спросила фрейлейнъ Адельгейдъ.—Разумѣется, уважаемая госпожа, и жена управляющаго почтетъ для себя за честь... Въ эту минуту мимо насъ проходилъ баронъ. Онъ какъ будто съ недоумѣніемъ оглянулъ нашу группу и съ насмѣшливою улыбкой шепнулъ баронессѣ: —Опять, видно, Францъ даетъ вамъ хорошій совѣтъ.—Баронесса, вспыхнувъ, опустила глаза, а старый Францъ, въ испугѣ прикусивъ языкъ, стоялъ какъ солдатъ, вытянувшись въ струнку и плотно держа руки по швамъ.

Къ намъ подплыли старыя тетки въ своихъ шелковыхъ платьяхъ и увели баронессу съ собою. За ней послѣдовала и фрейлейнъ Адельгейдъ. Я стоялъ, какъ очарованный. Чувство восторга, охватившее меня при мысли, что наконецъ-то я сближусь съ той, которая овладѣла всѣмъ моимъ существомъ, боролось во мнѣ съ мрачною злобой и раздраженіемъ противъ барона, казавшагося мнѣ суровымъ деспотомъ. Въ противномъ случаѣ развѣ сталъ бы старый слуга такъ рабски вести себя?

— Да ты, наконецъ, окаменѣлъ что ли, крикнулъ старый дядя, ударяя меня по плечу. Мы пошли наверхъ на свою половину.—Не льни такъ къ баронессѣ, сказалъ онъ мнѣ по приходѣ туда.— Къ чему это поведетъ? Предоставь ухаживать за нею молодымъ повѣсамъ, которые такъ охотно это дѣлаютъ и въ которыхъ здѣсь нѣтъ недостатка.

Я разсказалъ ему дѣло, какъ оно было, и просилъ отвѣтить мнѣ: заслуживаю ли я такіе упреки.—Гм... гм.. Старикъ не сказалъ больше ни слова въ отвѣтъ на мой вопросъ; онъ надѣлъ халатъ и, закуривъ трубку, усѣлся въ кресло, пустившись въ разсужденія по поводу вчерашней охоты, подтрунивая надъ моимъ пуделяньемъ.

Въ замкѣ наступила тишина. Кавалеры и дамы занялись въ своихъ комнатахъ вечернимъ туалетомъ. Въ замокъ только-что прибыли странствующіе музыканты, именно такіе, какъ говорила фрейлейнъ Адельгейдъ: съ хриплыми скрипками, разстроенными віолончелями и дребезжащими гобоями. Къ вечеру готовился возможно блестящій балъ. Старый дядя, предпочитая спокойный

сонъ пустому времяпрепровожденію, остался въ своей комнатѣ. Что же касается до меня, то я уже одѣлся къ балу, какъ вдругъ въ нашу дверь тихо постучались и вошелъ Францъ. Съ добродушною улыбкой онъ объявилъ мнѣ, что отъ жены управляющаго только-что привезли на саняхъ клавикорды и отнесли ихъ къ баронессѣ. Фрейлейнъ Адельгейдъ проситъ меня немедленно пожаловать къ нимъ. Можно себѣ представить, какъ билось мое сердце и какой сладкій трепетъ овладѣлъ мной, когда я отворилъ дверь въ комнату, гдѣ была „она“. Фрейлейнъ Адельгейдъ радостно поспѣшила мнѣ на встрѣчу. Баронесса, уже совсѣмъ одѣтая къ балу, задумчиво сидѣла предъ таинственнымъ ящикомъ, гдѣ спали звуки, пробудить которые призвали меня. Она поднялась въ полномъ блескѣ красоты, и я, не имѣя силы произнести ни одного слова, не могъ отвести отъ нея глазъ.

— Ну, Теодоръ (по симпатичному сѣверному обычаю, который соблюдается также и на дальнемъ югѣ, она называла каждаго просто по имени).—Ну, Теодоръ, дружески обратилась она ко мнѣ,—инструментъ здѣсь и дай Богъ, чтобъ онъ оказался не совсѣмъ недостойнымъ вашего искусства.—Едва я поднялъ крышку фортепіано, раздался непріятный звукъ множества лопнувшихъ струнъ; я взялъ аккордъ; уцѣлѣвшія струны, совершенно разстроенныя, звучали рѣзко и отвратительно.

— О, этотъ органистъ должно-быть опять прошелся по немъ своими нѣжными ручками, со смѣхомъ воскликнула фрейлейнъ Адельгейдъ, но баронесса была совсѣмъ опечалена.

— Это настоящее несчастье, сказала она,—мнѣ опять не придется знать здѣсь никакой радости.

Я сталъ шарить въ ящикѣ инструмента и къ счастью нашелъ тамъ нѣсколько катушекъ струнъ, но ключа для настройки не было. Новыя жалобы.

Здѣсь годится каждый ключъ, отверстіе котораго подойдетъ къ колышку, объяснилъ я.

Тогда обѣ онѣ, и баронесса, и фрейлейнъ Адельгейдъ, радостно засуетились и, немного спустя, цѣлая коллекція блестящихъ ключей лежала предо мной на крышкѣ инструмента.

Я усердно принялся за дѣло. Фрейлейнъ Адельгейдъ и даже сама баронесса прилежно помогали мнѣ. Мы пробовали то одинъ ключъ, то другой. Наконецъ одинъ изъ нихъ подошелъ.—Дѣло идетъ на ладъ, радостно воскликнули онѣ.—Вдругъ лопается струна, натянутая уже до совершенно чистаго звука. Обѣ женщины испуганно отскакиваютъ. Баронесса своими маленькими нѣжными ручками

начинаетъ перебирать хрупкія проволочныя струны, подаетъ мнѣ требуемые мной нумера и бережно держитъ катушку, съ которой я ихъ сматываю. Но вотъ одна струна закручивается; изъ устъ баронессы вырывается нетерпѣливое—ахъ! Фрейлейнъ Адельгейдъ громко смѣется; я бѣгу за спутаннымъ клубкомъ въ самый уголъ комнаты, и мы общими усиліями стараемся выпутать изъ него еще одну прямую струну. Но едва мы натягиваемъ ее, она къ нашему горю лопается. Въ концѣ концовъ нашлись все-таки хорошія катушки, струны натягиваются, и изъ нестройнаго гула мало-по-малу выдѣляются ясные, чистые аккорды.—Ахъ, какое счастье, какое счастье, инструментъ настраивается!—восклицаетъ баронесса, смотря на меня съ очаровательною улыбкой. Какъ быстро это общее дѣло изгнало изъ нашихъ отношеній всякую натянутость и принужденность, налагаемую этикетомъ; какъ быстро установилось между нами полное довѣріе другъ къ другу; словно электрическій токъ пробѣжалъ по мнѣ, и непріятное чувство стѣсненія, лежавшее льдиной у меня на сердцѣ, мало-по-малу растаяло. Тотъ странный наѳосъ, которымъ всегда отличается любовь, подобная моей, совершенно покинулъ меня, такъ что, покончивъ съ настройкой фортепіано, я, вопреки прежнему намѣренію, выразить въ звукахъ свои чувства, сталъ играть нѣжныя звучныя канцонетты, перешедшія къ намъ съ юга. Я игралъ эти Senza di te, эти Sentimi idol mio, эти Almen se non poss'io, и сто разъ повторялъ morir mi sento's и addio's, и взоръ Серафимы разгорался все свѣтлѣе и свѣтлѣе. Она сѣла у инструмента совсѣмъ рядомъ со мной; я чувствовалъ ея горячее дыханіе на своей щекѣ. Когда она облокотилась на спинку моего стула, мнѣ на плечо упалъ конецъ бѣлой ленты, откословшійся отъ ея прелестнаго бальнаго платья; приведенный въ движеніе моею игрой и легкимъ дыханіемъ Серафимы, онъ трепеталъ, какъ вѣрный вѣстникъ любви. Удивительно, какъ я не потерялъ разсудка! Когда я вспомнилъ какую-то новую пѣсню и взялъ нѣсколько аккордовъ, фрейлейнъ Адельгейдъ, сидѣвшая до того времени въ углу комнаты, подбѣжала къ баронессѣ, упала предъ ней на колѣна и схвативъ обѣ ея руки, стала прижимать ихъ къ своей груди. — О, милая баронесса, Серафимочка, просила она,—спой и ты теперь что-нибудь!—И чего только не придетъ тебѣ въ голову, Адельгейдъ, возразила баронесса;—ну посмѣю ли я выступить со своимъ жалкимъ пѣніемъ предъ нашимъ виртуозомъ.

Было отрадно смотрѣть на нее, когда она, подобно стыдливому ребенку, опустивъ глаза и вся раскраснѣвшись, колебалась между желаніемъ пѣть и робостью. Легко можно себѣ представить что я сталъ умолять ее и до тѣхъ поръ не успокоился, пока она, выбравъ для своего исполненія небольшія курляндскія пѣсни, не взяла лѣвою рукой нѣсколько тоновъ, въ видѣ вступленія. Я хотѣлъ уступить ей мѣсто у инструмента, но она не позволила мнѣ, увѣряя, что не умѣетъ взять ни одного аккорда и что ея пѣсня безъ аккомпанимента будетъ звучать очень жалко и неувѣренно. Наконецъ она запѣла нѣжнымъ, звонкимъ, какъ колокольчикъ, и выходящимъ изъ глубины сердца голосомъ. Простая мелодія носила характеръ тѣхъ народныхъ пѣсенъ, которыя какъ будто бы потокомъ свѣта вырываются изъ глубины души поющаго; свѣтъ этотъ охватываетъ все существо слушателя и въ его яркомъ сіяніи онъ познаетъ свою высшую поэтическую натуру. Таинственныя чары таятся въ незначущихъ словахъ текста, являющагося какъ бы іероглифомъ того невыразимаго чувства, которое наполняетъ грудь слушателя. Кто не задумается при исполненіи испанской канцонетты, состоящей только изъ словъ: „Съ моею подругой я плылъ по морю; поднялась буря и моя подруга въ страхѣ склонялась туда и сюда. Нѣтъ! никогда больше не поплыву я по морю съ моею подругой“.—Также не хитра была и пѣсенка баронессы: „Недавно, пѣла баронесса,— я танцовала съ моимъ милымъ на свадьбѣ; вдругъ изъ моихъ волосъ упалъ цвѣтокъ; онъ поднялъ его, подалъ мнѣ и сказалъ: когда моя милая мы снова пойдемъ на свадьбу?“ Уже со второй строфы я сталъ увѣренно аккомпанировать этой пѣсенкѣ, и въ охватившемъ меня экстазѣ при исполненіи слѣдующихъ пѣсенъ, какъ бы ловилъ ихъ мелодію, непосредственно съ устъ баронессы, такъ что показался ей и фрейленъ Адельгейдъ величайшимъ маэстро въ области музыки, и онѣ осыпали меня похвалами.

Изъ оконъ комнаты баронессы мы увидѣли свѣтъ зажженныхъ въ бальной залѣ флигеля свѣчей, а нестройный звукъ трубъ и роговъ возвѣщалъ, что пора собираться на балъ.—Ахъ, я должна идти, воскликнула баронесса; я вскочилъ съ мѣста.— Вы доставили мнѣ истинное блаженство, это были лучшія минуты, когда-либо проведенныя мною въ Р...зиттенѣ.—Съ этими словами баронесса подала мнѣ руку. Въ порывѣ величайшаго восторга, я прижалъ ее къ своимъ губамъ и почувствовалъ, что ея пальцы сильно дрожатъ въ моей рукѣ. Не знаю, какъ добрался я до комнаты дяди, и какъ потомъ очутился въ бальной залѣ

Извѣстный Гасконецъ боялся битвы, потому что каждая рана была бы для него смертельна: онъ весь былъ сердце. Я, какъ и всякій въ моемъ положеніи, уподоблялся ему: каждое прикосновеніе къ любимой женщинѣ было для меня смертельно. Держа въ своей рукѣ руку баронессы, чувствуя, какъ трепетали ея пальцы, я какъ-будто былъ пораженъ отравленною стрѣлой; кровь закипѣла у меня въ жилахъ. Безо всякихъ разспросовъ со своей стороны дядя на слѣдующее же утро узналъ отъ меня всю исторію проведеннаго съ баронессой вечера, и я былъ не мало изумленъ, когда онъ, до сихъ поръ улыбающійся и веселый, вдругъ строго нахмурился и обратился ко мнѣ со слѣдующими словами.—Прошу тебя, братецъ, не поддавайся дурачеству, всесильно овладѣвшему тобой. Подумай, что твои дѣйствія, какъ бы ни казались они невинны, могутъ имѣть ужаснѣйшія послѣдствія. Въ слѣпомъ безуміи ты стоишь на тонкой ледяной поверхности, которая обломится подъ тобой прежде, чѣмъ ты успѣешь предупредить это, и ты бултыхнешь въ воду. Я и не подумаю спасать тебя; я знаю, что ты самъ выберешься оттуда, но только смертельно простуженный. Этотъ легкій насморкъ, скажешь ты, я получилъ во снѣ, но на самомъ дѣлѣ злая лихорадка будетъ подтачивать твою жизнь, и пройдутъ года прежде, чѣмъ ты снова оправишься. Чортъ бы побралъ твою музыку, если ты не умѣешь найти ей лучшаго примѣненія, какъ смущать мирный покой впечатлительныхъ женщинъ.

— Но развѣ мнѣ приходило когда-нибудь въ голову ухаживать за баронессой, прервалъ я старика.—Обезьяна! закричалъ онъ на меня,—да узнай я только объ этомъ, я выкинулъ бы тебя вотъ въ это самое окно!

Приходъ барона положилъ конецъ этому тяжелому разговору, а начавшіяся затѣмъ занятія оторвали меня отъ грёзъ любви, въ которыхъ я видѣлъ одну только Серафиму. Въ обществѣ баронесса лишь изрѣдка обращалась ко мнѣ съ немногими привѣтливыми словами, но за то не проходило почти ни одного вечера чтобы ко мнѣ не являлось таинственное посольство отъ фрейлейнъ Адельгейдъ, приглашавшей меня къ Серафимѣ. Скоро къ музыкѣ присоединились разговоры. Фрейлейнъ Адельгейдъ, уже не настолько молодая, чтобы быть до того наивною и смѣшною, всякій разъ когда мы съ Серафимой начинали углубляться въ сентиментальныя чувства и грёзы, подскакивала къ намъ съ веселымъ и нѣсколько сконфуженнымъ видомъ. По нѣкоторымъ примѣтамъ я

скоро убѣдился, что, какъ я прочелъ это изъ ея взора при нашей первой встрѣчѣ, дѣйствительно что-то тяжелое лежитъ на сердцѣ баронессы, и враждебныя дѣйствія нечистой силы, обитающей въ замкѣ, стали для меня вполнѣ понятны. Что-нибудь ужасное произошло или должно было произойти здѣсь. Какъ часто мнѣ хотѣлось разсказать Серафимѣ, какъ врагъ смущалъ меня, и какъ старикъ, конечно, навсегда изгналъ его отсюда; но всякій разъ, въ ту самую минуту, когда я думалъ заговорить объ этомъ, какой-то непонятный для меня самого ужасъ сковывалъ мой языкъ.

Однажды баронесса не вышла къ обѣду. Это значило, что она больна и не можетъ оставить своей комнаты. Барона участливо разспрашивали, не опасна ли ея болѣзнь. Онъ какъ-то многозначительно усмѣхнулся и какъ будто съ горькою ироніей отвѣчалъ:—У нея легкій катарръ, въ этомъ виноватъ суровый морской климатъ, не терпящій здѣсь сладкозвучныхъ голосовъ и не выносящій никакихъ другихъ звуковъ, кромѣ грубыхъ криковъ охоты. При этихъ словахъ баронъ, сидѣвшій какъ разъ противъ меня, устремилъ на меня пронзительный взглядъ. Я понялъ, что слова его относятся лично ко мнѣ. Фрейлейнъ Адельгейдъ, бывшая за столомъ моею сосѣдкой, покраснѣла до ушей; уставившись въ тарелку и царапая по ней вилкой, она прошептала:—И еще сегодня ты увидишь Серафиму, и еще сегодня твои сладкія пѣсни успокоятъ ея больное сердце.—Слова Адельгейдъ также относились ко мнѣ, и въ эту минуту мнѣ показалось, что я въ самомъ дѣлѣ нахожусь съ баронессой въ какой-то тайной предосудительной связи, которая можетъ кончиться только чѣмъ-нибудь ужаснымъ, пожалуй даже преступленіемъ. Предостереженія дяди тяжело легли мнѣ на сердцѣ. Что мнѣ дѣлать? Не видѣться съ ней? Пока я находился въ замкѣ, это было невозможно, а еслибъ я и вздумалъ покинуть замокъ и вернуться въ К., я не былъ бы въ состояніи сдѣлать этого. Ахъ, теперь слишкомъ ясно почувствовалъ я, что во мнѣ далеко недостаточно силы, чтобы самому освободиться отъ чаръ сновидѣнія, дразнившаго меня фантастическимъ счастьемъ любви.

Адельгейдъ показалась мнѣ почти сводней, и я готовъ былъ презирать ее, но снова обсудивъ дѣло, устыдился своей глупости. Что такое произошло въ тѣ блаженные вечера, что давало бы поводъ видѣть въ моихъ отношеніяхъ къ Серафимѣ хоть что-нибудь переходящее границы правилъ приличія? Какъ смѣлъ я

подумать, что баронесса хоть сколько-нибудь любитъ меня? И несмотря на всѣ эти доводы, я ясно сознавалъ опасность своего положенія.

Изъ-за стола встали раньше обыкновеннаго, такъ какъ предстояла еще охота на волковъ, показавшихся въ сосновомъ лѣсу, совсѣмъ вблизи замка. Охота какъ нельзя больше подходила къ моему возбужденному состоянію, и я объявилъ старику о своемъ желаніи участвовать въ ней. Онъ съ довольною улыбкой взглянулъ на меня и сказалъ:—Вотъ это похвально, что и ты наконецъ собрался провѣтриться. Я останусь дома. Ты можешь взять мое ружье; захвати также мой охотничій ножъ: въ случаѣ нужды— это тоже хорошее и надежное оружіе, если только не потеряешь присутствія духа.

Часть лѣса, гдѣ предполагали волковъ, была окружена охотниками. Было нестерпимо холодно; вѣтеръ завывалъ въ соснахъ и гналъ мнѣ въ лицо блестящія хлопья снѣга, такъ что съ наступленіемъ сумерекъ я едва различалъ предметы въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя. Окоченѣвъ отъ стужи, я оставилъ свое мѣсто и искалъ убѣжища въ глубинѣ лѣса. Тамъ, держа ружье подъ рукой, я прислонился къ дереву. Я позабылъ объ охотѣ, мысленно уносясь къ Серафимѣ, въ ея таинственную комнату. Вдали раздались выстрѣлы; въ то же время затрещали кусты, и въ какихъ-нибудь десяти шагахъ отъ себя я увидѣлъ огромнаго волка. Я приложился, спустилъ курокъ и промахнулся. Звѣрь, сверкая глазами, бросился ко мнѣ. Я пропалъ бы, еслибъ у меня не хватило духу, чтобы выхватить кинжалъ и глубоко всадить его въ горло звѣря, уже готоваго вцѣпиться въ меня. Кровь брызнула мнѣ на руку. Одинъ изъ охотниковъ барона, стоявшій недалеко отъ меня, съ громкимъ крикомъ подбѣжалъ ко мнѣ. На его повторенный нѣсколько разъ охотничій сигналъ вокругъ насъ собрались всѣ участвовавшіе въ охотѣ. Баронъ поспѣшилъ ко мнѣ.

— Ради Бога... Вы въ крови? Вы ранены?—Я поспѣшилъ успокоить его. Тогда баронъ напустился на охотника, стоявшаго ближе всѣхъ ко мнѣ, и сталъ осыпать его упреками за то, что онъ не стрѣлялъ въ волка послѣ моего промаха. Напрасно тотъ увѣрялъ, что это было невозможно, потому что волкъ въ ту же секунду устремился на меня, такъ что пуля могла бы попасть въ меня; баронъ оставался при своемъ, что ему слѣдовало взять меня, какъ менѣе опытнаго въ дѣлѣ охоты, подъ свое

особое покровительство. Между тѣмъ охотники подняли звѣря. Онъ оказался самымъ крупнымъ изо всѣхъ, за долгое время видѣнныхъ здѣсь. Всѣ удивлялись моей храбрости и рѣшительности, между тѣмъ какъ мнѣ самому мой поступокъ казался совсѣмъ обыкновеннымъ, и на самомъ дѣлѣ я вовсе не думалъ о той смертельной опасности, которой только-что подвергался. Съ особеннымъ участіемъ отнесся ко мнѣ баронъ; онъ не переставалъ разспрашивать меня, не боюсь ли я дурныхъ послѣдствій испуга, если звѣрь и не причинилъ мнѣ никакого вреда.

На возвратномъ пути въ замокъ баронъ дружески взялъ меня подъ руку; ружье мое долженъ былъ нести одинъ изъ охотниковъ. Онъ всю дорогу говорилъ о моемъ подвигѣ, такъ что въ концѣ концовъ я и самъ повѣрилъ въ свой героизмъ и, потерявъ всякое смущеніе, чувствовалъ себя, даже въ сравненіи съ барономъ, мужественнымъ и рѣшительнымъ человѣкомъ. Школьникъ, счастливо выдержавшій экзаменъ, пересталъ быть школьникомъ, и вся его застѣнчивая робость исчезла. Мнѣ казалось теперь, что я завоевалъ себѣ право добиваться взаимности Серафимы. Извѣстно, на какія нелѣпыя сопоставленія способна фантазія влюбленнаго юноши.

Въ замкѣ, у камина, за кипящимъ пуншемъ, я продолжалъ оставаться героемъ дня. Кромѣ меня только баронъ уложилъ матераго волка; остальные должны были довольствоваться тѣмъ, что объясняли свои промахи кто вѣтромъ, кто темнотой, и при этомъ разсказывали ужасныя исторіи о прежнихъ удачныхъ охотахъ и пережитыхъ опасностяхъ. Разсчитывая на особыя похвалы и удивленія со стороны стараго дяди, я разсказалъ ему свое приключеніе со всѣми подробностями, не забывъ представить въ самыхъ ужасныхъ краскахъ свирѣпый и кровожадный видъ звѣря. Но старикъ засмѣялся мнѣ въ лицо и сказалъ:

— Богъ силенъ въ слабыхъ.

Когда, пресыщенный виномъ и наскучивъ обществомъ, я пробирался черезъ корридоръ въ присутственную залу, я увидѣлъ какъ передо мной проскользнула туда какая-то фигура со свѣчей въ рукѣ. Войдя въ залу, я узналъ въ ней фрейлейнъ Адельгейдъ.

— Развѣ не рѣшишься блуждать кругомъ, какъ привидѣніе или какъ лунатикъ, лишь бы только найти васъ, мой отважный охотникъ, шептала она, схватывая меня за руку.

Слова „лунатикъ“ и „привидѣніе“, сказанныя въ этомъ мѣстѣ, произвели на меня подавляющее впечатлѣніе. Мгновенно въ

моей памяти воскресли сверхъестественныя явленія тѣхъ двухъ ужасныхъ ночей. Какъ тогда, подобно густымъ звукамъ органа, гудѣлъ морской вѣтеръ, со свистомъ потрясая дребезжащія рамы; какъ тогда, свѣтъ мѣсяца падалъ какъ разъ на таинственную стѣну, откуда слышалось царапанье. Мнѣ показалось, что я вижу на ней кровавыя пятна. Фрейлейнъ Адельгейдъ, все еще продолжавшая держать мою руку, не могла не почувствовать какъ она похолодѣла.

— Что̀ съ вами? Что̀ съ вами? тихо спросила она;—вы совсѣмъ оцепенѣли. Но я верну васъ къ жизни. Знаете ли вы, что баронесса ждетъ, не дождется увидѣть васъ. До тѣхъ поръ она не повѣритъ, что дикій волкъ дѣйствительно не растерзалъ васъ. Ея страхъ за васъ просто невѣроятенъ. Что̀ сдѣлали вы съ ней, другъ мой? Я еще никогда не видѣла ее такою. У! какъ сильно забился вашъ пульсъ! Словно внезапно ожившій мертвецъ. Нѣтъ, идемте, идемте, только потише... скорѣе къ маленькой баронессѣ.

Я молча позволилъ увести себя: манера, съ какой Адельгейдъ говорила о баронессѣ, казалась мнѣ недостойною, но особенно возмутилъ меня ея намекъ на какое-то будто бы существующее между нами тайное соглашеніе. Когда мы съ Адельгейдъ вошли въ комнату Серафимы, она съ легкимъ крикомъ ступила три-четыре шага мнѣ навстрѣчу, потомъ, какъ бы спохватившись, остановилась посреди комнаты. Я схватилъ ея руку и прижалъ къ своимъ губамъ. Баронесса не отнимала у меня руки.

— Боже мой, неужели ваше призваніе мѣрить свои силы въ борьбѣ съ волками? Развѣ вы не знаете, что сказочныя времена Орѳея и Амѳіона давнымъ-давно миновали, и что дикіе звѣри потеряли всякое уваженіе къ выдающимся музыкантамъ?

Это задушевное обращеніе баронессы, исключавшее всякую возможность ложнаго толкованія ея участія ко мнѣ, тотчасъ же поставило меня въ надлежащій тонъ и тактъ. Не знаю самъ, какъ случилось, что на этотъ разъ я не сѣлъ, какъ обыкновенно, за инструментъ, а занялъ мѣсто на канапе рядомъ съ баронессой.

— Какъ же вамъ удалось избѣжать угрожавшей вамъ опасности, спросила меня баронесса, и слова эти какъ бы подтвердили наше взаимное соглашеніе посвятить нынѣшній вечеръ не музыкѣ, а бесѣдѣ. Послѣ того, какъ я разсказалъ ей о своемъ приключеніи въ лѣсу и упомянулъ о живѣйшемъ участіи ко мнѣ со стороны барона, слегка намекнувъ на то, что не считалъ его

на это способнымъ, баронесса заговорила мягкимъ, почти жалобнымъ голосомъ.

— О, неужели баронъ представляется вамъ такимъ безсердечнымъ и суровымъ. Но повѣрьте, что только здѣсь, въ этихъ мрачныхъ и ужасныхъ стѣнахъ, только среди дикой охоты въ пустынныхъ сосновыхъ лѣсахъ мѣняется все его существо, по крайней мѣрѣ его обращеніе. Но что особенно разстраиваетъ его, это та постоянно преслѣдующая его мысль, что здѣсь когда-нибудь должно произойти что-то ужасное. Потому-то и приключеніе съ вами, къ счастью не имѣвшее никакихъ дурныхъ послѣдствій, такъ сильно потрясло его. Онъ не можетъ допустить, чтобы послѣдній изъ его слугъ, а тѣмъ болѣе милый новоприобрѣтенный другъ подвергся малѣйшей опасности, и я увѣрена, что Готлибъ, котораго онъ обвиняетъ въ томъ, что онъ не помогъ вамъ въ критическую минуту, если и не будетъ посаженъ въ тюрьму, то во всякомъ случаѣ потерпитъ постыдное охотничье наказаніе: безъ ружья, съ палкой въ рукахъ онъ долженъ будетъ сопровождать толпу охотниковъ. Уже одно то, что такія охоты, какъ здѣшнія, не безопасны, и что баронъ, постоянно опасаясь несчастія, но находя въ нихъ особенное удовольствіе и веселье, самъ дразнитъ въ себѣ злаго демона, уже одно это вноситъ въ его жизнь какой-то разладъ, тяжело дѣйствующій и на меня. Разсказываютъ много страннаго про его предка, учредившаго майоратъ, и я хорошо знаю, что какая-то страшная семейная тайна, сокрытая въ этихъ стѣнахъ, какъ ужасный призракъ гонитъ отсюда владѣльцевъ и даетъ имъ возможность проводить здѣсь весьма короткій срокъ и то только въ шумной и дикой суетѣ. Но, Боже мой, какою одинокою я чувствую себя въ этой суетѣ и какимъ ужасомъ вѣетъ на меня отъ этихъ стѣнъ! Вы, милый другъ, своимъ искусствомъ доставили мнѣ первыя свѣтлыя минуты, пережитыя мною здѣсь. Какъ выразить вамъ всю мою сердечную признательность!

Я поцѣловалъ протянутую мнѣ руку, повѣряя ей, что и я въ первый день моего пребыванія здѣсь, или вѣрнѣе, въ первую ночь былъ доведенъ до величайшаго ужаса творящимися здѣсь чудесами. Баронесса пристально смотрѣла мнѣ въ лицо, когда я сталъ объяснять эти чудеса архитектурой зáмка и особенно крушеніемъ присутственной залы, завываніемъ морскаго вѣтра и т. п. Можетъ-быть самый тонъ, которымъ я говорилъ, и особая выразительность моихъ словъ давали ей поводъ думать, что подъ

ними я подразумѣваю еще что-то, только едва я умолкъ, баронесса горячо воскликнула: —нѣтъ, нѣтъ, съ вами случилось что-то ужасное въ той залѣ, куда я не могу войти безъ содроганія! Умоляю васъ, разскажите мнѣ все, что̀ съ вами было.

Смертельною блѣдностью покрылось лицо Серафимы. Я понялъ, что съ моей стороны будетъ гораздо благоразумнѣе откровенно разсказать ей все происшедшее со мной, чѣмъ допустить чтобъ ея разгоряченное воображеніе представляло себѣ вещи, можетъ-быть, еще болѣе ужасныя, чѣмъ то, чему я былъ свидѣтелемъ. Она внимательно слушала меня, обнаруживая все болѣе и болѣе волненія и страха. Когда я упомянулъ о царапаньи въ стѣну, она перебила меня восклицаніемъ:—Это ужасно! да, да, въ этой стѣнѣ погребена какая-то страшная тайна!—Я сталъ разсказывать дальше, какъ старый дядя одолѣлъ нечистаго силой своего духа и превосходства; она глубоко вздохнула, какъ будто освободившись отъ какой-то давившей ея сердце тяжести. Откинувшись на спинку кресла она закрыла лицо обѣими руками. Только теперь я замѣтилъ, что Адельгейдъ оставила насъ. Уже давно кончилъ я свой разсказъ, а Серафима все еще молчала. Я тихонько всталъ, подошелъ къ инструменту и все усиливающимися аккордами какъ бы старался вызвать ангеловъ-утѣшителей, которые вывели бы Серафиму изъ мрачнаго міра, куда я ввергъ ее своимъ разсказомъ. Скоро я запѣлъ такъ нѣжно, какъ только могъ одну изъ извѣстныхъ духовныхъ канцонъ аббата Стефани. При скорбныхъ звукахъ стиха: Ochi, perchè piangete—мрачное раздумье оставило Серафиму, и она, кротко улыбаясь, со слезами на глазахъ стала слушать мое пѣніе. Не знаю, какъ очутился я на колѣняхъ предъ нею, какъ наклонилась она ко мнѣ, какъ прижалъ я ее къ своей груди, какъ долгій, горячій поцѣлуй обжегъ мои губы. Не знаю, какъ не потерялъ я разсудка; какъ, чувствуя на себѣ ея нѣжныя объятія, я выпустилъ ее изъ своихъ рукъ и, быстро поднявшись, подошелъ къ инструменту. Отвернувшись отъ меня, баронесса сдѣлала нѣсколько шаговъ къ окну, потомъ она снова повернулась и почти съ гордымъ несвойственнымъ ей видомъ подошла ко мнѣ. Глядя прямо мнѣ въ глаза, она сказала:—Вашъ дядюшка достойнѣйшій человѣкъ, какого только я знаю. Онъ—ангелъ-хранитель нашей семьи. Пусть поминаетъ онъ меня въ своихъ святыхъ молитвахъ!—Я не могъ произнести ни слова; гибельный ядъ, всосанный мною изъ ея поцѣлуя, огнемъ пробѣжалъ по всѣмъ моимъ жиламъ и нервамъ. Вошла фрейлейнъ Адельгейдъ, и я въ

бѣшенствѣ отъ внутренней борьбы громко разрыдался, чувствуя себя не въ силахъ болѣе сдерживать слезы. Адельгейдъ удивленно и съ подозрительною улыбкой взглянула на меня. Я готовъ былъ убить ее. Баронесса протянула мнѣ руку и съ невыразимою мягкостью сказала:—Прощайте, милый другъ, прощайте и помните, что можетъ-быть никто не понималъ вашей музыки лучше меня. Ахъ, эти звуки еще долго, долго будутъ жить въ моей душѣ!— Черезъ силу сказалъ я ей нѣсколько несвязныхъ, безсмысленныхъ словъ и убѣжалъ въ свою комнату. Старикъ уже спалъ. Я остался въ залѣ. Съ громкимъ плачемъ я упалъ на колѣни, повторяя имя моей возлюбленной. Я весь отдался сумасбродству любовнаго помѣшательства, и только громкій окликъ дяди, разбуженнаго моимъ неистовствомъ:—Ты кажется съ ума сошелъ, братецъ, или снова возишься тамъ съ волкомъ. Не угодно ли тебѣ ложиться спать.—Только этотъ окликъ заставилъ меня войти въ спальню, гдѣ я улегся съ твердымъ намѣреніемъ увидѣть во снѣ Серафиму.

Было уже за полночь, а я все еще не спалъ. Вдругъ мнѣ показалось, что я слышу далекіе голоса, безпорядочную бѣготню и громкое хлопанье отворяемыхъ и затворяемыхъ дверей. Я сталъ прислушиваться. Въ корридорѣ послышались приближающіеся шаги, дверь въ залу отворилась, и скоро раздался стукъ въ нашу дверь.—Кто тутъ? громко окликнулъ я. Снаружи заговорили: Господинъ управляющій, господинъ управляющій, вставайте, вставайте! Я узналъ голосъ Франца.—Ужь не горитъ ли за́мокъ? спросилъ я его. Въ это время старикъ проснулся.—Гдѣ горитъ? воскликнулъ онъ;—гдѣ снова началось это чортово навожденіе? — Ахъ, вставайте, господинъ управляющій, заговорилъ Францъ;—господинъ баронъ требуетъ васъ къ себѣ.— Что̀ нужно отъ меня барону ночью, продолжалъ старикъ;—развѣ онъ не знаетъ, что юстиціаріатъ вмѣстѣ съ юстиціаріусомъ лежатъ въ постели и точно также хорошо спятъ, какъ и онъ самъ.— Ахъ, воскликнулъ дрожащимъ голосомъ Францъ,—ахъ, господинъ управляющій, вставайте скорѣй, всемилостивѣйшая госпожа баронесса лежитъ на смертномъ одрѣ.—Съ крикомъ отчаянія я вскочилъ съ постели.—Отопри дверь Францу, крикнулъ мнѣ дядя.— Не помня себя я бѣгалъ по комнатѣ, не находя ни двери, ни замка. Старикъ долженъ былъ помочь мнѣ. Блѣдный, съ разстроеннымъ лицомъ вошелъ къ намъ Францъ и зажегъ свѣчи.

Едва успѣли мы накинуть на себя платье, какъ уже изъ залы послышался голосъ барона:

— Могу ли я поговорить съ вами, милый Б.?

— Зачѣмъ ты одѣлся, братецъ, вѣдь баронъ требуетъ только меня, обратился ко мнѣ дядя, собираясь выходить.

— Я долженъ идти внизъ, я долженъ ее видѣть и потомъ умереть, глухо отвѣчалъ я, подавленный безутѣшнымъ горемъ.

— Такъ, такъ, ты правъ, братецъ! Съ этими словами старикъ предъ самымъ моимъ носомъ такъ сильно хлопнулъ дверью, что всѣ петли затрещали, затѣмъ онъ снаружи заперъ меня на ключъ.

Въ первую минуту, возмущенный такимъ насиліемъ, я хотѣлъ вышибить дверь, но вовремя сообразивъ, что это можетъ сопровождаться всѣми печальными послѣдствіями необузданнаго бѣшенства, рѣшился ждать возвращенія старика, и тогда, во что бы то ни стало, ускользнуть изъ-подъ его присмотра. Я слышалъ, какъ дядя горячо разговаривалъ съ барономъ, я слышалъ, какъ они нѣсколько разъ произносили мое имя, но то о чемъ они говорили оставалось для меня непонятнымъ. Съ каждою секундой мое положеніе становилось все невыносимѣе. Наконецъ я услыхалъ, какъ принесли барону какое-то извѣстіе и какъ онъ поспѣшно удалился. Старикъ вернулся въ нашу комнату.—Она умерла! Съ этимъ возгласомъ я кинулся къ нему на встрѣчу.—А ты—дуракъ! спокойно проговорилъ онъ, насильно усаживая меня въ кресло.—Я долженъ идти внизъ, кричалъ я,— и увидѣть ее, хотя бы это стоило мнѣ жизни!—Ну, что же, ступай, голубчикъ, отвѣчалъ дядя;—съ этими словами онъ заперъ дверь, вынулъ изъ нея ключъ и сунулъ его въ карманъ. Тогда, не помня себя отъ бѣшенства, я схватилъ заряженное ружье и закричалъ: — Здѣсь, на вашихъ глазахъ я пущу себѣ пулю въ лобъ, если вы тотчасъ же не отопрете двери! Тогда старикъ совсѣмъ близко подошелъ ко мнѣ и, пронизывая меня своимъ взглядомъ, сказалъ: — Неужели, мальчикъ, ты думаешь испугать меня своею жалкою угрозой. Или ты думаешь, что въ моихъ глазахъ твоя жизнь можетъ имѣть хотя какую-либо цѣну, когда ты самъ въ ребяческомъ безуміи рѣшаешься разстаться съ ней, какъ съ надоѣвшею игрушкой? Что общаго можетъ быть у тебя съ баронессой? И кто далъ тебѣ право соваться, какъ навязчивый нахалъ, туда, гдѣ вовсе не твое мѣсто, и гдѣ тебя не пожелаютъ терпѣть? Или ты хочешь разыграть влюбленнаго пастушка въ торжественномъ присутствіи смерти?

Уничтоженный я опустился на стулъ. Нѣсколько минутъ спустя старикъ продолжалъ, но уже болѣе мягкимъ голосомъ:

—Что касается до меня, то я думаю, что опасность будто бы угрожающая баронессѣ — вздоръ: фрейлейнъ Адельгейдъ приходитъ въ отчаяніе изъ-за каждаго пустяка; когда ей попадаетъ на носъ капля дождя, она начинаетъ кричать: ахъ, какая ужасная непогода! Къ несчастію, вѣсть объ опасномъ положеніи баронессы достигла и до старыхъ тетокъ, и онѣ притащились къ ней съ неумѣстнымъ плачемъ и цѣлымъ арсеналомъ укрѣпляющихъ капель, жизненныхъ эликсировъ и еще чортъ ихъ знаетъ съ чѣмъ. Сильный обморокъ... Старикъ умолкъ, онъ вѣроятно замѣтилъ, какая внутренняя борьба терзала меня. Нѣсколько разъ онъ прошелся взадъ и впередъ по комнатѣ, потомъ снова остановился предо мной, отъ души разсмѣялся, и сказалъ:—Братецъ, братецъ, какого дурака ты строишь изъ себя. Я увѣренъ, что это дѣло сатаны, который на различныя манеры продѣлываетъ здѣсь всякую чертовщину. Ты добровольно попалъ въ его лапы, вотъ онъ заставляетъ тебя плясать подъ свою дудочку. Старикъ снова нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ и затѣмъ продолжалъ.— Сегодня ужь нечего думать о снѣ. Не лучше ли закурить трубочку и подождать конца ночи и мрака!

Съ этими словами старикъ досталъ изъ шкафа глиняную трубку. Медленно и заботливо набилъ онъ ее табакомъ, мурлыкая себѣ подъ носъ какую-то пѣсенку. Потомъ, порывшись въ бумагахъ, вырвалъ откуда-то листикъ, свернулъ его, воткнулъ въ трубку и закурилъ. Окружая себя густымъ облакомъ табачнаго дыма, онъ сквозь зубы спросилъ меня:—Ну, братецъ, какъ же было дѣло съ волкомъ? — Не знаю почему, только спокойное обращеніе старика удивительно подѣйствовало на меня. Какъ будто я былъ уже не въ Р—зиттенѣ, а гдѣ-то далеко отъ баронессы, до которой едва-едва могли достичь мои крылатыя мысли. Послѣдній вопросъ старика разсердилъ меня.

— Неужели, воскликнулъ я,—въ случаѣ, происшедшемъ со мною на охотѣ, вы видите только смѣшное, только поводъ къ насмѣшкамъ?

— Избави Богъ, господинъ племянникъ, возразилъ старикъ;— но ты не можешь себѣ представить, какую уморительную рожу строятъ подобные тебѣ молодцы и какъ они величаются, когда съ Божьею помощью имъ удается сдѣлать что-нибудь исключительное. У меня былъ товарищъ по академіи, тихій, благора-

зумный и сосредоточенный юноша. Случайно (самъ онъ никогда не подавалъ повода ни къ чему подобному) онъ былъ замѣшанъ въ дѣло чести и, несмотря на то, что большинство товарищей считало его за человѣка слабохарактернаго, за тряпку, велъ себя съ такою рѣшительностью и съ такимъ достоинствомъ, что возбудилъ всеобщее удивленіе. Но съ этого времени въ немъ произошла рѣзкая перемѣна. Изъ прилежнаго, благоразумнаго юноши онъ сдѣлался хвастливымъ, несноснымъ забіякой, сталъ кутить и веселиться и такъ далеко зашелъ въ своемъ глупомъ ребячествѣ, что погибъ на дуэли со старшиной одной студенческой корпораціи, которую грубо оскорбилъ. Я разсказываю тебѣ объ этомъ безо всякой задней мысли, ты воленъ понимать мои слова какъ знаешь.

Я хотѣлъ снова завести рѣчь о баронессѣ и ея болѣзни, какъ вдругъ въ залѣ раздались тихіе шаги и мнѣ почудилось, будто по воздуху пронесся зловѣщій вздохъ. — Ея уже нѣтъ! — мысль эта поразила меня, какъ смертоносная молнія. Старикъ быстро вскочилъ и громко позвалъ: Францъ, Францъ! — Я, почтенный господинъ управляющій, отвѣтилъ голосъ снаружи. — Послушай, Францъ, продолжалъ старикъ, — помѣшай-ка дрова въ каминѣ, да нельзя ли намъ подать сюда чайку. Чертовски холодно, обратился онъ ко мнѣ,—потолкуемъ лучше у камина. Старикъ отперъ дверь, я машинально послѣдовалъ за нимъ.—Что дѣлается внизу? спросилъ дядя. — Да тамъ ничего особеннаго и не было, отвѣчалъ Францъ; — всемилостивѣйшая баронесса совсѣмъ оправились и приписываютъ свой обморокъ дурному сну.—Я чуть не подпрыгнулъ отъ радости и восторга, строгій взглядъ дяди заставилъ меня успокоиться.—Такъ, сказалъ старикъ,—теперь, собственно говоря, всего лучше часокъ другой соснуть; не хлопочи насчетъ чаю, Францъ. — Слушаюсь, господинъ управляющій, отвѣчалъ тотъ. Онъ вышелъ изъ залы, пожелавъ намъ спокойной ночи, несмотря на то, что уже пѣли пѣтухи.—Слушай, братецъ, обратился ко мнѣ дядя, выколачивая въ каминъ свою трубку, слушай, братецъ, а все-таки хорошо, что съ тобой не случилось никакого несчастія съ этими волками и заряженнымъ ружьемъ. — Теперь я понялъ все и мнѣ стало стыдно, что я ставилъ старику въ вину его обращеніе со мной, какъ съ невоспитаннымъ ребенкомъ.

— Будь такъ добръ, голубчикъ, сказалъ мнѣ на слѣдующее утро старикъ,—будь такъ добръ, сойди внизъ и узнай о здоровьѣ

баронессы. Ты можешь вызвать фрейлейнъ Адельгейдъ, которая сообщитъ тебѣ самыя точныя свѣдѣнія.

— Легко можно себѣ представить, какъ я поспѣшилъ внизъ. Но въ ту самую минуту, какъ я уже собирался тихонько постучаться въ переднюю баронессы, навстрѣчу мнѣ оттуда быстрыми шагами вышелъ баронъ. Удивленный онъ остановился и смѣрилъ меня мрачнымъ, насквозь пронизывающимъ взглядомъ. — Зачѣмъ вы здѣсь? вырвалось у него. Несмотря на то, что сердце сильно забилось въ моей груди, я овладѣлъ собою и твердо отвѣчалъ, что пришелъ сюда по порученію дяди освѣдомиться о здоровьѣ баронессы. — О, баронесса совершенно здорова, съ ней былъ одинъ нервный припадокъ. Теперь она крѣпко заснула, и вы увидите, что къ обѣду она выйдетъ совсѣмъ бодрою и свѣжею. Передайте, передайте это ему. — Эти слова, произнесенныя очевидно взволнованнымъ голосомъ, заставили меня подумать, что баронъ въ дѣйствительности гораздо болѣе безпокоится о баронессѣ, чѣмъ это кажется съ перваго взгляда. — Я уже повернулся, чтобъ уйти, но вдругъ баронъ схватилъ меня за руку и, сверкая глазами, воскликнулъ:— Мнѣ нужно съ вами поговорить, молодой человѣкъ.—Не смертельно ли оскорбленный мужъ стоялъ предо мной и не долженъ ли я былъ ожидать сцены, которая могла имѣть для меня весьма постыдный исходъ. Я былъ безоруженъ, но вдругъ вспомнилъ объ охотничьемъ ножѣ, подаренномъ мнѣ въ Р...зиттенѣ дядей и лежавшемъ теперь у меня въ карманѣ. И вотъ я послѣдовалъ за быстро увлекающимъ меня барономъ, съ твердою рѣшимостью не останавливаться даже предъ убійствомъ, если только будетъ задѣта моя честь. Мы вошли въ комнату барона и онъ заперъ за собой дверь. Скрестивъ на груди руки, онъ быстро зашагалъ взадъ и впередъ по комнатѣ, потомъ, остановившись предо мною, повторилъ:—Мнѣ нужно съ вами поговорить, молодой человѣкъ.— Дерзкая смѣлость овладѣла мной и я, возвысивъ голосъ, сказалъ: —Надѣюсь, что въ вашихъ словахъ не будетъ ничего оскорбительнаго для меня.—Баронъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня, какъ-будто не понимая меня. Потомъ онъ мрачно уставился въ землю, заложилъ руки за спину, и снова быстро зашагалъ по комнатѣ. Вдругъ онъ снялъ со стѣны ружье и опустилъ въ его дуло шомпалъ, какъ бы желая узнать, заряжено ли оно или нѣтъ. Кровь бросилась мнѣ въ голову, я схватился за ножъ и совсѣмъ близко подступилъ къ барону, чтобы не дать ему возможности

прицѣлиться въ меня.—Славное оружіе,—сказалъ баронъ, ставя ружье въ уголъ.—Я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ назадъ, баронъ за мной. Крѣпко, почти до боли ударивъ меня по плечу, онъ сказалъ:—Конечно я кажусь вамъ возбужденнымъ и разстроеннымъ. Теодоръ! Оно иначе и быть не можетъ послѣ всѣхъ ужасовъ вчерашней безсонной ночи. Нервный припадокъ жены былъ вовсе не такъ опасенъ; я это прекрасно вижу теперь, но здѣсь, здѣсь, въ этомъ за́мкѣ, убѣжищѣ злаго духа, мнѣ все представляется ужаснымъ, къ тому же это первый разъ, что она захворала здѣсь. Вы, вы одни виноваты въ этомъ!—Можетъ ли это быть, когда я и въ мысляхъ не имѣлъ ничего подобнаго,—спокойно возразилъ я.—О, еслибы на тысячу кусковъ разбился проклятый инструментъ управляющаго, продолжалъ баронъ;—о, еслибы вы... но нѣтъ, нѣтъ! Это неизбѣжно и должно было случиться; я одинъ виноватъ во всемъ. Въ ту самую минуту, когда вы въ первый разъ заиграли въ комнатѣ моей жены, я долженъ былъ предупредить васъ обо всемъ и особенно объ ея душевномъ настроеніи.—Я хотѣлъ возражать.—Дайте мнѣ высказаться, закричалъ баронъ,—прежде всего я долженъ отрѣзать вамъ путь ко всякому, слишкомъ поспѣшному, сужденію обо мнѣ. Вы, конечно, сочтете меня за грубаго человѣка, неспособнаго любить искусство. Въ сущности я совсѣмъ не таковъ, но основанная на глубокомъ убѣжденіи осторожность заставляетъ меня не терпѣть здѣсь никакой музыки, дѣйствующей на чувства каждаго, въ томъ числѣ и на мои. Знайте, что моя жена до болѣзненности впечатлительна, и это въ концѣ концовъ отниметъ всѣ радости у ея жизни. Въ этихъ таинственныхъ стѣнахъ ее не покидаетъ какое-то возбужденное раздражительное состояніе, которое обыкновенно наблюдается у нея только временами и то только предъ серьезною болѣзнью. Вы спросите, зачѣмъ же я привожу эту нѣжную женщину сюда, въ этотъ мрачный за́мокъ и заставляю ее жить среди дикой, охотничьей суеты. Назовите это, если хотите, слабостью, только я не въ состояніи разстаться съ ней. Тысячи опасеній не покидали бы меня, и я положительно не былъ бы способенъ ни на что̀ серьезное; на охотѣ и въ залѣ суда, вездѣ преслѣдовали бы меня ужаснѣйшія картины всевозможныхъ случившихся съ ней несчастій. Кромѣ того, я думаю, что самая жизнь здѣсь должна подѣйствовать на слабую женщину укрѣпляющимъ образомъ подобно желѣзистой ваннѣ: своеобразный шумъ морскаго вѣтра въ сосновомъ лѣсу, глухой лай собакъ, веселый

и громкій звукъ роговъ должны были здѣсь замѣнять томную и нѣжную игру на клавирѣ, такой игры она не должна была слышать ни отъ кого, а вы, вы воспользовались этимъ, чтобы систематически замучить до смерти мою жену!—Баронъ произнесъ эти слова громовымъ голосомъ со сверкающимъ взоромъ. Кровь ударила мнѣ въ голову, я сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе рукой по направленію къ нему, я хотѣлъ говорить, онъ не далъ мнѣ произнести ни слова.—Я знаю, что̀ вы хотите сказать, продолжалъ онъ; — знаю и все-таки повторяю, что вы шли къ тому, чтобъ убить мою жену; а я не смѣю даже обвинять васъ въ этомъ; но вы поймете, что этого я не могу допустить. Скажу короче. Вы экзальтировали мою жену игрой и пѣніемъ, и когда она, уже не владѣя собой, неудержимо уносилась въ безпредѣльное море фантазіи и грёзъ, навѣянныхъ на нее вашею музыкой, какъ чарами злаго волшебства, вы повергли ее въ бездну разсказомъ о нечистой силѣ, вѣроятно посмѣявшейся надъ вами тамъ наверху въ присутственной залѣ. Вашъ дядюшка разсказалъ мнѣ все, но я прошу васъ снова повторить мнѣ все, что̀ вы видѣли, или не видѣли, но слышали, чувствовали, угадывали.—Я собрался съ мыслями и спокойно разсказалъ все съ начала до конца. Слушая меня баронъ только время-отъ-времени немногими словами выражалъ свое изумленіе. Когда я дошелъ до того, какъ старикъ съ набожнымъ мужествомъ выступилъ противъ злаго духа и одолѣлъ его сильными словами, баронъ сложилъ руки, поднялъ ихъ къ небу и съ воодушевленіемъ воскликнулъ: —Да, это ангелъ хранитель нашего семейства! Въ склепѣ моихъ предковъ долженъ будетъ лежать его прахъ!—Я кончилъ.—Даніель, Даніель, что̀ дѣлаешь ты здѣсь въ этотъ поздній часъ? бормоталъ баронъ, шагая со сложенными руками взадъ и впередъ по комнатѣ.—Больше я вамъ не нуженъ, баронъ? громко спросилъ я, дѣлая видъ, что хочу уйти. Баронъ какъ будто очнулся отъ сна, дружелюбно взялъ меня за руку и сказалъ:—Да, милый другъ, оказавъ моей женѣ безо всякаго злаго умысла столь плохую услугу своею музыкой, вы должны снова поставить ее на ноги. Вы одни можете сдѣлать это.—Я покраснѣлъ.—Еслибы противъ меня стояло̀ зеркало, я конечно увидѣлъ бы въ немъ весьма глупое, сконфуженное лицо. Баронъ какъ будто тѣшился моимъ смущеніемъ; съ противною ироническою улыбкой онъ пристально смотрѣлъ мнѣ въ глаза. Наконецъ я съ усиліемъ проговорилъ:— Но, скажите ради Бога, какъ мнѣ взяться за это? — Болѣзнь

вашей пацієнтки не представляетъ ничего опаснаго, перебилъ меня баронъ, — и я для излѣченія имѣю особенные виды на ваше искусство. Ужь если ваша музыка произвела на баронессу такое волшебное дѣйствіе, было бы безразсудно и опасно сразу прекратить ее. Продолжайте играть. По вечерамъ вы будете желаннымъ гостемъ въ комнатахъ моей жены. Но я совѣтую вамъ постепенно перейти къ болѣе интересной музыкѣ, соединяйте веселое съ серьезнымъ — и главное почаще повторяйте ей разсказъ о нечистой силѣ. Баронесса привыкнетъ къ нему и забудетъ, что вся эта чертовщина гнѣздится здѣсь, въ этихъ стѣнахъ. Въ концѣ концовъ вашъ разсказъ будетъ на нее дѣйствовать не сильнѣе, чѣмъ любая волшебная сказка, взятая изъ какого-нибудь романа или разсказа о привидѣніяхъ. Сдѣлайте это, милый другъ!— Съ этими словами баронъ отпустилъ меня. Я вышелъ. Я былъ уничтоженъ въ своихъ собственныхъ глазахъ, я спустился до уровня глупаго нестóящаго вниманія мальчишки. И я, безумецъ, думалъ возбудить въ немъ ревность! Онъ самъ посылаетъ меня къ Серафимѣ, онъ самъ видитъ во мнѣ не болѣе, какъ лѣкарство, которымъ пользуется и которое выброситъ, когда ему заблагоразсудится. Нѣсколько минутъ тому назадъ я боялся барона, въ глубинѣ души я сознавалъ свою вину предъ нимъ, но это сознаніе доставляло мнѣ величайшее блаженство, за которое я жадно хватался; теперь все погрузилось въ глубокій мракъ, и я видѣлъ только безразсуднаго мальчика, который, принявъ бумажную корону за золотую, въ дѣтскомъ ослѣпленіи надѣваетъ ее на свою горячую голову. Я поспѣшилъ къ старику, который уже дожидался меня.—Гдѣ это ты запропалъ, братецъ, встрѣтилъ онъ меня.—Я говорилъ съ барономъ,—быстро и тихо отвѣчалъ я, не смѣя взглянуть ему въ глаза.—Тысяча чертей, воскликнулъ старикъ, притворяясь удивленнымъ;—тысяча чертей, я такъ и думалъ. Баронъ конечно вызвалъ тебя на дуэль, братецъ?—Громкій смѣхъ старика, сопровождавшій послѣднія слова, доказывалъ, что дядя и на этотъ разъ, какъ всегда, видѣлъ меня насквозь. Я прикусилъ языкъ, я не могъ отвѣчать ни слова, такъ какъ хорошо видѣлъ, что только этого и не достаетъ, чтобы на голову мою обрушилась тысяча насмѣшекъ, готовыхъ уже сорваться съ языка дяди.

Баронесса вышла къ обѣду въ изящномъ утреннемъ платьѣ, которое могло бы своею ослѣпительною бѣлизной поспорить съ только-что выпавшимъ снѣгомъ. Она была блѣдна и казалась

утомленною, но когда съ тихими пѣвучими словами она подняла свои черные глаза, въ ихъ темной глубинѣ сверкнуло сладкое, томительное желаніе, и бѣлыя лиліи щекъ вспыхнули яркимъ румянцемъ. Она была прекраснѣе, чѣмъ когда-либо.—Гдѣ границы глупостей, на которыя способенъ юноша со слишкомъ горячею кровью? Горькую злобу, возбужденную во мнѣ барономъ, я перенесъ на баронессу. Все показалось мнѣ какою-то злою мистификаціей, и вотъ я захотѣлъ доказать, что нахожусь въ полномъ сознаніи и обладаю недюжинною проницательностью. Какъ дующееся дитя, я уклонился отъ встрѣчи съ баронессой и, ускользнувъ отъ преслѣдованій Адельгейдъ, занялъ мѣсто, какъ и хотѣлъ, совсѣмъ на концѣ стола между двумя офицерами, съ которыми сталъ изрядно пить. За ужиномъ мы усердно чокались, и какъ это обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, я велъ себя черезчуръ шумно и весело. Человѣкъ подалъ мнѣ тарелку съ конфетами со словами: отъ фрейлейнъ Адельгейдъ.—Я взялъ и скоро замѣтилъ, что на одной изъ нихъ булавкой было нацарапано: „и отъ Серафимы“... Кровь во мнѣ закипѣла. Я посмотрѣлъ на Адельгейдъ; глядя на меня съ необыкновенно хитрымъ и лукавымъ видомъ, она взяла стаканъ и слегка кивнула мнѣ. Почти невольно я тихо прошепталъ: за Серафиму—взялъ свой стаканъ и залпомъ осушилъ его. Мой взоръ устремился на нее, мнѣ казалось, что и она пила въ одно время со мной и только-что поставила свой стаканъ, наши глаза встрѣтились и какой-то злорадный бѣсъ шепнулъ мнѣ:—Несчастный, да вѣдь она тебя любитъ!—Одинъ изъ гостей всталъ и, согласно сѣверному обычаю, провозгласилъ здоровье хозяйки дома. Стаканы зазвенѣли при громкихъ восклицаніяхъ. Радость и отчаяніе разрывали мнѣ сердце, винный хмѣль отуманилъ меня, все закружилось предо мной, я чувствовалъ себя такъ, какъ будто здѣсь, на глазахъ у всѣхъ долженъ былъ пасть къ ея ногамъ и испустить духъ.—Что съ вами, милый другъ?—Этотъ вопросъ моего сосѣда возвратилъ мнѣ сознаніе, я взглянулъ въ ея сторону—Серафима исчезла.—Встали изъ-за стола. Я хотѣлъ уйти, Адельгейдъ удерживала меня; она много говорила, я слушалъ ее, ничего не понимая; она взяла меня за обѣ руки и, громко смѣясь, крикнула мнѣ что-то на ухо.—Какъ будто въ столбнякѣ я оставался нѣмъ и неподвиженъ. Помню только, что наконецъ я машинально взялъ изъ рукъ Адельгейдъ стаканъ ликера и осушилъ его; помню, что снова одиноко стоялъ у окна, что потомъ, вырвавшись изъ залы,

бросился внизъ по лѣстницѣ и убѣжалъ въ лѣсъ. Снѣгъ падалъ густыми хлопьями, глухо стонали сосны, колеблемыя порывами вѣтра. Какъ сумашедшій метался я вокругъ, хохоталъ и дико вскрикивалъ.—Смотрите, смотрите! Ура! Чортъ заставляетъ плясать подъ свою дудочку мальчишку, думавшаго отвѣдать запретнаго плода! — Кто знаетъ, чѣмъ бы кончилась эта дикая потѣха, еслибъ я не услыхалъ, что кто-то громко зоветъ меня по имени. Вѣтеръ утихъ, сквозь разорванное облако ярко сверкнулъ мѣсяцъ, я услышалъ громкій лай дога и увидѣлъ темную приближающуюся ко мнѣ фигуру. Это былъ старый охотникъ.—Ай, ай, господинъ Теодоръ, заговорилъ онъ,—да вѣдь куда же вы зашли въ такую мятель; господинъ управляющій съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ васъ.—Молча я послѣдовалъ за старикомъ. Я нашелъ дядю за работой въ присутственной залѣ.—Ты хорошо сдѣлалъ, встрѣтилъ онъ меня,—ты очень хорошо сдѣлалъ, что вышелъ немножко на воздухъ, чтобы надлежащимъ образомъ освѣжиться. Не пей такъ много вина, ты для этого черезчуръ молодъ, это не годится.—Не возражая ни слова, молча усѣлся я за письменный столъ.—Ну скажи теперь, наконецъ, голубчикъ, чего собственно хотѣлъ отъ тебя баронъ?—Я разсказалъ ему все и въ заключеніе прибавилъ, что вовсе не желаю играть той двусмысленной роли, которую предлагаетъ мнѣ баронъ.—Въ этомъ и не будетъ никакой нужды, перебилъ меня старикъ,—потому что завтра рано утромъ мы, братецъ, уѣзжаемъ отсюда.—Случилось такъ, что я больше не увидалъ Серафимы.

Едва мы пріѣхали въ К., какъ старый дядя началъ жаловаться, что онъ болѣе чѣмъ когда-либо чувствуетъ себя разбитымъ нашею утомительною поѣздкой. Его угрюмое молчаніе, прерываемое только внезапными приступами мучительной хандры, возвѣщало возвращеніе припадковъ подагры. Однажды меня поспѣшно позвали къ нему; я нашелъ старика въ постели, разбитаго параличемъ и безъ языка; въ судорожно сжатой рукѣ онъ держалъ скомканное письмо. Я узналъ почеркъ управляющаго изъ Р...зиттена, но пораженный сильнѣйшимъ горемъ, и не подумалъ высвободить письма изъ руки старика; я не сомнѣвался въ его скорой смерти. Но еще до прибытія врача жизнь снова вернулась къ нему; изумительно крѣпкая натура семидесятилѣтняго старика справилась со смертельнымъ припадкомъ, и въ тотъ же самый день врачъ объявилъ, что опасность миновала. Зима была суровѣе, чѣмъ когда-либо; за ней наступила холодная пасмурная весна; такимъ образомъ

не столько счастливо миновавшій параличъ, сколько подагра, поддерживаемая дурною погодой, надолго удержала старика въ постели. Въ это время онъ рѣшительно отказался ото всѣхъ занятій. Онъ передалъ всѣ свои дѣла другому лицу, и такимъ образомъ у меня пропала всякая надежда снова когда-нибудь увидѣть Р...зиттенъ. Только я могъ ухаживать за старикомъ, только отъ меня онъ принималъ поддержку и утѣшенія. Но какъ только боль утихала, къ нему возвращалась его прежняя веселость: снова начинались шутки, снова заходила рѣчь объ охотѣ, и я каждую минуту ожидалъ, что старикъ вотъ-вотъ заговоритъ о моемъ подвигѣ, какъ я уложилъ громаднаго волка ударомъ кинжала; но никогда, никогда онъ не касался нашего пребыванія въ Р...зиттенѣ, и само собою разумѣется, что природная скромность не позволяла мнѣ самому наводить его на это. Усердно ухаживая за старикомъ и окружая его неусыпными заботами, я въ то же время постоянно видѣлъ предъ собою образъ Серафимы. Какъ только старику стало легче, я весь отдался воспоминанію того чуднаго мгновенья въ комнатѣ баронессы, которое представлялось мнѣ лучезарною, на вѣкъ закатившеюся для меня звѣздой. Воспоминаніе это подымало въ моей душѣ цѣлую бурю и, подобно выходцу съ того свѣта, пронизывало мою грудь леденящимъ ужасомъ.

Однажды вечеромъ, когда я открылъ сумку для писемъ, которую носилъ въ Р...зиттенѣ, изъ развернутыхъ бумагъ выпалъ темный, перевязанный бѣлою лентой локонъ, въ которомъ я немедленно призналъ волосы Серафимы. Ближе разсматривая его, я ясно увидѣлъ на лентѣ слѣды крови.—Быть-можетъ въ тотъ послѣдній день, когда мною овладѣлъ припадокъ безсознательнаго безумія, Адельгейдъ съумѣла незамѣтно положить этотъ локонъ въ мою сумку: „на память“, но откуда эта кровь? Я сталъ представлять себѣ всякіе ужасы, и этотъ черезчуръ ужь наивный залогъ любви явился въ моихъ глазахъ какъ бы ужаснымъ напоминаніемъ страсти, стоившей жизни моей возлюбленной. Это была та самая бѣлая лента, которая въ первый день моего сближенія съ Серафимой, какъ-будто играя, трепетала у меня на плечѣ и на которую теперь какая-то злая сила наложила печать смертельнаго удара. Мальчикъ не долженъ играть оружіемъ, опасности котораго не знаетъ.

Наконецъ весеннія грозы отгремѣли, лѣто заявило свои права, и если прежде стояли несносные холода, то теперь за то начались

чисто іюльскіе жары. Старикъ замѣтно поправился и, какъ прежде имѣлъ обыкновеніе, переѣхалъ на дачу за городъ. Въ одинъ прекрасный теплый вечеръ мы сидѣли въ тѣни душистаго жасмина; старикъ былъ особенно веселъ и притомъ въ настроеніи его совсѣмъ не было саркастической ироніи; онъ былъ кротокъ, почти мягокъ.—Братецъ, началъ онъ, не знаю, что̀ со мной сегодня дѣлается; какое-то особенное, уже много лѣтъ не испытанное мною чувство довольства согрѣваетъ меня своимъ тепломъ. Я думаю, что это признакъ приближенія смерти.—Я старался разсѣять грустныя мысли старика.—Не разувѣряй меня, братецъ, сказалъ онъ;—долго я не пробуду здѣсь, на землѣ, и потому мнѣ хотѣлось бы исполнить еще одинъ долгъ по отношенію къ тебѣ. Помнишь ли ты еще весну, проведенную нами въ Р...зиттенѣ?—Этотъ вопросъ старика поразилъ меня, какъ ударъ грома, но прежде чѣмъ я собрался отвѣтить, онъ продолжалъ:—Небу было угодно, чтобы ты игралъ тамъ совершенно исключительную роль и противъ всякаго желанія былъ замѣшанъ въ глубочайшія тайны дома. Теперь пора тебѣ все узнать. Часто, братецъ, мы говорили съ тобой о вещахъ, которыя ты болѣе чувствовалъ, чѣмъ понималъ. Всѣ говорятъ, что природа символически представляетъ теченіе человѣческой жизни въ перемѣнахъ временъ года, я думаю иначе. Весна изобилуетъ туманами, лѣто—испареніями, и только чистый воздухъ осени позволяетъ отчетливо видѣть отдаленные ландшафты, пока земля не погрузится въ глубокій мракъ зимы.—Я думаю, что въ ясновидѣніи старости сильнѣе сказывается присутствіе непостижимой силы. Старику дозволенъ взглядъ въ ту обѣтованную землю, гдѣ временною смертью кончается наше земное странствованіе. Какъ ясно представляется тогда печальная судьба семейства, съ которымъ связывали меня узы, еще болѣе тѣсныя, чѣмъ родство. Какъ все открыто моему духовному взору! Но, что̀ собственно вижу я въ минуту, когда все становится для меня такъ ясно, самой сути этого я не могу передать тебѣ никакими словами, языкъ человѣческій здѣсь безсиленъ. Слушай, мой сынъ, я разскажу тебѣ удивительную исторію, которая, несмотря на всю свою невѣроятность, есть дѣйствительный фактъ. Сохрани въ глубинѣ своего сердца сознаніе, что таинственная поѣздка, на которую, быть-можетъ, безъ моего зова ты и не отважился бы, могла погубить тебя, но теперь это все миновало.

Исторію Р...зиттскаго майората, разсказанную мнѣ затѣмъ старикомъ, я такъ твердо сохранилъ въ своей памяти, что могу разсказать ее почти его подлинными словами (онъ говорилъ о себѣ въ третьемъ лицѣ).

Въ одну бурную осеннюю ночь въ 1760 году обитатели Р...зиттена были разбужены ужаснымъ трескомъ, какъ-будто весь обширный замокъ рухнулъ тысячью развалинъ. Въ минуту всѣ были на ногахъ, зажгли свѣчи, съ выраженіемъ ужаса и страха на блѣдномъ, какъ у мертвеца, лицѣ запыхавшись прибѣжалъ съ ключами дворецкій; легко можно представить себѣ съ какою робостью пробирались люди все впередъ и впередъ по уцѣлѣвшимъ переходамъ, заламъ и комнатамъ среди гробовой тишины, среди которой зловѣще отдавался не только хриплый звукъ съ трудомъ отпираемыхъ замковъ, но и каждый шагъ. Нигдѣ не было ни малѣйшаго слѣда какого бы то ни было разрушенія. Тяжелое предчувствіе овладѣло старымъ дворецкимъ. Онъ поднялся на верхъ въ большую рыцарскую залу, рядомъ съ которою находилась комната, гдѣ обыкновенно баронъ Родерихъ фонъ Р. отдыхалъ послѣ своихъ астрономическихъ наблюденій. Между дверью ведущею въ эту комнату и другою была продѣлана еще третья непосредственно соединенная узкимъ переходомъ съ астрономическою башней. Какъ только Даніель (такъ звали дворецкаго) отворилъ эту дверь, вѣтеръ съ отвратительнымъ воемъ и свистомъ прямо въ лицо ему бросилъ цѣлую кучу мусора и раскрошившихся обломковъ стѣны, такъ что онъ въ ужасѣ далеко отпрянулъ назадъ и, роняя изъ рукъ факелъ, который тутъ же съ трескомъ потухъ, громко воскликнулъ:—О, Боже, баронъ раздавленъ до смерти! Въ эту минуту изъ спальни барона донеслись громкіе жалобные голоса. Даніель нашелъ здѣсь остальныхъ слугъ, собравшихся у тѣла своего господина. Одѣтый богаче, чѣмъ когда-либо, со спокойною строгостью на безстрастномъ лицѣ, онъ сидѣлъ въ большомъ богато убранномъ креслѣ, какъ будто отдыхая послѣ трудной работы. Но это былъ отдыхъ смерти. Когда наступилъ день, увидѣли, что обрушилась верхушка башни. Большіе камни проломили потолокъ и полъ астрономическаго кабинета, вмѣстѣ съ ними рухнули тяжелыя балки; нижній сводъ башни былъ насквозь пробитъ силой этого двойнаго удара, разрушившаго часть капитальной

стѣны и прилегавшаго къ ней перехода изъ за́мка въ башню. Нельзя было ступить и одного шага за ведущую туда дверь, не рискуя полетѣть въ пропасть глубиной по крайней мѣрѣ въ восемьдесятъ футовъ.

Старый баронъ предвидѣлъ не только день, но и часъ своей смерти и предупредилъ о ней своихъ сыновей. Такимъ образомъ случилось, что на слѣдующій же день послѣ катастрофы въ за́мокъ пріѣхалъ баронъ Вольфгангъ фонъ Р., старшій сынъ покойнаго и слѣдовательно наслѣдникъ майората. Встревоженный предчувствіями стараго отца, тотчасъ по полученіи зловѣщаго письма онъ покинулъ Вѣну, гдѣ въ то время находился, и поспѣшилъ съ возможною скоростью въ Р—зиттенъ. Дворецкій распорядился обить стѣны большой залы чернымъ сукномъ и положить тѣло стараго барона въ томъ самомъ платьѣ, въ которомъ его нашли, на великолѣпное парадное ложе, окруженное горящими въ серебряныхъ подсвѣчникахъ свѣчами. Молча поднялся Вольфгангъ наверхъ, вошелъ въ залу и низко склонился надъ трупомъ отца. Онъ стоялъ тамъ скрестивъ руки на груди и, угрюмо сдвинувъ брови, пристально смотрѣлъ въ блѣдное лицо отца. Онъ походилъ на статую, ни слезинки не было на его глазахъ. Наконецъ въ какомъ-то судорожномъ порывѣ, протягивая правую руку къ покойнику, онъ глухо пробормоталъ:—Созвѣздія ли побудили тебя сдѣлать несчастнымъ сына, котораго ты такъ любилъ? Потомъ, опустивъ руки и сдѣлавъ небольшой шагъ назадъ, баронъ устремилъ взоры кверху и проговорилъ подавленнымъ, почти мягкимъ голосомъ:—Бѣдный, ослѣпленный старикъ! Шутовская комедія съ ея пошлыми обманами теперь для тебя миновала! Теперь ты можешь убѣдиться, что скудныя блага земной жизни не имѣютъ ничего общаго съ жизнью тамъ, въ мірѣ надзвѣздномъ. Гдѣ воля, гдѣ сила, простирающіяся за предѣлы гроба?—Баронъ снова умолкъ на нѣсколько секундъ, потомъ съ жаромъ воскликнулъ:—Нѣтъ, твое упорство не должно отнять у меня и четверти земнаго счастья, уничтожить которое ты стремился! Съ этими словами онъ быстро вынулъ изъ кармана какую-то сложенную бумагу и двумя пальцами высоко поднялъ ее къ пламени свѣчи, стоявшей у самаго трупа. Бумага, охваченная огнемъ, ярко вспыхнула; отраженіе пламени причудливо заиграло на лицѣ покойника, и, казалось, что мускулы его шевелятся, и что старикъ произноситъ беззвучныя слова, такъ что страхъ и ужасъ напалъ на поодаль стоявшихъ слугъ.

Баронъ спокойно кончилъ свое занятіе, причемъ старательно растопталъ ногой послѣдній, брошенный имъ на полъ кусокъ горѣвшей бумаги. Потомъ онъ еще разъ угрюмо взглянулъ на отца и большими шагами вышелъ изъ залы.

На другой день Даніель сообщилъ барону о случившемся намедни разрушеніи башни и подробно сталъ описывать все происшедшее въ ночь смерти стараго блаженной памяти барона. Онъ кончилъ свою рѣчь заявленіемъ, что барону не мѣшало бы распорядиться о возстановленіи этой башни, такъ какъ въ случаѣ, если она будетъ продолжать обваливаться, замку грозитъ опасность, если и не окончательно разрушиться, то во всякомъ случаѣ потерпѣть болѣе или менѣе сильныя поврежденія.

— Возстановить башню? съ гнѣвно сверкающимъ взоромъ перебилъ баронъ стараго служителя.—Возстановить башню? Никогда! Развѣ ты не понимаешь, уже болѣе спокойно продолжалъ онъ,—развѣ ты не понимаешь, старикъ, что башня не могла рухнуть сама собою, безо всякихъ существенныхъ причинъ? Нѣтъ, мой отецъ самъ хотѣлъ уничтоженія того мѣста, гдѣ онъ занимался своимъ нечестивымъ звѣздочетствомъ, онъ самъ принялъ надлежащія мѣры, чтобы по своему желанію обрушить вѣнецъ башни и такимъ образомъ раздавить все находящееся внутри ея. Да будетъ же исполнена его воля, хотя бы для этого весь замокъ долженъ былъ обратиться въ развалины. Мнѣ не жаль его. Неужели вы думаете, что я буду жить здѣсь въ этомъ ужасномъ совиномъ гнѣздѣ? Никогда! Мой мудрый предокъ, заложившій фундаментъ новаго замка въ прекрасной долинѣ, началъ дѣло, которое я кончу; его примѣру я послѣдую.—И тогда ваши старые вѣрные слуги должны будутъ взять въ руки страннический посохъ, жалобно проговорилъ Даніель.—Что я не позволю безпомощнымъ и хилымъ старцамъ служить мнѣ, это само собой разумѣется, возразилъ баронъ,—но прогнать я никого не прогоню. И мнѣ кажется, что хлѣбъ, получаемый изъ милости, будетъ казаться вамъ достаточно вкуснымъ.—Меня, горестно воскликнулъ старикъ,—меня, дворецкаго кормить изъ милости. Тогда баронъ поворотился къ нему спиной, какъ бы желая покинуть залу, но вдругъ снова повернулся: лицо его побагровѣло отъ гнѣва; съ поднятыми кулаками онъ подступилъ къ старику и закричалъ на него ужаснымъ голосомъ:—Ты, старая, лицемѣрная шельма, занимался тамъ наверху вмѣстѣ съ моимъ отцомъ нечестивымъ гаданіемъ; ты, какъ вампиръ, присо-

сался къ его сердцу, ты предательски воспользовался легкомыслiемъ старика, чтобы втянуть его въ проклятое дѣло, которое его привело къ краю бездны, тебя, какъ паршивую собаку, я бы долженъ былъ выгнать вонъ!

Старикъ, перепуганный этими грозными рѣчами, упалъ на колѣна къ ногамъ барона. Тотъ, конечно, безсознательно, какъ это часто бываетъ во время гнѣва, когда тѣло машинально повинуется мысли и воспроизводитъ все, что человѣкъ въ данную минуту думаетъ, баронъ такъ сильно ногою ударилъ старика въ грудь, что тотъ, громко вскрикнувъ, опрокинулся навзничь. Съ трудомъ поднялся онъ на ноги и, издавая особенный звукъ, похожій на жалобный вой смертельно раненаго звѣря, устремилъ на барона взглядъ, полный злобы и ненависти... Кошелекъ съ деньгами, брошенный ему барономъ, такъ и остался нетронутымъ на полу.

Между тѣмъ съѣхались всѣ жившіе въ странѣ ближайшіе родственники покойнаго, и тѣло стараго барона съ большою пышностью было опущено въ склепъ Р—зиттской церкви. Какъ только приглашенные на похороны разъѣхались, мрачное настроеніе повидимому совершенно оставило новаго владѣльца майората, весьма обрадованнаго полученнымъ наслѣдствомъ. Послѣ непродолжительной бесѣды съ Б., повѣреннымъ стараго барона, онъ вполнѣ довѣрился ему и принялъ его къ себѣ на службу; онъ сдѣлалъ подробную смѣту доходовъ майората и прикинулъ, сколько должно пойти на нѣкоторыя улучшенія и на постройку новаго замка. Б. былъ того мнѣнія, что старый баронъ не могъ проживать годоваго дохода, и такъ какъ въ бумагахъ покойнаго нашлось только нѣсколько банковыхъ билетовъ на весьма незначительную сумму, а денегъ въ желѣзномъ сундукѣ было нѣсколько больше тысячи талеровъ, то Б. думалъ, что деньги непремѣнно спрятаны еще гдѣ-нибудь. Кто могъ знать гдѣ, кромѣ Даніеля, который при своемъ упрямомъ и своенравномъ характерѣ быть-можетъ только и ждалъ, чтобъ его объ этомъ спросили. Барона не мало тревожила мысль, что Даніель, жестоко имъ оскорбленный, не столько изъ личной выгоды (на что бездѣтному старику, желающему окончить свои дни въ Р—зиттенѣ, могли понадобиться огромныя суммы денегъ), сколько изъ желанія отомстить за понесенную обиду, скорѣе допуститъ, чтобъ этотъ гдѣ-нибудь скрытый кладъ истлѣлъ, чѣмъ

согласится указать ему гдѣ онъ находится. Онъ подробно разсказалъ Б. случай съ Даніелемъ и закончилъ тѣмъ, что по многимъ дошедшимъ до него свѣдѣніямъ не кто другой, какъ Даніель съумѣлъ внушить старому барону необъяснимое отвращеніе къ свиданію со своими сыновьями въ Р—зиттенѣ. Повѣренный не давалъ большой вѣры этимъ свѣдѣніямъ: по его мнѣнію, ни одинъ человѣкъ въ мірѣ не былъ въ состояніи даже отчасти повліять на волю стараго барона, тѣмъ менѣе управлять ею. Однако онъ взялъ на себя трудъ выпытать у Даніеля тайну о скрытыхъ въ какомъ-нибудь потаенномъ мѣстѣ деньгахъ. Но это оказалось совершенно излишнимъ. Едва повѣренный спросилъ Даніеля, какимъ образомъ могло случиться, что старый баронъ оставилъ послѣ себя такъ мало наличныхъ денегъ, какъ тотъ съ непріятнымъ смѣхомъ отвѣчалъ:—Вы говорите, господинъ повѣренный, о тѣхъ несчастныхъ талерахъ, которые нашли въ маленькомъ сундучкѣ? Остальное лежитъ въ подвалѣ рядомъ со спальней стараго господина. Но величайшіе капиталы, продолжалъ онъ, между тѣмъ какъ смѣхъ его становился все отвратительнѣе и глаза сверкнули недобрымъ огнемъ,—но величайшіе капиталы, много, много тысячъ золотыхъ лежатъ тамъ внизу, похороненные въ мусорѣ.

Повѣренный тотчасъ же позвалъ барона; втроемъ отправились они въ спальню. Даніель сдвинулъ въ одномъ углу обои; за ними показалось замочное отверстіе. Пока баронъ, съ жадностью уставившись на замокъ, пытался подобрать къ нему ключъ изъ цѣлой связки, которую, съ большимъ трудомъ и звономъ вытянулъ изъ кармана, Даніель стоялъ выпрямившись во весь ростъ и какъ будто бы съ презрительною гордостью глядя на барона, нагнувшагося къ самому замку, чтобы лучше разглядѣть его. Блѣдный, какъ смерть, дрожащимъ голосомъ онъ произнесъ:—Если ужь я собака, всемилостивѣйшій баронъ, то и вѣрность моя собачья! Съ этими словами онъ подалъ барону блестящій стальной ключъ; тотъ поспѣшно вырвалъ его изъ рукъ Даніеля и безо всякаго труда отперъ имъ дверь. Они вошли въ небольшую, низкую кладовую, въ которой стоялъ огромный желѣзный ларь съ поднятою крышкой. На мѣшкахъ съ золотомъ лежала записка, написанная хорошо имъ знакомымъ крупнымъ старинковскимъ почеркомъ покойнаго барона:

„Полтораста тысячъ рейхсталеровъ. Сбереженія изъ доходовъ Р—зиттскаго майората. Капиталъ этотъ предназначенъ для соору-

женія зàмка. Наслѣднику моему, получившему майоратъ, вмѣняю въ обязанность изъ этихъ средствъ воздвигнуть на вершинѣ холма, лежащаго на востокъ отъ старой башни, которую онъ найдетъ обрушившеюся, высокій маякъ на благо моряковъ, и каждую ночь зажигать тамъ огонь.

„Р—зиттенъ, въ ночь на св. Михаила, 1760 г.

„Родерихъ баронъ фонъ-Р.“

Баронъ сталъ вынимать изъ ларя одинъ мѣшокъ за другимъ, и снова побросалъ ихъ въ ларь, наслаждаясь дребезжащимъ звономъ золота. Потомъ онъ быстро обернулся къ старому дворецкому, благодарилъ его за доказанную вѣрность и увѣрялъ, что только благодаря злымъ сплетнямъ въ началѣ такъ дурно обошелся съ нимъ. Онъ сказалъ, что не только оставляетъ его въ зáмкѣ, но и поручаетъ ему должность дворецкаго съ двойнымъ противъ прежняго окладомъ.—Я долженъ дать тебѣ полное удовлетвореніе; нужно тебѣ золото, такъ бери одинъ изъ этихъ мѣшковъ! Такъ заключилъ баронъ свою рѣчь, стоя предъ старикомъ съ опущеннымъ взоромъ и указывая рукой на ларь. Потомъ онъ снова сталъ пересчитывать мѣшки. Лицо дворецкаго какъ-то сразу побагровѣло; изъ устъ его вырвался тотъ ужасный, похожій на жалобный вой смертельно раненаго звѣря, крикъ, о которомъ баронъ разсказывалъ повѣренному. Этотъ послѣдній задрожалъ; ему послышалось, что старикъ сквозь зубы пробормоталъ: — Кровь за золото!.. Баронъ, весь погруженный въ созерцаніе клада, рѣшительно ничего не замѣтилъ. Тогда Даніель, дрожа, какъ въ лихорадкѣ, съ поникшею головой, смиренно приблизился къ барону, поцѣловалъ его руку и, дѣлая видъ, что утираетъ платкомъ слезы, заговорилъ жалобнымъ голосомъ: —Ахъ, дорогой господинъ, что̀ мнѣ, бездѣтному старику, дѣлать съ золотомъ? Но двойное содержаніе я съ радостью принимаю и службу свою буду продолжать бодро и неутомимо!

Баронъ, не обращая особеннаго вниманія на слова старика, такъ сильно захлопнулъ тяжелую крышку ларя, что вся кладовая загудѣла и задрожала; запирая ларь и осторожно вынимая изъ замка ключъ, онъ быстро говорилъ дворецкому:—Очень хорошо, очень хорошо, старикъ. Когда же они вышли въ залу, онъ продолжалъ:—Ты говорилъ еще о большомъ количествѣ золота, лежащемъ тамъ внизу подъ развалинами башни. Старикъ молча подошелъ къ двери и съ трудомъ отперъ ее. Не успѣлъ онъ распахнуть ее, какъ въ залу ворвался сильный порывъ мятели,

громко и пронзительно каркая закружился въ воздухѣ спугнутый воронъ; черными крыльями застучалъ онъ въ окно и кинулся въ пропасть, словно найдя наконецъ свободный выходъ. Баронъ шагнулъ было за дверь, но едва взглянулъ внизъ, тотчасъ же въ ужасѣ отступилъ назадъ.

— Отвратительное зрѣлище... мнѣ дурно, прошепталъ онъ, безсильно опускаясь на руки повѣреннаго. Но тотчасъ же, овладѣвъ собой и, окидывая старика строгимъ взглядомъ, онъ спросилъ:— Тамъ, внизу?

Старикъ между тѣмъ снова заперъ дверь; кряхтя и охая, онъ выбивался теперь изъ силъ, чтобы вытащить большой ключъ изъ проржавѣвшаго замка. Наконецъ ему удалось это. Тогда, повернувшись къ барону и вертя въ рукѣ ключъ, онъ отвѣчалъ съ какою-то странною улыбкой:— Да, тамъ внизу лежитъ много, много тысячъ; всѣ прекрасные инструменты блаженной памяти барона· телескопы, астролябіи, глобусы, зеркала—все это, разбитое въ дребезги, лежитъ тамъ между камней и балокъ!

— Но деньги, деньги, перебилъ его баронъ;—ты говорилъ о золотѣ, старикъ...

— Я говорилъ только, отвѣчалъ тотъ, – о вещахъ, стоившихъ многія тысячи. Больше отъ него ничего нельзя было добиться.

Баронъ, повидимому, былъ очень радъ, что ему сразу удалось заручиться всѣми необходимыми средствами для того, чтобы привести въ исполненіе свой излюбленный планъ, а именно, соорудить новый великолѣпный замокъ. Хотя повѣренный былъ того мнѣнія, что, согласно съ волей покойнаго, рѣчь можетъ идти только о ремонтѣ, о полномъ возстановленіи стараго замка, и что на дѣлѣ будетъ очень трудно какой бы то ни было новой постройкѣ придать почетное величіе и простой строгій характеръ стараго родоваго дома, баронъ оставался при своемъ и думалъ, что разъ завѣщаніе не освящено извѣстнымъ актомъ, исполненіе воли покойнаго не обязательно. При этомъ онъ далъ понять, что его долгъ позаботиться объ улучшеніи Р...зиттена, насколько это позволятъ климатъ, грунтъ и окрестности, потому что онъ предполагаетъ въ скоромъ времени ввести сюда, какъ свою законную и любимую жену, женщину достойную во всѣхъ отношеніяхъ величайшихъ жертвъ.

Таинственность, съ которою баронъ высказался объ этомъ, можетъ-быть уже въ тайнѣ заключенномъ союзѣ, отрѣзала повѣренному всякій путь къ дальнѣйшимъ вопросамъ; тѣмъ не менѣе

признаніе барона успокоительно подѣйствовало на него: его стремленіе къ богатству онъ истолковывалъ теперь скорѣе желаніемъ заставить любимую женщину забыть здѣсь прекрасное, на всегда оставленное отечество, чѣмъ его личною алчностью. Но какъ могъ онъ не считать барона алчнымъ, или по меньшей мѣрѣ невыносимо скупымъ, когда тотъ, роясь въ золотѣ и любуясь старинными фридрихсдорами, не былъ въ состояніи удержаться отъ сердитаго восклицанія: — Старый негодяй, конечно, умолчалъ о богатѣйшемъ кладѣ, но будущею весной я заставлю на своихъ глазахъ очистить башню.

Явились архитекторы, съ которыми баронъ сталъ подробно обсуждать, какимъ образомъ сдѣлать постройку цѣлесообразнѣе. Онъ отбрасывалъ рисунокъ за рисункомъ; никакая архитектура не казалась ему ни достаточно богатою, ни достаточно величественною. Наконецъ онъ самъ принялся чертить; это занятіе постоянно рисующее ему свѣтлую картину счастливой будущности, развеселило его; имъ овладѣло радостное настроеніе, часто доходившее до шалостей, и настроеніе это баронъ съумѣлъ сообщить рѣшительно всѣмъ. Его щедрость, его богатые пиры, по меньшей мѣрѣ, уничтожали всякое подозрѣніе въ скупости. Даніель, и тотъ, казалось, совсѣмъ забылъ постигшую его непріятность. Съ барономъ, который, благодаря кладу, скрытому въ глубинѣ, часто провожалъ его недовѣрчивымъ взглядомъ, онъ велъ себя тихо и почтительно. Но что̀ всѣхъ поразило, это то, что старикъ съ каждымъ днемъ какъ будто все болѣе и болѣе молодѣлъ. Можетъ-быть раньше его удручала скорбь о старомъ господинѣ, и только теперь онъ сталъ забывать свою потерю, или на него благотворно подѣйствовало то обстоятельство, что онъ не долженъ былъ попрежнему просиживать на башнѣ безсонныя холодныя ночи и могъ, сколько угодно, угощаться лучшими кушаньями и добрымъ виномъ, только изъ старика онъ вдругъ преобразился въ бодраго, краснощекаго и сытаго мужчину, съ твердою поступью и готовностью встрѣчать каждую шутку громкимъ смѣхомъ.

Веселая жизнь въ Р—зиттенѣ прекратилась съ появленіемъ одного человѣка. Этотъ человѣкъ былъ младшій братъ Вольфганга, Губертъ. При встрѣчѣ съ нимъ Вольфгангъ страшно поблѣднѣлъ и громко воскликнулъ: — Несчастный, зачѣмъ ты здѣсь! Губертъ упалъ на грудь брата; тотъ схватилъ его за руку и увлекъ за собой наверхъ въ уединенную комнату, дверь въ которую заперъ на ключъ. Тамъ братья пробыли нѣсколько

часовъ; наконецъ, Губертъ бѣгомъ спустился оттуда съ разстроеннымъ лицомъ и велѣлъ подавать себѣ лошадь. По дорогѣ онъ встрѣтился съ повѣреннымъ и хотѣлъ пройти мимо, но Б., котораго осѣнила мысль, что можетъ-быть именно теперь ему удастся примирить смертельно враждующихъ братьевъ, просилъ его по крайней мѣрѣ часа на два отложить свой отъѣздъ; въ то же самое время сверху сбѣжалъ баронъ, громко приглашая его остаться.

— Оставайся здѣсь, Губертъ! Опомнись!—Лицо Губерта просвѣтлѣло; быстро скинувъ съ плечъ дорогую шубу и бросивъ ее стоявшему сзади служителю, онъ взялъ Б. за руку и, возвращаясь назадъ въ комнаты, съ презрительнымъ смѣхомъ сказалъ:—Итакъ, господину майоратному владѣльцу угодно выносить мое присутствіе здѣсь.

Б. думалъ, что теперь само собою прекратится несчастное недоразумѣніе, возникшее между братьями, конечно, только благодаря тому, что они жили врозь. Вернувшись въ домъ, Губертъ взялъ стальные щипцы, стоявшіе у камина, разбилъ ими суковатую дымящуюся головешку и, мѣшая дрова, обратился къ Б.

—Вы, конечно, замѣчаете, господинъ повѣренный, что я очень добродушный человѣкъ, способный на всякую домашнюю работу. Что же касается Вольфганга, то онъ исполненъ самыхъ удивительныхъ предразсудковъ, и отчасти скряга.—Послѣ этого Б. показалось неудобнымъ далѣе вмѣшиваться въ отношенія братьевъ, тѣмъ болѣе, что выраженіе лица Вольфганга, его обращеніе, его тонъ ясно обнаруживали человѣка, сильно и глубоко страдающаго.

Однажды поздно вечеромъ Б. пошелъ наверхъ въ комнату барона, чтобъ узнать его намѣренія по поводу одного дѣла, касающагося майората. Онъ засталъ его сильно разстроеннымъ. Баронъ не сразу замѣтилъ повѣреннаго; заложивъ руки за спину, онъ ходилъ большими шагами взадъ и впередъ по комнатѣ. Наконецъ, увидя Б., онъ подошелъ къ нему, схватилъ его за обѣ руки и, угрюмо глядя ему въ глаза, проговорилъ убитымъ голосомъ: — Мой братъ пріѣхалъ. Я знаю, продолжалъ онъ, едва Б. открылъ ротъ для вопроса,—я знаю, о чемъ вы хотите спросить. Ахъ, вы ничего не знаете! Вы не знаете, что мой несчастный братъ — да, именно несчастный — что онъ, какъ злой духъ, всюду становится мнѣ поперекъ пути и нарушаетъ мой покой. Онъ готовъ былъ бы сдѣлать меня несчастнѣйшимъ человѣкомъ, онъ даже принималъ для этого всѣ

зависящія отъ него мѣры, но небо хранило меня. Съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлалось извѣстнымъ учрежденіе майората, онъ преслѣдуетъ меня смертельною ненавистью. Онъ завидуетъ моему богатству, которое въ его рукахъ пошло бы прахомъ. Это легкомысленнѣйшій мотъ, какого только можно себѣ представить. Его долги значительно превышаютъ причитающуюся ему часть благопріобрѣтеннаго курляндскаго имѣнія, и вотъ, преслѣдуемый упрямыми кредиторами, онъ спѣшитъ сюда и клянчитъ денегъ.

— И вы, его братъ, отказываете... началъ было Б., но баронъ перебилъ его. Выпустивъ его руки изъ своихъ и дѣлая большой шагъ назадъ, онъ громко и рѣзко воскликнулъ:—Знайте, что да! Отказываю! Изъ доходовъ майората я не могу и не хочу дарить ни одного талера! Но послушайте, какое предложеніе нѣсколько часовъ тому назадъ я тщетно дѣлалъ этому безумцу, и тогда судите о моихъ взглядахъ на чувство долга. Вы знаете, что значительная часть благопріобрѣтеннаго курляндскаго имѣнія по закону причитается мнѣ; я хотѣлъ отказаться отъ нея, но только въ пользу его семейства. Надо вамъ сказать, что Губертъ женился въ Курляндіи на прекрасной, но бѣдной дѣвушкѣ. У нихъ есть дѣти, и она терпитъ съ ними большую нужду. Я взялся управлять этимъ имѣніемъ, изъ его доходовъ выдавать ему деньги, необходимыя на его содержаніе, и удовлетворить его кредиторовъ съ помощью полюбовной сдѣлки. Но что̀ для него спокойная, беззаботная жизнь, что̀ для него жена и дѣти. Деньги, однѣ деньги въ возможно большемъ количествѣ, вотъ о чемъ онъ мечтаетъ, деньги, которыя въ своемъ проклятомъ легкомысліи онъ могъ бы кидать направо и налѣво. Какой демонъ открылъ ему тайну о полутараста тысячахъ талеровъ, не знаю; только теперь по своему легкомыслію онъ требуетъ отъ меня половины, полагая, что эти деньги не имѣютъ ничего общаго съ майоратомъ и что на нихъ должно смотрѣть, какъ на благопріобрѣтенное имущество. Я долженъ отказать и откажу ему въ этомъ, но какое-то чувство говоритъ мнѣ, что братъ втайнѣ готовитъ мнѣ гибель.—Какъ ни старался Б. разсѣять подозрѣнія барона относительно брата, какъ ни пытался онъ, не затрогивая болѣе близкихъ отношеній, объяснить его поведеніе общими и далеко неубѣдительными правилами морали, достигнуть этого ему не удалось. Баронъ поручилъ ему переговорить съ враждебно настроеннымъ и жаднымъ до денегъ Губертомъ. Б. исполнилъ это съ возможною осторожностью и не мало былъ

обрадованъ, когда Губертъ, наконецъ, объявилъ:—Пусть будетъ по вашему; я принимаю предложенія владѣльца майората, но подъ условіемъ, чтобъ онъ теперь же далъ мнѣ чистыми деньгами тысячу фридрихсдоровъ, такъ какъ мнѣ по милости моихъ жестокихъ кредиторовъ грозитъ ежеминутная опасность лишиться чести и добраго имени; кромѣ того, я выговариваю себѣ позволеніе въ будущемъ хотя нѣкоторое время проводить въ чудномъ Р...зиттенѣ у великодушнаго брата.—Никогда! вскричалъ баронъ, едва Б. сообщилъ ему о предложеніяхъ брата,—никогда я не соглашусь, чтобы Губертъ хотя одну минуту оставался въ моемъ домѣ, какъ скоро я введу въ него мою жену. Подите къ нему, милый другъ, скажите этому возмутителю моего спокойствія, что онъ получитъ двѣ тысячи фридрихсдоровъ и не заимообразно, а какъ подарокъ, лишь бы вонъ... вонъ!—Такимъ образомъ Б. неожиданно узналъ, что баронъ уже женился безъ вѣдома отца, и что въ бракѣ этомъ отчасти заключается причина взаимной ненависти братьевъ. Губертъ гордо и спокойно выслушалъ повѣреннаго, и когда тотъ кончилъ, сказалъ глухимъ и угрюмымъ голосомъ:—Я объ этомъ подумаю, но покуда я еще останусь здѣсь.—Б. старался доказать недовольному, что баронъ, отказавшись въ его пользу отъ благопріобрѣтеннаго имущества, сдѣлалъ со своей стороны все, что могъ, и что ему, Губерту, нѣтъ основаній жаловаться на него, хотя, конечно, всякій согласится, что завѣщаніе, дающее первородному сыну такія важныя преимущества и отодвигающее прочихъ дѣтей на задній планъ, всегда имѣетъ въ себѣ что-то ненавистное. Губертъ, какъ человѣкъ, которому не достаетъ воздуха, сверху до низу растегнулъ свой жилетъ; засунувъ одну руку за галстукъ и подпершись другою, онъ быстро сталъ вертѣться на одной ногѣ и закричалъ рѣзкимъ голосомъ:—Ба! Ненавистное рождается ненавистью!—Потомъ, захлебываясь отъ смѣха, продолжалъ:—Какъ великодушно бросаетъ владѣлецъ майората свое золото бѣдному нищему!—Теперь Б. убѣдился, что о полномъ примиреніи братьевъ не можетъ быть и рѣчи.

Къ величайшему огорченію барона, Губертъ повидимому расположился на очень долгое время въ комнатахъ, отведенныхъ ему въ боковомъ флигелѣ замка. Стали замѣчать, что онъ часто и подолгу говоритъ съ дворецкимъ, и что этотъ послѣдній нерѣдко сопровождаетъ его на охоту. Впрочемъ онъ мало показывался и старательно избѣгалъ оставаться съ глазу на

глазъ съ братомъ, который со своей стороны дѣлалъ то же самое. Б. чувствовалъ тяжесть этихъ отношеній и долженъ былъ сознаться, что во всемъ, что̀ бы ни говорилъ и что̀ бы ни дѣлалъ Губертъ, видна какая-то особенная враждебная манера и что онъ умышленно отравляетъ всякую радость брата. Для него сталъ теперь вполнѣ понятенъ испугъ барона при встрѣчѣ съ нимъ.

Б. сидѣлъ въ присутственной залѣ за актами, когда вошелъ Губертъ, болѣе угрюмый и спокойный, чѣмъ когда-либо, и почти грустнымъ голосомъ сказалъ:—Я согласенъ и на послѣднія условія брата; распорядитесь, чтобы мнѣ сегодня же выдали двѣ тысячи фридрихсдоровъ; ночью я уѣзжаю верхомъ и совсѣмъ одинъ.—Съ деньгами? спросилъ Б.—Вы правы, отвѣчалъ Губертъ,—я знаю, на что̀ вы намекаете—на ихъ тяжесть. Напишите лучше на такую сумму вексель на имя Исаака Лазаря въ К. Сегодня же ночью я уѣзжаю въ К. Меня словно что-то гонитъ отсюда; должно-быть злая душа старика скитается здѣсь.—Вы говорите о вашемъ отцѣ, господинъ баронъ? строго спросилъ Б. Губертъ задрожалъ и крѣпко схватился за стулъ, чтобы не упасть; но быстро овладѣвъ собою, онъ воскликнулъ:—Итакъ, сегодня, господинъ повѣренный!—и не безъ усилій, шатаясь, вышелъ вонъ. — Теперь онъ видитъ, что ему не удастся обморочить меня и что противъ моей твердой воли онъ совершенно безсиленъ, сказалъ баронъ, подписывая вексель на имя Исаака Лазаря въ К. Отъѣздъ ненавистнаго брата словно снялъ съ его сердца какую-то тяжесть; долго не былъ онъ въ такомъ веселомъ настроеніи духа, какъ за ужиномъ. Губертъ черезъ посланнаго извинился, что не можетъ выйти къ столу, чему всѣ были несказанно рады.

Б. жилъ въ нѣсколько уединенной комнатѣ за́мка, выходившей окнами во дворъ. Ночью онъ вдругъ проснулся; ему почудилось, что его разбудилъ какой-то отдаленный, жалобный крикъ. Но какъ онъ ни прислушивался, всюду царила мертвая тишина, и волей-неволей онъ долженъ былъ счесть этотъ, еще звенѣвшій въ его ушахъ, звукъ за навожденіе сна. Совершенно особое чувство ужаса и страха такъ овладѣло имъ, что онъ не могъ долѣе оставаться въ постели. Онъ всталъ и подошелъ къ окну. Вскорѣ онъ увидѣлъ, какъ отворились ворота за́мка и какая-то фигура съ горящимъ факеломъ въ рукѣ вышла изъ нихъ и пересѣкла дворъ. Б. узналъ въ этой фигурѣ стараго Даніеля. Онъ видѣлъ, какъ тотъ отперъ двери конюшни, вошелъ въ нее и

вскорѣ вывелъ оттуда осѣдланную лошадь. Тутъ изъ темноты выступила другая фигура, плотно закутанная въ шубу, съ лисьею шапкой на головѣ. Б. узналъ Губерта, который, съ жаромъ поговоривъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ съ Даніелемъ, удалился. Даніель отвелъ лошадь обратно въ конюшню, заперъ ее, потомъ снова пересѣкъ дворъ и вышелъ въ ту самую дверь, откуда вошелъ. Было очевидно, что Губертъ хотѣлъ уѣзжать, но вдругъ его осѣнила какая-то другая мысль. Точно также было вѣрно и то, что Губертъ находится со старымъ дворецкимъ въ какомъ-то не безопасномъ заговорѣ. Б. едва могъ дождаться утра, чтобы посвятить барона въ эти ночныя происшествія. Дѣйствительно слѣдовало принять мѣры противъ замысловъ коварнаго Губерта, которые, какъ Б. былъ теперь убѣжденъ, зародились въ немъ еще вчера, о чемъ свидѣтельствовалъ его разстроенный видъ.

На другое утро, въ часъ, когда баронъ обыкновенно вставалъ, Б. услыхалъ безпорядочную бѣготню, хлопанье отворяемыхъ и затворяемыхъ дверей, смущенныя, одна другую перебивающія рѣчи и крики. Онъ вышелъ изъ своей комнаты и вездѣ натыкался на слугъ, которые, не обращая на него ни малѣйшаго вниманія, блѣдные, какъ смерть, бѣгали туда и сюда по лѣстницамъ и по комнатамъ, кто внизъ, кто вверхъ. Наконецъ онъ узналъ, что баронъ исчезъ, и что вотъ уже нѣсколько часовъ тщетно ищутъ его. Онъ легъ въ постель въ присутствіи охотника; потомъ вѣроятно всталъ, надѣлъ халатъ и туфли, взялъ подсвѣчникъ и вышелъ; именно этихъ вещей не могли доискаться. Б., движимый грустнымъ предчувствіемъ, побѣжалъ въ роковую залу, рядомъ съ которою находился кабинетъ служившій Вольфгангу, какъ и его отцу, спальней. Ворота, ведущія къ башнѣ, были отворены настежъ; глубоко потрясенный, Б. громко закричалъ: Онъ тамъ въ пропасти, разбитый въ дребезги!.. Такъ это и было. Выпалъ снѣгъ, такъ что сверху ясно можно было различить только окоченѣвшую руку несчастнаго, неподвижно торчавшую между камней. Прошло много времени, прежде чѣмъ рабочимъ удалось на связанныхъ между собою лѣстницахъ спуститься внизъ и на веревкахъ вытащить покойнаго. Въ предсмертныхъ судорогахъ баронъ крѣпко стиснулъ серебряный подсвѣчникъ, рука, и теперь продолжавшая крѣпко держать его, была единственная, уцѣлѣвшая часть изо всего тѣла, страшно изуродованнаго при паденіи на острые камни.

Съ дикимъ отчаяніемъ на лицѣ вбѣжалъ въ залу Губертъ, какъ только подняли покойника и положили на широкій столъ, гдѣ нѣсколько недѣль тому назадъ лежалъ сталый Родерикъ. Потрясенный ужаснымъ зрѣлищемъ, онъ воскликнулъ:—Братъ! о мой бѣдный братъ; нѣтъ, объ этомъ я не просилъ окружавшихъ меня злыхъ духовъ... Б. былъ пораженъ этою коварною рѣчью, и ему хотѣлось броситься на Губерта, какъ на братоубійцу. Губертъ лежалъ на полу безъ сознанія. Его перенесли въ постель и дали ему какого-то сильнаго лѣкарства, послѣ чего онъ очень скоро оправился.

Блѣдный какъ полотно, съ омраченнымъ горестью взглядомъ вошелъ онъ въ комнату Б. и, не будучи въ силахъ стоять, тихо опустился въ кресло.—Я желалъ смерти моего брата, сказалъ онъ,—такъ какъ отецъ въ своемъ глупомъ завѣщаніи отдалъ ему большую часть наслѣдства; теперь, когда онъ умеръ такою ужасною смертью, владѣльцемъ майората являюсь я, но мое сердце растерзано: я могу быть, но никогда не буду счастливъ. Я утверждаю васъ въ должности; вы получаете самыя широкія полномочія въ управленіи майоратомъ, съ которымъ я не хочу возиться.—Губертъ оставилъ комнату и черезъ два часа былъ уже на дорогѣ въ К. Повидимому несчастный Вольфгангъ ночью всталъ и, желая пройти въ другой кабинетъ, гдѣ была библіотека, въ полуснѣ спуталъ двери и вмѣсто той, которая вела въ библіотеку, отворилъ ворота, ведущія къ башнѣ, пошелъ впередъ и упалъ. Однако такое объясненіе являлось очень и очень натянутымъ. Если баронъ не могъ уснуть, если онъ хотѣлъ взять еще книгу изъ библіотеки, чтобы читать,— то ужь это самое исключало всякое предположеніе о томъ, что онъ дѣйствовалъ спросонокъ, тогда какъ именно только въ такомъ состояніи можно было вмѣсто двери въ кабинетъ отворить ворота въ башню, не говоря уже о томъ, что ворота эти такъ крѣпко запирались, что для того, чтобъ отпереть ихъ, нужно было употребить не мало усилій.

Когда Б. разъяснилъ собравшимся служителямъ невѣроятность такого предположенія, охотникъ барона, Францъ, воскликнулъ:— Ахъ, господинъ управляющій, это совсѣмъ не такъ и случилось.

— Какъ же иначе? спросилъ его Б.

Францъ, честный и вѣрный малый, который послѣдовалъ бы за своимъ господиномъ въ могилу, не хотѣлъ вести этого разговора въ присутствіи другихъ, и пока умолчалъ о томъ

во что считалъ возможнымъ посвятить только одного управляющаго. Б. узналъ отъ него, что баронъ очень часто говорилъ Францу про множество сокровищъ, которыя лежатъ внизу, похороненныя въ мусорѣ, и что онъ часто, будто подстрекаемый злымъ духомъ, ночью приходилъ къ воротамъ, ключъ отъ которыхъ далъ ему Даніель, открывалъ ихъ и съ тоской смотрѣлъ въ пропасть, хранившую эти мнимыя богатства. Вѣроятно такъ было и въ ту роковую ночь; баронъ, какъ только охотникъ его оставилъ, пошелъ къ башнѣ, но вдругъ у него закружилась голова и онъ стремглавъ слетѣлъ внизъ. Даніель, также казавшійся сильно потрясеннымъ ужасною смертью барона, полагалъ, что было бы хорошо совсѣмъ задѣлать эту ужасную дверь, что и было немедленно исполнено. Баронъ Губертъ фонъ-Р., теперешній владѣлецъ майората, не показываясь болѣе въ Р—зиттенѣ, вернулся въ Курляндію. Б. получилъ всѣ полномочія, необходимыя для неограниченнаго управленія майоратомъ. Постройка новаго замка была пріостановлена, старыя строенія приведены въ лучшій видъ. Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ, и вотъ позднею осенью Губертъ снова явился въ Р—зиттенъ. Онъ провелъ здѣсь всего нѣсколько дней, ежедневно запираясь съ Б. въ своей комнатѣ, послѣ чего снова вернулся въ Курляндію. Проѣздомъ черезъ К. онъ оставилъ свое духовное завѣщаніе въ тамошней городской управѣ.

Во время своего пребыванія въ Р—зиттенѣ баронъ, характеръ котораго повидимому совершенно измѣнился, много говорилъ о предчувствіи близкой смерти. Предчувствіе его не обмануло: онъ умеръ въ томъ же году. Его сынъ, тоже Губертъ, поспѣшно пріѣхалъ изъ Курляндіи, чтобы вступить во владѣніе богатымъ майоратомъ. Вмѣстѣ съ нимъ пріѣхали мать и сестра. Юноша, казалось, соединилъ въ себѣ всѣ дурныя качества своихъ предшественниковъ. Съ первой же минуты своего пребыванія въ Р—зиттенѣ онъ выказалъ себя гордымъ, высокомѣрнымъ, жестокимъ и жаднымъ. Многое, казавшееся ему почему-либо неудобнымъ или неправившееся ему, онъ тутъ же принялся переначивать: повара онъ выгналъ, кучера пробовалъ бить, что ему впрочемъ не удалось, такъ какъ здоровый парень имѣлъ дерзость ему этого не позволить. Короче, онъ проявлялъ уже всѣ наклонности, чтобы начать роль строгаго майоратнаго владѣльца, когда Б. строго и серьезно остановилъ его, очень внушительно объявивъ, что ни одинъ стулъ не долженъ быть тронутъ здѣсь съ мѣста, ни одна кошка не оставитъ дома, гдѣ ей до сихъ поръ жилось хорошо,

прежде чѣмъ не будетъ вскрыто духовное завѣщаніе.—Вы противитесь здѣсь владѣльцу майората, началъ было баронъ,—но Б. не позволилъ договорить горячившемуся отъ злости юношѣ и, смѣривъ его проницательнымъ взглядомъ, сказалъ:—Не торопитесь, господинъ баронъ; вы не имѣете права здѣсь распоряжаться до вскрытія духовнаго завѣщанія; теперь я, я одинъ здѣсь господинъ и съумѣю воспротивиться всякому насилію. Помните, что я въ силу моихъ полномочій, какъ душеприкащикъ вашего отца и въ силу состоявшагося постановленія суда, могу запретить вамъ пребываніе здѣсь, въ Р—зиттенѣ, и я вамъ совѣтую во избѣжаніе непріятностей преспокойно отправляться въ К.—Серьезный видъ управляющаго и рѣшительный тонъ, которымъ онъ говорилъ, придали его словамъ надлежащій вѣсъ, такъ что молодой баронъ, слишкомъ смѣло начавшій атаку, сразу почувствовалъ свою слабость сравнительно съ силой Б. и счелъ за лучшее, удаляясь, загладить свое пораженіе насмѣшливою улыбкой.

Прошло три мѣсяца, и вотъ наступилъ день, когда, по желанію умершаго, должно было вскрыть духовное завѣщаніе, лежавшее въ К. Кромѣ представителей суда, барона и Б., въ присутственной залѣ находился еще одинъ молодой человѣкъ благородной наружности, котораго привелъ Б. и котораго считали за его писаря, такъ какъ у него изъ кармана торчалъ листъ актовой бумаги. Баронъ посмотрѣлъ на него черезъ плечо, какъ онъ это дѣлалъ почти со всѣми, и съ запальчивостью потребовалъ отъ судей, чтобъ они какъ можно скорѣй кончали эту скучную и, по его мнѣнію, лишнюю церемонію безъ многихъ словъ и переписокъ. Онъ говорилъ, что для него непонятно, какимъ образомъ въ вопросѣ о наслѣдствѣ и особенно о майоратѣ можно ссылаться на духовное завѣщаніе и что еслибы только это отъ него зависѣло, онъ, не обращая вниманія ни на что, распорядился бы совсѣмъ иначе. Баронъ призналъ руку и печать умершаго отца, едва бросилъ на нихъ быстрый угрюмый взглядъ; пока писарь суда приготовлялся къ громкому чтенію завѣщанія, онъ совершенно спокойно смотрѣлъ въ окно, небрежно бросивъ правую руку на спинку кресла, а лѣвою облокотясь на судебный столъ и барабаня пальцами по его зеленому сукну.

Изъ чтенія документа выяснилось, что баронъ Губертъ фонъ-Р. въ дѣйствительности никогда не былъ настоящимъ владѣльцемъ майората и только управлялъ имъ отъ имени единственнаго сына покойнаго барона Вольфгана фонъ-Р., названнаго въ честь дѣда

Родерихомъ. Къ нему-то, по фамильнымъ преданіямъ, послѣ смерти отца долженъ былъ перейти майоратъ. Въ завѣщаніи, между прочимъ, было сказано, что покойный оставилъ самые точные счеты доходовъ и расходовъ по майорату, опись наличнаго имущества и т. д. Вольфгангъ фонъ-Р., по словамъ Губерта, во время своего путешествія въ Женевѣ познакомился съ дѣвицей Юліей фонъ-Ст.-Фаль и такъ сильно полюбилъ ее, что рѣшилъ никогда съ ней не разставаться. Она была очень бѣдна, и ее семейство хотя и было дворянскаго происхожденія, но не принадлежало къ блестящему дворянству страны. Ужь по одной этой причинѣ онъ не могъ разсчитывать на согласіе стараго Родериха, старавшагося всѣми зависящими отъ него средствами возвеличить майоратскій домъ. Несмотря на это онъ осмѣлился изъ Парижа увѣдомить отца о своей любви. Случилось то, чего и слѣдовало ожидать. Отецъ объявилъ сыну, что онъ самъ уже выбралъ невѣсту для наслѣдника майората и что онъ и слышать не хочетъ ни о какой другой дѣвушкѣ. Вольфгангъ, вмѣсто того, чтобы плыть въ Англію, какъ онъ это долженъ былъ сдѣлать, вернулся назадъ въ Женеву подъ именемъ Борнъ и обвѣнчался съ Юліей, по истеченіи года родившею ему сына, который по смерти Вольфганга сдѣлался владѣльцемъ майората. Почему Губертъ, будучи посвященъ во всю эту исторію, такъ долго хранилъ молчаніе и выдавалъ самого себя за владѣльца майората; въ оправданіе этого были приведены разныя объясненія, основанныя будто бы на условіи съ Вольфгангомъ. Но объясненія эти были очень натянуты, и условіе казалось чистою выдумкой.

Какъ громомъ пораженный баронъ устремилъ взоръ на секретаря суда, читавшаго документъ монотоннымъ, гнусливымъ голосомъ. Когда чтеніе кончилось, Б. всталъ съ своего мѣста, взялъ за руку молодаго человѣка, котораго привелъ съ собою, и, кланяясь присутствующимъ, сказалъ:—Теперь, милостивые государи, я имѣю честь представить вамъ барона Родериха фонъ-Р., владѣльца Р—зиттскаго майората.—Съ затаеннымъ гнѣвомъ въ разгорѣвшемся взорѣ взглянулъ баронъ Губертъ на юношу, который, какъ будто упавъ съ неба, оспаривалъ у него не только богатый майоратъ, но и часть благопріобрѣтеннаго курляндскаго имѣнія, потомъ погрозилъ кулакомъ и, не будучи въ силахъ сказать ни слова, быстро выбѣжалъ изъ залы суда. По приглашенію судебныхъ властей баронъ Родерихъ предъявилъ удостовѣренія своей

личности. Онъ представилъ точныя выписки изъ метрической книги церкви, гдѣ вѣнчался его отецъ; эти выписки удостовѣряли, что въ такой-то и такой-то день купецъ Вольфгангъ Борнъ, уроженецъ К., въ присутствіи поименованныхъ особъ сочетался законнымъ бракомъ съ дѣвицею Юліей фонъ-Ст.-Фаль. Онъ предъявилъ также свидѣтельство о своемъ крещеніи (онъ былъ окрещенъ въ Женевѣ, какъ законный сынъ купца Борна и его супруги Юліи, урожденной фонъ-Ст.-Фаль), и много писемъ отца, писанныхъ къ его уже давно умершей матери. Всѣ эти письма были однако подписаны только буквою В.

Б. съ мрачнымъ лицомъ просмотрѣлъ всѣ эти бумаги и снова складывая ихъ, сказалъ довольно озабоченнымъ голосомъ:—Ну, Богъ поможетъ.

Уже на слѣдующій день баронъ Губертъ фонъ-Р. черезъ адвоката, назначеннаго имъ своимъ повѣреннымъ, подалъ въ городскую К—ую управу бумагу, въ которой требовалъ ни болѣе ни менѣе, какъ немедленнаго утвержденія въ правахъ майоратнаго владѣльца.—Само собою разумѣется, заявилъ адвокатъ,—что покойный баронъ Губертъ фонъ-Р. ни посредствомъ духовнаго завѣщанія, ни какимъ другимъ способомъ не имѣлъ права распоряжаться майоратомъ. Такимъ образомъ его завѣщаніе есть не болѣе какъ письменное, изложенное по всѣмъ правиламъ суда, свидѣтельство, на основаніи котораго явствуетъ, что баронъ Вольфгангъ фонъ-Р. долженъ былъ завѣщать майоратъ своему сыну, который еще живъ; слѣдовательно документъ этотъ имѣетъ не бо́льшую силу, чѣмъ всякое другое судебное показаніе, и отнюдь не можетъ служить удостовѣреніемъ личности мнимаго барона Родериха фонъ-Р. Напротивъ того, цѣль этого претендента состоитъ именно въ томъ, чтобы путемъ процесса доказать свои мнимыя наслѣдственныя права и добиваться полученія майората, принадлежащаго теперь по праву наслѣдства барону Губерту фонъ-Р. Послѣ смерти отца имѣніе непосредственно переходитъ къ сыну; нѣтъ надобности ни въ какихъ объясненіяхъ по поводу вступленія въ наслѣдство, такъ какъ нельзя обойти извѣстный порядокъ, соблюдаемый въ унаслѣдованіи майората; вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя, на основаніи бездоказательныхъ исковъ, оспаривать у теперешняго владѣльца майората его законныхъ правъ. Чѣмъ руководствовался покойный, назначая своимъ преемникомъ другое лицо,—безразлично, только слѣдуетъ принять во вниманіе, что онъ самъ имѣлъ любовную связь въ

Швеціи, какъ это видно изъ оставленныхъ имъ бумагъ, и что очень можетъ быть, что тотъ, кого онъ выдаетъ за своего племянника, на самомъ дѣлѣ его собственный незаконнорожденный сынъ, которому онъ въ минуту раскаянія и завѣщалъ богатый майоратъ.

Какъ ни казались вѣроятными изложенныя въ завѣщаніи обстоятельства, какъ ни глубоко возмутило судей это послѣднее объясненіе, въ которомъ сынъ не стыдился обвинять покойнаго отца въ преступленіи, доводы приводимые имъ были признаны вполнѣ основательными, и только благодаря неусыпнымъ стараніямъ Б., положительно утверждавшаго, что въ очень непродолжительномъ времени онъ представитъ неопровержимыя доказательства законности барона Родериха фонъ Р., только благодаря этому судъ отложилъ передачу майората Губерту и назначилъ надъ нимъ администрацію, впредь до полнаго разъясненія дѣла.

Б. прекрасно понималъ, какъ трудно будетъ ему сдержать свое обѣщаніе. Онъ пересмотрѣлъ всѣ письма стараго Родериха, но ни въ одномъ не нашелъ даже и намека на отношенія Вольфганга къ дѣвицѣ фонъ Ст. Фаль. Въ раздумьѣ сидѣлъ онъ однажды въ Р...зиттенѣ, въ спальнѣ стараго Родериха, которую только-что тщательно обыскалъ; онъ работалъ надъ бумагой для нотаріуса въ Генфѣ, котораго ему рекомендовали какъ проницательнаго и дѣятельнаго человѣка и который долженъ былъ доставить ему нѣкоторыя свѣдѣнія, могущія привести въ ясность дѣло молодаго барона.—Была полночь; полный мѣсяцъ ярко освѣщалъ сосѣднюю залу, дверь въ которую была открыта. Ему послышалось вдругъ, что кто-то медленно и тяжело поднимается по лѣстницѣ, стучитъ и звенитъ ключами. Б. насторожился, всталъ, вышелъ въ залу, и тутъ ясно услышалъ, что изъ сѣней кто-то идетъ къ двери и въ залу. Вскорѣ послѣ этого дверь отворилась, и въ залу тихо вошелъ человѣкъ съ мертвенно-блѣднымъ искаженнымъ лицомъ, въ одной рубашкѣ, съ горящею свѣчей въ одной рукѣ и большою связкой ключей въ другой. Б. тотчасъ же узналъ въ немъ дворецкаго и уже хотѣлъ окликнуть его, зачѣмъ онъ здѣсь такъ поздно ночью, какъ вдругъ, холодѣя отъ ужаса, во всей наружности старика и особенно въ его неподвижномъ, какъ у мертвеца, лицѣ замѣтилъ что-то ужасное, напоминающее привидѣніе. Онъ догадался, что видитъ предъ собой лунатика. Старикъ мѣрными шагами прошелъ по залѣ прямо къ замуравленной двери, которая нѣкогда вела въ башню. Какъ разъ

у нея онъ остановился, и тутъ изъ глубины его грýди вырвался такой мучительный и такъ страшно отдавшійся по залѣ стонъ, что Б. задрожалъ отъ ужаса. Потомъ, поставивъ подсвѣчникъ на полъ и повѣсивъ ключи у пояса, Даніель обѣими руками сталъ царапаться въ стѣну такъ, что вскорѣ кровь брызнула у него изъ-подъ ногтей, и при этомъ онъ стоналъ и вздыхалъ, какъ человѣкъ терзаемый невыразимою смертельною мукой. Вотъ приложилъ онъ ухо къ стѣнѣ, словно къ чему-то прислушиваясь, потомъ сдѣлалъ рукой знакъ, какъ будто успокоивая кого-то, нагнулся, взялъ съ полу подсвѣчникъ и тихими мѣрными шагами шмыгнулъ за дверь. Б., крадучись со свѣчей въ рукѣ, послѣдовалъ за нимъ. Они спустились по лѣстницѣ: старикъ отперъ большую главную дверь зáмка; Б. ловко проскользнулъ впередъ. Затѣмъ Даніель направился къ конюшнѣ, гдѣ къ величайшему удивленію Б. такъ ловко поставилъ подсвѣчникъ, что все строеніе безо всякой для него опасности было въ достаточной мѣрѣ освѣщено: сдѣлавъ это, онъ принесъ сѣдло и уздечку и съ большимъ стараніемъ принялся сѣдлать лошадь, предварительно отвязанную имъ отъ яслей, крѣпко подтягивая подпруги и пристегивая стремена. Выправивъ изъ-подъ узды челку, онъ взялъ лошадь подъ уздцы и вывелъ ее изъ конюшни, прищелкивая языкомъ и похлопывая ее одною рукой по шеѣ. На дворѣ онъ остановился и нѣсколько секундъ простоялъ въ такомъ положеніи, какъ будто ему отдавали приказанія, которыя онъ киваньемъ головы обѣщался исполнить. Затѣмъ онъ отвелъ лошадь назадъ въ конюшню, разсѣдлалъ ее и привязалъ къ яслямъ, послѣ чего взялъ подсвѣчникъ, заперъ конюшню, вернулся въ зáмокъ, и наконецъ исчезъ въ своей комнатѣ, заботливо заперевъ ее на задвижку. Б. былъ потрясенъ видѣннымъ до глубины души, имъ овладѣло предчувствіе какого-то ужаснаго дѣла; словно мрачный призракъ ада всталъ предъ нимъ и болѣе не покидалъ его. Полный страха за дѣло своего кліента, теперь онъ былъ увѣренъ, что то, что̀ онъ видѣлъ, несомнѣнно послужитъ къ его пользѣ. На другой день, когда уже стало смеркаться, въ его комнату пришелъ Даніель, чтобы спросить, не будетъ ли какихъ-нибудь приказаній по дому. Б. взялъ его за обѣ руки и, насильно усадивъ въ кресло, сталъ говорить.—Слушай, старый дружище Даніель, уже давно я хотѣлъ тебя спросить, какого ты мнѣнія объ этой страшной путаницѣ, навязанной намъ на шею удивительнымъ завѣщаніемъ Губерта? Думаешь ли ты, что молодой человѣкъ

дѣйствительно законный сынъ Вольфганга?—Старикъ, откидываясь на спинку кресла и старательно избѣгая устремленнаго на него пристальнаго взора Б., ворчливо воскликнулъ:—Можетъ-быть да, можетъ-быть нѣтъ. Мнѣ что за дѣло. Пусть будетъ здѣсь господиномъ кто хочетъ.—Но я думаю, продолжалъ Б., наклоняясь совсѣмъ близко къ старику и опуская ему на плечо руку,—но я думаю, что ты, пользуясь полнымъ довѣріемъ стараго барона, конечно зналъ объ его отношеніяхъ къ сыновьямъ. Онъ конечно говорилъ тебѣ о бракѣ Вольфганга, заключенномъ противъ его воли?—Я что-то ничего такого не припомню, отвѣчалъ старикъ, громко и принужденно зѣвая.—Тебѣ хочется спать, старина, продолжалъ Б.,—должно-быть ты провелъ безпокойную ночь.—Не знаю, холодно отвѣчалъ старикъ, — но мнѣ пора распорядиться объ ужинѣ.—Съ этими словами онъ тяжело поднялся со стула, потеръ рукой свою сгорбленную спину и снова зѣвнулъ еще громче, чѣмъ въ первый разъ. — Подожди, старина, крикнулъ ему Б., хватая его за руку и желая насильно усадить; но старикъ остался стоя; облокотившись обѣими руками на письменный столъ, онъ нагнулся къ Б. и сердито заговорилъ.—Ну, что еще; какое мнѣ дѣло до завѣщанія, какое мнѣ дѣло до этого спора изъ-за майората!—О нихъ мы и не будемъ больше говорить, любезный Даніель, перебилъ его Б.,—мы потолкуемъ съ тобой о другомъ. Ты ворчишь, зѣваешь; это признаки сильнаго утомленія, и я готовъ думать, что прошлою ночью это дѣйствительно былъ ты.—Что прошлою ночью? спросилъ старикъ, сохраняя свое прежнее положеніе. Б. продолжалъ.—Когда вчера въ полночь я сидѣлъ тамъ наверху, въ кабинетѣ стараго барона, рядомъ съ большою залой, ты вошелъ въ дверь, блѣдный и не похожій самъ на себя, подошелъ къ замуравленной двери, сталъ царапаться обѣими руками въ стѣну и громко стоналъ, какъ будто терзаясь страшною мукой. Ты лунатикъ, Даніель?—Старикъ безсильно опустился на стулъ, быстро подставленный ему Б. Ни звука не издалъ онъ; словно темное облако нашло на его лицо и до неузнаваемости измѣнило его. Б. замѣтилъ только, что онъ порывисто дышитъ и глухо стучитъ зубами.—Да, продолжалъ Б. послѣ короткаго молчанія,—да, странно это бываетъ съ лунатиками. На другой день они и не чувствуютъ, что были въ такомъ удивительномъ состояніи, и рѣшительно ничего не помнятъ изъ того, что дѣлали съ такою увѣренностью, какъ будто находились въ полномъ

сознаніи.—Даніель молчалъ.—Нѣчто подобное тому, что вчера было съ тобою, продолжалъ Б.,—я уже имѣлъ случай наблюдать. У меня былъ другъ, который, подобно тебѣ, какъ только наступало полнолуніе, начиналъ свои ночныя странствованія. Иногда онъ даже садился за столъ и писалъ письма. Но удивительнѣе всего было то, что, какъ скоро я попробовалъ тихонько шептать ему на ухо, мнѣ вскорѣ удалось заставить его говорить. Онъ покорно отвѣчалъ мнѣ на всѣ вопросы, и даже то, о чемъ на яву онъ старательно умалчивалъ, теперь безсознательно срывалось у него съ языка, какъ будто онъ не былъ въ состояніи воспротивиться дѣйствующей на него силѣ. Чортъ возьми! Я думаю, что если человѣкъ, подверженный лунатизму, упорно молчитъ о какомъ-нибудь совершенномъ имъ преступленіи, можно подробно разспросить его объ этомъ въ то время, когда онъ ходитъ лунатикомъ. Хорошо тѣмъ, у кого такая чистая совѣсть, какъ у насъ съ тобой, любезный Даніель; мы сколько угодно можемъ быть лунатиками; отъ насъ не узнаютъ ни о какомъ преступленіи. Но, слушай, Даніель, ты конечно хотѣлъ забраться наверхъ въ астрономическую башню, если такъ отвратительно царапалъ въ задѣланную дверь? Ты конечно хотѣлъ работать, какъ старый Родерихъ? Ну, да объ этомъ я разспрошу тебя нынѣшнею же ночью.

Пока Б. говорилъ это, старикъ дрожалъ все сильнѣе и сильнѣе; при послѣднихъ словахъ все его тѣло стало судорожно трястись и языкъ быстро забормоталъ что-то непонятное. Б. позвонилъ. Явились слуги со свѣчами; старикъ былъ безъ чувствъ. Его подняли и недвижимаго перенесли въ постель. Около часу онъ пробылъ въ такомъ ужасномъ состояніи, послѣ чего впалъ въ глубокій, похожій на обморокъ, сонъ. Проснувшись, онъ потребовалъ вина, и когда просьба его была исполнена, выслалъ слугу, желавшаго остаться при немъ, и по обыкновенію заперся въ своей комнатѣ.

Б. дѣйствительно думалъ произвести съ Даніелемъ опытъ, о которомъ говорилъ ему, хотя и сознавалъ, что старикъ, предупрежденный о своемъ лунатизмѣ, по всей вѣроятности, приметъ зависящія отъ него мѣры, чтобы помѣшать ему, и что признанія сдѣланныя имъ въ такомъ состояніи врядъ ли принесутъ существенную пользу дѣлу. Несмотря на это, около полуночи онъ отправился въ залу, надѣясь, что Даніель, какъ обыкновенно бываетъ въ этой болѣзни, станетъ дѣйствовать безсознательно.

Въ полночь на дворѣ поднялась сильная суматоха. Б. ясно слышалъ, какъ кто-то разбилъ окно; онъ поспѣшилъ внизъ; едва онъ пробѣжалъ сѣни, навстрѣчу ему повалилъ удушливый дымъ, выходящій, какъ онъ скоро увидѣлъ, изъ отпертой комнаты дворецкаго. Его самого только-что замертво вынесли оттуда, чтобъ отнести въ другую комнату и уложить въ постель. Въ полночь, такъ разсказывали слуги, одного работника разбудилъ глухой стукъ; онъ подумалъ, что со старикомъ случилось что-нибудь неладное, и поспѣшно вскочилъ, чтобъ идти къ нему на помощь; въ это время сторожъ на дворѣ громко закричалъ:— Пожаръ! Пожаръ! Въ комнатѣ дворецкаго огонь!—На его крикъ тотчасъ же сбѣжалось много слугъ, но всѣ ихъ усилія выломать дверь оставались тщетны. Тогда они выбѣжали во дворъ; но смѣлый сторожъ уже выбилъ раму комнаты (она находилась въ нижнемъ этажѣ) и сорвалъ шторы, послѣ чего было вполнѣ достаточно двухъ ведеръ воды, чтобы потушить огонь. Дворецкаго нашли на полу посерединѣ комнаты въ сильномъ обморокѣ. Онъ еще крѣпко держалъ въ рукѣ подсвѣчникъ, отъ котораго загорѣлись гардины, и такимъ образомъ чуть не начался пожаръ. Горящія шторы опалили старику брови и часть волосъ. Не замѣть сторожъ огня, онъ безпомощно сгорѣлъ бы. Къ своему немалому удивленію слуги нашли, что дверь комнаты изнутри была заперта на двѣ только-что прибитыя задвижки, о которыхъ еще наканунѣ вечеромъ не было и помину. Б. изъ этого заключилъ, что старикъ хотѣлъ сдѣлать для себя невозможнымъ выходъ изъ комнаты, но не могъ воспротивиться слѣпому влеченію. Старикъ серьезно заболѣлъ: онъ не говорилъ, ѣлъ очень мало; глаза его, какъ будто скованные какою-то ужасною мыслью, были неподвижно устремлены въ одну точку; въ нихъ видна была смерть. Б. думалъ, что старику ужь не подняться. Все, что могъ сдѣлать Б. для своего кліента, было сдѣлано; оставалось терпѣливо ждать послѣдствій; поэтому онъ думалъ вернуться въ К. Отъѣздъ былъ назначенъ на слѣдующее утро. Поздно вечеромъ Б. укладывалъ свои бумаги; вдругъ ему попался подъ руки маленькій пакетъ, переданный ему нѣкогда барономъ Губертомъ фонъ-Р.; пакетъ былъ запечатанъ, и на немъ рукой барона было написано: „прочесть послѣ вскрытія моего завѣщанія“. Было удивительно, какъ Б. до сихъ поръ не замѣчалъ его. Онъ уже хотѣлъ распечатать этотъ пакетъ, какъ вдругъ дверь отворилась и въ

комнату тихо, какъ привидѣніе, вошелъ Даніель. Онъ положилъ на письменный столъ черную папку, которую принесъ подъ мышкой, съ глубокимъ вздохомъ опустился на оба колѣна и, судорожно хватая руки Б., задыхаясь проговорилъ глухимъ, словно выходящимъ изъ могилы, голосомъ:—Я не хочу на эшафотъ, который тамъ наверху!—Потомъ онъ, тяжко вздыхая, съ трудомъ поднялся на ноги и такъ же оставилъ комнату, какъ вошелъ.

Б. употребилъ всю ночь, чтобы прочесть бумаги, заключавшіяся въ черной папкѣ и въ пакетѣ Губерта. И тѣ и другія гласили одно и то же, и сами по себѣ указывали дальнѣйшій образъ дѣйствій. Пріѣхавъ въ К., онъ тотчасъ же отправился къ барону Губерту фонъ-Р., который принялъ его съ суровою гордостью. Разговоръ между ними, начавшійся въ полдень и безъ перерывовъ продолжавшійся до поздней ночи, имѣлъ то удивительное послѣдствіе, что на другой день баронъ предъ судомъ заявилъ, что онъ, согласно завѣщанію отца, считаетъ претендента на майоратъ законнымъ наслѣдникомъ старшаго сына барона Родериха фонъ-Р., Вольфганга, и дѣвицы Юліи фонъ-Ст.-Фаль, и тѣмъ самымъ признаетъ его неоспоримыя права на полученіе майората. Когда онъ вышелъ изъ суда, у дверей стоялъ его экипажъ, запряженный почтовыми лошадьми; баронъ сѣлъ въ него и быстро уѣхалъ, оставивъ въ К. мать и сестру. Вмѣстѣ съ разными другими загадочными намеками онъ писалъ имъ, между прочимъ, что онѣ, можетъ-быть, никогда больше не увидятъ его. Родерихъ былъ несказанно удивленъ такимъ оборотомъ дѣла; онъ сталъ приставать къ Б., чтобы тотъ, наконецъ, открылъ ему, какимъ образомъ могло случиться это чудо и какая таинственная сила пущена для этого въ ходъ. Б. обѣщалъ исполнить его просьбу въ недалекомъ будущемъ, а именно когда онъ будетъ введенъ во владѣніе майоратомъ. Передача майората теперь не могла состояться только потому, что судъ, неудовлетворенный заявленіемъ Губерта, требовалъ обстоятельныхъ доказательствъ законности правъ Родериха. Б. предложилъ барону переселиться въ Р—зиттенъ, ссылаясь на то, что мать и сестра Губерта, сильно разстроенныя его внезапнымъ отъѣздомъ, безъ сомнѣнія, предпочтутъ тишину родоваго зáмка шуму и дороговизнѣ города. Восторгъ, съ которымъ Родерихъ ухватился за мысль провести хотя бы недолгое время подъ одною крышей съ баронессой и ея дочерью, доказывалъ, какое глубокое впечатлѣніе произвела на него Серафима, милое и кроткое дитя. Баронъ такъ хорошо

съумѣлъ воспользоваться этою совмѣстною съ ними жизнью въ Р—зиттенѣ, что не прошло и нѣсколькихъ недѣль, а ужь онъ былъ горячо любимъ Серафимой и заручился согласіемъ ея матери на союзъ съ ней. Въ глазахъ Б. все это случилось черезчуръ ужь скоро, такъ какъ утвержденіе Родериха майоратнымъ владѣльцемъ Р—зиттена до сихъ поръ все еще оставалось подъ сомнѣніемъ. Письма, полученныя изъ Курляндіи, нарушили идиллію въ замкѣ. Губертъ, какъ оказывалось, вовсе не заѣзжая въ свое имѣніе, прямо проѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ поступилъ въ военную службу, и теперь находился въ походѣ противъ Персовъ, съ которыми Русскіе только-что начали войну. Это извѣстіе заставило старую баронессу вмѣстѣ съ дочерью какъ можно скорѣе ѣхать въ курляндское помѣстье, гдѣ господствовали безпорядокъ и путаница. Родерихъ, уже считавшій себя ея пріемнымъ сыномъ, не преминулъ послѣдовать за своею возлюбленной, а такъ какъ въ то же самое время и Б. вернулся въ К., то замокъ опустѣлъ попрежнему. Злой недугъ дворецкаго все усиливался; онъ уже не надѣялся на выздоровленіе; его должность была передана старому охотнику, преданному слугѣ Вольфганга, Францу. Наконецъ, послѣ долгихъ ожиданій Б. получилъ пріятнѣйшія извѣстія изъ Швеціи. Священникъ, вѣнчавшій Вольфганга, уже давно умеръ, но въ церковной книгѣ его рукой было помѣчено, что тотъ, кого онъ сочеталъ бракомъ съ дѣвицей Юліей Ст. Фаль, представилъ ему документы, ясно доказывающіе, что онъ баронъ Вольфгангъ фонъ-Р., старшій сынъ барона Родериха фонъ-Р. изъ Р...зиттена. Кромѣ того, были разысканы два брачные свидѣтеля: одинъ купецъ изъ Женевы и старый французскій капитанъ, уѣхавшій въ Ліонъ; имъ Вольфгангъ также открылся, и ихъ клятвенныя показанія какъ нельзя лучше подтверждали примѣчаніе священника, сдѣланное въ церковной книгѣ. Приведя эти данныя въ надлежащій порядокъ, Б. смѣло приступилъ къ доказательству правъ своего довѣрителя; теперь ни что не могло помѣшать передачѣ майората, которая должна была совершиться ближайшею осенью. Губертъ былъ убитъ въ первомъ же сраженіи; его постигла участь его младшаго брата, точно также убитаго за годъ до смерти отца. Такимъ образомъ курляндскія земли достались баронессѣ Серафимѣ фонъ-Р. и явились прекраснымъ приданымъ для безконечно счастливаго Родериха.

Было начало ноября, когда старая баронесса и Родерихъ съ невѣстой пріѣхали въ Р...зиттенъ. Вскорѣ состоялся вводъ во

владѣніе майоратомъ, а затѣмъ и свадьба съ Серафимой. Нѣсколько недѣль прошло въ шумномъ весельѣ; наконецъ гости одинъ за другимъ уѣхали изъ за́мка къ величайшему удовольствію Б., который не хотѣлъ оставить Р...зиттена не посвятивъ молодаго майоратнаго владѣльца во всѣ подробности управленія новымъ имѣніемъ.

Съ самою строгою точностью дядя Родериха сдѣлалъ разчисленіе доходовъ и расходовъ, такъ что Родерихъ на свое содержаніе ежегодно долженъ былъ получать только ограниченную сумму; черезъ присоединеніе доходовъ наличный капиталъ, оставленный старымъ барономъ, значительно увеличился. Только первые три года Губертъ тратилъ доходы майората на свои нужды, но на эту сумму былъ имъ оставленъ вексель, въ обезпеченіе котораго онъ представилъ причитающуюся ему часть курляндскаго имѣнія.

Б. съ того самаго времени, какъ увидѣлъ Даніеля лунатикомъ, переселился въ спальню стараго Родериха, чтобы тѣмъ легче прослѣдить за Даніелемъ и вывѣдать у него тайну, которую тотъ впослѣдствіи самъ добровольно открылъ ему. Случайно эту самую комнату и прилегающую къ ней залу баронъ и Б. избрали для своихъ занятій. Однажды они сидѣли тамъ предъ ярко пылающимъ каминомъ за большимъ столомъ; Б. съ перомъ въ рукѣ записывалъ денежныя суммы, вычисляя величину состоянія майоратнаго владѣльца, между тѣмъ какъ этотъ послѣдній, облокотясь на столъ, внимательно смотрѣлъ то въ раскрытую книгу счетовъ, то на важные документы. Ни тотъ, ни другой не слышали ни глухаго шума моря, ни тоскливаго крика буревѣстниковъ, которые, возвѣщая непогоду, быстро носились взадъ и впередъ мимо оконъ и ударяли въ нихъ своими крыльями; ни тотъ, ни другой не замѣчали бури, которая, поднявшись около полуночи, дико бушевала вокругъ за́мка, отвратительно завывая въ трубѣ камина и въ узкихъ корридорахъ. Вдругъ ужасный порывъ вѣтра потрясъ за́мокъ до самаго основанія и вслѣдъ затѣмъ полный мѣсяцъ ярко освѣтилъ всю залу.—Какая ужасная буря!—воскликнулъ Б.—Баронъ, весь отдавшись созерцанію доставшихся ему богатствъ, съ довольною улыбкой перевертывая страницу книги доходовъ, спокойно отвѣчалъ:—Дѣйствительно, сильная буря.—Но въ какомъ ужасѣ вскочилъ онъ со своего мѣста, когда дверь въ залу распахнулась и бѣлая, похожая на привидѣніе, фигура съ мертвенно блѣднымъ лицомъ вошла въ комнату. Это былъ Даніель, котораго Б., равно

какъ и всѣ въ замкѣ, считалъ тяжело больнымъ, неспособнымъ пошевелить ни однимъ членомъ и который въ состояніи лунатизма снова пустился въ свои ночныя странствованія. Молча смотрѣлъ баронъ, какъ старикъ съ громкимъ стономъ въ смертельной тоскѣ царапался въ стѣну, но вскорѣ имъ овладѣлъ невыразимый ужасъ. Блѣдный какъ полотно, съ поднявшимися на головѣ волосами онъ бросился съ угрожающимъ видомъ къ старику и закричалъ громкимъ голосомъ, отъ котораго дрогнула зала:—Даніель! Даніель, что̀ дѣлаешь ты здѣсь въ этотъ поздній часъ!—Старикъ испустилъ ужасный рѣзкій крикъ, похожій на вой смертельно раненаго звѣря, точь-въ-точь, какъ сдѣлалъ это въ то время, когда Вольфгангъ предложилъ ему золото за его вѣрность, и какъ снопъ повалился на полъ. Б. позвалъ слугъ, старика подняли, но всѣ усилія вернуть его къ жизни были тщетны. Тогда баронъ внѣ себя воскликнулъ:—Боже мой, Боже мой! Развѣ я не зналъ, что лунатикъ сразу можетъ умереть, если его назвать по имени? Я, я, злосчастный, убилъ бѣднаго старика! Всю жизнь мнѣ не знать покоя!—Когда слуги унесли трупъ и зала опустѣла, Б. взялъ все еще убивающагося барона за руку, молча подвелъ его къ замуравленной стѣнѣ и сказалъ:—Тотъ, кто сейчасъ мертвый упалъ къ вашимъ ногамъ, баронъ Родерихъ, былъ нечестивый убійца вашего отца!—Словно видя предъ собой какое-то исчадіе ада, баронъ вытаращилъ на Б. глаза. Тотъ продолжалъ:—Теперь какъ разъ время открыть вамъ страшную тайну, вѣчнымъ проклятіемъ тяготѣвшую надъ этимъ чудовищемъ и не дававшую ему покоя даже во снѣ. Всемогущее Провидѣніе сдѣлало сына мстителемъ за убійство отца. Слова, которыми вы оглушили ужаснаго лунатика, были послѣдними словами вашего несчастнаго отца!.. Дрожа какъ въ лихорадкѣ и не будучи въ состояніи сказать ни слова, баронъ сѣлъ рядомъ съ Б. предъ каминомъ. Б. началъ съ содержанія пакета, который Губертъ оставилъ ему и который онъ долженъ былъ распечатать только по прочтеніи духовнаго завѣщанія. Губертъ въ выраженіяхъ, свидѣтельствующихъ объ его глубокомъ раскаяніи, жаловался на непримиримую ненависть къ старшему брату, пустившую въ его сердцѣ корни съ того самаго времени, какъ старый Родерихъ учредилъ майоратъ. Онъ былъ безоруженъ; еслибы даже ему и удалось коварнымъ образомъ поссорить отца съ сыномъ, это не имѣло бы никакого значенія, такъ какъ даже самъ Родерихъ не имѣлъ права лишить старшаго

сына родоваго наслѣдства: мало-по-малу душой и сердцемъ онъ отшатнулся отъ брата, но его гибели онъ никогда не желалъ. Въ первый разъ мысль эта пришла ему въ голову, когда Вольфгангъ въ Женевѣ вступилъ въ любовную связь съ Юліей фонъ-Ст.-Фаль. Съ этого времени сообща съ Даніелемъ онъ вѣроломно старался склонить стараго барона къ такимъ мѣропріятіямъ, которыя должны были довести его сына до отчаянія.

Онъ зналъ, что по мнѣнію стараго Родериха только связь со старѣйшимъ дворянскимъ родомъ родной страны можетъ на вѣчныя времена упрочить блескъ майората. Баронъ прочелъ объ этомъ по созвѣздіямъ, по нимъ же онъ видѣлъ, что каждое легкомысленное уклоненіе отъ такой связи будетъ гибельно для этого учрежденія. Поэтому связь Вольфганга съ Юліей въ глазахъ старика явилась ужаснѣйшимъ преступленіемъ противъ Провидѣнія, помогавшаго ему во всѣхъ его земныхъ начинаніяхъ; каждый планъ, направленный къ гибели Юліи, подобно злому демону внезапно ставшей предъ нимъ, казался ему удобоисполнимымъ. Губертъ зналъ о безумной любви брата къ Юліи, зналъ, что потеря ея должна была сдѣлать его несчастнѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ, пожалуй даже убить, и тѣмъ охотнѣе принялъ дѣятельное участіе въ планахъ отца, что самъ былъ охваченъ преступною страстью къ Юліи, обладанія которой рано или поздно надѣялся добиться. Всемогущее небо устроило такъ, что коварнѣйшіе планы разбились о рѣшительность Вольфганга и что ему даже удалось ввести брата въ заблужденіе: для Губерта остались тайной какъ законный бракъ Вольфганга, такъ и рожденіе его сына. Предчувствуя близкую смерть, старый Родерихъ вспомнилъ, что Вольфгангъ женился на ненавистной ему Юліи; въ письмѣ, въ которомъ онъ приказывалъ сыну къ назначенному дню явиться въ Р—зиттенъ, чтобы вступить во владѣніе майоратомъ, онъ грозилъ ему проклятіемъ, если онъ не разорветъ этой связи. Это письмо Вольфгангъ сжегъ у трупа отца.

Губерту старикъ написалъ, что Вольфгангъ женился на Юліи, но что онъ расторгнетъ этотъ союзъ. Губертъ счелъ это извѣстіе за плодъ отцовскаго воображенія, но какъ же онъ былъ испуганъ, когда Вольфгангъ при свиданіи съ нимъ въ Р...зиттенѣ съ полною откровенностью не только подтвердилъ догадку отца, но еще и прибавилъ, что Юлія родила ему сына и что въ скоромъ времени онъ думаетъ обрадовать жену, до сихъ поръ считающую его купцомъ Борномъ, извѣстіемъ о своемъ высокомъ положеніи въ

свѣтѣ и о своихъ богатствахъ. Онъ сказалъ, что самъ поѣдетъ въ Женеву, чтобы привезти оттуда любимую супругу. Смерть предупредила исполненіе этого плана. Губертъ старательно умолчалъ о существованіи законнаго сына Вольфганга и Юліи и овладѣлъ майоратомъ, принадлежащимъ по праву рожденія ребенку. Но не прошло и нѣсколькихъ лѣтъ, какъ имъ овладѣло глубокое раскаяніе. Судьба ужаснымъ образомъ напомнила ему объ его преступленіи: между его двумя сыновьями все болѣе и болѣе разгоралась непримиримая ненависть. – Ты жалкій нищій, говорилъ старшій, двѣнадцатилѣтній мальчикъ, младшему,—а я послѣ смерти отца сдѣлаюсь майоратнымъ владѣльцемъ. Посмотримъ тогда, какъ ты присмирѣешь и какъ будешь цѣловать мнѣ руку, когда тебѣ понадобятся деньги на новую рубашку! Младшій, взбѣшенный хвастливымъ величаніемъ брата, бросилъ въ него ножъ, случившійся въ то время въ его рукахъ, и чуть не уложилъ его на смерть. Губертъ, опасаясь ужаснаго несчастія, послалъ младшаго въ Петербургъ, откуда тотъ въ чинѣ офицера, подъ начальствомъ Суворова, отправился въ походъ противъ Французовъ и былъ убитъ въ сраженіи.

Признаться предъ цѣлымъ свѣтомъ въ томъ, какимъ преступнымъ образомъ онъ овладѣлъ майоратомъ, отъ этого Губерта удерживалъ страхъ позора и стыда, но онъ не хотѣлъ долѣе пользоваться ни одною копѣйкой, принадлежащею законному владѣльцу. Онъ навелъ справки въ Женевѣ и узналъ, что госпожа Борнъ, не находя себѣ утѣшенія послѣ необъяснимаго исчезновенія мужа, скончалась, но что молодой Родерихъ Борнъ взятъ на воспитаніе добрымъ человѣкомъ. Тогда Губертъ подъ чужимъ именемъ, выдавая себя за родственника утонувшаго въ морѣ купца Борна, сталъ высылать этому человѣку денежныя суммы, предназначаемыя на тщательное и приличное образованіе молодаго майоратнаго владѣльца. Какъ заботливо онъ копилъ деньги, остающіяся отъ доходовъ майората, какъ потомъ распорядился въ своемъ духовномъ завѣщаніи, это уже извѣстно. О смерти брата Губертъ говорилъ въ такихъ странныхъ, загадочныхъ словахъ, которыя давали серьезный поводъ къ предположенію, что онъ долженъ имѣть съ нею какую-то таинственную связь, и что во всякомъ случаѣ онъ принималъ хотя и косвенное участіе въ какомъ-то ужасномъ дѣлѣ. Бумага, найденная въ черной папкѣ, объяснила все. Это было письмо изъ предательской переписки Губерта съ Даніелемъ, написанное и подписанное послѣднимъ.

Б. прочелъ признаніе, поразившее его до глубины души. Губертъ пріѣхалъ въ Р—зиттенъ по приглашенію Даніеля, который написалъ ему о находкѣ полутораста тысячъ рейхсталеровъ. Мы знаемъ, какъ Губертъ былъ принятъ братомъ, какъ, разочарованный во всѣхъ своихъ желаніяхъ и надеждахъ, онъ хотѣлъ уѣхать, какъ Б. удержалъ его. Въ сердцѣ Даніеля кипѣла жажда кровавой мести по отношенію къ молодому человѣку, который хотѣлъ выгнать его вонъ, какъ паршивую собаку. Мало-по-малу она разгорѣлась въ пожаръ, охватившій и несчастнаго Губерта.

Охотясь на волковъ въ сосновомъ лѣсу въ бурю и мятель, они сговорились о гибели Вольфганга.—Убрать его, бормоталъ Губертъ, глядя въ сторону и прикладываясь изъ ружья.—Да, убрать, смѣялся Даніель,—только не такъ, не такъ.—Тутъ онъ сталъ клясться всѣми святыми, что изведетъ барона и что ни одна душа не узнаетъ объ этомъ. Губертъ, получивъ наконецъ деньги, какъ это ни было грустно, хотѣлъ уѣзжать изъ замка, чтобы не поддаться дальнѣйшему искушенію. Даніель самъ ночью осѣдлалъ для него лошадь и вывелъ ее изъ конюшни, но едва баронъ хотѣлъ сѣсть въ сѣдло, Даніель сказалъ рѣзкимъ голосомъ: — Я думалъ, баронъ Губертъ, что ты останешься въ майоратѣ, который съ этой минуты принадлежитъ тебѣ, такъ какъ гордый владѣлецъ его лежитъ разбитый въ дребезги въ развалинахъ башни.—Даніель замѣтилъ, что, мучимый жаждой къ золоту, Вольфгангъ ночью нерѣдко вставалъ, шелъ къ воротамъ, нѣкогда ведшимъ въ башню, и съ тоской смотрѣлъ въ глубину, хранившую, по увѣреніямъ Даніеля, еще значительныя сокровища. Разсчитывая на это, въ ту роковую ночь Даніель сталъ у дверей залы. Услышавъ, что баронъ отворилъ ведущія къ башнѣ ворота, онъ тотчасъ же вошелъ въ залу и приблизился къ барону, стоявшему у самаго обрыва. Баронъ обернулся и увидя безбожнаго слугу, глаза котораго сверкали, какъ у убійцы, въ ужасѣ воскликнулъ:—Даніель, Даніель, что дѣлаешь ты здѣсь въ этотъ поздній часъ!—Тогда Даніель дико вскрикнулъ:—Внизъ ты, паршивая собака!—И сильнымъ ударомъ ноги столкнулъ несчастнаго въ пропасть. Потрясенный разсказомъ объ этомъ ужасномъ злодѣяніи, баронъ не могъ найти себѣ покоя въ замкѣ, гдѣ былъ убитъ его отецъ. Онъ уѣхалъ въ свое Курляндское помѣстье и только осенью ежегодно наѣзжалъ въ Р—зиттенъ. Францъ, старый Францъ, увѣрялъ, что Даніель, о преступленіи котораго онъ догадывался, еще часто во время полнолунія блуждаетъ по замку

какъ привидѣніе и описалъ это привидѣніе почти такъ же, какимъ видѣлъ изгнавшій его Б. — Открытіе этой ужасной тайны, позорящей память его отца, и прогнало отсюда молодаго барона Губерта.

Такимъ образомъ старый дядя разсказалъ мнѣ все. Потомъ онъ взялъ меня за руку и съ глазами полными слезъ мягкимъ голосомъ сказалъ:—Братецъ, братецъ, и она, эта чудная женщина, сдѣлалась жертвой нечистой силы, живущей тамъ, въ ихъ родовомъ замкѣ. Два дня спустя послѣ нашего отъѣзда баронъ устроилъ прогулку въ саняхъ. Онъ ѣхалъ въ однихъ саняхъ съ женой и самъ правилъ лошадьми. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ дорога спускается въ долину, лошади, словно чего-то испугавшись, понесли, дико фыркая и бросаясь изъ стороны въ сторону.—Старикъ, старикъ гонится за нами! раздирающимъ душу голосомъ воскликнула баронесса. Въ то же самое мгновеніе сани опрокинулись и сильный толчекъ далеко-далеко отбросилъ ее. Ее подняли бездыханною — она умерла! Баронъ никогда не утѣшится; одна смерть дастъ ему покой. Никогда, братецъ, мы больше не поѣдемъ въ Р—зиттенъ.

Старый дядя умолкъ; я ушелъ отъ него съ растерзаннымъ сердцемъ, и только время, одно всемогущее время могло облегчить сердечныя муки, которыя, какъ я думалъ, доведутъ меня до гроба.

Прошли года. Б. давно уже лежалъ въ могилѣ, я покинулъ свое отечество. Военная гроза, опустошившая всю Германію, забросила меня на сѣверъ, въ Петербургъ. На обратномъ пути, не такъ далеко отъ К., въ темную лѣтнюю ночь, проѣзжая вдоль берега Балтійскаго моря, я увидѣлъ предъ собою на небѣ большую сверкающую звѣзду. Подъѣхавъ ближе, по красноватому колыхающемуся пламени я сейчасъ же увидѣлъ, что то, что̀ я принималъ за звѣзду, на самомъ дѣлѣ сильный огонь; но для меня оставалось не понятнымъ, какъ могъ онъ очутиться такъ высоко въ воздухѣ.—Скажи, любезный, что̀ это за огонь тамъ, впереди насъ? спросилъ я у кучера.—Э, отвѣчалъ онъ,—э, да это вовсе и не огонь, это маякъ Р—зиттена.—Р—зиттенъ!.. Едва кучеръ произнесъ это имя, въ моей памяти съ изумительною ясностью воскресъ тотъ роковой осенній день. Я видѣлъ барона, Серафиму, старыхъ уморительныхъ тетокъ, самого себя съ круглымъ, бѣлымъ лицомъ, тщательно причесаннаго и напудреннаго, одѣтаго въ костюмъ нѣжно-голубаго цвѣта; да, я видѣлъ себя влюбленнаго, вздыхающаго, поющаго жалобнымъ голосомъ пѣсню своей возлюбленной.

Я былъ въ глубокомъ отчаяніи, а вокругъ меня, подобно пестрымъ огонькамъ, вспыхивали грубоватыя шутки Б., которыя теперь казались мнѣ гораздо забавнѣе, чѣмъ тогда. Такъ, движимый не то болью, не то какимъ-то удивительно сладкимъ чувствомъ, на слѣдующій день рано утромъ вышелъ я въ Р—зиттенѣ изъ экипажа, остановившагося у почтоваго отдѣленія. Я узналъ домъ управляющаго экономіей и спросилъ о немъ.—Съ вашего позволенія, отвѣчалъ мнѣ почтовый писарь, вынимая изо рта трубку и снимая съ головы ночной колпакъ,—съ вашего позволенія здѣсь нѣтъ никакого управляющаго экономіей: это королевскій округъ, и господинъ окружный совѣтникъ еще изволятъ почивать. Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ я узналъ, что послѣдній владѣлецъ майората баронъ Родерихъ фонъ-Р. скончался уже шестнадцать лѣтъ тому назадъ, а такъ какъ послѣ него не осталось дѣтей, то и майоратъ, согласно съ актомъ его учрежденія, перешелъ въ казну. Я пошелъ наверхъ къ за́мку; онъ лежалъ въ развалинахъ. Бо́льшую часть камней употребили на сооруженіе маяка, какъ объяснилъ мнѣ вышедшій изъ сосноваго лѣса старый крестьянинъ, когда я вступилъ съ нимъ въ разговоръ. Онъ зналъ также о чертовщинѣ, гнѣздившейся въ за́мкѣ, и увѣрялъ, что даже и теперь, особенно во время полнолунія, на развалинахъ часто слышатся ужасные жалобные вопли.

Бѣдный, старый, близорукій Родерихъ! Какую злую силу заклиналъ ты, чтобъ она въ первыхъ побѣгахъ истребила твой родъ, который ты думалъ насадить навѣки, и которому хотѣлъ дать для этого крѣпкій корень.

О СНОШЕНІЯХЪ РОССІИ СЪ ФРАНЦІЕЙ.

XIX.

Со вступленіемъ на престолъ Елисаветы Петровны, казалось, наступила удобная минута для франко-русскаго союза. Личныя симпатіи императрицы были на сторонѣ Франціи и раньше всѣхъ другихъ монарховъ она сообщила Людовику XV о началѣ своего царствованія и писала ему: „Мы не сомнѣваемся, что ваше величество съ удовольствіемъ услышитъ о счастливомъ и выгодномъ для всей имперіи переворотѣ, и что вы желаете не меньше насъ упрочить дружбу, существующую между двумя дворами. Мы со своей стороны будемъ особенно заботиться объ этомъ во все наше царствованіе, и мы воспользуемся всякимъ случаемъ, чтобы доказать вашему величеству искренность нашихъ намѣреній.“ Елисавета Петровна дѣйствительно старалась показать французскому посланнику вниманіе къ его монарху. „Во время одной частной бесѣды, писалъ Шетарди, она вдругъ вспомнила, что царь, ея родитель, привезъ изъ Франціи портретъ короля, имѣвшаго тогда семь или восемь лѣтъ. Она немедленно приказала его отыскать и принести. Разсматривая его со вниманіемъ, она сказала: я бы очень желала, чтобы вы приказали принести находящійся у васъ портретъ его величества, чтобъ имѣть болѣе вѣрное понятіе о его лицѣ. Въ продолженіи довольно длиннаго разговора, царица замѣтила, что она обратилась спиной къ королевскому портрету и упрекнула себя въ разсѣянности. Это не помѣшаетъ, сказалъ я, чтобы король представлялся вашему

величеству всегда съ самой отличной стороны, какъ только будетъ случай доказать ему на дѣлѣ вашу дружбу.“ „Я тѣмъ болѣе убѣждена въ томъ, возразила она, что съ тѣхъ поръ, какъ начала себя помнить, король единственный государь, къ которому я чувствовала склонность.“ „Ваше величество, надѣюсь, соизволите, сказалъ я, чтобъ я передалъ о томъ королю: если онъ, признавая васъ государыней всея Россіи, увидитъ съ удовольствіемъ склонность вашего величества къ тому, чтобы царствовало согласіе между двумя державами, то будетъ въ восторгѣ, что такая принцесса, какъ ваше величество, всегда думала о немъ подобнымъ образомъ.“ „Я не противъ того, что̀ вы намѣрены сдѣлать, и буду весьма довольна, когда король будетъ считать это порукою искренняго моего желанія быть съ нимъ въ самомъ тѣсномъ союзѣ.“

Шетарди былъ самымъ близкимъ лицомъ къ императрицѣ, она спрашивала его совѣта даже по внутреннимъ дѣламъ, напримѣръ, какъ поступить съ брауншвейгскою фамиліей и Іоанномъ Антоновичемъ. Французскій посолъ, помогшій Россіи освободиться отъ Бироновщины, былъ любимцемъ гвардіи. Однажды къ нему явилась депутація одного изъ гвардейскихъ полковъ и благодарила его за добрые совѣты, которые онъ давалъ императрицѣ. Шетарди обнимался съ офицерами и пилъ съ ними за здоровье Французскаго короля и царицы. Вліяніе его было такъ сильно, что англійскій резидентъ называлъ его первымъ министромъ.

Естественно, что Елисавета Петровна обратилась къ Шетарди съ просьбой остановить Шведскую войну, и послѣдній тотчасъ написалъ шведскому главнокомандующему, совѣтуя ему прекратить военныя дѣйствія. Совѣтъ этотъ получилъ одобреніе и очевидно онъ клонился въ пользу самой Швеціи, такъ какъ по началу войны надо было ожидать успѣха русскаго оружія. Въ Парижѣ однако этого не поняли и сдѣлали Шетарди выговоръ за то, что онъ будто бы держитъ сторону Россіи противъ Швеціи. „Вся шведская нація, писалъ Амело, раздражена до крайности и не сомнѣвается, что король хотѣлъ пожертвовать ею. Я посылаю сегодня курьера въ Стокгольмъ, чтобы стараться успокоить тамъ умы и дать знать, какъ это и есть въ дѣйствительности, что перемѣна монарха въ Россіи нисколько не измѣняетъ чувствъ короля къ Швеціи, ни видовъ Франціи. И точно, если король всегда желалъ переворота только, какъ средства облегчить Шведамъ исполненіе ихъ намѣреній, и если этотъ

переворотъ произвелъ противное дѣйствіе, то должно жалѣть о всѣхъ трудахъ, которые предпринимались для ускоренія его. Я былъ очень изумленъ, что на другой день послѣ этого переворота вы рѣшились писать къ Левенгаупту (шведскому главнокомандующему) о пріостановленіи наступленія. Еще болѣе изумился я, что вы хотѣли взять на свою отвѣтственность все, что̀ изъ того могло произойти. Я не могу примирить такого образа дѣйствій съ вашей стороны съ знаніемъ, которое вы имѣете касательно видовъ короля, и съ постоянно сообщаемыми вами извѣстіями о худомъ состояніи московской арміи, которая нуждалась даже въ необходимомъ и которую вы считали неизбѣжно разбитою, если только Шведы явятся со своими силами. Во всѣхъ вашихъ письмахъ говорилось о слабости русскаго правительства, которое до сихъ поръ единственно наружнымъ блескомъ, скрывавшимъ внутреннія язвы, внушало почтеніе иностранцамъ. Какимъ образомъ могло случиться, что въ двадцать четыре часа измѣнилось все, и Русскіе сдѣлались столь страшными, что Шведы могутъ найти себѣ спасеніе единственно въ добротѣ царицы, во власти которой ихъ уничтожить? Шведская армія вовсе не въ дурномъ положеніи. Лучше чѣмъ останавливать Левенгаупта было бы, когда бы шведская армія, преслѣдуя съ успѣхомъ свое намѣреніе, была разбита на голову. Миръ былъ бы не менѣе заключенъ тогда и такъ же выгодно, какъ вы заставляете надѣяться нынѣ, потому что не даете даже догадываться о желаніи царицы что-нибудь уступить, и Швеція не могла бы ни въ чемъ упрекать насъ. Когда же, напротивъ, удалось бы предпріятіе Левенгаупта и онъ одержалъ бы верхъ, то царица почла бы себя счастливою, еслибы королю было угодно доставить ей миръ. Въ волѣ его величества было бы назначить условія, и Россія осталась бы ему признательна за то, что умѣлъ утишить Шведовъ.“ Въ заключеніе французскій министръ писалъ, что слѣдуетъ ввести въ заблужденіе императрицу и воспользовавшись ея довѣрчивостью заставить ее заключить наименѣе выгодный миръ. „Важно, говорилъ онъ, чтобы мы могли быть полными хозяевами мира, который должно заключить между Россіей и Швеціей, и король не колеблясь приметъ посредничество, котораго царица будетъ просить. Слѣдовательно чрезвычайно нужно, чтобъ она не питала къ намъ никакой недовѣрчивости и была бы все болѣе и болѣе увѣрена въ благонамѣренности короля.“

Получивъ это письмо Шетарди вынужденъ былъ объявить въ

Петербургѣ слѣдующее: „Швеція принялась за оружіе какъ для полученія удовлетворенія въ обидахъ, нанесенныхъ ей прежнимъ нѣмецкимъ правительствомъ Россіи, такъ и изъ желанія возвратить себѣ прежнія свои провинціи. Обязательства, въ которыя король Французскій вошелъ относительно Швеціи, не могутъ быть условны, и такъ какъ король хлопоталъ за государыню, нынѣ царствующую въ Россіи, именно помогая Швеціи, то ея величество не можетъ сердиться на него за то, что онъ оказался въ необходимости служить шведскимъ интересамъ. Король Французскій находится въ большомъ затрудненіи: съ одной стороны, по личной склонности, онъ желаетъ быть полезнымъ царицѣ, содѣйствовать ея славѣ и благополучію ея царствованія; а съ другой стороны онъ связанъ съ Швеціей, самою старинною союзницей Франціи, и если покинетъ ее, то измѣнитъ самымъ формальнымъ своимъ обязательствамъ. Кажется Швеція никогда не согласится на безвыгодный для себя миръ. Король Французскій можетъ умѣрить шведскія претензіи; но какъ онъ надѣется, царица поймета, что надобно чѣмъ-нибудь пожертвовать, если хотятъ привести дѣло къ скорому примиренію.“

Изъ этихъ словъ было видно, что нечего ждать помощи отъ Франціи въ шведской войнѣ. Это хорошо понималъ такой опытный и дальновидный государственный дѣятель какъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ, бывшій сначала вице-канцлеромъ, а потомъ великимъ канцлеромъ. Онъ былъ несомнѣнно однимъ изъ самыхъ выдающихся министровъ прошлаго вѣка, и пока онъ стоялъ во главѣ управленія, русское правительство твердо и рѣшительно преслѣдовало свои національныя задачи. Бестужевъ видѣлъ, что союзъ съ Франціей не можетъ быть искреннимъ и принести намъ пользу, потому что въ Парижѣ заботятся только объ ослабленіи Россіи. Въ этомъ убѣждали его не только французскія интриги въ Швеціи, но и донесенія Кантемира. „Всѣ движенія здѣшней политики, писалъ нашъ посолъ изъ Парижа, имѣютъ цѣлію королеву венгерскую (Марію Терезію) и Англичанъ. Главныя усилія Франціи клонятся къ конечному ниспроверженію силы Австрійскаго дома, и всѣ тѣ державы, которыя поставляютъ препятствія этимъ усиліямъ, считаются здѣсь не менѣе враждебными и не меньше желаютъ здѣсь ихъ ослабленія. Потому всегда здѣсь на Россію непріятными глазами смотрѣли, поднимали противъ насъ непріятеля, чтобы препятствовать ей вступаться за Австрійскій домъ. На томъ же главнѣй-

шимъ образомъ основана здѣшняя ненависть и противъ Англичанъ, умалчивая о томъ, что эта ненависть усиливается могуществомъ Англичанъ на морѣ и процвѣтаніемъ ихъ торговли. Изъ этого вы изволите усмотрѣть, что если ваше величество намѣрены содержать прежнія обязательства съ Вѣнскимъ и Англійскимъ дворами, то не можете себя льстить дружбой со здѣшнимъ, и не трудно предвидѣть, что въ дѣлѣ примиренія Россіи съ Швеціей спѣшить здѣсь не станутъ, пока вашего величества намѣренія совершенно не высмотрятъ.“ Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда шли переговоры съ Швеціей и Франція предлагала свое посредничество, Кантемиръ доносилъ: „Предложенія Франціи нисколько не сходны съ часто повторенными обнадеживаніями объ истинномъ доброжелательствѣ королевскомъ къ вашему величеству. Кромѣ этихъ предложеній Франція составляетъ проектъ о тройномъ союзѣ между нею, Швеціей и Даніей. Франція побуждаетъ Порту противъ Россіи; изъ этого ясно, что древній здѣшній проектъ объ уменьшеніи русскихъ силъ не выходитъ изъ головы. Я обязанъ подтвердить, что всякая предосторожность противъ здѣшнихъ хитростей не только прилична, но и очень нужна, потому что на здѣшнія обнадеживанія полагаться никакъ нельзя. Отъ невозможности помогать войскомъ Швеціи нельзя заключать, что Франція къ намъ доброжелательна.“

Кантемиръ былъ совершенно правъ сообщая, что Франція интригуетъ противъ насъ въ Константинополѣ. Благодаря усиліямъ французскихъ дипломатовъ былъ заключенъ оборонительный союзъ между Турціей и Швеціей и Порта послала въ Стокгольмъ субсидію въ 300 тысячъ піастровъ. Интрига эта скоро раскрылась. Австрійская полиція захватила письмо отъ Амело къ Кастеллану, посланнику въ Константинополѣ, и представила его императрицѣ. Въ этомъ письмѣ французскій министръ говорилъ, что восшествіе на престолъ Елисаветы Петровны—конецъ величія Россіи, что государыня не намѣрена поручать важнѣйшихъ должностей въ государствѣ иноземцамъ и что Россія, предоставленная сама себѣ, не преминетъ скоро впасть въ прежнее свое ничтожество, что Порта для скорѣйшаго приведенія Россіи въ такое положеніе и чтобъ избавиться отъ сосѣда, причинявшаго ей много безпокойства, должна торопиться дѣйствовать силой и воспользоваться обязательствами, которыя имѣетъ она со Швеціей для соединенія съ нею и нападенія на Россію. Извѣстіе это произвело сильное впечатлѣніе на императрицу; она ясно

увидѣла, что Франція относится къ намъ враждебно и что государственные интересы Россіи не совпадаютъ съ личными симпатіями ея государыни. Амело сначала увѣрялъ Шетарди, что письмо сфабриковано въ Вѣнѣ, потомъ однако сознался, что оно дѣйствительно было написано имъ, но просилъ выдавать его за подлогъ и увѣрять въ этомъ Елисавету Петровну.

Поведеніе Шетарди еще болѣе отклоняло русскихъ министровъ отъ Франціи. Онъ хвастался своею близостью къ императрицѣ, старался показать всѣмъ, какимъ вліяніемъ онъ пользуется при дворѣ, вмѣшивался во всѣ государственныя дѣла, которыя его совсѣмъ не касались, высокомѣрно обращался съ сановниками, всюду сопровождалъ императрицу, на балы, на охоту, на прогулки. Шетарди сказалъ однажды, что иностранные министры затрудняются имѣть сношенія съ канцлеромъ кн. Черкаскимъ, который не знаетъ ни одного иностраннаго языка и желаютъ избранія министра, къ которому они могли бы непосредственно обращаться. „Еще не время, отвѣтила Елисавета, впрочемъ, что̀ вамъ за нужда? Вы будете вести переговоры прямо со мною, а другіе иностранные министры пусть дѣлаютъ какъ знаютъ“. Шетарди воспользовался этими словами и со всѣми дѣлами обращался прямо къ императрицѣ, минуя министровъ. Это очень не нравилось Бестужеву, который былъ оскорбленъ этимъ и, кромѣ того, боялся вреднаго вліянія Шетарди. Начинается борьба между вице-канцлеромъ и французскимъ посломъ, особенно усилившаяся послѣ неудачной попытки Шетарди. Онъ предложилъ Бестужеву пенсію отъ французскаго правительства, но русскій министръ отказался и получилъ за это дурную аттестацію отъ Шетарди. „Остерманъ былъ плутъ, но умный плутъ; теперешній же вице-канцлеръ просто полусумашедшій“. Дѣйствительно, давно не видали въ Петербургѣ такого сумасшедшаго министра, который бы совершенно безкорыстно стоялъ на стражѣ русскихъ интересовъ.

Бестужевъ одержалъ побѣду надъ французскимъ посломъ, онъ убѣдилъ императрицу, что невозможно руководствоваться совѣтами представителя враждебной намъ державы, и чрезъ полгода по воцареніи Елисавета Петровна принимала Шетарди съ прежнею любезностью, но о дѣлахъ съ нимъ не говорила. Это былъ первый ударъ, второй былъ еще серьезнѣе. На конференціяхъ происходившихъ между представителемъ Швеціи Нолькенымъ и русскими министрами желалъ присутствовать Шетарди и служить посредникомъ при переговорахъ о мирѣ: добивалась этого

Швеція. Но наши министры рѣшительно объявили, что французское посредничество не можетъ быть принято, потому что, какъ всему свѣту извѣстно, Франція и Швеція находятся въ тѣсномъ союзѣ и объявлено, что Франція не оставитъ Швеціи въ настоящемъ затруднительномъ случаѣ; понятно, слѣдовательно, что такое посредничество невозможно. Шетарди, надѣявшійся по-своему устроить шведскія дѣла, разсердился и сейчасъ же отправился во дворецъ, вполнѣ увѣренный, что стóитъ ему только увидать царицу и дѣло его будетъ выиграно. Но императрица заставила его ждать два часа, а затѣмъ, когда онъ былъ, наконецъ, принятъ, его краснорѣчіе и просьбы не имѣли никакого дѣйствія. „Обратитесь къ моимъ министрамъ“, отвѣтила ему Елисавета. Въ досадѣ Шетарди потребовалъ, чтобъ его отозвали, на что̀ въ Парижѣ согласились.

Елисавета Петровна старалась показать, что личныя отношенія и симпатіи не имѣютъ ничего общаго съ политикой и до самаго отъѣзда Шетарди обращалась съ нимъ необыкновенно любезно. Онъ сопровождалъ государыню въ Москву на коронацію и здѣсь она сама назвалась къ нему на ужинъ. Шетарди предвидѣлъ эту фантазію и ежедневно въ его домѣ все было готово для пріема августѣйшей гостьи. Когда пріѣхала государыня, фасадъ дома былъ убранъ цвѣтами, при входѣ били два фонтана вина и три стола были роскошно сервированы. Елисавета Петровна осмотрѣла всѣ комнаты и проходя мимо портрета Людовика XV поклонилась ему и долго съ видимымъ удовольствіемъ разсматривала его. Въ концѣ ужина она встала и предложила тостъ за здоровье своего брата короля Французскаго. На прощальной аудіенціи Шетарди поднесли Андреевскую ленту и множество очень цѣнныхъ подарковъ. Французскій посолъ уѣхалъ лѣтомъ 1742 года въ каретѣ государыни, куда она приказала поставить нѣсколько бутылокъ стараго венгерскаго вина. [1]

На мѣсто Шетарди назначили Даліона, бывшаго секретаремъ посольства въ Константинополѣ, а потомъ въ Петербургѣ. Несмотря на неудачу Шетарди, новому посланнику приказано было побудить Россію къ принятію французскаго посредничества. „Самое важное для насъ, писалъ Амело Даліону, чтобъ Англичане не взяли на себя посредничества и такимъ образомъ не

---

[1] Пекарскій, стр. 450, 464—465, 484—489. Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. XXI, стр. 199—209, 218—219. Vandal p. 163—178.

отняли у короля плода всѣхъ его стараній и издержекъ. Я подозрѣваю, что Бестужевъ способенъ доставить имъ эту выгоду, и что онъ будетъ противиться всѣмъ вашимъ попыткамъ возстановить миръ на Сѣверѣ и устроить тѣсный союзъ съ царицей. Чтобъ устранить это препятствіе, которое будетъ мѣшать каждому нашему шагу, желательно было бы найти средства или погубить столь неблагонамѣренныхъ министровъ, или, по крайней мѣрѣ, подарками склонить ихъ на свою сторону. Но къ сожалѣнію я до сихъ поръ не вижу съ ихъ стороны никакого расположенія къ этому и могу только спросить васъ, какія бы можно было пустить въ ходъ средства, чтобы съ нѣкоторою надеждой на успѣхъ сломить ихъ сопротивленіе и заставить Россію принять французское посредничество для возстановленія мира со Швеціей и установленія наилучшей системы, способствующей упроченію тишины на Сѣверѣ.“ [1] Даліону не удалось, конечно, сломить сопротивленія неблагонамѣренныхъ русскихъ министровъ, и скоро Елисавета Петровна убѣдилась, что Бестужевъ былъ вполнѣ правъ, отвергнувъ французское посредничество. Мы продолжали съ успѣхомъ войну со Швеціей, и въ 1743 году заключили миръ въ Або, по которому Швеція уступила намъ значительную часть Финляндіи съ городами Фридрихсгамомъ, Вильманстрандомъ, Нейшлотомъ. Миръ этотъ былъ выгоднѣе многихъ другихъ, заключавшихся при помощи французскихъ дипломатовъ.

XX.

Послѣ мира въ Або наши отношенія къ Франціи измѣняются къ лучшему. Съ одной стороны, между Россіей и Швеціей устанавливаются, повидимому, на долгое время дружественныя отношенія, потому что одинъ принцъ Голштинскій (будущій Петръ III) признанъ наслѣдникомъ Русскаго престола, а другой Голштинскій принцъ по настоянію Елисаветы избранъ сеймомъ въ короли шведскіе. Такимъ образомъ Франція могла покровительствовать Швеціи, оставаясь въ дружбѣ съ Россіей. Съ другой стороны, Австрія показала себя очень дурно. Въ августѣ открыли заговоръ, имѣвшій цѣлію возстановить на Русскомъ престолѣ брауншвейгскую фамилію; въ заговорѣ этомъ принималъ дѣятельное участіе

[1] Recueil VIII, 395.

австрійскій посолъ маркизъ Ботта. Марія Терезія медлила дать требуемое отъ нея удовлетвореніе. Въ заговорѣ замѣшанъ былъ и Гюи Дикенсъ, секретарь англійскаго посольства; а съ Англіей мы только-что заключили союзный трактатъ. Все это наводило на мысль, что нельзя полагаться на дружбу Англіи и Австріи и еще болѣе располагало Елисавету Петровну въ пользу Франціи, которой она симпатизировала попрежнему.

Въ то же время Франція болѣе чѣмъ когда-нибудь нуждалась въ поддержкѣ Россіи. Война за австрійское наслѣдство принимала дурной оборотъ, потому что Фридрихъ Великій заключилъ миръ съ Австріей, большинство нѣмецкихъ князей отпали отъ Франціи, а Голландія и Англія заступались за Марію Терезію. Кардиналъ Флери даже умеръ отъ горя, потрясенный большими неудачами (въ началѣ 1743 года). Твердость русскаго правительства и выгодный миръ со Швеціей также подѣйствовали на Парижскій кабинетъ въ благопріятномъ для насъ смыслѣ. Послѣ заключенія мира въ Або Кантемиръ писалъ: „Насколько ваше величество больше славы получаетъ, и насколько основывается тишина въ государствѣ вашемъ и безопасность на будущее время, настолько дворъ здѣшній менѣе доволенъ такою удачею вашей, ибо съ одной стороны предусматриваетъ, что кредитъ французскій на Сѣверѣ долженъ очень убавиться, а съ другой боится, что ваше величество получаете возможность помочь королевѣ венгерской, что̀ было бы верхомъ здѣшнихъ несчастій. Этому страху я долженъ приписать усиленное вниманіе ко мнѣ здѣшняго министерства. Состояніе здѣшнихъ дѣлъ столь плохо, что никакими усиліями не могутъ привести въ безопасность свои границы; государство истощено деньгами и людьми, военныя силы недостаточны, министерство слабое и для такихъ важныхъ дѣйствій неспособное, генералы не искусные, народъ бѣдный и недовольный, король пренебрегаетъ дѣлами.“ [1]

Въ Парижѣ рѣшили послать въ Петербургъ чрезвычайнаго посла на мѣсто Даліона, котораго считали не довольно искуснымъ. Остановились, конечно, на Шетарди, который просился на старое мѣсто и который представилъ довольно фантастическій проектъ о громадномъ союзѣ между Франціей, Россіей, Швеціей, Даніей, Пруссіей и даже Портой. Однако предостереженія Кантемира и Даліона, указывавшихъ на то, что опасно назначать вторично

[1] Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. XXI, стр. 273—274.

лицо, которое ненавидятъ русскіе министры, заставили призадуматься французское министерство. Хотѣли послать предварительно Меліера съ секретною миссіей разузнать, какъ примутъ въ Петербургѣ прежняго посла. Но Кантемиръ получилъ отъ своего двора рескриптъ домогаться возможными способами возвращенія маркиза Шетарди въ Россію. Желая угодить Елисаветѣ Петровнѣ, Амело въ сентябрѣ 1743 г. вручилъ маркизу кредитивныя грамоты и инструкцію. Чтобы поставить посла въ болѣе выгодное положеніе и сдѣлать какой-нибудь авансъ Россіи, ему разрѣшено было на аудіенціяхъ, какъ бы по собственной иниціативѣ, титуловать Елисавету Петровну императрицей, то-есть сдѣлали уступку, на которую Франція не соглашалась со временъ Петра Великаго, но уступку дѣлали не охотно и съ оговорками. Поэтому заготовили два письма отъ имени Людовика XV къ Русской императрицѣ; въ первомъ ее титуловали царицей, во второмъ императрицей и самодержицей. Второе письмо должно было быть вручено только въ томъ случаѣ, если въ Петербургѣ потребуютъ признанія императорскаго титула. Въ инструкціи, данной Шетарди, находимъ слѣдующую курьезную оговорку: „Король—это императоръ во Франціи, первомъ королевствѣ христіанскаго міра; азіятскія и африканскія державы въ письмахъ, трактатахъ и другихъ актахъ всегда признавали это достоинство за Французскими королями, и его величество, по примѣру своихъ предшественниковъ, также принимаетъ императорскій титулъ въ сношеніяхъ съ этими державами. Но Французскіе короли не ставили своей славы въ этомъ пустомъ титулѣ; тѣмъ болѣе, что достоинство Французскаго короля обезпечиваетъ за ними первое послѣ римскаго императора мѣсто, среди коронованныхъ особъ. Таково преобладаніе французской короны; и если король по особому вниманію къ царицѣ можетъ-быть впослѣдствіи признаетъ за ней императорскій титулъ, это снисхожденіе короля не должно имѣть никакихъ послѣдствій и на этомъ основаніи русской коронѣ нельзя будетъ претендовать на преобладаніе и на какія-нибудь новыя прерогативы надъ королемъ и французскою короной; на этомъ основаніи русскимъ министрамъ во Франціи нельзя будетъ заявлять какихъ-нибудь новыхъ претензій, или измѣнять установленный церемоніалъ.“ Шетарди поручали заключить союзный трактатъ съ Россіей, а также торговый трактатъ, по которому бы французскіе купцы получили какія-нибудь преимущества предъ англійскими. [1]

[1] Recueil, VIII, 409—426.

Инструкція была совершенно излишнею для предпріимчиваго маркиза, онъ составилъ свой собственный планъ дѣйствій, не имѣвшій ничего общаго съ указаніями правительства. Возвращаясь въ Россію, говоритъ Вандаль, онъ отправился на войну. Русскій союзъ представлялся ему завоеваніемъ, крѣпостью, которую надо взять приступомъ. „Надо завоевать Россію, говорилъ онъ. Невоздержный характеръ, отчаянное честолюбіе, ненависть къ Бестужеву, какъ будто лишили его разсудка; планъ, имъ составленный, отличался смѣлостью, превосходящею предѣлы возможнаго. Онъ собирался тотчасъ по пріѣздѣ стать въ явно враждебныя отношенія къ русскимъ министрамъ, не дѣлать имъ визитовъ и не говорить съ ними. Но представитель иностранной державы не могъ не имѣть никакихъ сношеній съ министрами двора, у котораго онъ аккредитованъ. Поэтому Шетарди рѣшилъ явиться не въ качествѣ посланника, а частнымъ лицомъ. Всѣ будутъ знать, что у него въ карманѣ кредитивныя грамоты, но до поры до времени онъ не представитъ ихъ. Елисавета Петровна, несмотря на это, захочетъ его видѣть и призоветъ къ себѣ. Въ интимныхъ бесѣдахъ онъ съумѣетъ вернуть свое вліяніе на государыню, докажетъ ей неспособность Бестужева и добьется его паденія. Послѣ того, какъ онъ сдѣлается другомъ царицы, онъ вступитъ оффиціально въ исправленіе своихъ обязанностей и блестящимъ образомъ исполнитъ свою миссію.

Шетарди отправился чрезъ Стокгольмъ, чтобы ближе познакомиться съ Швеціей, и медленно пробираясь по Финляндіи, вспомнилъ, что скоро 25 ноября, день вступленія на престолъ Елисаветы Петровны. Ему хотѣлось непремѣнно быть въ этотъ день въ Петербургѣ, онъ былъ увѣренъ, что по такому случаю императрица приметъ его безъ обычныхъ формальностей; она пригласитъ его отпраздновать славный день, когда онъ игралъ не послѣднюю роль. Къ несчастію случилась оттепель, и дороги стали почти непроѣзжими. Это однако не могло остановить смѣлаго маркиза. Онъ бросаетъ свою многочисленную свиту и свои экипажи, достаетъ себѣ деревенскія сани, садится въ нихъ и ѣдетъ въ Петербургъ по морю грязи и снѣга. Въ теченіе трехъ дней онъ семь разъ падаетъ изъ саней; сопровождавшій его секретарь ломаетъ себѣ руку и отстаетъ по дорогѣ; лошади падаютъ, но Шетарди продолжаетъ путь. Въ ночь на 25 ноября онъ останавливается на берегу Невы, почти противъ Петербурга. Ему надо перебраться черезъ рѣку, а перебраться нельзя: Нева

покрыта большими льдинами. Нѣсколько солдатъ устраиваютъ ему переправу черезъ одинъ рукавъ, а дальше Шетарди, рискуя жизнью, плыветъ въ лодкѣ среди льда. Добравшись до противоположнаго берега, онъ идетъ пѣшкомъ и въ полдень подходитъ къ окраинѣ Петербурга. Тутъ встрѣчаютъ его три коляски, присланныя императрицей, узнавшей объ его пріѣздѣ.

Шетарди пріѣхалъ въ тотъ день, когда хотѣлъ, но пріемъ во дворцѣ уже окончился. Тѣмъ не менѣе, надежды его оправдались. Онъ слѣдующимъ образомъ разсказываетъ о своемъ первомъ свиданіи съ Елисаветой Петровной: „Царица избавила меня отъ сожалѣнія, что мнѣ утромъ не удалось принять участіе въ радости, какую всѣ старались выразить по поводу годовщины ея вступленія на престолъ. Вполнѣ увѣренная, что я сдѣлалъ все на свѣтѣ, чтобы поспѣть къ этой минутѣ, она не хотѣла, чтобы замедленіе въ нѣсколько часовъ лишило меня возможности выказать мое ей почтеніе. Хотя вечеромъ не было пріема во дворцѣ, она дала мнѣ знать, что если я отправлюсь къ Брюммеру, гофмаршалу принца Голштинскаго, можетъ-быть я вслѣдствіе какой-нибудь случайности увижу ее. Я пришелъ туда въ 7 часовъ и оставался до девяти. Царица была со мной крайне любезна. Чтобы возбудить въ царицѣ чувства, которыя я знаю можно пробудить въ ней, льстя ея самолюбію, я напомнилъ ей о томъ, что она при моемъ отъѣздѣ поручила мнѣ передать королю.— Король, прибавилъ я, когда отошли креатуры Бестужева, поручилъ мнѣ сказать вамъ, какъ онъ тронутъ вашимъ вниманіемъ. Король надѣется, что вы не сомнѣваетесь въ дѣйствіи, какое произвели на него ваши слова, тѣмъ болѣе, что онъ со своей стороны не забылъ обстоятельствъ 1725 года [1], и что эти обстоятельства оставили въ его сердцѣ неизгладимый слѣдъ. По этой причинѣ король убѣжденъ, что вы примете его портретъ съ тѣмъ же удовольствіемъ, съ какимъ онъ посылаетъ его. Царица покраснѣла; но скромность скоро уступила мѣсто радости, которой она не могла скрыть.“ [2]

Первое благопріятное впечатлѣніе придало храбрости маркизу, и онъ принялся за дѣло. Въ то время боролись между собою двѣ партіи, о которыхъ Екатерина Великая разсказываетъ въ

---

[1] Въ 1725 г. шли переговоры о бракѣ Людовика XV съ Елисаветой Петровной.

[2] Vandal, p. 186—188.

своихъ мемуарахъ слѣдующее: „Русскій дворъ въ то время, когда Екатерина съ матерью прибыла въ Москву 9 февраля 1744 года, раздѣленъ былъ на двѣ большія партіи. Во главѣ первой, начинавшей подниматься послѣ своего униженія, находился вице-канцлеръ графъ Бестужевъ-Рюминъ. Его несравненно болѣе боялись, чѣмъ любили; онъ былъ чрезвычайно проницливъ и подозрителенъ, твердъ и непоколебимъ въ своихъ мнѣніяхъ, довольно деспотиченъ, врагъ неумолимый, но другъ друзей своихъ, которыхъ не покидалъ, пока они сами не измѣняли ему; къ тому же неуживчивъ и часто мелоченъ. Онъ стоялъ во главѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Онъ былъ на сторонѣ дворовъ Вѣнскаго, Саксонскаго и Англійскаго. Пріѣздъ Екатерины и ея матери вовсе не былъ ему пріятенъ: это было дѣло противной ему партіи, устроенное въ тайнѣ отъ него. Число враговъ графа Бестужева было весьма велико, но онъ заставлялъ трепетать всѣхъ ихъ. Онъ превосходилъ ихъ и занимаемымъ мѣстомъ, и своимъ характеромъ, безконечно возвышавшими его надъ политиками лакейской. Партія противная Бестужеву была за Францію, покровительствуемую ею Швецію и за Прусскаго короля. Душею этой партіи былъ маркизъ де-ла-Шетарди; главнѣйшими членами—придворные, пріѣхавшіе изъ Голштиніи. Они привлекли къ себѣ Лестока, одного изъ главныхъ дѣятелей въ переворотѣ, возведшемъ императрицу Елисавету на русскій престолъ. Онъ пользовался полнымъ довѣріемъ императрицы. Онъ былъ ея врачемъ по смерти Екатерины I, при которой состоялъ; онъ оказалъ важныя услуги матери и дочери; онъ былъ довольно уменъ, ловокъ, хитеръ, но злаго нрава и чернаго, дурнаго сердца. Всѣ эти иностранцы поддерживали и выводили впередъ графа Михаила Воронцова, который участвовалъ въ переворотѣ и сопровождалъ Елисавету въ ту ночь, когда она взошла на престолъ. Елисавета женила его на племянницѣ императрицы Екатерины I, графинѣ Аннѣ Карловнѣ Скавронской, воспитанной вмѣстѣ съ императрицей Елисаветой и весьма ей преданной. Къ этой же партіи примкнулъ графъ Александръ Румянцевъ, заключившій миръ въ Або. Они разсчитывали еще на генералъ-прокурора кн. Трубецкаго и на всю фамилію Трубецкихъ. Остальные приближенные императрицы принадлежали тогда къ фамиліи Шуваловыхъ. Они соперничали съ оберъ-гофмейстеромъ Разумовскимъ, который въ то время былъ титулованнымъ фаворитомъ. Графъ Бестужевъ умѣлъ пользоваться Шуваловыми, но главною опорой

былъ баронъ Черкасовъ, кабинетъ-секретарь императрицы, служившій еще при кабинетѣ Петра I. Это былъ человѣкъ суровый и угрюмый, требовавшій во всемъ порядка и справедливости. Остальные придворные присоединялись къ той или другой партіи, смотря по личнымъ видамъ."

Екатерина Великая, не любившая Бестужева, можетъ-быть преувеличила нѣкоторыя несимпатичныя черты его характера, но во всякомъ случаѣ она отдавала ему справедливость, какъ государственному дѣятелю, и несмотря на сплетни, распускавшіяся его врагами, утверждала, что Бестужева подкупить нельзя. Очень вѣрно оцѣнилъ этого выдающагося министра г. Бильбасовъ. „Царедворцы, стоявшіе у трона Елисаветы Петровны, говоритъ онъ, представляли, какъ всегда и вездѣ, довольно пеструю толпу, добровольно отрекшуюся отъ собственной воли, обезличившую себя, ради богатства, почести, власти, которыхъ они не заслуживали ни по уму, ни по трудамъ, ни по образованію. Тутъ были свои, русскіе люди, и чужестранцы, ради выгодъ измѣнившіе своей родинѣ; люди знатные, роднившіеся съ Рюрикомъ, и выскочки, не помнившіе родства и не любившіе воспоминать о своемъ происхожденіи; тутъ иностранные дипломаты мѣшались съ русскими сановниками, между которыми были и даровитые, и талантливые, но сгубившіе дары Божіи невѣжествомъ и угодливостью. Надо всѣмъ царитъ и властвуетъ подобострастіе и низкопоклонство, составляющія единственную ихъ заслугу и наложившія на нихъ свою отверженную печать. И почестей, и власти, и богатства они достигли не услугами отечеству и не пользой родинѣ, но нечистыми средствами и темными путями. У нихъ нѣтъ собственнаго мнѣнія и не было природной чести; своя польза и личная выгода заставляютъ ихъ мѣнять свои убѣжденія и не дорожить честью. Даже въ присутствіи императрицы эта разноязычная и разношерстная толпа угодливо разступалась и невольно преклоняла головы при появленіи графа Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина. Тихою увѣренною поступью, съ приподнятою слегка головой, скромно выступалъ онъ въ толпѣ, которая такъ же страшилась и ненавидѣла его, какъ онъ презиралъ и не щадилъ ее. Онъ одинъ изо всей этой толпы достигъ своего высокаго положенія личнымъ усиленнымъ трудомъ, полученнымъ имъ образованіемъ и честною службой родинѣ; его одного изо всей этой смѣси лицъ отличилъ и отмѣтилъ Петръ Великій, бриллiантовый портретъ котораго украшаетъ его грудь. Одинъ онъ не кривя

душой смѣло высказывалъ свои мнѣнія и Петру I и его дочери Елисаветѣ Петровнѣ; одинъ онъ имѣлъ право передъ смертію начертать свой девизъ: semper idem. У него были недостатки, были и пороки—онъ былъ сыномъ вѣка; но у него были и достоинства, которыя ставили его головой, двумя, выше сыновъ того вѣка. Это былъ вполнѣ Европеецъ, свободно объяснявшійся на французскомъ, нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ; онъ хорошо зналъ дипломатическую исторію Европейскихъ державъ, былъ свѣдущъ въ наукахъ. Всякій политическій вопросъ, требовавшій рѣшенія, Бестужевъ старался разсмотрѣть со всѣхъ сторонъ, обсудить даже побочныя обстоятельства, уяснить ближайшія цѣли и отдаленнѣйшія послѣдствія, и когда послѣ такой работы принималъ извѣстный планъ, то проводилъ его твердою рукой, ни предъ чѣмъ не останавливаясь, ни для кого не уступая."[1]

Партію, противную Бестужеву, слѣдуетъ назвать иностранною и антинаціональною. Главными врагами канцлера были Мардефельдъ, Брюммеръ, княгиня Цербстская, Лестокъ и Шетарди. Всѣ эти лица хлопотали, чтобы Россія присоединилась къ Пруссіи и всѣми покинутая Австрія не въ состояніи была бороться съ возрастающимъ могуществомъ Фридриха Великаго и Людовикомъ XV. Но для этого надо было устранить Бестужева, неуклонно слѣдовавшаго политикѣ петровскаго времени и пользовавшагося довѣріемъ императрицы. Естественно было, что этого добивался прусскій посланникъ Мардефельдъ, получившій отъ своего правительства приказаніе привлечь Россію къ франко-прусско-шведскому союзу. Понятно также, что на его сторону тянулъ Брюммеръ, гофмаршалъ и воспитатель голштинскаго принца и наслѣдника русскаго престола Петра Ѳедоровича. Княгиня Цербстская Іоганна, мать Софіи Фридерики (будущей Екатерины), благоговѣла предъ Фридрихомъ Великимъ и добровольно приняла на себя некрасивую роль прусскаго шпіона. Она старалась уничтожить Бестужева, потому что бракъ ея дочери съ русскимъ наслѣдникомъ не былъ еще окончательно рѣшенъ и противъ него возставалъ канцлеръ. Лестокъ дѣйствовалъ изъ личнаго разсчета, онъ получалъ за свои услуги пенсію отъ французскаго правительства и старался не потерять ее. Мы видѣли уже на что надѣялся Шетарди; Бестужевъ былъ для него важною помѣхой, пока существовалъ этотъ канцлеръ, одаренный желѣзною волей, французскій

[1] Бильбасовъ, *Исторія Екатерины Второй*, т. I, стр. 65—69.

посолъ не могъ играть первой роли и распоряжаться какъ угодно судьбами Русскаго государства, которое онъ желалъ привести въ прежнее ничтожество.

Нужно было доказать императрицѣ, что Бестужевъ неспособный министръ и ведетъ Россію по ложному пути. Поэтому всячески старались распространить слухъ, что канцлеръ подкупленъ Австріей и Англіей. Особенно пригоденъ могъ быть въ данномъ случаѣ Лестокъ, которому чаще другихъ приходилось бесѣдовать наединѣ съ императрицей. Шетарди писалъ своему министерству, что Лестокъ дѣлалъ слѣдующія внушенія Елисаветѣ Петровнѣ: „Уже давно бы вамъ слѣдовало понять, говорилъ онъ ей,—что Бестужевъ плутъ и что онъ и не Русскій и не слуга вашего величества. Петръ Великій, который на все смотрѣлъ собственными глазами и который зналъ больше чѣмъ его подданные, вмѣстѣ взятые, имѣлъ для иностранныхъ дѣлъ такихъ людей какъ Головинъ, Остерманъ, Толстой, Шафировъ, Долгорукій, а вы не даете себѣ труда, какъ онъ, читать всѣ документы. Вы вполнѣ отдались въ руки одного человѣка, который извѣстный плутъ. Развѣ у васъ не хватаетъ подданныхъ? Пусть вашъ канцлеръ докажетъ, что отъ прекраснаго трактата съ Англіей, который онъ заключилъ, и отъ другихъ, которые онъ заставилъ васъ подписать,—государство получило выгоды хоть на одинъ рубль, и я возьму назадъ свои слова. Вы относитесь съ пренебреженіемъ къ вашимъ настоящимъ друзьямъ, и нѣкоторые изъ находящихся здѣсь иностранныхъ министровъ ни о чемъ не могутъ договориться съ вами только изъ-за того, что канцлеръ ихъ врагъ, а между тѣмъ они могли бы принести большую пользу и вамъ и государству. Всѣ ваши подданные смѣются, что въ иностранныхъ дѣлахъ ими руководитъ глупый человѣкъ. Развѣ вашъ канцлеръ не выказываетъ своей глупости, когда онъ нашептываетъ вамъ, что надо остерегаться хитростей Франціи, тогда какъ онъ не имѣетъ на это никакихъ доказательствъ, и вы, напротивъ, должны быть убѣждены въ расположеніи Франціи.“ Изъ этого письма видно, что Шетарди очень преувеличивалъ значеніе Лестока, тотъ хвастался, а маркизъ вѣрилъ ему. Положимъ, что Елисавета Петровна мало занималась государственными дѣлами и была недостаточно подготовлена къ этому, но главная ея заслуга заключается въ выборѣ способныхъ лицъ. Такимъ лицомъ былъ Бестужевъ; ему она довѣрила веденіе иностранной политики, въ которую почти не вмѣшивалась, и невѣроятно,

чтобы Лестокъ посмѣлъ такъ грубо отзываться о первомъ сановникѣ въ государствѣ. Однако не подлежитъ сомнѣнію, что Лестокъ, по наущенію Шетарди, всячески старался поколебать довѣріе императрицы къ Бестужеву. [1]

Шетарди прибѣгъ и къ другому излюбленному средству дипломатовъ прошлаго вѣка: онъ подкупалъ всѣхъ сколько-нибудь вліятельныхъ лицъ, которыхъ только можно было подкупить; онъ внушалъ своему правительству, что не надобно жалѣть денегъ, что кромѣ Лестока, которому онъ увеличилъ пенсію на 2.000 рублей, кромѣ двухъ дамъ, надобно подкупить духовника императрицы и членовъ синода, по ихъ вліянію на суевѣрную Елисавету. Наконецъ, Шетарди старался найти такое лицо, которое изъ честолюбія согласилось бы погубить Бестужева и стать на его мѣсто. Маркизъ внушилъ Брюммеру, Лестоку и Мардефельду, что въ настоящее время Воронцовъ пользуется полнымъ довѣріемъ императрицы, и поэтому не надо упускать ни минуты для привлеченія его на свою сторону, иначе Бестужевъ возьметъ верхъ. Пусть Лестокъ забудетъ о своихъ дурныхъ отношеніяхъ къ Воронцову и объявитъ ему, что онъ постоянно питалъ къ нему дружеское расположеніе, но не могъ имѣть къ нему довѣрія, видя его преданнымъ Бестужеву, злому врагу императрицы и голштинскаго дома. Такимъ заявленіемъ легче будетъ открыть глаза Воронцову насчетъ канцлера, а потомъ возбудить его честолюбіе, указавъ на возможность для него быть великимъ канцлеромъ и употребить его орудіемъ для низверженія Бестужева. Лестокъ и Брюммеръ объявили, что они со своей стороны готовы дѣйствовать въ этомъ смыслѣ, и Мардефельдъ, не теряя времени, отправился къ Воронцову закидывать свои сѣти. „Я пріѣхалъ къ вамъ, началъ онъ говорить Воронцову, чтобъ открыть тайну моего сердца. Я не могу безъ сердечной боли выносить того положенія дѣлъ, въ которомъ находится Россія, и единственный способъ помочь бѣдѣ, это ваше вступленіе въ министерство. Искренность вашихъ намѣреній и доброта вашего сердца будутъ вами руководить лучше и надежнѣе всякаго знанія и опытности въ дѣлахъ, и потому императрица найдетъ въ васъ помощь, которая отвратитъ приготовляемыя ей опасности. Она нашла бы сильную помощь и въ дружбѣ короля, моего государя: но теперь насъ стараются ссорить Вице-канцлеръ явно объявилъ себя

[1] Recueil, VIII, 429.

противъ насъ, и я вамъ объявляю, что и я его болѣе жалѣть не буду. Объявляю вамъ, что пока онъ одинъ управляетъ иностранными дѣлами, мой дворъ не будетъ имѣть никакого довѣрія ко всему тому, что̀ бы императрица ни дѣлала и мнѣ ни говорила." „Изъ этого выходитъ, замѣтилъ Воронцовъ, что его надобно отправить къ какому-нибудь иностранному двору или опредѣлить больше членовъ въ совѣтъ иностранныхъ дѣлъ, а если я одинъ съ нимъ буду, то онъ и меня погубитъ, когда онъ такой человѣкъ, какимъ вы мнѣ его описываете." „Первый путь самый разумный, отвѣчалъ Мардефельдъ, но и во второмъ случаѣ, кого бы вы ни опредѣлили, они всегда будутъ зависѣть отъ васъ, потому что вы пользуетесь довѣріемъ императрицы; сначала они помогутъ вамъ своею опытностью, а потомъ вы и безъ нихъ можете обойтись. По своей дружбѣ къ вамъ я обязанъ и то вамъ замѣтить, что вы должны упрочивать свое счастіе."

Бестужевъ зорко слѣдилъ за дѣйствіями французскаго посла и выжидалъ той минуты, когда онъ соберетъ достаточно вѣскія доказательства, чтобъ его погубить. Шетарди зналъ, что его письма вскрываются, а потому писалъ обыкновенною азбукой тѣ мѣста, которыя желалъ бы показать Русскому двору, секретныя же извѣстія шифровалъ, воображая, что его замысловатаго шифра никто не можетъ разгадать. На самомъ же дѣлѣ это было не такъ: почтдиректоръ Ашъ доставлялъ Бестужеву донесенія и частныя письма Шетарди, а статскій совѣтникъ Гольдбахъ разбиралъ шифрованныя мѣста. Послѣдній хвастался своимъ искусствомъ: распечатаетъ письмо, прочтетъ, если нужно спишетъ и дешифрируетъ, а между тѣмъ „ни кувертъ не поврежденъ, ни на подлинномъ цыфирные пассажи литерами не выписаны". Прошло полгода съ прибытія Шетарди, и Бестужевъ подалъ императрицѣ записку, въ которой объяснялъ, что есть предѣлы, въ которые иностранные послы безъ лишенія своего права вступаться не должны. Это 1) поношеніе священныхъ государевыхъ персонъ, качествъ или склонностей ихъ. 2) Всякое народное противу государя возмущеніе, подкупленіе чужихъ подданныхъ и заведеніе тамъ себѣ партіи и слѣдственно опроверженіе ему противной, яко такія перемѣны единственно въ государевой волѣ состоять имѣютъ. 3) Посылка о состояніи того государства, въ которомъ онъ резидуетъ, ко двору своему ругательныхъ и предосудительныхъ

[1] Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. XXI, стр. 317, 319—320.

реляцій. Бестужевъ приводилъ примѣръ изъ европейской и русской исторіи, доказывающіе, что иностранные послы, провинившіеся по указаннымъ пунктамъ, безо всякой церемоніи высылались.

„Находящійся нынѣ здѣсь войскъ французскихъ бригадиръ Шетардій, продолжалъ канцлеръ, противу всѣхъ трехъ вышеоглавленныхъ пунктовъ (кромѣ народнаго возмущенія) такъ погрѣшилъ, что онъ наиявнѣйшему обруганію самъ себя подвергнулъ. Поэтому Бестужевъ предлагалъ: 1) послать нарочнаго курьера въ Парижъ и объявить французскому министерству, что истинное ея императорскаго величества къ королю почитаніе удержало ея величество съ помянутымъ Шетардіемъ такъ поступить, какъ онъ винною и знатнымъ своимъ погрѣшеніемъ заслужилъ; по особливой къ королю аттенціи и консидераціи опредѣлено ему немедленно выѣхать изъ Имперіи и никогда въ оную не въѣзжать. 2) Поручить всѣмъ нашимъ посламъ при чужестранныхъ дворахъ объявить о причинѣ высылки Шетарди. 3) Два или три дня послѣ отъѣзда помянутаго курьера послать къ нему, Шетардію, въ домъ двухъ довѣренныхъ персонъ сказать, что единое великодушіе и щедроты ея величества удержали съ него кавалерію снять и по винамъ его достойно не поступить, но приказано ему только выѣхать изъ города въ 24 часа.“

Въ доказательство Бестужевъ представилъ въ русскомъ переводѣ около пятидесяти депешъ и частныхъ писемъ Шетарди. Изъ этой корреспонденціи было ясно, что французскій посолъ интриговалъ противъ канцлера, что онъ подкупами составлялъ себѣ партію. Но всего больше подѣйствовало на императрицу то обстоятельство, что постоянно льстившій ей маркизъ отзывался о ней очень неодобрительно. Въ довольно неуклюжемъ переводѣ прочла она слѣдующія фразы, которыя я вновь перевожу съ оригинала: „Легкомысліе царицы таково, что надо считать большимъ пріобрѣтеніемъ, если кому удастся заставить ее исполнить хоть часть дѣлъ, которыя клонятся къ ея собственной выгодѣ.“ „Здѣсь принято до такой степени уединяться во время поста и заниматься наружнымъ благочестіемъ, что въ это время нельзя видѣть царицу, и она отказывается давать аудіенціи, не откладывать которыя было бы въ ея интересахъ. Еслибъ она лучше умѣла соединять обязанности христіанки, съ обязанностями государыни, этого неудобства не было бы. Этому злу нельзя помочь, пока царица, преданная исключительно удовольствіямъ и пріобрѣтая все большее и большее отвращеніе къ дѣламъ, не будетъ

имѣть вѣрныхъ министровъ, полагаясь на которыхъ она могла бы отдыхать отъ управленія государствомъ.“ „Надо быть на мѣстѣ, чтобы повѣрить, что всѣ ея занятія заключаются въ забавахъ бездѣлушками, безумномъ наслажденіи мѣнять туалетъ по четыре и по пяти разъ въ день, въ удовольствіи видѣть себя окруженной лакействомъ (valetaille, „подлымъ сбродомъ“ по современному переводу). Зло, проистекающее отъ этого очень велико. Мысль о малѣйшемъ дѣлѣ страшитъ и пугаетъ ее. Примѣры, когда она подписывала бумаги не зная ихъ содержанія и когда впослѣдствіе ей указывали на происшедшій отъ этого вредъ, не могутъ побѣдить ея лѣни, которая заставляетъ ее оставлять всѣ дѣла въ пренебреженіи. Эта лѣнь и страхъ, что новые министры не позволятъ ей предаваться безпечности, дѣлаютъ ее рабой привычки подчиняться канцлеру. Развѣ безъ этого было бы возможно, чтобъ она оставляла министра, о которомъ она говорила мнѣ больше дурнаго, чѣмъ я сталъ бы говорить о злѣйшемъ врагѣ?“

Эти мѣста произвели сильное впечатлѣніе на Елисавету Петровну; она не могла больше видѣть друга въ Шетарди. Онъ вмѣшивается не въ свои дѣла, занимается шпіонствомъ и подкупами. Императрица попросила сутки на размышленіе, на другой день она приняла предложенія Бестужева. 6 іюня 1744 г. въ половинѣ шестаго утра на квартиру маркиза Шетарди явились—генералъ Ушаковъ, князь Петръ Голицынъ, двое чиновниковъ иностранной коллегіи Веселовскій и Неплюевъ, и секретарь коллегіи Курбатовъ. Въ переднюю вышелъ къ нимъ служитель и сказалъ, что Шетарди боленъ и всю ночь не спалъ; но когда они настоятельно требовали свиданія, Шетарди вышелъ въ парикѣ и шлафрокѣ. Генералъ Ушаковъ объявилъ ему, что присланъ къ нему въ домъ по ея императорскаго величества указу, для нѣкотораго объявленія; секретарь Курбатовъ прочелъ изготовленную декларацію, по которой Шетарди велѣно было выѣхать изъ Россіи въ 24 часа. Шетарди сказалъ, что желаетъ видѣть доказательства, на которыя опирается декларація. Курбатовъ прочелъ извлеченія изъ его собственныхъ писемъ, Шетарди не сталъ ихъ оспаривать и сказалъ, что ему нечего другаго дѣлать, какъ какъ только исполнить волю государыни. „При происшествіи всего вышеписаннаго, говорится въ рапортѣ Ушакова,—явно было, что онъ, Шетарди, сколь скоро генерала Ушакова увидалъ, то онъ въ лицѣ перемѣнился; при прочтеніи экстракта столь

конфузенъ былъ, что ни слова въ оправданіе свое сказать или что-либо прекословить могъ; на оригиналы токмо взглянулъ и, увидя свою руку, ниже больше смотрѣть не хотѣлъ, будучи при всемъ томъ весьма смутенъ, и образъ лица его, такожъ и неокончаемыя рѣчи и дрожащій голосъ, показуя его вину и робость, якоже и видно было, что тяжчайшаго съ нимъ поступка по винѣ своей ожидалъ."

Въ домѣ Шетарди оставили подпоручика Измайлова съ командой; ему приготовили экипажи и подводы, и гордый маркизъ выѣхалъ, какъ ему было приказано, не откланявшись государынѣ и ни съ кѣмъ не простившись. Бестужевъ торжествовалъ побѣду. „Изъ приложенной при семъ копіи, писалъ онъ Воронцову,— усмотрѣть изволите благополучное окончаніе коммиссіи Ушакова, чѣмъ имѣя честь поздравить, по истинѣ доношу, что такой въ Шетарди конфузіи и торопости никогда не ожидали. Вмѣсто того чтобы свѣтлымъ умомъ своимъ при семъ случаѣ дѣйствовать, самъ опутался собственнымъ признаніемъ и послѣдними своими словами показалъ, что вящаго надъ собою ожидалъ. Конфузія его была велика: не опомнился, ни сѣсть попотчивалъ, ниже что малѣйшее въ оправданіе свое принесть; стоялъ потупя носъ и во все время сопѣлъ, жалуяся немалымъ кашлемъ, которымъ и подлинно неможетъ. По всему видно, что онъ никогда не чаялъ, дабы столько противу его доказательствъ было собрано, и когда оныя услышалъ, то еще болѣе присмирѣлъ, а оригиналы когда показаны, то своею рукой закрылъ и отвернулся, глядѣть не хотѣлъ." [1]

Бестужевъ закончилъ свою записку о высылкѣ Шетарди слѣдующими словами: „симъ способомъ, видится, можно отъ него, Шетардія, безъ явной съ Франціей ссоры освободиться; а что они за это мстить не оставятъ, сіе безсумнительно, и только та рознь будетъ, что вмѣсто того, дабы интриги свои, какъ то понынѣ чинили, весьма скрытно содержать, безъ толикаго менажементу производить станутъ, и слѣдовательно толь лучшимъ успѣхомъ противу оныхъ остерегаться и ни во что обращать возможно будетъ". Однако Бестужевъ ошибался; французское правительство было недовольно образомъ дѣйствія своего посла. Ему нѣсколько разъ приказывали представить свои кредитивныя

[1] *Архивъ князя Воронцова*, т. I, стр. 457—617, т. II, стр. 4—5. Recueil VIII, стр. 430—440.

грамоты; онъ не слушался и такимъ образомъ не исполнилъ возложеннаго на него порученія. Онъ не передалъ письма, на которомъ былъ прописанъ императорскій титулъ Елисаветы Петровны и, кромѣ того, онъ лишилъ французское правительство возможности заступиться за него, какъ за своего представителя, потому что жилъ въ Петербургѣ частнымъ человѣкомъ. За это его постигла немилость: король запретилъ ему являться ко двору и приказалъ жить въ своемъ имѣніи.

XXI.

Послѣ высылки Шетарди король назначилъ вновь посломъ при Русскомъ дворѣ Даліона, возвратившагося въ Парижъ послѣ ссоры съ Шетарди. Въ инструкціи, данной Даліону, помѣщено офиціальное неодобреніе дѣйствіямъ прежняго посла. „Вице-канцлеръ Бестужевъ, читаемъ въ этомъ документѣ, пріобрѣтавшій все большее и большее довѣріе царицы, съумѣлъ ловко убѣдить ее, что слѣдуетъ подождать, пока маркизъ Шетарди предъявитъ свои кредитивныя грамоты и сдѣлаетъ ему первый визитъ, согласно съ обычаемъ, принятымъ при всѣхъ дворахъ, онъ уговорилъ царицу избѣгать всякаго разговора о дѣлахъ въ интимныхъ свиданіяхъ, которыя она разрѣшала маркизу. Король предвидѣлъ съ самаго начала затрудненіе, въ какое попадетъ Шетарди, упорствуя въ нежеланіи выказать вице-канцлеру Бестужеву вниманіе, должное занимаемому имъ посту и довѣрію, которымъ удостоиваетъ его царица. Король нѣсколько разъ повторялъ ему приказаніе исполнить, наконецъ, необходимыя формальности и занять должность, которая ему поручена, такъ какъ онъ считалъ, что Шетарди можетъ служить ему съ пользой только тогда, когда, признанный французскимъ посломъ, онъ въ состояніи будетъ вести переговоры съ царицей и ея министрами. Король надѣялся, что это будетъ средствомъ показать царицѣ самымъ очевиднымъ образомъ, каковы его чувства къ ней и до какой степени король расположенъ выказать ей самое высокое почтеніе, такъ какъ, оставляя соображенія, которыя мѣшали ему признать за прежними царями императорскій титулъ, король разрѣшилъ маркизу Шетарди публично признать царицу императрицей всея Россіи и великодушно далъ ей этотъ титулъ въ кредитивныхъ грамотахъ, которыя Шетарди долженъ былъ

поднести царицѣ на первой же аудіенціи. Изъ донесеній Шетарди король не усмотрѣлъ, какія у него были причины откладывать со дня на день исполненіе приказанія правительства; это особенно непонятно въ виду того, что онъ могъ не только принести пользу королю и его союзникамъ, но еще вмѣнить себѣ въ особую услугу при Русскомъ дворѣ, что онъ первый изъ подданныхъ короля даетъ царицѣ титулъ, котораго она домогалась больше всего, какъ дочь царя Петра I; царь этотъ торжественно провозгласилъ себя императоромъ всея Россіи, считая, что этотъ титулъ, присвоенный навсегда его потомству, достойная награда за то, что онъ имѣлъ храбрость сдѣлать славнымъ миромъ, дарованнымъ своему народу послѣ двадцатилѣтней войны, доставившей ему нѣсколько значительныхъ провинцій. Король приказалъ написать Шетарди еще разъ, чтобъ онъ, наконецъ, представилъ свои кредитивныя грамоты, когда онъ узналъ о повелѣніи царицы данномъ Шетарди удалиться изъ Россіи; повелѣніе это указывало на то, что онъ забылся до такой степени, что разными интригами старался составить себѣ партію при этомъ дворѣ и ниспровергнуть министерство и даже не съ должнымъ уваженіемъ относился къ царицѣ. Болѣе продолжительное его пребываніе въ Россіи, вмѣсто того, чтобъ укрѣпить дружбу существовавшую между двумя дворами, могло бы, напротивъ, причинить охлажденіе и недоразумѣнія между ними. Поступая такъ мягко съ маркизомъ Шетарди, который по своемъ возвращеніи въ Петербургъ былъ только частнымъ лицомъ, царица руководствовалась исключительно желаніемъ поддерживать дружбу съ королемъ. Всѣ эти обстоятельства въ высшей степени удивили короля. Онъ не могъ ожидать, что Шетарди покроетъ себя позоромъ и будетъ изгнанъ изъ Россіи съ такимъ скандаломъ. Это было діаметрально противоположно приказаніямъ короля, повторявшаго нѣсколько разъ Шетарди, что онъ долженъ вести себя такъ, чтобы, пріобрѣтая расположеніе царицы, способствовать заключенію союза, дружбы и прямыхъ торговыхъ сношеній между французскою и русскою націей. Но теперь не время обсуждать, почему Шетарди при своемъ возвращеніи не заслужилъ милости царицы, прежде осыпавшей его благодѣяніями. Достаточно того, что она публично выразила свое недовольство, и король не можетъ сомнѣваться, что она не прибѣгла бы къ такой крайней мѣрѣ, еслибы Шетарди не провинился по отношенію къ ней. Такъ какъ Шетарди въ теченіе шести мѣсяцевъ,

что онъ провелъ при Русскомъ дворѣ, не предъявилъ кредитивныхъ грамотъ и можно было сомнѣваться, сдѣлаетъ ли онъ это впослѣдствіи, такъ какъ позоръ падаетъ исключительно на его личность, а не на французскаго посла, каковымъ онъ не былъ, и такъ какъ изъ декларацiи, предъявленной всѣмъ дворамъ, видно, что царица ясно отличаетъ, что касается лично Шетарди и выражаетъ желаніе находиться въ дружбѣ съ королемъ, король не усомнился дать тотчасъ же приказаніе г. Даліону отправиться безъ малѣйшаго замедленія и вновь исполнять въ Россіи обязанности полномочнаго министра и свезти царицѣ увѣренія, что намѣреніе короля – поддерживать дружбу со столь совершенною принцессой. Поэтому король вручаетъ г. Даліону кредитивныя грамоты, въ которыхъ онъ титулуетъ царицу императрицей всея Россіи."

Даліону поручалось на первой же аудіенціи выразить Елисаветѣ Петровнѣ, какое расположеніе питаетъ къ ней король и какъ онъ сожалѣетъ о назначеніи Шетарди, такъ плохо исполнившаго возложенное на него порученіе. Далѣе новый посланникъ долженъ былъ хлопотать о заключеніи тройственнаго союза между Россіей, Швеціей и королемъ Прусскимъ; къ этому союзу могла бы присоединиться и Франція. Кромѣ того, по иниціативѣ морскаго министра, Даліону было дано еще порученіе. „Выгоды, говорится въ отдѣльной инструкціи, какія доставляетъ Англіи, Голландіи и другимъ націямъ торговля въ Россіи французскими товарами и во Франціи русскими не позволяютъ сомнѣваться, насколько прибыльна можетъ быть прямая торговля Русскихъ съ Французами." Поэтому Даліону поручалось навести справки, на какихъ основаніяхъ торгуютъ въ Россіи другіе народы, и по возможности добиться для Франціи торговыхъ привилегій. [1]

Первое впечатлѣніе вынесенное Даліономъ въ Петербургѣ было благопріятно. На торжественной аудіенціи онъ поднесъ Елисаветѣ Петровнѣ кредитивныя грамоты, въ которыхъ находилось признаніе императорскаго титула; императрица не скрыла своей радости и наградила посла Андреевскою лентой. Онъ надѣялся, что ему придется имѣть дѣло съ самою Елисаветой и что онъ съумѣетъ подѣйствовать на ея сердце, но скоро онъ замѣтилъ, что императрица дѣлами не занимается, надо переговаривать съ

[1] Recueil, VIII, 458—470.

канцлеромъ Бестужевымъ и вице-канцлеромъ Воронцовымъ, а они оба сторонники Австріи и Англіи. Даліонъ жаловался на холодность русскаго канцлера, на невозможность его подкупить, но все-таки надѣялся, что можно подѣйствовать большою суммой. „Ослѣпить Бестужева, писалъ онъ, можно только знатною суммой, и потому надобно ее ему дать, иначе отъ меня требовать ничего нельзя. Вице-канцлера гораздо легче можно склонить къ принятію пенсіи; женатый на двоюродной сестрѣ императрицы, онъ свергнетъ Бестужева. Россія вовсе не такъ сильна, какъ кажется издали, да и то, если слушать людей, которымъ выгодно представлять ее сильною. Въ деньгахъ страшный недостатокъ.“

Скоро Даліонъ убѣдился, что даже большая сумма не можетъ подѣйствовать на Бестужева и что съ нѣкоторымъ успѣхомъ можно хлопотать только о томъ, чтобы въ борьбѣ Франціи съ Австріей Россія оставалась нейтральною и не помогала врагамъ Французовъ. „Я вторично, доносилъ онъ, сдѣлалъ канцлеру тѣ пріятныя предложенія, которыя особенно могли бы его подвигнуть; но онъ выслушалъ ихъ равнодушно. Вице-канцлеръ сказалъ мнѣ: не дѣлайте намъ зла, а мы вамъ его дѣлать не будемъ; я взялъ его за руку и смотря прямо ему въ глаза, спросилъ: можетъ ли мой дворъ полагаться на все то, что въ этихъ четырехъ словахъ заключается; онъ, пожимая мнѣ руку и также прямо смотря мнѣ въ глаза, сказалъ: да. Итакъ, въ настоящее время о союзѣ толковать нечего, и я долженъ стараться объ одномъ: препятствовать, чтобы Россія не давала помощи нашимъ непріятелямъ, въ чемъ и надѣюсь успѣть, не истративъ ничего изъ королевскихъ денегъ. До сихъ поръ и другіе иностранные министры не больше меня успѣли, съ тою только разницей, что они деньгами сыплютъ, а я деньги королевскія сберегъ. Всѣ хотятъ что-нибудь при здѣшнемъ дворѣ сдѣлать, но никто ничего не сдѣлаетъ.“ Даліонъ совѣтовалъ прибѣгнуть къ старому средству, къ помощи Турціи. „Россія, писалъ онъ, не безъ причины ничего такъ не боится, какъ турецкой войны. Мнѣ кажется, что въ Турціи можно сдѣлать очень много хорошаго; нѣсколько татарскихъ набѣговъ, отъ которыхъ Порта всегда могла бы отречься, произвели бы между здѣшнимъ народомъ большую тревогу.“

Въ то же время министръ иностранныхъ дѣлъ Даржансонъ старался внушить нашему послу Гроссу, что не слѣдуетъ Елисаветѣ Петровнѣ поддерживать Австрію, потому что Вѣнскій дворъ

имѣетъ естественную склонность къ брауншвейгской фамиліи. Еслибы Россія вступила съ Франціей и Пруссіей въ тѣсный союзъ, чтобы было три головы подъ одною шапкой, то ей нечего было бы бояться никакой державы. На донесенія объ этихъ рѣчахъ Гроссъ получилъ въ отвѣтъ изъ Петербурга приказаніе не входить съ Даржансономъ въ дальнѣйшія объясненія и ограничиться только наблюденіемъ „сентиментовъ“ Французскаго двора относительно Саксоніи, союзницы Маріи Терезіи. Эту сдержанность Гросса французское министерство естественно приписывало Бестужеву, и Даржансонъ въ разговорахъ съ Гроссомъ даже не могъ удерживаться, чтобы не называть Бестужева Англичаниномъ и не замѣчать, что дѣйствія русскаго министерства не согласны съ видами самой императрицы.

Французскія дѣла шли не лучше въ Петербургѣ. Даліонъ слѣдовалъ примѣру Шетарди; прежде всего онъ старался дѣйствовать подкупомъ. Онъ ходатайствовалъ о возобновленіи годовой пенсіи въ 4.000 ливровъ княгинѣ Долгорукой, находившейся въ свойствѣ со всею знатью, и графинѣ Румянцевой. Даліонъ, такъ же какъ его предшественникъ, интриговалъ противъ Бестужева и надѣялся всего больше на Воронцова. Съ тѣхъ поръ какъ Бестужевъ былъ назначенъ канцлеромъ, а Воронцовъ вице-канцлеромъ, пріятельскія отношенія между ними испортились; честолюбивому Воронцову непріятно было играть вторую роль, быть только помощникомъ Бестужева. „Почти нѣтъ сомнѣнія, писалъ Даліонъ, что Воронцовъ свергнетъ Бестужева, и это событіе не заставило бы себя долго ждать, еслибы по несчастію нездоровье Воронцова не принуждало его ѣхать на нѣсколько времени заграницу.“ Но французское правительство ничего не выиграло бы, еслибы на мѣсто Бестужева сталъ Воронцовъ, потому что въ это время они оба были сторонниками Австріи и разница заключалась только въ томъ, что первый держался болѣе воинственной политики, второй болѣе миролюбивой. Канцлеръ зорко слѣдилъ за дѣйствіями Даліона. Мардефельдъ совѣтовалъ французскому послу предложить канцлеру и вице-канцлеру по 50 тысячъ рублей. Эта депеша, какъ многія другія, была прочитана въ Петербургѣ и Воронцовъ написалъ на ней замѣтку: „когда Даліонъ вздумаетъ подлинно 50 тысячъ предлагать, тогда я ему скажу, что онъ самъ помнитъ, что и во 100 тысячахъ я ему отказалъ, и теперь некстати будетъ принять 50 тысячъ“. Только досадой можно объяснить слѣдующую фразу въ одномъ донесеніи Даліона:

„Бестужевъ ненавидитъ Французовъ. Онъ продаетъ императрицу за чистыя деньги Англичанамъ, Австрійцамъ, Саксонцамъ, не отнимая отъ себя впрочемъ свободы подбирать и гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ“. На подобныхъ мѣстахъ основано мнѣніе, до сихъ поръ встрѣчающееся въ иностранной литературѣ, о продажности нашего канцлера. Досадою на неудачу и на преобладаніе Бестужева объясняются и слѣдующія слова Даліона: „Все зло состоитъ въ томъ, что больше уже не знаютъ, какимъ путемъ доводить до государыни свои мнѣнія, всякій держитъ себя въ величайшей скрытности, и если графъ Воронцовъ не пріѣдетъ (изъ-за границы) для скорѣйшаго поправленія дѣлъ, то здѣшній дворъ скоро будетъ походить на султанскій, при которомъ видятъ только верховнаго визиря и разговариваютъ только съ нимъ; впрочемъ здѣшній дворъ довольно уже походитъ на султанскій по другимъ обстоятельствамъ, которыя вы безъ труда отгадаете. Не знаютъ нынѣ здѣсь ни вѣры, ни закона, ни благопристойности.“ Бестужевъ прочелъ эту депешу и сдѣлалъ къ ней слѣдующее грозное примѣчаніе: „Сіи и сему подобныя Даліономъ чинимыя враки ему непримѣтнымъ образомъ путь въ Сибирь пріуготовляютъ; но понеже оныя со временемъ усугубятся да и по пріумножающейся мардефельдовой къ нему конфиденціи нѣчто и о прусскихъ происках иногда свѣдано быть можетъ: того ради слабѣйше мнится ему еще на нѣсколькое время свободу дать ядъ его долѣе испущать“. Къ концу 1754 г. Даліонъ убѣдился, что невозможно сломить могущество все усиливающагося Бестужева. Въ отчаяніи писалъ онъ своему министру: „Въ обхожденіи моемъ съ графомъ Воронцовымъ я въ точности послѣдую вашимъ намѣреніямъ. Я съ великимъ стараніемъ его приласкаю; внушаю ему опасенія для будущаго, какъ относительно императрицы, такъ относительно его лично; я побуждаю его къ принятію сильныхъ предосторожностей; я заставляю дѣйствовать въ немъ самолюбіе. Если что можно сдѣлать, то помощи надобно ожидать отъ времени. Вице-канцлеръ находитъ на пути своемъ такія препятствія, которыя преодолѣть очень трудно. Бестужевъ въ послѣднее время такое дѣло сдѣлалъ, которое ему упрочиваетъ милость и довѣренность и разрушаетъ планы графа Воронцова; онъ женилъ своего единственнаго сына на племянницѣ графа Разумовскаго. Очень прискорбно для меня и вредно для королевской службы, что препятствія день ото дня умножаются, такъ что я теперь не усматриваю,

что намъ больше дѣлать при здѣшнемъ дворѣ, какъ только продолжать борьбу съ господствующею партіей, пользоваться обстоятельствами и всѣми способами обезпокоивать Россію.“ [1]

Въ то время какъ Франція безуспѣшно старалась привлечь Россію на сторону Пруссіи, Австрія со своей стороны надѣялась получить помощь отъ Русскаго двора. Въ 1742 г. Фридрихъ Великій заключилъ миръ съ Маріей Терезіей, но успѣхъ австрійскаго оружія и явное намѣреніе королевы возвратить уступленныя Пруссіи области снова вызвали Фридриха на поле брани, и въ концѣ 1744 г. опять возникла война между Австріей и Пруссіей. Прусскія арміи наводняли Богемію и страну союзника Маріи Терезіи, саксонскаго курфюрста и польскаго короля Августа. Кромѣ того, Франція и Испанія также объявили войну Австріи. Въ виду возрастающаго могущества Пруссіи Бестужевъ пришелъ къ убѣжденію, что надо подать руку ея врагамъ. Онъ выразилъ это словами: „ежели сосѣда моего домъ горитъ, то я натурально принужденъ ему помогать тотъ огонь для своей собственной безопасности гасить, хотя бы онъ напзлѣйшій мой непріятель былъ, къ чему я еще вдвое обязанъ, ежели то мой пріятель есть“. Но для того, чтобы помочь пріятелю, Австріи, надо было устранить недоразумѣніе, возникшее вслѣдствіе заговора Ботты и вслѣдствіе того, что Вѣнскій дворъ медлилъ дать требуемое отъ него удовлетвореніе. Видя, что Австрія находится въ очень опасномъ положеніи, Марія Терезія рѣшила какъ можно скорѣе уладить дѣло. Въ августѣ 1744 г. пріѣхалъ въ Петербургъ чрезвычайный австрійскій посолъ, графъ Розенбергъ, и представилъ канцлеру промеморію по дѣлу Ботты. Въ этомъ актѣ Марія Терезія заявляетъ полное свое сожалѣніе „о проклятія достойномъ преступленіи“ бывшаго ея министра и объявляетъ, что Ботта посаженъ въ замокъ Грацъ, а время его заключенія она предоставляетъ опредѣлить „прославленной въ свѣтѣ милости ея императорскаго величества Елисаветы Петровны“. Получивъ требуемое удовлетвореніе приступили къ обсужденію союзнаго трактата и заключили его въ маѣ 1746 года. По этому трактату Россія обязалась послать на помощь Маріи Терезіи тридцать тысячъ человѣкъ, а именно двадцать тысячъ инфантеріи и десять тысячъ конницы, въ случаѣ королева будетъ атакована въ Европѣ; Австрія со своей стороны принимала обязательство помогать Россіи такимъ же количествомъ

[1] Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. XXII, стр. 51—54, 119—124.

войска. Въ секретномъ сепаратномъ артикулѣ было выговорено, что Россія не обязана принимать участія въ войнѣ Австріи съ Франціей, которая велась во время заключенія трактата. „Но есть ли бы паче чаянія впредь по какой бы то причинѣ ни было, новая война между Ея Римскомъ Цесарско-Королевскимъ Величествомъ и королемъ французскимъ произошла, то Ея Имп. Вел. всея Россіи въ такомъ случаѣ торжественно обѣщаетъ королевѣ помощный корпусъ изъ пятнадцати тысячъ человѣкъ своего войска состоящій, а именно двѣнадцать тысячъ человѣкъ пѣхоты и три тысячи конницы, или полмилліонъ рублей деньгами.“ [1]

Заключеніе трактата съ Австріей произвело сильное и непріятное впечатлѣніе въ Парижѣ. Даліонъ писалъ Даржансону, что Россія слаба и ея нечего бояться. Однако французскій министръ думалъ иначе и писалъ: „Фридрихъ II другаго мнѣнія, потому что больше чѣмъ когда-либо боится поссориться съ Россіей и навязать на свою шею силы этой державы. Въ 1733 году Россію также представляли безсильною, стараясь побудить нашего короля доставить польскій престолъ тестю своему Лещинскому; но потомъ оказалось, сколько Россія могла сдѣлать въ Польшѣ и Германіи, доведя войска свои до самаго Рейна; и въ скоромъ времени та же самая держава взяла такой верхъ надъ Турками, что еслибы Вѣнскій дворъ умѣлъ держать себя только въ оборонительномъ положеніи, то Турки въ одну кампанію могли бы потерять всѣ свои европейскія владѣнія.“ Видя, что Даліонъ не въ состояніи принести никакой пользы въ Петербургѣ, его отозвали въ концѣ 1747 года; на его мѣсто не назначили никого, но наблюдать за дѣйствіями Россіи поручили консулу Сенъ-Северу, бывшему въ хорошихъ отношеніяхъ съ Бестужевымъ.

Тогдашній министръ иностранныхъ дѣлъ маркизъ Пюизіё (Brulart de Sillery, marquis de Puysieux) написалъ консулу слѣдующее письмо: „Я знаю, что вы не непріятны гр. Бестужеву. Это обстоятельство побудило меня поручить вамъ веденіе королевскихъ дѣлъ при дворѣ, при которомъ вы находитесь, пока король не сочтетъ нужнымъ замѣстить г. Даліона. Вы должны исполнить безъ шума и секретно порученія, которыя дастъ вамъ гр. Морепа (морской министръ). Вы должны писать только ему и избѣгать того, чтобы думали, будто вамъ поручено какое-нибудь дипломатическое дѣло. Сношенія, въ которыхъ вы и безъ того

[1] Мартенсъ, *Собраніе трактатовъ и конвенцій*, т. I, стр. 145—167.

находитесь съ гр. Бестужевымъ, доставятъ вамъ возможность разговаривать съ нимъ, не привлекая на себя вниманія, а этого-то мы и желаемъ. Я увѣренъ, что вы покажете себя достойнымъ довѣрія Морепа и моего. Если впослѣдствіи нужно будетъ дать вамъ письмо, чтобъ аккредитовать васъ у Бестужева, это не представитъ затрудненія."

Въ 1747 году шли дѣятельные переговоры между Лондономъ и Петербургомъ и было рѣшено двинуть тридцати-тысячный корпусъ на помощь морскимъ державамъ (Англіи и Голландіи) противъ Франціи. Распространившійся объ этомъ слухъ очень тревожилъ Парижскій кабинетъ. Это видно изъ слѣдующаго письма морскаго министра къ французскому консулу въ Петербургѣ. „Чувства уваженія и почтенія, которыя высказывалъ вамъ при разныхъ случаяхъ гр. Бестужевъ, даютъ мнѣ поводъ думать, что онъ будетъ имѣть больше довѣрія къ вамъ, чѣмъ къ Даліону, и что онъ охотнѣе откроетъ вамъ все, что имѣетъ отношеніе къ Французскому двору и можетъ способствовать поддержанію добрыхъ отношеній, давно существующихъ между обѣими коронами; поэтому я, по соглашенію съ маркизомъ Пюизіё, уполномочиваю васъ этою частною депешей, которая можетъ служить вамъ кредитивною грамотой для русскаго канцлера, вступить въ переговоры съ этимъ министромъ и объясниться съ нимъ насчетъ распространяющихся со всѣхъ сторонъ слуховъ, что тридцатитысячный корпусъ русскаго войска собирается поступить на службу враговъ короля. Король не можетъ вѣрить, чтобъ императрица рѣшилась соединить свои войска съ войсками его враговъ, особенно теперь, когда всѣ державы извѣщены объ ея искреннемъ желаніи умиротворить Европу. Вы сдѣлаете пріятное королю, постаравшись узнать, основательны ли эти слухи, или нѣтъ, и объяснившись на счетъ этого съ Бестужевымъ, чтобы король могъ самымъ точнымъ образомъ знать истинныя намѣренія этого министра и виды Русскаго двора въ столь важномъ вопросѣ. Вы должны всячески стараться, чтобъ окончились неудачей переговоры, давно начатые министрами лондонскимъ, вѣнскимъ и голландскимъ о томъ, чтобы Россія послала имъ на помощь тридцатитысячный корпусъ. Вы должны аккуратно донести мнѣ о результатахъ свиданія, которое вы будете имѣть съ Бестужевымъ, и сообщать мнѣ обо всемъ, что по вашему мнѣнію можетъ способствовать успѣху порученнаго вамъ дѣла."

Вскорѣ послѣ этого министръ иностранныхъ дѣлъ посылаетъ

новое письмо консулу. „Я не сомнѣваюсь, пишетъ онъ, что вы всячески старались распутать, что̀ правда, что̀ нѣтъ въ такомъ важномъ вопросѣ, какъ сообщеніе, о которомъ много говорятъ, будто тридцати-тысячный русскій корпусъ идетъ то на Рейнъ, то въ Голландію. Насъ увѣряютъ, что это войско скоро выступитъ чрезъ Польшу, Силезію, Моравію и Богемію, и однако мы не видимъ, чтобы подобное обязательство было принято на себя Русскою императрицей по какому-нибудь подписанному ей трактату. Несмотря на разнообразные слухи, распускаемые нашими врагами, будто этотъ корпусъ будетъ на ихъ службѣ, мы склонны думать, что они скорѣе всего имѣютъ въ виду свое желаніе и выгоду заставить вѣрить, будто они могутъ разсчитывать на этотъ корпусъ. Мы думаемъ, что столь просвѣщенный министръ, какъ Бестужевъ, зрѣло обдумалъ предложенія нашихъ враговъ, не теряя изъ виду существенныхъ интересовъ, достоинства и славы Россіи. Я понимаю, что такъ какъ вы не аккредитованы для переговоровъ о политическихъ дѣлахъ, вы въ свиданіяхъ съ этимъ министромъ по дѣламъ торговымъ можете только слегка касаться этихъ вопросовъ. Но такъ какъ Бестужевъ знаетъ, что мы теперь будемъ судить исключительно по вашимъ донесеніямъ, чего намъ ждать отъ Русскаго двора, вы все-таки можете засвидѣтельствовать ему, насколько король желалъ бы, чтобы не было никакихъ препятствій къ установленію тѣснаго союза между нимъ и Русскою императрицей. Я все еще сомнѣваюсь на счетъ предполагаемаго похода русскаго войска; но сознаюсь, я буду безконечно сожалѣть, что подобныя непріятности не позволяютъ мнѣ преслѣдовать того, что̀ мы могли бы сдѣлать хорошаго и пріятнаго для императрицы и для славы ея царствованія.“ [1]

Когда французскій консулъ получилъ это письмо, военной коллегіи уже данъ былъ указъ, что для поддержанія европейскаго равновѣсія и ускоренія мира Россія посылаетъ морскимъ державамъ тридцати-тысячный корпусъ для дѣйствія на Рейнѣ. С.-Соверу конечно невозможно было остановить этотъ указъ, и Людовикъ XV рѣшился прервать дипломатическія сношенія съ Россіей и отозвалъ послѣдняго своего представителя, консула. Нашъ посланникъ Гроссъ все еще оставался въ Парижѣ, потому что въ Петербургѣ думали, что на мѣсто Даліона будетъ назначенъ кто-нибудь другой. Только въ концѣ 1748 года императрица

[1] Recueil, VIII, 481–485.

подписала Гроссу рескриптъ, въ которомъ приказывала ему немедленно выѣхать изъ Франціи. „Мы изъ разныхъ вашихъ реляцій усмотрѣли, говорилось въ рескриптѣ, что маркизъ Пюизіе въ нѣкоторый реванжъ за отправленныя нами къ обѣимъ морскимъ державамъ тридцать тысячъ человѣкъ войска отзывъ отъ нашего двора французскаго министра Даліона почиталъ, оказывая при томъ, что король его государь и совсѣмъ не намѣренъ кого-либо другаго на мѣсто его къ намъ прислать. Сверхъ же того, по поводу помянутаго перепущенія нашихъ войскъ, весьма непріятные и всевысочайшему нашему достоинству предосудительные разговоры вамъ держаны. И яко намъ вкорененное Французскому двору къ нашей императрицѣ недоброжелательство и произведенные издревле при разныхъ дворахъ, да и при самой Оттоманской Портѣ, намъ предосудительные происки и возмущенія, которые по пріобрѣтенной Франціею несправедливыми и богомерзкими войнами въ свѣтѣ знатности отъ большей части и успѣхъ получаютъ, довольно извѣстны, мы же для обезсиленія такой знатной энфлюенціи лучшихъ способовъ не изобрѣли, какъ вѣрнымъ и натуральнымъ нашимъ союзникамъ постороннимъ образомъ противъ оной державы сильно вспомогать. Тако мы, какъ въ разсужденіи того, что Французскій дворъ причиненною посылкою нашихъ войскъ препятствія прогрессомъ оружія онаго намъ не скоро позабыть можетъ, такъ и для неподанія о насъ въ свѣтѣ мнѣнія, яко бы сія корона столько намъ надобна, что мы и собственную всевысочайшую нашу честь изъ глазъ выпущаемъ, оставляя васъ тамо, не взирая на то, что при нашемъ дворѣ французскаго министра не находится, и что хотя почитайко всѣмъ другимъ новые послы и министры назначиваются, а о насъ не помышляется, да весьма нужно изобрѣли вамъ повелѣть, чтобъ вы оттуда со всѣми у васъ находящимися канцелярскими дѣлами, какъ скоро токмо собраться можете, въ Гагу подъ такимъ претекстомъ выѣхали, что вы по прошенію вашему о распоряженіи нѣкоторыхъ домашнихъ дѣлъ въ отечествѣ вашемъ всевысочайшее отъ насъ позволеніе получили [1].“

Французское правительство не ограничивалось конечно порученіями, которыя давало Даліону и С.-Соверу; оно старалось удержать русское войско еще другимъ путемъ, созидая намъ разныя затрудненія. Французскіе дипломаты принялись опять интри-

[1] Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. XXII, стр. 248—249.

говать противъ Россіи въ сосѣднихъ съ нами державахъ Швеціи, Польшѣ и Турціи. „Подлинно, доносилъ нашъ посолъ въ Константинополѣ Неплюевъ, нѣтъ того что бъ Французы постыдились выдумать и предложить Туркамъ.“ Какъ разъ въ это время французскій кредитъ стоялъ очень высоко въ Константинополѣ. Султанъ былъ очень благодаренъ Франціи за ея посредничество и Бѣлградскій миръ, и при всякомъ случаѣ выражалъ свое глубочайшее почтеніе къ „императору Франціи, самому древнему и могущественному союзнику высокой Порты.“ Турецкіе министры постоянно совѣтовались съ французскимъ посломъ Кастелланомъ, находившимъ сильную поддержку въ ренегатѣ Бонневалѣ. Послѣдній видѣлъ въ тѣсномъ союзѣ съ Франціей единственное спасеніе для Турціи; онъ мечталъ о постоянной конфедераціи между Франціей, Портой, Польшей и Швеціей, то-есть о вѣчной коаліціи противъ Россіи. Бонневаль преслѣдовалъ этотъ планъ начиная съ 1734 года, и по его иниціативѣ Франціи дѣлались нѣсколько разъ предложенія оформить дружественныя отношенія между Парижемъ и Константинополемъ, и заключить настоящій союзъ. Парижскій кабинетъ ничего не отвѣчалъ на эти предложенія; онъ предпочиталъ держаться по отношенію къ Портѣ удобной политики, освященной вѣками. Франція считала Турокъ подчиненными себѣ помощниками, отъ которыхъ она могла требовать величайшихъ услугъ, не обязываясь отплачивать за нихъ съ своей стороны. Какъ только нужна была диверсія, Франція выдвигала Турокъ, направляла ихъ на Австрію, но не принимала на себя никакихъ обязательствъ. Бонневаль открылъ визирю глаза на это обстоятельство; онъ указывалъ на то, что сто лѣтъ тому назадъ Турки подняли оружіе противъ Австріи по просьбѣ Франціи, но что затѣмъ Людовикъ XIV бросилъ ихъ, заключилъ отдѣльный миръ съ Германіей, предоставляя Портѣ выносить всю тяжесть войны. Во время войны за австрійское наслѣдство Турки доказали, что совѣты Бонневаля не прошли безслѣдно; на настоянія Франціи принять участіе въ борьбѣ Порта требовала трактата, въ силу котораго Франція не могла бы бросить ихъ въ трудную минуту. Въ 1745 году, когда становилось яснымъ, что Россія вновь сближается съ Австріей и собирается послать ей войска, Порта соглашалась устроить диверсію, если Французскій король заключитъ съ ней формальный трактатъ. Султанъ не требовалъ отъ Франціи матеріальной помощи, а только обѣщанія не заключать отдѣльнаго мира. На этомъ условіи Порта

обѣщала стянуть войска къ границамъ Украйны и напасть на Россію при первомъ извѣстіи, что русскія войска по пути въ Германію вошли въ Польшу. Французскій король могъ пріобрѣсти серьезную помощь и можетъ-быть остановить русскую армію, собиравшуюся на Рейнъ; стопло ему только заключить формальный трактатъ съ невѣрными. Людовикъ XV посовѣтовался со своимъ любимцемъ маршаломъ Ноалемъ; маршалъ подалъ мемуаръ, въ которомъ высказывался противъ союза съ Портой по мотивамъ нравственнымъ и религіознымъ. Онъ говорилъ, что союзъ старшаго сына церкви съ врагами христіанъ возбудитъ въ Европѣ всеобщее негодованіе и лишитъ французское оружіе благословенія Божія. Мнѣніе маршала было принято и предложеніе Турціи отвергнуто. Это нанесло роковой ударъ французскому вліянію на Востокѣ. Кастеллана не принимали уже съ прежнею любезностью и визирь смотрѣлъ на него не безъ подозрѣнія. Для насъ это было выгодно, потому что Турція согласилась заключить съ нами вѣчный миръ, и въ то время какъ мы посылали значительный корпусъ въ Германію, мы могли быть спокойны за наши южныя границы [1].

Французскія интриги въ Швеціи и Польшѣ были также неудачны. Швеція, недавно испытавшая какъ трудно бороться съ Россіей, соглашалась на новую войну, не иначе какъ если ей будетъ обезпечено содѣйствіе Порты; не мало французскаго золота было потрачено въ Стокгольмѣ безо всякой пользы. Русскій корпусъ долженъ былъ пройти чрезъ Польшу, и Франція интриговала, чтобы рѣчь Посполитая его не пропускала. И тутъ французскіе дипломаты потерпѣли неудачу; русское войско было пропущено и дошло до Рейна, но не приняло участія въ военныхъ дѣйствіяхъ. Въ виду приближенія тридцатитысячнаго корпуса воюющія стороны поспѣшили примириться, и въ Ахенѣ былъ заключенъ миръ между Франціей и Испаніей съ одной стороны, Австріей, Англіей и Голландіей съ другой (1748 г.).

XXII.

Въ теченіе семи лѣтъ мы не имѣли прямыхъ сношеній съ Франціей, но мы сталкивались съ ней въ Польшѣ, въ Швеціи, въ Турціи. Это было какъ разъ въ то время, когда Людовикъ XV захотѣлъ управлять самъ иностранною политикой. Маршалъ

[1] Vandal, p. 206—214.

Ноаль давалъ ему слѣдующій совѣтъ: „Не позволяйте чтобы вами управляли. Не имѣйте ни фаворитовъ, ни перваго министра. Совѣщайтесь съ вашимъ совѣтомъ, но рѣшайте дѣла сами". Людовикъ XV желалъ слѣдовать этому совѣту, и когда умеръ его воспитатель, кардиналъ Флери сказалъ, что теперь онъ самъ будетъ первымъ министромъ. Дѣйствительно, съ тѣхъ поръ не было оффиціальнаго перваго министра, но всегда былъ „секретный визирь", какъ тогда выражались. Такимъ лицомъ, имѣвшимъ большое вліяніе, но не занимавшимъ оффиціальнаго положенія, былъ во время разрыва съ Россіей родственникъ короля принцъ Конти. Людовикъ XV не довѣрялъ своимъ министрамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ боялся ихъ противодѣйствія; поэтому онъ считалъ нужнымъ дѣйствовать тайно отъ министровъ, не испрашивая ихъ согласія. Такимъ образомъ возникла секретная дипломатія самого короля на ряду съ оффиціальною министерскою, и секретная переписка короля со своими агентами. Главой этой секретной дипломатіи, расходившейся иногда съ оффиціальною, былъ принцъ Конти, который прочитывалъ предварительно всѣ донесенія посланниковъ и потомъ уже отправлялъ ихъ въ министерство, секретныя же оставлялъ у себя.

По плану Конти, одобренному Людовикомъ, необходимо было возстановить пошатнувшееся французское вліяніе въ Швеціи, Турціи и Польшѣ, и возсоздать сѣверный оплотъ временъ Ришелье, давно потерявшій свою прежнюю силу. Въ Швеціи въ это время поднималась сильная партія, желавшая измѣнить конституцію Карла XII и усилить королевскую власть. Наше правительство боролось противъ этой партіи, ссылаясь на то, что оно по Ништатскому миру гарантировало конституцію, и грозя оккупаціей Финляндіи въ случаѣ если она будетъ измѣнена. Если Россія, страна самодержавная по преимуществу, противилась монархической партіи въ Швеціи, то конечно потому, что довольно нелѣпая конституція ослабляла эту страну; Франція же, заботясь о процвѣтаніи Швеціи, старалась усилить королевскую власть. Людовикъ приготовилъ двѣнадцать военныхъ судовъ и корпусъ войска, которые во всякую минуту могли быть отправлены въ Балтійское море.

Кромѣ того, старались подѣйствовать на Порту, чтобъ и она приняла угрожающее положеніе по отношенію къ Россіи. Французскій посланникъ въ Константинополѣ внушалъ слѣдующее турецкому правительству: „Истинный мотивъ Россіи принизить и

уничтожить своихъ сосѣдей, славѣ и могуществу которыхъ она завидуетъ, ослабить ихъ настолько, чтобъ они навсегда стали безполезными своимъ союзникамъ, доставить себѣ жестокое наслажденіе перемѣнить министерство въ Швеціи цѣною спокойствія и крови Шведовъ и всѣхъ тѣхъ, кто вынужденъ будетъ принять участіе въ войнѣ, наконецъ, распространить на Шведовъ тиранническій деспотизмъ, который она уже распространила на Поляковъ. Можетъ ли Европа смотрѣть хладнокровно, какъ ея спокойствіе и цѣлыя арміи будутъ принесены въ жертву несправедливому честолюбію Русскихъ? Порта имѣетъ личный интересъ помѣшать ихъ успѣхамъ. Пусть Турки пораздумаютъ о распространеніи владѣній, кредита и могущества Московитовъ, начиная съ начала нынѣшняго вѣка и насколько Порта за это время потеряла свое вліяніе въ общихъ дѣлахъ Европы. Что можетъ быть опаснѣе для свободы Сѣвера и въ частности для Оттоманской имперіи, какъ допускать предпріятія націи, которая, едва вышедши изъ тьмы варварства и невѣжества, стремится постепенно наложить ярмо на сосѣдніе съ ней народы и не знаетъ другаго закона, кромѣ силы? Развѣ есть у Турокъ другой болѣе важный и настоятельный интересъ, какъ поставить плотину противъ этого стремительнаго потока, принесшаго уже столько разрушенія?“ Турки напомнили намъ, что у нихъ оборонительный союзъ съ Швеціей и что, въ случаѣ войны, они вынуждены будутъ ей помочь. Но шведскій вопросъ скоро отошелъ на второй планъ: въ 1750 г. умеръ шведскій король, и его преемникъ, Адольфъ-Фридрихъ, вступая на престолъ, торжественно объявилъ, что онъ оставитъ конституцію неприкосновенною.

Болѣе важные планы преслѣдовала Франція въ Польшѣ. Посланникомъ къ польско-саксонскому двору (Августъ III былъ королемъ польскимъ и курфюрстомъ саксонскимъ) былъ назначенъ, по желанію принца Конти, графъ Брольи. Это былъ, по отзыву современника, честолюбивый человѣкъ, походившій на волкана; блескъ его глазъ обнаруживалъ безпокойный и дѣятельный умъ. Горячій въ привязанности, неумолимый къ врагамъ, онъ ничего не жалѣлъ, чтобы служить друзьямъ и губить враговъ. У него былъ большой дипломатическій и военный талантъ; но деспотизмъ и безграничное честолюбіе заставляли его переходить всякія границы. Графъ Брольи получилъ двѣ инструкціи, одну оффиціальную отъ министерства иностранныхъ дѣлъ, другую секретную отъ Конти. По оффиціальной инструкціи посланникъ

долженъ былъ всячески хлопотать о томъ, чтобы Польша не приставала къ австро-русскому союзу и чтобы не состоялся сеймъ, на которомъ хотѣли внести это предложеніе; ему указывали на нѣсколькихъ вліятельныхъ польскихъ магнатовъ, пользовавшихся издавна протекціей Франціи, которыми онъ долженъ былъ прикрываться съ тѣмъ, чтобъ интрига его не обнаруживалась. Совсѣмъ другой смыслъ имѣла секретная инструкція. Принцъ Конти желалъ привести въ исполненіе старую французскую мечту и вмѣстѣ съ тѣмъ упрочить за своимъ домомъ власть давно утраченную во Франціи; онъ желалъ быть избраннымъ на польскій престолъ по смерти Августа III. Поэтому графу Брольи поручалось пускать въ ходъ всякія средства, составить себѣ обширную партію среди Поляковъ недовольныхъ саксонскимъ королемъ, подготовить почву для будущихъ выборовъ. Дѣйствія въ Польшѣ французскаго посланника шли въ разрѣзъ съ дѣйствіями русскаго посланника, хлопотавшаго о томъ, чтобъ еще при жизни Августа преемникомъ былъ признанъ его сынъ, хотя это и противорѣчило польской конституціи.

Положеніе графа Брольи было двусмысленно и затруднительно; оффиціально ему рекомендовали осторожность, не оффиціально совѣтовали ничѣмъ не стѣсняться. Ему надо было соединиться съ партіей оппозиціонной, а между тѣмъ французскій дофинъ былъ женатъ на дочери польскаго короля и весьма вліятельные люди въ Парижѣ доказывали, что онъ обязанъ поддерживать саксонскую династію. На подкупъ польскихъ магнатовъ Людовикъ тайкомъ выдавалъ деньги изъ своихъ частныхъ средствъ и такимъ образомъ дѣйствовалъ противъ наслѣдника престола. Въ одномъ донесеніи принцу Конти графъ Брольи выразилъ слѣдующимъ образомъ двусмысленность своего положенія: „Что мнѣ всего труднѣе исполнить, это отдавать отчетъ министру во всемъ, что происходитъ, во всемъ, что я дѣлаю и что я вижу, и сообразовать этотъ отчетъ съ намѣреніями вашего высочества и великими планами, порученными вамъ королемъ. Поэтому я вынужденъ скрывать отъ него много вещей, которыя вижу, и дѣлать предположенія о такихъ, которыхъ не вижу. Напримѣръ, г. Сенъ-Конте (министръ иностранныхъ дѣлъ) въ послѣднемъ письмѣ пишетъ мнѣ, что всѣ слухи о здоровьѣ короля польскаго предвѣщаютъ близкую смерть, и поручаетъ мнѣ донести ему объ этомъ. Еслибъ я отвѣтилъ ему то, что вижу и думаю, я

сказалъ бы ему, что нахожу короля вполнѣ здоровымъ: у него хорошій аппетитъ и отличный видъ. Но такъ какъ вы желаете, чтобы смерть короля считали близкою, я отвѣчаю министру, что король польскій здоровъ въ настоящую минуту, но онъ такъ толстъ и шея у него такъ коротка, что повидимому ему ежеминутно грозитъ апоплексическій ударъ." Графъ Брольи подкупомъ и вліяніемъ, какое онъ оказывалъ на знатныхъ дамъ, съумѣлъ составить себѣ значительную партію среди польскихъ магнатовъ и до нѣкоторой степени возстановилъ французское вліяніе въ Польшѣ. Первоначально онъ старался провести мысль о кандидатурѣ принца Конти, но скоро убѣдился, что это дѣло не осуществимо, такъ какъ встрѣтитъ противодѣйствіе со стороны Россіи, Австріи, Англіи и даже Пруссіи. По одному частному вопросу, въ которомъ Чарторыйскіе, представители русской партіи въ Польшѣ, оказались въ оппозиціи къ королю, графъ Брольи принялъ сторону послѣдняго и съ этихъ поръ хлопоталъ только объ одномъ, о тѣсномъ союзѣ саксонскаго курфюрста съ Франціей, другими словами, онъ пренебрегъ секретнымъ порученіемъ и сталъ преслѣдовать цѣли, намѣченныя въ его оффиціальной инструкціи [1].

Секретная дипломатія распространила свои дѣйствія и на Россію, и ей мы обязаны возобновленіемъ сношеній съ Франціей. Елисавета Петровна пожертвовала личными симпатіями ради государственныхъ цѣлей, но была очень огорчена разрывомъ съ Версальскимъ кабинетомъ; она неоднократно высказывала это и подобные слухи доходили до Парижа. Хотя оффиціальныхъ отношеній не было, но частныя лица разсказывали во Франціи о томъ, что дѣлалось въ Петербургѣ. Однимъ изъ такихъ лицъ былъ французскій купецъ Мишель, сынъ Француза, поступившаго на русскую службу при Петрѣ Великомъ, родившійся и получившій воспитаніе въ Петербургѣ. Здѣсь открылъ онъ торговлю галантерейнымъ товаромъ и нашелъ обширный сбытъ въ дамскомъ обществѣ. Каждую весну отправлялся онъ въ Парижъ за товаромъ и вмѣстѣ съ тѣмъ привозилъ иногда депеши отъ французскаго консула (пока таковой еще былъ въ Петербургѣ) и самыя свѣжія новости о Россіи. Это былъ образованный и умный негоціантъ, котораго принимало высшее петербургское

[1] Boutaric, Correspondance secrète de Louis, XV, t. I. p. 18, 65. Duc de Broglie, Le secret du roi, t. I, p. 36—37, 64—65. Vandal, p 222—242.

общество. Въ 1753 г. онъ отправился къ министру иностранныхъ дѣлъ Сенъ-Конте и сообщилъ ему, что Русская императрица выразила желаніе вновь сблизиться съ Франціей; повидимому это было сдѣлано съ согласія Елисаветы Петровны. Принцъ Конти, мечтавшій одно время о бракѣ съ Елисаветой Петровной, принялъ во вниманіе это обстоятельство, и когда извѣстіе, привезенное Мишелемъ, подтвердилось изъ другихъ частныхъ источниковъ, онъ рѣшилъ отправить въ Россію тайнаго агента. Для этой цѣли избрали Мекензи Дугласа, Шотландца, бѣжавшаго изъ родной страны во Францію, и въ іюнѣ 1755 г. принцъ Конти далъ ему инструкцію слѣдующаго содержанія:

„Общее положеніе Европы, смятеніе поднявшееся въ Европѣ въ прошломъ году, участіе, которое принялъ въ немъ Петербургскій дворъ, ожиданіе, что онъ скоро заключитъ субсидный трактатъ съ Англіей при посредствѣ Виліамса, назначеннаго англійскимъ посланникомъ при Русской императрицѣ, все это требуетъ обратить должное вниманіе на положеніе и мѣропріятія этого двора. Давно уже король не имѣетъ тамъ ни посла, ни даже консула и слѣдовательно мы находимся въ полномъ невѣдѣніи о положеніи Россіи. Чтобъ имѣть достовѣрныя свѣдѣнія о томъ, что происходитъ въ Россіи, сочли умѣстнымъ послать лицо безо всякаго оффиціальнаго назначенія, которое было бы способно сдѣлать наблюденія въ Петербургѣ и затѣмъ дать о нихъ отчетъ. Французъ не годился бы для такого порученія. Несмотря на дружбу, которую, какъ предполагается, Русская императрица все еще питаетъ къ королю и на ея расположеніе къ французской націи, русское министерство слишкомъ слѣдило бы за подданымъ короля, подъ какимъ бы предлогомъ онъ ни старался скрыть истинную цѣль своего путешествія, при этихъ условіяхъ онъ оказался бы безполезнымъ. По этой причинѣ выбрали Дугласа, который, будучи подданнымъ короля Великобританскаго, не можетъ возбудить никакого подозрѣнія. Его умъ и рвеніе подаютъ надежду, что онъ съ успѣхомъ выполнитъ возложенное на него порученіе. Онъ отправится отсюда въ качествѣ дворянина, путешествующаго исключительно для своего здоровья и развлеченія. Многіе изъ его соотечественниковъ любятъ путешествовать и слѣдовательно на это не обратятъ вниманія. Онъ долженъ имѣть видъ, что не находится ни въ какихъ сношеніяхъ съ министрами короля, ни во Франціи, ни въ другихъ странахъ, поэтому во время путешествія

не долженъ видѣться ни съ кѣмъ изъ нашихъ посланниковъ. Во избѣжаніе вопросовъ, которые стали бы дѣлать ему при большихъ германскихъ дворахъ, представляется умѣстнымъ, чтобъ онъ выѣхалъ въ Германію черезъ Швабію, оттуда отправился въ Богемію подъ предлогомъ осмотрѣть различные рудники этого королевства. Его познанія въ минералогіи могутъ служить ему предлогомъ для путешествія. Изъ Богеміи онъ отправится въ Саксонію, гдѣ осмотритъ рудники Фрейберга. Удовлетворивъ своей любознательности, онъ отправится въ Данцигъ или черезъ Силезію, Варшаву и Торнъ или черезъ бранденбургскую Померанію. Изъ Данцига онъ направится чрезъ Пруссію въ Курляндію, гдѣ онъ пробудетъ нѣкоторое время потому будто бы, что ему нужно отдохнуть; на самомъ же дѣлѣ онъ наведетъ справки, въ какомъ положеніи находится герцогство Курляндское, что думаетъ курляндская знать о ссылкѣ своего герцога (Бирона). Онъ справится также о финансахъ и судѣ Курляндіи, и о томъ сколько войска содержится тамъ Россіей.

Изъ Курляндіи онъ проѣдетъ въ Ливонію и затѣмъ по большой дорогѣ въ Петербургъ. Первою его заботой по прибытіи туда должно быть распространить слухъ, что онъ пріѣхалъ изъ простаго любопытства. Онъ постарается пріобрѣсти знакомства, которыя помогутъ ему узнать то, что онъ желаетъ. Онъ не можетъ производить свои изслѣдованія слишкомъ осторожно. Онъ не долженъ выказывать расположенія къ какому-нибудь народу предпочтительно предъ другими. Онъ справится наиболѣе секретнымъ образомъ у Вилліамса о ходѣ переговоровъ съ Россіей. Онъ долженъ навести справки о слѣдующемъ: о количествѣ русскаго войска, о состояніи флота, о финансахъ, торговлѣ, о расположеніи націи къ теперешнему министерству, объ упадкѣ кредита графа Бестужева, о значеніи Воронцова, о фаворитахъ императрицы, о вліяніи какое они могутъ имѣть на министровъ, о дружбѣ и враждѣ между министрами, о поведеніи ихъ по отношенію къ фаворитамъ, о судьбѣ князя Ивана (Антоновича), бывшаго царемъ, о привязанности націи къ русскому великому князю (наслѣднику престола Петру), о томъ имѣетъ ли князь Иванъ тайную партію и поддерживаетъ ли ее Англія, о желаніи Русскихъ жить мирно и о нерасположеніи ихъ къ войнѣ, о видахъ Россіи на Польшу и Швецію, о впечатлѣніи, произведенномъ смертію султана Мамуда и вступленіемъ на престолъ Османа, о томъ, что думаютъ о вѣрности казаковъ, о чувствахъ императрицы

къ Франціи и о внушеніяхъ дѣлаемыхъ ей по всей вѣроятности министерствомъ, чтобъ отвлечь ее отъ Франціи, о придворныхъ партіяхъ, о подданныхъ, мужчинахъ и женщинахъ, къ которымъ императрица питаетъ довѣріе, о чувствахъ ея и министровъ къ дворамъ Вѣнскому и Лондонскому. Дугласъ сдѣлаетъ замѣтки обо всѣхъ этихъ предметахъ, на основаніи которыхъ онъ составитъ мемуаръ. Но онъ пошлетъ свой мемуаръ только послѣ того, какъ выѣдетъ изъ предѣловъ Россіи или если шведскій посланникъ въ Петербургѣ возьмется отправить его съ курьеромъ въ Стокгольмъ. Онъ ничего не долженъ довѣрять обыкновенной почтѣ кромѣ донесенія о своемъ прибытіи и нѣкоторыхъ общихъ свѣдѣній о ходѣ дѣлъ, которыя долженъ выражать на условномъ аллегорическомъ языкѣ. Когда онъ исполнитъ приблизительно всѣ возложенныя на него порученія, онъ дастъ объ этомъ знать, чтобы можно было дать ему приказаніе вернуться во Францію тою же дорогой или на Швецію подъ тѣмъ же предлогомъ посмотрѣть тамъ рудники, чтобы до конца скрывать истинную цѣль его путешествія.“ [1]

Къ этой инструкціи была приложена таблица аллегорическаго языка. Англійскій посланникъ Вилліамсъ будетъ называться „черною лисицей“, и сообщенія о томъ падаетъ онъ въ цѣнѣ или поднимается будутъ означать степень его вліянія при дворѣ; выраженіе „горностай въ ходу“ будетъ значить, что русская партія преобладаетъ, а иностранцы не пользуются вліяніемъ; если же австрійская партія, къ которой принадлежитъ Бестужевъ, возьметъ верхъ, тогда напишутъ, что „волы и шкуры также въ цѣнѣ.“ „Соболь падаетъ“ будетъ означать, что вліяніе канцлера уменьшается; число войскъ въ тысячахъ будетъ показано количествомъ мѣховъ въ единицахъ; если нельзя будетъ ничего достигнуть, посланникъ сообщитъ, что здоровье его плохо, если ему необходимо будетъ вернуться, увѣдомитъ, что мѣха уже куплены и т. п. [2].

Мы знаемъ очень мало о пребываніи Дугласа въ Петербургѣ. Онъ обратился прежде всего къ англійскому посланнику, но тотъ, не довѣряя эмигранту, отказался представить его ко двору. Тогда онъ вошелъ въ сношенія съ Мишелемъ, который и познакомилъ его съ Воронцовымъ. Вице-канцлеръ довелъ до свѣдѣнія императрицы, что къ намъ явился тайный агентъ изъ Парижа, и

[1] Recueil, IX, 6—10.

[2] *Русская Старина* 1874 г. августъ, стр. 751—752.

Елисавета Петровна выразила желаніе возобновить сношенія съ Франціей, въ чемъ Воронцовъ далъ письменное удостовѣреніе Дугласу. Такъ какъ послѣдній не имѣлъ никакихъ полномочій и обязанъ былъ скрывать цѣль своего путешествія, онъ счелъ безполезнымъ жить долго въ Петербургѣ и, пробывъ тамъ двѣ недѣли, возвратился въ Парижъ.

Въ то время въ политическомъ мірѣ произошли важныя событія. 19 сентября 1755 года Россія заключила съ Англіей субсидный трактатъ слѣдующаго содержанія: Россія обязывается содержать на лифляндскихъ и литовскихъ границахъ корпусъ въ 55 тысячъ человѣкъ и на морскомъ берегу отъ 40 до 50 галеръ съ потребнымъ экипажемъ: этотъ корпусъ идетъ за границу какъ скоро на Англійскаго короля или кого-нибудь изъ его союзниковъ сдѣлано будетъ нападеніе: съ своей стороны Англія обязалась выдать Россіи субсидію въ 500 тысячъ фунтовъ за диверсію и 100 тысячъ фунтовъ за содержаніе войска на границахъ. Конвенція была подписана, но не ратификована. Бестужевъ всячески торопилъ ратификаціей, но Воронцовъ и другіе враги канцлера останавливали императрицу. Бестужевъ предполагалъ, что Фридрихъ Великій нападетъ на Ганноверъ, принадлежавшій королю Англійскому, и что Россіи придется посылать войска только противъ одного врага Англіи, Пруссіи, съ которой и безъ того необходимо было воевать: поэтому онъ считалъ выгоднымъ, что за войну начатую въ интересахъ Россіи и неизбѣжную мы получимъ отъ Англіи вознагражденіе. Канцлеръ подалъ императрицѣ длинную записку, въ которой требовалъ ратификаціи субсиднаго трактата и грозилъ иначе выйти въ отставку. „Записка канцлера, говоритъ С. М. Соловьевъ, продиктованная раздраженнымъ самолюбіемъ, была крайне слаба. Она была наполнена выходками противъ недоброжелательныхъ людей, которые изъ личной вражды къ нему, канцлеру, останавливаютъ полезное для государства дѣло; указывалось на противорѣчіе этихъ людей, которые кричали о необходимости сократить силы короля Прусскаго, о необходимости выставить большое войско: а теперь, когда идетъ дѣло о томъ, чтобы содержать это войско на чужой счетъ, они не хотятъ. Но Бестужевъ въ своемъ раздраженіи билъ совершенно мимо: люди, которые раздумывали и внушали императрицѣ раздумье надъ субсиднымъ трактатомъ, были совершенно послѣдовательны; они готовы были сейчасъ подписать субсидный трактатъ, еслибъ они были увѣрены, что войско немедленно и непремѣнно

двинется противъ Фридриха II; ихъ останавливало сомнѣніе, не должно ли будетъ идти войско въ другую сторону.“ Вслѣдствіе настоящій Бестужева конвенція съ Англіей была ратифицирована, но къ ней по требованію Воронцова приложена секретнѣйшая декларація, что Россія обязуется помогать Англіи только противъ Пруссіи.

Бестужевъ уже пятнадцать лѣтъ заправлялъ нашею внѣшнею политикой и торжествовалъ во все это время. Предсказанія его сбывались, мѣропріятія оправдывались, дипломатическія затрудненія ловко устранялись; Россія не была впутана ни въ одну невыгодную войну, она не заключила ни одного невыгоднаго мира. Но на шестнадцатомъ году канцлеръ ошибся, онъ не замѣтилъ, что отношенія между европейскими державами измѣняются, что впредь Франція и Пруссія не будутъ уже стоять противъ Австріи и Англіи. Ошибка его скоро сказалась, и онъ дорого за нее поплатился.

Трактатъ между Россіей и Англіей вызвалъ новый трактатъ, и на этотъ разъ между прежними врагами, Англіей и Пруссіей. Фридрихъ Великій боялся Россіи. „Это страшная держава, говорилъ онъ, которая чрезъ полстолѣтія заставитъ трепетать Европу“. Когда онъ узналъ объ англо-русской конвенціи, онъ понялъ, что будетъ имѣть дѣло не съ однимъ австрійскимъ войскомъ, но и съ русскимъ. Ему непремѣнно нужно было отклонить русскія силы, поэтому онъ рѣшилъ сойтись съ Англіей. Въ началѣ 1756 года былъ заключенъ Вестминстерскій трактатъ, по которому Фридрихъ Великій обязывался защищать Ганноверъ отъ нападенія всякаго непріятеля, то-есть Франціи. Оказывалось, что мы въ союзѣ съ Англіей, а Англія въ союзѣ съ Фридрихомъ, и слѣдовательно мы должны помогать Пруссіи. Не зная о секретной декларації Фридрихъ дѣйствительно разсчитывалъ на нашу помощь. „Я хочу выполнить свои обязательства относительно вашего государя, говорилъ онъ англійскому посланнику, и въ случаѣ если покой въ Германской имперіи будетъ нарушенъ, то я буду дѣйствовать противъ непріятеля сообща съ Англійскимъ королемъ. Но увѣрены ли вы въ Русскихъ?“ „Король, мой государь думаетъ, что можетъ быть увѣреннымъ на ихъ счетъ“, отвѣчалъ посланникъ. Фридрихъ сталъ считать силы, какія могли выставить воюющія стороны: „У меня, говорилъ онъ, сто тысячъ войска, да если прибавить сюда еще тридцать тысячъ Русскихъ? Русскія войска могутъ сѣсть на суда въ

лифляндскихъ и курляндскихъ гаваняхъ и выйти на берегъ въ Ростокѣ, въ Пруссіи."

Понятно какое впечатлѣніе произвело въ Петербургѣ извѣстіе о союзѣ Англіи съ Пруссіей. Враги канцлера торжествовали. „Бестужевъ, говоритъ С. М. Соловьевъ, зналъ очень хорошо, что нѣтъ никакой возможности уничтожить дурное дѣйствіе англо-прусскаго союза. Никогда еще знаменитый канцлеръ не былъ въ такомъ печальномъ положеніи. Какъ нарочно только-что предъ тѣмъ съ необыкновенною горячностью настаивалъ онъ на ратификаціи субсиднаго договора, выставляя свою непогрѣшимость и позоря враговъ ихъ ошибками; и вдругъ такая страшная ошибка, такой позоръ предъ лицомъ этихъ самыхъ враговъ. Хуже всего, Бестужевъ долженъ былъ чувствовать, какъ онъ упалъ во мнѣніи императрицы: Елисавета никогда не любила его, но она считала его необходимымъ по его талантамъ и опытности и не выдавала врагамъ; но теперь это обаяніе необыкновеннаго искусства и предусмотрительности исчезло: ошибки молодости, неопытности извиняются легко, ибо считаются средствомъ къ пріобрѣтенію искусства; ошибки старости не прощаются, ибо могутъ только служить признакомъ паденія силъ."

Созвана была конференція для обсужденія, какой политики держаться. Тутъ участвовалъ, конечно, Бестужевъ, но также и нѣкоторые его противники, какъ Воронцовъ и Шуваловы. 30 марта 1756 года конференція постановила: 1) съ Вѣнскимъ дворомъ немедлено приступить къ соглашенію и склонять его, чтобъ онъ, пользуясь нынѣшнею войной Англіи съ Франціей, напалъ на Прусскаго короля вмѣстѣ съ Россіей. Представить Вѣнскому двору, что такъ какъ съ русской стороны для обузданія Прусскаго короля выставляется армія въ восемьдесятъ тысячъ человѣкъ, а въ случаѣ нужды употребятся всѣ силы, то императрица-королева (Марія Терезія) имѣетъ въ рукахъ самый удобный случай возвратить завоеванныя Прусскимъ королемъ въ послѣднюю войну области. Если императрица-королева опасается, что Франція отвлечетъ ея силы въ случаѣ нападенія на короля Прусскаго, то представить, что Франція занята войной съ Англіей, и Австрія, не мѣшаясь въ ихъ ссору и не подавая Англіи никакой помощи, можетъ убѣдить и Францію къ тому, чтобъ она не вмѣшивалась въ войну Австріи съ Пруссіей, чему Россія будетъ содѣйствовать со своей стороны сколько возможно. 2) Здѣшнимъ, при чужихъ дворахъ находящимся, министрамъ приказать,

чтобъ они съ французскими министрами ласковѣе прежняго обходились, однимъ словомъ, все къ тому вести, чтобы Вѣнскому двору безопасность со стороны Франціи доставить и склонить этотъ дворъ къ войнѣ съ Пруссіей. 3) Польшу исподоволь приготовлять, чтобъ она проходу русскихъ войскъ чрезъ свои владѣнія не только не препятствовала, но охотно бы на то смотрѣла. 4) Стараться Турокъ и Шведовъ держать въ спокойствіи и бездѣйствіи; оставаться въ дружбѣ и согласіи съ обѣими этими державами, чтобы съ ихъ стороны не было ни малѣйшаго препятствія успѣху здѣшнихъ намѣреній относительно сокращенія силъ короля Прусскаго. 5) Послѣдуя симъ правиламъ идти далѣе, а именно, ослабя короля Прусскаго, сдѣлать его для Россіи нестрашнымъ и незаботнымъ; усиливши Вѣнскій дворъ возвращеніемъ Силезіи, сдѣлать союзъ съ нимъ противъ Турокъ болѣе важнымъ и дѣйствительнымъ. Одоливши Польшу доставленіемъ ей восточной Пруссіи, взамѣнъ получить не только Курляндію, но и такое округленіе границъ съ польской стороны, благодаря которому не токмо пресѣклись бы нынѣшнія безпрестанныя объ нихъ хлопоты и безпокойства, но быть-можетъ и полученъ былъ бы способъ соединить торговлю Балтійскаго и Чернаго морей и сосредоточить всю левантскую торговлю въ своихъ рукахъ [1].

Изъ постановленій конференціи видно, что русское правительство домогалось главнымъ образомъ нейтралитета Франціи въ предстоящей войнѣ Австріи съ Пруссіей: съ другой стороны французское правительство желало, чтобы Россія оставалась нейтральною въ разгоравшейся тогда европейской войнѣ, и съ этою цѣлію въ началѣ 1756 г. былъ вторично посланъ въ Петербургъ Дугласъ. Въ данной ему инструкціи французское министерство старалось защититься ото всѣхъ упрековъ, которые Россія могла сдѣлать Франціи. „Случившееся съ маркизомъ Шетарди и Даліономъ, отозваніе Гросса, связи Русскаго двора съ врагами короля, войска посланныя на помощь имъ въ 1748 г., проекты Русской державы измѣнить правленіе Швеціи и утѣснить Польшу, то-есть государства, свободою которыхъ король заинтересованъ,—все это заставляло думать короля, что Русскій дворъ по принципу врагъ друзей короля и другъ его враговъ, что слѣдовательно безполезно при такомъ положеніи вещей думать о

[1] Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. XXIII, стр. 292—293, т. XXIV, стр. 19—20, 23—24, 26—27, 35—36.

возобновленіи дружбы, существовавшей между этими государствами. Несмотря на это король отдавалъ справедливость добродѣтелямъ Русской императрицы и былъ убѣжденъ, что она питаетъ къ нему должную благодарность за содѣйствіе ей оказанное при вступленіи на престолъ; но король жалѣлъ, что она удручена министерствомъ, жертвующимъ своимъ личнымъ цѣлямъ славою и интересами государства. Все это Дугласъ можетъ сказать графу Воронцову по возвращеніи своемъ въ Петербургъ. Изъ приказанія, даннаго Дугласу, предпринять второе путешествіе, этотъ министръ выведетъ заключеніе, что личныя чувства короля къ Русской императрицѣ не измѣнились, что онъ искренно желаетъ блага, процвѣтанія и славы императрицы, что только государственные интересы помѣшали ему развивать дружбу, существовавшую между нимъ и императрицей съ самаго начала ея царствованія. Въ дѣлѣ маркиза Шетарди усмотрѣно было желаніе русскихъ министровъ оскорбить Францію: если своимъ неумѣреннымъ поведеніемъ онъ не понравился императрицѣ, она могла пожаловаться на него королю, который зналъ съ какимъ вниманіемъ монархи должны относиться другъ къ другу, не преминулъ бы отозвать Шетарди и наказаніемъ, которымъ подвергъ бы его, далъ бы императрицѣ болѣе блистательное удовлетвореніе чѣмъ то, которое она дала себѣ сама; ссылка, которой подвергли Шетарди по его возвращеніи во Францію, достаточно указываетъ на чувства короля. Въ газетахъ часто появлялись оскорбительныя для короля вещи, которыя печатались конечно съ разрѣшенія русскихъ министровъ. На основаніи всего этого Воронцовъ самъ разсудитъ, прилично ли было королю сдѣлать первый шагъ къ примиренію. Рожденіе князя Павла Петровича (въ 1754 г.) не дало повода къ этому. Оно было объявлено въ частномъ письмѣ Русской императрицы къ королю, на что и было отвѣчено согласно обычаю. Еслибы по этому случаю императрица прислала кого-нибудь къ королю, онъ отвѣтилъ бы ей тѣмъ же; она могла воспользоваться рожденіемъ герцога Бурбонскаго (сына дофина) и прислать кого-нибудь изъ своихъ придворныхъ поздравить короля съ событіемъ, которое не менѣе важно для Франціи, чѣмъ рожденіе Павла Петровича для Россіи.

Знаменитый артистъ, каковъ Токе (извѣстный портретистъ), много работающій и зарабатывающій на мѣстѣ, всегда съ большимъ трудомъ рѣшается на далекое путешествіе, хотя бы онъ считалъ за большую честь желаніе Русской императрицы быть

написанной его кистью. Успѣхъ въ искусствахъ измѣнчивъ; артистъ боится рисковать и потерять свою репутацію и слѣдовательно причинить себѣ навсегда безконечный вредъ. Несомнѣнно по этимъ соображеніямъ Токе торговался и наконецъ совсѣмъ отказался отъ путешествія. Впрочемъ король не былъ извѣщенъ о желаніи императрицы. Петербургскій дворъ не долженъ думать, будто во Франціи были того мнѣнія, что въ Россіи не умѣютъ ни понять ни вознаграждать талантовъ. [1]

Графъ Воронцовъ, съ которымъ Дугласъ будетъ говорить въ этихъ выраженіяхъ, слишкомъ просвѣщенъ, чтобы не чувствовать что всѣ эти упреки не имѣютъ достаточнаго основанія. Монарховъ должны соединять ихъ чувства и государственные интересы. Королю дорого продолженіе мира и поддержаніе законовъ и государственнаго устройства всякаго государства. Хотя Воронцовъ и говоритъ о желаніи императрицы соединиться съ королемъ,— какую вѣру можно имѣть въ его слова, когда Россія собирается отправить на помощь Англіи 55 тысячъ войска? Этотъ пунктъ— пробный камень, по которому можно будетъ судить объ истинныхъ чувствахъ императрицы. Воронцовъ говоритъ, что есть средства сдѣлать англо-русскій трактатъ недѣйствительнымъ. Дѣйствительно есть одно средство. Опасеніе, что подымутся безпорядки внутри Имперіи, если выведутъ изъ нея такой значительный корпусъ, возможность нападенія со стороны Турокъ и Татаръ, вооруженное сопротивленіе Польши пропуску русскаго войска, всѣ эти причины, изложенныя какъ можно яснѣе императрицѣ, могутъ заставить ее понять, какую ошибку она сдѣлала, подписавъ этотъ трактатъ, и постараться его уничтожить.

Дугласъ долженъ говорить обо всемъ этомъ Воронцову съ ловкостью и деликатностью. Онъ можетъ положительно завѣрить этого министра, что король не измѣнилъ о немъ мнѣнія. Онъ всегда былъ расположенъ къ Воронцову, и послѣдній при всякомъ случаѣ будетъ ощущать королевскую благосклонность. Король не ограничился бы безплодными знаками благодарности, еслибы Воронцову удалось остановить движеніе русскаго войска (намекъ на пенсію). Дугласъ долженъ внушить это министру какъ можно ловчѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно ясно.

---

[1] Токе впослѣдствіи провелъ въ Россіи два года (1757—1759) и написалъ портретъ Елисаветы Петровны.

Воронцовъ возразитъ можетъ-быть, что невозможно разорвать трактата, потому что это причинило бы вредъ императрицѣ, такъ какъ за содержаніе войска въ мирное время Англичане дали субсидію во 100 тысячъ фунтовъ, что изъ этихъ денегъ часть уже израсходована, что разорвавъ этотъ трактатъ изъ дружбы къ Франціи, императрица потеряетъ субсидію и не получитъ ничего въ замѣну. Поэтому Дугласу подъ величайшимъ секретомъ довѣряется, что если Воронцовъ сдѣлаетъ это возраженіе и если отъ этого только будетъ зависѣть успѣхъ переговоровъ объ уничтоженіи трактата, король не отказывается вознаградить императрицу за ея потерю. Франція готова дать субсидію Россіи и ничего не потребуетъ за это кромѣ нейтралитета. Но надо сдѣлать такъ, чтобъ эта идея пришла въ голову Воронцову и чтобъ онъ первый заговорилъ о ней.

Но насколько можно разсчитывать на доброе расположеніе Воронцова, настолько же надо бояться Бестужева, вполнѣ преданнаго Англіи. Поэтому было бы очень важно для возобновленія сношеній съ Россіей, чтобы канцлеръ былъ удаленъ отъ дѣлъ. Это было бы самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ, какое императрица могла бы дать въ своихъ истинныхъ чувствахъ къ королю. Это пунктъ слишкомъ деликатный, чтобъ о немъ распространяться здѣсь.

Если Воронцовъ, какъ надо думать, одобритъ то, что̀ ему будетъ говорить Дугласъ, король полагаетъ, что самымъ приличнымъ способомъ для образованія союза будетъ найти предлогъ въ торговыхъ сношеніяхъ и назначить въ Петербургъ французскаго консула. Если послѣ этого перваго шага взаимное расположеніе останется тѣмъ же, и Русская императрица публично заявитъ о своемъ желаніи возобновить сношенія съ Франціей, назначивъ посланника къ нашему двору, она можетъ быть увѣрена, что король со своей стороны пошлетъ въ Петербургъ въ качествѣ посла одного изъ своихъ придворныхъ и при томъ такого, который будетъ пріятенъ императрицѣ [1].

9 апрѣля Дугласъ пріѣхалъ въ Петербургъ, а на слѣдующій день Воронцовъ получилъ извѣстіе отъ Дугласа, что онъ прибылъ въ Петербургъ и желаетъ видѣться съ вице-канцлеромъ немедленно. Воронцовъ согласился на это свиданіе, и Дугласъ

[1] Recueil, IX, 18—27.

подалъ ему письмо отъ министра иностранныхъ дѣлъ Рулье, написанное на аллегорическомъ языкѣ. Письмо начиналось такъ: „Узнавъ о благосклонныхъ обо мнѣ отзывахъ вашего сіятельства отъ особы, которой вы поручили отыскать библіотекаря и прислать образцы бургонскаго вина, я поручаю ей засвидѣтельствовать вашему сіятельству за это мою благодарность.“ „Что̀ значитъ? Какой библіотекарь, какое вино“? спросилъ Воронцовъ. „Библіотекарь это я, отвѣчалъ Дугласъ, а вина—это дѣла, назначеніе лицъ, которыя должны быть посланы съ обѣихъ сторонъ для возстановленія сношеній“. „Кажется, можно было бы и прямо объ этомъ написать, замѣтилъ Воронцовъ. Я донесу объ этомъ императрицѣ, но такъ какъ теперь Страстная недѣля, то наврядъ я могу это сдѣлать прежде Пасхи, и потому прошу васъ сообщить мнѣ письменно все, что̀ поручено вамъ предложить здѣсь отъ Французскаго двора, чтобъ я могъ сдѣлать обстоятельнѣйшее донесеніе императрицѣ“. Дугласъ согласился и подалъ слѣдующую записку: „Король мой государь отправилъ меня къ вашему сіятельству съ извѣщеніемъ, что если императрица дѣйствительно расположена къ соединенію съ Франціей, то король съ удовольствіемъ увидитъ установленіе дружескихъ сношеній, которымъ для взаимныхъ интересовъ не слѣдовало бы никогда прерываться. Мнѣ поручено васъ увѣрить, что когда императрица рѣшится назначить своего министра во Францію, то король, какъ только узнаетъ о происхожденіи и званіи этого министра, немедленно назначитъ своего министра въ Россію одинакаго происхожденія и званія. Такъ какъ взаимное отправленіе этихъ министровъ можетъ повести къ прямой торговлѣ Французовъ въ Россіи, то король назначитъ консула въ Петербургъ.“

Изъ упрямства, а также изъ понятнаго эгоизма Бестужевъ былъ противъ возобновленія сношеній съ Франціей. Кредитъ его сильно пошатнулся, и онъ былъ увѣренъ, что если въ Петербургѣ вновь появится ловкій французскій дипломатъ и присоединится къ его противникамъ, то теперь при измѣнившихся обстоятельствахъ это можетъ вызвать его паденіе. Но настоящихъ причинъ чуждаться Франціи уже не было; извѣстно было, что происходитъ сближеніе Франціи съ Австріей, что обѣ эти державы ополчатся на Прусскаго короля, что такимъ образомъ Франція становится естественною нашею союзницей. Понятно, что

одолѣла партія, противная Бестужеву, и Дугласу вручили оффиціальный отвѣтъ на его записку, въ которой говорилось слѣдующее: Императрица съ особеннымъ удовольствіемъ узнала о личныхъ чувствахъ короля къ ней, и такъ какъ она ожидала только случая увѣрить короля въ своихъ чувствахъ къ нему, неизмѣнно ею сохраненныхъ, то императрица очень рада видѣть доброе расположеніе короля къ возстановленію добраго согласія и тѣсной дружбы между обоими дворами. Императрица съ удовольствіемъ соглашается на взаимное назначеніе министровъ съ посольскимъ характеромъ; но императрица находитъ согласнымъ съ достоинствомъ и пользой обоихъ дворовъ, назначить ихъ одновременно и немедленно, и уже назначила, въ соотвѣтствіе присылки Дугласа, отправить во Францію надворнаго совѣтника Бехтѣева, и хотя Дугласъ недостаточно авторизованъ, однако его будутъ принимать съ отличіемъ и выслушивать какъ человѣка, дѣйствительно присланнаго королемъ.

Бехтѣевъ былъ домашнимъ человѣкомъ у вице-канцлера Воронцова, пробылъ значительное время за границей и считался способнымъ исполнить порученіе, казавшееся деликатнымъ. Бехтѣевъ долженъ былъ внушать французскому министерству, что императрица отвергнетъ англійскія субсидіи и пренебрежетъ всѣми выгодными предложеніями, которыя Англія до сихъ поръ не перестаетъ дѣлать, только въ уваженіе постоянно подаваемыхъ со стороны Маріи Терезіи обнадеживаній, что Французскій король будетъ болѣе, чѣмъ Англія. готовъ вступить въ виды Россіи и дѣйствительно имъ помогать. Бехтѣевъ долженъ былъ стараться внушить Французскому двору о необходимости скораго и ближайшаго соединенія, не говоря ничего о характерѣ этого соединенія, и еслибы французское министерство его объ этомъ спросило, то онъ могъ прямо отвѣчать, чтобъ обратились къ австрійскому послу Штарембергу, которому Бехтѣевъ долженъ объявить, что ему запрещено дѣлать что-либо безъ его согласія и совѣта: надобно, говорилось въ наказѣ, наблюдать крайнюю осторожность, чтобы не дать Вѣнскому двору повода думать, будто бы на его старанія не полагаются и мимо его хотятъ постановить что-то важное съ Франціей; часто случалось, что отъ малаго недоразумѣнія великія и знатныя дѣла портились [1].

---

[1] Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. XXIV, стр. 67—68.

Вслѣдъ за прибытіемъ Дугласа случилось важное событіе въ дипломатическомъ мірѣ: 1 мая былъ подписанъ оборонительный трактатъ между Австріей и Франціей, вѣковая вражда была забыта, и Марія Терезія собиралась воевать противъ Пруссіи вмѣстѣ съ Людовикомъ. Такая перемѣна политики была прямымъ слѣдствіемъ Вестминстерскаго договора и войны за австрійское наслѣдство. По смерти императора Карла VI Франція собиралась разгромить Австрію и съ этою цѣлію соединилась съ королемъ Фридрихомъ. Но по окончаніи войны оказалось, что въ выгодѣ осталась одна Пруссія, а Франція не получила никакихъ осязательныхъ результатовъ; стало яснымъ, что страшна не Австрія, а возрастающее могущество Пруссіи, которое начало уже нарушать европейское равновѣсіе, что Фридрихъ II очень не вѣрный союзникъ, что онъ держится союзной державы, только пока ему это выгодно, а затѣмъ бросаетъ ее. Не предупредивъ Людовика онъ заключилъ оборонительный трактатъ съ его врагомъ Англіей, и Франція оставалась безъ поддержки: противъ нее были Пруссія, Россія, Англія, Австрія. Тогда французское правительство рѣшило пренебречь традиціей и соединиться съ Маріей Терезіей, о чемъ давно хлопоталъ австрійскій министръ Кауницъ.

Измѣнившаяся политика Франціи позволила и намъ заключить съ ней союзъ, и 31 декабря 1756 г. Елисавета Петровна подписала актъ приступленія Россійскаго двора къ заключенному въ Версалѣ 1 мая между Вѣнскимъ и Французскимъ дворами оборонительному трактату. Франція и Россія обязались оборонять другъ друга противъ всякаго непріятеля, но тутъ встрѣтилось маленькое затрудненіе. Неужели французское правительство должно разстаться со своею восточною политикой и воевать съ Портой, въ случаѣ она нападетъ на Россію? Это представлялось немыслимымъ, и въ актѣ приступленія помѣстили оговорку: „императрица освобождаетъ короля Французскаго отъ назначенной вышеписаннымъ трактатомъ обороны и помощи ея владѣніямъ и землямъ въ случаѣ нападенія онымъ со стороны Оттоманской Порты или Персіи“. Съ другой стороны Россія не обязывалась помогать Франціи противъ Англіи. Но въ то же время къ трактату присоединили по обычаю того времени секретную декларацію, до нѣкоторой степени уничтожавшую помянутыя оговорки. По этой декларации Россія обязывалась помогать Франціи

противъ Англіи, если послѣдняя нападетъ на Францію въ Европѣ, а Франція обязывается давать Россіи денежную помощь противъ Турціи [1].

Такимъ образомъ послѣ разрыва съ Франціей мы вступаемъ съ нею въ дружбу въ 1756 г. и начинается новый періодъ (по счету Рамбо четвертый) нашихъ сношеній съ Франціей. Въ теченіе третьяго періода (1726—1756 г.) Россія, заключившая союзъ съ Австріей, относилась прямо враждебно къ Франціи.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

П. Безобразовъ.

---

[1] Мартенсъ, *Собраніе трактатовъ и конвенцій*, т I, стр. 188—201. Соловьевъ, *Исторія Россія*, т. XXIV, стр. 75.

НАТАША КРИНИЦКАЯ.

(Повѣсть.)

I.

Конецъ августа. Солнце знойнымъ потокомъ заливаетъ Седъ-Аметъ, одинъ изъ новомодныхъ крымскихъ курортовъ. Тихо плещутъ о берегъ волны, оставляя на бѣломъ пескѣ пестрыя ракушки. Толпа черномазыхъ ребятишекъ съ громкимъ смѣхомъ и визгомъ полощатся въ бухтѣ, обдавая брызгами шныряющіе мимо ялики. Пріѣзжихъ масса. Всѣ квартиры заняты, и роскошная гостиница „Уч-меше“, построенная на манеръ швейцарскихъ пансіоновъ—набита биткомъ. Два господина встрѣтились у пристани, поздоровались и побрели вмѣстѣ вдоль набережной. Одинъ изъ нихъ, худощавый, сутуловатый брюнетъ, съ краснымъ, уже нѣсколько помятымъ лицомъ, которому отсутствіе бороды и усовъ придавало актерскій видъ—былъ художникъ Ѳедоръ Алексѣичъ Хомутовъ, составившій себѣ громкое имя нѣсколькими сенсаціонными картинами, въ свое время вызвавшими цѣлую бурю въ лагерѣ поборниковъ „идейнаго искусства“. Другаго звали Антонъ Филиппычъ Коробьинъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ сорока пятисеми, еще стройный, высокаго роста, съ густою гривой полусѣдыхъ волосъ и длинною свѣтлорусою бородой, вѣеромъ окаймлявшею его подвижное лицо. Коробьинъ былъ извѣстный романистъ, драматургъ, публицистъ, неутомимый сотрудникъ скромно фрондирующихъ газетъ и журналовъ.

— Ну что̀, устроились, спросилъ художникъ (онъ говорилъ тонкимъ, высокимъ голосомъ, лѣниво растягивая слова).

— Какъ же, обрѣли себѣ пріютъ у какой-то дебелой Гречанки, тутъ не далеко отъ вашего палаццо. Елена Ивановна теперь тамъ разбирается... пыль, шумъ, дѣти скачутъ по чемоданамъ... Я сбѣжалъ.

— Какъ оно и подобаетъ солидному отцу семейства, вставилъ Хомутовъ.

Антонъ Филиппычъ махнулъ тростью по своимъ башмакамъ.

— Хорошо вамъ смѣяться. Вы — вольный казакъ, уложили свои кисти да краски, и поминай, какъ звали. Посидѣли бы, батенька, въ нашей шкурѣ... зиму-то строчишь, строчишь, индо одурѣешь, и лѣтомъ нельзя передохнуть... Только задумаешь удрать, сейчасъ жена и дѣти вцѣпятся—куда, молъ, голубчикъ, шалишь... Вотъ и теперь, думалъ прокатиться сюда недѣли на три, а придется, чего добраго, прожить въ семъ Эдемѣ зиму. У младшихъ дѣвочекъ, вишь, аглицкая болѣзнь. И откуда она только... Вотъ испытайте-ка на себѣ сладость семейной идилліи, приправленной иностранными и россійскими болѣзнями.

— Зачѣмъ мнѣ испытывать, я вамъ на слово вѣрю.

Мимо прошли элегантная, стройная бѣлокурая дама и молоденькая дѣвушка. Хомутовъ снялъ свою широкополую шляпу и раскланялся. Дама отклонила красный шелковый зонтикъ на плечо и, сощурившись, кивнула головой.

— Ѳедоръ Алексѣичъ. Кто это? Что̀ за красавица, воскликнулъ Коробьинъ и обернулся, чтобъ еще разъ взглянуть на удаляющихся дамъ.

Хомутовъ разсмѣялся.

— Какой вы впечатлительный! Это — Софья Петровна Криницкая съ дочерью. Она тутъ съ мѣсяцъ и ужь успѣла перессорить всѣхъ женъ съ мужьями. А вѣдь хороша?

— Удивительно, подтвердилъ Коробьинъ.—Да неужто эта барышня ея дочь? Сколько же ей лѣтъ?

— Кому, матери или дочери?

— Конечно, матери. Дочь неинтересна.

— Не знаю. Это тайна ея и природы. А дочери девятнадцать лѣтъ, и она премилая, даже несмотря на лучезарную мамашу.

— Ужь не огорчила ли васъ эта мамаша, пошутилъ Коробьинъ,—что-то вы о ней ехидно отзываетесь. А вы близки съ ними?

— Весьма. Софья Петровна—моя давнишняя знакомая—мы

прежде часто встрѣчались за границей. И тутъ мы сосѣди:—моя комната рядомъ съ ихъ аппартаментами. Хотите, я васъ представлю, предложилъ онъ.

— Въ поясъ поклонюсь, только поскорѣе, не томите.

— А Елена Ивановна что̀ скажетъ, возразилъ художникъ.

Коробьинъ сдѣлалъ неопредѣленную гримасу.

— Ничего, она у меня смирная, сказалъ онъ.—Къ тому же я ее убѣдилъ, что писателю нужны иногда такія „мимолетныя видѣнья“.

Оба засмѣялись.

II.

Криницкія занимали въ „Уч-меше“ отдѣленіе въ три комнаты. Изъ средней, пріемной, отдѣлявшей спальни матери и дочери, стеклянная дверь вела на террасу, увитую виноградникомъ, глициніями и мелкими розами. Съ террасы открывался прелестный видъ на море, какъ бы запертое съ одного конца каменною стѣной горъ.

Софья Петровна, покачиваясь въ качалкѣ, вяло перебирала страницы новаго французскаго романа, въ желтой обложкѣ. Противъ нея сидѣла дочь — темноволосая, черноглазая дѣвушка съ нѣжнымъ, задумчивымъ лицомъ, и придерживая одною рукой бѣлую соломенную шляпку, другою накалывала на нее шелковый газъ. Гладкое сѣрое платье, стянутое у таліи сѣрою лентой, плотно охватывало ея тонкую, какъ будто еще не вполнѣ сложившуюся, фигуру. Она была очень миловидна.

Софья Петровна встала и, бросивъ на столъ книгу, принялась ходить взадъ и впередъ по террасѣ, волоча за собой длинный шлейфъ пестраго шелковаго капота. Она остановилась на минуту, разсѣянно поглядѣла на разсыпанные въ паркѣ домики, на убѣгающее въ даль море, по которому, словно большія бѣлыя птицы, сновали парусныя лодки, и пожала плечами, какъ бы говоря,—все одно и то же!

Въ кипарисовой аллеѣ промелькнулъ силуэтъ мужской фигуры.

— Сосѣдъ, сосѣдъ, Ѳедоръ Алексѣичъ, крикнула Софья Петровна, идите сюда, мнѣ скучно.

— Разрѣшите допить кумысъ, Софья Петровна, проговорилъ художникъ, — черезъ десять минутъ я къ вашимъ услугамъ, и, раскланявшись, пошелъ дальше.

— Дуракъ, промолвила ему вслѣдъ Софья Петровна. Дочь положила на колѣни работу и устремила на мать свои серьезные глаза.

— Онъ нездоровъ, мама, не надо ему мѣшать лѣчиться.

У нея былъ пріятный, грудной голосъ.

— Что это у тебя за страсть всѣхъ хоронить, возразила мать,— онъ вовсе не боленъ. Я его десять лѣтъ знаю, и онъ все такой же. И какая забота о чужихъ!.. а что мать съ тоски погибаетъ, до этого намъ дѣла нѣтъ.

— Поѣдемъ домой, если тебѣ здѣсь не нравится.

Софья Петровна презрительно усмѣхнулась.

— Pas si bete, сказала она.—И такъ два года я свѣту Божьяго не видала. Да и что мнѣ тамъ дѣлать! Любоваться на заводскія трубы, варить съ Аграфеной Ивановной варенье и созерцать величіе твоего папаши. Наглядѣлась я на него до сыта.

— Дѣвушка покраснѣла, сдвинула брови и, ничего не отвѣтивъ, прилежно занялась отдѣлкой шляпы.

Софья Петровна вспылила.

— Это что за гримасы, произнесла она раздражительно,— можно подумать, что тебя ущипнули. Ахъ, да! тятеньку затронули... Ну конечно! онъ вѣдь воплощеніе всѣхъ совершенствъ, а я— сосудъ всякихъ мерзостей... Охъ ужь эти мнѣ добродѣтельные люди, продолжала она, помолчавъ,—носятся вездѣ со своею добродѣтелью, а на самомъ дѣлѣ ничѣмъ, кромѣ гроша, не интересуются.

— Если ты это про отца, начала Наташа, стараясь говорить спокойно,—то... спроси рабочихъ, которые двадцать пять лѣтъ съ нимъ служатъ. Они тебѣ скажутъ, такъ ли это.

— Зачѣмъ мнѣ рабочіе. Я по себѣ знаю: даетъ копѣйку, точно съ жизнью разстается.

— Эта копѣйка достается ему тяжелымъ трудомъ, замѣтила дочь.

— А я ее трачу съ легкимъ сердцемъ... вѣдь ты это хотѣла сказать? Что жь ты остановилась? не стѣсняйся.

— Къ чему эти разговоры, мама. Ты раздражена, всякое слово принимаешь за намекъ... и мнѣ тяжело.

Софья Петровна подняла брови.

— Вотъ какъ! сказала она.—Что жь, изволь... Мнѣ все равно. Только ты бы, Наташа, ужь составила программу, о чемъ мнѣ разрѣшается съ тобою бесѣдовать, и опустившись въ качалку, она опять принялась за брошенную книгу.

III.

Софья Петровна всю жизнь любила и баловала только себя. Она обожала красоту, свои пышные золотые волосы, изучила, съ терпѣніемъ ученаго и искусствомъ актрисы, каждую черточку на своемъ лицѣ, правильномъ, какъ античное изваяніе, каждое выраженіе своихъ бархатныхъ черныхъ глазъ. Покорять, царить, возбуждать восторгъ, было въ ней потребностью. Схватывая все на лету, она могла говорить обо всемъ, и благодаря большой осторожности, никогда почти не попадала въ просакъ. Ей мерещились блескъ, богатство, роскошь, безумная роскошь героинь французскихъ романовъ; она вся разгаралась, мечтая о великосвѣтскихъ львицахъ, жизнь которыхъ рисовалась ей непрерывнымъ празднествомъ въ волшебной атмосферѣ лести, поклоненія, баловства... Она сознавала, что по красотѣ, уму, ловкости, могла бы занять мѣсто „первой между первыми“... Но судьба, будто на зло осыпавшая ее дарами, забыла ей дать одинъ – богатство. Софья Петровна была дочь весьма благородныхъ, но совершенно бѣдныхъ родителей. На ея красоту вся семья смотрѣла, какъ на якорь спасенія, и чтобы вывезти Сонечку прилично въ свѣтъ, отецъ и мать, весь свой вѣкъ изощрявшіеся въ искусствѣ „казаться“, превзошли самихъ себя. Но разсчеты не оправдались. Изъ толпы блестящихъ поклонниковъ ни одинъ не простеръ своихъ вздоховъ за предѣлы котильона. Софьѣ Петровнѣ минуло 25 лѣтъ, когда, устрашенная перспективой стараго дѣвства, она вышла замужъ за Василія Васильича Криницкаго. Онъ былъ не блестящій, но все-таки хорошій женихъ. У него было порядочное состояніе и директорское мѣсто на большомъ химическомъ заводѣ. Софью Петровну онъ увидалъ гдѣ-то на вечерѣ и влюбился въ нее по уши. Она разсудила, что за неимѣніемъ лучшаго отказывать нельзя, и дала свое согласіе. Послѣ свадьбы она скоро разочаровалась. Мужъ оказался вовсе не такимъ покладливымъ, какимъ представлялся женихамъ. У этого тихаго человѣка были свои, не Богъ вѣсть какіе широкіе, но ясные и опредѣленные взгляды, которыхъ онъ настойчиво держался, убѣжденія, отъ которыхъ онъ не отступалъ. Онъ мечталъ о мирной семейной жизни, пытался пробудить въ женѣ интересъ къ своимъ занятіямъ, „даже водилъ ее къ себѣ въ лабораторію“, но она противоставляла

этимъ попыткамъ самое презрительное упорство, находила мужа скучнымъ, идеалы его—мѣщанскими, ласки—тягостными. Когда родилась дѣвочка, Василій Васильичъ оживился. Онъ надѣялся, что любовь къ ребенку благотворно подѣйствуетъ на жену. Но Софья Петровна, переименовавъ дѣвочку изъ Натальи въ Миньону, прехладнокровно передала ее на руки сначала кормилицѣ, потомъ нянькѣ, а сама все также уныло бродила по комнатамъ, или валялась по диванамъ, снѣдаемая жаждой вырваться изъ острога, какъ она называла свой домъ, и съ каждымъ днемъ все больше ненавидѣла мужа. Она исхудала, поблѣднѣла и наконецъ захворала какою-то нервною болѣзнью. Доктора послали ее за границу. Тамъ Софья Петровна сразу почувствовала себя какъ въ родной стихіи. Съ тѣхъ поръ болѣзнь ея приняла хроническій характеръ. Нѣсколько мѣсяцевъ въ году она проводила за границей, домой возвращалась какъ въ неволю, подъ каждымъ предлогомъ уѣзжала въ Москву (отъ которой заводъ былъ въ нѣсколькихъ часахъ) и пропадала тамъ по цѣлымъ недѣлямъ. Василій Васильичъ чуть съ ума не сходилъ. Онъ никакъ не могъ помириться съ установившимся порядкомъ вещей. То ему казалось, что виновата во всемъ жена, то онъ винилъ кругомъ себя, что не съумѣлъ разгадать ея натуру, что хотѣлъ ее, красавицу, царицу, заставить жить будничною жизнью обыкновенныхъ женщинъ, и давалъ клятвы впредь уступать ей во всемъ, лишь бы она его не покидала. Но когда она возвращалась, когда онъ сравнивалъ свое невзрачное, заморенное тѣло съ ея цвѣтущею, сіяющею красотой, его охватывалъ такой приливъ злобы къ ней, такая жгучая ненависть, что онъ готовъ былъ броситься на нее, избить и задушить. Они никогда ни о чемъ не говорили другъ съ другомъ просто. Въ каждомъ словѣ слышался намекъ, давнишняя обида. Иногда, чаще всего предъ ея отъѣздами, между ними происходили сцены. Остроумная, изящная Софья Петровна кричала и бранилась самыми грубыми словами. Онъ обыкновенно молчалъ, но обводилъ ее съ ногъ до головы такимъ ядовитымъ взоромъ, что она теряла всякое самообладаніе и окончательно выходила изъ себя. Дѣвочка росла какъ бы между двухъ враждебныхъ лагерей. Она жалѣла и боялась угрюмаго, несообщительнаго отца и любила свою легкомысленную, красивую мать. Вся ея дѣтская жизнь проходила въ страхѣ, что, вотъ-вотъ, родители поссорятся, и въ вѣчномъ напряженіи вовремя предотвратить бурю. Когда Софья Петровна

отправлялась на воды, въ домѣ наступало могильное затишье. Василій Васильевичъ приходилъ съ завода только къ обѣду, разсѣянно цѣловалъ дочь и запирался въ кабинетѣ. Наташа училась, работала и съ увлеченіемъ играла на роялѣ (Василій Васильевичъ, замѣтивъ любовь дѣвочки къ музыкѣ, каждую недѣлю отправлялъ ее съ гувернанткой въ Москву къ извѣстному профессору, и это была единственная ея радость.) Ей минуло шестнадцать лѣтъ, когда Софья Петровна неожиданно вернулась домой, объявивъ, что ей надоѣло „шататься“, что она соскучилась по дочкѣ. Пронеслись слухи о какой-то странной исторіи, но Софья Петровна не смутилась, и они замолкли. Годы, казалось, безслѣдно пролетѣли надъ ея головой. Жажда жизни все также горѣла въ ея черныхъ глазахъ, сквозила въ каждомъ ея движеніи.

Прислуга, особенно старая горничная Аграфена Ивановна, встрѣтила ее непріязненно; Василій Васильевичъ съ холоднымъ достоинствомъ; одна Наташа искренно ей обрадовалась. Это тронуло даже Софью Петровну. Она смотрѣла на худенькую прелестную дѣвушку, цѣлый день занятую хозяйствомъ, уроками, музыкой, и ей было даже какъ-то чудно, что это—ея дочь. Но скоро она привыкла къ своему новому положенію часто ѣздить въ городъ, рядиться,—а въ перемежку пилить мужа и дочь, которую она такъ же быстро разлюбила, какъ и полюбила. Ее раздражала „деревянность“ Наташи. Она принялась было ее отесывать, но безуспѣшно. Это рыбья кровь, кровь Василія Васильевича, рѣшила она. Такъ прошло два года. Софью Петровну ужъ начинала одолѣвать знакомая домашняя тоска, какъ вдругъ захворала Наташа. Докторъ посовѣтовалъ везти дѣвушку на зиму въ Крымъ, и Софья Петровна съ облегченіемъ вздохнула. Ей было все равно, куда ни ѣхать, только бы вонъ изъ дому.

IV.

— Мама, кажется къ намъ гости, сказала Наташа и, подавшись впередъ, стала всматриваться сквозь частую сѣтку зелени къ приближавшейся кучкѣ людей.

— Кто? спросила оживляясь Софья Петровна.

— Хомутовъ, да еще этотъ... литераторъ, его пріятель, съ какою-то дамой.

— Это Коробьинъ съ женой. Онъ хотѣлъ ее познакомить съ

нами. Приготовь все къ чаю, Наташа, да поскорѣй, а то Аграфена Ивановна до завтрашняго дня прокопается,—и доставъ изъ кармана маленькое зеркало въ плюшевомъ футлярѣ, Софья Петровна быстрымъ привычнымъ движеніемъ пальцевъ поправила свою прическу.

Она встрѣтила гостей съ любезною улыбкой и протянутою рукой. Коробьинъ представилъ жену. Это была сухощавая, свѣтлая блондинка, невысокаго роста, съ пріятнымъ, но озабоченнымъ и уже поблекшимъ лицомъ. Бѣглымъ взоромъ изъ поднизу она окинула эффектную фигуру Софьи Петровны, поймала сверкнувшій въ глазахъ мужа огонекъ и смутное чувство непріязни змѣйкой проползло по ея сердцу.

Всѣ усѣлись. Хомутовъ освѣдомился о Наташѣ и, узнавъ, что она хлопочетъ по хозяйству, заявилъ, что пойдетъ ей помогать. Софья Петровна кивнула головой въ знакъ согласія и сосредоточила все свое вниманіе на гостьѣ. Она посмотрѣла на нее ласковымъ, почти соболѣзнующимъ взглядомъ и принялась разспрашивать о дѣтяхъ, здоровьѣ, квартирѣ, прислугѣ... Елена Ивановна, усмотрѣвшая въ этихъ банальныхъ вопросахъ намѣреніе ее унизить, взволновалась и, сухо удовлетворивъ любопытство хозяйки, взяла со стола книгу. *Sapho*, прочла она въ слухъ и обернулась къ мужу.

— Помнишь, Антонъ Филиппычъ, какъ ты изъ-за этой *Sapho* поссорился съ Иваномъ Иванычемъ, и она съ преувеличенною небрежностью назвала фамилію извѣстнаго критика. Коробьинъ, не глядя на жену, взялъ у нея изъ рукъ книгу, перелистовалъ, спросилъ Софью Петровну какъ она находитъ этотъ романъ и по русской привычкѣ, не дожидаясь отвѣта, сталъ излагать собственныя мнѣнія. Между ними завязался оживленный разговоръ. Коробьинъ осуждалъ крайности французскаго натурализма, нападалъ на рабское ему подражаніе у насъ и выражалъ надежду на близкое возрожденіе въ литературѣ эстетическихъ и этическихъ идеаловъ. Софья Петровна горячо съ нимъ соглашалась. Елена Ивановна принимала въ бесѣдѣ лишь нѣмое участіе, она все порывалась вставить свое словечко—но ей это никакъ не удавалось.

Дверь распахнулась,—показалась пожилая горничная въ бѣлоснѣжномъ чепцѣ, съ самоваромъ въ рукахъ. За ней, поддерживая съ разныхъ концовъ большой подносъ съ посудой и прочими

чайными принадлежностями, вошли Хомутовъ и Наташа. Софья Петровна, улыбаясь, показала Еленѣ Ивановнѣ на дочь и промолвила.

— Вотъ какая у меня ужь большая дѣвица.

Дѣвушка поклонилась на ходу и прошла на террасу, гдѣ стояли рядомъ два стола—большой круглый и маленькій—съ тяжелою мраморною доской для самовара. Она заварила чай и помогла горничной накрыть на столъ.

Хомутовъ сѣлъ возлѣ нея.

— Хороши новые знакомые, Наталья Васильевна? спросилъ онъ вполголоса.

— Почемъ же я знаю, возразила она.—они при мнѣ еще ни слова не сказали.

— Тѣмъ лучше! Людей только и можно наблюдать, пока они молчатъ. Разговаривающій человѣкъ всегда себя показываетъ, и ужь конечно съ лица, а не съ изнанки.

— Какъ у васъ все хитро выходитъ... начала было Наташа. Но въ эту минуту Софья Петровна подвела Коробьиныхъ къ столу, и она замолчала.

Елена Ивановна, недовольная мужемъ, недовольная кокетствомъ Софьи Петровны (она бы затруднилась опредѣлить въ чемъ именно заключалось это кокетство, но чувствовала его всѣмъ своимъ существомъ), бросила холодный взглядъ на Наташу, поставившую предъ ней чашку, словно ожидая и тутъ встрѣтить врага. Но темные глаза дѣвушки глядѣли прямо и привѣтливо, и у Елены Ивановны отлегло отъ сердца.

— Можетъ-быть мало сахару? спросила Наташа.

— Мегсі, довольно, отвѣтила Елена Ивановна, и прибавила,— а вы, я вижу, настоящая хозяйка.

— О, Миньона у меня на всѣ руки, сказала Софья Петровна.—И благоразумна какъ бабушка. Ѳедоръ Алексѣичъ всегда говоритъ, что я должна брать съ нея примѣръ.

— Совершенно вѣрно, подтвердилъ Хомутовъ.

— Ѳедоръ Алексѣичъ вообще вашъ почитатель. Онъ мнѣ говорилъ, что вы прекрасно играете, произнесъ Коробьинъ, считавшій своимъ долгомъ оказать нѣкоторое вниманіе дочери интересной мамаши.

— Не знаю, когда Ѳедоръ Алексѣичъ меня слышалъ, я здѣсь играю очень рѣдко, отозвалась дѣвушка.

— За это-то я васъ и хвалилъ, сказалъ Хомутовъ.

Всѣ засмѣялись, даже Елена Ивановна улыбнулась.

— Я очень люблю музыку, промолвила она,—я прежде пѣла.

— А теперь? спросила Наташа.

— Теперь некогда, все время на дѣтей уходитъ.

— Я видѣла вашихъ дѣтей на пристани, сказала Наташа,— какія славныя дѣвочки! Онѣ, кажется, всѣ на васъ похожи.

— Старшая—въ отца. У нея темныя брови и синіе глаза, какъ у него, промолвила Елена Ивановна, и въ голосѣ ея прозвучала такая любовь, такая гордость, что Наташа съ невольнымъ любопытствомъ взглянула на литератора, какъ бы желая убѣдиться, нѣтъ ли въ немъ дѣйствительно чего-нибудь особеннаго.—Приходите посмотрѣть на моихъ ребятъ, продолжала Елена Ивановна.

— Съ удовольствіемъ. Я люблю возиться съ дѣтьми.

— А вотъ и эскулапъ съ супругой! воскликнулъ художникъ, перегибаясь черезъ перила террасы. — Вы ихъ знаете, Елена Ивановна? Интересная чета. Ему подъ шестьдесятъ, ей — тридцать. Онъ тонокъ, какъ жердь, она—кубарь. И дрожитъ же онъ передъ ней!.. Непремѣнно напишу съ этой парочки картину семейнаго счастья.

— Они предобрые и очень другъ друга любятъ, замѣтила Софья Петровна.

— Обожаютъ, сказалъ Хомутовъ, и крикнулъ:—Дарья Николаевна, мое почтеніе. Пане докторе!

Докторъ приподнялъ обернутую чадрой шляпу.

— Добрый день, пане, якъ се панъ ма? А мы до чарòвницы, произнесъ ужь онъ на ступенькахъ террасы, и галантно подошелъ къ ручкѣ Софьи Петровны. Она погрозила ему, поцѣловала его жену и познакомила ихъ съ Коробьиными. Докторъ сказалъ Наташѣ, что она цвѣтетъ, какъ роза, и опустившись на кресло сталъ утирать краснымъ фуляровымъ платкомъ потъ, блестѣвшій на огромной лысинѣ.

— А ты раскисъ, замѣтила ему жена, хорошенькая брюнетка съ задорно вздернутымъ носикомъ.

— Нѐ, мòе сѐрдце, то моя задышка, возразилъ онъ спокойно.

— Задышка! передразнила докторша, звонко расхохоталась и, обратившись къ дамамъ, стала передавать щебечущимъ голоскомъ злобы дня. Она разсказала, сколько въ городѣ новыхъ пріѣзжихъ, гдѣ кто остановился, какія предстоятъ въ этомъ сезонѣ развлеченія, согласилась съ Софьей Петровной, что Седъ-Амету

далеко до Ялты, но тутъ же прибавила, что этотъ годъ особенно неудачный.—Въ прошломъ сезонѣ было ужасно весело, говорила докторша,—много военныхъ, пропасть романовъ. Одна московская дама, напримѣръ, влюбилась въ артиллерійскаго поручика. Вдругъ пріѣзжаетъ мужъ. И что же! бѣдняжка съ отчаянія бросилась въ бухту! Не вѣрите? Честное слово. Безъ чувствъ вытащили. Францъ Адамовичъ три часа ее оживлялъ.

Софья Петровна сдѣлала большіе глаза и заговорила о балѣ, который собирались и никакъ не могли устроить.

— Да, бала видно не дождешься, сказала докторша тономъ самаго искренняго сожалѣнія,—а вотъ, Софья Петровна, поѣдемте съ нами верхомъ въ Байдары. Мы ѣдемъ цѣлымъ обществомъ: M-me Панова съ Люсенькой, я, полковникъ Ильинъ, и еще, еще, еще.

— А вы когда собираетесь? спросила Софья Петровна.

— Послѣ завтра. Да что тутъ долго думать! Вѣдь это не въ Америку.

— Не знаю право, нерѣшительно проговорила Софья Петровна, и, взглянувъ на Коробьиныхъ, прибавила:—поѣзжайте тоже!

Елена Ивановна взволновалась.

— Куда ужь мнѣ верхомъ скакать! воскликнула она.

— А вы, Антонъ Филиппычъ?

Но Антонъ Филиппычъ не успѣлъ раскрыть рта, какъ жена ему заявила:

— Я тебя ни за что не пущу, Антонъ. Да я съ ума сойду, все буду думать, что тебя лошадь понесла.

— Какъ это трогательно! процѣдилъ сквозь зубы мужъ.

Софья Петровна посмотрѣла на него съ лукавою усмѣшкой и обратилась къ Хомутову.—Вы вѣдь не откажетесь быть моимъ кавалеромъ, Ѳедоръ Алексѣичъ?

— Помилосердуйте, Софья Петровна, вы меня живымъ не довезете.

— Это почему?

— Да спросите доктора. Онъ вамъ скажетъ, гожусь ли я въ рыцари.

— Нашли кого спрашивать, прервала докторша.—Онъ въ прошломъ году сказалъ про одного господина, что тотъ до дому не доѣдетъ, а онъ не только до дому—вчера сюда прикатилъ живъ-живехонекъ.

На всѣхъ лицахъ промелькнула улыбка. Докторъ сконфузился

и обиженно возразилъ:—але, мое сердце, я вѣдь не Богъ, я могу ошибиться. Наташѣ стало его жаль.

— Францъ Адамовичъ, начала она, желая перемѣнить разговоръ,—какъ здоровье Агариной? Я ее ужь нѣсколько дней не видала.

Докторъ вздохнулъ.

— Плохо, панна Наталія, очень плохо. Та подлая лихорадка намъ все дѣло портитъ. Ахъ, эти бидачки-актрисы! грустно прибавилъ старикъ,—сколько ихъ тутъ у меня перебывало на Южномъ Берегу! Тяжелая карьера.

На лицѣ Наташи изобразилась неподдѣльная печаль.

— Сегодня же пойду къ ней, сказала она.

Докторъ взглянулъ на часы и поднялся. Коробьины тоже стали прощаться. Елена Ивановна холодно пригласила къ себѣ Софью Петровну. Докторша строго объявила Хомутову:—чуръ, не разстраивать компаніи, не то за уши отдеру.

V.

Когда всѣ удалились, Софья Петровна подошла къ Хомутову и пристально заглянувъ ему въ лицо, проговорила:—вѣдь вы ѣдете?

— Увольте, Софья Петровна, не могу.

— Да что вы, мужчина или тряпка?

— Я больной, Софья Петровна.

— Это мнѣ все равно. Я хочу, чтобы вы ѣхали, и вы поѣдете, слышите, сказала она властно.

— Отчего вы не возьмете Коробьина? Онъ здоровъ и поскачетъ за вами куда угодно, только пальцемъ поманите.

— Очень возможно... но я добрая и не желаю огорчать его жену, а потому моимъ кавалеромъ будете... вы!.. Наконецъ, я васъ прошу объ этомъ... а мнѣ еще никогда не отказывали, когда я просила, промолвила она, вдругъ перемѣнивъ тонъ, тихо, почти нѣжно. Щеки ея заалѣлись, она стиснула руки и протянула ихъ къ нему. Было что-то неотразимо обаятельное и угрожающее въ ея широко раскрытыхъ блестящихъ глазахъ, во всей ея выжидающей позѣ.—Значитъ мы ѣдемъ, сказала она, дотрогиваясь до его рукава,—да? Онъ нахмурился и полусердито, полусмѣясь воскликнулъ:—что жь съ вами дѣлать! Софья Петровна расхохоталась.

— А теперь я васъ не возьму... не хочу и кончено.

Онъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на нее и медленно покраснѣлъ.

— Что? струсили? продолжала она смѣясь;—ну, Богъ съ вами, возьму и даже, если останусь вами довольна, то...

— То?..

— Соглашусь позпровать для вашей картины. Помните, вы меня просили?

— Искусительница, проговорилъ художникъ.

— Мама, вдругъ послышался слабый голосъ,—какъ же ты поѣдешь, вѣдь у тебя нѣтъ амазонки.

Софья Петровна слегка вздрогнула. Она совсѣмъ забыла про дочь.

Какъ ты меня испугала, Миньона! я и не замѣтила, что ты тутъ. Амазонки нѣтъ? А мы сейчасъ купимъ сукна и ты мнѣ ее живо смастеришь на машинкѣ. Аграфена Ивановна тебѣ поможетъ. Побалуй свою глупенькую маму, Миньоночка. Вѣдь ты у меня фея, и Софья Петровна обняла и поцѣловала дочь.

Хомутовъ замѣтилъ пристыженное, тревожное выраженіе на лицѣ дѣвушки и ему стало неловко, точно онъ предъ ней провинился. Можетъ-быть и Наталья Васильевна поѣдетъ съ нами? сказалъ онъ.

Она холодно подняла на него свои правдивые, серьезные глаза и сухо проговорила: я не ѣзжу верхомъ, у меня болѣзнь сердца.

— У нея болѣзнь сердца, подтвердила мать.—Да она не будетъ скучать, она пойдетъ въ гости къ своей актрисѣ, и потомъ, Миньона у насъ умница, никогда не скучаетъ, и она потрепала дочь по блѣдной холодной щекѣ.

VI.

— Готово, произнесла Наташа, отрываясь отъ швейной машины и прислоняясь къ спинкѣ стула. Темносиняя амазонка соскользнула съ ея колѣнъ. Софья Петровна на лету подхватила платье и ушла его примѣривать въ свою комнату. Наташа закрыла глаза. Она очень устала. Все платье почти пришлось шить ей, Аграфена Ивановна больше ворчала, чѣмъ работала. Она легла поздно и долго не могла заснуть. Подъ утро она забылась.

но Софья Петровна, опасаясь, что платье не поспѣетъ, разбудила ее съ первыми лучами солнца и шутя усадила за работу.

Примѣривъ платье, Софья Петровна нашла, что оно жметъ въ груди. Это ее разсердило. Она гордилась каждымъ изгибомъ своей пышной, стройной фигуры и малѣйшая складка на лифѣ портила ея настроеніе на цѣлый день. Она нервно разстегнула пуговицы, опять застегнула и пошла къ дочери. Посмотри, сказала она жалобно,—въ груди жметъ, я не могу повернуться. Какъ же ты такъ съузила, прибавила она, едва сдерживаясь, чтобы не выбранить дочь. Наташа осмотрѣла лифъ со всѣхъ сторонъ, провела по немъ руками и замѣтила, что онъ не узокъ, но что если мамѣ неудобно, можно, пожалуй, пересадить двѣ пуговицы. Софья Петровна возразила, что лучше ужь оставить, какъ есть, тѣмъ болѣе, что она сама виновата, пожалѣла денегъ на портниху.—Милый супругъ требуетъ экономіи, вотъ и поѣзжай теперь пугаломъ.

Наташа могла бы возразить, что въ Седъ-Аметѣ нѣтъ портнихи, которая бы взялась сшить платье въ одинъ день, но промолчала и вздохнула. Она привыкла къ быстрымъ переходамъ въ обхожденіи матери, но сегодня ей было особенно тяжело. Ей непріятенъ былъ весь этотъ пикникъ, непріятно обращеніе Софьи Петровны съ Хомутовымъ и Коробьинымъ... Она еще разъ вздохнула и отвернулась, чтобы скрыть набѣжавшія на глаза слезы.

Въ дверь постучались. Вошелъ Хомутовъ. Увидавъ Софью Петровну, онъ не могъ удержать выраженія восторга. Амазонка очень шла къ ней. Она замѣтила произведенное впечатлѣніе и мгновенно развеселилась.

— Недурно? спросила она,—а мнѣ не нравится, какъ-то неуклюже сидитъ.

— Не знаю чего вамъ еще нужно. Вы похожи на греческую статую.

— Правда? Это все Наташа. Я вамъ говорила, что она у меня волшебница.

— Только вы эту волшебницу заморили, произнесъ художникъ и внимательно посмотрѣлъ на утомленныя черты дѣвушки. Задумчивый профиль, небрежно свернутая на затылкѣ коса, темная прядка волосъ на нѣжной шеѣ... Хомутовъ ни разу не видалъ ее такою. Въ немъ шевельнулось профессіональное чувство художника—какой милый жанръ, подумалъ онъ.

— Она выспится, когда мы уѣдемъ, сказала Софья Петровна. — Который часъ?

— Скоро одиннадцать... Лошади ждутъ.

— Вотъ и отлично, Наташа, тащи скорѣй шляпу... Я велѣла Аграфенѣ Ивановнѣ прикрѣпить вуаль. Гдѣ мои перчатки?—А хлыстъ? Ну кажется все... Живѣй! Она подобрала шлейфъ и легкими шагами сбѣжала съ лѣстницы, сопровождаемая дочерью и художникомъ. У крыльца ждалъ Татаринъ, возлѣ привязанныхъ къ дереву иноходцевъ, мирно жевавшихъ. Хомутовъ подвелъ Софьѣ Петровнѣ лошадь и подставилъ руку. Она чуть оперлась на нее ногой и быстро, какъ птица, вспрыгнула на сѣдло. Онъ поправилъ ей стремя. Софья Петровна поблагодарила кивкомъ головы, и перегнувшись къ дочери протянула ей руку.—Не скучай, дѣвочка, завтра къ обѣду мы вернемся.

Ѳедоръ Алексѣевичъ тоже усѣлся. Онъ опять посмотрѣлъ на Наташу и ему опять стало жаль ея. — Отчего вы не ѣдете съ нами, сказалъ онъ,—было бы гораздо веселѣе.

— Зачѣмъ вы согласились ѣхать, если это вамъ вредно, проговорила она, не отвѣчая на его вопросъ.

Онъ засмѣялся.

— Вашей maman угодно, чтобъ я для нея рисковалъ жизнью. Нельзя же ей отказать въ такомъ пустякѣ.

— Бабушка, не смущай моего рыцаря, заявила Софья Петровна, и хлеснула лошадь. Хомутовъ тронулъ свою. Они помчались. Наташа стояла на крыльцѣ и глядѣла на ихъ скачущія рядомъ колыхающіяся фигуры, пока онѣ не пропали изъ глазъ.

VII.

Въ комнатахъ царилъ безпорядокъ и та внезапная тишина, которая водворяется послѣ сутолоки быстраго отъѣзда.

Наташа машинально стала подбирать валявшіеся на полу обрѣзки сукна, пуговицы, поставила на мѣсто книги, поправила загнувшійся коверъ. Вошла Аграфена Ивановна и, посмотрѣвъ на барышню, покачала головой.

— Ишь ты... безъ васъ не преберутъ, замѣтила она съ укоризной.

— Да я такъ, Аграфена Ивановна, все равно дѣлать нечего.

— Какого вамъ еще дѣла. Слава-те Господи, просидѣли ночь

за иголкой въ родѣ какъ портниха передъ свѣтлымъ праздникомъ, иронически проговорила Аграфена Ивановна.—За то мамашу ублаготворили, продолжала она.—Вишь съ какимъ молодцомъ укатила... Ай-да мамаша! на поправку дочку привезла... на теплыя воды. Посмотрѣлъ бы баринъ на эти порядки... то-то бы чай порадовался...

— Оставьте, Аграфена Ивановна, я терпѣть не могу этихъ разговоровъ.

— Какъ вамъ угодно, матушка, покорно отвѣтила горничная,— коли вамъ ничего, такъ мнѣ и подавно...

Наташа не дослушала и ушла къ себѣ. Дувшій съ моря вѣтерокъ тихо колыхалъ спущенную стору. Она постояла въ раздумьѣ передъ окномъ. Ей было непріятно вмѣшательство Аграфены Ивановны и совѣстно, что она ее „оборвала“. Невеселыя мысли, осаждавшія ее съ нѣкоторыхъ поръ, сегодня какъ-то особенно назойливо ее преслѣдовали. Она тряхнула головой и торопливо стала приводить въ порядокъ свой туалетъ. Одѣвшись она кликнула Аграфену Ивановну. Та явилась и съ видомъ оскорбленнаго достоинства остановилась у двери.

— Аграфена Ивановна, я иду купаться, а потомъ къ Агариной, знаете, больная барышня, во флигелѣ; сказала она скороговоркой, избѣгая взгляда горничной.—Если будетъ письмо, принесите туда.

— Къ арфисткѣ? съ непередаваемымъ пренебреженіемъ спросила Аграфена Ивановна.

— Она не арфистка, а актриса. Я вамъ сто разъ говорила.

— Виновата, матушка, не упомнила, спокойно возразила горничная,—мы люди темные, актерка или арфистка, по нашему все одно... Что же, и кушать дома не будете?

— Не буду, сказала Наташа, уже сходя съ террасы.

Аграфена Ивановна смягчилась.

— А то я вамъ принесу пожалуй туда... вмѣстѣ съ барышней съ этой бы и покушали, а Наталья Васильевна?

— Какъ хотите, отвѣтила усмѣхаясь на ея великодушіе Наташа, и, раскрывъ зонтикъ, направилась къ морю.

Въ купальнѣ она застала Елену Ивановну съ дѣтьми, уже раздѣтую. Она держала за руку худенькую, голую дѣвочку, лѣтъ девяти и безуспѣшно уговаривала ее сойти въ воду. Дѣвочка пятилась, упиралась и дрожала всѣмъ тѣломъ.

— Ну, глупая, ну чего ты боишься, говорила волнуясь Елена

Ивановна.—Это просто капризъ, упрямство... Слушай, Юля, если ты не пойдешь добромъ, я тебя насильно втащу въ воду.

Услыхавъ такую угрозу, дѣвочка съ визгомъ вырвалась изъ рукъ матери и прижалась къ младшимъ сестрамъ, сидѣвшимъ на скамеечкѣ. Онѣ приняли ее въ свои объятія и дружнымъ ревомъ протестовали противъ родительскаго насилія. На Елену Ивановну было жаль смотрѣть. Лицо ея покрылось пятнами, она чуть не плакала, и на дѣтей ей было досадно, и на себя, а пуще всего на невольную свидѣтельницу этой сцены, Наташу.—Небось вамъ смѣшно, сказала она ей кусая губы и поправляя съѣхавшій на бокъ клеенчатый чепчикъ.

— Нисколько, отозвалась Наташа, и, быстро раздѣвшись, прыгнула въ воду, нырнула, вынырнула на другомъ концѣ купальни и поплыла на спинѣ. Дѣвочки засмотрѣлись на нее. Она подплыла къ нимъ.—Юля, хочешь ко мнѣ на руки, предложила она,—ужь я тебя не спущу, не бойся. Я тебя поддержу, а ты будешь плавать. Здѣсь есть дѣвочки, Гречанки, совсѣмъ крошки, а какъ плаваютъ! и ты выучишься.

— А вы меня не уроните, робко спросила Юля.

— Да ужь будь покойна.

Дѣвочка нагнулась, крѣпко ухватилась длинными ручками за шею Наташи, которая осторожно и медленно опустилась съ ней въ воду. Дѣти напряженно слѣдили за ними глазами, а черезъ минуту они уже заливались звонкимъ смѣхомъ, указывая на Юлю, которая, поддерживаемая Наташей, била руками и ногами по водѣ, поднимая цѣлые фонтаны. Елена Ивановна тоже просвѣтлѣла и все повторяла:—видишь, я говорила, что не страшно.

Купанье освѣжило Наташу, а дѣти развеселѣли. Она ихъ расцѣловала, погуляла съ ними по набережной и затѣмъ ужь отправилась къ Агариной.

VIII.

Агарина лежала на кушеткѣ, укутанная пледами и одѣялами; это была еще совсѣмъ молодая дѣвушка съ красивымъ лицомъ южнаго типа. Черные короткіе волосы блестящими кудрями сбивались на ея узкій, высокій и бѣлый лобъ. Черные живые глаза такъ и сверкали подъ густыми длинными бровями.

— Здравствуйте, сказала она, протягивая Наташѣ горячую влажную руку. Ужь я васъ ждала, ждала... спрашивала доктора,

не больны ли. Нѣтъ, говоритъ, цвѣтетъ, какъ роза. Ну, думаю, значитъ ей не до меня.

Когда она говорила, на всемъ ея лицѣ, въ глазахъ, въ круглой ямочкѣ на подбородкѣ играла улыбка, придававшая ея чертамъ своенравное, немного лукавое выраженіе. Наташа поцѣловала ее и присѣла на кушетку у ея ногъ.

— Какая вы сегодня хорошенькая, Женя, сказала она.

— Это меня лихорадка разрумянила. И трясла же она меня сегодня, проклятая, насилу согрѣлась, сказала она и, помолчавъ немного, прибавила,—что̀ это за тоска, лежать одной въ четырехъ стѣнахъ и стучать зубами... Отчего вы такъ долго не были?

— Нельзя было. Здѣсь такъ дико время проходитъ—ничего не дѣлаешь и постоянно занятъ. Новые знакомые у насъ появились—Коробьины. Онъ—писатель. Третьяго дня я собиралась къ вамъ, пришелъ этотъ Коробьинъ съ женой и задержали.

— Интересные, по крайней мѣрѣ? спросила Агарина.

— Не знаю, право. Мама въ восторгѣ отъ мужа, а мнѣ больше нравится жена. Она проще. Вчера не была у васъ, потому что шила мамѣ амазонку. Она сегодня уѣхала въ Байдары.

— Отчего же она васъ не взяла?

— Да я сама не захотѣла. Я не ѣзжу верхомъ.

— Вотъ смѣшная! Будь я здорова, ни минуты бы, кажется, на мѣстѣ не сидѣла, воскликнула Агарина.—И литераторъ поѣхалъ?

— Нѣтъ. Съ мамой отправился Ѳедоръ Алексѣевичъ Хомутовъ.

— А, милый художникъ! какъ же это? Вѣдь онъ влюбленъ въ васъ.

Наташа зардѣлась, но сейчасъ же оправилась и засмѣялась.

— Съ чего это вы взяли? Онъ разговариваетъ со мной, потому что я благодарная слушательница,—не перебиваю и не критикую. А, впрочемъ, Господь съ нимъ. Разскажите-ка лучше, какъ вы себя чувствуете?

Агарина распахнула платокъ, приподнялась на подушкахъ и оперлась на локоть.

— Теперь мнѣ лучше, сказала она,—какъ только кончается пароксизмъ—я оживаю. Знаете, я думаю уѣхать отсюда.

— Мнѣ кажется, продолжала она,—я слишкомъ поддалась болѣзни. Въ прошломъ году, въ Пензѣ, со мной была такая же исторія. Простудилась я подъ самую масляницу, лежу у себя въ комнатѣ, повторяю царицу Анну изъ *Василисы Мелентьевой*, а

у самой зеленые круги передъ глазами прыгаютъ. Приходитъ нашъ антрепренеръ и начинаетъ меня отчитывать. Что же это, говоритъ, сударыня, вы съ нами дѣлаете. Одна была надежда на масляницу, а теперь мы по вашей милости должны на бобахъ остаться. Будьте, говоритъ, папинька, подтянитесь, вамъ вся труппа въ ножки поклонится. И что же! взяла я себя въ руки и всю масляницу со сцены не сходила. А теперь третій мѣсяцъ валяюсь изъ-за какой-то дурацкой лихорадки.

Она остановилась и сильно закашлялась.

— Вотъ вы и надорвались тогда, сказала Наташа, когда она успокоилась. — Я давно собираюсь вамъ сказать одну вещь, начала она робко,—только не сердитесь. Мнѣ кажется, вамъ бы слѣдовало бросить сцену. Не по вашимъ силамъ эта жизнь.

Агарина вся встрепенулась, даже руками всплеснула.

— Бросить сцену! воскликнула она.—Да куда же я послѣ этого гожусь! Мнѣ двадцать три года, а я ужь шестъ лѣтъ актриса. Я выросла за кулисами. И потомъ, я люблю сцену. Когда я играю, произнесла она замедленнымъ голосомъ, точно прислушиваясь къ чему-то внутри себя,—я все забываю. Неуклюжій актеръ мнѣ представляется красавцемъ, грязныя декораціи—царскимъ дворцомъ. Я чуть не помѣшалась, когда играла Десдемону. Чувствую, что меня поднимаетъ все выше, выше, будто на крыльяхъ. Зала точно мертвая—ни звука. И вдругъ, громъ, буря... Вы этого не поймете... Только кто разъ хлебнулъ театральнаго дурмана, тотъ ужь безъ него не можетъ дышать.

Она глубоко вздохнула и задумалась.

— Но такія минуты рѣдки, возразила Наташа,—не всегда же вы играете Десдемонъ. А за кулисами, вы сами разсказывали, вѣчно кипитъ война, интрига, артисты готовы утопить другъ друга.

— Конечно, согласилась Агарина,—жизнь актрисы, да еще провинціальной, да имѣющей дерзость быть порядочною женщиной—не сладка. Но будьте чистосердечны! Многимъ ли жизнь такъ-называемаго общества—лучше театральной? Знаете, я сама долгое время думала, что изо всѣхъ тварей, самая гнусная—благородный артистъ. Но тутъ, лежа въ этой дырѣ, я, отъ нечего дѣлать, занималась размышленіями, и пришла къ заключенію, что мы ужь вовсе не такъ дурны. Актеры безнравственны, циничны, завистливы, актеры—сплетники, интриганы, невѣжды... Вѣрно! Ну... а не актеры?... За то бываютъ и такіе случаи. Отъ Москвы до

Харькова ѣхало со мной двое нашихъ, Липовъ - Скавронскій—фатъ и Тимченко—резонеръ. Дорогой я совсѣмъ развинтилась: кашель, ознобъ, жаръ, вижу, они что - то таинственно переглядываются. Я закрыла глаза и притворилась, что сплю. Слышу, Тимченко говоритъ,—какъ Женичкѣ одной такую даль ѣхать! А Липовъ отвѣчаетъ,—да она и не поѣдетъ. А какже? Да также, говоритъ, мы съ тобой сложимся и довеземъ ее до мѣста. Я раскрыла глаза и говорю: не надо, сама дотащусь. Стали ругаться. Такъ и довезъ меня сюда Липовъ-Скавронскій, устроилъ, да еще про черный день мнѣ свои золотые часы съ цѣпочкой оставилъ—подарокъ благодарной публики...

Агарина опять закашлялась, упала на подушки и долго молчала.

— Право, я не должна къ вамъ ходить, сказала Наташа,—вы слишкомъ много разговариваете, а это вамъ вредно.

— Вздоръ, Наташа, я вовсе не такъ больна. Вотъ увидите, какимъ я скоро молодцомъ буду. Всѣхъ кавалеровъ у здѣшнихъ дамъ отобью, только художника вашего не трону.

Наташа улыбнулась.

— Какое великодушіе.

— Еще бы не великодушіе! А вы за то побалуйте меня.

— Чѣмъ это?

— Сыграйте что-нибудь.

— Нѣтъ, сегодня поздно, въ другой разъ. Вамъ надо отдохнуть, да и мнѣ тоже, сказала она.—А вотъ и Аграфена Ивановна тащитъ намъ обѣдъ, прибавила она, выглянувъ въ окно.—Мы поѣдимъ, потомъ вы примете лѣкарство и бай-бай!

IX.

Разставшись съ Агариной, Наташа еще долго сидѣла у себя, на террасѣ. Ночь была теплая. Тяжелыя облака медленно ползли по верхушкамъ горъ, то застилая, то открывая луну. Въ паркѣ тамъ и сямъ двигались между деревьями тѣни, раздавалось громкое внятное слово, вспыхивала папироска. Съ балкона докторскаго дома неслась заунывная польская пѣсня. Это бѣдный докторъ изливалъ свою тоску...

— Пей, пока пьется
Все позабудь—

трагически взывалъ откуда-то другой голосъ...

Наташа задумалась о больной дѣвушкѣ, дѣвушкѣ изъ другаго, знакомаго ей только по наслышкѣ, міра. Есть, должно-быть, въ этомъ мірѣ особенная, увлекающая сила, если человѣкъ, стоя одною ногой въ гробу, все еще мечтаетъ о немъ, тянется къ нему. Собственная, одинокая жизнь промелькнула предъ ней. У другихъ хоть дѣтство есть чѣмъ помянуть... А она!.. Съ шести лѣтъ судьей между отцомъ и матерью.—Бѣдный отецъ! Что-то онъ теперь дѣлаетъ! Вѣчно одинъ, вѣчно за работой. Боленъ онъ, грустенъ, непріятности у него... никто не знаетъ, никому до него дѣла нѣтъ. Мать вѣдь только и говоритъ съ нимъ, когда ей деньги нужны... и то больше ее посылаетъ. Любитъ онъ ее или не любитъ—задала она себѣ вопросъ. Любитъ, навѣрное любитъ, если двадцать лѣтъ несетъ этотъ крестъ. А она... Наташѣ вдругъ стало ясно, до очевидности ясно, что ея красавица-мать никого не любитъ... Она испугалась своей мысли и сейчасъ же стала думать о другомъ, совершенно постороннемъ, но мысль упорно возвращалась назадъ. Зачѣмъ она повезла съ собой Хомутова... А онъ? Зачѣмъ онъ поѣхалъ... Не могъ устоять?.. И сердце въ ней замерло отъ напора какого-то новаго жуткаго и горькаго предчувствія. А тутъ еще этотъ... писатель. Какъ онъ глядитъ на нее! Неужели она не замѣчаетъ... Ей вдругъ стало стыдно. Какая я злая, грубая, подумала она. На стѣнныхъ часахъ пробило двѣнадцать. Ей вспомнилась *Danse macabre* Сенъ-Санса, которую она слышала зимой въ концертѣ... тоже начинается двѣнадцатью ударами... вотъ бы съиграть. Она пошла къ роялю, но услышавъ мѣрный храпъ Аграфены Ивановны, раздумала. Еще проснется. Нѣтъ, лучше спать, спать, и ни о чемъ не думать. Она тихо пробралась въ свою комнату, раздѣлась, не зажигая свѣчи, и легла. Утомленное молодое тѣло требовало отдыха. Въ отяжелѣвшей головѣ, какъ далекій отблескъ зарницы, мгновеніями еще вспыхивало сознаніе, и наконецъ угасло, побѣжденное крѣпкимъ, неподвижнымъ сномъ.

X.

Она проснулась поздно. Солнце сквозь опущенныя занавѣски проникало въ комнату косыми струйками свѣта. По стѣнамъ, по полу, по подушкѣ бѣгали золотые кружки.

Аграфена Ивановна принесла горячаго кофе и, присѣвъ къ

Наташѣ на кровать, стала разсказывать какой ей мудреный сонъ приснился.

— Вижу это я, будто маменька покойница, царство ей небесное, стоитъ и частымъ гребнемъ мнѣ косу чешетъ, да таково-то больно, таково больно... Къ чему бы это?.. И не придумаю. Волосы видѣть, говорятъ, не къ добру, промолвила она задумчиво.—Наташа подивилась и, чтобъ успокоить ее, сказала, что снамъ вѣрить грѣхъ.—Ну, это, матушка, тоже какой сонъ, возразила, вздохнувъ, Аграфена Ивановна.

Напившись кофе, Наташа сѣла за рояль. Послѣднее время она запустила музыку и рада была случаю поиграть безъ помѣхи. Къ обѣду пришелъ докторъ. Бѣднягѣ было не по себѣ. Онъ скучалъ по женѣ и очевидно ревновалъ ее къ какому-то полковнику Ильину, имя котораго онъ произносилъ каждыя пять минутъ самымъ недоброжелательнымъ тономъ. Ему казалось, что Наташа находится въ такомъ же удрученномъ состояніи, и онъ искалъ у ней сочувствія, какъ у товарища по несчастію. Но хотя докторъ неоднократно упоминалъ о томъ, какая она достойная молодая дѣвица и какъ нѣкоторыя легкомысленныя особы должны бы брать съ нея примѣръ, она оставалась безучастна и къ его комплиментамъ, и къ его безпокойству. Наконецъ, онъ ушелъ. Наташа отправилась къ Агариной и нашла ее въ сильнѣйшемъ пароксизмѣ лихорадки. Она вся посинѣла, протянула Наташѣ изъ-подъ платка свою дрожащую, похолодѣвшую руку. Бѣдная дѣвушка свернулась въ какой-то жалкій маленькій клубочекъ и все повторяла: „не уходите, милая, скоро пройдетъ“.

Наташа покрыла ее пледомъ, положила ей на ноги подушку и, взявъ какую-то книгу, сѣла въ уголокъ. Когда, изнуренная припадкомъ, Агарина, заснула, она неслышно выскользнула изъ комнаты и, отыскавъ прислуживавшую во флигелѣ разбитную Гречанку, попросила ее почаще навѣдываться къ больной. Послѣ одинокой, со всѣхъ сторонъ запертой, комнаты Агариной, паркъ показался Наташѣ особенно праздничнымъ, просторнымъ и безсмысленно веселымъ.

Тамъ, по обыкновенію, было людно. Нарядные дамы и кавалеры играли въ крокетъ, ходили взадъ и впередъ, читали... Изъ раскрытыхъ настежъ оконъ низенькаго домика, который занимали Коробьины, неслись жалобные звуки какого-то Бертиніевскаго этюда:—это маленькая Юля упражнялась на фортепіано. Самъ Коробьинъ сидѣлъ на балконѣ и писалъ. Не желая, чтобъ

ее замѣтили. Наташа свернула въ сторону, но хитрость ея не удалась. Коробьинъ ее увидалъ и сообщилъ женѣ. Та сбѣжала внизъ и почти насильно увлекла ее въ домъ. Наташа посидѣла, приласкала дѣтей, поиграла имъ на роялѣ. Антонъ Филипповичъ былъ очень милъ, возился со своими дѣвочками, шутилъ... Но Наташа не могла отдѣлаться отъ страннаго чувства, что все это слишкомъ красиво, точно на показъ.

Когда она вернулась домой, день уже клонился къ вечеру. Сталъ накрапывать дождь. Ее начинало безпокоить долгое отсутствіе матери. Еще простудятся, подумала она, невольно соединяя мать и художника. Аграфена Ивановна внесла лампу, накрыла на столъ къ чаю, развела въ каминѣ огонь. Она громко изливала свое негодованіе. — За сто верстъ киселя хлебать поѣхала... и чего она тамъ не видала.

Наташа не возражала. Она ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, останавливаясь то у одного окна, то у другаго. Небо чернѣло все гуще и гуще. Сильный ударъ грома вдругъ покатился по горамъ. Дождь полилъ непрерывною шумною струей. Гроза разыгрывалась не на шутку. Раздался стукъ экипажа.—Не они, подумала дѣвушка. Экипажъ остановился. Наташа прислушалась и вышла въ корридоръ. На лѣстницѣ ей встрѣтилась мать, въ измятой, измокшей подъ дождемъ шляпѣ и широкомъ мужскомъ плащѣ накинутомъ сверхъ амазонки. За Софьей Петровной, блѣдный, съ вытянувшимся лицомъ, въ одномъ сюртукѣ, шагалъ Хомутовъ.

— Охъ, Миньона, какъ мы промокли, сказала Софья Петровна,—и поцѣловать тебя не могу. Давай намъ скорѣе чаю. Ѳедоръ Алексѣевичъ! мѣняйте свой туалетъ и идите къ намъ грѣться.

XI.

Угли съ легкимъ трескомъ ярко пылали въ каминѣ. Въ комнатѣ было тепло и уютно. На столѣ, заставленномъ разною закуской, шумѣлъ самоваръ. Софья Петровна въ бѣломъ пеньюарѣ лежала на широкой кушеткѣ. Ея длинныя, небрежно спущенныя, косы вились по обѣимъ сторонамъ ея головы, точно золотыя змѣи. Наташа поставила предъ ней на столикѣ чашку чая и тартинки. Софья Петровна была въ духѣ и оживленно разсказывала о поѣздкѣ, то-есть о томъ, какъ уморительны были

кавалеры и дамы, особенно докторша, которая, чтобы не быть похожею на другихъ, нарядилась въ красную амазонку и всю дорогу ворковала со своимъ офицерикомъ. Была еще Анна Михайловна Панова со своею Люсенькой, — о тебѣ спрашивали. Люсенька все съ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ о живописи разсуждала, а маменька глядитъ на нее и вздыхаетъ—очень ужь ей хочется поскорѣе сбыть дочку, а жениховъ нѣтъ, какъ нѣтъ... Куда онъ, однако, пропалъ, воскликнула Софья Петровна.

Наташа, до сихъ поръ разсѣянно слушавшая мать, приподняла голову.

— Онъ, кажется, очень усталъ, мама. Какъ бы онъ не расхворался, сказала она.

— Вздоръ какой! Онъ вовсе не боленъ. Посмотрѣла бы ты, какимъ онъ молодцомъ за мной ухаживалъ!.. и Софья Петровна улыбнулась.—Вотъ развѣ подъ дождемъ намокъ. Я не хотѣла брать у него плаща, да онъ присталъ; но мы подъ дождемъ были недолго, встрѣтили коляску и пересѣли... Постучись къ нему, Наташа, чего онъ не идетъ.

Дѣвушка встала, прошла въ корридоръ, и остановившись у темной двери, слегка стукнула.

— Войдите! отозвался голосъ Хомутова.

— Мама васъ зоветъ чай пить, произнесла она, пріотворивъ дверь, но не входя въ комнату.

Увидавъ Наташу, Хомутовъ поднялся съ кресла и пошелъ къ ней. У него былъ очень утомленный видъ.

— Вы какъ-будто сердитесь на меня, Наталья Васильевна, сказалъ онъ, протягивая ей руку.

— Я —по какому праву?

— Для того, чтобы сердиться, люди всегда находятъ право. Во всякомъ случаѣ, вы мной недовольны.

— Нѣтъ... мнѣ только жаль, что вы губите здоровье ни изъза чего.

Художникъ усмѣхнулся.

— Именно ни изъ-за чего, повторилъ онъ.—Ахъ, Наталья Васильевна, вы сами не знаете, какую истину сейчасъ изрекли. За то, посмотрите, что я вамъ привезъ (онъ взялъ со стола и подалъ ей огромное прессъ-папье изъ горнаго хрусталя).

— Mercі, промолвила дѣвушка. Вдругъ она увидала на столѣ полотенце, усѣянное красными пятнами. Глаза ея расширились.— Что это? воскликнула она испуганно.

— Это... это прозаическія послѣдствія поэтической прогулки.

— Кровь... горломъ... проговорила блѣднѣя Наташа.

— Да, въ этомъ родѣ, сказалъ онъ, бросая полотенце въ корзинку.—Пойдемте, однако, Софья Петровна, вѣроятно, уже гнѣвается.

Наташа вдругъ подошла къ нему.

— Ѳедоръ Алексѣевичъ, промолвила она, — исполните мою просьбу, ложитесь въ постель и пошлите за докторомъ.

Хомутовъ былъ и удивленъ и тронутъ участіемъ дѣвушки.

— Все, что̀ прикажете, Наталья Васильевна, только не доктора. Я всегда лѣчусь самъ и, увѣряю васъ, завтра буду совершенно здоровъ. Да и вообще изъ-за меня не сто̀итъ волноваться. Всѣ медицинскія знаменитости рѣшили, что при благонравномъ поведеніи я могу прожить сто лѣтъ.

— Хотѣлось бы мнѣ посмотрѣть, когда это вы будете вести себя благонравно.

— Надѣюсь, скоро... какъ только найду завѣтную розу.

Наташа удивленно поглядѣла на него.

— Не понимаете? спросилъ онъ съ улыбкой глядя на ея недоумѣвающее лицо.—Я вамъ объясню. Жилъ былъ при царѣ Горохѣ нѣкій шалопай, котораго возмущенные боги за разныя проказы обратили въ осла. И много этому самому шалопаю въ образѣ ослиномъ мытарствъ пришлось вынести, пока надъ нимъ не сжалилась прелестная принцесса. Она подарила бѣдному ослу свои прекрасныя свѣжія розы. Онъ ихъ поѣлъ и сейчасъ же сдѣлался такимъ молодцомъ, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать. Съ красавицей они, конечно, стали жить-поживать, да добра наживать, а добродѣтелью своею заразили цѣлый край. Съ тѣхъ поръ на бѣдныхъ шалопаевъ точно заклятіе: чтобы выпрыгнуть изъ ослиной шкуры, имъ нужно непремѣнно съѣсть особенную розу... Вы мнѣ поможете отыскать эту спасительную розу, Наталья Васильевна, проговорилъ онъ.

Наташа стояла смущенная, озадаченная. Она не понимала, шутитъ Хомутовъ, или говоритъ серьезно. Кровь прилила ей къ вискамъ, ей казалось, что все вокругъ нея завертѣлось и запрыгало, точно сразу налетѣлъ откуда-то нежданный вихрь.— „Господи, подумала она,—что̀ же это такое?..“ Но вдругъ вспомнила, что мать ее ждетъ, и очнулась. Она несмѣло подняла на Хомутова кроткіе глаза, на которыхъ свѣтились слезы, и, запинаясь, промолвила:

— Ваша сказка очень хороша, но мы о ней поговоримъ послѣ... когда-нибудь... А теперь, прибавила она, совершенно оправившись и улыбаясь поблѣднѣвшими губами,—мнѣ некогда. Вы ложитесь, а я скажу мамѣ, что вы не можете придти.

— Какая вы добрая... предъ вами не стыдно быть слабымъ, произнесъ онъ и, точно спохватившись, замѣтилъ:—однако, что̀ это со мной сегодня. Я сентименталенъ, какъ нѣмецкая гувернантка. Все нервы! Наталья Васильевна, будьте милосердны до конца, умолите за меня Софью Петровну и наградите меня за послушаніе стаканомъ лимонада.

Онъ засмѣялся и слегка пожалъ ея руки.

— Какъ ты долго, съ неудовольствіемъ замѣтила Софья Петровна, когда дочь вернулась.—Гдѣ же Ѳедоръ Алексѣевичъ?

— Онъ не придетъ, мама, онъ боленъ.

— Ахъ, какая баба! что̀ съ нимъ?

— У него шла кровь горломъ.

Софья Петровна нахмурилась.

— Какія глупости! горломъ. Навѣрное изъ зубовъ. И зачѣмъ ты у него такъ долго оставалась! Это неприлично!

Дочь молчала Она была такъ погружена въ свои мысли, что почти не разслышала словъ матери. Сердце ея тихо и жутко трепетало, словно теплая, мягкая волна вдругъ набѣжала и залила ее съ головой. Ей захотѣлось скрыться въ свою комнату и думать, думать на просторѣ.

Софья Петровна спустила съ кушетки ноги въ шитыхъ золотомъ бархатныхъ туфляхъ и съ недовольною миной стала подкалывать шпильками свои косы.

Mise en scène пропала.

XII.

Прошло два мѣсяца. Софья Петровна больше не жаловалась на скуку. Вокругъ нея всегда была свита. Мужчины льнули къ ней, какъ мухи къ меду, дамы ее цѣловали, наперерывъ приглашали къ себѣ, но втихомолку злословили и возмущались. Коробьинъ открыто ухаживалъ за Софьей Петровной. Онъ проводилъ съ ней цѣлые часы, читалъ ей свои и чужія книги, сопровождалъ ее на прогулкахъ и даже при женѣ высказывалъ, что нельзя не преклоняться предъ женщиной съ такою чуткою ко всему прекрасному душой. Елена Ивановна казалась очень несчастною. Она

то переставала ходить къ Криницкимъ, то ходила къ нимъ каждый день, какъ-будто нарочно, какъ-будто ей доставляло наслажденіе растравлять и разжигать свое бѣдное сердце: на, молъ, любуйся. Она, никогда не разставававшаяся съ мужемъ, обрадовалась, когда ему пришлось уѣхать по литературнымъ дѣламъ въ Одессу, въ надеждѣ, что онъ тамъ застрянетъ! Но Антонъ Филипповичъ вернулся черезъ двѣ недѣли, и терзанія Елены Ивановны возобновились. О возвращеніи въ Петербургъ она даже не смѣла мечтать: здоровье младшихъ дѣвочекъ было слабо. Наташа тоже поблѣднѣла и похудѣла. Постоянные гости, шумъ, смѣхъ, горячія бесѣды между ея матерью и романистомъ, бесѣды, вертѣвшіяся около одной и той же темы—любви, утомляли ее до нельзя. Она чувствовала, что это море красивыхъ словъ, не болѣе, какъ жонглерство, которымъ, отъ нечего дѣлать, занимаются случайно сошедшіеся праздные люди. За этою показною игрой она угадывала что-то нехорошее, грубое. Ей было неясно, что̀ именно дурно въ окружавшихъ ее людяхъ, но она была убѣждена, глубоко убѣждена, что они всѣ притворяются, что и ея мать, и литераторъ, и Люсенька, изучающая археологію, философію, живопись, ваяніе и зодчество, совершенно равнодушны къ тѣмъ возвышеннымъ предметамъ, о которыхъ они безпрестанно разсуждаютъ. Хомутова она совсѣмъ не понимала.

Оправившись послѣ Байдарской прогулки онъ сталъ бывать у Криницкихъ лишь мимоходомъ, извиняясь усиленными занятіями: онъ готовилъ большую картину къ весенней выставкѣ. Съ Наташей Ѳедоръ Алексѣевичъ держался легкаго, шутливо-дружескаго тона, какимъ любятъ говорить среднихъ лѣтъ холостяки съ очень молоденькими дѣвушками. Боится, какъ бы я не приняла „въ сурьезъ“ его аллегорію о розѣ, съ горечью думала Наташа, вся загораясь отъ стыда за свою „сентиментальность“. Она не сомнѣвалась въ порядочности Хомутова и ни въ чемъ его не обвиняла. Но ее уже начинала безотчетно отталкивать эта высокомѣрная порядочность.

Выросшая въ одиночествѣ, съ дѣтства привыкшая наблюдать молча, Наташа рано научилась хранить про себя свои впечатлѣнія. Такъ и теперь. Она даже не пыталась протестовать противъ тяготившаго ея режима, отлично сознавая, что кромѣ „сценъ“ изъ этого ничего не выйдетъ, она скрыла ото всѣхъ боль перваго разочарованія въ человѣкѣ, который ей нравился, котораго она считала лучшимъ изо всѣхъ, кого знала. Немало волненій

причиняла Наташѣ и Елена Ивановна. Эта женщина съ изможденнымъ, увядшимъ лицомъ и грустными глазами была ей очень симпатична. Въ первое время ихъ знакомства онѣ часто гуляли вмѣстѣ. Когда у Елены Ивановны разыгрывалась мигрень, она просила Наташу заняться вмѣсто себя съ дѣтьми... И вдругъ, точно черная кошка между ними пробѣжала. Елена Ивановна стала ее избѣгать, во всей ея манерѣ, въ тонѣ, въ движеніяхъ, появлялась какая-то холодная надменность, и однажды, когда Наташа, отправляясь на прогулку, зашла за дѣвочками, Елена Ивановна сухо отклонила ея услуги.

— У васъ и со взрослыми много возни, произнесла она, скрививъ въ улыбку свои тонкія губы.

Наташа была очень огорчена.

— За что она на меня сердится, сказала она Хомутову, бывшему свидѣтелемъ этой сцены.

— Вѣроятно, ревнуетъ къ вамъ своего знаменитаго супруга.

— Ко мнѣ! воскликнула Наташа,—да онъ когда и глядитъ на меня, такъ не видитъ.

Художникъ лукаво усмѣхнулся.

— Ну, не къ вамъ, стало-быть къ вашей maman. Сознайтесь, что Софью-то Петровну онъ видитъ даже тогда, когда не глядитъ на нее.

Дѣвушка вспыхнула, ничего не отвѣтила и ускоренными шагами пошла впередъ по аллеѣ. Наступило неловкое молчаніе. Хомутовъ покусывалъ губы. Онъ досадовалъ на себя за сорвавшіяся слова.

— Наталья Васильевна, началъ онъ,—вы напрасно принимате такъ горячо къ сердцу выходку Елены Ивановны. Я знаю Коробьиныхъ лѣтъ двѣнадцать, и могу васъ увѣрить, что у нихъ эта исторія тянется непрерывно. Онъ... увлекается, она лѣзетъ на стѣну, потомъ они мирятся, и все обстоитъ благополучно до новаго увлеченія. Если вы никуда не спѣшите, присядемте немного, послѣднее время я былъ занятъ и мало васъ видѣлъ: вы какъ-будто похудѣли? Что съ вами? Нездоровится?

Она отвѣчала не тотчасъ и облокотившись на спинку скамьи поглядѣла вверхъ на небо, синѣвшее между темнозелеными листьями стараго лавра.

— Стосковалась я здѣсь, сказала она наконецъ,—домой тянетъ. Иногда мнѣ кажется, что мы уже отсюда не вырвемся. Съ трехъ сторонъ горы, съ четвертой море, точно на ключъ заперли. Я бы давно попросила маму уѣхать, если...

Она запнулась, какъ бы не рѣшаясь продолжать.

— Что же вы остановились? Развѣ это секретъ, спросилъ Хомутовъ.

— Нѣтъ, не секретъ, возразила она,—я ужь нѣсколько разъ собиралась поговорить съ вами объ этомъ и все откладывала, сама не знаю почему... Дѣло въ томъ, что мнѣ жаль Агарину. Ей хоть и лучше, но докторъ говоритъ, что это—кажущееся улучшеніе. Она такъ привыкла ко мнѣ... ей тяжело будетъ очутиться среди равнодушныхъ людей. И вотъ, продолжала она, все больше смущаясь,—я хотѣла васъ попросить, Ѳедоръ Алексѣевичъ, вы вѣдь долго здѣсь останетесь —ходить къ ней, когда я уѣду...

Хомутовъ подумалъ немного, погладилъ свои бритыя щеки и промолвилъ:

— Не могу вамъ этого обѣщать, Наталья Васильевна.

— Почему? воскликнула она, удивленная и оскорбленная этимъ отказомъ.

— Потому что только вы не сердитесь, потому что меня раздражаетъ видъ больныхъ. Утѣшать, то-есть обманывать, я не умѣю, разговаривать съ умирающимъ о предметахъ для него уже не имѣющихъ смысла считаю неприличною жестокостью. Въ сущности всѣ здоровые не выносятъ больныхъ, но люди такъ привыкли лицемѣрить, что никогда въ этомъ не признаются.

— Такъ думаютъ только эгоисты, которые кромѣ собственнаго удовольствія ничего знать не хотятъ, рѣзко замѣтила Наташа.

Онъ разсмѣялся.

— Ну, конечно! Солги я, скажи, что съ наслажденіемъ буду подавать вашей пріятельницѣ лѣкарства—и вы были бы отъ меня въ восторгѣ. Женщина, даже самая неиспорченная, не въ состояніи оцѣнить, когда ей говорятъ правду.

— Ахъ, я это ужь столько разъ отъ васъ слышала, Ѳедоръ Алексѣевичъ, нетерпѣливо прервала Наташа.

— Зачѣмъ же сердиться! будемъ разговаривать о другомъ.— Вотъ кстати интересный писатель идетъ, можно его позвать.

— Ахъ, пожалуста не зовите!

Но Коробьинъ уже ихъ замѣтилъ и еще издали раскланиваясь, закричалъ:

— А я къ вамъ, Наталья Васильевна. Хочу прочесть Софьѣ Петровнѣ одну статейку. Не желаете ли послушать?

Дѣвушка сдвинула брови и сухо промолвила:

— Благодарю васъ, у меня болитъ голова.

— Не люблю я его, сказала она, когда Коробьинъ удалился.— И повѣсти его мнѣ не нравятся. Все-то онъ учитъ, да толкуетъ... ужасная скука. По вашему, онъ настоящій писатель?

— Не знаю-съ, отозвался художникъ.—Я современныхъ русскихъ беллетристовъ почти не читаю, а произведеній пріятелей и подавно. Думаю, впрочемъ, что Антонъ Филиппычъ достаточно бездаренъ.

— Писатель, а съ женой обращается, какъ мужикъ, произнесла Наташа съ непривычнымъ раздраженіемъ.

— Это, положимъ, умно, одобрилъ Хомутовъ,—женщины любятъ, когда съ ними дурно обращаются.

Наташа взглянула на него и улыбнулась.

— Вотъ какъ! проговорила она.—А я всегда думала, что женщины особенно цѣнятъ деликатность, потому что онѣ почти беззащитны противъ грубости.

— Напрасно вы такъ думаете, возразилъ онъ.— Женщины такъ же грубы, какъ и мужчины, но долгое рабство пріучило ихъ скрывать свои чувства, и такъ какъ побѣждаетъ тотъ, кто сильнѣе ненавидитъ, то на земномъ шарѣ въ концѣ концовъ водворится женское царство, прибавилъ онъ шутливо.

— Водворится оно или нѣтъ, мнѣ рѣшительно все равно, сказала Наташа, только не вѣрю я, и никогда не повѣрю, что побѣда останется за ненавистью. И знаете что, Ѳедоръ Алексѣевичъ, мнѣ кажется вы сами этому не вѣрите, а говорите такъ, потому что это... ну эффектно что ли. Неужели вы въ своей жизни встрѣчали только одно низкое и злое, когда даже я видѣла и хорошихъ людей, и безкорыстныя отношенія.

— Исключенія ничего не доказываютъ, Наталья Васильевна, и потомъ, мы вѣдь съ вами ведемъ отвлеченные разговоры. Развѣ можно ихъ примѣнять къ частнымъ случаямъ?

— Я только одного не понимаю, произнесла она насмѣшливо,— если все такъ безнадежно дурно, зачѣмъ жить!

Онъ расхохотался.

— Наталья Васильевна, васъ ли я слышу! вы мнѣ рекомендуете самоубійство. Вотъ и вѣрь послѣ этого женской добротѣ! Нѣтъ, продолжалъ онъ серьезно,—жить стóитъ, потому что жить — любопытно, и даже пріятно, если только не полагать жизни въ людяхъ. Кромѣ людей, на свѣтѣ есть еще вещи, которыя прекрасны. Вотъ когда вы себѣ это усвоите...

— Куда ужь мнѣ, перебила Наташа,—для меня это черезчуръ туманно, прибавила она, грустно покачавъ головой, и встала.

— Вы домой? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, мнѣ еще нужно въ городъ за покупками, сказала она.

— Сдѣлаемъ лучше такъ, предложилъ онъ, подумавъ немного,—пойдемте сначала за покупками, а затѣмъ ко мнѣ въ мастерскую, вы посмотрите на моихъ *Крамольниковъ*,—они очень подвинулись. Не хочется мнѣ отпускать васъ такъ скоро, продолжалъ онъ,—когда-то опять васъ поймаешь Эта m-lle Агарина васъ совсѣмъ отняла у общества, а вы еще хотите, чтобъ я за ней ухаживалъ.

Наташа почувствовала, что краснѣетъ, и разсердилась на себя.

— Не могу, Ѳедоръ Алексѣевичъ, сказала она, опуская голову, чтобы не видать его пристальнаго взгляда,—въ другой разъ, а пока, до свиданія.

XIII.

— Какъ хорошо, что вы пришли, радостно привѣтствовала Наташу Агарина, протягивая ей обѣ руки.—А я ужь и ждать васъ перестала.

Агарина не лежала, а сидѣла въ креслѣ у окна. Ея густыя, темныя кудри выбивались прихотливыми колечками изъ-подъ красной ленточки. Она была такъ худа, такъ прозрачна, что когда она говорила, голосъ ея, казалось, доносился откуда-то издалека; не вѣрилось, чтобъ изъ этой впалой, ссохшейся груди могли вылетать живые звуки.

Наташа положила предъ ней большой букетъ розъ, спросила о здоровьѣ и вынувъ изъ корзиночки вышиванье, принялась работать.

— Скажите, начала Агарина,—что съ вами. У васъ что-то есть на душѣ. Прежде сердце радовалось на васъ глядя,—такая благоразумная была дѣвица, а теперь ни дать, ни взять—героиня въ пятомъ актѣ мелодрамы.

Она остановилась какъ бы ожидая отвѣта, но Наташа молчала.

— Послушайте, начала она опять,—вѣдь мнѣ все можно сказать. Посмотрите, развѣ я не идеалъ наперсницы, и она съ грустною усмѣшкой показала на свою фигуру.

— Да мнѣ и разсказывать нечего, возразила Наташа.—Я просто соскучилась здѣсь; я хочу къ отцу, къ моимъ книгамъ, къ

моимъ нотамъ, къ нашей заводской жизни, гдѣ я знаю каждаго рабочаго, каждую бабу. Молодежь нашего завода,—это вѣдь все мои товарищи и подруги. Я выросла среди труда. А тутъ только и знай, что одѣвайся, переодѣвайся, да разговаривай. У меня была гувернантка, продолжала она послѣ небольшаго молчанія,—старая Француженка. Она часто говорила, что человѣку мѣшаютъ жить не серьезныя препятствія, а l'ensorcellement des bagatelles. Я всегда смѣялась надъ этимъ выраженіемъ. Теперь я его отлично понимаю, у насъ цѣлые дни проходятъ въ этомъ ensorcellement des bagatelles. Сегодня я умоляла маму уѣхать отсюда. Оказывается, что черезъ два мѣсяца какой-то балъ и мы, конечно, обязаны его дожидаться.

Она вздохнула и вынувъ изъ букета розу стала ощипывать лепестки.

— Мнѣ докторъ говорилъ объ этомъ балѣ, сказала Агарина.—Цѣль вѣдь благотворительная.

— О, конечно! мы будемъ плясать, ѣсть и пить не для себя, а для малолѣтнихъ преступниковъ.

— А знаете, промолвила вдругъ Агарина, — ваша мама премилая, что остается тутъ еще на два мѣсяца. Это она для меня.

Наташа вопросительно посмотрѣла на нее.

— Черезъ два мѣсяца и я отсюда уѣду, пояснила она.

— Куда?

— Куда-нибудь, произнесла она загадочно.—А теперь побалуйте меня, Наташа, довольно вы ныли, сыграйте что-нибудь.

— Съ удовольствіемъ, сказала Наташа и подошла къ старенькому, исцарапанному піанино, на которомъ лежала груда растрепанныхъ нотъ.—Что прикажете, спросила она шутливо.

— Вторую сонату Шопена.

Наташа немного смутилась.

— Я не играю этой вещи наизустъ.

— Неправда! докторша мнѣ говорила, что вы недавно ее играли у нихъ.

— Право же я забыла, отнѣкивалась Наташа.—Хотите первую сонату Бетховена. Это такая прелесть.

— Не надо, не надо, раздражительно проговорила больная.—Вы нарочно не хотите мнѣ доставить удовольствія.

— Какъ вамъ не стыдно, Женя! Я эту вещь рѣдко играю, потому что она меня очень волнуетъ, вотъ и все. Но если вамъ непремѣнно хочется—извольте.

Она заиграла.

При первыхъ же звукахъ Агарина вздрогнула, выпрямилась и вся подалась впередъ. Трепетные вначалѣ, какъ подавленное рыданіе, звуки росли, расширялись, крѣпчали, какъ бы озаряя весь упоительный міражъ жизни—молодость, страсть, борьбу... Стройно и гордо лилась чистая мелодія. Вдругъ элегическій, захватывающій сердце аккордъ пронесся надъ темой. Идеалы недостижимы, говорилъ этотъ жалобный стонъ, надежды разбиты, грустно надвигается старость... все, все прошло... впереди—неразгаданная тайна смерти. Торжественные звуки похороннаго марша покрыли тихій плачъ струнъ, но вотъ ужь и они замерли, и только шелестъ вѣтра еще ропщетъ надъ свѣжею могилой.

Наташа быстро обернулась. Агарина, опустивъ голову на руки, судорожно всхлипывала. Это было такъ неожиданно, такъ необычайно... Наташа растерялась.

— Женя, голубчикъ, Господь съ вами... Успокойтесь! Что это вы, повторяла она, трогая ее за дрожавшія плечи.

— Какъ страшно умирать, неудержимо рыдая, говорила Агарина.—Я такъ люблю жизнь... Ужасно это прощаніе со всѣмъ, со всѣмъ... Звѣзды будутъ сіять, солнце грѣть, люди смѣяться—и все это не для меня... Ахъ, нѣтъ ничего ужаснѣе смерти, воскликнула она съ новымъ порывомъ слезъ.—Бросятъ въ могилу пучокъ цвѣтовъ и кончено... А что въ нихъ! Цвѣты хороши на живой груди...

— Женя, милая, полноте. Это я виновата,—разстроила васъ, сначала своими дрязгами, потомъ музыкой. И съ чего вдругъ такія мрачныя мысли. Вѣдь вамъ лучше. Лихорадки почти нѣтъ. Мнѣ докторъ говорилъ, что вамъ гораздо лучше.

— Вы меня не обманываете, прошептала Агарина,—не утѣшаете? Она отняла отъ лица руки, и въ ея залитыхъ слезами огромныхъ, на худомъ лицѣ, глазахъ засвѣтилась такая страстная мольба, такое отчаянное ожиданіе, что у Наташи застыли слова на губахъ. Она не выдержала этого молящаго, тоскующаго взора и потупившись стала гладить по головѣ бѣдную больную.

XIV.

Прошло нѣсколько дней. Коробьинъ, только-что кончившій новый романъ *Карьеристъ*, обѣщалъ прочесть его у Софьи Петровны. Извѣстіе это, съ быстротой телефона переданное докторшей,

сильно взволновало избранное Седъ-Аметское общество, особенно дамъ и особенно Люсеньку Панову, полагавшую, что она, по своему развитію, имѣетъ гораздо больше правъ на такое предпочтеніе со стороны литератора, чѣмъ „эта барыня“, лишенная всякаго „внутренняго содержанія“. Пылая негодованіемъ, Люсенька даже сдѣлала матери сцену.

— Это вы виноваты, говорила она, чуть не плача,—изъ-за васъ никто у насъ не бываетъ, вы на всякаго мужчину смотрите, какъ на жениха... Ко мнѣ никто подойти не смѣетъ, вы сейчасъ тутъ, какъ тутъ.

Мать, сраженная этимъ градомъ обвиненій, пробормотала что-то о неблагодарности дѣтей, но видя, что дочь не на шутку огорчена, стала ее утѣшать.

— Охота тебѣ, Люсенька, принимать все къ сердцу! Всѣ мужчины одинаковы, всѣ они—подлецы, сказала она.—Имъ только и нравятся такія кокетки, какъ Софья Петровна. За порядочными женщинами никто не ухаживаетъ. И писатель вашъ хорошъ! Совсѣмъ отъ дому отбился—и ѣстъ, и пьетъ у madame Криницкой.

— Все это сплетни и предразсудки, возразила дочь.—Вы лучше сходите къ Софьѣ Петровнѣ и постарайтесь, чтобъ она пригласила насъ на чтеніе. Воображаю, какъ она теперь важничаетъ! Да будьте полюбезнѣе съ этою рыбой Наташей. Я недавно сконфузила ее немножко при кавалерахъ и она, кажется, дуется на меня. Вотъ тоже субъектъ!

— Эту и не разберешь, подтвердила мать, — какъ говорится, ни Богу свѣча, ни чорту кочерга.

— А вотъ посмотрите, Хомутовъ только съ ней и разговариваетъ, гнѣвно замѣтила Люсенька.

Мать снисходительно улыбнулась.

— Какой ты ребенокъ, Люсенька, сказала она,—не понимаешь, что это дѣлается для отвода глазъ. Онъ вѣдь тоже къ маменькѣ неравнодушенъ, и, наклонившись къ дочери, она таинственно прошептала ей на ухо: говорятъ, Софья Петровна у него для какой-то картины позировала au naturel!..

Люсенька изобразила на своемъ лицѣ презрѣніе и негодованіе.

На выраженное madame Пановой желаніе присутствовать на чтеніи Софья Петровна сдѣлала удивленный видъ, какъ бы говоря, неужели это уже всѣмъ извѣстно! — И томно замѣтила, что авторъ разсчитывалъ исключительно на интимный кружокъ

„своихъ“, но что она, конечно, употребитъ все свое вліяніе, чтобы доставить удовольствіе Аннѣ Михайловнѣ и ея прелестной дочери.

Анну Михайловну чуть не взорвалъ этотъ снисходительный тонъ. У ней такъ и чесался языкъ отчитать, какъ слѣдуетъ, „сію даму“, но она вспомнила Люсеньку и, любезно улыбаясь, произнесла, что противъ обаянія Софьи Петровны слишкомъ трудно устоять, и потому она считаетъ приглашеніе полученнымъ.

XV.

Софья Петровна, съ серьезнымъ, сосредоточеннымъ видомъ пожимала руки своимъ гостямъ. Въ зеленоватомъ платьѣ съ широкимъ кушакомъ, стягивавшимъ ея тонкую талію, и гладко причесанными волосами, она казалась совсѣмъ молодою дѣвушкой. Сидѣвшая неподалеку отъ нея Люсенька (мать, по ея настоянію, осталась дома) мысленно оцѣнивала и примѣряла на себя каждую часть ея туалета. Коробьинъ сѣлъ за отдѣльный столикъ, на которомъ стоялъ графинъ съ водой, стаканъ и двѣ свѣчи, и, окинувъ строгимъ взглядомъ собравшееся общество, сталъ читать громкимъ, черезчуръ громкимъ голосомъ, выдававшимъ то невольное волненіе, которое овладѣваетъ авторомъ, какъ бы мало онъ ни придавалъ значенія своей аудиторіи. Впрочемъ, онъ скоро оправился, голосъ зазвучалъ увѣреннѣе. Онъ читалъ бы недурно, еслибы не преувеличенныя паузы, подчеркиванья, нюансы и прочія украшенія.

Романъ былъ написанъ бойко. Дѣйствующія лица распадались на двѣ категоріи—добродѣтельныхъ и порочныхъ. Добродѣтельныя неуклонно стремились къ совершенству и страдали. Порочныя творили всякія безчинства и наслаждались. Герой, современный человѣкъ, коварно предавшій друзей молодости, бросившій на произволъ судьбы обольщенную имъ дѣвушку и ея ребенка, быстро поднимается по общественной лѣстницѣ и достигаетъ „степеней извѣстныхъ“. Онъ не только ни разу въ жизни не ощущаетъ потребности оглянуться на прошлое, но даже не испытываетъ ни малѣйшаго волненія при встрѣчѣ, по прошествіи двадцати пяти лѣтъ, съ когда-то опозоренною имъ женщиной, со своимъ собственнымъ сыномъ, котораго мать—воплощеніе всѣхъ совершенствъ,—воспитала идеалистомъ и энтузіастомъ, ежеминутно готовымъ на подвигъ.

Въ общемъ романъ оставлялъ впечатлѣніе неопредѣленное и вялое, несмотря на слова „бодрость“, „энергія“, „самодѣятельность“, „уваженіе къ личности“, „общественные интересы“, которыми были пересыпаны всѣ страницы. Всѣ слушали съ почтительнымъ вниманіемъ. Софья Петровна то опускала долу, то поднимала на автора свои удивительные глаза. Ея самолюбію льстило, что Коробьинъ, этотъ „извѣстный“, „уважаемый“, „передовой“ писатель—читалъ у нея и... для нея. Она знала, что ото всѣхъ этихъ женщинъ-труженицъ и святыхъ матерей, которыхъ онъ такъ трогательно описывалъ,—онъ побѣжитъ за ней, стóитъ ей только поманить его. Это сознаніе своей власти разнѣживало ее, дѣлало ее особенно мягкою и снисходительною. Она точно озаряла всѣхъ своимъ благоволеніемъ и съ кроткою лаской усадила подлѣ себя Елену Ивановну, которая, затаивъ дыханіе, съ нескрываемымъ обожаніемъ глядѣла на своего „великаго человѣка“. По окончаніи чтенія, Софья Петровна разсыпалась въ похвалахъ автору. Люсенька объявила, что романъ—восторгъ, сравнила Антона Филипповича съ Руссо, упомянула объ альтруизмѣ и свободѣ воли. Авторъ, занятый хозяйкой, отвѣчалъ разсѣянно на эти похвалы, и обиженная Люсенька, съ уязвленнымъ выраженіемъ, обратилась къ женѣ романиста, надѣясь въ ней встрѣтить больше сочувствія. Но бѣдной Еленѣ Ивановнѣ было не до нея. Она смотрѣла, какъ ея мужъ цѣловалъ у Софьи Петровны руку, благодаря ее за вниманіе къ его работѣ, смотрѣла, какъ Софья Петровна, скромно улыбаясь, говорила, что напротивъ .. это такой... такой жгучій вопросъ... такъ интересуется... такъ благодарна... И глаза ея, когда она это говорила, такъ неотразимо сіяли изъ-подъ полуопущенныхъ, длинныхъ рѣсницъ, что романистъ не выдержалъ и вторично нагнулся къ ея рукѣ. У Елены Ивановны сдавило сердце. Мнѣ онъ никогда такъ руку не цѣловалъ, подумала она, и вспомнилось ей, какъ она влюбилась въ Антона Филипповича, увлеченная его горячими рѣчами. Онъ былъ тогда молодымъ, подающимъ блестящія надежды, сотрудникомъ виднаго журнаго. Съ первыхъ же шаговъ пхъ семейной жизни вся проза легла на ея плечи. Безсонныя ночи за шитьемъ, за скучными переводами, у изголовья больныхъ дѣтей... томительная бѣготня по грошевымъ урокамъ... лишь бы онъ не отвлекался отъ своей работы, не тратилъ своего таланта по мелочамъ. Какъ она радовалась его возрастающему успѣху“. А потомъ... когда случилась „исторія“... Сколько пороговъ она

обѣгала, сколько слезъ пролила предъ чиновничьими безстрастными лицами... И все это забыто. Ему нравятся остроумныя, изящныя, грандіозныя женщины, а она неуклюжа, больна, раздражительна. Онъ смотритъ на нее, какъ на обузу... Прежде хоть Лёлей звалъ, а теперь Елена Ивановна...

Аграфена Ивановна внесла второй самоваръ. Наташа, до сихъ поръ молча сидѣвшая въ уголку, принялась за свои обычныя обязанности разливанія чая. Люсенька, на которую никто не обращалъ вниманія, подсѣла къ Хомутову.

— Что же вы ничего не скажете о романѣ Антона Филипповича, сказала она.

— Я слушаю васъ и Софью Петровну. При такихъ очаровательныхъ критикахъ я не смѣю имѣть своего сужденія. При томъ въ романѣ всего больше трактуется о воспитаніи, а это для меня вопросъ посторонній. Дѣтей у меня, слава Богу, нѣтъ...

Софья Петровна возмутилась.

— Это вопросъ общечеловѣческій, замѣтила она строго.

— Какой эгоизмъ, воскликнула Люсенька. Я всегда думала, что душа художника должна отражать всѣ жизненныя явленія. Художники должны учить насъ, простыхъ смертныхъ.

Хомутовъ разсмѣялся.

— Помилуйте, возразилъ онъ,— вы хотите, чтобъ я у Антона Филипповича хлѣбъ отбивалъ. Chacun a son metier, я торгую картинками, онъ—назидательными книжками.

— Вы ошибаетесь, Хомутовъ, я своими книгами не торгую, произнесъ Коробьинъ, значительно упирая на слово торгую.

— Извините, я не зналъ, что вы ихъ пишите задаромъ.

— Не задаромъ. Я получаю гонораръ за свой литературный трудъ, но я работаю лишь въ органахъ извѣстнаго, симпатичнаго мнѣ направленія. Въ смыслѣ „презрѣннаго металла“, прибавилъ онъ шутя,—ваше положеніе гораздо выгоднѣе. Вы со спокойною совѣстью можете продать свою картину тому, кто больше за нее дастъ.

— Совершенно вѣрно, я потому и сдѣлался живописцемъ, а не сочинителемъ, сказалъ Хомутовъ такъ серьезно, что Люсенька не безъ удовольствія подумала—ага, братъ, съѣлъ грибъ.

Но Софья Петровна, не любившая въ своемъ „салонѣ“ недоразумѣній, поспѣшила перемѣнить разговоръ.

— Все это шутки, сказала она,— а я хочу знать ваше настоящее мнѣніе о романѣ.

— Что жь! романъ хорошій—измѣна, любовь, гражданская скорбь, все какъ слѣдуетъ... Только вотъ ангелоподобная героиня, вы ужь меня простите, Антонъ Филипповичъ,—немножко подгуляла.

— Сдѣлайте одолженіе, не стѣсняйтесь. Только чѣмъ же это она подгуляла?

— Глупа очень, пояснилъ Хомутовъ.—Мало ей, что она самымъ фактомъ рожденія поставила сына, какъ бы это сказать, ну, въ... неудобное положеніе, нѣтъ, она изъ кожи лѣзетъ, чтобъ окончательно испортить ему жизнь безсмысленнымъ воспитаніемъ.

— Безсмысленнымъ! съ изумленіемъ возразилъ Коробьинъ.— Не потому ли, что она стремилась пробудить въ сынѣ лучшія стороны человѣческаго духа?

— Именно. Мать прежде всего должна желать своему ребенку счастья. А для этого нужно, вопервыхъ—выучить его лгать, вовторыхъ—пользоваться чужимъ трудомъ, ибо чужимъ трудомъ пріобрѣтается почетъ, положеніе и всѣческія радости, собственный же ничего не даетъ, кромѣ униженія и рабства. А ваша героиня со своею вѣчною декламаціей: работай, говори правду, служи дѣлу,—съ пеленокъ обрекла сына на страданіе.

— Страдающій человѣкъ лучше, чѣмъ блаженствующая скотина, возразилъ Коробьинъ.

— Все зависитъ отъ манеры выражаться, Антонъ Филипповичъ. Скажите, вмѣсто блаженствующая скотина, трезвый практикъ, и выйдетъ очень прилично.

Люсинька всплеснула руками. Коробьинъ презрительно усмѣхнулся. Елена Ивановна съ сожалѣніемъ поглядѣла на художника. Даже Наташа, въ своемъ уголкѣ за самоваромъ, повела плечами съ какимъ-то печальнымъ недоумѣніемъ. Софья Петровна нахмурилась.

— Неужели вы совсѣмъ не умѣете говорить серьезно, произнесла она.

— Я и не думаю шутить, отозвался художникъ.—Вольно-жь вамъ не вѣрить. Да вѣдь въ дѣйствительности всѣ родители такъ и поступаютъ, если не словомъ, то примѣромъ.

— Вы, вѣроятно, судите по собственному воспитанію, съ дѣланнымъ смѣхомъ проговорила хозяйка.

— И по собственному тоже, невозмутимо замѣтилъ Хомутовъ.— Бывало мать моя ругаетъ мою бабушку и вдругъ увидитъ меня.

Ѳедя, милый, не говори бабушкѣ, что я ее бранила, я тебѣ дамъ пряникъ, а скажешь—всѣ уши отдеру. Долженъ, впрочемъ, прибавить, что мать моя, какъ женщина необразованная, оставляла многаго желать по части дипломатіи.

— Такъ что по вашему образованіе убиваетъ искренность, ядовито спросилъ Коробьинъ.

— Несомнѣнно. Цивилизація учитъ человѣка скрывать свои чувства. И это очень хорошо. Искренность немыслима въ культурномъ состояніи. Искренній человѣкъ—это дикарь, который лѣзетъ съ дубиной на всякаго, кто ему не по нраву.

— Вы невозможны сегодня, сказала Софья Петровна,—я васъ прогоню.

— Оставьте его, миролюбиво промолвилъ Коробьинъ, которому надоѣли эти пренія,—знаете пословицу: чѣмъ бы дитя ни тѣшилось, а Ѳедору Алексѣевичу всегда нравилась роль enfant terrible.

Онъ тряхнулъ своею львиною гривой и, придвинувъ свое кресло къ креслу Софьи Петровны, усѣлся въ него съ видомъ человѣка, которому очень хорошо.

Елену Ивановну всю перевернуло.

— Антонъ Филипповичъ, обратилась она къ нему,—пойдемъ домой... поздно.

— Я еще посижу, сказалъ онъ,—но если тебѣ хочется домой—я тебя не стѣсняю.

— Какъ же я одна, проговорила она съ возрастающимъ волненіемъ,—поздно и темно...

— Что за институтство, Елена Ивановна. Съ какихъ это поръ ты стала бояться ходить одна? Мать троихъ дѣтей и боится пройтись вечеромъ по улицѣ. Ступай, ступай, дѣти, чай, заждались тебя.

Елена Ивановна еле сдерживала слезы.

— Право, Антонъ, пойдемъ, мнѣ что-то не по себѣ.

— Идите, идите, Антонъ Филипповичъ, сказала Софья Петровна.—Жена велитъ, надо слушаться.

— Елена Ивановна, разрѣшите мнѣ остаться еще на полчаса, улыбаясь попросилъ Коробьинъ, но улыбались только его губы, глаза холодно и строго смотрѣли на жену.

— Позвольте мнѣ довести васъ до дому, Елена Ивановна, вызвался Хомутовъ.

— Ну вотъ тебѣ и кавалеръ нашелся, промолвилъ усмѣхаясь мужъ.

Елена Ивановна стала поспѣшно прощаться, ни на кого не глядя.

— И я съ вами, заявила вдругъ Люсенька и тоже стала прощаться.

XVI.

Агариной опять стало хуже. Лихорадка почти не покидала ее. Добрый Францъ Адамовичъ забѣгалъ къ ней по нѣскольку разъ въ день, увѣрялъ ее, что все это идетъ „доскопале бардзо добже“, пустяки, незначительное обостреніе; но наединѣ съ Наташей докторъ грустно покачивалъ головой, приговаривая:—„горитъ, бидачка, съ двухъ концовъ горитъ“. Наташа почти не отходила отъ больной. Софья Петровна замѣтила по этому поводу дочери:—„Tu poses pour la soeur de charité“, но этимъ и ограничился ея протестъ. Она была слишкомъ занята въ это время собой. Наташа ночевала у Агариной, чередуясь съ Аграфеной Ивановной, которая, казалось ,совершенно забыла свое недавнее предубѣжденіе противъ „актерки“,—такъ терпѣливо, ловко и спокойно она ухаживала за ней. Она же первая осмѣлилась заговорить съ больной о священникѣ, о которомъ ни Наташа, ни докторъ не рѣшались даже упоминать. Примостившись какъ-то вечеромъ у кровати Агариной, Аграфена Ивановна дипломатически стала бранить докторовъ и лѣкарства

— Вотъ такъ-то, матушка, разсказывала она,—и я годъ цѣльный провалялась въ больницѣ—рана у меня на ногѣ открылась. И рѣзали-то они меня, живодеры, и каленымъ желѣзомъ жгли—ничего нѣтъ легче. Лежу я это и плачу... Не молоденькая, а умирать не хочется. Весь вѣкъ мнѣ за единый часъ показался, и пожить-то, думаю, не успѣла. Вдругъ наша нянька, умственная была женщина, и говоритъ:—„тебѣ бы, Аграфенушка, священника позвать“. И что же, матушка, послушалась я ее, исповѣдалась, пріобщилась, и такъ мнѣ послѣ этого легко стало, ровно гора съ плечъ. Черезъ недѣлю изъ больницы выписалась, а тамъ меня простая дѣвушка травами вылѣчила. Вотъ и тутъ есть Татарка, тоже травой лѣчитъ, очень, говорятъ, отъ груди помогаетъ... Не позвать ли намъ ее, Евгенія Николаевна, а?

Дѣвушка обратила къ ней свое исхудалое лицо.

— Что жь, позовите, промолвила она слабо.

— И батюшку ужь заодно, вкрадчиво вставила Аграфена Ивановна. Въ глазахъ больной промелькнулъ испугъ. — Развѣ мнѣ такъ плохо? спросила она.

— Ничего не плохо. А все-таки надо и о душѣ подумать.— Хоть то возьмите, жили вы въ актрисахъ, а ужь актерская жизнь извѣстно—одинъ соблазнъ, и не хочешь, да согрѣшишь. Можетъ Господь и болѣзнь на часъ послалъ, чтобы вы покаялись. И чего вы, матушка, боитесь! вѣдь попъ не могильщикъ, съ собой не унесетъ, придетъ и уйдетъ, пошутила Аграфена Ивановна.

Больная отвернулась къ стѣнѣ и молчала.

— Аграфена Ивановна, чего вы къ ней пристали, сказала Наташа, которая тревожно прислушивалась къ ихъ разговору.

— Вовсе не пристала, недовольно отвѣтила Аграфена Ивановна.—Чай душа-то у ней христіанская, а вамъ, Наталья Васильевна, довольно стыдно ихъ смущать.

— Она права, оставьте ее, заговорила Агарина.—Я согласна, Аграфена Ивановна, сходите за священникомъ... да поскорѣй, хоть сейчасъ.

Ночь прошла спокойно. Наташа, совсѣмъ одѣтая, спала крѣпкимъ сномъ на диванѣ. Вдругъ ей почудилось, что ее зовутъ. Она раскрыла глаза. Было еще очень рано, около четырехъ часовъ утра.

— Вамъ нужно что-нибудь, Женя, спросила она.

— Нѣтъ, я хотѣла только вамъ сказать, что мнѣ въ самомъ дѣлѣ стало лучше послѣ... вчерашняго (она не хотѣла сказать послѣ исповѣди), спите, голубушка, я васъ разбудила. Какая вы добрая... какіе всѣ добрые.

Наташа закрыла усталые глаза, но не прошло и получаса, какъ больная ее опять окликнула.

— Посмотрите какое утро, сказала она, и протянувъ руки, прибавила:—Наташа, милая, хорошая, исполните мою просьбу.

— Что такое, спросила та, подходя къ ней.

Агарина обвила рукой ея шею, прижалась щекой къ ея груди и робко зашептала:—я хочу встать... Тамъ въ шкафу виситъ платье... бѣлое. Я хочу одѣться и походить по комнатѣ... Можно?

— Вы устанете, Женя.

— Ну пожалуста, пожалуста, не отказывайте мнѣ, говорила чуть не плача Агарина.—Я не устану право, у меня есть силы...

Наташа поняла, что противорѣчить безполезно и чтобъ успо-

коить больную, вынула изъ шкафа платье. Агарина обрадовалась какъ ребенокъ, сѣла на кровати, начала одѣваться и причесываться, но сейчасъ же утомилась и покорно отдалась въ руки Наташи. Та нѣсколько разъ останавливалась, чтобы дать ей отдохнуть, уговаривала ее лечь, но она капризно твердила— не хочу, не хочу. Наконецъ туалетъ былъ конченъ. Наташа посадила ее въ кресло и подкатила къ окну. Солнце ужь выплыло изъ-за горъ и весело сіяло на чистомъ прозрачномъ небѣ.

— Какъ хорошо, какъ хорошо, блаженно улыбаясь повторяла Агарина слабымъ, какъ шелестъ листьевъ, голосомъ. Тонкій румянецъ разлился по ея блѣднымъ щекамъ. Она закрыла глаза и затихла. Аграфена Ивановна, пришедшая смѣнить Наташу, ахнула, увидавъ Агарину одѣтую и въ креслѣ. Та открыла глаза и улыбнулась своею прежнею, плутовскою улыбкой, словно радуясь, что вотъ она всѣхъ перехитрила.

— И какая же вы красавица, барышня, воскликнула Аграфена Ивановна,—чистый ангелъ.

— Правда? промолвила она, — дайте мнѣ зеркало; я такъ давно себя не видала. Аграфена Ивановна, не замѣчая строгаго взгляда Наташи, сняла съ комода зеркало и поставила передъ больной. Она поглядѣла на себя долгимъ взглядомъ, потомъ сразу отшвырнула зеркало и заплакала...

— Какая я страшная стала, прошептала она сквозь слезы,— а была хороша... всѣ говорили — и точно устыдившись этой внезапной слабости, она нахмурилась, согнулась, съежилась, и поникла головой, точно подстрѣленная птица. Наташа посовѣтовала ей прилечь. Она безропотно позволила себя перенести на постель, и только, когда ее хотѣли раздѣть, уцѣпилась пальцами за платье. Наташа ушла и вернулась только послѣ обѣда. — Что? спросила она шепотомъ Аграфену Ивановну.

— Спитъ.

— Все время.

— Все время.

Наташа подошла къ кровати. Больная лежала неподвижно и спокойно. Выбившійся изъ-подъ ленты темный локонъ еще болѣе оттѣнялъ блѣдность ея лба. Дыханія почти не было слышно и только длинные, тонкіе пальцы, тихонько перебиравшіе платье, указывали, что жизнь еще не отлетѣла. Наташа испугалась этой зловѣщей неподвижности и отправила Аграфену Ивановну за докторомъ. Онъ явился, осторожно пощупалъ пульсъ и нагнув-

шись къ самому уху Наташи произнесъ: агонія, не мѣшайте ей. Агарина умерла въ тотъ же вечеръ, не выходя изъ своего тихаго забытья.

XVII.

Давно ожидаемый балъ долженъ былъ состояться въ концѣ февраля.

— И почему это ты не желаешь ѣхать, обратилась Софья Петровна къ дочери.—Вообще, я замѣчаю въ тебѣ съ нѣкоторыхъ поръ что-то странное... держишься особнякомъ, непонятою натурой. Если ты воображаешь, что тебѣ къ лицу этотъ видъ развѣнчанной королевы, то горько ошибаешься — ты просто смѣшна.

Наташа не отвѣчала. Софья Петровна, разсерженная этимъ молчаніемъ, повелительно произнесла:—ты, кажется, не желаешь со мной разговаривать? Не собираешься ли ты поставить меня въ уголъ за дурное поведеніе, прибавила она, разсмѣявшись короткимъ, нервнымъ смѣхомъ.—Желала бы я знать, что̀ значатъ эти мины?

— Богъ съ тобой, мама! какія мины? за что̀ ты сердишься, промолвила Наташа, оглушенная этимъ потокомъ словъ. Я никогда не была особенно разговорчива, а теперь... я все еще подъ впечатлѣніемъ смерти Агариной. Куда ни пойду, все она, бѣдная, передо мной.

— Глупая сентиментальность, какъ и вся твоя возня съ ней, возразила Софья Петровна. —Je ne veux pas médire d'une morte, но все-таки скажу, что эта несчастная актриса имѣла на тебя самое дурное вліяніе. Ты стала похожа на какую-то нигилистку, или курсистку. Даже Коробьинъ мнѣ говорилъ это.

— Вотъ какъ! и ты позволяешь этому господину дѣлать тебѣ замѣчанія на мой счетъ, съ горечью произнесла Наташа. Софью Петровну немного смутилъ непочтительный тонъ дочери.

— Отчего же, возразила она насмѣшливо.—Коробьинъ настолько порядочный человѣкъ, что съ нимъ можно говорить обо всемъ. И чѣмъ онъ тебѣ не угодилъ! Ахъ, да! воскликнула она такимъ голосомъ, точно ее внезапно озарила истина, - Хомутовъ къ нему не благоволитъ. Кстати, этотъ очаровательный художникъ слишкомъ явно за тобой ухаживаетъ. Совѣтую тебѣ быть осторожною. Онъ изъ породы мотыльковъ.

— За мной никто не ухаживаетъ, мнѣ этого не нужно, угрюмо отвѣтила Наташа.

— Ну конечно, произнесла Софья Петровна тонкимъ, протяжнымъ фальцетомъ.—Мы такъ серьезны, такъ добродѣтельны, мы—выше міра и страстей. Одна бѣда—очень ужь подозрительна эта наружная святость. Не даромъ вѣдь говорится, что въ тихомъ омутѣ... ха, ха, ха...

Наташа не выдержала материнскаго пиленія. На глазахъ ея сверкнули слезы.

— За что ты только меня мучишь, проговорила она и отвернулась.

Софью Петровну такъ и повело отъ этихъ словъ. Она была уже въ той степени гнѣва, когда остановиться очень трудно.

— Мучу! я тебя мучу! воскликнула она все больше и больше раздражаясь.—Еще бы! Дочка совершаетъ геройскіе подвиги, а пустая кокетка-мать, изволите ли видѣть, отрываетъ ее отъ болящихъ и страждущихъ... велитъ ѣхать на балъ, гдѣ, о ужасъ! будутъ танцовать, а не хныкать о суетѣ міра сего. Въ самомъ дѣлѣ! Какой позоръ для человѣчества!

— Мама!

— Я право удивляюсь твоему великодушію, продолжала Софья Петровна, не слушая, написала бы своему тятенькѣ, такъ и такъ молъ, chere maman завертѣлась въ вихрѣ свѣтскихъ удовольствій, а меня держитъ въ черномъ тѣлѣ. Этотъ россійскій Шопенгауеръ живо бы сократилъ непокорную супружницу. Впрочемъ, не долго я вамъ буду мѣшать... Очищу мѣсто... не бойтесь, и бросившись на диванъ Софья Петровна истерически зарыдала.

Дочь кинулась къ ней.

— Мама, перестань. Я поѣду куда хочешь, только пожалуста перестань.

— О, я знаю тебя, рыдала Софья Петровна.—Ты скрытная, но я тебя вижу насквозь. Вы оба съ отцомъ ненавидите меня за то, что у меня въ жилахъ кровь течетъ, а не кислая простокваша, какъ у васъ.

— Въ томъ и горе наше, что ты не вѣришь, что у насъ тоже есть кровь и нервы, чуть слышно проговорила дѣвушка, подавая матери воду.

XVIII.

Въ комнатѣ было душно. Пахло духами и цвѣтами. На столѣ, надъ голубоватымъ пламенемъ спиртовой лампочки, грѣлись щипцы; тутъ же стояли граненые флаконы, раскрытые футляры и плюшевыя пикатулки съ цѣлымъ ворохомъ лентъ, перчатокъ, кружевъ. На диванѣ и по стульямъ грудой валялись смятыя юпки. Свѣтъ отъ двухъ лампъ, висѣвшихъ по обѣ стороны большаго зеркала, падалъ на обсыпанное пудрой лицо Софьи Петровны. Она была въ черномъ бархатномъ платьѣ, съ низко вырѣзаннымъ лифомъ, эффектно выдѣлявшимъ ея шею, плечи и руки. Наташа и Аграфена Ивановна ползали на колѣняхъ, въ десятый разъ перекладывая складки длиннѣйшаго трена. Софья Петровна находилась въ обыкновенной предбальной ажитаціи.—Это ни на что не похоже, повторяла она капризно. Не могли раньше позаботиться, чтобы все было въ порядкѣ.

— И то въ порядкѣ, проворчала выведенная изъ терпѣнія Аграфена Ивановна,—да развѣ на васъ угодишь. Наташа молчала. Она знала, что эта сцена повторяется каждый разъ, когда мать одѣвается, и только пальцы ея еще проворнѣе забѣгали и замелькали по платью.

— Ай! вскрикнула вдругъ Софья Петровна, точно ее ужалила змѣя.—Ты меня всю исцарапала... Оставь меня... мнѣ не нужно твоей милости... Все это нарочно, чтобъ я осталась дома... Изволь, я останусь.

Она вырвала шлейфъ и, сѣвъ на диванъ, стала тихо и быстро барабанить ногой по ковру.

— Мама, вѣдь я нечаянно тебя уколола, проговорила Наташа звенящимъ отъ волненія голосомъ.—Какъ ты можешь думать, что я нарочно. Пожалуста встань, сейчасъ будетъ готово, только въ одномъ мѣстѣ прикрѣпить. Ужь поздно.

Софья Петровна не отвѣчала и продолжала стукать ногой.

Аграфена Ивановна съ сожалѣніемъ посмотрѣла на измученное лицо своей барышни.

— Да что вы ихъ упрашиваете, Наталья Васильевна, сказала она грубо,—пущай куражатся, точно вы ихъ карахтеру не знаете. Другія-то матери дочерей наряжаютъ, а у насъ...

— Этого только не доставало, произнесла Софья Петровна,— вы ужь на меня жалуетесь прислугѣ.

— Чего жалиться! И такъ всѣ видятъ, возразила горничная.

— Молчите, Аграфена Ивановна, это не ваше дѣло, заговорила Наташа.—Полно, мама, право поздно. Вѣдь мнѣ тоже еще нужно одѣться. Шлейфъ лежитъ чудесно, посмотри—и она взяла мать за руку.

Софья Петровна взглянула мелькомъ на часы и какъ бы нехотя позволила дочери приподнять себя съ дивана. Пальцы дѣвушки опять забѣгали по платью. Аграфена Ивановна, стиснувъ зубы, угрюмо вынимала булавки изъ тѣхъ мѣстъ, которыя Наташа скрѣпляла иголкой. Пригнувъ голову къ бархату, она, наконецъ, откусила послѣднюю шелковинку. Софья Петровна приказала зажечь свѣчи у параллельнаго зеркала. Лицо ея прояснилось— платье сидѣло божественно. Мягкія складки такъ свободно драпировали ее фигуру, будто это не стоило никакого труда, будто Софья Петровна родилась на свѣтъ въ этомъ роскошномъ одѣяніи. Дочь подала ей на блюдѣ цвѣты. Софья Петровна выбрала перевитыя зеленью камеліи и туберозы, стряхнула блестѣвшія на нихъ капли воды и умѣлою рукой приколола ихъ къ лифу и волосамъ. Потомъ взяла щипцы, подвила развившійся локонъ, старательно смахнула съ лица пудру и, обвивъ шею двойною ниткой жемчуга, еще разъ поглядѣла на себя въ зеркало. Глаза ея сверкнули торжествомъ.

— Одѣвайся скорѣй, сказала она дочери.

— Какая ты красавица, мама, съ неподдѣльнымъ восторгомъ произнесла Наташа.—Хороша вѣдь, обратилась она къ Аграфенѣ Ивановнѣ, желая ее смягчить.

— Хороши-съ, сухо процѣдила та.

Наташа одѣлась скоро. Она была очень мила въ своемъ бѣломъ газовомъ платьѣ, легкимъ облакомъ охватывавшемъ ея небольшую, граціозную фигуру. Мать окинула ее критическимъ взоромъ и воткнула ей въ косу пучокъ маргаритокъ.

— Это оригинально и главное молодо—молодо, въ жанрѣ твоей красоты, сказала она. — Только ты очень блѣдна, выпей немного вина.

— Не надо, я согрѣюсь на балу.

— Ну ладно, согласилась Софья Петровна и съ удовольствіемъ подумала, что дочь смотритъ совсѣмъ дѣвочкой.

XIX.

Балъ давно начался. Оркестръ звенѣлъ и гудѣлъ на крошечной эстрадѣ. Дирижеръ—высокій, худощавый человѣкъ съ необыкновенно длинными усами, извивался, махая во всѣ стороны смычкомъ и скрипкой, которую, въ минуты смятенія, онъ стремительно поднималъ къ подбородку, играя одинъ за всѣхъ. Танцами снисходительно распоряжался господинъ представительной наружности съ великолѣпными, черными какъ смоль баками, сообщавшій всѣмъ и каждому, что въ Одессѣ безъ него не обходится ни одинъ балъ. Танцующихъ было много, хотя дамы, по обыкновенію, преобладали. Мужскіе фраки утопали среди лентъ, бархата, кружевъ и цвѣтовъ.

Софья Петровна царила. Она была необыкновенно хороша, и только дамы находили, что въ ней нѣтъ ничего особеннаго, увѣряли, что она набѣлена и, указывая на Наташу, недоумѣвали, какъ это можно одѣвать взрослую дочь, какъ подростка. А Софья Петровна чувствовала себя царицей и милостиво взирая на вертѣвшійся вокругъ нея, какъ вокругъ солнца мірокъ, улыбалась всѣмъ своею красивою, манящею улыбкой. Коробынъ не отходилъ отъ нея. Когда она танцовала, онъ садился на ея стулъ, бралъ ея вѣеръ и жадными глазами слѣдилъ за ея улетающимъ платьемъ. Она глядѣла на него блестящими, смѣющимися глазами и спрашивала, отчего онъ не танцуетъ.

— Старъ слишкомъ, отвѣчалъ онъ.

— Это вы-то стары? Полноте! Послѣ этого и я старуха! Да я объ этомъ и слышать не хочу. Какое намъ дѣло до нашихъ метрическихъ свидѣтельствъ! Посмотрите кругомъ и скажите, кто моложе, мы съ вами, или эти золотушныя дѣвицы и кавалеры, которые двигаются, какъ заведенныя маріонетки. Нѣтъ, намъ еще рано въ архивъ...

— Вамъ-то навѣрно рано, сказалъ онъ, и уныло поглядѣлъ въ ту сторону, гдѣ сидѣла Елена Ивановна. Софья Петровна поймала этотъ взглядъ.

— Послушайте, начала она,—мнѣ кажется, что ваша жена на меня сердится.

— Не думаю, промолвилъ онъ, слегка запинаясь.

Она глянула на него съ боку.

— Судя по тону вашего отвѣта вы въ этомъ убѣждены, замѣтила она и прибавила фамильярнымъ полушепотомъ,—надѣюсь она не ревнуетъ.

Онъ неопредѣленно улыбнулся и пожалъ плечами.

— А вы не замѣчаете, продолжала Софья Петровна,—что всѣ дамы точно сторонятся меня? Даже дочка моя куда-то исчезла. Богъ мой! какъ дики еще у насъ нравы. Однако, я вовсе не желаю быть предметомъ демонстрацій. Дѣлать нечего. Дайте мнѣ руку и двинемся вмѣстѣ на враговъ. Коробьинъ подвелъ ее къ сидѣвшимъ рядомъ съ докторшей Еленѣ Ивановнѣ, Люсенькѣ и М-me Пановой. Софья Петровна сказала что-то на ухо докторшѣ. Та фыркнула и сейчасъ же усадила ее рядомъ съ собой. Елена Ивановна только покосилась, когда мужъ обратился къ ней съ какимъ-то вопросомъ. Они поссорились предъ самымъ баломъ (онъ настойчиво совѣтовалъ ей остаться дома) и у ней еще были красны глаза отъ недавнихъ слезъ.

Софья Петровна съ участіемъ, почти нѣжностью освѣдомилась о ея здоровьѣ. Елена Ивановна не только ничего ей не отвѣтила, но рѣзко, будто ее укусила муха, отвернулась отъ нея. Софья Петровна даже бровью не моргнула, но мысленно рѣшила, что эта дерзость дорого обойдется Еленѣ Ивановнѣ и удвоила любезность къ остальнымъ дамамъ. Люсенькѣ она подарила розу изъ своего букета, сказала, что ея туалетъ—восторгъ, а брилліанты безподобны (Люсенька сіяла, какъ электрическое солнце). Остановивъ проходившую мимо Наташу, Софья Петровна спросила танцуетъ ли она слѣдующую кадриль и узнавъ, что нѣтъ, моментально доставила обѣимъ барышнямъ кавалеровъ. Люсенька совсѣмъ растаяла отъ такого неожиданнаго вниманія. Послѣ кадрили съ эстрады грянули раздирательные звуки всѣмъ надоѣвшаго вальса—*Дунайскія волны*. Къ Софьѣ Петровнѣ подлетѣлъ красивый гвардейскій полковникъ. Она лѣниво опустила руку на его плечо и понеслась въ его объятіяхъ, хлеснувъ своимъ длиннымъ треномъ Коробьиныхъ, которые, нахмурившись и глядя въ разныя стороны, сидѣли другъ подлѣ друга.

Было уже поздно. Въ залѣ стояла тропическая жара. Мужчины утирали лбы платками. Дамы усиленно обмахивали вѣерами утомленныя, разгорѣвшіяся лица. Наташа, незамѣтно удалившаяся отъ матери, около которой опять очутился Коробьинъ, увидала въ толпѣ Хомутова и позвала его.

— Оедоръ Алексѣевичъ, вы не танцуете?

— Нѣтъ. Неужели вы хотите меня пригласить, воскликнулъ онъ.

Она усмѣхнулась.

— Не бойтесь! я сама скрываюсь отъ мамы, чтобъ она не навязала мнѣ кавалера. Будьте добры, отыщите мнѣ стулъ гдѣнибудь возлѣ окна. У меня голова разболѣлась отъ духоты.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ. Само собой разумѣется, что я раздѣлю ваше уединеніе, и вы мнѣ позволите говорить всякій вздоръ.

— Что̀ хотите. Мнѣ сегодня все, все равно.

— Это что-то подозрительно, сказалъ художникъ и повелъ ее въ конецъ залы, гдѣ онъ замѣтилъ нѣсколько свободныхъ стульевъ.

Она сѣла и оперлась на подоконникъ. Увидавъ оффиціанта, разносившаго на подносѣ воду и мороженое, она поманила его вѣеромъ и выпила одинъ за другимъ два стакана воды.

— Какъ бы вы не простудились, Наталья Васильевна.

— Нѣтъ, ничего, отвѣтила она и замолчала.

Онъ тоже замолчалъ и невольно залюбовался ея маленькою, красиво склоненною головой, нѣжными очертаніями рукъ, сквозившихъ подъ кружевомъ, всею ея тонкою фигурой, отъ которой вѣяло тихою, безсознательною граціей.

— Что̀ же вы не говорите, сказала Наташа.

— Вы испортили мнѣ все настроеніе. Я гляжу на васъ и думаю, вотъ бы модель для Офеліи. И отчего у васъ такой меланхолическій видъ?

— Не знаю, право. Мнѣ всегда не по себѣ на балахъ, а сегодня особенно. Всѣ (она указала на танцующихъ) нарядны, веселы, довольны, а я думаю, какими они были до пріѣзда сюда, какими будутъ завтра—и мнѣ грустно.

— Это потому, что вы все ищите безконечнаго. Ахъ, какая вы неблагодарная ученица, пошутилъ онъ.—Сколько разъ я вамъ твердилъ, послала вамъ судьба пріятный моментъ—наслаждайтесь имъ и не только не ищите, не желайте повторенія—повтореніе всегда скверно. Но женщины ничего не смыслятъ въ поэзіи. Онѣ не умѣютъ цѣнить красоту впечатлѣнія, иллюзію перспективы. Уткнутся лбомъ въ картину и сердятся, что предъ ними не богъ, а размалеванное полотно.

— Можетъ-быть вы и правы, сказала она и задумалась.—Видѣли вы маму, спросила она вдругъ.

— Видѣлъ. Какъ она поразительно хороша сегодна, воскликнулъ онъ.—И, странное дѣло, у васъ совсѣмъ разныя лица, но минутами вы бываете на нее очень похожи.

— Вотъ ужь ни капельки, съ живостью возразила дѣвушка,—я вся въ отца.

— Вашъ отецъ должно-быть васъ очень любитъ?

Лицо ея затуманилось.

— Да, но у него замкнутый характеръ, и онъ не умѣетъ высказывать свои чувства. Посмотрите, Ѳедоръ Алексѣевичъ, сказала она, помолчавъ, - какая Люсенька сегодня интересная.

— И смотрѣть не хочу. Она съ матерью, а я этой дамы боюсь, какъ огня. Замѣтили вы, Наталья Васильевна, какіе у нея глаза? точь-въ-точь два штопора—такъ и выкупориваютъ изъ васъ нутро.

Наташа подняла брови.

— Какое дикое сравненіе, промолвила она,—можно ли такъ отзываться о людяхъ.

— Пообѣдали бы вы у нея хоть разъ, посмотрѣлъ бы я, что бы вы заговорили.

— Я бы не пошла обѣдать къ людямъ, которые мнѣ не нравятся.

— Ну ужь это извините! Еслибы m-me Панова захотѣла—пошли бы. Я оглянуться не успѣлъ, какъ она въ меня вцѣпилась. Каждый кусокъ она сопровождала въ мое горло разсказомъ, какая ея Люсенька красавица, какая она умница, сколько у нея поклонниковъ, какъ она художественно декламируетъ, поетъ, рисуетъ, танцуетъ, и кончила заявленіемъ, что, если я очень попрошу, мнѣ позволятъ написать портретъ этого „чуднаго ребенка“. Я не попросилъ и бѣгаю теперь отъ нихъ, какъ чортъ отъ ладона. Но вы меня совсѣмъ не слушаете, Наталья Васильевна.

Она дѣйствительно его не слушала, и только теперь, когда онъ ее окликнулъ, вздрогнула, точно очнувшись отъ какой-то тяжелой думы.

— Ѳедоръ Алексѣевичъ, заговорила она, внимательно устремивъ на него свои большіе глаза, въ которыхъ сверкнулъ мрачный огонь,—Ѳедоръ Алексѣевичъ, вамъ никогда не приходило въ голову, что красота для женщины—несчастье?

— Несчастье? переспросилъ онъ удивленно.

— Больше чѣмъ несчастье,—проклятіе... да, да проклятіе,

настойчиво повторила Наташа.— Она сушитъ сердце, убиваетъ душу... Изъ-за нея, изъ-за этой мерзкой красоты, губятъ безо всякой жалости самыхъ близкихъ людей. Что значитъ жизнь близкихъ, которые давно опротивѣли въ сравненіи съ восторгомъ чужихъ, которые всегда веселы, любезны и интересны. О, Боже мой, Боже мой, прошептала она,— право мнѣ иногда кажется, что я съ ума сошла...

Слезы навертывались у ней на глазахъ.

— Ахъ, не смотрите на меня, проговорила она вдругъ совсѣмъ по дѣтски и, поднявъ руку, прикрыла ею глаза.

Хомутовъ взялъ другую ея руку въ обѣ свои и сталъ гладить.

— Наталья Васильевна, промолвилъ онъ ласково,— милая, хорошая, маленькая Наташа, успокойтесь. Развѣ можно доводить себя до такого состоянія. Ну-ка, разскажите мнѣ, какое такое у васъ большое горе? Кто васъ обидѣлъ?

Онъ хотѣлъ сказать еще что-то, но въ эту минуту предъ ними, точно изъ-подъ земли, выросла Елена Ивановна, и онъ замолчалъ.

— Ваша maman васъ зоветъ, не своимъ голосомъ сказала Елена Ивановна Наташѣ, вздрогнувшей отъ ея неожиданнаго появленія.

— Меня? гдѣ же мама? спросила она, окидывая залу влажными еще отъ слезъ глазами.

— Она не здѣсь, пойдемте скорѣй, отвѣчала Елена Ивановна и, схвативъ за руку дѣвушку, потащила ее за собой.

Хомутовъ попробовалъ ее остановить.

— Елена Ивановна, что съ вами? что это значитъ?

— Идемте, идемте, лепетала Елена Ивановна. Она почти бѣгомъ увлекла изъ залы Наташу, которая, ничего не понимая, испуганно спрашивала то у нея, то у догнавшаго ихъ Хомутова, не дурно ли матери. Елена Ивановна не отвѣчала. Пробѣжавъ длинный корридоръ, она почти толкнула дѣвушку въ боковую маленькую комнату, всю заставленную цвѣтами, слабо освѣщенную краснымъ японскимъ фонаремъ. Наташа бросилась было туда и вдругъ, какъ вкопаная, замерла на порогѣ. Въ глубинѣ комнаты сидѣла ея мать и предъ нею, на колѣняхъ, обвивъ руками ея станъ, рыдалъ Коробьинъ и шепталъ что-то непонятное. Наташа хотѣла крикнуть, но голосъ оборвался.

— Ха-ха-ха, рѣзко и громко захохотала Елена Ивановна,— какая у васъ маменька, Наталья Васильевна... Учитесь!..

Въ комнатѣ послышался крикъ испуга. Наташа зашаталась. Хомутовъ, блѣдный, какъ мертвецъ, хотѣлъ ее поддержать, но она оттолкнула его сильнымъ движеніемъ и, ни на кого не взглянувъ, съ выраженіемъ безумнаго ужаса на искаженномъ лицѣ, рванулась впередъ и побѣжала, какъ будто ее подхватили невидимыя крылья. Софья Петровна, гордо закинувъ голову, выступила изъ комнаты.

— Что тутъ за шумъ? произнесла она.—Ахъ, это вы, Елена Ивановна, вы вѣрно ищете вашего мужа? Онъ цѣлъ и невредимъ.

Коробьинъ подошелъ къ женѣ.

— Ты становишься невыносима, пропустилъ онъ сквозь зубы, крѣпко, до боли стискивая ея руку.

— Я все видѣла, все видѣла, твердила Елена Ивановна.

— Ничего ты не видала. Ты просто съ ума сошла.

— Очень сожалѣю, что сдѣлалась невольною причиной семейнаго недоразумѣнія, высокомѣрно проговорила Софья Петровна.— Ѳедоръ Алексѣевичъ, дайте мнѣ руку. Вы не видали Наташи?

— Ваша дочь вмѣстѣ со мной любовалась на васъ, задыхалась, съ трясущимся подбородкомъ, прохрипѣла Елена Ивановна.

— У васъ галлюцинаціи, холодно возразила Софья Петровна и, взявъ подъ руку Хомутова, величественно прослѣдовала мимо супруговъ.

XX.

Наташа не помнила, какъ она очутилась дома. Отворившая ей дверь Аграфена Ивановна попятилась отъ нея, какъ отъ привидѣнія. Блѣдная, въ изорванномъ платьѣ, она силилась овладѣть собою хоть настолько, чтобъ отвѣчать кое-какъ на разспросы горничной. Мнѣ дурно... скажите *ей*, что я легла, — вымолвила она, съ трудомъ шевеля свой точно одеревенѣвшій языкъ.

Аграфена Ивановна не унималась.

— Неужто она не видала какъ вы ушли? все небось съ шалыганами своими, хи-хи-хи, да ха-ха-ха... И когда это она уймется, грѣховодница этакая. Матушка, продолжала Аграфена Ивановна со слезами,—не давайся ты ей въ руки, не потакай ей! Помяни мое слово: — какъ она баринову жизнь съѣла,—такъ и твою съѣстъ. Не мать она тебѣ, а мачиха лютая...

— Да оставите ли вы наконецъ меня въ покоѣ, воскликнула

Наташа, и въ ея надорванномъ голосѣ прозвучала такая мука, что Аграфена Ивановна сразу прекратила свои причитанья.—Не надо... сама раздѣнусь... сама... Оставьте меня, повторила она еще разъ, уходя въ свою комнату и запирая дверь на ключъ.

— Царица небесная, какъ бы она чего надъ собою не сдѣлала, прошептала, крестясь, Аграфена Ивановна.

Не успѣла Наташа скрыться, какъ явилась Софья Петровна.

— Барышня дома, спросила она.

— Онѣ легли и просили ихъ не безпокоить, потому что у нихъ очень голова болитъ, проговорила Аграфена Ивановна, машинально становясь передъ Наташиной дверью.

Софья Петровна постояла въ нерѣшительности, потомъ, отстранивъ горничную, постучалась къ дочери. Отвѣта не было. Оно, пожалуй, и лучше, подумала она,—отложить сраженіе на завтра.

— Давно она легла?

— Какъ пришли-съ, съ несвойственною ей поспѣшностью отвѣчала Аграфена Ивановна, желая выгородить барышню.—Я даже подивилась, что это, молъ, вы однѣ, матушка. А она, говоритъ,—ничего больше, какъ у меня голова закружилась, ступай, говоритъ, къ маменькѣ и скажи, чтобы не безпокоилась обо мнѣ. Я только было собралась, а вы сами пожаловали.

Софья Петровна недовѣрчиво выслушала эту реляцію, но ничего не возразила и, наскоро раздѣвшись, отпустила горничную.

А Наташа въ это время лежала, свернувшись на кровати въ своемъ бальномъ платьѣ и плакала горькими, горячими, безутѣшными слезами. Сцена въ полутемной комнатѣ такъ и стояла предъ ней.

Эта короткая сцена, длившаяся мгновеніе, разрасталась въ ея омраченномъ мозгу во что-то такое страшное, обидное, небывалое, такимъ жгучимъ стыдомъ заливало оно ея душу, что и теперь, когда она была одна, когда кругомъ было темно и тихо, ей казалось, что она стоитъ нагая среди улицы, что всѣ видятъ ея позоръ, что на нее устремлены сотни глазъ,—и она прятала въ подушки свою пылающую голову, крѣпко сжимая ее руками, точно это могло помѣшать головѣ думать, а сердцу надрываться.—Боже мой, Боже мой, взывала она въ отчаяніи, изнемогая отъ безсилія отогнать отъ себя ненавистный призракъ. Она чувствовала, что онъ въ ней, что онъ проникъ въ самую глубь ея существа и жжетъ ея кровь медленною отравой.

Изъ обступившей ее со всѣхъ сторонъ тьмы, одна лишь мысль вырѣзывалась ясно, непреложно — жизнь кончена... послѣ этого нельзя жить, нельзя, нельзя... Нужно исчезнуть, сгинуть... сейчасъ, сію минуту. Предъ ней, какъ живой, промелькнулъ печальный, одинокій, молчаливый образъ... образъ ея отца. Сколько онъ долженъ былъ выстрадать, чтобы сдѣлаться такимъ печальнымъ, блѣднымъ и молчаливымъ... А теперь, когда онъ узнаетъ про это... Онъ умретъ. О нѣтъ! Нѣтъ! онъ не долженъ этого узнать... никогда... никогда!.. Чего бы ей это ни стоило, она все сдѣлаетъ, все перенесетъ, только бы его миновала эта чаша. Безконечная жалость къ отцу заглушила собственную боль. Что-то похожее на раскаяніе шевельнулось въ ея сердцѣ. До сихъ поръ она вѣдь ничего не дѣлала, чтобы хоть сколько-нибудь скрасить его долю. Всѣ свои заботы, всю свою нѣжность она отдавала ей, ей, исковеркавшей жизнь ея бѣднаго отца. Наташа встала съ кровати и съ какимъ-то отвращеніемъ сорвала съ головы цвѣты, сбросила и отшвырнула ногой свое измятое, кружевное платье. Она подошла къ окну. На посвѣтлѣвшемъ уже небѣ занималась заря длинными, золотисто-блѣдными полосками. Скоро день... Придутъ люди... вѣдь имъ любопытно. Надо будетъ говорить, вывертываться, лгать.. Остановившіяся было слезы хлынули съ новою силой.

— Что же дѣлать... буду жить и буду лгать, проговорила она громко и, точно испуганная звукомъ собственнаго голоса, упала на колѣни и приникнувъ лицомъ къ холодному полу, страстно зашептала—Господи спаси, Господи вразуми!

XXI.

Софья Петровна проснулась поздно. Вчерашнее происшествіе предстало предъ ней во всѣхъ своихъ неприглядныхъ подробностяхъ и, въ первую минуту, она кругомъ обвиняла себя. Съ ея тактомъ, съ ея умомъ и позволить себя скомпрометтировать, какъ дѣвчонкѣ. Это непростительно... И хоть бы она была влюблена въ этого косматаго литератора... а то вѣдь такъ... просто отъ скуки дурачилась... И вдругъ — такой скандалъ... Надо уѣхать — не сейчасъ, конечно, а дня черезъ три-четыре, когда вся эта глупость уляжется. Прежде всего, впрочемъ, надо поговорить съ Наташей.

При воспоминаніи о дочери, Софья Петровна покраснѣла. На нее она была особенно сердита. Еслибы не ея идіотская выходка—ничего бы не произошло. Эту дуру, Елену Ивановну, мужъ бы приструнилъ и все бы обошлось прилично. А тутъ не угодно ли, дочка, возмущенная поведеніемъ матери, изволила въ одномъ платьѣ убѣжать съ бала.

— Да за это одно ее казнить мало. Гнѣвъ превозмогъ всѣ другія чувства въ Софьѣ Петровнѣ. Разсудокъ подсказывалъ ей, что благоразумнѣе дипломатически капитулировать предъ дочерью, увѣрить ее, что она ошиблась, что ей показалось, но самолюбіе вопіяло все громче, и Софья Петровна ужь ничего не могла соображать. Кровь ударила ей въ голову, она почувствовала, что не въ силахъ дольше сдерживаться и разомъ поднялась съ постели. Сунувъ босыя ноги въ стоявшія у кровати туфли, она накинула капотъ и осторожно, чтобы не привлечь вниманія Аграфены Ивановны, на цыпочкахъ проскользнула въ залу.

— Можетъ-быть, оно даже и лучше, подумала она, уже стоя на порогѣ Наташиной комнаты,—поменьше смиренія, и рѣшительно повернувъ ручку вошла къ дочери.

Наташа сидѣла на стулѣ у окна, одѣтая и причесаная, какъ обыкновенно. Еслибы не синеватая блѣдность, покрывавшая ея лицо, можно бы подумать, что ничего не случилось.—Приготовилась, пронеслось въ головѣ Софьи Петровны.

Увидавъ мать, Наташа вся похолодѣла и опустила свои заплаканные глаза.

— Скажи пожалуста, начала Софья Петровна медленнымъ низкимъ голосомъ,—какъ назвать твой вчерашній поступокъ?

Дѣвушка еще ниже склонила голову и ничего не отвѣчала.

— Глупая баба, продолжала Софья Петровна,—которая ревнуетъ своего мужа ко всякой юпкѣ, устраиваетъ на меня облаву и что же! моя родная дочь помогаетъ ей опозорить меня. Если я сдѣлалась притчей во языцѣхъ, если сегодня весь городъ будетъ обливать меня помоями, то знай, что первый комъ грязи бросила въ меня ты! Ты мой злѣйшій врагъ. Я тебя ненавижу! Ты отдала меня на съѣденіе шалопаевъ и разныхъ добродѣтельныхъ мерзавокъ. Довершай же свое благородное дѣло. Садись и пиши доносъ отцу, что застала мать съ любовникомъ. Мнѣ все равно. Теперь я въ вашей власти. Потѣшайтесь.

Софья Петровна говорила неудержимо, порывисто, слова такъ и лились съ ея устъ и съ каждымъ словомъ собственная вина

умалялась въ ея сознаніи до ничтожества.—Конечно, все это вздоръ, выдумки... ни въ чемъ она не виновата... всѣ сговорились преслѣдовать ее, мучить, обижать... Ей стало такъ жалко себя, что она искренно заплакала.

Наташа сидѣла все также безмолвно, точно застывъ въ своей неподвижной позѣ. Софья Петровна искоса взглянула на нее. Вотъ каменная, подумала она, я плачу, а ей ни по чемъ, и это показалось ей такъ жестоко, что она еще пуще расплакалась.

Блѣдныя губы Наташи вдругъ дрогнули.

— Я хочу тебѣ сказать, хочу тебя попросить, вымолвила она такимъ глухимъ, такимъ убитымъ шепотомъ, что Софья Петровна сразу перестала плакать и съ какимъ-то даже страхомъ поглядѣла на дочь.—Я хочу тебѣ сказать, продолжала Наташа, глубоко переводя духъ,—что ты права... я не должна была... уходить. Прошу тебя объ одномъ. Сдѣлай такъ, чтобы до отца ничего не дошло... и я клянусь тебѣ, что буду тебѣ самою покорною дочерью. Ты говоришь, что ненавидишь меня. Я думаю, ты это сгоряча сказала. Но, если это такъ, я буду ждать пока ты перестанешь меня ненавидѣть, только... пожалѣй папу. Уѣдемъ отсюда сегодня.

Софья Петровна была озадачена. Что-то чужое, новое звучало въ словахъ дочери, да и сама дочь стала какая-то чужая, новая. Эти огромные, печальные глаза, этотъ скорбный голосъ, неужели это глаза и голосъ смирной Наташи... дѣвочки...

— Наташа, сказала Софья Петровна, подходя къ ней и беря ее за плечи,—очнись, что̀ съ тобой? Вѣдь ничего не случилось, совсѣмъ не изъ чего намъ хоронить себя. Ну я вспылила, такъ вѣдь ты сама признаешь, что виновата предо мной. А что я тебя ненавижу, такъ это, конечно, вздоръ. Уѣхать отсюда сейчасъ—нельзя. Неужели ты этого не понимаешь! Надо сначала всѣмъ рты заткнуть. Слушай какъ я придумала, продолжала Софья Петровна, переходя въ конфиденціальный тонъ,—я потребую отъ Коробьина, чтобъ онъ явился къ намъ обѣдать съ женой, потомъ мы всѣ поѣдемъ кататься. Нужно непремѣнно, чтобы насъ видѣли вмѣстѣ. Тогда всѣ останутся въ дуракахъ, а мы съ тобой сухими изъ воды выйдемъ, уложимъ вещи и поминай, какъ звали.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу ихъ видѣть, съ ужасомъ воскликнула Наташа.

Софья Петровна чуть-чуть было не вспыхнула, но удержалась.

— Вотъ какъ! произнесла она.—Заварить кашу съумѣла, а

расхлебывать должны другіе. Видно это не то, что сыпать громкія фразы.

— Хорошо, пусть будетъ по твоему, согласилась дочь, но я увѣрена, что Елена Ивановна къ намъ не придетъ.

— Это ужь не твоя забота, сказала Софья Петровна и встала.—Ты пока ляжь и отдохни. Если тебя увидятъ съ такимъ лицомъ, всѣ подумаютъ, что я тебя прибила.

XXII.

Наташа ушамъ своимъ не вѣрила, когда между голосами гостей услышала сиповатый голосъ Елены Ивановны.

— Какъ она могла придти... злая, грубая женщина, подумала она.—А можетъ-быть мужъ заставилъ... пришла, какъ и я пойду сейчасъ.. туда... къ нимъ. Несмотря, однако, на совершенную увѣренность, что идти неизбѣжно, она не трогалась съ мѣста, точно приросла къ полу. Наконецъ, она рѣшилась, сдѣлала нѣсколько шаговъ и опять остановилась. Кто-то постучался къ ней. Она обмерла и ничего не отвѣтила. Дверь пріотворилась и въ ней показалась голова Хомутова.

— Софья Петровна васъ зоветъ, сказалъ онъ,—здравствуйте, Наталья Васильевна.

Она молча и не поднимая глазъ протянула ему руку. Онъ крѣпко пожалъ эту бѣдную холодную руку и смущенно промолвилъ:— не убивайтесь такъ, Наталья Васильевна. Увѣряю васъ, что ничего такого трагическаго не произошло.

— Зачѣмъ вы мнѣ это говорите! воскликнула она и съ упрекомъ покачала головой.—Впрочемъ... по вашему вѣдь жизнь—комедія, люди—потѣшныя животныя, пускай ихъ грызутся. Вы себѣ стоите въ сторонкѣ, да посмѣиваетесь.

— Въ общемъ это почти такъ, сказалъ онъ,—но я допускаю исключенія. Иногда, продолжалъ онъ тихимъ, добрымъ голосомъ,— мнѣ хочется не смѣяться, а плакать. Но... объ этомъ послѣ, а теперь будьте молодцомъ и пойдемте туда. Онъ открылъ дверь.— Вотъ чудесно, всѣ на террасѣ. Столъ накрытъ. Пробирайтесь на свое мѣсто, въ суматохѣ васъ не замѣтятъ.

Но ее замѣтили. Пришлось здороваться съ каждымъ въ отдѣльности. Ей казалось, что она плыветъ въ какомъ-то туманѣ, чья-то посторонняя сила толкала и несла ее. Она поцѣловалась

съ докторшей и Люсенькой, прикоснулась концами пальцевъ къ пальцамъ Елены Ивановны. Ее спрашивали о здоровьѣ.

— Благодарю васъ, мнѣ гораздо лучше, сказала она кому-то.— Она немного пришла въ себя, когда всѣ ужь размѣстились за столомъ и Хомутовъ поставилъ предъ ней чашку съ бульономъ. Онъ очень ловко усадилъ ее между собой и докторомъ. Какъ это хорошо, подумала она, не надо никого занимать, и усердно принялась за свой бульонъ, точно въ немъ было ея единственное спасеніе. Софья Петровна оживленно и весело вела разговоръ, юмористически описывала вчерашній балъ, подтрунивала надъ докторомъ, любезничала съ дамами. Наташа поглядѣла изъ-подлобья на сидѣвшую рядомъ съ ея матерью Елену Ивановну. Она была очень жалка. Впалыя щеки разгорѣлись, на губахъ блуждала дѣланная улыбка, глаза безпокойно бѣгали, словно боясь остановиться на какомъ-нибудь опредѣленномъ предметѣ. Коробьинъ сидѣлъ возлѣ Люсеньки. Она ему разсказывала о своемъ стремленіи къ развитію, о своей любви къ литературѣ, жаловалась на общество, которое она называла „Китайщиной". Коробьинъ слушалъ ее съ большимъ вниманіемъ и она была въ восторгѣ. Хомутовъ переговаривался черезъ столъ съ докторшей и M-me Пановой и подливалъ вина доктору. Францъ Адамычъ разошелся. Онъ сыпалъ общеизвѣстными анекдотами, разсказывалъ о необыкновенно удачныхъ случаяхъ изъ своей практики и разъ пять упомянулъ, какъ онъ на консиліумѣ утеръ носъ одному знаменитому москалю.

Всѣ смѣялись, шутили, болтали. Наташа слушала и напряженно ждала, что вотъ сейчасъ голоса оборвутся, фальшивыя улыбки исчезнутъ, всѣ взглянутъ другъ другу прямо въ глаза—и, Боже мой, что тогда будетъ... Всему на свѣтѣ бываетъ конецъ. Кончился и этотъ обѣдъ. Зашумѣли стулья, всѣ поднялись. Софья Петровна попросила дочь сыграть что-нибудь. Наташа безпрекословно сѣла за рояль и стала машинально играть пьесу за пьесой. Она была благодарна матери: музыка избавляла ее отъ необходимости разговаривать и давала ей une contenance.

Предполагаемая поѣздка не состоялась. Елена Ивановна отозвалась утомленіемъ и такъ грозно посмотрѣла на мужа, что тотъ моментально сталъ прощаться. Вскорѣ разошлись и другіе.

— Видишь, какъ хорошо все обошлось, сказала Софья Петровна,—приличія соблюдены, а это главное. Теперь можешь укладываться. Послѣ завтра мы уѣзжаемъ...

XXIII.

Весь слѣдующій день Софья Петровна не выходила изъ своей комнаты, жалуясь на мигрень. Несмотря на внѣшнюю покорность дочери, Софья Петровна испытывала какую-то неловкость въ ея присутствіи. Она не могла не замѣтить, что въ дочери произошелъ крутой переворотъ, и ей трудно было примѣниться къ мысли, что предъ ней не прежняя послушная Наташа, а женщина, съ которою приходится считаться.

Наташа тоже сидѣла у себя въ комнатѣ, среди которой стояли уложенные, зашитые въ парусину, сундуки, и прилежно сводила счеты. На полу валялась бумага, связки веревокъ; во всѣхъ углахъ торчали картонки, подушки, свернутые въ ремни пледы. Аграфена Ивановна, вся потная и красная, возилась съ чемоданомъ.

— Ишь, проклятый, ворчала она, наваливаясь всѣмъ тѣломъ на крышку,—не запирается, хоть ты что...

Холодно и неуютно было въ этой комнатѣ, изъ которой собирались уѣхать жильцы. Наташа подумала, что скоро, быть-можетъ завтра, сюда въѣдутъ другіе люди, сметутъ пыль, поставятъ все на мѣсто и начнутъ устраиваться, словно имъ тутъ вѣкъ вѣковать. Она вздохнула и, откинувшись на спинку кресла, расправила утомленные члены.

— Вы бы прогулялись, сказала Аграфена Ивановна, которой удалось, наконецъ, справиться съ чемоданомъ,—все бы освѣжились немножко. А то сидитъ, да думаетъ. Сколько, матушка, ни думай, умнѣе Бога ничего не придумаешь.

Наташа слабо улыбнулась.

— Правда ваша, Аграфена Ивановна, я и сама хотѣла пройтись... знаете куда?

— Чай къ барышнѣ на могилку? Самое это хорошее дѣло. И отъ меня, грѣшной, ей въ землю поклонитесь.

Наташа надѣла тальму, шляпу, опустила на лицо темную вуаль и поспѣшно вышла изъ дому, въ саду ее нагналъ Хомутовъ.

— Здравствуйте, Наталья Васильевна.—Отчего вы меня сегодня не приняли?

— У мамы мигрень, а я была занята. Мы завтра уѣзжаемъ.

— Такъ. Можно узнать, куда вы теперь направляетесь?

Наташа помолчала немного и потомъ сказала:

— На кладбище.

— Позвольте мнѣ идти съ вами. Будьте добрая, не отказывайте.

— Хорошо, идите, пожалуй, произнесла она нехотя.

Они скоро миновали городъ и стали подниматься вверхъ. Узкая, крутая тропинка, вившаяся между двумя рядами кипарисовъ, оканчивалась широкою горною площадкой, на которой и было расположено кладбище. Съ него открывался великолѣпный видъ. Весь южный берегъ Ливадія, Оріанда, Алупка были какъ на ладони. Далеко-далеко синѣла спина Аю-Дага. Солнце уже зашло, и только за вышкой Ай-Петри небо еще рдѣло красными и золотыми брызгами. На горизонтѣ слабо мигалъ огонекъ маяка. Море точно слилось съ небомъ. Тихо и мѣрно ударяли о берегъ волны. Тихо и мѣрно шумѣли кипарисы и лавры надъ пестрыми мраморными плитами и крестами. Кладбище было запущенное. Видно было, что это не пріютъ людей, степенно прожившихъ свой вѣкъ на одномъ мѣстѣ, а неожиданное пристанище безпокойныхъ странниковъ, съ разныхъ концовъ сбѣжавшихся сюда за исцѣленіемъ. И они его получили въ объятіяхъ земли. Она, вѣчная утѣшительница и волшебница, покрыла ковромъ цвѣтовъ и зелени прахъ своихъ бѣдныхъ дѣтей.

Наташа подошла къ небольшому, неуспѣвшему еще обсохнуть холмику. На немъ высился деревянный крестъ съ дощечкой, на которой черною краской было намазано Евгенія Агарина, годъ и число. Наташа перекрестилась и, опустившись на колѣни, прильнула головой къ свѣжей травѣ. Хомутовъ, намѣренно отставшій отъ нея, занялся чтеніемъ надгробныхъ надписей. Немного погодя, онъ приблизился къ ней. Она ужь сидѣла, глубоко задумавшись, на чьей-то старой, заросшей могилѣ и машинально подбирала чернѣвшіе въ травѣ прошлогодніе листья.

— Итакъ, вы завтра уѣзжаете, началъ Хомутовъ.

— Да, мнѣ не хотѣлось уѣхать, не простившись съ ней, сказала Наташа.—Въ эти долгіе мѣсяцы только она мнѣ не причинила страданія. Она одна никого здѣсь не ненавидѣла, а всѣ только и дѣлали, что язвили и травили другъ друга. Знаете, мнѣ кажется, что я здѣсь состарилась на сто лѣтъ.

— Это пройдетъ, Наталья Васильевна, знаніе никогда не дается даромъ, а здѣсь вы впервые познали, что люди—не безплотные ангелы. Острая боль уймется и вы оправитесь. Жизнь слишкомъ большое благо, чтобъ отъ него отказываться добровольно.

— И это говорите вы! воскликнула дѣвушка.

— Почему же бы мнѣ этого и не говорить, удивился онъ.

— Почему! повторила она съ горькою усмѣшкой.—Да кто же, продолжала она съ внезапнымъ увлеченіемъ,—кто твердилъ мнѣ все это время, что нѣтъ ни добра, ни любви, ни дружбы, что все пусто, мелко, лживо и ничтожно. Кто меня убѣждалъ, что въ этомъ мірѣ все иллюзія, а что другаго міра нѣтъ, что свѣтъ всегда задувается вѣтромъ... Еслибы не ваши уроки, я, можетъ-быть, не была бы теперь такъ несчастна. Я бы повѣрила, что все, что̀ я видѣла и слышала—дурной сонъ. Вы разрушили мое невѣжество и навалили мнѣ на душу ледяную гору...

Она замолчала и чуть-чуть повела плечами, словно ей было холодно.

Онъ посмотрѣлъ на ея измѣнившееся, поблѣднѣвшее лицо и сердце у него тихонько сжалось.

— Вы не всегда правильно понимали мои слова, проговорилъ онъ.—Я вовсе не хотѣлъ ожесточать васъ. Напротивъ, меня пугала ваша молчаливая, но глубокая нетерпимость къ самымъ обычнымъ явленіямъ жизни, и я старался внушить вамъ болѣе спокойное отношеніе къ этимъ явленіямъ. Я хотѣлъ избавить васъ отъ лишнихъ страданій, потому что... да потому что я васъ люблю, съ какимъ-то озлобленіемъ выговорилъ онъ, точно ему стоило большаго труда произнести это слово.

Наташа вся вспыхнула, подняла глаза и тотчасъ же опустила ихъ.

Онъ придвинулся къ ней.

— Вы вѣдь не покинете меня, не уйдете отъ меня, сказалъ онъ и положилъ руку на ея холодные, трепетные пальцы.

Она молчала.

— Что̀ же вы молчите? Скажите что-нибудь... Наташа, промолвилъ онъ дрогнувшимъ голосомъ, неужели я ошибся! вы меня не любите?

— Я васъ разлюбила, прошептала она.

— Разлюбили!.. За что̀?

Она вдругъ выпрямилась.

— За то, что вы сами никого, кромѣ себя, не любите, сказала она.—Вы не грубый эгоистъ, который отнимаетъ у другаго кусокъ изо рта (вамъ это не нужно), но ваше собственное удобство у васъ всегда на первомъ планѣ. Вы, продолжала она съ возрастающимъ оживленіемъ,—бросаете грошъ нищему только,

чтобъ онъ не торчалъ предъ вашими глазами. Правда, ко мнѣ вы были неизмѣнно добры... я вамъ благодарна, но... мнѣ этого мало. Я вѣрю, слышите, несмотря ни на что, вѣрю (она рѣзко повторила это слово), что есть люди, для которыхъ слово любовь не значитъ только любовь къ женщинѣ, которые имѣютъ мужество громко стоять за то, что они считаютъ правдой и не боятся показать слишкомъ много участія бѣдняку.

Она остановилась, возбужденіе ея упало, и она съ нѣкоторымъ страхомъ посмотрѣла на Хомутова.

Онъ сидѣлъ понуривъ голову и нервно чертилъ по землѣ кончикомъ палки. Ей стало жаль его.

— Ѳедоръ Алексѣевичъ, простите меня, сказала она, тихо дотрогиваясь до его плеча,—я знаю, что дѣлаю вамъ больно.. мнѣ самой больно... но я не могу иначе. Вы меня забудете. Я простая, обыкновенная дѣвушка, я вамъ не пара. Когда-нибудь вы еще поблагодарите судьбу, что все такъ случилось.

Онъ взялъ ея руку со своего плеча и прижался къ ней лицомъ.

— Наташа, промолвилъ онъ ласково, —я не принимаю вашего отказа. Въ вашихъ словахъ много правды, но не все. Я не герой, но и не такой эгоистъ, какъ вамъ кажется. Я буду ждать, пока вы сами въ этомъ не убѣдитесь.

Она не отвѣчала. Они посидѣли еще немного. Стало почти темно.

— Какъ поздно, сказала Наташа, пойдемте скорѣй.

Они встали и быстрою, торопливою походкой направились въ городъ. На полдорогѣ имъ встрѣтилась Аграфена Ивановна на извощикѣ.

— Да куда же это вы пропали, почти закричала она на свою барышню.—Софья Петровна рветъ и мечетъ, —зачѣмъ, молъ, ушла не сказавшись. Хоть бы вы меня, старуху, пожалѣли, воскликнула она съ сердцемъ.—И за Софьей Петровной ходи, и сундуки обшивай. За грѣхи мои, видно, Господь меня съ вами спуталъ.

Наташа наскоро простилась съ Хомутовымъ и стала успокоивать расходившуюся Аграфену Ивановну.

XXIV.

Знакомые Криницкихъ явились проводить ихъ съ конфетами и букетами. Софья Петровна величественно улыбалась и дѣлала видъ, что не замѣчаетъ пламенныхъ, умоляющихъ взоровъ вертѣв-

шагося около нея Коробьина. Наташа поспѣшно укладывала въ коляску послѣднія вещи. Вдругъ къ ней подошла Елена Ивановна, порывисто обняла ее и, прошептавъ ей на ухо: я очень виновата предъ вами, также порывисто отошла. Наташа растерялась и хотѣла побѣжать за ней, но въ эту минуту приблизилась Софья Петровна и строго проговоривъ: избавьте меня отъ глупыхъ сценъ, стала садиться въ экипажъ. Мужчины цѣловали ей руку. Докторша, Анна Михайловна и Люсенька (Елена Ивановна незамѣтно стушевалась) тискали ее въ объятіяхъ и увѣряли, что безъ нея будутъ умирать съ тоски. Хомутовъ, смѣясь, упрашивалъ ихъ не умирать, по крайней мѣрѣ, до его отъѣзда, но смѣхъ этотъ какъ-то не вязался съ тоскливымъ выраженіемъ его осунувшагося, постарѣвшаго лица Онъ крѣпко пожалъ руку Наташѣ и значительно промолвилъ: мы скоро, очень скоро увидимся, Наталья Васильевна.

Экипажъ тронулся. Дамы замахали платками, мужчины шляпами. Софья Петровна нѣсколько разъ оглядывалась. Оглянулась и Наташа.

Темная голова Хомутова еще разъ промелькнула предъ ней.

Tout est bien, qui finit bien, произнесла Софья Петровна по-французски, во вниманіе къ присутствію Аграфены Ивановны, и положивъ ноги на переднюю скамейку, зѣвнула, потянулась и закрыла глаза.

Р. М—хинъ.

ВЪ ПОДЗЕМНЫХЪ ПЕЩЕРАХЪ ІУДЕИ.

I.

— Добрый вечеръ, какъ поживаешь, привѣтствовалъ меня старый шейхъ деревушки бетъ-Джибрина, когда я съ моимъ вѣрнымъ проводникомъ Османомъ послѣ труднаго перехода подъѣзжалъ къ бывшей столицѣ пещерной области Іудеи.

— Благодаря Бога хорошо, отвѣчалъ я, слѣзая съ усталаго коня, на которомъ ѣхалъ цѣлый день вмѣсто пяти, шести часовъ, отдѣлявшихъ бетъ-Джибринъ отъ Хеврона, города Авраамова, или, скорѣе сказать, отъ русской страннопріимни, стоящей подъ тѣнью тысячелѣтняго Маамрійскаго дуба.

— Мой домъ, твой домъ, продолжалъ старый шейхъ, приглашая насъ съ Османомъ остановиться у него во все время пребыванія въ области пещерной Іудеи.

Намъ оставалось, разумѣется, только поблагодарить любезнаго хозяина за приглашеніе и воспользоваться имъ, такъ какъ едва ли можно было найти лучшее убѣжище въ убогомъ и жалкомъ нынѣ бетъ-Джибринѣ. Не прошло и получаса, какъ я сидѣлъ уже около яркаго огонька, на которомъ старый Халилъ, нашъ хозяинъ, готовилъ арабскій кофе для своихъ неожиданныхъ гостей; въ ожиданіи скромнаго ужина, о которомъ хлопотала черноглазая Джемма, дочь Халиля, мы съ Османомъ потягивали ароматный дымъ наргилэ и бесѣдовали о той непріятной ошибкѣ, которая заставила насъ проплутать цѣлый день по горнымъ кручамъ, вмѣсто того, чтобъ ѣхать по удобной дорогѣ, пролегающей отъ Хеврона позади Франджи.

Вечеръ былъ тихій и слегка прохладный послѣ знойнаго палестинскаго дня. На потускнѣвшей лазури неба робко выглядывали первыя звѣздочки ночи, на самомъ зенитѣ показался уже сіяющій Алдебаранъ, наша сѣверная медвѣдица, склонившаяся къ горизонту, еле виднѣлась, и съ юга показывались другія болѣе сіяющія созвѣздія палестинскаго неба. Западный горизонтъ былъ еще подернутъ бѣлесоватымъ свѣтомъ, тогда какъ на восточномъ и южномъ небосклонѣ темная южная ночь уже вступала въ свои полныя права. Съ юга изъ-за горныхъ массивовъ, что̀ пошли далеко въ пустыню, тянуло еще зноемъ—дыханіемъ раскаленныхъ песковъ, но за то отъ запада, порой отъ Филистимскаго побережья приносились струи освѣжающаго дыханія моря. Окруженный со всѣхъ сторонъ горами, заслоняющими горизонтъ, городъ пещеръ уже спалъ въ сѣни масличныхъ рощъ, среди развалинъ, обширныхъ виноградниковъ и табачныхъ плантацій, перемѣшавшихся между собой... Домикъ шейха Халиля стоялъ на краю деревушки, расположенный на мѣстѣ древняго бетъ-Джибрина, и отъ дверей его можно было видѣть тріумфальную арку древнихъ воротъ Елеутерополиса, развалины римской крѣпости и остатки храма, вырисовывшіеся грозными силуэтами въ сумракѣ наступившей ночи.

Темна, но полна таинственнаго интереса древнѣйшая исторія бетъ-Джибрина; столица пещернаго царства троглодитовъ, занимающаго всю южную Іудею, безъ сомнѣнія, была населена еще въ той отдаленной древности, когда не было ни Іерусалима, ни Хеврона—древнѣйшаго города обѣтованной земли. Троглодиты, пещерные обитатели Палестины были несомнѣнно первобытнымъ населеніемъ ея, обитавшимъ здѣсь ранѣе историческихъ народовъ древности. Древнѣйшее названіе бетъ-Джибрина, бетъ-Гобринъ, или бетогабра, то-есть домъ сильныхъ, или великановъ, указываетъ, что троглодиты эти были людьми необыкновеннаго роста и силы; то же самое подтверждаютъ и нѣкоторыя преданія, дошедшія до насъ изъ глубокой старины. Наши позднѣйшія находки, о которыхъ мы еще будемъ говорить, состоявшія изъ остатковъ череповъ и костяковъ первичныхъ троглодитовъ Палестины не подтверждаютъ, однако, историческихъ свидѣтельствъ; найденные нами останки принадлежали людямъ средняго роста, не обладавшимъ ни особою силой, никакими другими тѣлесными качествами, отличавшими ихъ отъ прочихъ людей. Блаженный Іеронимъ называетъ этихъ троглодитовъ Хорреями, другіе Хеттеями;

имъ приписывается не только сооруженіе пещерныхъ городовъ въ Іудеѣ, но и заселеніе всей пещерной области, выходящей далеко за предѣлы Палестины. Хорреевъ смѣнили Эдомитяне, поселившіеся въ готовыхъ подземныхъ жилищахъ; эти таинственные народы продолжали жить въ пещерахъ и въ еврейскій періодъ, такъ какъ сами сыны Израиля не любили подземныхъ жилищъ. Филистимляне и Финикіане, безъ сомнѣнія, пользовались пещерными обиталищами бетогабры; точно также отчасти занимали ихъ и Римляне, давшіе при Септиміи Северѣ городу троглодитовъ имя Елевтерополиса, или города свободы. Во II и III столѣтіи тутъ процвѣтало христіанство, епископы Елевтерополиса считались въ числѣ пастырей, окружавшихъ Іерусалимскій патріаршій престолъ. Со временъ крестоносцевъ, разрушившихъ бетъ-Джибринъ и снова отстроившихъ его цитадель, занятую рыцарями св. Іоанна, этотъ городъ уже началъ терять свое значеніе. Султанъ Бибарсъ разрушилъ окончательно бетъ-Джибринъ, и хотя цитадель его воздвигалась еще разъ въ XVI столѣтіи, но прежняго значенія — важнѣйшаго центра южной Іудеи столица троглодитовъ уже не могла вернуть никогда. Теперь эта жалкая арабская деревушка, не занимающая и четверти древняго города, выстроенная изъ убогихъ мазанокъ, слѣпленныхъ изъ грязи и камней. Новый наземный городъ отошелъ нѣсколько въ сторону отъ древняго города пещеръ и уйдетъ еще далѣе по склону своихъ зеленѣющихъ горъ.

— Пожалуйте кушать, произнесъ вдругъ надъ моею головой мелодичный, хотя гортанный голосъ Джеммы, собравшей незатѣйливый ужинъ и уже замѣнившей своего отца въ его заботахъ о кофе и поддержаніи яркаго огня. Призывъ къ ѣдѣ вывелъ меня изъ области историческихъ догадокъ о древней судьбѣ бетъ-Джибрина, и я присоединился къ Осману, уже присѣвшему за трапезу вмѣстѣ съ добродушнымъ старикомъ Халилемъ. Ужинъ нашъ составляли по обыкновенію оливки, чечевичная каша, плохой овечій сыръ, разная острая зелень и кислое молоко; превосходный черный кофе и душистая трубка кальяна заканчивали трапезу, обильную для Араба, но не совсѣмъ достаточную даже для нетребовательнаго Европейца...

Было уже совершенно темно, когда мы отужинавъ сѣли по восточному обыкновенію покейфовать возлѣ яркаго, хотя немного дымившаго огонька. При помощи Османа, хорошо разумѣвшаго по-русски, я могъ вести самую оживленную бесѣду со

старымъ шейхомъ бетъ-Джибрина и разузнать нѣсколько предварительныхъ свѣдѣній относительно единственнаго въ мірѣ пещернаго города, который на утро мнѣ предстояло посѣтить. Ярко зажглись уже на небѣ звѣзды, совсѣмъ потемнѣло вокругъ, заснуло все не только въ окрестныхъ горахъ и рощахъ маслинъ, но и въ самой деревушкѣ, погасившей свои огни. Только возлѣ домика стараго Халиля ярко вспыхивалъ огонекъ, словно указывая на гостя, пришедшаго издалека для того, чтобы посѣтить развалины древняго бетъ-Габора. Запахъ дыма, заполнявшій деревушку, смѣнился свѣжими ароматами ночи и горныхъ травъ; съ легкимъ вѣтеркомъ, приносившимся изъ уади Джедейде, слышались порой благоуханія кедра и цвѣтущихъ олеандровъ, обильно произрастающихъ въ долинахъ, окружающихъ бетъ-Джибринъ. Кругомъ было тихо; въ горахъ изрѣдка покрикивали шакалы, въ недалекихъ развалинахъ порой стонала сова; нарушали тишину ночи и наши кони, громко фыркавшіе у своихъ каменныхъ яслей. Усердно работали наши келбены, и сладкій плескъ воды въ ихъ стекляныхъ кувшинахъ порой былъ единственнымъ звукомъ, нарушавшимъ тишину ночи.

Разговоръ нашъ, сперва довольно оживленный, сталъ ослабѣвать, легкая истома и нѣга покоя постепенно овладѣвали и хозяиномъ и гостями... Усыпляемый дремой, разлитою въ самомъ воздухѣ, и нѣжными звуками ночи, я закрылъ уже глаза, когда мой сладкій кейфъ былъ нарушенъ цѣлымъ роемъ комаровъ, появившихся какъ бы внезапно по мѣрѣ того, какъ ослабѣвалъ нашъ костеръ.

Беззвучно и незамѣтно подкралась къ намъ, полуспящимъ, страшная комариная сила и бросилась съ жадностью на открытыя лица, конечности и груди... Палестинскій комаръ, жалящій больнѣе даже сѣраго комара нашихъ плавней, лишенъ той нѣжной мелодіи, которая дѣйствуетъ такъ на нервы во время безсонныхъ ночей; онъ нападаетъ безъ звука и жалитъ жестоко какъ пришлаго странника, такъ и туземца.

Увидя безпокойство своихъ гостей, Халиль вышелъ изъ своего кейфа, раздулъ огонь, подложилъ нѣсколько новыхъ вѣтвей и куски овечьяго помета; густой, смрадный, рѣжущій глаза дымъ поднялся отъ нашего костра и разогналъ немного комариную силу...

— Старики сказываютъ, началъ вдругъ нашъ хозяинъ,— что Аллахъ въ наказаніе грѣшному человѣку далъ силу и власть

скорпіонамъ, мухамъ и комарамъ; онъ населилъ горы и долины бетъ-Джибрино вредоносною тварью, и предъ ними, какъ наказаніемъ Всевышняго, бѣжалъ древній человѣкъ, создавшій пещеры и обитавшій въ нихъ. Пришли другіе люди къ пещерамъ бетъ-Джибрина, и смилостивился надъ ними Аллахъ, онъ отнялъ силу у насѣкомыхъ, но не лишилъ ихъ жилища и права нападать на человѣка... Не трогай и не убивай, господинъ, этихъ мелкихъ тварей; они созданы Вышнимъ, ихъ мѣра и число извѣстны Аллаху, ихъ напрасное убійство противно ему... Аллахъ далъ жизнь каждой твари, и не человѣку дозволено ихъ убивать...

И припомнилось мнѣ при этихъ словахъ Халиля, что лѣтъ пятнадцать тому назадъ въ томъ же самомъ убогомъ бетъ-Джибринѣ другой русскій путешественникъ, [1] пострадавшій также отъ нападенія двукрылыхъ, получилъ въ назиданіе подобныя же утѣшительныя слова.

— Великъ Аллахъ! говорилъ тогда шейхъ путешественнику,— царь насѣкомыхъ утвердилъ свой тронъ въ нашей мѣстности...

Какъ ни просты на первый взглядъ эти легенды, тѣмъ не менѣе онѣ имѣютъ глубокое значеніе, какъ остатки того оригинальнаго культа насѣкомыхъ, который еще во времена Израиля процвѣталъ въ пещерной области Іудеи и въ городахъ филистимскаго побережья. Еще изъ второй книги Царствъ мы знаемъ, что царь Охозія въ тяжелой болѣзни своей, потерявъ вѣру въ Единаго, обращался за помощью къ филистимскому богу насѣкомыхъ... Святилище этого оригинальнаго бога стояло въ Аккаронѣ и служило своего рода оракуломъ для всей Финикіи и Іудеи; подобное святилище, по всей вѣроятности, было и недалеко отъ бетъ-Джибрина въ гротахъ другаго подземнаго города, носящаго и понынѣ названіе Деиро-Дуббана, то-есть монастыря мухъ...

Въ своихъ долгихъ странствованіяхъ по Востоку мы встрѣчали слѣды самыхъ разнообразныхъ и оригинальныхъ культовъ; мы изучали, насколько могли, культъ звѣздъ у Бедуиновъ Синая и Туареговъ Сахары, культъ огня у современныхъ Гебровъ (огнепоклонниковъ) въ Иранѣ, культъ дьявола, исповѣдуемый и понынѣ Іезидами (въ Малой Азіи), находили слѣды культовъ дикихъ звѣрей, змѣй, крокодиловъ (въ Египтѣ), даже скорпіоновъ (на Цейлонѣ и въ южномъ Алжирѣ), не разъ встрѣчали остатки

[1] Профессоръ А. А. Олесницкій.

древопоклоненія (на Кавказѣ и во всей передней Азіи), но культъ насѣкомыхъ или, вѣрнѣе сказать, поклоненіе мухамъ и комарамъ, встрѣтили впервые въ пещерной области Іудеи. Мы знаемъ, правда, что древніе мудрые Египтяне почитали такъ-называемаго священнаго жука, но почитаніе его не было возведено въ культъ и служило скорѣе выраженіемъ глубокаго поклоненія тайнамъ и символамъ природы, какими являлся въ глазахъ жителя древняго Кеми навозный жукъ и его катышекъ, сдѣланный изъ навоза. Этотъ шарикъ, заключающій яйца насѣкомыхъ, а слѣдовательно и будущую жизнь, являлся эмблемой глубокаго значенія, символизирующаго міръ, и зародышъ жизни, сокрытый въ немъ до времени, но готовый распуститься пышнымъ цвѣткомъ. Культъ насѣкомыхъ у древнихъ Филистимлянъ имѣлъ, по всей вѣроятности, ту исходную точку происхожденія, по которой богомъ становилось всякое явленіе природы, благодѣтельствующее или угрожающее человѣку. Такими грубыми конкретными божествами были скорпіонъ, крокодилъ и змѣи на Востокѣ, медвѣдь для камчедаловъ и краснокожихъ Сѣверной Америки, тигръ для нѣкоторыхъ обитателей Азіи и другія животныя, наводившія ужасъ на беззащитнаго человѣка. Аккеронскій богъ былъ олицетвореніемъ того ужаса, который могли вызывать несмѣтные рои жалящихъ двукрылыхъ, нашедшихъ въ пещерной области Іудеи благопріятныя условія для жизни. „Нужно пожить здѣсь нѣкоторое время, говоритъ Олесницкій,— чтобы понять возможность обоготворенія этого ничтожнѣйшаго изъ земныхъ твореній".

Культъ двукрылыхъ насѣкомыхъ настолько былъ распространенъ въ землѣ Филистимлянъ, что въ честь ихъ воздвигались храмы и жертвенники и носились особые амулеты съ изображеніями мухъ и комаровъ, какъ талисманы, оберегающіе отъ ихъ нападенія. Въ бетъ-Джибринскихъ, Дуббанскихъ и другихъ подземельяхъ юго-западной Іудеи находятъ нерѣдко филистимскія статуетки, изображающія мухъ и комаровъ на жертвенникѣ, а также разнообразныя камеи изъ камней и мѣди, съ вырѣзанными на нихъ изображеніями этихъ двукрылыхъ. Какъ современный остатокъ оригинальнаго культа насѣкомыхъ, помимо приведенныхъ легендъ, надо считать и то суевѣрное уваженіе къ мухамъ и комарамъ, которое препятствуетъ туземцамъ раздавить одно изъ этихъ назойливыхъ насѣкомыхъ.

Но какъ ни мало мы были склонны слѣдовать примѣру туземцевъ, считающихъ грѣхомъ убіеніе комара, тѣмъ не менѣе должны

были послѣ тысячи безполезныхъ убійствъ предать себя въ волю аккаронскаго божества и провести безсонную ночь въ пассивной борьбѣ съ несмѣтными роями насылаемыхъ имъ жалящихъ тварей. Лишь подъ утро, когда чувствительная свѣжесть, приносившаяся съ морскаго побережья, заставила крылатыхъ мучителей убраться въ многочисленныя сырыя подземелья, мы могли вздохнуть свободно и заснуть нѣсколько часовъ предъ новымъ трудовымъ днемъ. Костеръ нашъ давно догорѣлъ и слегка дымился, яркія звѣздочки за то глядѣли не мерцающими очами, бѣловатый туманъ клубился въ ложбинкахъ, идущихъ за бетъ-Джибриномъ, громче покрикивала въ развалинахъ сова, жалобнѣе плакали шакалы, но за то слабѣе слышался концертъ крикливыхъ кузнечиковъ и монотонныя пѣсни цикадъ. Халиль и Османъ уже спали давно; аккеронскій богъ, повидимому, былъ милостивѣе къ нимъ, чѣмъ къ заѣзжему гяуру... Еще не успѣлъ я заснуть, какъ подъ утро изъ грязной закоптѣлой мазанки вышла подышать свѣжимъ воздухомъ молодая Джемма, и я могъ разсмотрѣть, несмотря на темноту ночи, большіе черные глаза, тонкій арабскій носъ, крошечныя губы и арабскій правильный профиль лица.

II.

— Здравствуй, да благословенъ будетъ для тебя этотъ день.— такъ привѣтствовалъ меня старый Халиль, когда я проснулся довольно поздно послѣ плохо проведенной ночи.

Снова предъ мазанкой шейха курился небольшой костеръ, кипѣлъ маленькій мѣдный кофейникъ, а бойкая Джемма уже хлопотала, чтобы состряпать что-нибудь на завтракъ гостямъ... Солнце уже стояло высоко, заливая своими жгучими лучами землю, еще не согнавшую тумановъ и росы, невысокія куполообразныя горы и убогій бетъ-Джибринъ, казавшійся болѣе привлекательнымъ въ сіяніи яснаго весенняго дня.

Черезъ полчаса, закусивъ и напившись кофе, мы съ Османомъ, сопровождаемые Халилемъ, отправились на продолжительную экскурсію въ подземные лабиринты, окружающіе бетъ-Джибринъ. Арабы взяли съ собой небольшой запасъ провизіи, который пони повезли гораздо охотнѣе, чѣмъ своихъ сѣдоковъ. На дорогѣ къ намъ присоединилось еще нѣсколько взрослыхъ Арабовъ и съ полдюжины черномазыхъ ребятишекъ, такъ что наша свита

представляла скоро уже цѣлую толпу. Не столько, впрочемъ, любопытство гнало съ нами эту непрошенную и навязчивую толпу, сколько сладкая надежда на бакшишъ.

Огромный рядъ подземелій, составляющихъ пещерный городъ троглодитовъ, начинается въ нѣсколькихъ минутахъ ходьбы отъ бетъ-Джибрина. Въ окрестностяхъ современной деревушки ихъ разбросано болѣе тысячи извѣстныхъ и, безъ сомнѣнія, находится еще болѣе такихъ, которыхъ входныя отверстія засыпаны или обвалились, а потому и самыя подземелья остались неизвѣстными даже туземцамъ. Каждый годъ открываютъ новые подземные лабиринты: всѣ горы этой области, кажется, ископаны и превращены въ сотни подземныхъ обиталищъ; мѣстами подземелья заполняютъ все видимое пространство, оставляя свободными лишь небольшіе участки земли. Пещеры эти въ огромномъ большинствѣ одиночныя, то-есть въ одну камеру большей или меньшей величины и обыкновенно сфероидальной формы; сравнительно немного насчитывается подземелій сложныхъ или цѣльныхъ группъ соединенныхъ между собою пещеръ, но за то эти сложныя пещеры представляютъ наибольшій интересъ и производятъ импонирующее впечатлѣніе даже на человѣка, видѣвшаго и посѣтившаго много различныхъ подземелій. Сложныя пещеры и лабиринты бетъ-Джибрина—есть главная характеризующая особенность этой столицы царства троглодитовъ, которая встрѣчается еще только недалеко отъ Виелеема (такъ-называемыя пещеры Харейтуна) и въ далекомъ Тунисѣ на мысѣ Бонъ—пещеры Эль-Хауріэ.

Пещерные города южной Іудеи бетъ-Джибринъ, бетъ-Рухъ, Аракъ-эль-Каракъ, бетъ-Мерсимъ, Сафіэ, Деиръ Дуббанъ и другіе, состоящіе изъ многочисленныхъ подземелій и пещеръ, тянущихся часто на нѣлыя версты, имѣютъ все-таки значительное отличіе отъ другаго пещернаго города Петры, представляющаго типъ высшаго развитія пещерныхъ построекъ троглодитовъ. Петра—это городъ камня, городъ—монолитъ, вырубленный въ скалѣ или, скорѣе сказать, рядъ каменныхъ массивовъ, обдѣланныхъ въ видѣ зданій или изваянныхъ внутри могучею рукой высоко-культурнаго человѣка [1]. Пещерные города Палестины, такъ же, какъ и подземныя обиталища Финикіи, Арменіи, Грузіи и Хаурана, Ливана, Синая, Египта и Туниса, представляютъ хотя и колоссальныя вмѣстилища, но очевидно принадлежатъ къ

[1] См. *Въ Развалинахъ Петры. Сѣвер. Вѣстн.* 1890.

болѣе низкому культурному типу. Каменная Петра высѣчена въ высокихъ и обрывистыхъ скалахъ, она болѣе изваяна, чѣмъ вырыта, она выступаетъ по возможности изъ каменной толщи, обдѣланной въ цѣлыя зданія и дворцы, тогда какъ подземелья бетъ-Джибрина и другихъ пещерныхъ городовъ Палестины, выкопанныя въ небольшихъ куполообразныхъ холмахъ и долинахъ, не выступаютъ наружу, а прячутся въ толщѣ известковой коры.

Чтобъ охарактеризовать въ общихъ чертахъ большинство подземелій бетъ-Джибрина, нужно представить себѣ, что небольшой куполообразный холмъ или цѣлый рядъ такихъ холмовъ изрыты до того, что вся внутренность ихъ представляетъ одно обширное вмѣстилище, часто соединенное съ сосѣдними ему подобными, стѣнками, и потолками котораго служитъ остатокъ известковой толщи, представляющій поверхность холма. Вмѣстилища эти, достигающія нерѣдко обширности огромныхъ залъ и церквей, имѣютъ обыкновенно, какъ мы говорили, куполообразную форму и свѣтовое отверстіе на верху своего свода. Такимъ образомъ холмъ, послужившій для образованія одной такой колоссальной пещеры, и кажущійся на видъ совершенно цѣлымъ, на самомъ дѣлѣ имѣетъ одну оболочку, а вся внутренность его вынута и представляетъ огромную пустоту, сообщающуюся съ открытымъ воздухомъ посредствомъ отдушины, находящейся на самой его вершинѣ. Не помню кто сравнилъ подобные бетъ-Джибринскіе холмы съ вулканами, и надо сознаться, что это сравненіе, хотя и не совсѣмъ вѣрно, но все-таки является довольно остроумнымъ. Соединеніе ряда такихъ выдолбленныхъ холмовъ, представляющее внутри себя цѣлую амфиладу куполообразныхъ подземныхъ залъ,—вотъ главный типъ самыхъ замѣчательныхъ сложныхъ пещеръ не только въ окрестностяхъ бетъ-Джибрина, но и въ другихъ уголкахъ великой области пещернаго царства.

Ближе всего къ хижинѣ Халиля находились пещеры Аракъ-эль-Мои, то-есть пещеры воды —однѣ изъ самыхъ замѣчательныхъ по своей величинѣ въ окрестностяхъ бетъ-Джибрина. Невысокіе холмы, послужившіе для образованія этихъ пещеръ, состоятъ изъ такого бѣлаго и мягкаго известняка, что кажутся сдѣланными не изъ камня, а изъ какой-то рыхлой, поддающейся даже соскабливанію ногтемъ массы. Это обстоятельство, безъ сомнѣнія, много способствовала сооруженію подземныхъ городовъ южной Іудеи, но оно же является главною причиной того, что многія изъ подземелій бетъ-Джибрина уже обвалились или заполнились обломками

и потому не даютъ полной картины своего прежняго величія. Въ подземелья Аркъ-эль-Мои мы въѣхали верхомъ на коняхъ; входныя отверстія этихъ гротовъ настолько велики, что могутъ пропустить цѣлые десятки всадниковъ, а площадь огромныхъ пещеръ, занятыхъ этими колоссальными подземельями, достаточна для того, чтобы развернуться цѣлому эскадрону. Троглодиты Іудеи, повидимому, любили импонировать своими сооруженіями и высѣкали внутри толщи земной коры такія колоссальныя пещеры, которыя по величинѣ могутъ поспорить съ самыми значительными вмѣстилищами, построенными позднѣйшими ихъ потомками на поверхности земли.

Какое-то особенное торжественное впечатлѣніе охватило насъ, когда мы изъ моря солнечнаго сіянія въѣхали въ полусумракъ гигантскихъ подземелій... То не дѣло рукъ человѣческихъ представилось мнѣ въ первыя минуты обозрѣнія подземныхъ построекъ бетъ-Джибрина. Первобытный слабый по своему культурному развитію (какимъ мы его представляемъ) человѣкъ не могъ вынуть всего содержимаго этихъ гигантскихъ холмовъ, оставивъ изъ него только сравнительно тонкую поверхностную оболочку, да грубые столбы или упоры, высѣченные изъ толщи скалы, на которые упираются своды этихъ гигантскихъ полусферическихъ залъ. Скорѣе—эта работа миѳическихъ титановъ, которые, согласно легендѣ, могли воздвигать горы однѣ на другія и перебрасывать скалы, какъ лиски или камни для метанія. Не мудрено, что древнія преданія, нашедшія отголосокъ и въ библейскихъ сказаніяхъ, называютъ первобытныхъ обитателей этой области великанами необыкновеннаго роста и силы; намъ самимъ хотѣлось вѣрить этой прекрасной легендѣ при видѣ титаническихъ сооруженій троглодита бетъ-Джибрина, а потому, признаемся, мы были скорѣе опечалены, чѣмъ обрадованы, когда найденные нами останки пещернаго человѣка Палестины оказались принадлежащими людямъ обыкновеннаго роста, крѣпости и силы.

Аракъ-эль-Мои—это рядъ огромныхъ подземныхъ залъ, тянущихся на пространствѣ нѣсколькихъ квадратныхъ верстъ; въ одну длину эти гигантскія подземелья, частью нынѣ обрушенныя и засыпанныя землетрясеніями, идутъ безъ малаго на цѣлую версту, то соединяясь между собою корридорами, то раздѣляясь обвалами и нетронутыми частями толщи земли. Эти массивныя колонны или, скорѣе сказать, столбы поддерживаютъ огромные своды, могущіе по величинѣ поспорить съ любыми сводами наземныхъ

зданій не только Востока, но и самой Европы. Діаметръ этихъ полусферическихъ куполообразныхъ залъ не одинаковъ и начиная отъ величины въ три, четыре сажени достигаетъ до семи и даже болѣе саженъ; высота сводовъ также колеблется отъ четырехъ до пяти и болѣе саженъ. Нѣкоторые путешественники сравниваютъ форму отдѣльныхъ подземелій съ гигантскими колоколами; сравненіе это довольно удачно, но оно не выражаетъ того впечатлѣнія, которое испытываетъ посѣтитель, находящійся въ глубинѣ этихъ обширныхъ подземелій. Сообщеніе между различными пещерами гигантской амфилады подземныхъ залъ совершается свободно при помощи широкихъ проходовъ; нѣкоторыя подземелья соединены такими широкими проходами, что, можно сказать, сливаются между собою или переходятъ одно въ другое, образуя одно обширное подземелье, перегородки котораго только намѣчены... Другія пещеры этой подземной амфилады соединены, наоборотъ, довольно узкими и тѣсными проходами, черезъ которые можетъ пробираться только очень ловкій и юркій человѣкъ. Въ другихъ мѣстахъ сообщеніе между различными залами подземной амфилады совершенно прегражденно обвалами; землетрясенія, довольно обильныя въ этой мѣстности, съ каждымъ годомъ обваливаютъ все болѣе и болѣе непрочные своды и перегородки подземелій подобныхъ Аракъ-эль-Мои, и очень естественно, что не только общій видъ, но и самый планъ ихъ видоизмѣняется съ теченіемъ времени. Одно сильное землетрясеніе можетъ разрушить великолѣпнѣйшую изъ бетъ-Джибринскихъ подземныхъ залъ.

Въ противуположность многимъ подземельямъ бетъ Джибрина, пещеры Аракъ-эль-Мои сравнительно хорошо освѣщены; не говоря уже о широкихъ входныхъ отверстіяхъ, пропускающихъ много свѣта въ переднія залы, каждая изъ куполообразныхъ залъ освѣщается еще болѣе или менѣе широкимъ окномъ или отверстіемъ, находящимся въ самой вершинѣ свода; атмосферическія вліянія, землетрясенія, а отчасти и человѣкъ увеличили еще болѣе первичныя отверстія многихъ пещеръ, а потому въ глубину ихъ льются широкіе снопы дневнаго свѣта, лучей яркаго сирійскаго солнца и мягкаго луннаго сіянія. Стоя въ глубинѣ этихъ подземныхъ залъ и смотря черезъ верхнее отверстіе, сообщающее внутренность ихъ съ остальнымъ міромъ, чувствуешь подчасъ, что находишься въ огромной каменной могилѣ или склепѣ, куда украдкой заглядываетъ солнце, откуда виднѣется

лишь клочекъ прекрасной синевы неба, но за то все вокругъ вѣетъ холодомъ и сыростью могилы...

Недолго мы разъѣзжали верхомъ по пещерамъ Аракъ-эль-Мои; старый шейхъ пригласилъ меня сойти съ коня и отправиться съ нимъ въ глубину подземелій, недоступныхъ для всадника... Изъ большой амфилады залъ мы свернули въ какой-то темный подземный корридоръ, гдѣ пробираться приходилось чуть не ползкомъ... Старый Халиль шелъ впереди съ сальною свѣчкой въ рукахъ, указывая дорогу, тогда какъ Османъ и нѣсколько черноглазыхъ мальчишекъ, увивавшихся все время за мною и не отстававшихъ ни на шагъ, замыкали наше шествіе... Нѣсколько минутъ продолжался этотъ тяжелый переходъ по удушливому тѣсному и сырому корридору, и затѣмъ мы снова вынырнули въ обширное, но совершенно не освѣщенное подземелье... Было ли оно въ самомъ дѣлѣ слѣпымъ, какъ многія изъ пещеръ бетъ-Джибрина, или слуховое отверстіе его было завалено, но непроглядный мракъ царилъ въ этомъ сыромъ и холодномъ подземельѣ, одна слабая свѣча не могла освѣтить огромной залы, погруженной въ вѣчную тьму, и горѣла тускло въ спертомъ и влажномъ воздухѣ этой настоящей могилы... Халиль замѣтилъ непріятное впечатлѣніе, произведенное на насъ этимъ первымъ мрачнымъ подземельемъ, и поспѣшилъ вывести насъ черезъ какую-то дыру, пробитую въ одной изъ его стѣнъ въ другую уже ярко освѣщенную сверху подземную залу...

Черезъ нѣсколько минутъ перехода по обваламъ и камнямъ, мѣстами до того влажнымъ и осклизлымъ, что я не разъ оступался и падалъ, мы пришли въ свѣтлое полуразрушенное подземелье. Обвалившись сверху, подземная зала сохранила лишь отчасти свой характеръ и казалась какимъ-то свѣтлымъ оазисомъ среди этихъ мрачныхъ каменныхъ могилъ. Не задерживаемые каменнымъ сводомъ ярко лились снопы утренняго солнца, освѣщая всю середину этой бывшей пещеры, отъ которой остались цѣлыми однѣ стѣны, а куполообразные своды обвалились при недавнемъ землетрясеніи. Благодаря этой массѣ свѣта и влагѣ, всегда достаточно существующей въ „пещерахъ воды“, какъ зовутся справедливо гроты Аракъ - эль - Мои, въ глубинѣ этого разрушеннаго подземелья густо разрослась зеленая травка, выглянули какіе-то пестрые цвѣточки и гордо поднялась лапчатолистная смоковница, въ которой свили свои гнѣздышки двѣ пары яркорасписныхъ щуровъ — самыхъ миленькихъ пташекъ Палестины.

Шумно кипѣла жизнь въ этомъ крошечномъ оазисѣ, или скорѣе сказать, цвѣточномъ горшкѣ, гдѣ обрушившіяся стѣны подземелья играли роль стѣнокъ горшка, обломки сводовъ и измельченные камни составляли землю, а красивая смоковница вмѣстѣ со свѣжею зеленью, окружавшею ее—родъ тепличнаго растенія, посаженнаго въ колоссальный горшокъ. Мнѣ почему-то пришло также въ голову сравненіе этой обвалившейся подземной залы съ внутренностью кратера вулкана; неправильный, словно изъѣденный кругъ стѣнокъ, замыкавшихъ эту котловину, походилъ въ самомъ дѣлѣ на изборожденные и вмѣстѣ съ тѣмъ правильные края вулканическаго жерла, а самое днище котловины—на дно кратера, предательски засыпанное камнями, и еще болѣе предательски покрытое зеленью, цвѣтами и муравой... Среди многихъ подземелій Аракъ-эль-Мои, только-что описанная пещера представляетъ самый отрадный уголокъ; среди колоссальныхъ безмолвныхъ каменныхъ могилъ—это уголокъ кипучей жизни, здѣсь она ворвалась въ самые покои смерти и огласила звуками птичьей пѣсни древнее жилище троглодитовъ, ставшее, безъ сомнѣнія, и имъ колоссальною могилой...

Долго еще мы блуждали по многочисленнымъ подземнымъ заламъ Аракъ-эль-Мои: непрерывная прежде амфилада ихъ, благодаря послѣднимъ сильнымъ землетрясеніямъ, распалась на двѣ большія и нѣсколько малыхъ, почти самостоятельныхъ частей. Шейхъ Халиль съ Османомъ старались меня посвятить въ какія-то тайны, связанныя будто бы съ этими пещерами, но я ихъ что-то плохо могъ понимать... Всѣ силы моего ума и соображенія тогда были направлены на созерцаніе тѣхъ чудесъ, которыя были предъ моими глазами; сильныя впечатлѣнія, полученныя даже послѣ знакомства со многими древностями Палестины, парализовали всѣ остальныя силы психической дѣятельности... Я глядѣлъ, созерцалъ, наблюдалъ, порой вдумывался и даже фантазировалъ при видѣ тѣхъ неожиданностей, которыя на каждомъ шагу открывалъ мнѣ подземный городъ троглодитовъ бетъ-Джибринъ... Лишь только тогда, когда я немного освоился съ первыми импонирующими впечатлѣніями, я могъ сосредоточиться нѣсколько на деталяхъ, и тогда увидалъ на стѣнахъ колоссальныхъ подземелій такія мелочи, которыя еще болѣе, чѣмъ грандіозность, поразили и удивили меня.

Огромныя залы, составляющія подземелье Аракъ-эль-Мои, представляютъ не только грубую титаническую постройку мало-

культурнаго человѣка, но, безъ сомнѣнія, носятъ на своихъ стѣнахъ слѣды довольно высокой цивилизаціи, сказавшейся, какъ въ украшеніяхъ, такъ и надписяхъ, принадлежащихъ къ различнымъ культурамъ и племенамъ. Во многихъ залахъ, какъ стѣны такъ и куполы видимо были тщательно обравнены, а карнизы украшены хитрыми узорами, произведенными несомнѣнно съ помощью искуснаго рѣзца. Длинныя ленты этихъ рѣзныхъ на камнѣ узоровъ напоминали мнѣ произведенія не только греческаго, но и спрофиникійскаго стиля и принадлежали очевидно къ различнымъ эпохамъ, соотвѣтствовавшимъ вѣроятно и различнымъ хозяевамъ подземелій. Помимо узорчатыхъ лентъ карнизовъ, на стѣнахъ многихъ залъ виднѣлись и другія уже явно символическія изображенія. Такъ мы видѣли въ различныхъ мѣстахъ круги со вписаннымъ полукругомъ, круги со звѣздочками, круги съ изображеніемъ скарабеевъ или священныхъ жуковъ, а также изображенія солнца и луны; нѣкоторыя изъ этихъ послѣднихъ имѣютъ видъ человѣческаго лица, что̀ показываетъ на антропоморфированіе солнечнаго божества. Въ то время, какъ изображенія небесныхъ свѣтилъ являются слѣдами сабеистическаго или, по крайней мѣрѣ, солнечнаго культа, изображенія скарабеевъ могутъ быть отнесены къ остаткамъ того культа насѣкомыхъ, о которомъ мы говорили выше.

Разумѣется, на основаніи всѣхъ этихъ символическихъ изображеній никакъ нельзя утверждать, что художниками, создавшими ихъ, были первобытные троглодиты Палестины, но нѣтъ сомнѣнія, что эти послѣдніе, уже достигшіе извѣстной степени цивилизаціи ко времени прибытія Израиля въ Землю Обѣтованную, нанесли первые узоры рѣзцомъ на стѣны своихъ подземныхъ обиталищъ. Позднѣйшіе памятники пещерныхъ городовъ, по всей вѣроятности, принадлежатъ народамъ финикійскаго племени и финикійской культуры, пользовавшимся подземельями, если не въ качествѣ постоянныхъ жилищъ, то какъ помѣщеніями временными или мѣстомъ для совершенія своихъ таинственныхъ мистерій и украсившимъ еще болѣе стѣны подземелій. Культъ солнца и луны сталъ свойственъ народамъ Сирохалдейской цивилизаціи, и оставилъ всего болѣе слѣдовъ во всѣхъ подземельяхъ пещерной области Іудеи, такъ же какъ и въ пещерахъ сѣверной Сиріи, Хаурана и Трахона.

III.

Почитаніе свѣтлаго бога солнца Ваала, то-есть владыки неба, совершалось, какъ въ Халдеѣ и Финикіи, такъ и во всѣхъ другихъ странахъ, поклонявшихся свѣтлому началу, всего чаще на открытыхъ, доступныхъ прямымъ лучамъ солнца, мѣстахъ. Алтаремъ солнечныхъ боговъ вначалѣ были высоты, горы и открытыя поля, на которыхъ воздвигались камни для принесенія жертвы; позднѣе на этихъ самыхъ солнечныхъ мѣстахъ воздвигнуты были храмы солнца. Почитаніе дневнаго свѣтила въ его заходящемъ состояніи, такъ-сказать въ состояніи его покоя, который солнце, согласно древнему мнѣнію, находило въ подземельяхъ, вызвало еще въ глубокой древности перенесеніе культа солнца въ пещеры, какъ мѣста наиболѣе приличествовавшія поклоненію свѣтилу, находящемуся въ покоѣ: Финикіяне—народъ нравственно невысокій, исповѣдывавшій религію грубой матеріализаціи, скоро свелъ почитаніе своего высокаго отвлеченнаго и неприступнаго Ваала въ болѣе реальную и понятную грубой массѣ форму, въ культъ Молоха—олицетвореніе огня. Ваалъ—огонь небесъ—потерялъ свое значеніе предъ Молохомъ—огнемъ земли, который сталъ въ Финикіи царемъ боговъ, божествомъ смерти, разрушенія и мести, предъ которымъ еще болѣе чѣмъ предъ Вааломъ долженъ былъ трепетать человѣкъ. Ваалъ—сила природы, рождающая, благодѣтельная. Молохъ—сила уничтоженія, гибели, источникъ всякаго зла; робкій человѣкъ всегда скорѣе поклонялся божествамъ грознымъ, устрашающимъ и разрушающимъ, чѣмъ божествамъ свѣта и добра. Культъ Ваала во многихъ мѣстахъ Сирофиникійскаго культа замѣнялся исключительнымъ почитаніемъ страшнаго ужасающаго Молоха. Поклоненіе богу огня еще скорѣе, чѣмъ почитаніе свѣтлаго бога солнца, могло быть перенесено въ мрачные своды подземелій, гдѣ всегда предполагается жилище адскаго бога огня.

Съ пещерами, какъ подземными храмами, могъ быть связанъ еще болѣе культъ другихъ сирофиникійскихъ второстепенныхъ божествъ, въ числѣ которыхъ надо поставить на первое мѣсто знаменитую Астарту-Юнону и Афродиту Финикіи, а также Адониса или Таммуза. Богиня луны, плодородія и вмѣстѣ съ тѣмъ самого чувственнаго культа Астарта, то суровая небесная дѣва,

услаждавшаяся только кровавыми жертвами, то изступленная вакханка, царица оргій и плотской любви, для своего поклоненія требовала мѣстъ отдаленныхъ отъ взора постороннихъ; подземные храмы являлись поэтому наиболѣе подходящими уголками для отправленія тѣхъ страшныхъ вакханалій, оргій и разврата, которыми сопровождалось почитаніе сидонской дѣвственницы. Культъ Адониса связанъ былъ съ подземными храмами лишь постольку, какъ и культъ Ваала. Олицетвореніе весны и лѣта, смѣняющихся зимой, олицетвореніе живой силы природы, Адонисъ, то веселый и юный сынъ солнца, полный жизни и радости, то умирающій сынъ земли, погубленный злыми силами природы, и затѣмъ вновь воскресающій, почитался также особыми мистеріями, совершавшимися нерѣдко въ подземельяхъ, какъ мѣстахъ покровительствующихъ проявленію самыхъ чувственныхъ оргій.

Пещерная область Іудеи, входящая цѣликомъ въ область распространенія Сирофиникійскаго культа и цивилизаціи, населенная искони народами близкими по происхожденію съ Финикіянами, представляла особо благопріятствующія условія для развитія всѣхъ тѣхъ таинственныхъ культовъ и мистерій, которые, прячась отъ дневнаго свѣта въ глубокихъ и обширныхъ подземельяхъ, находили глубокую ночь среди самаго бѣлаго дня. Культъ всѣхъ божествъ Сирофиникіи былъ такъ или иначе пріуроченъ къ подземельямъ и пещерамъ, представлявшимъ уже готовые храмы, и не мудрено, что сюда на совершеніе богослуженій и молитвъ уходили даже жрецы, почитавшіе свѣтлаго Ваала небесъ—божество солнца, которому приличнѣе было поклоняться подъ его непосредственными лучами, чѣмъ въ мрачныхъ сводахъ подземелій, куда мѣстами не заглядываетъ и украдкой солнце.

Помимо символовъ, изображающихъ солнце, луну и другія эмблемы Хананейскаго культа, на стѣнахъ нѣкоторыхъ подземелій бетъ-Джибрина видны и другіе слѣды поклоненія Ваалу и Астартѣ; самыми замѣчательными и характерными изъ нихъ являются изображенія человѣческихъ фигуръ въ самыхъ нескромныхъ позахъ съ растопыренными руками и ногами. Изображенія эти часто встрѣчаются на памятникахъ древней Сирофиникійской цивилизаціи и всего лучше говорятъ о грубой чувственности религіознаго культа Финикіанъ; пещеры около Тира и Сидона особенно богаты такими нескромными изображеніями, прямо переносящими насъ ко временамъ гнусныхъ оргій, совер-

тавшихся подъ мрачными сводами нынѣ безжизненныхъ и безмолвныхъ подземелій.

Въ большомъ подземельѣ Аракъ-эль-Мои встрѣчаются всего двѣ такія нескромныя человѣческія фигуры, женщины и мужчины; шейхъ Халиль говорилъ намъ, что въ разрушившихся частяхъ подземелья такихъ фигуръ встрѣчалось гораздо болѣе; нѣкоторыя изъ нихъ, по словамъ нашего гида, были представлены въ такихъ позахъ, которыя напоминали нѣкоторыя помпейскія фрески. Грубость работы этихъ человѣческихъ изображеній указываетъ на грубость вкуса людей, находившихъ эти фигуры достаточными для того, чтобы напоминать имъ объ оргіяхъ, совершавшихся въ честь Сидонской дѣвственницы Астарты.

Блуждая по многочисленнымъ подземельямъ Аракъ-эль-Мои, я видѣлъ на закопченыхъ дымомъ стѣнахъ много и другихъ изображеній, символическое значеніе которыхъ трудно разобрать. Всего тяжелѣе производитъ впечатлѣніе знаменіе креста, высѣченное въ нѣкоторыхъ пещерахъ, служившихъ храмами для оргіатическаго культа. Высокій символъ христіанства не смягчаетъ мрачной исторіи этихъ подземелій: ему не мѣсто тамъ, гдѣ все напоминаетъ Ваала, Молоха, Мелитту и Астарту.

Мое вниманіе среди многихъ начертаній и символовъ привлекъ еще одинъ небольшой знакъ, встрѣченный мною въ одномъ изъ подземелій, рядомъ съ большимъ обваломъ, раздѣлившимъ амфиладу Аракъ-эль-Мои. Знакъ этотъ не особенно замѣтенъ, но его присутствіе въ пещерахъ бетъ-Джибрина поразило меня. Символическое изображеніе молніеносной искры состоитъ изъ прямаго или андреевскаго креста, каждый конецъ котораго составляетъ прямой уголъ. Знакъ этотъ, считаемый за общеарійскій символъ бога огня или молніи и символизирующій у Индусовъ Индру, мы находили и между начертаніями, высѣченными на скалахъ Синая. Хотя и кажется страннымъ съ перваго взгляда, что арійское изображеніе молніи могло появиться въ Іудеѣ, какъ и скалахъ Каменистой Аравіи, но тутъ нѣтъ ничего невозможнаго, такъ какъ обитатели этой послѣдней издревле были въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Арійцами и даже съ настоящими Индусами и Малайцами, пока транзитъ міровой торговли не миновалъ Петры и Эланы (нынѣшней Акабы).

Помимо всѣхъ узоровъ и изображеній, стѣны „Подземелій Воды“ покрыты еще многочисленными надписями, по большей части не восходящими очень далеко; изъ нихъ замѣчательны только древне-

еврейскія, египетскія и въ особенности такъ-называемыя синайскія надписи. Массы арабскихъ начертаній, встрѣчающихся во всѣхъ подземельяхъ бетъ-Джибрина, относятся сравнительно къ недавнему времени и обозначаютъ по большей части имена и изреченія арабскихъ посѣтителей этихъ древнихъ пещеръ, а также начертанія, смыслъ которыхъ не отличается особенно отъ обыкновенныхъ заборныхъ надписей, встрѣчающихся даже въ столицахъ. Ничего особеннаго по внутреннему содержанію не представляютъ и малочисленныя куфическія надписи, встрѣчающіяся въ пещерахъ Аракъ-эль-Мои. Древне-еврейскія надписи, довольно многочисленныя, также не имѣютъ никакого отношенія ко временамъ троглодитовъ, такъ какъ онѣ принадлежатъ, по словамъ проф. Олесницкаго, Евреямъ, появившимся въ бетъ-Джибринѣ въ талмудическій періодъ.

Гіероглифы, встрѣчающіеся въ значительномъ количествѣ во многихъ подземельяхъ бетъ-Джебрина, по всей вѣроятности, современны пещернымъ обитателямъ этихъ гротовъ, но, по мнѣнію того же самаго ученаго, не египетскаго, а хеттейскаго происхожденія и принадлежатъ эпохѣ близкихъ союзныхъ отношеній Египта и Хеттеевъ, начинающейся съ фараона Рамзеса Великаго и Хетассара князя Хета. Къ сожалѣнію, гіероглифы эти далеко не всѣ дешифрированы, и мы лишены поэтому возможности узнать кое-что о временахъ пещерныхъ обитателей Палестины.

Еще менѣе, чѣмъ гіероглифы, разобраны знаменитыя синайскія надписи, которыя, несмотря на всѣ усилія цѣлой плеяды ученыхъ, все еще не прочтены и представляютъ загадку изслѣдователей древняго востока. Правда, Беръ и Тухъ пишутъ, что разобрали ихъ и что ясно какъ день, что синайскія начертанія сдѣланы приблизительно въ первые вѣка нашей эры и означаютъ или собственныя имена писавшихъ, или ихъ путевыя замѣтки. Писаны же онѣ, говорятъ, на арамейскомъ языкѣ и принадлежатъ древнѣйшимъ выходцамъ Аравіи: есть между ними и начертанія, принадлежащія таинственному народу Синайскаго полуострова—набатеямъ. Такова гипотеза, принятая большинствомъ изслѣдователей относительно происхожденія синайскихъ надписей. Другимъ нравится доселѣ еще старинное предположеніе, что эти послѣднія принадлежатъ къ еврейскимъ письменамъ, начертаннымъ якобы народомъ божіимъ при прохожденіи черезъ полуостровъ. Есть и другія не болѣе остроумныя толкованія,

основанныя только на догадкахъ ихъ изобрѣтателей. Въ другомъ мѣстѣ [1] мы говорили достаточно и о болѣе вѣроятномъ происхожденіи синайскихъ надписей, которое, по правдѣ сказать, всего менѣе можетъ относиться къ пещерамъ бетъ-Джибрина.

Пока я вмѣстѣ съ Халилемъ и Османомъ блуждалъ по прохладнымъ и сырымъ подземельямъ Аракъ-эль-Мои, разсматривая многочисленныя рѣзныя украшенія и надписи на стѣнахъ и сводахъ, закопченныхъ отъ дыма костровъ, разводившихся здѣсь съ незапамятныхъ временъ, старый Арабъ Ибрагимъ, считающій себя хозяиномъ этой группы пещеръ, готовилъ небольшой обѣдъ почетному гостю, посѣтившему его владѣнія. Приглашеніе Ибрагима закусить и напиться кофе подъ мрачными сводами древнихъ подземелій пришлось намъ всѣмъ по вкусу, и мы, оставивъ свои наблюденія, сѣли возлѣ небольшаго костра передъ входомъ въ большія „Пещеры Водъ“.

Не одинъ старый Ибрагимъ со своимъ многочисленнымъ семействомъ, но и нѣсколько десятковъ другихъ Арабовъ избрали своимъ обиталищемъ самыя большія и удобныя подземелья бетъ-Джибрина. Въ обширныхъ постройкахъ древнихъ троглодитовъ помѣстилась нынѣ цѣлая арабская деревушка, но помѣщенія тутъ хватило бы на нѣсколько десятковъ подобныхъ поселеній. Странно въ самомъ дѣлѣ было бы и не пользоваться тѣми удобствами, которыя представляютъ такія обширныя пещеры, какъ амфилады подземныхъ залъ Аракъ-эль-Мои. Потолокъ и стѣны готовы къ услугамъ каждаго на любомъ мѣстѣ подземелій; остается только сложить нѣсколько камней или даже посредствомъ кусковъ синяго полотна отгородить извѣстное пространство подземныхъ пещеръ—и удобное во всѣхъ отношеніяхъ помѣщеніе готово. При большомъ семействѣ можно занять и цѣлую подземную залу, и тогда нужно только поправить и съузить широкіе выходы, сообщающіе эту пещеру съ сосѣдними. Въ этихъ послѣднихъ можно съ удобствомъ устроить загоны для скота и склады для провизіи и топлива. Можно такимъ образомъ весьма хозяйственно, просторно и удобно расположиться въ подземныхъ гротахъ, подобныхъ тѣмъ, которые представляетъ Аракъ-эль-Мои. Ибрагимъ устроился такимъ помѣщикомъ въ двухъ большихъ пещерахъ, что ему справедливо позавидовалъ тѣснившійся въ душной неуютной мазанкѣ Халиль. Одна изъ пещеръ, прилега-

[1] См. *Путь къ Синаю*, Л. Елисѣева.

ющихъ къ гроту, занятому семействомъ Ибрагима, была обращена въ амбаръ, другая въ скотный дворъ, въ которомъ въ совершенной безопасности помѣщалось болѣе сотни овецъ, нѣсколько ослятъ и лошаденка, не считая еще многочисленныхъ куръ и цыплятъ.

Глядя на этотъ муравейникъ, копошащійся въ древнемъ гротѣ, ископанномъ руками троглодитовъ, припоминались мнѣ совсѣмъ иныя сцены, свидѣтелями которыхъ были лишь эти закоптѣлые камни, да символическіе знаки, сохранившіеся со временъ Финикіи. Видѣлись мнѣ въ этихъ обширныхъ подземныхъ гротахъ могучіе троглодиты—первичные обитатели этихъ мѣстъ, строители пещеръ, побѣдители Камня—мужи великіе, мышцею сильные, закутанные въ грубыя ткани и шкуры, они прорубали кремневыми молотами толщу скалъ и созидали новыя пещеры; цѣлый городъ подземныхъ жилищъ выростаетъ подъ поверхностью куполообразныхъ холмовъ, тянущихся отъ Іерусалима въ пустыни Синая, изъ отдѣльныхъ городовъ выростаетъ цѣлое пещерное царство троглодитовъ — обитателей пещеръ. Кто они были: Хорреи, Хетеи, сыны Эдома, Израиль или даже Наббатеи, для насъ безразлично, но то были народъ грубой физической силы, нравственно чистый, еще не выработавшій себѣ даже цѣлаго религіознаго культа. Пещерные люди жили въ созданныхъ ими подземельяхъ здоровою близкою къ природѣ жизнью, въ борьбѣ съ нею, вѣкъ трудясь и побѣждая камень. То былъ вѣроятно золотой вѣкъ поэтовъ, когда люди еще не знали войнъ и взаимной борьбы и соединялись въ первичныя общества, чтобы дружнымъ общимъ трудомъ побѣдить природу, которой во всемъ долженъ былъ уступать одиночный человѣкъ.

Но прошли года, быть-можетъ, и цѣлыя тысячелѣтія, и какъ ни прятались въ свои подземелья троглодиты, но великія цивилизаціи міра коснулись и ихъ, да и сами они, по всей вѣроятности, съ годами научились чему-нибудь въ безмолвной тиши своихъ каменныхъ жилищъ.

Изъ Египта черезъ великія пустыни Синая вмѣстѣ съ войсками фараоновскими приходила и культура древняго Кеми; забытые Хетеи усвоили самые іероглифы Египта, не говоря уже о религіозномъ и культурномъ просвѣщеніи. Какъ ни слаба была цивилизація, развившаяся у первобытныхъ семитическихъ народовъ, но и она все-таки оказалась выше, сравнительно со степенью, на которой находились первичные троглодиты Іудеи, Петры и

Синая. Еще болѣе вліяла на нихъ высокая культура Финикійцевъ—этихъ Англичанъ древняго міра... Сирофиникійскій культъ скоро сталъ религіознымъ культомъ Ханаеи, и въ подземельяхъ бетъ-Джибрина, такъ же какъ и на холмахъ, стоящихъ надъ ними, были воздвигнуты жертвенники въ честь Ваала, Молоха, Таммуза, Белиты и Астарты.

Дикія оргіи и сладострастныя мистеріи финикійскихъ божествъ нашли для своего отправленія самое удобное мѣсто въ пещерахъ Ветогабры, и громкіе крики вакханалій, прерываемые стономъ жертвъ, огласили безмолвные своды бетъ-Джибринскихъ подземелій. Вмѣсто суроваго и полудикаго троглодита — труженика камня, пришли сюда Кедеши—жрецы Ваала и Молоха, развратные жрецы Астарты и изуродованные кастраты сидонской дѣвственницы—Галлы. Быть-можетъ, во мракѣ подземелій пылали огни Мелиты, совершалось огненное очищеніе и приносились въ раскаленныя объятія мѣднаго Молоха безвинныя дѣти—жертвы жестокаго развратнаго культа. Нескромныя изображенія, виднѣющіяся на стѣнахъ Арако-эль-Мои, позволяютъ думать, что въ этихъ обширныхъ пещерахъ совершались тѣ ужасы разврата, о которыхъ повѣствуютъ Лукіанъ и Амміанъ.

Къ нашему костру и завтраку собралась значительная часть современныхъ троглодитовъ бетъ-Джибрина; обитатели пещеръ принесли къ намъ на продажу различные амулеты, статуэтки, монеты и другія древности, найденныя въ подземельяхъ и при раскопкѣ земли вокругъ деревушки, ставшей на мѣстѣ прежняго города Свободы. На нѣкоторыхъ амулетахъ, сдѣланныхъ изъ яшмы, сердолика, серпентина и даже нефрита и мѣди, были видны изображенія мухъ, скарабеевъ и какихъ-то другихъ насѣкомыхъ, а также головы съ распущенными волосами, не напоминавшія античныхъ профилей. За всѣ эти неважные остатки древности обладатели ихъ заломили такія страшныя цѣны, что я не могъ, по скудости своего кошелька, пріобрѣсти ни одной... Только нѣсколько римскихъ монетъ, съ сохранившимся названіемъ Елевтерополиса, удалось мнѣ купить за нѣсколько блестящихъ новенькихъ франковиковъ.

IV.

Отъ подземелій Аракъ-эль-Мои, отличающихся отъ другихъ, между прочимъ, и тѣмъ, что въ нихъ въ двухъ мѣстахъ встрѣчаются ключи солоноватой воды, недалеко отстоитъ и другая

группа пещеръ—Аракъ-эль-Глилъ. Характеръ ея устройства и даже общій планъ сходенъ съ только-что описанными подземельями: та же самая амфилада куполообразныхъ залъ, которыхъ я насчиталъ болѣе десяти, та же тщательность въ вырубкѣ свода, указывающая даже на глубокія познанія строителей въ геометріи, тѣ же симметричныя отдушины: нѣтъ только огромнаго числа узоровъ и надписей, тянущихся красивыми лентами по стѣнамъ Аракъ-эль-Мои. Стѣны и куполы подземныхъ гротовъ этой группы поражаютъ своею правильностью и вмѣстѣ съ тѣмъ краснвымъ чернымъ глянцомъ копоти, осѣвшей на нихъ, быть-можетъ, еще во времена отдаленныя. Мы считаемъ не лишнимъ остановиться нѣсколько на характерѣ этой копоти, покрывающей внутреннюю поверхность многихъ пещеръ, а также наземныхъ памятниковъ Палестины.

Трудно сказать, насколько относительно древня копоть, насѣвшая на стѣнахъ того или другаго подземелья; нѣтъ сомнѣнія, что еще въ глубокой древности стѣны ихъ были прокопчены дымомъ многочисленныхъ факеловъ и костровъ, возжигавшихся не только при религіозныхъ церемоніяхъ, но и для цѣлей повседневной жизни: въ теченіе многихъ столѣтій, въ продолженіе которыхъ гроты бетъ-Джибрина не служили постоянными людскими обиталищами, а лишь временнымъ случайнымъ пріютомъ, костры, разводимые въ пещерахъ, были также случайными явленіями, что̀ не мѣшало имъ прибавлять копоти въ куполообразныхъ залахъ, имѣвшихъ тягу воздуха, стремящагося къ верхнему духовому отверстію. Рыхлый пористый камень, образующій эти своды, отлично принималъ въ себя угольныя частицы и отлагалъ между известковыми; постоянная влажность, царящая въ глубинѣ вѣчно затѣсненныхъ подземелій, закрѣпляла еще болѣе связь между частями угля и известняка, и такимъ образомъ съ теченіемъ времени весь поверхностный слой камня, образующаго внутренность пещеры, превращался въ своего рода прочное физическое соединеніе частицъ известняка съ частицами угля, тяжелыхъ смолъ и другихъ углеводородовъ, цементированныхъ между собою влагой до того прочно, что казался совершенно однородною массой. Глянцовитая поверхность подобной копоти могла даже отдѣляться небольшими слоями, что̀ показывало еще нагляднѣе прочность такого соединенія. Туристамъ, посѣщающимъ подземелья Востока, состоящія по большей части изъ пещеръ, высѣченныхъ въ известняковыхъ массахъ, и чрезвычайно любящимъ

увѣковѣчивать свои, никому не нужныя имена, на различныхъ памятникахъ древности, можно посовѣтовать прибѣгать къ копоти, какъ лучшему средству для этой цѣли. Накоптить свѣчкой или факеломъ на стѣнѣ древняго подземелья легко не только инициалы, но и цѣлое имя; все остальное сдѣлаютъ время и влажность, которыя закрѣпятъ накопченныя буквы въ камнѣ и придадутъ имъ характеръ древности.

Амфилада подземелій Аракъ-элъ-Глилъ, будучи короче ряда подземныхъ залъ „Пещеры Воды," уступаетъ имъ нѣсколько также и въ размѣрахъ, не поражающихъ такою грандіозностью. Входныя отверстія здѣсь похожи на обыкновенные входы въ пещеры, отдѣльные столбы каменной толщи, поддерживающей своды, тоже нѣсколько слабѣе, но вся отдѣлка подземелья болѣе выдержана и принадлежитъ къ одному стилю. Въ то время, какъ многочисленныя надписи и изображенія, встрѣчающіяся на стѣнахъ Аракъ-эль-Мои, указываютъ на то, что эти послѣднія пещеры были много разъ подвергнуты перестройкамъ и украшеніямъ, подземные гроты Аракъ-эль-Глилъ сохранились цѣльнѣе со временъ троглодитовъ, хотя, очевидно, принадлежатъ къ періоду высшаго развитія пещерныхъ сооруженій, чѣмъ, напримѣръ, пещеры Харейтуна, Хаурана и нѣкоторыя изъ окружающихъ бетъ-Джибринъ.

На стѣнахъ описываемыхъ подземелій, уже при входѣ я замѣтилъ сразу одну особенность, сильно поразившую меня; особенность эта заключалась въ присутствіи цѣлаго ряда нишей, расположенныхъ въ видѣ полокъ исполинскаго шкапа. Ниши эти, на подобіе ящиковъ, встрѣчались въ нѣсколькихъ залахъ, но лишь въ одной изъ нихъ онѣ поражали какъ правильностью расположенія, такъ и тщательностью обработки. Въ тѣхъ же самыхъ залахъ встрѣчались ниши и другаго рода въ видѣ ямокъ полулунной формы, расположенныя тоже группами и рядами. Во всѣхъ этихъ нишахъ при нашемъ посѣщеніи пещеръ гнѣздились цѣлые десятки голубей, наполнявшихъ своимъ монотоннымъ воркованіемъ безмолвную тишину пещеръ.

Долго я стоялъ и любовался предъ этими рядами каменныхъ полокъ исполинскаго шкапа, высѣченнаго изъ цѣлой скалы, но ровно ни къ чему положительному не привели меня всѣ размышленія о назначеніи этихъ нишей, расположенныхъ притомъ на такой высотѣ, что добраться до нихъ можно было только съ помощью лѣстницъ. Трудно себѣ было даже представить такихъ

исполинскихъ людей, которые могли бы пользоваться этими каменными шкапами; имъ надлежало быть не менѣе полутора саженъ, если не болѣе. Вопросъ о назначеніи подобныхъ нишей поэтому невольно мучилъ меня, какъ и всякаго, кто посѣщаетъ эти интересныя подземелья бетъ-Джибрина. Сколько гипотезъ я не создавалъ себѣ въ объясненіе, ни одна не удовлетворяла меня, и единственно, на чемъ можно было остановиться, это предположеніе о томъ, что ниши Аракъ-эль-Глиля служили для помѣщенія идоловъ, сосудовъ и другихъ принадлежностей религіознаго культа, отправляемаго въ этихъ подземельяхъ. На эту гипотезу, между прочимъ, наводили меня розсказни Арабовъ, сообщавшихъ, что въ описанныхъ нишахъ были находимы нерѣдко статуэтки, сосуды и амулеты, давно похищенные отсюда и проданные туристамъ; обломки глиняныхъ сосудовъ видали и мы сами, когда при помощи небольшой лѣстницы, добытой гдѣ-то услужливымъ Халилемъ, приподнялись до уровня полокъ исполинскаго шкапа.

Въ самой послѣдней пещерѣ, заполненной камнями, слѣдами недавняго землетрясенія, мы сдѣлали находку полнаго человѣческаго скелета, лежавшаго противъ свѣтоваго отверстія, освѣщающаго подземную залу. Останки эти, разумѣется, не принадлежали троглодиту Іудейскихъ горъ и представляли скелетъ человѣка, упавшаго нечаянно въ эту пещеру и разбившагося о ея каменное основаніе. Мои спутники, впрочемъ, сообщили мнѣ какую-то таинственную исторію объ одномъ арабскомъ шейхѣ, пришедшемъ изъ пустыни Геджаса и рѣшившагося отдаться созерцанію въ безмолвныхъ гротахъ Аракъ-эль-Глиля. Много долгихъ лѣтъ провелъ здѣсь вдали отъ всего міра благочестивый старецъ, питаясь лишь благостыней заходившихъ сюда рѣдко людей; онъ молился тутъ за спасеніе ислама, просилъ Аллаха послать новаго пророка въ міръ, для того, чтобы напомнить ему ученіе Корана, и умеръ, говорятъ, когда Аллахъ черезъ ангела смерти объявилъ ему, что молитва его услышана и что міру въ лицѣ Махди, посланника божія, явленъ новый пророкъ.

— Тѣ кости принадлежатъ божьему старцу, говорили мнѣ окружавшіе Арабы,— онъ вымолилъ у Аллаха появленіе давно желаннаго Освободителя-махди, пусть въ мирѣ покоятся онѣ, пока Израфіилъ [1] въ день судный не призоветъ ихъ къ жизни и

[1] Одинъ изъ ангеловъ смерти.

блаженству; эти послѣднія слова очевидно относились ко мнѣ, такъ какъ я, не подозрѣвая великой святости встрѣченныхъ въ подземельѣ костей, по всей вѣроятности, разбившагося человѣка, съ пытливостью антрополога пытался ихъ разсмотрѣть...

Солнце уже стояло на полднѣ и жестоко палило наши головы, несмотря даже на то, что лучи его падали черезъ отверстія пещеръ. Въ подземельѣ становилось душно, стѣны стали отдавать удушливою сыростью, даже голуби, привыкшіе къ этой атмосферѣ, почти всѣ вылетѣли на свѣжій воздухъ; поспѣшили туда и мы послѣ болѣе получасоваго пребыванія въ подземельяхъ Аракъ-эль-Глиля. Немного лучше, однако, было и на верху; правда, насъ заливали отовсюду волны свѣжаго сухаго воздуха, но онѣ не освѣжали, а обжигали насъ... Синайская пустыня дышала съ юга легкимъ полуденнымъ вѣтеркомъ, и это жгучее вѣяніе пустыни въ раскаленныхъ известковыхъ холмахъ бетъ-Джибрина дѣлало еле возможнымъ долгое пребываніе подъ непосредственнымъ вліяніемъ солнечныхъ лучей. Надо было куда-нибудь укрыться, и мы, сѣвъ на коней, помчались къ слѣдующему ближайшему лабиринту пещеръ, знаменитому подземелью Магара Тель-эль-Кебиръ...

По дорогѣ мы проѣзжали развалины древней крѣпости и любопытство все-таки превозмогло; какъ ни сильно палило солнце наши головы и плечи, мы съ Османомъ и Халилемъ спѣшились и пошли хотя мелькомъ осмотрѣть развалины укрѣпленія и христіанской церкви, которыя видѣли еще наканунѣ возвышающимися надъ обширными подземельями бетъ-Джибрина. Хотя архитектура крѣпости носитъ на себѣ слѣды различныхъ стилей, начиная съ римскаго и кончая латинскимъ (временъ крестоносцевъ) и арабскимъ, тѣмъ не менѣе основаніе ея принадлежитъ еще еврейскому періоду, отъ котораго сохранилась еще характерная кладка выпусковыми камнями, всегда указывающими на работу Израильтянъ. Усѣвшись передохнуть возлѣ древняго колодца, лежащаго на восточной сторонѣ крѣпости, я былъ внезапно испуганъ страшнымъ шипѣніемъ, раздавшимся чуть не надо мною. Вскочивъ, я увидалъ огромную черную змѣю, свившую себѣ гнѣздо между камнями, на которыхъ мы сидѣли; обезпокоенная, а быть-можетъ и придавленная, она приподняла голову и съ угрожающимъ шипѣніемъ приближала свою пасть, вооруженную ядовитыми зубами, къ обнаженнымъ икрамъ Османа; еще нѣсколько мгновеній, и отвратительная гадина вцѣпилась бы

въ ногу моего вѣрнаго слуги, но хорошій ударъ турецкаго ятагана разрубилъ змѣю пополамъ. Долго еще извивались разрубленныя части гадины, долго еще шевелилась пасть съ обнаженными зубами, но мы уже не обращали особаго вниманія на побѣжденнаго врага.

Развалины церкви съ прекрасно сохранившимся алтаремъ, носящей до сего дня названіе Маръ-Ханна, то-есть храма святаго Іоанна, представляютъ остатки, какъ византійскаго, такъ и романскаго стилей. Небольшая галлерея изъ пяти, шести столбовъ на восточной сторонѣ ея, коринѳскія колонны, арки, красиво очерченныя окна и подземныя помѣщенія съ полукруглыми аркамп и, наконецъ, алтарь, все это представляетъ рѣзкую противоположность тѣмъ пещернымъ сооруженіямъ, которыя мы только-что посѣтили. Но и самая церковь святаго Іоанна, какъ и подобаетъ столицѣ пещернаго царства, имѣетъ свои криты подъ землей. Нѣкоторые археологи считаютъ эти подземелья римскими магазинами, встрѣчающимися и въ другихъ частяхъ бывшаго Елевтерополиса; не оспаривая этого предположенія, мы думаемъ все-таки, что эти криты принадлежатъ къ тому же пещерному періоду, какъ и большинство подземелій бетъ-Джибрина.

Къ лабиринту Магара Тель-эль-Кебира, этому величайшему и самому сложному изъ подземелій, не только Палестины, но и всей области троглодитовъ передней Азіи, мы прибыли уже далеко за полдень. День выпалъ одинъ изъ самыхъ жаркихъ; къ тому же чувствовалось замѣтно и дыханіе хамсина, этого вѣтра смерти, дующаго по временамъ въ пустыняхъ. На яркомъ солнечномъ днѣ красиво вырисовывались на голубомъ небѣ и бѣловато желтомъ фонѣ каменной пустыни, лежащей вокругъ насъ, зеленыя пятна свѣжей зелени, покрывающей холмы бетъ-Джибрина. Обширные виноградники, плантаціи табаку, рощи маслинъ, кусты дикаго кедра и заросли горныхъ травъ, цѣплявшихся среди камней, веселые крики пестрыхъ щуровъ, взлетавшихъ надъ нашими головами, серебристыя трели жаворонковъ, заливавшихся гдѣ-то въ лучезарной синевѣ неба, все это сочетаніе красокъ, свѣта и жизни казалось намъ чѣмъ-то дисгармонирующимъ съ тѣмъ полумракомъ и безмолвіемъ, въ который были погружены подземелья бетъ-Джибрина. Отъ міра свѣта и жизни насъ тянуло во влажныя мрачныя могилы, въ міръ каменныхъ подземелій, гдѣ, казалось намъ, схоронены преданія о другой таинственной жизни, не похожей на ту, которая окружаетъ насъ. Мы спѣшили

погрузиться опять въ сумракъ молчаливыхъ подземелій, чтобы тамъ вдали отъ кипучей жизни природы переживать чудныя грёзы, приходившія изъ глубины вѣковъ, видѣть мысленно то, чему свидѣтелями были мрачныя пещеры бетъ-Джибрина.

И вотъ мы стоимъ предъ входомъ въ таинственный лабиринтъ Магара Тель-эль-Кебиръ. Черное отверстіе, ведущее въ глубину этихъ обширнѣйшихъ подземелій, зіяетъ какъ могила; на блистающихъ солнечнымъ сіяніемъ молочныхъ скалахъ бетъ-Джибрина оно кажется чернымъ пятномъ, настоящею адскою дверью, какъ назвалъ его мой добрый Османъ.

Въ противоположность посѣщеннымъ нами доселѣ подземельямъ входное отверстіе въ лабиринтъ Кебира не представляетъ широко разверстаго пространства; если въ подземныя залы Аракъ-эль-Мои мы могли въѣхать верхами и свободно двигаться въ пещерахъ вмѣстѣ съ конями, то въ лабиринтъ Кебира въ настоящее время можно проникнуть только черезъ крошечное отверстіе, черезъ которое не сможетъ пролѣзть немного полный человѣкъ. Это даже не входное отверстіе, а просто расщелина въ скалѣ, мимо которой незнающій человѣкъ можетъ пройти совершенно равнодушно. Глядя на эту трещину, даже стоя предъ нею, никакъ нельзя представить себѣ, что находишься у входа въ одно изъ самыхъ обширныхъ подземелій на землѣ. Узкая расщелина соединяетъ міръ свѣта и жизни съ глубоко сокрытымъ въ нѣдрахъ земли міромъ покоя, мрака и замогильной тишины. Если можно гдѣ-нибудь на землѣ искать входа въ адъ, то лучше расщелины ведущей въ лабиринтъ Кебира не могъ бы представить себѣ самъ Данте.

Въ это отверстіе полѣзли мы съ Османомъ, имѣя впереди себя Халиля и еще одного молодаго Араба Юсуфа, взявшагося быть проводникомъ по запутанному лабиринту Магара Тель-эль-Кебира. Халиль и Юсуфъ шли впереди съ зажженными факелами; сзади насъ съ двумя свѣчами двигались еще два черномазые Арабченка, которыхъ мы взяли съ собою для того, чтобы нести кое-что изъ нашего багажа. Наши кони остались у входа въ подземелье подъ присмотромъ Ибрагима; тамъ же осталось и сброшенное верхнее платье и оружіе, такъ какъ путешествіе по подземнымъ пещерамъ лабиринта требовало возможно полной свободы въ движеніяхъ и отсутствія излишняго утомляющаго багажа. Мы взяли съ собою только большой запасъ свѣчей, да по хорошему ятагану, не считая веревокъ и небольшихъ кольевъ, которые, по совѣту Халиля, могли пригодиться въ подземныхъ переходахъ и движеніяхъ.

V.

Не безъ легкой тревоги вслѣдъ за Халилемъ я вошелъ въ трещину скалы. Тѣснота, абсолютный мракъ, безмолвіе, страшная духота и какой-то спертый воздухъ могилы сразу охватили насъ, едва мы скрылись за выступомъ камня, отдѣляющимъ міръ наземный отъ міра каменныхъ подземелій. Узкая расщелина идетъ недалеко въ толщѣ скалы и кончается крутымъ обрывомъ, которымъ начинается уже лабиринтъ пещеръ, идущихъ подъ извѣстными холмами Кебира. Обрывъ этотъ встрѣчается такъ неожиданно, что не будь факела Османа впереди, я сорвался бы съ него и полетѣлъ въ глубину огромнаго подземелья. Халиль былъ уже внизу обрыва и принялъ меня на руки, какъ малаго ребенка, въ то время, какъ Османъ и Юсуфъ, раздувъ факелы, ярко освѣтили подземелье. Мы были уже совершенно подъ землей въ обширной каменной могилѣ, и чувство жуткости охватывало невольно въ первыя мгновенія пребыванія въ ней.

Предъ нами новое огромное подземелье, но совершенно не похожее на тѣ, которыя мы посѣтили доселѣ. Тамъ мы видѣли все-таки обширныя освѣщенныя подземныя залы, правильно высѣченныя и легко соединяющіяся между собою; тамъ мы ощущали внизу себя твердое каменное дно, могли составить себѣ планъ и расположеніе камеръ—тутъ же предъ нами былъ мрачный хаосъ, освѣщаемый тускло тремя факелами, горѣвшими слабо въ духотѣ подземелья. Мы понимали только въ первое время, что находимся внутри огромнаго пространства, котораго ни формы, ни протяженія не могли опредѣлить; мы не видѣли ни потолка, ни сводовъ, ни поверхности дна; при тускломъ свѣтѣ факеловъ можно было примѣтить, что вздымаются словно выростая со дна огромныя мрачныя стѣны, исчезающія гдѣ-то вверху въ неопредѣленномъ темномъ пространствѣ, гдѣ, слышны были, рѣянія многочисленныхъ нетопырей, ихъ слабый писк и покрикиванія потревоженныхъ совъ. Нѣсколько минутъ прошло въ этомъ неопредѣленномъ колебаніи, пока мы, не видя ничего предъ собою, не рѣшились двигаться далѣе въ непросвѣтную тьму.

— Берегись, осторожнѣе! то и дѣло покрикивалъ шедшій впереди Юсуфъ,—и эти восклицанія еще болѣе останавливали мою рѣшимость, несмотря даже на то, что мои спутники уже подвигались медленно впередъ.

Но вотъ ярче ли вспыхнули наши масленые факелы, помогли ли имъ еще нѣсколько зажженыхъ свѣчей, или глаза начали присматриваться къ окружающему, но только изъ глубокаго сумрака, въ который дотолѣ было въ нашихъ очахъ погружено подземелье, начали вырисовываться кое-какія детали, позволявшія намъ оріентироваться тамъ, гдѣ мы до той поры не видали ничего. Скоро мы разсмотрѣли, что подземелье, въ которомъ мы находились, представляло родъ цилиндрической пустоты, верхъ которой образовывалъ родъ купола, стѣны представляла толща скалы, а дно тонуло еще въ темнотѣ. Пока я осматривалъ детали подземелья, передній факелъ Юсуфа вдругъ нырнулъ въ глубину и исчезъ тамъ, освѣтивъ своимъ багровымъ блескомъ дотолѣ скрытое отъ нашихъ глазъ пространство, лежавшее внизу подъ нашими ногами. Вначалѣ, предположивъ, что проводникъ нашъ куда-то сорвался или провалился, я перепугался не на шутку и быстро попятился назадъ, сваливъ Арабчатъ, несшихъ багажъ и шедшихъ позади. Каково же было мое удивленіе, когда я услышалъ веселый голосъ Юсуфа гдѣ-то глубоко внизу, призывавшій насъ сторожно спуститься за нимъ въ самую глубину подземелья. Я ступилъ нѣсколько шаговъ впередъ, яркій свѣточъ Юсуфа блеснулъ подъ ногами, и предъ взорами моими открылось зрѣлище, котораго мнѣ не забыть никогда.

Предъ нами по ровно обсѣченнымъ стѣнамъ подземелья виднѣлась прекрасная каменная лѣстница, высѣченная въ той же самой скалѣ, какъ и самая подземная зала, и составлявшая одно цѣлое съ стѣнами этой послѣдней. Эта лѣстница, спиралеобразно вившаяся по внутренней стѣнѣ подземелья, казалась уже настоящею лѣстницей великановъ. Я видѣлъ не задолго предъ тѣмъ исполинскую лѣстницу, высѣченную въ скалахъ Петры, но эта послѣдняя далеко не произвела на меня такого потрясающаго впечатлѣнія, какъ спиралеобразная лѣстница, спускавшаяся вдоль цилиндрическаго подземелья Магара Тель-Кебиръ до самаго его дна, вырубленная очевидно одновременно съ подземною залой и погруженная вмѣстѣ съ нею въ абсолютную непросвѣтную темноту. Правильность спирали, легкій уклонъ, хорошо высѣченныя ступени, идущія не горизонтально, а съ нѣкоторымъ откосомъ, направленнымъ къ оси залы (что указываетъ на значительныя математическія соображенія строителей), небольшіе выступы, оберегающіе сходящаго отъ паденія, и многія

другія техническія детали этой удивительной лѣстницы мнѣ удалось разсмотрѣть еще ранѣе, чѣмъ я началъ спускаться.

Спускъ съ лѣстницы, несмотря на высокія техническія качества этой послѣдней, далеко не такъ легокъ: время и атмосферныя вліянія повредили края ступень, сдѣлали ихъ гладкими, неправильными, а мѣстами до того покатыми, что нога скользила невольно; вѣчная сырость, царящая во всѣхъ подземельяхъ бетъ-Джибрина, дѣлала еще болѣе скользкими ступени, такъ что при всей своей осторожности я непремѣнно скатился бы внизъ, несмотря на боковые выступы, еслибы меня не поддерживалъ спереди Османъ, спускавшійся босикомъ и потому имѣвшій болѣе устойчивую точку опору, чѣмъ я, не снимавшій никогда своихъ высокихъ походныхъ сапогъ.

Тихо и осторожно спускались мы по витой лѣстницѣ на дно подземелья, и сообразно съ нашимъ поступательнымъ движеніемъ все болѣе и болѣе освѣщалась нижняя доселѣ совершенно не видная часть подземелья... Трепещущій свѣтъ факеловъ скользилъ по гладкимъ стѣнамъ залы, оставляя утопать во тьмѣ куполообразные своды, въ которыхъ бѣшено носились перепуганные огнями совы и нетопыри. Вся эта необыкновенная обстановка при тускломъ свѣтѣ дымящихся факеловъ производила на меня особенно сильное, еще не испытанное впечатлѣніе: хоронимъ самихъ себя въ огромной каменной могилѣ, куда спускаемся въ легкихъ бѣлыхъ саванахъ, какими казались наши лѣтнія одѣянія, въ совершенномъ безмолвіи при свѣтѣ факеловъ съ дымящимися свѣчами въ рукахъ. Медленное торжественное шествіе наше вглубь подземелья вполнѣ соотвѣтствовало погребальной церемоніи, и эта иллюзія стала еще полнѣе, когда мы, спустившись на самое дно подземелья, засыпанное камнями и землей, наткнулись на массу человѣческихъ костей и два цѣлые скелета, глянувшіе на насъ своими костяными орбитами... Одинъ изъ этихъ скелетовъ былъ еще полуприкрытъ истлѣвающими тряпками, придававшими ему еще болѣе отвратительный видъ; другой скелетъ мы нашли въ полусидячемъ положеніи, причемъ еще не разрушены были межпозвоночныя связки и хрящи... Ужасенъ былъ видъ этихъ человѣческихъ останковъ среди мрака и безмолвія грубокой каменной могилы, освѣщаемыхъ лишь багровымъ отсвѣтомъ нашихъ факеловъ, и не мудрено, что отшатнулись назадъ шедшія впереди Арабы и даже мой храбрый

Османъ, первый открывшій страшные слѣды смерти въ ужасныхъ и безъ того подземельяхъ...

— То сама смерть, проговорилъ дрожащимъ голосомъ суевѣрный Халиль;—мы пришли въ царство смерти, да сохранитъ насъ отъ ея гнѣва Аллахъ!

Еще тревожнѣе переглянулись и попятились при этихъ словахъ мои Арабы; даже мальчишки, шедшіе позади, поспѣшили взбираться снова на лѣстницу, чтобы не видѣть оскалившихъ зубы череповъ, смотрѣвшихъ изъ мрака своими провалившимися орбитами на людей, пришедшихъ нарушать вѣчный сонъ могилы... Увидавъ смущеніе своихъ проводниковъ, я взялъ факелъ изъ рукъ Халиля и пошелъ смѣло впередъ... Закутанный въ тряпье скелетъ лежалъ на нашей дорогѣ и такъ какъ ни одинъ Арабъ не рѣшался переступить черезъ него, то я долженъ былъ одинъ передвинуть сухія кости въ сторону и освободить нашъ путь отъ препятствія, поставляемаго мертвецомъ. Съ трепетомъ, читая молитвы и заклинанія, и даже вынувъ чудотворныя хеджабы (талисманы), прошли мои Арабы постъ, занятый стражей скелетовъ, и вышли на широкую площадь, представляемую дномъ подземелья...

Къ сожалѣнію, и эта находка человѣческихъ костей, какъ и первая, сдѣланная въ гротахъ Аракъ-эль-Глиль, не представляла того антропологическаго интереса, который я искалъ тщательно въ человѣческихъ останкахъ пещерной области Іудеи. Оба скелета принадлежали разумѣется не троглодитамъ, а современнымъ обитателямъ Палестины и притомъ людямъ, погибшимъ еще сравнительно недавно. Кто такіе были тѣ, которыхъ скелеты были схоронены такъ глубоко въ подземельяхъ Магара Тель-Кебира, разумѣется, сказать невозможно. Были ли то жертвы насилія, брошенныя сюда для того чтобы скрыть слѣды преступленія, какъ-то дѣлается нерѣдко въ Палестинѣ, или то были жертвы своего собственнаго неблагоразумія, погибшія въ подземельяхъ отъ голода и жажды и попавшія туда случайно — я не знаю, хотя мои Арабы уже сложили цѣлую легенду, объясняющую присутствіе человѣческихъ останковъ въ лабиринтѣ Кебира; тѣ кости, по словамъ этой легенды, принадлежатъ людямъ грѣшнымъ, похищеннымъ джинами ночи въ то время какъ эти несчастные въ ночь, посвященную духамъ злобы и тьмы, обитающимъ въ подземельяхъ, проходили мимо входа въ царство вѣчнаго мрака и тишины...

Но какъ ни поэтична легенда, сложенная Арабами и объясняющая присутствіе человѣческихъ останковъ на днѣ большаго подземелья Кебира, всего вѣроятнѣе, что люди, погребенные здѣсь, были жертвами собственнаго неблагоразумія или упавшіе съ каменной лѣстницы и разбившіеся о каменныя ступени, или путники заблудившіеся тутъ и погибшіе отъ невозможности найти выходъ. Это предположеніе всего вѣроятнѣе уже по тому одному, что оно кажется вполнѣ естественнымъ: я увѣренъ, что никто, даже хорошо знающій лабиринтъ пещеръ Кебира, а такихъ нѣтъ даже среди обитателей Бетъ-Джибрина, не выберется отсюда, разъ заблудится тутъ и истратитъ послѣднюю свѣчу, находящуюся въ его распоряженіи... Планъ расположенія пещеръ этого подземелья до того неправиленъ и сложенъ, что самый привычный и знающій человѣкъ, въ условіяхъ абсолютной темноты ошибется въ разсчетѣ и сорвется въ глубину какого-нибудь обрыва, гдѣ и разможжитъ себѣ голову объ острые камни...

Обойдя дно большаго подземелья, кажущагося въ темнотѣ гораздо бо́льшимъ, чѣмъ оно является на дѣлѣ, мы полѣзли по небольшой осыпи и очутились предъ входомъ въ новую подземную залу, не уступающую первой ни по величинѣ, ни по тщательности отдѣлки... Эта зала находится на горизонтѣ нѣсколько низшемъ, чѣмъ первая, а потому еще болѣе, чѣмъ эта послѣдняя, погружена въ толщу каменной массы. Если въ первой залѣ, какъ говорятъ, помимо того отверстія, которымъ мы вошли, мыслимы еще и другія свѣтовыя и воздушныя отдушины, то второе подземелье, гораздо болѣе углубленное, находится уже въ абсолютномъ вѣчномъ мракѣ и наполнено тяжелою удушливою атмосферой, которая не освѣжается никогда.

Скоро мы набрели на совершенно такую же каменную лѣстницу, какъ и въ первомъ цилиндрическомъ подземельѣ, но только еще болѣе сохранившуюся... Спускаясь по вьющейся спирали каменныхъ ступеней, я насчиталъ ихъ болѣе пятидесяти и счелъ бы еще болѣе, еслибы не оступился и не полетѣлъ внизъ. Безъ сомнѣнія, при этомъ неожиданномъ паденіи я разбился бы совершенно, но меня спасла земляная осыпь, прерывавшая въ одномъ мѣстѣ каменныя ступени лѣстницы: она задержала мое паденіе и дала возможность Арабамъ быстро придти ко мнѣ на помощь и удержать отъ дальнѣйшаго движенія внизъ по скользкимъ и влажнымъ ступенямъ...

При помощи двойнаго способа передвиженія я скорѣе достигъ

дна втораго подземелья, чѣмъ дна первой подземной залы; здѣсь помимо массы камней и земли, неизвѣстно откуда попавшихъ, мое особенное вниманіе привлекло значительное количество воды, стоявшее въ видѣ лужи между камнями и осыпями. Хотя Юсуфъ и увѣрялъ меня, что вода эта объясняется присутствіемъ источника сладкой воды, мнѣ казалось, что она представляетъ скорѣе скопленіе подпочвенной влаги, дождевой воды, или даже влаги, осѣвшей изъ густыхъ испареній, наполняющихъ нижніе слои атмосферы подземелій. Нѣтъ ничего, впрочемъ, невѣроятнаго, что и въ глубинѣ подземныхъ залъ древніе троглодиты смогли найти воду, проведя ее изъ какой-нибудь скрытой жилы. Для пользованія этимъ подземнымъ источникомъ, быть-можетъ, были и устроены гигантскія лѣстницы вдоль каменныхъ стѣнъ подземелій. По аналогіи мнѣ припомнился, отчасти сходный съ этими же условіями, извѣстный колодезь бируъ-Юсуфъ, въ глубокомъ подземельѣ Мокаттома, крѣпости Каира.

Второе подземелье, столь похожее на первое, посѣщенное нами, поразило насъ вначалѣ менѣе, но за то, когда мы, пройдя двѣ спирали лѣстницъ, очутились на самомъ днѣ, въ то время, какъ Арабчаты наши и Османъ, вооруженные свѣчами, расположились выше насъ по ступенямъ лѣстницы для того, чтобы дать намъ возможность составить общее понятіе о формѣ и планѣ подземелій, удивленіе наше возросло въ высшей степени.

Впечатлѣніе колоссальности пещеры, въ которой мы находились, получилось особенно сильное, когда свѣча Османа заблистала гдѣ-то далеко, наверху надъ нашими головами, словно отдаленный маякъ, указывающій выходъ изъ этого моря мрака и тишины. Каменная лѣстница, зигзагами поднимающаяся кверху, показалась лѣстницей великановъ, воздвигнувшихъ ее въ глубинѣ земныхъ нѣдръ для того, чтобы съ помощью ея достигнуть дневнаго свѣта и солнечнаго сіянія. Намъ казалось, что мы ушли такъ далеко отъ земной поверхности, что отсюда уже и выбраться невозможно: звуки жизни не достигали сюда, такъ какъ здѣсь въ безпросвѣтной темнотѣ не могла таиться ни одна болѣе или менѣе высокоорганизованная жизнь. Халиль поднялъ мертвую змѣю, попавшуюся ему на дорогѣ...

— Смотри хавадже, проговорилъ онъ,—даже гнусная гадина не можетъ жить въ пещерахъ, которыя созданы Аллахомъ лишь для обитанія черныхъ джиновъ ночи...

Замѣчаніе Халиля заставило меня присмотрѣться тщательнѣе

къ окружающему и поискать слѣдовъ жизни въ этомъ царствѣ вѣчнаго мрака и тишины. Летучія мыши и ночныя птицы, еще гнѣздившіяся въ верхнихъ пещерахъ, боялись спуститься въ нижнія подземелья Кебира; мертвая змѣя, по всей вѣроятности, была также случайнымъ гостемъ этихъ глубокосокрытыхъ пещеръ. Разворачивая камни, я примѣтилъ только какихъ-то бѣловатыхъ насѣкомыхъ, засуетившихся при нарушеніи ихъ покоя, но ни скорпіоновъ, ни юловъ, ни многоножекъ, обыкновенныхъ жителей камней, намъ не удалось отыскать. Жизнь, въ самомъ дѣлѣ, словно бѣжала изъ этихъ страшныхъ подземелій, гдѣ могли еще развиваться въ вѣчной влажности какіе-то низшіе грибки, или плѣсени, выстилавшія легкимъ покровомъ вѣчно сырыя и скользкія стѣны. Нѣсколько комаровъ и мошекъ, летавшихъ возлѣ нашихъ огней, были тоже, по всей вѣроятности, случайными обитателями подземныхъ пещеръ, заблудившимися въ непросвѣтной тьмѣ.

VI.

Осмотрѣвъ обѣ главныя подземныя залы Тель-эль-Кебирскаго лабиринта, мы предприняли дальнѣйшія экскурсіи по многообразно развѣтвленнымъ подземельямъ этой любопытной группы пещеръ. Болѣе чѣмъ часовое пребываніе подъ землей уже пріучило насъ не только къ душной и тяжелой атмосферѣ подземелій, но и къ той абсолютной темнотѣ, въ которой теперь мы оріентировались лучше при помощи факеловъ и свѣчей. Такъ какъ черезъ главное подземелье съ винтообразною лѣстницей намъ предстояло еще возвращаться, то мы оставили тутъ кое-что изъ своего багажа и одежды; тутъ же остался одинъ изъ мальчиковъ, оказавшійся неспособнымъ идти въ дальнѣйшія экскурсіи въ глубину второстепенныхъ подземелій. Въ виду того, что помимо описанныхъ главныхъ подземныхъ залъ всѣ остальныя пещеры Кебирскаго лабиринта представляютъ вмѣстилища сравнительно небольшія, и притомъ расположенныя безо всякаго плана и соединенные часто весьма тѣсными проходами, еще болѣе суженными осыпями и обвалами, мы изъ опасенія легкой возможности заблудиться и остаться на вѣки подъ землей, пошли далѣе уже съ величайшими предосторожностями, при помощи Аріадниной нити, обезпечивая себѣ возвращеніе. Юсуфъ, шедшій впереди,

прикрѣплялъ бичевку камнями, авсѣ мы, двигавшіеся позади, провѣряли ея неподвижность, прежде чѣмъ пускаться въ дальнѣйшій путь.

Я не въ состояніи описать подробно всѣхъ деталей болѣе чѣмъ двухчасоваго нашего путешествія подъ землей, потому что рѣшительно не могъ составить себѣ даже приблизительнаго плана многочисленныхъ и разнообразныхъ подземныхъ пещеръ лабиринта.

Цѣлая сѣть подземелій, отчасти искусственныхъ и отчасти натуральныхъ, устроенныхъ самою природой, расположенныхъ на различныхъ горизонтахъ и соединенныхъ между собой проходами различной величины, идетъ во всѣ стороны отъ описанныхъ главныхъ пещеръ. Мы направились вначалѣ на сѣверъ, но скоро сбились въ направленіяхъ и блуждали по многочисленнымъ камерамъ, слѣдуя лишь по наиболѣе удобнымъ проходамъ, часто притомъ натыкаясь на слѣпыя пещеры, не имѣвшія выходовъ; возвращаясь назадъ, мы брали новое направленіе, причемъ намъ иногда приходилось ползти наверхъ, а иногда скатываться по наклоннымъ плоскостямъ внизъ, гдѣ мы попадали въ новую камеру, подчасъ такую узкую, что даже втроемъ тамъ невозможно было пошевелиться. Мѣстами мы совершенно задыхались въ тѣсныхъ и узкихъ проходахъ, гдѣ приходилось ползти на камняхъ, а иногда и ложиться плашмя, передвигаясь руками. Вслѣдъ за тѣсными проходами, скорѣе расщелинами, мы встрѣчали иногда обширныя камеры, тогда какъ нерѣдко выходили въ тѣсныя пещерки черезъ широкіе входы, въ которыхъ мы могли двигаться вчетверомъ. Нерѣдко также проходы, ведущіе по отдѣльнымъ камерамъ, были засыпаны или завалены землей и камнями; препятствія эти часто были настолько серьезны, что совершенно преграждали доступъ. Я помню, какъ всѣ мы вчетверомъ уперлись въ рыхлую кучу свѣжей обсыпавшейся земли и такъ какъ никто не могъ двинуться въ тѣсной трубѣ каменнаго прохода, то мы нѣсколько минутъ пятились раками, ища болѣе свободнаго пространства; при этомъ мы чуть не задохлись отъ удушающей атмосферы и едва не подожгли другъ друга свѣчами, бывшими у насъ въ рукахъ. Нѣсколько разъ мы встрѣчали также лѣстницы, ступени которыхъ были изсѣчены въ скалѣ, но эти лѣстницы часто только затрудняли, а не облегчали движеніе. Поставленныя покатомъ, скользкія, полуобвалившіяся ступени расположены были такъ центро-стремительно, что у

путника, взбиравшагося или спускавшагося по нимъ, являлась неизбѣжно опасность низвергнуться въ темную бездну, зіяющую съ одной стороны этихъ ничѣмъ не защищенныхъ лѣстницъ. Только дружная взаимная поддержка спасла насъ отъ многихъ весьма вѣроятныхъ катастрофъ въ этомъ царствѣ кромѣшной тьмы, въ которой совершенно тонулъ слабый свѣтъ нашихъ тускло горѣвшихъ свѣчей.

Что касается до самыхъ подземныхъ камеръ, то онѣ разнообразны какъ по формѣ, такъ и по величинѣ; неправильность расположенія, какъ и моделлировки ихъ, указываетъ, безъ сомнѣнія, на естественное образованіе большинства этихъ пустотъ. Въ такихъ известняковыхъ пластахъ, какіе образуютъ горы южной Іудеи, пещеры являются очень часто результатомъ вымыванія растворимыхъ частей толщи подземными или дождевыми водами; направленіемъ этихъ послѣднихъ обусловливается и расположеніе подземныхъ пустотъ, тогда какъ форма ихъ зависитъ отъ нѣсколькихъ причинъ, въ числѣ которыхъ отношеніе растворимыхъ частицъ къ нерастворимымъ играетъ первую роль. Большинство подземныхъ камеръ Кебирскаго лабиринта имѣютъ поэтому не правильную или овальную форму, а угловатую съ многочисленными рукавами или затеками, указывающими на ихъ природное образованіе.

Древніе троглодиты бетъ-Джибрина, высѣкавшіе изъ камня подземелья, подобныя „Пещерамъ Воды“, разумѣется, не могли не приложить своихъ мощныхъ рукъ и къ подземнымъ камерамъ Кебирскаго лабиринта, уготованнымъ для нихъ самою природой. Они обработали, безъ сомнѣнія, нѣкоторую часть пещеръ, обравнявъ ихъ, снабдивъ сводами и куполами, расширивъ малыя пустоты и углубивъ мелкія едва проходимыя камеры. Не мало также труда употребляли первобытные троглодиты этой мѣстности и для того, чтобы соединить между собою многочисленныя, часто не имѣвшія никакого сообщенія подземелья. Въ большинствѣ проходовъ замѣтны слѣды человѣческихъ рукъ, старавшихся обравнять ихъ и сдѣлать болѣе доступными; нѣкоторые проходы обдѣланы даже очень хорошо и снабжены небольшими каменными лѣстницами для облегченія сообщенія между камерами, лежащими на различныхъ горизонтахъ. Въ двухъ мѣстахъ я встрѣтилъ даже родъ притолока или каменнаго порога, на которомъ, быть-можетъ, помѣщалась каменная или деревянная дверь.

Что касается до внутренней отдѣлки и украшеній подземныхъ камеръ Телькебирскаго лабиринта, то въ этомъ отношеній онѣ уступаютъ всѣмъ остальнымъ подземельямъ бетъ-Джибрина. Хотя обдѣлка стѣнъ и сводовъ нѣкоторыхъ камеръ и безукоризненна, хотя спиралеобразныя лѣстницы и вызываютъ справедливое удивленіе, тѣмъ не менѣе камеры лабиринта не могутъ похвастаться никакими украшеніями. Правда, того поверхностнаго изученія, которое удѣлили Кебирскому лабиринту не только я, но и другіе болѣе опытные изслѣдователи въ родѣ Робинзона, Сольси, Герена, Олесницкаго и др., быть-можетъ, и не совсѣмъ достаточно для того, чтобъ отрицать существованіе великихъ украшеній въ подземныхъ камерахъ Магара Телъ-эль Кебира, но всѣ, посѣтившіе эти подземелья, не видали въ нихъ ничего кромѣ нишъ, гробничекъ (loculi) и т. п., слѣдовательно, которыя ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать орнаментами.

Ниши, встрѣчаемыя во многихъ камерахъ лабиринта, не велики, полукруглы и имѣли, по всей вѣроятности, назначеніе служить для помѣщенія свѣтильниковъ, слѣды копоти которыхъ, говорятъ, сохранились и доселѣ во многихъ изъ этихъ нишъ. Ниши большаго размѣра, попадающіяся напримѣръ въ большихъ подземельяхъ, могли имѣть и многія другія назначенія; быть-можетъ, нѣкоторыя изъ нихъ въ настоящемъ своемъ видѣ являются только слѣдами отдушинъ воздушныхъ каналовъ, сообщавшихся съ открытымъ воздухомъ подземелья. Настоящихъ свѣтовыхъ отверстій, какія мы встрѣчали, напримѣръ, въ Аракъ-эль-Мои, до настоящаго времени еще не отыскано даже въ самыхъ большихъ камерахъ лабиринта. Точно также трудно рѣшить были ли и другіе входы въ подземелья Магара помимо той расщелины, посредствомъ которой сюда проникаютъ въ настоящее время...

По всѣмъ вѣроятіямъ, вопросъ этотъ надо рѣшать въ положительномъ смыслѣ, потому что трудно допустить, чтобы такая обширная сѣть подземелья, безъ сомнѣнія, служившая не только храмомъ, огромнымъ кладбищемъ, но и обиталищемъ древняго человѣка, могла сообщаться съ остальнымъ міромъ посредствомъ узкой трещины не всякому человѣку доступной. Слѣды каменной кладки, загораживающей проходы нѣкоторыхъ пещеръ, можно считать, по всей вѣроятности, даже мѣстами, указывающими направленіе тѣхъ настоящихъ проходовъ, которыми сообщался лабиринтъ Магары съ поверхностью земли. Точно также

пока произведено очень мало изслѣдованій и на наружной поверхности холмовъ, прикрывающихъ эту сѣть подземелій для того, чтобъ отрицать существованіе какихъ-нибудь другихъ выходовъ изъ лабиринта Магара, быть-можетъ, только засыпанныхъ землей или заваленныхъ камнями.

Мы не рѣшились также отрицать безусловно и возможности ея освѣщенія нѣкоторыхъ большихъ камеръ лабиринта во времена троглодитовъ, какъ-то дѣлаютъ нѣкоторые изслѣдователи, объявившіе, что подземелья Магара были погружены въ вѣчный мракъ, лишь потому, что доселѣ не были найдены настоящія свѣтовыя отверстія. Какого бы высокаго мнѣнія мы ни были о силѣ и умѣніи троглодитовъ—строителей пещеръ, едва ли можно допустить, чтобы многочисленныя работы, произведенныя ими въ глубинѣ Магарскихъ подземелій, были совершены въ абсолютной темнотѣ, при томъ скудномъ освѣщеніи, которое могли имъ дать смоленые факелы или масляныя лампочки, подобныя тѣмъ, которыя находятъ и понынѣ въ различныхъ камерахъ лабиринта. По собственному опыту, мы знаемъ, какъ трудно даже бродить съ помощью этихъ первобытныхъ свѣтильниковъ подъ землей, а не только что-нибудь строить и созидать... Какъ ни мягокъ тотъ слабый бѣлый известнякъ — маляки, изъ котораго вырублены пещеры бетъ-Джибрина, онъ все-таки требуетъ не мало усилій со стороны человѣка, высѣкавшаго изъ него винтовыя лѣстницы, куполы, галлереи, гробнички и проходы. Мы отказываемся лично допустить возможность обдѣлки камеръ лабиринта единственно при слабомъ искусственномъ освѣщеніи, а потому, несмотря на видимое отсутствіе свѣтовыхъ отверстій, думаемъ, что они непремѣнно существовали, по крайней мѣрѣ, въ двухъ величайшихъ гротахъ лабиринта. Вмѣстѣ съ этимъ мы не отрицаемъ и возможности того, что отверстія эти, такъ же какъ и входныя, удобныя для сообщенія съ подземеліемъ, были тщательно закрыты въ позднѣйшее время для какой-нибудь цѣли. За необходимость допущенія дневнаго освѣщенія подземныхъ гротовъ Магара говоритъ много и то обстоятельство, что многіе изъ нихъ были, по всей вѣроятности, заселены нѣкогда человѣкомъ, едва ли имѣвшимъ возможность обойтись безъ солнечнаго свѣта; позднѣе, когда послѣдніе пещерные обитатели ушли изъ этихъ подземелій, и они были цѣликомъ обращены въ усыпальницы, свѣтовыя отверстія были тщательно задѣланы, чтобы лучи солнца даже украдкой не могли нарушать вѣчнаго сумрака этой настоящей каменной могилы.

Блуждая по многочисленнымъ камерамъ, проходамъ и галлереямъ этой гигантской сѣти подземелій, я натыкался не разъ на остатки человѣческихъ костяковъ, лежавшихъ въ самыхъ глухихъ пещерахъ то небольшими группами, то въ одиночку. Несмотря на громкій протестъ моихъ Арабовъ, я останавливался каждый разъ надъ полуистлѣвшими костями, ища среди нихъ останковъ тѣхъ, которые могли быть названы несомнѣнно первичными троглодитами этихъ подземелій, много костей я пересмотрѣлъ, но какъ условія ихъ погребенія, такъ и другія антропологическія данныя не позволяли мнѣ видѣть въ нихъ останки тѣхъ, кого я давно уже тщетно искалъ. Но вотъ, наконецъ, въ одной неширокой подземной галлереѣ, полузасыпанной землей и мелкимъ камнемъ, я набрелъ на давно желанную находку. Небольшая осыпь, преграждавшая намъ дальнѣйшій путь и тѣмъ остановившая наше вниманіе, была, можно сказать, совершенно инкрустирована остатками человѣческихъ костей, которыя очевидно были древнѣе всѣхъ тѣхъ, которыя мы встрѣчали доселѣ. Высохшія до состоянія полуразрушенія, онѣ перемѣшаны были съ раковинами, костями различныхъ животныхъ и, наконецъ, массой камней, среди которыхъ опытный глазъ различитъ тотчасъ любопытныя каменныя орудія, сдѣланныя изъ кремня и голыша. Неизмѣнны по отдѣлкѣ, но массивны и удобны для всякой работы были эти каменные топоры и бивни, иначе я не могу назвать грубые камни съ заостренными концами величиной фута въ полтора; съ помощью такихъ камней эти люди, останки которыхъ погребены вмѣстѣ съ ихъ первобытными орудіями, могли дѣйствительно высѣкать себѣ жилище въ мягкомъ камнѣ—малякѣ, когда человѣкъ не дошелъ еще до искусства дѣлать себѣ орудія изъ болѣе подходящаго для этой цѣли металла. Одно присутствіе этихъ орудій вмѣстѣ съ костями давало мнѣ уже несомнѣнное право признать эти послѣднія за останки первобытныхъ троглодитовъ Палестины, которыхъ я такъ долго искалъ.

Забыты всѣ трудности перехода, все желаніе идти дальше по таинственному лабиринту пещеръ, забыты самыя тяжелыя условія нашего нѣсколько долгаго пребыванія подъ землей, я остановился предъ грудой земли, хранившей дорогіе останки, какъ предъ близкою могилой, и объявилъ своимъ спутникамъ, что хочу здѣсь отдохнуть и какъ ни недоумѣвали мои добрые Арабы, предлагавшіе мнѣ болѣе удобныя мѣста для отдыха подъ землей, какъ ни протестовали они противъ долгой остановки, убѣждая

меня въ томъ, что надо торопиться засвѣтло выдти изъ подземелья. я настоялъ на своемъ, замѣтивъ не безъ иронiи торопившему Юсуфу, что здѣсь въ абсолютномъ мракѣ для насъ безразличны и день, и ночь.

Моимъ невольнымъ спутникамъ въ антропологической экскурсiи пришлось подчиниться суровымъ требованiямъ ея и остаться на добрый часъ въ тѣсной душной галлереѣ, гдѣ нельзя было даже выпрямиться во весь ростъ. Лишь Османъ помогалъ мнѣ въ поверхностныхъ раскопкахъ, производимыхъ въ осыпи земли ятаганами, всѣ остальные сидѣли, поджавъ ноги, рядкомъ въ душномъ подземельѣ, недоумѣвая о томъ, что̀ привязываетъ ихъ господина къ простой кучкѣ земли и человѣческихъ костей, подобныя которымъ, по ихъ мнѣнiю, уже сегодня мы встрѣчали нѣсколько разъ. Въ утѣшенiе себя во время моего скучнаго для нихъ занятiя мои Арабы вздумали развлечься болтовней, а у запаснвваго Халиля нашлась трубка хорошаго табаку, дымъ котораго скоро заполнилъ и безъ того душную галлерею.

Мы съ Османомъ работали не только усердно, но и успѣшно, несмотря на то незначительное пособiе, которое оказывали намъ при раскопкахъ ятаганы. Благодаря этимъ послѣднимъ, мнѣ все-таки удалось изъ кучи земли и остатковъ извлечь два порядочно сохранившiеся черепа и нѣсколько длинныхъ костей тѣхъ, которыхъ я, по всѣмъ даннымъ, могъ считать за несомнѣнныхъ первобытныхъ троглодитовъ Палестины. Поверхностное изслѣдованiе, произведенное мною одновременно съ добыванiемъ самыхъ костей, уже дало мнѣ главныя данныя, чтобы судить о невѣдомомъ дотолѣ для меня типѣ пещерныхъ обитателей Палестины.

Предо мною изъ таинственной могилы вышли черепа и кости людей, по типу наиболѣе всего приближавшихся къ семитамъ, какъ и подобаетъ обитателямъ, жившимъ въ серединѣ обширной области Азiи, занятой народами семитическаго типа; по своему краніологическому строенiю троглодиты Палестины стояли ближе къ современнымъ семитическимъ обитателямъ Аравiи и Святой Земли, чѣмъ къ жителямъ Египта, представляющимъ болѣе смѣшанную расу; съ другой стороны, болѣе грубое строенiе черепа, меньшiй объемъ мозговой коробки, большее развитiе лицевой части, указываютъ на то, что пещерные обитатели Палестины по своему культурному развитiю, по всей вѣроятности, стояли ниже, чѣмъ современные имъ Евреи временъ царства Іудейскаго. Въ глубинѣ мрачныхъ подземелiй Тель-Кебирскаго

лабиринта я убѣдился и въ томъ, что первичные троглодиты Палестины, несмотря на повсемѣстное преданіе, указывающее на нихъ, какъ на людей гигантскаго роста и колоссальной силы, не превышали обыкновеннаго роста. Предъ великанами Рафидима чуть не бѣжалъ Израиль, говоритъ библейское сказаніе; трусость сыновъ Израиля, сказывавшаяся не разъ и во времена славной эпохи въ исторіи народа Божія, искала себѣ оправданія въ необыкновенныхъ физическихъ качествахъ, на самомъ дѣлѣ самаго обыкновеннаго даже ниссшаго въ культурномъ отношеніи ихъ врага. По костямъ, найденнымъ мною въ Магара-Тель-Кебирѣ, видно, что пещерные обитатели Палестины были людьми очень невысокими, немного болѣе средняго роста (1 м. 65 с.), съ конечностями весьма пропорціональными, хорошо развитою мускулатурой и могучимъ развитіемъ таза и груди, и что̀ слѣдовало ожидать отъ людей, всю жизнь свою боровшихся съ камнемъ и нуждой.

Я не буду болѣе останавливаться на описаніи останковъ троглодитовъ Святой Земли, потому что это дѣло спеціальнаго очерка; я скажу только, что находка порядочно сохранившихся костяковъ настолько заинтересовала меня, что я не обращалъ даже вниманія на призывы моихъ проводниковъ, все время торопившихъ своего господина, забывшаго обо всемъ другомъ въ мірѣ. Только роковое напоминаніе о томъ, что свѣчи наши догораютъ, что запасъ освѣтительнаго матеріала вообще истощается и что, слѣдовательно, намъ угрожаетъ скорая возможность очутиться безъ свѣта въ непроглядной темнотѣ огромнаго подземнаго лабиринта и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе чѣмъ вѣроятная при этихъ условіяхъ перспектива остаться на вѣки въ каменной могилѣ, заставило и меня поторопиться.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

А. Елисѣевъ.

ЦАРИЦА ЛѢСОВЪ.

АНДРЭ ТЁРЬЕ.

I.

Около половины октября, въ то время года, когда начинаются сборы буковыхъ орѣховъ, г. Дэтурбэ, мировой судья въ Оберивѣ, сопровождаемый своимъ письмоводителемъ Этьеномъ Сёро, отправлялся послѣ завтрака изъ своего дома въ Абаціалѣ—въ замокъ Вивэ, гдѣ онъ долженъ былъ присутствовать при снятіи печатей.

Въ то время, въ 1857 году, кантонъ Оберива, подобно громадной стѣнѣ, разстилающій свои лѣса между равниной Лангра и старинным Шатильонэ,—кантонъ Оберива имѣлъ лишь одну большую дорогу: отъ Лангра къ Баръ на Обѣ.

Проселочной дороги отъ Оберива къ Вивэ еще не существовало, и чтобы достигнуть Вивэ, приходилось слѣдовать лѣсомъ по тропинкѣ съ колеями, заросшими травой, поднимающеюся вверхъ по холму Шарбоньеры, гдѣ постепенно открывается рядъ узкихъ ущелій и лѣсистыхъ возвышенностей, характеризующихъ природу этой гористой страны.

Со всѣхъ сторонъ—горизонты лѣсистыхъ холмовъ; мѣстами—деревья съ высокими стволами, возвышающимися надъ лѣсками и обрисовывающими на небѣ свой заостренный, или округленный силуэтъ; въ глубинѣ—скалистыя ущелья, гдѣ, между терновникомъ, текутъ ручейки; вдали, подобно островкамъ, полу-утонувшимъ въ этомъ морѣ листвы,—пастбища нѣжно-зеленыя, усѣянныя

темно-зеленымъ верескомъ, или поля ржи, съ трудомъ растущей на каменистой почвѣ; общій видъ—дикій и укромный, суровый и полный свѣжести.

Мировой судья Дэтурбэ, обладая сильными, мускулистыми ногами, бодро поднимался вверхъ по крутой тропинкѣ. Его высокая, худощавая фигура, въ темномъ сюртукѣ, съ чернымъ галстукомъ, въ высокой шляпѣ, которую судья считалъ нужнымъ надѣвать, когда находился при исполненіи должности,—все время мелькала впереди, среди зеленой еще листвы дубовъ. — Письмоводитель Сёро, болѣе пожилой и тучный, съ округленнымъ животомъ и нѣсколько сгорбленною спиной, ковылялъ позади, пыхтя и отдуваясь, стараясь догнать судью, который, сжалившись надъ нимъ, останавливался отъ времени до времени, чтобы дождаться своего подчиненнаго.

— Надѣюсь, сказалъ Дэтурбэ послѣ остановки, позволившей наконецъ письмоводителю идти съ нимъ рядомъ,—надѣюсь, мы найдемъ тамъ г. Арбильо; намъ вѣдь нужно его содѣйствіе, чтобы разобрать и привести въ порядокъ бумаги покойнаго.

— Да, г. мировой судья, отвѣчалъ Сёро,—нотаріусъ явится въ замокъ; онъ отправился въ Пралэ разузнать отъ своего собрата, не оставилъ ли г. Бюксьеръ свое завѣщаніе въ его конторѣ... На мой скромный взглядъ—это весьма сомнительно, такъ какъ покойный относился съ большимъ довѣріемъ къ г. Арбильо и, думается мнѣ, странно, еслибъ онъ избралъ другаго нотаріуса, чтобы передать ему свою послѣднюю волю.

— Такъ или иначе, замѣтилъ мировой судья,—когда печати будутъ сняты, мы можетъ-быть откроемъ завѣщаніе въ какомъ-нибудь углу ящика?

— Будемъ надѣяться, отвѣчалъ Сёро;—я отъ всей души желалъ бы этого для Клодэ Сежурнанъ; хотя онъ и незаконный сынъ, онъ добрый малый и веселый товарищъ...

— И отличный стрѣлокъ, добавилъ судья,—надо отдать ему справедливость...

— Но когда бы „смѣлый ловчій“, какъ его зовутъ здѣсь,—хотя бы онъ обладалъ сотней другихъ качествъ, онъ останется не причемъ, если, по несчастію, г. Бюксьеръ скончался intestat... Въ глазахъ закона—непризнанный побочный сынъ считается постороннимъ лицомъ“.

— Г. Бюксьеръ обращался съ Клодэ, какъ со своимъ сыномъ, и ни отъ кого не скрывалъ его происхожденія.

— Весьма возможно... но еслибы законъ принималъ въ соображеніе всѣхъ не усыновленныхъ побочныхъ дѣтей, онъ встрѣтилъ бы не мало затрудненій... особенно въ случаѣ de cujus. Де-Бюксьеръ былъ большой волокита и, говорятъ, не мало посѣялъ дѣтей подъ буковыми деревьями лѣса Вивэ.

— Хе, хе, согласился письмоводитель съ беззвучнымъ смѣхомъ, обнажившимъ его беззубую челюсть,—въ этомъ есть доля правды. Покойный славился своею предпріимчивостью. Онъ не могъ видѣть въ лѣсу ни дикой козы, ни хорошенькой дѣвушки, чтобы не поохотиться за ними... Да, да! много выкидывалъ онъ разныхъ штукъ... повѣрьте! Но все-таки,—Клодэ былъ его любимецъ, и г. Бюксьеръ много разъ объявлялъ мнѣ, что сдѣлаетъ его своимъ наслѣдникомъ... Поэтому, я былъ бы очень удивленъ, еслибы мы не нашли завѣщанія.

— Сёро, другъ мой, флегматично отвѣчалъ судья,—вы слишкомъ опытны, чтобы не знать какъ боятся наши деревенскіе жители приступать къ акту послѣдней своей воли.

— Для нихъ написать завѣщаніе—значитъ ступить уже одною ногой въ могилу. Лишь въ послѣдней крайности призываютъ они священника и нотаріуса и часто... призываютъ ихъ слишкомъ поздно... А въ этомъ отношеніи покойный былъ крестьяниномъ въ душѣ, и я очень боюсь, что онъ не привелъ въ исполненіе свое намѣреніе.

— Это было бы весьма прискорбно, потому что въ такомъ случаѣ замокъ, земля и все состояніе перейдетъ къ наслѣднику, о которомъ г. Клодъ никогда и не помышлялъ... къ Бюксьеру младшей линіи, котораго онъ никогда и не видалъ, поссорившись съ этою семьей.

Это двоюродный братъ, если не ошибаюсь? спросилъ судья.

— Да, какой-то Жюльенъ де-Бюксьеръ, чиновникъ въ Нанси.

— Въ сущности, впредь до новыхъ справокъ, онъ для насъ—единственный законный наслѣдникъ... А что его предупредили?

— Да, г. Дэтурбэ... Онъ даже прислалъ свою довѣренность письмоводителю г. Арбильо.

— Тѣмъ лучше, сказалъ Дэтурбэ,—такимъ образомъ намъ можно будетъ приступить къ дѣлу правильно и безъ задержекъ...

Разговаривая между собой, они прошли лѣсъ и вышли на склонъ горы, возвышающейся надъ Вивэ. Съ опушки, гдѣ они стояли, среди полуобнажившихся осинъ, виднѣлось извилистое и

глубокое ущелье, гдѣ изгибается Обетъ, и на краю котораго деревня примыкаетъ къ отвѣсной стѣнѣ острокопечныхъ скалъ.

Нѣсколько ниже, мельница, выдвинувшись впередъ, подобно часовому, загораживала узкую долину своими сѣрыми, приземистыми строеніями; далѣе, двѣ длинныя полосы луговъ разстилались, съ каждой стороны ручейка, вплоть до плодовыхъ садовъ, за которыми виднѣлось жилище Бюксьеровъ, полускрытое зеленою чащей старыхъ ясеней, высокихъ и вѣтвистыхъ. Лишь эта чудная группа деревьевъ и монументальная рѣшетка изъ кованаго желѣза оправдывали названіе „замка“, которымъ величали скромное зданіе, главный корпусъ котораго, выбѣленный известью, былъ украшенъ двумя маленькими башнями, походившими на самыя заурядныя голубятни.

Этотъ замокъ, или, вѣрнѣе, помѣщичій домъ, принадлежалъ семьѣ Клода де-Бюксьеръ впродолженіи болѣе двухъ столѣтій. До эпохи революціи Христофъ де-Бюксьеръ, дѣдъ послѣдняго владѣльца, владѣлъ значительною частью лѣса Вивэ, не считая нѣсколькихъ кузницъ на Объ и Обетъ. У него было трое дѣтей: дочь, постригшаяся въ монахини, старшій сынъ, Клодъ-Антуанъ, которому онъ оставилъ все свое состояніе и, наконецъ, младшій сынъ, офицеръ полка Роганъ-Субиза, Жюльенъ-Абдонъ, съ которымъ онъ поссорился. Эмигрировавъ и прослуживъ въ арміи Конде, Бюксьеръ младшей линіи возвратился во Францію въ эпоху реставраціи; здѣсь онъ женился и былъ назначенъ правительствомъ Людовика XVIII сборщикомъ податей въ маленькомъ городкѣ южной Франціи. Но послѣ своего возвращенія онъ не возобновлялъ сношеній со старшимъ братомъ, котораго обвинялъ въ томъ, что тотъ незаконно обобралъ его. Послѣдній, со своей стороны, женился на дѣвушкѣ изъ семьи Ромталье, отъ которой имѣлъ лишь одного сына: это былъ Клодъ де-Бюксьеръ, недавняя смерть котораго вызвала посѣщеніе судьи и регистратора Оберна.

Клодъ Бюксьеръ всю свою жизнь прожилъ въ Вивэ. Вмѣстѣ съ сильнымъ сложеніемъ и цвѣтущимъ здоровьемъ, онъ унаслѣдовалъ отъ отца и дѣда любовь къ родной землѣ, страсть къ охотѣ и ненависть къ стѣсненіямъ и декоруму, налагаемымъ свѣтскими обычаями. Балованный сынъ, воспитанный слабохарактерною матерью и наставникомъ безо всякаго авторитета, съумѣвшимъ сообщить ему лишь весьма поверхностныя знанія, онъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ принялъ личное удовольствіе за

единственное правило поведенія. Живя въ близкомъ сосѣдствѣ крестьянъ и браконьеровъ, онъ самъ сдѣлался истымъ деревенскимъ жителемъ, носилъ блузу, ужиналъ въ кабакѣ и въ разговорѣ предпочиталъ французскому языку—южное, простонародное нарѣчіе. Преждевременная смерть отца его, убитаго на охотѣ неловкимъ стрѣлкомъ, окончательно эмансипировала его въ двадцати-лѣтнемъ возрастѣ. Съ этого времени, онъ свободно велъ жизнь, которая была ему по сердцу: жизнь на вольномъ воздухѣ, безо всякихъ стѣсненій,—и довольно безпорядочную. Не было преувеличенія въ тѣхъ разсказахъ, которые ходили на его счетъ. Унаслѣдовавъ горячій, страстный темпераментъ, онъ не могъ равнодушно видѣть ни одной женщины; и такъ какъ онъ былъ красивъ собой, щедръ, характера смѣлаго и веселаго,—ему не часто приходилось встрѣчать отпоръ. Замужнія женщины, дѣвушки и вдовы—каждая крестьянка, недурная собой и миловидная, подвергалась его преслѣдованіямъ и весьма немногія умѣли устоять. Справедливо утверждали, что онъ усѣялъ страну маленькими незаконнорожденными Бюксьерами. Онъ не былъ разборчивъ: сборщицы ягодъ, пастушки, жены и дочери дровосѣковъ, поденщицы—всѣ были для него равно привлекательны; онъ требовалъ отъ нихъ только молодости, свѣжести и нѣкоторой податливости. Одна женитьба могла бы обуздать его; но не говоря о томъ, что его слава дикаго охотника и записнаго волокиты естественно отдаляла отъ него дѣвушекъ изъ мѣстнаго дворянства или буржуазіи,—онъ болѣе всего на свѣтѣ опасался однообразной правильности семейной жизни. Онъ не желалъ приневоливать себя къ вѣчно повторяющемуся меню, предпочитая ѣсть мясо жареным или вареным, соотвѣтственно расположенію своему и аппетиту.—Тѣмъ не менѣе, приблизительно въ ту эпоху, когда Клодъ Бюксьеръ достигъ тридцатишести-лѣтняго возраста, замѣтили, что онъ становится степеннѣе и принимаетъ болѣе осѣдлыя привычки. Охота оставалась любимымъ его занятіемъ, но онъ менѣе бѣгалъ за женщинами, рѣдко проводилъ почи внѣ дома и, казалось, охотнѣе оставался у себя. Одни объясняли эту перемѣну наступавшимъ зрѣлымъ возрастомъ; другіе, болѣе проницательные, замѣтили, что остепененіе Клода совпало съ поступленіемъ въ замокъ новой служанки. Дѣвушка эта, родомъ изъ Апрэ, по имени Манэтта Сежурнанъ, не была, что называется, красавицей; но у нея были чудные свѣтлые волосы, сѣрые ласкающіе глаза и чарующій голосъ. Красиво сложенная,

гибкая, какъ змѣя, изящная и почти скромная, она умѣла угодить своему господину и ухаживать за нимъ, незамѣтно пріучала его предпочитать домашнюю кухню—обѣдамъ мѣстныхъ кабаковъ, и, въ концѣ концовъ, заставивъ оцѣнить себя, она стала любовницей де-Бюксьера и съумѣла привязать его къ дому, доказавъ, что въ сферѣ любви такъ же, какъ въ поваренномъ искусствѣ, она была стократъ выше тѣхъ созданій, что предлагали ему обыкновенно ужинъ, ночлегъ... и все остальное.

Дѣла пошли такъ хорошо, что въ концѣ перваго года Манэтта принуждена была удалиться мѣсяца на три. Когда она возвратилась въ замокъ, при ней былъ младенецъ шести недѣль, котораго она выдавала за сына какой-то умершей сестры, и который удивительно походилъ на Клода. Никто, впрочемъ, не повѣрилъ ей, тѣмъ болѣе, что Бюксьеръ, выпивъ лишнюю рюмку, не стѣснялся похвастаться своимъ званіемъ отца. Онъ самъ крестилъ младенца; позднѣе, воспитателемъ его сдѣлалъ аббата Пэрно, священника въ Вивэ, приготовившаго Клода къ первому причастію и научившаго, въ то же время, чтенію, письму и четыремъ правиламъ ариѳметики. Какъ только сыну Манэтты минуло пятнадцать лѣтъ, Клодъ далъ ему ружье въ руки и повелъ на охоту. Въ школѣ Бюксьера, Клодэ дѣлалъ честь своему учителю, и проводя цѣлые дни въ лѣсахъ, вскорѣ могъ бы заткнуть за поясъ всѣхъ браконьеровъ кантона. Никто, какъ онъ, не умѣлъ выдрессировать собаку; онъ зналъ всѣ тропинки, кустарники и изгороди лѣса, нападалъ на слѣдъ съ чутьемъ и быстротой хищной птицы и никогда не давалъ промаха. Поэтому крестьяне прозвали его „смѣлымъ ловчимъ".

При этомъ онъ былъ красивъ собой, ловокъ и силенъ, съ темными волосами и смуглымъ цвѣтомъ лица, какъ всѣ Бюксьеры; отъ матери онъ унаслѣдовалъ ласковый взглядъ, отъ отца—продолговатую форму глазъ съ нѣсколько суровымъ выраженіемъ, страстный темпераментъ и характеръ, не подчинявшимся какому-либо игу. Его очень любило мѣстное населеніе, и Бюксьеръ, какъ бы возрождаясь въ немъ, гордился его ловкостью и красотой. Онъ дѣлалъ его участникомъ своихъ удовольствій, сажалъ за свой столъ, охотно сообщалъ ему свои тайны. Словомъ, Клодэ, чувствуя себя въ замкѣ, какъ дома, естественно считалъ себя членомъ семьи. Чтобы дѣйствительно стать имъ, ему недоставало лишь одной формальности, законнаго признанія. По временамъ Манэтта Сежурнанъ нѣжно упраши-

ѣала Бюксьера узаконить это положеніе, на что послѣдній, не любившій повѣрять свои дѣла представителямъ закона, неизмѣнно отвѣчалъ: „Не безпокойся ни о чемъ; у меня нѣтъ прямаго наслѣдника, и все мое состояніе перейдетъ къ Клодэ; завѣщаніе мое пригодится ему больше, чѣмъ законное признаніе“... Онъ такъ часто и такъ открыто высказывалъ свое твердое намѣреніе сдѣлать Клодэ своимъ единственнымъ наслѣдникомъ, что Манэтта, мало знакомая съ требованіями кодекса, считала дѣло уже сдѣланнымъ. Поэтому она была вполнѣ спокойна, когда, на шестьдесятъ второмъ году жизни, Клодъ де-Бюксьеръ внезапно умеръ отъ апоплексическаго удара.

Существовало ли, дѣйствительно, завѣщаніе, которое должно было обезпечить будущность Клодэ, и о которомъ столько разъ говорилъ покойный?—Ни Манэтта, ни „смѣлый ловчій“ не могли въ этомъ убѣдиться, такъ какъ спѣшные поиски ихъ, по смерти Бюксьера, были внезапно прерваны прибытіемъ мэра изъ Бовэ и дѣйствіями мироваго судьи. По приложеніи печатей, нельзя было, при отсутствіи нотаріальнаго завѣщанія, удостовѣриться въ распредѣленіи наслѣдства до снятія печатей; поэтому мать и сынъ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидали возвращенія мироваго судьи съ регистраторомъ.

Дэтурбэ съ Этьеномъ Сёро отворили калитку, быстрымъ шагомъ прошли подъ сводами ясеней, листья которыхъ, тронутые первымъ морозомъ, уже начинали осыпаться, и, отирая грязные сапоги на ступенькахъ крыльца, проникли въ переднюю. Широкій корридоръ, выложенный известковымъ камнемъ, представлялъ на взглядъ лишь голыя отсырѣвшія стѣны, на которыхъ головы оленей и дикихъ козъ чередовались съ фамильными картинами на потрескавшихся полотнахъ. Корридоръ раздѣлялъ нижній этажъ на двѣ части: направо—столовая и кухня; налѣво—гостиная и биллiардная. Каменная лѣстница, проведенная въ одной изъ башенъ, поднималась въ слѣдующіе этажи. Изъ четырехъ комнатъ, кухня, куда вошли судья и регистраторъ, одна была занята хозяевами. Холодный свѣтъ, ровно падавшій на всѣ предметы черезъ большое окно обращенное на сѣверъ, со стороны сада, обрисовывалъ мельчайшія подробности внутренней обстановки. Противъ входной двери, подъ навѣсомъ камина, уже сидѣлъ нотаріусъ Арбильо, расположившійся на скамейкѣ и зажигавшій свою трубку, въ то время какъ его письмоводитель, усѣвшись предъ столомъ, набрасывалъ начерно перечень инвентаря. Въ противуположномъ углу

камина, молодой человѣкъ двадцати четырехъ лѣтъ,—это былъ Клодэ, „смѣлый ловчій“, сидѣлъ рядомъ съ нотаріусомъ и разсѣянно теребилъ шелковистыя уши собаки, морда которой покоилась на его колѣняхъ. За нимъ, Манэтта Сежурнанъ убирала въ шкапъ свою шаль и молитвенникъ. Утромъ въ церкви была отслужена панихида по умершему Клоду Бюксьеръ, и мать, такъ же какъ сынъ, приняряднлись, чтобы присутствовать на церемоніи.

Клодэ, казалось, было не по себѣ въ черномъ сюртукѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы. Не поднимая сурово потупленныхъ глазъ съ длинными рѣсницами, онъ односложно отвѣчалъ на вопросы нотаріуса и, отъ времени до времени, проводилъ рукой по густымъ темнымъ, коротко остриженнымъ волосамъ и по клинообразной бородѣ;—это всегда указывало у него на озабоченность и дурное расположеніе духа.

Съ годами Манэтта очень пополнѣла, что значительно портило ея гибкую, стройную фигуру, красота которой нѣкогда доставляла столько наслажденій Клоду Бюксьеръ. Пышная грудь ея, стянутая корсетомъ, выдвигалась впередъ, стѣсняя шею, казавшуюся теперь слишкомъ короткою. Щеки ея отвисли и двойной подбородокъ расплылся. Отъ прежнихъ ея прелестей оставались только глаза, все такіе же ласковые, густые, золотистые волосы, собранные подъ чернымъ тюлевымъ чепцомъ, бѣлые зубы и прежній чарующій голосъ.

Арбильо, характера живаго и безпокойнаго, съ бѣгающими глазками и короткими усами, встрепенулся при входѣ судьи и регистратора.

— Здравствуйте, господа, воскликнулъ онъ,—я ждалъ васъ съ нетерпѣніемъ... Если вамъ угодно, мы сейчасъ приступимъ къ дѣлу,—въ это время года рано смеркается.“

— Къ вашимъ услугамъ, г-нъ Арбильо, отвѣчалъ судья, осторожно кладя шляпу на подоконникъ;—мы сейчасъ составимъ протоколъ о снятіи печатей... Кстати, что завѣщанія все нѣтъ?

— Нѣтъ, сколько мнѣ извѣстно. Теперь для меня ясно, что покойный не оставилъ завѣщанія, по крайней мѣрѣ, нотаріальнаго.

— Но, возразилъ Дэтурбэ,—онъ могъ оставить олографическое завѣщаніе.

— Безъ сомнѣнія, господа, прервала Манэтта своимъ жалобнокроткимъ голосомъ,—безъ сомнѣнія, нашъ бѣдный господинъ привелъ въ порядокъ свои дѣла прежде чѣмъ покинуть насъ... Манэтта, говорилъ онъ мнѣ недѣли двѣ тому назадъ,—я не

хочу, чтобы васъ мучили, тебя и Клодэ, когда меня не станетъ... Все будетъ устроено для васъ.—Я увѣрена, онъ написалъ свою послѣднюю волю... Ищите вездѣ, господа,—и вы найдете завѣщаніе въ какомъ-нибудь ящикѣ.

Въ то время, какъ она шумно сморкалась и вытирала глаза, мировой судья многозначительно переглянулся съ нотаріусомъ.

— Г-нъ Арбиньо, вы, конечно, полагаете, такъ же какъ я, что намъ слѣдуетъ начать наши дѣйствія съ осмотра спальной?

Нотаріусъ кивнулъ головой въ знакъ согласія и пригласилъ своего письмоводителя перенести бумаги въ верхній этажъ.

— Проводите насъ, сударыня, сказалъ судья экономкѣ; и квартетъ судебнаго персонала отправился вслѣдъ за Манэттой, захватившей съ собой связку ключей.

Клодэ всталъ при появленіи судьи. Когда группа стала удаляться, онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, затѣмъ остановился, колеблясь между желаніемъ присутствовать при розыскахъ и опасеніемъ показаться нескромнымъ.

Нотаріусъ, обернувшійся назадъ, замѣтилъ его колебаніе и сказалъ:

— Идите же и вы, Клодэ,—развѣ вы не хранитель печатей?

Всѣ молча стали подниматься по лѣстницѣ башни. Впереди обрисовывался высокій темный силуэтъ Манэтты, затѣмъ, одинъ за другимъ, слѣдовали: судья, осторожно взбиравшійся по вет-химъ ступенькамъ, регистраторъ, задыхавшійся, какъ всѣ толстяки, страдающіе одышкой, нотаріусъ, нервно топтавшійся на мѣстѣ каждый разъ, когда Сёро останавливался, чтобы передохнуть, наконецъ, письмоводитель и Клодэ. Манэтта, безшумно пріотворивъ дверь спальной покойнаго, благоговѣйно, какъ въ святилище, вошла въ глубину комнаты, изъ которой потянуло спертымъ воздухомъ; затѣмъ она открыла ставни, и полуденный свѣтъ ярко освѣтилъ обстановку комнаты, отдѣланной и меблированной во вкусѣ конца XVIII вѣка. Недалеко отъ письменнаго стола съ инкрустаціями, съ доской изъ бѣлаго мрамора, съ мѣдными украшеніями, стояла кровать, съ которой были сняты одѣяла, на ней лежала груда матрасовъ и пуховиковъ съ голубыми и бѣлыми клѣтками. Какъ только затворилась дверь, письмоводитель опять усѣлся за столъ со своею пачкой гербовой бумаги и скороговоркой началъ бормотать заглавіе описи. Изъ этого неяснаго бормотанья болѣе отчетливо выдѣлялись отрывки фразъ: Замокъ Вивэ... окончался 8 октября

текущаго года... прошеніе Мари Жюльена Бюксьера... контролера прямыхъ податей въ Нанси... предъявляющаго права наслѣдника Клода де-Бюксьеръ, своего двоюроднаго брата.

При этихъ послѣднихъ словахъ, Клодэ не могъ воздержаться отъ невольнаго жеста удивленія.

— Опись, пояснилъ г-нъ Арбильо,—составлена согласно прошенію единственнаго законнаго наслѣдника, къ которому, если потребуется, надо будетъ обратиться за выдачей имущества, завѣщаннаго покойнымъ.

Наступила минута молчанія, прерванная жалобнымъ вздохомъ Манэтты Сежурнанъ, затѣмъ сухимъ звукомъ печатей, срываемыхъ съ письменнаго стола, въ которомъ судья и регистраторъ быстро осмотрѣли всѣ ящики и шкапчики.

Клодъ де-Бюксьеръ не былъ охотникомъ до писанія. Льежскій альманахъ, записная книжка, куда онъ вписывалъ суммы, полученныя за проданный лѣсъ, и числа, въ которыя были внесены арендныя платы его фермерами, тетрадь, гдѣ онъ аккуратно отмѣчалъ количество дичи, ежедневно убитой, вотъ все, что̀ заключалось въ письменномъ столѣ.

— Перейдемъ къ другой мебели, пробормоталъ судья.

Манэтта и Клодэ оставались спокойны. Они уже, вѣроятно, знали о незначительности содержанія бумагъ, найденныхъ въ ящикахъ, потому что на лицахъ ихъ не отразилось ни удивленія, ни обманутаго ожиданія.

Осмотръ пузатаго комода съ мѣдными ручками, равнымъ образомъ, не привелъ ни къ какому результату. Тогда обратились къ бюро, и когда, послѣ двойнаго поворота ключа въ скрипящемъ замкѣ, крышка медленно опустилась, по неподвижнымъ, до этой минуты, лицамъ матери и сына прошелъ едва замѣтный трепетъ.

Письмоводитель тщательно осматривалъ каждый ящикъ подъ внимательнымъ надзоромъ судьи и находилъ лишь бумаги не имѣющія значенія: старые крѣпостные документы, связки писемъ, счеты поставщиковъ и т. п.

Вдругъ, открывъ послѣдній ящикъ, Этьенъ Сёро издалъ многозначительное — „а!“, собравшее вокругъ него наклонившіяся головы судьи и нотаріуса и заставившее вздрогнуть Манэтту и Клодэ, стоявшихъ возлѣ кровати.

На темномъ фонѣ ящика палиссандроваго дерева выдѣлялся бѣлый листъ бумаги, во главѣ котораго стояло: „Мое завѣщаніе“.

Покачивая головой, какъ врачъ, констатирующій безнадежный случай, мировой судья сообщилъ своимъ двумъ сосѣдямъ текстъ этого листа, гдѣ крупнымъ косымъ почеркомъ Клода де-Бюксьеръ были набросаны слѣдующія строки: „Не зная моихъ наслѣдниковъ и родныхъ, и не питая къ нимъ родственныхъ чувствъ, я даю и завѣщаю все мое имущество, движимое и недвижимое“...

Здѣсь остановился завѣщатель очевидно желая посовѣтоваться съ какимъ-нибудь болѣе опытнымъ юристомъ, или же прерванный кѣмъ-нибудь,—онъ отложилъ до другаго дня окончаніе этого акта послѣдней воли. Г. Дэтурбэ, перечитавъ вслухъ прерванную фразу, воскликнулъ: „Г. Бюксьеръ не докончилъ... какъ это прискорбно!“

— Боже мой, возможно ли? воскликнула экономка; и такъ, г. судья, вы полагаете, Клодэ ничего не получитъ изъ наслѣдства?

— Я полагаю, возразилъ онъ,-что это — клочокъ бумаги, не имѣющій никакого значенія, имя наслѣдника не обозначено и, еслибы даже оно было указано, завѣщаніе это все-таки не имѣло бы значенія, такъ какъ подъ нимъ нѣтъ ни подписи, ни числа.

— Но, можетъ-быть, г. Бюксьеръ оставилъ другое завѣщаніе?

— Не думаю, полагаю скорѣе, что онъ не имѣлъ времени докончить свои распоряженія, и доказательствомъ служитъ существованіе этого самаго недоконченнаго акта—въ единственномъ мѣстѣ, гдѣ онъ хранилъ свои бумаги...

Затѣмъ, обратившись къ нотаріусу и письмоводителю: „Безъ сомнѣнія, господа, вы раздѣляете мое мнѣніе, поэтому благоразумно отложить снятіе остальныхъ печатей до прибытія законнаго наслѣдника... Г. Арбильо, надо предупредить г. Жюльена-де-Бюксьеръ и попросить его какъ можно скорѣе явиться въ Впвэ“.

— Я напишу сегодня же вечеромъ, отвѣчалъ нотаріусъ;— пока, хранителемъ печатей останется Клодэ Сежурнанъ.

Судья поклонился Манэттѣ, которая стояла, неподвижная и блѣдная, у кровати; письмоводитель, нотаріусъ и судья, собравъ всѣ бумаги, съ соболѣзнующимъ видомъ пожали руку Клодэ.

— Очень сожалѣю, сказалъ въ свою очередь нотаріусъ,— очень сожалѣю о томъ, что случилось! Не легко перенести это, но вы всегда были мужественны и бодры духомъ и сумѣете справиться съ бѣдой... Къ тому же, хотя, по закону, вы не имѣете

никакихъ правъ, тѣмъ не менѣе недокончепное завѣщаніе г. Бюксьера дастъ вамъ нравственное право и, я надѣюсь, наслѣдникъ окажется настолько порядочнымъ человѣкомъ, чтобъ отнестись къ вамъ справедливо.

— Я ничего не прошу отъ него, пробормоталъ Клодэ сквозь зубы. Затѣмъ, предоставивъ матери проводить представителей закона, онъ пошелъ въ свою комнату, рядомъ съ комнатой покойнаго; нетерпѣливымъ жестомъ скинулъ сюртукъ, переодѣлся въ охотничій камзолъ, надѣлъ штиблеты и старую войлочную шляпу, и сошелъ въ кухню; тамъ онъ нашелъ Манэтту, которая сидѣла на корточкахъ передъ каминомъ и, обхвативъ руками голову, разливалась въ горькихъ жалобахъ.—Съ тѣхъ поръ, какъ она сдѣлалась экономкой и любовницей г. Бюксьера, она старалась выражаться изысканно и только на французскомъ языкѣ; но въ эту минуту горя и отчаянія грубое нарѣчіе роднаго края невольно навертывалось на языкъ, и она на мѣстномъ нарѣчіи осыпала бранью покойнаго.

— Скверный, гадкій человѣкъ!.. Говорила я ему, что онъ оставитъ насъ въ нуждѣ! Гдѣ теперь найдется кусокъ хлѣба? Придется обивать пороги и просить милостыню!..

— Тише, матушка, строго прервалъ ее Клодэ, кладя ей руку на плечо,—крики не помогутъ... успокойся! Пока у меня есть руки, мы никогда не будемъ нищими... Я ухожу... мнѣ надо освѣжиться!

Пройдя черезъ садъ, онъ быстро дошелъ до опушки лѣса. Небо, съ утра покрытое тучами, мѣстами начинало свѣтлѣть; яркія полосы солнечнаго свѣта внезапно освѣщали то поляну, то одинъ изъ лѣсистыхъ склоновъ. Перемежающееся освѣщеніе это, минутами, придавало пейзажу характеръ весенней красы: тихое пѣніе снигирей, лиловые цвѣты дремы, разсѣянные по лугамъ, еще болѣе усиливали иллюзію. Мѣста, оставшіяся въ тѣни, представляли, впрочемъ, не менѣе яркій колоритъ: красновато-коричневыя дикія грушевыя деревья, блѣдно-золотистые клены, серебристые тополи и кроваво-красные вишневыя деревья испещряли яркими пятнами еще зеленые листья дубовъ и бурую листву буковъ. Издали, при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра, внезапно осыпавшіеся осиновые листья походили на стаю воздушныхъ бѣлыхъ бабочекъ, мѣстами, въ концѣ поляны, виднѣлась въ глубинѣ чащи калина съ красными ягодами и бирючины съ черными кистями; въ этомъ сплетеніи кустарниковъ дневной свѣтъ

незамѣтно слабѣлъ, и темные своды, казалось, вели къ невѣдомымъ убѣжищамъ, таинственность которыхъ увеличивалась журчаніемъ невидимаго ручейка.—Этотъ пейзажъ, полный суровой и дикой прелести, былъ погруженъ не въ безмолвіе, но въ полную тишину и сосредоточенное спокойствіе: спокойствіе уединенія и созерцательное благоговѣніе широкихъ лѣсныхъ пространствъ. Дремучій лѣсъ какъ будто погрузился въ сонъ, и шумъ, доносившійся отъ него, походилъ на безсознательные вздохи, издаваемые во время сна. Даже запахъ, свойственный лѣсу осенью, сильный душистый запахъ увядающихъ листьевъ, казалось, распространялъ нѣжные, тонкіе ароматы, гармонировавшіе съ тишиной этого волшебнаго дворца. По временамъ, въ воздушной атмосферѣ, позолоченной заходящимъ осеннимъ солнцемъ, въ меланхолической тиши дремлющихъ лѣсовъ, отдаленные возгласы женскихъ голосовъ переносились отъ одного склона къ другому, и въ глубинѣ чащи слышался шумъ вѣтвей, сбиваемыхъ невидимою рукой,—шумъ, сопровождаемый сухимъ и дробнымъ трескомъ зеренъ, падавшихъ на землю. Шумъ этотъ производили женщины, собиравшія буковые орѣхи. Въ урожайные годы сборы ихъ, дозволенные лѣсною администраціей, привлекаютъ въ лѣса цѣлое населеніе женщинъ и дѣтей, занимающихся собираніемъ этихъ трехъугольныхъ орѣховъ, изъ которыхъ выдѣлывается отличное масло.

Передъ глазами Клодэ, медленно шагавшаго вдоль просѣки, мелькали то тамъ, то сямъ бѣлыя простыни, разостланныя подъ буковыми деревьями, и на свѣтломъ полотнѣ—темныя груды орѣховъ.

Иногда его окликалъ даже знакомый голосъ; но въ эту минуту онъ не расположенъ былъ разговаривать, и поспѣшно скрывался въ чащѣ, чтобъ избѣгнуть докучливыхъ встрѣчъ. Неожиданность событія, которое должно было измѣнить привычки его и планы будущаго, совершилась слишкомъ недавно, чтобъ онъ могъ отнестись къ нему хладнокровно. Онъ находился въ состояніи человѣка, получившаго жестокій ударъ по головѣ и временно ошеломленнаго. Онъ страдалъ глухо, не стараясь отдать себѣ отчета въ своихъ страданіяхъ; онъ не могъ еще освоиться съ дѣйствительностью случившейся бѣды; и минутами смутно надѣялся, что все устроится само собой, и что это *не могло* такъ кончиться.

Онъ шелъ понуривъ голову, заложивъ руки въ карманы, и вышелъ прямо на старинную лѣсную дорогу, гдѣ каменистая

почва заросла густою травой; вдали, въ свѣтлой зелени переплетшихся вѣтвей, онъ увидѣлъ стройный силуэтъ женской фигуры.

Одѣтая въ сѣрую шерстяную юпку и кофту того же цвѣта, плотно облегавшую ея талію, съ руками, обнаженными до локтя и приподнятыми, чтобы поддержать на головѣ мѣшокъ съ орѣхами, завязанными въ бѣлую простыню, молодая женщина приближалась къ нему быстрымъ мѣрнымъ шагомъ. Поворотъ всей ея фигуры обрисовывалъ стройность ея таліи, мощную грацію груди ея и шеи.

Она была не высока ростомъ, но пропорціонально сложена. По мѣрѣ того, какъ она приближалась, косые лучи заходящаго солнца позволяли разглядѣть густые, темные волосы, связанные сзади толстымъ жгутомъ, матовую блѣдность лица, удлиненную форму глазъ, энергическій контуръ подбородка и полныхъ губъ; и Клодэ, пробужденный отъ своихъ думъ звукомъ ея быстрыхъ шаговъ, узналъ дочь Винкара, владѣльца Тюльеръ.

Въ ту минуту, какъ онъ поднималъ голову, молодая дѣвушка, вѣроятно утомившись отъ тяжести ноши, положила ее у края дороги и остановилась, чтобы передохнуть. Въ нѣсколько секундъ, Клодэ былъ около нея.

— Добраго вечера, Рэнъ, сказалъ онъ голосомъ, звучавшимъ необыкновенно мягко,—не позволите ли помочь вамъ?

— Добраго вечера, отвѣчала она просто,—я не откажусь. Мѣшокъ тяжеле, чѣмъ я думала.

— Вы идете такъ издалека?

— Нѣтъ, люди наши собираютъ орѣхи въ лѣсу Ронсъ; я отправилась раньше другихъ, потому что не люблю долго оставлять отца одного и, возвращаясь, мнѣ хотѣлось захватить свой сборъ.

— Никто не скажетъ, что вы боитесь работы, Рэнъ!.. Или, что вы—бѣлоручка. Видя васъ бѣгающею цѣлый день по фермѣ, никто не подумаетъ, что вы воспитывались въ городскомъ пансіонѣ, какъ барышня.

Въ то же время лицо Клодэ освѣтилось выраженіемъ наивнаго и нѣжнаго восторга. Видно было, что глаза его съ удовольствіемъ останавливались на ясныхъ, черныхъ глазахъ Рэнъ, на нетронутыхъ, дышащихъ молодостью губахъ ея, на открытой ея шеѣ, матовая бѣлизна которой еще болѣе оттѣнялась двумя небольшими темными пятнышками.

— Что̀ дѣлать? отвѣчала она, улыбаясь,—по неволѣ будешь

работать: когда въ домѣ нѣтъ мужчины, чтобы всѣмъ руководить, приходится взяться за дѣло женщинамъ... По смерти мамы, отецъ Винкаръ уже не очень былъ бодръ... Послѣ своего припадка, онъ сталъ совсѣмъ калѣкой и мнѣ приходится замѣнять его.

Между тѣмъ какъ она говорила, Клодэ взялъ мѣшокъ съ орѣхами и приподнявъ его, какъ перышко, перебросилъ черезъ плечо. Теперь они шли рядомъ по направленію Тюльеръ; солнце сѣло и пронизывающая сырость, поднимаясь изъ глубины торфяной низины, охватывала ихъ голубоватымъ туманомъ.

— Такъ ему все хуже, вашему отцу? сказалъ Клодэ, послѣ минуты молчанія.

— Онъ уже не встаетъ со своего кресла, способности слабѣютъ и я принуждена развлекать его почти какъ ребенка... А вы, Клодэ, какъ поживаете? продолжала она, обращая къ нему свой ласковый взглядъ.—У васъ также были свои горести и тяжелыя событія произошли съ тѣхъ поръ, какъ мы видѣлись... Бѣдный г-нъ Бюксьеръ такъ внезапно скончался!

Узы близкаго родства, соединявшія Клодэ съ покойнымъ, ни для кого не были тайной; какъ и всѣ мѣстные жители, Рэнъ знала и допускала ихъ, какъ фактъ, несмотря на ихъ незаконность, освященный давностью. Поэтому она говорила съ молодымъ человѣкомъ тѣмъ тономъ ласковаго участія, съ которымъ обращаются къ другу, перенесшему недавнюю утрату.—Черты лица Клодэ, на минуту прояснившіяся, вновь омрачились.

— Да, промолвилъ онъ со вздохомъ, — онъ слишкомъ рано оставилъ насъ.

— И теперь, Клодэ, вы—единственный хозяинъ въ замкѣ?

— Не хозяинъ... и не слуга! отвѣчалъ онъ съ такимъ горькимъ выраженіемъ голоса, что молодая дѣвушка остановилась въ изумленіи.

— Что вы хотите сказать? воскликнула она,—развѣ не было рѣшено, что вы будете наслѣдникомъ всего состоянія г. Бюксьера?

— Таково дѣйствительно было его намѣреніе, но онъ не успѣлъ исполнить его... Онъ умеръ, не оставивъ завѣщанія и такъ какъ я—ничто въ глазахъ закона, состояніе перейдетъ къ отдаленному родственнику,—къ Бюксьеру, котораго г. Клодъ даже совсѣмъ не зналъ.

Черные глаза Рэнъ наполнились слезами.

— Какое несчастье! воскликнула она,—кто бы могъ это ожидать?.. О! мой бѣдный Клодэ!

Она говорила съ такимъ искреннимъ, сердечнымъ состраданіемъ, что Клодэ, вѣроятно, не такъ понялъ ее, и прочелъ въ ея глазахъ, полныхъ слезъ, нѣчто большее, чѣмъ состраданіе: онъ вздрогнулъ, взялъ ее за руку и медленно пожалъ ее.

— Благодарю васъ, Рэпъ!.. Да, прибавилъ онъ, послѣ минуты молчанія,—тяжело проснуться въ одно прекрасное утро безъ крова и пріюта, когда привыкъ жить на свои доходы.

— Что вы думаете предпринять? спросила Рэпъ серьезнымъ тономъ.

Клодэ пожалъ плечами.

— Работать, чтобы заработать кусокъ хлѣба... или, если я не найду подходящихъ занятій,—поступить на военную службу. Думаю, что я не буду плохимъ солдатомъ... Но все это кружится въ моей головѣ, какъ мельничное колесо. Прежде всего, я долженъ позаботиться о моей матери, которая осталась тамъ въ горѣ и постараться прилично устроить ее.

Молодая дѣвушка задумалась.

— Клодэ, сказала она,—я знаю, вы очень горды, очень щекотливы, и мнѣ бы не хотѣлось оскорбить васъ... Не примите въ дурную сторону то, что я скажу вамъ... Однимъ словомъ, еслибъ вы были въ затруднительномъ положеніи, вы вспомните, надѣюсь, что у васъ есть друзья въ Тюльеръ, и обратитесь къ намъ.

Клодэ покраснѣлъ.

— Я никогда не приму въ дурную сторону то, что вы мнѣ скажете, Рэпъ, пробормоталъ онъ,—потому что я не сомнѣваюсь въ вашемъ добромъ сердцѣ... Я знаю его съ того времени, когда мы играли въ церковномъ саду, въ ожиданіи урока катехизиса... Но это дѣло не спѣшное: наслѣдникъ не явится ранѣе, какъ черезъ нѣсколько недѣль, и до тѣхъ поръ, я надѣюсь, мы успѣемъ устроиться.

Они достигли опушки лѣса, граничившей съ полями Тюльеръ. Въ полусвѣтѣ вечернихъ сумерокъ, они различали темный остовъ старинной кузницы, обращенной въ ригу, и видѣли мерцающій свѣтъ въ одномъ изъ низкихъ оконъ фермы.

— Вотъ вы и дома, продолжалъ Клодэ, кладя мѣшокъ съ буковыми орѣхами на каменную загородку, окружавшую гумно,—теперь я прощусь съ вами.

— Не хотите ли зайти погрѣться?

— Нѣтъ, я долженъ возвратиться, отвѣчалъ онъ.

— Такъ прощайте, Клодэ, и не падайте духомъ!

Онъ посмотрѣлъ на нее въ вечернемъ полумракѣ, и затѣмъ быстро проговорилъ сдавленнымъ голосомъ, пожавъ ей руки:

— Благодарю васъ, Рэнъ, вы добрая дѣвушка, и я люблю васъ!

Затѣмъ онъ поспѣшно оставилъ ее и исчезъ въ лѣсу.

II.

Въ то время, какъ происходили эти событія въ Вивэ, тотъ, чье имя служило предметомъ любопытства и толковъ деревенскихъ жителей, Марп Жюльенъ де-Бюксьеръ,—въ своей скромной комнатѣ въ предмѣстьѣ Сенъ-Жана, въ Нанси,—не успѣлъ еще опомниться отъ удивленія, вызваннаго первымъ письмомъ нотаріуса Оберпа. Вѣсть объ этомъ наслѣдствѣ, падавшемъ ему внезапно съ неба, захватила его врасплохъ и нашла его сначала довольно скептичнымъ. Онъ помнилъ, правда, что слышалъ нѣкогда отъ своего отца о какомъ-то двоюродномъ братѣ, оставшемся холостымъ и владѣвшемъ прекрасными имѣніями въ какой-то мѣстности верхней Марны; но такъ какъ всѣ сношенія между обѣими семьями давно уже прекратились, г. Бюксьеръ-отецъ лишь вскользь упоминалъ о гадательныхъ надеждахъ, не обѣщавшихъ когда-либо осуществиться. Жюльенъ никогда не разсчитывалъ на это химерическое наслѣдство и почти равнодушно принялъ оффиціальное сообщеніе о смерти Клода де-Бюксьеръ. Въ силу правъ своего покойнаго отца, онъ оставался фактически единственнымъ законнымъ наслѣдникомъ владѣльца замка Вивэ; тѣмъ не менѣе, было болѣе, чѣмъ вѣроятно, что Клодъ де-Бюксьеръ оставилъ завѣщаніе въ пользу кого-нибудь изъ окружавшихъ его лицъ. Вторая телеграмма нотаріуса Арбпльо, извѣщавшая, что покойный умеръ intestat и приглашавшая законнаго наслѣдника немедленно явиться въ Вивэ, разсѣяла сомнѣнія молодаго человѣка и замѣнила ихъ сложнымъ чувствомъ, къ которому примѣшивалось болѣе изумленія, чѣмъ радости.

Между тѣмъ, до этого времени, судьба не баловала Жюльена де-Бюксьеръ. Родители его, преждевременно умершіе, ничего не оставили ему. Онъ скудно жилъ на свое скромное жалованье контролера прямыхъ налоговъ и, будучи 27 лѣтъ отъ роду, помѣщался, въ качествѣ сверхштатнаго, въ меблированной комнатѣ,

во второмъ этажѣ. Это былъ, въ то время, молодой человѣкъ средняго роста, худой, блѣдный, нервный, отъ природы впечатлительный, ушедшій въ самого себя. Тонкія черты лица его, умный лобъ, закрытый мягкими, темнорусыми волосами, печальные голубые глаза и недовольныя губы, оттѣненныя темными усами,— на всей его наружности лежалъ отпечатокъ тревожной меланхоліи и преждевременнаго нравственнаго утомленія.

Есть люди, никогда не знавшіе дѣтства, или, вѣрнѣе, дѣтство которыхъ никогда не озарялось улыбкой; къ числу ихъ принадлежалъ Жюльенъ. Прелесть и радость дѣтства составляетъ нѣжная, любящая атмосфера родительскаго дома; долго продолжающіяся ласки матери, близкая и тѣсная связь съ роднымъ краемъ, гдѣ глаза ребенка постепенно воспринимаютъ чудныя зрѣлища внѣшняго міра; гдѣ, въ привычномъ кругу смѣняющихся временъ года, пробуждаются желанія школьника и начинаетъ биться сердце юноши; гдѣ каждый уголъ улицы, каждое дерево, каждый клочокъ земли — полны воспоминаній. — Между тѣмъ, Жюльенъ не зналъ тѣсныхъ связей семейной жизни, въ которой накопляются сокровища воспоминаній. Сынъ чиновника, безпрерывно переходившаго съ одного мѣста Франціи въ другое,— сообразно административной прихоти, онъ не имѣлъ, собственно говоря, ни роднаго края, ни семейнаго очага. Родившись случайно въ маленькомъ городкѣ, въ Пиренеяхъ, двухлѣтнимъ ребенкомъ онъ былъ перевезенъ въ промышленный городъ Артуа. Черезъ слѣдующіе два года — новое переселеніе въ городъ центральной Франціи и, такимъ образомъ, раннее дѣтство его переносилось отъ востока къ западу, отъ сѣвера къ югу, нигдѣ твердо не укореняясь. Отъ этихъ первыхъ лѣтъ онъ сохранилъ лишь непріятное впечатлѣніе поспѣшныхъ укладокъ, длинныхъ переѣздовъ въ дилижансахъ и скучныхъ перевозокъ. Мать его умерла, когда ему едва минуло восемь лѣтъ; отецъ его, поглощенный занятіями въ своей канцеляріи, и не желая оставлять ребенка на попеченіи прислуги, рано отдалъ его въ пансіонъ коллежа, которымъ руководило духовенство. Жюльенъ провелъ здѣсь второй періодъ своего дѣтства и отрочество, въ суровыхъ мрачныхъ стѣнахъ, покорно подчиняясь дисциплинѣ, въ сущности, довольно мягкой, но узкой, подозрительной, предоставлявшей мало простора личной иниціативѣ.

Лишь рѣдкими минутами видѣлъ онъ природу, во время однообразныхъ, еженедѣльныхъ прогулокъ въ плоской мѣстности,

лишенной всякаго самобытнаго характера. Изрѣдка бралъ его къ себѣ какой-нибудь сослуживецъ его отца; но эти посѣщенія приличныхъ и церемонныхъ буржуа вызывали въ немъ лишь чувство стѣсненія и гнетущей скуки. Во время продолжительныхъ вакацій онъ уѣзжалъ къ отцу, и почти каждый разъ находилъ его на новомъ мѣстѣ жительства. Чиновникъ жилъ тамъ какъ перелетная птица, и въ этихъ измѣнявшихся средахъ ребенокъ, болѣе чѣмъ когда-либо, чувствовалъ себя чужимъ среди чужихъ людей. И онъ съ тайнымъ довольствомъ возвращался въ монастырь коллежа Сентъ-Илера, подъ иго отеческой, но неумолимой дисциплины духовныхъ отцовъ.

Отъ природы впечатлительный и склонный къ религіозности, онъ со слѣпымъ довѣріемъ воспринималъ ихъ нравственное и религіозное преподаваніе. Дикость его и щепетильная застѣнчивость согласовались съ ученіемъ, проповѣдывавшимъ отрѣшеніе ото всего мірскаго, отраду благочестивой и мечтательной жизни, недовѣріе къ свѣту и къ его гибельнымъ удовольствіямъ. Человѣческое существо,—женщина въ особенности,—внушало ему тайное отвращеніе, усиливавшееся сознаніемъ своей неловкости и ненаходчивости, всякій разъ какъ ему случалось быть въ обществѣ женщинъ или молодыхъ дѣвушекъ. Красота природы не трогала его; расцвѣтающіе весной цвѣты, чудное лѣтнее солнце, роскошные осенніе колориты, не соединяясь въ его представленіи ни съ какимъ радостнымъ чувствомъ, оставляли его холоднымъ, или, вѣрнѣе, онъ выказывалъ враждебное равнодушіе къ этимъ чисто матеріальнымъ зрѣлищамъ, которыя считалъ волнующими и опасными. Онъ жилъ собственною внутреннею жизнью. Умъ его, обращенный къ мистическому идеализму, находилъ отраду въ уединенномъ чтеніи, въ созерцательномъ мечтаніи. Его трогала лишь музыка церковныхъ органовъ, пѣніе духовныхъ гимновъ и торжественность религіозныхъ церемоній. Когда ему минуло восемнадцать лѣтъ, онъ оставилъ коллежъ Сентъ-Илера, чтобы готовиться къ экзамену баккалавра; отецъ, встревоженный его суровымъ мистицизмомъ, попытался внушить ему вкусы и привычки свѣтскаго человѣка, введя его въ общество чиновниковъ города, гдѣ онъ жилъ; но привычки уже укоренились, и молодой человѣкъ неохотно поддался такому измѣненію образа жизни; развлеченія, которыя старались навязать ему, утомляли его или же внушали отвращеніе. Скучающій и выбитый изъ колеи, онъ бродилъ въ гостиныхъ, гдѣ играли въ

вистъ, гдѣ хозяйки дома устраивали домашніе танцы подъ звуки фортепіано, гдѣ говорили на непонятномъ ему языкѣ. Онъ сознавалъ свою свѣтскую неспособность, чувствовалъ, что его находили неловкимъ, смѣшнымъ и скучнымъ,—и убѣжденіе это еще болѣе парализовало и отпугивало его. Онъ слишкомъ плохо скрывалъ свою скуку, чтобы провинціальное общество не было оскорблено; всѣ въ одинъ голосъ объявили, что молодой Бюксьеръ походилъ на медвѣдя,—и его оставили въ покоѣ. Смерть отца, случившаяся въ то время, когда онъ начиналъ свою административную карьеру, вскорѣ избавила его, впрочемъ, ото всякихъ стѣсненій. Онъ ссылался на свой трауръ, чтобы вернуться къ прежнему образу жизни; со вздохомъ облегченія возвратился онъ къ своему одиночеству, къ своимъ книгамъ и мечтаніямъ. Согласно обѣщанію „Подражанія Христу“, уединеніе доставляло ему ни съ чѣмъ несравнимую отраду; онъ вставалъ со свѣтомъ, ходилъ къ ранней обѣднѣ, добросовѣстно исполнялъ свои административныя обязанности, наскоро завтракалъ и обѣдалъ въ буржуазномъ пансіонѣ, гдѣ обмѣнивался нѣсколькими краткими фразами со своими сосѣдями; затѣмъ запирался въ своей комнатѣ и до одиннадцати часовъ читалъ *Паскаля* или *Боссюэта*.

Такъ достигъ онъ возраста двадцати семи лѣтъ, и въ эту-то тихую, меланхолическую, замкнутую жизнь внезапно пришла вѣсть о смерти Клода де-Бюксьеръ и о доставшемся ему неожиданномъ наслѣдствѣ. Объяснившись письменно съ нотаріусомъ Арбильо, удостовѣрившись въ дѣйствительности своихъ правъ и въ необходимости своего присутствія въ Вивэ, онъ взялъ отпускъ и отправился въ путь по направленію къ верхней Марнѣ. Дорогой онъ уже болѣе дивился неожиданной прибыли, ниспосланной Провидѣніемъ и позволявшей ему оставить карьеру, къ которой онъ не чувствовалъ никакого призванія, и жить сообразно своимъ наклонностямъ, независимо ото всякихъ матеріальныхъ заботъ. Судя потому, что сообщилъ ему нотаріусъ, состояніе Клода де-Бюксьеръ равнялось приблизительно 200.000 франковъ движимаго имущества, не считая замка и сосѣднихъ лѣсовъ. Это было гораздо болѣе того, о чемъ когда-либо смѣлъ мечтать Жюльенъ де-Бюксьеръ, получавшій жалованья менѣе 3.000 франковъ въ годъ. Поэтому, поселившись въ Вивэ, онъ намѣревался превратить свой отпускъ въ полную отставку. Онъ съ внутреннимъ довольствомъ относился къ этой перспективѣ спокойнаго уединенія въ замкѣ, потерянномъ въ лѣсахъ, гдѣ онъ

будетъ имѣть возможность со покойнымъ сердцемъ отдаться той созерцательной жизни, которую онъ любилъ,—вдали отъ свѣтской пустоты. Онъ уже видѣлъ себя въ Вивэ, въ уединеніи библіотеки, наполненной тщательно избранными книгами; онъ наслаждался при мысли имѣть дѣло лишь съ крестьянами, такими же дикими, какъ онъ самъ, среди которыхъ ему будетъ легко и по себѣ.

Онъ прибылъ въ Лангръ въ туманный октябрьскій день и немедленно разузналъ въ гостиницѣ о томъ, какъ достать экипажъ, который бы въ тотъ же вечеръ доставилъ его въ Вивэ. Ему привели извощика, но, противъ ожиданія, тотъ отказался отправиться въ путь ранѣе слѣдующаго утра. Онъ ссылался на дурное состояніе проселочныхъ дорогъ, среди которыхъ можно было заблудиться съ наступленіемъ темноты. Жюльенъ напрасно пытался уговорить его, и споръ продлился вплоть до гостиницы. Въ то время, какъ извощикъ удалялся, къ молодому Бюксьеру подошелъ возница, слышавшій часть разговора, и предложилъ довезти его за 20 франковъ.

— У меня хорошая лошадь, сказалъ онъ Жюльену,—я знаю дороги и ручаюсь, что мы будемъ въ Вивэ до наступленія сумерокъ.

Уговоръ былъ скоро заключенъ, и черезъ полчаса Жюльенъ де-Бюксьеръ ѣхалъ по равнинѣ Лангра въ кабріолетѣ, грязный верхъ котораго подпрыгивалъ при каждомъ поворотѣ колесъ и въ оглобляхъ котораго запряжена была какая-то нескладная лошадь, бѣжавшая тяжелою рысью.

Подъ низко спустившимися облаками дорога лежала вдоль голыхъ, каменистыхъ полей, сѣрое пространство которыхъ тонуло вдали въ голубоватомъ туманѣ. Этотъ грустный пейзажъ произвелъ бы тяжелое впечатлѣніе на менѣе невнимательнаго путника; но, какъ мы уже сказали, Жюльенъ ушелъ въ себя и явленія внѣшняго міра лишь безсознательно вліяли на его настроеніе. Полузакрывъ глаза, машинально укачиваемый однообразнымъ звукомъ колокольчика, звенѣвшаго на шеѣ лошади, онъ возвратился къ своимъ мечтаніямъ и раздумывалъ о томъ, какъ онъ устроитъ свою жизнь въ этомъ незнакомомъ краѣ, гдѣ онъ поселится, вѣроятно, надолго. Но однако, когда на окраинѣ равнины дорога стала углубляться въ лѣсистую мѣстность, неожиданный видъ открывшагося пейзажа возбудилъ его любопытство. Эти чащи и лѣса, терявшіеся въ дали при послѣднихъ лучахъ дневнаго свѣта, поразили его своимъ уединеннымъ

видомъ и торжественнымъ безмолвіемъ. Его дикая природа сочувственно привѣтствовала эти дремучіе лѣса, которые видѣли, казалось, времена „спящей Красавицы“ и зеленая стѣна которыхъ должна была навѣки отдѣлить его отъ городскаго міра. Отнынѣ онъ могъ быть самимъ собой, свободно двигаться, одѣваться по желанію, отдаваться своимъ мечтамъ, не опасаясь насмѣшливыхъ, стѣснительныхъ взглядовъ любопытныхъ и праздныхъ городскихъ жителей. Въ первый разъ, со времени своего отъѣзда, онъ испытывалъ чувство искренней радости и безмятежнаго спокойствія; вліяніе этой среды, такъ хорошо гармонировавшей съ его стремленіями, развязало ему языкъ и сдѣлало его общительнымъ.

Онъ рѣшился обратиться къ своему возницѣ, который курилъ, сидя съ нимъ рядомъ, и подгонялъ лошадь.

— Что̀ еще далеко до Вивэ?

— Какъ сказать, сударь... Напрямикъ разстояніе не очень велико, и еслибы дороги были хороши, мы бы доѣхали съ небольшимъ въ часъ... Къ сожалѣнію, у фермы Аллофруа придется оставить большую дорогу и повернуть проселкомъ; тамъ дорога топкая и придется ѣхать на удачу...

— А вы же мнѣ сказали, что знаете здѣшнія дороги!..

— Я знаю ихъ и не знаю... Съ этими проселками ни за что̀ нельзя поручиться... Они мѣняются каждый годъ, и каждый владѣлецъ прокладываетъ себѣ дорогу въ лѣсу, какъ вздумается. Самъ чортъ не разберется въ нихъ.

— Но вамъ уже случалось бывать въ Вивэ?

— Да, лѣтъ пять или шесть тому назадъ я часто возилъ охотниковъ въ за́мокъ... Вотъ край для охоты, сударь!—Нельзя сдѣлать двадцати шаговъ, чтобы не встрѣтить оленя или дикую козу!

— Вамъ приходилось встрѣчаться съ господиномъ Клодомъ де-Бюксьеръ?

— О, да, сударь,—и не разъ... Это весельчакъ и молодчина....

— То-есть былъ, серьезнымъ тономъ прервалъ Жюльенъ;— онъ умеръ.

— Ахъ, извините... Я и не зналъ... Какъ,—онъ скончался? Такой здоровенный мужчина!.. Вотъ жизнь-то человѣческая!.. Осторожнѣе, прибавилъ онъ, дергая возжи, — мы съѣзжаемъ съ дороги и теперь надо глядѣть въ оба.

Уже совсѣмъ темнѣло, возница зажегъ фонари, и кабріолетъ...

покачиваясь, направился по дорогѣ, то каменистой, то тинистой, стѣсненной между двумя рядами деревьевъ, мокрыя вѣтви которыхъ шумно хлестали по кожаному верху. Черезъ полчаса этотъ зеленый проходъ, расширившись, вышелъ на поляну, мѣстами усѣянную верескомъ, затѣмъ раздѣлился на три полузаросшія дороги, слѣдъ которыхъ, намѣченный двумя глубокими колеями, перерѣзывалъ пастбища.

Послѣ долгихъ колебаній, возница ударилъ лошадь и взялъ вправо. Жюльенъ начиналъ бояться, что онъ прихвастнулъ, утверждая, что знаетъ большую дорогу. Колеи становились глубже и глубже, дорога спускалась въ низину; вдругъ колеса увязли по ось въ клейкой, вязкой глинѣ, и лошадь стала. Возница спрыгнулъ въ канаву, ворча и ругаясь, затѣмъ потребовалъ помощи Жюльена, чтобы сдвинуть кабріолетъ. Но молодой человѣкъ, тщедушный и слабый, съ неразвитыми мускулами, не могъ оказать ему большой помощи...

— Чортъ побери! кричалъ онъ,—нѣтъ возможности стронуть... Оставьте колесо, сударь, у васъ не болѣе силы, чѣмъ у цыпленка, и къ тому же вы не умѣете и взяться... Чортъ возьми!.. Нельзя же, однако, оставаться здѣсь на всю ночь!

— А что еслибы позвать, предложилъ Жюльенъ, нѣсколько сконфуженный безплодностью своего содѣйствія,—быть-можетъ кто-нибудь придетъ на помощь.

Они стали отчаянно кричать, и минутъ черезъ пять какой-то голосъ отвѣтилъ имъ. Дровосѣкъ, возвращавшійся изъ сосѣдняго лѣснаго участка, услышалъ ихъ крикъ и бѣжалъ по направленію къ нимъ.

— Сюда, сюда! закричалъ ему возница, — мы увязли... Помогите-ка намъ.

Дровосѣкъ, наконецъ, появился и, покачивая головой, обошелъ вокругъ кабріолета.

— Вы сбились съ дороги, сказалъ онъ,—и трудновато будетъ вамъ выбраться отсюда, такъ какъ ничего не видно... Лучше было бы вамъ отпречь лошадь и дождаться свѣта, чтобы вытащить экипажъ.

— А гдѣ же мы будемъ ночевать? проворчалъ возница;—и дома нѣтъ по близости въ вашемъ проклятомъ волчьемъ краю.

— Извините... Вы не далеко отъ Тюньеръ; тамъ, на фермѣ, вамъ не откажутъ въ ночлегѣ, и завтра утромъ помогутъ вытащить кабріолетъ... Отпрягайте-ка, пріятель, я проведу васъ до „Коровьей Доски“; оттуда вы увидите огни фермы.

Возница, продолжая браниться, послѣдовалъ, наконецъ, этому совѣту; лошадь отпрягли, взяли одинъ изъ фонарей кабріолета и, слѣдуя за дровосѣкомъ, медленно углубились въ темную глушь. Минутъ черезъ десять онъ показалъ путникамъ свѣтъ, краснѣвшій въ концѣ полевой дороги.

— Идите теперь прямо, сказалъ онъ,—къ тому же лай собакъ направитъ васъ... Спросите тамъ мамзель Винкаръ... Покойной ночи, господа!

Онъ повернулъ и пошелъ назадъ, въ то время, какъ Жюльенъ, еще не опомнившись, упрекалъ себя за то, что недостаточно горячо поблагодарилъ его. Возница шелъ впереди съ фонаремъ; молодой Бюксьеръ слѣдовалъ за нимъ, опустивъ голову; они дошли такимъ образомъ до конца каменной загородки, гдѣ ихъ привѣтствовалъ свирѣпый лай...

— Вотъ мы и дошли, пробормоталъ возница.—Къ счастью, еще не спустили собакъ, иначе плохо бы намъ пришлось!

Они отворили ворота и, стоя среди двора, оглядывали домъ. За исключеніемъ свѣтлой точки, краснѣвшей въ одномъ изъ оконъ нижняго этажа, длинный и низкій фасадъ былъ погруженъ во мракъ и, казалось, заснулъ. Лишь направо возвышалось большое строеніе старинной кузницы, служившей конюшней и амбаромъ; къ ожесточенному лаю сторожевыхъ собакъ присоединилось блеяніе испуганныхъ барановъ, ржаніе лошадей и шаги рабочихъ на фермѣ.

Въ ту же минуту дверь дома отворилась и служанка, привлеченная, вѣроятно, всѣмъ этимъ шумомъ, показалась на порогѣ съ фонаремъ въ рукѣ.

— Эй, вы! рѣзкимъ голосомъ закричала она подходившимъ къ ней путникамъ,—что̀ вамъ надо?

Возница въ нѣсколькихъ словахъ разсказалъ ей приключеніе съ кабріолетомъ и спросилъ, не согласятся ли пріютить на фермѣ до утра его и господина, котораго онъ везъ въ Вивэ. Служанка приподняла фонарь и недовѣрчиво оглядывала обоихъ своихъ собесѣдниковъ; вѣроятно, обращеніе ихъ и честное выраженіе лицъ успокоили ее, потому что она отвѣчала смягчившимся тономъ:

— Да вѣдь это зависитъ не отъ меня... Я здѣсь не хозяйка, но войдите... Мамзель Рэнъ скоро должна возвратиться и сама дастъ вамъ отвѣтъ.

Послѣ того какъ возница привязалъ свою лошадь къ одному изъ столбовъ изгороди, служанка ввела ихъ въ большую залу, выложенную плитами, тускло освѣщенную лампой, накрытою

абажуромъ; затѣмъ поставила два стула передъ каминомъ и помѣшала въ немъ кочергой, отчего пламя ярко вспыхнуло.

— Погрѣйтесь пока, продолжала она,—вамъ недолго придется ждать, и извините меня... Я иду доить коровъ... Это дѣло спѣшное...

Она вышла во дворъ и затворила за собой дверь, между тѣмъ какъ Жюльенъ де-Бюксьеръ, съ любопытствомъ оглядѣвъ комнату, куда ввели ихъ, чувствовалъ себя успокоеннымъ при видѣ чистой и привѣтливой внѣшности этой деревенской и въ то же время уютной обстановки. Комната эта служила одновременно кухней и столовой. Направо отъ пылающаго камина топилась чугунная печь съ очагомъ: заманчивый кухонный запахъ шелъ изъ кострюлей, стоявшихъ на плитѣ. Посреди, на массивномъ буковомъ столѣ, накрытомъ скатертью изъ грубаго полотна, были уже поставлены приборы. На окнахъ съ глубокими нишами висѣли бѣлыя кисейныя занавѣски; на подоконникахъ стояли горшки съ златоцвѣтомъ, покрытые бѣлыми, темными и розовыми цвѣтами. Вдоль стѣнъ, на полкахъ, въ симметричномъ порядкѣ блестѣла цѣлая батарея чугунныхъ котловъ, лоханей и мѣдныхъ самоваровъ. Около часовъ, на поставцѣ, стоялъ старый фаянсовый сервизъ яркихъ веселыхъ цвѣтовъ, и недалеко отъ камина, украшеннаго крестомъ изъ желтой мѣди, на этажеркѣ, приставленной къ стѣнѣ, въ три ряда лежали книги въ сѣрыхъ полотняныхъ переплетахъ. Жюльенъ, подошедши, съ удивленіемъ прочелъ заглавія нѣкоторыхъ изъ этихъ томовъ; то были *Paul et Virginie*, *Басни Лафонтена*, *Идилліи* Геснера, *Донъ-Кихотъ*, разрозненные томы *Иллюстраціи*. Привѣшенныя къ штукатурнымъ балкамъ виднѣлись въ полусвѣтѣ плетенки, наполненныя орѣхами, связки конопли, желтые колосья кукурузы, пучки сѣрой таволги, довершавшіе характеръ благосостоянія и изобилія, представляемый общимъ видомъ комнаты.

— Хорошо живутъ! сказалъ возница, прищелкивая языкомъ,— и изъ печки идетъ запахъ, возбуждающій аппетитъ... Поскорѣй бы вернулась мамзель Рэнъ!

Въ ту минуту, какъ онъ проговорилъ вслухъ это желаніе, таинственный голосъ фальцетомъ, исходившимъ, казалось, изъ средины мѣдныхъ котловъ, повторилъ пронзительнымъ тономъ:

— Рэнъ!.. Рэнъ?..

— Что это? воскликнулъ удивленный возница. Они подняли глаза къ потолку. Въ ту же минуту послышалось хлопанье

крыльевъ, легкое порханье, и мимо нихъ промелькнула сорока, которая усѣлась на одну изъ плетенокъ, привѣшенныхъ къ балкамъ.

— Ха, ха! сказалъ, смѣясь, возница,—это сорока!

Онъ не успѣлъ договорить, какъ изъ темнаго угла, подобно жалобному эхо, послышался другой голосъ, на этотъ разъ голосъ человѣческій, дѣтскій и неувѣренный, и пролепеталъ:

— Р... Рэнъ!.. Р... Рэнъ!..

— Слышите! прошепталъ Жюльенъ вздрогнувъ, — кто-то отвѣтилъ!..

Спутникъ его схватилъ лампу и направился къ углу комнаты, находившемуся въ тѣни. Вдругъ онъ остановился и сталъ бормотать неясныя извиненія.

Жюльенъ, слѣдовавшій за нимъ, съ испугомъ увидѣлъ въ глубинѣ ниши, образованной двумя рядами ширмъ, сплошь оклеенныхъ изображеніями Эпиналя, странное существо, лежавшее въ креслѣ съ подушкой въ изголовьѣ, и почти закрытое шерстяными одѣялами. Одѣтый въ халатъ изъ толстаго синяго сукна, онъ лежалъ съ непокрытою головой; длинные бѣлые волосы обрамляли исхудавшее, безкровное лицо его, съ большими, широкораскрытыми глазами. Онъ не двигался, и руки его безсильно висѣли на колѣняхъ.

— Сударь, сказалъ Жюльенъ, церемонно кланяясь,—простите, если мы обезпокоили васъ... Служанка ваша забыла предупредить насъ, что вы здѣсь, и мы ждали М-lle Рэнъ, не подозрѣвая...

Старикъ оставался неподвиженъ и, казалось, ничего не понималъ; онъ только повторялъ тѣмъ же голосомъ испуганнаго ребенка:

— Р... Рэнъ!.. Рэнъ!

Оба путника, изумленные, глядѣли на мертвенное лицо старика, затѣмъ вопросительно переглянулись, начиная ощущать нѣкоторую неловкость. Сорока, прыгавшая по краю плетенки, вдругъ захлопала крыльями и, въ свою очередь, прокричала фальцетомъ:

— Рэнъ... Рэнъ!

— Я здѣсь, папа, не сердитесь...!—проговорилъ позади ихъ ясный и музыкальный голосъ. Дверь быстро отворилась, и на порогѣ показалась Рэнъ Винкаръ. Она появилась прижимая къ груди огромный букетъ, мокрыя вѣтки котораго представляли, повидимому, образцы всѣхъ дикихъ лѣсныхъ плодовъ: темныя

крушины, горловины и дернъ съ красными прозрачными ягодами, голубоватая сжевика, рябина съ ягодами оранжеваго цвѣта;—вся эта лѣсная растительность, яркіе и темные цвѣта которой перемѣшивались съ мокрыми листьями, еще болѣе выдѣляла матовую бѣлизну лица молодой дѣвушки, ея ясные глаза и темные спутавшіеся волосы. Жюльенъ Бюксьеръ и его спутникъ обернулись на голосъ Рэнъ. Увидѣвъ ихъ, она тотчасъ направилась къ нимъ.

— Что вы дѣлаете? съ живостью воскликнула она,—развѣ вы не видите, что пугаете его!

Жюльенъ, сконфузившись и оробѣвъ, бормоталъ извиненіе и путался, пытаясь объяснить приключеніе съ экипажемъ. Она рѣзко прервала его:

— Да, кабріолетъ... Гильотъ разсказала мнѣ. Ну что жь, его вытащатъ, вашъ кабріолетъ!.. Садитесь къ камину, господа, мы сейчасъ поговоримъ объ этомъ.

Она взяла лампу у возницы и поставила ее вмѣстѣ съ букетомъ на сосѣдній столъ. Во мгновеніе ока она сняла шляпу, развязала шаль, затѣмъ, нѣжно поцѣловавъ больнаго въ лобъ, стала на колѣняхъ у его кресла. Жюльенъ, усѣвшійся опять въ углу камина, слышалъ какъ она ласково разговаривала съ паралитикомъ. Мягкій тонъ ея голоса представлялъ контрастъ съ жесткими интонаціями, звучавшими въ ея послѣднихъ словахъ.

— Я заставила васъ ждать, папа, говорила она,—но вотъ видите, мнѣ не хотѣлось возвращаться прежде чѣмъ сложатъ въ телѣгу послѣдніе мѣшки съ картофелемъ... Теперь все убрано, и мы можемъ заснуть спокойно... Я подумала о васъ дорогой и принесла чудный букетъ дикихъ плодовъ. Мы вмѣстѣ будемъ любоваться имъ завтра утромъ... Теперь выпейте бульона, а послѣ ужина мы съ Гитой уложимъ васъ въ теплую постель, и я спою пѣсенку, чтобъ усыпить васъ...

Она встала, взяла изъ буфетнаго шкапа чашку, вылила въ нее то, что заключалось въ горшкѣ, кипѣвшемъ на очагѣ, затѣмъ, не обращая вниманія на своихъ гостей, возвратилась къ больному. Медленно, съ самыми нѣжными предосторожностями, она понемногу заставляла его глотать бульонъ. Несмотря на дурное настроеніе, въ которое привело его приключеніе этого вечера, Жюльенъ не могъ не восхищаться терпѣливою материнскою нѣжностью, съ которою молодая дѣвушка исполняла эту трудную обязанность. Когда чашка была выпита, она подошла къ печкѣ и, казалось, вспомнила наконецъ о своихъ гостяхъ.

— Извините меня, начала она, обращаясь къ Жюльену,—но я должна была сначала заняться отцомъ... Если я вѣрно поняла Гиту, вы ѣхали въ Вивэ.

— Да, я надѣялся быть тамъ къ вечеру.

— Вы пріѣхали, вѣроятно, по дѣламъ зáмка, продолжала она...—Вѣдь скоро долженъ прибыть наслѣдникъ господина Клода?

— Этотъ наслѣдникъ—я самъ, отвѣчалъ Жюльенъ, краснѣя.

— Какъ, вы господинъ Бюксьеръ? воскликнула Рэнъ изумленно.

Нѣсколько сконфузившись своимъ невольно выраженнымъ удивленіемъ, она остановилась, покраснѣла въ свою очередь, затѣмъ окинула быстрымъ взглядомъ своего собесѣдника. Она никогда не угадала бы, что этотъ молодой человѣкъ, худой, застѣнчивый, съ меланхолическимъ выраженіемъ лица,—былъ новый владѣлецъ зáмка... Онъ такъ мало походилъ на покойнаго Клода де-Бюксьера!..

— Извините меня, промолвила она,—мой пріемъ вѣроятно показался вамъ нѣсколько рѣзкимъ, но я должна была, прежде всего, позаботиться объ отцѣ... Онъ очень боленъ, какъ вы могли замѣтить, и я боялась сначала, что онъ испугался при видѣ незнакомыхъ лицъ.

— Я долженъ извиняться за все причиненное вамъ безпокойство, отвѣчалъ Жюльенъ въ замѣшательствѣ.—Но я не хочу долѣе затруднять васъ... Если вы дадите намъ проводника, который бы указалъ дорогу въ Вивэ, мы будемъ къ ночи въ зáмкѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, возразила Рэнъ радушнымъ тономъ. Вы—мои гости, и я не допущу, чтобы вы оставили насъ такимъ образомъ. Къ тому же вы нашли бы тамъ, вѣроятно, всѣ двери запертыми, потому что, полагаю, васъ не ждали такъ скоро.

Во время этого разговора, служанка, встрѣтившая путниковъ, возвратилась съ ведромъ молока; за ней работники фермы, мужчины и женщины, молча стали садиться за столъ.

— Гильотъ, прибавила Рэнъ, – поставь еще два прибора... Вѣдь позаботились о лошади этихъ господъ, неправда ли?

— Да, сударыня, лошадь въ конюшнѣ, отвѣчалъ одинъ изъ работниковъ.

— Хорошо... Бернаръ, вы возьмете съ собой завтра Флёрьо, и вдвоемъ вытащите кабріолетъ, завязшій въ низинѣ Коровьей Доски... слышите?.. Теперь, господинъ Бюксьеръ, не угодно ли вамъ сѣсть за столъ, и вамъ, кучеръ, также? Ужь не знаю понра-

вится ли вамъ нашъ ужинъ. Могу предложить вамъ только супу, свинины и мѣстнаго сыра. Но вы, вѣроятно, проголодались, а при хорошемъ аппетитѣ не слишкомъ бываютъ разборчивы.

Всѣ сѣли за столъ: слуги на нижнемъ концѣ стола, Рэнъ Винкаръ у камина, между господиномъ Бюксьеръ и возницей. Гита обнесла кругомъ супъ съ капустой; скоро раздавался только звонъ ложекъ, сопровождаемый чавканьемъ губъ... Жюльенъ, еще не опомнившись отъ своего изумленія, украдкой поглядывалъ на эту хорошенькую цвѣтущую дѣвушку, хозяйничавшую за ужиномъ и внимательно слѣдившую за тѣмъ, чтобы все было исправно: онъ находилъ ее странною, она спутывала всѣ его понятія. Въ его воображеніи, въ его теоріяхъ, женщина, и молодая дѣвушка въ особенности, являлась существомъ покорнымъ, скромнымъ, незамѣтнымъ, вѣчно опускавшимъ глаза и поднимавшимъ ихъ лишь для того, чтобы спросить совѣта у мужа или у матери о томъ, что̀ дозволено и что̀ не дозволено. Между тѣмъ, Рэнъ не отвѣчала ни одному требованію этой программы. Ей было на видъ лѣтъ двадцать съ чѣмъ-нибудь, не болѣе,—и она дѣйствовала самостоятельно, прямо и рѣшительно, какъ мужчина, сохраняя въ то же время непринужденную грацію, скромность и мягкость, свойственныя женщинѣ. Хотя замѣтно было, что она привыкла управлять и повелѣвать, въ ея взглядѣ, жестахъ и голосѣ не было ничего, что̀ бы указывало на неженственные пріемы. Она оставалась молодою дѣвушкой, исполняя мужскую роль главы дома. Равнымъ образомъ, Жюльена удивляло и то, что она получила, повидимому, болѣе серьезное образованіе, чѣмъ другія лица ея званія; и онъ спрашивалъ себя, какая сила воли заставляла эту натуру, сравнительно развитую, подчиняться образу жизни окружавшей ее грубой деревенской среды.

Между тѣмъ какъ Жюльенъ, погруженный въ свои размышленія, ѣлъ съ разсѣяннымъ видомъ, Рэнъ Винкаръ быстро оглядывала этого молодаго человѣка, скромнаго, почти неловкаго, который не осмѣливался сказать ей слова и держался со своими сосѣдями церемонно и чопорно. Она мысленно сравнивала его съ Клодэ, смѣлымъ охотникомъ, развязнымъ, рѣшительнымъ, полнымъ энергіи и предпріимчивости, и въ ней пробуждалось сердечное состраданіе при мысли о томъ какъ встрѣтитъ семья Сежурнанъ этого новаго хозяина, столь робкаго, столь мало знакомаго съ обычаями и характеромъ деревенскихъ жителей.

Жюльенъ казался ей неспособнымъ защищаться противъ

недоброжелательства тѣхъ, кто относится къ нему какъ къ непрошенному гостю,—и, безъ сомнѣнія, постарается заставить его дорого поплатиться за наслѣдство, котораго онъ ихъ лишилъ.

— Вы не пьете, господинъ Бюксьеръ! сказала она, замѣтивъ, что стаканъ ея гостя былъ еще полонъ.

— Я не охотникъ до вина, отвѣчалъ онъ, — и никогда не пью одного вина... Я буду вамъ очень благодаренъ, если вы скажете, чтобы мнѣ дали воды...

Рэнъ улыбнулась, передавая ему жбанъ, наполненный водой.

— Въ самомъ дѣлѣ! сказала она,—такъ вы несчастливо попали, потому что здѣшніе горные жители любятъ хорошіе обѣды и особенно цѣнятъ Бургонское вино... Вы охотитесь, по крайней мѣрѣ?

— Нѣтъ, я не умѣю держать ружья въ рукахъ.

— Конечно, вы не намѣрены поселиться въ Вивэ?

— Почему же нѣтъ? воскликнулъ онъ;—напротивъ, я намѣренъ поселиться въ замкѣ и жить въ немъ круглый годъ.

— Какъ! воскликнула Рэнъ, смѣясь,—вы не охотитесь, не пьете вина, и хотите жить въ нашихъ лѣсахъ!... Но вы здѣсь умрете со скуки!

— У меня будетъ общество моихъ книгъ; при томъ уединеніе никогда не пугало меня.

Молодая дѣвушка съ сомнѣніемъ покачала головой.

— Я готова побиться объ закладъ, продолжала она,—что вы даже не играете въ карты.

— Никогда, — я терпѣть не могу азартныя игры.

— Замѣтьте, что я не осуждаю васъ, возразила она весело,—но если я позволю себѣ дать вамъ совѣтъ,—не говорите здѣсь о вашемъ отвращеніи къ охотѣ, къ картамъ и къ хорошему вину; наши крестьяне почувствовали бы къ вамъ состраданіе, и это уронило бы васъ въ ихъ мнѣніи...

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ТЕАТРАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

5 іюня.

Театральный сезонъ настоящаго года закончился особымъ прибавленіемъ, какое представляли собою гастроли г-жи Дузе съ ея итальянскою драматическою труппой. Трудно было выбрать для этихъ гастролей болѣе неудачное время. Они начались съ 4 и продолжались по 23 мая, когда температура доходила днемъ до 30 градусовъ, а по ночамъ не опускалась ниже 17. Чѣмъ тѣснѣе связь между театромъ и общественною жизнью, тѣмъ сильнѣе зависимость, въ какой находится начало и конецъ театральнаго сезона отъ установившагося строя этой жизни. Можно было бы прослѣдить годъ за годомъ послѣдовательное прекращеніе исконныхъ московскихъ лѣтнихъ гуляній по мѣрѣ развитія дачной жизни. Въ настоящее время выселеніе Москвичей на дачи приняло такіе размѣры, что силою вещей театральный сезонъ долженъ оканчиваться къ 1 мая. И вотъ почему было самымъ неудачнымъ образомъ выбрано время для гастролей г-жи Дузе. Лишь весьма небольшая часть публики могла ознакомиться съ талантомъ артистки. Ибо молодое поколѣніе было занято экзаменами, а что касается до семействъ собравшихся уѣзжать на дачи, то можно поручиться, что ни одно изъ такихъ семействъ не осталось въ городѣ лишняго часа. Погода была слишкомъ хороша, а каждый хорошій день идетъ въ счетъ при нашемъ короткомъ лѣтѣ. На все есть свое время. А между тѣмъ свѣжесть перваго впечатлѣнія уже предвосхищена. Публика, которая пойдетъ смотрѣть г-жу Дузе въ слѣдующій ея пріѣздъ, уже будетъ находиться подъ вліяніемъ нѣкоторой предвзятости мнѣній и ожиданій.

Г-жа Дузе выступила въ Москвѣ въ роляхъ Маргариты Готье *(Dame aux Camelias)*, Клеопатры *(Антоній и Клеопатра)*, Джульетты *(Ромео и Юлія)*, Беранжеры *(La femme de Claude)*, Мирандолины *(La Locandiera)* и Одетты *(Odette)*. Кромѣ того, она играла еще *Frou-Frou*. Я не видалъ ее въ этой послѣдней роли.

Можно ли произнести сужденіе о талантѣ г-жи Дузе на основаніи *шести* ролей?

Осторожность требуетъ въ этомъ отношеніи извѣстной сдержанности. Я не рѣшаюсь сказать, чтобъ уже теперь можно было произнести сужденіе рѣшительное. Какъ знать? Быть-можетъ, г-жа Дузе, въ свой слѣдующій пріѣздъ, обнаружитъ предъ нами такія стороны своего таланта, какія мы еще не имѣли случая замѣтить. Я буду передавать вамъ лишь мои первыя впечатлѣнія.

Но въ предѣлахъ этихъ впечатлѣній я могу быть вполнѣ откровененъ. Знаете, что̀ я думаю? Я думаю, что г-жа Дузе, какъ артистка, вся цѣликомъ высказалась предъ нами, что отъ нея нельзя ожидать ничего новаго, никакихъ новыхъ сторонъ, что мы *вполнѣ* ознакомились съ нею, что она *навсегда* останется какою она есть, всегда будетъ сама собою, никогда не будетъ въ состояніи создавать *объективные* типы, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда болѣе или менѣе полное совпаденіе роли съ артистическою субъективностью даетъ широкій просторъ этой субъективности и, посредствомъ обаянія личности, производитъ, дѣйствительно, потрясающее впечатлѣніе, ради котораго все прощается, которое такъ поразительно дѣйствуетъ своимъ непосредственнымъ охватомъ, что не даетъ времени ни думать, ни разсуждать, а позволяетъ только чувствовать.

Маргарита Готье *(Dame aux Camelias)* и Мирандолина *(La Locandiera)*, вотъ два полюса артистической натуры г-жи Дузе. Двѣ оконечности того кольца, въ предѣлахъ котораго заключается талантъ. Но кольцо это имѣетъ очень небольшой размѣръ и полюсы гораздо ближе одинъ къ другому, нежели можно было бы предполагать.

Г-жа Дузе—Итальянка съ головы до ногъ и до мозга костей. Отсюда удивительное совершенство ея Мирандолины. Это вполнѣ жизненная, бытовая итальянская фигура. Это Итальянка бойкая и плутоватая, ни на одно мгновеніе не теряющая изъ вида своихъ выгодъ. Кокетка по наклонности и разсчету. Женщина ума и разсудка, а не женщина сердца. Роль и исполнительница взаимно покрываются.

Взаимно покрываются исполненіе и роль также и въ Маргаритѣ Готье. Но тутъ привходитъ уже новый элементъ. Я назвалъ бы его патолого-физіологическимъ, еслибы на умѣ у меня не мелькало другое опредѣленіе: нервно-истерическая контагіозность. Вдумываясь внимательнѣе, я сохраняю оба эти термина, ибо второй изъ нихъ поясняетъ первый. На первомъ представленіи драмы *Dame aux Camelias*, единственномъ на которомъ я присутствовалъ, мнѣ пришлось видѣть нѣсколькихъ выдающихся артистокъ нашего Малаго Театра, которыя совершенно искренно заливались слезами. Что означали эти слезы, если принять въ соображеніе особенную нервную впечатлительность женщинъ, особую нервную воспріимчивость и неврастенію артистокъ? Онѣ прямо указывали на истерическую контагіозность, на присутствіе патолого-физіологическаго момента въ игрѣ г-жи Дузе. Она не создавала *ту* Маргариту Готье, какая описана въ драмѣ Дюма. Она была прежде всего Итальянкой. Вы совершенно забывали, что дѣйствіе происходитъ въ Парижѣ, что предъ вами Парижанки и Парижане. Вы видѣли предъ собою лишь страдающую женщину. Женщина эта была Итальянкой съ головы до ногъ. У нея были специфическіе итальянскіе жесты, манеры, нюансировка голоса. Это бросалось вамъ въ глаза, но въ то же время вы видѣли это какъ будто сквозь какой-то туманъ. Это мѣшало вамъ, но вамъ не было времени думать. Вы находились подъ обаяніемъ. Да, это была Итальянка. Но эта Итальянка страдала предъ вами такъ искренно, такъ патологически-реально, такъ человѣчески, что вы не думали и не разсуждали. Въ умѣ вашемъ лишь мелькали обрывки мыслей. Вы только чувствовали. Все человѣческое въ васъ рвалось на встрѣчу этому страданію человѣка. Впечатлѣніе было до такой степени *полно*, что я не могъ принудить себя смотрѣть во второй разъ г-жу Дузе въ роли Маргариты Готье. Я боялся за малѣйшее передвиженіе линій. Мнѣ хотѣлось сохранить полученное впечатлѣніе во всей его цѣлости и непосредственности. Мнѣнія лицъ видѣвшихъ второе представленіе *Dame aux Camelias*, эти мнѣнія—раздѣлились. Одни говорили мнѣ, что г-жа Дузе играла во второй разъ совершенно какъ въ первый, повторяя все тѣ же *jeux de scène*, двигаясь все по тѣмъ же заранѣе установленнымъ путямъ, садясь, ложась и вставая по разъ задуманному плану. Другіе говорили, что нашли во второмъ представленіи сотни новыхъ подробностей. Къ сожалѣнію, мнѣ не пришлось встрѣтить ни одного

человѣка, который видѣлъ бы г-жу Дузе всѣ четыре раза въ роли Маргариты Готье. Говоря откровенно, я думаю что предпринять подвигъ такого рода было бы почти невозможнымъ, если только не дѣлать между посѣщеніемъ *Dame aux Camelias* паузъ въ размѣрѣ цѣлаго сезона. Игра г-жи Дузе слишкомъ дѣйствуетъ на нервы. Тургеневъ видѣлъ и описалъ казнь Тропмана. Онъ не пошелъ бы во второй разъ смотрѣть такое зрѣлище. Едва ли найдется много людей, которые, переживъ при чтеніи этого удивительнаго описанія всю драму видѣнную нашимъ писателемъ, рѣшились бы во второй разъ перечитать этотъ разсказъ. Онъ слишкомъ врѣзывается въ память съ перваго же раза. Онъ такъ образенъ, что остается въ этой памяти въ формѣ неизгладимой картины. Вы точно чувствуете сырость ранняго сыраго утра, точно слышите звуки... Впечатлѣніе такъ полно, что нельзя принудить себя пережить его вторично, ибо оно еще цѣло въ васъ. Мало того: оно преслѣдуетъ васъ, вамъ хотѣлось бы его забыть, но вы не можете этого сдѣлать. Какъ въ области явленій физическихъ нельзя прилить болѣе ни одной капли въ сосудъ переполненный до самыхъ краевъ, такъ въ области явленій нравственныхъ нельзя принудить себя возобновлять впечатлѣніе еще вполнѣ свѣжее, еще совершенно полное, особенно если это впечатлѣніе соединено съ извѣстною болѣзненностью, съ несомнѣннымъ ощущеніемъ страданія. Таково впечатлѣніе оставляемое игрой г-жи Дузе въ Маргаритѣ Готье. Я обѣщалъ говорить про личныя впечатлѣнія. Я излагаю ихъ. Я не могу перечитать во второй разъ описанія казни Тропмана, сдѣланное Тургеневымъ. Почему? Потому что вся изображенная здѣсь картина до настоящаго времени сохранилась въ моей душѣ и, при малѣйшемъ усиліи воли, снова развивается въ моей памяти во всѣхъ своихъ подробностяхъ, снова заставляя меня страдать и мучиться за то, что я, прочитавъ описаніе Тургенева, невольно сталъ очевидцемъ такихъ процессовъ и минутъ въ жизни живаго человѣка, свидѣтелемъ которыхъ я не имѣлъ права быть:

> Und der Mensch begehre nimmer und nimmer zu schauen
> Was sie gnädig bedeckt mit Nacht und mit Grauen.

Такъ и съ игрой г-жи Дузе въ Маргаритѣ Готье. Я видѣлъ здѣсь страданія, которыхъ не имѣлъ права видѣть, и эти страданія неизгладимо врѣзались въ мою душу. Вы спросите: почему вы и я, почему мы *не имѣли права* видѣть *этихъ* страданій?

Это очень сложный вопросъ, ибо онъ непосредственно задѣваетъ другой: вопросъ о правахъ и назначеніи искусства.

Г-жа Дузе *два раза* передвигаетъ очертанія Маргариты Готье, какою она задумана у Дюма. Вопервыхъ, это не Парижанка, не мѣстный продуктъ соціальныхъ условій, не бытовой типъ. Во-вторыхъ, въ ея исполненіи Маргарита Готье вообще не является *типомъ*. Съ одной стороны передъ нами Итальянка, со специфическими итальянскими манерами и жестами, со специфическою итальянскою дикціей. Это — *внѣшнее* съуженіе типа, измѣненіе тональности, введеніе совершенно другихъ знаковъ въ ключѣ. Съ другой стороны, эта Итальянка представляетъ собою въ исполненіи г-жи Дузе совершенно *частный*, единичный случай. Это—съуженіе *внутренняго* замысла автора. Авторъ хотѣлъ установить тезисъ: въ каждой *падшей* женщинѣ все-таки сохраняется *женщина*, то-есть все то хорошее и доброе, что̀ мы соединяемъ въ понятіи о „женщинѣ“. Въ его намѣреніяхъ за Маргаритой Готье стоятъ тысячи такихъ же женщинъ, и всѣ онѣ готовы и способны совершить то же, что̀ сдѣлала она. Отсюда собирательная личность Маргариты Готье, то, что̀ мы называемъ типомъ. Г-жа Дузе поступаетъ какъ разъ вопреки намѣреніямъ автора. Она не даетъ ни бытовой фигуры, ни типа. Въ ея исполненіи мы имѣемъ передъ собою частный случай. Блестящая куртизанка, которую образъ ея жизни довелъ до чахотки, влюбляется въ молодаго человѣка. Это ея первая любовь. Подъ вліяніемъ этой любви она, послѣ того, какъ отецъ молодаго человѣка напомнилъ ей всѣ соціальныя послѣдствія, какія должны произойти отъ брака между нею и его сыномъ, подъ вліяніемъ этой любви она—жертвуетъ собой. Что̀ это доказываетъ? Это ничего не доказываетъ. Это—отдѣльное, единичное происшествіе. Задумываетесь ли вы, хотя бы на мгновеніе, о судьбѣ падшихъ женщинъ, выйдя изъ театра послѣ спектакля г-жи Дузе? Нѣтъ, вы не дѣлаете этого. Вамъ безконечно жаль лишь *эту* женщину. Вы измучены *ея* судьбой. *Она умерла* передъ вами. Вы не помните себя. Ибо вы только-что „выкатились“ изъ комнаты покойницы. Вы не можете ни думать, ни говорить ни о чемъ другомъ. Вы чувствуете лишь одну потребность: разсказывать и передавать другимъ драму, которой вы были свидѣтелемъ, впечатлѣніемъ которой вы такъ переполнены, что можете говорить лишь объ одномъ, о томъ: какъ умирала эта женщина, почему она умерла, что̀ было причиной ея смерти. Мало того: вы будете передавать

всѣ малѣйшія подробности, ибо всѣ онѣ врѣзались въ вашу память. Вы будете разсказывать, какъ эта женщина встала утромъ въ день своей смерти, какъ она была слаба, какъ ей зябло́сь, какъ она куталась въ мѣховой салопъ, сидя въ комнатѣ, какъ она была безпокойна и раздражительна, и такъ далѣе, безъ конца. Вы взволнованы и потрясены совершенно такъ же, какъ еслибы передъ вами переѣхали на улицѣ человѣка и этотъ человѣкъ мучился и умеръ бы на вашихъ глазахъ. Но вамъ ни на одно мгновеніе не приходитъ, когда вы смотрите на г-жу Дузе въ роли Маргариты Готье, вамъ ни на одно мгновеніе не приходитъ мысли объ искупленіи прошлаго, какое совершаетъ Маргарита своею жертвой. Кто изъ насъ не желалъ самымъ искреннимъ и страстнымъ образомъ, каждый разъ какъ видѣлъ на сценѣ Маргариту Готье, кто не желалъ, чтобъ она достигла счастія, вышла замужъ за любимаго человѣка? Это казалось намъ всегда такъ естественнымъ, простымъ, возможнымъ. Здѣсь наоборотъ. По крайней мѣрѣ я лично въ первый разъ созналъ, смотря на г-жу Дузе, все несчастіе, какое принесъ бы Арману бракъ съ Маргаритой. У нея были, по временамъ, и притомъ въ интимномъ быту, такія низменныя манеры (закидываніе ноги на ногу, повторившееся потомъ въ *La femme de Claude*), что разочарованіе должно было бы наступить очень быстро. Мы имѣемъ право видѣть на сценѣ страданія, если черезъ это въ насъ развивается и складывается высшій синтезъ. Мы не имѣемъ права быть *простыми* зрителями того, какъ мучится и умираетъ человѣкъ, присутствовать при послѣднихъ часахъ совершенно посторонней намъ женщины, надъ которою врачъ произнесъ смертный приговоръ. Ибо мы не выносимъ изъ этого зрѣлища ничего, кромѣ нервно-патологическаго потрясенія.

И вотъ въ чемъ состоитъ особенность г-жи Дузе. Публика совершенно права, когда она говоритъ, что еще никогда не видывала такой артистки. Дѣйствительно, это нѣчто совершенно выходящее изъ ряда. Неправы только тѣ, которые говорятъ: вотъ какъ слѣдуетъ играть; вотъ у кого нужно учиться. Нельзя играть, какъ г-жа Дузе, не будучи ею, нельзя, слѣдовательно, и учиться у нея. Можно, пожалуй, перенять нѣкоторые внѣшніе ея пріемы. Актеры великіе мастера на такія перениманія и, по всей вѣроятности, мы увидимъ исполненіе той или другой роли „по Дузе“, совершенно такъ же, какъ у насъ играютъ *Гамлета* „по Росси“, *Отелло*—„по Сальвини“ и т. д. Но это будетъ простымъ „пере-

дразниваніемъ." Изо всѣхъ артистокъ, которыхъ мнѣ случалось видѣть, лишь одна г-жа Стрепетова нѣсколько напоминаетъ г-жу Дузе. Она далеко не такъ ярка, но основа воздѣйствія на публику одна и та же у обѣихъ. Я видѣлъ г-жу Стрепетову въ роли Адріенны Лекуврёръ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, какъ видѣлъ въ этой же роли Сару-Бернаръ. Г-жа Стрепетова ни малѣйшимъ образомъ не воспроизводила ни бытовой фигуры, ни типа. Но она производила неотразимое впечатлѣніе сама собою, своимъ голосомъ, своими глазами. Она создавала нѣчто свое. Многіе проводятъ параллель между г-жей Дузе и г-жею Заньковецкой. Мнѣ думается, что эта параллель можетъ быть только внѣшняя, вызываемая, прежде всего, сходствомъ, какое устанавливаетъ между двумя этими артистками необыкновенная быстрота ихъ дикціи и пересѣченіе послѣдней междометіями равно специфическими, какъ для Итальянцевъ, такъ и для Малороссовъ. Другая черта сходства заключается, быть-можетъ, въ томъ, что г-жа Заньковецкая точно также придаетъ всѣмъ своимъ страдающимъ женщинамъ изъ народа нѣкоторый оттѣнокъ культурнаго страданія, какъ г-жа Дузе транспонируетъ всѣхъ своихъ страдалицъ въ свой собственный, спеціально ей свойственный діапазонъ. Тамъ и здѣсь получается нѣкоторая нивеллировка, нѣкоторое однообразіе искренности. Но г-жа Заньковецкая производитъ, если можно такъ выразиться, болѣе здоровое впечатлѣніе, ибо ей приходится исполнять, почти исключительно, бытовыя роли. Ея страдающія женщины имѣютъ въ своемъ основаніи здоровую почву, тогда какъ страдалицы г-жи Дузе страдаютъ на почвѣ патологической. Онѣ уже нравственно изломаны ранѣе, нежели начинается ихъ страданіе. Отсюда впечатлѣніе большей свѣжести отъ игры г-жи Заньковецкой, впечатлѣніе большей яркости отъ игры г-жи Дузе.

Говорятъ, что Маргарита Готье есть главная роль г-жи Дузе. Я охотно этому вѣрю. Мое личное впечатлѣніе было такое. Когда послѣ перваго спектакля *(Dame aux Camélias)* я увидалъ г-жу Дузе въ роли Клеопатры, во второмъ спектаклѣ, и въ роли Юліи, въ третьемъ спектаклѣ, то мнѣ сдѣлалось жаль—зачѣмъ видѣлъ я ее въ этихъ роляхъ. Мнѣ хотѣлось бы сохранить отъ нея и о ней лишь *одно* впечатлѣніе: Маргариту Готье. Роль Мирандолины въ комедіи *La Locandiera* доставила мнѣ новое и совершенно художественное наслажденіе. Въ этой роли открывалась если не совсѣмъ *новая* сторона таланта г-жи Дузе, ибо, благодаря общему

ея итальянизму, мы уже ранѣе видѣли многіе итальянскіе пріемы, повторявшіеся въ Мирандолинѣ, то нѣчто *почти* новое, въ смыслѣ общаго впечатлѣнія: роль *безъ страданій*. Г-жа Дузе *умирала* во всѣхъ піесахъ предшествовавшихъ комедіи *La Locandiera*, равно какъ и во всѣхъ послѣдовавшихъ за нею. Въ одной только роли Мирандолины она оставалась жива, счастлива и благополучна. Какъ хотѣлось мнѣ увидать г-жу Дузе еще въ нѣсколькихъ роляхъ репертуара Гольдони! Это было такое наслажденіе. Но публика находила, что піеса скучна и стара, хотя, говоря по правдѣ, это была *единственная* піеса *превосходно* разыгрывавшаяся всею труппой г-жи Дузе. Очень немногіе обратили вниманіе на прелесть этого ансамбля, на необыкновенную характерность исполненія всѣхъ ролей. Бѣдные Итальянцы труппы г-жи Дузе, обреченные играть по преимуществу Французовъ, точно ожили, когда очутились на родной почвѣ, на почвѣ настоящей итальянской комедіи. Они играли непринужденно, отъ души, съ настоящимъ итальянскимъ *brio*. Въ первый и единственный разъ получилось впечатлѣніе стройнаго и полнаго оркестра, въ которомъ г-жа Дузе играла первую скрипку. Послѣ комедіи *La Locandiera* послѣдовала піеса Дюма *La femme de Claude*. Здѣсь у меня въ первый разъ мелькнуло чувство: г-жа Дузе можетъ опротивѣть. Я долго думалъ, прежде нежели написалъ это слово. Я не могу замѣнить его никакимъ другимъ. Не могу, напримѣръ, сказать, что г-жа Дузе можетъ наскучить. Нѣтъ, она играла интересно каждый разъ, какъ я ее видѣлъ. Г-жа Дузе, если часто смотрѣть ея игру, можетъ именно—опротивѣть. Такъ стерляжья уха, которую подаютъ вамъ на Волгѣ и которая такъ нравится вамъ на первый и второй день, противѣетъ вамъ на третій. Она остается все такою же, не сдѣлалась хуже. Но вы не въ состояніи болѣе переносить ее. Опасность подобнаго рода заключается и въ игрѣ г-жи Дузе.

Въ чемъ состоитъ эта опасность? Она состоитъ въ монотонности той спеціальной гаммы, въ область которой г-жа Дузе транспонируетъ все, что̀ она играетъ. Нервная контагіозность, составляющая отличительное свойство этой артистки, каждый разъ производитъ на васъ свое воздѣйствіе, оказываетъ на васъ извѣстный охватъ. Но уже теперь, послѣ того какъ я видѣлъ г-жу Дузе *только* въ шести роляхъ, я почти увѣренъ, что она останется все тою же во всемъ, что̀ бы ни стала она играть. Ея интонація, манеры, жесты, выраженія лица будутъ постоянно

повторяться. Это и не можетъ быть иначе, ибо г-жа Дузе вездѣ остается сама собою. Прежде всего Итальянкой. Затѣмъ — женщиной, какъ таковою. Но „женщина“, такъ - сказать, съуживается въ олицетвореніи г-жи Дузе, съ одной стороны—итальянскою окраской, съ другой стороны —спеціальною областью страданія. Соотвѣтственно этому съуженію, сосредоточенію извѣстной силы на ограниченномъ пространствѣ, „женщина“ настолько же выигрываетъ у г-жи Дузе въ яркости, насколько теряетъ въ общечеловѣчности. Моментъ идеальный уступаетъ мѣсто моменту реальному, почти стихійному. Получается яркость изображенія, напоминающая картины г. Куинджи. Различіе лишь въ томъ, что г. Куинджи даетъ намъ изображеніе, разъ навсегда закрѣпленное на полотнѣ, тогда какъ образъ, создаваемый г-жей Дузе, исчезаетъ изъ дѣйствительности и остается закрѣпленнымъ лишь въ нашихъ воспоминаніяхъ. Отсюда возможность прямо противоположныхъ впечатлѣній и безконечныхъ споровъ. Доказательства исчезаютъ. Остаются лишь впечатлѣнія. Но именно поэтому и важно закрѣпить эти непосредственныя впечатлѣнія. Я помню, точно это было вчера, впечатлѣніе, какое произвелъ г. Куинджи своими картинами. Не тѣми, которыя у него дѣйствительно превосходны, не своими „сѣрыми“, а своими „яркими“ картинами, картинами „второй“, и не „первой“ манеры. Публика была озадачена. Она захлебывалась отъ восторга. Полагали, что открылась новая эра искусства, кричали, что если нужно у кого учиться, то у г. Куинджи, говорили, что онъ произвелъ переворотъ въ искусствѣ. Чѣмъ кончилось вліяніе г. Куинджи на искусство? Онъ вызвалъ нѣсколько плохихъ подражаній, которыя болѣе чѣмъ что-либо выяснили художественную несостоятельность оригиналовъ, а затѣмъ кончились и восторги, возбуждавшіеся этими оригиналами.

Какая-то невольная ассоціація идей заставляетъ меня вспоминать о картинахъ г. Куинджи по поводу сценическихъ созданій г-жи Дузе, точно такъ же, какъ заставила она меня ранѣе вспомнить о разсказѣ Тургенева про казнь Тропмана, какъ наводитъ она меня теперь, по закону противоположностей, на игру Поссарта, котораго мы только-что видѣли еще разъ въ Москвѣ передъ пріѣздомъ г-жи Дузе.

Дѣйствительно, трудно представить себѣ бо́льшія артистическія противоположности. Поссартъ—представитель *объективности*. Г-жа Дузе — представительница *субъективности*. Но если Поссартъ—*великій* артистъ, а г-жа Дузе—*великая* артистка, если тотъ и

другая увлекаютъ и восхищаютъ публику, а между тѣмъ представляютъ двѣ противоположности, то, очевидно, что по отношенію къ искусству, къ его нормамъ, задачамъ и требованіямъ, правъ кто-либо одинъ изъ двухъ, если только не принять гипотезы о трехъ совершенно неразличимыхъ между собой кольцахъ, про которыя разказываетъ Мудрый Натанъ Лессинга.

Вы, разумѣется, помните этотъ разсказъ. Султанъ Саладинъ задаетъ Мудрому Натану вопросъ о томъ, какая вѣра лучше: христіанская, еврейская или мусульманская? Тогда Натанъ отвѣчаетъ ему притчей. Жилъ человѣкъ и у него было кольцо, обладавшее чудесною силой дѣлать угоднымъ Богу и людямъ его обладателя. У человѣка этого было три сына, которыхъ онъ одинаково любилъ. Чтобы не обидѣть ни одного изъ нихъ, онъ, почувствовавъ приближеніе смерти, заказалъ ювелиру два кольца, которыя представляли бы вполнѣ точное воспроизведеніе подлиннаго, и каждому изъ сыновей тайно далъ по кольцу. Между сыновьями произошелъ споръ о томъ, кто изъ нихъ владѣетъ подлиннымъ кольцомъ. Дѣло дошло до суда. Но судья отказался рѣшить дѣло и пригласилъ тяжущихся вернуться черезъ нѣсколько сотъ лѣтъ, когда подлинное кольцо достаточно обнаружитъ свою силу.

Споръ о кольцахъ продолжается до настоящаго времени. Идеализмъ и реализмъ борются между собой и борьбѣ этой не предвидится конца. Каждое изъ этихъ направленій имѣетъ своихъ горячихъ и убѣжденныхъ послѣдователей; каждое изъ нихъ, какъ ни странно можетъ это показаться, обусловливаетъ и поддерживаетъ другое. При малѣйшемъ уклоненіи идеализма въ область бездушной формы, шаблона, манерности, при каждомъ такомъ уклоненіи немедленно происходитъ отливъ симпатій на сторону реализма. При малѣйшемъ огрубеніи реализма, при первыхъ симптомахъ перехода его въ матеріализмъ, снова усиливается вѣчная жажда идеала и симпатіи склоняются на сторону идеализма. А между тѣмъ каждое изъ этихъ направленій, даже въ минуты несомнѣнныхъ своихъ заблужденій и ошибокъ, считаетъ *правду* на своей сторонѣ.

Гдѣ же она, эта правда? Правда заключается въ *духѣ*, который одинъ животворитъ. Никто не возстаетъ противъ настоящаго идеализма, противъ Аполлона Бельведерскаго, Сикстинской Мадонны, Донъ-Карлоса. Никто не возстаетъ противъ *настоящаго* реализма, противъ Гоголя, Островскаго, Диккенса,

Фрица Рейтера. На этой почвѣ не существуетъ борьбы, ибо каждый ощущаетъ правду, заключающуюся въ этихъ твореніяхъ. На этой почвѣ нѣтъ ни идеалистовъ, ни реалистовъ, нѣтъ ни разлада, ни споровъ. Борьба начинается лишь, когда намъ хотятъ навязать за правду то, что̀ не есть правда, а бездушная форма—въ одномъ случаѣ, бездушный матеріализмъ—въ другомъ случаѣ. Борьба постоянно ведется во имя *духа* противъ *бездушности*.

И вотъ почему могутъ вызывать въ однихъ и тѣхъ же людяхъ совершенно искренніе восторги артисты двухъ совершенно различныхъ и противоположныхъ направленій, каковы Поссартъ и г-жа Дузе. Оба достигаютъ правды. Каждый по-своему. Поссартъ не можетъ играть, какъ г-жа Дузе. Г-жа Дузе не можетъ играть, какъ Поссартъ. Значитъ ли это, что одинъ лучше другаго? Что одинъ—правъ, а другой—не правъ? Что истина искусства досталась на долю лишь одному изъ нихъ? Нѣтъ, не значитъ. Можно ли сказать, что послѣ Маргариты Готье въ исполненіи г-жи Дузе всѣ прежнія исполнительницы этой роли никуда не годятся, что Маргариту Готье можно и слѣдуетъ играть только такъ, какъ дѣлаетъ г-жа Дузе? Совсѣмъ не значитъ. Напротивъ, было бы величайшимъ несчастіемъ, если вздумали бы подражать г-жѣ Дузе, брать съ нея примѣръ. Почему? Потому, что правда *ея* исполненія перестала бы быть правдой у другой исполнительницы. Каждый долженъ искать правду своими силами и средствами. Намъ не дано достиженія абсолютной правды. Мы ищемъ и достигаемъ лишь бо́льшаго или меньшаго приближенія къ ней. Г-жа Дузе удивительно играетъ Маргариту Готье. Достигла ли она въ этой роли полнаго осуществленія даннаго образа, такого осуществленія, послѣ котораго нельзя болѣе ни передвинуть ни одной линіи, ни добавить ни одного штриха? Нѣтъ, не достигла. Маргарита Готье въ исполненіи Сары Бернаръ остается, рядомъ съ созданіемъ г-жи Дузе, такимъ же полнымъ, равноправнымъ созданіемъ. Я говорю совершенно объективно, ибо въ Маргаритѣ г-жи Дузе есть многія черты и подробности, которыя, лично на меня, производятъ гораздо большее впечатлѣніе, нежели игра Сары Бернаръ. Но...

Я дошелъ, наконецъ, въ изложеніи моихъ впечатлѣній до этого роковаго *но*. Да, г-жа Дузе производитъ удивительное впечатлѣніе. *Но*... У меня есть нѣсколько такихъ *но*.

Г-жа Дузе слишкомъ *субъективна*, чтобы создавать на сценѣ

объективные образы, тѣ, какіе задумалъ поэтъ. Она „переуторяетъ“ всѣ эти образы по-своему, во всѣхъ является Итальянкой по манерамъ и дикціи, во многихъ „придирается“ лишь къ извѣстному понятному и симпатичному ей моменту, транспонируетъ этотъ моментъ въ свой діапазонъ и доводитъ его до поразительной яркости.

Такова ея Клеопатра, въ трагедіи Шекспира *Антоній и Клеопатра*. Египетской царицы—нѣтъ. Нѣтъ той властительницы и женщины, которая производила своимъ явленіемъ впечатлѣніе на цѣлый народъ, запечатлѣлась въ народной памяти и черезъ нее перешла въ исторію и поэзію, какъ вторая царица Тамара. Существуетъ несомнѣнный параллелизмъ во впечатлѣніяхъ, какія производила Клеопатра на Пушкина, Тамара—на Лермонтова. Пушкинъ заставляетъ Клеопатру говорить:

Клянусь, о матерь наслажденій,
Тебѣ *неслыханно* служу...

Тамара Лермонтова, какъ Лорелея, всѣхъ звала къ себѣ:

На голосъ невидимой Пери
Шли воинъ, пѣвецъ и пастухъ...
Предъ нимъ отворялися двери,
Встрѣчалъ его мрачный евнухъ...

Клеопатра Пушкина предлагаетъ купить свою ночь цѣной жизни. У Тамары Лермонтова каждый, послѣдовавшій ея призыву, падалъ на слѣдующее утро мертвымъ въ волны Терека:

И съ воемъ безгласное тѣло
Спѣшили они унести.
Въ окнѣ тогда что-то бѣлѣло,
Звучало оттуда: *прости!*

Есть что-то величаво-демоническое въ обѣихъ этихъ женщинахъ, что-то поднимающее ихъ надъ уровнемъ другихъ женщинъ. Это не простыя восточныя царицы. Это, въ то же время—какъ бы *жрицы* той богини, которая называется у Пушкина „матерью наслажденій“. Г-жа Дузе ни малѣйшимъ образомъ не олицетворила *этой* Клеопатры. Это была, если можно такъ выразиться, Клеопатра *интимная*, маленькая, худенькая фигурка, какая увлекала Антонія своею пикантностью. Говорили, что она изображаетъ собой „Нильскую змѣйку“. Но эта *Нильская змѣйка* было ласкательное прозваніе, какое Антоній далъ Клеопатрѣ. Только онъ одинъ

зналъ ее такою. Для насъ она должна являться на сценѣ такою, какою она дѣйствовала на воображеніе народной массы и лишь на этомъ основномъ фонѣ можетъ проскользать „Нильская змѣйка". Основнаго фона не достаетъ. Во всей роли Клеопатры г-жа Дузе создала лишь одинъ послѣдній актъ и то совершенно своеобразно. Можетъ подлежать большому спору, находится ли „восточная женщина вообще", какою изображаетъ артистка Клеопатру пятаго акта, находится ли эта женщина въ органической связи съ Клеопатрой предъидущихъ актовъ, есть ли это Клеопатра, или нѣтъ. Не буду возбуждать этого спора, ибо набрасываю здѣсь лишь впечатлѣнія, намѣчаю лишь матеріалы для будущей провѣрки, обсужденія и разработки. Взятый самъ по себѣ, какъ отдѣльная жанровая картина, этотъ пятый актъ былъ превосходенъ. Передъ нами съ поразительною характерностью и яркостью билась, горевала и плакала „восточная женщина". Это было гореваніе совершенно „народное", а въ горевавшей женщинѣ былъ оттѣнокъ какой-то восточной низменности и раболѣпія, оттѣнокъ, совершенно передвигавшій основныя линіи характера Клеопатры, лежащій совершенно внѣ его. Все равно. Получалось нѣчто очень характерное и яркое. Получался охватъ. Въ этомъ пятомъ актѣ была несомнѣнная правда. Правда эта, по временамъ, прорывалась и въ предшествующихъ актахъ, но лишь эпизодически, главнымъ образомъ въ сценѣ съ вѣстникомъ. Отчего зависитъ эта эпизодичность? Оттого, что г-жа Дузе, вся состоящая изъ субъективности, въ состояніи откликаться своею артистическою натурой лишь на извѣстныя ноты, которыя она потомъ усиливаетъ до яркости свѣтовыхъ эффектовъ г. Куинджи.

Роль Юліи въ трагедіи *Ромео и Джульетта* представляетъ—я передаю мое первое впечатлѣніе—самую неудачную изо всѣхъ шести ролей, въ которыхъ я видѣлъ г-жу Дузе. Если можно, по однократному исполненію этой піесы, судить о замыслѣ артистки, то замыселъ этотъ состоялъ въ томъ, чтобы показать намъ мгновенный переходъ дѣвушки въ женщину, причемъ, очевидно, г-жу Дузе могла интересовать лишь женщина и ея страданія. Это наименѣе поэтическая Юлія, какую я когда-либо видѣлъ, а отсутствіе этой поэтичности происходитъ отъ необыкновенной рѣзкости перехода отъ *дѣвочки* къ *женщинѣ*. Ибо г-жа Дузе въ первомъ актѣ играетъ Юлію не *дѣвушкой*, а именно *дѣвочкой*. Нельзя ничего возразить противъ этой *дѣвочки* перваго акта, кромѣ того, что въ послѣдующихъ актахъ она должна тогда являться

передъ нами на сценѣ *дѣвушкой*, а не *женщиной*. Г-жа Дузе пропускаетъ цѣлую посредствующую ступень. Отсюда (я не могу подобрать русскаго слова) непріятная *violence* ея Юліи въ сценѣ объясненія съ отцомъ, непріятная, ибо слишкомъ внезапная великовозрастность ея въ сценѣ принятія усыпительнаго питья. Эпизодъ видѣнія тѣни проводится г-жей Дузе въ этой сценѣ, я не хотѣлъ бы сказать—самымъ шаблоннымъ образомъ, проводится ею такъ, что зритель невольно говоритъ себѣ: вотъ артистка, которая *не вѣритъ* въ то, что̀ она должна чувствовать и выражать. Постановка послѣдняго акта необыкновенно курьезна. Въ какой-то рощѣ стоитъ на аванъ-сценѣ бѣлый картонный ящикъ, раскрашенный подъ мраморъ. Ромео выламываетъ ломомъ доску ящика, обращенную къ зрителямъ, и на днѣ ящика мы видимъ лежащую Юлію. Ромео *вытаскиваетъ* изъ гроба предполагаемый трупъ Юліи. Это необыкновенно противно и не дѣлаетъ ни малѣйшей чести эстетическому чувству г-жи Дузе. Кстати объ эстетическомъ чувствѣ. Трагедія *Антоній и Клеопатра* такъ непростительно и неумѣло сокращена въ постановкѣ г-жи Дузе, что ее трудно узнать, а въ комедіи *La Locandiera* выпущены *двѣ* женскія роли странствующихъ актрисъ, *существенно необходимыя* для замысла автора. Что̀ это означаетъ? Наивность? Необразованность? Простую уступку *дурной* манерѣ всѣхъ гастролеровъ выдвигать на первый планъ лишь свою роль? Я не знаю. Я только отмѣчаю фактъ.

Остается сказать о двухъ послѣднихъ піесахъ, въ которыхъ я видѣлъ г-жу Дузе. Это *La femme de Claude*, Дюма, и *Odette*, Сарду. Дюма, безспорно, величайшій мастеръ между всѣми современными драматургами, тогда какъ Сарду, по праву старшинства и дѣйствительнаго умѣнья, можетъ смѣло считаться „первымъ драматическимъ закройщикомъ“ нашего времени. Оба они—академики. Не будемъ разбирать, много ли означаетъ это званіе. Для насъ важно то, что Дюма и Сарду достигли академическаго почета въ качествѣ *драматурговъ*, что, слѣдовательно, піесы ихъ производили на публику такое сильное впечатлѣніе, которое не могло пройти незамѣченнымъ даже Академіей. Во всякомъ случаѣ мы имѣемъ передъ собой въ этихъ писателяхъ двухъ первоклассныхъ драматурговъ нашего времени. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, Дюма постоянно, а Сарду по временамъ ставятъ въ своихъ піесахъ соціальные тезисы. Каждая піеса Дюма есть сраженіе, которое авторъ даетъ въ защиту или въ опроверженіе

извѣстнаго общественнаго вопроса. Такова драма *La femme de Claude*. Такова и драма *Odette*, принадлежащая Сарду. Тамъ и здѣсь изображаются преступныя жены, задается и рѣшается вопросъ: какъ долженъ поступать мужъ въ данномъ случаѣ. Въ частностяхъ есть оттѣнокъ. Въ піесѣ Дюма жена прямо представительница стихійнаго зла, таящагося въ женщинѣ. Въ піесѣ Сарду этой стихійности нѣтъ, но вопросъ усложняется присутствіемъ ребенка. Однимъ словомъ: на первомъ планѣ въ обѣихъ этихъ піесахъ стоитъ соціальный тезисъ.

Нѣтъ, вы не можете представить себѣ, до какой степени блѣднѣетъ интересъ *тезиса*, до какой степени кажутся искусственными и дѣланными эти піесы при исполненіи въ нихъ г-жей Дузе главной женской роли. Я испыталъ здѣсь то же разочарованіе въ піесѣ, какое томительно испытывалъ, смотря *Каширскую Старину* на экзаменаціонномъ спектаклѣ, въ исполненіи учениковъ и учениць *Драматическихъ Курсовъ* при Императорскомъ Московскомъ Театральномъ Училищѣ.

Отчего происходило это? Я затруднился бы отвѣтить на этотъ вопросъ. Мнѣ думается, вопервыхъ, что піесы съ соціальными тезисами не годятся для гастролеровъ, силою вещей выдвигающихъ на первый планъ лишь одно лицо и приковывающихъ къ нему одному все вниманіе. Это піесы, требующія безупречнаго ансамбля, воспроизведенія общаго аккорда. Мнѣ думается, вовторыхъ, что это піесы, предъявляющія въ значительной мѣрѣ требованія къ разсудку зрителей, къ ихъ спокойному и безпристрастному приговору въ качествѣ судей-гражданъ по извѣстному соціальному вопросу. Если въ такого рода *pièces de bataille* на первый планъ выдвинется субъективная артистка, какъ г-жа Дузе, а вся остальная труппа будетъ подавать ей лишь реплики, какъ гастролершѣ; если, къ тому же, какъ сама артистка, такъ и вся ея труппа будетъ принадлежать къ другой національности и притомъ не обладающей способностью *объективности*, но настойчиво, хотя и безсознательно, переводящей все и всѣхъ, хотя бы лишь по внѣшности, по манерамъ, жестамъ, дикціи, на свой субъективный національный ладъ; если все это такъ, то естественнымъ послѣдствіемъ должно явиться перемѣщеніе центра тяжести, а слѣдовательно—передвиженіе всѣхъ линій. Виноватъ ли авторъ? Нѣтъ, онъ не виноватъ. Виновата ли г-жа Дузе? Нѣтъ, она не виновата. Почему не виновата она? Потому что къ ней нельзя прилагать нашихъ

общихъ требованій отъ искусства, ибо это было бы несправедливостью. Мы требуемъ чтобъ актеръ воплощалъ *объективный* образъ, перевоплощался бы извнутри. Г-жа Дуза *не можетъ* этого дѣлать. Для нея не существуетъ объективности. Она вездѣ остается сама собою, вездѣ дѣйствуетъ лишь обаяніемъ своей личности, истерико-патологическою контагіозностью своей патологической женственности. Это артистка внѣ законовъ искусства, артистка экстра-легальная. Ея путь есть путь „беззаконной кометы".

Въ истекшемъ маѣ совершился *первый* выпускъ учениковъ и учениць *драматическихъ курсовъ* при Императорскомъ Московскомъ Тетральномъ Училищѣ. Большинство ихъ принято, для испытанія, на сцену Малаго Театра, и публикѣ придется лично ознакомиться въ будущемъ сезонѣ съ этими молодыми силами. Мнѣ не хотѣлось бы ни предвосхищать непосредственныхъ впечатлѣній зрителей, ни обращать заранѣе ихъ вниманія на кого-либо изъ числа кончившихъ курсъ. Пусть публика сохранитъ полную непосредственность, объективность и безпристрастность сужденія. Но имѣвъ возможность находиться близко къ дѣлу *драматическихъ курсовъ*, я считаю своею обязанностью сказать лишь одно. Какъ со стороны высшаго начальства, такъ со стороны преподавателей и учащихся были приложены всѣ старанія, все усердіе и всѣ заботы для достиженія возможно лучшихъ результатовъ. Люди, далеко стоящіе отъ театральнаго міра, съ трудомъ могутъ вообразить себѣ ту массу усложненій, какое вноситъ въ занятіяхъ съ учениками непосредственная артистическая служба самихъ преподавателей. Тутъ урокъ, а тамъ—репетиція, новыя піесы, новая отвѣтственная роль. Приходится передвигать часы, переносить занятія съ утра на вечеръ, пользоваться каждымъ свободнымъ часомъ. Въ виду огромной работы исполненной какъ преподавателями, такъ и учащимися на *драматическихъ курсахъ*, мое свидѣтельство объ этой работѣ будетъ, разумѣется, лишь слабымъ вознагражденіемъ тѣмъ и другимъ за понесенный трудъ, особенно важный потому что это былъ *первый* опытъ на новомъ пути. Тѣмъ не менѣе я считаю своимъ долгомъ печатно засвидѣтельствовать то, что̀ мнѣ извѣстно въ качествѣ очевидца. *Verba volant, scripta manent.*

На Петербургскомъ Императорскомъ Театрѣ введена въ высшей степени утѣшительная новость: установленіе репертуара будущаго сезона передъ началомъ лѣтняго ваканта. Репертуаръ

этотъ опубликованъ во всѣхъ газетахъ. Нужно искренно привѣтствовать это нововведеніе. Оно доказываетъ, что дирекція казенныхъ театровъ вступаетъ на вполнѣ раціональный путь художественнаго управленія дѣломъ государственныхъ художественныхъ институтовъ. Само собою разумѣется, что это сознательное и обдуманное составленіе предстоящаго репертуара, то-есть художественной „смѣты“ на предстоящій сезонъ, распространится и на нашъ Московскій казенный театръ и тѣмъ гарантируетъ насъ отъ внезапныхъ „сюрпризовъ“, въ родѣ Мессалинъ и Агриппинъ. Еще болѣе утѣшительно, что въ репертуарѣ Петербургскаго казеннаго драматическаго театра намѣченъ къ постановкѣ цѣлый рядъ піесъ А. Н. Островскаго. Будемъ надѣяться, что скоро кончится и печальная эпоха забвенія величайшаго русскаго драматурга на сценѣ Малаго Театра, передъ которымъ, по всей вѣроятности, долженъ, въ непродолжительномъ времени, стать памятникъ великому русскому драматургу.

С. Васильевъ.

ПИСЬМА ИЗЪ ПАРИЖА.

Письмо VI.

Послѣ обсужденія событій въ Фурми, о которыхъ упоминалось въ послѣднемъ письмѣ, въ палатѣ обсуждались четыре предложенія объ амнистіи участникамъ этихъ событій, виновныхъ въ насиліяхъ и привлеченныхъ къ суду. Правительство потребовало неотложности, чтобы безъ замедленій рѣшить этотъ важный вопросъ. Защитники предложеній просили министерство сжалиться надъ рабочими. Хранитель печатей отвѣтилъ, что на вещи слѣдуетъ смотрѣть хладнокровно. Производится слѣдствіе. Въ побоищахъ и насиліяхъ виновны глухіе происки тѣхъ лицъ, которые живутъ возмущеніями, порождаютъ ихъ и настолько осторожны, что никогда въ нихъ не вмѣшаются. Виновники находятся въ рукахъ правосудія. Развѣ такія событія заслуживаютъ амнистіи? Развѣ общественное мнѣніе благопріятствуетъ имъ? Нѣтъ. Прежде всего оно требуетъ уваженія къ законамъ...

Тогда г. Пельетанъ обвинилъ министерство въ томъ, что оно унизило страну, отказавъ ей въ свободѣ манифестацій, существующей въ Англіи, Германіи и Бельгіи. Въ Фурми была пролита кровь. Надо смыть ея слѣды, принявъ мѣры, чтобы дѣло предано было забвенію. Когда онъ упомянулъ о ружьяхъ Лебеля, испробованныхъ въ первый разъ въ борьбѣ противъ Французовъ, военный министръ прервалъ его, прося не вмѣшивать арміи въ дебаты. Въ горячей рѣчи требовалъ амнистіи г. Клемансо, чтобы посѣять раздоры среди республиканской партіи. Онъ говорилъ, что снисхожденіе необходимо, чтобы спасти республику и Францію,

и навсегда уничтожить зародыши междуусобій. Несмотря на старанія г. Клемансо амнистія была отклонена 318 голосами противъ 199. Въ тотъ же день авенскій субпрефектъ, не выказавшій надлежащаго хладнокровія и должной распорядительности во время событій въ Фурми, былъ замѣненъ главнымъ секретаремъ префектуры Сѣвернаго департамента.

Изъ этихъ дебатовъ можно сдѣлать тотъ выводъ, что правительство Французской республики желаетъ доказать невозможность систематическихъ амнистій, которыя подорвали бы уваженіе къ законамъ. Разумѣется, оно не противится такимъ гуманнымъ мѣрамъ, какъ помилованіе или смягченіе наказаній, но оно право, смотря на законъ, какъ на нѣчто священное и на всѣхъ сознательныхъ нарушителей его, какъ на преступниковъ. Бываютъ времена, когда для защиты закона приходится исполнять тяжелый долгъ, но ради общаго блага этотъ долгъ исполнять слѣдуетъ во что̀ бы то ни стало. *Dura lex, sed lex.*

Дебаты о пари на скачкахъ происходили и въ палатѣ, и въ сенатѣ. Рѣшили разрѣшить эти пари, но подъ условіемъ строгой отвѣтственности для тѣхъ, кто будетъ эксплуатировать печальную страсть къ игрѣ. Сенатъ измѣнилъ 5 статью законопроекта, обставивъ разрѣшеніе пари еще болѣе строгими предосторожностями. Скачекъ будетъ меньше, а публичныхъ агентствъ для заключенія пари—совсѣмъ не будетъ. За то будетъ тайная игра. Что до меня, такъ же, какъ и г. Беранже, предпочелъ бы болѣе радикальный исходъ, но оказывается, что коневодство и нашъ ремонтъ зависятъ отъ скачекъ. Охотно вѣрю, хотя не могу сказать, чтобъ я любилъ такъ-называемую „теорію меньшаго зла“. Игру, какая бы она ни была, называйте ее лотереей, пари или иначе, не слѣдуетъ узаконять. Но рѣшили кое-чѣмъ пожертвовать въ интересахъ кавалеріи. Желательно, чтобъ интересы эти были дѣйствительно соблюдены, такъ какъ до сихъ поръ коннозаводчики поставили много меньше лошадей, чѣмъ обѣщали.

Таможенный тарифъ продолжаетъ быть предметомъ горячаго обсужденія. Президентъ коммиссіи, г. Мелинъ, удивилъ своихъ противниковъ скромностью предъявленныхъ имъ требованій и явнымъ стремленіемъ достигнуть соглашенія. Онъ заявилъ себя убѣжденнымъ противникомъ высокихъ пошлинъ и добавилъ, что коммиссія готова и на дальнѣйшія уступки, признавая тѣмъ самымъ, что предложенныя ею пошлины могутъ быть еще понижены. А относительно торговыхъ договоровъ онъ не принялъ никакого

рѣшенія и полагаемъ только, что въ настоящее время заключеніе этихъ договоровъ повлекло бы за собой больше неудобствъ, чѣмъ выгодъ. Но онъ не утверждаетъ, что со временемъ не будутъ заключены подобные договоры. Въ настоящее время общіе дебаты закрыты и проектъ обсуждается постатейно. Теперь дошли до отдѣла шерсти и шелка. Все заставляетъ предполагать, что проектъ будетъ вотированъ палатой до каникулъ и что сенатъ разсмотритъ его во время чрезвычайной сессіи въ октябрѣ или ноябрѣ. Обѣ поѣздки президента республики въ Орлеанъ и на югъ Франціи вызвали интересныя манифестаціи. Въ Орлеанѣ, отвѣчая на привѣтствіе мера, г. Карно прекрасно выразился, что „онъ счастливъ, прибывъ сюда для выраженія участія правительства республики къ патріотическимъ почестямъ, оказываемымъ Жаннѣ д'Аркъ, этой великой личности одинаково дорогой всѣмъ Французамъ". Такія слова указываютъ на очень похвальное стремленіе къ миру и единенію и произвели очень хорошее впечатлѣніе. Полезно напомнить, что Жанна д'Аркъ должна стоять выше всякихъ раздоровъ и ссоръ и соединять всѣ сердца въ укрѣпляющей преданности отечеству. Президентъ посѣтилъ городскую ратушу, прекрасное зданіе въ Фламандскомъ стилѣ, возведенное въ XV столѣтіи, музей Жанны д'Аркъ и мѣсто знаменитаго форта Турель. Луару онъ переѣхалъ по мосту, по которому, какъ оказывается, первою перешла слишкомъ извѣстная Дю-Барри. Поэтому теперь повторяютъ остроту того времени: „Этотъ мостъ долженъ быть очень крѣпкимъ, такъ какъ онъ вынесъ самую тяжелую обузу Франціи!" Президенту показано было знамя Жанны д'Аркъ, которое вечеромъ во время ежегоднаго празднества торжественно вручается меромъ епископу Орлеанскому. Это знамя—точная копія со знамени Орлеанской дѣвы, исполнено по описанію, сдѣланному ею самой во время своего процесса. Оно представляетъ изъ себя трехугольную хоругвь изъ бѣлаго шелка съ золотою бахромой; золотомъ, серебромъ и шелкомъ вышито на ней изображеніе Спасителя, который возсѣдаетъ на радугѣ и благословляетъ двухъ колѣнопреклоненныхъ ангеловъ молящихся съ лиліями въ рукахъ. Внизу подпись *Jhesus — Maria.* Обратная стороны украшена золотыми лиліями, на остріѣ тоже вѣтка лилій. Орлеанскія дамы поднесли городу это художественное знамя въ 1855 году.

Вечернее торжество было великолѣпно. Во время врученія знамени орлеанскому епископу, окруженному кардиналомъ-архі-

епископомъ ліонскимъ, семью другими епископами, духовенствомъ и властями, башни и фасадъ собора какъ бы по волшебству освѣтились огнями. Зрѣлище, представляемое огромною толпой, привѣтствовавшею главу государства, епископами и войскомъ было величественное.

Вернувшись изъ Орлеана, президентъ пробылъ въ Парижѣ очень недолго. Онъ вскорѣ опять уѣхалъ въ свой родной городъ Лиможъ, гдѣ его приняли восторженно; оттуда отправился въ Тулузу, гдѣ открылъ факультеты: медицинскій, фармацевтическій и естественно-научный. Тамъ, въ отвѣтъ на краснорѣчивое привѣтствіе мера, президентъ произнесъ рѣчь, которая имѣла большой успѣхъ.

Рѣчь кардинала Депре тоже обратила на себя всеобщее вниманіе. Сначала кардиналъ выразилъ президенту то почтеніе, съ которымъ и онъ, и его духовенство обязаны относиться къ первому должностному лицу страны и затѣмъ добавилъ:

„Одинъ изъ древнихъ мыслителей справедливо сказалъ, что лучшая республика та, гдѣ граждане не допускаютъ никакихъ ссоръ, никакихъ раздоровъ и заботятся только о томъ, чтобы превзойти другъ друга добродѣтелями.

„Ради счастья отечества и вашего, г. президентъ, я выражаю желаніе, чтобъ этотъ родъ соперничества распространялся какъ можно больше въ нашемъ обществѣ и, такъ какъ истинное нравственное величіе можетъ существовать только съ помощью евангельскихъ принциповъ, то я и прошу васъ употребить свое вліяніе, чтобы среди насъ ничто не ослабило вліянія католической церкви.

„Служа церкви, духовенство не забываетъ Франціи, и въ трудныя времена оно доказываетъ, до чего можетъ возвыситься патріотизмъ, когда его поддерживаетъ религія.

„Священники моей епархіи принадлежатъ къ этой школѣ, г. президентъ, они сознаютъ соціальное значеніе своей миссіи и исполняютъ ее съ тѣмъ бо́льшимъ успѣхомъ, что, улучшая нравственность народа, они облегчаютъ задачу управленія имъ. „Богъ и отечество“, вотъ нашъ девизъ, и мы стараемся хранить его не потому только, что онъ составляетъ наше наслѣдіе, но и потому, что въ немъ выражаются всѣ наши обязанности и всѣ наши надежды.“

Это патріотическое положеніе, принятое духовенствомъ, является лучшимъ отвѣтомъ на несправедливыя нападки. Можно ли его

обвинять во враждебности къ той формѣ управленія, которую свободно избрала Франція? Можно ли отрицать его безупречную искренность? Въ виду этого враждебное отношеніе къ нему было бы самою вопіющею несправедливостью.

Въ Но президентъ принималъ чрезвычайное посольство отъ испанскаго правительства, состоявшее изъ генерала О'Ріанъ-И-Васкеза и нѣсколькихъ офицеровъ высшихъ чиновъ. Отвѣчая на чувства дружбы, выраженныя ему отъ лица королевы-регентши, г. Карно выразилъ со своей стороны желаніе видѣть неизмѣнными дружескія отношенія, установившіяся между обѣими странами. „Испаніи и Франціи, добавилъ онъ,—придется вскорѣ совѣщаться для исполненія большихъ работъ въ интересѣ обоихъ народовъ. Могу васъ увѣрить, что этимъ вопросомъ займутся съ полнымъ доброжелательствомъ и надеждой на его скорое осуществленіе."

Посѣтивъ Байонну и Даксъ, президентъ вернулся въ Парижъ, вынося самыя лучшія впечатлѣнія изъ своей поѣздки. Нельзя не признать, что глава государства проникнутъ сознаніемъ своего высокаго положенія и умѣетъ съ достоинствомъ представлять Францію. Народъ это замѣчаетъ и открыто выражаетъ свое одобреніе. Во время этихъ двухъ поѣздокъ не было произнесено ни одного слова некстати, не случилось никакого нежелательнаго инцидента. Этому нельзя не порадоваться ради доброй славы нашей страны.

Въ Россіи, конечно, знаютъ уже объ арестѣ Трипоне, поставщика военнаго министерства, обвиняемаго изобрѣтателемъ взрывчатаго вещества, г. Тюрпэномъ, въ продажѣ иностранной державѣ секрета этого вещества и чертежей новыхъ бомбъ и ракетъ. Военный министръ г. Фрейсине объяснилъ въ палатѣ, что г. Тюрпэнъ изобрѣлъ взрывчатое вещество и взялъ на него патентъ, который и хотѣлъ продать генералу Кампенону въ то время, когда тотъ находился въ составѣ военнаго министерства.

Состоялось соглашеніе, въ силу котораго военное министерство получило возможность въ продолженіи десяти мѣсяцевъ заняться изслѣдованіемъ способа Тюрпэна. Въ это время произведены были различные опыты. Вскорѣ затѣмъ г. Тюрпэнъ потребовалъ уплаты значительныхъ суммъ, въ чемъ ему было отказано. Тогда онъ вступилъ въ переговоры съ фирмой Армстронгъ и заключилъ съ ней особое условіе. Это извѣстіе вызвало большое волненіе въ печати. Г. Тюрпэнъ предложилъ пріостановить оглашеніе

своего изобрѣтенія, требуя за это вознагражденія. На этомъ дѣло и остановилось. Но въ 1889 году г. Тюрпэнъ подалъ прокуратурѣ доносъ на прежняго своего компаніона г. Трипоне. Доносъ этотъ оставленъ былъ безъ послѣдствій; тогда въ 1890 году онъ вновь его подалъ и сталъ опять требовать отъ военнаго министерства уплаты суммъ, которыхъ ему получать не слѣдовало. Затѣмъ онъ напечаталъ книгу, которая была тотчасъ же задержана. Въ ней онъ изложилъ свои жалобы на г. Трипоне и на военное начальство и обнародовалъ нѣкоторые военные секреты. Г. Фрейсине съ достоинствомъ защищалъ своихъ подчиненныхъ ото всякихъ оскорбительныхъ нападокъ. Онъ добавилъ, что есть большая разница между веществомъ изобрѣтеннымъ г. Тюрпэномъ и меленитомъ, составляющимъ собственность военнаго министерства. Кромѣ самаго вещества, нужны снаряды для произведенія взрыва, ракеты, капсули и т. п.

Во всемъ этомъ сдѣлано множество улучшеній, исполненныхъ французскимъ артиллерійскимъ вѣдомствомъ и потребовавшихъ два года постоянныхъ и тщательныхъ изслѣдованій. Эти тайны остались тайнами. Разоблаченія г. Тюрпэна, какого бы порицанія они ни заслуживали, никакого вреднаго вліянія на вооруженіе французскаго войска имѣть не могутъ. Суду предстоитъ рѣшить основателенъ ли доносъ г. Тюрпэна и разрѣшается ли обнародованіе подробностей, могущее повредить дѣлу народной обороны. Во всякомъ случаѣ, во всѣхъ этихъ разоблаченіяхъ армія не при чемъ. Бумаги г. Тюрпэна арестованы и находятся при дѣлахъ слѣдствія, во время котораго подвергнутся тщательному разсмотрѣнію. Вскорѣ мы узнаемъ, чему можно вѣрить въ доносахъ изобрѣтателя и чему довѣрять не слѣдуетъ. Вотъ истинная правда о всемъ этомъ дѣлѣ.

Какъ извѣстно, Парижъ въ теченіе двухъ дней оставался безъ омнибусовъ и безъ конно-желѣзныхъ дорогъ вслѣдствіе того, что компанія отказалась разсмотрѣть требованія, предъявленныя ея служащими. Къ счастью возстановилось согласіе. Несчастные, которымъ приходилось работать по семнадцати часовъ въ сутки, будутъ впредь работать только по двѣнадцати часовъ. Два дня обязательнаго отдыха въ мѣсяцъ будутъ оплачиваться и штрафы будутъ поступать въ кассу вспомоществованія, вмѣсто того, чтобы пополнять кассу администраціи. Никогда еще не было предъявлено болѣе справедливыхъ требованій, и весь Парижъ былъ на сторонѣ стачниковъ. Было нѣсколько случаевъ насилія и

посягательства на свободу труда, которыя можно было бы быстрѣе остановить, но въ сущности безпорядки были пустые и стачка прекратилась черезъ два дня послѣ своего возникновенія.

Давно уже не было никакихъ разговоровъ о генералѣ Буланже. Одинъ изъ парижскихъ репортеровъ былъ въ Брюсселѣ и нашелъ генерала очень измѣнившимся: „Невыразимая, безконечная печаль проглядываетъ на этомъ лицѣ, которое прежде оживлено было неизмѣнною улыбкой.“ Мрачное загорѣвшее лицо, покраснѣвшія скулы, посѣдѣвшіе волосы, морщины около глазъ, пополнѣвшая талія — вотъ неприглядный портретъ генерала. Оказывается, что онъ пытается реорганизовать свою партію. Задача трудная, если не совершенно невозможная. Онъ увѣряетъ, что если буржуазія его покинула, то крестьяне и рабочіе остались вѣрны ему. Онъ говоритъ, что въ одинъ прекрасный день онъ явится и потребуетъ пересмотра „безчестнаго процесса въ Верховномъ Судѣ“. Сомнѣваюсь, чтобъ это неожиданное появленіе состоялось вскорѣ. Самое лучшее, что̀ можетъ сдѣлать генералъ—это пребывать въ полномъ забвеніи.

Что же касается принца Виктора Наполеона, котораго посѣтилъ и съ кѣмъ бесѣдовалъ тотъ же репортеръ, то онъ не обратится съ призывомъ къ странѣ. Онъ говоритъ, конечно, что лучшею формой правительства является имперія, такъ какъ это та же республика, только организованная, умиротворенная и укрѣпленная благодаря устойчивости власти. „Переходъ, добавилъ онъ, произойдетъ самъ собой, благодаря дискредитованному парламентаризму.“ Принцъ думаетъ разрѣшить соціальный вопросъ съ помощью пенсіонныхъ кассъ, кассъ вспомоществованія во время безработицы, рабочаго конгресса и т. д. „Соціализмъ, говоритъ онъ, угрожаетъ со всѣхъ сторонъ. Надо, такъ-сказать, канализировать его, чтобъ онъ произвелъ какъ можно меньше опустошеній при наибольшемъ прогрессѣ.“ Это прекрасныя слова, но только слова. Вторая Имперія много сдѣлала для рабочихъ классовъ. А помѣшало ли это имъ разрушить ее?

Изъ этого разговора надо запомнить только одно, что союзъ бонапартистовъ съ монархистами пересталъ существовать. Принцъ это объявилъ въ слѣдующихъ словахъ: „Мы не хотимъ быть ни обманутыми, ни сообщниками“.

Г. Жюль Симонъ на вопросъ о соціальномъ вопросѣ отвѣтилъ: „Богъ, отечество, свобода. Три идеи и три чувства, безъ которыхъ нѣтъ народа. А именно эти три идеи, эти три чувства и

хотятъ уничтожить анархисты и ихъ-то именно и надо защищать во что бы то ни стало. Рабочіе жалуются. Они говорятъ, что безъ манифестацій они не добились бы ничего. Это невѣрно. Дожидались ли ихъ манифестацій, чтобы преобразовать первоначальное обученіе, основать профессіональныя школы и курсы для взрослыхъ, принять мѣры къ оздоровленію мастерскихъ, къ предупрежденію несчастій, поставить дѣтей подъ благосклонную опеку государства, заботиться объ ихъ обученіи, воспретить имъ всякую опасную работу, создать народные банки для рабочихъ, замѣнить конторы для найма даровыми справочными отдѣленіями, устроить больницы, жилища, пріюты, убѣжища и т. д., и т. д.?"

Рабочіе хотятъ ограниченія рабочаго дня восемью часами. Но далеко не всѣ согласны по этому вопросу. „Большое число рабочихъ работаютъ по часамъ, другіе издѣльно, немногіе—поденно, и если имъ желательно работать по десяти, по двѣнадцати, по пятнадцати часовъ, то какъ этому воспрепятствовать?" Не думаютъ ли, что желающіе восьмичасоваго рабочаго дня согласятся на уменьшіе платы? Нѣтъ, они разсчитываютъ получать за восьмичасовую работу ту же плату, что и за двѣнадцатичасовую... Къ тому же, этотъ вопросъ обсуждается такъ же открыто, какъ и всѣ другіе. Къ чему же грозить и запугивать? „Бунтъ, прекрасно сказалъ г. Жюль Симонъ, отнынѣ становится анахронизмомъ." Въ настоящее время спасеніе заключается въ соглашеніи между хозяевами и рабочими, съ условіемъ, чтобы рабочіе отдалились и освободились отъ сѣятелей раздоровъ и вожаковъ.

Добавлю, что сама по себѣ никакая правительственная система не можетъ разрѣшить соціальнаго вопроса. Законы тутъ не помогутъ, если они не подкрѣплены добрыми нравами. Къ этому надо добавить уваженіе къ религіи и нравственности. Въ этомъ случаѣ надо повторить за латинскимъ поэтомъ:

Quid leges sine moribus
Vanae proficiunt?

Объ этомъ такъ благородно и кстати напомнилъ въ своей замѣчательной энцикликѣ *Rerum novarum* Папа Левъ XIII.

Во Франціи были очень обрадованы посѣщеніемъ Государя Императора и Государыни Императрицы Французской выставки въ Москвѣ. Въ Россіи, конечно, уже извѣстно какое впечатлѣніе произвело здѣсь это событіе. Само собой разумѣется, что всѣ

раздѣляютъ мнѣніе русскихъ газетъ, согласныхъ между собой въ томъ, что это блестящее доказательство дружественныхъ отношеній между Франціей и Россіей.

* * *

Извѣстно уже, что академія нравственныхъ и политическихъ наукъ, большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ одного, избрала своимъ корреспондентомъ по отдѣлу общей исторіи и философіи г. Александра Половцева, президента Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, котораго знаютъ всѣ французскіе историки и признаютъ его знанія и достоинства.

Одинъ изъ самыхъ горячихъ сторонниковъ и защитниковъ его кандидатуры, г. Альберъ Сорель, только-что выпустилъ въ свѣтъ третій томъ своего обширнаго историческаго труда *Европа и Революція* (1792—1793). Этотъ новый томъ, изданный, какъ и прежніе, у Плона, начинается съ войны за независимость, то-есть съ нашествія эмигрантовъ и союзниковъ на Францію. Затѣмъ г. Сорель изслѣдовалъ войны: за освобожденіе, для расширенія границъ, революціонную и завоевательную съ октября 1792 года по мартъ 1793. Всѣ событія изложены строго систематически и съ совершенною ясностью. Во второй части этого тома авторъ подробно разсматриваетъ измѣну Дюмурье, дѣйствія перваго комитета общественной безопасности и революціонное правительство. Онъ сильно нападаетъ на терроръ и доказываетъ, что общественная безопасность была только предлогомъ, а настоящимъ мотивомъ террора были: безопасность террористовъ и ихъ тираннія. „Въ силу собственныхъ интересовъ въ январѣ (1794 года) тираннія его удваивается. Она свирѣпствуетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ яснѣе становится ея безполезность, и, какъ бы для того, чтобъ обнаружить всю свою чудовищность, послѣ уничтоженія враговъ республики, она нападаетъ на республиканцевъ.“ Параграфы 1 и 4 четвертой главы посвящены процессу и казни Людовика XVI. Какъ и вся книга, они написаны очень талантливо. Привожу послѣдній отрывокъ самый важный по своему содержанію. Трудно найти что-либо болѣе драматичное; къ тому же эта послѣдняя новость, такъ какъ книга появилась какъ разъ теперь, когда я пишу это письмо.

„Влекомый на эшафотъ, Людовикъ XVI все еще казался опаснымъ для разрушителей его трона. Чтобы вести на эшафотъ

Жирондистовъ, Дантона и Робеспьера, такой внушительной обстановки не потребовалось. Эта обстановка была дѣйствительно королевскою. Напрасно члены конвента думали подвести короля подъ дѣйствіе общихъ законовъ, съ помощью смѣшнаго прозвища Капета; напрасно думали они уничтожить послѣдніе остатки королевской власти, засыпавъ его тѣло известкой; помимо своей воли, они продолжали обращаться съ Людовикомъ, какъ съ монархомъ, и казнь еще болѣе выдѣлила короля изъ другихъ гражданъ.

„Она возвысила Людовика XVI и создала ему имя въ исторіи. Царствованіе его было посредственное; онъ былъ предметомъ насмѣшекъ своего собственнаго двора и другихъ государей, хвалившихся силой и геніальностью; предназначенный къ безславному поглощенію революціей, онъ могъ только прибавить лишнее имя къ темному ряду неспособныхъ и добродушныхъ королей, низвергнутыхъ, бѣжавшихъ, или изгнанныхъ. Междуусобная война сдѣлала бы память его ненавистною, изгнаніе изгладило бы всякое воспоминаніе о немъ; эшафотъ далъ ему вѣнецъ. Снявъ съ него королевскую мантію и корону, конвентъ обнаружилъ въ немъ человѣка безграничной доброты, выказавшаго въ разлукѣ со всѣми, кого онъ любилъ, въ забвеніи обидъ, въ самой смерти то самопожертвованіе и то полное довѣріе къ вѣчной справедливости, которыя составляютъ источникъ человѣческихъ добродѣтелей. Конвентъ исключилъ его изъ списка государей, гдѣ его мѣсто было ничтожно, но поставилъ его въ число жертвъ судьбы и далъ ему такимъ образомъ высшее званіе, рѣдкое въ королевской іерархіи. Въ первый разъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ царствовалъ, Людовикъ казался выше своей задачи. А такъ какъ въ этотъ разъ его окружили необычайно торжественною обстановкой, такъ какъ день этотъ принадлежитъ къ числу выдающихся въ исторіи, его имя въ народной памяти соединено съ представленіемъ о величайшемъ несчастіи и благороднѣйшей твердости. Его царствованіе и паденіе исчезаютъ въ исторіи французской революціи, а смерть его остается самою многозначительною и трагическою страницей ея.

„Съ Людовикомъ XVI погибло навсегда древнее французское королевство. Послѣ него были французскіе монархи, но не было короля Франціи. Во Франціи съ тѣхъ поръ могли существовать только непрочныя монархіи, возникавшія вслѣдствіе войны или государственнаго переворота и кото-

рымъ суждено было погибнуть отъ пораженія или бунта. Послѣ 21 января исторія насчитываетъ семь царствованій. Одно только окончилось естественною смертью государя; остальныя шесть изгнаніемъ.

„Тутъ открывается ошибка въ разсчетахъ Монтаньяровъ. Одно только чувство способно было оживить въ сердцахъ Французовъ привязанность къ монархіи, чувство это—состраданіе, одна только необходимость могла вернуть народъ подъ управленіе одного человѣка, необходимость эта—спасеніе революціи. Монтаньяры совершили цареубійство, чтобъ уничтожить самое воспоминаніе о королевской власти, чтобы сдѣлать управленіе своей партіи нераздѣльнымъ отъ торжества демократіи, чтобъ олицетворить собой республику, чтобы вызвать всеобщую войну, которая обусловливала бы невозможность какого-либо соглашенія между Европой, управлявшеюся по старымъ преданіямъ, и революціонною Франціей. Всѣ эти разсчеты обернулись противъ республики. Монтаньяры ошиблись и относительно Франціи, и относительно Европы: Франціи съ ея благороднымъ характеромъ, потребностью въ порядкѣ, въ трудѣ и безопасности; Европы съ ея жадностью и завоевательными стремленіями. Терроръ не превратилъ ни Французовъ въ Спартанцевъ, ни европейскихъ государей въ крестоносцевъ. Франція была человѣколюбива, въ этомъ была душа ея революціи; она стала жалѣть Людовика XVI и возненавидѣла террористовъ. Цареубійство, рѣшенное, мотивированное и возвѣщенное публично, какъ объявленіе войны всѣмъ государямъ, вызвало коалицію этихъ государей противъ Франціи.

„Республика начала принципіальную войну противъ монарховъ, которые вели съ ней войну изъ разсчета; она дала Европѣ поводъ сплотиться, когда такого повода не было; она нѣкоторымъ образомъ заставила составить союзъ противъ себя, хотя бы изъ простой предосторожности со стороны тѣхъ государей, чьи раздоры должны были быть и стали въ дѣйствительности ея спасеніемъ, когда, не вызывая и не угрожая имъ смертью, она вступала съ ними въ переговоры и сдѣлки. Монархи Европы выказали мало усердія въ защитѣ Людовика XVI; вооружаясь для возстановленія монархіи, имъ трудно было урѣзывать ее; защищая личность короля, имъ нельзя было раздражать республику, которая держала его заложникомъ. Послѣ 21 января беречь было нечего. Европа думала только о самозащитѣ отъ пропаганды и завоеванія. На завоевательную революціонную войну и пропаганду

она отвѣтила войной истребленія. Эта война, потому именно, что она приняла тѣ колоссальные размѣры, которые желали Монтаньяры, поглотила и республику, и революцію. Она привела къ военному правительству и царствованію солдата; но это былъ солдатъ, порожденный республикой, побѣдившій королей, разрушившій старый режимъ и организовавшій республику, увѣнчанную въ его лицѣ. Этимъ косвеннымъ, но неизбѣжнымъ путемъ цареубійство вернуло Франціи монархію и привело къ тому, что многіе изъ участвовавшихъ въ непоправимомъ голосованіи стали вельможами, царедворцами или служителями созданнаго монарха, начиная съ Барера, который былъ шпіономъ императорской полиціи, съ Фуше, который былъ министромъ этой полиціи, и до Давида, нарисовавшаго коронацію императора и портретъ папы. Казнь Людовика XVI совершилась во имя общественной безопасности; по законамъ тѣхъ самыхъ лицъ, которыя ея требовали, она вызвана была исключительно государственною необходимостью. Исторія доказываетъ, что въ политическомъ отношеніи это было событіе пагубное для Франціи, и именно ради государственной необходимости слѣдуетъ отнестись къ нему съ полнымъ порицаніемъ."

Тотъ же издатель Плонъ только-что выпустилъ *Мемуары генерала Марбо* (осада Генуи, битва при Аустерлицѣ и Эйлау). Они замѣчательно интересны и стоятъ десяти романовъ, съ тою разницей, что все разсказанное въ нихъ—истинно. Добавлю, что изложеніе ясно, просто и разсказъ производитъ сильное впечатлѣніе. Чувствуется, что авторъ честный человѣкъ, искренній и порядочный. Немного встрѣчается книгъ болѣе интересныхъ.

Жизнь генерала Шангарнье, изложенная графомъ Антіошомъ (у того же издателя), тоже очень интересна. Въ своемъ прекрасномъ произведеніи авторъ обрисовалъ африканскаго героя и государственнаго дѣятеля: эпизоды Франко-Прусской войны, когда генералъ выказалъ себя такимъ патріотомъ, и послѣдніе дни его жизни разсказаны очень живо. Я часто встрѣчалъ генерала Шангарнье въ національномъ собраніи и близко зналъ его. Онъ принималъ горячее участіе въ политическихъ дебатахъ и не выносилъ перерывовъ. Однажды онъ цитировалъ стихи Горація, и когда г. Брисонъ съострилъ по этому поводу, генералъ посмотрѣлъ на него такимъ взглядомъ, что одну минуту окружающіе могли думать, что, несмотря на свой преклонный возрастъ, онъ его вызоветъ на дуэль. Впрочемъ онъ не хотѣлъ казаться

старикомъ и прибѣгалъ къ такимъ ухищреніямъ туалета, что всякаго другаго подобное кокетство сдѣлало бы смѣшнымъ.

Правнучка Мирабо, графиня де-Мартель-Жанвиль, подписывающая свои литературныя произведенія псевдонимомъ *Жипъ*, напечатала недавно романъ подъ заглавіемъ *Une Passionnette*, гдѣ она старается быть деликатною и трогательною. Остроумія и веселости у ней много, но талантъ ея уменьшается, когда она переходитъ въ чувствительность. Она слишкомъ Парижанка, чтобы создать что-нибудь трогательное. И что за странная исторія!.. Маркиза Ореліана де-Гэльдръ внезапно влюбляется въ провинціальнаго фата г. де-Гуатри, упрямаго, самодовольнаго и недовольнаго другими, черствaго эгоиста. Онъ обращается съ маркизой какъ съ публичною женщиной, и несчастная влюбляется въ него. Но г. де-Гуатри боится усложненій вызываемыхъ связью съ замужнею женщиной и бѣжитъ отъ нея. Маркиза внезапно узнаетъ о его женитьбѣ и рѣшается умереть. Она отправляется въ церковь, ставитъ свѣчи, возвращается домой, надѣваетъ самое нарядное платье и принимаетъ морфій, держа въ рукахъ какую-то книгу. Читатели признаютъ вмѣстѣ со мной, что это приключеніе и смѣшно, и невѣроятно.

Г. Поль Бурже издалъ у Лемэра *Десять Пастэлей* или вѣрнѣе десять набросковъ, исполненныхъ съ замѣчательнымъ искусствомъ. Первый разсказъ, *Святой*, прекрасенъ.

Графъ д'Ононвиль въ собраніи великихъ французскихъ писателей напечаталъ жизнеописаніе госпожи де-Лафайетъ, составленное со смысломъ и знаніемъ предмета. Эта маленькая книга, отлично написанная, одна изъ тѣхъ, которыя можно увѣренно рекомендовать для чтенія.

Послѣдній романъ г. Поля Перре *Дѣвица Мовуазенъ* произведеніе драматическое, свидѣтельствующее о глубокой наблюдательности автора, тронетъ всѣхъ людей съ сердцемъ.

Въ книгѣ, направленной противъ женщинъ-писательницъ и женщинъ-политиковъ, редактированной г. Альберомъ Симъ, я нашелъ остроту Мериме, которая очень мила: „Если къ несчастью мнѣ пришлось бы жениться на писательницѣ, я чувствую, что убилъ бы ее. Синій чулокъ подвелъ бы меня подъ зеленую шапку.“ Литература ведущая къ каторгѣ!.. А Сэнтъ-Бёвъ высказалъ слѣдующую аксіому: „Любите кокетку, ханжу, дуру, вѣтренницу, герцогиню... Но отнюдь не любите музы! Надо думать, что

Мериме и Сэнтъ-Бёвъ вспоминали бурную любовь Бенжамэнъ-Констана и г-жи де-Сталь, Жоржъ Зандъ и Альфреда де-Мюсе.

Г-жа Жанна-Діёлафуа, когда-то написавшая очень запутанный романъ *Паризатисъ*, начала теперь другой *Розу д'Атра*, который пугаетъ меня своею ученостью. Эта женщина-схоластикъ объявляетъ своимъ читателямъ, въ какомъ-то подобіи пролога, что не въ ея власти изгнать идеи явившіяся къ ней изъ глубины пропасти, гдѣ чередуются вѣка, и отбросить эти идеи опять въ небытіе! „Взволнованное море покрываетъ берега поглощаемыми имъ обломками кораблекрушеній“. Море не поглощаетъ обломковъ, которые, напротивъ, спасаются отъ его бѣшенства, но эта безсмыслица лежитъ на отвѣтственности г-жи Діёлафуа. Что касается меня, то я не могъ бы безъ страха приступить къ чтенію романа, дѣйствіе котораго происходитъ около 250 года нашей эры, въ городѣ, выстроенномъ на берегу рѣки въ Месопотаміи.

Нѣкоторые толки вызываетъ поэма г. Роденбаха, озаглавленная: *Царство Молчанія*. Авторъ, бывшій приверженецъ кружка гидропатовъ, гдѣ онъ сходился съ такими оригиналами, какъ гг. Гудо и Ролина, у него поэзія фламандская, холодная и заспанная, съ отпечаткомъ туманности, покрытая дождевыми каплями, а не росой. Онъ воспѣваетъ сердце воды, воскресный звонъ колоколовъ и главнымъ образомъ молчаніе. Въ его поэзіи замѣтенъ талантъ, но слишкомъ много облаковъ, а слѣдовательно много скуки. Г. Роденбахъ поэтъ ночи. Дай Богъ ему всего лучшаго, но я предпочитаю соловья, а не сову. Я ничего не понимаю въ „прощальной канвѣ“, въ „высокихъ лунныхъ ветлахъ“, въ „мечтахъ омраченныхъ вѣковыми колоколами“. За то кого я понимаю это — Мюссе; вотъ кто проникаетъ мнѣ прямо въ сердце. Я открылъ неизданное еще стихотвореніе этого очаровательнаго поэта. Оное называется: *Юная Тарентинка*.

Pleurez, oiseaux! La jeune Tarentine
Une autre fois a, pour l'algue marine,
Quitté nos prés.
Une dernière fois la jeune Athénienne
En se jouant a vogué vers Cyrène;
Pleurez!
Pleurez, oiseaux et colombes plaintives;
Et vous, gaiement, abeilles, sur nos rives
Ne murmurez!

Celle qui nous suivait, celle dont fut la vie
Joie et blancheur et murmure, est enfuie:
Pleurez!
Pleurez, vous tous que sa voix qui caresse,
Son œil qui rit tenait, avec adresse,
Désespérés!
Sa perte à tous les cœurs épris de sa morsure
Sans plus de miel va laisser la blessure;
Pleurez!
Et vous, chansons qu'elle appelait près d'elle
Et qui n'osiez qu'effleurer de votre aile
Ses fils dorés,
Sous le lilas désert où sa place est laissée,
Soir et matin fidèle à sa pensée
Pleurez!

Г. Марсель Прево, о которомъ я упоминалъ въ послѣднемъ письмѣ, высказалъ свое мнѣніе о кризисѣ, который въ настоящее время переживается нашимъ романомъ, и остроумно рѣшилъ, что необходимо вернуться къ роману романтическому. Публикѣ начинаетъ надоѣдать реализмъ и натурализмъ. Ему пріѣлись эти якобы наблюдатели, которыхъ можно бы назвать, придерживаясь подходящему къ нимъ термину спорта: *les gens du crottin.* Она жаждетъ волненій, мечтаній, надеждъ, словомъ—чувства. Г. Александръ Дюма взялся за свое мастерское перо и привѣтствовалъ г. Прево. Онъ сказалъ ему, что вскорѣ произойдетъ реакція противъ этихъ нескончаемыхъ картинъ зла, пріѣвшихся намъ до тошноты. Люди будутъ слушать только тѣхъ, кто обѣщаетъ имъ: „Что-либо высшее и увлечетъ ихъ куда-нибудь дальше“. Александръ Дюма вѣритъ, что наступитъ крутой поворотъ къ спиритуализму. Я тоже вѣрю этому. До сихъ поръ все шло хорошо, но Дюма портитъ все дѣло, написавъ, что католическая церковь, ради успѣха этой реакціи, должна сдѣлать большія уступки, которыхъ требуютъ отъ нея со всѣхъ сторонъ. Какія же это уступки?.. А вотъ одна изъ нихъ: необходимо перестать утверждать, что Христосъ—Сынъ Божій. Достаточно было бы вѣрить, что Онъ Чистѣйшій изъ иниціаторовъ. Вотъ и все! Надо признаться, что это очень просто и церковь, конечно, поспѣшитъ сдѣлать требуемую уступку. Но неужели Дюма написалъ это серьезно? Неужели онъ серьезно подумалъ,

что церковь перестанетъ признавать Божественность Спасителя и все это ради того, чтобъ улучшить нашъ романъ? Не думаю, и смотрю на эту выходку Дюма просто какъ на оригинальничанье. Но такое оригинальничанье довольно сильно!

Надо осторожнѣе относиться къ заявленіямъ Александра Дюма, за исключеніемъ слѣдующаго, которое можетъ быть одобрено всѣми здравомыслящими людьми: „Общество немыслимо безъ вѣрованія, литература—безъ идеала“.

Мы лишились талантливаго, перворазряднаго писателя Вейса, чье мѣсто должно было бы быть въ академіи, еслибъ академія серьезно и основательно избирала своихъ членовъ. Онъ былъ журналистомъ, критикомъ и высказалъ ясный логичный умъ, тонкое и ѣдкое остроуміе. Онъ нанесъ множество ударовъ реалистической школѣ, и я никогда не забуду съ какимъ остроуміемъ написана была его знаменитая статья *Грубая литература*. Книга его *На берегахъ Рейна* читается съ удовольствіемъ. Слѣдуетъ также прочесть его *Опытъ исторіи Французской литературы*. Онъ проникнутъ здравымъ смысломъ, который теперь найти не легко.

Послѣ Вейса умеръ провансальскій поэтъ Руманвиль, которому въ Авиньонѣ устроили великолѣпныя похороны. Провансъ считалъ этого поэта своею славой вмѣстѣ съ Мистралемъ и Обанелемъ.

Французская академія за послѣднее время много заставила о себѣ говорить. Вопервыхъ, она отдала предпочтеніе романисту—Лоти предъ поэтомъ Анри де-Борнье. Я нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что Пьеръ Лоти обладаетъ выдающимся талантомъ, но онъ могъ бы еще нѣсколько подождать прежде чѣмъ попасть въ число безсмертныхъ, тогда какъ авторъ *Дочери Роланда* далеко не молодъ. Академія поступила бы благоразумно, увѣнчавъ въ его лицѣ прекрасное произведеніе, которое признано классическимъ; оно должно остаться навсегда въ репертуарѣ французскаго театра. Понсара сдѣлали академикомъ за меньшія заслуги, но времена перемѣнились, г. де-Борнье не изъ „современныхъ“, а академія захотѣла именно „современнаго“. Говорятъ, что теперь она въ этомъ немного разскаивается. Такого поздняго раскаянія я не понимаю, академіи слѣдовало знать, что она дѣлаетъ. Сдѣлавъ эти оговорки, я долженъ однако признать, что авторъ *Исландскихъ рыбаковъ* заслуживалъ быть принятымъ въ академію. Назвавъ это произведеніе, я тѣмъ самымъ указываю

на то, что̀ мнѣ нравится изъ сочиненій Пьера Лоти, потому что между ними есть и такія, которыхъ я не люблю. Но *Исландскіе рыбаки* положительно мастерское произведеніе.

* * *

За послѣдній мѣсяцъ состоялось довольно много первыхъ представленій такихъ пьесъ, какъ *Телефонная барышня* — въ Nouveautés, *la Famille Vénus* и *Премія за красоту* въ Амбигю и множество реалистическихъ и символистическихъ опытовъ въ Theâtre Libre, въ театрѣ de l'Avenir dramatique, въ театрѣ d'application и т. д. Изо всего этого нѣтъ ни одной пьесы, которая заслуживала бы разбора: я потерялъ бы свое время и наскучилъ читателямъ.

За то *Гризельдисъ* гг. Армана Сильвестра и Эжена Моро, поставленная на театрѣ Французской Комедіи, выдается по граціозности и поэтичности замысла. Арманъ Сильвестръ давно ужъ не доставлялъ намъ такого удовольствія. Онъ оставилъ поэзію и началъ писать пряные разсказы, усугубляя фарсы Поль-де-Кока. Но поэтъ въ немъ не умеръ и талантъ его обнаружился 15 прошлаго мая. Извѣстно, что исторія *Гризельдисъ* составляетъ сюжетъ послѣдней новеллы въ Декамеронѣ Боккаччіо. Это разсказъ о приключеніяхъ маркиза де-Салюсъ, который желалъ убѣдиться въ добродѣтели своей жены и подвергалъ *Гризельдисъ* всевозможнымъ жестокимъ испытаніямъ и мученіямъ. Она выносила все терпѣливо и вернула себѣ любовь ревниваго мужа. Этотъ разсказъ послужилъ темой для одной изъ сказокъ Перро и нѣсколько разъ передѣлывался для сцены какъ драматургами, такъ и композиторами.

Гг. Сильвестръ и Моро передѣлали исторію *Гризельдисъ* посвоему и изъ нея вышла очень милая пьеса. Маркизу де-Салюсъ приходится внезапно покинуть семью и отправиться въ Крестовый походъ. Онъ долженъ разстаться съ ребенкомъ-сыномъ Лоисомъ и дорогою женой. Пріоръ его за́мка боится, чтобы дьяволъ не сыгралъ съ ними какой-нибудь злой штуки въ отсутствіи маркиза, но маркизъ увѣренъ въ добродѣтели Гризельдисъ и клянется, что онъ готовъ даже поспорить въ этомъ съ самимъ дьяволомъ. Тотчасъ же появляется дьяволъ и предлагаетъ биться объ закладъ, говоря, что въ отсутствіи маркиза Гризельдисъ нарушитъ свой долгъ послушанія и вѣрности. Но всѣ ухищренія

злаго духа напрасны: Гризельдисъ не поддастся соблазну, она остается послушною и добродѣтельною. Въ озлобленіи своемъ, дьяволъ похищаетъ у ней ребенка, и Гризельдисъ увѣрена, что мальчикъ попалъ въ руки морскихъ разбойниковъ. Она идетъ на встрѣчу всевозможнымъ опасностямъ, но все напрасно и ей не удается найти маленькаго Лоиса. Наконецъ маркизъ возвращается изъ похода. Онъ узнаетъ, что Гризельдисъ вышла побѣдительницей изо всѣхъ испытаній, радуется этому вмѣстѣ съ ней, но опечаленъ пропажей ребенка... Какъ быть? Вмѣстѣ съ женой маркизъ отправляется въ часовню при замкѣ, гдѣ оба они горячо молятся. Они взываютъ къ св. кресту, и крестъ, стоящій на алтарѣ, внезапно освѣщается и начинаетъ сіять. Въ это время появляется св. Агнесса, покровительница рода Салюсовъ, а у ногъ ея лежитъ спящій Лоисъ. Картина эта прелестна, въ ней виденъ талантъ художника и поэта. Ребенокъ просыпается и бросается въ объятія къ отцу, который молча передаетъ его матери. На этотъ разъ дьяволъ побѣжденъ, а Гризельдисъ осталась женою вѣрною и послушною.

Вся мистерія очаровательна какъ по содержанію, такъ и по средне-вѣковой обстановкѣ, и восхитительной музыкѣ, которая служитъ ей аккомпаниментомъ. Но особенно хороши стихи. Слѣдовало бы привести много выдержекъ, но, за недостаткомъ мѣста, я ограничусь только одною. Прощаясь съ маленькимъ Лоисомъ передъ отъѣздомъ на войну, маркизъ произноситъ слѣдующіе стихи:

Le marquis, *à l'enfant.*

Toi dont, pour le faix lourd des armes,
Je quitte le léger berceau.
Enfantelet, pauvre arbrisseau,
Avant la vie, apprends les larmes.
Prés de toi, c'était le bonheur,
Lá-bas, c'est la souffrance amére,
Cependant je quitte ta mére,
Avant la vie, apprends l'honneur.
Qu'un baiser console et caresse
Celle qui te donna le jour
Garde-lui ta seule tendresse!
Avant la vie, apprends l'amour. *(Il l'embrasse).*
J'ai trois biens; mon amour, mon honneur et ma vie,
Mon amour, je l'emporte au profond de mon cœur,
Croyant en ta parole, ô femme, je confie
Aux mains de Dieu, ma vie, aux tiennes mon honneur.

За исключеніемъ роли жены дьявола и нѣкоторыхъ посредственныхъ мѣстъ, все остальное прекрасно.

Очень удачно было представленіе, данное 1 іюня въ театрѣ Малаго Тріанона, въ Версалѣ, въ пользу фонда на памятникъ скульптору Гудону. Артисты театра Французской Комедіи сыграли *Непредвидѣнное пари*—Седуана, шедшее въ первый разъ 1 августа 1780 года, артисты Комической Оперы исполнили *Деревенскаго колдуна*, а оперныя танцовщицы—миѳологическій дивертисментъ *Психея и Амуръ*. Въ бѣлой раззолоченной залѣ Маріи Антуанеты, украшенной пилястрами съ амурами и рѣзьбой, собралось около трехсотъ человѣкъ избраннаго парижскаго общества. Было, конечно, много прелестныхъ туалетовъ, но могутъ ли они идти въ сравненіе съ туалетами тѣхъ временъ. По этому поводу я вспомнилъ прелестные стихи Альфреда Мюссе:

Aux jours pompeux de votre gloire
Quel heureux monde en ces bosquets!
Que de grands seigneurs, de laquais,
Que de duchesses, de cailletes,
De talons rouges, de paillettes,
Que de soupirs et de coquets,
Que de plumes et de calottes,
De falbalas et de culottes,
Que de poudre sous ces berceaux,
Que de gens sans compter les sots!..

Въ Комической Оперѣ возобновлена *Лакмэ*, извѣстная и русской публикѣ по своей мелодичной, изящной музыкѣ и поэтическому либретто. Въ театрѣ Porte S-t Martin возобновленъ *Маленькій Фаустъ* Эрве, но это грубая пародія на произведеніе Гуно. Въ оперѣ репетируютъ *Лоэнгрина;* надѣюсь, что представленіе его состоится безъ помѣхи со стороны разныхъ недоброжелателей, какъ это было въ Эденѣ въ послѣдній разъ.

* * *

15 мая открылся салонъ на Марсовомъ Полѣ. Около тридцати пяти тысячъ посѣтителей наполняли залы выставки съ десяти часовъ утра до пяти пополудни. Дамы соперничали между собой своими весенними туалетами, въ которыхъ преобладали цвѣта: свѣтло - лиловый и блѣдно - сѣрый. Нигдѣ я не видалъ такого

количества шляпъ и цвѣтовъ. Въ общемъ это было прелестно, такъ какъ обладательницы всего этого большею частью были очень хорошенькія.

Больше всего останавливались предъ десятью портретами Каролюса-Дюрана. По моему мнѣнію лучшій изъ нихъ — портретъ Гуно. Это мастерское произведеніе по освѣщенію, сходству, мягкости тоновъ и тонкости рисунка.

Въ салонѣ на Марсовомъ Полѣ я былъ нѣсколько разъ и нахожу, что онъ ниже салона въ Елисейскихъ Поляхъ. Несомнѣнно и тутъ есть выдающіяся произведенія, но сколько невозможныхъ вещей!.. Такъ-называемая импрессіонистская школа наводнила выставку своими произведеніями. Не могу я привыкнуть ни къ портретамъ г. Каррьера, который, повидимому, пользуется сажей вмѣсто красокъ, чтобы рисовать свои несчастныя жертвы, ни къ эксцентричностямъ гг. Болдини, Бенара, Бланша и *tutti quanti*. Когда случайно эти господа берутся за религіозные сюжеты, они современничаютъ до того, что уничтожаютъ всю поэтичность и идеальность этихъ сюжетовъ. Такъ, г. Жану-Беро пришла странная мысль изобразить появленіе Христа въ собраніи свѣтскихъ людей нашего времени, между которыми замѣчаются Ренанъ, Бурже, дё-Гонкуръ и нѣкоторые другіе. Художникъ нарисовалъ даму въ вечернемъ туалетѣ, упавшую къ ногамъ Христа, отпускающаго ей грѣхи. Это—*Магдалина у Фарисеевъ*, или скорѣе у Парижанъ. Не оспариваю достоинства этой картины, но сознательно или нѣтъ, а художникъ какъ-будто рѣшился на грубую шутку, оскорбительную для религіознаго чувства многихъ деликатныхъ натуръ.

Пусть господа импрессіонисты, наводнившіе своими картинами выставку, знаютъ, что невозможно привыкнуть къ ихъ зеленымъ и синимъ барышнямъ, мертвенно-блѣднымъ піанистамъ, грязнымъ поэтамъ, бѣлымъ женщинамъ, играющимъ красными мячами, сгнившимъ фруктамъ, испорченнымъ окорокамъ и т. п. Школа тумана, дыма и гнили никогда не достигнетъ успѣха.

Публика всегда будетъ предпочитать естественность, правду, поэзію и красоту. Пускай называютъ ее отсталою, но она всегда будетъ цѣнить—и я хвалю ее—произведенія такихъ выдающихся художниковъ, какъ Шаплэнъ, Б. дё-Мувель, Франсэ, Эннэ, Бонна, Рибо и Каролюса-Дюрана.

Въ области скульптуры мало интереснаго. Есть фонтанъ работы Далу, *Живописецъ Буше* работы Обэ, *Меланхолія*—д'Инжаль-

бера, *Материнская любовь* — Вальгрена, статуя принцессы Салернской — Альфреда Лёнуара, предназначенная для королевской часовни въ Дрё, и нѣсколько бюстовъ.

На Елисейскихъ Поляхъ скульптура представлена гораздо лучше и тамъ получитъ большую медаль г. Альфредъ Буше за своего *Землекопа*, напоминающаго лучшія произведенія Пьера Пюже. Это человѣкъ колоссальнаго роста съ успліемъ подымающій лопату полную земли. Анатомическія подробности воспроизведены превосходно. Г. Буше всѣмъ обязанъ своему таланту. Родители его бѣдные крестьяне и до двадцати лѣтъ онъ вмѣстѣ съ ними обрабатывалъ землю, по временамъ пробуя лѣпить. Поль-Дюбуа его замѣтилъ и помѣстилъ въ школу изящныхъ искусствъ. Теперь онъ одинъ изъ нашихъ величайшихъ скульпторовъ.

Г. Вельшингеръ.

ПИСЬМА ИЗЪ ЛОНДОНА.

Письмо VI.

Британская публика въ настоящую минуту наслаждается одною изъ періодическихъ законныхъ сенсацій, дѣлающихъ англійскій судъ центромъ всеобщаго вниманія. Принимая все во вниманіе, сенсаціонное судебное разбирательство составляетъ одно изъ самыхъ популярныхъ развлеченій для забавы и возбужденія настоящаго поколѣнія. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ повѣшаніе считалось верхомъ благополучія для тѣхъ, кто находится въ вѣчной погонѣ за постоянно новыми сильными ощущеніями, а съ тѣхъ поръ, какъ повѣшаніе изъ общественнаго зрѣлища обращено въ частное дѣло, ничто не въ состояніи соперничать съ судебнымъ разбирательствомъ въ качествѣ общественнаго развлеченія. Это въ нѣкоторомъ родѣ современная замѣна гладіаторскихъ игръ, которыми наслаждались римскіе граждане временъ имперіи. Можно принять за правило, что въ нашихъ судахъ жертвы не совсѣмъ-таки мученики первыхъ вѣковъ христіанства, но они все-таки человѣческія существа и зрѣлище того, какъ ихъ рвутъ на части при допросѣ и пытаютъ на глазахъ у подобныхъ же имъ людей, разумѣется, есть одно изъ тѣхъ, которыя доставляютъ наиболѣе сильныя ощущенія. У насъ бываетъ въ теченіе года не болѣе пяти или шести такихъ сенсаціонныхъ дѣлъ, но искатель сильныхъ ощущеній вообще можетъ разсчитывать по крайней мѣрѣ на одно скандальное бракоразводное дѣло, на одно сенсаціонное дѣло объ убійствѣ и наконецъ на одно такое дѣло, куда замѣшаны люди высокопоставленные и касающееся

или духовнаго завѣщанія, или пари, или, наконецъ, какого-нибудь другаго общественнаго инцидента, который влечетъ людей предъ лицо судьи и присяжныхъ.

Великое громкое дѣло, въ настоящую минуту совершенно поглотившее всеобщее вниманіе, какъ разъ то дѣло, котораго я уже касался раньше, назвавъ его великимъ скандаломъ за баккара. Своимъ интересомъ оно обязано не только тому факту, что джентльменъ стариннаго рода и высокаго положенія обвиняется въ плутовствѣ за баккара въ домѣ г. Артура-Вильсона, который въ то время, когда, какъ говорятъ, произошло самое мошенничество, занималъ общество, среди котораго первымъ гостемъ былъ принцъ Вельсскій, но также и тому, что здѣсь находился принцъ Вельсскій, который, будучи призванъ въ то время, чтобъ уладить споръ, впослѣдствіи былъ вызванъ въ судъ въ качествѣ свидѣтеля. Перваго обстоятельства было бы вполнѣ достаточно, чтобы зала суда ежедневно была переполнена, но второе подняло дѣло до высоты великаго общественнаго и политическаго событія. Сильное соображеніе въ этомъ дѣлѣ въ пользу сэръ-Вильяма Гордона-Кэмминга заключается въ отсутствіи достаточнаго мотива для объясненія того, что онъ уступилъ соблазну обмануть своихъ партнеровъ. Генералъ-прокуроръ при открытіи засѣданія по дѣлу сэръ-Вильяма Гордона-Кэмминга особенно настаивалъ на этомъ пунктѣ.

„Это важное серьезное дѣло, сказалъ онъ; здѣсь идетъ вопросъ о чести и всей будущности джентльмена и солдата. Сэръ-Вильяму Гордонъ-Кэмммингу нѣтъ еще и 43 лѣтъ, а онъ уже 23 года служилъ своей странѣ въ арміи и служилъ съ большимъ отличіемъ. Въ 1879 г. онъ участвовалъ въ Зулусской войнѣ, присутствовалъ въ войнѣ въ Улунди и по окончаніи этой войны получилъ медаль. Въ 1882 году онъ былъ въ траншеяхъ Тель-эль-Кебира и за это сраженіе также заслужилъ медаль. Въ 1884 году онъ былъ въ Верблюжьемъ корпусѣ въ Египтѣ и дрался при Метеммахѣ и при Губатскихъ источникахъ; онъ оставался до сихъ поръ на службѣ, на которой онъ уже состоялъ такое долгое время, и былъ подполковникомъ Шотландской гвардіи. Денежныя средства у него нескудныя. Онъ баронетъ, имѣющій мѣсто въ Шотландіи и домъ для жительства въ Лондонѣ; въ теченіе многихъ лѣтъ онъ повидимому пользовался всѣмъ, что̀ дѣлаетъ жизнь счастливою и пріятною. Состоя на службѣ, которой онъ былъ преданъ и въ которой онъ отличился, имѣя

обширныя средства, пользуясь дружбой самыхъ именитыхъ людей страны, онъ теперь является въ судѣ по обвиненію, что онъ послѣ жизни, проведенной въ пользованіи такими преимуществами, вдругъ былъ уличенъ въ томъ, что спустился до плутовства въ картахъ, до старанія ограбить одного или двухъ изъ своихъ самыхъ старинныхъ пріятелей."

Генералъ-прокуроръ сэръ-Эдвардъ Кларъ приступилъ къ дѣлу весьма искусно и съумѣлъ обратить въ пользу своего кліента тотъ фактъ, что онъ подписалъ обѣщаніе никогда болѣе не играть въ карты. До сихъ поръ обыкновеннымъ доказательствомъ было, что невиновный человѣкъ никогда бы не подписалъ подобнаго обѣщанія. Сэръ-Вильямъ Гордонъ-Кэмлингъ пожертвовалъ собою, чтобы прикрыть принца Вельсскаго, но затѣмъ его адвокатъ воспользовался случаемъ, чтобы съ бо́льшимъ эффектомъ повернуть дѣло противъ принца Вельсскаго, какъ это видно изъ слѣдующей выдержки его рѣчи:

„Еслибы принцъ Вельсскій вѣрилъ въ виновность истца, то нельзя было бы допустить его до подписи документа. Его королевское высочество—фельдмаршалъ британской арміи и ему не безъизвѣстно правило устава, по которому, если офицеръ велъ себя недостойно, то объ этомъ должно быть донесено его командиру и затѣмъ правило требуетъ немедленнаго назначенія разслѣдованія дѣла. Я не говорю, чтобы не бывало нарушеній этого правила; но, полагая, что обвиненіе ошибочно и что не было ничего такого, въ чемъ бы былъ уличенъ сэръ-Вильямъ Гордонъ-Кэмлингъ, никто и не можетъ порицать принца Вельсскаго и генерала Оуэна Вильямса за то, что они не сочли нужнымъ сообщить этого обстоятельства командиру сэръ-Вильяма. Съ другой стороны, еслибъ они вѣрили въ то, что сэръ-Вильямъ Гордонъ-Кэмлингъ былъ пойманъ въ Транби-Крофдѣ въ мошенничествѣ въ картахъ, то невозможно, чтобъ они пошли на какое-либо соглашеніе или же участвовали бы въ соглашеніи относительно такой вещи. Возможно ли допустить, чтобы сэръ-Вильямсъ съ санкціей фельдмаршала его королевскаго высочества принца Вельсскаго вернулся къ своимъ товарищамъ офицерамъ и занялъ бы свое прежнее положеніе въ арміи, какъ офицеръ и джентльменъ, когда было бы извѣстно, что онъ виновенъ въ томъ, что̀, какъ только сдѣлается общеизвѣстно, должно повести къ его позорному исключенію изъ арміи?"

Это, однако, нѣсколько опасный аргументъ, такъ какъ онъ

выдвигаетъ принца Вельсскаго предъ публикой несравненно болѣе того, чѣмъ это хорошо или полезно для его королевскаго высочества. Сэръ-Вильямъ Гордонъ-Кэмлингъ былъ знакомымъ принца Вельсскаго въ продолженіи двадцати лѣтъ и личнымъ близкимъ пріятелемъ его въ продолженіи десяти лѣтъ. Лордъ Ковентри и генералъ Оуэнъ Вильямсъ, доставившіе къ нему бумагу и заставившіе его подписать ее, очевидно поступили такъ на томъ основаніи, что одно упоминаніе о томъ, что принцъ Вельсскій былъ банкометомъ въ баккара повело бы къ публичному скандалу. Такимъ образомъ они принудили сэръ-Вильяма подписать бумагу, чтобы прикрыть принца, „но, продолжалъ съ значительною силой сэръ-Эдвардъ Кларкъ, они не имѣли права и по всей вѣроятности и не имѣли помышленія извинять проступокъ, въ которомъ сэръ-Вильямъ Гордонъ-Кэмлингъ обвинялся лишь въ виду прикрытія принца. Еслибы лордъ Ковентри зналъ, что сэръ-Вильямъ Гордонъ-Кэмлингъ виновенъ въ мошенничествѣ въ картахъ и что онъ былъ пойманъ и уличенъ въ мошенничествѣ въ картахъ, то лордъ Ковентри не имѣлъ бы права хотя бы одинъ лишній день оставить его членомъ клуба, гдѣ они на равной ногѣ встрѣчались со всѣми пріятелями.“

Такимъ образомъ имъ приходится выбирать одну изъ двухъ дилеммъ: или они знаютъ, что онъ невиновенъ — и въ такомъ случаѣ предоставили его самымъ ужаснымъ обвиненіямъ съ цѣлью спасенія отъ нареканія принца Вельсскаго; или же они знали, что онъ виновенъ, и въ такомъ случаѣ, опять-таки съ цѣлью выгораживанія принца, они прощали общественное преступленіе, о которомъ были обязаны заявить и командиру его полка, и членамъ своихъ клубовъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ, поведеніе ихъ подлежитъ порицанію, потому что оно предосудительно не только само по себѣ, но не хорошо еще и тѣмъ, что не повело къ достиженію желанной цѣли. Скандалъ соединенный съ этимъ дѣломъ несравненно больше теперь, чѣмъ онъ былъ бы; никто не вступался со своимъ ультиматумомъ и кажущимся признаніемъ. Это приводитъ меня ко второму важному пункту судебнаго разбирательства, а именно къ роли принца Вельсскаго въ этомъ дѣлѣ. Его королевское высочество никогда не старался выдавать себя за человѣка со строгими нравственными правилами, но хотя въ обществѣ и было хорошо извѣстно, что онъ человѣкъ, преданный удовольствіямъ и развлеченіямъ, обыкновенно свойственнымъ свѣт-

скимъ людямъ, тѣмъ не менѣе, инстинктивно сознавалось и всѣми его окружающими и самимъ его королевскимъ высочествомъ, что было бы въ высшей степени пагубно для его репутаціи, еслибъ ему вдругъ пришлось фигурировать въ качествѣ банкомета въ баккара въ то время, когда одинъ изъ участниковъ игры обвиняется и уличается въ мошенничествѣ. Судебное разбирательство вполнѣ выяснило тотъ фактъ, что, не взирая на предположеніе сэръ-Эдварда Кларка, принцъ Вельсскій, лордъ Ковентри и генералъ Вильямсъ не имѣли ни малѣйшаго сомнѣнія относительно виновности сэръ-Вильяма Гордонъ-Кэмминга. Они отправили къ нему записку, въ которой заявляли: „мы не имѣемъ желанія быть безъ нужды жестоки къ вамъ, но вы должны ясно понимать, что въ виду поразительной очевидности противъ васъ было бы безполезно отрицать обвиненіе.“ Какъ старые друзья, и въ его собственныхъ интересахъ, они обѣщались хранить строжайшее молчаніе. Общее мнѣніе будетъ таково, что они несравненно менѣе заботились бы о благополучіи и интересахъ стараго пріятеля, еслибы въ нихъ не преобладало желанія выгородить принца, что̀ заставило ихъ простить проступокъ, который иначе повлекъ бы за собою немедленныя мѣры какъ со стороны командира его полка, такъ и со стороны клубовъ, членомъ которыхъ состоялъ обвиняемый человѣкъ.

Очевидно, что самъ принцъ вѣритъ въ виновность сэръ-Гордона-Кэмминга и что таково же мнѣніе и генерала Оуэна Вильямса, который вызывается единственнымъ другимъ свидѣтелемъ по дѣлу сэръ-Вильяма Гордонъ-Кэмминга, а потому всѣ полагаютъ, что и результатъ разбирательства можетъ быть только одинъ. Что̀ сдѣлается съ сэръ-Вильямомъ Гордонъ-Кэмминг омъ, если присяжные рѣшатъ, что онъ обвиняется справедливо, объ этомъ больно подумать. Это составляетъ одну изъ самыхъ удивительныхъ фазъ общественной этики, что на мошенничество въ картахъ на сравнительно малую цифру смотрятъ какъ на преступленіе, которому нѣтъ прощенія и которое подвергаетъ совершившаго его немедленному и строгому остракизму. Принимая во вниманіе, что на несравненно худшіе проступки смотрятъ какъ на простительные, эта исключительная строгость къ плутовству въ картахъ является одною изъ тѣхъ аномалій, которыя такъ же трудно объяснить, какъ невозможно не знать.

До начала разбирательства дѣла о баккара главнымъ предметомъ всѣхъ разговоровъ была инфлуэнца. Въ нынѣшнемъ году

эта непріятная эпидемія была у насъ несравненно сильнѣе чѣмъ въ прошломъ. Она была истиннымъ бичемъ, повидимому выбиравшимъ свои жертвы среди лицъ, стоящихъ значительно выше прочихъ. Она уложила обоихъ архіепископовъ, и одинъ изъ нихъ, архіепископъ Іоркскій, скончался. У г. Гладстона былъ весьма серьезный приступъ инфлуэнцы, настолько серьезный, что истина въ теченіе самыхъ критическихъ дней тщательно скрывалась, но его необычайная жизненность вмѣстѣ съ чрезвычайною заботливостью г-жи Гладстонъ объ его здоровьѣ сохранили его послѣ приступа, который могъ бы оказаться роковымъ для большинства людей. Большинство его сотоварищей на передней скамьѣ оппозиціи были свалены съ ногъ на многія недѣли. Г. Морлей только-что началъ поправляться, г. Мэнделла еще не лучше. Инфлуэнца,—это довольно любопытно,—повидимому оказала больше предпочтенія либеральнымъ вождямъ чѣмъ вождямъ консерваторовъ, но всего тяжеле обрушилась на сторонниковъ министерства. Къ счастью самый тяжкій видъ недуга исчезаетъ, и мы надѣемся, что къ срединѣ лѣта болѣзнь вовсе покинетъ страну.

Ни инфлуэнца, ни какой-либо иной недугъ, не въ состояніи уменьшить удовольствія либераловъ при доставленномъ имъ послѣдними дополнительными выборами доказательствѣ несомнѣнности ихъ побѣды на будущихъ общихъ выборахъ. Въ теченіе послѣдняго мѣсяца было нѣсколько дополнительныхъ выборовъ, и всѣ они были въ одномъ направленіи. Въ семи различныхъ округахъ, въ городахъ и графствахъ, въ Англіи и Шотландіи, избирателямъ былъ доставленъ случай выразить свои взгляды на либеральную и консервативную партіи, и они съ удивительнымъ единодушіемъ показали, что превосходство остается на сторонѣ либераловъ. Выборы въ Песлеѣ, которые только-что состоялись, составляютъ одни изъ немногихъ выборовъ, происходившихъ въ Шотландіи. Нѣкоторое время тому назадъ, среди министеріалистовъ очень много толковали о томъ, что Шотландія болѣе клонится на сторону правительства. Выборы въ Песлеѣ, повидимому, доказали, что, напротивъ, министерство никогда не было слабѣе въ Шотландіи, чѣмъ въ настоящее время. Либеральное большинство въ Песлеѣ не только больше теперь, чѣмъ оно было въ 1886 г., что̀ можно было ожидать, но что оно даже больше того, чѣмъ было въ 1885 г., что̀, разумѣется, несравненно болѣе важно, такъ какъ не было никакого основанія надѣяться на это. Въ Англіи не только скандалъ, соединенный съ исключеніемъ капи-

тана Варнея изъ числа членовъ палаты общинъ, могъ подавить возрастаніе либеральныхъ чувствъ въ его собственномъ округѣ, гдѣ либеральный кандидатъ былъ избранъ даже большимъ большинствомъ, чѣмъ даже самъ капитанъ Варней. Вслѣдствіе этого г. Гладстонъ и друзья г. Гладстона смотрятъ на результатъ ближайшаго воззванія къ странѣ, какъ на вопросъ, практически заранѣе рѣшенный. При такомъ положеніи дѣла вы можете быть увѣрены, что лордъ Солсбери, по крайней мѣрѣ, еще годъ не распуститъ палатъ. Несомнѣнность того, что день роспуска будетъ свидѣтелемъ его выселенія изъ Доунингъ-Стрита вполнѣ достаточно оправдываетъ то обстоятельство, что онъ на возможно болѣе долгій срокъ откладываетъ обращеніе къ странѣ.

Очень много толкуютъ о причинѣ либеральнаго оживленія, или вѣрнѣе о консервативной потери силъ. Свободное образованіе, которое, какъ одно время надѣялись, будетъ талисманомъ побѣды для министеріалистовъ, повидимому, оказалось совершенно несостоятельнымъ въ качествѣ избирательнаго оружія. Одна секція консерваторовъ прямо заявляетъ, что свободное образованіе не только не помогло имъ пріобрѣтать мѣста, а даже создало серьезныя затрудненія къ тому, чтобы сохранить за собой уже имѣющіяся. Какъ бы то ни было, дѣйствіе этого билля, который еще не былъ внесенъ и который по всѣмъ вѣроятіямъ не пройдетъ въ этомъ году, сильно преувеличивается. Что̀ кажется несравненно вѣроятнѣе, такъ это то, что кабатчики дуются, а кабатчики такъ же важны для консерваторовъ, какъ диссидентскіе священники для либераловъ. Можно считать за несомнѣнное, что консерваторамъ никогда не удастся вести страну, если они не съумѣютъ устроить, чтобы кабатчики были въ хорошемъ настроеніи духа, точно также несомнѣнно и то, что либералы отправятся на общіе выборы на вѣрную свою погибель, если будутъ находиться не въ ладахъ съ диссидентами. Г. Гошенъ имѣлъ несчастіе горько обидѣть кабатчиковъ, отказавшись выставить значеніе ихъ огромной избирательной силы, а либераламъ это пришлось какъ разъ на руку.

Съ нѣкоторыхъ точекъ зрѣнія это весьма прискорбно, потому что каковы бы ни были наши личные или партійные взгляды на достоинства или недостатки консервативнаго правленія въ Ирландіи, или у насъ дома, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что лордъ Солсбери превосходно дѣйствовалъ въ качествѣ министра

иностранныхъ дѣлъ. Онъ показалъ странѣ, что для консервативнаго министра возможно слѣдовать иностранной политикѣ, которая одновременно и достойна, и миролюбива, и что онъ въ состояніи поддерживать честь страны, не прибѣгая постоянно къ вызовамъ и задиркамъ, съ которыми лордъ Биконсфильдъ обыкновенно обращался къ Россіи. По всей вѣроятности, ни для иностранной ни для колоніальной политики перемѣна министровъ не поведетъ къ лучшему. Скорѣе можно ожидать, что перемѣна въ данномъ отношеніи поведетъ къ худшему.

Въ послѣднемъ нумерѣ *Contemporary Review* Криспи помѣстилъ статью, въ которой видна его личность, но скрыто имя за подписью: „итальянскій государственный дѣятель“. Въ этой статьѣ Криспи ясно даетъ понять, что въ случаѣ нападенія Франціи на Италію, Италія разсчитываетъ на поддержку Великобританіи. Лордъ Солсбери, разумѣется, не входилъ ни въ какія договорныя сношенія съ Италіей по этому поводу, но въ виду вполнѣ яснаго заявленія синьора Криспи невозможно сомнѣваться въ томъ, что англійскій премьеръ далъ понять итальянскому правительству, что Итальянцы могутъ разсчитывать на нѣчто большее, чѣмъ на доброжелательный нейтралитетъ со стороны Англіи въ томъ случаѣ, если Франція начнетъ войну. Что у Франціи, или у значительнаго количества Французовъ есть сильное расположеніе напасть на Италію, точно также вполнѣ явствуетъ изъ этой статьи, разсмотрѣть которую слѣдовало бы всѣмъ, кто желаетъ знать о ходѣ дѣлъ во внутреннихъ движеніяхъ европейской дипломатіи. Криспи разсказываетъ также любопытную исторію о положеніи, принятомъ папой относительно этого вопроса о франко-итальянской войнѣ. Одно время папа былъ избранъ Франціей агентомъ или, скорѣе, предлогомъ для вызова всеобщей войны, во время которой Французы надѣялись возвратить себѣ Альзасъ-Лотарингію. Когда же время для дѣйствія наступило, папа отказался покинуть Римъ и такимъ образомъ отлично составленные замыслы французскихъ интригъ рушились. Умыселъ ихъ состоялъ въ томъ, чтобы папа бѣжалъ изъ Ватикана и бѣгство его послужило бы оправданіемъ французскаго вмѣшательства. Такъ какъ это означало бы войну, то папа естественно уклонился отъ того, чтобы зажечь спичку, которая должна была быть брошена въ европейскіе пороховые склады. Его отказъ испортилъ весь планъ. Говорятъ будто онъ, между прочимъ, замѣтилъ, что еслибъ ему снова пришлось

царствовать въ Римѣ, то для поддержанія порядка онъ призвалъ бы итальянскія войска. Сомнѣваюсь, чтобы папа дѣйствительно сказалъ подобную вещь, но Крисни разсказываетъ эту исторію, какъ будто вполнѣ вѣритъ ей.

Вы вѣроятно уже получили энциклику, въ которой папа обращается къ своимъ епископамъ касательно рабочихъ условій. Въ настоящее время въ нашей странѣ она не произвела особеннаго впечатлѣнія, но значеніе ея не замедлятъ признать. Что до кардинала Маннинга, то онъ въ восторгѣ. Я былъ у него вчера и засталъ его въ самомъ хорошемъ настроеніи духа, такъ какъ теперь папа далъ свое *imprimatur* всѣмъ писаніямъ и поученіямъ кардинала Маннинга, на которыя до сихъ поръ всѣ смотрѣли какъ на ученія слишкомъ близкія къ разглагольствованіямъ соціалистовъ и революціонеровъ. Энциклика, какое бы ни было ея внутреннее значеніе, служитъ большимъ оправданіемъ для нашего кардинала. Онъ разослалъ ея копіи по всѣмъ членамъ королевской коммиссіи по рабочему вопросу и, кромѣ того, энциклика будетъ читаться во всѣхъ католическихъ церквахъ и Англіи и Вельса.

Намъ угрожаетъ крупная стачка служащихъ при омнибусахъ въ Лондонѣ. Примѣръ кучеровъ конокъ въ Вѣнѣ былъ не таковъ, чтобы служить поощреніемъ для подобныхъ же стачекъ въ прочихъ столицахъ Европы, но успѣхъ кучеровъ и кондукторовъ парижскихъ омнибусовъ, повидимому, въ различныхъ мѣстахъ подѣйствовалъ какъ искра, брошенная въ порохъ. Между прочимъ, это вызвало сильное стремленіе учредить союзъ между всѣми лицами—кондукторами, кучерами и проч.—состоящими на службѣ компаній омнибусовъ и конокъ. Въ настоящее время они на службѣ очень много часовъ. Они требуютъ, чтобы число рабочихъ часовъ было сокращено до двѣнадцати. Затѣмъ они требуютъ, чтобъ имъ давался одинъ день отдыха каждыя двѣ недѣли. Такъ какъ всѣ они грозятъ забастовать въ будущую субботу, то Лондонъ можетъ оказаться въ такомъ же положеніи, въ какомъ находился Парижъ, если до тѣхъ поръ не будетъ достигнуто какого-либо соглашенія. По всей вѣроятности споръ могъ бы быть улаженъ, еслибы съ одной стороны былъ поставленъ вопросъ о жалованьѣ, а съ другой стороны условія работы были бы приспособлены къ двѣнадцати рабочимъ часамъ, то-есть, чтобы рабочій день былъ опредѣленъ въ двѣнадцать часовъ и затѣмъ двѣнадцать рабочихъ дней были бы назначены

на двѣ недѣли. Однако, Лондонъ все-таки былъ бы въ лучшемъ положеніи, чѣмъ Парижъ, благодаря существованію въ немъ подземной желѣзной дороги, которая собрала бы золотую жатву въ случаѣ всякой задержки движенія омнибусовъ.

Dr. Геффкенъ, заключеніе котораго было однимъ изъ тѣхъ самовластныхъ поступковъ, указывавшихъ на то, что германскій колоссъ близится къ своему паденію, находится въ настоящее время въ Лондонѣ съ цѣлію чтенія лекцій на Германской выставкѣ. Такъ какъ одинъ изъ его предметовъ—русскіе финансы, то взгляды его могутъ имѣть нѣкоторый интересъ для русскихъ читателей. Я нашелъ Dr. Геффкена въ отличномъ настроеніи, весьма радующагося безвозвратной гибели его противника и склоннаго смотрѣть на свои девяносто-девятидневное заключеніе, какъ на занимательное воспомпнаніе. Къ сожалѣнію, я долженъ сказать, что Dr. Геффкенъ имѣетъ крайне мрачный взглядъ на финансовое положеніе Россіи. Основной пунктъ его взгляда тотъ, что русскіе финансы слишкомъ исключительно зависятъ отъ доходовъ съ питейныхъ налоговъ. Прочіе налоги такъ тяжело ложатся на крестьянство, что крестьяне принуждены прибѣгать къ ростовщикамъ, которые берутъ громадные проценты, а такъ какъ ростовщиками обыкновенно бываютъ кабатчики, то все населеніе сельскихъ округовъ все болѣе и болѣе переходитъ въ руки наиболѣе предосудительнаго класса общества.

Изъ глубины Центральной Азіи до меня дошли свѣдѣнія, что замѣчаніе, не формально сдѣланное г. Лессаромъ при посредствѣ англійской печати индійскому правительству, имѣло самое благотворное дѣйствіе, умѣривъ звѣрства кабульскаго эмира Абдуррахмана. Это служитъ любопытнымъ доказательствомъ силы вовремя и кстати сказаннаго слова.

В. Стэдъ.

2 іюня 1891 г.

ТЕКУЩІЕ ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ.

VI.

Вооруженіе или разоруженіе?

On peut s'appuyer sur les bayonettes,
mais on ne peut pas s'y asseoir.

Talleyrand.

Der ewige Friede ist ein Traum und
nicht einmal ein schöner Traum.

Moltke.

Я получилъ на дняхъ изъ Рима письмо, изъ котораго извлекаю слѣдующее мѣсто:

„Говорятъ, что новый итальянскій министръ-президентъ маркизъ ди-Рудини мотивировалъ необходимость возобновленія тройнаго союза со стороны Италіи слѣдующимъ образомъ:

„— Еслибы дѣло шло о первоначальномъ *вступленіи* Италіи въ австро-германскій союзъ, я, вѣроятно, съумѣлъ бы устроить такъ, чтобъ Италія, не связывая себя какимъ-либо договоромъ, сохранила дружественныя отношенія съ Франціей, Германіей и Австро-Венгріей. Но теперь дѣло идетъ о *возобновленіи* тройнаго союза, и Италія стоитъ предъ дилеммой: имѣть либо союзниковъ, либо враговъ въ лицѣ двухъ могущественныхъ имперій, а вѣроятно и Англіи, такъ какъ выступленіе Италіи изъ лиги мира равнялось бы фактически вступленію ея въ союзъ съ Франціей и Россіей; а такъ какъ на самомъ дѣлѣ франко-русскаго союза

не существуетъ, то Италія была бы поставлена въ самое невыносимое положеніе: надъ нею тяготѣли бы всѣ невыгоды союза, который, между тѣмъ, не существуя, не представлялъ бы ей никакихъ выгодъ. А потому мнѣ вѣроятно ничего не останется, какъ возобновить, съ нѣкоторыми для насъ выгодными оговорками, союзъ съ Германіей и Австріей, тѣмъ болѣе, что это намъ дастъ возможность разсчитывать на поддержку со стороны Англіи... Обыкновенно говорятъ, что участіе наше въ лигѣ мира губитъ Италію, возлагая на нее непосильное бремя милитаризма; но это невѣрно: еслибы мы, не вступивъ въ эту лигу, сохранили свою самостоятельность, то это нисколько насъ не избавило бы отъ тѣхъ дѣйствительно тяжелыхъ затратъ, которыя мы производимъ и будемъ производить на наше вооруженіе; напротивъ того, эти затраты были бы еще значительнѣе, такъ какъ мы были бы изолированы и должны были бы ожидать войны со всѣхъ сторонъ, не разсчитывая на чью-либо помощь. Нынѣ усиленно вооружается вся Европа; можетъ ли Италія отставать отъ прочихъ державъ, которыя вѣдь не гарантировали ей нейтралитета, какъ онѣ это сдѣлали для Бельгіи и Швейцаріи? *Сила обстоятельствъ предписала Европѣ режимъ вооруженнаго мира*, и всѣмъ намъ, піемонтамъ, какъ самостоятельнымъ, такъ и союзнымъ государствамъ, приходится поневолѣ подчиниться этому режиму и лѣчиться усиленнымъ пріемомъ желѣза; тутъ уже для насъ нѣтъ выбора, мы не можемъ ни отказаться отъ этого лѣченія, ни по своему произволу прервать его: въ томъ и другомъ случаѣ намъ грозитъ неминуемая гибель. Чѣмъ все это кончится, я не знаю, а пока необходимо *вооружаться, вооружаться и вооружаться!*“

Я показалъ это письмо близкому мнѣ знакомому, добрѣйшему человѣку, избравшему себѣ ученою спеціальностью международное право.

Онъ пришелъ въ ужасъ отъ заключительныхъ словъ моего римскаго корреспондента:

— Какова перспектива! воскликнулъ онъ,—вооружаться, вооружаться и вооружаться! Да гдѣ же конецъ этимъ вооруженіямъ? Вся Европа стонетъ подъ игомъ милитаризма, и никому и въ голову не приходитъ, что та „сила обстоятельствъ“, на которую жалуется маркизъ ди-Рудини, тотчасъ же измѣнится, какъ только этого пожелаютъ великія европейскія державы. Онѣ сами себѣ прописали „желѣзный режимъ“, онѣ же могутъ и отмѣнить его

и замѣнить другимъ лѣченіемъ, режимомъ разоруженій, международныхъ судовъ и вѣчнаго мира.

— То-есть чѣмъ-то въ родѣ „молочнаго лѣченія“? замѣтилъ я.

— Называйте его какъ хотите, но относитесь къ нему съ достодолжною серьезностью. *Спасеніе Европы зависитъ отъ прогрессивнаго развитія международнаго права.*

Слова эти мой знакомый произнесъ съ такою искреннею убѣжденностью, въ его глазахъ блеснула такая яркая искра глубокой мистической вѣры, что я на минуту былъ готовъ преклониться предъ абсолютною истиной пророческаго откровенія этого апостола международнаго права. Но неисправимый мой скептицизмъ ко всякаго рода мистическимъ откровеніямъ, кромѣ Откровенія Божія, вывелъ меня изъ моего благоговѣйнаго настроенія. Я рѣшился воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы подробнѣе поговорить съ моимъ ученымъ другомъ (назовемъ его Z.) на эту тему, которой мы не разъ уже касались въ прежнихъ своихъ съ нимъ бесѣдахъ.

— Не можете ли вы мнѣ сказать, спросилъ я,—въ чемъ именно должно заключаться „прогрессивное развитіе международнаго права“, и какимъ путемъ оно совершитъ спасеніе Европы?

— О, это очень просто, воскликнулъ Z., усаживаясь удобнѣе въ кресло и предвкушая удовольствіе отъ побѣдоноснаго изложенія своей любимой идеи.—Международное право должно развиться до той полноты, какою отличается гражданское и уголовное право современныхъ цивилизованныхъ государствъ. Всѣ народы составятъ какъ бы одно великое государство, въ которомъ они будутъ относиться другъ къ другу точно такъ же, какъ относятся другъ къ другу отдѣльные граждане какого-либо цивилизованнаго государства. Всѣ возникающіе между ними споры, всѣ гражданскія и уголовныя правонарушенія будутъ разбираться въ верховномъ международномъ судилищѣ, которое будетъ по всѣмъ подобнымъ дѣламъ постановлять окончательныя рѣшенія, и подобно тому, какъ въ отдѣльныхъ государствахъ личная кровавая месть замѣнена теперь справедливымъ государственнымъ судомъ, точно такъ же и въ великомъ международномъ государствѣ національная кровавая месть, именуемая „войной“, будетъ замѣнена справедливымъ международнымъ судомъ.

— Итакъ, сказалъ я,—для водворенія вѣчнаго мира прежде всего нужно образовать великое международное государство. Идея не новая: вѣдь и Киръ Великій, и Александръ Македонскій, и

римскіе Цезари, и Наполеонъ стремились основать всемірную монархію для водворенія всемірнаго мира...

— Что вы, что вы! почти испуганно замахалъ руками Z,— что войной начинается, то и кончится войной; всемірныя завоеванія неразлучны съ грубымъ деспотизмомъ и суровымъ милитаризмомъ, а этихъ двухъ элементовъ достаточно для поддержанія постоянной опасности войны. Нѣтъ, то всемірное государство, о которомъ *я* мечтаю, будетъ состоять изъ народовъ добровольно соединившихся во имя общей идеи всемірнаго прогресса.

— Но вѣдь и эта идея добровольнаго соглашенія государствъ для водворенія общаго мира тоже не отличается новизной: ее пытались осуществить въ началѣ нашего столѣтія подъ видомъ Священнаго Союза, и вы знаете, чѣмъ кончилась эта затѣя.

— Да она и не могла иначе кончиться, такъ какъ Священный Союзъ былъ заключенъ государями, а не народами, побѣдоносно отвѣтилъ Z.

— А развѣ государи безъ народовъ не въ состояніи поддержать миръ? спросилъ я.

— Конечно нѣтъ! воскликнулъ Z.—Вѣдь еще Кантъ въ своемъ знаменитомъ сочиненіи *Zum ewigen Frieden* требовалъ, чтобы всѣ государства имѣли республиканскую или по крайней мѣрѣ представительную форму правленія, такъ чтобы безъ согласія гражданъ нельзя было объявить войны, а граждане, разумѣется, никогда не захотятъ накликать на себя всѣ военные ужасы.

— Это нѣсколько наивное предположеніе, замѣтилъ я,—вѣдь вы помните, что не далѣе, какъ еще въ 1870 году представители Французскаго народа почти единогласно рѣшили ввергнуть свое отечество въ войну съ Германіей.

— Помилуйте, да какія же при Наполеонѣ могли быть представители народа. Вѣдь большинство Законодательнаго Корпуса состояло изъ правительственныхъ креатуръ; я говорю о *настоящихъ*, а не о подставныхъ представителяхъ народа.

— То-есть вы говорите о чисто демократическомъ государствѣ?

— Ну да, конечно.

— Мы знаемъ въ исторіи такія чисто демократическія государства: это древне-греческія республики, которыя управлялись даже не представителями народа, а прямо-таки самимъ народомъ; и что же? эти республики объявляли то и дѣло другъ другу безпрестанныя войны, которыя прекратились только тогда, когда

эллинскія демократіи умолкли предъ усмирившею ихъ волей Македонскаго монарха.

— Древне-греческія демократіи намъ не указъ, возразилъ мнѣ съ нѣкоторымъ азартомъ Z.,—онѣ были окружены варварами, не дававшими имъ возможности доразвиться до истинной цивилизаціи...

— Ну, а Сѣверо-Американскіе Штаты или Французская республика? Это ли не представители вполнѣ развившейся демократической цивилизаціи? А между тѣмъ мы всѣ еще помнимъ великую сѣверо-американскую междуусобную войну, и вы не станете отрицать, что, въ случаѣ необходимости, представители и сѣверо-американскаго и Французскаго народа рѣшатся на войну, несмотря на всѣ ея ужасы.

— Да, именно *въ случаѣ необходимости*, такъ какъ этимъ демократическимъ государствамъ приходится пока еще считаться съ государствами недемократическими, играющими въ настоящее время ту же роль, которая принадлежала въ древнемъ мірѣ варварамъ, не дававшимъ греческимъ республикамъ доразвиться до истинной цивилизаціи.

— Ну объ этомъ еще можно поспорить, замѣтилъ я,—греческія республики начали приходить въ упадокъ не тогда, когда имъ мѣшали варвары, а въ то время, когда онѣ перестали бояться этихъ варваровъ и исключительно занимались своими внутренними дѣлами. Но не о томъ теперь рѣчь. Изо всего вами сказаннаго я вывожу то заключеніе, что та „сила обстоятельствъ“, на которую жалуется маркизъ ди-Рудини, вовсе не можетъ *тотчасъ* измѣниться, какъ этого только пожелаютъ европейскія державы. Оказывается, что для этого измѣненія всѣ государства должны превратиться въ чисто-демократическія республики, а это, вопервыхъ, по-моему, вовсе нежелательно, а вовторыхъ, и невозможно.

Мой ученый другъ нѣсколько задумался.

— Мы уклонились отъ главной темы нашего разговора, замѣтилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія болѣе покойнымъ, самоувѣреннымъ тономъ;—я говорилъ, что *немедленно* можно было бы приступить къ *всеобщему разоруженію*, и это было бы, конечно, только первымъ шагомъ къ тому идеалу, о которомъ мы съ вами только-что говорили и который, конечно, въ скоромъ времени осуществиться не можетъ.

— А мнѣ вотъ кажется, что не только этотъ идеалъ, но и первый шагъ къ нему не можетъ осуществиться.

— Почему же?

— Да потому что разоруженіе не мыслимо безъ высшаго международнаго судилища, а такое судилище есть чистѣйшая утопія.

— Почему же утопія? снова загорячился Z.—Международное право уже и теперь достигло такого развитія, что можетъ, напримѣръ, третейскими судами предотвращать войны, а вѣдь отъ третейскихъ судовъ до международныхъ или по крайней мѣрѣ общеевропейскихъ судовъ, одинъ только шагъ. Къ тому же, вы знаете, что Институтъ Международнаго Права уже выработалъ и издалъ регламентъ для международнаго судопроизводства...

— Все это не убѣдительно, прервалъ я расходившагося Z.;— вопервыхъ, бывшіе до сихъ поръ третейскіе суды ровно ничего не доказываютъ...

— Какъ не доказываютъ? А приговоръ короля Бельгійскаго, помирившій въ 1863 году Англію съ Бразиліей? А рѣшеніе президента Соединенныхъ Штатовъ, положившее въ 1870 году конецъ англо-португальскому спору изъ-за обладанія островомъ Болама въ западной Африкѣ? А знаменитый Алабамскій вопросъ, разъединявшій такъ долго Соединенные Штаты съ Англіей и благополучно разрѣшенный въ 1872 году Женевскимъ третейскимъ судомъ? Наконецъ, въ недавнее еще время Германскій императоръ уладилъ своимъ приговоромъ англо-американскій конфликтъ изъ-за обладанія Санъ-Хуанскаго архипелага, а пять лѣтъ тому назадъ папа разрѣшилъ Каролинскій вопросъ, изъ-за котораго чуть не возгорѣлась испанско-германская война.

— Я отлично помню всѣ эти случаи, но они именно таковы, что изъ-за нихъ и безъ третейскаго суда война не возгорѣлась бы. Германія сама чувствовала себя не правою въ Каролинскомъ вопросѣ, потому она такъ легко и согласилась на невыгодное для нея посредничество папы, дабы хоть какимъ-нибудь приличнымъ образомъ выпутаться изъ этого дѣла. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ объектъ спора не стоилъ въ сущности выѣденнаго яйца, а Алабамскій вопросъ, въ которомъ Англія тоже чувствовала себя неправою, до такой степени ей надоѣлъ, что она рада была отдѣлаться отъ него хотя бы путемъ третейскаго суда. Подобные третейскіе суды и впредь будутъ возможны и полезны, когда дѣло будетъ идти объ очень незначительномъ и ясно опредѣленномъ вопросѣ, не задѣвающемъ ни жизненныхъ

интересовъ государства, ни чести или славы народа. Въ противномъ случаѣ третейскіе суды немыслимы. Неужели вы думаете, что, напримѣръ, Германія и Франція отдадутъ когда-нибудь на третейскій судъ разрѣшеніе такого крупнаго и сложнаго вопроса какъ вопросъ объ обладаніи Альзасомъ и Лотарингіей, изъ-за котораго дѣйствительно можетъ вспыхнуть война? Вотъ еслибы возникъ между ними какой-нибудь мелкій „пограничный инцидентъ", изъ-за котораго, по взаимному ихъ убѣжденію, не будетъ стоить копья ломать,—тогда очень легко можетъ быть, что онѣ обратятся къ третейскому суду. Такимъ образомъ не миролюбивое разрѣшеніе вопросовъ является слѣдствіемъ третейскаго суда, а напротивъ того, третейскій судъ является слѣдствіемъ миролюбиваго настроенія государствъ по какому-нибудь несущественному для нихъ вопросу. Кромѣ того, всегда были и будутъ случаи когда одна изъ спорящихъ сторонъ, слабѣйшая, будетъ желать третейскаго суда, а другая, сильнѣйшая, будетъ вести борьбу иными путями: застращиваніемъ, экономическими мѣрами и даже войной. Въ 1870 году Англія отдала на разрѣшеніе президента Гранта ничтожный для нея вопросъ объ островѣ Боламѣ, принадлежавшемъ по праву Португаліи; а попробовали бы вы предложить Англіи подвергнуться третейскому суду по недавнему англо-португальскому столкновенію, въ которомъ Португалія, несмотря на свою правоту, принуждена была подчиниться самоуправству Англіи! Португалія конечно согласилась бы на этотъ судъ, а Англія—никогда! Она знала, что изъ суда она выйдетъ побѣжденною, а изъ войны побѣдительницей; она знала, что слабая Португалія не доведетъ дѣла до войны и уступитъ Англіи всѣ тѣ территоріи, которыми послѣдней вздумалось овладѣть и которыя гораздо важнѣе какого-нибудь острова Болама.

— Вотъ именно этого и не должно быть, воскликнулъ Z.;— при той системѣ международныхъ отношеній, о которой я говорю, и которую можно ввести сейчасъ же, подобныя проявленія кулачнаго права будутъ немыслимы.

— То-есть при системѣ третейскихъ судовъ? спросилъ я.

— Нѣтъ, третейскіе суды дѣйствительно не всегда удобопримѣнимы; я разумѣю совершенно иную систему, систему международныхъ конференцій или конгрессовъ.

— Да вѣдь и эта система никуда не годится; развѣ Берлинскій конгрессъ устранилъ опасность войны? Напротивъ того...

— Да развѣ я говорю о дипломатическихъ конгрессахъ?

— А о какихъ же?

— Дипломаты умѣютъ только запутывать вопросы, а не разрѣшать ихъ. Въ этомъ отношеніи Берлинскій конгрессъ служитъ дѣйствительно весьма назидательнымъ примѣромъ: благодаря ему мы имѣемъ теперь на рукахъ цѣлый рядъ совершенно новыхъ головоломныхъ вопросовъ, которые, того и гляди, разразятся войной. Нѣтъ, дипломаты для нашей цѣли, то-есть для созданія вѣчнаго мира, никуда не годятся.

— А кто же для этого годится?

— Люди, внушающіе къ себѣ общее довѣріе по своему знакомству съ современнымъ общественнымъ строемъ Европы и съ принципами международнаго права, а равно и по своимъ нравственнымъ качествамъ: безпристрастію, независимости и любви къ человѣчеству. Это должны быть *люди добра*, въ строгомъ смыслѣ этого слова. Дипломаты могутъ быть къ нимъ присоединяемы лишь въ качествѣ совѣтниковъ, но безъ рѣшающаго голоса. Всѣ же окончательныя рѣшенія должны непосредственно исходить изъ совокуннаго соглашенія этихъ ученыхъ филантроповъ.

— Да, но позвольте, вѣдь эти добрые люди не будутъ имѣть никакого авторитета, и рѣшенія ихъ останутся въ области *pia desideria*.

— Нѣтъ, отчего же? Они будутъ назначаться въ качествѣ довѣренныхъ лицъ правительствами всѣхъ европейскихъ странъ, причемъ каждая изъ нихъ будетъ располагать только *однимъ* голосомъ, такъ что насиліе, производимое нынѣ сильнѣйшими надъ слабѣйшими, станетъ абсолютно невозможнымъ. Рѣшенія этого международнаго судилища будутъ сообщаться правительствамъ, а тѣ ихъ будутъ санкціонировать и исполнять.

— Ну, а если какое-нибудь правительство заупрямится и не захочетъ санкціонировать кабинетное рѣшеніе добрыхъ ученыхъ?

— Тогда остальныя правительства *принудятъ* его исполнить это рѣшеніе.

— Какимъ же путемъ осуществится это принужденіе?

— Путемъ увѣщаній, а въ случаѣ надобности—угрозъ.

— А если ни увѣщанія, ни угрозы не подѣйствуютъ?

— Тогда придется прибѣгнуть къ болѣе строгимъ мѣрамъ.

— То-есть опять все къ той же войнѣ?

— Да, но вѣдь это только будетъ въ крайнихъ случаяхъ.

— Да вѣдь и теперь войны бываютъ только въ крайнихъ случаяхъ.

— А при моей системѣ дѣло никогда до войны и не дойдетъ, такъ какъ ни одно государство не рѣшится предпринять войну противъ всѣхъ остальныхъ государствъ.

— Да почему же вы думаете, что *всѣ* остальныя государства рѣшатся начать войну противъ заупрямившагося государства? Положимъ, напримѣръ, что вашъ конгрессъ ученыхъ добряковъ постановилъ бы рѣшеніе, по которому Англія должна была бы возвратить Португаліи похищенныя у нея африканскія земли, а Англія отказалась бы исполнить это рѣшеніе, неужели вы думаете, что и Россія обязана была бы начать войну съ Англіей изъ-за какихъ-то невѣдомыхъ ей африканскихъ островковъ или оазисовъ? Неужели и Данія должна была бы ополчиться по той же причинѣ на Англію, которая въ нѣсколько дней могла бы сокрушить своимъ флотомъ все Датское королевство? Неужели вы думаете, что какой-нибудь Норвежскій парламентъ отпуститъ необходимыя для подобной войны деньги и испортитъ этимъ свои торговыя отношенія съ Англіей?

— Да, *всѣ* должны будутъ объявить эту войну *изъ принципа*, сказалъ, скрѣпя сердце, послѣ нѣкотораго колебанія Z.

— Итакъ, возразилъ я,—желая устранить войну, вы создаете лишь новый и самый нелѣпый родъ войны! До сихъ поръ мы знали войны завоевательныя, религіозныя, національныя, а теперь вы хотите ввести войны принципіальныя! Впрочемъ и это не новость. Древне-греческій союзъ амфиктіоновъ и покойный германскій союзъ давали намъ интересныя зрѣлища военныхъ экзекуцій, которыя всегда вырождались въ самыя обыкновенныя войны, причемъ государство, подвергавшееся экзекуціямъ, всегда почти находило себѣ союзниковъ, коль скоро оно могло имъ обѣщать какія-либо выгоды послѣ побѣды надъ экзекуторами.

— Но этого не слѣдуетъ допускать.

— То-есть противъ этихъ „измѣнниковъ“ тоже нужно будетъ всѣмъ остальнымъ вести войну? Но гдѣ же тогда будетъ вашъ вѣчный миръ и система разоруженій? Въ томъ-то и дѣло, что государства не могутъ жить между собой обыкновенною гражданскою жизнью, какъ граждане отдѣльнаго государства. Въ государствѣ, кромѣ власти судебной, есть еще власть исполнительная, власть полицейская, или хотя бы власть судебныхъ приставовъ; безъ этой исполнительной власти судебная власть, какъ бы она ни была прекрасна по своимъ законамъ и личному составу, не стоила бы и гроша мѣднаго, такъ какъ всѣ ея

приговоры были бы писаны на водѣ. А гдѣ же взять исполнительную власть въ международномъ обществѣ разнородныхъ государствъ? Кто будетъ жандармомъ или хотя бы судебнымъ приставомъ Европы? Организовать исполнительную власть въ отдѣльномъ государствѣ чрезвычайно просто и легко, въ международномъ союзѣ государствъ это совершенно невозможно, въ особенности если еще задаться цѣлью „вѣчнаго мира“ и стремиться къ воздержанію отъ насильственныхъ военныхъ дѣйствій.

— Да почему вы непремѣнно предполагаете, что при моей системѣ нужны будутъ экзекуціи? Я увѣренъ, что всѣ государства *добровольно* подчинятся рѣшеніямъ ученаго конгресса, такъ какъ эти рѣшенія будутъ безусловно справедливы.

— А на чемъ же вы основываете свою увѣренность? Пока на свѣтѣ будутъ существовать добро и зло, до тѣхъ поръ будутъ существовать и добрые и злые люди, причемъ послѣдніе будутъ всегда и многочисленнѣе и предпріимчивѣе и рѣшительнѣе добрыхъ; поэтому о *добровольномъ* подчиненіи хотя бы самымъ справедливымъ рѣшеніямъ и рѣчи не можетъ быть, коль скоро эти рѣшенія кому-нибудь будутъ непріятны; а такъ какъ невозможно *всѣхъ* удовлетворить, и къ тому же даже ученѣйшіе люди не гарантированы отъ ошибокъ и, слѣдовательно, абсолютно справедливыхъ рѣшеній постановлять не могутъ, то изо всего этого слѣдуетъ, что многія государства не будутъ довольны ихъ рѣшеніями, и добровольно имъ не подчинятся. Вѣдь вотъ, напримѣръ, первыми же вопросами, подлежащими разрѣшенію, будутъ, по всей вѣроятности, вопросы Альзасъ-Лотарингскій и Балканскій?

— Конечно.

— Какъ же вы ихъ разрѣшите къ общему удовольствію?

— Какъ нельзя проще. Изъ Альзаса и Лотарингіи нужно устроить самостоятельное нейтральное государство безо всякихъ крѣпостей, а весь Балканскій полуостровъ необходимо предоставить балканскимъ государствамъ.

— И вы полагаете, что Германія будетъ *довольна*, если вы у нея отнимете Альзасъ, а Австрія *добровольно* откажется отъ Босніи и Герцеговины?

— Да, потому что этимъ онѣ обезпечатъ вѣчный миръ и освободятся отъ милитаризма, а это для нихъ важнѣе чѣмъ обладать Альзасомъ съ Лотарингіей или Босніей съ Герцеговиной. Точно также и для Россіи гораздо важнѣе разоружиться чѣмъ мечтать о

какомъ-то тамъ Царьградѣ, который тоже долженъ быть нейтрализованъ. Вообще Балканскій вопросъ разрѣшить очень легко. Европа имѣетъ предъ Балканскими государствами обязанности, которыя она, къ сожалѣнію, такъ мало сознаетъ. Ей слѣдовало бы, наконецъ, ради всеобщаго блага, покончить всѣ эти безплодныя и безнравственныя препирательства и сообща намѣтить главныя условія для мирнаго преуспѣянія придунайскихъ земель въ будущемъ. Разъ она единодушна, ей не будетъ тяжело установить тамъ прочный и для всѣхъ справедливый порядокъ.

— Вотъ вы говорите, замѣтилъ я,—„разъ она единодушна“, и не замѣчаете, что именно этого-то перваго, необходимѣйшаго условія достигнуть невозможно.

— Почему же? Я вѣдь предполагаю, что правительства серьезно, а не на словахъ только, хотятъ мира, и что они взаимно уважаютъ принадлежащія каждому изъ нихъ права.

— Это опять очень благодушное предположеніе, дѣлающее честь вашему оптимизму, но ровно ни на чемъ не основанное. Еслибы правительства взаимно уважали принадлежащія каждому изъ нихъ права, тогда вамъ нечего было бы сочинять проекты вѣчнаго мира, точно такъ же какъ еслибы всѣ люди были ангелы, совершенно излишне было бы писать какіе-либо законы. Вы мнѣ напоминаете того средневѣковаго алхимика, который написалъ весьма практическій, по его мнѣнію, трактатъ, начинавшійся словами: „Предположимъ, что философскій камень найденъ“... Такъ и вы говорите: „Предположимъ, что всѣ правительства Европы единодушны, миролюбивы и справедливы“. Вотъ въ этомъ именно и заключается коренная ошибка всѣхъ вашихъ благодѣтельныхъ проектовъ.

Мой ученый другъ не нашелся, что мнѣ отвѣтить. Послѣ нѣкотораго молчанія онъ спросилъ меня:

— Итакъ, по вашему разоруженіе не желательно?

— Я этого не говорилъ, отвѣтилъ я,—я только доказываю, что оно *невозможно*. Вопервыхъ, кому начать?

— Всѣмъ вмѣстѣ, постепенно, равномѣрно.

— Но какая же тутъ можетъ быть равномѣрность? Предположимъ, что вы во всѣхъ государствахъ даже совершенно уничтожите всякаго рода войска, неужели всѣ они въ боевомъ отношеніи будутъ находиться въ одинаковыхъ условіяхъ? Одно государство будетъ имѣть возможность, благодаря своимъ территоріальнымъ условіямъ, спеціальнымъ законамъ и обилію желѣз-

ныхъ дорогъ, мобилизовать свою распущенную и разоруженную армію въ недѣлю, а другое въ полторы недѣли, третье въ двѣ недѣли, и вотъ уже равномѣрность исчезла. Такъ, напримѣръ, Германія несомнѣнно будетъ имѣть, при такихъ условіяхъ, возможность вторгнуться въ Россію гораздо раньше, чѣмъ мы успѣемъ сдѣлать первые шаги для мобилизаціи нашей арміи, разбредшейся по необъятнымъ пространствамъ Имперіи.

— Но вѣдь я предполагаю, возразилъ Z,—что отъ *внѣшнихъ* нападеній государства будутъ предохранены, вслѣдствіе отказа со стороны каждаго изъ нихъ ото всякой агрессивной внѣшней политики.

— То-есть вы опять предполагаете, что философскій камень уже найденъ. На словахъ и теперь всѣ отъ агрессивныхъ цѣлей отказываются, а на дѣлѣ никто объ этомъ серьезно и не думаетъ. Развѣ можно провести рѣзкую границу между наступательною и оборонительною войной? Еще Монтескьё въ своемъ *Esprit des lois* сказалъ, что „право естественной *обороны* иногда влечетъ за собой *необходимость наступленія*, если какой-нибудь народъ видитъ, что благодаря продолжительному миру другой народъ пріобрѣтаетъ возможность уничтожить его, и если наступленіе является единственнымъ средствомъ воспрепятствовать этому уничтоженію.“ [1] Наконецъ, при полномъ даже разоруженіи, можете ли вы поручиться, что вооруженіе не будетъ происходить въ различныхъ государствахъ тайно и обманно.

— Помилуйте, что̀ вы! Это было бы совершенно возмутительно. Нѣтъ, я отказываюсь вѣрить въ такую безнравственность правительствъ.

— Да тутъ и никакой безнравственности не будетъ, коль скоро дѣло будетъ идти о безопасности государства. Это будетъ только мудрая предусмотрительность.

— Но въ такомъ случаѣ нужно принять сообща мѣры, чтобъ этого не было!

— А кто будетъ примѣнять эти мѣры? Кто будетъ жандармомъ Европы?

— Но какъ же быть? Вѣдь нужно же чѣмъ-нибудь обезпечить существованіе мира, нельзя же жить подъ неотступнымъ страхомъ завтрашней войны, съ отчаяніемъ воскликнулъ Z.

---

[1] Entre les sociétés, le droit *de défense naturelle* entraîne quelquefois *la nécessité d'attaquer*, lorsqu'un peuple voit qu'une plus longue paix en mettrait un autre en état de le détruire, et que l'attaque est dans ce moment le seul moyen d'empêcher cette destruction.

— Да о чемъ вы безпокоитесь? спросилъ я,—вѣдь миръ у насъ, насколько это въ сплахъ человѣческихъ, уже теперь обезпеченъ.

— Какимъ образомъ?

— Да вотъ тѣми самыми вооруженіями, противъ которыхъ вы ратуете.

— Понимаю, вы хотите сослаться на избитое si vis pacem, para bellum?

— Отчасти да, хотя нѣсколько въ иномъ смыслѣ, чѣмъ тотъ, который обыкновенно придаютъ этому изреченію.

— Я васъ не понимаю.

— Я хочу только сказать, что чѣмъ ужаснѣе намъ будетъ представляться война, тѣмъ менѣе вѣроятности, чтобы мы въ нее ринулись. Всѣ государства стараются превзойти другъ друга въ силѣ и разрушительности своихъ боевыхъ средствъ...

— Это безчеловѣчно! воскликнулъ Z.,—необходимо запретить посредствомъ международнаго соглашенія всѣ эти магазинныя и дальнобойныя орудія, всѣ эти мелиниты, бездымный порохъ, миноноски...

— Напротивъ, замѣтилъ я,—нужно поощрять ихъ изобрѣтеніе. Вы хотите сдѣлать войну не особенно опасною? Это самое лучшее средство для размноженія войнъ. Нѣтъ, вы сдѣлайте войну такою грозною, чтобы всякій боялся даже имени ея, и тогда вы дѣйствительно обезпечите миръ. Неужели это непонятно?

— Но вѣдь эти вооруженія требуютъ громадныхъ денегъ, которыя могли бы идти на полезныя мирныя предпріятія? воскликнулъ Z.

— Вы упускаете изъ виду, замѣтилъ я,— что коль скоро теперешнія вооруженія обезпечиваютъ миръ, они косвеннымъ образомъ идутъ и на мирныя предпріятія. Положимъ, напримѣръ, какое-нибудь государство истратило бы 100 милліоновъ не на улучшенія своей боевой способности, а на улучшеніе своей фабричной промышленности. Возникшая война уничтожила бы эту промышленность и 100 милліоновъ оказались бы брошенными въ воду. Напротивъ того, истративъ эти 100 милліоновъ на свою боевую безопасность и обезпечивъ своей фабричной промышленности необходимыя условія мирнаго развитія, данное государство сдѣлаетъ для нея гораздо больше, чѣмъ въ первомъ случаѣ. Вы помните того любителя картинъ, который нанималъ громадный домъ для своей галлереи и ежегодно жаловался, что ему прихо-

дится платить за наемъ дома такую громадную сумму, на которую онъ могъ бы пріобрѣсти новыя картины. Ему предложили построить свой собственный домъ, но онъ еще болѣе возопилъ, когда узналъ во что̀ обойдется ему эта постройка. Но какъ же быть иначе? Нельзя хранить дорогія картины въ какомъ-нибудь шалашѣ или деревянномъ балаганѣ, необходимо тратить деньги на удобное и безопасное для нихъ помѣщеніе, и эти траты будутъ вполнѣ разумны и цѣлесообразны. Точно также нельзя развивать торговлю, промышленность, пути сообщенія, разработку естественныхъ богатствъ и просвѣщеніе въ государствѣ, не имѣющемъ возможности обезпечить этимъ мирнымъ занятіямъ первое необходимое условіе—прочность мира; это обезпеченіе, по нынѣшнимъ временамъ сто́итъ дорого, но оно безусловно необходимо. Къ тому же деньги, тратимыя на армію почти тотчасъ же возвращаются въ народъ въ видѣ жалованья военнымъ чинамъ, въ видѣ платы за продовольствіе, въ видѣ платы за различныя заводскія, фабричныя работы или за различныя постройки и сооруженія. Лишь при заграничныхъ заказахъ онѣ не достаются народу, а потому задача всякаго разумнаго правительства заключается въ томъ, чтобы содѣйствовать отечественной промышленности, дабы, по возможности, весь военный бюджетъ расходовался въ предѣлахъ отечества и давалъ бы наибольшій заработокъ народу.

— Но вѣдь это хорошо для Россіи, возразилъ *Z.*..—гдѣ мы еще не чувствуемъ тяжести военнаго бюджета. Но посмотрите на Германію, Австрію, Италію, вѣдь народъ тамъ изнемогаетъ подъ бременемъ налоговъ, вызванныхъ милитаризмомъ.

— А если настоящее положеніе хорошо для Россіи и невыгодно для враговъ ея, зачѣмъ же я стану мѣнять это положеніе?

— Но тогда вы поступаете не по-христіански? воскликнулъ *Z.* съ торжествующимъ видомъ.

— Вы впадаете въ ошибку, чрезвычайно распространенную въ нашемъ обществѣ благодаря графу Льву Толстому. Нельзя вмѣшивать христіанство въ международныя отношенія. Христіанство налагаетъ на насъ долгъ личнаго самопожертвованія, но жертвовать ближними мы права не имѣемъ. Я гдѣ-то читалъ по этому поводу прекрасную притчу. Приходитъ къ отцу семейства его врагъ и ударяетъ его по ланитѣ. Отецъ, какъ добрый христіанинъ, подставляетъ ему другую. Но врагъ замахнулся не на отца, а на его малолѣтняго сына; тогда отецъ бросился защищать своего ребенка, вступилъ въ борьбу съ врагомъ и изгналъ его

изъ дома. Точно также и правитель народа можетъ и даже долженъ, какъ христіанинъ, прощать всякую обиду лично ему нанесенную, но онъ обязанъ защищать ото всякой обиды ввѣренный ему Господомъ народъ, какъ добрый пастырь защищаетъ свое стадо и всѣми мѣрами оберегаетъ его отъ хищнаго звѣря и лютаго вора, не нарушая, а исполняя этимъ свой христіанскій долгъ. А потому я могу только радоваться если мои ближніе находятся въ безопасности, а враги ихъ уже истощили всѣ средства вредить имъ. Къ тому же враги наши гибнутъ не отъ милитаризма, а отъ всѣхъ исковерканныхъ ими соціальныхъ порядковъ, въ которыхъ они запутались благодаря своему мнимому „либерализму“. Освободить ихъ отъ этой путаницы пока еще не въ нашихъ силахъ: намъ приходится наблюдать лишь за тѣмъ, чтобъ и намъ не запутаться въ ошибкахъ нашихъ сосѣдей. А тамъ, со временемъ, Россія, съ помощью Божіей, найдетъ можетъ-быть средство обезпечить и инымъ путемъ миръ Европы, не прибѣгая къ усиленнымъ вооруженіямъ.

— А пока? спросилъ Z.

— А пока приходится по неволѣ, говоря словами маркиза ди-Рудини, „вооружаться, вооружаться и вооружаться“. Я этимъ вовсе не хочу сказать, что милитаризмъ не имѣетъ своихъ вредныхъ сторонъ, но на эти именно стороны всего рѣже указываютъ, и вы даже ни словомъ ихъ не коснулись. Милитаризмъ у насъ нераздученъ съ общею воинскою повинностью, являющеюся для Россіи результатомъ роковаго заблужденія и погони за западноевропейскимъ эгалитаризмомъ. Вмѣсто продолжительнаго срока службы, вырабатывающаго прекрасную закаленную армію, краткосрочная служба отвлекаетъ ежегодно сотни тысячъ лучшаго населенія края отъ деревни и возвращаетъ ихъ ей далеко не въ томъ видѣ, въ которомъ онѣ ее покинули. Измѣненіе этого условія нисколько не ослабило бы боевую способность государства, а даже въ значительной бы степени улучшило ее. О разоруженіи же намъ пока думать нельзя.

Spectator.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Посѣщеніе Москвы Государемъ Императоромъ и Государыней Императрицей.—Двѣ выставки.—Объѣздъ Московской губерніи Великимъ Княземъ Сергіемъ Александровичемъ.—А. А. Кирѣевъ и Вл. С. Соловьевъ о славянофильствѣ и о свободѣ совѣсти.—Татищевъ о Бисмаркѣ.—Парламентаризмъ во Франціи.—В. П. Коховскій.

17 мая Москва удостоилась посѣщенія Государя Императора и Государыни Императрицы. Болѣе двухъ лѣтъ Москва не имѣла счастья видѣть Ихъ Величествъ и съ тѣмъ бо́льшимъ восторгомъ спѣшила выразить чувства своей безграничной преданности.

На слѣдующій день при Высочайшемъ выходѣ городской голова поднесъ хлѣбъ-соль Ихъ Императорскимъ Величествамъ и привѣтствовалъ Ихъ слѣдующею рѣчью:

„Московская Городская Дума бьетъ челомъ Тебѣ, Самодержавный Государь, и Государынѣ Императрицѣ. Прими нашу хлѣбъ-соль и благодареніе за новую милость, явленную Тобой Москвѣ назначеніемъ Августѣйшаго Брата Твоего нашимъ Генералъ-Губернаторомъ.“

Государь Императоръ, принявъ хлѣбъ-соль, изволилъ выразить слѣдующее:

„Спасибо вамъ, отъ души благодарю за хлѣбъ и соль. Очень радъ, что Моимъ представителемъ въ Москвѣ будетъ Мой Братъ. Увѣренъ, что онъ полюбитъ Москву и она его полюбитъ. Я полюбилъ Москву съ дѣтства. Очень вамъ благодарны; еще разъ спасибо!“

При входѣ въ Успенскій соборъ высокопреосвященный Іоанникій встрѣтилъ Ихъ Величествъ со крестомъ и св. водой и привѣтствовалъ ихъ рѣчью, въ которой выразилъ, что для Первопрестольной столицы, которая всегда съ сердечнымъ восторгомъ встрѣчаетъ монарховъ своихъ, нынѣшнее посѣщеніе Государя Императора является особенно знаменательнымъ и отраднымъ, въ виду назначенія руководителемъ и направителемъ ея общественной жизни Августѣйшаго Брата Его и въ виду избавленія, по милости Божіей, Наслѣдника Цесаревича отъ грозившей ему опасности.

Въ прошломъ нумерѣ мы говорили уже объ открытіи Французской выставки; посѣщеніе ея Государемъ Императоромъ служитъ новымъ доказательствомъ дружественныхъ отношеній Россіи и Франціи; почти одновременно съ нею открылась выставка Средне-Азіятская, и та и другая имѣютъ не только торговое, но и политическое значеніе, и трудно сказать, которая изъ нихъ важнѣе для будущаго; конечно, Французская выставка гораздо обширнѣе и отношенія съ Франціей несравненно болѣе привлекаютъ вниманіе не только Россіи, но и Европы. Но, съ другой стороны, установленіе не только внѣшнихъ сношеній, основанныхъ на правѣ побѣдителя, но и прочной экономической связи со Среднею Азіей представляется для насъ въ высшей степени важнымъ; тогда какъ во Францію мы можемъ сбывать почти исключительно сырые продукты, а машины, ткани, предметы роскоши получаемъ оттуда; Азія представляетъ, наоборотъ, тотъ рынокъ, гдѣ по географическимъ условіямъ наши мануфактурные товары могутъ конкуррировать съ иностранными; само собою ясно, какъ важно для насъ, чтобы возможность этой конкурренціи обусловливалась не исключительно внѣшними мѣстными условіями, но и качествомъ произведеній. Въ этомъ отношеніи Средне-Азіятская выставка можетъ принести несомнѣнную пользу. Этимъ объясняется, что на выставкѣ преобладаютъ русскіе товары, предназначающіеся къ вывозу въ Азію, или переработанные изъ средне-азіятскихъ сырыхъ продуктовъ, надъ средне-азіятскими.

Прошлый мѣсяцъ новый Московскій Генералъ-Губернаторъ Великій Князь Сергій Александровичъ началъ ближайшее ознакомленіе со ввѣреннымъ ему краемъ, не ограничиваясь Москвой и объѣзжая всѣ пункты, которые могутъ представлять выдающееся значеніе въ административномъ, общественномъ, или экономическомъ отношеніи, лично входя во всѣ подробности управленія общественной жизни. Понятно то живое сочувствіе и тотъ восторгъ, съ которымъ повсюду встрѣчало населеніе не только высшаго представителя Верховной власти, но и роднаго брата Государя Императора. Эта встрѣча естественно должна была быть тѣмъ горячѣе, что во многихъ изъ посѣщенныхъ Его Императорскимъ Высочествомъ мѣстностей жители впервые видѣли Великаго Князя, и подобный объѣздъ до сихъ поръ не предпринималъ ни однимъ изъ московскихъ генералъ-губернаторовъ.

Въ апрѣльской книжкѣ *Русскаго Обозрѣнія*, помѣщая отвѣтъ А. А. Кирѣева Spectator'у, мы со своей стороны сдѣлали нѣсколько замѣчаній по поводу взглядовъ автора на отношеніе Россіи къ Славянамъ; на дняхъ мы получили отъ уважаемаго представителя славянофильства слѣдующія возраженія, которымъ охотно даемъ мѣсто на этихъ страницахъ.

„Вы находите, что начало религіозности не имѣетъ, вопреки мнѣнію славянофиловъ, никакого прямаго отношенія ни къ государственному, ни къ національному вопросу; такъ какъ, добавляете вы, — истинная религія существовала прежде чѣмъ славянскія государства, притомъ не всѣ Славяне православные и не всѣ православные Славяне, а посему, если Россія и имѣетъ спеціальную миссію относительно Славянъ, то не въ силу религіознаго начала. Едва ли съ этимъ можно согласиться, въ особенности, мнѣ кажется, трудно согласиться съ первою частью вашей мысли. Съ нею, полагаю, не согласится конечно и Spectator. Религіозность есть чувство, настроеніе, которое несомнѣнно имѣетъ вліяніе на государство, на всю его жизнь, на все его развитіе. Присутствіе или отсутствіе въ народѣ чувства религіозности—крупный, капитальный факторъ, вліяніе котораго можно отрицать лишь при совершенно механическомъ пониманіи идеи государства. Вѣдь государство не отвлеченное „ens rationis“: не мертвый юридическій организмъ, а живой

союзъ живыхъ людей. Религіозное настроеніе, проникая душу каждаго отдѣльнаго человѣка, отражается и на его дѣятельности внѣшней, а стало-быть и на дѣятельности, на ростѣ, на жизни всего государства. Мнѣ кажется, что ежели отвергнуть его вліяніе, не поймешь и исторіи человѣчества. Какъ, напримѣръ, объяснить крестовые походы внѣ чувства глубокой религіозности? Можно ли себѣ представить армію крестоносцевъ, состоящую изъ послѣдователей А. Конта или Спенсера, представить себѣ Готфридовъ, Танкредовъ, Ричардовъ, проникнутыхъ идеями позитивной философіи, проливающихъ за ея догматы свою кровь? Конечно и позитивисты и утилитаристы готовы проливать кровь и свою и чужую, но лишь за нѣчто болѣе реальное, положительное и „полезное“, нежели освобожденіе гроба Христова!.. Вотъ, напримѣръ, право торговать опіумомъ, или слоновою костью. A la bonne heure!.. Это дѣло другое. Въ нашей русской исторіи вліяніе религіозности проявляется съ особою силой; не только въ нашихъ отношеніяхъ къ народамъ Балканскаго полуострова, но и въ нашей собственной, такъ-сказать внутренней исторіи! (Развѣ въ 1612 году не православіе спасло Россію?!) Замѣчу кстати, что я говорилъ не о чувствѣ религіозности вообще, а о спеціальномъ его проявленіи въ формѣ православія. Что же, что „истинная вѣра существовала до Славянъ“. Конечно, но что̀ же это доказываетъ? Вотъ мы, большинство Славянъ, и приняли эту „истинную вѣру“, усвоили ее, сколько съумѣли, и пошли по одному извѣстному пути, потому что приняли эту вѣру отъ Царьграда; ежели бы мы ее приняли отъ Рима, то, конечно, пошли бы по другому пути, совершенно противоположному. Тогда бы и у насъ, какъ и во всѣхъ католическихъ государствахъ, была бы борьба съ церковью, и у насъ былъ бы клерикальный вопросъ, и сами мы давно бы были въ положеніи Чеховъ, Лужичанъ, Поляковъ... Несомнѣнно религіозное начало стоитъ внѣ и выше всякихъ государственныхъ соображеній; въ этомъ я вполнѣ согласенъ съ вами; однако, несмотря на это, оно имѣетъ на государство громадное, благотворное и нормирующее вліяніе.

„Нельзя, мнѣ кажется, согласиться и съ тѣмъ, что вы говорите о малозначительности принципа національности. Мимоходомъ замѣчу, что вы приписываете мнѣ два мнѣнія, которыхъ я никогда не высказывалъ: вопервыхъ, я не только не желаю (и не желалъ) чтобы „всѣ славянскія земли были присоединены къ Россіи“, но считаю и всегда считалъ, что

такое рѣшеніе славянскаго вопроса было бы *совершенно нежелательнымъ*, вовторыхъ, я никогда и нигдѣ не утверждалъ что историческая миссія Россіи будетъ *окончена* съ присоединеніемъ къ ней двадцати милліоновъ Славянъ. Я утверждалъ, что *освобожденіе Славянъ входитъ въ составъ ея исторической программы*, что въ этомъ будетъ состоять первая стадія ея міроваго шествія! [1]

„Возвращаюсь къ тому, что̀ вы говорите о принципѣ національности, къ которой относитесь безъ довѣрія и безъ симпатіи. Вы сознаетесь, что въ послѣднее время національныя теченія получаютъ болѣе значенія нежели начало государственности, и очень этимъ недовольны; вы даже пророчите реакцію противъ такого направленія новѣйшей исторіи; вы говорите: неужели неопредѣленныхъ (зачѣмъ же *не*опредѣленныхъ—такихъ и не нужно!) этнографическихъ данныхъ достаточно для того, чтобы перевѣсить силу государственнаго единства, основаннаго на единствѣ территоріи и Верховной власти? Это очень интересный, но и сложный вопросъ; мнѣ приходится ограничиться лишь слѣдующими элементарными указаніями. Мы стоимъ на діаметрально противоположныхъ точкахъ зрѣнія. Я не могу признать вѣрною вашу древне-римскую теорію верховенства государства; это теорія давно отжившая, для меня государство представляетъ лишь средство, а не цѣль, и внѣ связи съ церковью и съ народностью оно не имѣетъ для меня безусловнаго значенія. Государство, какъ таковое,—явленіе совершенно случайное, условное и легко измѣняемое: побѣда его создаетъ, пораженіе его уничтожаетъ! Примѣровъ приводить, конечно, нечего—они всѣмъ извѣстны. Не то съ народностью; нужны вѣка чтобъ ее уничтожить, вытравить, да и то такое убійство не всегда удается (посмотрите на Чеховъ!). Развѣ не убѣдительно все то, что̀ произошло въ Европѣ послѣ 1815 года. Казалось, въ Вѣнѣ прочли отходную принципу народности, а онъ съ тѣхъ поръ именно и растетъ! Нѣтъ, вы ошибаетесь: до реакціи

---

[1] Желанія присоединить Славянъ къ Россіи мы А. А. Кирѣеву никогда не приписывали, а замѣтили только, что даже при подобномъ присоединеніи, которое во всякомъ случаѣ было бы полнѣе, чѣмъ единеніе исключительно духовное и не должно бы помѣшать послѣднему, если оно дѣйствительно существуетъ, даже въ такомъ случаѣ задача Россіи не могла бы считаться выполненною; съ этимъ соглашается теперь и А. А. Киреевъ, указывая на такое единеніе только какъ на первую стадію для достиженія задачи, которую впрочемъ точнѣе не опредѣляетъ.

далеко: далеко, между прочимъ, и потому, что мы еще не дожили до окончательнаго признанія принципа національности, до его полнаго примѣненія! Понятно, что, отрицая все это, вы не усматриваете общности интересовъ между Россіей и славянствомъ; идея государства, Reipublicae заслоняетъ отъ васъ идею солидарности между разными народностями, близкими по языку, нравамъ, по характеру, по складу ума, отчасти (и въ значительной части) принадлежащими къ той же церкви и отчасти имѣющими тѣхъ же враговъ! Вотъ все это и создаетъ тождественные интересы!

Заканчивая мой отвѣтъ, я натыкаюсь на три опасныя мины, разставленныя вами, хотя вы знаете, что предъ одною изъ нихъ я непремѣнно остановлюсь, какъ вкопаный! Дѣло состоитъ въ слѣдующемъ: въ моемъ второмъ отвѣтѣ Spectator'у я сказалъ, что, отказавшись отъ нашей исторической задачи, *передавъ*, *предавъ* и *продавъ* Славянъ, мы и у себя дома не исполнимъ своей задачи. Вы безжалостно, поймавъ меня за эти злополучныя причастія, требуете отъ меня ихъ документовъ, „паспортовъ", ихъ „правъ на жительство" и пребываніе въ моей статьѣ. Смѣю увѣрить, что эти паспорты у меня есть, но я вынужденъ просить васъ удовольствоваться пока представленіемъ документовъ двухъ первыхъ причастій; вотъ они: № 1—трактатомъ во Львовѣ 7 (19) марта 1810 года (мы состояли тогда въ союзѣ съ Франціей) Россія пріобрѣла отъ Австріи, а Австрія ей уступила („abandonne, cède à l'empereur de Russie et ses héritiers et successeurs, en toute propriété!") части округовъ Тарнопольскаго, Гнѣздичинскаго, Злочовскаго, Бржезанскаго, Залещинскаго и нѣкоторые острова на Днѣстрѣ. (Martens.)

Трактатомъ Вѣнскимъ 21 апрѣля (3 мая) 1815 года (мы состояли тогда въ союзѣ съ Австріей) Россія уступила Австріи всѣ эти весьма цѣнныя пріобрѣтенія.

№ 2. Въ концѣ XVIII столѣтія сношенія наши съ Черногорцами приняли характеръ самый дружественный. Мы считали себя призванными оказывать имъ покровительство, вступаться за нихъ, хлопотать объ ихъ нравственныхъ и матеріальныхъ нуждахъ (см. письмо адмирала Ушакова къ австрійскому генералу Броди). Черногорцы отплачивали намъ искреннею преданностью, считали нашихъ враговъ своими, и не торгуясь проливали свою кровь. Извѣстно, что для безплодной Черногоріи выходъ къ морю составляетъ вопросъ жизни или смерти. Объ этомъ вопросѣ шли

переговоры между графомъ Кочубеемъ и посланникомъ черногорскаго владыки Вукотичемъ. Вукотичъ вернулся ободренный „Боккская провинція“ была отбита Черногорцами у Французовъ. Черногорцы вздохнули свободно, —выходъ къ морю, а стало-быть и насущный хлѣбъ былъ обезпеченъ! Но вотъ наступаетъ 1807 годъ.—„Sur un radeau—les deux maitres de la terre“—подали другъ другу руку (Тильзитское свиданіе) и Бокка возвращена Франціи! Но наступаетъ другой годъ—великій Двѣнадцатый Годъ! Вся Европа ополчается противъ насъ—Черногорцы снова съ нами, снова бьютъ Французовъ, Бокка снова отвоевана (отвоевана окончательно, думаютъ Черногорцы); владыка Петръ переноситъ свою резиденцію въ Каттаро, вѣковыя мечты храбраго народца осуществлены, насущный хлѣбъ обезпеченъ,—но вотъ снова бѣда, снова поворотъ! Враги наши Австрійцы дѣлаются нашими (конечно мнимыми) друзьями,—мы покупаемъ ихъ союзъ въ Рейхенбахѣ 15 (27) іюня 1813 года (ст. N v. Martens) и гарантируемъ Австріи возвратъ земель, завоеванныхъ нашими союзниками. Недобрыя вѣсти доходятъ до Черногорцевъ,—Австрійцы ликуютъ... Нѣтъ, быть не можетъ! Но вотъ къ владыкѣ приходитъ письмо отъ Царя. Отъ самого Великаго Русскаго Царя—покровителя Черногоріи:

„Парижъ, 20 мая 1814.

„Приглашаю васъ, ваше преосвященство, *для общей пользы*, не только не препятствовать австрійскимъ войскамъ въ занятіи крѣпостей (прибрежья) и возвратиться съ храбрыми вашими Черногорцами въ ваши предѣлы, но и употребить вліяніе ваше къ склоненію жителей Бокки-ди-Каттаро непрекословно повиноваться постановленію союзныхъ державъ...“

Владыко повиновался—и снова голодаютъ бѣдные Черногорцы, и снова враги славянства сидятъ въ Каттаро...

Насчетъ представленія документовъ по причастію № 3—прошу отсрочки. Смѣю увѣрить, что документы эти самые достовѣрные. Когда-нибудь представлю и ихъ!..

Прежде чѣмъ перейти къ сущности дѣла, постараемся разрѣшить вопросъ о причастіяхъ и о паспортахъ. По поводу утвержденій А. А. Кирѣева, что передавъ, предавъ и продавъ Славянъ, мы не исполнимъ и собственной задачи, мы замѣтили, что „для того чтобы передать Славянъ, нужно было бы имѣть ихъ, для того, чтобы предать ихъ, нужно было бы не выполнить какого-нибудь дѣйствительно существующаго относительно ихъ обязательства;

чтобы продать ихъ, нужно было бы, чтобы кто-нибудь ихъ купилъ", и указали, что въ виду этого такая метафора едва ли вполнѣ удачна, документальнаго доказательства мы совсѣмъ не думали требовать, потому что знали, что риторическія фигуры, какъ бы онѣ ни были удачны, доказывать нельзя. Но г. Кирѣевъ хочетъ дать болѣе чѣмъ мы въ правѣ были ожидать и только временно воздерживаясь отъ представленія оправдательныхъ документовъ третьяго причастія, думаетъ представить засвидѣтельствованный паспортъ первыхъ двухъ, сославшись на наши отношенія къ Черногоріи въ 1807 и 1813 годахъ. Но, вопервыхъ, и по настоящее время Черногорія не только не продана, но никому не передана, и не могла быть передана, потому что все время оставалась самостоятельною страной. Вовторыхъ, обязанность охранять не только неприкосновенность союзной страны, но и всѣхъ сдѣланныхъ ею во время войны завоеваній, сдѣлала бы невозможнымъ заключеніе мира, и эта обязанность не признавалась, повидимому, не только Россіей, но и Черногорцами, которые и до сихъ поръ не считаютъ насъ предателями. Втретьихъ, допустивъ даже, что въ 1807 и 1813 годахъ мы не достаточно заботились объ интересахъ Черногоріи, что общаго можетъ имѣть такое допущеніе съ нашею дѣйствительною или мнимою обязанностью въ настоящее время заботиться о Болгарахъ и Сербахъ, которые вовсе не желаютъ нашихъ заботъ?

Итакъ, оставляя въ сторонѣ вопросъ о Бока-ди-Каттаро и о коварствѣ русской дипломатіи въ 1814 году, остановимся еще разъ на понятіи національности, которому А. А. Кирѣеевъ придаетъ такое значеніе и отношеніи къ этому понятію православія.

Г. А. А. Кирѣевъ старается доказать вліяніе религіи на государственный строй, какъ будто кто-нибудь сомнѣвался въ немъ, и ничего не говоритъ о вліяніи національности на религію, тогда какъ только объ этомъ и можетъ быть вопросъ. Религія, какъ абсолютная истина или по крайней мѣрѣ стремленіе къ абсолютной истинѣ, не можетъ не оказывать нѣкотораго вліянія и на временныя мимолетныя явленія государственной жизни, но отсюда никакъ нельзя еще вывести обратнаго положенія. Истина, какъ таковая, вездѣ и всегда одна и та же, она можетъ восприниматься или не восприниматься, но не можетъ измѣняться сообразно съ характеромъ и настроеніемъ воспринимающаго.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что нравственный характеръ Іудеевъ, Римлянъ, Эллиновъ и Славянъ существенно измѣнился съ

принятіемъ христіанства, но повидимому совершенно невозможно утверждать, что отъ этого измѣнилось и самое содержаніе христіанства, а между тѣмъ нѣчто подобное необходимо, чтобъ установить прямую связь между національностью и религіей вопреки слову апостола Павла, что у Бога нѣсть Еллинъ ни Іудей. И вотъ г. Кирѣевъ пытается найти средній путь, чтобы выйти изъ затрудненія: онъ не можетъ не признать, что истинная вѣра существовала и до принятія ея Славянами, но что же это доказываетъ, спрашиваетъ онъ, ссылаясь на то различіе, которое было бы въ нашей вѣрѣ, еслибы мы ее приняли изъ Рима. Но или та „истинная" вѣра, которую мы приняли бы изъ Рима, была бы тою самою, которую мы приняли изъ Царь-Града, и тогда рѣшительно не видно почему при одинаковыхъ условіяхъ мы должны были бы придти къ другимъ результатамъ или она была бы другою и въ виду этого по самому опредѣленію уже не могла бы быть „истинною". А. А. Кирѣевъ замѣчаетъ, что, говоря объ отношеніи религіи и государства, онъ имѣетъ въ виду не религіозное чувство вообще, а „спеціальное его проявленіе въ формѣ православія". Мы же въ нашей замѣткѣ намѣренно избѣгали этого слова, потому что, при объективной постановкѣ дѣла, оно можетъ имѣть два значенія и потому даетъ поводъ къ недоразумѣніямъ. Если разумѣть его филологически, оно не имѣетъ никакого отношенія къ временнымъ или мѣстнымъ условіямъ, если разумѣть его въ историческомъ смыслѣ, оно представляетъ собой нѣкоторую сумму догматовъ и обрядовъ, которые церковь наша признаетъ истинными. Конечно, можно утверждать, что догматы эти истинны, потому что они признаются истинною церковью, и такимъ образомъ оба понятія совпадутъ; но нашъ уважаемый противникъ настолько философъ и богословъ, что едва ли и самъ удовлетворится подобною аргументаціей, поэтому для того, чтобы доказать совпаденіе филологическаго и историческаго смысла слова православія, нужна гораздо болѣе сложная аргументація. Но этого мало, возможно ли утверждать полное тождество между идеей православія и православіемъ, какъ историческимъ фактомъ, а если этого тождества нѣтъ, то достаточно ли одного этого слова, чтобъ оправдать все что совершается отъ его имени; если этого тождества нѣтъ, то какое право имѣетъ народъ исповѣдующій православную вѣру считать себя ея единственнымъ носителемъ; намъ кажется такое убѣжденіе совершенно противнымъ самому духу христіанства. Не только

государства, но и національность—явленія временныя и ограниченныя. всѣ народы должны стремиться къ истинной вѣрѣ и вѣра эта должна оказывать вліяніе на ихъ характеръ и на ихъ жизнь. но, повторяемъ, ставить религіозныя истины въ зависимость отъ исповѣданія ихъ тѣмъ или другимъ народомъ значило бы совершенно извращать логическій порядокъ отношенія. Точно также приписывать какія-либо особыя религіозныя задачи отдѣльнымъ народамъ, по нашему мнѣнію, нѣтъ никакого основанія, по крайней мѣрѣ въ настоящее время. Источники православія слишкомъ доступны каждому, кто желаетъ черпать изъ нихъ, чтобы нуждаться въ какой бы то ни было, а тѣмъ болѣе вооруженной охранѣ. Эпоха крестовыхъ походовъ прошла, да притомъ же гоненія первыхъ вѣковъ христіанства сдѣлали для его распространенія больше, чѣмъ эти походы.

Перейдемъ теперь къ другому возраженію А. А. Кирѣева; онъ упрекаетъ насъ въ томъ, что мы, признавая развитіе національной идеи въ современной жизни, относимся къ ней недостаточно симпатично, и придаемъ ему недостаточное значеніе. Это не совсѣмъ вѣрно; странно было бы отрицать значеніе идеи національности въ эпоху объединенія Германіи и Италіи; что касается симпатіи или не симпатіи къ этой идеѣ, то мы рѣшительно не видимъ, почему Русскіе должны радоваться единству Германіи или Нѣмцы желать объединенія Славянъ подъ гегемоніей Россіи? Да и относительно Россіи послѣдовательное примѣненіе націоналистическаго принципа дало бы кажется довольно сомнительные результаты. Замѣняя вполнѣ ясное государственное единство неопредѣленнымъ понятіемъ кровнаго племеннаго родства, за присоединеніе (даже нематеріальное) Сербовъ и Болгаръ, которые съ нами соединяться не желаютъ, пришлось бы отказаться отъ Финляндіи, Балтійскихъ провинцій, Кавказа, Сибири, всѣхъ нашихъ владѣній въ Средней Азіи и т. д.

А. А. Кирѣевъ находитъ, что у насъ идея государства reipublicae заслоняетъ идею солидарности между разными народностями, близкими по языку и нравамъ.

Вотъ единственое опредѣленіе національности, которое мы находимъ у автора недовольнаго эпитетомъ *неопредѣленный* въ примѣненіи къ понятію національности. Но или А. А. Кирѣевъ находитъ свое опредѣленіе вполнѣ опредѣленнымъ, съ чѣмъ мы никакъ не можемъ согласиться, или ему необходимо отыскать другое. Мы совершенно ясно понимаемъ, что такое Русскій народъ

и русское государство, но что такое русская національность далеко не такъ ясно. Самъ г. Кирѣевъ даетъ множество признаковъ національности, изъ которыхъ каждый можетъ встрѣчаться въ отдѣльности и ни одинъ не составляетъ ея неотъемлемой принадлежности.

Кого же слѣдуетъ считать истинно русскимъ человѣкомъ, въ какой мѣрѣ необходимо для этого славянское происхожденіе? Нѣтъ надобности восходить до Варяговъ, чтобы въ значительной и наиболѣе вліятельной части Русскаго народа найти примѣсь не-славянской крови. Остановимся хотя бы на нашей литературѣ: неужели Кантеміръ, фонъ-Визинъ, Жуковскій и Пушкинъ менѣе русскіе люди, чѣмъ Некрасовъ или Успенскій. А если родословная имѣетъ въ этомъ отношеніи лишь второстепенное значеніе, если и здѣсь главную роль играютъ тѣ Wahlverwandschaften, которыя образуютъ тѣсную, часто неразрывную связь между человѣкомъ и его родиной, то совершенно излишне и невозможно измѣрять это чувство по степенямъ племеннаго родства и туманныхъ примѣтъ національности.

Вл. Соловьевъ въ послѣдней статьѣ своей объ идолахъ и идеалахъ справедливо указываетъ на смѣшеніе у прежнихъ славянофиловъ филологическаго и историческаго пониманія православія, о которыхъ мы сейчасъ говорили. „На словахъ эти люди", замѣчаетъ онъ, „не отдѣляли православія отъ духа Христова; они утверждали, что православіе отличается началомъ любви, духовной свободы и т. д., но они ничего не дѣлали для дѣйствительнаго осуществленія этихъ истинно-христіанскихъ началъ любви и духовной свободы и тѣмъ ясно показывали, что для нихъ главное дѣло не въ этомъ, а только въ томъ, чтобы *во что бы то ни стало* отстоять преимущество *своего* вѣроисповѣднаго элемента передъ *чужими*. Преувеличенное значеніе внѣшней формы въ ихъ проповѣди несомнѣнно обозначало убыль собственно-религіознаго духовнаго интереса, и эта убыль скоро сказалась у насъ самымъ печальнымъ образомъ.

„Славянофилы утверждали, напримѣръ, что сущность православія состоитъ въ любви и свободѣ совѣсти, чѣмъ прямо исключалась возможность религіозныхъ стѣсненій и преслѣдованій. Но это оказалось ихъ частнымъ и весьма непрочнымъ мнѣніемъ. Нынѣ люди, имъ единомышленные, но болѣе ихъ компетентные, совершенно иначе высказываются объ этомъ предметѣ."

Но Соловьевъ со своей стороны, отстаивая интересы религі-

озной свободы противъ притязаній національнаго эгоизма и исключительности, впадаетъ въ противоположную крайность: онъ забываетъ, что человѣкъ не исключительно духовное существо и что въ немъ самыя возвышенныя мысли легко превращаются въ поводъ или предлогъ къ самой ожесточенной борьбѣ.

Leicht in dem Geiste wohnen die Gedancken
Doch hart im Raume stossen sich die Sachen.

Мысль и совѣсть, конечно, свободны и покушеніе на эту свободу не можетъ соотвѣтствовать не только христіанскому духу, но и самому элементарному понятію о справедливости. государство должно въ этомъ отношеніи уважать свободу *каждаго*, но это не значитъ, чтобъ оно должно было также предоставить каждому свободу *пропаганды:* подобная свобода могла бы быть допущена только въ томъ случаѣ, еслибъ она могла всегда оставаться въ той области духа, гдѣ свободно обитаютъ идеи, но, къ сожалѣнію, чѣмъ глубже проникали идеи эти въ сознаніе народныхъ массъ, тѣмъ тяжеле становилось столкновеніе изъ-за нихъ въ пространствѣ; религіозныя войны не составляютъ исключительной принадлежности той или другой народности, того или другаго вѣрованія, а тамъ гдѣ матеріальныя силы слишкомъ неравны, мѣсто религіозныхъ войнъ занимаетъ религіозное преслѣдованіе. Склонность къ такому преслѣдованію вполнѣ исчезаетъ только тамъ, гдѣ господствуетъ полное равнодушіе къ религіознымъ вопросамъ. Истинная религіозная терпимость не только не можетъ быть общимъ достояніемъ народныхъ массъ, но даже и выдающимся людямъ большею частью доступна бываетъ только тогда, когда имъ приходится требовать ее относительно собственныхъ мнѣній, а не тогда, когда надо примѣнять ее къ мнѣніямъ другихъ. Что же остается дѣлать при такихъ условіяхъ государству, если оно не хочетъ допустить нескончаемыхъ религіозныхъ смутъ, какъ не ограничить свободу пропаганды, которая неизбѣжно повела бы къ этимъ смутамъ? Конечно, тамъ, гдѣ господствуетъ полное религіозное равнодушіе, государству незачѣмъ вмѣшиваться въ подобные вопросы, потому что они и безъ того не могутъ вызвать никакихъ осложненій, но тамъ, гдѣ вопросы эти способны еще волновать народныя массы, оно не можетъ оставаться вполнѣ безучастнымъ зрителемъ борьбы, которая ежечасно можетъ перейти въ смуту.

Вотъ почему защита Соловьевымъ свободы совѣсти, какъ онъ

ее понимаетъ (то-есть со включеніемъ въ нее права пропаганды), кажется намъ не только не убѣдительною, но даже противорѣчивою.

„Дѣло идетъ“, говоритъ онъ, „вовсе не о внутреннихъ, болѣе или менѣе совершенныхъ, состояніяхъ христіанина, подвѣдомственныхъ одному Богу, а только о законномъ и публичномъ, юридическомъ и политическомъ примѣненіи христіанскаго начала вѣротерпимости или религіозной свободы къ различнымъ сектантамъ и иновѣрцамъ. Вопросъ о свободѣ совѣсти въ этомъ смыслѣ (а только въ этомъ смыслѣ онъ есть вопросъ) имѣетъ лишь кажущееся, словесное, а не реальное отношеніе къ тому религіозно-психологическому и религіозно-этическому ученію о совѣсти и ея внутренней свободѣ и неволѣ.

„Еслибы существовали общепризнанные судьи, непреложно рѣшающіе, какая мысль ложная и какая истинная, тогда, конечно, не было бы надобности допускать обнародованіе завѣдомой лжи: но именно отсутствіе такихъ судей и весьма частыя и пагубныя ошибки предполагаемыхъ авторитетовъ заставляютъ, въ интересахъ духовнаго преуспѣянія человѣчества, требовать свободы выраженія всякихъ мыслей. Что же касается допускаемой нашимъ авторомъ свободы для *мысли невыраженной*, то такая свобода неотъемлемо принадлежитъ всякому мыслящему существу по природѣ вещей и никѣмъ не можетъ быть ограничена; ибо чужая душа — потемки, и никакое начальство, ни свѣтское, ни духовное, не имѣетъ физической возможности простирать свою власть на сокровенные помыслы людей. Зачѣмъ же говорить о предоставленіи того, что̀ не можетъ быть отнято, и о разрѣшеніи того, чего нельзя запретить?“

Въ такой аргументаціи, какъ ни убѣдительна можетъ она показаться на первый взглядъ, скрывается однако нѣкоторый софизмъ.

Никто дѣйствительно не только не въ правѣ, но и не въ состояніи контролировать невыраженную мысль. Но сила очень часто въ состояніи вынудить мнимое выраженіе не существующей мысли и въ этомъ состоитъ самая отвратительная сторона всѣхъ религіозныхъ преслѣдованій, какими бы мотивами они ни прикрывались.

Всякое религіозное *преслѣдованіе* (а не ограниченіе, которое иногда совершенно ошибочно смѣшивается съ нимъ) по существу своему есть требованіе выраженія мысли, которую преслѣдуемый

не раздѣляетъ, то-есть требованіе отъ него лжи: это самое возмутительное поруганіе религіи, потому что отецъ лжи есть діаволъ.

Но между требованіемъ отъ человѣка утвержденія того, что онъ считаетъ ложью и запрещеніемъ выраженія того, что онъ считаетъ истиной, есть громадная разница.

Смѣшивать *ограниченія религіозной пропаганды*, необходимыя въ интересахъ общественнаго спокойствія, съ религіозными преслѣдованіями, которыя не могутъ имѣть никакихъ оправданій, значитъ отказываться отъ возможной въ государствѣ религіозной свободы ради совершенно иныхъ цѣлей. Можно утверждать, конечно, что такъ какъ религіозныя задачи, имѣющія цѣлью вѣчное, высшее благо человѣчества, несравненно выше задачъ государства, охраняющаго только временное благо страны, то ради разрѣшенія этихъ высшихъ религіозныхъ задачъ можно рисковать и государственнымъ спокойствіемъ; но религіозныхъ вѣрованій въ одномъ и томъ же государствѣ встрѣчается много, конечно, эта множественность не мѣшаетъ искренно вѣрующему быть убѣжденнымъ, что только его вѣрованіе есть истинное. Но государство, еслибы даже захотѣло принести свое спокойствіе въ жертву религіозному началу, не въ состояніи этого сдѣлать, не сдѣлавшись въ то же время предварительнымъ, непризваннымъ судьей истинности или ошибочности этихъ вѣрованій.

Понятно, что такія соображенія не остановятъ не только истинныхъ пророковъ, но и считающихъ себя таковыми, отъ пропаганды своихъ убѣжденій, хотя бы и вопреки государственнымъ законамъ, но они уже должны это дѣлать на свой страхъ, утѣшаясь только тѣмъ, что сила истины велика и должна побѣдить, но странно было бы съ ихъ стороны, еслибъ они вздумали требовать защиты своихъ мнимыхъ правъ отъ тѣхъ самыхъ государственныхъ законовъ, которые они нарушаютъ.

Между тѣмъ нѣчто совершенно подобное представляетъ весьма распространенное и защищаемое В. С. Соловьевымъ требованіе *свободы выраженія всякихъ мыслей*, которую должно гарантировать государство. Если всякихъ, то стало-быть и преступныхъ, а если допустить ненаказуемость выраженія преступныхъ мыслей, это значитъ признать ненаказуемость подстрекательства. Но Соловьевъ говоритъ, что „право дѣйствія разбойниковъ ограничено уголовнымъ судомъ и его послѣдствіями и едва ли кто станетъ серьезно оспаривать необходимость такого ограниченія“. Но вѣдь

и преступленія противъ вѣры находятся въ томъ же самомъ уложеніи, какъ и преступленія противъ собственности, что же отсюда слѣдуетъ? Вопросъ состоитъ въ томъ, должны ли преслѣдоваться тѣ или другія дѣянія, а не въ томъ преслѣдуются ли они дѣйствительно согласно тому или другому кодексу?

Соловьевъ полагаетъ, что разбойниковъ преслѣдовать должно, а выраженіе даже публично *всякихъ* мыслей должно быть свободно. Но если я публично или даже тайно стану проповѣдывать именно то, что предусмотрѣно уголовнымъ кодексомъ, развѣ это не есть уже явное преступленіе? Если я по религіознымъ мотивамъ совершу или вовлеку кого-нибудь другаго въ совершеніе общеуголовнаго преступленія, развѣ это есть достаточное основаніе для ненаказуемости самаго преступника или подстрекателя? Легко отвѣтить конечно, что истинно религіозные мотивы не могутъ сдѣлаться источниками преступныхъ дѣяній, но въ томъ-то и бѣда, что, какъ говоритъ самъ авторъ, не существуетъ общепризнанныхъ судей непреложно рѣшающихъ, какая мысль ложная и какая истинная, и государству при допущеніи въ своихъ предѣлахъ разнообразныхъ вѣрованій приходится поневолѣ руководствоваться не столько ихъ религіознымъ содержаніемъ, оцѣнивать которое оно не признано, сколько ихъ отношеніемъ къ положительнымъ законамъ и общественному порядку и безопасности. Чѣмъ менѣе ограниченія религіозной свободы, тѣмъ лучше въ интересахъ истинной религіи; но опредѣлить a priori необходимую въ видахъ государственной безопасности степень свободы почти невозможно.

Другое дѣло ограниченіе свободы совѣсти въ тѣсномъ смыслѣ, которое, какъ намъ кажется, должно быть окончательно устранено изъ положительнаго законодательства.

Въ послѣднемъ нумерѣ *Русскаго Вѣстника* г. Татищевъ по поводу нѣмецкой брошюры: „Какого направленія мы держимся", брошюры, которую онъ приписываетъ внушенію бывшаго германскаго канцлера, разсматриваетъ современное положеніе Германіи и направленіе германской политики: онъ находитъ, что осужденіе этой политики и обвиненіе въ неудачахъ Вильгельма II, встрѣчающіяся въ брошюрѣ, незаслуженны, если принять во вниманіе, что то положеніе, которое признается авторомъ столь печальнымъ, создано самимъ княземъ Бисмаркомъ.

Трудно сказать, до какой степени князь Бисмаркъ виновенъ въ томъ „незавидномъ и опасномъ“ положеніи, въ которомъ въ настоящее время находится Германія: извѣстно, что побѣдителей не судятъ, и вѣроятно по этой причинѣ почти никому до сихъ поръ въ голову не приходило обвинять князя Бисмарка въ недостаткѣ патріотизма или политическаго такта. Но великіе люди, такъ же какъ львы, старятся, и тогда имъ приходится выслушивать горькіе заслуженные и незаслуженные упреки.

Такъ и теперь, обвиненіе г. Татищева въ непониманіи истинныхъ интересовъ Германіи падаетъ на Бисмарка, хотя онъ обращается съ рѣчью къ императору Вильгельму и совѣтуетъ ему отказаться отъ политики его предковъ, совѣтъ, которому императоръ едва ли послѣдуетъ, тѣмъ болѣе, что, по собственному мнѣнію г. Татищева, только неуклонному примѣненію на дѣлѣ ихъ политическаго кодекса Пруссія обязана достиженіемъ завѣтной своей государственной цѣли.

„Мы знаемъ только одно средство для Германіи избѣжать впредь убыточныхъ и унизительныхъ сдѣлокъ съ ея нынѣшними союзниками, говоритъ г. Татищевъ. Оно довольно просто и заключается въ полномъ расторженіи такъ-называемой „Лиги мира“, служившей доселѣ единственною ему угрозой. Такая мѣра надолго обезпечила бы покой Европы, не подвергая притомъ ни малѣйшей опасности ни независимость, ни цѣлость самой Германіи, о нападеніи на которую не помышляютъ ни Русскіе, ни Французы. Но рѣшиться на нее равносильно отреченію отъ вѣковыхъ притязаній Гогенцоллернскаго дома, отъ той политической системы, которой неуклонно придерживалось нѣсколько поколѣній монарховъ и государственныхъ людей, отъ системы, конечною цѣлью коей было установленіе главенства Пруссіи въ Германіи и въ Европѣ.“

Итакъ, если справедливо то, что̀ утверждаетъ г. Татищевъ, то оказывается, что Бисмаркъ въ теченіе своей дѣятельности съумѣлъ добиться того, что̀ составляло „вѣковыя притязанія Гогенцоллернскаго дома“ и слѣдовалъ политической системѣ, которой неуклонно придерживались нѣсколько поколѣній монарховъ и государственныхъ людей. А черезъ два года царствованія императора Вильгельма, по мнѣнію того же г. Татищева, „единственное средство для Германіи избѣжать убыточныхъ и унизительныхъ сдѣлокъ“—это отрѣченіе отъ традиціонной политики Гогенцоллерновъ. Но, по мнѣнію г. Татищева, въ этомъ виноватъ Бисмаркъ. Выходитъ,

что онъ удалился отъ дѣлъ какъ разъ въ ту минуту, когда ему приходилось капитулировать предъ Европой. Еслибы князь Бисмаркъ удалился вполнѣ добровольно, такое подозрѣніе имѣло бы нѣкоторое основаніе, но. какъ извѣстно, удаленіе князя Бисмарка не вполнѣ зависѣло отъ его желанія и потому онъ можетъ-быть имѣлъ еще въ виду нѣкоторыя мѣры для поддержанія первенствующаго положенія Германіи, не вполнѣ извѣстныя г. Татищеву и не совсѣмъ тѣ, которыя испытаны были императоромъ Вильгельмомъ и состояли, по мнѣнію г. Татищева, въ томъ, что, недобившись союза съ Россіей, императоръ сталъ искать поддержки во Франціи.

„Потерпѣвъ полную неудачу въ томъ, что составляло главную цѣль его поѣздки въ Россію, Вильгельмъ II, говоритъ г. Татищевъ, тотчасъ же обратился въ противоположную сторону и принялся всячески заискивать во Франціи. Мы не станемъ перечислять всѣ попытки его въ этомъ направленіи; напомнимъ только, что ни одна изъ нихъ не увѣнчалась успѣхомъ. Въ Парижѣ, какъ и въ С.-Петербургѣ, ему дали понять, что Франція не прочь жить въ мирѣ съ Германіей, но что о дружбѣ, а тѣмъ паче о союзѣ между послѣдними державами, не можетъ быть и рѣчи, всего менѣе о такомъ союзѣ, предварительнымъ условіемъ коего было бы расторженіе состоявшагося не безъ труда франко-русскаго соглашенія.“

И во всемъ этомъ виноватъ Бисмаркъ, непонимавшій истинныхъ интересовъ Германіи вообще и Пруссіи въ особенности.

Мы охотно допускаемъ, что съ точки зрѣнія русской можно не сочувствовать Бисмарку, не зачѣмъ же намъ заботиться о нѣмецкихъ интересахъ больше самихъ Нѣмцевъ?

***

Revue des deux mondes въ послѣднемъ нумерѣ даетъ не совсѣмъ утѣшительное описаніе современнаго положенія французскаго правительства: „Для правительства и для учрежденій, говоритъ журналъ, жить, поддерживать свое существованіе—это еще не все; главное—заслужить это существованіе, начать съ уваженія той конституціи, которую сами создали, привести въ нѣкоторый порядокъ свои мысли и законы, не думать, что все позволено, потому что заручился большинствомъ, не повторять безпрестанно исторію довольныхъ всѣхъ временъ, которые нахо-

дять, что все идетъ хорошо, лишь бы они могли властвовать. Конечно, на первый взглядъ невозможно сказать, чтобы въ настоящее время въ дѣлахъ Франціи было что-нибудь необычайное. Республика признана, внутренній миръ не подвергается серьезной опасности. Общественныя власти заняты своими повседневными дѣлами; глава государства и министры отъ времени до времени совершаютъ свои поѣздки въ полной увѣренности, что на своемъ пути встрѣтятъ обычныя овація и поводы для рѣчей. Режимъ держится! Это правда, и все-таки повсюду чувствуется нѣкоторая тайная неопредѣленная неувѣренность въ устойчивости порядка вещей.

„Правительство вынуждено слѣдовать указаніямъ и капризамъ болѣе или менѣе случайнаго большинства палаты подчиняться всѣмъ условіямъ, уступать одно за другимъ всѣ права власти, не твердымъ шагомъ слѣдовать за тѣми, кого бы оно должно вести, и это называется согласоваться съ большинствомъ. Это идеалъ, говорятъ торжествующіе радикалы, правительство не должно имѣть другаго мнѣнія, кромѣ того, которое ему предписываютъ. Одинъ радикалъ, человѣкъ остроумный и не лишенный воображенія, сравнилъ даже министерство съ „кухаркой“, которая должна подавать своему хозяину только такія кушанья, какія ему по вкусу. Вотъ это хорошо! Это значитъ—поднимать правительство республики въ глазахъ Французскаго народа! Въ сущности, серьезно говоря, это—безсиліе, возведенное въ систему, постоянное отреченіе передъ всѣми требованіями и претензіями партій.

„И что же? Это большинство, слабостямъ котораго уступаютъ, которому едва смѣютъ противорѣчить, оправдываетъ ли оно свои претензіи ясностью взглядовъ, нѣкоторою способностью къ дѣламъ, своимъ политическимъ смысломъ и наконецъ своимъ составомъ? Совсѣмъ напротивъ, можетъ-быть даже оно совсѣмъ и не существуетъ или, если существуетъ, то только въ частныхъ голосованіяхъ, посредствомъ ряда компромиссовъ и уступокъ и того безпрерывнаго смятенія, въ которомъ болѣе умѣренные слѣдуютъ за болѣе горячими. Большею частью оно само не знаетъ ничего, оно хочетъ ни того, куда оно идетъ; оно то и дѣло сбивается въ своихъ запросахъ, предложеніяхъ и очередныхъ порядкахъ.“

На дняхъ, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни, скончался предсѣдатель коммиссіи педагогическаго музея Всеволодъ Порфирьевичъ Коховскій. Онъ посвятилъ всю свою жизнь педагогіи и наукѣ, и всѣ, кто въ Петербургѣ имѣли нѣкоторое сношеніе съ нимъ, знали и цѣнили его многолѣтнюю неутомимую и безкорыстную дѣятельность. Это былъ человѣкъ дѣйствительно всею душой преданный дѣлу, готовый на все хорошее и чуждый всякихъ партійныхъ увлеченій. Дай Богъ, чтобы то дѣло, котораго онъ былъ основателемъ, не погибло вмѣстѣ съ нимъ и нашлись бы люди, способные продолжать его.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Двѣ выставки: Французская и Средне-Азіятская. — Вопросъ объ урожаѣ.

Въ настоящее время въ Москвѣ имѣются двѣ крупныя промышленныя выставки: Французская и Средне-Азіятская. Первая изъ нихъ была открыта 30 апрѣля и до сихъ поръ еще не вполнѣ закончена, такъ какъ все продолжаютъ поступать новые предметы и выставка съ каждымъ днемъ все болѣе пополняется. Открытіе второй послѣдовало 11 мая, и эта выставка предстала предъ публикой вполнѣ законченною и отдѣланною. Всѣ товары здѣсь ко дню открытія были размѣщены по своимъ мѣстамъ, и еслибы кто и пожелалъ что-либо добавить еще, то, за отсутствіемъ помѣщенія, это довольно трудно было бы выполнить. Правда, что Средне-Азіятскую выставку проектировалось открыть еще въ началѣ текущаго года и витрины нѣкоторыхъ экспонентовъ были вполнѣ убраны еще за мѣсяцъ до дня открытія, тѣмъ не менѣе въ окончательномъ результатѣ Русскіе на этотъ разъ перещеголяли Французовъ, выступивъ предъ публикой въ полномъ нарядѣ, тогда какъ Французы начали принимать посѣтителей будучи полуодѣтыми.

Каждая промышленная выставка имѣетъ цѣлью, вопервыхъ, ознакомить публику, по предлагаемымъ образцамъ, съ производимыми товарами и, вовторыхъ, показать успѣхъ промышленной техники. Выставка сближаетъ производителя съ потребителемъ и облегчаетъ распространеніе товаровъ. Съ другой стороны, назначеніе наградъ за лучшіе товары, возбуждая соревнованіе между производителями, содѣйствуетъ улучшенію производства,

введенію наиболѣе совершенныхъ способовъ обработки. Выставка представляетъ школу, гдѣ съ пользой могутъ поучиться болѣе слабые изъ производителей, присматриваясь къ товарамъ своихъ сильныхъ конкуррентовъ. На выставкахъ не помѣщаютъ плохихъ товаровъ, а даже и для наиболѣе дешевыхъ сортовъ даютъ лучшіе образцы. Такимъ образомъ здѣсь публика знакомится съ наиболѣе совершенными продуктами и вслѣдствіе этого выставки имѣютъ громадное образовательное значеніе. Познакомившись съ хорошимъ товаромъ, потребитель уже неохотно беретъ послѣ этого плохіе сорта, побуждая фабрикантовъ къ улучшенію производства.

Качество товара находится въ значительной зависимости отъ стоимости его, обусловливаемой расходами производства. Каждый почти фабрикантъ и заводчикъ можетъ работать прекрасный товаръ, но окажется значительная разница въ стоимости его самому производителю, а слѣдовательно и въ продажной цѣнѣ. Одинъ можетъ работать извѣстный товаръ въ 3 рубля аршинъ, другой, пользуясь болѣе усовершенствованными способами производства, даетъ такой же точно товаръ по 2 рубля за аршинъ. Очевидно, что при одинаковыхъ качествахъ издѣлій второй фабрикантъ заслуживаетъ бо́льшаго поощренія противъ перваго, облегчая пониженіемъ цѣны потребленіе. Вообще цѣна товаровъ составляетъ одно изъ важнѣйшихъ условій для наиболѣе правильнаго опредѣленія достоинства ихъ. Въ виду этого нельзя не выразить сожалѣнія, что на обѣихъ московскихъ промышленныхъ выставкахъ имѣется очень много товаровъ безъ означенія стоимости ихъ, играющей главную роль въ торговлѣ. Это особенно бросается въ глаза при осмотрѣ Французской выставки, гдѣ почти всѣ предметы художественной промышленности, какъ напримѣръ, бронза, снабжены ярлычками съ опредѣленіемъ цѣны каждой вещи. Что же касается значительной части такъ-называемыхъ массовыхъ товаровъ, какъ напримѣръ сукна, шерстяныя и шелковыя ткани, то очень многіе изъ нихъ не имѣютъ цѣны и этимъ затрудняется опредѣленіе достоинства ихъ. Правда, что у большинства витринъ имѣются представители экспонентовъ, которые очень любезно сообщаютъ всѣ необходимыя свѣдѣнія, но во всякомъ случаѣ было бы гораздо лучше, еслибы на каждой вещи была назначена и цѣна ей: это было бы удобнѣе для публики, а также и для экспертизы... Этотъ же недостатокъ замѣчается и на Средне-Азіятской выставкѣ, гдѣ, кстати упомя-

нуть, не имѣется и представителей экспонентовъ, отъ которыхъ можно было бы получить свѣдѣнія о стоимости товаровъ. Правда, что по нѣкоторымъ отдѣламъ, касающимся продуктовъ Средней Азіи, даются сжатыя объясненія: но за то занимающіе главное мѣсто мануфактурные товары въ большинствѣ остаются безъ указаній о стоимости ихъ.

Другой недостатокъ обѣихъ выставокъ заключается въ отсутствіи каталоговъ, безъ которыхъ посѣтителямъ довольно трудно ориентироваться въ обширныхъ рядахъ выставленныхъ витринъ. Вообще выставка, такъ же какъ и библіотека, немыслима безъ каталога, посредствомъ котораго можно было бы найти то именно, что̀ требуется, а не блуждать въ потьмахъ. На Французской выставкѣ появился впрочемъ на дняхъ и каталогъ; но онъ такъ неполонъ и составленъ настолько неудачно, что пользоваться имъ нѣтъ никакой возможности. Не говоря уже о томъ, что здѣсь нѣтъ указаній относительно выставившихъ товары фирмъ, въ этомъ каталогѣ нѣтъ даже нумераціи витринъ, причемъ экспоненты каждаго отдѣла перечислены въ алфавитномъ порядкѣ, а не въ порядкѣ помѣщенія ихъ товаровъ. Такимъ образомъ такой каталогъ не только не облегчаетъ, а отчасти даже затрудняетъ справку объ экспонатѣ. Вообще онъ можетъ служить лишь прекраснымъ примѣромъ того, какъ не слѣдуетъ составлять выставочные каталоги и можно думать, что комитетъ Средне-Азіятской выставки воспользуется этимъ примѣромъ.

Переходя къ деталямъ той и другой выставки, приходится остановиться сперва на Средне-Азіятской, которая хотя и была открыта на 12 дней позднѣе Французской, но ближе касается русскихъ экономическихъ интересовъ.

Средне-Азіятская выставка дѣлится на два обширные отдѣла: предметы вывоза въ Среднюю Азію и продукты мѣстной производительности Азіи. Здѣсь мы встрѣчаемся съ непосредственнымъ обмѣномъ товаровъ—издѣлія фабричной и заводской производительности промышленныхъ центровъ Имперіи, отправляемыя на рынки Средней Азіи для удовлетворенія потребностей ея населенія, и доставляемые Среднею Азіей сырые продукты, представляющіе матеріалъ для фабричной и заводской обработки. Здѣсь добывающая и обрабатывающая промышленность сходятся лицомъ къ лицу, наглядно свидѣтельствуя о тѣсномъ ихъ взаимодѣйствіи.

Администраціи выставки при размѣщеніи товаровъ пришлось

до значительной степени руководиться расположеніемъ зданія и вслѣдствіе этого вышло такъ, что посѣтители сперва знакомятся съ обработанными товарами, отправляемыми въ Среднюю Азію, причемъ многіе изъ преобладающей на выставкѣ мануфактуры выработанны изъ средне-азіятскаго сырья, и уже послѣ этого помѣщается собственно Средне-Азіятскій отдѣлъ. Посѣтитель сперва видитъ продуктъ въ обработанномъ видѣ и уже потомъ знакомится съ нимъ въ качествѣ сыраго матеріала. Но что дѣлать, если зданіе Историческаго Музея по своему расположенію затруднило болѣе правильную организацію —отъ сырья къ фабрикату— и пришлось устроить выставку въ обратномъ порядкѣ.

Начиная отъ входа рядъ залъ занятъ предметами отправляемыми изъ промышленныхъ центровъ Имперіи на рынки Средней Азіи. Здѣсь, какъ и слѣдовало ожидать, преобладаетъ дешевый хлопчатобумажный товаръ, составляющій нынѣ главный предметъ одежды азіятскаго населенія. Здѣсь посѣтителя поражаетъ излюбленная обитателями Азіи яркость красокъ и пестрота рисунковъ. Здѣсь нѣтъ скромныхъ оттѣнковъ, мягкихъ полутоновъ: все блеститъ, съ преобладаніемъ краснаго цвѣта. Первое мѣсто занимаютъ мануфактуры Морозовыхъ, а за ними идетъ рядъ другихъ— московскихъ, иваново-вознесенскихъ и привислинскихъ фабрикантовъ. Неспеціалисту трудно судить о достоинствѣ выставленныхъ товаровъ, трудно отдать преимущество тѣмъ или другимъ предметамъ, но во всякомъ случаѣ нельзя обойти молчаніемъ роскошную витрину Богородско-Глуховской мануфактуры, гдѣ показаны всѣ стадіи обработки средне-азіятскаго хлопка, начиная отъ холста и кончая яркими тканями. Для сравненія здѣсь помѣщены такіе же предметы и изъ американскаго хлопка, и однако въ результатѣ національный продуктъ отнимаетъ пальму первенства у иностраннаго. Замѣчательна также выставленная Якунчиковымъ пряжа № 100, выработанная изъ русскаго хлопка. Вообще если сравнить помѣщенные здѣсь товары съ тѣми, которые были премированы на Всероссійской промышленной выставкѣ 1882 года, то окажется, что въ девятилѣтній періодъ хлопчатобумажная промышленность въ Россіи сдѣлала поразительные успѣхи, на которые трудно было даже разсчитывать. При высокомъ покровительственномъ тарифѣ иностранная конкуренція не могла оказать вліянія на качественное улучшеніе товаровъ. Очевидно, что главною, да пожалуй и единственною причиной является здѣсь внутренняя конкурренція, побуждающая

производителей вводить наиболѣе усовершенствованные способы и пріемы обработки. Это особенно замѣтно на иваново-вознесенскихъ издѣліяхъ, далеко не отличавшихся высокими достоинствами. Какъ только усилился спросъ на высшіе сорта товара, иваново-вознесенскіе фабриканты немедленно начали улучшать качество своихъ издѣлій, и теперь ихъ ткани уже приближаются къ московскимъ, что̀ преимущественно наблюдается на краскахъ и рисункахъ.

Въ отдѣлѣ мануфактурныхъ товаровъ слѣдуетъ также обратить вниманіе на прекрасныя по рисункамъ, но очень дешевыя по цѣнѣ парчи, отправляемыя на рынки Средней Азіи. Здѣсь, какъ и слѣдовало ожидать, первое мѣсто занимаютъ всемірно-извѣстные товары Сапожникова, но очень недурны также и парчи Зубкова. Довольно трудно однако рѣшить, почему на выставкѣ помѣщены пряники и печенье Эйнема, очень плохіе никелированные самовары какой-то польской фирмы и иголки другой фирмы. Несомнѣнно, что всѣ эти товары, хотя и въ весьма ограниченныхъ количествахъ, имѣютъ сбытъ на средне-азіятскіе рынки. Но если уже помѣщать эти товары, то почему же было не помѣстить также и свѣчи, фортепіано, стальныя перья, сапоги и т. п. Вѣдь всѣ эти товары вывозятся въ Среднюю Азію и слѣдовательно имѣютъ одинаковыя права на помѣщеніе, какъ иголки Платера и печенье Эйнема. Вообще на выставкѣ мелочные товары, продаваемые въ ничтожномъ количествѣ, не отдѣлены отъ массовыхъ товаровъ, стоимость оборотовъ съ которыми исчисляется многими милліонами рублей, и этотъ пробѣлъ составляетъ одинъ изъ существенныхъ недостатковъ выставки.

За мануфактурнымъ отдѣломъ идутъ залы, гдѣ размѣщены продукты Средней Азіи, составляющіе главный центръ выставки и наиболѣе удовлетворяющіе ея задачѣ: познакомить публику съ громадными богатствами этого недавно присоединеннаго къ Россіи края. Здѣсь на первомъ планѣ слѣдуетъ отмѣтить шелкъ и хлопокъ, которые культивируются тамъ съ такою успѣшностью, что можно разсчитывать въ неособенно продолжительномъ времени обойтись безъ привоза этихъ товаровъ въ Россію изъ-за границы. Въ этомъ отдѣлѣ интересующійся посѣтитель можетъ ознакомиться со всѣми стадіями производства всевозможныхъ сортовъ хлопка, начиная отъ кустовъ хлопчатника и кончая образцами очищеннаго и прессованнаго хлопка. То же самое можно сказать и относительно шелководства, гдѣ предлагаются

результаты выводки различной грены. Вообще сельско-хозяйственныя богатства края неистощимы и жаль только, что до сихъ поръ они слабо еще разрабатываются, ожидая притока новыхъ силъ и капиталовъ. Прекрасныя и поучительныя витрины Рѣшетникова наглядно свидѣтельствуютъ о громадныхъ производительныхъ силахъ этого богатаго края.

Въ этихъ же залахъ помѣщены и образцы минеральныхъ богатствъ края. Но выставку горнозаводскихъ продуктовъ нельзя признать вполнѣ удачною: вопервыхъ, многіе предметы выставлены въ микроскопическихъ образцахъ, не дающихъ полнаго представленія о продуктѣ, вовторыхъ, не замѣчается такого обилія предметовъ, какого слѣдовало бы ожидать, судя по выставкѣ въ Ташкентѣ.

Далѣе идетъ этнографическая часть выставки, знакомящая съ жизнью и обычаями коренныхъ обитателей Средней Азіи. Здѣсь находятся не только прекрасно выполненные манекены въ натуральную величину, но также образцы способовъ передвиженія, модели жилищъ и множество предметовъ домашняго обихода. Здѣсь есть на что посмотрѣть, есть чѣмъ полюбоваться. Слѣдуетъ упомянуть также и о полуфантастическомъ восточномъ базарѣ, устроенномъ въ одной изъ наиболѣе обширныхъ залъ этого отдѣла, гдѣ въ шелковыхъ палаткахъ Сарты торгуютъ средне-азіятскими товарами, преимущественно мѣстными шелковыми издѣліями. Нельзя умолчать также о роскошныхъ восточныхъ коврахъ, невольно привлекающихъ вниманіе посѣтителя своею необычайною мягкостью и чудными переливами красокъ.

Эта выставка имѣетъ болѣе образовательное, нежели промышленное значеніе. Здѣсь не столько преслѣдуются меркантильныя цѣли, сколько выражается желаніе познакомить посѣтителей съ бытовою и промышленною дѣятельностью нашей средне-азіятской окраины. Для бо́льшаго впечатлѣнія стѣны покрыты рисунками изображающими виды Средней Азіи. Въ общемъ эта выставка представляетъ роскошную, изящно убранную бонбоньерку, гдѣ съ пользой и удовольствіемъ можно провести нѣсколько свободныхъ часовъ. Для тѣхъ, кто интересуется болѣе подробнымъ изученіемъ края, каждая витрина даетъ настолько богатый матеріалъ, котораго не могутъ замѣнить никакія теоретическія изслѣдованія, хотя бы даже и многотомныя. Выставка такъ изящна и уютна, всѣ витрины убраны съ такимъ вкусомъ и расположены настолько удачно, что производитъ вполнѣ отрадное

л пріятное впечатлѣніе на каждаго даже предубѣжденнаго посѣтителя, не ожидавшаго, чтобы на такомъ ограниченномъ пространствѣ можно было столь удобно размѣстить большое число экспонируемыхъ товаровъ.

Французская выставка, стремясь къ экономическому сближенію Франціи съ Россіей, къ пріобрѣтенію новаго рынка для французскихъ товаровъ, отличается другимъ характеромъ. Злѣсь на первомъ планѣ выдвигаются меркантильныя цѣли и сообразно этому группируются и выставленные предметы.

Для посѣтителей было бы желательно, чтобы Французская выставка отличалась возможною полнотой, чтобы злѣсь были по возможности образцы всѣхъ отраслей производительности этого промышленнаго государства. Между тѣмъ въ дѣйствительности французскіе промышленники выставляютъ лишь тѣ предметы, которые могутъ разсчитывать на болѣе обширный сбытъ на русскіе рынки и ограничиваютъ помѣщеніе товаровъ, не имѣющихъ шансовъ на спросъ со стороны Россіи. Извѣстно, напримѣръ, что машинное дѣло имѣетъ широкую постановку во Франціи и что Французы въ этой отрасли производства догоняютъ даже Англію, значительно опередивъ Германію. Однако на выставкѣ машинный отдѣлъ оказывается однимъ изъ наиболѣе слабыхъ. Злѣсь поставлено для вида нѣсколько заурядныхъ машинъ, не представляющихъ ничего выдающагося, что̀ обусловливается тѣмъ, что при высокихъ въ Россіи пошлинахъ на машины ввозъ ихъ встрѣчаетъ значительное затрудненіе. Зная это, французскіе заводчики и не стали усиливать машиннаго отдѣла на выставкѣ. То же самое можно сказать относительно массивныхъ металлическихъ издѣлій, которыя за отсутствіемъ сбыта въ Россію слабо представлены на выставкѣ. Но за то въ отдѣлахъ, гдѣ можно разсчитывать на сбытъ товаровъ, какъ бронзовыя издѣлія, ювелирная работа, шелковыя матеріи, мебель, дамскіе уборы, вина и проч. товары выставлены многими фирмами и въ значительныхъ количествахъ. Такимъ образомъ выставка знакомитъ не съ тѣмъ, что̀ производитъ Франція, а съ тѣми лишь предметами, которые могутъ находить сбытъ въ Россіи.

Русская обрабатывающая промышленность сдѣлала за послѣдніе годы громадные успѣхи, развивъ производство до очень крупныхъ размѣровъ. Въ то же время она улучшила свои продукты и въ качественномъ отношеніи, достигнувъ введеніемъ болѣе совершенныхъ способовъ обработки пониженія стоимости товаровъ.

Эти обстоятельства, въ связи съ повышеніемъ пошлинъ таможеннаго тарифа, затруднили доступъ иностраннымъ товарамъ, привозъ которыхъ за послѣдніе два-три года сильно уменьшился противъ конца семидесятыхъ и начала восьмидесятыхъ годовъ. Въ отдѣлѣ издѣлій Россія получаетъ изъ-за границы лишь такіе товары, которые не вырабатываются еще на внутреннихъ фабрикахъ, или производство которыхъ при маломъ спросѣ внутреннихъ рынковъ обходится настолько дорого, что не можетъ выдерживать иностранной конкурренціи, гдѣ вслѣдствіе широкаго сбыта накладные расходы спускаются до минимальныхъ размѣровъ. Наконецъ, въ Россіи постоянно имѣется спросъ на такъ-называемые модные товары, гдѣ главную роль играетъ вкусъ производителя, а не количество затраченнаго имъ труда или капитала. Франція въ торговлѣ модными товарами постоянно занимала первое мѣсто и только за послѣднее время Германія начала забивать ея торговлю, поддѣлывая свои товары подъ французскіе образцы и сбывая ихъ въ Россію подъ видомъ французскихъ. Французы могутъ съ полнымъ основаніемъ разсчитывать, что нынѣшняя выставка, сблизивъ русскаго потребителя съ французскимъ производителемъ, усилитъ вывозъ французскихъ товаровъ на русскіе рынки въ ущербъ для нѣмецкой конкурренціи. Вся выставка принаровлена къ рекламированію этихъ цѣнныхъ товаровъ, а также къ сбыту нѣкоторыхъ мелкихъ предметовъ, которые вслѣдствіе новизны и дешевой цѣны, какъ напримѣръ бруски изъ хромовой стали для точенія ножей, весьма охотно раскупаются посѣтителями. Эта выставка имѣетъ характеръ обширнаго, красиво убраннаго базара, представляющаго значительный интересъ для русскихъ посѣтителей, которые непосредственно знакомятся съ предметами французской производительности. Къ сожалѣнію, многіе изъ нашихъ французскихъ гостей практикуютъ на этомъ базарѣ азіятскіе пріемы торга, и при покупкѣ вещей приходится значительно торговаться, причемъ съ объявленной цѣны часто дѣлаются крупныя уступки. Впрочемъ это не безъ пользы для русской публики, которая имѣетъ даровую практику во французскомъ языкѣ.

Кромѣ торговопромышленныхъ выставка преслѣдуетъ также и образовательныя цѣли. Здѣсь имѣются обширный художественный отдѣлъ и книжная выставка, представляющая изящные образцы искусства французскихъ типографовъ, поучительные

для Россіи. Наконецъ, не мѣшаетъ полюбоваться роскошными издѣліями французскихъ ювелировъ, а также и искусственными драгоцѣнными камнями, гдѣ имитація доведена до такой степени совершенства, что поддѣльные камни трудно отличить отъ настоящихъ. Выставка даетъ много интересныхъ предметовъ и съ каждымъ днемъ все болѣе привлекаетъ вниманіе публики. Можно думать, что большинство французскихъ экспонентовъ не останутся въ убыткѣ отъ выставки. Съ другой стороны очевидно, что выставка не причинитъ никакого ущерба русской обрабатывающей промышленности. Останутся въ накладѣ одни лишь нѣмецкіе фальсификаторы, поддѣлывавшіе французскіе товары и сбывавшіе ихъ въ Россію подъ видомъ настоящихъ. Но объ этомъ едва ли стóитъ печалиться...

Московскія выставки привлекаютъ къ себѣ общее вниманіе. Но еще съ бóльшимъ интересомъ вся Россія слѣдитъ за результатами ожидаемаго урожая, регулирующаго всю торговопромышленную дѣятельность государства. Первыя свѣдѣнія о видахъ на урожай были не изъ благопріятныхъ. Посѣвы озимыхъ были сдѣланы минувшею осенью на сухую почву. Холодная зима также неблагопріятно отозвалась на поляхъ. Во многихъ мѣстахъ посѣвы вымерзли и пришлось перепахивать поля подъ яровые.

По послѣднимъ оффиціальнымъ свѣдѣніямъ имѣются слѣдующіе виды на урожай:

„На основаніи полученныхъ департаментомъ земледѣлія и сельской промышленности сообщеній его корреспондентовъ (свыше 2.500), виды на урожай озимыхъ хлѣбовъ, какъ пшеницы, такъ и ржи, къ срединѣ мая представлялись въ общемъ мало удовлетворительными, такъ что значительныя пространства были перепаханы подъ яровое; яровые же хлѣба во всей черноземной полосѣ взошли хорошо, а въ нечерноземной значительно на двѣ-три недѣли запоздали, вслѣдствіе поздняго наступленія весны, и восходы ихъ здѣсь только начали показываться къ срединѣ мая. Неудовлетворительное состояніе озимыхъ хлѣбовъ вызвано отчасти зимними, а главнымъ образомъ мартовскими морозами, кое-гдѣ сопровождавшимися выпаденіемъ значительныхъ количествъ снѣга.

„Озимая пшеница наиболѣе пострадала въ южныхъ, степныхъ, среднихъ и сѣверныхъ черноземныхъ и частью въ юго-западныхъ губерніяхъ. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ этого района озими ранняго сѣва повреждены были еще съ осени гессенскою мухой и

озимымъ червемъ (въ Бессарабской, Херсонской, Таврической, Кіевской, Подольской и части Черниговской губ.); озими же поздняго—пострадали вслѣдствіе общихъ для этого района причинъ, а именно: ледяной коры, образовавшейся вслѣдствіе наступившихъ послѣ ноябрьскихъ дождей морозовъ, ранней и теплой весны, смѣнившейся холодами, ночными морозами и мѣстами снѣгами въ мартѣ. Лучше другихъ выдержали непострадавшія отъ насѣкомыхъ озими ранняго и мѣстами средняго сѣва. Наиболѣе же пострадали сортовые хлѣба. Значительные пересѣвы озимой пшеницы яровыми хлѣбами имѣли мѣсто въ губерніяхъ Бессарабской, Херсонской (мѣстами до 80—90%), Екатеринославской (мѣстами до половины полей, мѣстами почти сполна), въ Мелитопольскомъ, Бердянскомъ и Днѣпровскомъ уѣздахъ Таврической, въ Донской области, въ Полтавской губерніи, Воронежской (50 — 70%), Кіевской, Подольской (въ этихъ двухъ губерніяхъ гораздо менѣе значительныя пространства), Курской и Тамбовской. Выдѣляются изъ этого района, однако, по удовлетворительному и мѣстами даже хорошему виду озимой пшеницы, особенно ранняго сѣва: южная часть Екатеринославской губерніи, Таврическая губернія, кромѣ вышеупомянутыхъ трехъ ея уѣздовъ, отчасти Подольская, Волынская, сѣверная половина Курской губерніи, западная половина Орловской, сѣверная половина Рязанской, часть Тамбовской и большая часть Пензенской губерніи. Въ губерніяхъ восточныхъ и юго-восточныхъ озими въ общемъ были хороши, но посѣвы здѣсь озимой пшеницы весьма ограничены. Состояніе озимой пшеницы въ западныхъ губерніяхъ, послѣ выпавшихъ въ маѣ дождей, оправилось и въ общемъ можетъ быть признано удовлетворительнымъ, нѣсколько хуже въ Минской и Могилевской губерніяхъ, гдѣ мѣстами пшеница пострадала, но была въ маѣ все-таки лучше ржи. Затѣмъ въ привислинскихъ губерніяхъ озимая пшеница очень хороша, лучше всѣхъ другихъ хлѣбовъ. Также удовлетворительны виды на урожай ея въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Озимый рапсъ, въ главныхъ районахъ его воздѣлыванія, пострадалъ, а мѣстами почти совсѣмъ погибъ.

„Рожь въ черноземномъ краѣ пострадала менѣе пшеницы, но въ губерніяхъ привислинскихъ, западныхъ и нѣкоторыхъ восточныхъ гораздо болѣе ея. Вообще же рожь пострадала менѣе пшеницы. Неблагопріятныя условія погоды наиболѣе пагубно отразились на улучшенныхъ сортахъ ржи (шампанской, альпійской,

пробштейнской и другихъ). Такъ, напр., въ губерніяхъ Херсонской, Екатеринославской, Таврической, Донской области, Кіевской, Подольской, гдѣ пшеница значительно пострадала и въ большинствѣ случаевъ была пересѣяна подъ яровое, простая мѣстная рожь, напротивъ, вышла вполнѣ удовлетворительною, а мѣстами даже хорошею, и особено оправилась, по послѣднимъ извѣстіямъ, послѣ дождей во второй половинѣ мая. Въ губерніяхъ же Полтавской, Харьковской, Воронежской, Черниговской и Тульской, гдѣ виды на урожай ржи также неудовлетворительны, она все-таки представляется въ лучшемъ видѣ, чѣмъ пшеница. Затѣмъ неудовлетворительна рожь въ губерніяхъ Тамбовской, большей части Курской, Орловской, Рязанской, Пензенской, во всѣхъ западныхъ, кромѣ Ковенской, и въ губерніяхъ привислинскихъ, гдѣ рожь обѣщала неудовлетворительный, а мѣстами и плохой урожай. Въ остальныхъ районахъ неудовлетворительны виды на сборъ ржи только мѣстами; такъ, изъ восточныхъ и юго-восточныхъ губерній — только въ Казанской, за исключеніемъ Чистопольскаго, Спасскаго и Тетюшскаго уѣздовъ, и въ сѣверной половинѣ Симбирской губерніи. Во всѣхъ прочихъ губерніяхъ этой полосы, какъ и въ названныхъ уѣздахъ Казанской и южной части Симбирской губерніи, озимые хлѣба пмѣли въ серединѣ мая вполнѣ удовлетворительный, хорошій и мѣстами даже очень хорошій видъ. Въ нечерноземной полосѣ, кромѣ отмѣченныхъ выше западныхъ (безъ Ковенской губерніи) и привислянскихъ губерній, виды на урожай ржи были въ общемъ удовлетворительны и лишь въ Нижегородской, нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Костромской (Кологривскомъ, Ветлужскомъ и Галичскомъ уѣздахъ), Никольскомъ уѣздѣ Вологодской и Псковской губерній, они оказались настолько неудовлетворительными, что весной были большею частью пересѣяны подъ яровое. Въ этой полосѣ, наоборотъ, очень хорошіе виды на урожай ржи представляли Предкавказье, вся Пермская губернія, особенно юго-западная ея часть, и мѣстами Вятская губернія, кромѣ сѣверо-западной части.

„Въ виду значительныхъ перепашекъ озимыхъ хлѣбовъ, особенно озимой пшеницы подъ яровое, сборъ яровыхъ въ текущемъ году пріобрѣтаетъ особое значеніе. Вслѣдствіе запозданія сѣва яровыхъ, вызваннаго холодами и доходящаго въ иныхъ мѣстахъ до трехъ и болѣе недѣль, всходы яровыхъ въ нечерноземныхъ губерніяхъ только начали показываться въ серединѣ мая и потому сказать что-либо опредѣленное о дальнѣйшихъ видахъ

на нихъ нельзя, но во всѣхъ черноземныхъ губерніяхъ яровые взошли хорошо. Въ губерніяхъ южныхъ, степныхъ, юго-западныхъ, восточныхъ и юго-восточныхъ, а также въ Предкавказьѣ, то-есть во всѣхъ главныхъ районахъ воздѣлыванія яровой пшеницы, они находились въ хорошемъ или очень хорошемъ состояніи, а по послѣднимъ извѣстіямъ это положеніе еще улучшилось, благодаря почти повсемѣстно прошедшимъ здѣсь дождямъ."

Такимъ образомъ оказываются плохіе виды на сборъ озимыхъ и хорошій урожай яровыхъ. Эти оффиціальныя свѣдѣнія подтверждаются и частными извѣстіями отъ конца мая, полученными въ числѣ нѣсколькихъ сотъ крупными мануфактурными фирмами Москвы. По этимъ справкамъ въ наиболѣе плохомъ положеніи оказываются губерніи: Нижегородская, Симбирская, Орловская и Тульская, гдѣ озими настолько плохи, что сбора не хватитъ для мѣстнаго продовольствія, не говоря уже о продажѣ хлѣба. Въ большинствѣ прочихъ губерній ожидается сборъ озимыхъ нѣсколько ниже средняго и хорошій, а мѣстами превосходный урожай яровыхъ, какъ напримѣръ въ губерніяхъ Бессарабской, Оренбургской, Самарской, области Войска Донскаго, и въ другихъ мѣстностяхъ. Очевидно, что избытокъ урожая въ однѣхъ губерніяхъ покроетъ недостатокъ въ другихъ, и еслибъ осенью простояли на иностранныхъ рынкахъ высокія хлѣбныя цѣны, Россія воспользовалась бы значительными выгодами отъ своей хлѣбной торговли нынѣшняго года.

Что касается западно-европейскихъ государствъ, то урожай ожидается тамъ далеко неудовлетворительный, значительно ниже средняго. Въ виду этого въ промышленныхъ государствахъ началась агитація за пониженіе таможенныхъ пошлинъ на хлѣбные товары для противодѣйствія вздорожанію хлѣба. Французское правительство уже убѣдилось въ необходимости осуществленія такой мѣры и рѣшило понизить пошлины на хлѣбъ до 3 франковъ съ квинтала для зерна и до 6 франковъ для муки, вмѣсто бывшихъ 5 и 8 франковъ. Пониженныя пошлины останутся въ дѣйствіи до 15 апрѣля 1892 года, когда опять вступитъ къ силу прежній размѣръ обложенія. Агитація за пониженіе хлѣбныхъ пошлинъ идетъ и въ Германіи, но пока безъ удовлетворительныхъ результатовъ, такъ какъ имперскій канцлеръ полагаетъ, что урожай окажется лучше ожидаемаго и что слѣдовательно нѣтъ надобности лишать государство части его таможеннаго дохода. Въ недалекомъ будущемъ видно будетъ

осуществятся ли надежды генерала Каприви на дешевый хлѣбъ въ Германіи и не придется ли ему раскаяться въ нынѣшнемъ упорствѣ. Не мѣшаетъ, однако, замѣтить, что въ конкуррирующихъ съ нами по хлѣбной торговлѣ странахъ размѣръ ожидаемаго вывоза хлѣбовъ находится подъ большимъ сомнѣніемъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки предвидится хорошій урожай, который доставитъ значительныя количества хлѣба для вывоза. Но за то въ Индіи сборъ хлѣбовъ оказывается скуднымъ и спеціальные англійскіе журналы утверждаютъ, что если и въ нынѣшнемъ году Индія вывезетъ такое же количество хлѣба, какъ въ предъидущіе годы, то ея населенію угрожаетъ голодовка. Какъ бы то ни было, хлѣбныя цѣны держатся твердо и едва ли можно разсчитывать на значительное ихъ пониженіе. По крайней мѣрѣ въ Англіи, послѣ временнаго пониженія, цѣны пшеницы снова двинулись на повышеніе, а между тѣмъ отмѣтками Маркъ-Лэнской биржи руководятся всѣ хлѣбные рынки Европы. Пожалуй, розовыя надежды имперскаго канцлера окажутся ошибочными, и въ нынѣшнемъ году Германіи придется взимать пошлину не съ русскаго производителя, а съ нѣмецкаго потребителя русскаго хлѣба. Будетъ ли это выгодно для Германіи, это еще вопросъ. Но съ полною увѣренностью можно утверждать, что подобный порядокъ не будетъ убыточнымъ для Россіи.

Л. Вороновъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Барсуковъ И. *Графъ Николай Николаевичъ Муравьевъ-Амурскій.* (Матеріалы для біографіи.) Москва, 1891.

Читатели *Русскаго Обозрѣнія* можетъ-быть помнятъ слова И. А. Гончарова: „Муравьевъ, кажется, нарочно созданъ для совершенія переворотовъ въ пустомъ, безлюдномъ краѣ; онъ и совершаетъ ихъ не мало. Объ этомъ скажетъ исторія.“ Исторія не сказала еще своего слова, и можетъ-быть время не наступило, потому что со смерти графа Муравьева прошло всего десять лѣтъ. Но во всякомъ случаѣ, благодаря иниціативѣ князя М. С. Волконскаго, мы имѣемъ изданіе, за которое будетъ благодарить будущій историкъ и которое заключаетъ въ себѣ богатый матеріалъ для біографіи Муравьева-Амурскаго, извлеченный преимущественно изъ семейныхъ архивовъ (князя Волконскаго, Корсакова, самого Муравьева-Амурскаго), и приведенный въ хронологическій порядокъ г. Барсуковымъ. Пользуясь данными, заключающимися въ указанной книгѣ, постараемся указать въ чемъ заключается заслуга графа Муравьева и вообще очертить его государственную дѣятельность.

Николай Николаевичъ Муравьевъ принадлежалъ къ роду, давшему намъ нѣсколько выдающихся дѣятелей (Муравьевыхъ: Карскаго, Виленскаго, Апостола и др.). Онъ родился въ 1809 году, воспитаніе получилъ въ Пажескомъ Корпусѣ и 17 лѣтъ поступилъ прапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ. Онъ участвовалъ въ Турецкой кампаніи 1828 года и осаждалъ Варну. Черезъ три года послѣ этого Муравьевъ принималъ участіе въ

усмиреніе Польскаго мятежа, а съ 1838—1841 г. провелъ на Кавказѣ, гдѣ въ борьбѣ съ горцами имѣлъ случай выказать свою храбрость и административныя способности въ качествѣ начальника 2-го отдѣленія черноморской береговой линіи. Немного болѣе года былъ онъ тульскимъ губернаторомъ, а въ 1847 году назначенъ исправляющимъ должность генералъ-губернатора Восточной Сибири, несмотря на то, что ему было всего 38 лѣтъ. Съ этого времени начинается его плодотворная дѣятельность, о которой должна сказать исторія.

Муравьевъ поѣхалъ въ Сибирь съ идеей, что намъ необходимо завладѣть устьемъ Амура, принадлежавшемъ тогда Китаю, и дѣйствительно это было вдвойнѣ необходимо. Вопервыхъ, Сибирь безъ Амура походила на до-петровскую Россію безъ Невы. Это единственная рѣка, текущая на востокъ въ предѣлахъ Сибири, единственное удобное и вѣрное сообщеніе съ Тихимъ Океаномъ, единственный путь для сбыта сибирскихъ произведеній на востокъ. Стоило только открыть себѣ устье Амура, и мы имѣли бы прямое сообщеніе съ Америкой, гдѣ у насъ была тогда колонія, и могли бы торговать съ Китаемъ морскимъ путемъ. Муравьевъ справедливо указывалъ на то, что „кто будетъ владѣть устьемъ Амура, тотъ будетъ владѣть и Сибирью по крайней мѣрѣ до Байкала, и владѣть прочно, ибо достаточно имѣть устье этой рѣки и плаваніе по ней ключемъ, чтобы Сибирь, болѣе населенная и цвѣтущая земледѣліемъ и промышленностью, оставалась неизмѣнною данницей и подданною той державы, у которой будетъ этотъ ключъ". Вовторыхъ, этотъ ключъ собирались похитить у насъ Англичане. Желая завладѣть всею китайскою торговлей, они понимали, что имъ необходимо устье Амура и свободное по немъ плаваніе, и они мечтали поставить крѣпость на устьяхъ Амура и устроить англійское пароходство по этой рѣкѣ. Это были не однѣ мечты, потому что Англичанами производились подробныя разысканія въ Сибири: туда командировались тайные агенты, слѣдившіе за нашими дѣйствіями. По пріѣздѣ въ Иркутскъ новый генералъ-губернаторъ встрѣтился тамъ съ однимъ Англичаниномъ Гилемъ. Этотъ господинъ имѣлъ видъ простаго туриста, изъ любопытства заѣхавшаго въ Сибирь. Пользуясь своимъ положеніемъ заѣзжаго иностранца, онъ съумѣлъ втереться во всѣ слои общества и совершенно наивно, какъ будто изъ любознательности, разспрашивалъ всѣхъ о сибирскихъ дѣлахъ. Чтобы сблизиться съ обществомъ, онъ какъ будто изъ

любезности давалъ уроки англійскаго языка въ домѣ Трубецкихъ и Волконскихъ. Вслѣдъ за Гилемъ появился другой агентъ, Остенъ, увѣрявшій, что онъ путешествуетъ съ ученою цѣлью для производства геологическихъ изслѣдованій. Какъ разъ въ это время Муравьевъ отправился въ Забайкальскій край. Пользуясь этимъ, Остенъ, не испросивъ разрѣшенія, переправился черезъ Байкалъ, а оттуда въ Нерчинскъ; тутъ онъ приступилъ къ постройкѣ большаго плота, на которомъ предполагалъ спуститься внизъ по Шилкѣ и Амуру къ устьямъ этой рѣки, а затѣмъ, по производствѣ нужныхъ разысканій, переправиться черезъ Тихій Океанъ прямо въ Америку. Узнавъ объ этомъ, Муравьевъ командировалъ поручика Ваганова съ приказаніемъ ни подъ какимъ видомъ не допускать Остена до исполненія его намѣренія и живаго или мертваго возвратить его въ Иркутскъ. Вагановъ ловко исполнилъ это порученіе, и англійскій агентъ вынужденъ былъ изъ Нерчинска вернуться въ Иркутскъ, не побывъ на устьяхъ Амура. Этотъ случай еще больше убѣдилъ Муравьева, какъ велика опасность, грозившая намъ отъ Англіи, и онъ справедливо спрашивалъ: какихъ тогда потребуется силъ и средствъ отъ правительства, чтобы Восточная Сибирь не сдѣлалась англійскою, когда въ устьѣ Амура станетъ англійская крѣпость, и англійскіе пароходы пойдутъ по Амуру до Нерчинска и даже до Читы?

Прежде всего необходимо было сдѣлать то, чѣмъ занимались Англичане, то-есть разысканія въ устьяхъ Амура, такъ какъ эта мѣстность была почти совсѣмъ неизвѣстна и увѣряли, напримѣръ, что глубина въ амурскомъ Лиманѣ всего три фута, другими словами, что здѣсь немыслимо устроить морской портъ. Думали, что Сахалинъ полуостровъ и что въ томъ мѣстѣ, гдѣ материкъ сближается съ западнымъ берегомъ Сахалина перешеекъ, а не проливъ. На первыхъ же порахъ новому генералъ-губернатору пришлось убѣдиться, что легче бороться съ Англіей и Китаемъ, чѣмъ съ Петербургомъ. Три министра, отъ которыхъ зависѣло привести въ исполненіе проектъ Муравьева, были противъ него. Канцлеръ графъ Нессельроде, считавшій, что необходимо поддерживать существующій порядокъ вещей и не нарушать установившагося равновѣсія, боялся до преувеличенія Европы и очень опасался разрыва дружескихъ сношеній съ Англіей. Его поддерживалъ министръ финансовъ Вронченко, опасавшійся, что разрывъ съ Китаемъ можетъ имѣть вредныя послѣдствія для нашей торговой промышленности. Военный

министръ Чернышевъ нисколько не интересовался ни внутреннею, ни внѣшнею политикой и не находилъ нужнымъ помогать фантазіямъ Муравьева. Противная Муравьеву партія старалась убѣдить государя Николая Павловича, что дѣйствія новаго генералъ-губернатора могутъ привести къ опаснымъ послѣдствіямъ и причинить вредъ Россіи. Вронченко сообщилъ министру иностранныхъ дѣлъ сенсаціонную новость: графъ Закревскій пишетъ ему изъ Москвы, что пограничные съ нами Китайцы сообщили нѣкоторымъ проживающимъ въ Кяхтѣ торговцамъ нашимъ, будто бы усилія Муравьева открыть плаваніе по Амуру возбудили ропотъ и неудовольствія китайскаго правительства. Генералъ-губернаторъ Западной Сибири князь Горчаковъ увѣрялъ, что отъ замысловъ Муравьева Сибирь можетъ отпасть отъ Россіи. Онъ конфиденціально сообщилъ князю Чернышеву, что Амуръ для Россіи лишнее, что неизмѣримыя дебри отъ Якутска до Камчатки и къ Охотскому прибрежью являютъ собою границу, не требующую охраненія, и, что̀ всего важнѣе, отстраняютъ жителей Сибири отъ непосредственнаго прикосновенія къ иностранцамъ, которое легко могло бы обратиться въ дѣло пагубной пропаганды и въ путь существеннаго вспомоществованія безпорядку. На этомъ основаніи военный министръ просилъ учредить комитетъ для обсужденія вопроса о возможности отложенія Сибири отъ Россіи. Нужно было много энергіи, чтобъ идти противъ министерства иностранныхъ дѣлъ, противъ военнаго министра и министра финансовъ. Дѣятельность Муравьева была бы совсѣмъ парализована, еслибъ его не поддерживалъ министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Перовскій и, что̀ самое важное, государь, благосклонно относившійся къ нему до самой своей смерти.

Въ то время какъ Муравьевъ поручилъ капитану Невельскому и Корсакову (офицеру состоявшему при немъ) изслѣдовать устья Амура, въ Петербургѣ рѣшили отправить экспедицію подъ начальствомъ подполковника Ахте. Генералъ-губернатору Восточной Сибири даже не сообщили ничего объ этой мѣрѣ, а между тѣмъ экспедиція должна была изслѣдовать мѣстность отъ рѣки Горбицы, впадающей въ Шилку (притокъ Амура) и до Охотскаго моря, такъ какъ не было никакихъ топографическихъ свѣдѣній объ этой мѣстности и желательно было опредѣлить, гдѣ проходитъ наша граница, названная въ трактатахъ съ Китаемъ предварительною. Когда спросили мнѣнія графа Нессельроде, онъ отвѣчалъ, что осмотръ пространства между Горбицею и Удью по

отдаленности отъ обитаемыхъ мѣстъ Китая можетъ быть допущенъ безъ особенныхъ неудобствъ въ политическомъ отношеніи, но съ однимъ условіемъ, чтобъ осмотръ этотъ былъ сдѣланъ съ осторожностію и чтобы начальнику экспедиціи вмѣнено было въ непремѣнную обязанность не приближаться къ Амуру и избѣгать всякихъ столкновеній съ Китайцами; отъ дѣйствій же по изслѣдованію Амура, какъ могущихъ встревожить Китайцевъ, должно воздержаться до благопріятнѣйшихъ обстоятельствъ. Экспедиція, снаряженная военнымъ министерствомъ, должна была прибыть въ Иркутскъ въ то время, какъ Муравьевъ находился по пути въ Камчатку; это было не случайнымъ совпаденіемъ, потому что въ Петербургѣ знали о предстоящей поѣздкѣ генералъ-губернатора. Въ Якутскѣ Муравьевъ получилъ высочайшее повелѣніе о назначеніи экспедиціи и рѣшился собственною властью остановить ее въ Иркутскѣ. Онъ боялся этой экспедиціи, снаряженной враждебнымъ ему министерствомъ и получившей инструкцію не приближаться къ Амуру, то-есть не дѣлать того въ чемъ Муравьевъ видѣлъ бы единственную цѣль подобныхъ экспедицій. Замѣчательно, что въ это самое время капитанъ Невельской, съ согласія морскаго министра, производилъ изслѣдованія устьевъ Амура, дѣлалъ то, чего графъ Нессельроде считалъ по политическимъ соображеніямъ совершенно невозможнымъ, и Муравьевъ боялся, что Ахте доведетъ это до свѣдѣнія министерства иностранныхъ дѣлъ, поднимется шумъ и пожалуй придется оставить необходимыя изысканія. Кромѣ того, экспедиція Ахте была по меньшей мѣрѣ безполезна; во всѣхъ трактатахъ нашихъ съ Китаемъ пространство между Удью и Охотскимъ моремъ было оставляемо неразграниченнымъ и конечно не безъ причины; а полковникъ Ахте хотѣлъ отыскивать границу какъ разъ въ этомъ мѣстѣ, гдѣ ея не было и не должно было быть. Очевидно, что намъ было выгодно не знать границы, потому что это давало намъ возможность приблизиться къ Амуру. Хорошо понимая это, Муравьевъ обратился прямо къ государю съ просьбой задержать экспедицію по крайней мѣрѣ до его возвращенія въ Иркутскъ, такъ какъ онъ не можетъ наблюдать за нею изъ Камчатки. По желанію Николая Павловича экспедиція была не только задержа, но и отдана въ полное распоряженіе генералъ-губернатора.

Тѣмъ временемъ Невельской окончилъ свои изысканія, давшія очень важные результаты. Оказалось слѣдующее: 1) Сахалинъ не полуостровъ, какъ прежде думали, а островъ, такъ какъ въ

томъ мѣстѣ, гдѣ материкъ сближается съ Сахалиномъ, не перешеекъ, а проливъ. 2) Входъ въ Амурскій лиманъ изъ Татарскаго залива доступенъ для мореходныхъ судовъ всѣхъ ранговъ, изъ сѣвера, изъ Охотскаго моря для судовъ, сидящихъ въ водѣ до 23 футовъ; это значило, что на Амурѣ можетъ быть устроенъ портъ для судовъ, приходящихъ изъ Америки, Китая и Японіи. 3) Въ устье Амура изъ Татарскаго залива могутъ проходить суда съ осадкой до 15 футовъ, а изъ Охотскаго моря—суда, сидящія въ водѣ до 12 футовъ.

Сообщеніе о розыскахъ Невельскаго произвело нѣкоторое впечатлѣніе въ Петербургѣ, но Нессельроде все еще не хотѣлъ согласиться на предложенія Муравьева; онъ считалъ, что по Нерчинскому трактату устье Амура навсегда отошло къ Китаю, хотя это былъ спорный вопросъ. Тѣмъ не менѣе въ Петербургѣ согласились занять и укрѣпить южное побережье Охотскаго моря и по представленію Муравьева была устроена особая Амурская экспедиція, имѣвшая главною цѣлью, подъ видомъ торговаго предпріятія, основать на берегахъ Охотскаго моря, близъ лимана Амура, зимовья въ заливѣ Счастія, для установленія сношеній и торговли съ Гиляками, народомъ жившимъ по Амуру и считавшимъ себя независимымъ отъ Китая, не касаясь ни подъ какимъ предлогомъ устья Амура. Эта послѣдняя оговорка разсердила Муравьева. Въ досадѣ писалъ онъ графу Перовскому: „Сенявинъ (директоръ азіятскаго департамента) и Нессельроде полагаютъ, что Амуръ для насъ по Нерчинскому трактату потерянъ! Удивляюсь, какъ никто имъ не скажетъ, что слова эти приличны только Пальмерстону и его министерству, удивляюсь, какъ никто не сказалъ Нессельроде, что у насъ въ Забайкальскомъ краѣ можетъ быть двадцать тысячъ штыковъ и шесть тысячъ кавалеріи, если только разрѣшатъ генералъ-губернатору привести въ исполненіе его предположеніе; но если страхъ Англичанъ уже такъ великъ, а вліяніе ихъ въ нашемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ такъ сильно, что Сенявину и Нессельроде, какъ бы Бломфильду, этого и говорить нельзя, то что жъ я сдѣлаю? А между тѣмъ у насъ уходятъ дни за днями и мѣсяцы за мѣсяцами, а Англичане, безъ сомнѣнія, и часовъ не теряютъ; вотъ чѣмъ я доказываю выраженіе, что Богъ не милостивъ на насъ.“

Однако Муравьевъ кое-что выигралъ благодаря своей настойчивости, и весной 1850 года онъ могъ командировать состоявшаго при немъ Невельскаго основать зимовье на берегахъ Охот-

скаго моря, близь Амурскаго лимана. 21 іюня капитанъ Невельской на транспортѣ *Байкалъ* прибылъ къ устью Амура, въ заливѣ Счастья. Наиболѣе удобномъ для устройства зимовья оказался, по его мнѣнію, пунктъ противъ острова Лутковскаго, нѣсколько къ сѣверу отъ теперешняго города Николаевска. Земля здѣсь была доброкачественная и избранное мѣсто удовлетворяло всѣмъ настоятельнымъ потребностямъ. Подходъ судна къ основываемому селенію былъ простъ и безопасенъ; изъ селенія во всякое время можно было подать помощь входящему въ море судну; у селенія можно было грузиться и наливаться водой и въ случаѣ нужды зимовать судну; наконецъ, изъ селенія можно было достигнуть сухимъ путемъ береговъ Амура. Мѣстные жители Гиляки приняли Невельскаго съ радушіемъ и лаской. Жители селенія Гинель предложили добровольно свои услуги для устройства порта; мысъ къ первоначальной закладкѣ тотчасъ былъ приготовленъ, и 29 іюня Русскіе заложили первое заселеніе въ преддверіи Амура, которое, во имя апостоловъ Петра и Павла и въ память Петра Великаго, названо Петровскимъ зимовьемъ и послужило основнымъ опорнымъ пунктомъ для нашихъ дальнѣйшихъ дѣйствій въ низовьяхъ Амура.

Гиляки тотчасъ же обратились къ Невельскому съ просьбой о защитѣ. „Земли Тунгусовъ, говорили они, наши и родовичей нашихъ Нейдальцевъ, Негра, Самогира по берегамъ рѣкъ Амура и Аргуни и другихъ живущихъ, однѣ и тѣ же; Тунгусовъ никто не обижаетъ и не трогаетъ, то и мы, Гиляки, желали бы, чтобы вы такъ сдѣлали, чтобъ и мы были спокойны; чтобы насъ Манджуры не били и женъ не хватали и чтобы съ моря чужіе не насильничали и не обижали. Когда вы здѣсь, то насъ не тронутъ, мы вѣдь тоже не обижаемъ васъ и ничего у васъ не украли.“ Довѣріе, оказанное намъ Гиляками, добровольно отдавшимися подъ нашу защиту, свидѣтельствуетъ о хорошемъ обращеніи съ ними Русскихъ и способствовало упроченію нашей власти на Амурѣ. Благодаря этому обстоятельству Невельской могъ въ томъ же году проплыть на вельботѣ на сто верстъ вверхъ по Амуру, а въ двадцати пяти верстахъ отъ устья онъ впервые поднялъ на берегахъ Амура русскій военный флагъ и объявилъ Гилякамъ сосѣдней деревни, что отнынѣ они поступаютъ подъ русскую защиту и покровительство. Оставивъ здѣсь послѣднихъ пять человѣкъ своихъ гребцовъ, Невельской назвалъ его Николаевскимъ. Этому посту суждено было разрости въ городъ Николаевскъ.

Устье Амура было занято, хотя только пятью гребцами; но во всякомъ случаѣ это былъ важный фактъ въ томъ отношеніи, что Россія выставила свои права на Амурѣ. Уже нѣсколько разъ заходили сюда англійскія суда, постоянно можно было ожидать, что Англичане водрузятъ свой флагъ на Амурѣ, и тогда при робости Нессельроде придется уступить важный пунктъ. Но Муравьевъ дѣйствовалъ самовольно, онъ шелъ противъ инструкцій министерства иностранныхъ дѣлъ и ежеминутно могъ получить приказаніе снять Николаевскій постъ. Поэтому онъ счелъ необходимымъ отправиться въ Петербургъ и отстоять тутъ свои идеи. Вслѣдствіе записки, поданной Муравьевымъ государю, былъ назначенъ Гиляцкій комитетъ, который долженъ былъ разсмотрѣть вопросъ объ Амурѣ. Въ этомъ комитетѣ, кромѣ Муравьева, участвовали: графъ Нессельроде, военный министръ князь Чернышевъ, министръ финансовъ Вронченко, морской министръ князь Меншиковъ, министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Перовскій, графъ Бергъ и Сенявинъ. Не легкую борьбу пришлось выдержать Муравьеву въ этомъ комитетѣ, потому что почти всѣ члены были противъ него. Нессельроде доказывалъ, что не слѣдуетъ допускать занятія устья Амура, которое должно остаться свободнымъ (то-есть свободнымъ для Англичанъ). Онъ находилъ, что возводить постройки въ Гиляцкой землѣ опасно и преждевременно. Торжественное занятіе Николаевскаго поста, говорилъ онъ, не можетъ не встревожить Китайцевъ; благоразуміе требуетъ оставить этотъ пунктъ, не ожидая никакихъ по этому предмету вопросовъ и жалобъ отъ китайскаго правительства, тѣмъ избѣгнемъ крайней опасности. Кто можетъ поручиться, заявлялъ посѣдѣлый дипломатъ, что Китайцы не придутъ туда въ значительной силѣ, не вытѣснятъ горстп нашихъ людей, не разорятъ въ глазахъ Гиляковъ наши постройки и не попрутъ самаго флага? Все это произведетъ вреднѣйшее для насъ дѣйствіе на Гиляковъ, нежели добровольное оставленіе нами порта. Итакъ, говорилъ онъ, для сохраненія чести и достоинства нашего правительства гораздо лучше теперь же удалиться оттуда, нежели продолжать занимать этотъ пунктъ на Амурѣ въ ожиданіи, что̀ напишетъ китайское правительство.

Съ этимъ мнѣніемъ согласилось большинство. Напрасно толковалъ Муравьевъ, что устье Амура не будетъ оставаться свободнымъ, а что если мы не займемъ его, оно скоро будетъ занято иностранцами. Муравьева упрекали даже въ томъ, что отстаиваетъ

вовсе не государственную пользу, а дѣйствуетъ изъ честолюбія. Чернышевъ прямо сказалъ ему: „вы хотите воздвигнуть себѣ памятникъ“. Въ засѣданіи комитета не было сдѣлано никакого окончательнаго постановленія, потому вѣроятно, что боялись Муравьева и желали обдѣлать это дѣло безъ него. Чрезъ нѣсколько дней Муравьеву прислали подписать журналъ, подписанный уже всѣми членами комитета; курьеръ пріѣхалъ къ нему вечеромъ, когда у него были гости, и объявилъ ему отъ имени Нессельроде, что его просятъ только подписать и требуютъ немедленно журналъ возвратить. Повидимому надѣялись, что Муравьевъ подпишетъ журналъ не читая его, потому что сознательно онъ не могъ подписать явно недобросовѣстной бумаги. Въ журналѣ доказывалось неудобство занятія устья Амура, выражены опасенія о разрывѣ съ Манджурами и въ заключеніе сказано было, что „призванный въ засѣданіе генералъ-губернаторъ Муравьевъ согласился съ этимъ мнѣніемъ.“ Однако Муравьевъ прочелъ журналъ, конечно не подписалъ его и тутъ же подалъ отдѣльное мнѣніе, въ которомъ выражалъ свое несогласіе съ постановленіемъ комитета.

Такой рѣшительный поступокъ разсердилъ членовъ комитета, тѣмъ не менѣе пришлось доложить государю журналъ съ мнѣніемъ Муравьева. Государь обратилъ вниманіе на это разногласіе, хотя Муравьевъ и былъ одинъ противъ всѣхъ, и комитету велѣно было собраться вновь и на этотъ разъ подъ предсѣдательствомъ Наслѣдника Александра Николаевича. Изъ записки Муравьева Александръ Николаевичъ ознакомился съ обсуждавшимся вопросомъ, и, благодаря его вліянію, комитетъ высказался въ пользу занятія Амура. Пользуясь новымъ постановленіемъ, государь повелѣлъ военный постъ, постановленный капитаномъ Невельскимъ на устьѣ Амура, оставить тамъ, и еще усилить содѣйствіемъ одного морскаго судна въ лѣтнее время. Но въ политическихъ видахъ сочли удобнѣе, чтобы постъ былъ въ видѣ лавки Россійско-Американской компаніи.

По возвращеніи въ Иркутскъ, Муравьевъ могъ дѣйствовать безъ страха, что всѣ его усилія будутъ уничтожены однимъ почеркомъ пера министра иностранныхъ дѣлъ. Но скоро оказалось, что интриги продолжаются, и въ Петербургѣ всячески стараются помѣшать предпріятіямъ сибирскаго генералъ-губернатора. Необходимо было расширить и укрѣпить наши первыя поселенія на Амурѣ. Въ Петровскомъ зимовьѣ было всего три

домика; въ Николаевскомъ посту построены были двѣ юрты и срублена баня; тутъ поставленъ былъ лейтенантъ Бошнекъ, съ командой въ 25 человѣкъ и при томъ неоднократно замѣченной въ попыткахъ къ побѣгу, но лучшей команды не откуда было взять. Плавая по Амуру, Невельской пришелъ къ убѣжденію, что для ближайшаго наблюденія надъ судами, подходившими съ юга, и для изслѣдованія Манджурскаго берега необходимо занять заливъ де-Кастри и сосѣднее съ нимъ на Амурѣ селеніе Кизи. Вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ Невельскаго, Муравьевъ просилъ морскаго министра разрѣшенія снарядить сплавъ по Амуру, подъ командой капитана Казакевича, для укомплектованія морскихъ силъ на устьяхъ Амура, указывая на то, что де-Кастри представляетъ ближайшую къ Николаевску на берегу Татарскаго залива мѣстность, изъ которыхъ было бы удобно наблюдать за дѣйствіями иностранныхъ судовъ въ Татарскомъ заливѣ, въ то время, когда Амурскій лиманъ бываетъ еще покрытъ льдомъ. Въ отсутствіе Муравьева, вліяніе Нессельроде стало опять преобладающимъ, и Меншиковъ отправилъ Муравьеву увѣдомленіе, что „государь императоръ, вслѣдствіе объясненія канцлера графа Нессельроде, не утвердилъ занятія селенія Кизи и залива де-Кастри и сплава по Амуру, а повелѣлъ еще повторить вамъ о необходимости крайней осторожности и опытности въ этомъ дѣлѣ.“ Такимъ образомъ петербургскіе сановники умѣли на каждомъ шагу останавливать благія начинанія сибирскаго генералъ-губернатора.

Наступилъ 1853 годъ, ожидали разрыва съ Европой, и Муравьевъ предвидѣлъ, что, въ случаѣ войны, Англичане постараются занять Камчатку, Сахалинъ и Амуръ; между тѣмъ Камчатка была почти беззащитна, и Муравьевъ счелъ нужнымъ еще разъ отправиться въ Петербургъ. Здѣсь ему удалось отстоять свою идею, и государь разрѣшилъ занять не только заливъ де-Кастри и Кизи, но и Сахалинъ. Занять этотъ островъ можно было, потому что онъ какъ будто не представлялъ безспорнаго владѣнія ни одной державы и долженъ былъ перейти тѣмъ Европейцамъ, которые первые устроятъ на немъ свои поселенія. Муравьеву говорили, что по договору Сахалинъ былъ подѣленъ между Японіей и Китаемъ, но населеніе его состояло преимущественно изъ Гиляковъ, не признававшихъ зависимости ни отъ Японіи, ни отъ Китая. Мы вилѣли, что Николай Павловичъ поддерживалъ начинанія Муравьева, но и ему планъ Муравьева казался

черезчуръ смѣлымъ, по всей вѣроятности, подъ вліяніемъ осторожнаго Нессельроде. Это видно изъ слѣдующаго разговора государя съ Муравьевымъ. Подозвавъ его къ общей картѣ Амура, государь сказалъ: „Все это хорошо, но я вѣдь долженъ посылать защищать это изъ Кронштадта (указывая на устье Амура)", Муравьевъ отвѣтилъ: „Кажется нѣтъ надобности, государь, такъ издалека", и, проведя рукой по теченію Амура изъ Забайкальскаго края, прибавилъ: „можно и ближе подкрѣпить". Государь при этихъ словахъ положилъ ему руку на голову и сказалъ: „Эхъ, Муравьевъ, ты право когда-нибудь сойдешь съ ума отъ Амура!" „Государь, отвѣтилъ Муравьевъ, сами обстоятельства указываютъ этотъ путь." Государь, ударивъ его по плечу, сказалъ: „Ну такъ пусть же обстоятельства къ этому и приведутъ: подождемъ."

Былъ еще другой пунктъ, котораго добивался Муравьевъ, именно чтобъ ему позволено было войти въ непосредственныя сношенія съ китайскимъ правительствомъ. „Несомнѣнно было бы полезнѣе, говорилъ онъ въ запискѣ, представленной государю, чтобы мѣстному главному начальнику было предоставлено войти въ непосредственныя сношенія съ китайскимъ трибуналомъ (вѣдавшимъ иностранную политику) и нашею духовною миссіей въ Пекинѣ, которая обязывалась бы вести всю свою переписку съ министерствомъ чрезъ генералъ-губернатора и принимать къ исполненію его отношенія". Дѣйствительно положеніе Муравьева было очень неудобно, ему необходимо было знать, что̀ дѣлается въ Китаѣ, а между тѣмъ до него доходили только слухи отъ частныхъ, лицъ и на подобныхъ, часто невѣрныхъ слухахъ онъ долженъ былъ основывать свои мѣропріятія. Донесенія изъ Пекина проходили чрезъ руки Муравьева, но онъ долженъ былъ доставлять ихъ нераспечатанными въ Петербургъ. „Удивительная страсть у этихъ департаментовъ, писалъ онъ брату, дѣйствовать отдѣльно и независимо за 6 и 14 тысячъ верстъ. Но всего смѣшнѣе въ этомъ отношеніи азіятскій департаментъ министерства иностранныхъ дѣлъ, который признаетъ генералъ-губернатора Восточной Сибири рѣшительно владѣтельною властью, кроется отъ него во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и скрываетъ отъ него все то, что̀ дѣлается въ Китаѣ; а ввѣренный мнѣ край прилегаетъ на шести тысячахъ верстахъ къ Китаю и живетъ торговлей съ этимъ государствомъ." Муравьевъ находился въ невѣдѣніи относительно такихъ дѣлъ, которыя ему

непремѣнно надо было знать для успѣшнаго управленія краемъ и, кромѣ того, онъ всегда ожидалъ не помощи, а какой-нибудь помѣхи со стороны нашей дипломатіи. Взгляды Нессельроде передавались его чиновникамъ, въ чемъ Муравьеву не разъ приходилось убѣждаться. Такъ напримѣръ, приставъ нашей пекинской миссіи Ковалевскій, проѣзжая черезъ Иркутскъ, отнесся къ генералъ-губернатору съ видимымъ предубѣжденіемъ, внушеннымъ ему начальствомъ, и собирался говорить въ Петербургѣ противоположное тому, что̀ говорилъ Муравьевъ. Въ 1853 г. Муравьевъ отправился изъ Петербурга лѣчиться за границу; этимъ временемъ воспользовалось министерство иностранныхъ дѣлъ и отправило ноту въ Пекинъ, ноту такого свойства, что благодаря ей могъ быть навсегда потерянъ Амуръ, не будь въ Сибири такого губернатора, какъ Муравьевъ. Послѣдній постоянно внушалъ китайскимъ пограничнымъ властямъ, что лѣвый берегъ Амура принадлежитъ намъ и противъ этого не протестовало китайское правительство; между тѣмъ нота министерства иностранныхъ дѣлъ указывала на необходимость поставить пограничные столбы по лѣвому берегу Амура, то-есть признавала, что этотъ берегъ намъ не принадлежитъ. Но всего хуже было то, что министерство тщательно скрывало эту ноту отъ Муравьева. Возвратившись въ октябрѣ изъ-за границы, онъ поспѣшилъ переговорить съ директоромъ азіятскаго департамента Сенявинымъ и спрашивалъ его, нѣтъ ли ему надобности по сношеніямъ съ Китаемъ отправиться поскорѣе въ Сибирь. Сенявинъ ему отвѣтилъ, что нѣтъ никакихъ особыхъ сношеній съ Китайцами и что по ихъ вѣдомству ему нѣтъ никакой надобности спѣшить теперь возвращеніемъ въ Сибирь. Успокоенный такимъ категорическимъ отвѣтомъ, Муравьевъ не торопился отъѣздомъ, выжидая окончанія нѣкоторыхъ дѣлъ. Каково же было его изумленіе, когда черезъ три мѣсяца послѣ этого прискакалъ къ нему изъ Иркутска курьеръ съ экстреннымъ донесеніемъ изъ Кяхты, что китайскіе уполномоченные собираются въ Ургѣ и будутъ на дняхъ въ Маймачинѣ близъ Кяхты, для трактованія о дѣлахъ Амура вслѣдствіе ноты русскаго правительства. Очень скоро оказалось, что нота имѣла печальныя послѣдствія. Ею воспользовалось китайское правительство и отправило коммиссію въ Кяхту для разъясненія требованія русскаго правительства. Кяхтинскій градоначальникъ Ребиндеръ, хотя и подчиненный Муравьеву, но зараженный взглядами Нессельроде, захотѣлъ

поиграть въ дипломаты и помимо Муравьева донесъ прямо отъ себя канцлеру, что происшествія въ Китаѣ могутъ отразиться волненіями въ Монголіи и что какой-то лама подвыпивъ проболтался ему о сочувствіи Монголовъ къ Русскимъ и желаніи ихъ принять русское подданство. Обстоятельство это было принято министерствомъ иностранныхъ дѣлъ за дѣло великой важности, и Нессельроде затѣялъ съ Ребиндеромъ серьезную переписку. Но охота кяхтинскаго градоначальника рѣшать дипломатическіе вопросы была остановлена строгимъ внушеніемъ Муравьева. Такъ какъ никакіе вопросы, писалъ онъ Ребиндеру, о разграниченіи съ нашей стороны не могутъ быть не только рѣшаемы, но даже и начинаемы безъ Высочайшаго повелѣнія, то еслибы китайскіе коммиссары изъ Урги пріѣхали въ Кяхту, то отвѣчать имъ, что онъ, Ребиндеръ, при всемъ желаніи, удовлетворить ихъ не можетъ, не получивъ приказанія отъ высшаго начальства, что Муравьевъ самъ еще не получилъ по означенному предмету никакихъ распоряженій, а потому Ребиндеру нѣтъ причины къ особой поспѣшности. Вмѣстѣ съ тѣмъ Муравьевъ приказывалъ ему въ разговорахъ съ китайскими чиновниками ограничиваться лишь обыкновенными учтивостями, не излагая даже своего мнѣнія о какихъ-либо предположеніяхъ нашего правительства.

Это обстоятельство заставило Муравьева еще настоятельнѣе хлопотать о томъ, чтобъ ему предоставлено было самостоятельно сноситься съ Китаемъ, и послѣ долгихъ преній въ началѣ 1854 года было наконецъ Высочайше утверждено положеніе Комитета, въ силу котораго предоставлялись генералъ-губернатору Муравьеву всѣ сношенія съ китайскимъ правительствомъ о разграниченіи восточной нашей окраины вести непосредственно, о чемъ и былъ посланъ листъ отъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ пекинскій трибуналъ. Поэтому къ Муравьеву назначили секретаря по дипломатической части и переводчика китайскаго и манчжурскаго языковъ по перепискѣ съ китайскимъ правительствомъ.

Муравьевъ уѣхалъ изъ Петербурга побѣдителемъ. Онъ представилъ секретную записку Генералъ-Адмиралу Великому Князю Константину Николаевичу, въ которой испрашивалъ разрѣшенія сплавить по Амуру необходимое число войскъ для защиты, какъ устьевъ этой рѣки, такъ и Камчатки. На этотъ разъ не обратили должнаго вниманія на опасенія Нессельроде и рѣшено было

„плыть по Амуру“, и еслибы даже не получено было отвѣта Китайскаго правительства на ноту министерства иностранныхъ дѣлъ, все-таки произвести сплавъ грузовъ по Амуру для Камчатки.

Въ отсутствіе Муравьева Константинъ Николаевичъ устроилъ первыя поселенія на Сахалинѣ, поставивъ здѣсь посты Ильинскій и Константиновскій, занявъ заливъ де-Кастри и Кизи. Къ пріѣзду генералъ-губернатора все было готово для перевозки грузовъ и войска по Амуру; на средства купца Кузнецова былъ построенъ пароходъ *Аргунь*—первое русское судно, которому суждено было увидать воды Амура. Нѣкоторое замедленіе произошло отъ того, что Муравьевъ сообщилъ китайскому правительству о необходимости сплава по Амуру и считалъ благоразумнѣе дождаться отвѣта. Но такъ какъ китайскіе дипломаты медлили, Муравьевъ рѣшился дѣйствовать рѣшительно и, не дожидаясь отвѣта Пекинскаго двора, онъ 7 мая 1854 года прибылъ въ Шилкинскій заводъ и остановился на правомъ берегу Шилки, гдѣ квартировалъ линейный сводный баталіонъ и артиллерія, назначенные въ экспедицію на Амуръ. 14 мая Муравьевымъ былъ отданъ по лагерю приказъ выступить въ походъ послѣ полудня. „День былъ чудный, разсказываетъ одинъ изъ участниковъ Амурской экспедиціи, солнце ярко освѣщало берега Шилки (притокъ Амура), и хребты и долины, озаренные его свѣтомъ, казалось, радовались тому, что происходило на рѣкѣ. Около четырехъ часовъ пробили тревогу. Изъ лагеря вышелъ Муравьевъ со своею свитой, и всѣ мы двинулись къ берегу. Здѣсь на полянѣ стоялъ небольшой столъ, накрытый скатертью; на немъ икона Божіей Матери, которою мѣстный священникъ благословилъ насъ. Изъ-за рѣки, изъ церкви Шилкинскаго завода понесли хоругви и иконы; раздался благовѣстъ съ колокольни; духовенство въ блестящихъ облаченіяхъ шло по направленію къ перевозу и пѣло канонъ Св. Пасхи, такъ какъ сорокадневный праздникъ Свѣтлаго Воскресенія Христова еще не кончился. Святое шествіе перешло въ лодку, чтобы переплыть къ лагерному мѣсту, и тихо понеслось по рѣкѣ его молитвенное пѣніе. Хоругви осѣняли лагерный берегъ.

„Муравьевъ со всею свитой встрѣтилъ св. иконы съ крестнымъ знаменіемъ и поклономъ, а войска отдали надлежащую по уставу воинскую честь. Затѣмъ Муравьевъ обратился къ войску и сказалъ: „Дѣти! настало время отправиться въ походъ; помолимся Господу Богу и попросимъ Его благословенія на наше путеше-

ствіе.“ Послѣ молебствія всѣ стали по лодкамъ, скомандовали отвалъ. Впереди всѣхъ понеслась лодка Муравьева, а за нею всѣ прочія суда. Запестрѣли передъ ними берега Шилки, оглушаемые громкими кликами „ура“ съ берега рѣки и всплесками веселъ. Великолѣпна была Шилка въ эту свѣтлую минуту! Гордо катились воды ея; ей, казалось, нразилась, полюбилась свѣжая флотилія, которая неслась передъ ея берегами къ свѣжему дѣлу. По излучинѣ рѣки на двѣ слишкомъ версты раскинулась флотилія. Впереди ея открывала плаваніе высокая мачта съ генеральскимъ флагомъ; за нею, перегоняя другъ друга, неслись три офицерскія лодки, а за ними цѣлою массой слѣдовали баржи, плоты и плашкоуты. Рѣка плещетъ подъ ударами веселъ, дымятся на носахъ лодокъ огоньки, музыка играетъ. Береговые утесы, высящіеся надъ причудливыми изгибами Шилки, окаймляютъ эту живую сцену; солнце освѣщаетъ вершины ихъ, и подъ яркими лучами его блещетъ вода и зеленѣютъ рощи, лѣса и луга первымъ разцвѣтомъ весеннимъ. Но вотъ вечеръетъ. Флотилія несется впередъ. Смотрите влѣво на берегу: дома, избы, народъ. Восьмой часъ вечера. Солнце скрывается за вершинами горъ. Голосъ съ первой лодки командуетъ на привалъ: давай влѣво, стой! Тяжелыя суда къ правому берегу! Въ восемнадцати верстахъ отъ Шилкинскаго завода находятся складочные магазины Усть-Карійскіе. На этой Усть-Карійской равнинѣ былъ первый ночной привалъ экспедиціи. На зеленомъ лугу разостлали коверъ со скатертью, около котораго расположился Муравьевъ со штабомъ для походнаго ужина; заиграла музыка трубачей. За этимъ ужиномъ, лучшимъ блюдомъ была огромная бѣлуга, гостья съ Амура, заплывшая въ нашу Шилку. Когда совсѣмъ уже стемнѣло, засвѣтились огоньки на лѣвомъ и правомъ берегахъ, задымились солдатскіе котлы и денная суета, шумъ и хлопоты уступили мѣсто тишинѣ, изрѣдка прерываемой окликомъ часоваго. Не забуду я этой чудной майской ночи, Усть-Карійскаго привала и цѣлаго этого дня, столь полнаго радостными впечатлѣніями, столь увлекательнаго ожиданіемъ дальнѣйшаго плаванія по краю неизвѣстному, о которомъ такъ много толковали въ Сибири и котораго между тѣмъ никто не видалъ воочію. Съ раннею зарей слѣдующаго дня мы отвалили отъ Усть-Карійскаго ночлега. Въ 2 часа утра, при звукахъ генералъ-марша, на лодкахъ все оживилось; въ 3 часа суда отчалили и понеслись далѣе по Шилкѣ. Предъ вступленіемъ въ воды Амура нужно было осмотрѣться, привести

флотилію въ порядокъ, распредѣлить ея слѣдованіе. Это было 17 мая вечеромъ. Экспедиція подошла къ Усть-Стрѣлкѣ. Послѣдній привалъ на берегу былъ весьма живописенъ. Всю ночь не умолкала бесѣда вокругъ огоньковъ, расположенныхъ по берегу; до 3 часовъ пополудни длились на другой день сборы къ отходу. Съ утра полилъ дождь. Около 2 часовъ данъ былъ сигналъ и лодки снялись съ якоря. Въ $2^1/_2$ часа гребныя суда и пароходъ *Аргунь* вступили въ воды Амура. Трубачи играли *Боже, царя храни*. Всѣ встали на лодкахъ, сняли шапки и осѣнились крестнымъ знаменіемъ. Муравьевъ, зачерпнувъ въ стаканъ воды амурской, поздравилъ всѣхъ съ началомъ плаванія по Амуру; раздалось *ура!*

28 мая экспедиція прибыла къ устью Зеи, притока Амура (у теперешняго Благовѣщенска) и остановилась недалеко отъ лежащаго на Амурѣ китайскаго города Айгуна. Муравьевъ отправилъ чиновниковъ въ Айгунъ съ извѣщеніемъ о прибытіи. Это извѣстіе, совершенно неожиданное, какъ бы громомъ поразило начальника Айгуна, который, не получивъ отъ своего правительства никакого распоряженія о сплавѣ и вообще ничего объ этомъ не вѣдая, началъ представлять свои доводы о невозможности пропуска! Но появленіе никогда невиданнаго Манджурами парохода и огромнаго числа плывущихъ по рѣкѣ баржъ и лодокъ экспедиціи до того перепугало манджурскихъ чиновниковъ, что они только одного желали, скорѣйшаго удаленія русскаго военнаго отряда изъ-подъ стѣнъ ихъ города. 14 іюня экспедиція дошла почти до моря и остановилась въ Маріинскомъ посту, гдѣ всѣ баркасы и лодки вошли въ заливъ Амурскаго протока, на берегу котораго стояли тогда только двѣ избы, гдѣ помѣщалось пять человѣкъ, содержавшихъ посты, и сохранялись товары и продовольствіе. Въ этотъ день за обѣдомъ у Муравьева собрались всѣ его спутники и дружно, и радостно поздравляли другъ друга съ успѣшнымъ окончаніемъ первой военной русской экспедиціи по рѣкѣ Амуру.

Успѣхъ нашей первой военной экспедиціи составляетъ важную эпоху въ исторіи пріобрѣтенія Амура: эта экспедиція окончательно познакомила насъ съ берегами судоходной рѣки и показала намъ пригодность ея для сплава, удобство и возможность заселенія береговъ Амура, при малонаселенности страны, миролюбіе мѣстныхъ ея жителей и слабость Китайцевъ, словомъ, она проложила Россіи путь къ Восточному океану. Успѣхъ экспедиціи

произвелъ сильное впечатлѣніе въ Петербургѣ; съ этимъ извѣстіемъ былъ посланъ состоявшій при Муравьевѣ М. С. Карсаковъ. „Выхожу изъ вагона, сообщалъ Карсаковъ, и тутъ же встрѣчаю фельдъегеря, который, видя мою небритую бороду и длинные волосы, говоритъ: вы курьеромъ?—Курьеромъ.—Такъ сейчасъ же ѣдемте къ дежурному генералу. Я ему показываю свой туалетъ (солдатская шинель въ рукава сверхъ изодраннаго почти дотла сюртука): „дайте мнѣ переодѣться". — Нѣтъ, такъ какъ есть и поѣдемте. — Но вещи мои? — Оставьте ихъ кому-нибудь, а ужь сами со мной къ дежурному генералу: такъ мнѣ приказано. Въ нѣсколько минутъ Карсаковъ, взявъ съ собой портфель съ бумагами и оставивъ вещи находившемуся при немъ, одурѣвшему отъ труднаго долгаго пути на перекладной уряднику, вмѣстѣ съ фельдъегеремъ поѣхалъ къ Катенину, а отъ него къ военному министру князю Долгорукову, которому вручилъ письмо отъ Муравьева. Военный министръ отправилъ Карсакова на той же фельдъегерской телѣжкѣ къ наслѣднику и къ великому князю Константину Николаевичу въ Петергофъ и въ Стрѣльну. Разспросамъ не было конца. Цесаревичъ, читая конецъ рапорта Муравьева, „мы стали твердою ногой на Амурѣ; я надѣюсь, что никто его у насъ больше не отниметъ", остановился и устремивъ свой взоръ на Карсакова, сказалъ: „да ужь надѣюсь". На другой день Карсаковъ имѣлъ счастіе представиться государю. Царь обнялъ и поцѣловалъ Карсакова, нѣсколько разъ выразилъ свою благодарность за безпримѣрно успѣшный сплавъ по Амуру и повелѣлъ всѣхъ спутниковъ Муравьева представить къ наградамъ.

Дѣйствія Муравьева скоро нашли самое блистательное оправданіе: въ 1854 г. соединенный англо-французскій флотъ напалъ на Петропавловскій портъ въ Камчаткѣ и нападеніе это удалось отбить только благодаря быстрой помощи, поданной съ Амура. „Занятіе нами устьевъ Амура, пишетъ Французъ Гуперкъ, и совершенный по этой рѣкѣ сплавъ разнаго рода припасовъ, пришедшихъ заблаговременно въ Камчатку, были причиной счастливаго отраженія нами нападенія Англо-Французовъ на Петропавловскій портъ, а также послужилъ впослѣдствіи спасеніемъ нашему военному флоту, находившемуся въ водахъ Тихаго Океана и нашедшему себѣ вѣрное убѣжище отъ непріятеля въ лиманѣ Амура, доступъ къ которому не былъ извѣстенъ Англичанамъ и Французамъ."

Въ то самое время какъ Муравьевъ укрѣплялъ Николаевскъ, стягивалъ войска къ устью Амура и удачно защищался противъ нападенія англо-французскаго флота, ему пришлось вступить въ переговоры съ Китаемъ, потому что согласно нотѣ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ лѣвый берегъ Амура не принадлежалъ намъ и, слѣдовательно, плаваніе по Амуру могло быть во всякую минуту остановлено китайскими властями. Нессельроде продолжалъ утверждать, что Китайцы не уступятъ намъ лѣваго берега Амура, но Муравьевъ думалъ иначе. Въ сентябрѣ 1855 г. происходило первое совѣщаніе съ китайскими уполномоченными о разграниченіи земель. Китайскимъ чиновникамъ выставили на видъ быстрыя завоеванія Англіи въ разныхъ частяхъ свѣта, распространившей свои виды и на Амуръ, увлекшей съ собою и Францію и угрожающей Россіи, которая должна принимать всѣ мѣры противъ соединенныхъ вражескихъ силъ. Китайскимъ уполномоченнымъ сказано было, что правительство наше, вслѣдствіе появленія военныхъ иностранныхъ судовъ у устья Амура, писало въ китайскій трибуналъ, что оно не потерпитъ, чтобъ устье Амура было занято какою бы ни было иностранною державой, такъ какъ вершины этой рѣки находятся во владѣніи Россіи, и земли къ востоку по Амуру лежащія доселѣ остаются неразграниченными. Имъ объявили, что государь повелѣлъ Муравьеву образовать во ввѣренномъ ему краѣ до 100 тысячъ постояннаго войска, имѣя въ виду необходимость охраненія и защиты рѣки Амура отъ вторженія иностранцевъ. Чиновникамъ китайскимъ внушено, что защита Амура, дѣятельно и съ огромными издержками предпринятая Россіей, не можетъ быть временною мѣрой. Сосредоточенныя на устьяхъ Амура военныя наши силы и воздвигнутыя укрѣпленія на вѣчныя времена должны еще усиливаться и охранять эту страну ото всякаго чуждаго вторженія, а потому Муравьевъ требовалъ слѣдующаго: 1) Всѣ мѣста для этой цѣли занятыя нами на Амурѣ и весь приморскій край должны окончательно остаться во владѣніи Россіи. 2) Для необходимаго и безпрерывнаго лѣтомъ и зимой сообщенія войскъ и крѣпостей нашихъ, на устьѣ Амура находящихся, со внутренними областями нашими намъ должно имѣть свои поселенія на всемъ лѣвомъ берегу Амура, который вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ самую естественную и безспорную границу между обоими государствами. Такимъ только образомъ внутреннія области Восточной Сибири будутъ вполнѣ обезпечены ото всякаго покушенія

иностранцевъ со стороны моря и такимъ только разграниченіемъ оба государства, Китайское и Россійское, устранятъ всякій поводъ къ недоразумѣніямъ.

Какъ видно, Муравьевъ очень рѣшительно отстаивалъ наши права, но бѣда заключалась въ томъ, что въ рукахъ китайскихъ уполномоченныхъ находилась вышеупомянутая нота, отказывавшаяся отъ этихъ правъ. Пекинское правительство заявило, что плаваніе по Амуру можетъ быть разрѣшено только по взаимному соглашенію съ сенатомъ (такъ называло себя министерство иностранныхъ дѣлъ въ сношеніяхъ съ Китаемъ) и, сопоставляя требованія Муравьева, съ нотой думало, что генералъ-губернаторъ дѣйствуетъ самовольно. Въ то время какъ онъ готовился къ новой экспедиціи по Амуру, китайскіе купцы, торговавшіе съ нашими на границѣ, сообщили слухъ, что китайское правительство намѣрено не допускать болѣе сплавовъ по Амуру и что съ этою цѣлью двинуты къ рѣкѣ войска изъ южной Монголіи.

Прежде всего нужно было провѣрить этотъ слухъ, но сдѣлать это было не легко, такъ какъ въ предѣлы Китая въ то время впускались только курьеры, отправляемые съ бумагами изъ Петербурга въ Пекинъ. Счастливая случайность помогла дѣлу. Пришелъ листъ изъ Петербурга, адресованный китайскому трибуналу, и съ этимъ листомъ Муравьевъ отправилъ въ Ургу чиновника особыхъ порученій М. С. Волконскаго. Оффиціально М. С. Волконскій долженъ былъ отвезти листъ, неоффиціально же ему дано было болѣе деликатное порученіе. Онъ долженъ былъ сообщить китайскимъ властямъ, что Муравьевъ оставался на устьѣ Амура по случаю нападенія непріятеля, что непріятельскія суда были отбиты съ большимъ уономъ и что вслѣдствіе этого отбитія онъ благополучно возвратился внѣшнимъ моремъ, такъ какъ по Амуру было идти уже поздно. М. С. Волконскій долженъ былъ разсказывать о дружественныхъ сношеніяхъ съ Китайцами на Амурѣ, а на возможный вопросъ о войскахъ сказать, что Муравьевъ собираетъ въ разныхъ мѣстахъ Восточной Сибири огромныя силы, ибо ожидаетъ, что непріятели будутъ увеличивать свои средства; что же касается Китая, то, кромѣ дружескаго расположенія нашего правительства къ китайскому, Муравьевъ лично дружески расположенъ ко всему ихъ государству. Если придется, М. С. Волконскій долженъ былъ сказать, что Муравьевъ очень дорожитъ милостью Богдыхана

и очень желалъ бы, чтобы Богдыханъ о немъ нашему государю хорошо сказалъ; къ этому можно было прибавить, что генералъ-губернаторъ готовъ и помогать Китаю противъ кого угодно, Англичанъ или Французовъ, лишь бы китайское правительство попросило о томъ наше правительство. Наконецъ, Муравьевъ поручалъ своему чиновнику почерпнуть сколько можно свѣдѣній объ ихъ мнѣніяхъ и понятіяхъ о тогдашней войнѣ, о насъ и нашихъ непріятеляхъ и внушать недовѣріе къ Англичанамъ, захватившимъ Индію, которая не меньше самого Китая, и главное выяснить по возможности изъ разговоровъ съ китайскими властями и собрать подробныя данныя о томъ, справедливы ли приносимыя къ намъ изъ Китая вѣсти, точно ли правительство намѣрено воспрепятствовать нашему сплаву и дѣйствительно ли заготовляются имъ для него военныя силы. Съ добытыми свѣдѣніями Муравьевъ приказалъ М. С. Волконскому пріѣхать прямо изъ Манджуріи курьеромъ въ Петербургъ, куда отправился самъ, чтобы добыть себѣ полномочія для заключенія договора съ Китаемъ.

Между тѣмъ Амурское дѣло чуть не было проиграно, благодаря политикѣ Нессельроде. Въ февралѣ 1856 года полученъ былъ въ Петербургѣ листъ отъ трехъ главныхъ начальниковъ китайскихъ пограничныхъ областей. Они ссылались на Нессельродовскую ноту о постановкѣ столбовъ и говорили: „Мы выслали чиновниковъ, но вашъ генералъ-губернаторъ для защиты отъ нападенія англійскаго флота занялъ нѣсколько городовъ и нѣсколько селеній, издавна платящихъ дань нашему государю. Муравьевъ вовсе не заботится о поддержаніи двухсотлѣтняго дружественнаго согласія и твердаго мира, и потому просимъ вразумить Муравьева.“ Наши дипломаты испугались и собирались въ самомъ дѣлѣ вразумить Муравьева; хотѣли поступиться тѣмъ, что было пріобрѣтено, пріостановить движеніе нашихъ судовъ по Амуру и предварительно испросить у Китайцевъ права плаванія по этой рѣкѣ и учрежденія на ея берегахъ станцій, для склада нужныхъ заготовленій, провизіи и топлива. Еще разъ личное присутствіе Муравьева спасло дѣло. Онъ опровергъ всѣ доводы министерства иностранныхъ дѣлъ и съумѣлъ убѣдить государя Александра Николаевича. Министерству иностранныхъ дѣлъ повелѣно было снабдить генерала Муравьева полномочіемъ для переговоровъ съ Китайцами и заключенія съ ними условій по тѣмъ требованіямъ, которыя уже были сообщены имъ китайскимъ

уполномоченнымъ. Плаваніе по Амуру велѣно продолжать и Китайцамъ за требуемыя уступки предложить артиллерію въ такомъ числѣ орудій, какое заранѣе будетъ опредѣлено; воздерживаться, впрочемъ, ото всякихъ насильственныхъ мѣръ, употребляя открытую силу только для освобожденія изъ плѣна Русскихъ, въ случаѣ задержанія ихъ Китайцами, имѣя въ виду, что въ подобномъ случаѣ нужны скорыя и рѣшительныя мѣры, и что всякая переписка, которая, по китайскимъ обычаямъ, продолжается цѣлые годы, была бы вредна.

Съ назначеніемъ кн. Горчакова на мѣсто Нессельроде, въ Петербургѣ посмотрѣли серьезнѣе на Амурскій вопросъ и назначили гр. Путятина посланникомъ къ Китайскому двору. Но китайское правительство не пропустило его въ Пекинъ подъ тѣмъ предлогомъ, что никакихъ особенно важныхъ сношеній съ Россіей нѣтъ и переговоры съ иностранными державами ведутся всегда на границѣ, а не въ столицѣ. Муравьевъ настаивалъ на томъ, что если Китайцы не уступятъ намъ лѣваго берега Амура добровольно, то надо взять его силой. Казалось эта минута наступала, потому что въ 1857 году китайское правительство рѣшилось протестовать противъ нашихъ дѣйствій. Муравьевъ получилъ листъ отъ китайскаго пограничнаго начальника, въ которомъ, послѣ обычныхъ напоминаній о двухсотлѣтней дружбѣ Россіи съ Китаемъ, говорилось, что суда, пропущенныя на устье Амура, яко бы для отраженія Англичанъ, достигнувъ до мѣста Хотонь, стали тамъ дома строить и поселились. „Изъ этого предвидимъ, что вы завладѣваете насильственно мѣстами серединнаго государства и, какъ кажется, вовсе не для отраженія Англичанъ, и кажется нѣтъ повелѣнія вашего императора. Генералъ-губернаторъ! ты, нарушивши дружественныя отношенія, сряду четыре года отъ Урги ѣздилъ вверхъ и внизъ и построилъ много домовъ въ мѣстечкѣ Хайланъ-Омо. Какая этому непремѣнная причина? Объяснить надо для донесенія вашему правительству и для рѣшенія по обстоятельствамъ. Просимъ тебя, генералъ-губернаторъ, тщательно размысливши высокими мыслями твоими, не разрушать добраго согласія двухъ государствъ, но разъяснивши настоящее истинное дѣло, написать листъ на маньчжурскомъ языкѣ и прислать намъ, по разсмотрѣніи котораго, мы бы посовѣтовались и рѣшили, и тѣмъ избавили бы отъ хлопотъ и безпокойства войска двухъ государствъ.“ Въ то же самое время отправлена была нота изъ Пекина въ Петербургъ

съ жалобой, что Муравьевъ заселяетъ Амуръ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на протесты мѣстныхъ китайскихъ властей; что срединное государство съ нами въ давнишней дружбѣ, а потому никакія лица не должны были бы произвольно занимать земли срединнаго государства, и потому хорошо было бы, если-бы русское правительство поспѣшило приказать Муравьеву отвести съ Амура людей и суда, и тѣмъ предотвратить большія непріятности.

Муравьевъ не обратилъ никакого вниманія на эти грозныя посланія и предупредилъ ургинскихъ правителей, что будетъ продолжать заселять различныя мѣста по Амуру, на основаніи данныхъ ему Высочайшихъ повелѣній, но что дѣйствія эти ничего враждебнаго къ нимъ не заключаютъ, а напротивъ, клонятся къ общимъ пользамъ обоихъ государствъ. Энергичная дѣятельность Муравьева внушала страхъ Китайцамъ, и несмотря на угрозы, они не рѣшались предпринять противъ него что-нибудь серьезное. Война Китая съ Англіей помогла намъ, и пекинское правительство постановило покончить мирнымъ образомъ недоразумѣнія съ Россіей. Весной 1858 года Муравьевъ отправился къ устью Амура и находился при впаденіи рѣки Зеи, когда къ нему явились китайскіе чиновники съ просьбой отправиться въ Айгунъ для переговоровъ съ прибывшимъ туда китайскимъ главнокомандующимъ Дзянь-Зюнемъ. Муравьевъ съ удовольствіемъ согласился на эту просьбу, и на первомъ свиданіи съ китайскимъ уполномоченнымъ, изложивъ на словахъ, что̀ уже было писано китайскому правительству, о необходимости опредѣлить границу обоихъ государствъ по теченію Амура, объ обоюдной пользѣ окончанія этого дѣла, присовокупилъ, что въ настоящее время китайскому правительству тѣмъ болѣе должно бы кончить это дѣло, что Китай въ войнѣ съ Англичанами, которые могутъ обнаружить желаніе завладѣть устьемъ Амура и мѣстами отъ него къ югу, вдоль морскаго берега лежащими; что мы можемъ воспрепятствовать Англичанамъ только въ томъ случаѣ, если на основаніи договора можемъ показать означенныя мѣста намъ принадлежащими. Китайскій уполномоченный оспаривалъ права Россіи на лѣвый берегъ Амура, начались длинныя пренія, которыя Муравьевъ прервалъ, представивъ китайскому главнокомандующему проектъ трактата и прося его отвѣтить въ слѣдующемъ засѣданіи, согласенъ ли онъ на него, или нѣтъ. Проектъ этотъ заключался въ слѣдующемъ: 1) границѣ между обоими государствами быть

по Амуру такъ, чтобы лѣвый берегъ до устья принадлежалъ россійскому, а правый, до рѣки Усури, китайскому государству, 2) плаваніе по рѣкамъ, составляющимъ границу, дозволяется только судамъ двухъ государствъ, 3) по симъ рѣкамъ—свободная торговля, 4) китайскимъ подданнымъ, находящимся на лѣвомъ берегу—переселиться на правый въ теченіе трехъ лѣтъ. Изъ этого перваго засѣданія было вынесено убѣжденіе такого рода, что китайское правительство, хотя и желаетъ непремѣнно сохранить дружбу съ нами, но что оно упорно будетъ придерживаться прежнихъ столь часто выраженныхъ имъ мнѣній о пограничномъ дѣлѣ, и что переговоры могутъ такимъ образомъ продолжаться очень долго.

Напротивъ того, Муравьевъ желалъ привести дѣло къ окончанію какъ можно скорѣе; однако, чтобы не высказать этого желанія, а также съ цѣлью имѣть въ сбереженіи высшій авторитетъ, къ окончательному рѣшенію котораго можно было бы прибѣгнуть на случай какихъ-либо недоразумѣній, Муравьевъ на другой день отправилъ своего переводчика объявить, что генералъ-губернаторъ Муравьевъ, по причинѣ болѣзни, не можетъ продолжать переговоры, а поручаетъ ихъ Перовскому, приставу нашей духовной миссіи въ Пекинѣ. Во время переговоровъ съ Перовскимъ, китайскій уполномоченный всячески старался убѣдить его въ неоспоримомъ превосходствѣ Китайцевъ надъ другими народами. Но Муравьевъ поручилъ Перовскому дать почувствовать Китайцамъ, что ихъ шаткое положеніе намъ хорошо извѣстно, что мы знаемъ, какъ они боятся, чтобы мы не соединились съ Англичанами противъ нихъ. Поэтому, Перовскій объявилъ китайскому уполномоченному, по приказанію генералъ-губернатора Муравьева, что только великодушію нашего Государя обязанъ Китай сохраненіемъ дружественныхъ сношеній съ нами, тогда какъ поступки ихъ въ послѣдніе годы давали намъ полное право дѣйствовать иначе. Напрасно Китайцы ссылаются на прежніе трактаты, они сами нарушили трактаты тѣмъ, вопервыхъ, что брали ясакъ съ жителей въ мѣстахъ неразграниченныхъ, на что они не имѣли никакого права, а вовторыхъ, тѣмъ, что не приняли посланника, отправленнаго по повелѣнію Государя Императора съ дружескимъ привѣтствіемъ къ ихъ Богдыхану, и что таковое обстоятельство между всѣми просвѣщенными государствами влечетъ за собой обыкновенно разрывъ и непріязненныя дѣйствія.

Китайцы замѣтили, что мы ихъ не боимся, что Муравьевъ ни за что не отступится отъ своихъ требованій, и черезъ шесть дней согласились заключить съ нами договоръ. 16 мая 1858 г. былъ подписанъ Муравьевымъ и китайскимъ уполномоченнымъ Айгунскій договоръ, соотвѣтствовавшій вышеупомянутому проекту Муравьева: Китай призналъ, что лѣвый берегъ Амура вплоть до морскаго устья принадлежитъ Россіи, и что плавать по Амуру имѣютъ право только Русскіе и Китайцы. Такимъ образомъ, благодаря необыкновенной энергіи Муравьева, мы пріобрѣли Приамурскій край и съ этого времени не могло уже быть вопроса, имѣемъ ли мы право плавать по Амуру, или нѣтъ. Заслуга Муравьева была вполнѣ оцѣнена Государемъ Александромъ Николаевичемъ; его возвели въ графское достоинство, сдѣлали генераломъ-отъ-инфантеріи и къ его фамиліи присоединили почетное названіе Амурскій.

Мы познакомились на основаніи матеріала, напечатаннаго г. Барсуковымъ, съ главною заслугой графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго, намъ остается сказать о другихъ сторонахъ его дѣятельности по управленію пріобрѣтеннымъ краемъ и Восточною Сибирью.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

П. Безобразовъ.

Марціалъ. Біографическій очеркъ графа Олсуфьева.

Въ наше время, когда въ наукѣ, какъ и въ литературѣ, преобладаетъ дилеттантизмъ, когда всякій истинно ученый трудъ является только въ видѣ отраднаго исключенія, нельзя не привѣтствовать появленія такой книги, какъ *Марціалъ* графа Олсуфьева.

Имя автора не даромъ пользуется почетною извѣстностью въ нашемъ филологическомъ мірѣ: кромѣ рѣдкаго знанія древнихъ языковъ, кромѣ неутомимой энергіи при изученіи классическихъ произведеній древности, графъ проявляетъ также замѣчательно тонкое критическое чутье какъ въ выборѣ источниковъ для своихъ научныхъ изслѣдованій, такъ и въ умѣніи пользоваться

ими. Только при этихъ условіяхъ и можно было взяться за рѣшеніе такой трудной, неблагодарной задачи, какъ составленіе біографіи Марціала исключительно по его эпиграммамъ; только во всеоружіи науки и самаго тонкаго критическаго анализа можно было выйти побѣдителемъ изъ борьбы, которую безуспѣшно вели многіе ученые филологи Европы.

Трудъ графа Олсуфьева во всѣхъ отношеніяхъ является замѣчательнымъ, хотя авторъ со скромностью истиннаго ученаго называетъ его только очеркомъ. Прежде всего—это строго научное изслѣдованіе, гдѣ читателя пріятно поражаетъ отсутствіе всякой неопредѣленности, всякихъ болѣе или менѣе остроумныхъ гипотезъ, которыми обыкновенно такъ изобилуютъ ученыя филологическія изысканія. Все, что̀ сказано здѣсь о Марціалѣ, сказано ясно и положительно, а если и встрѣчаются пробѣлы, то это скорѣе можно отнести къ достоинству сочиненія, чѣмъ къ его недостаткамъ: тамъ, гдѣ нельзя сказать ничего положительнаго, авторъ предпочитаетъ не говорить ничего. Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи цитировать слѣдующее мѣсто изъ вступленія, прекрасно знакомящаго читателя съ научными мнѣніями автора. „Возсоздавая жизнь Марціала по его эпиграммамъ“, говоритъ онъ, „слѣдуетъ относиться съ крайнею осторожностью и даже недовѣрчивостью не къ самымъ фактамъ, изложеннымъ въ этихъ эпиграммахъ, которыхъ нѣтъ причины заподозривать въ отсутствіи правдивости, но къ тѣмъ выводамъ, которые, по видимому, логично строятся на этихъ фактахъ. Нежелательно создавать вмѣсто историческаго повѣствованія болѣе или менѣе вѣроятныя легенды“ (вступленіе стр. 9). „Итакъ“, говоритъ авторъ далѣе, „оставимъ первое слово за самимъ Марціаломъ и будемъ стараться избѣгать догадочныхъ предположеній и слишкомъ смѣлыхъ выводовъ, а главное—постараемся свыкнуться съ мыслью, что весьма многое изъ жизни Марціала останется навсегда темнымъ и неразъясненнымъ, несмотря на всѣ болѣе или менѣе остроумныя гипотезы. Только поступая такимъ образомъ, мы можемъ надѣяться подойти ближе къ уразумѣнію жизни поэта, освѣщаемой яркимъ свѣтомъ его творчества, хотя и не во всѣхъ ея подробностяхъ.“

Книга графа Олсуфьева состоитъ изъ вступленія, посвященнаго краткому критическому обзору популярнѣйшихъ сочиненій о Марціалѣ, и девяти главъ, гдѣ уже идетъ собственно *историческое повѣствованіе* о немъ.

Въ первой главѣ, озаглавленной „Родина Марціала, предполагаемые его родные.—Время его рожденія“ и изобилующей выдержками изъ произведеній великаго эпиграмматиста, особеннаго вниманія заслуживаетъ опредѣленіе года прибытія Марціала въ Римъ и времени его рожденія. Въ разрѣшеніи послѣдняго вопроса авторъ, вопреки мнѣнію такихъ ученыхъ, какъ Стокумъ и Брандъ, приходитъ къ самостоятельному заключенію, что Марціалъ „долженъ былъ родиться въ 38 или 42 году“.

Во второй главѣ графъ Олсуфьевъ говоритъ о воспитаніи Марціала, о его прибытіи въ Римъ и о его тамошнихъ родныхъ; здѣсь же мы знакомимся съ наружностью поэта и его лѣкарями. Глава эта снабжена обширнымъ примѣчаніемъ о родственникѣ эпиграмматиста Валеріи Флаккѣ, гдѣ авторъ, оспаривая мнѣніе Тило (Georgius Thilo, авторъ *C. Valerii Flaccii Setini Balbi argonauticon libri* VIII, 1873), доказываетъ, что Флаккъ, эпическій поэтъ, пѣвецъ Аргонавтовъ и Валерій Флаккъ, родственникъ Валерія Марціала, одно и то же лицо. Кромѣ того, во второй же главѣ мы находимъ интересную характеристику Марціала. „Онъ зналъ всю силу своего таланта“, говоритъ графъ Олсуфьевъ, „и съ первыхъ же шаговъ въ Римѣ сталъ беззастѣнчиво имъ пользоваться, льстя одному, грозя обличеніемъ постыдныхъ тайнъ другому, поднося свои произведенія во множествѣ видовъ сонму покровителей и знакомыхъ, кланяясь, унижаясь, выпрашивая себѣ то обѣдъ или ужинъ, то денежную подачку, то подарокъ, хотя бы заключавшійся только въ тогѣ или лацернѣ.“

Третья глава посвящена первымъ годамъ пребыванія Марціала въ Римѣ, его покровителямъ и друзьямъ. Въ этой главѣ авторъ прежде всего разсматриваетъ отношенія къ поэту Тита и Домиціана, „царствованія которыхъ были полностью пережиты Марціаломъ въ Римѣ“. Затѣмъ онъ говоритъ о положеніи поэта при слѣдующихъ кесаряхъ и о покровительствѣ, оказываемомъ ему многими вліятельными и богатыми лицами, у которыхъ онъ безбожно заискивалъ. Изъ этой же главы мы узнаемъ о близкихъ, даже дружескихъ отношеніяхъ Марціала съ такими выдающимися писателями его времени, какъ Квинтиліанъ, Силій Италикъ, Ювеналъ, Плиній Младшій и др.

Глава четвертая знакомитъ насъ съ положеніемъ Марціала въ римскомъ обществѣ и представляетъ краткую характеристику его произведеній. Здѣсь, между прочимъ, авторъ, не соглашаясь съ Фридлендеромъ, утверждаетъ, что Марціалъ „не былъ импро-

визаторомъ, какъ Стацій; онъ тщательно обдумывалъ и взвѣшивалъ каждый стихъ и заранѣе подготовлялъ остроту, которую потомъ, какъ бы ex tempore, подносилъ за обѣдомъ или ужиномъ". При этомъ авторъ приводитъ остроумное изреченіе Гюбнера: импровизовать даже длинное стихотвореніе не очень трудно, быть краткимъ требуетъ обдуманности и поэтому много времени. Въ этой же главѣ авторъ говоритъ объ удивительно добросовѣстномъ отношеніи Марціала къ своимъ литературнымъ работамъ и приводитъ цѣлый рядъ его блестящихъ афоризмовъ, перешедшихъ въ живущія понынѣ пословицы, напримѣръ: „Тотъ правдиво груститъ, въ комъ безъ свидѣтелей грусть". „Многимъ фортуна даетъ лишнее, всыть никому" и т. п. Вообще эта глава является наиболѣе интересною, въ виду того, что въ ней мы знакомимся съ Марціаломъ не только какъ съ человѣкомъ, но и какъ съ замѣчательнымъ поэтомъ, котораго графъ Олсуфьевъ не безъ основанія называетъ „Протеемъ лирики" и которому отводитъ мѣсто рядомъ съ Ювеналомъ среди римскихъ поэтовъ-историковъ. „Онъ все видѣлъ и все описалъ", говоритъ авторъ, „блюда и обстановку богатаго пира и убогаго угощенія, нарядъ щеголя и убранство гетеры, тайны римскимъ термъ и спаленъ, роскошь городскихъ дворцовъ и загородныхъ дачъ, всѣ прельщенія и развратъ театровъ и цирка, вакханаліи Субурры и ужасы Колизея и вмѣстѣ съ тѣмъ—такова обаятельная сила его дарованія—заставляетъ еще насъ, послѣ восемнадцати столѣтій, грустить съ нимъ надъ смертью рабыни-малютки и сочувствовать отцу, льющему слезы надъ могилой безвременно похищенной дочери."

Въ пятой главѣ говорится о пребываніи Марціала въ Эмиліи и объ изданіи III книги его эпиграммъ. Здѣсь авторъ старается объяснить причину добровольнаго удаленія поэта изъ Рима въ Цизальпинскую Галлію и думаетъ, что оно было вызвано недовольствомъ Марціала Римомъ, „недостаточно, по его мнѣнію, цѣнившимъ его". Ему все было мало; „онъ искалъ бо́льшаго и не нашелъ его". Затѣмъ графъ Олсуфьевъ отмѣчаетъ особенность III книги эпиграммъ Марціала, изданной имъ въ *Forum Cornelii*. „Во всей этой книгѣ нѣтъ ни одного изъ тѣхъ домогательствъ, которыя въ столь разнообразныхъ формахъ и оттѣнкахъ... встрѣчаются во всѣхъ остальныхъ книгахъ", говоритъ авторъ. „Въ ней Марціалъ является съ совершенно неприсущими

ему въ предъидущихъ и послѣдующихъ произведеніяхъ качествами: неподкупностью, самостоятельностью и стойкостью убѣжденій."

Въ шестой главѣ гр. Олсуфьевъ говоритъ о помѣщеніи, занимаемомъ Марціаломъ до пріобрѣтенія собственнаго дома, и о двухъ его помѣстьяхъ: praedium Nomentanum и rus suburbanum, пригородной дачѣ, подаренной ему, какъ можно заключить изъ XI 18 его близкимъ другомъ (X 48) Лупомъ.

Седьмая глава посвящена рѣшенію наиболѣе спорнаго вопроса въ біографіи Марціала, именно, былъ ли Марціалъ женатъ. Путемъ глубокаго критическаго анализа всѣхъ эпиграммъ, гдѣ только встрѣчается слово „uxor", графъ приходитъ къ тому заключенію, что Марціалъ несомнѣнно былъ женатъ, хотя и сознаетъ, „что какъ по неупоминанію объ этой женѣ во всѣхъ остальныхъ эпиграммахъ, такъ и по совершенному отсутствію признаковъ какого-либо ея вліянія на судьбу, характеръ, домашній обиходъ и взгляды Марціала, считаетъ ее какъ бы не существовавшею, какъ для него самого, такъ и для его біографовъ". Въ этой же главѣ авторъ говоритъ о Марціалѣ, какъ о проповѣдникѣ человѣческихъ отношеній къ рабамъ „не только словомъ, но и примѣромъ". „Марціалъ", говоритъ онъ, „смѣло и краснорѣчиво выступаетъ защитникомъ несчастныхъ рабовъ и не усумнится громко провозгласить: homo est!" Но самою симпатичною чертой характера Марціала является его непритворная любовь къ дѣтямъ. Какъ трогательно оплакиваетъ онъ свою маленькую крошку Эротіону:

Нѣжныя кости ей дернъ прикрой не сурово, земля ей
Будь не тяжка;—вѣдь тебя не тяготила она.

(Выдержки изъ эпиграммъ приводимъ, если не ошибаемся, въ переводѣ А. А. Фета). Вообще въ этой главѣ авторъ много говоритъ о добромъ сердцѣ Марціала, которое онъ „съумѣлъ сохранить среди всѣхъ своихъ заблужденій".

Въ восьмой главѣ говорится объ отъѣздѣ Марціала изъ Италіи, который состарившійся эпиграмматистъ долженъ былъ предпринять въ виду совершенной перемѣны режима, наступившей по воцареніи Траяна.

Девятая и послѣдняя глава труда графа Олсуфьева посвящена послѣднимъ годамъ жизни Марціала, проведеннымъ въ Испаніи и установленію даты его смерти, причемъ авторъ, оспаривая мнѣніе такихъ авторитетовъ, какъ Моммсенъ и Фридлендеръ, съ

полною увѣренностью, на основаніи неопровержимыхъ данныхъ, заключаетъ, „что фактъ этотъ долженъ быть отнесенъ только къ послѣднимъ мѣсяцамъ 102 или первымъ 103 года“.

Мы очень жалѣемъ, что краткость настоящей замѣтки не позволяетъ намъ съ большею подробностью остановиться на этомъ дѣйствительно замѣчательномъ трудѣ, который нельзя не признать богатымъ вкладомъ въ отечественную науку.

Книга издана образцово и цѣна ея болѣе чѣмъ дешевая.

Д. Павловъ.

Климатическое лѣченіе вообще и наши климатолѣчебныя мѣста. Южный Берегъ Крыма и Кавказское Черноморское побережье. (Сравнительное изслѣдованіе.) Профессора Ир. П. Скворцова. Спб. 1891 г.

Прежде чѣмъ говорить о самой книгѣ, необходимо сказать нѣсколько словъ объ ея авторѣ.

Профессоръ Ир. Скворцовъ принадлежитъ къ числу *немногихъ* русскихъ ученыхъ-*популяризаторовъ*. Не говоря объ отличномъ, но довольно спеціальномъ сочиненіи его *Практическій курсъ гигіены*, укажемъ на *Общепонятную гигіену*, удостоенную большой Петровской преміи, и *Общедоступную гигіену для военныхъ*, составленную по порученію Главнаго Управленія военно-учебныхъ заведеній.

Эту отмѣтку мы сдѣлали по слѣдующей причинѣ. Русскіе ученые до сихъ поръ, въ большинствѣ, стоятъ „на высотѣ“, не считая нужнымъ дѣлиться своими знаніями съ неспеціально-образованными людьми. Многіе изъ нихъ считаютъ чуть не униженіемъ для себя поставить свою фамилію подъ статьей, не носящей строго-спеціальнаго характера. По этой-то причинѣ научно-популярная литература въ Россіи крайне бѣдна, если не считать грубыхъ и, нерѣдко, полуграмотныхъ компиляцій, сдѣланныхъ лицами малосвѣдущими. Въ то же время раздаются голоса и въ пользу принципіальнаго отчужденія науки отъ жизни. Популяризація знаній составляетъ, будто бы, профанацію науки, которую нельзя де выносить на „улицу“. И ученые часто не пишутъ популярно изъ боязни попасть въ разрядъ „уличныхъ ученыхъ“.

Какъ все на свѣтѣ, и послѣднее мнѣніе не лишено основанія. Подъ именемъ „науки“ публикѣ часто предлагаются тенденціозные

и спорные научные „выводы“, что̀ представляетъ несомнѣнный вредъ. Но кто же въ этомъ виноватъ?

Мы не рискуемъ впасть въ грубую ошибку, заявивъ, что значительная доля вины въ этомъ случаѣ падаетъ на ученыхъ спеціалистовъ. Они сами предоставили поле популяризаціи недоучкамъ, выдергивающимъ изъ чисто-научныхъ сочиненій лишь тѣ мѣста, которыя могутъ быть по вкусу публикѣ въ данную минуту. Лица, иногда не имѣющія и понятія о данномъ предметѣ, пишутъ авторитетно, испещряя свои писанія массой цитатъ на всевозможныхъ языкахъ, большею частью не доступныхъ авторамъ. Публика не знаетъ, что даже для составленія хорошей компиляціи надобно знать самый предметъ; но она видитъ массу цитатъ и научный аппаратъ,—и вѣритъ.

Развѣ не такова была, напримѣръ, исторія съ дарвинизмомъ?

Мы думаемъ, что популяризація знаній учеными спеціалистами ничуть не унизила бы, а скорѣе—возвысила бы и ихъ самихъ, и самую науку. При этомъ необходима лишь одна оговорка: если авторъ поддѣлывается въ своихъ выводахъ ко вкусамъ толпы,—онъ „уличный ученый“; если же онъ той же толпѣ излагаетъ научные выводы точно и безпристрастно, стремясь не унизить науку до уровня пониманій толпы, а послѣднюю поднять до научнаго міросозерцанія,—это весьма полезное дѣло. По нашему мнѣнію, знаменитѣйшему ученому ничуть не стыдно поставить свое имя подъ статьей, предназначенною хотя бы, напримѣръ, для простыхъ крестьянъ. Даже болѣе: въ этомъ отчужденіи людей науки мы видимъ одну изъ важныхъ причинъ того разлада, который, несомнѣнно, существуетъ между интеллигенціей и народомъ. Послѣдняго необходимо убѣдить, что научныя занятія не есть „барская затѣя“ или прихоть. Нынѣ въ Россіи въ этомъ отношеніи можно сдѣлать слѣдующую смѣлую классификацію: съ одной стороны—люди ученые и высокообразованные, съ другой—полные невѣжды. Между ними—пропасть. Нѣтъ посредствующихъ звеньевъ,—какъ же не быть разладу?

Вотъ почему мы сочли нужнымъ сказать нѣсколько словъ о популяризаторской дѣятельности профессора И. Скворцова прежде чѣмъ коснуться его послѣдняго, цитованнаго выше, труда, точно также вполнѣ понятнаго и не для спеціалистовъ, однако, при строго-научномъ изложеніи.

Книга профессора Скворцова является какъ разъ по сезону, отвѣчая на вопросъ, какъ воспользоваться лѣтними каникулами.

Принципіальный отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ глава I—„О климатическомъ лѣченіи вообще“, интересная во многихъ отношеніяхъ.

Кромѣ громаднаго значенія свѣжаго и чистаго воздуха, а равно и простой перемѣны обстановки и условій жизни, авторъ придаетъ важное значеніе и многимъ побочнымъ условіямъ, напримѣръ, „искусственнымъ приспособленіямъ“, свойствамъ „мѣстнаго населенія“ климатическихъ станцій, ихъ „бытовымъ условіямъ“ и т. д., помимо абсолютнаго гигіеническаго значенія данной мѣстности. Эти выводы важны въ томъ отношеніи, что они въ значительной мѣрѣ снимаютъ съ нашихъ состоятельныхъ классовъ упрекъ въ пристрастіи къ заграничнымъ курортамъ. Дѣло въ томъ, что наши-то до послѣдняго времени были изъ рукъ вонъ плохи. Патріотизмъ ничуть не мѣшаетъ естественному желанію каждаго поправить свое здоровье, хоть нѣсколько, во всякомъ случаѣ, возможно больше. При этомъ, по мнѣнію профессора Скворцова, важное значеніе имѣютъ даже мелочи. Что же удивительнаго въ томъ, что до послѣдняго времени состоятельные русскіе люди ѣхали для поправленія здоровья за границу, когда на нашихъ климатолѣчебныхъ мѣстахъ они рисковали каждую минуту получать огорченія и непріятности. *Спокойствіе*—одно изъ лучшихъ лѣкарствъ; но до послѣдняго времени его не было на русскихъ курортахъ. Патріотизмъ—патріотизмомъ, но кому же не дорого и свое здоровье?

Весьма интересны мнѣнія профессора Скворцова относительно обычая во время лѣта переселяться на дачи. Приводимъ его слова въ подлинникѣ:

„*Не мода*, а въ громадномъ большинствѣ настоятельная потребность заставляетъ у насъ переселяться въ теплое время массами на дачи, гдѣ все болѣе приспособлено къ возможно болѣе продолжительному пребыванію на воздухѣ, чѣмъ въ городахъ. Дачи—это ближайшія климатолѣчебныя мѣста. На дачахъ взрослые, особенно слабые, а также дѣти исправляютъ старыя и запасаются силами и средствами на новыя испытанія. Всѣмъ извѣстно изъ опыта дѣтскихъ колоній, какое благодѣтельное вліяніе на слабыхъ, блѣдныхъ, болѣзненныхъ городскихъ дѣтей производитъ лишь двухъ-трехъ или четырехъ-недѣльное пребываніе гдѣ-нибудь въ деревнѣ, на дачѣ, даже безъ примѣненія какихъ-либо особенныхъ мѣръ, въ родѣ морскихъ купаній, минеральныхъ ваннъ, питья кумыса, кефира и т. д. При условіяхъ

достаточнаго питанія и удовлетворительнаго помѣщенія для сна, самое существенное значеніе въ дѣлѣ укрѣпленія организма имѣетъ въ подобныхъ случаяхъ продолжительное пребываніе на вольномъ воздухѣ, сопровождающееся вольными движеніями, въ видѣ прогулокъ, игръ, гимнастики и пр.“

„Для поддержанія или возстановленія своего здоровья въ теплое время, бываетъ нужнымъ или необходимымъ мѣнять не только городъ на деревню или дачу, но даже одинъ климатъ на другой.“

Сдѣлаемъ, затѣмъ, нѣсколько замѣчаній. Профессоръ И. Скворцовъ высказываетъ убѣжденіе, что *красный* цвѣтъ крови имѣетъ важное значеніе въ смыслѣ химизма по отношенію къ лучамъ солнца. Совершенно вѣрно мнѣніе автора, что „было бы несообразностью со всѣмъ извѣстнымъ строемъ природы, еслибы красный цвѣтъ крови былъ простою случайностью“. Но дѣло въ томъ, что авторъ не ясно высказался, въ какомъ именно направленіи важенъ красный цвѣтъ крови. Какъ извѣстно, красный цвѣтъ наименѣе дѣятеленъ химически. Еслибы цвѣтъ крови имѣлъ значеніе главнымъ образомъ химическое, то она была бы фіолетовою, то-есть противоположною крайностью въ спектрѣ (семь цвѣтовъ: красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синій и фіолетовый; химически наиболѣе дѣятеленъ послѣдній и наименѣе первый).

Лучшею температурой помѣщеній зимой профессоръ Скворцовъ считаетъ въ + 12 — 14° по Реомюру, причемъ, будто бы, даже съ пользой больными переносится температура въ 10 — 12° по Реом. По нашему мнѣнію, послѣдняя температура низка.

Теперь коснемся по существу трактуемаго авторомъ вопроса, несомнѣнно, интереснаго для многихъ. Подробно разобравъ всѣ условія (въ смыслѣ климатолѣчебныхъ станцій) Южнаго Берега Крыма и Черноморскаго побережья Кавказа, авторъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) По топографическимъ условіямъ, особенно въ связи съ эндемическими болѣзнями, Южный Берегъ Крыма имѣетъ несомнѣнныя преимущества предъ Кавказскимъ Черноморскимъ побережьемъ. Слѣдовательно, — всего лучше ѣхать на Южный Берегъ Крыма.

2) На Кавказскомъ побережьѣ, *повидимому*, въ лучшихъ условіяхъ находятся Сочи и Новый Аѳонъ; мѣстности же, занимаемыя городами Сухумомъ и Батумомъ, должны быть признаны *неудовлетворительными* въ санитарномъ отношеніи.

3) Южный Берегъ Крыма и въ бытовомъ (культурномъ) отношеніи стоитъ гораздо выше Кавказскаго побережья, особенно такихъ мѣстъ, какъ Сочи и Сухумъ, по сравненію ихъ съ Ялтой, Алупкой, Гурзуфомъ и даже Алуштой.

4) Южный Берегъ Крыма уступаетъ Кавказскому побережью относительно мягкости зимы, силы вѣтровъ и ясности неба (по крайней мѣрѣ, зимой). Но эти недостатки если не вполнѣ, то въ большей части искупаются уже указанными преимуществами Южнаго Берега въ другихъ отношеніяхъ.

При этомъ профессоръ Скворцовъ оговаривается, что эти выводы „не предрѣшаютъ того, что̀ можетъ быть въ будущемъ, при увеличеніи заселенія и большемъ распространеніи земельной культуры по Кавказскому побережью, которое въ этомъ отношеніи заслуживаетъ тщательнаго и подробнаго изученія“. (Стр. 115.)

По сравненіи съ заграничными климато-лѣчебными станціями, профессоръ Скворцовъ дѣлаетъ также интересные выводы:

Въ Венеціи зима холоднѣе, чѣмъ на Южномъ Берегу, а въ Константинополѣ,—чѣмъ въ Сухумѣ и даже въ Крыму. Ницца теплѣе Батума въ первую и холоднѣе въ послѣднюю четверть года. Такимъ образомъ Южный Берегъ Крыма и Кавказское побережье въ этомъ отношеніи могутъ конкуррировать съ лучшими въ Европѣ климато-лѣчебными станціями.

Въ заключеніе не можемъ не высказать пожеланія, чтобы наши климато-лѣчебныя и вообще лѣчебныя мѣста были устроены возможно лучше. Повторяемъ, что Русскіе бѣгутъ за границу вовсе не по отсутствію, или недостатку „патріотизма“, а вслѣдствіе естественнаго желанія „поправиться“. Правда, они тратятъ тамъ много русскихъ денегъ; но какъ же винить ихъ, если на русскихъ станціяхъ и за деньги до недавняго времени ничего достать было нельзя? Въ этомъ отношеніи врядъ ли возможно возложить все на частную предпріимчивость. Были голоса, напримѣръ, противъ правительственной поддержки Кавказской группы минеральныхъ водъ. Правда, ихъ устройство обошлось не дешево, но за то сейчасъ туда ѣдутъ ежегодно тысячи русскихъ людей, вмѣсто того, чтобъ ѣхать за границу. Дастъ Богъ, и къ намъ будутъ ѣздить изъ-за границы.

М. Глубоковскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Томъ третій,

МАЙ.

Стр.

Разбойница-Орлиха. Романъ въ трехъ частяхъ. Гл. IV—VII. (Часть вторая.) **Е. Л. Маркова** 5

Октавъ Фелье. (Литературный очеркъ.) **К. Ѳ. Головина** ... 57

Классицизмъ, какъ необходимая основа гимназическаго образованія. Гл. V **Гр. П. А. Капниста** 84

Стихотвореніе. **А. А. Фета** 142

Еще одна сказка Андерсена. **Ю. Н. Щербачева** 143

Петръ Ивановичъ Корондѣевъ. Быль. **Ольги N** 181

Ветхозавѣтный храмъ. Гл. II—III. *(Окончаніе.)* **М. П. Соловьева** 197

Домой изъ Индіи. (Впечатлѣнія путешествія.) **Вѣры Джонстонъ** 245

О сношеніяхъ Россіи съ Франціей. Гл. XVII—XVIII. **П. В. Безобразова** 279

Этика въ зоологіи. Гл. I—III. **Н. П. Вагнера** 314

Музыкальное обозрѣніе. **Н. Д. Кашкина** 346

Письма изъ Парижа. (Спеціальная корреспонденція.) Письмо V. **Г. Вельшингера** 350

Письма изъ Лондона. (Спеціальная корреспонденція.) Письмо V. **В. Т. Стэда** 374

Текущіе вопросы международной политики. V. Японская цивилизація. **Spectator** 385

Современная лѣтопись. Въѣздъ въ Москву Великаго Князя Сергія Александровича. — Присоединеніе къ православію Великой Княгини Елисаветы Ѳеодоровны.—Кончина Великой Княгини Ольги Ѳеодоровны и Великаго Князя Николая Николаевича.—Покушеніе на жизнь Наслѣдника Цесаревича.—Французская выставка въ Москвѣ.—Двадцатипятилѣтіе дѣйствій судебныхъ учрежденій Императора Александра II.—1 мая.—По поводу статьи г. С. Васильева.—Къ вопросу о Евреяхъ. 394

Экономическое обозрѣніе. **Л. Н. Воронова**..... 420

Критика и библіографія.

Н. В. Гоголь и С. Т. Аксаковъ. (Къ исторіи литературныхъ вліяній). **Валеріана Майкова**..... 438

Творенія отцовъ Церкви въ древне-русской письменности. Извлеченія изъ рукописей и опыты историко-литературныхъ изученій. А. С. Архангельскаго. Казань. 1890. Вып. I—II, стр. 203 + вып. III, стр. 118. + вып. IV, стр. 228=543, стр. Цѣна—?.. **Н. Н. Глубоковскаго.** 456

Свободная торговля и покровительственная система въ Россіи. Докладъ Московскому Отдѣленію Общества для Содѣйствія Русской Промышленности и Торговлѣ. Л. В. Москва, 1891. Стр. 1—80. **А. А. Борзенко**.... 460

Объявленія.

ІЮНЬ.

Стр.

Разбойница-Орлиха. Романъ въ трехъ частяхъ. Гл. VIII—X. (Конецъ второй части.) **Е. Л. Маркова** 463

Этика въ зоологіи. Гл. III—IV. **Н. П. Вагнера** 501

Безлунная ночь. Стихотвореніе. **Гр. П. Бутурлина** 535

Майоратъ. Разсказъ. **Е. Т. А. Гоффмана** 537

О сношеніяхъ Россіи съ Франціей. Гл. XIX—XXII. **П. В. Безобразова** 609

Наташа Криницкая. Повѣсть. **Р. М—хинъ** 661

Въ подземныхъ пещерахъ Іудеи. Гл. I—VI. **А. Елисѣева** 724

Царица лѣсовъ. Андрэ Тёрье. Гл. I—II 765

Театральная хроника. **С. Васильева** 795

Письма изъ Парижа. (Спеціальная корреспонденція.) Письмо VI. **Г. Вельшингера** 812

Письма изъ Лондона. (Спеціальная корреспонденція.) Письмо VI. **В. Т. Стэда** 833

Текущіе вопросы международной политики. VI. Вооруженіе. или разоруженіе? **Spectator** 843

Современная лѣтопись. Посѣщеніе Москвы Государемъ Императоромъ и Государыней Императрицей.—Двѣ выставки.—Объѣздъ Московской губерніи Великимъ Княземъ Сергіемъ Александровичемъ.—А. А. Кирѣевъ и Вл. С. Соловьевъ о славянофильствѣ и о свободѣ совѣсти.—Татищевъ о Бисмаркѣ.—Парламентаризмъ во Франціи.—В. П. Коховскій 858

Экономическое обозрѣніе. **Л. Н. Воронова** 877

Критика и библіографія:

Барсуковъ И. *Графъ Николай Николаевичъ Муравьевъ-Амурскій.* (Матеріалы для біографіи.) Москва, 1891. **П. В. Безобразова** 840

Марціалъ. Біографическій очеркъ графа Олсуфьева. **Д. И. Павловъ** 913

Климатическое лѣченіе вообще и наши климатолѣчебныя мѣста. Южный Берегъ Крыма и Кавказское Черноморское побережье. (Сравнительное изслѣдованіе.) Профессора Ир. П. Скворцова. Спб. 1891 г. **М. Глубоковскаго** 918

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1891 ГОДЪ

(2-й годъ изданія)

на еженедѣльный иллюстрированный журналъ

НАУКА и ЖИЗНЬ.

Содержаніе двухъ текущихъ №№:

№ 23: Русская женщина-математикъ С. В. Ковалевская (съ портретомъ).—Объ основныхъ формахъ животныхъ (съ 7 гравюрами).—Значеніе травосѣянія и его условія въ русскихъ земледѣльческихъ хозяйствахъ.—Французская выставка въ Москвѣ (съ гравюрой).—Аптечные счеты (съ чертежомъ).—Врачебно-гигіеническія новости и совѣты.—Новости по сельскому хозяйству, домоводству и проч. (съ гравюрой).—Разныя извѣстія.—Новыя книги.—Задачи: 1) алгебраическая, 2) шахматная.—Рѣшенія задачъ.—Объявленія.

№ 24: Безопасная спиртовая лампа (съ гравюрой).—О сожиганіи труповъ.—Объ основныхъ формахъ животныхъ (съ 8 гравюрами).—Значеніе травосѣянія и его условія въ русскихъ земледѣльческихъ хозяйствахъ.—О роли хлорофилла въ растительномъ царствѣ.—Французская выставка въ Москвѣ (съ гравюрой).—Новыя изслѣдованія о рыбномъ ядѣ.—Врачебно-гигіеническія новости и совѣты.—Новости по сельскому хозяйству, домоводству и проч.—Разныя извѣстія.—Задачи: 1) алгебраическая, 2) шахматная.—Рѣшенія задачъ (съ чертежомъ).—Объявленія.

Опредѣленіемъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія журналъ *Наука и Жизнь одобренъ* „для ученическихъ (старшаго возраста) библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній“ сего Министерства.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ И ДОСТАВКОЙ:

НА ГОДЪ: 5 рублей и НА ПОЛГОДА 3 рубля.

Есть полные экземпляры за 1890 годъ.

Для ознакомленія отдѣльные №№ высылаются за **три** семикопѣечныя почтовыя марки.

Адресъ редакціи: Москва, Малая Дмитровка, д. Шильдбахъ.

Редакторъ-издатель **Dr. М. Глубоковскій.**

О ПОДПИСКѢ НА 1891 ГОДЪ

НА

литературно-политическій и научный журналъ

РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ выходитъ безъ предварительной цензуры, 15 числа каждаго мѣсяца, книжками по тридцати листовъ, по слѣдующей программѣ: 1) **Изящная словесность:** оригинальные и переводные романы, повѣсти, разсказы, драматическія произведенія, стихотворенія и т. д. 2) **Науки**: философія, исторія, естествознаніе, военныя науки и проч. 3) **Обозрѣніе:** внутреннее, экономическое и иностранное. 4) **Хроника:** литературная, научная, музыкальная, театральная и художественная. 5) **Критика,** библіографія. 6) **Корреспонденціи**.

БЛИЖАЙШЕЕ УЧАСТІЕ ПРИНИМАЮТЪ:

Въ литературномъ отдѣлѣ: **А. Н. Апухтинъ, Н. Д. Ахшарумовъ, кн. М. Н. Волконскій, П. И. Вейнбергъ, И. А. Гончаровъ, В. П. Желиховская, В. П. Клюшниковъ, М. В. Крестовская, Котъ-Мурлыка, гр. А. А. Кутузовъ, К. Н. Леонтьевъ, Н. С. Лѣсковъ, К. Орловскій, Я. П. Полонскій, гр. Е. А. Саліасъ, А. А. Смирновъ, Д. И. Стахѣевъ. А. Стернъ, А. А. Фетъ, А. П. Чеховъ, П. П. Шатохинъ, І. І. Ясинскій (Максимъ Бѣлинскій)** и др.

Въ научно-политическомъ отдѣлѣ: **П. В. Безобразовъ, Л. Б. Бертенсонъ, А. А. Борзенко, Ѳ. И. Буслаевъ, Н. П. Вагнеръ, С. Васильевъ, А. Н. Веселовскій, А. И. Воейковъ Л. Н. Вороновъ, Н. М. Горбовъ, В. А. Грингмутъ, Н. Я. Гротъ, И. И. Дубасовъ. Н. А. Звѣревъ, Н. Ю. Зографъ, гр. П. А. Капнистъ, Н. Д. Кашкинъ, А. И. Кирпичниковъ. А. А. Кирѣевъ, Д. А. Коропчевскій, Г. А. Ларошъ, Н. А. Любимовъ, Л. Н. Майковъ, Е. Л. Марковъ, А. И. Незеленовъ, Э. Л. Радловъ, С. А. Рачинскій, В. И. Сафоновъ, В. В. Святловскій, Вл. С. Соловьевъ, М. П. Соловьевъ, Н. Н. Страховъ** и др.

ИНОСТРАННЫЕ СОТРУДНИКИ:

Бретъ-Гартъ (Bret-Harte), **П. Бурже** (Paul Bourget), **М. де-Вогюэ** (Melchior de-Vogüé), **Г. Вельшингеръ** (Henri Welschinger), **Г. Аликсъ** (Gabriel Alix) **П. Леруа-Больэ** (Paul Leroy-Beaulieu) **Э. Гартманъ** (Eduard von Hartmann), **Г. Джемсъ** (Henry James), **Ж. Симонъ** (Jules Simon), **В. Стэдъ** (William Stead) и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На полгода.
Безъ доставки и пересылки	15 р. 50 к.	8 р. — к.
Съ доставкой въ Москвѣ	16 „ — „	8 „ 50 „
Съ пересылкой иногородныхъ ..	17 „ — „	9 „ — „

Подписка принимается въ конторѣ журнала: **Москва, Тверской бульваръ, домъ Зыкова, № 46,** въ книжныхъ магазинахъ: *Новаго Времени*, Вольфа, Оглоблина (въ Кіевѣ), въ конторѣ Н. Печковской и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Для подписывающихся въ конторѣ журнала допускается разсрочка.

При перемѣнѣ адреса городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., а иногородные, переходя въ городскіе—40 коп.

Заявленія о неисправности доставки сообщаются въ редакцію журнала не позже, какъ по полученіи слѣдующей книги.

Издатель Н. Боборыкинъ. **Редакторъ князь Д. Цертелевъ.**

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 104402034